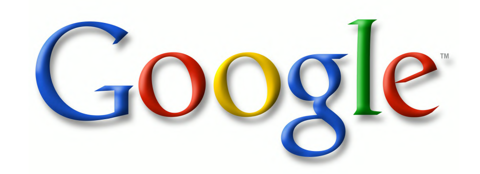


ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXIV. — ТОМЪ CCCLXXX. — 1/14 НОЯБРЯ 1900.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

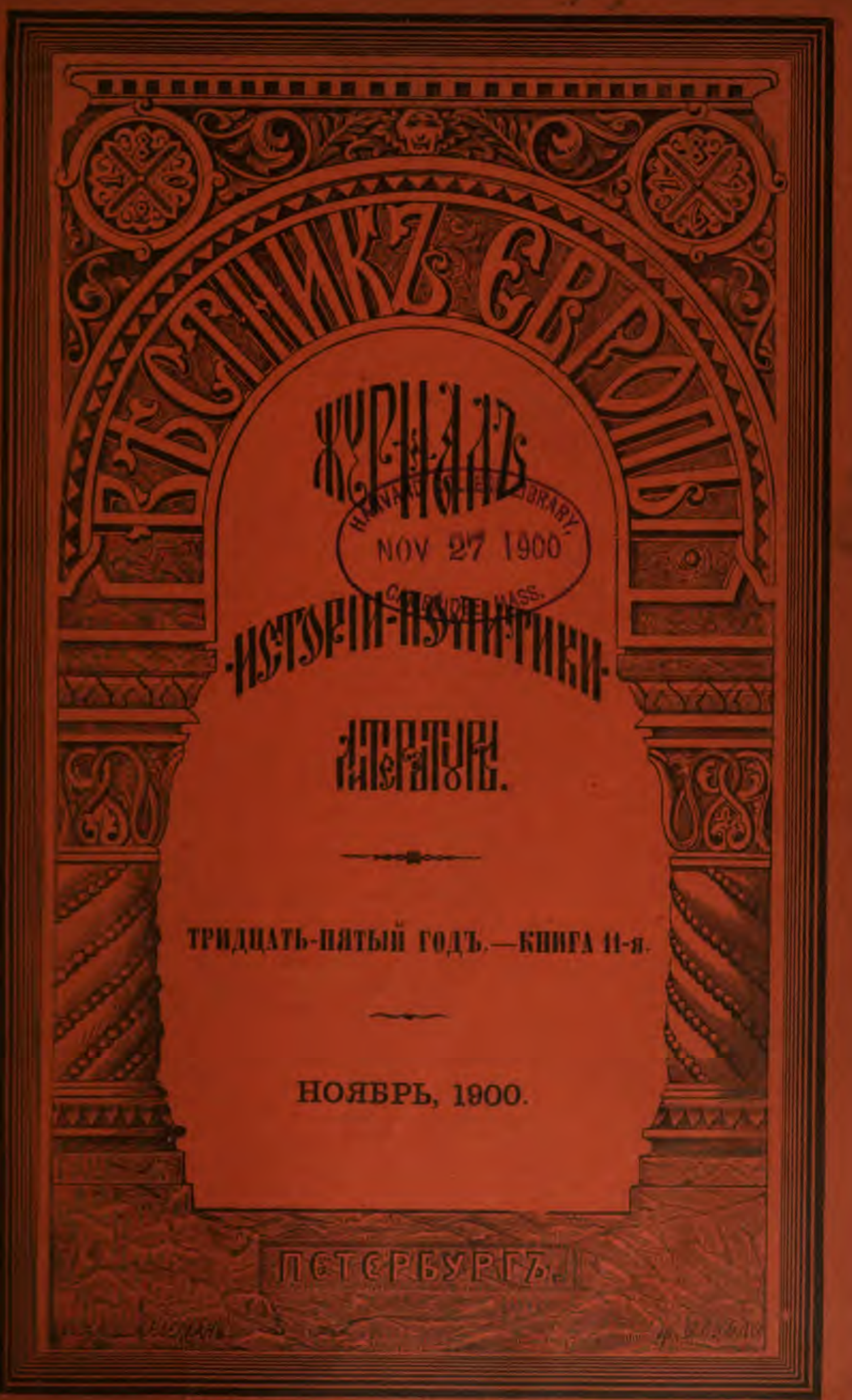
Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ. № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1900

2973

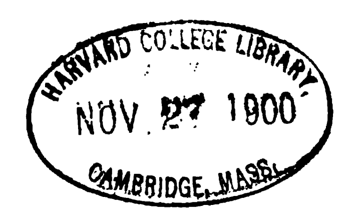


Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1900.

☞ Подписка на годъ, полугодіе и послѣднюю четверть 1900 года. ☜
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)



ИЗЪ-ЗА „ЛЮБВИ“

РАЗСКАЗЪ.

I.

...Итакъ,—я удовлетворила капризу сердца. Воспоминанія дѣтства притянули меня сюда сильно и властно. Память моей дѣтской души преобразила этотъ чуждый, странный, полу-очаровательный, полу-отталкивающій уголокъ міра въ нѣчто такъ несравненно и такъ захватывающе мнѣ дорогое, какъ для другихъ людей клочокъ отечественной и родной земли... Люблю, конечно, и я свою родину горячо, сознательно и глубоко; но какое-то невольное влеченіе, какая-то кошачья привязанность къ мѣстамъ, гдѣ промелькнула свѣтлая зорька моей жизни, привлекли меня сюда съ неудержимою силой передъ моимъ страннымъ... о, да! страннымъ, какъ говорятъ, отъѣздомъ. Мнѣ не съ кѣмъ было прощаться—и я распрощалась, по крайней мѣрѣ, съ мѣстомъ, гдѣ нѣкогда жили тѣ люди, съ которыми я бы теперь прощалась... И еслибы я была способна къ какимъ-нибудь мистическимъ догадкамъ, я бы подумала, что страстный полетъ души моей съ дальняго сѣвера на этотъ чужеземный [illegible]скій югъ—былъ только безсознательнымъ послушаніемъ [illegible]янной, неземной волѣ: я должна явиться на свиданіе съ [illegible] моими возлюбленными, туда, гдѣ въ воздухѣ расплылась [illegible]ъ и кровь, гдѣ расплылись въ эѳирѣ ихъ трепетныя [illegible]дѣ заалѣло на мигъ мимолетное счастье мое...

[illegible]ствую, что приближаюсь къ безумію, давъ волю сво[illegible]ямъ и чувствамъ, но въ этихъ фантастическихъ меч-

тахъ я нахожу такой чудный призракъ блаженства, неопредѣленнаго, но трогательнаго наслажденія, что не рѣшаюсь разстаться съ ними... Сейчасъ ужъ все это исчезнетъ само собой. Разсѣется, исчезнетъ... какъ бѣлый снѣгъ лепестковъ, рѣющій въ этихъ прибрежныхъ садахъ. Я слышу ужъ знойный запахъ свѣжей масляной краски на пароходѣ...

Здѣсь, между тѣмъ, все кажется такимъ же, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ—здѣсь, въ этомъ уголку... Да, въ этомъ только, не особенно, впрочемъ, тѣсномъ уголку, а не тамъ—въ разросшемся, разбогатѣвшемъ городѣ на крутомъ берегу. Тотъ же самый прекрасный миражъ безбрежнаго южнаго моря, хотя море это—жалкая лужа въ сравненіи съ настоящими морями. Тѣ же великолѣпные античные профили. Удивительно, въ какой незапятнанной чистотѣ—блистаютъ здѣсь доселѣ дивныя черты Зевсовъ и Антиноевъ,—на этомъ рынкѣ крикливомъ и вульгарномъ, среди золотыхъ холмиковъ пахучихъ апельсиновъ... и вѣнковъ стараго лука; среди розовыхъ и бѣлыхъ акацій, изливающихъ ароматы, какъ сказочные фонтаны... и разростающихся съ тропическимъ нахальствомъ кустовъ дурмана съ отвратительнымъ запахомъ—бѣлыхъ бокаловъ-цвѣтовъ! Чудный и отталкивающій запахъ въ безпрерывной борьбѣ: фрукты, цвѣты и свѣжесть волнъ морскихъ—дурманъ и лукъ, и вяленая рыба. Классическіе красавцы, выродившіеся сыны великой Эллады—нынѣ мелкіе торгаши, какъ мелко ихъ море въ сравненіи съ Понтомъ Эвксиномъ. Ихъ здѣсь болѣе всѣхъ, въ этомъ юго-восточномъ хаосѣ народностей, хотя и раздаются поминутно то горловые звуки Арменіи и Грузіи, то дивная, какъ пѣснопѣніе неба, рѣчь итальянца, божественная даже въ этихъ устахъ, овлажненныхъ спиртомъ,—смуглыхъ матросовъ. Вхожу на палубу, вся еще погруженная въ незабвенное прошлое, вглядѣвшись въ небеса, распростертыя нѣкогда надъ нимъ... въ волны, шумѣвшія тогда такъ же заманчиво и сладко... въ землю, разостланную въ тѣ дни подъ нашими ногами...

И вотъ—я отправляюсь въ путь... къ моей безднѣ. Быть можетъ, я найду, наконецъ, то, чего ищу вездѣ и безпрестанно, о чемъ я изнываю ужъ столько тягостныхъ лѣтъ. Да приведетъ же меня эта Дантовская тропа къ желанной цѣли, подобно Орфею, находящему Эвридику!..

Раньше мнѣ всегда представлялась сѣро-оловянная пустыня, окруженная еще болѣе сѣрой, еще болѣе оловянной пустыней моря.

Цѣльная, убійственно печальная картина. И я убѣждаюсь теперь, что дѣйствительность очень недурно соотвѣтствуетъ этому образу, въ особенности нынче, осенью. Говорятъ, впрочемъ, что и здѣсь попадаются иные зимніе дни, сверкающіе, какъ ледъ на солнцѣ,—лѣтомъ же такіе, какъ на сѣверѣ нашей Европы. Не такъ только я представляла себѣ океаническія волны. Онѣ гигантски-велики, чрезвычайно мрачны и ранятъ непривычный взоръ острыми бѣлыми хребтами, какъ острые, игольчатые хребты нѣкоторыхъ здѣшнихъ рыбъ—ранятъ неосторожныя руки.

Но жизнь зато полна — и какъ еще полна! Она такъ меня отрываетъ отъ самой себя, какъ я этого жаждала, стремясь сюда. Странно, что здѣсь вполнѣ удовлетворительная больница, шаблонная европейская больница, со всѣми усовершенствованіями. Отсюда даже понятно, почему этотъ „пріютъ“ кажется раемъ земнымъ своимъ необыкновеннымъ паціентамъ: бо̀льшая часть ихъ вступаетъ сюда прямо изъ ада... Я же со своей стороны преисполняюсь каждый разъ большимъ, хотя и грустнымъ удовлетвореніемъ, когда это зданіе становится тихимъ преддверіемъ къ вѣчному спокойствію. Для большинства этихъ преступныхъ страдальцевъ гораздо желательнѣе мирная смерть, чѣмъ то, что̀ называется ихъ нынѣшнею „жизнью“.

II.

„J'ai la fureur d'aimer n'importe qui, n'importe quel, n'importe où, n'importe quoi“... такъ говоритъ Верлэнъ. Я же могла бы сказать: J'ai la fureur d'être aimée, n'importe de qui, n'importe de quel, n'importe où, n'importe pourquoi!.. Эта страстная жажда любви, теплыхъ сердецъ, склоняющихся ко мнѣ, изгнала меня изъ границъ нормальной жизни, въ которыхъ вращаются подобные мнѣ люди. Тамъ же, гдѣ прозябала я до тѣхъ поръ, я вѣчно принуждена была таиться въ глубокомъ муракѣ, холодѣ и забвеніи—всегда лишь на послѣднемъ планѣ, благодаря моимъ внѣшнимъ и внутреннимъ особенностямъ. А между тѣмъ, мое безграничное самолюбіе протестовало противъ такого порядка вещей. Непреоборимое желаніе чьего-либо участія, любви, нѣжности, ласки—пожирало меня, лишало силъ влачить такую жалкую жизнь. Но за что же, наконецъ, могло бы снизойти ко мнѣ высокое блаженство человѣческой любви,—это чудное солнце рая надъ мрачной, темной землей? Меня не ослѣпляли до такой степени мои „добродѣтели“ и мои „прелести“, чтобы я не могла

критически отнестись къ себѣ. Некрасивая, даже отталкивающая внѣшность, вѣчно раздраженный эгоизмъ, высокомѣрная скрытность, ненависть, равнодушіе и даже отвращеніе къ людямъ за то лишь только, что они не раскрывали предо мной восторженныхъ объятій,—все это не могло же привлечь ко мнѣ ни дружбы, ни любви, ни даже скромнаго участія! Я не трудилась, впрочемъ, никогда надъ пріобрѣтеніемъ хотя единаго любящаго сердца, такъ какъ мнѣ постоянно казалось, съ ревнивою, преувеличенною, быть можетъ, подозрительностью, что самыя тяжелыя усилія и жертвы съ моей стороны сдунетъ безслѣдно одинъ блестящій взглядъ красивыхъ глазъ, одна лишь привлекательная улыбка, изящное движеніе или ничтожная услуга... Вкусивъ подобную горечь много разъ, я вся замерзла наружу, горя внутри мучительной тоской по рѣдкомъ счастьѣ чьей-либо преданности, симпатіи — если ужъ не... царственно-недоступной любви. И, наконецъ, я пришла къ убѣжденію, что только въ исключительныхъ условіяхъ могу добиться цѣли моихъ стремленій—въ обыкновенныхъ же ничто меня не выдвинетъ изъ тѣни униженія къ излюбленному теплу и свѣту... Были минуты, когда я пала бы ницъ передъ любовью, хотя бы мнѣ суждено быть послѣднею изъ нищихъ. Но любви не было—и я, высокомѣрная, холодная,—задыхалась въ ужасной пустотѣ равнодушныхъ сердецъ, съ поднятой гордо головой, точно блистала на ней ледяная корона. Въ безумныхъ поискахъ какихъ-то странныхъ міровъ, гдѣ притаилось желанное сокровище, какъ рѣдкій цвѣтъ папоротника, я бросилась сюда...

Нынѣ, на этомъ краю свѣта, окружаютъ меня люди еще болѣе униженные, чѣмъ я въ недавнемъ прошломъ, жаждущіе искры сочувствія и милосердія, какъ я недавно жаждала искры любви. И я повергну къ ихъ стопамъ цѣлую сокровищницу этихъ алмазныхъ искръ—и разожгу отвѣтное пламя въ ихъ каменныхъ и тигровыхъ сердцахъ, чудное пламя признательной любви! Мало печали—откуда выцвѣтетъ оно,—лишь бы цвѣло пурпурнымъ, жаркимъ блескомъ. Лишь бы меня озаряло и грѣло!

III.

О, да! Я это предчувствовала,—я угадала! Изъ темной пропасти-пещеры явилась мнѣ лучезарная любовь. Несомнѣнно, неопровержимо. Правда, что это—продажная любовь, купленная за богатыя даянія мои. Но будьте вы благословляемы тысячу разъ—

вы, пожелавшіе продать мнѣ ее, согрѣть въ ея теплыхъ объятіяхъ мою наболѣвшую душу! Я жаждала какой бы то ни было любви за какую бы то ни было цѣну, и вотъ она—моя, мое заколдованное сокровище, мой чудный цвѣтъ папоротника! Извергается эта странная любовь энтузіастическимъ, внезапно вспыхивающимъ пламенемъ. Но этотъ жертвенный костеръ пылаетъ безпрестанно, поддерживаемый чередующимися, но всегда обильнымъ матеріаломъ. Одни умираютъ, другіе уходятъ, гремя цѣпями;—третьи же появляются вслѣдъ за ними, чтобы... узнавать меня,—любить, любить меня!..

„За богатыя даянія мои“. О, да! они богаты. Самопожертвованіе мое безмѣрно. Я такъ ухаживаю за ними, я такъ имъ предаюсь, какъ могъ бы только предаваться рожденный въ благороднѣйшемъ воображеніи мудрый и безгранично добрый ангелъ. А между тѣмъ я очень далека отъ настоящаго милосердія, отъ безкорыстной жертвы. Я упиваюсь съ наслажденіемъ ихъ пламенною благодарностью, ихъ рабски восторженными взглядами и рѣчами... даже угасающимъ на моемъ лицѣ взоромъ отходящаго... Часто взоръ такой угасаетъ—и часто отходятъ они. А я... „святая сестра Анна“ (!) ликую даже и тогда, когда иные изъ нихъ умоляютъ оставить ихъ здѣсь еще,—хоть не надолго, уводимые изъ своего „рая“ и отъ своего „ангела“. Грудь моя наполняется тогда новымъ, свѣжимъ, могущественнымъ блаженствомъ. *Я* творю эти чудеса... Обо *мнѣ* такъ жалѣютъ, по *мнѣ* такъ тоскуютъ!

Иногда, впрочемъ, и изъ моихъ китайскихъ „зеницъ“ скатится градъ теплыхъ слезъ. Но, увы! углубившись въ ихъ источникъ, я вижу, что онъ мутенъ: я плачу, потому что мнѣ жаль того, кто обо мнѣ плачетъ. Еслибы я увидала его плачущимъ о комъ-нибудь другомъ, не менѣе меня достойномъ этихъ слезъ, быть можетъ глухой, ревнивый гнѣвъ заклокоталъ бы въ моей груди... О, „ангелъ“! душа твоя блистаетъ такими же китайскими глазами, такой же стройностью стана, такой же несравненной красотой, какъ и тѣло, въ которомъ ты обитаешь! Однакоже къ этому монгольскому отродью, къ сухой, приземистой фигурѣ—льнутъ взгляды, полные ожиданія, мольбы и благодарности. Для нихъ безобразное созданіе олицетворяетъ всѣ надежды,—короткіе часы покоя и краденаго счастья. Да, это—несомнѣнная правда. И я погружаюсь въ новую, желанную атмосферу съ такимъ же наслажденіемъ, какъ нѣкогда въ душистыя, теплыя волны моего милаго... лже-моря, въ тѣ золотые вечера — шестилѣтняя, счастливая, балованная малютка.

Одна только мысль начинаетъ смущать меня. Мнѣ кажется, что мои силы, мое желѣзное здоровье—колеблются. Но я не позволю, я не позволю побѣдить себя. Я постараюсь поддерживать неусыпно и укрѣплять свой организмъ. Прочь отъ моего счастья! Я не дамъ вырвать изъ моихъ рукъ сокровища, найденныя въ этомъ аду, изъ котораго я создала себѣ рай земной. Я ихъ не выпущу изъ рукъ, хотя бы цѣлые легіоны карающихъ ангеловъ съ огненными мечами гнали меня отсюда за лицемѣріе и хитрость!.. Какъ бы то ни было,—я плачу̀ за нихъ щедро, по-царски.

Я ревнива и жадна. Я работаю за двоихъ, за троихъ, просиживаю безсонныя ночи. Докторъ Армеръ говоритъ, что я совершаю чудеса устойчивости и терпѣнія. Зато онъ раздражается и ропщетъ.

— Вы потворствуете безобразію этихъ бабъ-сидѣлокъ. Онѣ сваливаютъ всю тяжесть ночного бодрствованія на ваши усталыя плечи. Дошло ужъ до того, что если разбудить неожиданно одну изъ этихъ тварей для какой-нибудь необходимой услуги, она чуть не кусается,—до того вы ихъ распустили. Та̀къ вѣдь продолжаться не можетъ—природа возьметъ свое. Вы погубите себя, лишая насъ всего того, что̀ вы намъ даете.

Добрякъ пожаловался даже на меня старшему доктору,—и вотъ мнѣ приказано оффиціально провести сегодняшнюю ночь въ моей комнатѣ.

Я проспала сладко и крѣпко до самаго утра. Зато, проснувшись, я испытала большую горечь. Скончался одинъ изъ тѣхъ, которому мое присутствіе такъ облегчало страданія. Когда мнѣ разсказали, что онъ упорно звалъ меня передъ смертью, я рѣзко упрекнула Армера въ его деспотическомъ поступкѣ. Онъ мнѣ отвѣтилъ со спокойной улыбкой людей его призванія, столь отталкивающей, особенно у молодыхъ врачей:

— Вы же должны привыкать къ такимъ обыкновеннымъ случаямъ...

IV.

— Не поддержать ли вамъ голову? Протяните же ноги нѣсколько посвободнѣе—кровать достаточно длинна. Право же, вы должны мнѣ позволить приподнять подушки... у васъ голова совсѣмъ свисла. Выпейте ложку вина... это васъ укрѣпитъ,—вы страшно ослабѣли.

— Благодарю васъ... мнѣ очень хорошо... мнѣ ничего не надо,—шепчетъ онъ едва слышно.

Горько смотрѣть на него. Боже мой! что мнѣ съ нимъ дѣлать? Я не могу предложить этому страдальцу простѣйшей медицинской услуги, не могу къ нему обратиться съ самымъ обыкновеннымъ вопросомъ. Онъ каждый разъ закрываетъ глаза, чтобы скрыть слезы. Какая-то экстатическая чувствительность... Онъ плачетъ, весь какъ-то ёжится и дрожитъ всѣмъ тѣломъ. Странныя проявленія утонченности чувствъ у человѣка, который убилъ свою жену, ея возлюбленнаго и горничную, пытавшуюся помѣшать преступленію. Убилъ онъ, впрочемъ, въ порывѣ, въ неожиданномъ, внезапномъ припадкѣ отчаянія и бѣшенства. Онъ любилъ слишкомъ страстно и вѣрилъ слишкомъ глубоко.

Какіе у насъ нынче замѣчательные паціенты—нѣсколько человѣкъ за-разъ! Я до сихъ поръ не могу къ нимъ привыкнуть, и каждый разъ содрагаюсь отъ отвращенія, подходя къ нимъ, или же трепещу отъ состраданія.

Тихій, подавленный страдалецъ пересталъ уже стѣсняться и скрывать свои слезы—тифъ овладѣваетъ имъ съ жестокою силой. Сегодня онъ уже въ безсознательномъ состояніи. Ночью онъ бредилъ о самыхъ обыденныхъ дѣлахъ изъ своего прошлаго, точно больной филистеръ въ своемъ комфортабельномъ домѣ, при самомъ тщательномъ уходѣ.

Онъ даже обращался къ женѣ:

— Манечка, свѣтикъ мой, дай чего попить—голова страшно разболѣлась.

Онъ поймалъ руку „Манечки“ и поцѣловалъ ее, когда я ему подавала питье. И вслѣдъ за тѣмъ сказалъ:

— Лягъ же, милая, ты совсѣмъ уморишься—это все пустяки, —все скоро пройдетъ.

Я полагаю, что было бы лучше всего, еслибы все „для него прошло“ на самомъ дѣлѣ, навсегда. Я такъ его жалѣю!

Одновременно съ нимъ лежитъ у насъ другой преступникъ, такой отталкивающій и страшный злодѣй, какого я еще здѣсь не видала. Это—утонченный, жестокій палачъ конокрадовъ. Его дѣянія были ужасны и безпримѣрны. Онъ упалъ съ лѣсовъ при постройкѣ казенныхъ зданій и получилъ серьезныя поврежденія. Когда ему дѣлали перевязку, должно быть не особенно осторожно и, деликатно,—онъ просто обезумѣлъ отъ бѣшенства и боли, и оттолкнувъ всѣхъ отъ себя, грозился выбить зубы каждому, кто подойдетъ къ нему. Докторъ велѣлъ его держать и перевязывать дальше. Началась отвратительная борьба, дикіе

вопли боли... Тогда ужъ я не могла выдержать. Я бросилась впередъ и вмѣшалась въ гадкую сцену. Я попросила, чтобы мнѣ дали время убѣдить этого человѣка, а затѣмъ позволили мнѣ сдѣлать перевязку съ помощью фельдшера. Докторъ пожалъ плечами, неохотно кивнулъ головою въ знакъ согласія и ушелъ къ другимъ больнымъ.

Съ жалостью, вполнѣ рефлективною, полною отвращенія, я подходила къ этому субъекту, поразившему меня съ перваго взгляда необычайно гордымъ и даже презрительнымъ выраженіемъ лица. По какому праву, на какомъ основаніи, хотѣла бы я знать, ты, несравненное чудовище жестокости, на видъ — несчастная, но полная патріархальнаго достоинства жертва несправедливости?! Я объяснила ему сухо, но по возможности логично и старательно, необходимость покориться медицинскимъ требованіямъ— и предложила ему приступить къ перевязкѣ, обѣщая сдѣлать ее какъ можно деликатнѣе и осторожнѣе.

— Вы, должно быть, прославленная сестра Анна? — спросилъ онъ съ полу-болѣзненной, полу-насмѣшливой гримасой:— хочется вамъ до смерти царствія небеснаго? Много я наслышанъ про васъ отъ этихъ душегубовъ-разбойниковъ. Удивительная, право, охота пачкаться съ этою дрянью! Можно вѣдь и инымъ путемъ обрѣсти вѣчное блаженство—есть и почище работа!

Онъ иронически усмѣхнулся и величаво-повелительнымъ жестомъ пригласилъ меня начать дѣло.

Негодованіе забушевало въ моей груди, но я поборола себя и молча, съ мрачнымъ выраженіемъ лица, принялась за перевязку. Но когда я покончила съ ней, съ обычною осторожностью и ловкостью, я не могла удержаться, чтобы не сказать ему рѣзко:

— Какъ это вы смѣете такъ строго судить людей, вамъ же подобныхъ? Вы, пожалуй, хуже ихъ всѣхъ!

Внезапное удивленіе отразилось на лицѣ злодѣя, но лишь на одинъ мигъ. Затѣмъ онъ небрежно махнулъ рукой и сказалъ какъ бы про себя:

— Все то же, что и на томъ пресловутомъ судѣ!

Потомъ онъ вдругъ оживился, какъ будто вспомнивъ о чемъ-то, и вспыльчиво воскликнулъ:

— Однако тѣ же каторжные, которые, по-вашему, лучше меня, удивляются, что меня вмѣстѣ съ ними спровадили сюда! Да и солдаты, и сторожа, и не одинъ тюремный надзиратель! Пусть это будетъ, по-вашему, грѣхъ, — да вѣдь грѣхъ грѣху

—рознь! Можно ли за то, что воровъ наказали, въ вѣчную каторгу упрятать человѣка! И года тюрьмы довольно изъ-за нихъ, подлыхъ тварей!

Раздражаясь все болѣе и болѣе, онъ началъ просто кричать:

— А вамъ, больничнымъ бабамъ, какое дѣло? Не суйте всюду вашего носа, коли ничего не смыслите! Пачкайтесь со своими дурацкими лекарствами и прислуживайте головорѣзамъ,—вотъ что̀!

Фельдшеръ счелъ своимъ долгомъ заступиться за меня. Онъ погрозилъ ссыльному строгимъ наказаніемъ за его дерзости. Тогда я сказала съ напускнымъ равнодушіемъ:

— Оставьте его въ покоѣ. Вѣдь этотъ человѣкъ не въ состояніи оскорбить меня.

„Линчистъ“ взглянулъ на меня съ удивленіемъ, повидимому, не понявъ значенія моихъ словъ.

Но... но вѣдь я... Внезапная радость устремляется въ сердце мое. Мнѣ кажется въ эту минуту, что безобразный монгольскій „ангелъ“ начинаетъ нѣсколько преображаться къ лучшему, становится нѣсколько безкорыстнѣе и благороднѣе. Я вѣдь ухаживаю за этимъ ужаснымъ человѣкомъ совершенно „безплатно“. Онъ относится ко мнѣ въ высшей степени небрежно—и я еще не прочла въ его глазахъ ни тѣни благодарности,—въ глазахъ, которые спокойно взирали на страшное дѣло его рукъ... Однакоже, —долой гордость, долой тщеславіе! Я не только не должна этимъ кичиться, но не должна даже сознавать такого совершенствованія. Не даромъ говоритъ Ларошфуко, что признаваемая въ себѣ добродѣтель—перестаетъ быть добродѣтелью.

V.

Среди тѣхъ необыкновенныхъ паціентовъ, о которыхъ мы печемся вмѣстѣ съ Армеромъ, поддерживая товарищески другъ друга (какъ много значитъ въ нашихъ условіяхъ общеніе съ интеллигентнымъ и хорошимъ человѣкомъ!), находится совсѣмъ невинный на видъ, розощекій, дѣтски-юный блондинъ не болѣе двадцати-двухъ лѣтъ. Я не спрашиваю—за что̀ онъ сосланъ сюда, чтобы не чувствовать къ нему такого же отвращенія и страха, какъ ко всѣмъ тѣмъ, о чьихъ дѣлахъ я случайно провѣдала. Однакоже, онъ, вѣроятно, одинъ изъ самыхъ блестящихъ „раннихъ“, несмотря на свою юность, судя по отношенію къ нему караульныхъ и властей.

Единственный нашъ больной, къ которому я подхожу съ искреннимъ участіемъ и безъ всякой примѣси отвращенія и ужаса—это несчастный И—нъ, нѣкогда художникъ-скульпторъ. Его первыя произведенія, отличавшіяся выдающимся талантомъ, обратили на себя вниманіе критики. Армеръ разсказалъ мнѣ его исторію, но я, помнится, читала объ его дѣлѣ два года тому назадъ. Безумный, необузданный порывъ безгранично-любившаго и слѣпо довѣрявшаго человѣка. Самые выдающіеся адвокаты предлагали себя въ его защитники, но онъ отказался принять какую бы то ни было защиту и съ негодованіемъ отвергъ свидѣтельство психіатровъ о временномъ умственномъ помраченіи. Онъ самъ требовалъ строжайшаго приговора.

По мнѣнію врачей, переломъ его болѣзни долженъ наступить нынѣшнею ночью. Я безпрестанно думаю о немъ и о томъ также, какъ поверхностно, формально и ошибочно наше понятіе о собственномъ долгѣ и о благѣ ближняго... Не лучше ли намъ, напримѣръ, стремиться лишь къ облегченію смерти истерзанному муками совѣсти несчастливцу, чѣмъ къ спасенію, во что бы то ни стало, его многострадальной жизни? Выздоровленіе, даже возвращеніе сознанія, далеко не осчастливитъ его. Наоборотъ,—ему покажется еще безотраднѣе жалкая будущность. Съ тѣхъ поръ какъ онъ потерялъ сознаніе, къ нему иногда возвращается давно уже неизвѣданное и навсегда утраченное душевное спокойствіе. Въ бреду онъ только вспоминаетъ свѣтлые минувшіе дни, свое прошлое, предшествовавшее катастрофѣ. Онъ даже улыбается, несмотря на нестерпимую головную боль, иногда вдругъ что-то пропоетъ или продекламируетъ какую-то строфу съ чрезвычайной быстротой, точно задыхаясь. Чаще же всего онъ обращается съ трогательной лаской къ своей „Манѣ“:

— Дитя ты мое дорогое! Горлинка ты моя ненаглядная...

Болѣзнь кладетъ на это измученное чело каменную десницу командора; оно пылаетъ и блѣднѣетъ отъ этого страшнаго прикосновенія; но та же болѣзнь оставляетъ на его разбитомъ сердцѣ прохладные, врачующіе бальзамы. И на фонѣ этого страннаго, непонятнаго на первый взглядъ сліянія,—страданій плоти и отдыха души, ярко выступаетъ натура этого человѣка—искренняя, довѣрчивая и благодарная за малѣйшее одолженіе, за одну тѣнь добра...

— Манечка! ты совсѣмъ изведешься! Прилягъ же и отдохни наконецъ, умоляю тебя! Право, у меня только немножко болитъ голова—и ничего больше. Вотъ я просплюсь—и все пройдетъ.

Онъ старается приподнять голову со смущенной улыбкой и говоритъ со вздохомъ:

— Боже мой, сколько я вамъ надѣлалъ хлопотъ, сколько возни! Пожалуйста, не обращайте на меня никакого вниманія— это все пустяки, все пройдетъ само собой.

Вотъ для кого истинно имѣетъ смыслъ гамлетовское „умереть—уснуть“,—проснуться же—это тяжело умирать...

VI.

Тотъ „розовенькій блондинъ“ оправдалъ вполнѣ мои подозрѣнія, что удивительно невинная наружность сочетается въ немъ съ удивительно огромнымъ грѣхомъ. Это именно тотъ завзятый, ужасный финляндецъ, который въ темную ночь, на Балтійскомъ морѣ, на небольшомъ купеческомъ суднѣ, зарубилъ топоромъ шкипера, его помощника и трехъ матросовъ, одного за другимъ, бросая трупы въ море. Остальныхъ двое людей изъ экипажа спаслись только благодаря случайному пробужденію одного изъ нихъ, который, услышавъ вопли жертвъ, разбудилъ и позвалъ другого на помощь. Имъ удалось общими силами защититься, связать убійцу и кое-какъ доплыть на опустѣломъ суднѣ къ ближайшему порту. И этотъ извергъ въ нѣжномъ и миловидномъ тѣлѣ—не побоялся остаться одинъ-одинёшенекъ со своимъ преступленіемъ на открытомъ морѣ въ темную, осеннюю ночь—лишь бы насытить жажду безпримѣрной мести. Мстилъ же онъ только за то, что шкиперъ разругалъ его за какую-то провинность; когда же матросъ отвѣтилъ дерзостью, шкиперъ далъ ему пощечину. Вина же остальныхъ жертвъ, товарищей-матросовъ, состояла въ томъ, что они его увели насильно, по приказанію своего начальника, и заперли въ какую-то клѣть на судёнышкѣ. Найдя случайно въ своей тюрьмѣ топоръ, онъ ночью выломалъ дрянную дверцу и началъ свое кровавое дѣло.

Ужасно даже подумать: ночь, глубокій мракъ, кругомъ бурныя черныя волны—и этотъ каиновъ поплечникъ, крадущійся со змѣиной ловкостью, съ тигровой кровожадностью отъ одной жертвы къ другой!.. Теперь его лицо неподвижно и тупо; одни лишь глаза, тяжелые и мрачные, сверкаютъ иногда страннымъ огнемъ. Нѣсколько дней тому назадъ, онъ вдругъ пересталъ работать, не давая никакихъ объясненій, не отвѣчая ни слова ни на какіе разспросы. Были употреблены всевозможныя средства, даже тѣлесное наказаніе (а у него начинался тифъ!), даже го-

лодъ, но это не дѣйствовало. Онъ же не хотѣлъ сказать только двухъ словъ: „я боленъ“. Когда болѣзнь свалила его съ ногъ—дѣло выяснилось. При изслѣдованіи врачей онъ также молчитъ, какъ и прежде. Надо признаться, что ни Армеръ, ни „старшій“ не окружаютъ его особенною заботливостью. Паціентъ-то собственно не располагаетъ къ нѣжнымъ попеченіямъ о его драгоцѣнномъ здравіи. Старшій докторъ даже утверждаетъ, что для такихъ экземпляровъ слѣдовало бы сохранить смертную казнь. Армеръ же жалуется съ брезгливой гримасой, что онъ съ отвращеніемъ щупаетъ пульсъ у этого больного, и когда ему приходится приложить голову къ этой „милой“ груди, для изслѣдованія легкихъ и сердца, то онъ боится, чтобы, чего добраго, „паціентъ“ не задушилъ его...

— Надо замѣтить—изрядная же у насъ коллекція!—присовокупляетъ онъ полу-шутливо, полу-грустно.—Финляндецъ положилъ начало новому виду тифа. Мы опасаемся тяжелой эпидеміи.

VII.

Кризисъ несчастнаго скульптора наступаетъ нѣсколько позже, чѣмъ мы ожидали. Онъ—между жизнью и смертью. Температура уже достигаетъ 41°. Онъ лежитъ безъ движенія, безъ звука. Его впалые, продолговатые глаза постоянно закрыты. Армеръ не оставляетъ его ни на минуту.

Мы только-что сидѣли оба, тихіе, сосредоточенные, съ мыслью, стремящейся въ одномъ и томъ же направленіи. И мнѣ казалось, что какое-то тяжелое и раскаленное желѣзное кольцо давитъ мои виски, а сердце разростается непомѣрно въ съуженной груди. Армеръ, желая очевидно освободиться отъ гнетущаго настроенія и не спуская, однакоже, глазъ съ больного, перекидывался со мной отъ времени до времени нѣсколькими тихими фразами.

— Такъ вы полагаете, что было бы лучше, еслибы кризисъ склонился въ сторону смерти?

— Увы!—это несомнѣнно. Когда этотъ человѣкъ здоровъ, онъ, должно быть, до сумасшествія терзается воспоминаніемъ преступленія. Жизнь его протекаетъ въ обществѣ этихъ ломброзовскихъ героевъ (я указала рукой на финляндца и его товарищей) и въ непосильной работѣ. Я думаю,—нѣтъ болѣе несчастнаго между уголовными преступниками,—и если онъ до сихъ поръ не лишилъ себя жизни, такъ это оттого, что онъ счи-

таетъ свою судьбу справедливой карой, что онъ долженъ испить до дна жгучую чашу искупленія.

— Кто знаетъ —не слишкомъ ли вы его идеализируете? Физическая усталость, тяжелый трудъ и разныя каторжныя условія значительно, быть можетъ, притупили и успокоили его взволнованную совѣсть. Притомъ онъ навѣрное пришелъ ужъ къ убѣжденію, что въ эти два года онъ выстрадалъ цѣлый адъ мученій —и что вина его искуплена ими съ избыткомъ. Оно пожалуй и такъ, принявъ во вниманіе обстоятельства его дѣла. А въ такомъ случаѣ какое-нибудь неожиданное помилованіе могло бы его обрадовать не менѣе другихъ—и онъ сталъ бы заботиться о нѣкоторыхъ удобствахъ жизни и отдыхѣ на остальные годы; могла бы даже проснуться прежняя любовь къ искусству. Съ другой же стороны, подобные ему люди и даже лучше его, заброшенные сюда—не должны умирать преждевременно и потому, что они могутъ оказывать нѣкоторое нравственное вліяніе на окружающую среду.

— Нѣтъ, я не могу подняться съ вами на такую высоту гуманныхъ взглядовъ. Я слишкомъ его лично жалѣю, чтобы желать сохраненія его жизни для такой неопредѣленной, воображаемой миссіи—это только теоретическая мечта. А ваше первое предположеніе совершенно ошибочно. Онъ безпрестанно терзается этимъ убійствомъ и только и размышляетъ, что о немъ. Удивительно, что онъ не сошелъ до сихъ поръ съ ума! По этой же причинѣ онъ считалъ бы себя недостойнымъ роли апостола среди грѣшныхъ.

Ночь подвигалась впередъ; усталый Армеръ задремалъ, склонивъ голову на руки. Напряженныя струны моихъ нервовъ сдѣлались нѣсколько свободнѣе. Спокойствіе утомленія мало-по-малу взяло верхъ надо всѣмъ. Я опасалась уснуть. И вотъ, я занялась тщательнымъ измѣреніемъ температуры.

Черезъ четверть часа я разбудила Армера и сообщила ему апатично и равнодушно, что нашъ больной успѣшно перенесъ кризисъ. Жаръ началъ уменьшаться.—Итакъ, мы почти „спасли“ его—можемъ поздравить другъ друга.

VIII.

Это вѣдь просто непостижимо... удивительно! Какія странныя вещи здѣсь происходятъ, въ этомъ хаосѣ страданій и грѣха! Человѣкъ долженъ сперва умственно и нравственно переро-

диться, чтобы постигнуть этотъ темный, таинственный міръ. Долженъ вырвать съ корнемъ множество прежнихъ понятій, иногда такихъ глупо-абсолютныхъ, такихъ дѣтски-поверхностныхъ!..

Въ тигровой шкурѣ финляндца таится также „человѣкъ“— несомнѣнный, любящій и любимый человѣкъ. Я начинаю думать отнынѣ, что Шекспиръ, создавая Эдмунда въ „Лирѣ“ и Яго въ „Отелло“,—позабылъ надѣлить ихъ тою частичкой человѣческой натуры, той искрою добра, которая пробивается въ самую глубь самой чудовищной души, хотя бы эта душа была скристаллизована изъ чистѣйшаго зла. Сегодня принесли письмо къ финляндцу съ его родины — „со вложеніемъ фотографической карточки“. Я положила его въ ящикъ съ глупымъ, невольнымъ отвращеніемъ. Письмо было прислано къ намъ въ больницу; Армеръ же долженъ былъ рѣшить, можно ли дать его прочесть больному. Вотъ и младшій докторъ.

— Температура быстро повышается,—отвѣчаетъ онъ небрежно, когда я ему сказала, въ чемъ дѣло:—черезъ часа дватри онъ вѣроятно впадетъ въ безпамятство.

— Значитъ, письма нельзя давать?

— Еслибы стоило примѣнять къ этому субъекту обыкновенныя человѣческія правила, то, конечно, лучше бы отложить это на время. Письма отъ родственниковъ, изрѣдка получаемыя этими господами,—всегда ихъ нѣсколько возбуждаютъ и волнуютъ; принимая же во вниманіе нынѣшнее состояніе драгоцѣннаго здоровья его милости, такое волненіе могло бы подѣйствовать крайне неблагопріятно. Впрочемъ, нашъ милый другъ не принадлежитъ, вѣроятно, къ слишкомъ чувствительной породѣ и...

Армеръ говорилъ громче, чѣмъ слѣдовало, и я уже хотѣла его предостеречь, какъ вдругъ меня остановилъ громкій, хриплый возгласъ:

— Сестра Анна, сестра Анна!—звалъ меня нѣсколько разъ подъ-рядъ взволнованный, странный голосъ финляндца.

Онъ сидѣлъ на постели съ пылающими глазами, дрожа и хватаясь за стѣнку, чтобы не опрокинуться назадъ отъ недостатка силъ.

— Сестра Анна! Есть письмо ко мнѣ? Дайте же мнѣ его! Пожалуйста, дайте сію минуту!

Голосъ его звучалъ теперь покорностью и просьбой.

— Докторъ говоритъ, что это вамъ сильно повредитъ.

— Нѣтъ! Вы мнѣ обязаны дать мое письмо! Даже и здѣсь этого не запрещаютъ!

Въ его взглядѣ блеснуло какое-то дикое отчаяніе и злоба. Брови сдвинулись; онъ весь метался на постели.

— Ну, такъ ужъ дайте ему,—сказалъ тихо докторъ,—мы его и безъ того раздразнили, какъ нельзя больше. Онъ совсѣмъ выйдетъ изъ себя, если станемъ сопротивляться.

Я положила письмо передъ больнымъ, упрекая Армера въ душѣ въ его неосторожности. Какъ бы то ни было—это вѣдь тоже паціентъ, а это врачъ—больная плоть и цѣлящій.

Финляндецъ повернулся къ намъ спиной, хотя мы поспѣшили удалиться вглубь палаты, прислонился къ подушкѣ и сталъ читать съ большимъ усиліемъ, изнемогая отъ слабости, длинное письмо въ три листа; онъ читалъ, поглядывая безпрестанно на карточку и опять принимаясь за чтеніе съ едва приподнятой, дрожащей головой. Наконецъ,—не знаю, окончилъ ли онъ свое мучительное чтеніе, или же совсѣмъ ослабѣлъ,—но лежалъ нѣкоторое время простертый безъ малѣйшаго движенія, съ закрытыми глазами. Армеръ между тѣмъ ушелъ. Я подошла къ нему.

— Вы, кажется, въ конецъ изнемогли? Хотите холоднаго питья? Да и компрессы опять надо класть...

Онъ повернулся ко мнѣ, и я увидѣла на его лицѣ такое выраженіе, какого до сихъ поръ еще не видала: поразительно смягченное, мирное, растроганное.

— Благодарствуйте, сестра,—сказалъ онъ тихо,—мнѣ теперь очень хорошо. Вотъ, если вы хотите оказать мнѣ какую милость, такъ ужъ не откажите въ ней послѣ моей смерти. Вѣрно, придется умереть. Много тифозныхъ умираетъ, а я-то совсѣмъ плохъ. Такъ ежели я умру, и станутъ класть меня въ гробъ, покорнѣйше прошу васъ—пусть эта карточка и письмо такъ и останутся со мной. Пусть ихъ туда положатъ.

— „Финляндецъ сантименталенъ, какъ герой романтическихъ балладъ!“—сказалъ бы насмѣшливо Армеръ, еслибы былъ здѣсь.

— Отчего вы такъ думаете?—спросила я:—при васъ вѣдь докторъ, за вами ухаживаютъ какъ слѣдуетъ, вы молоды и сильны—вы можете выздоровѣть.

Онъ ничего не отвѣчалъ, только смотрѣлъ на меня нѣкоторое время. Затѣмъ онъ заговорилъ робко и тихо, съ большими перерывами, очевидно стѣсняясь, но побуждаемый вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то страстнымъ желаніемъ высказаться, сообщить нѣчто, лежавшее на его сердцѣ.

— Это письмо отъ моего брата,—его же и карточка.

Онъ вынулъ дрожащей, нетерпѣливой рукой фотографическую карточку и робко протянулъ ее мнѣ. На меня взглянуло

оттуда добродушное, простоватое лицо шестнадцати-семнадцатилѣтняго юноши.

— Онъ служитъ на пароходѣ въ Гельсингфорсѣ,—говорилъ между тѣмъ финляндецъ уже нѣсколько смѣлѣе.—Вотъ онъ меня не забываетъ—часто пишетъ—и вò какія большія письма! Тутъ написано, — онъ показалъ на заглавную строчку и произнесъ какія-то непонятныя слова: — „Мой дорогой братъ", — такъ онъ меня называетъ. Если я умру, напишите ему, пожалуйста, объ этомъ, — вотъ тутъ въ письмѣ его новый адресъ. Покорнѣйше прошу васъ, увѣдомьте его о моей смерти. Не откажите!.. Онъ и доселѣ любитъ меня... крѣпко любитъ. Онъ и на судѣ говорилъ, что я былъ его вторымъ отцомъ, что я его... всегда любилъ и помогалъ ему во всемъ... что я добрый, хотя и убійца... Простите, что я такъ вамъ надоѣдаю, но мнѣ сдается, что только вы однѣ захотите это сдѣлать,—больше тутъ некому. Вѣдь вы всѣмъ готовы сдѣлать добро; нѣтъ такого человѣка, которому бы вы отказали... а если чтò обѣщаете, такъ это ужъ вѣрно...

Онъ говорилъ тихо съ робостью и колебаніемъ, почти умоляющимъ тономъ.

— Конечно, я бы сдѣлала то, о чемъ вы просите, еслибы это оказалось необходимымъ, но повторяю вамъ, что вы слишкомъ далеки отъ предполагаемаго конца...

— Благодарю васъ, покорнѣйше благодарю васъ.

Онъ снова закрылъ глаза и повернулся къ стѣнѣ. Армеръ, услышавъ объ этомъ разговорѣ, гораздо тщательнѣе сталъ лечить этого больного. Но онъ сомнѣвается въ благополучномъ исходѣ.

IX.

Скульпторъ еще такъ слабъ, что онъ не можетъ ни повернуть головы, ни пошевелиться безъ посторонней помощи. Но глядитъ уже прямо мнѣ въ глаза съ полнымъ сознаніемъ и шепчетъ:

— Благодарю васъ.

Значитъ, и „Маня", и все его прошлое, еще чистое, еще незапятнанное прошлое, опять исчезли безслѣдно. Соскользнули цѣлительныя травы съ больного сердца—и лишь остался тотъ ужасъ, который называется его настоящею жизнью... Однакоже, несмотря на все это, ему пока хорошо. Истомленный, точно дремлющій организмъ едва воспринимаетъ жизнь, мозгъ дѣйствуетъ лишь по-

верхностно; мысль, еще лѣнивая и апатичная, прикована къ возрождающемуся тѣлу; никакихъ еще воспоминанiй, никакихъ угрызенiй. Выраженiе лица спокойное и даже какъ бы довольное. Отдыхъ въ полуснѣ, въ полузабвенiи, Иногда онъ какъ бы наслаждается тишиной, уединенiемъ, человѣческою заботливостью и уходомъ.

Вчера утромъ, когда я перемѣняла компрессъ, онъ прошепталъ:

— Уже пробило пять часовъ, а я все еще лежу и лежу— и могу долго еще лежать въ теплѣ и холѣ, на мягкой постели...

Я хорошо поняла, что̀ онъ хотѣлъ этимъ сказать. Ужасенъ этотъ зимнiй, еще глубоко-черный часъ, когда среди проклятiй „товарищей“ и стражи, бряцанiя цѣпей, пронзительнаго холода—поднимается продрогшее тѣло съ твердой постели, непривычныя же, наболѣвшiя руки принимаются за топоръ и за молотъ и начинаютъ ударять ими безконечные, ледяные, однообразные часы... Да, благодѣтели,—вы подарили ему снова „будущность“!

Сегодня онъ мнѣ сказалъ:

— У меня большая къ вамъ просьба. Я замѣчаю, что вы посвящаете мнѣ гораздо болѣе времени, чѣмъ другимъ. Это меня чрезвычайно стѣсняетъ. Я, вообще, недостоинъ ничьихъ заботъ, въ особенности же такихъ, какъ ваши. Было бы гораздо лучше, еслибы за мной какъ можно меньше ухаживали и какъ можно меньше лечили меня—и еслибы я умеръ, вѣрнѣе—околѣлъ, какъ послѣдняя собака. Я вѣдь гораздо хуже ихъ всѣхъ, этихъ стихiйныхъ убiйцъ изъ темной толпы: я былъ, по крайней мѣрѣ, поверхностно цивилизованнымъ человѣкомъ...

Онъ заметался безпокойно на постели и, продолжая свою рѣчь, избѣгалъ моего взора, то опуская глаза, то направляя ихъ въ сторону.

— Въ концѣ концовъ, чѣмъ гуманнѣе станетъ относиться ко мнѣ эта больница... чѣмъ гостепрiимнѣе и милосерднѣе окажется она, тѣмъ тяжелѣе мнѣ будетъ разставаться съ ней... Вѣдь я же, вѣроятно, выздоравливаю для наслажденiй моей жизни!..

Послѣднiя слова онъ произнесъ съ большою горечью и печалью. Я чувствовала страшную усталость послѣ стольких безсонныхъ ночей. Неожиданное обращенiе ко мнѣ несчастнаго застигло меня врасплохъ. Въ то время какъ я искала подходящаго отвѣта, онъ вдругъ взглянулъ на меня потухшими и безгранично страждущими глазами и произнесъ едва слышно:

— Еслибы я посмѣлъ, я бы поцѣловалъ вашу руку за ваше святое самопожертвованіе... но такое изъявленіе признательности запятнало бы только эту благородную руку...

— Какой преувеличенный, какой несправедливый судъ! — воскликнула я, вся вспыхнувъ.—Вы въ тысячу разъ болѣе несчастны, чѣмъ виноваты. Но перестанемте говорить обо всемъ этомъ. Вы слишкомъ волнуетесь и страшно вредите себѣ.

Замѣтивъ, что онъ странно измѣняется въ лицѣ и слабѣетъ до обморока, я бросилась къ нему, чтобы дать ему ложку вина— и въ это же мгновеніе онъ схватилъ край моего бѣлаго передника и прижалъ его къ своимъ губамъ:

— Это стирается!—прошепталъ онъ, закрывая глаза.

X.

Несмотря на добросовѣстное леченіе Армера, финляндецъ умеръ нынѣшнею ночью. Тѣмъ лучше. Лучше и для него, и для другихъ. Такіе, конечно, не должны жить на свѣтѣ. Онъ былъ какой-то тайной „адской машиной", грозящей гибелью всякому, кто неосторожно коснется ея. Горячая привязанность къ брату— это единственная лишь капля слезъ въ сравненіи съ рѣкою крови, уже пролитой имъ, и той, которую онъ снова могъ бы пролить, будь онъ живъ и свободенъ. Пишу сегодня его брату.

...Сегодня, когда я проходила черезъ смежную хирургическую палату, тотъ бѣлоруссъ, мучитель конокрадовъ—начинаетъ мнѣ вдругъ дѣлать какіе-то пріятельскіе призывные знаки съ весьма благосклонною улыбкой. Я прохожу мимо, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаю. Тогда онъ машетъ обѣими руками и громко зоветъ меня со своей обычной безцеремонностью, которая мнѣ такъ противна. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ началъ жаловать меня своею милостью — послѣ долгаго и внимательнаго наблюденія надо мной грѣшной. Не знаю ужъ — за что я удостоилась такой чести! Право, онъ слишкомъ себѣ позволяетъ. Даже капризный Армеръ признаетъ, что я держу себя какъ слѣдуетъ по отношенію къ этому индивидууму, достойному лишь грома небеснаго. Какое прекрасное могло бы быть назначеніе грома, еслибы природа была разумнѣе въ своихъ законахъ!.. О, природа! чистый источникъ наслажденія чистыхъ и возвышенныхъ душъ! Какъ тщательно отшлифовала ты и навострила тигровые когти для прекрасной, стройной антилопы и серны! Какъ широко, гостепріимно раскрыла ты для всякаго морского созданія крѣпкія

объятія осьминога!.. Какой чудесный, крупный, блестящій жемчугъ града ты щедро сыплешь на „золотую“ жатву труженика-человѣка, о, мать любвеобильная, о, „благодатная“ красавица-природа!.. Я не могу, однакожъ, упрекнуть тебя въ избыткѣ щедрости по крайней мѣрѣ здѣсь, на нашемъ „волшебномъ островкѣ“,—за исключеніемъ развѣ дивнаго неба въ свѣтлыя, ледяныя ночи... Еслибы здѣсь очутился какимъ-нибудь чудомъ древній грекъ, эллинская миѳологія обогатилась бы еще однимъ восхитительнымъ преданіемъ: „Однажды всѣ божества Олимпа примчались сюда на золотыхъ колесницахъ, звѣзднымъ путемъ, и съ любопытствомъ взглянули сверху внизъ—на неизвѣстную страну... И въ ужасѣ бѣжали они отсюда, теряя по небесной дорогѣ свои блестящія одежды и драгоцѣннѣйшіе алмазы царственныхъ діадемъ“... Могутъ же надъ такимъ уродомъ среди земель вселенной носиться такія сказочныя облака—блистать такіе перлы звѣздъ!..

Такъ вотъ, мой новый „другъ“, видя, что подмигиваніе и пріятельскіе знаки не производятъ должнаго эффекта, принимаетъ серьезное выраженіе лица и громко говоритъ:

— Остановитесь, прошу васъ, на минутку; мнѣ нужно вамъ сказать нѣсколько словъ.

Я подхожу къ нему, не скрывая своего неудовольствія.

— У васъ вѣдь здѣсь фельдшеръ и сидѣлки. Можете къ нимъ обращаться съ своими просьбами или порученіями. Я не могу для васъ сдѣлать ничего особеннаго,—да, признаться, и не чувствую ни малѣйшаго желанія.

— Я это превосходно знаю—и не думаю просить васъ ни о чемъ. Но неужто же вамъ такъ тяжело постоять тутъ минутку и сказать пару словъ въ отвѣтъ?

Въ его голосѣ ясно звучитъ упрекъ, раздраженіе — даже оскорбленная гордость.

— Мнѣ некого спросить. Въ этой проклятой больницѣ человѣка считаютъ хуже всякой собаки! Никто и слова не скажетъ. Тамъ же, на работахъ, видишь только однихъ душегубовъ—такъ кто же станетъ совѣтоваться съ ними?

— Другихъ осуждать вы мастеръ, а что же на себя-то не посмотрите?

— Эхъ, да оставьте же меня наконецъ въ покоѣ!—восклицаетъ онъ гнѣвно. — Женскій умишко далъ таки-знать себя! Развѣ вы понимаете — каково крестьянину лишиться послѣдней лошадёнки—и каково ему переживать ея кражу? Я не разбойникъ! Я былъ всегда и на всю жизнь остался честнымъ человѣкомъ, сыномъ честнѣйшихъ людей. Они точно также наказали

бы негодяевъ, какъ и я. Справедливое наказаніе—Божья кара! Испоконъ вѣка ведется у насъ такой обычай и всегда будетъ соблюдаться, хотя бы насъ тысячами ссылали.

— Ахъ, ты, ужасный человѣкъ! ахъ, извергъ! Мало тебѣ было убивать этихъ людей,—ты еще такъ долго, такъ адски терзалъ ихъ.

— Да это только въ примѣръ другимъ! — воскликнулъ онъ съ пылающими глазами.—Для нихъ годится всякое наказаніе! и чѣмъ оно страшнѣе—тѣмъ лучше. Надо же ихъ отъучить наконецъ отъ такихъ дѣлъ—и надо бить низко челомъ тому, кто ихъ разъ навсегда запугаетъ!.. Впрочемъ, я не хочу съ вами объ этомъ разговаривать,—вы тутъ ровно ничего не смыслите, какъ и тѣ всѣ господа судьи да прокуроры. Вы, вотъ, ахаете да охаете надъ всякимъ мерзавцемъ, а мы хоть издохни съ голоду! Укради онъ у насъ послѣдній кусокъ хлѣба, такъ вамъ какое дѣло?! Еще и въ каторгу сошлете.

Онъ говорилъ, дрожа отъ гнѣва, обиженный и оскорбленный до послѣднихъ предѣловъ. Онъ повторялъ по нѣскольку разъ одно и то же на своемъ мѣстномъ нарѣчіи, иногда совершенно мнѣ непонятномъ. Потомъ онъ умолкъ на мгновеніе, какъ бы успокоился на видъ и заговорилъ снова голосомъ уже значительно смягченнымъ:

— Такъ я хотѣлъ бы посовѣтоваться съ вами объ одномъ дѣлѣ... Тутъ рѣчь совсѣмъ даже не обо мнѣ. Но, видите ли, хотя по закону я лишенъ права распоряжаться судьбою моей жены и дѣтей, но они сами не лишаютъ меня этого права, и я воленъ приказать имъ сдѣлать что̀ мнѣ угодно. А я забочусь только объ ихъ благѣ; хотѣлъ бы устроить ихъ какъ можно лучше,—но вотъ и самъ не знаю, не сдѣлаю ли хуже. А вамъ такъ я довѣряю! И готовъ послушаться вашего совѣта. Я здѣсь достаточно на васъ наглядѣлся. Вы очень добры и очень разсудительны. Я такихъ еще не знавалъ отъ роду, право. Просто не могу надивиться... Я очень хорошо понимаю, что для меня-то вы ничего бы не сдѣлали,—вотъ только ухаживаете, какъ за больной собакой,—потому что я, значитъ, разбойникъ, ужаснѣйшій злодѣй! Ха, ха, ха... Но для невинныхъ, для ребятъ—это другое дѣло. Тутъ вы готовы на все. А что̀? развѣ я не съумѣлъ подступиться къ вамъ? Развѣ я не хитеръ и не ловокъ?

Разсчетъ милаго человѣка оказался совершенно ошибочнымъ. „Хитрость“ нисколько не подѣйствовала. Я сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Можетъ быть, вамъ надо написать письмо?—сказало я, желая, наконецъ, отъ него отвязаться.—Письмо къ вашимъ роднымъ? Такъ обратитесь къ фельдшеру. Мнѣ, право, некогда...

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Совсѣмъ не въ этомъ дѣло. Жена моя съ дѣтьми хотѣла ѣхать со мной, какъ многія другія жены ссыльныхъ. Но ребята еще маленькіе, путь далекій—здѣсь же холодно и тяжело. Ну, такъ я, пораздумавъ, запретилъ имъ тащиться за мной и велѣлъ оставаться при хозяйствѣ съ моимъ младшимъ братомъ. Я приговоренъ къ двадцати годамъ каторги, годъ уже прошелъ, я молодъ и здоровъ, и разсчитываю на царскія милости по разнымъ случаямъ. Быть можетъ, удастся вернуться домой еще скорѣе, чѣмъ кажется. Да вотъ тоска обуяла, тоска о ребятахъ, поѣдомъ ѣстъ и днемъ, и ночью...

Я широко раскрываю глаза и уши. Мнѣ кажется чудовищно непослѣдовательнымъ то, что̀ я знаю, слышу и вижу... Я вижу влажные глаза, вижу дрожащія руки.

— Вернешься, бывало, съ поля, возьмешь ихъ на колѣни, пощипываешь пухленькія мордочки, гладишь по бѣлымъ головкамъ, точно по бархату. И все это пищитъ, щебечетъ — точно птички на утренней зарѣ!.. А нынче! Господи, прости!.. одинъ-одинёшенекъ какъ столбъ верстовой! Кругомъ все душегубы; плечи гнутся отъ тяжелой работы... А на дворѣ лѣтомъ—чуть ли не нашъ октябрь, а зимою—десять нашихъ декабрей вкупѣ! Эхъ, жизнь! собачья жизнь... Ждалъ ли я чего подобнаго?! Да еще и помыкаютъ тобой—и считаютъ тебя послѣднимъ разбойникомъ! Дома же всякій уважалъ, все льнуло, все ласкалось! Бабёнка тоже была тихая, смирная и собиралась со мной, голубушка, въ этакую даль, въ этакое мѣсто!

Голосъ его сталъ тихъ и мягокъ, слезы посыпались градомъ изъ впалыхъ глазъ. Онъ вытеръ ихъ рукавомъ, откашлялся и, стараясь побороть себя, съ трудомъ проговорилъ:

— Такъ что̀ же вы мнѣ посовѣтуете? Не написать ли, чтобы они пріѣхали сюда? Ихъ перевезутъ почти-что даромъ. Имъ отведутъ землицы, ну и кое-какъ обзаведутся хозяйствомъ—помогаютъ вѣдь тоже... Можетъ быть, ужъ какъ-нибудь помучишься, да потрудишься, — иные ничего — привыкаютъ... Когда же кончится срокъ, то либо вернуться домой, либо перейти въ сосѣдній край—великій, богатый край, гдѣ столько требуется рукъ. Мальчишки пробьютъ себѣ дорогу—да еще и наживутся честнымъ трудомъ.

Я стояла молча въ смущеніи и нерѣшительности, не зная, что̀ ему отвѣчать. Я вдругъ почувствовала, что глупая дешевая

жалость пробуждается въ моемъ сердцѣ даже и къ этому палачу. Право, у меня не только отзывчивое сердце, но оно вопіетъ даже тамъ, гдѣ ему слѣдуетъ быть глухонѣмымъ... Но вѣдь тутъ дѣло не касается этого почтеннаго главы семейства, какъ онъ самъ справедливо замѣтилъ, но этой женщины и дѣтей. Вопросъ, на который приходилось мнѣ отвѣчать—уже издавна теоретически былъ мною разрѣшенъ по отношенію ко всѣмъ семействамъ здѣшнихъ ссыльныхъ. Слѣдовательно, отвѣтъ мой былъ готовъ. Однакоже я не рѣшалась высказать моего мнѣнія—и все еще стояла нѣмая, неподвижная, нервно кусая губы. Наконецъ, я превозмогла себя и сказала, не поднимая глазъ:

— Если ужъ вы непремѣнно хотите моего совѣта, то я должна вамъ сказать, что по-моему—вамъ не слѣдуетъ выписывать къ себѣ семью, маленькихъ, слабыхъ дѣтей; не слѣдуетъ приводить ихъ въ страну ссыльныхъ—съ жестокимъ климатомъ. Могутъ тутъ легко пропасть—и вы станете еще хуже отчаяваться... Такъ не лучше ли только тосковать объ нихъ, чѣмъ, можетъ быть, оплакивать ихъ потерю?

Онъ ничего не отвѣтилъ, только тяжело вздохнулъ и отвернулся,—казалось, совсѣмъ подавленный. Я уже готовилась уйти, какъ вдругъ онъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая удержать меня, и сказалъ:

— Да я и самъ это хорошо понимаю... Однакоже, такъ мнѣ захотѣлось повидать ихъ, пожить хоть годика два вблизи ихъ, что не дай Богъ, какъ стало тяжело! Точно огонь какой загорѣлся въ груди и все жжетъ да жжетъ.

И съ удивительной наивностью онъ протянулъ мнѣ руку на прощанье. Я невольно попятилась назадъ, вспыхнувъ до корня волосъ. Тогда онъ махнулъ рукой и улыбнулся полу-насмѣшливо, полу-снисходительно.

— Богъ съ вами! не желаете, такъ и не надо. Я не стану плакать. А за совѣтъ спасибо. Совѣтъ хорошій и разумный, спасибо отъ всего сердца!

Онъ говоритъ о сердцѣ! Да у него и есть, несомнѣнно, сердце. Какія осложненія!.. какія чудеса!..

XI.

Больные все прибываютъ, а я между тѣмъ все слабѣю да слабѣю. Сегодня мнѣ грустно до боли, невыразимо грустно; голова склоняется на грудь, сердце болѣзненно дрожитъ, ноги

гнутся подо мной. А здѣсь между тѣмъ ужасныя картины проносятся съ быстротою молніи,—но я уже не чувствую такъ живо и такъ глубоко ихъ ужаса. Все во мнѣ притупилось; влачусь отъ кровати къ кровати, усталая, равнодушная, безсильная. Волшебный цвѣтъ папоротника поблѣднѣлъ и завялъ въ моихъ опущенныхъ рукахъ... Такъ даже и въ этомъ заключалась лишь прелесть новизны!.. Какъ скоро я свыклась съ ней, какъ быстро къ ней охладѣла—среди неизвѣданнаго доселѣ блаженства, среди наслажденій милосердія и восторговъ благодарности... среди тепла и любви!.. Всему же виной лишь мое тѣло, усталое, изможденное тѣло. Я предугадываю, что вскорѣ мнѣ только останется одинъ жалкій остовъ вынужденнаго, сознательнаго долга. Обязанность! — эта простая, жёсткая трава въ сравненіи съ роскошными вѣнками любви и самоотверженія, которые такъ щедро повергались мною къ стопамъ каждаго грѣшника, освященнаго страданіемъ.

Теперь же у меня явилось лишь одно страстное желаніе: чтобы всѣ приходящіе сюда оставляли здѣсь преступныя и несчастныя души—въ тихомъ и вѣчномъ забвеніи... Прочь, окровавленные гады, со страждущей земли! Отойдите съ миромъ, вы, мученики,—къ спокойствію, къ отдохновенію, — къ блаженству или нирванѣ!.. Только здѣсь, на землѣ, можетъ быть баснословный адъ. Тамъ—или рай, или же ничто!..

Съ какимъ великимъ наслажденіемъ почила бы и я, уснула, исчезла навсегда!.. Я такъ уже слаба и тѣломъ, и душой, какъ умирающая. Бываютъ мгновенія, когда я перестаю понимать и различать, что̀ происходитъ передо мной.

Скульпторъ чувствуетъ себя съ каждымъ днемъ все лучше и лучше физически, а слѣдовательно все хуже и хуже нравственно. Я боюсь даже подойти къ нему. Моя заботливость снова смущаетъ и трогаетъ его въ высшей степени.

Сейчасъ онъ мнѣ сказалъ:

— Простите, что я васъ остановлю на минутку. Не извѣстно ли вамъ, когда можно мнѣ будетъ уйти отсюда?

— Ну, это еще не скоро! Вы слишкомъ обезсилены болѣзнью. Послѣ тифа даютъ здѣсь по крайней мѣрѣ недѣли три для укрѣпленія. Вы были бы не въ состояніи работать. Да, притомъ, тифъ вѣдь легко возвращается.

— Однакоже нѣкоторые заболѣвшіе вмѣстѣ со мной уже давно ушли. Вотъ, напримѣръ, тотъ финляндецъ, тотъ рѣдкій экземпляръ, который почти уподоблялся мнѣ по ужасу своего преступленія.

— Какія у васъ всегда параллели! Да, тотъ дѣйствительно совсѣмъ ушелъ,—онъ умеръ.

— Умеръ?! А я такъ уцѣлѣлъ, благодаря старательному леченію и „нѣжному“ уходу!.. Зачѣмъ же, для чего спасли вы меня, господа,—спасли насильно! Да, это было почти насиліе, жестокость! Зачѣмъ мнѣ жизнь?! Какова можетъ быть *моя* жизнь?

Онъ говорилъ въ страшномъ волненіи и гнѣвѣ. Я его просто не узнавала. Куда дѣвался робкій и тихій страдалецъ? Испуганная, подавленная его упреками, я стояла, не зная, что̀ сказать, что̀ сдѣлать...

Вдругъ восклицаніе испуга вырвалось изъ моей груди. Больной вскочилъ со своей кровати и простерся у моихъ ногъ съ глухимъ рыданіемъ. Я быстро подняла его, дрожа съ головы до ногъ, подвела къ постели и уложила, а затѣмъ, склонившись надъ нимъ и горя желаніемъ успокоить его, смягчить его отчаяніе, сказала съ жаромъ:

— Неужели вы думаете, что такого ужаснаго, безпримѣрнаго злодѣя, какимъ вы себя считаете, могли бы такъ глубоко жалѣть такіе люди, какъ докторъ Армеръ, напримѣръ, я... и множество другихъ, умѣющихъ различать преступленія, причины ихъ и характеръ? Неужели же мы всѣ такъ слѣпы и такъ глупы—или же такіе дурные люди? А мы васъ считаемъ только страшно несчастнымъ, только безсознательнымъ безумцемъ въ ту роковую минуту.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ безграничною благодарностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ безграничной тоской.

— „Множество другихъ“! — прошепталъ онъ. — Нѣтъ, вы ошибаетесь, вы—исключенія. А впрочемъ, мой справедливый судья и вмѣстѣ съ тѣмъ безжалостный палачъ мой—вотъ здѣсь всегда, всегда!

Онъ указалъ на свою грудь.

XII.

Я не могу больше обманывать себя. У меня осталась лишь половина прежнихъ силъ. Я могла бы еще возвратить ихъ, оставивъ больницу и отдыхая продолжительное время. Но теперь это невозможно. Больница переполнена; доктора совсѣмъ заморились; больничной прислуги уже не хватаетъ, такъ что позвали въ сидѣлки многихъ каторжныхъ женщинъ. Необходимъ кое-какой контроль и надзоръ за этимъ милымъ народомъ.

Да, быстро оно слабѣетъ, просто таетъ—это всегда безобразное, но нѣкогда такое крѣпкое и здоровое тѣло мое. Темное, худое, оно вяло повисло на обострившихся костяхъ, проваливается повсюду въ глубокія ямы... Но зато каждыя сутки я нахожу невыразимое наслажденіе въ болѣе или менѣе продолжительномъ отдыхѣ. Эти члены, точно увядшіе, точно засохшіе, впитываютъ въ себя со сладостнымъ упоеніемъ тепло и мягкость постели, блаженство сна, тишины и покоя. Какъ это грустно, что я лишаюсь силъ именно теперь, когда онѣ здѣсь такъ необходимы! Все менѣе и менѣе времени могу я посвящать уходу за больными. Случается, что иногда, ночью—я ровно ничего не понимаю, что̀ дѣлается вокругъ меня, чего хотятъ отъ меня. Мысли мои путаются, память замираетъ. Я напрягаю всю свою волю, чтобы не сдѣлать какой-нибудь роковой ошибки, давая лекарство больнымъ или же исполняя при нихъ другія услуги. Оба доктора постоянно мнѣ повторяютъ:

— Отдыхайте же, отдыхайте—пока еще не поздно!

Но они сами прекрасно знаютъ, что при такомъ разгарѣ эпидеміи—это лишь одни пустыя слова. Итакъ, мое тѣлесное истощеніе можетъ стать поперекъ дороги къ моему жалкому, искусственному счастью, созданному лишь бредомъ безумно-жаждущей души!

...Это неопредѣленное состояніе, въ которомъ я нахожусь въ настоящее время—полу-здороваго, полу-больного человѣка, становится для меня просто невыносимымъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, на работахъ, все мое вниманіе поглощаетъ тяжелый и непривычный трудъ. Стараешься справиться съ нимъ какъ-нибудь и меньше думаешь, меньше терзаешься, видишь реальную, опредѣленную цѣль передъ собой. Здѣсь же свойственныя мнѣ мысли обуреваютъ меня съ непреодолимою силой и доводятъ чуть не до безумія.

— Хотите, я вамъ принесу нѣсколько книгъ и журналовъ? Иногда я могу вамъ почитать, въ свободныя минуты, хотя, признаться, теперь ихъ у меня очень мало. Впрочемъ, читайте понемногу и сами—теперь ужъ вамъ можно.

Его глаза жадно блеснули, и на мгновеніе заискрилась въ нихъ живѣйшая радость; но они тотчасъ же погасли и покрылись тяжелыми вѣками.

— Читать я не имѣю права.

— Отчего же? Я сразу раздобуду вамъ разрѣшеніе.

— Не потому, что запрещаетъ начальство, а только потому,

что я самъ считаю себя не въ правѣ наслаждаться чтеніемъ...— сказалъ онъ едва слышно, закрывая лицо руками.

— Да сжальтесь же вы надъ собой, ради Бога! Вы уже столько перестрадали, что можете себѣ позволить хоть коротвій отдыхъ, хоть минуту забвенія послѣ такой тяжелой болѣзни. Вздохните хоть разъ полною грудью! Всякое наказаніе должно же имѣть свои границы. Развѣ вы преклоняетесь передъ догматомъ вѣчныхъ мукъ, и захотѣлось вамъ начать ихъ еще здѣсь, на землѣ?!.. Гдѣ же Христосъ, гдѣ всепрощеніе и вселюбовь?!.. Вѣдь вы дѣйствовали при томъ почти безсознательно, какъ сумасшедшій.

— О, перестаньте! вы оскорбляете тѣ жертвы!..

Видя, что я невольно коснулась раскрытой раны, я замолчала и отошла отъ его кровати.

Такъ онъ отталкиваетъ даже тѣнь облегченія. Онъ покорно склоняетъ голову передъ вѣчнымъ самонаказаніемъ; самую скупую надежду онъ считаетъ грѣховною, мельчайшую искру участія къ человѣческой жизни—недоступною и запретною. Даже нѣсколькихъ словъ участія онъ не можетъ выслушать безъ терзаній.

Единственную доступную для него отраду, которой бы онъ не отвергъ, онъ могъ бы найти въ объятіяхъ цѣлящей, милосердной смерти. Благословлять бы слѣдовало ту руку, которая отважилась бы протянуть такому страдальцу... спасительную чашу,—напримѣръ, морфій вмѣсто лекарства. Большую дозу... очень большую... Еслибы, напримѣръ, Армеръ согласился на что-нибудь подобное? Какъ врачъ паціента-каторжника, онъ могъ бы найти тысячу объясненій такой смерти. Да никто бы, наконецъ, этимъ не интересовался, никто бы не сталъ подозрѣвать. Но Армеръ! развѣ онъ въ состояніи понять подобную миссію? Ни степени несчастія этого человѣка, ни подобной задачи милосердія онъ не постигъ бы ни за что въ мірѣ. Онъ только страшно бы испугался. Какъ! совершить убійство?!.. О, да! конечно, это ядъ! Это „преступленіе",—это значитъ просто-нà-просто отравить!.. Наконецъ, можетъ ли кто-либо вмѣшиваться въ законное и естественное послѣдствіе преступленія—наказаніе? Имѣетъ ли кто право препятствовать ему? Мученія совѣсти— это необходимое и нравственно-возвышающее состояніе души въ положеніи этого человѣка. И такъ далѣе...

Меня же иногда такъ что-то... искушаетъ... такъ искушаетъ... сходить въ аптеку, запастись морфіемъ... мнѣ довѣряютъ, выдадутъ безпрекословно...

А затѣмъ, въ подходящую минуту... коснуться его волшебнымъ жезломъ—осчастливить.

XIII.

— Право, не знаю, какъ мнѣ рѣшиться просить васъ... Но я бы даже предпочелъ, чтобы вы поручили нѣкоторыхъ больныхъ уходу прислуги и занялись преимущественно этимъ бѣднягой. Мнѣ его жалко. Кромѣ того, онъ совсѣмъ изъ другой категоріи, чѣмъ всѣ эти. Это—нынѣшнее модное сумасшествіе юности. „Развиватели“ увлекли,—полу-ребенокъ...

Старшій докторъ, несмотря на свою наружную сухость и неумолимый консерватизмъ, въ сущности—добрѣйшій человѣкъ; политическихъ преступниковъ онъ считаетъ просто сумасшедшими и относится къ нимъ со снисходительностью психіатра къ больнымъ на „mania furiosa“.

— Ему ужъ немного остается: послѣдняя степень. Намъ его прислали изъ центральной больницы, чтобы онъ здѣсь кончилъ. Тамъ вѣдь такъ переполнено, что даже негдѣ и умереть порядочно.

И вотъ онъ задыхается, кашляетъ... захлебывается кровью „подъ моимъ покровительствомъ“. Я же сижу при немъ равнодушная, вялая—не лучше моихъ милыхъ товарокъ-сидѣлокъ.

Близорукій, ограниченный человѣкъ — съ маленькимъ, добренькимъ, спокойно бьющимся сердцемъ! Не опасайся, никакое пламя не прожжетъ его; оно не разорвется, хотя бы на глазахъ твоихъ все человѣчество металось въ неслыханныхъ мученіяхъ какой-то адской инквизиціи!.. Я пыталась сегодня поговорить съ нимъ объ этой властительной мечтѣ, которая поработила меня съ нѣкотораго времени. Онъ мнѣ отвѣтилъ сначала, что онъ не любитъ разсуждать о такихъ „безтѣлесныхъ теоріяхъ“, которыя, впрочемъ, благодаря Богу, никогда не облекутся въ плоть, несмотря на свою „зловѣщую красоту“. Притомъ онъ думаетъ, судя по предмету нашего разговора, что у меня окончательно расходились нервы и что я до крайности возбуждена своимъ „безпримѣрнымъ самопожертвованіемъ“.

— У насъ и безъ того много дѣла съ уголовными преступниками. Не станемъ же разсуждать о возможности такихъ, какъ вы выражаетесь, „благодѣяній“ уголовнаго характера. Я

еще слишкомъ крѣпокъ и здоровъ, чтобы увлечься такими двусмысленными высотами гуманизма. Онѣ для меня совершенно недоступны.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня взглядомъ психіатра и прибавилъ:

— Если вы не проспитесь какъ слѣдуетъ всю эту ночь, то мы постараемся съ моимъ почтеннымъ коллегой, чтобы вамъ отказали отъ мѣста.

...Да, я проспала всю эту ночь. Армеръ втолкнулъ меня почти насильно въ мою комнату еще раннимъ вечеромъ. Правда, сначала мои нервы такъ разыгрались, что я ни за что не могла уснуть, но зато потомъ мнѣ казалось, что я могла бы отдыхать еще, по крайней мѣрѣ, двое сутокъ, блаженствовать въ этомъ спокойномъ снѣ. Да, я должна пользоваться почаще этимъ несравненнымъ наслажденіемъ. Тогда я стану бодрѣе, крѣпче, прояснится моя измученная голова. Интересно знать—въ самомъ ли дѣлѣ я только освобождаюсь мало-по-малу отъ крайностей, свойственныхъ началу каждой новой дѣятельности, или же это—эгоистическая сдѣлка со своей совѣстью въ свою пользу и во вредъ другимъ?

Однакожъ, какъ много значитъ настроеніе, въ особенности у меня, такого нервнаго и страннаго созданія! Теперь мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы я могла... хотя бы только временно, подъ впечатлѣніемъ чьихъ-нибудь страданій, приблизиться къ такимъ чудовищнымъ понятіямъ, увлечься подобнымъ желаніемъ!.. Хорошій, милый Армеръ!—онъ совершенно правъ. Теперь я нисколько не сомнѣваюсь, что онъ, понявъ мои намеки, такъ широко раскрылъ глаза. Такъ, напримѣръ, психическое состояніе нашего скульптора можетъ со временемъ совсѣмъ измѣниться. Представимъ себѣ новое религіозно-мистическое настроеніе или вдругъ зародившуюся жажду какой-нибудь полезной, искупительной дѣятельности, или же воскресшую любовь къ искусству, подъ вліяніемъ которой жизнь снова получитъ цѣну въ его глазахъ. Какъ же мнѣ назвать теперь мои недавнія болѣзненныя фантазіи?

XIV.

Несчастный мальчикъ мечется на постели; кровь постоянно бросается горломъ; хриплое дыханіе съ каждымъ днемъ становится тяжелѣе. Ночью онъ можетъ задремать только въ сидячемъ положеніи. Доктора говорятъ, что его жизнь можно счи-

тать по днямъ, если и не по часамъ,—то-есть, мученія этого одинокаго дитяти. Дни же мучительной агоніи—равняются вѣкамъ. А они, между тѣмъ, сложили руки и смотрятъ на это равнодушно! Да и я же нисколько не лучше ихъ, нисколько!..

Иногда, поддерживая его, я вдыхаю его свистящее дыханіе, его кровь не разъ брызжетъ на меня,—я могу заразиться. Тѣмъ лучше. Теперь мнѣ все равно. Я до смерти устала, и смерть мнѣ кажется величественнымъ сномъ, желаннымъ отдохновеніемъ...

Скульпторъ побѣдилъ всѣхъ своимъ упрямствомъ, увѣряя, что онъ отлично себя чувствуетъ. Его отпустили съ условіемъ, чтобы онъ работалъ понемногу, и начальство распорядилось соотвѣтствующимъ образомъ. Однакоже Армеръ, въ высшей степени возмущенный, предсказываетъ, что онъ скоро вернется къ намъ, и что послѣдствія его безумія могутъ быть гибельны. Молодой врачъ долго спорилъ и съ этимъ упрямцемъ, и со своимъ старшимъ товарищемъ, который разрѣшилъ ему выйти изъ больницы,—но это не подѣйствовало. Несчастный отвѣчалъ, что иллюзія его прежнихъ отношеній къ людямъ и прежней обстановки—убійственно на него вліяетъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, онъ чувствуетъ себя на своемъ настоящемъ мѣстѣ. Здѣсь же онъ „злоупотребляетъ великими милостями, которыхъ недостоинъ“, и это сознаніе дѣлаетъ его еще несчастнѣе. Тамъ только—„справедливость“, а слѣдовательно—менѣе угрызеній.

— А! честь имѣю кланяться!—говоритъ Армеръ съ горькой ироніей, обращаясь къ безчувственному тѣлу скульптора, которое служители вносятъ въ палату.—Развѣ я не говорилъ, что такъ будетъ?—гнѣвно вскрикиваетъ онъ.—Пусть же его теперь лечитъ мой почтеннѣйшій коллега, разъ онъ такъ торопился выгнать этого паціента на волю. Съ меня довольно,—и безъ него множество работы! Да и у васъ еле глаза блестятъ! По ночамъ таскаете чахоточнаго, а вонъ и этотъ опять пожаловалъ подъ „ваше крылышко“! Чортъ побери! Нѣтъ ничего хуже, какъ эти „интеллигентные“, „непривычные“ и „достойные сожалѣнія“!

Бѣдный Армеръ, дѣйствительно, имѣетъ видъ больного. Благодаря только своему свѣжему нѣмецкому организму и врожденной систематичности и выносливости, онъ можетъ справиться со всѣмъ этимъ. Это—прекрасный человѣкъ, съ рѣдкимъ сознаніемъ долга, съ чуткой, отзывчивой душой.

Я подхожу автоматически къ этому блѣдному тѣлу и какими-то деревянными руками помогаю раздѣвать и укладывать его. Меня поминутно одолѣваетъ зѣвота, плечи нервно вздрагиваютъ; я дѣлаю все медленно, неловко и равнодушно. Просто не узнаю себя! Какая разница между тѣмъ первымъ уходомъ за нимъ — и этимъ, сегодняшнимъ! Раздраженный Армеръ, распорядившись относительно необходимѣйшихъ мѣръ, летитъ какъ буря къ старшему доктору съ какой-то торжествующей злобой. Наши условія хоть кого выведутъ изъ себя! Даже такія спокойныя, уравновѣшенныя натуры иногда перестаютъ владѣть собою. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что я начинаю какъ-то застывать, относиться ко всему равнодушнѣе. Множество работы, переутомленіе—притупили окончательно мою впечатлительность. Съ жадностью я жду часовъ отдыха, жадно пью укрѣпляющее и возбуждающее питье... Аппетита нѣтъ никакого. Мнѣ только хочется пить и спать безпрестанно, пить и спать...

XV.

Мою голову наполняетъ какой-то шумный, звенящій туманъ; всѣ мои пять чувствъ прониклись ѣдкою больничной дезинфекціей. Стоны, бредъ, проклятія, ссоры съ безмозглой и безсердечной больничною прислугой, при томъ—опьяняющая сонливость физическая и душевная... Все это просто сваливаетъ съ ногъ. Весна! это—наша „весна“ въ изгнившемъ саванѣ эпидеміи.

Не могу же я отступиться отъ того несчастнаго, который умираетъ каждую ночь, но до сихъ поръ умереть не можетъ,—оставить того другого, который вернулся къ намъ, чтобы болѣе не воскреснуть, быть можетъ, для мученій... Когда они оба „освободятся“—тогда и я отдохну, укрѣплю силы, чтобы служить всѣмъ другимъ—уже разсчетливо и осторожно, не забывая себя...

Владиміръ—тотъ бѣдный чахоточный юноша—страшно боится своихъ страдальческихъ ночей и умоляетъ, чтобы я его не оставляла надолго. Онъ приковалъ меня къ своему ложу на цѣлыя недѣли. Онъ цѣлуетъ мои руки, прижимаетъ ихъ къ груди и проситъ, чтобы я его звала „Володей“. Онъ много говоритъ о своей матери, которая „скоро пріѣдетъ, чтобы поселиться вмѣстѣ съ нимъ“ (развѣ ужъ подъ землею!). „Начальство“-де „разрѣшило“, а тамъ скоро срокъ—и такъ далѣе... „Вотъ лишь бы только выздоровѣть поскорѣе...“ Да!—„выздоравливай“ ужъ поскорѣе, мой ты бѣдняжка, мой голубчикъ! Я сама умираю отъ

чудовищной усталости, и, быть можетъ, никто не облегчитъ тебѣ трудной и одинокой кончины!

„Моему“ другому нехорошо, но могло бы быть еще гораздо хуже. Кто знаетъ—не спасется ли онъ и во второй разъ? Старшій докторъ лечитъ чрезвычайно усердно, не допуская къ нему Армера.

Отчего же, отчего вы вооружаетесь противъ него, вражьи земныя силы? Смерть несчастія—вѣдь это же высшее счастіе. А между тѣмъ, такъ легко завладѣть имъ—и одарить имъ другихъ!

Вотъ я сижу на своей постели, въ своей комнатѣ, и собираюсь отдохнуть,—какъ будто бы не произошло ничего изъ ряду выходящаго. И какъ всегда въ это время, глаза мои смыкаются отъ сна и голова склоняется съ великимъ наслажденіемъ къ подушкамъ.

Я это сдѣлала такъ спокойно, такъ вдумчиво, съ такимъ сладкимъ замираніемъ сердца. И потому все сталось такъ, какъ я желала. Какое дивное облегченіе для насъ всѣхъ троихъ! Вы, наконецъ, почили безмятежно въ тиши, въ безчувствіи-счастіи. Моею смѣлою рукой данъ вамъ миръ благодатный, сражены ваши мученія. Теперь и я вкушу спокойствія и тишины, и сна, невозмутимаго ничѣмъ... Я имѣю на это право. Теперь я заслуживаю болѣе, чѣмъ всегда, такую награду... Не правда ли, что вы мнѣ благодарны, если вы пребываете гдѣ-нибудь, если вы чувствуете что-либо!? О, еслибы вы могли снизойти ко мнѣ и подтвердить, что я вамъ сдѣлала великое добро!.. Но вѣдь я въ этомъ не сомнѣваюсь, о, нѣтъ! не сомнѣваюсь!

Станемъ же наслаждаться тихимъ отдохновеніемъ—вы въ вѣчномъ снѣ, а я хоть въ краткомъ, хотя во временномъ, пока не послѣдую за вами...

XVI.

Что̀ это было такое?!.. О, Бога ради!.. Отецъ мой, мать моя! заклинаю васъ памятью прошлаго,—*теперь* и вы, и вы придите ко мнѣ! просвѣтите меня,—что̀ это было такое?!.. Дѣйствительность ли, сонъ ли, или галлюцинація? Больные нервы—или же высшее откровеніе?.. Я вся еще дрожу и рыдаю, и падаю ницъ, и руки прижимаю къ пылающему лбу, къ трепещущему сердцу, чтобы придти въ себя, чтобы прозрѣть, чтобы успокоиться!.. Я потеряла всякую власть надъ собой, я съума схожу!

Сейчасъ, вдругъ пробужденная отъ глубокаго сна, я быстро приподнялась и сѣла на постели, точно чего-то выжидая, точно къ чему приготовляясь, вперивъ глаза въ темное пространство. Не они ли это оба явились изъ мрака передо мной, держась за руки—блѣдные, свѣтлые, лучезарные, съ тихой улыбкой блаженства на устахъ?.. Боже! Былъ ли это сонъ, дѣйствительность или галлюцинація? Какая мучительная неизвѣстность!—никто никогда ея не разгадаетъ!

Я жажду вѣрить въ истину ихъ появленія. Иначе душа моя такъ бы не содрогалась, затронутая силами неземными... Душа моя... чуетъ ихъ, слышитъ ихъ—и какъ бы съуживается, сжимается отъ могучаго прикосновенія великой, ужасающей мощи. Ужасающей—потому что чуждой, сверхъестественной и непонятной. Душа моя, прильнувшая въ испугѣ къ тѣлу, шепчетъ мнѣ, что это—правда! что есть тамъ—міръ, и въ этомъ мірѣ они—и всѣ умершіе, всѣ лучше и всѣ счастливѣе насъ...

Теперь я стараюсь побѣдить себя, успокоиться. Меня волнуетъ цѣлая буря какихъ-то необъятныхъ, какихъ-то торжественныхъ чувствъ, которыя меня подавляютъ, разрываютъ съ титаническою силой мою бѣдную наивную,—земную душу мою! Испуганными и затуманенными глазами взираю я на эти чудеса, вдругъ меня осѣнившія, какъ въ мои дѣтскіе годы я вглядывалась впервые въ звѣздное небо, когда мнѣ объясняли о безконечныхъ пространствахъ, раздѣляющихъ небесныя тѣла. Гигантское крыло какой-то безмѣрной и необъятной мощи касается меня!.. Ноги гнутся подо мной, потоки слезъ льются изъ глазъ...

Къ людямъ же скорѣе, къ людямъ, въ мою естественную стихію—къ землѣ! Умъ мой колеблется и вянетъ подъ мощнымъ солнцемъ *того* міра!

XVII.

Армеръ знаетъ все,—угадалъ. Легко было догадаться; я даже и не таилась передъ нимъ. Онъ и не спрашиваетъ ни о чемъ, избѣгая моего смѣлаго взгляда, какъ бы испуганный, странный—самъ не свой. Старшій докторъ не особенно удивился, какъ этого можно было ожидать. Онъ только замѣтилъ, что капризная болѣзнь очень круто поворотила, и что во всякомъ случаѣ слѣдовало разбудить его ночью. Очевидно, онъ подозрѣваетъ, что я уснула отъ усталости, а больной тѣмъ временемъ умеръ, лишенный всякой помощи. Что касается до Владиміра,

то онъ даже и не спросилъ о немъ. Эта смерть никому не могла показаться подозрительной.

Но Армеръ, Армеръ! Этотъ готовится къ борьбѣ со мной. Должно быть, во вниманіе только къ моему „безграничному самопожертвованію“, какъ онъ нѣкогда выражался, онъ не дѣлаетъ шума, не требуетъ вскрытія. Да, возвышенный человѣкъ,—ты могъ бы сразу погубить „больничнаго ангела“. Въ твоемъ бѣдномъ мозгу никакъ не можетъ помѣститься мысль, что иногда у этого ангела должны же выростать траурныя крылья, и что онъ долженъ не разъ поднимать свой мечъ, чтобы разить имъ незаслуженныя, невыносимыя страданія.

Я была лишь ангеломъ смерти, но не грубымъ страшилищемъ ея, скелетомъ со слѣпой, безжалостной косой. Я вѣрю все непреклоннѣе, все страстнѣе, что я совершила доброе дѣло. Только мнѣ грустно, очень грустно... сама не знаю, почему,—и въ этомъ мірѣ все стало мнѣ казаться чуждымъ и страннымъ, и я сама становлюсь странной и чуждой для всѣхъ...

Моя новая миссія велика и священна. Я героиня—піонеръ новаго высокаго призванія среди страждущаго человѣчества. Я крѣпко опираюсь на подтвержденіе съ того свѣта!.. Однакоже... по временамъ еще этотъ остатокъ жалкихъ земныхъ понятій—вонзаетъ когти въ мое сердце—и оно обливается кровью... Но вѣдь я же не виновата ни въ чемъ, ни въ чемъ! Я только отважная спасительница страждущихъ, полная любви, готовая на жертвы... О, Господи! какъ жажду я забвенія и покоя, которыми я одарила ихъ! Я вѣдь на это имѣю право, быть можетъ, болѣе, чѣмъ всѣ другіе. Этотъ рой раскаленныхъ мыслей!.. Прочь же, прочь съ нимъ!—я такъ хочу забыться! Мои усталые глаза смыкаются такъ сладко! Зачѣмъ же, зачѣмъ это несчастное сердце опять такъ бѣшено и такъ нервно заколотилось въ груди?..

XVIII.

Трое послѣднихъ сутокъ,—этотъ непрерывный припадокъ угрызенія и ужаса передъ самой собою,—я провела въ темномъ, холодномъ углу моей комнаты. Не желаю злѣйшему человѣку переживать такія минуты. Я такъ измождена, точно я выстояла эти трое сутокъ у позорнаго столба на публичной площади. Я же стояла только у позорнаго столба моего собственнаго пробужденнаго сознанія и подъ судейскимъ взоромъ одного лишь посторонняго человѣка... Это—„братъ“, преисполненный мило-

сердія, это—„ближній“, въ полномъ значеніи слова. Онъ часто навѣщалъ меня въ теченіе этихъ страшныхъ дней, онъ говорилъ со мной такъ жалостливо, такъ мягко и такъ разумно. Отчего я не слушалась его раньше во всемъ, отчего я не повиновалась покорно каждому его мановенію?! Теперь ужъ поздно... Ахъ, поздно, поздно!.. Еслибы я могла, по крайней мѣрѣ, повѣрить его убѣжденіямъ и опереться нравственно на эту благородную руку и не терзаться ужъ болѣе, не убивать себя! Вѣдь онъ же все сваливаетъ на психозъ, на манію, развившуюся незамѣтно, постепенно, отъ истощенія тѣла, безжалостно попираемаго моею деспотической душой,—при постоянныхъ волненіяхъ этой души, впечатлительной до боли, чувствующей сильно и глубоко. Онъ утверждаетъ, что подобныя натуры въ подобныхъ условіяхъ—должны, въ концѣ концовъ, подчиняться необыкновеннымъ увлеченіямъ, особеннымъ психическимъ капризамъ. Онъ даже говоритъ, что люди болѣзненно впечатлительные не должны быть допускаемы къ такому призванію. Гораздо было бы лучше, еслибы мѣста эти предоставляли только слѣпо-послушнымъ, трудолюбивымъ и физически крѣпкимъ простякамъ, которые были бы прекрасными орудіями въ рукахъ врачей. Но горе въ томъ, что ихъ почти-что нѣтъ. Лишь одна лживая, праздная, подлая чернь —предлагаетъ свои услуги.

— Очень возможно, что скульпторъ и безъ того бы умеръ. Онъ очень былъ плохъ. Чахоточный—быть можетъ, часомъ, днемъ позже. Значитъ, покамѣстъ, вы еще не надѣлали зла. Такъ не мучайтесь же, не убивайтесь! Зато, въ будущемъ предстоятъ большія опасенія... подобной маніи... болѣзни. И потому... я, право, не знаю, какъ вы къ этому отнесетесь, но, по моему мнѣнію, — мнѣнію дружески расположеннаго къ вамъ человѣка и добросовѣстнаго врача,—вамъ необходимо оставить нашу больницу разъ навсегда. Вообще, вы должны отказаться отъ ухода за больными. Вы должны бѣжать отъ этихъ невозможныхъ условій, къ которымъ вы себя приговорили по непонятнымъ для меня побужденіямъ. Вы не должны здѣсь оставаться. Уѣзжайте какъ можно скорѣе въ Европу!

— Но, докторъ, докторъ! въ эту минуту возвращеніе убило бы меня. Я готова на все. Я буду слѣпымъ, рабски послушнымъ орудіемъ въ вашихъ рукахъ...

— Но вы забыли еще объ одномъ: о вашемъ здоровьѣ; оно сильно разстроилось... то-есть, нервы, я говорю о нервахъ... Кромѣ того, и... кашель... тоже нервный, конечно. Вы должны непремѣнно отдохнуть и полечиться.

— Докторъ, я буду лечиться здѣсь, я здѣсь оправлюсь! Я хочу служить остальнымъ до послѣдняго издыханія! Докторъ, я жажду искупленія!.. И все подъ вашимъ надзоромъ, подъ вашимъ контролемъ. Не гоните же меня теперь, съ этой свѣжей, зіяющей раной въ сердцѣ!

Я рыдала почти у его ногъ. Я долго, слезно его умоляла. Наконецъ, онъ не устоялъ противъ моего ужаснаго отчаянія. Онъ долго убѣждалъ меня и успокаивалъ. Затѣмъ онъ отвѣчалъ уклончиво, что дастъ мнѣ время подумать, и что я могу быть при больныхъ только въ опредѣленные часы... и запретилъ мнѣ ходить въ аптеку.

XIX.

И вотъ, я—рабыня Армера. Когда онъ прикажетъ, я ухаживаю за больными по его выбору. Когда онъ мнѣ велитъ, я иду отдыхать. Я стала тѣмъ идеальнымъ орудіемъ въ его рукахъ, о которомъ онъ говорилъ; но я перестала быть прежнею „сестрой Анной", которую звали со всѣхъ сторонъ... Я болѣе не „ангелъ больницы". Желанный цвѣтъ папоротника выскользнулъ изъ моихъ рукъ, изъ запятнанныхъ, макбетовскихъ рукъ. Я почти манекенъ, съ мрачнымъ, усталымъ взоромъ осужденнаго преступника. Я пріобрѣла мѣстный колоритъ. Однакожъ въ этомъ деревянномъ на видъ манекенѣ борются попеременно двѣ мысли, которыя дѣлаютъ его ко всему равнодушнымъ. Чаще всего беретъ верхъ подавляющее сознаніе вины, грѣха, ничѣмъ непоправимаго. Иногда же снисходитъ благословенная мысль, что эта смерть принесла облегченіе страждущимъ, что ниспослала ее милосердная рука изъ-за глубокой, хотя, быть можетъ, и ложно понятой любви. Такъ это не было убійство, но только безгрѣшное заблужденіе... сумасшествіе.

И смотря по тому, которая изъ этихъ мыслей побѣждаетъ,—эта согбенная фигура или вся съёживается подъ тяжестью печали,—или же выпрямляется, свѣтлѣетъ вся на мгновеніе, жаждетъ вздохнуть полною грудью... жаждетъ, пробуетъ, но не можетъ. И тутъ является новое препятствіе—упрямый, надрывающій кашель и тяжелая боль въ груди...

А! однакоже—не заразилась ли я въ самомъ дѣлѣ отъ моего бѣднаго Володи?!.. Вотъ это было бы самое соотвѣтствующее возмездіе... или же награда? Да, по моей прежней теоріи—высшая награда.

Я умираю на берегахъ моей большой, прекрасной, голубой воды. Умираю ужъ несомнѣнно въ скоротечной чахоткѣ, также какъ и то одинокое дитя... Ночи тяжелыя, а дни... дней этихъ мнѣ еще жаль. Я велю каждый день катить мое кресло на взморье и провожу тамъ долгіе часы. Иногда тихо задремлю тамъ, иногда такъ дивно помечтаю, съ дѣтскою, лучезарною беззаботностью. Осень здѣсь нынче не жаркая—тихая, прозрачная, лазоревая, золотая...

И въ эти послѣдніе дни, какъ въ первые дѣтскіе годы, я испытываю безмятежное спокойствіе, дивную благость въ душѣ, если меня не слишкомъ безпокоятъ физическія страданія. Я только вспоминаю о томъ, что я способна была любить людей до самозабвенія, и что эти люди любили меня и понимали мою любовь къ нимъ. И тогда я снова обрѣтаю мой чудный цвѣтъ папоротника, и держу его крѣпко въ рукахъ, и не выпущу до самой смерти... Она ужъ недалеко. Взгляну ли я безсмертными глазами прямо въ солнце того сфинкса-міра, который разверзается передо мной?.. или же безчувственнымъ, ничтожнымъ прахомъ-плотью паду во прахъ земной и въ немъ исчезну?..

Янина Бодуэнъ де-Куртенэ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

изъ

ПРОШЛАГО

1830—1850 гг.

Молодость живетъ надеждами,
А старость воспоминаніями.

I.

Не знаю, какъ приступить къ дѣлу и съ чего начать? Желательно вспомнить всю свою жизнь; и полагаю, воспоминанія эти будутъ мнѣ пріятны и не безполезны для другихъ, такъ какъ въ нихъ отразятся: дѣтство, молодость и старость, любовь къ жизни, надежды и охлажденіе,—отразится жизнь человѣка своего времени.

Почти всегда воспоминанія начинаются съ родословной; казалось бы—зачѣмъ? Подумавъ, я пришелъ къ такому же рѣшенію. Родословная—почва, на которой мы выросли; мы—продуктъ родословной и среды, т.-е. почвы и окружающей насъ духовной жизни.

Но такъ какъ братъ мой Владиміръ въ своихъ „Запискахъ" [1]) говоритъ о нашей родословной, то я не вижу надобности повторять сказанное и перехожу къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ.

Я родился въ 1828 году 2-го ноября, въ орловской гу-

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", февраль, 1899 г.

берніи, въ деревнѣ Павловкѣ, принадлежавшей отцу моему, Михаилу Николаевичу Жемчужникову. Жили мы въ деревянномъ съ мезониномъ дубовомъ домѣ, къ одной сторонѣ котораго примыкалъ лугъ, обсаженный, мѣстами, кустами и деревьями, или такъ называемый „англійскій садъ". Сколько помню изъ разсказовъ отца, садъ былъ разбитъ и насаженъ довольно наивнымъ способомъ: отецъ сѣлъ на палочку и поѣхалъ, а мать говорила, идя слѣдомъ за нимъ:—*Направо*, *налѣво*, *сюда*, *прямо* и т. д. По слѣдамъ этой палочки были разбиты аллеи и дорожки. Съ другой стороны шла дорога изъ деревни къ усадьбѣ, черезъ ворота, мимо флигеля и дома къ ригѣ и дубовой рощѣ и отдѣляла домъ отъ фруктоваго сада. Разбивка этого сада была проста: широкая дорожка прорѣзала его противъ дома и упиралась въ частоколъ; тутъ стояла скамейка и отсюда былъ видъ вдаль на поля, на дальнюю рощу; а влѣво—на церковь и село Вязовицкое. Эту дорожку пересѣкала липовая аллея, а вокругъ всего сада также пролегала дорожка. Въ одномъ концѣ липовой аллеи была баня, въ которой, въ случаѣ большого съѣзда родныхъ и знакомыхъ, можно было помѣщать гостей.

Я былъ ребенокъ болѣзненный и золотушный, и ухаживала за мной добрая тетушка Катерина Николаевна, сестра отца, моя крестная мать, любившая меня болѣе другихъ; она же учила меня азбукѣ. Я не могъ выговорить: „Катерина Николаевна", и называлъ ее „Тикована"—такъ она прозвалась всѣми нами; такъ буду ее звать и я въ своихъ воспоминаніяхъ. Вечеромъ иногда я гулялъ съ нею въ саду, по широкой дорожкѣ, и любовался на луну, которая чрезвычайно меня интересовала своимъ свѣтомъ и видомъ. Всякій вечеръ, передъ сномъ, я молился передъ кіотомъ и очень любилъ образъ Богоматери и св. Митрофанія. Молитвы были простыя: „Помилуй, Господи, папеньку, маменьку, братьевъ и сестрицу! Упокой, Господи, души усопшихъ сестеръ моихъ Сони и Лизы!" Молились мы съ братомъ Владиміромъ рядомъ, и затѣмъ, сдѣлавъ мнѣ перевязку, тётя укладывала меня спать.

Несмотря на свою болѣзненность, я былъ веселъ, рѣзовъ, любилъ рисовать и съ особеннымъ удовольствіемъ разсматривалъ альбомъ, въ которомъ были, между прочимъ, нарисованы барашки моею матерью. Одно изъ самыхъ непріятныхъ чувствъ, которыя я испытывалъ, это когда мнѣ надѣвали черезъ голову рубашку: какъ-то было темно, жутко; и няня—Надежда—задѣвала меня за носъ, и я капризничалъ. На святкахъ приходили дворовые, наряженные козой, модвѣдемъ и т. п., и танцовали

подъ окнами. Мы тоже наряжались; я былъ наряженъ докторомъ, ходилъ, пробовалъ у всѣхъ пульсъ, и былъ увѣренъ, что меня дѣйствительно принимаютъ за пріѣхавшаго доктора; тогда мнѣ было не болѣе трехъ, четырехъ лѣтъ. Мы гадали на святкахъ, отливая воскъ, и, разсматривая его потомъ на тѣни стѣны, были увѣрены, что видимъ ясно отца, лежащаго подъ деревомъ. Гадали о немъ потому, что онъ въ это время былъ на войнѣ [1]).

У Тикованы была дочь Саша и взятая для нея воспитанница—сирота Таня; ту и другую я очень любилъ. Во время игры въ прятки, мое любимое мѣсто было подъ кацавейкой моей матери, которая укрывала меня, лежа на кушеткѣ, и я къ ней прижимался; особенно мнѣ нравилась та теплота, которую я ощущалъ около ея груди. Я ее любилъ до чрезвычайности. Она хорошо пѣла, была весела и привѣтлива. Изъ игрушекъ мнѣ особенно нравился ящикъ, въ которомъ были мужики и работали: кто пилилъ, кто стругалъ, кто рубилъ;—механизмъ приводился въ движеніе вертящейся сзади ящика ручкой; спереди ящикъ былъ закрытъ стекломъ отъ пыли. Что касается моего отца, то мои воспоминанія о немъ въ этомъ возрастѣ—довольно смутныя. Помню только, какъ я сидѣлъ на диванѣ съ нимъ и братомъ Владиміромъ, какъ онъ вырѣзалъ козловъ изъ сырой рѣпы ножемъ (очень дурно, а намъ казалось, что они похожи), и какъ однажды онъ взялъ брата Владиміра изъ окна дѣтской и увезъ на бѣговыхъ дрожкахъ, оставивъ меня дома за лѣность. Но въ памяти отчетливо остался кабинетъ отца и его оружіе, висѣвшее въ корридорѣ около кабинета.

Однажды я случайно вбѣжалъ въ гостиную и увидѣлъ тамъ доктора и лоханку съ кровью. Мнѣ сказали, что это ставили кому-то піявки. Но, увы!.. вѣроятно ихъ ставили или пускали кровь моей матери! Черезъ день или два меня позвали къ ней. Она лежала въ постели, поцѣловала меня, и я горячо цѣловалъ ее, плакалъ, не хотѣлъ съ ней разстаться, предчувствуя что-то тревожное. Затѣмъ я увидѣлъ мать въ столовой на столѣ въ лиловомъ нарядномъ платьѣ, дворню, крестьянъ... Помню, какъ ее уже не стало въ столовой, какъ сердце мое болѣло и какъ еще сильнѣе прильнуло къ моей доброй Тикованѣ. Моя мать, какъ я узналъ много лѣтъ спустя, умерла въ отсутствіе отца, послѣ непродолжительной болѣзни, получивъ воспаленіе въ мозгу, отъ простуды, при поѣздкѣ на балъ зимою къ сосѣдямъ, гдѣ были плохо протоплены комнаты для ея ночлега. Схоронили ее трид-

---

[1]) Въ 1830—1831 годахъ, въ польской кампаніи.

цати трехъ лѣтъ, въ 25-ти верстахъ отъ Павловки, въ с. Долгомъ, возлѣ умершихъ сестеръ моихъ Сони и Лизы.

Что̀ сказать еще объ этомъ времени?.. Помню безграничную, глубокую любовь мою къ Тиковане̇ и разлуку съ нею, когда меня и брата Владиміра увезли, въ сопровожденіи другой тетушки, Варвары Николаевны, въ Петербургъ, къ отцу. Грустно до боли въ сердцѣ было мнѣ ѣхать; Варвара Николаевна постоянно ворчала на меня за то, что раскидываюсь въ экипажѣ и охраняла Володеньку; и я всю дорогу былъ въ огорченіи, а мною всю дорогу были недовольны. Глубоко врѣзались въ моей памяти пѣсни, которыми я заслушивался по ночамъ, когда всѣ спали; пѣли это ямщики и форейторы. Особенно помню двухъ пѣвцовъ и ихъ заунывныя мелодіи.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, тетушка Варвара Николаевна на меня нажаловалась отцу, за причиняемое безпокойство, и расхвалила Володеньку. Я ее не взлюбилъ во время дороги (прежде вовсе не зналъ), а теперь совсѣмъ ненавидѣлъ; и она была мнѣ очень непріятна. Со слезами, скрытыми отъ всѣхъ, я вспоминалъ свою добрую, святую Тикована.

II.

Выйдя изъ военной службы, по окончаніи польской кампаніи, отецъ мой въ 1832 году былъ назначенъ губернаторомъ въ Кострому, гдѣ, получивъ извѣстіе о болѣзни жены, прискакалъ въ Павловку; но матери въ живыхъ не засталъ—она была схоронена. Отецъ отправился въ Петербургъ со старшими братьями: Алексѣемъ, Михаиломъ и Николаемъ, для опредѣленія ихъ въ казенныя заведенія по желанію государя; затѣмъ привезли брата Александра и, наконецъ, меня и Владиміра. Самую младшую изъ насъ, сестру Анну, взяли къ себѣ тетушка, гр. Толстая, Анна Алексѣевна, и братъ ея, Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій.

Въ Петербургѣ, мы остановились у отца, въ гостинницѣ, въ отдаленной части города. Старшіе братья уже были помѣщены въ учебныя заведенія, а мы, младшіе, гуляли и рѣзвились дома. Наконецъ, въ 1835 году, я и Владиміръ съ отцомъ отправились въ Царское-Село, для опредѣленія насъ обоихъ въ корпусъ. Не стану описывать лѣстницы и входа, которые поразили меня своими размѣрами, ни корридоровъ, тянувшихся по всему зданію,—все это наводило на меня какой-то страхъ; и я весь дро-

жалъ. Куда водилъ насъ отецъ—я не помню; только одно врѣзалось въ моей головѣ,—это свидѣтельствованіе, т.-е., когда насъ раздѣли и осматривали. Потомъ мы очутились у старушки Боніотъ (классной дамы) въ комнатѣ, гдѣ было множество дѣтей въ одинаковыхъ платьяхъ. Они шумѣли, кричали и щипали насъ; разспросы посыпались отовсюду, и между всѣми лицами одно осталось у меня въ памяти: это была маленькая и полная фигура довольно грубыхъ формъ, съ наморщеннымъ лбомъ и нахмуренными бровями. Онъ меня щипалъ крѣпче всѣхъ, и я расплакался; онъ повторялъ свою продѣлку, я заплакалъ еще больше, и на вопросъ старушки Боніотъ отвѣчалъ жалобой, указавъ на обидчика. Тотчасъ же всѣ были съ угрозой прогнаны; забіяка названъ раза три *разбойникомъ*, выдранъ за ухо и поставленъ въ уголъ. Это былъ черкесъ, Исаакъ Богатыревъ.

Раздался какой-то стукъ по корридору—это былъ барабанъ.

Старушка Боніотъ построила свою команду, и мы пошли лавировать изъ корридора въ корридоръ, съ лѣстницы на лѣстницу. Чѣмъ болѣе приближались мы къ нижнему этажу, тѣмъ яснѣе слышался какой-то странный шумъ: онъ былъ подобенъ жужжанію цѣлыхъ милліардовъ пчелъ, заключенныхъ въ огромный стеклянный сосудъ. Наконецъ, растворились двери, и мы вошли въ огромную и, какъ казалось, безконечную залу, болѣе похожую на сарай; окна были полукруглыя и отстояли сажени на полторы отъ пола. Посреди залы, на большомъ разстояніи, висѣли лампы, тускло горящія; вдали огонь былъ едва виденъ отъ пыли и чада [1]). Появилась какая-то длинная фигура въ сѣрыхъ, грубаго сукна штанахъ и такой же курткѣ; на одной изъ мѣдныхъ пуговицъ куртки висѣла стклянка со скипидаромъ и изъ нея торчала палочка. Это былъ ламповщикъ. Онъ держалъ рукой одну сторону лѣстницы, а другая лежала у него на плечѣ, и длинными, тонкими и грязными ногами, сильно сгибая колѣни, онъ отмѣривалъ огромные шаги. Когда онъ прошелъ мимо меня, утирая рукавомъ измаранную физіономію, то я еще долго чувствовалъ какой-то скверный гнилой запахъ.

Оглушительный звукъ барабана повторился и всѣ построились вдоль четырехъ стѣнъ необъятной залы—въ двѣ шеренги. По командѣ всѣ повернулись въ одну сторону, по командѣ всѣ пошли нога въ ногу, и я удивлялся мѣрному топоту шаговъ; топотъ мало-по-малу дѣлался тише, и однообразная масса стройно исчезала, удаляясь въ сосѣднюю комнату. Мы отправились за

[1]) Тогда лампы заправлялись масломъ.

ними, и вошли въ столовую, которая была нѣсколько меньше залы и здѣсь стоялъ безконечный рядъ длинныхъ столовъ, уставленныхъ приборами. Всѣ выстроились передъ своими мѣстами, и надъ моими ушами протрещалъ опять барабанъ; и всѣ запѣли молитву. Все было для меня ново и странно; по барабану сѣли, и опять началось жужжанье, аккомпанируемое стукомъ ножей, стакановъ и ложекъ. Около меня стояли отецъ и директоръ—сѣдой генералъ Хатовъ (Иванъ Ильичъ); они, смѣясь, уговаривали меня ѣсть гречневую кашу, которая мнѣ чрезвычайно не понравилась.

По барабану кадеты встали изъ-за стола и тѣмъ же порядкомъ, нога въ ногу, отправились въ прежнюю залу. Насъ распустили изъ строя поиграть; и меня обступило безчисленное множество дѣтей, съ одинаковыми лицами, въ одинаковомъ платьѣ; но у нѣкоторыхъ куртки были похожи не на сукно, а на гнилую ветошь, пропитанную саломъ, всю въ пятнахъ и испещренную различнаго цвѣта заплатами. Кадеты кричали, шумѣли, толкали насъ, спрашивали фамилію и щипали. Скоро, по командѣ, всѣхъ построили и повели изъ залы. На встрѣчу намъ опять зашагалъ сѣрый человѣкъ съ лѣстницей, стклянкой и длинными, гнущимися ногами. Онъ подходилъ къ лампамъ, отъ которыхъ мы удалялись, ставилъ около нихъ лѣстницу, взлѣзалъ по ней, и лампа тухла. Я и братъ, держась за руки, долго поднимались по лѣстницамъ, шли еще дольше по корридорамъ, и наконецъ пришли въ спальни. Все одинаковыя кровати,—ихъ было очень много, и у каждой въ головахъ, на желѣзной палкѣ торчала доска съ надписью фамиліи; разставлены были кровати симметрично вдоль и поперекъ всей комнаты, оставляя между рядами своими довольно широкіе проходы. Меня раздѣли и положили въ постель. Непріятное чувство овладѣло мною, когда я лежалъ на кровати и кругомъ на меня смотрѣло множество лицъ, другъ на друга похожихъ. Отецъ мой сидѣлъ у старушки Боніотъ и, когда все утихло, пришелъ къ намъ, сѣлъ около брата Владиміра, говорилъ съ нимъ и успокоивалъ его, затѣмъ, перекрестивъ его и меня, ушелъ. Мы помолились Богу на кресты, которые были у насъ на груди, простились другъ съ другомъ, перевѣсившись черезъ кровати, поцѣловались и легли подъ одѣяло. Я долго плакалъ, и боялся, чтобы кто-либо не увидѣлъ. Настала полная тишина и полумракъ; я видѣлъ, какъ опять вошелъ отецъ наклонился къ брату, сказалъ ему нѣсколько словъ и подошелъ ко мнѣ. Я притворился спящимъ, но чувствовалъ, какъ онъ на

меня глядитъ, какъ ушелъ,—и съ разбитымъ сердцемъ мало-помалу забылся и уснулъ.

Нѣтъ надобности описывать всѣ подробности. День за днемъ проходили, и я не чувствовалъ около себя сердечнаго участія; все, все было чуждо, кромѣ брата Владиміра. Мнѣ было лѣтъ около шести, а брату пятый годъ, и потому насъ еще не размѣстили по классамъ, а въ числѣ шести другихъ кадетъ одѣли, по распоряженію императора, въ красныя русскія рубашки. Только старушка мадамъ Боніотъ за нами наблюдала, изрѣдка заставляя читать по складамъ и считать до десяти, и ей часто помогала дочь ея, „мамзель Боніотъ", классная дама 1-го отдѣленія 3-й роты. Мнѣ было странно слышать, идя по класснымъ корридорамъ, громкое, нескладное и протяжное пѣніе то на русскомъ, то на французскомъ, то на нѣмецкомъ языкѣ; точно такъ же нараспѣвъ считали числа до десяти и обратно. Когда камышевая палка, въ рукахъ учителя, била сильнѣе и чаще по столу, то и счетъ становился быстрѣе [1]).

Пришло время и мнѣ, вмѣстѣ съ моими сверстниками, идти въ классы. Въ однихъ предметахъ я дѣлалъ успѣхи, въ другихъ—нѣтъ.

Въ рисованіи я быстро подвигался впередъ, чертилъ съ моделей по методѣ Сапожникова и скоро занялъ третье мѣсто въ классѣ. Что касается учителей, то учитель Закона Божія—Барсовъ (священникъ нашего корпуса) былъ добръ, меня любилъ и бралъ иногда къ себѣ, гдѣ мнѣ было очень пріятно. Его уютная квартира и обращеніе со мною напоминали мнѣ Павловку. Рисованію училъ Кокоревъ, имѣвшій свою дачу противъ нашего сада и у котораго мы съ братомъ Владиміромъ иногда гостили лѣтомъ. Ариѳметикѣ училъ Кохъ [2]). Онъ былъ небольшого роста и сильнаго сложенія, мускулистый, съ длиннымъ носомъ, голова лысая, покрытая рѣдкими рыжими волосами; голосъ грубый. У него въ классѣ мы обыкновенно сидѣли вытянувшись и держа руки за спиною; за этимъ постоянно наблюдала сидѣвшая тутъ классная дама. Отъ скуки я началъ, подобно другимъ, дѣлать изъ бумаги пѣтушковъ, кораблики и коробочки, заложа руки назадъ.

---

[1]) Такова была тогда метода Эртеля, введенная въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

[2]) Кохъ умѣлъ рисовать и сдѣлалъ для отца портретъ брата Владиміра акварелью, въ курткѣ Александровскаго кадетскаго корпуса, держащаго одну руку у сердца, а другую у пьедестала, на которомъ стоитъ бюстъ импер. Николая Павловича.

Учитель естественной исторіи имѣлъ обыкновеніе съ крикомъ и ругательствомъ толкать въ животъ камышевой палкой подходящихъ къ нему кадетъ [1]). Фамилія его была Хорошиловъ. Ростъ у него былъ большой, лицо усѣянное ямочками отъ оспы. Голова круглая, грубая, съ вьющимися и торчащими во всѣ стороны рыжими волосами. Когда ему подносили альбомъ для подписи (что̀ было въ обычаѣ), онъ четко и кругло выписывалъ, вкось листка, одну за другой гласныя буквы своей фамиліи, и отъ послѣдней буквы проводилъ толстую черту.

Учитель чистописанія, Корзинъ, тѣхъ, которые дурно писали, бранилъ самымъ неприличнымъ образомъ, при дежурной дамѣ и не стѣсняясь ея присутствіемъ.

Въ корпусѣ рѣшено было тогда ввести гимнастику, и въ огромной залѣ началось устройство небывалыхъ до того времени гимнастическихъ лѣстницъ, шестовъ, горокъ и т. п. Опредѣлили учителемъ гимнастики писаря изъ 1-го кадетскаго корпуса, Иванова, и дозволили ему носить штатское платье. Онъ подписывалъ свою фамилію въ альбомахъ мельче и красивѣе всѣхъ, а расчеркивался такимъ замысловатымъ росчеркомъ, что мы всѣ были въ восторгѣ; иногда для узора недоставало мѣста на альбомномъ листкѣ. „Г-нъ Ивановъ“, какъ мы называли его, пріобрѣлъ скоро славу силача и мастера лучше всѣхъ подписываться. Новое платье сидѣло на немъ какъ-то странно и отъ него всегда пахло чернымъ хлѣбомъ. Во время гимнастики онъ дѣлалъ замѣчанія и командовалъ теноромъ, жестикулировалъ руками и ногами, а иногда нерадивыхъ дралъ за уши и жаловался инспектору, Өедору Өедоровичу Мецу, который сѣкъ пребольно. Въ свободное отъ упражненій время, Ивановъ выдѣлывалъ гимнастическія штуки, на которыя мы смотрѣли съ завистью, и потомъ просили его показать намъ свои мускулы.

III.

Изъ малолѣтняго отдѣленія я уже перешелъ въ 3-ю роту, въ 1-е отдѣленіе (ихъ было три). Классной дамой нашего отдѣленія была „мамзель Боніотъ“, дочь старушки Боніотъ. Она была немолода, гораздо взыскательнѣе своей матери, и мнѣ скоро начало отъ нея доставаться. У нея былъ любимецъ, графъ Гауке (Іосифъ впослѣдствіи я съ нимъ сошелся въ Пажескомъ кор-

[1]) Палки камышевыя лежали въ каждомъ классѣ на каѳедрѣ для учителей.

пусѣ); она баловала его, не позволяла до него дотрогиваться и подходить. Меня взяла досада, и я его однажды толкнулъ изо всѣхъ силъ обѣими руками. Онъ упалъ съ крикомъ и плачемъ.

На другой день, утромъ, мамзель Боніотъ пожаловалась директору, который каждое утро обходилъ всѣхъ выстроившихся кадетъ. Когда мы напились въ столовой молока и всѣ ушли въ классы, я одинъ, дрожа и блѣднѣя, остался въ огромной залѣ по приказанію директора, который ходилъ взадъ и впередъ. По командѣ его: „розогъ!"—солдаты засуетились, а я заплакалъ во все горло. Меня повели въ просторный чуланъ, раздѣли, растянули между двухъ стульевъ и дали четыре удара розгами, рукою солдата-ламповщика Кондрата.

Я вернулся въ классъ съ директоромъ; когда онъ ушелъ, сидѣвшіе возлѣ меня кадеты шопотомъ спрашивали: сколько ударовъ и больно ли? Я отвѣчалъ, а самъ едва сидѣлъ на жесткой деревянной скамейкѣ и чувствовалъ, что подо мною какъ будто горѣла пачка спичекъ. Во время перемѣны уроковъ, когда я вышелъ изъ классной комнаты, кадеты начали приставать, чтобы я показалъ рубцы; я не хотѣлъ, но наконецъ согласился.

Такъ, мало-по-малу, я грубѣлъ и свыкался съ обычаями и порядками корпуса, но очень часто вспоминалъ свою крестную мать Тиковану, Павловку и украдкой плакалъ...

Въ этой же ротѣ я сдружился съ Китаевымъ, который былъ слабѣе и нѣсколько моложе меня. Часто мы говорили съ нимъ о путешествіяхъ, хотѣли странствовать, ходили вдвоемъ, во время гулянія, къ забору и тамъ выкапывали глину, изъ которой лѣпили кирпичики; затѣмъ я началъ дѣлать скамеечки, и пр., и училъ Китаева. Успѣхи въ рисованіи и наклонность къ лѣпкѣ, уже въ то время, доказывали мое влеченіе къ искусству, болѣе чѣмъ ко всему другому. Слѣдовало бы въ этомъ возрастѣ дать мнѣ возможность заняться въ этомъ направленіи.

Скоро я прослылъ силачомъ и отважнѣйшимъ въ ротѣ. Такіе кадеты были и въ другихъ ротахъ и пользовались общимъ уваженіемъ; они были неопрятнѣе всѣхъ. Мамзель Боніотъ меня не любила, часто наказывала и сѣкла; сѣкла собственноручно или приказывала сѣчь въ ея присутствіи. Сѣкъ меня рѣже, но больнѣе директоръ, а еще больнѣе—инспекторъ. Удары его давались на лету; держали меня два солдата за руки и ноги, полураздѣтаго на воздухѣ, а третій солдатъ хлесталъ пучкомъ розогъ (запасъ которыхъ стоялъ въ углу), пока Мецъ не скажетъ: „довольно"! Число ударовъ доходило до тридцати и сорока. Послѣ экзекуціи, я уже самъ показывалъ товарищамъ рубцы отъ ро-

зогъ и щеголялъ ими. Братъ Владиміръ часто обо мнѣ плакалъ; онъ былъ благонравнѣе, прилежнѣе меня, и его любило начальство. Нерѣдко я былъ прощаемъ и избавлялся отъ розогъ слезами и неотступными просьбами брата. Его часто брали къ себѣ Хатовъ и Мецъ, а я во все мое пребываніе въ корпусѣ былъ позванъ къ Хатову два раза и, вѣроятно, по просьбѣ брата, да къ инспектору разъ.

Кромѣ Китаева, съ которымъ я былъ пріятель, еще я сдружился съ кадетами Березицкимъ и Якубовскимъ. Часто я ходилъ съ ними по залѣ, когда всѣ играли и шумѣли, и разсуждалъ Богъ знаетъ о чемъ. Они разсказывали о своей родинѣ и описывали жизнь свою до поступленія въ корпусъ;—я наслаждался, слушая ихъ.

Въ каждой ротѣ Александровскаго корпуса находилось по два и по три дядьки. Это были отставные, заслуженные солдаты различныхъ полковъ гвардіи. Я съ ними сдружился, слушалъ ихъ сказки и разсказы о походахъ; мѣнялся съ ними булкою на черный хлѣбъ, и нерѣдко, послѣ разсказовъ, видѣлъ во снѣ войну и сраженія.

Александровскій кадетскій корпусъ (гдѣ держали до 10 лѣтъ) имѣлъ на меня вліяніе—худое и хорошее. Я считаю хорошимъ то, что я выучился порядочно, для своего возраста, говорить по французски и отчасти по-нѣмецки; науки мнѣ давались легко. Дурно было то, что я огрубѣлъ, очерствѣлъ и развилъ слишкомъ силы физическія.

Старикъ-директоръ былъ добръ, классная моя дама не зла, но тотъ и другая наказывали меня часто розгами и, какъ я полагаю, вслѣдствіе существовавшей тогда системы. Что касается инспектора, то онъ мнѣ всегда казался страннымъ: онъ никогда не прощалъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто и жалѣлъ. Во время экзекуціи, стоитъ, бывало, опершись спиной или плечомъ о стѣну, закроетъ себѣ лицо рукой или даже платкомъ и послѣ цѣлуетъ; слезы текутъ непритворно; и онъ еще задаривалъ чѣмъ-нибудь или бралъ къ себѣ.

Нравственность воспитанниковъ была чрезвычайно чиста; даже тогда, когда они ссорились между собою, не слышно было грубыхъ, бранныхъ словъ, что̀ объясняется хорошимъ домашнимъ воспитаніемъ большинства, а отчасти и присмотромъ. Однажды случилось необыкновенное происшествіе, надѣлавшее много шуму. Въ одномъ изъ старшихъ классовъ, при осмотрѣ классныхъ книгъ (что̀ дѣлалось инспекторомъ очень часто, и за помарки и рванье строго наказывалось), на листкахъ книгъ нашли надписи

фамилій двухъ кадетъ съ самыми неприличными бранными словами.

Начались допросы,—никто не признавался. Допросы продолжались нѣсколько дней, но безъ успѣха. Мецъ роздалъ всему классу бумагу и перья и заставилъ писать по своей диктовкѣ. Рукописи отобрали и начали сличать почерки съ надписями на книгахъ. Пять или шесть кадетъ были отобраны. Мецъ рѣшился пересѣчь весь классъ, давъ по два удара каждому, и крѣпко высѣчь тѣхъ, на кого было подозрѣніе; съ нихъ онъ и началъ. Высѣкъ больно шестерыхъ и, готовясь сѣчь весь классъ, далъ день на размышленіе. Въ рекреаціонное время кадеты сидѣли въ классахъ подъ строгимъ присмотромъ. Розги были приготовлены въ большомъ количествѣ, и Мецъ, растрепанный [1]) и нахмуренный, вошелъ въ классъ, всталъ по срединѣ, велѣлъ всѣмъ стать на колѣни и молиться; самъ онъ съ чувствомъ молился шопотомъ, и слезы текли по его щекамъ. Кто, глядя на него, расчувствовавшись, плакалъ, а кто отъ страха. Троихъ уже высѣкли, какъ одинъ изъ кадетъ, К..., признался; онъ былъ уже высѣченъ прежде, какъ подозрѣваемый, но теперь вновь, и кричалъ ужасно. Мецъ плакалъ и просилъ извиненія у высѣченныхъ напрасно, опять сталъ посреди класса и молился, позвалъ К..., заставилъ его повторять за собою слова молитвы, а затѣмъ простилъ.

Все это разстроивало мои нервы и дѣйствовало на воображеніе, такъ что стоило мнѣ задуматься, устремивъ глаза въ одну точку, напр. подъ скамью противоположной стѣны залы, и тутъ, среди шума, крика и бѣготни нѣсколькихъ сотъ дѣтей, я видѣлъ, смотря по желанію: карлика или что другое. Часто, во время ходьбы по залѣ въ довольно ясныхъ очеркахъ я видѣлъ Божью Матерь съ Младенцемъ, и показывалъ ее своимъ пріятелямъ;—но они ничего не видѣли. Когда я ложился спать, были тѣ же видѣнія, но въ другихъ позахъ и положеніяхъ: мнѣ представилось однажды,—какъ Божія Матерь умерла и какъ ее клали во гробъ; и былъ испуганъ. Гуляя въ саду, я всегда видѣлъ въ облакахъ разныя фигуры и сцены. Каждыя двѣ недѣли повторялся сонъ одного и того же содержанія: пріѣзжали разбойники, поили всѣхъ насъ человѣческою кровью и давали кусочки человѣческаго мяса; я часто держалъ это мясо во рту и украдкой выбрасывалъ его. Послѣ нихъ являлась одна и та же дѣвушка, съ которой я сидѣлъ и говорилъ; она была, будто бы, моя сестра, я ее любилъ, цѣловалъ и испытывалъ чувство, чуж-

[1]) По растрепанной прическѣ мы узнавали расположеніе его духа.

дое мнѣ въ мірѣ дѣйствительномъ. Но, затѣмъ, она постепенно превращалась въ колоссальную змѣю, которая, извиваясь по корридорамъ и лѣстницамъ, исчезала.

Нерѣдко, во снѣ, я представлялъ себя зодчимъ, и мнѣ являлся чортъ, который со мной сдружился и училъ меня строить домà; вскорѣ я сдѣлался его соперникомъ въ искусствѣ. Онъ училъ меня прыгать по лѣстницамъ зданія, и я дѣйствительно, на другой день, наяву, прыгалъ черезъ восемь или девять ступеней и спускался по периламъ лѣстницы съ верхняго этажа въ нижній. Однажды во снѣ я игралъ съ антихристомъ въ карты и заставилъ его провалиться сквозь землю, показавъ ему козырями кресты (трефы). Но онъ опять явился за моей спиной, схватилъ меня за плечи и такъ сжалъ, вдавивъ большой палецъ между ключицей и плечевой костью, что на другой день мнѣ казалось, что я не могу безъ боли пошевелить плечами. Подъ вліяніемъ этого сна я научился такъ давить плечи моимъ товарищамъ, что никто изъ нихъ не выдерживалъ безъ крика.

Мы всѣ вѣрили въ чорта, колдовство, домовыхъ и вѣдьмъ; и эти вѣрованія вселялись въ насъ нашими дядьками; мы даже одну изъ классныхъ дамъ нашихъ, m-me Эссенбергъ, считали вѣдьмой, и нѣкоторые изъ кадетъ увѣряли, что видѣли у нея хвостъ,—признакъ вѣдьмъ.

IV.

Однажды въ число кадетъ поступилъ къ намъ мальчикъ, не въ урочное время и уже одиннадцати лѣтъ, слѣдовательно въ возрастѣ старшемъ, чѣмъ полагалось для пріема,—вслѣдствіе такого случая. На Кавказѣ, изъ какой-то казачьей станицы, отправились всѣ въ походъ противъ горцевъ: въ это время черкесы напали на станицу и разграбили, забравъ плѣнныхъ; и только одинъ мальчуганъ куда-то спрятался со своею сестрёнкой—крошкой. По удаленіи черкесовъ, онъ питался чѣмъ попало, а сестрёнку кормилъ молокомъ ощенившейся собаки. Узнавъ объ этомъ, государь приказалъ помѣстить мальчика къ намъ въ корпусъ и далъ ему медаль „за спасеніе погибавшей", которую онъ и носилъ на груди. Пріѣзжая къ намъ съ гостями своими, государь показывалъ имъ этого находчиваго и добраго мальчика.

Кромѣ наукъ, гимнастики и танцевъ, насъ учили пѣть. Лучшіе голоса отбирались въ пѣвчіе, куда были отобраны я и братъ Владиміръ. Училъ насъ вахмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Постниковъ или „господинъ Постниковъ", какъ мы егоназы-

вали (мы величали такъ и нашихъ солдатъ дядекъ). У Постникова были черные приглаженные волосы, черные нафабренные усы и особенно въ немъ былъ соблазнителенъ гусарскій мундиръ. Подъ его наигрыванія на скрипкѣ мы пѣли военные сигналы, заучивая легко слова не только пѣхотныхъ, но артиллерійскихъ и кавалерійскихъ сигналовъ. Онъ же училъ насъ и церковному пѣнію, такъ что мы подъ его управленіемъ пѣли обѣдню, молебенъ и великопостную службу, хорошо справляясь и съ концертами.

Когда императоръ Николай Павловичъ въ пензенской губерніи выпалъ изъ коляски и сломалъ себѣ ключицу, а потомъ, по выздоровленіи, пріѣхалъ къ намъ въ корпусъ, то мы должны были привѣтствовать его пѣніемъ и криками „ура!“, стоя вдоль громадной нашей залы, въ строю по ротамъ и отдѣленіямъ. Въ головѣ каждой роты и отдѣленій стояли наши классныя дамы, почти всѣ украшенныя орденами, а за фронтомъ—наши старики-дядьки. Для этого случая насъ, пѣвчихъ, собрали къ одному мѣсту, и при появленіи Николая Павловича мы запѣли слѣдующее:

„Что такъ рано солнце встало,
Поразсыпался туманъ,
Ретивое заиграло?
Сердце—вѣще,—не обманъ.
Други, други, вѣсть несется!
Какъ роса отъ неба льется,
Ахъ! и вѣры намъ неймется,
Прибылъ къ намъ нашъ царь-отецъ.
Царь-отрада нашъ, о, слава!
Нашъ, о, слава! царь сердецъ! (2 раза).

О, товарищи, о, братья!
Полетимъ его встрѣчать!
Что за чудо,—надивиться!
Богъ ему здоровье далъ.
Богъ царемъ его поставилъ,
Чтобъ Россію онъ прославилъ,
Чтобъ вселенную избавилъ,
Чтобъ источникъ былъ добра.
Грянемъ всѣ: ура! ура!
Грянемъ всѣ: ура! ура!..“

Кто сочинилъ эти строки, кто положилъ ихъ на музыку—не знаю, но вскорѣ солдата-гусара господина Постникова мы увидѣли въ офицерскомъ мундирѣ.

Николай Павловичъ остался нами доволенъ, былъ веселъ и пожелалъ попробовать силу выздоровѣвшей своей руки, и для

того поставилъ насъ, кадетъ, въ шеренгу, велѣлъ держаться на ногахъ крѣпко, потомъ толкнулъ ближайшаго больной рукой, и вся шеренга повалилась. Такъ дѣлали мы со своими оловянными или бумажными солдатиками, когда играли въ сраженіе.

Въ лѣтнее время насъ водили классныя дамы въ царскосельскій дворцовый садъ и, довольно часто, нѣкоторыхъ кадетъ отправляли во дворецъ, для игры съ дѣтьми государя; брата моего Владиміра посылали постоянно, а меня—никогда. Но случалось, что гуляющія команды зазывались государемъ, и тутъ уже были не отборные, а кто случится; мы бѣгали и играли безъ всякаго стѣсненія; лазили по гимнастическимъ лѣстницамъ и шестамъ, прыгали по натянутой подъ гимнастикой сѣткѣ и катались съ деревянной горки, устроенной въ одной изъ комнатъ дворца. Государь игралъ съ нами; въ разстегнутомъ сюртукѣ ложился онъ на горку, и мы тащили его внизъ или садились на него, плотно другъ около друга; и онъ встряхивалъ насъ, какъ мухъ. Любовь къ себѣ онъ умѣлъ вселить въ дѣтяхъ; былъ внимателенъ къ служащимъ и зналъ всѣхъ классныхъ дамъ и дядекъ, которыхъ звалъ по именамъ или фамиліямъ.

Подходило время перевода моего въ 1-й кадетскій корпусъ. Мы знали, что ѣхать придется съ инспекторомъ Мецомъ и ѣхать безъ шалостей, такъ какъ бывали случаи, что за шалости кадетъ сѣкли на дорогѣ.

V.

Въ 1839 году, августа 19-го, я былъ привезенъ изъ Царскаго-Села въ Петербургъ и переведенъ изъ Александровскаго Малолѣтняго въ Первый кадетскій корпусъ. Насъ привели въ *неранжированную* роту, къ командиру капитану Михаэлю.

Мнѣ уже было извѣстно, что капитанъ этотъ чрезвычайно сердитъ и больно сѣчетъ. Поговоривъ съ нами, Михаэль спросилъ, знаемъ ли мы его? Я сказалъ, что слышалъ о немъ. Онъ спросилъ: „Что̀ же вы слышали?“—„Я слышалъ, что вы злы, сердиты, васъ всѣ боятся, и что вы очень больно сѣчете“. На лицѣ Михаэля появилась недовольная улыбка. Однако я ему понравился; онъ меня позвалъ къ себѣ и угостилъ огромнымъ стаканомъ кофе.

Прошло время нашего экзамена, чтобы по знаніямъ размѣстить въ классы, но экзамена не сдѣлали и разсадили; кажется, по росту. Я попалъ въ классъ, гдѣ все уже зналъ, такъ какъ проходилъ тѣ же предметы въ прошломъ году. Я былъ доволенъ,

что отличаюсь знаніемъ отъ прочихъ; но мало-по-малу забывалъ пройденное и разлѣнивался.

Училъ насъ французскому языку Мирандъ, весьма оригинальная фигура. Большой, полный старикъ съ морщинистымъ лицомъ, крючковатымъ носомъ, бритый, съ огромными черными крашеными бровями и чернымъ какъ вороново крыло парикомъ съ невозможно сдѣланнымъ хохломъ въ видѣ крючка, и съ широкими завитками на вискахъ и затылкѣ. Говорили, что онъ изъ оставшихся въ Россіи барабанщиковъ Наполеоновской арміи. Крайне грубый, онъ стучалъ неистово въ классѣ камышевой палкой (палками и тутъ, какъ въ Александровскомъ корпусѣ, снабжали учителей въ классахъ). Однажды онъ явился очень серьезный и подпивши, вынулъ изъ кармана кошелекъ, высыпалъ монеты на каѳедру, отсчиталъ, сколько, и по числу ихъ выставилъ въ классномъ журналѣ для отмѣтокъ столько же нулей, ни у кого не спрашивая урока, подремалъ, походилъ по классу и ушелъ. Кадетъ нашего класса Нотбекъ 4-й нарисовалъ каррикатуру Миранда грифелемъ на аспидной доскѣ, которая попала въ руки начальства, и бѣднаго Нотбека больно высѣкли передъ всѣмъ классомъ, съ разстановкой и наставленіями; — ему было дано болѣе пятидесяти ударовъ. Каррикатура лежала въ головахъ.

Учитель русскаго языка Орѣшниковъ былъ рыженькій, въ короткихъ штанахъ съ пятнами, изъ кантонистовъ. Каждый почти разъ приходилъ онъ въ классъ подпивши и, бывало, уговаривалъ насъ сидѣть тише, когда слышалъ, что вдали на галлереѣ скрипитъ дверь, изъ боязни, чтобы инспекторъ, услыхавъ шумъ, не вошелъ. — Онъ таинственно произносилъ, указывая на дверь: „Господа, дверь скрипитъ; инспекторъ идетъ!“ — и при этомъ облизывался.

Я совсѣмъ предался маршировкѣ, которой насъ учили въ неранжированной ротѣ и ружейнымъ пріемамъ,—и скоро перещеголялъ почти всѣхъ. Это меня довольно часто спасало отъ наказаній и доставляло различныя выгоды. Цѣлый день и вечеромъ, когда всѣ занимались уроками, я обучался маршировкѣ у солдата, приготовляясь быть посланнымъ ординарцемъ къ государю. Михаэль, при моей маршировкѣ, любовался мною, какъ я шелъ, держа ружье, и у меня не шевелился штыкъ, несмотря на киверъ и тесакъ, надѣтые на мнѣ, и говорилъ, указывая товарищамъ: „Земчужниковъ идетъ, какъ стрѣла летитъ“. (Онъ былъ изъ евреевъ.)

Каждый понедѣльникъ въ нашей ротѣ происходила экзеку-

ція,—кого за дурной балъ, кого за шалости или непослушаніе. Тѣхъ, которымъ предстояли розги, отпускали на воскресенье къ родителямъ; при этомъ надъ ними посмѣивались, какъ и надъ тѣми, которымъ предстояли тѣ-же розги, но почему-либо они оставались въ корпусѣ. Эти пользовались до понедѣльника особымъ снисхожденіемъ и ихъ не лишали лакомаго блюда, а напротивъ, часто дежурный офицеръ самъ отдавалъ имъ свой пирогъ, булку или говядину, гладя по головкѣ.

Сѣкли цѣлыми десятками или по восьми человѣкъ, выкликивая первую, вторую и т. д. смѣну, въ послѣдовательномъ порядкѣ; при этомъ насъ выстроивали по-парно, и по командѣ нога въ ногу мы шли въ залу. Въ карманѣ у Михаэля былъ запасъ рукописныхъ записокъ съ каждыми мелочами, замѣченными въ теченіе недѣли. Рекреаціонная зала была громадная, холодная и по срединѣ ея, въ понедѣльникъ утромъ стояли восемь или десять скамеекъ (безъ спинокъ), по количеству лицъ въ смѣнѣ. Скамейки были покрыты байковыми одѣялами; тутъ же стояли ушаты съ горячей соленой водой, и въ ней аршина въ полтора розги перевязанныя пучками. Кадеты выстроивались шеренгой, ихъ раздѣвали или они раздѣвались, клали или они ложились изъ молодечества сами на скамью; одинъ солдатъ садился на ноги, другой на шею, и начиналась порка съ двухъ сторонъ; у каждаго изъ этихъ двухъ солдатъ были подъ мышкой запасы пучковъ, чтобы мѣнять обившіяся розги на свѣжія. Розги свистѣли по воздуху, и Михаэль иногда приговаривалъ: „рѣже!“—„крѣпче!“... Свистъ, стонъ—нельзя забыть... Помню непріятный до тошноты запахъ сидѣвшаго у меня на шеѣ солдата, и какъ я просилъ, чтобы онъ меня не держалъ, и какъ судорожно прижимался къ скамьѣ. Маленькіе кадеты и новички изнемогали отъ страха и боли, но ихъ продолжали сѣчь. Случалось, что высѣченнаго выносили на скамьѣ по холодной галлереѣ въ лазаретъ. Крѣпкіе и такъ называемые старые кадеты хвастались другъ передъ другомъ, что его не держали, а тотъ не кричалъ, показывали другъ другу слѣды розогъ и одинъ у другого вынимали изъ тѣла прутики; и тутъ рубашки и нижнее бѣлье всегда были въ крови — и рубцы долго не заживали [1]).

Понедѣльники наводили на всѣхъ ужасъ. Бывали и счастли-

[1]) Такая жа частая, но еще болѣе жестокая порка производилась надъ служащими у насъ солдатами, какъ намъ было извѣстно изъ ихъ же разсказовъ. Битье солдатъ по лицу считалось пустякомъ. Михаэль былъ роста небольшого и подпрыгивалъ, ударяя кулакомъ солдата въ зубы и окровавляя ему лицо.

вья случайности. Однажды привели меня въ залу, въ числѣ прочихъ, во время экзекуціи, что̀ дѣлалось тогда для устрашенія. Подъ крикъ бѣдняковъ и плачъ новой приведенной смѣны однажды я незамѣтно все подвигался къ выходу и убѣжалъ въ дверь, пустившись по галлереямъ, мимо квартиры Михаэля, внизъ по лѣстницѣ, за ворота въ садъ и черезъ лугъ къ пруду, чрезъ который былъ мостъ, и спрятался подъ мостомъ. По галлереѣ я слышалъ за собой сначала погоню, но потомъ—никого. Сижу подъ мостомъ и жду, что̀ будетъ. Спустя продолжительное время, слышу, меня зовутъ, громко выкрикивая фамилію,—я молчу; ходили черезъ мостъ у меня надъ головой, еще звали... наконецъ все стихло. Прошло еще время, и я разсчиталъ по звукамъ отдаленныхъ барабановъ, что первые часы урока кончились и начались вторые; я вылѣзъ и пошелъ... куда?—отправился прямо въ квартиру Михаэля. Въ передней я встрѣтилъ его жену и попросилъ, чтобы она за меня заступилась,—и успѣшно, такъ какъ меня избавили отъ наказанія.

Между нами упорно держались разсказы, что наши офицеры, Михаэль и Черкасовъ (оба жестокіе) сильно пострадали во время бунта новогородскихъ военныхъ поселеній, гдѣ они тогда служили. Духъ ли жестокой аракчеевщины сидѣлъ въ нихъ, или жестокая система воспитанія, введенная прежнимъ директоромъ, философомъ Клингеромъ [1]), пустила такіе глубокіе корни—судить не берусь.

VI.

До крайности тяжело было мнѣ въ корпусѣ; въ семействѣ своемъ я также не находилъ той сердечности, участія и любви къ себѣ, которыхъ требовала душа; моя лѣнь, загрубѣлость, скрытность или, вѣрнѣе отсутствіе откровенности—не были симпатичны моему отцу и братьямъ. Я задумалъ бѣжать изъ корпуса и сдѣлаться разбойникомъ; разсказы товарищей-черкесовъ, чтеніе романовъ „Кузьма Рощинъ“, „Ганъ Исландецъ“, „Дубровскій“—меня воспламеняли. Къ намъ поступилъ новичокъ, и для исполненія задуманнаго побѣга я взялъ у него ночью платье, одѣлся, запасся веревкой и разсчитывалъ, что убѣгу черезъ форточку, спустясь по веревкѣ. Братъ мой Владиміръ, въ это время, былъ тоже въ неранжированной ротѣ. Онъ вышелъ меня про-

[1]) Клингеръ въ 1780 году вступилъ въ русскую службу и былъ назначенъ директоромъ Перваго кадетскаго корпуса. См. о немъ „Вѣстникъ Европы“, 1899, февраль.

водить. Я съ нимъ поцѣловался, прощаясь, но онъ горячо меня упрашивалъ остаться, плакалъ, обнималъ и... тронулъ: — я рѣшилъ остаться.

Былъ у насъ кадетъ Сорока (кромѣ него, еще были два брата Сороки—не родня тому, о которомъ я говорю); онъ становился все блѣднѣе, не могъ согрѣться, стоя постоянно спиною у печи, чахъ, былъ отправленъ въ лазаретъ и умеръ. Великій князь Михаилъ Павловичъ велѣлъ разслѣдовать его болѣзнь, и его вскрыли въ комнаткѣ, находящейся близъ залы, куда вела дверь въ другую комнату и сѣни, гдѣ налѣво была конура ламповщика Колесникова, которая пропахла мыломъ и всякой всячиной. Мы узнали, въ какой комнатѣ лежитъ покойникъ, и я, считаясь неустрашимымъ, пошелъ туда и увидѣлъ бѣднаго Сороку, одѣтаго въ старую куртку и сапоги съ заплатами и лежащаго на столѣ. Подъ головой было полѣно, на лбу явные слѣды ранъ отъ вскрытія черепа; сукровица еще была на столѣ и частью подъ столомъ. Я разсказалъ товарищамъ и водилъ ихъ смотрѣть на покойника. Насталъ вечеръ, и мы уже поужинали; я опять пригласилъ желающихъ идти со мной; но нашлись только двое, и я ихъ храбро повелъ. Осторожно пробравшись къ покойнику, мы увидѣли его въ томъ же положеніи, но прикрытаго простыней; въ головахъ и ногахъ стояли ночники. Это были длинныя трубки изъ желѣза, укрѣпленныя къ тазамъ; въ трубкахъ была вода и въ нихъ вставлены сальныя свѣчи. Такіе ночники горѣли по почамъ въ спальняхъ. Мы тихо и робко вошли; я храбро началъ показывать покойника, его раны, швы на черепѣ, сукровицу, старое, негодное платье, и для этого отдернулъ простыню; но въ это мгновеніе, отъ вѣтра или неосторожности кого-либо изъ насъ, потухла свѣча, и товарищи, перепугавшись, убѣжали. Ночникъ упалъ; отъ колыханія воздуха при нашей бѣготнѣ и хлопаньѣ двери, потухла и другая свѣча. Я тоже выскочилъ изъ двери и еще придержалъ ее крѣпко, чтобы не допустить покойника бѣжать за нами въ догонку, а затѣмъ со всѣхъ ногъ бросился за товарищами, браня ихъ трусами...

Помню еще такой случай: мнѣ предстояла порка, ежели не буду знать урока, и надо было его отвѣтить въ классѣ утромъ. Я взялъ стеариновый огарокъ, которымъ запасся дома, отправился одинъ въ залу, громадную, холодную, и для безопасности сѣлъ въ отдаленномъ углу подъ образъ къ столу и началъ учить урокъ. Сидѣть было жутко: я вѣрилъ въ чорта и боялся его, но вѣрилъ и въ силу Бога, которая могла защитить меня. Сидѣлъ я долго. Подъ утро барабанщикъ отворилъ дверь и со

свѣчою пошелъ къ часамъ, посмотрѣть, не пора ли бить повѣстку. Часы были въ другомъ концѣ залы, и я не могъ разсмотрѣть хорошо, вошелъ ли кто-либо съ нимъ, потому что свѣча едва освѣщала окружающее его пространство. Между нимъ и мною была темнота. Барабанщикъ ушелъ, хлопнувъ дверью, которая была съ блокомъ.

Настала тишина; но вскорѣ я услышалъ прищелкиванье и прыганье въ тактъ качучи. Я подумалъ, что товарищъ мой, Дубельтъ, хочетъ меня попугать, такъ какъ онъ часто прищелкивалъ качучу; и не обращая вниманія, нарочно, продолжалъ зазубривать урокъ. Но нечаянно взглянулъ передъ собою, и на разстояніи, гдѣ исчезалъ свѣтъ моей свѣчи, мнѣ представилась громадная фигура почти до потолка, щелкающая тактъ качучи руками и дѣлавшая прыжки отъ одной стѣны залы до другой; я отвернулся, началъ смотрѣть въ книгу и читалъ молитвы. Разсвѣло: забарабанилъ утренній барабанъ, и я вышелъ изъ залы.

Директоромъ нашего корпуса, въ это время, былъ Годейнъ. Личность оригинальная. Онъ обходилъ классы и роты раза два въ годъ, хотя жилъ въ самомъ корпусѣ; приходилъ въ ермолкѣ, съ сигарой и въ туфляхъ. Онъ былъ, вообще, добродушный человѣкъ. Однажды, когда меня не отпускали домой, а ѣхать хотѣлось, я убѣжалъ къ нему на квартиру и попросилъ отпустить; онъ далъ записку къ ротному командиру, чтобы меня отпустили, но заставилъ предварительно промаршировать съ ружьемъ передъ собою. Нерѣдко бывали случаи, что кадеты старшихъ ротъ приходили на его квартиру и покупали у его жены масло за 50 к., и какъ теперь помню форму этого масла съ клеймомъ: „Лисино“. При подобныхъ покупкахъ нерѣдко, по ходатайству его жены, кадеты избавлялись отъ наказанія.

Что же касается нравственности въ неранжированной ротѣ, гдѣ кадеты были только до двѣнадцати лѣтъ, то она была уже не та, что въ Александровскомъ корпусѣ. Отъ кадетъ старшихъ ротъ доходили до насъ неприличные стихи, которые передавались отъ одного къ другому, заучивались наизусть и записывались, и случались пороки, свойственные закрытымъ заведеніямъ.

Пришелъ Великій постъ; на четвертой недѣлѣ мы говѣли. На исповѣдь насъ водили по нѣскольку человѣкъ, и когда однихъ исповѣдывали въ алтарѣ, другіе разговаривали тихо между собою и молились въ самой церкви или въ прилегающихъ къ ней комнатахъ, въ которыхъ тоже были образа. Я особенно любилъ въ церкви образъ Божіей Матери съ Христомъ; они, казалось, смотрѣли на меня, и я выливалъ передъ ними свою душу, плакалъ

и подолгу простаивалъ. Дошла очередь до меня исповѣдываться, и я отправился въ алтарь. Священникъ нашъ, Раевскій [1]), былъ огромнаго роста, плотная фигура съ умнымъ и добрымъ лицомъ. Покаявшись въ грѣхахъ, я съ волненіемъ разсказалъ священнику, что хотѣлъ бѣжать и сдѣлаться разбойникомъ; зорко онъ на меня посмотрѣлъ, а я залился слезами. Онъ погладилъ меня по головѣ и сказалъ: „Ты будешь хорошій человѣкъ, я и Господь тебя прощаемъ!“ Съ тѣмъ и отпустилъ меня. Тогда мнѣ это не понравилось; я ожидалъ, что онъ не только наложитъ на меня эпитимію, но лишитъ причастія, а его снисходительное отношеніе къ моей исповѣди—обидѣло меня. Не безъ улыбки и добраго чувства я теперь вспоминаю это.

VII.

Отецъ мой былъ тогда петербургскимъ губернаторомъ [2]), ѣздилъ лѣтомъ на ревизію, а въ его отсутствіе я съ двумя братьями: Александромъ и Владиміромъ гостили одинъ разъ у старушки кн. Львовой въ Лѣсномъ-Корпусѣ на дачѣ, а другой разъ на Черной-Рѣчкѣ—у Болиныхъ на дачѣ.

Третье лѣто мы провели въ Петергофѣ у тетушки, сестры моей матери, М. А. Крыжановской [3]) (въ то время уже вдовы). Петергофъ тогда еще только отстраивался дачами, и у тетушки нашей строилъ архитекторъ, который и жилъ въ одной изъ построекъ. Однажды я съ братьями отправился къ нему, и онъ угостилъ насъ сигарами. Мы хотѣли быть большими, закурили сигары и, раскланявшись, вышли въ садъ. Владиміръ тотчасъ же отдалъ сигару Александру, который ее спряталъ, а я продолжалъ курить, но, почувствовавъ себя нехорошо, тоже отдалъ сигару брату Александру. До обѣда оставалось мало времени, и мы изъ боязни, какъ бы Марья Алексѣевна не узнала, что мы курили, поѣли цвѣтовъ настурціи, и пошли приготовляться къ обѣду во флигель, гдѣ помѣщались во второмъ этажѣ. Но тутъ голова закружилась у меня, началась рвота; я высунулся изъ окна и упалъ изъ него въ садъ, но зацѣпился ногами за натянутыя веревки, на которыхъ висѣло вымытое бѣлье,

---

[1]) Старшій братъ того Раевскаго, который былъ священникомъ въ Вѣнѣ; и я впослѣдствіи съ нимъ не разъ вспоминалъ нашего добраго и умнаго законоучителя.

[2]) Съ 1835 по 1841 годъ.

[3]) Мужъ ея, Максимъ Константиновичъ, былъ комендантомъ спб. Петропавловской крѣпости.

юбки и платья тетушки. Часть веревокъ оборвалась, и бѣлье упало въ грязь, а все-таки веревки спасли меня отъ ушиба. Умывшись и одѣвшись, мы отправились къ обѣду, гдѣ я, конечно, ничего не ѣлъ; но блѣдность моя была замѣчена. Этотъ урокъ имѣлъ свою хорошую сторону—я никогда больше не пробовалъ курить, и до сихъ поръ не курю и плохо переношу табачный дымъ.

Зимою, во время большихъ праздниковъ, отецъ бралъ очень часто для насъ ложи въ театры, и я съ малыхъ лѣтъ съ большимъ интересомъ смотрѣлъ пьесы Шекспира, которыя болѣе другихъ врѣзывались въ мою память. По возвращеніи изъ театра, отецъ всегда разспрашивалъ меня, что̀ я видѣлъ, и я обязанъ былъ передать ему свои впечатлѣнія. Мой старшій братъ Алексѣй часто передъ театромъ объяснялъ намъ содержаніе пьесы, и я съ большимъ вниманіемъ слушалъ его. Онъ же иногда писалъ пьесы для домашняго театра; и мы всѣ, съ двоюроднымъ братомъ Петромъ Курбатовымъ, разыгрывали ихъ въ присутствіи отца и нѣкоторыхъ знакомыхъ. Было это въ помѣщеніи губернаторскаго дома въ Коломнѣ. Губернаторская квартира была большая, и приходилось часто изъ кабинета, по приказанію отца, идти за чѣмъ-нибудь въ столовую, черезъ двѣ неосвѣщенныя комнаты; я шелъ всегда съ біеніемъ сердца мимо зеркалъ: даже днемъ зеркала наводили на меня какое-то странное впечатлѣніе. Днемъ въ большой гостиной я любилъ смотрѣть подолгу на портретъ дяди моего, Вас. Алексѣевича Перовскаго, изображеннаго во весь ростъ въ атаманскомъ казачьемъ мундирѣ, въ степи, на его сѣрую лошадь и казака. Портретъ этотъ написанъ К. Брюлловымъ.

VIII.

Подъ осень, когда отецъ возвращался съ ревизіи, мы возвращались съ дачъ къ нему до конца каникулъ, и онъ иногда отпускалъ насъ погулять. Я и братъ Владиміръ, получивъ копѣекъ по 50-ти на свое удовольствіе, надумались отправиться въ Александро-Невскій монастырь, осмотрѣть его, а затѣмъ явиться къ бывшему сослуживцу отца, архимандриту Палладію, и передать отъ него поклонъ. Такъ мы и сдѣлали. Мы пришли туда пѣшкомъ, а отъ Палладія отправились къ казакамъ въ казармы и наняли у нихъ лошадей покататься. Накатавшись вдоволь, усталые, въ испаринѣ, мы захотѣли выкупаться и пошли къ берегу Невы; но купальня была не въ порядкѣ,—уже гото-

вились ее убрать; однако дверь была отворена. Мы вошли, раздѣлись, я бросился въ воду—она была очень холодна, но я доплылъ до другой стороны купальни и вернулся назадъ; тогда братъ кинулся въ воду, но вскорѣ силы его покинули, и онъ съ трудомъ держался. Я бросился изъ купальни и началъ кричать; прибѣжалъ солдатъ, полѣзъ въ воду, но было глубоко, и онъ вышелъ, принесъ жердь, и мы вдвоемъ вытащили озябшаго и испуганнаго брата. Когда мы вышли на берегъ, оказался снѣгъ въ углубленіяхъ на другомъ берегу, который мы не замѣтили. Домой мы опять и очень охотно пошли пѣшкомъ, и, передавъ отцу поклонъ архимандрита и разсказавъ о катаньѣ на казацкихъ лошадяхъ, конечно, умолчали о купаньѣ.

Однажды императоръ Николай Павловичъ пріѣхалъ къ намъ въ корпусъ (что̀ бывало нерѣдко) и вошелъ въ спальню, гдѣ мы были выстроены при своихъ кроватяхъ и съ нимъ по формѣ поздоровались, прокричавъ: „Здравія желаемъ, ваше императорское величество!“ Онъ сказалъ: „Поздравьте меня, я—дѣдушка, и нѣтъ надобности дѣдушкѣ этого носить“. При этомъ онъ снялъ съ головы своей накладку, подбросилъ ее ногой и съ этого дня накладки не носилъ.

Я упоминалъ уже, что сильно огрубѣлъ въ корпусѣ, и въ этомъ отношеніи становился все хуже. Въ отпускъ домой идти мнѣ не было охоты, и, подъ предлогомъ, будто бы я наказанъ или что мнѣ слѣдуетъ приготовить уроки,—оставался въ корпусѣ. Розги меня только озлобляли, и не такъ противъ начальниковъ, какъ противъ отца, который отдалъ меня въ корпусъ. По какому-то случаю, пріѣхалъ изъ Павловки Кириллъ Алексѣевичъ Зубовъ, женившійся на моей двоюродной сестрѣ Сашѣ (дочери Тикованы) и привезъ мнѣ ея письмо съ припиской моей дорогой тетушки; онѣ просили меня учиться и вести себя хорошо. Ласковыя ихъ слова воскресили въ моей душѣ далекое прошлое; я долго ходилъ съ Зубовымъ по галлереѣ и плакалъ (чего давно уже не было), обѣщалъ исправиться; и дѣйствительно, нѣкоторое время учился и велъ себя безукоризненно. Письма Тикованы и только ея письма, безконечно добрыя, размягчали мое сердце; однако это продолжалось недолго; пришло извѣстіе о смерти тетушки, а затѣмъ и смерти ея дочери Саши. Съ ними исчезло все для меня дорогое... Я не зналъ, какъ мнѣ избавиться отъ корпусной тюрьмы и тиранства, и для этого растравлялъ себѣ на ногѣ рану: скоблилъ ножичкомъ надъ костью кожу и мясо, подсыпая соли. Но такъ какъ за подобныя продѣлки жестоко наказывали, то я долженъ былъ пріоста-

новиться; потомъ началъ сыпать себѣ въ одинъ глазъ соли, но и тутъ едва не былъ уличенъ фельдшеромъ;—бросилъ и это средство.

Перейдя изъ неранжированной роты въ слѣдующій классъ, я сталъ вполнѣ старымъ кадетомъ и силачомъ, что̀ придавало мнѣ вѣсъ и уваженіе среди товарищей. Нравы и порядки были тѣ же, что и въ младшемъ классѣ; и розги были на первомъ планѣ. Михаэля замѣнилъ другой солдафонъ, жестокій Аргамаковъ, а Черкасова—Поморскій, котораго могу помянуть добромъ, хотя и имъ былъ сѣченъ, но вѣроятно по приказанію инспектора или директора, барона Шлиппенбаха [1]). Личность директора была мнѣ весьма несимпатична; онъ меня звалъ „Лёвушкой“, говоря: „мальчикъ со способностями, долженъ получить лучшій баллъ, надо высѣчь“—и сѣкъ. Его экзекуціи тоже были еженедѣльныя, но по субботамъ и въ классахъ, которые онъ обходилъ одинъ за другимъ. Классы были расположены въ два этажа, одинъ около другого, обращенные одною стороною на площадь и садъ, а другой—въ корридоръ или крытую галлерею. Его шествіе намъ было заранѣе извѣстно, такъ какъ мы посматривали черезъ окна въ галлерею, и тамъ начиналась суматоха, а затѣмъ слышались крики сѣкомыхъ. Чѣмъ ближе онъ приближался, тѣмъ громче становилась его брань, плачъ кадетъ, стоны и свистъ розогъ. Кромѣ дверей, выходящихъ въ галлерею, были еще внутреннія двери, которыя открывались настежъ при входѣ процессіи. Прежде всего появлялась скамья, которую несли солдаты; за нею шли четыре солдата съ розгами; скамья ставилась около каѳедры (и при учителяхъ,—урокъ въ это время останавливался); въ сосѣднемъ классѣ еще слышнѣе были наставленія Шлиппенбаха. Затѣмъ появлялась его высокая и плотная фигура, съ судорожнымъ подергиваніемъ усовъ; за нимъ слѣдовали иногда инспекторъ въ бѣломъ галстухѣ, съ орденомъ на шеѣ, въ вицъ-мундирѣ, и всегда засученнымъ правымъ рукавомъ,—или его помощникъ и дежурный офицеръ.

— Здравствуйте!

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!—вставая со своихъ мѣстъ, кричали кадеты.

— А ну, Лёвушка, пойди-ка сюда, надо тебя высѣчь, плохо учился! мальчикъ со способностями; другого прощу,—тебя не могу; люблю,—любя, сѣку!

Раскладывали меня и сѣкли; никакія просьбы и обѣщанія не могли разжалобить.

---

[1]) Шлиппенбахъ замѣнилъ Годейна.

— Да и батюшка твой просилъ тебя держать строже...— продолжалъ Шлиппенбахъ.

Горько, больно и обидно было мнѣ выслушивать это публично въ классѣ, передъ товарищами, учителями, начальствомъ и солдатами. Было тѣмъ больнѣе, что хотя дома меня строго держалъ отецъ, но я говорилъ товарищамъ иное. Такое указаніе на строгость и требованіе отца моего, высказанное начальствомъ, было единственнымъ въ корпусѣ; другихъ кадетъ, напротивъ, попрекали баловствомъ маменекъ и папенекъ.

IX.

Учителя въ старшихъ классахъ, какъ и въ неранжированной ротѣ, были очень плохи. Учитель нѣмецкаго языка, Асмусъ, за котораго меня много разъ сѣкли, былъ прямо глупъ. Я съ нимъ выдѣлывалъ всякія шалости. Во время диктовки Асмусъ ходилъ вдоль классныхъ скамеекъ и столовъ, въ которыхъ были вдѣланы чернильницы, держа въ одной рукѣ книгу, а другою водилъ пальцами вдоль столовъ нашихъ, и я, зная эту привычку, маралъ чернилами столы въ разныхъ мѣстахъ, и онъ пачкалъ себѣ пальцы, а затѣмъ и лицо. Учили насъ, какъ и въ Александровскомъ корпусѣ, по методѣ Эртеля. Учитель спрашивалъ: „Was ist das?“ Мы должны были всѣ разомъ встать и пропѣть въ отвѣтъ, какъ называется предметъ, изображенный на картинкѣ, на которую указывалъ палкой учитель: „Das ist eine Blume“ и т. п. Въ ожиданіи, что Асмусъ будетъ спрашивать заданный урокъ и навѣрное спроситъ меня, я разставлялъ, къ его приходу, на треножникѣ картинки, привязывалъ бичевку къ ножкѣ треножника и, не выпуская изъ рукъ конца бичевки, ждалъ своей очереди. Если Асмусъ спрашивалъ кого-либо изъ товарищей, плохо знающихъ урокъ, то, чтобы его выручить, я дергалъ бичевку—треножникъ падалъ, и начиналась въ классѣ всеобщая суматоха: бѣжали съ разныхъ столовъ, поднимали картинки и треножникъ и подсказывали, что слѣдуетъ отвѣчать. Доходила очередь до меня, „разбойника“ (какъ звалъ меня Асмусъ). Я выходилъ серьезно и вскорѣ задѣвалъ картинки или ножку треножника, и опять происходила безконечная бѣготня и суета. Асмусъ былъ худъ, на очень тоненькихъ ногахъ и покашливалъ; грудь была вдавлена и на шеѣ всегда висѣлъ орденъ, а также и въ петлицѣ вицъ-мундира. Однажды я рѣшилъ подурачиться: онъ диктовалъ, а я бросалъ шарики по столу, по которому онъ

водилъ пальцами, и самъ не писалъ, отговариваясь болью пальца, который подвязалъ. Когда Асмусъ дошелъ до моего стола, я вынулъ перочинный ножъ и съ угрозой посмотрѣлъ на него; а надо сказать, что онъ былъ чрезвычайный трусъ. Онъ опять идетъ мимо. Я начинаю точить ножъ и съ еще болѣе грознымъ видомъ на него посматриваю, а когда онъ въ третій разъ подошелъ ко мнѣ, то, пробуя рукою ножъ, я вдругъ вскакиваю. Асмусъ отскочилъ отъ меня съ крикомъ: „Что̀! Что̀! зарѣзать хочешь? Ну, рѣжь, снимай съ меня всѣ россійскіе ордена!..“ Въ этотъ моментъ вошелъ инспекторъ; послѣдовала жалоба на меня и въ субботу—розги.

Иногда вина дѣйствительная, заслуживавшая наказанія, сходила съ рукъ, по причинѣ непонятной. Былъ у насъ учитель французъ Фавръ, сухой, желчный и непріятный. Онъ диктовалъ однажды урокъ, а я, вмѣсто урока, писалъ для товарища непозволительные стихи: французъ сообразилъ, что я пишу не то, что̀ онъ диктуетъ, неожиданно подошелъ ко мнѣ, выхватилъ написанный мною листъ, сложилъ и спряталъ въ боковой карманъ. Я просилъ возвратить мнѣ, говорилъ, что это письмо къ отцу, поздравленіе въ стихахъ,—онъ не вѣрилъ, хотя по-русски читать не умѣлъ и говорилъ съ трудомъ. Я зналъ, что дѣло можетъ плохо кончиться: меня высѣкли бы передъ цѣлымъ корпусомъ, и, вѣроятно, пересѣкли бы тѣхъ, чьи фамиліи были записаны у меня. Сердце мое кипѣло отъ злобы и страха, тѣмъ болѣе, что ежеминутно могли явиться инспекторъ или его помощникъ. Что̀ дѣлать? Я тихонько попросилъ товарища отпроситься изъ класса, постоять за дверьми и войти за нѣсколько минутъ до окончанія урока. Онъ такъ и сдѣлалъ, и едва отворилъ дверь, я, какъ кошка, выпрыгнулъ со скамьи черезъ столъ и кинулся на учителя, крѣпко прижавъ его руки къ туловищу, и вытащилъ изъ его кармана мои стихи. Онъ вырваться не могъ и кричалъ во все горло: „Au voleur! Au voleur!“ Барабанъ забилъ перемѣну, товарищи приперли двери, и я, торжествующій, изорвалъ бумагу нарочно передъ глазами учителя на мелкіе клочки и потомъ выбросилъ ихъ. Кадеты мнѣ разсказывали, что палецъ учителя распухъ, и что онъ показывалъ его дежурному офицеру, не говорившему по-французски, и жаловался на меня. Мнѣ за это ничего не было; а кадеты разсказали французу, что меня больно высѣкли; и я показывалъ видъ, будто бы мнѣ больно сидѣть на скамьѣ, когда онъ проходилъ мимо меня съ подвязаннымъ пальцемъ; и онъ былъ видимо доволенъ.

X.

Въ болѣе старшемъ классѣ, въ который я былъ переведенъ, учителя были также весьма оригинальны. Начну опять съ нѣмца, къ которому мы особенно приставали. Фамилія его была Даль. Бывало, когда онъ идетъ въ классъ, то я его уже караулю, бѣгу къ двери, держу ее крѣпко за ручку и припираю ногой; Даль стучится въ дверь и не можетъ ее отворить; наконецъ, толкаетъ ее, разсердясь, со всей силы, она распахивается, и я падаю на полъ. Молчаливая сцена: я, вскакивая, извиняюсь или поднимаю какъ бы въ испугѣ руки,—онъ смущенъ, и мы молча смотримъ другъ на друга. Такія продѣлки повторялись постоянно.

Даль также училъ по методѣ Эртеля, т.-е. по картинкамъ, на треножникѣ, со стукомъ камышевой палки и съ пѣніемъ. Стукомъ палки, бывало, Даль требуетъ вниманія,—общая тишина. Онъ указываетъ на картинку и громко спрашиваетъ: „Was ist das?“ Мы встаемъ и поемъ: „Das ist eine Rosenknospe“ или „Glokenblume“ и т. д. Я серьезно пою на разные голоса фальшиво; въ другихъ концахъ класса кадеты дѣлаютъ то же; Даль то подкрадывается ко мнѣ, то большимъ прыжкомъ къ другому, стучитъ палкой, чтобъ утихли, начинаетъ меня бранить, горячится, чихаетъ, и коричневая табачная жидкость вылетаетъ изъ его носа прямо на картинку, при общемъ хохотѣ. На шумъ входитъ инспекторъ. Даль показываетъ на меня, всѣ встаютъ, и я, среди тишины, протягиваю руку и, указывая на картинку, говорю: „кофе!“ Товарищи подхватываютъ слово „кофе“ и также указываютъ пальцами. Даль, сконфуженный, вынимаетъ свой красный шолковый платокъ и поспѣшно вытираетъ картинку, а инспекторъ удаляется.

Учителемъ исторіи былъ Касторскій [1]), худой, сутуловатый; волосы его висѣли на лбу; читалъ онъ свои лекціи по записочкамъ и за каждымъ почти словомъ издавалъ носовой звукъ на подобіе французскаго: in. „Сегодня, in, мы будемъ, in, проходить, in, Пуническія войны!“ и т. д. Мы записывали подъ диктовку, и онъ, бывало, подойдетъ къ кому-либо, возьметъ тетрадь, не можетъ разобрать и начнетъ браниться: „Ежели взять курицу, in, и замочить ей лапки въ чернила, in, и потомъ, in, пустить на бумагу, in, такъ она такъ же, in, напишетъ“... При этомъ Ка-

[1]) Братъ профессора Спб. университета.

сторскій былъ строгъ, пасмуренъ, молчаливъ, и когда спрашивалъ урокъ, вызвавъ кого-нибудь изъ кадетъ, то становилось особенно скучно. На этотъ случай я припасалъ нѣсколько большихъ мухъ, привязывалъ къ лапкамъ маленькіе кусочки бумаги и, мало-по-малу, изъ-подъ стола, выпускалъ ихъ. Мухи летаютъ, жужжа, сверкаютъ бумажки, пролетаютъ къ каѳедрѣ, мимо носа серьезнаго учителя, который невольно сторонится и хочетъ сохранить свое достоинство; а мы сдерживаемъ смѣхъ, чтобы не выдать себя.

Учителемъ алгебры былъ полковникъ Лука Лукичъ Германъ, великій чудакъ и добрякъ, разсѣянный и наивный. Возьметъ, напримѣръ, тетрадь кадета и во время диктовки самъ въ нее пишетъ, чѣмъ я пользовался часто. Наступила весна, повѣяло тепломъ, солнышко, въ окно виденъ садъ, чирикаютъ на окнахъ воробьи; куда какъ скучно сидѣть въ классѣ! только и слышишь диктовку, да скрипъ перьевъ [1]... Такъ бы и улетѣлъ на воздухъ въ открытое окно.

Неожиданно для всѣхъ раздается громко: „Лука!"

Молчаніе.

— Лука! а, Лука!

— Я!—отзывается невольно полковникъ Германъ, вдругъ прерываетъ диктовку и оборачивается:—Кто сказалъ „Лука"?

— Я!—говорю я.

Онъ вскакиваетъ, хватаетъ меня за грудь, трясетъ:

— Какъ ты смѣлъ назвать меня *Лука*! Ахъ, ты, мальчишка!.. да я тебя выброшу за окно!—и тащитъ меня къ растворенному окну.

Кадеты кричатъ:

— Полковникъ, полковникъ, Лука Лукичъ, простите!

Германъ меня отталкиваетъ отъ себя и миролюбиво уходитъ.

Мы всѣ его любили за то, что онъ никогда не жаловался.

Случались подобныя же продѣлки и съ ротными офицерами, и даже съ баталіоннымъ командиромъ. Былъ у насъ глупый и смѣшной офицеръ Моллеръ, маленькаго роста, съ большой головой и кривыми ногами, плохо говорившій по-русски. Однажды онъ накинулся съ бранью на меня въ строю роты и близко подошелъ ко мнѣ. Я разсердился, далъ ему договорить, и тогда сказалъ громко:—„Ахъ, ты этакая пробка!"—Это вызвало испугъ и сдержанный смѣхъ товарищей, а онъ на это отвѣтилъ:—„Что̀ ты сказалъ?.. пробка?!"—„Ну, да, пробка!"—повторилъ я.—„Пробка,

---

[1]) Тогда писали гусиными перьями, а стальныхъ не было.

ну, пробка! а ти, а ти... бутилька!..“—Тутъ послѣдовалъ общій хохотъ, и дѣло сошло благополучно.

Другой офицеръ, Шаталовъ, маленькій гренадеръ, имѣлъ особенно уморительный видъ, когда былъ въ киверѣ съ длиннымъ султаномъ изъ щетины. Бывало, въ классѣ, въ ожиданіи учителя, шумимъ и караулимъ въ окно галлереи, когда появится Шаталовъ, и по данному знаку начинаемъ всѣ повторять тихо: „Шаталовъ! Шаталовъ! Шаталовъ!“—усиливая голоса по мѣрѣ его приближенія. Онъ останавливается и спрашиваетъ: „Чтò вы кричите?“—„Мы не кричимъ, а говоримъ: шатается, шатается, скамейка“... — „Не смѣть говорить: шатается; говорите: качается!..“ Продѣлка эта постоянно повторялась.

Приведу кстати случай съ ротнымъ нашимъ офицеромъ Шевелевымъ. Дѣло было въ лагеряхъ. Послѣ ночной тревоги и манёвровъ, которые нерѣдко производились государемъ и отряднымъ командиромъ, мы легли днемъ отдыхать, раздѣвшись или нѣтъ—какъ кому угодно. Я уже былъ тогда настолько крѣпокъ и силенъ, что манёвры меня не утомили. День былъ ясный, жаркій; я и Михаилъ де-Витте, мой пріятель, не спали. Палатка была огромная; въ одномъ ея концѣ было отдѣленіе ротнаго командира Поморскаго, а въ другомъ—ротнаго офицера Шевелева. Мнѣ захотѣлось потѣшиться надъ Шевелевымъ. Я попросилъ де-Витте лечь и представиться спящимъ; затѣмъ взялъ травку, просунулъ въ парусинное окно палатки и началъ щекотать по лицу Шевелева, полураздѣтаго и спавшаго крѣпко, съ раскрытымъ ртомъ, безъ сапогъ. Шевелевъ сильно билъ себя по лицу, защищаясь отъ назойливыхъ мухъ, какъ ему казалось, но не просыпался. Я задумалъ сдѣлать другое, а именно, облить его квасомъ, который стоялъ тутъ же въ ведрѣ—всегда готовый. Взялъ я ковшъ съ квасомъ, протянулъ черезъ то же окошечко руку надъ головой Шевелева и увидѣлъ, что онъ однимъ глазомъ смотритъ; тѣмъ не менѣе, я выбросилъ на его лицо ковшъ съ квасомъ и быстро умчался, мимо его выхода, изъ палатки. Узнать, кто это сдѣлалъ, было трудно. Бодрствовалъ не я одинъ, а были и другіе, проснувшіеся и вовсе не спавшіе. Я походилъ вдали по лагерю, потомъ вхожу въ палатку; чтò же вижу: всѣ спавшіе подняты на ноги, стоятъ въ палаткѣ подъ ружьемъ, а озлобленный Шевелевъ ходитъ взадъ и впередъ мимо ихъ и заставляетъ выдать того, „кто *это* сдѣлалъ“, а *что* сдѣлалъ,—никто не понимаетъ. Я подумалъ, подумалъ,—слышу, Шевелевъ обѣщаетъ, что „всѣхъ оставитъ безъ обѣда, безъ ужина, скажетъ ротному и баталіонному команди-

рамъ,—всѣхъ пересѣкутъ", и проч. Чтò тутъ дѣлать? Отправился я къ ротному командиру Поморскому — спитъ и, какъ видно, очень усталъ и подпилъ. Я его тихо бужу: „Петръ Петровичъ! Петръ Петровичъ!"... Наконецъ, онъ проснулся; я ему разсказываю свою продѣлку; онъ слушаетъ, спустя ноги въ чулкахъ съ кровати, потомъ сказалъ: „Хорошо, ступай!"—и вышелъ изъ палатки въ сюртукѣ на-распашку. Разгоряченный Шевелевъ — къ нему, онъ его беретъ за руку и уводитъ; затѣмъ долго ходилъ съ нимъ и говорилъ, и продолжалъ говорить, вернувшись въ палатку. Тогда кадетъ изъ-подъ ружья распустили, а меня наказали вмѣсто нихъ; баталіонный командиръ Вишняковъ поставилъ меня подъ ружье за обѣдомъ и ужиномъ, передъ корпусомъ, къ столбу навѣса, и тѣмъ дѣло и кончилось, но я былъ долго въ недоумѣніи, готовясь перенести страшную порку: Вишняковъ сѣкъ очень больно.

Однажды я досталъ гдѣ-то кусочекъ ляписа и, узнавъ его свойство, чуть не у половины роты сдѣлалъ ночью крестики; конечно, сдѣлалъ и себѣ. Сколько это надѣлало безпокойства Поморскому, Вишнякову и Шлиппенбаху, когда черные кресты явились у кадетъ на лбу! Хорошо, что не пріѣхалъ государь или великій князь.

XI.

Вскорѣ братъ мой, Михаилъ, который былъ очень талантливъ, хорошо учился, рисовалъ, писалъ стихи, отличался остроуміемъ [1]), неожиданно, передъ самымъ выпускомъ, заболѣлъ и умеръ чахоткою. Онъ кончилъ курсъ едва-ли не первымъ, и его, вмѣсто отправки въ полкъ, отправили на Смоленское кладбище. Провожала его гренадерская рота кадетъ, въ которой онъ былъ старшимъ унтеръ-офицеромъ или фельдфебелемъ—не помню. Музыка играла похоронный маршъ, шло начальство, отецъ умершаго и всѣ братья. За этимъ горемъ слѣдовало для меня другое: моихъ братьевъ, Николая, Александра и Владиміра, взяли изъ корпуса, и я остался одинъ.

Мое пребываніе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ казалось мнѣ безконечнымъ; я рѣшительно не могъ себѣ представить, что когда-нибудь выйду на волю. Не было никого, кто бы согрѣлъ мою душу и сказалъ ласковое слово. Я впадалъ въ от-

[1]) Онъ записывалъ лекціи исторіи, рисуя каррикатуры на преподавателей, и по такимъ тетрадямъ готовилъ уроки; а также сочинилъ стихи, съ описаніемъ дѣйствующихъ лицъ въ корпусѣ, подъ заглавіемъ: „Звѣринецъ".

чаяніе: ни молитвы, ни колдовство мнѣ не помогали, и, наконецъ, съ большою боязнью, я рѣшился продать свою душу чорту, лишь бы избавиться отъ того гнета, въ которомъ находился. Я нарвалъ бумажекъ, разрѣзалъ себѣ палецъ и написалъ на бумажкѣ кровью: „Чортъ, чортъ, возьми мою душу!“—и бумажки пустилъ во время вѣтра въ форточку. Но и это не помогло; когда сѣкли, было больно по прежнему; участь моя продолжала быть тою же.

Держали насъ въ прохладѣ и кормили дурно. Въ столовую насъ водили въ однѣхъ курточкахъ по открытымъ галлереямъ изъ отдаленной части безконечнаго зданія, несмотря ни на какую погоду. Мы сами чистили себѣ платье, сапоги, ружья и дѣлали постели. Зала нашей роты была огромная и холодная. При входѣ въ нее, изъ холодной галлереи, была голландская печь въ три топки; но она грѣла только около себя, хотя бы ее топили по два раза въ день. Постройка корпуса была временъ кн. А. Д. Меншикова и составляла часть его дворца. Стѣны были очень толсты, но ветхи; паръ шелъ клубомъ изъ рта при разговорѣ; окна, стѣны, гвозди на полу были зимой покрыты инеемъ и льдомъ, который мы откалывали съ оконныхъ стеколъ и ѣли или оттаивали свѣчкой, чтобы въ этотъ оттаявшій кружокъ посмотрѣть на дворъ. Иногда раздавали намъ шинели и заставляли бѣгать или маршировать скорымъ шагомъ, съ частыми поворотами то туда, то сюда. Домой насъ отпускали зимою въ шинеляхъ, подбитыхъ парусиной до тальи отъ шеи; на головѣ былъ киверъ, до крайности неудобный, который придерживался ремнями, покрытыми мѣдью; черезъ плечо, на широкомъ, толстомъ и твердомъ ремнѣ, висѣлъ тесакъ и билъ по ногамъ. Калошъ не было не только у кадетъ, но и во всемъ войскѣ, начиная съ государя и великаго князя. Въ лагерь мы ходили пѣшкомъ за тридцать верстъ—въ Петергофъ, выходя днемъ, и на другой день приходили на мѣсто. На половинѣ дороги ночевали въ деревняхъ колонистовъ, въ сараяхъ на соломѣ; и за головой, изъ хлѣва, слышалось, черезъ плетень или переборку, хрюканье, блеянье, мычанье. Лагерь мы любили; здѣсь было свободнѣе; соблазняли насъ разносчики, нравилось намъ гулянье въ царскихъ садахъ, купанье въ морѣ, несмотря на весьма продолжительныя ученья и манёвры. Однажды было замѣчено Шлиппенбахомъ, что рота Перваго корпуса выбирала дорогу посуше, во время ученья, и, въ наказанье, онъ поставилъ ее подъ ружьемъ въ канаву, сдѣланную за лагеремъ, откуда стекала въ нее вода и нечистоты. Продержали тамъ долго ка-

деть и заставляли маршировать, хотя ногъ марширующихъ и не было видно, и вода была выше колѣнъ.

Передъ лагеремъ было поле, прилегающее къ городской улицѣ съ дачами; позади лагеря было другое громадное поле, сырое, кочковатое, на которомъ производились отрядныя ученья съ кавалеріей и артиллеріей. На этомъ полѣ и государь дѣлалъ намъ смотры. Однажды, во время смотра, мы едва вытащили ноги изъ липкой грязи, въ которой стояли, и я оставилъ тамъ правый сапогъ и такъ промаршировалъ весь смотръ, за что̀ тоже былъ наказанъ, хотя и не сѣченъ. Случалось, что на царскомъ смотру мы преслѣдовали непріятеля до канавы, о которой сейчасъ я упоминалъ, и туда многіе падали, когда запаздывалъ отбой [1]).

Лагерная столовая стояла далеко; это былъ навѣсъ на деревянныхъ столбахъ, вдоль котораго тянулись столы, покрытые черной клеенкой, и на нихъ разставлены были деревянныя миски, ложки, кру̀жки съ квасомъ и черный хлѣбъ. Къ каждой мискѣ садилось пять, шесть человѣкъ, составлявшихъ артель. Спали мы въ большихъ, хорошихъ палаткахъ, но въ сильный дождь онѣ промокали до того, что одѣяло и постель были мокры, и только и оставалось сухо то мѣсто, на которомъ лежишь. Тюфяки и подушки были парусиновыя, набитыя соломой. Ружья стояли посреди комнаты. Умывались въ полѣ, далеко отъ палатокъ, на открытомъ воздухѣ. Кормили насъ въ лагеряхъ лучше, чѣмъ въ городѣ, изъ боязни, что пріѣдетъ царь и попробуетъ, что̀ онъ дѣлалъ нерѣдко. Въ городѣ же, гдѣ контроля почти не бывало, кормили хуже, а случалось, что совсѣмъ плохо, и однажды весь корпусъ не ѣлъ супа, потому что онъ былъ съ саломъ; когда пришелъ полковникъ, мы закричали: „Сало! сало! сало!“ — а въ первой ротѣ [2]) вылили супъ на скатерти, соскоблили и сдѣлали свѣчку.

Полковника Вишнякова мы звали „Машка“; онъ больно сѣкъ, но рѣдко, любилъ военную музыку, и когда оставался доволенъ ученьемъ, то командовалъ музыкантамъ: „Мой любимый маршъ!“ — и мы знали этотъ маршъ и знали, что Вишняковъ въ духѣ. Кадетъ первой роты, Арнольдъ, провинился, и Вишняковъ собирался его высѣчь, но онъ убѣжалъ и бросился съ галлереи верхняго этажа во дворъ, попалъ на ледъ и расшибъ себѣ голову; его отнесли въ лазаретъ, гдѣ онъ едва не умеръ. Отецъ

---

[1]) Т.-е. сигналъ пріостановиться въ преслѣдованіи непріятеля.

[2]) 1-я рота состояла изъ кадетъ старшаго возраста, какъ и гренадерская.

Арнольда былъ извѣстенъ великому князю Михаилу Павловичу, начальнику всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, и мы ожидали, что дѣло не сойдетъ благополучно—и что̀ же: Михаилъ Павловичъ сказалъ: „Въ семьѣ не безъ урода, туда и дорога!“ Но, тѣмъ не менѣе, навѣстилъ больного и не одинъ разъ, когда жизнь его была въ опасности, что̀ хорошо помню, потому что самъ былъ въ это время въ лазаретѣ. По выздоровленіи, Арнольдъ все-таки былъ высѣченъ.

Начались холода, подходило время выступленія изъ лагеря. Царь сдѣлалъ намъ тревогу ночью: каждый бралъ свою амуницію—киверъ, ружье, ранецъ—и спѣшилъ въ строй, а при этой суетѣ кадетъ Павловъ въ проходѣ изъ палатки наткнулся на штыкъ и прокололъ себѣ языкъ. Его послали въ лазаретъ, мѣсто выбывшаго сомкнули, и мы, поздоровавшись съ государемъ, отправились на манёвры. Насъ повели по Петербургскому шоссе; пройдя верстъ девять, мы повернули направо; и та же шоссейная дорога потянулась, прямая, скучная, въ Рошну, отстоявшую отъ поворота верстъ семнадцать. Шли мы обыкновенно съ пѣснями; между нами были уже выпускные кадеты, и имъ дозволялось пѣть нѣсколько пѣсенъ такихъ, которыя младшій возрастъ не долженъ былъ знать вполнѣ,—такъ, напримѣръ:

„Лишь только занялась заря
И солнце освѣтило земной кругъ,
Пошла пастушка съ стадомъ въ лугъ,
Къ потоку чистыхъ водъ.

„Тамъ виденъ былъ на днѣ песокъ,
Понравился ей струй тѣхъ токъ;
Раздѣвшись, стала мыться въ немъ;
Нага̀, невидима никѣмъ, плескалася водой.

„Вдругъ въ сторону простерла взоръ—
Идетъ пастухъ съ высокихъ горъ,
Который ею былъ плѣненъ
И часто духомъ возмущенъ.

„Она не знала, что̀ начать,
Казаться или утопать!“...

При этихъ строкахъ капитанъ Аргамаковъ или полковникъ Вишняковъ махали пѣсенникамъ рукой и говорили: „Дальше не надо! Перестать!“—а насъ, младшія роты, очень интересовало: что̀ же далѣе?..

Куда насъ вели—мы не знали; когда дѣлали привалъ, тогда мы снимали ранцы, ставили ружья въ ко̀злы и, улегшись на

землю, задирали ноги вверхъ, на плетни и куда попало, по-суворовски, чтобы кровь отошла отъ ногъ. У кого были деньги, тѣ покупали всякую всячину у слѣдовавшихъ за нами разносчиковъ, а затѣмъ, по барабану, вставали и шли далѣе. Пришли мы въ Ропшу съ дождемъ, который, заставъ насъ на дорогѣ, все усиливался и не переставалъ двое сутокъ. Мы ѣли съ дождемъ, спали на мокрой землѣ, дежурили подъ дождемъ въ цѣпи, на аванпостахъ. На насъ все время была полная походная форма. Мы промокли до костей. Государь послалъ намъ изъ ропшинскаго дворца чай и дрова для костровъ. На третьи сутки солнце освѣтило и пригрѣло насъ; мы переодѣлись въ мундиры и явились на парадъ, который сошелъ благополучно. Послѣ смотра мы опять одѣлись въ походную форму и отправились съ Преображенскимъ полкомъ обратно въ Петербургъ. Нельзя сказать, чтобы насъ баловали! Одинъ изъ кадетъ нашей роты, Москвинъ, чуть не утонулъ въ канавѣ, уснувъ около нея и подмытый туда водой. Мнѣ тогда было тринадцать лѣтъ.

XII.

Я наконецъ перешелъ въ 1-ю Старшую роту, къ капитану Бекману, котораго мы звали *Сивучъ*. Онъ былъ средняго роста, ходилъ въ припрыжку, твердо ступая на каблуки; отъ него издали пахло духами и онъ картавилъ, не выговаривая буквы *р*. Вралъ онъ безъ совѣсти; напримѣръ, обращаясь ко мнѣ, говорилъ: „Я игралъ вчера съ графомъ Орловымъ въ карты, гдѣ былъ и твой батюшка; спрашивали о тебѣ, и я ничего хорошаго не могъ сказать“, и т. п. Онъ, также какъ Поморскій и Аргамаковъ, готовилъ меня въ ординарцы, и былъ уморителенъ, когда, въ ожиданіи государя, дѣлалъ намъ репетиціи, чтобы мы хорошо отвѣчали, весело смотрѣли и имѣли надлежащую выправку. Въ этихъ случаяхъ онъ подходилъ, твердо ступая на каблуки, къ тому, другому, задавалъ вопросы, и мы обязаны были отвѣчать ему, какъ государю. Уйдетъ, бывало, въ холодную галлерею, и вѣстовой съ нимъ; постоятъ, постоятъ, и вдругъ вѣстовой открываетъ настежъ двери. и Бекманъ, входя бойко и смѣло, громко, въ подражаніе государю, прокричитъ теноромъ: „Здорово, ребята!“ и мы отвѣчаемъ: „Здравія желаемъ, ваше императорское величество!“ — „Не хорошо! не хорошо! потише, басы! тенора, погромче, альты!“—закричитъ онъ и опять уйдетъ; и такая репетиція повторяется нѣсколько разъ.

Бекманъ былъ жестокъ. Кадетъ Новиковъ 1-й, котораго я любилъ за его смѣлость, силу, ловкость, стойкость и неустрашимость, назвалъ въ лицо Бекмана „Сивучемъ“ и толкнулъ его. Послѣдовала экзекуція. Новиковъ оттолкнулъ солдатъ, хотѣвшихъ его раздѣть, самъ раздѣлся, легъ на одѣяло и не крикнулъ, пока стегали большими, моченными въ соленой водѣ, розгами, подъ команду Бекмана: „Рѣже! крѣпче!“ Ему отсчитали 105 розогъ. Рота стояла въ строю и много разъ слышался ропотъ все громче и громче: „Довольно! довольно!“... Еслибы еще продолжалась экзекуція, то рота могла взбунтоваться—на это было похоже.

Кадеты 1-ой роты, на выпускѣ, щеголяли цинизмомъ. Они ходили въ грязныхъ, заплатанныхъ курткахъ, пѣли громко неприличныя пѣсни, нюхали табакъ, курили, старались говорить басомъ, дурно учились, сидѣли въ классахъ средняго возраста годами и не кончали курса наукъ, грубили начальству, подъ розгами не кричали и проч. Они въ шутку били маленькихъ по головѣ и жестоко расправлялись съ тѣми, кто пожалуется или не подчиняется кадетскимъ законамъ; не позволяли говорить по-французски или по-нѣмецки, и за это били. Отъ нихъ не-цензурныя пѣсни передавались по остальнымъ ротамъ. По преданію, одна такая пѣсня о тяжелой судьбѣ офицера, изъ которой помню послѣдніе три стиха, приписывалась К. Рылѣеву:

„Оторвали ногу, ступай жить домой!
А гдѣ-жъ этотъ домикъ, котораго нѣтъ?!..
Вотъ тебѣ награда за двадцать пять лѣтъ“...

Мотивъ этой пѣсни, какъ и мотивы нѣкоторыхъ другихъ пѣсенъ, остался въ моей памяти. Пѣлось и про нюхательный табакъ; словъ пѣсни не помню, за исключеніемъ того, что держать табакъ:—

„Въ тавлинкѣ не благородно,
А въ бумажкѣ скоро сохнетъ,
Но зато крѣпче!“...

Были у меня въ 1-ой ротѣ товарищами два брата Церпинскіе, завзятые католики и поляки. Къ католикамъ [1]) приходилъ разъ въ недѣлю ксендзъ для уроковъ. Церпинскій мнѣ сильно расхваливалъ католичество и папу; разсказывалъ о ксендзѣ-доминиканцѣ, да я и самъ вѣрилъ, что этотъ ксендзъ умѣетъ отгадывать: высѣкутъ или простятъ, какой поставятъ баллъ и т. п. Еженедѣльно я приходилъ къ ксендзу съ Церпинскимъ, передъ

[1]) Къ католикамъ, также какъ къ лютеранамъ и магометанамъ, приходили свои законоучители.

его урокомъ; и до того находился подъ его вліяніемъ, что тайкомъ въ воскресенье и въ праздники, оставаясь въ корпусѣ, уходилъ въ корпусный костелъ, слушалъ службу, исповѣдывался и даже пріобщался. Подъ конецъ службы обыкновенно пѣли всѣ присутствующіе, въ томъ числѣ и я вмѣстѣ съ ксендзомъ. Я бывалъ также у ксендза въ домикѣ католической церкви, на Невскомъ проспектѣ, въ его квартирѣ,—и слушалъ его игру на комнатномъ органѣ.

Ученіе мое шло дурно, поведенія былъ я сквернаго, говорилъ всѣмъ дерзости, и меня стращали, что переведутъ въ кантонисты, что̀ и случилось. Теперь, вспоминая время своего пребыванія въ 1-ой ротѣ, я удивляюсь, какой былъ у меня въ головѣ и сердцѣ сумбуръ. Моленіе искреннее и прямое отношеніе къ Богу, увлеченіе католичествомъ и папой совмѣщались съ безвѣріемъ, и я любилъ спорить съ товарищами, доказывая отсутствіе Божества; а побѣждая ихъ въ спорѣ, былъ въ то же время радъ, когда встрѣчалъ сильное противорѣчіе. Моя кровать была тогда около старшаго унтеръ-офицера Ключарева, не „стараго кадета“, читавшаго украдкой по-французски. Онъ былъ уменъ, старался развить меня, и помню, какъ я заинтересовался, когда, по ночамъ, со свѣчой, среди спящихъ, онъ читалъ мнѣ по-французски Декарта, переводилъ и объяснялъ сказанное имъ о существованіи Бога. Потомъ мы вмѣстѣ по ночамъ начали читать „Juif Errant“, Евгенія Сю, но не успѣли мы окончить этого романа, какъ пришло распоряженіе о переводѣ меня въ Пажескій корпусъ.

XIII.

Съ переходомъ моимъ въ Пажескій корпусъ, въ 1845 году, во мнѣ воскресли добрыя чувства, и я перемѣнился къ лучшему. Не помню, кто меня привезъ въ корпусъ, но очень хорошо помню, что исправлявшій должность директора Николай Васильевичъ Зиновьевъ (по случаю отпуска за границу директора Павла Николаевича Игнатьева) встрѣтилъ меня очень немилостиво:

— Вы не можете быть приняты,—сказалъ онъ.—Аттестація ваша самая дурная, и васъ надо было бы перевести не сюда, а въ кантонисты. У васъ 4 балла за поведеніе [1]): вы аттестуетесь скрытнымъ, злымъ, упрямымъ, грубымъ и дерзкимъ, лѣнтяемъ и шалуномъ.

---

1) Изъ 12-ти, а за 3 балла переводили въ кантонисты.

— Это неправда.

— Какъ неправда?

— Тамъ все могли написать, но это невѣрно. Я совершенно не скрытенъ и не золъ; а ежели былъ упрямъ и дерзокъ, такъ потому, что со мною были несправедливы, грубы и напрасно наказывали.

— Ну, хорошо, посмотримъ!

Зиновьевъ ушелъ въ классы, а я остался въ спальняхъ съ ротнымъ командиромъ, полковникомъ Карломъ Карловичемъ Жирардотомъ. Онъ меня обнялъ одной рукой и сказалъ: „Ну, мой милый, съ вами здѣсь грубо обращаться не будутъ; даете ли слово: измѣниться, быть вѣжливымъ и вести себя хорошо?“ — „Ежели со мной будутъ обходиться хорошо, то я даю слово вести себя хорошо“.—„Вотъ такъ-то, мой милый, и надо. Я увѣренъ, что мы проживемъ хорошо“...

Жирардотъ мнѣ понравился; у меня заговорило сердце, и во всю мою бытность въ Пажескомъ корпусѣ я былъ съ нимъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. Онъ всегда былъ ласковъ; офицеры—тоже; розогъ и въ поминѣ не было. Инспекторъ, полковникъ Иванъ Өедоровичъ Ортенбергъ, былъ также добрый, шутилъ съ нами; и никогда я не слышалъ никакой брани ни отъ кого. Учителя были хорошіе.

Пріѣхалъ Игнатьевъ изъ-за границы и на всѣхъ нашумѣлъ, меня постращалъ за дурную аттестацію 1-го корпуса; но этимъ дѣло и кончилось. Въ бытность его случилась при мнѣ однажды экзекуція, за неприличную шалость въ классѣ, во время отсутствія учителя. Игнатьевъ всѣхъ бранилъ, хотѣлъ-было сѣчь и меня, совершенно невиннаго, но оставилъ въ покоѣ, а главнаго виновника, А. Г., высѣкъ крѣпко передъ классомъ, па манеръ порки 1-го корпуса, и исключилъ изъ Пажескаго корпуса.

По наукамъ меня посадили въ 4-й классъ, а на слѣдующій годъ я перешелъ въ 3-й классъ. Въ это время изъ корпуса выбылъ Игнатьевъ, и мѣсто его занялъ Н. В. Зиновьевъ, о которомъ я говорилъ. Его директорство было покойнѣе и мягче, нежели Игнатьева.

Въ это время у меня пробудилась любовь къ рисованію, и я проводилъ все свободное время въ рисованіи. Дома познакомился я съ отставнымъ полковникомъ, Александромъ Васильевичемъ Устиновымъ, очень образованнымъ, умнымъ человѣкомъ, который своими разсказами объ Италіи, о видѣнныхъ имъ картинахъ, статуяхъ и зданіяхъ имѣлъ на меня очень большое вліяніе, и я мало-по-малу охладѣлъ къ Суворову и Наполеону I-му, которыми

былъ прежде увлеченъ. Каждую субботу, приходя изъ корпуса домой, я проводилъ время въ комнатѣ брата моего Николая, котораго очень полюбилъ и который постоянно переводилъ мнѣ изъ иностранныхъ книгъ о художникахъ и ихъ произведеніяхъ. Глубоко я былъ ему благодаренъ и до сего времени вспоминаю его теплое участіе, желаніе помочь мнѣ и удовлетворить мою любознательность. По воскресеньямъ и въ праздники я постоянно ходилъ въ Академію, въ мастерскую барона П. К. Клодта, лѣпившаго въ то время лошадь на Аничкинъ мостъ. Братъ Николай познакомилъ меня со своимъ товарищемъ кн. Александромъ Голицынымъ, чрезъ котораго я имѣлъ доступъ въ галлерею гр. Строганова (въ его домѣ у Полицейскаго моста). Съ моимъ братомъ и безъ него я часто посѣщалъ Эрмитажъ.

XIV.

Рисованіе мое подвигалось. Я усердно работалъ въ корпусѣ въ свободное время, а дома, во время праздниковъ, рисовалъ цѣлый день и вечеръ. Я горячо полюбилъ искусство, читалъ все, что̀ только могъ достать, и, читая Евангеліе, сочинялъ картины на евангельскіе сюжеты. Все, что̀ было писано о художникахъ и что̀ могъ достать, я собиралъ и составлялъ ихъ біографіи; и такихъ біографій набралась цѣлая масса, исписанныхъ аккуратно въ тетради, въ листъ писчей бумаги. Также внимательно я изучалъ миѳологію. Ученикъ Академіи, Савицкій, съ которымъ я занимался дома по праздникамъ, умеръ, и я оставался безъ руководителя. Въ это время К. П. Брюлловъ былъ боленъ, и я во время отпусковъ всегда заходилъ на его квартиру (въ Академіи), и съ трепетомъ сердца и благоговѣніемъ спрашивалъ у лакея объ его здоровьѣ.

Знакомый нашъ Устиновъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія о Брюлловѣ, носилъ къ нему мои рисунки и передалъ мнѣ, что Брюлловъ находитъ, что глазъ мой и рука вѣрны, но что онъ желалъ бы видѣть мои собственныя сочиненія, чтобы сказать что-либо положительно. Но, увы! я ничего еще не могъ сочинять или, вѣрнѣе, не могъ безъ стыда кому-либо показать свои дѣтскіе наброски. Они были писаны въ дневникѣ, который я велъ откровенно и добросовѣстно съ 1847 года, но тщательно пряталъ отъ всѣхъ [1]).

[1]) Впослѣдствіи я его уничтожилъ, о чемъ искренно сожалѣю.

Однажды А. В. Устиновъ объявилъ, что говорилъ обо мнѣ Брюллову, и что Брюлловъ просилъ его привести меня къ нему. Оказалось, что Устиновъ разсказалъ обо мнѣ Брюллову слѣдующее. Были въ нашей семьѣ чьи-то именины и, по обычаю, были гости и провозглашались тосты, а я предложилъ выпить за здоровье Брюллова, которому стало лучше, и пожелать ему полнаго выздоровленія. За обѣдомъ были, кромѣ Устинова, добрые знакомые отца: два адмирала Епанчины, два адмирала Чистяковы, генералъ-адъютантъ Юрьевичъ и другіе старики.

Съ радостью и страхомъ отправился я къ Брюллову съ братомъ Алексѣемъ и Устиновымъ. Брюлловъ лежалъ въ постели, окруженный учениками и нѣкоторыми профессорами, которыхъ я не зналъ, да и изъ учениковъ не зналъ никого. Брюлловъ былъ худъ и блѣденъ. Онъ поздоровался съ нами, поблагодарилъ меня за пожеланіе ему здоровья и началъ разспрашивать: почему я хочу быть художникомъ, сколько времени мнѣ осталось до выпуска изъ Пажескаго корпуса? и проч. Онъ началъ отговаривать меня отъ поступленія въ Академію, совѣтовалъ не бросать ученья, такъ какъ „художнику все пригодится, и нѣтъ тѣхъ данныхъ, которыя ему не нужны“... Онъ говорилъ о томъ, какъ труденъ путь, какъ упорно долженъ заниматься художникъ, садиться за работу съ восходомъ солнца и кончать работу ложась спать. Надо начать рисовать съ младенческаго возраста, чтобы пріучить руку передавать мысли и чувства, подобно тому, какъ скрипачъ передаетъ пальцами на скрипкѣ то, что̀ чувствуетъ. Онъ самъ, Брюлловъ, рисуя съ дѣтства, не можетъ до сего времени достигнуть того, чтобы работа его удовлетворяла, — и такихъ случаевъ въ своей жизни онъ помнитъ только пять или шесть. „Что̀ же предстоитъ начавшему учиться такъ поздно? Ему предстоитъ всю жизнь не быть удовлетвореннымъ и никогда не высказать того, что̀ ему хочется“... Брюлловъ взялъ карандашъ и чертилъ сравнительную анатомію животнаго и человѣка, говоря, что „вотъ и Клодтъ не учился анатоміи человѣка, но, изучивъ хорошо лошадь, онъ легко понялъ и фигуру человѣка, и сдѣлалъ ее прекрасно, не думая, что ему приведется дѣлать голую человѣческую фигуру. Надо знать все—и военныя науки пригодятся. Кончайте ваше ученье!..“ При этомъ Брюлловъ, представляя мнѣ идеалъ, какимъ художникъ долженъ быть, чтобы быть дѣйствительно художникомъ, совершенно уничтожалъ самого себя, и кончилъ вопросомъ: „Что-жъ, хотите быть художникомъ?..“ Я молчалъ и задумался. „Хочу!“—сказалъ я твердо. Онъ протянулъ мнѣ руку и благословилъ,—конечно, словесно. Послѣ того,

онъ говорилъ хорошо, долго, безъ перерывовъ и отдыха, и наконецъ сказалъ, совершенно утомленный: „Много у меня здѣсь (показавъ рукою на грудь), да говядина не позволяетъ!..“ Попросилъ пить и легъ. Мы ушли въ мастерскую; тамъ стояли его картины: „Анна Пророчица“, „Св. Сергій“, модель плафона Исакіевскаго собора; лежали записныя книжки съ чертежами и карриками, рисованными имъ на себя и другихъ, и тихо вышли. Братъ Алексѣй, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „Еслибы я не зналъ, что это живописецъ, я бы сказалъ, что слушалъ величайшаго поэта!“... Къ сожалѣнію, у меня пропала книга, въ которую я записалъ тогдашній разговоръ Брюллова со мною,—въ немъ было столько поучительнаго для художниковъ!

Много времени спустя,—когда я былъ въ большомъ огорченіи, что мнѣ невозможно будетъ поступить въ Академію, такъ какъ предстояла венгерская война,—я опять отправился къ Брюллову и высказалъ ему свое опасеніе. „Что же вы думаете дѣлать?“—„Хочу пойти къ великому князю Михаилу Павловичу и просить его, чтобы избавилъ меня отъ военной службы, и дозволилъ поступить въ Академію“.—„Этого онъ не сдѣлаетъ. У меня есть ученикъ Бабаевъ, бывшій офицеръ; когда великій князь увидѣлъ его у меня, то сказалъ: „Вотъ гусь! надѣлалъ вздору; промѣнялъ мундиръ и шпагу на палитру!“—и, отвернувшись, пошелъ. Онъ и съ вами сдѣлаетъ то же“.

Я былъ въ отчаяніи: „А скоро ли выпускъ?“ — спросилъ Брюлловъ. — „Черезъ годъ“. — „Э!.. ничего не дѣлайте и учитесь. Въ теченіе этого времени земля еще перевернется сколько разъ вокругъ себя. Это слишкомъ далеко. Надумаетесь—и все устроится“... Брюлловъ въ это время полулежалъ въ вольтеровскомъ креслѣ, и ученики его, Горецкій и Карицкій, перевязывали его раны, поворачивая со стороны на сторону: „Что вы теперь сочиняете?“ — неожиданно спросилъ Брюлловъ, обращаясь ко мнѣ. — „Ничего!“ — „Знаете вы, какъ мучили св. Лаврентія; какъ его поджаривали на желѣзной рѣшеткѣ и вилами переворачивали со стороны на сторону?“—„Знаю“.—„Ну, вотъ вамъ сюжетъ!“ Въ это время его тоже ворочали, и это ворочанье, у больного художника, вызвало сопоставленіе его страданій со страданіями мученика. Я собрался уйти; онъ дружелюбно простился со мною.

Послѣ перевязки, Брюлловъ потребовалъ кисти и палитру, удалилъ учениковъ и написалъ свой превосходный портретъ въ 3/4 часа, сидящимъ въ креслахъ, который находится въ Московскомъ музеѣ и извѣстѣнъ публикѣ.

XV.

Надо по справедливости отдать благодарность тогдашнему директору Пажескаго корпуса, Н. В. Зиновьеву, который былъ такъ внимателенъ ко мнѣ, что дозволилъ пользоваться частью директорской квартиры (гдѣ онъ не жилъ), находящейся въ нижнемъ этажѣ. Очень рѣдко онъ заходилъ ко мнѣ; здѣсь я рисовалъ, читалъ и, между прочимъ, сочинилъ памятникъ Искусству, состоящій изъ ряда колоннъ, возвышающихся одна надъ другой, окруженныхъ античными статуями и барельефами, которыя мнѣ наиболѣе нравились. Внизу, конечно, были колонны дорическія, потомъ іоническія и за тѣмъ коринѳскія. Сочинилъ я также группу Эола колоссальныхъ размѣровъ, окруженнаго вѣтрами, держащими въ рукахъ различные инструменты, которые во время бури должны были издавать настолько сильные звуки, чтобы шумъ моря не заглушалъ ихъ. Группа помѣщалась на скалѣ, среди моря. Однимъ словомъ, фантазія у меня была богатая и мои наброски слабо передавали мысль. Около того же времени я въ первый разъ слушалъ музыку, погрузясь всею душою въ невѣдомый до этого для меня міръ звуковъ. По желанію брата моего Алексѣя, мы поѣхали въ театръ, гдѣ давалъ концертъ, пріѣхавшій изъ Парижа Берліозъ. Помню, что на меня музыка такъ подѣйствовала, что захватывало духъ, слезы капали изъ глазъ, я былъ въ другомъ мірѣ и не различалъ публику, которой былъ полонъ театръ; видѣлъ только какую-то массу и огни. Не будь этого случая,—быть можетъ, еще долго не пробудилось бы во мнѣ чувство красоты, восторга и любви къ музыкѣ!

Жилось мнѣ тогда хорошо въ Пажескомъ корпусѣ. Я пользовался довѣріемъ Зиновьева и Жирардота. Зиновьевъ и другимъ позволялъ пользоваться его квартирой, съ моего согласія и по моему выбору. Пользовались этимъ три пажа, занимавшіеся музыкой; тутъ были: флейта, скрипка, еще какой-то инструментъ; и я, рисуя, слушалъ гаммы и экзерциціи.

Не помню, по какому случаю великій князь Михаилъ Павловичъ ѣздилъ за границу,—кажется, лечиться, а по возвращеніи готовилась ему въ городѣ встрѣча. Зиновьевъ предложилъ мнѣ сдѣлать транспарантъ на балконѣ корпуса. Я принялъ предложеніе, но не зналъ, какъ приступить къ краскамъ, такъ какъ еще ничего не дѣлалъ красками. Попросилъ я брата Николая вызвать ко мнѣ ученика Брюллова (въ то время еще офицера), Корицкаго. Онъ пріѣхалъ и объяснилъ, что транспарантъ слѣ-

дуетъ писать на коленкорѣ и хотя масляными, но особенными прозрачными красками; я сочинилъ вензель великаго князя, окружилъ современной военной арматурой, а Корицкій привезъ краски, кисти и натянутый на раму коленкоръ. Транспарантъ былъ сдѣланъ, удовлетворилъ всѣхъ, но не меня, потому что въ это время я уже совершенно разлюбилъ все военное, а транспарантъ состоялъ весь изъ ружей, барабановъ [1]), тесаковъ, трубъ, пушекъ, ядеръ и проч.

Разлюбилъ я также походы Суворова, Наполеона, Александра Македонскаго, Цезаря и Аннибала, разлюбилъ,—мало сказать,—возненавидѣлъ все военное; не могъ видѣть равнодушно военные мундиры, маршировку и проч. Между тѣмъ, пробывъ съ дѣтства въ корпусахъ, я лучше многихъ офицеровъ зналъ воинскій уставъ и всѣ экзерсисы, выдѣлываемые на ученьяхъ, вслѣдствіе чего меня очень часто не въ очередь назначали въ почетный караулъ и всегда въ крещенскій парадъ и къ пасхальной заутрени во дворецъ.

Отправка насъ къ заутрени начиналась съ того, что мы должны были оставаться въ корпусѣ, вмѣсто того, чтобы быть дома; въ эту пору мнѣ это очень не нравилось. Кромѣ того, насъ укладывали спать днемъ въ лазаретѣ часу во второмъ дня, потомъ будили, и начиналось наше одѣванье [2]). Рубашки надѣвались какіе-то коротенькія или ихъ подворачивали снизу; затѣмъ натягивали лосиновыя короткія по колѣно штаны, которые были такъ узки, что не лѣзли на тѣло. Насъ сажали на полотенце, поставивъ предварительно на столъ, на которомъ насъ всегда одѣвали, и два солдата, ухвативъ съ двухъ сторонъ полотенце, встряхивали насъ, пока штаны не дойдутъ до шагу; Жерардотъ въ это время осматривалъ каждаго. Никакія увѣренія, что штаны узки, что мундиръ тѣсенъ, воротникъ жметъ и трудно дышать,—не могли убѣдить въ этомъ Жирардота. Однажды, наскучивъ и измучившись одѣваньемъ, я сказалъ, что не могу двинуть ногой, и въ доказательство сдѣлалъ ногой сильное движеніе—штаны лопнули; и пришлось замѣнить ихъ другими. Затѣмъ, на насъ надѣвали шолковые чулки и башмаки, снимали со стола, завертывали въ теплыя шинели и, запретивъ сгибать ноги, чтобы не лопнули штаны, почти укладывали въ громадныя придворныя ка-

[1]) Любимый инструментъ вел. кн. Мих. Павл., который заявлялъ, что „это лучшій инструментъ, понятный для него: когда онъ издаетъ звукъ—онъ говоритъ“.

[2]) Прежде всего всѣхъ завивали; и тогда съ моими курчавыми волосами было не мало мученья парикмахеру и Жирардоту, чтобы заставить ихъ подчиниться прическѣ одинаковой съ прочими.

реты и отвозили въ Зимній дворецъ. Изъ каретъ вынимали, несли по лѣстницѣ и ставили каждаго на указанномъ мѣстѣ. Садиться насъ учили: мало-по-малу, упершись на сосѣдній стулъ, мы должны были притягивать сначала ноги въ сторону и потомъ уже прямо передъ собой, располагаясь на стулѣ полулежа. Обыкновенно, когда насъ привозили, то во дворцѣ еще никого не было, кромѣ лакеевъ, и приходилось долго ждать, пока начиналось шествіе въ церковь по-парно государя и государыни, царской фамиліи и цѣлой вереницы мундировъ и дамъ. Мы оставались съ лакеями; камеръ-пажи шли въ процессіи, держа шлейфы. Во время службы мы могли сойти съ мѣста и гулять по комнатамъ, но не уходя далеко. Кончалась служба и тѣмъ же порядкомъ возвращалась процессія. Когда все смолкало, насъ вели къ лѣстницѣ, одѣвали въ шинели, по прежнему относили и укладывали въ кареты; потомъ увозили въ корпусъ, раздѣвали и отпускали домой. Въ это время было уже утро. Помню, какъ солнце сіяло, и я шелъ домой, счастливый, но разсерженный; грудь болѣла, какъ будто на ней сидѣли нѣсколько человѣкъ, а когда снимали мундиръ—я не сразу могъ вздохнуть. Поровнявшись съ католическою церковью на Невскомъ проспектѣ, я поинтересовался прочесть, что̀ было приклеено у церкви, и оказалось: запрещеніе папы, написанное на трехъ языкахъ, читать романъ Евгенія Сю, „Juif Errant“.

Крещенскій парадъ переносился гораздо легче. Насъ также завивали; мы одѣвали новые мундиры, суконные штаны, ноги обворачивали проклеенной листовой ватой, чтобы не замерзали, и у насъ было по двѣ рубашки. Привозили насъ во дворецъ къ 7-ми часамъ утра, и здѣсь еще никого не было, кромѣ полотеровъ, которые натирали полы, ставя свѣчи на полъ.

Я всегда ждалъ разсвѣта; и такъ какъ намъ дозволялось ходить вездѣ, даже до кабинета государя и уборной государыни, то, осмотрѣвъ уже не разъ комнаты, блюда, поднесенныя при разныхъ случаяхъ и разставленныя въ большой залѣ пирамидами, я отправлялся въ Эрмитажъ, гдѣ ходилъ, смотрѣлъ, изучалъ, любовался и такъ проводилъ время, пока насъ не собирали. Однажды, желая повольнодумничать, я въ Тронной залѣ сѣлъ на тронъ, пока меня въ ужасѣ караулили товарищи.

Насъ сзывали и выстраивали въ портретной галлереѣ, гдѣ былъ во весь ростъ портретъ императора Александра I-го, а по стѣнамъ—портреты генераловъ отечественной войны. Къ одиннадцати часамъ, являлось войско, устанавливалось вдоль стѣнъ; собирались чины, которымъ слѣдовало быть на парадѣ, и за-

тѣмъ являлся государь. Былъ сильный морозъ; государь, стоя передъ нами, говорилъ: „Трите лицо, щиплите уши!"; самъ поправлялъ себѣ усы, добирался незамѣтно до своего уха, скручивалъ его и опускалъ руку, закладывая палецъ между пуговицъ мундира, какъ его изображали на портретѣ. Въ это время, одно его ухо было малиновое, а другое оставалось бѣлымъ. Такой же пріемъ былъ продѣланъ и съ другимъ ухомъ. Мы откровенно и крѣпко щипали себѣ уши, натирали щеки, чтобы не зябнуть, и ждали команды. По распоряженію государя, начиналось шествіе на „Іордань", т.-е. на Неву. Мнѣ пришлось однажды, въ парѣ съ товарищемъ Башмаковымъ, идти впереди, открывая церемонію; при появленіи насъ, изъ одной залы въ другую, раздавалась команда: „На ка-ра-ўлъ!", играла военная музыка, а позади насъ пѣли пѣвчіе, идя съ хоругвями и митрополитомъ. За ними слѣдовалъ императоръ и свита съ высшими чинами; солдаты, держа въ лѣвой рукѣ ружья на караулъ, правою крестились. Все это сливалось въ какой-то хаосъ, и у меня ноги дѣлали судорожные шаги и передергивало губы; музыка играла маршъ изъ „La Dame blanche" и пѣвчіе пѣли молитвы.

Во время службы на Іордани у митрополита мерзли усы и борода, голосъ дрожалъ, руки, при опусканіи креста въ воду, мерзли. Мы незамѣтно продѣлывали манёвры со своими ушами. По приложеніи императора къ кресту, мы возвращались во дворецъ, откуда насъ отвозили въ корпусъ и отпускали домой.

XVI.

Преподаваніе въ Пажескомъ корпусѣ шло, конечно, гораздо лучше, чѣмъ въ 1-мъ кадетскомъ; ни глупыхъ и дикихъ учителей, ни тѣлесныхъ наказаній. Инспекторъ, полковникъ Иванъ Ѳедоровичъ Ортенбергъ, былъ добрѣйшій человѣкъ, и пажи его очень любили. Я заслужилъ у него тоже милость, раскрашивая, по его порученію, военныя карты, для его лекцій о походахъ Наполеона. Однако, нерѣдко и здѣсь продѣлывались разныя шалости съ учителями, какъ, напр., съ Ѳ. Ѳ. Эвальдомъ, весьма хорошимъ человѣкомъ и порядочнымъ преподавателемъ. Онъ иногда укорялъ насъ за духи, употребляемые нѣкоторыми пажами. Товарищъ нашъ Мятлевъ принесъ изъ дому духи пачули, съ очень сильнымъ запахомъ. Эвальдъ съ усмѣшкой это замѣтилъ. Я досталъ шпринцовку, нацѣдилъ въ нее пачули, и когда Эвальдъ оборачивался къ намъ спиною, и когда мы его окру-

жали при физическихъ опытахъ, я обрызгивалъ его пачули. Послѣ Пажескаго корпуса, Эвальду часто приходилось отправляться на лекціи въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Можно себѣ представить, какъ тамъ къ нему приставали за эти духи. Эвальдъ, входя опять къ намъ на урокъ, говорилъ, что „послѣ его лекцій у пажей онъ никуда не можетъ показаться и всѣ спрашиваютъ: почему отъ него пахнетъ духами, что, вѣроятно, онъ былъ въ Пажескомъ корпусѣ"...

Не могу умолчать объ одномъ преподавателѣ русскаго языка въ старшихъ классахъ, А. А. Комаровѣ. Лекціи его были для насъ, и особенно для меня, истиннымъ удовольствіемъ; онъ умѣлъ насъ заинтересовать, и при немъ въ классѣ была совершенная тишина. Въ лекціяхъ своихъ о Пушкинѣ, Лермонтовѣ и другихъ онъ говорилъ намъ о значеніи красоты, лиризма, пластики и даже... свободнаго мышленія, свободы духа. Ему я обязанъ тѣмъ, что упивался Гегелемъ и разбиралъ съ товарищемъ, черногорцемъ Цуцой, каждый оттѣнокъ мысли почтеннаго преподавателя. Отъ его лекцій вѣяло художественностью. Читалъ онъ нѣкоторые стихи прекрасно, и иногда, быть можетъ, не безъ задней мысли старался перенести насъ въ иной духовный міръ отъ тяжести тогдашней атмосферы, которую я уже тогда чувствовалъ. Между прочимъ, онъ прочелъ намъ стихи, конецъ которыхъ я твердо запомнилъ и написалъ на обложкѣ своего дневника:

„Но я бы не желалъ сей жизни безъ волненья!
Мнѣ тягостно ея размѣрное теченье.
Я жаждалъ бы порой и бури, и тревогъ, и вольности святой,
Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ бореніи мятежномъ,
И крылья распустивъ, орломъ широкобѣжнымъ,
При общемъ ужасѣ, подъ льдами горъ витать,
Надъ бездной упадать и въ небѣ утопагь!.."

Едва-ли это не стихи самого Комарова. Прекрасно онъ читалъ стихи Пушкина: „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ", „Анчаръ" и проч.

Въ это время мы образовали свой литературный кружокъ, въ которомъ участвовали: Маковъ, Фрикенъ, я, кн. Ширинскій-Шихматовъ и Красовскій. Каждый изъ насъ долженъ былъ написать какое-либо сочиненіе, и въ праздникъ, сойдясь, мы должны были читать написанное и дѣлать критическій разборъ. Эти вечера были очень пріятны. Куда-то теперь дѣлись эти товарищи?.. Маковъ, достигнувъ высокаго мѣста, — застрѣлился; Фрикенъ — если не ошибаюсь — написалъ „Римскія катакомбы"; гдѣ и

живъ ли богомольный Шихматовъ? Гдѣ театралъ, безпечный Красовскій?..

Однажды у меня возникла ссора съ Жирардотомъ. Онъ наряжалъ меня, не въ очередь, въ почетный караулъ. Мнѣ это надоѣло, хотя другіе считали для себя такой нарядъ отличіемъ. Меня звали на репетицію, я не пошелъ. За мною прислали дежурнаго камеръ-пажа Левашова; я не пошелъ. Послали еще дежурнаго офицера; я не иду и просилъ сказать, что „не пойду“. Поднялась суматоха, общее смущеніе; и меня приказано было отвести подъ арестъ и посадить на хлѣбъ и воду. Я не горевалъ и отправился подъ арестъ, взявъ съ собою книги для чтенія, карандашъ и бумагу; и началъ рисовать свой портретъ, смотрясь въ графинъ—вмѣсто зеркала. Пришелъ ко мнѣ Жирардотъ, и я ему объявилъ, что „по очереди въ караулъ ходить буду, но не въ очередь никогда не пойду, что съ его стороны обманъ государя—представлять однихъ и тѣхъ же на парадъ“... Я просидѣлъ на хлѣбѣ и водѣ трое сутокъ, спалъ на полу; но потомъ меня простили и уже не въ очередь въ караулъ не назначали.

Едва-ли не въ 1847 году, императоръ Николай Павловичъ дѣлалъ въ лагеряхъ смотръ, передъ выпускомъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній въ офицеры. Онъ велѣлъ удалиться ротнымъ и отдѣлённымъ офицерамъ, а всѣмъ выпускнымъ замѣнить ихъ; самъ онъ командовалъ отрядомъ [1]). Находясь на флангѣ своего взвода или роты, не помню, я очутился близъ государя. Николай Павловичъ былъ верхомъ, и я внимательно его наблюдалъ изъ-подъ козырька своей каски, которую мы тогда носили, вмѣсто прежнихъ киверовъ. Вдругъ, вижу я, лицо государя омрачается, становится гнѣвнымъ; онъ бросилъ поводья, сжалъ кулаки и громко воскликнулъ: „Боже мой! Боже мой! что̀ это изъ меня дѣлаютъ!“—схватилъ поводья, далъ коню шпоры и понесся. Что̀ же случилось?.. Одинъ изъ выпускныхъ кадетъ Дворянскаго полка ошибся, и велъ свой взводъ не такъ, какъ бы слѣдовало по уставу. Послѣ этого смотра, Государь, опять чѣмъ-то недовольный, уѣхалъ, приказавъ насъ учить;—и насъ учили, учили, учили.

Наконецъ, пріѣхалъ начальникъ штаба всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Сдѣлано было ученье при немъ; послѣ ученья Ростовцевъ скомандовалъ составить карѐ, но лицомъ внутрь, чтобы передать намъ порученіе государя.

---

[1]) Отрядъ нашъ состоялъ изъ Школы гвардейскихъ юнкеровъ, конныхъ и пѣшихъ, Пажескаго корпуса, инженеровъ, Артиллерійскаго училища и корпусовъ кадетскихъ: Дворянскаго полка, 1-го корпуса, 2-го Павловскаго.

Нашъ батальонъ (Школа подпрапорщиковъ, пажи и инженеры), стояли на мѣстѣ, а другіе корпуса подходили къ намъ съ боковъ. Я былъ въ первой шеренгѣ, слѣдовательно на виду, передъ Ростовцевымъ, и вдругъ... мнѣ захотѣлось высморкаться, что̀ я и сдѣлалъ. О, ужасъ!... на меня налетѣлъ Ростовцевъ, назвалъ меня „вольнодумцемъ“, „невѣжей“...—„Да знаешь ли ты, —крикнулъ онъ,—какое разстояніе между мною и тобою?..“ Онъ заикался и при этомъ сложилъ на груди руки и отступилъ на нѣсколько шаговъ: „Неизмѣримость!!!.. Вонъ изъ фронта! Посадить его на двѣ недѣли на хлѣбъ и воду подъ арестъ!...“

За фронтъ я ушелъ разсерженный въ лагерь, и тамъ меня заперли въ темный чуланъ изъ теса, безъ постели, съ одною лишь скамейкой. На другой день пришло распоряженіе о сокращеніи мнѣ ареста съ двухъ на одну недѣлю и, все-таки, на хлѣбъ и воду. Книги товарищи передавали мнѣ подъ дверь, и я читалъ ихъ, стоя на скамьѣ, приставивъ ее къ двери, надъ которой было маленькое окно. Жирардотъ, однако, дѣлалъ мнѣ льготы, раза два призывалъ къ себѣ и давалъ мнѣ чаю.

Слѣдуетъ замѣтить, что Жирардотъ, несмотря на мою ссору съ нимъ, продолжалъ имѣть ко мнѣ доброе расположеніе и довѣріе, которое доказывалось тѣмъ, что, отпуская во время праздника насъ гулять изъ лагеря, онъ довѣрялъ мнѣ нѣсколькихъ пажей на мою отвѣтственность.

XVII.

Мои занятія рисованіемъ продолжались добросовѣстно, и я пользовался для работы каждымъ свободнымъ временемъ. Наступилъ 1848-й годъ. Во Франціи возникла республика, возстали нѣмцы, итальянцы, венгерцы, и русскій императоръ, не сочувствуя этому движенію, принялъ сторону австрійцевъ. Былъ объявленъ венгерскій походъ и выпускъ изъ военно-учебныхъ заведеній офицеровъ раньше срока. Переходъ мой изъ военнаго заведенія въ штатскіе былъ тѣмъ затруднительнѣе, что отецъ мой, бывшій военный, не одобрялъ моего намѣренія, а директоръ Зиновьевъ прямо говорилъ, что „художникъ—тоже, что сапожникъ“, и удивлялся, какъ можно предстоящую мнѣ благородную карьеру мѣнять на ремесло. Дома поддерживали меня и понимали братья и Викторъ Арцимовичъ (впослѣдствіи мужъ моей сестры), жившій, въ то время, вмѣстѣ съ братьями Алексѣемъ и Николаемъ. Я твердо рѣшился не поступать на военную службу, и писалъ письма отцу, излагая свое горячее желаніе посвятить

себя художеству. Я съ полнымъ убѣжденіемъ и рѣшимостью говорилъ, что ежели меня отправятъ противъ венгровъ, то я передъ всѣми перейду къ нимъ,—пусть меня разстрѣляютъ,—и скорѣе пойду на защиту ихъ, чѣмъ буду сражаться противъ нихъ.

Мало-по-малу, дѣло повернулось въ мою пользу, но для этого слѣдовало имѣть формальное согласіе отца, которое и было получено; но выпустить меня въ штатскіе могли не иначе, какъ по причинѣ слабаго здоровья. Все на бумагахъ было оформлено; но все могло разрушиться при моемъ представленіи в. к. Михаилу Павловичу. Чтобы придать себѣ больной видъ, я въ теченіе одиннадцати дней передъ представленіемъ ѣлъ по три сухаря въ день и выпивалъ по двѣ небольшихъ чашки чая. Мнѣ казалось, что я слабѣлъ, но никто изъ товарищей, начальства и родныхъ не замѣчали во мнѣ перемѣны; посмотрѣлся я въ зеркало,—только глаза немного потускнѣли. Наступилъ день и часъ, когда всѣхъ выпускныхъ привели во дворецъ великаго князя. По его распоряженію, выстроили насъ въ саду, провѣрили, осмотрѣли, и вскорѣ начался обходъ, начиная съ праваго фланга, довольно длинной шеренги. Михаилъ Павловичъ осматривалъ каждаго; Ростовцевъ, по списку, говорилъ фамилію; директоръ каждаго корпуса сопровождалъ великаго князя. Мы, выходящіе въ штатскіе, стояли по корпусамъ, въ концѣ вереницы. Михаилъ Павловичъ былъ уже недалеко, а товарищество было вѣрное; я сказалъ стоявшимъ возлѣ меня, чтобы они сомкнулись, такъ какъ я ухожу, потому что пошла кровь носомъ. Такъ я и сдѣлалъ; такъ сдѣлали и товарищи. Перекличка дошла до меня (такъ говорили потомъ товарищи),—Ростовцевъ, заикаясь, хотѣлъ-было назвать мою фамилію, но, видя, что меня нѣтъ, а задерживать великаго князя нельзя, — фамилію мою пропустилъ, продолжая перекличку далѣе. Тѣмъ осмотръ окончился; приказъ былъ подписанъ, и я свободенъ. Напустился на меня потомъ Зиновьевъ, но уже было поздно.

По выходѣ изъ Пажескаго корпуса, въ іюнѣ 1848 года, отецъ нанялъ для меня двѣ лишнія комнаты, соединенныя корридоромъ съ помѣщеніемъ братьевъ Алексѣя и Николая и Виктора Арцимовича. Я не вѣрилъ своему счастью, что наконецъ вышелъ на волю. Дѣйствительно, сколько лѣтъ, сколько дѣтскихъ и юныхъ лѣтъ я былъ въ заключеніи, сомнѣваясь, что когда-нибудь окончится для меня эта нравственная и физическая каторга.

Левъ Жемчужниковъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ
СТАРОЙ ИДЕАЛИСТКИ
ОБЪ А. И. ГЕРЦЕНѢ.

— „Memoiren einer Idealistin“ von Malvida von Meysenbug. 4-te Auflage. Berlin. 1899.

Первая часть „Мемуаровъ идеалистки“,—трехтомнаго произведенія Мальвиды фонъ-Мейзенбугъ,—вышла впервые болѣе четверти вѣка тому назадъ на французскомъ языкѣ и въ свое время была замѣчена и русской критикой. Интересъ, возбужденный книгою, объясняется яркимъ отраженіемъ въ ней, какъ выдающейся личности самого автора, такъ и совпадающей съ первой частью ея жизни богатой важными общественными событіями эпохи. Мальвида фонъ-Мейзенбугъ родилась въ 1816 г. въ Касселѣ, столицѣ маленькаго нѣмецкаго княжества Гессенъ-Нассау, миніатюрнымъ размѣрамъ котораго вполнѣ соотвѣтствовала узкость и мелочность интересовъ и понятій. Въ семьѣ Мейзенбугъ условія жизни сложились, однако, счастливѣе. На развитіе дѣтей особенно сильное вліяніе имѣла мать, не чуждая идеямъ, характеризующимъ эпоху Гумбольдтовъ, Шлейермахера, Шлегеля, Рахили Варнгагенъ. Она воплотила въ себѣ соединеніе классицизма съ романтизмомъ и усвоила себѣ патріотически-либеральное и философское направленіе, не безъ примѣси неизбѣжнаго тогда мистицизма. Свобода ея взглядовъ заходила такъ далеко, что она не только принимала въ своемъ высоко-аристократическомъ салонѣ представителей низшей касты

художниковъ, но осмѣливалась даже, къ немалому негодованію своего сановнаго мужа и всего провинціальнаго общества, отдавать имъ явное предпочтеніе. Романтическія наклонности Мальвиды, рано проявившіяся подъ вліяніемъ матери и своеобразной, полной средневѣковыхъ преданій, жизни, находили себѣ богатую пищу въ этой средѣ. Художественные интересы, всю жизнь игравшіе видную роль въ ея духовной жизни, просыпались уже въ ребенкѣ. Маленькой дѣвочкой она мечтаетъ стать знаменитой артисткой; взрослой дѣвушкой она со всѣмъ пыломъ молодости набрасывается на живопись, въ которой обнаруживаетъ значительный талантъ; музыка же всегда является для нея высшимъ выраженіемъ человѣческаго духа и даетъ ей, уже во второй половинѣ ея долгой жизни, высшее примиреніе и рѣшеніе глубочайшихъ вопросовъ. Она же, между прочимъ, даетъ поводъ къ ея тѣсной дружбѣ съ Рихардомъ Вагнеромъ.

Рано захватываютъ нашего автора и политическіе интересы. Іюльская революція не прошла безслѣдно и для ея маленькаго отечества и надолго опредѣлила судьбу ея семьи. Старый гессенскій курфюрстъ, возмущенный непониманіемъ и неблагодарностью своихъ безпокойныхъ подданныхъ, уступилъ престолъ сыну и отправился, не безъ тщетной надежды на раскаяніе народа, путешествовать. Отецъ Мейзенбугъ, другъ и совѣтникъ курфюрста и составитель потребованной народомъ конституціи, послѣдовалъ за нимъ со всею своею семьею. Это скитальчество, совпавшее съ первымъ пробужденіемъ самостоятельной мысли, оставило глубокіе слѣды на развитіи впечатлительной и богато одаренной дѣвочки. Первая пережитая ею внутренняя борьба—религіозная—обнаруживаетъ уже предъ нами глубокую искренность ея натуры и развитой спекулятивный умъ, проникнутый жаждою истины. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ главное содержаніе ея внутренней жизни опредѣлялось антагонизмомъ между требованіями христіанскаго аскетизма, съ одной стороны, и любви къ жизни и познанію, съ другой. Примиреніе приноситъ ей, наконецъ, знакомство съ твореніями Гёте: „Von innen nach aussen",—отмѣчаетъ она сама словами Гёте наступившій въ ней переломъ. Жизнь съ ея горемъ и радостями, люди и людскія страданія—вотъ на что̀ обращается теперь ея сосредоточенный до тѣхъ поръ на вопросѣ о внутреннемъ спасеніи умъ. На выработку опредѣленнаго міровоззрѣнія сильнѣйшее вліяніе оказалъ ея другъ, Теодоръ Альтгаузъ. Сынъ ея учителя-пастора, онъ получилъ строго-религіозное воспитаніе и университетскую теологическую ученость, но уже двадцати-трехъ лѣтъ написалъ

замѣчательную книгу, исходящую изъ полнаго отрицанія церковнаго догматизма. Радикалъ и демократъ, онъ былъ впослѣдствіи редакторомъ вліятельной оппозиціонной газеты и погибъ, едва достигнувъ тридцати лѣтъ, жертвой наступившей послѣ 48-го года реакціи.

Автора „Мемуаровъ" событія 48-го года застаютъ уже съ вполнѣ созрѣвшими демократическими взглядами. Несмотря, однако, на всю опредѣленность ея симпатій и готовность отдать себя служенію идеалу, ея участіе въ общественной жизни этого времени по неволѣ, въ силу положенія нѣмецкой женщины, осталось въ сущности пассивнымъ. Она жаждетъ живой дѣятельности, и мы иногда застаемъ ее на улицѣ объясняющею разнымъ лицамъ изъ народа, кому изъ депутатовъ они должны довѣриться; она присоединяется къ кружку демократовъ своего города и т. п.,—но все это случайно, незначительно. Подъ вліяніемъ этого обиднаго чувства, за себя и всѣхъ нѣмецкихъ женщинъ, принужденныхъ оставаться зрительницами, когда рѣшается судьба ихъ страны, она въ одинъ изъ послѣднихъ дней революціи написала „Клятву женщины", которая была напечатана ея друзьями и о которой ей писали: „Ваша клятва побудитъ многихъ борцовъ возобновить данную ими присягу". Въ то же время она занята планомъ объединенія нѣмецкихъ женщинъ, подобно ей ищущихъ независимости, уже многочисленныхъ, но разрозненныхъ. Такимъ образомъ выясняется постепенно задача всей ея послѣдующей жизни— борьба за право женщинъ на полное и свободное развитіе ихъ силъ и способностей. Работу на этомъ поприщѣ начала она, когда, вынужденная полнымъ разладомъ съ семьею и всѣмъ окружающимъ обществомъ, поселилась въ Гамбургѣ, гдѣ въ это мрачное для Германіи время нѣкоторая свободная жизнь еще продолжала теплиться въ такъ-называемыхъ гуманистическихъ или свободныхъ общинахъ („freie Gemeinden"). Здѣсь она въ теченіе нѣкотораго времени руководила высшей женской школой, пока эта послѣдняя, подъ давленіемъ реакціонныхъ вѣяній, не прекратила своего существованія. Мейзенбугъ уѣхала въ Берлинъ, но отсюда принуждена была бѣжать отъ преслѣдованій прусскаго правительства въ Англію.

Въ слѣдующихъ двухъ томахъ своихъ „Мемуаровъ" Мейзенбугъ, изображая свою жизнь среди эмиграціи въ Лондонѣ, представляетъ намъ цѣлую галлерею интересныхъ, частью ставшихъ историческими, лицъ. Мы остановимся только на ея знакомствѣ съ Герценомъ.

Имя Герцена составительница „Мемуаровъ" въ первый разъ увидѣла на заглавномъ листѣ его книги: „Vom andern Ufer", которую, еще во время пребыванія ея въ Гамбургѣ, принесъ ей одинъ изъ ея друзей-рабочихъ, со словами: „Тотъ, кто написалъ эту книгу,—тоже одинъ изъ нашихъ". До тѣхъ поръ имя этого русскаго было ей совершенно незнакомо, да и вообще Россія и русская литература оставались ей чужды. „Россія была тогда для меня,—пишетъ она,—какъ и для большинства западно-европейскаго общества, terra incognita, и только книга Кюстина и еще болѣе заслуженный трудъ Гакстгаузена возбудили нѣкоторое представленіе о своеобразной, чуждой западно-европейской культурѣ, жизни, развертывающейся на огромныхъ равнинахъ Россіи". Знали, правда, коронованныхъ представителей Россіи. Но кто зналъ хоть что-нибудь о русскомъ народѣ, русской литературѣ? Едва упоминалось имя Пушкина, какъ русскаго поэта, и лишь въ самое послѣднее время, послѣ появленія книги Гакстгаузена, стали говорить о русской общинѣ, какъ о примитивномъ учрежденіи, существовавшемъ у всѣхъ индо-германскихъ народовъ и исчезавшемъ вмѣстѣ съ ростомъ культуры.

На Мейзенбугъ книга Гакстгаузена и совершенно новое описаніе устройства общины произвели, однако, сильнѣйшее впечатлѣніе. „Не разъ, когда я, глядя на карту Россіи, сравнивала эту огромную, не раздѣленную никакими естественными преградами, *единую* равнину со странами Западной Европы, изрѣзанными, точно изорванными въ клочья, и испещренными морями, рѣками, горными цѣпями и снѣжными вершинами,—мнѣ приходило на умъ, что въ то время какъ въ Европѣ индивидуальная жизнь, у отдѣльной личности и цѣлыхъ народовъ, должна была развиться до крайнихъ предѣловъ, Россія вмѣстѣ съ... Сѣв. Америкой призваны осуществить тѣ соціальныя идеи, которыя, какъ идеалъ будущаго, носились предъ глазами всѣхъ насъ, идеалъ, за который мы боролись и пораженіе котораго наполняло всѣхъ насъ глубокой скорбью".

Къ книгѣ Герцена она приступила не безъ ожиданія найти въ ней новую соціалистическую систему, но уже съ первыхъ страницъ почувствовала, что ее ожидаетъ здѣсь нѣчто совсѣмъ иное. „Огненный потокъ живыхъ впечатлѣній, жгучія страданія, страстная любовь, неподкупная логика, язвительная иронія, холодное презрѣніе, подъ которымъ скрывалась обманутая вѣра, стоицизмъ и отчаянный скептицизмъ—все это хлынуло на меня, будя въ душѣ тысячеголосое эхо, и освѣтило безпощаднымъ свѣтомъ истины и разъѣдающей критики все недавно пережитое,

во всѣхъ его фазахъ, начиная съ весеннихъ надеждъ въ февралѣ и мартѣ 48 года и кончая 2-мъ декабря 52 г., съ его продолженіемъ—тюрьмою, казнями, ссылкой"... „Меня поразило,—говоритъ она,—отраженіе моихъ собственныхъ разбитыхъ идеаловъ и желаній, собственной безнадежности—въ душѣ русскаго, который, по его словамъ, явился въ Европу полный свѣтлыхъ надеждъ и блаженныхъ упованій, и не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, отъ чего бѣжалъ съ родины". Не менѣе поразили ее сила и смѣлость этого мыслителя, который, вмѣсто того, чтобы, подобно большинству, и послѣ столь горькихъ разочарованій продолжать питаться иллюзіями, не побоялся погрузить ножъ въ рану, примѣняя и къ своимъ неудавшимся надеждамъ въ качествѣ критерія суровыя истины историческаго развитія, чтобы безъ фразъ, откровенно опредѣлить причины неудачи.

Еще долго потомъ Мейзенбугъ, уже будучи въ Англіи, не разъ искала себѣ утѣшенія въ этой книгѣ, перечитывая страницы пламенныхъ изліяній. Какова же была ея радость, когда однажды у Кинкелей ей сказали, что „русскій, Александръ Герценъ, пріѣхалъ въ Лондонъ" и въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ будетъ у нихъ! „Получивъ приглашеніе провести вмѣстѣ съ ними этотъ вечеръ, я отправилась туда, полная ожиданія встрѣчи съ необыкновенной личностью. Герцена еще не было; я застала лишь его сына съ генераломъ Гаугомъ, другомъ и сожителемъ Герцена; это былъ умный, много видавшій на своемъ вѣку человѣкъ, знакомство съ которымъ тоже было мнѣ пріятно, такъ какъ я уже знала его по разсказамъ, и энергія его давно завоевала мою симпатію. Наконецъ, пришелъ и самъ Герценъ, плотная, довольно полная фигура съ черными волосами и черной бородой, нѣсколько широкими славянскими чертами лица и чудесными, блестящими глазами, которые больше всѣхъ видѣнныхъ мною когда-либо глазъ отражали въ живой игрѣ впечатлѣній внутренній міръ. Онъ былъ мнѣ представленъ, и скоро между нами завязалась живая бесѣда, обнаружившая уже знакомый мнѣ по его книгѣ острый, сверкающій умъ, еще усиленный блестящей діалектикой. Страннымъ образомъ мои мнѣнія почти во всѣхъ пунктахъ, которыхъ касался разговоръ, больше, чѣмъ мнѣнія всѣхъ другихъ собесѣдниковъ, сходились съ высказываемыми имъ, и когда послѣ чая, по англійскому обычаю, подано было вино и начались тосты, я подняла свой стаканъ и, обращаясь къ Герцену, шутя сказала: „Анархія!" Герценъ, улыбаясь, чокнулся со мною и отвѣтилъ: „Ce n'est pas moi qui l'ai dit". Возвращаясь оттуда, Герценъ съ сыномъ и Гаугъ про-

вожали Мейзенбугъ до дверей ея дома, и послѣ этого вечера,— прибавляетъ она,—„я испытывала пріятное сознаніе, что въ мою жизнь вступила замѣчательная личность, съ которой я чувствую себя въ полной гармоніи“.

Въ теченіе этой первой зимы своего пребыванія въ Лондонѣ, г-жа Мейзенбугъ встрѣчалась, однако, съ Герценомъ еще очень рѣдко, такъ какъ онъ вращался тогда почти исключительно въ англійскихъ домахъ, открывшихъ свои двери итальянскимъ эмигрантамъ-демократамъ. Рѣдкія встрѣчи ихъ носили къ тому еще совершенно случайный характеръ. Такъ, по окончаніи послѣдней лекціи по исторіи искусства, которыя Кинкель читалъ въ ту зиму въ залѣ лондонскаго университета и которыя привлекали многочисленный кругъ избранной публики, Мейзенбугъ, разговаривая съ Кинкелями и другими знакомыми, вмѣшалась въ толпу, разсматривавшую выставленныя въ сосѣднихъ съ аудиторіей залахъ превосходныя коллекціи, когда вдругъ увидѣла Герцена подъ-руку съ англійской дамой и въ сопровожденіи сына и Гауга. „Замѣтивъ насъ, Герценъ попрощался со своей дамой и, свободно говоря по-нѣмецки, вмѣшался въ нашъ разговоръ. Это была первая встрѣча послѣ вечера, проведеннаго у Кинкелей, и меня обрадовало, что онъ обратился ко мнѣ, какъ къ старой знакомой, дѣлясь своими впечатлѣніями по поводу видѣннаго и слышаннаго. Замѣчанія его и въ этой чуждой политикѣ области обнаруживали все тѣ же свойства его ума—тонкую наблюдательность, мѣткое, блестящее сужденіе и отзывчивость его пламенной души“.

Въ слѣдующій затѣмъ разъ они встрѣтились при совершенно иной обстановкѣ. Эмигранты хоронили г-жу Брюнингъ, домъ которой одно время былъ центромъ части русско-нѣмецкой эмиграціи. При выходѣ съ кладбища, Мейзенбугъ столкнулась съ Герценомъ; онъ казался сильно взволнованнымъ и, пожимая ей руку, тихо сказалъ: „Еще и года нѣтъ, какъ и я со своими сиротами стоялъ у свѣжей могилы“.

Все, что̀ нашъ авторъ въ это время зналъ о личной жизни Герцена, было, что онъ жилъ тогда въ небольшомъ домѣ у Primrose Hill, въ одной изъ наиболѣе богатыхъ зеленью частей Лондона, и занимался литературной работой. Въ такомъ положеніи было ихъ знакомство, когда однажды весною она получила отъ Герцена письмо, въ которомъ онъ просилъ ея совѣта и содѣйствія по вопросу о воспитаніи его дѣтей. По смерти своей жены,—писалъ онъ,—онъ оставилъ своихъ двухъ маленькихъ дочерей у друзей въ Парижѣ, но теперь рѣшилъ взять

ихъ къ себѣ, и вотъ въ вопросѣ о предстоящемъ воспитаніи ихъ онъ чувствуетъ себя совершенно безпомощнымъ. О помѣщеніи дѣвочекъ въ англійскій пансіонъ и рѣчи не можетъ быть, такъ какъ его отталкиваютъ лицемѣріе и ханжество англійской жизни. Она, Мейзенбугъ, внушаетъ ему большое довѣріе, и онъ проситъ ее позаняться пока со старшей дѣвочкой. Выражая въ своемъ отвѣтѣ полную готовность посвятить оставшіеся въ ея распоряженіи свободные часы его дочери и предлагая свои услуги для выработки дальнѣйшаго плана воспитанія, она, между прочимъ, высказала Герцену свое горячее сочувствіе къ его личной судьбѣ, „пославшей ему цѣлый рядъ тяжелыхъ испытаній и въ заключеніе самое ужасное — смерть жены“, и прибавляетъ, какъ рада была бы она сколько-нибудь смягчить суровость его судьбы заботами о его дѣтяхъ. Все это вызвало глубокую благодарность Герцена, и въ слѣдующемъ своемъ письмѣ онъ, между прочимъ, писалъ: „Своимъ дружескимъ отношеніемъ ко мнѣ вы напомнили мнѣ мою юность. Ваша дружба активна, это—единственный родъ дружбы, который я признаю, который я самъ питаю. Пассивную дружбу встрѣчаешь со всѣхъ сторонъ: l'amitié raisonnée, collaboration, conspiration, francmaçonnerie, Emancipationssucht, дружба единомышленниковъ, единовѣрцевъ, но все это неопредѣленно и абстрактно. Я отъ души благодаренъ вамъ за то, что вы напомнили мнѣ о существованіи другой, болѣе человѣчной и личной симпатіи въ этомъ vacuum horrendum, которымъ окружаетъ насъ міръ. Повѣрьте, что, несмотря на мою внѣшность à la Falstaff, нѣтъ такого искренняго чувства, какъ бы тонко и неуловимо оно ни было, которое не нашло бы отклика въ моемъ сердцѣ“.

Спустя нѣсколько дней, Герценъ явился самъ, въ сопровожденіи старшей дочери, дѣвочки лѣтъ семи, „поражавшей своей своеобразной, чисто-русской красотой, особенно своими большими, чудесными глазами и выраженіемъ лица, совмѣщавшимъ странное соединеніе энергіи съ мягкой, мечтательной задушевностью“. Трогательно было наблюдать чисто-материнскую заботливость Герцена, принужденнаго, какъ онъ, улыбаясь, замѣтилъ, исполнять и обязанности няни. На слѣдующій же послѣ этого день Мейзенбугъ отправилась къ Герцену, переѣхавшему, ради дѣтей, въ другой, болѣе просторный домъ на одиомъ изъ большихъ лондонскихъ скверовъ. Внизу, въ parlour, она застала нѣмку-бонну съ уже знакомой ей старшей дочерью Герцена, Натальей, и меньшой дѣвочкой, миніатюрнымъ двухлѣтнимъ созданіемъ необыкновенной миловидности. Герценъ посвятилъ ее

въ порядки дома: все, казалось, было просто и довольно благоустроено. У сына были свои учителя, за дѣвочками смотрѣла образованная бонна, а теперь начались и занятія Мейзенбугъ съ Натальей. „Часто послѣ урока,—разсказываетъ нашъ авторъ объ этомъ первомъ времени ея сближенія съ Герценомъ,—я оставалась еще побесѣдовать, причемъ Герценъ знакомилъ меня съ русской жизнью и литературой, читая мнѣ вслухъ отрывки изъ переводовъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя и другихъ и лично разъясняя чуждую мнѣ русскую жизнь и русскій народный характеръ". „Многое казалось мнѣ необыкновенно привлекательнымъ по своей свѣжести, отсутствію фразы и печати истинной поэзіи, созданной не искусственными эффектами, а силой положенія и искренняго чувства, въ томъ смыслѣ, въ какомъ Гёте говорилъ, что каждое стихотвореніе должно слагаться по какому-нибудь случаю".

„Наименѣе привлекалъ меня Пушкинъ, по красотѣ формы, развитію и обрисовкѣ предмета самый совершенный изъ русскихъ поэтовъ": онъ былъ слишкомъ типомъ знатнаго русскаго общества. Отталкивая демократку, эта типичность русскаго генія не могла не интересовать иностранку,—именно то, что̀ составляетъ коренное отличіе его отъ родственнаго ему по творчеству Байрона. „Насколько Байронъ англичанинъ,—приводитъ она по этому поводу слова Герцена,—настолько Пушкинъ—русскій, русскій, какъ люди петербургскаго періода. Зная всѣ страданія цивилизованнаго человѣчества, онъ сохранилъ въ себѣ вѣру въ будущее, чуждую западному человѣку. Въ то время какъ Байронъ, эта великая, свободная индивидуальность, изолируя себя въ своей гордой независимости и величественномъ скептицизмѣ, становится все неумолимѣе и мрачнѣе и, не вѣря въ приближеніе лучшаго будущаго, пресыщенный міромъ и подавленный горькими мыслями, отдаетъ свою жизнь народу изъ греко-славянскихъ пиратовъ, который онъ принимаетъ за греческій, Пушкинъ, знакомый со всѣми страданіями западнаго человѣчества, напротивъ того, все больше успокоивается, углубляется въ изученіе русской исторіи... и питаетъ инстинктивную вѣру въ будущее Россіи".

Болѣе сильное впечатлѣніе производитъ на автора „Мемуаровъ" Лермонтовъ, „поэзія котораго съ трагической силой выростаетъ изъ полной безнадежности и скептицизма. Отказываясь отъ всего субъективнаго, онъ поднимается нерѣдко до полнаго объективизма и развертываетъ предъ нашими глазами міръ столь поразительныхъ печальныхъ красотъ, что въ немъ умолкаетъ на

мгновеніе великая скорбь". Какъ Леопарди, поэзію котораго напоминаетъ нашему автору творчество Лермонтова, и въ немъ „элементъ вѣры, живущей во всякой поэтической натурѣ, и пламя поэзіи, прорывающееся еще сильнѣе изъ-за познанія истинной сущности міра, борются съ уничтожающей силой того познанія, которое за скользящимъ ббразомъ явленія видитъ демоническія силы, плетущія вѣчную цѣпь причины и слѣдствій". Но въ то время какъ Леопарди обращаетъ свои взоры назадъ, къ золотому вѣку греческой исторіи, Лермонтовъ бѣжитъ отъ отвращенія, внушаемаго ему окружающимъ его міромъ, къ дикой красотѣ кавказской природы и къ смѣлымъ, еще не затронутымъ цивилизаціей народамъ.

Новый міръ, открывавшійся нѣмецкой идеалисткѣ въ этихъ бесѣдахъ съ Герценомъ, знакомившимъ ее со своей далекой родиной, былъ для нея полонъ интереса, и часы, проводимые въ его обществѣ, она называетъ „оазисами" ея жизни. „Скоро домъ Герцена съ очаровательными дѣтьми и разнообразнымъ обществомъ,—говоритъ она,—сдѣлался для меня мѣстомъ отдыха и развлеченія, снова придавая нѣкоторую прелесть моей жизни и дѣлая для меня трудъ не тяжелой барщиной, а способной давать удовлетвореніе работой. Когда, съ наступленіемъ лѣта, стала чувствоваться потребность въ отдыхѣ, одиночествѣ, возможности собраться съ мыслями и сосредоточиться въ самой себѣ, и я рѣшила на свои маленькія сбереженія провести нѣсколько времени на берегу моря, мнѣ трудно было разставаться съ Герценами. Онъ, однако, на половину обѣщалъ прислать дѣтей съ бонной, а то и самому привезти ихъ. Но маленькія подруги не пріѣзжали, а тоска по нихъ росла. Напоминая Герцену о его обѣщаніи, его новый другъ полу-шутя замѣчаетъ, что онъ, очевидно, не можетъ разстаться съ Лондономъ, разнообразіемъ его жизни и своими многочисленными знакомыми, и что дѣйствительно жизнь въ Broadstairs не можетъ представлять для него интереса, такъ какъ кромѣ скалъ и волнъ тамъ нѣтъ ничего. Спустя нѣсколько дней, отъ Герцена получился слѣдующій отвѣтъ на это письмо:

„Вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, котораго рокъ преслѣдуетъ даже въ пустякахъ. Не знаю, когда намъ удастся пріѣхать. Сынъ мой боленъ; я могъ бы прислать вамъ дѣвочекъ съ бонной, но безъ нея какъ разъ теперь нельзя обойтись. Черезъ нѣсколько дней сообщу вамъ ультиматумъ. Получилъ ваше письмо. Значитъ, и ты, Брутъ?! А мнѣ казалось, что вы знаете меня лучше, чѣмъ всѣ другіе въ Лондонѣ; но и вы думаете, что я не могу обойтись безъ—безъ чего же? безъ кафе Very, ресторана Пиккаделли, Re-

gentstreet, толпы, споровъ? Потому что, въ сущности, вѣдь ничего больше у меня здѣсь нѣтъ. Вы знаете теперь нашу жизнь: она разбита, опустошена и напоминаетъ одинъ изъ тѣхъ древнихъ дворцовъ, въ которыхъ остался всего одинъ лишь жилой уголъ. Какія же прелести связываютъ меня съ этой жизнью? Есть одна сторона въ моей жизни, которую я фанатически люблю, это—независимость, но тамъ, на берегу моря, вы вѣдь не стали бы меня, надѣюсь, тиранизировать; другая—это дѣти, но они были бы тамъ со мною. Нѣтъ, вы не должны были судить такъ обо мнѣ!

„Я прожилъ жизнь въ ширь, жизнь entraînement и счастья—tempi passati! Единственное, что̀ мнѣ осталось, это—энергія борьбы, и я буду бороться. Борьба—это моя поэзія. Все остальное мнѣ почти безразлично. А вы думаете, мнѣ не все равно, въ Лондонѣ ли я, или въ Broadstairs, у Newrod или Ramsgate! Недавно, когда мы съ вами были вмѣстѣ, я какъ-то сказалъ, что вы—единственный человѣкъ, съ которымъ я говорю откровенно не только объ общихъ вопросахъ (потому что это послѣднее я дѣлаю со всѣми людьми, которыхъ уважаю), но и о болѣе интимныхъ вещахъ. Это благодѣяніе настолько, я думаю, перевѣшиваетъ мелкія неудобства, что они не сто̀ятъ упоминанія".

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ Герценъ пишетъ:

„Читая ваше письмо, я невольно говорилъ: Боже, какъ вы еще молоды по жизни и чувству! Все, что̀ вы говорите, знаю и я—по воспоминаніямъ—auch ich war in Arkadien geboren! Но я не сохранилъ этой свѣжести, этой sonorité. Вы продолжаете еще идти впередъ, я иду назадъ. Утѣшеніе, которое мнѣ остается, это—моя любовь къ труду. Только въ этомъ я еще молодъ, здѣсь я снова узнаю себя, я—прежній".

Пеняя на него за долгое молчаніе, послѣдовавшее за этимъ письмомъ, Мейзенбугъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Герцену полу-шутя замѣчаетъ, что не заставила же его, надо надѣяться, полная его безнадежность пустить себѣ пулю въ лобъ. Сейчасъ же отъ Герцена пришелъ слѣдующій отвѣтъ:

„Во-первыхъ, я получилъ письма изъ Россіи, въ которыхъ мнѣ сулили здѣсь, въ Лондонѣ, такую гостью, которую я ожидалъ съ сильнѣйшимъ біеніемъ сердца; вчера только получилъ я извѣстіе, что она прибудетъ лишь въ сентябрѣ. Во-вторыхъ, въ „Morning Advertiser" помѣщена была статья, въ которой высказано было, что Бакунинъ—русскій шпіонъ. Статья была подписана: F. M. Надо было, значитъ, хорошенько проучить F. M. и обождать его отвѣта. Наконецъ, были всевозможныя дрязги са-

маго непріятнаго свойства. Неподходящее для веселыхъ писемъ настроеніе. И такъ время проходило со дня на день.

„Застрѣлиться? Никто не убиваетъ себя въ силу разсужденія; пуля—не силлогизмъ; только разъ въ моей жизни думалъ я о самоубійствѣ, но никто никогда объ этомъ не узналъ; я стыдился признаться въ этомъ и уподобиться тѣмъ жалкимъ людямъ, которые эксплоатируютъ самоубійство. Во мнѣ нѣтъ теперь страсти, достаточно сильной для того, чтобы заставить меня прибѣгнуть къ самоубійству; во мнѣ живетъ даже ироническое желаніе, одно лишь любопытство, увидѣть, какъ все будетъ. Два года тому назадъ, я писалъ своему другу посвященіе, въ которомъ говорилъ: „Я ничего больше не жду для себя; ничто не можетъ меня удивить, ничто не можетъ меня особенно радовать. Я наконецъ добился такой силы равнодушія, смиренія, скептицизма, что я переживу всѣ удары судьбы, хотя у меня нѣтъ ни желанія долго жить, ни желанія скоро умереть. Конецъ придетъ такъ же, какъ пришло начало: случайно, безсознательно, неразумно. Я не постараюсь ни ускорить, ни избѣжать его“.

„Эти строки написаны съ полной искренностью. Подумайте объ этомъ. Вы могли бы мнѣ поставить мою усталость въ упрекъ, еслибы я жаловался; но я не жалуюсь никогда, развѣ когда дружеская рука дотронется до больныхъ струнъ. Вообще же, я говорю о революціи, демократическихъ комитетахъ, Миланѣ, Америкѣ, Молдавіи и т. п. Есть даже люди, которые считаютъ меня самымъ довольнымъ человѣкомъ въ мірѣ, какъ, напр., Г. и Ц.; есть и такіе, которые, видя меня задумчивымъ, объясняютъ это политическимъ честолюбіемъ, какъ большинство поляковъ.

„Да, бываютъ еще минуты, когда въ душѣ бушуетъ буря—о, какъ мечтаешь тогда о другѣ, дружеской рукѣ, слезѣ—такъ много хочешь сказать!—тогда я брожу по улицамъ; я люблю Лондонъ ночью; я совершенно одинъ; я иду и иду... Въ одинъ изъ послѣднихъ дней я былъ на мосту Ватерлоо; кромѣ меня, тамъ не было ни души; я долго сидѣлъ тамъ, и такъ тяжело было на сердцѣ—юноша въ 40 лѣтъ!

„А затѣмъ и это проходитъ. Вино для меня—небесный даръ; стаканъ вина возвращаетъ меня самому себѣ... Но довольно объ этомъ. Все это можно прочитать въ любомъ романѣ. Не люблю пускаться въ такія лирическія изліянія“.

„Глубоко взволнованная этимъ письмомъ,—пишетъ г-жа Мейзенбугъ въ своихъ „Мемуарахъ“,—я въ своемъ отвѣтѣ сказала ему, какъ больно было мнѣ читать объ этомъ безмолвномъ равнодушіи его, одного изъ избранниковъ свободы“. „Если жизнь дѣйствительно

не чтò иное,—писала она ему,—какъ вѣчно повторяющаяся игра существованій, тогда мнѣ ничего не оставалось бы сказать, потому что передача тѣхъ вашихъ настроеній была бы дѣйствительно пустымъ лирическимъ изліяніемъ, поддаваться которому было бы слабостью. Но благо намъ! Это не такъ: вѣчная поэзія жизни, высшій разумъ, единство, или назовите это какъ угодно,—возмущается противъ такого уничтожающаго сужденія и выходитъ побѣдителемъ изъ анализа разъѣдающей критики, одиночества сердца... Да, повѣрьте: такіе часы, какъ тѣ на мосту Ватерлоо, —не чтò иное, какъ месть разума и поэзіи надъ вашимъ разсудкомъ, стремящимся ихъ поработить".

По возвращеніи Мейзенбугъ въ Лондонъ, уроки ея въ домѣ Герцена возобновились. Ея привязанность къ дѣтямъ, этимъ „цвѣткамъ въ пустынѣ моей жизни", все росла, и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпла и ея дружеская связь съ Герценомъ. Однажды, зайдя къ нимъ въ неурочное время, она застала Герцена въ обществѣ дѣтей до крайности разстроеннымъ. Прощаясь съ ней, онъ сталъ жаловаться на неурядицы своей семейной жизни, которую ему никакъ не удается организовать хорошо: вопреки всѣмъ его стараніямъ, домъ его продолжаетъ напоминать развалины, и онъ не перестаетъ безпокоиться за дѣтей. Вдругъ онъ разрыдался, повторяя: „Нѣтъ, я не заслужилъ этого, не заслужилъ". „Сцена эта,—говоритъ г-жа Мейзенбугъ,—произвела на меня потрясающее дѣйствіе: тяжело было видѣть слезы человѣка, столь скупого на выраженія чувства и, казалось, столь поглощеннаго общественными интересами, что въ немъ и не подозрѣваешь способности горячо принимать къ сердцу и вопросы обыденной жизни". „Посовѣтуйте же мнѣ!"—говорилъ онъ,—и, тронутая его довѣріемъ, я обѣщала подумать дома обо всемъ этомъ".

Уже не разъ прежде дѣти и бонна упрашивали ее переселиться къ нимъ совсѣмъ и строили планы о томъ, какъ хорошо зажили бы они всѣ вмѣстѣ. Какъ ни привлекалъ и ее этотъ планъ, но мысль о новомъ и тѣсномъ сближеніи съ людьми пугала ее: послѣ всего горькаго опыта ея жизни страшно было, при ея сердцѣ, глубоко и безраздѣльно отдающемся каждой новой привязанности, поставить на карту покой и независимость, замѣнявшіе ей счастье и завоеванные ею съ такимъ трудомъ. Съ другой стороны, однако, слишкомъ уже было заманчиво перемѣнить безплодное учительствованіе, грозившее къ тому же стать скоро непосильнымъ для слабаго здоровья, на дѣло воспитанія любимыхъ дѣтей, гдѣ о роли гувернантки не могло быть и рѣчи: „Это было вступленіе въ семью свободнаго выбора; здѣсь сестра

шла къ брату, чтобы воспитать его лишенныхъ матери дѣтей". Близость съ Герценомъ, къ тому же, обѣщала внести въ ея жизнь новые духовные интересы, обмѣнъ, быть можетъ, и борьбу взглядовъ, борьбу, свободную отъ неизбѣжнаго тогда въ англійскихъ кругахъ лицемѣрія. Все это и сочувствіе къ затруднительному положенію Герцена заставили ее наконецъ рѣшиться, и она написала ему, предлагая взять на себя всѣ заботы по воспитанію дѣтей, съ условіемъ, чтобы обязанность эта, понимаемая ею какъ долгъ дружбы, оставалась чисто идеальной: вознагражденіе ея заключается всецѣло въ ея успѣхѣ, и съ минуты вступленія въ его домъ всякія денежныя обязательства между ними прекращаются; для пополненія же своего скромнаго бюджета она оставитъ за собою пару частныхъ уроковъ. Она не скрыла и своихъ колебаній, прибавивъ, что вѣдь ничто не помѣшаетъ имъ, заключающимъ этотъ добровольный договоръ въ качествѣ совершенно равноправныхъ сторонъ, уничтожить его, какъ только это покажется желательнымъ кому-нибудь изъ нихъ. Отвѣтъ Герцена получился немедленно. Онъ писалъ, что предложеніе это уже не разъ готово было сорваться у него съ устъ, но что и его удерживали тѣ же сомнѣнія, что и ее, — безграничная любовь къ независимости—высшему, что̀ остается потерпѣвшему крушеніе въ жизни, и боязнь сближенія, нерѣдко грозящаго и печальному покою безнадежнаго одиночества, — пробитаго безчисленными пулями трофея, выносимаго изъ горячей борьбы. „Я боюсь всѣхъ, — продолжалъ онъ: — также и васъ", но вслѣдъ затѣмъ прибавлялъ: „Да, сдѣлайте же попытку! Вы сдѣлаете для меня все, если спасете мнѣ дѣтей; у меня нѣтъ таланта къ воспитанію, я знаю это и не обманываю себя на этотъ счетъ; но я готовъ во всемъ помогать вамъ, дѣлать все, что̀ вы найдете нужнымъ и желательнымъ".

Какъ только рѣшеніе было принято, Герценъ сталъ ее торопить, и, спустя нѣсколько недѣль, Мейзенбугъ переселилась къ нимъ въ домъ. Многое, какъ по отношенію къ дѣтямъ, такъ и въ домашнихъ порядкахъ, нуждалось въ реформахъ; не менѣе другого, по мнѣнію нѣмки, привыкшей къ замкнутости семейной жизни, требовалъ регулирующаго вмѣшательства и кругъ знакомыхъ Герцена, разросшійся до того, что онъ заполонилъ весь домъ, стѣсняя самого Герцена, уничтожая возможность всякой общей семейной жизни, совмѣстныхъ чтеній и т. п., и нерѣдко повергая всѣхъ въ дурное расположеніе духа. Больше всѣхъ, въ сущности, страдалъ отъ этого самъ Герценъ, часто впадая въ полное уныніе, но для активнаго вмѣшательства у

него не хватало энергіи. Нашъ авторъ съ изумленіемъ останавливается на этой чертѣ его характера, отмѣчаемой имъ еще не разъ впослѣдствіи, въ качествѣ одной изъ отличительныхъ чертъ русскаго національнаго характера. Непреклонный во всемъ, что касалось его принциповъ, ни на волосъ не отступая отъ разъ занятой имъ позиціи и отдаваясь работѣ съ выносливостью, доступной лишь для того, для кого работа не ремесло, а проявленіе его внутренней творческой силы,—Герценъ былъ безсиленъ, когда дѣло касалось обыденныхъ вопросовъ жизни, предпочитая переносить тысячи непріятностей, чѣмъ твердой рукой регулировать все по своему. Новая воспитательница, желая охранять отца, чтобы вмѣстѣ съ нимъ создать тѣ счастливыя условія, которыя она считала необходимыми для правильнаго, плодотворнаго воспитанія дѣтей, настоятельно требовала реформъ, но лишь послѣ долгаго сопротивленія Герценъ, съ той необыкновенной правдивостью, которую авторъ „Мемуаровъ“ признаетъ одной изъ основныхъ чертъ его характера, и со свойственной ему откровенностью заявлять о сознанныхъ ошибкахъ, уступилъ, признавъ, что было бы слабостью оставлять такой порядокъ вещей. Былъ назначенъ одинъ пріемный вечеръ въ недѣлю, причемъ исключенія допускались лишь для немногихъ избранныхъ лицъ. Среди этихъ послѣднихъ въ средѣ знакомыхъ Герцена авторъ „Записокъ“ съ особеннымъ уваженіемъ останавливается на полякѣ Станиславѣ Ворцелѣ. Принадлежа къ одной изъ первыхъ аристократическихъ фамилій Польши, Ворцель, воспитанный въ величайшей роскоши, уже въ молодости успѣлъ усвоить себѣ крупныя знанія и истинное, широкое образованіе. Горячій патріотъ, онъ, когда обстоятельства потребовали этого, поставилъ на карту все—имя, счастливую семейную жизнь, богатство. Результатомъ этого было изгнаніе, для него болѣе тяжелое, чѣмъ для другихъ, изъ-за измѣны жены и дѣтей, перешедшихъ на сторону побѣдителей. Какъ глубоко вонзилась эта стрѣла въ сердце Ворцеля, можно было догадаться по глубокимъ морщинамъ на его лицѣ и преждевременной сѣдинѣ, но никогда слово жалобы не сорвалось съ его устъ. Онъ оставался всегда тѣмъ же тонко-остроумнымъ, всесторонне-образованнымъ человѣкомъ, въ совершенствѣ владѣвшимъ всѣми европейскими языками и своей искусной діалектикой, философскимъ умомъ, питаемымъ его широкими знаніями, дѣлалъ бесѣду истиннымъ наслажденіемъ. Его благородное, страдальческое лицо уже невольно внушало симпатію и уваженіе. Его патріотизмъ поддерживалъ его и въ изгнаніи. „Польша была мистической звѣз-

дой, свѣтившей Ворцелю за туманами изгнанія", — говоритъ о немъ г-жа Мейзенбугъ. Онъ жилъ уроками иностранныхъ языковъ и математики, которую преподавалъ и старшему сыну Герцена. Это часто приводило его въ домъ Герцена, но и помимо того онъ былъ въ немъ обычнымъ и желаннымъ гостемъ. Онъ, между прочимъ, одинъ изъ первыхъ сочувственно отнесся къ плану Герцена основать въ Лондонѣ русскую прессу. Сочувствіе, впрочемъ, Герценъ съ самаго начала встрѣтилъ съ разныхъ сторонъ; такъ французскій историкъ Мишлé, напримѣръ, восклицалъ, привѣтствуя его начинаніе: „Какая ненависть можетъ еще существовать послѣ того, какъ русскіе и поляки заключили союзъ!"

Однако, личности, подобныя Ворцелю, по словамъ автора „Мемуаровъ", являлись исключеніемъ въ рядахъ польскихъ эмигрантовъ, которые вмѣстѣ съ нѣкоторыми русскими завладѣли домомъ Герцена: „gros польской эмиграціи непріятно поражало страстью къ интригамъ, мелкой завистью, подозрительностью, повсюду предполагающей шпіоновъ, и часто трудно было,—прибавляетъ авторъ, — удержаться отъ улыбки, видя ихъ такими drapés dans la conspiration". Теперь, когда число пріемныхъ часовъ было строго ограничено, жизнь въ домѣ Герцена пошла по иному: общія чтенія, работы и шутки, общіе интересы и стремленія, составляющіе прелесть благоустроенной семейной жизни, соединяли всѣхъ членовъ семьи, будя въ нихъ благотворное чувство общности. Зимой дѣти болѣли, и материнскій уходъ за ними ихъ воспитательницы сдѣлалъ ихъ ей еще дороже. Въ противоположность общераспространенному тогда въ передовыхъ кругахъ общества взгляду на семью, какъ на факторъ воспитанія, гибельный для развитія индивидуальности, воспитательница дѣтей Герцена считаетъ задачей семьи—способствовать всестороннему развитію индивидуальныхъ наклонностей, силъ и способностей личности, и главными ея средствами для этого—впечатлѣнія и примѣръ. Окружить дѣтство впечатлѣніями прекраснаго, благородными, возвышенными примѣрами и въ дальнѣйшемъ предоставить природѣ свободное развитіе по закону внутренней необходимости—вотъ, по ея словамъ, высшая мудрость воспитателя. Что касается приложенія этой теоріи къ очень оригинальнымъ натурамъ ея воспитанницъ, то на первомъ планѣ стояло изученіе уже ярко выраженнаго характера Натальи, преподаваніе которой тоже принадлежало ей; скоро, однако, и маленькая Ольга перешла совершенно въ ея руки. Бонна, помогавшая ей вначалѣ, скоро измѣнила свое доброе отношеніе къ ней. Милая и живая дѣвушка, обрадовавшаяся вначалѣ обществу

Мейзенбугъ, внесшей столько жизни въ домъ, стала вдругъ сторониться ея, и скоро дѣло дошло до недоразумѣній и сценъ. Опасаясь вреднаго вліянія на дѣтей, уже начинавшаго сказываться на Натальѣ, будя въ ней недовѣріе и отчужденность, Мейзенбугъ обратилась къ Герцену, прося его предупредить грозящія непріятности,—но тутъ, однако, снова натолкнулась на уже упомянутую черту его характера. „Эта черта, — говоритъ нашъ авторъ,—придаетъ жизни русскаго что-то случайное, шаткое и, являясь одной изъ отличительныхъ чертъ русскаго національнаго характера отъ западно-европейскаго, составляетъ одинъ изъ тѣхъ антагонизмовъ, которые дѣлаютъ для русскаго ненавистнымъ нѣмца съ его твердой, вносящею порядокъ предусмотрительностью". Герценъ всегда надѣялся, что все само собой уладится, и предоставлялъ событіямъ идти своимъ путемъ, и лишь когда въ этомъ случаѣ дѣло дошло до самыхъ непріятныхъ сценъ, Герценъ рѣшился на активное вмѣшательство: бонна ушла, и дѣти перешли всецѣло въ руки Мейзенбугъ.

Между тѣмъ и кругъ знакомыхъ Герцена сильно перемѣнилъ свою физіономію. Самыми близкими людьми были теперь русскіе, мужъ и жена Е..., еще при жизни жены Герцена жившіе вмѣстѣ съ ними въ Ниццѣ. Е... былъ представителемъ поколѣнія, вступившаго въ жизнь уже послѣ того, какъ Герценъ оставилъ Россію. Болѣзненный, до крайности нервный, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ теоретическихъ людей, какихъ Герценъ изобразилъ и среди своего поколѣнія. Обладая острымъ, разъѣдающимъ умомъ, блестящей діалектикой, философской глубиною, онъ, благодаря тяжелымъ общимъ условіямъ, вынесъ изъ всего этого одну лишь горькую иронію и ни предъ чѣмъ не останавливающійся скептицизмъ, усиливаемый тѣмъ, что сознаніе выдающихся способностей будило въ Е... требованія, не оправдываемыя никакимъ реальнымъ успѣхомъ, въ то время какъ многіе изъ подобныхъ типовъ поколѣнія Герцена спасены были крупнымъ поэтическимъ дарованіемъ. Е... любилъ и умѣлъ спорить, и споры съ нимъ, говоритъ нашъ авторъ, были настоящей умственной гимнастикой. Его остроуміе и сарказмъ, за которыми, впрочемъ, скрывалось истинно-гуманное чувство, обращаясь противъ одного лишь достойнаго уничтоженія и щадя все слабое и безпомощное, занимали собесѣдника. Е... и его жена, умная и гордая женщина, совмѣщавшая въ своемъ характерѣ мистицизмъ съ холодной положительностью, часто бывали у Герцена. Оба они очень любили дѣтей и часто разсказывали имъ объ ихъ покойной матери, которую они высоко чтили.

Кромѣ Е..., въ числѣ частыхъ посѣтителей Герцена были теперь представители французской эмиграціи, а именно той ея части, во главѣ которой стоялъ Луи Бланъ. Между этимъ послѣднимъ и Герценомъ завязывались обыкновенно, какъ только они сходились, горячіе споры, въ которыхъ Луи Бланъ отстаивалъ свою теорію, если и не безъ реторики, то по крайней мѣрѣ безъ того паѳоса и фразъ, которыми блистала большая часть его соотечественниковъ. Доктринеръ, несостоятельность теоріи котораго уже была обнаружена, онъ продолжалъ умѣло и устроумно защищать ее, когда Герценъ раскрывалъ ея слабыя стороны, оставаясь при этомъ, даже во время самыхъ горячихъ преній, совершеннымъ джентльменомъ, неизмѣнно любезнымъ и привѣтливымъ. Луи Бланъ очень любилъ разсказывать о своемъ богатомъ прошломъ и особенно охотно останавливался на своей жизни съ французскими рабочими и ихъ любви къ нему. Такъ, онъ, напримѣръ, разсказывалъ, что, выйдя однажды прогуляться, замѣтилъ, что за нимъ по пятамъ слѣдуетъ какой-то человѣкъ въ рабочей блузѣ. Бѣдная женщина подошла къ Луи Блану, прося милостыни; онъ сталъ искать въ карманѣ, но не находилъ монеты. Вдругъ человѣкъ въ блузѣ быстро приблизился къ нему и, положивъ ему нѣсколько су въ руку, проговорилъ: „Пусть никто не сможетъ сказать, что Луи Бланъ отпустилъ отъ себя нищаго безъ милостыни“. Оказалось, что куда бы онъ ни шелъ, за нимъ постоянно ходилъ одинъ изъ рабочихъ, готовый, въ случаѣ надобности, спѣшить ему на помощь.—Луи Бланъ былъ очень малъ ростомъ, и трехлѣтняя Ольга Герценъ, серьезно вообразивъ его своимъ товарищемъ, очень къ нему благоволила; онъ, въ свою очередь, первымъ дѣломъ освѣдомлялся всегда о ней, и нерѣдко по получасамъ игралъ съ ней au volant или въ другую игру. Видно было, что вниманіе дѣвочки не на шутку льститъ ему. „Да не воображайте же вы, ради Бога, Луи Бланъ, что Ольга влюблена въ васъ! — замѣтилъ однажды одинъ изъ его товарищей-французовъ:—вѣдь это же относится къ вашему синему сюртуку съ золотыми пуговицами“ (Луи Бланъ неизмѣнно являлся въ синемъ фракѣ съ желтыми пуговицами). Это замѣчаніе серьезно его разсердило; вообще, сильно развитое тщеславіе было однимъ изъ его главныхъ недостатковъ. Но въ общемъ, говоритъ нашъ авторъ, это была привѣтливая натура, и интересъ, возбуждаемый его личностью, обусловливался не только его крупнымъ талантомъ историка, но и глубокимъ, логически обоснованнымъ міровоззрѣніемъ его.—Другой интересной личностью среди французскихъ знакомыхъ Герцена былъ Доманжé,

еще молодой человѣкъ, уроженецъ южной Франціи, уже въ ранней юности предоставленный самому себѣ въ Парижѣ и со всѣмъ пыломъ южанина ринувшійся въ революцію, за которой для него послѣдовали изгнаніе и нужда. Герценъ встрѣтилъ его у однихъ своихъ знакомыхъ и, возвращаясь оттуда вмѣстѣ съ нимъ, незамѣтно для себя пробродилъ съ нимъ полъ-ночи по улицамъ Лондона, погруженный въ бесѣду. На слѣдующій послѣ этого день Герценъ сказалъ о немъ Мейзенбугъ: „Среди всѣхъ знакомыхъ мнѣ французовъ я не встрѣчалъ еще ни одного такого свободнаго человѣка, такой философски мыслящей головы". Своей благородной красотою, высоко развитымъ умомъ и смѣлымъ, свободнымъ взглядомъ на вещи онъ производилъ необыкновенно выгодное впечатлѣніе. Съ неустрашимой критикой встрѣчалъ онъ теоріи своихъ соотечественниковъ, въ томъ числѣ и Луи Блана. Вскорѣ онъ сталъ давать уроки сыну Герцена, и такимъ образомъ проводилъ въ домѣ много часовъ.

Съ славными представителями другой группы эмиграціи, а именно итальянской, г-жа Мейзенбугъ встрѣтилась въ домѣ Герцена еще задолго до своего переселенія туда. Однажды Герценъ предложилъ ей провести у него вечеръ въ кругу его близкихъ знакомыхъ. Въ то время это былъ кругъ Маццини, который, за исключеніемъ его самого и его друга, итальянца Саффи, состоялъ изъ англичанъ. „Уже давно мечтая,—разсказываетъ нашъ авторъ,—о знакомствѣ съ Маццини, этимъ „великимъ итальянцемъ, тріумвиромъ Рима, пламенной душой, огонь которой въ теченіе 20 лѣтъ питалъ патріотическій энтузіазмъ цѣлаго народа, изнемогавшаго подъ гнетомъ духовнаго и свѣтскаго деспотизма", я шла на этотъ вечеръ, полная ожиданія чего-то необыкновеннаго. Насколько непріятно поразилъ меня незадолго до этого чуть не придворный церемоніалъ, которымъ въ венгерскомъ кругу окружали Кошута, и подобающая монарху снисходительная манера его, настолько же сильно была я теперь поражена полнѣйшей простотой въ осанкѣ и поведеніи человѣка, котораго Герценъ представилъ мнѣ, какъ Іосифа Маццини". „Онъ былъ средняго роста, красиваго и стройнаго тѣлосложенія, нѣсколько худощавый—фигура нисколько не импонирующая. Только голова его соотвѣтствовала представленію, которое складывалось о немъ за глаза, а при взглядѣ на нѣжныя черты его лица, на лобъ, увѣнчанный мыслью, темные глаза, въ которыхъ свѣтились въ одно и то же время огонь фа-

натика и мягкость душевнаго человѣка, нельзя было не почувствовать себя прикованной къ заколдованному кругу его и не понять, что это—одна изъ тѣхъ личностей, мимо которыхъ нельзя пройти равнодушно, не ставъ за или противъ нея". „Съ величайшимъ интересомъ,—разсказываетъ она далѣе,—слѣдила я за споромъ, завязавшимся въ тотъ вечеръ между нимъ, Герценомъ и Саффи. Маццини отстаивалъ *догму* революціонной задачи, обязанность и миссію „святого подвига" и съ жаромъ возставалъ противъ скептицизма и одного лишь отрицанія существующаго, являющагося, по его убѣжденію, деморализующимъ началомъ; задача истиннаго революціонера—внушать народамъ сознаніе обязанности, которую имъ слѣдуетъ исполнить. Ему нѣтъ дѣла,—повторялъ онъ,—и до Италіи, если она стремится только къ достиженію матеріальнаго величія и благосостоянія; единственное, что̀ кажется ему достойнымъ борьбы, это—что Италія исполняетъ великую миссію освобожденія человѣчества, становясь сама благороднѣе, нравственнѣе и болѣе преданной своему долгу. Герценъ, возражая со свойственной ему блестящей діалектикой, приводилъ безчисленныя пораженія революцій, искусственно вызванныхъ къ жизни, и обнаружившуюся вездѣ неспособность демократической партіи къ организаціи. При своей фанатической любви къ свободѣ, онъ былъ противникомъ всякаго догматизма и не остановился и предъ отрицаніемъ республики, какъ только убѣдился, что она можетъ превратиться въ связывающій мысль догматъ, исключающій полную свободу „развитія всѣхъ возможностей". Съ его мнѣніемъ, что при данномъ положеніи вещей ничего другого не остается дѣлать, какъ только протестовать противъ существующаго порядка и отрицать его въ его религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ формахъ, соглашался и Саффи; да и вообще этотъ товарищъ Маццини по тріумвирату въ Римѣ, его другъ и одинъ изъ первыхъ его учениковъ и послѣдователей, все больше склонялся къ воззрѣніямъ Герцена. Это была поэтическая, мечтательно-меланхолическая натура; онъ не былъ рожденъ политикомъ, патріотизмъ былъ его поэзіей, и возстаніе Италіи захватило юношу-поэта, какъ олицетворенный идеалъ. Но мечта была разбита, и, очнувшись, онъ увидѣлъ себя одинокимъ въ туманномъ изгнаніи. Глубокая скорбь, наполнявшая его душу, проявлялась въ его задумчивости—нерѣдко онъ по цѣлымъ часамъ не произносилъ ни слова, и обращеніе къ нему какъ будто будило его изъ какого-то глубокаго сна,—или, когда онъ, какъ бы пробуждаясь изъ міра фантазіи, въ который обыкновенно бывалъ погруженъ, начиналъ, въ присутствіи близ-

кихъ ему людей, декламировать своихъ любимыхъ поэтовъ, въ особенности Леопарди. Герцена онъ любилъ съ какой-то дѣтской нѣжностью, и съ восторгомъ прислушивался, когда мысли Герцена начинали бить ключомъ, и его пламенная душа увлекала за собою слушателей во всѣ области мышленія. Въ домѣ Герцена, чрезвычайно его любившаго, онъ былъ очень частымъ гостемъ. Убѣдившись, что невозможно изъ эмиграціи диктовать законы своему отечеству и предписывать ему ходъ развитія, онъ, вмѣсто конспираціи, рѣшилъ заняться опредѣленной дѣятельностью въ Англіи, и, спустя нѣсколько времени, получилъ каѳедру въ Оксфордѣ".

Чисто итальянскій типъ, хотя и прямую противоположность Саффи, представлялъ Феличе Орсини, знакомый Герцену еще изъ Италіи. Со своей плотной фигурой, крѣпко сжатыми губами, сверкающими глазами, высокимъ лбомъ и орлинымъ носомъ, онъ былъ истый римлянинъ—олицетвореніе силы. Онъ былъ очень красивъ, но какъ мало напоминала его красота мечтательную, поэтическую красоту Саффи! Какъ и Саффи, онъ говорилъ мало, но не потому, чтобы онъ былъ погруженъ въ чуждыя окружающему поэтическія сферы: онъ постоянно наблюдалъ, строилъ планы, строго слѣдилъ за собой, скрывая истинное основаніе своихъ мыслей. Это былъ настоящій маккіавеллевскій типъ, портретъ средневѣкового кондотьера. Онъ часто заходилъ къ Герцену вечеромъ поболтать на часокъ, много возился съ дѣтьми и съ тоской говорилъ о своихъ двухъ маленькихъ дочеряхъ, оставленныхъ имъ въ Италіи, причемъ эта душевная сторона въ немъ являлась для наблюдателя полнѣйшей неожиданностью.

Въ сильнѣйшее волненіе привело всю итальянскую эмиграцію, вызвавъ сильное возбужденіе и въ домѣ Герцена, извѣстіе о пріѣздѣ Гарибальди, извѣстнаго тогда, правда, лишь своимъ предводительствомъ войскомъ римской республики, но уже считавшагося, рядомъ съ Маццини, одной изъ первыхъ звѣздъ свободной Италіи. Теперь онъ возвращался на генуэзскомъ суднѣ, въ качествѣ его капитана, изъ Южной Америки, гдѣ сражался за независимость юныхъ республикъ, и эти подвиги уже окружали его имя романтическимъ свѣтомъ, представляя его фантастическимъ героемъ, рыскающимъ по свѣту ради помощи притѣсненнымъ. Герценъ зналъ и Гарибальди еще со времени своего пребыванія въ Италіи. Не разъ вспоминалъ онъ съ умиленіемъ, какъ однажды, сейчасъ послѣ смерти его жены, къ нему подошла незнакомая дама съ двумя дѣтьми и просила его не отка-

зать помолиться съ дѣтьми, также недавно лишившимися матери, у гроба покойницы. Это были дѣти Гарибальди, а сопровождавшая ихъ дама—ихъ воспитательница. Теперь, по пріѣздѣ Гарибальди въ Лондонъ, Герценъ поспѣшилъ навѣстить его, а спустя нѣсколько дней Гарибальди явился къ Герцену на обѣдъ. Съ перваго же взгляда,—говоритъ нашъ авторъ,—Гарибальди завоевывалъ симпатію мягкимъ выраженіемъ своихъ добрыхъ глазъ, привѣтливою улыбкою, всею своею простою и, при всей своей простотѣ, полною достоинства фигурой. „Онъ весь былъ какъ тихое очарованіе прекраснаго утра: ничего скрытаго, таинственнаго, возбуждающаго, ни колкой остроты, ни сверкающей страстности, ни увлекающаго паѳоса рѣчи". Но видъ его сразу внушалъ увѣренность, что вы стоите предъ человѣкомъ, правдивымъ во всемъ, для котораго разладъ между словомъ и дѣломъ невозможенъ. Его бесѣда была свѣжа, оживлена, полна привѣтливой простоты и проникнута поэзіей, въ особенности когда онъ передавалъ о своей жизни въ Южной Америкѣ, о войнахъ, о старыхъ, честныхъ битвахъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ съ оружіемъ въ рукахъ, о ночахъ, проведенныхъ подъ открытымъ небомъ. Казалось, видишь предъ собою одного изъ героевъ Гомера. Вполнѣ соотвѣтствовала всему его существу и его любимая мечта: собрать всю эмиграцію 48-го года на нѣсколькихъ корабляхъ, которые, онъ былъ увѣренъ, не отказалась бы доставить Генуя, давшая ему его корабль, и образовать „плавающую республику", убѣжище для свободныхъ на вольномъ морѣ, которые всегда готовы были бы спѣшить туда, гдѣ нужно сражаться за свободу. Собравшимся у Герцена итальянцамъ онъ открыто излагалъ свои убѣжденія и говорилъ, что, оставаясь искреннимъ республиканцемъ, онъ считаетъ революцію безполезной, и убѣжденъ, что всякій истинный итальянскій патріотъ долженъ, оставляя въ сторонѣ свои личныя симпатіи, помнить, что путь къ единству Италіи лежитъ черезъ Пьемонтъ и Савойскую династію. Этотъ взглядъ Гарибальди послужилъ причиной натянутыхъ отношеній, надолго установившихся между нимъ и Мацпини.

Передъ своимъ отъѣздомъ Гарибальди пригласилъ Герцена на завтракъ къ себѣ на корабль; но Герценъ въ этотъ день былъ боленъ, и туда отправился лишь его сынъ въ сопровожденіи г-жи Мейзенбугъ. „Гарибальди встрѣтилъ насъ,—разсказываетъ она, — въ живописномъ костюмѣ: короткой, сборчатой туникѣ сѣраго цвѣта, вышитой золотомъ красной шапочкѣ на бѣлокурыхъ волосахъ, съ оружіемъ за широкимъ поясомъ. Его

темные матросы, съ глазами и волосами иного солнца, тоже въ живописныхъ костюмахъ, собраны были на палубѣ. За завтракомъ, сервированнымъ исключительно изъ морскихъ блюдъ и вина его родного города, Гарибальди поднялъ свой стаканъ „за женщинъ, самоотверженно помогающихъ мужьямъ проложить дорогу истинной республиканской свободѣ". Затѣмъ онъ показалъ гостямъ суднѡ, оружіе, всю свою простую обстановку. Его матросы повидимому боготворили его. Нельзя было не почувствовать всей поэтической прелести этой личности: простой, честный, свободный герой, господствующій надъ этой маленькой пловучей республикой добротой и справедливостью и, въ ожиданіи возможности служить своей родинѣ, увозящій помощь своей руки и своего военнаго таланта въ отдаленныя страны". „Въ его простотѣ и вѣрности самому себѣ,—заключаетъ нашъ авторъ,—и лежитъ ключъ того неотразимаго очарованія, которымъ онъ пользовался особенно въ народѣ, еще при его жизни сдѣлавшемъ его героемъ легенды. Народъ въ Неаполѣ уже давно носитъ его портретъ въ качествѣ амулета, празднуетъ день его рожденія не ради св. Іосифа, а ради его самого, и вѣритъ, что первый Гарибальди умеръ уже давно, но что онъ воскресаетъ, такъ что во всякое время существуетъ Гарибальди". Такимъ образомъ въ домѣ Герцена собиралось разнообразное и многочисленное общество, и число знакомыхъ и друзей, считавшихъ, что ради нихъ можно сдѣлать исключеніе, чтобъ проводить съ ними время, отведенное для работы, было, несмотря на реформы, все еще слишкомъ велико. Съ тѣмъ большею радостью встрѣчено было всей семьей предложеніе Герцена поселиться на время въ Ричмондѣ, соединявшемъ всѣ прелести сельской жизни съ близостью отъ Лондона. Какъ только наступила весна, проектъ этотъ былъ осуществленъ; а вслѣдъ за Герценомъ переѣхали въ Ричмондъ и Е... съ женой. Ежедневно къ обществу ихъ присоединялся и Доманжé, пріѣзжавшій изъ Лондона ради занятій съ сыномъ Герцена и обыкновенно остававшійся до вечера, принимая участіе въ общихъ прогулкахъ пѣшкомъ, катаніяхъ на лодкѣ и пр. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль жизнь текла необыкновенно мирно, благотворно отражаясь, какъ на развитіи дѣтей, такъ и на настроеніи и работѣ взрослыхъ. Сердечная связь Мейзенбугъ съ семьею все крѣпла, а привязанность къ дѣтямъ, въ особенности къ Ольгѣ, принимала все больше характеръ чисто-материнской любви. „Я испытывала,—пишетъ она,—всю горячую любовь матери, ея готовность на самопожертвованіе, ея жгучее желаніе оберегать молодую жизнь

и довести ее до полнаго расцвѣта. Ея маленькіе недостатки и ошибки сдѣлались предметомъ моей серьезной заботы, и мысль обратилась отъ общихъ вопросовъ воспитанія и его приложенія къ частному случаю". Душевная грація этого восхитительнаго ребенка подавала самыя свѣтлыя надежды на будущее. Дѣти росли на полной свободѣ, оживляя своимъ веселымъ смѣхомъ и шалостями весь домъ. Это послѣднее обстоятельство, однако, подало поводъ къ конфликту, чуть, было, не разстроившему надолго установившійся, наконецъ, мирный и счастливый порядокъ въ домѣ Герцена. Е..., по словамъ нашего автора, повсюду искавшій пищи для своего раздраженія, сталъ жаловаться Герцену на недостатокъ дисциплины въ воспитаніи дѣтей; Герцену же нерѣдко нуженъ былъ лишь незначительный предлогъ, чтобы изъ довѣрчивой увѣренности въ близкихъ людяхъ впасть въ сомнѣнія и начать видѣть привидѣнія среди бѣлаго дня. „Къ счастію,—продолжаетъ авторъ „Записокъ",—онъ со свойственною ему правдивостью, какъ только остался одинъ со мною и Е..., свелъ разговоръ на воспитаніе и откровенно высказалъ подмѣченные ими недостатки въ моемъ методѣ воспитанія. Завязался горячій споръ, длившійся много часовъ, и, казалось, побѣда осталась за мною".

Но какъ ужъ не разъ бывало, когда что-нибудь оставалось между ними недосказаннымъ, Герценъ на слѣдующее утро передалъ Мейзенбугъ написанное имъ ночью письмо. Высоко цѣня, —писалъ онъ,—все то хорошее, что внесено было ею въ его семью, въ особенности же столь благотворно повліявшій на дѣтей элементъ здоровья и независимости, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ *вполнѣ* одобряетъ теорію и практику нравственнаго и умственнаго воспитанія его дѣтей. Напротивъ того, внѣшнее воспитаніе, „дрессировка", которая, хотя и должна оставаться на второмъ планѣ, все-же является „эстетической и соціальной необходимостью", между прочимъ служа также предупрежденію опасности и болѣзни, страдаетъ, вслѣдствіе недостатка въ ней организаціоннаго и административнаго таланта, умѣнья пользоваться властью и приказывать. Ей, какъ и ему самому, привыкшимъ жить преимущественно въ сферѣ мысли, міръ деталей скученъ и труденъ; думая о воспитаніи, она навѣрное менѣе всего останавливалась на детальныхъ вопросахъ внѣшней дрессировки, и потому эта послѣдняя такъ же мало дается ей, какъ и ему. Этимъ именно объясняется, почему дѣти, такъ сильно къ ней привязанныя, почему маленькая Ольга, безумно ее любящая, не всегда въ одинаковой мѣрѣ ей повинуются: ей недостаетъ спо-

собности приказывать, держать дѣтей въ постоянной и полной зависимости отъ своей воли. То же,—пишетъ онъ далѣе,—говорилъ и Е..., и его слова послужили поводомъ ко вчерашнему спору; остается только удивляться, почему Е... во время спора постоянно соглашался съ нею. „Я становлюсь, — прибавляетъ Герценъ, — все болѣе и болѣе безжалостнымъ къ своимъ друзьямъ“...

„Вы взяли на себя,—продолжаетъ онъ, — необъятную задачу: воспитаніе—это самопожертвованіе, хроническое самоотреченіе. Оно требуетъ отдачи всей жизни. Вотъ почему не спѣшилъ я тогда, но ждалъ вашего предложенія, потому что я зналъ, что̀ за бремя вы берете на себя. Я зналъ это тѣмъ лучше, что вы, быть можетъ, ошибались относительно меня. На словахъ и въ романахъ люди, остающіеся вѣрными своему несчастію, не бѣгущіе страданій, разбитые тяжелыми ударами судьбы, очень интересны; въ дѣйствительности это не такъ, здѣсь это болѣзнь, какъ всякая другая, а больные всѣ капризны и несносны.

„Протягивая мнѣ свою дружескую руку, чтобы взять на себя воспитаніе дѣтей, вы ставили себѣ двойную задачу. Вы не разъ говорили мнѣ о своемъ желаніи исцѣлить и меня; я понимаю это и глубоко благодаренъ за всякое доказательство истинной, дѣятельной дружбы. Но это не могло вамъ удаться, и тогда только увидѣли вы, что, кромѣ общей симпатіи къ дорогимъ и святымъ для насъ обоихъ вещамъ, кромѣ личной симпатіи, мы —антиподы. Я стремлюсь сохранить жизнь дѣтей, единственный остатокъ поэзіи въ моемъ существованіи, я работаю, читаю „Times“, я люблю своихъ друзей до глубины души,—истинныхъ друзей, а къ числу ихъ принадлежите и вы,—но всѣ они не могутъ измѣнить направленія, разъ принятаго моимъ существомъ. Хорошо еще, еслибы и вы уже покончили счеты съ жизнью; тогда мы оба были бы подобны потерпѣвшимъ крушеніе и лишившимся всего. Но у васъ имѣются еще—и это вполнѣ справедливо — требованія къ экспансивной жизни, вы ищете еще наслажденія, у васъ есть будущее, желанія. И вы думаете, что моя душа такъ эгоистична, что можетъ не страдать, сознавая, какъ невыносима должна быть для васъ жизнь подъ этой проклятой кровлей? Я страдаю тѣмъ болѣе, что измѣнить ничего нельзя, потому что безъ лицемѣрія я не могу вести другой жизни.

„Думали ли вы обо всемъ этомъ, когда предложили мнѣ поселиться на этой галерѣ? Нѣтъ!

„Какъ тяготитъ все это мое сердце! Повѣрьте мнѣ.
„Вашъ искренній другъ А. Герценъ“.

„Письмо это,—говоритъ нашъ авторъ,—не могло не вызвать у меня улыбки. Откуда взялись внезапно эти грозовыя тучи, это трагическое несчастіе, когда со времени катастрофы съ бонной все шло такъ мирно и хорошо?“ Это нетерпѣніе и отчаяніе, какъ только не созрѣвали сразу всѣ результаты, которые въ дѣйствительности могутъ быть достигнуты лишь выдержкой и тихой работой, доказывали въ самомъ дѣлѣ, что было нѣчто вѣрное въ замѣчаніи Герцена объ „антиподахъ“. Она тотчасъ же написала ему, что всѣ его сомнѣнія и мученія не имѣютъ никакой реальной почвы и основаны на недоразумѣніи. Не дрессировкой должны быть созданы хорошія манеры у дѣтей; онѣ должны вытекать изъ тонкаго развитія чувства прекраснаго и благороднаго, такъ какъ только тогда онѣ истинно хороши и находятся въ полной гармоніи со всѣмъ существомъ. Поэтому и воспитательнымъ средствомъ могутъ быть не приказанія и замѣчанія въ присутствіи постороннихъ,—что̀ принижаетъ и озлобляетъ ребенка или развиваетъ въ немъ лицемѣріе,—а одни лишь хорошіе примѣры и облагораживающее вліяніе. Что же касается здоровья дѣтей, то оно вѣдь въ цвѣтущемъ состояніи; предупреждать же опасность можно лучше, пріучая дѣтей полагаться на самихъ себя, нежели давая имъ ежеминутно чувствовать надзоръ, лишающій самостоятельности.

Точно также ошибается онъ и въ ея отношеніи къ жизни: она не предъявляетъ къ ней требованій, но и не уклоняется, когда жизнь ставитъ ей таковыя. Два раза удержало ее это отъ самоубійства; поддаваться же недомоганію—не въ ея характерѣ; въ послѣднее время она даже склонна думать, что можетъ быть еще и совсѣмъ здоровой, и въ этомъ поддерживаетъ ее, какъ становящаяся все болѣе содержательной и разумной жизнь ихъ самихъ, такъ и расцвѣтающая жизнь дѣтей. Принимая на себя воспитаніе дѣтей, она видѣла въ этомъ не обузу, а привлекательную для себя задачу, и сомнѣвалась только въ своихъ силахъ; теперь она больше, чѣмъ когда-либо, увѣрена, что цѣль ея будетъ достигнута. Кромѣ того, она дѣйствительно имѣла въ виду и другую задачу, и примиреніе отца съ жизнью по прежнему остается въ ея глазахъ необходимымъ условіемъ правильнаго воспитанія дѣтей. „Моимъ „наслажденіемъ“, — прибавляетъ она,—было бы возвратить вашему дому единство и поэзію. Къ сожалѣнію, эта цѣль, вѣроятно, никогда не будетъ достигнута

вполнѣ, потому что вы хотите оставаться больнымъ, потому что вы не хотите освободить себя такъ, какъ это было бы достойно вашей натуры, и этотъ вашъ недостатокъ—чисто русская черта. Да, здѣсь я дѣйствительно нахожу нѣчто, дѣлающее насъ антиподами". Ничто, конечно, не мѣшаетъ ему уничтожить существующій между ними свободный договоръ; въ противномъ случаѣ она требуетъ полнаго довѣрія, и тогда,—кончаетъ она свое письмо,—„повѣрьте, я достигну цѣли".

Герценъ,—говоритъ авторъ,—принадлежалъ, по счастью, къ тѣмъ прекраснымъ натурамъ, въ которыхъ правдивое слово сразу разгоняетъ всѣ тучи недовольства и минутнаго недовѣрія. Убѣжденный теперь, что пугавшіе его призраки созданы его фантазіей и желая чѣмъ-нибудь загладить причиненную своему другу непріятность, Герценъ предложилъ поѣхать на островъ Вайтъ, увидѣть который Мейзенбугъ давно уже выразила желаніе. Къ ихъ обществу примкнулъ и Доманжé. Какъ самое путешествіе, такъ и пребываніе на островѣ, были необыкновенно пріятны. Въ чудномъ Вентнорѣ, гдѣ поселились Герцены, жила тогда и семья Франца Пульскаго. Вечера обыкновенно проводились вмѣстѣ, и мать Пульской, тонко-образованная и остроумная вѣнка, вносила не мало оживленія въ общество. Нерѣдко къ нимъ присоединялся и Кошутъ, и въ интимномъ кругу онъ оказался гораздо привлекательнѣе, чѣмъ при оффиціальномъ знакомствѣ. Общая бесѣда нерѣдко вращалась вокругъ вопроса, занимавшаго тогда всѣ умы: войны Россіи съ Турціей. Болѣе всѣхъ волновался Герценъ, предсказывавшій пораженіе русскихъ и благодѣтельныя послѣдствія этого для своей родины. Никто не думалъ тогда,—замѣчаетъ, между прочимъ, нашъ авторъ,—что и въ Англію эта война внесетъ много освѣжающаго, раскроетъ вопіющія злоупотребленія военнаго вѣдомства и уничтожитъ многіе предразсудки противъ иностранцевъ. Какъ нетерпимы были тогда англичане къ чужимъ обычаямъ, показываетъ слѣдующій незначительный случай. Однажды Герценъ и Доманжé проходили мимо дачи, на балконѣ которой сидѣло нѣсколько элегантныхъ дамъ; увидѣвъ длинныя бороды эмигрантовъ, дамы безъ стѣсненія разразились громкимъ смѣхомъ, умолкнувшимъ лишь послѣ любезнаго восклицанія Доманжé, обращеннаго къ нимъ: „Quelles canailles!"—На улицахъ Лондона длиннобородые эмигранты то-и-дѣло подвергались подобнымъ насмѣшкамъ. Это, впрочемъ, не помѣшало англичанамъ, сейчасъ же послѣ крымской войны, впасть въ противоположную крайность, такъ что трудно было встрѣтить бритаго англичанина.

Проживъ немало прекрасныхъ дней въ Вентнорѣ, Герцены возвратились въ Ричмондъ и возобновили прежній образъ жизни. Мейзенбугъ начала учиться русскому языку, съ которымъ связана была единственная традиція дѣтей. И безъ того въ жизни дѣтей Герцена недоставало стольких важныхъ для воспитанія элементовъ. Въ своемъ отечествѣ дѣти окружены его атмосферой, обычаями и нравами, родственниками, друзьями, быть можетъ, старыми, испытанными слугами. Вмѣсто всего этого у дѣтей Герцена былъ только отецъ. Недоставало имъ также органической связи съ роднымъ языкомъ, гдѣ понятіе развивается вмѣстѣ съ словомъ, мысль и чувство непосредственно переходятъ въ выраженіе и принимаютъ ту оригинальную окраску, которая соотвѣтствуетъ національному элементу въ характерѣ народа. Вотъ почему такъ рѣдко случается кому-нибудь создать великое произведеніе на чужомъ языкѣ. Дѣти Герцена съ игривой легкостью говорили на трехъ-четырехъ языкахъ, но понятія ихъ не были неразрывно связаны ни съ однимъ изъ нихъ.

Точно также не могло быть рѣчи о воспитаніи дѣтей Герцена въ церковномъ догматизмѣ положительной религіи; а между тѣмъ какимъ важнымъ вспомогательнымъ средствомъ воспитанія является обыкновенно религія, связывая подростающее поколѣніе съ прошедшимъ и настоящимъ и сразу ставя его въ опредѣленныя формы и опредѣленное отношеніе къ окружающему міру. Дѣти Герцена еще, къ счастью, обезпечены были отъ заблужденія, весьма нерѣдкаго въ семьяхъ другихъ эмигрантовъ, гдѣ дѣти насмѣхались надъ тѣмъ, чтò въ теченіе столѣтій оставалось высшимъ идеаломъ человѣчества. Задача воспитателя, какъ ее понимала г-жа Мейзенбугъ, въ томъ именно и заключается, чтобы въ такихъ случаяхъ удержать дѣтей отъ слишкомъ поспѣшныхъ сужденій и внушить имъ уваженіе къ убѣжденіямъ другихъ, какъ бы чужды и непонятны они имъ ни казались; представить имъ историческій ходъ и значеніе религіозныхъ системъ прошлаго и настоящаго человѣчества и, главное, воспитать въ нихъ дѣятельное сочувствіе, этотъ истинно религіозный моментъ, спасающій и чисто-этическій. На первомъ планѣ долженъ стоять также культъ прекраснаго и добраго, культъ героевъ человѣчества. Научаясь чувствовать, что все кругомъ—возвышенная тайна, дѣти испытываютъ тотъ святой трепетъ, который вызываетъ во всякомъ мыслящемъ существѣ сознаніе ограниченности нашего познанія, то истинное смиреніе, которое не возмнитъ себя обладателемъ разъ навсегда открытой истины. Если затрудненій и тутъ явится немало, то остается возможно дольше занимать

умъ дѣтей конкретнымъ и познаваемымъ; если же у исключительныхъ натуръ рано появятся вопросы объ отвлеченномъ, то одного указанія на таинственность мірозданія будетъ достаточно, чтобы дать понять вопрошающему духу его границы. Все это для дѣтей Герцена осложнялось еще жизнью въ исключительной странѣ. Къ счастью, они мало вращались среди англичанъ, и обѣ дѣвочки были крайне поражены, когда однажды, въ то время какъ онѣ въ воскресенье утромъ играли въ паркѣ въ обручъ, къ нимъ подошла англійская дама и строгимъ тономъ сдѣлала имъ выговоръ за то, что онѣ позволяютъ себѣ „подобное неприличіе".

Къ общей радости, Герценъ рѣшилъ и на зиму остаться въ Ричмондѣ. Онъ снялъ просторную квартиру съ большимъ, старымъ садомъ, спускавшимся къ самому берегу Темзы. Жизнь продолжала идти по заведенному уже порядку. Утро отведено было для работы; Герценъ оставался въ своемъ кабинетѣ, и ничто тогда не должно было мѣшать ему; Доманжé занимался съ мальчикомъ, Мейзенбугъ—съ дѣвочками. За обѣдомъ и вечеромъ оживленная, интересная бесѣда соединяла, благодаря живому, неизсякаемому уму Герцена, всѣхъ членовъ семьи и наѣзжавшихъ теперь часто изъ Лондона друзей. Гости оставались нерѣдко по нѣскольку дней сряду, мало, однако, нарушая порядки дома. Въ числѣ ихъ были теперь и старые друзья нашего автора, съ ея родины,—Фридрихъ Альтгаузъ, его жена, ея неизмѣнная подруга, Шарлотта,—ставшіе скоро близкими Герцену людьми. Впрочемъ, когда дѣвочки спали, Герценъ читалъ вслухъ сыну и Мейзенбугъ Шиллера, съ которымъ прежде всего рѣшилъ познакомить сына, начавъ съ драмы „Валленштейнъ", которую онъ считалъ лучшимъ произведеніемъ Шиллера. Если у Герцена и дѣйствительно не было особеннаго воспитательнаго таланта, то онъ зато, какъ доказывали эти часы, владѣлъ несомнѣннымъ даромъ бросать искры воодушевленія изъ своей собственной пламенной души въ душу юноши. Казалось, ничто не могло быть благотворнѣе для развитія молодой души, чѣмъ близость съ Герценомъ въ эти мгновенія, когда политикъ и скептикъ въ немъ умолкали, и говорили лишь поэтъ и эстетикъ.

Желая внести особенно радостные моменты въ жизнь дѣтей, воспитательница ихъ отъ времени до времени устроивала для нихъ праздники; съ этой же цѣлью рѣшено было устроить елку въ ночь подъ новый годъ. Уже за нѣсколько дней до этого, изъ Лондона стали съѣзжаться друзья и знакомые, и вечеромъ 31 декабря въ домѣ Герцена собралось настоящее международ-

ное общество—русскіе, поляки, нѣмцы, французы, англичане, итальянцы, все лучшіе представители своего народа. Когда приблизилась полночь, Герценъ передалъ сыну русскій экземпляръ своей книги „Съ того берега“, имъ самимъ переведенной съ нѣмецкаго языка, на которомъ книга была первоначально написана, и посвященной сыну. Это посвященіе, котораго юноша Александръ еще не зналъ, Герценъ и прочиталъ теперь въ кругу близкихъ людей. Юноша, со слезами на глазахъ, бросился въ объятія отца. Всѣ были глубоко взволнованы. Каждый съ грустью думалъ о своей далекой родинѣ, о томъ, какъ далеко то время,—если оно вообще еще настанетъ для него,—когда можно будетъ возвратиться туда и открыто исповѣдывать свою религію. Но въ то же время,—говоритъ нѣмецкая идеалистка,—всѣ чувствовали, что въ этомъ небольшомъ интересномъ кругу вѣетъ духъ, который въ будущемъ соединитъ все человѣчество, и теплое чувство согрѣвало всѣхъ, протягивавшихъ въ этотъ вечеръ другъ другу руку съ поздравленіемъ къ новому году. Три дня оставался еще въ сборѣ весь кругъ. Герценъ былъ въ превосходномъ настроеніи, самый любезный хозяинъ, какого себѣ можно представить. Гости были въ восторгѣ отъ этихъ прекрасныхъ дней и увѣряли, что никогда еще не чувствовали такъ значенія дружескаго общенія, какъ теперь, въ домѣ Герцена.

Въ это время случилось событіе, внесшее много важныхъ перемѣнъ въ жизнь и настроеніе Герцена и надолго опредѣлившее его дѣятельность: это было восшествіе на престолъ императора Александра II. Первымъ дѣломъ Герцена уже въ утро полученія этого извѣстія,—разсказываетъ намъ авторъ „Мемуаровъ“, — было набросать планъ журнала „Полярная Звѣзда“. Герценъ твердо вѣрилъ, что наступаетъ новая эра для Россіи: онъ не сомнѣвался, что какъ вслѣдствіе либеральныхъ взглядовъ новаго правительства, такъ и въ силу требованій даннаго положенія Россіи и настроенія разныхъ слоевъ народа, правительство немедленно приступитъ къ дѣлу освобожденія крестьянъ, а затѣмъ и къ другимъ важнымъ реформамъ въ русской жизни. Все это усугублялось надеждой, что измѣнившіяся условія, быть можетъ, сдѣлаютъ возможнымъ его возвращеніе на родину, любовь къ которой все крѣпла, по мѣрѣ того, какъ онъ убѣждался во внутренней безотрадности западно-европейскихъ условій,—все это воодушевляло Герцена и будило въ немъ сильнѣйшій подъемъ духа. Считая нужнымъ въ этотъ важный моментъ русской жизни выразить открыто свои мнѣнія и симпатіи, Герценъ рѣшилъ даже, вопреки своему обыкновенію, принять активное участіе въ ми-

тингѣ, созванномъ англичанами въ февралѣ, въ память 1848 г. Владѣя рѣдкимъ даромъ слова въ частной бесѣдѣ и спорѣ, Герценъ, подобно Маццини, не умѣлъ говорить публично, и на этотъ разъ онъ тоже читалъ свою рѣчь съ бумаги. Слова его, однако, вызвали бурю энтузіазма.

Весну этого года Герценъ рѣшилъ провести въ своемъ излюбленномъ Ричмондѣ; приходилось только, къ общему сожалѣнію, разстаться съ домомъ, въ которомъ прожито было столько счастливыхъ часовъ. „Меня мучили недобрыя предчувствія,—разсказываетъ авторъ „Записокъ",—и когда я подѣлилась этимъ съ Герценомъ, онъ возразилъ: „Но вы видите, по крайней мѣрѣ, какъ хорошо, что вы остались и не испугались массы трудностей; та русская дама не можетъ пріѣхать: она вышла замужъ, и у нея теперь свой очагъ; у мужа и жены—свой собственный міръ, и имъ нѣтъ возможности отдаваться чужой семейной жизни. Останемся же вмѣстѣ, будемъ работать по прежнему и постараемся отразить вліянія злыхъ духовъ".

Новая непріятность ожидала, однако, Герцена въ его тѣсномъ кругу. Е..., который не переставалъ искать пищи своему раздраженію, теперь былъ сильно настроенъ противъ самого Герцена. Главной причиной было скептическое отношеніе Герцена къ изобрѣтенію, сдѣланному Е... еще въ началѣ крымской войны: доставкѣ во всю Россію, при помощи небольшихъ аэростатовъ, лопающихся на извѣстной высотѣ революціонныхъ листковъ, какъ бы съ неба призывающихъ народъ къ немедленному возстанію. Взглядъ же Герцена, что революція невозможна и нежелательна, и что въ данный моментъ слѣдуетъ только терпѣливо ждать окончанія войны и ея послѣдствій, выводилъ Е... изъ себя. Къ этому разногласію со стороны Е... присоединилась еще литературная ревность. Одинъ изъ старыхъ московскихъ друзей Герцена, посѣтившій его въ Ричмондѣ и привезшій ему разныя дорогія по воспоминаніямъ мелочи изъ покинутаго въ Россіи имущества, много разсказывалъ о необыкновенномъ успѣхѣ достигшихъ въ Россію произведеній Герцена. Однажды, разсказывалъ между прочимъ гость, его среди ночи разбудилъ одинъ изъ его знакомыхъ, чтобы сообщить ему величайшей важности новость: полученіе перваго—изданнаго Герценомъ въ Лондонѣ—сочиненія. Всѣ онѣ переходили тайно изъ рукъ въ руки, переписывались, и каждая новая вещь вызывала все большій энтузіазмъ. Первый нумеръ „Полярной Звѣзды" встрѣтилъ восторженный пріемъ, въ особенности тѣ статьи, которыя написаны самимъ Герценомъ; тогда какъ, напротивъ, статья, подписанная Е..., не остановила на себѣ вни-

манія. Это привело Е... въ изступленіе. Однажды утромъ, когда воспитательница дѣтей Герцена занималась съ Натальей, Е... вошелъ, въ сильнѣйшемъ волненіи сталъ шагать по комнатѣ и осыпать Герцена горькими упреками. Увѣщеванія, напоминающія, что передъ нимъ дочь Герцена, оказались напрасными. Вдругъ онъ остановился и, выхвативъ маленькій револьверъ изъ кармана, воскликнулъ: „Смотрите, этотъ револьверъ всегда при мнѣ; кто знаетъ, что̀ еще можетъ случиться, когда гнѣвъ овладѣетъ мною!“ Съ трудомъ отославъ его домой и кое-какъ успокоивъ испуганную Наталью, Мейзенбугъ написала Е..., прося его прервать хоть на время всякія сношенія съ Герценомъ, тѣмъ самымъ оставляя за собою въ будущемъ возможность встрѣтиться, быть можетъ, снова друзьями. Е... немедленно отвѣтилъ, въ благородномъ и спокойномъ тонѣ, обѣщая не давать повода къ столкновенію. Когда Герценъ, возвратившись изъ Лондона, гдѣ онъ былъ во время этого происшествія, узналъ о случившемся, онъ благодарилъ Мейзенбугъ за ея вмѣшательство, какъ за новое доказательство истинной дружбы. Е... послѣ этого исчезъ навсегда изъ ихъ жизни, такъ какъ смерть вскорѣ похитила эту въ высшей степени одаренную, оригинальную, но болѣзненную натуру, изломанную печальными условіями жизни.

Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ происшедшаго разрыва съ друзьями, Герценъ предложилъ снова поселиться на время въ Вентнорѣ, на островѣ Вайтѣ. Устроились въ прелестномъ домѣ, на берегу моря, и скоро чудная природа и укрѣпляющій морской воздухъ сгладили слѣды недавно пережитаго, и прежнія бодрость и веселье возвратились снова. Пульскіе опять были здѣсь, и вечера проводились большею частью вмѣстѣ; сближенію не мало способствовали душевныя достоинства энергичной Терезы Пульской, выступавшія здѣсь замѣтнѣе, нежели въ полной волненій и общественныхъ интересовъ жизни Лондона. Здѣсь же застало Герцена извѣстіе о сдачѣ Малахова кургана, предрѣшавшее паденіе Севастополя и вмѣстѣ съ тѣмъ прекращеніе злополучной войны, за которой, какъ онъ вѣрилъ, въ Россіи послѣдуетъ эпоха внутреннихъ реформъ.

По возвращеніи въ Ричмондъ, Герценомъ рѣшено было переѣхать въ Лондонъ. Сынъ его намѣревался посѣщать университетъ и лабораторію знаменитаго химика Гофмана, да и Наталья нуждалась уже въ нѣкоторыхъ урокахъ, которые ея воспитательница считала себя не вправѣ ей давать. „Не безъ грустнаго чувства разставались мы,—говоритъ авторъ „Мемуаровъ“,—съ прекрасной природой, чуднымъ видомъ на Темзу съ ея вѣчно-

зелеными берегами и тихой сельской жизнью. Рѣзкость перехода была, однако, смягчена тѣмъ, что и по возвращеніи въ Лондонъ мы поселились на крайнемъ концѣ богатаго зеленью предмѣстья St.-Johns-Wood, откуда дороги по всѣмъ направленіямъ вели въ деревни, такъ что мы еще продолжали чувствовать себя почти на лонѣ природы. Но здѣсь мнѣ снова пришлось собрать всю свою энергію, чтобы защитить отъ новаго наплыва посѣтителей установившійся тихій и дѣятельный образъ жизни, столь благодѣтельный для всѣхъ насъ и мнѣ доставлявшій истинное счастье. „...Пусть все будетъ, какъ есть,—писала я тогда сестрѣ: — я не желаю ничего иного“. Занятія дѣтей были организованы прекрасно, особенно ихъ музыкальное образованіе, порученное Іоганнѣ Кинкель, этой первоклассной артисткѣ, тѣмъ не менѣе охотно дававшей первые уроки музыки дѣтямъ и удѣлявшей при этомъ особое вниманіе классу пѣнія, чтобы развить музыкальный слухъ дѣтей и ихъ способность различенія интерваловъ, какъ и способствовать гармоничному развитію голоса вообще. За днемъ, полнымъ плодотворной работы съ дѣтьми, слѣдовали совмѣстныя вечернія чтенія съ Герценомъ, обогащавшія умъ и душу. Свѣтлый умъ Герцена, его непогрѣшимая память и универсальныя знанія дополняли чтеніе цѣнными замѣчаніями и объясненіями, нерѣдко дѣлая его вдвойнѣ интереснымъ.

„Въ эту же зиму,—разсказываетъ авторъ „Мемуаровъ“,—въ средѣ нашихъ знакомыхъ случилось событіе, послужившее поводомъ къ проявленію всей глубины душевной стороны Герцена, которую врядъ ли подозрѣвали тѣ, кто зналъ его лишь какъ полемизирующаго политика или тонко-остроумнаго собесѣдника. Однажды, въ концѣ января, меня, на разсвѣтѣ, разбудилъ стукъ въ двери, и въ комнату вошелъ Герценъ, со свѣчой въ рукѣ, блѣдный, разстроенный, и дрожащимъ голосомъ сказалъ: „Только-что приходили отъ Альтгаузовъ: Анна внезапно умерла сегодня ночью!“ Еще наканунѣ вечеромъ я заходила къ Альтгаузамъ и оставила Анну, готовившуюся стать матерью, совершенно здоровой. Я поспѣшила туда, а вслѣдъ за мною явился и Герценъ; онъ принесъ съ собою массу цвѣтовъ, чтобы, по итальянскому обычаю, осыпать ими ложе покойницы, какъ еще не такъ давно украсили ложе смерти самаго дорогого ему существа. Вообще невозможно передать,—говоритъ нашъ авторъ,—сколько теплоты и сердечности съумѣлъ выказать Герценъ, въ послѣдовавшіе за тѣмъ печальные дни, по отношенію ко всѣмъ, особенно къ Фридриху, разомъ лишившемуся настоящаго и будущаго, такъ какъ

и ребенка не удалось спасти. Въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ, которые Герценъ съ сыномъ проводили съ Альтгаузомъ, въ тѣсномъ кругу его друзей—Шарлотты, Шурца съ женой, пріѣхавшихъ на время изъ Америки, и меня, Герценъ прочиталъ намъ вслухъ одну изъ лучшихъ своихъ вещей, утромъ того дня нà-скоро переведенную имъ на французскій языкъ. Это было воспоминаніе изъ жизни въ Римѣ, въ полное воодушевленія время 1848 года, когда онъ съ женой и нѣкоторыми друзьями принимали участіе въ одной изъ прекрасныхъ народныхъ сценъ, проникнутыхъ мечтою о свободѣ. Передача была такъ хороша, такъ драматична, полетъ въ идеальныя сферы такъ соотвѣтствовалъ общему настроенію, что ему, казалось, удалось смягчить личное горе слушателей. По окончаніи чтенія, онъ передалъ мнѣ рукопись со словами, написанными на заглавномъ листѣ: „Я кладу эти листы, какъ маленькій, блѣдный вѣнокъ иммортелей, рядомъ съ цвѣтами, украшающими нашу покойницу, и я посвящаю ихъ вамъ въ день, когда вы потеряли свою подругу". Тѣ же лица провожали гробъ на кладбище, гдѣ Шурцъ произнесъ нѣсколько прекрасныхъ словъ, а оттуда мы всѣ собрались у Герцена, гдѣ оставались весь день, и еслибы,—прибавляетъ авторъ,—что-нибудь могло еще увеличить нашу дружбу, наше благоговѣніе къ Герцену, то это было то, какимъ онъ выказалъ себя въ этотъ и во всѣ тѣ дни".

Съ внѣшней стороны зима эта прошла безъ особенныхъ событій. Крымская война была окончена еще въ началѣ сентября, и чѣмъ сильнѣе было временное политическое униженіе Россіи, тѣмъ болѣе вѣрилъ Герценъ въ осуществленіе его надеждъ на начало новой эры для его отечества. Литературная его дѣятельность посвящена была теперь главнымъ образомъ вопросу освобожденія крестьянъ, при сохраненіи общинной формы землевладѣнія. Сообщеніе съ Россіей стало для Герцена доступнѣе; его лондонскія изданія распространялись съ легкостью. Все это, доставляя Герцену немалое удовлетвореніе, дѣлало настроеніе въ домѣ оживленнымъ и радостнымъ, „и я не нашла,—пишетъ нашъ авторъ,—особеннаго преувеличенія въ словахъ Іоганны Кинкель, послѣ одного посѣщенія у насъ сказавшей:—Мнѣ казалось, что я попала въ миніатюрное царство Божіе".

Кругъ знакомыхъ Герцена въ эту зиму сильно измѣнилъ свою физіономію. Его окружали теперь преимущественно молодые люди разныхъ національностей, большею частью его восторженные ученики и поклонники, и ихъ разносторонніе интересы нерѣдко переводили разговоръ изъ области политики въ другія.

Съ Карломъ Шурцемъ Герценъ часто говорилъ объ Америкѣ и Россіи, которымъ они оба сулили первенство въ ближайшей эпохѣ культуры, и Герценъ не разъ останавливался на своей любимой мысли, что Великому океану въ недалекомъ будущемъ принадлежитъ роль, которую въ древности играло Средиземное море: быть центромъ культурныхъ странъ будущаго. Исключительному господству политическихъ интересовъ и разговоровъ на собраніяхъ въ домѣ Герцена теперь мѣшало еще и то, что въ число близкихъ знакомыхъ Герцена входили теперь также многія женщины; нерѣдко музыка или т. п. смѣняли серьезную бесѣду.

Воспитаніе и занятія дѣтей при этомъ мирномъ теченіи дѣятельной жизни шли очень успѣшно. Въ началѣ апрѣля былъ день рожденія Герцена. „Въ видѣ сюрприза, я приготовила, — разсказываетъ воспитательница его дѣтей,—къ этому дню экзаменъ дѣвочекъ. За завтракомъ онъ нашелъ за своимъ убраннымъ цвѣтами мѣстомъ приглашеніе къ экзамену, который мы и произвели сейчасъ послѣ завтрака, причемъ онъ обнаружилъ прекрасные результаты. Это, а затѣмъ собравшіеся друзья — придали всему дню радостный и праздничный характеръ, и вечеромъ, прощаясь съ Герценомъ, я, смѣясь, сказала: „Ну, бури океанскія и нашъ взаимный страхъ, какъ антиподовъ, къ счастью, уже за нами; теперь мы въ тихой пристани, надо надѣяться, навсегда“.

„Слишкомъ дерзновенно, — прибавляетъ съ горечью разсказчица,—надѣяться на продолжительное состояніе удовлетворенія, не думая о томъ, не подстерегаютъ ли насъ въ такія минуты коварные демоны! Не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ того, какъ произнесены были эти слова, какъ въ домѣ произошло событіе, которому въ близкомъ будущемъ суждено было произвести полный переворотъ въ нашей жизни. Однажды, когда мы сидѣли за обѣдомъ, къ дому подъѣхала карета, загроможденная чемоданами. Я съ своего мѣста могла видѣть подъѣзжавшихъ. „Это Огаревъ!“ воскликнула я. Не было никакого основанія ждать его, тѣмъ болѣе, что онъ фактически лишенъ былъ права выѣзда изъ Россіи; къ тому же я не знала его лично, а лишь по разсказамъ Герцена. Герценъ, по обыкновенію опасаясь вторженія новаго мѣшающаго элемента въ жизнь, нерѣшительно шелъ на встрѣчу новоприбывшимъ, пока дѣйствительно не узналъ въ нихъ Огаревыхъ. Тотчасъ же привелъ онъ ихъ познакомиться съ дѣтьми и со мною. Я какъ нельзя больше была предрасположена въ пользу друзей столь дорогого мнѣ

дома, да и съ перваго же взгляда Огаревъ завоевывалъ симпатію, и тѣмъ не менѣе, какъ это порой бываетъ, что внутренній голосъ при извѣстныхъ событіяхъ или встрѣчахъ съ неотразимой убѣдительностью говоритъ намъ о внезапной перемѣнѣ въ нашей жизни, ...такъ и я теперь, когда они стояли передо мною, почувствовала прикосновеніе ледяной руки судьбы, безпощадно завязывающей и снова разрывающей узы, не справляясь о томъ, не разбиваются ли при этомъ и сердца".

Въ сущности, и не трудно было предвидѣть, что съ пріѣздомъ Огаревыхъ образъ жизни Герцена измѣнится надолго. И сама Мейзенбугъ, зная Герцена, понимала, что, по крайней мѣрѣ, въ первое время онъ, забывая обо всемъ остальномъ, всей душой отдастся общей жизни съ друзьями. „Съ Огаревымъ,—говоритъ она,—котораго Герценъ не видалъ много лѣтъ, въ домъ вернулось все ихъ прошлое, чуть ли не съ самаго дѣтства, общія надежды, пережитыя страданія и радости; онъ какъ будто принесъ съ собою давно покинутую Герценомъ родину. А Огарева прожила съ Герценомъ и его женой первое счастливое время ихъ жизни за границей, во время бурнаго 1848 года, и теперь встрѣтилась съ нимъ въ первый разъ послѣ смерти его жены и горячо любимой ею подруги, и поэтому, съ ея пріѣздомъ, въ жизнь Герцена тоже ворвался цѣлый міръ счастливыхъ и скорбныхъ воспоминаній". Къ тому же Огаревъ пріѣхалъ съ разстроеннымъ здоровьемъ, внушавшимъ серьезныя опасенія. Естественно, что все это совершенно завладѣло внутреннимъ міромъ Герцена. Между тѣмъ, порядокъ дома, строго оберегаемый воспитательницей ради блага дѣтей, не могъ не страдать отъ этого, тѣмъ болѣе, что въ женѣ Огарева она съ самаго начала натолкнулась на полный антагонизмъ ко всему ею созданному: „Все заведенное мною,—говоритъ Мейзенбугъ,—было ей противно, какъ противорѣчащее ея привычкамъ и какъ выраженіе ненавистнаго ей нѣмецкаго духа". Разногласія, какъ въ серьезныхъ вопросахъ, такъ и въ мелочахъ, очень скоро стали сказываться. „Еще недавно, — разсказываетъ, въ видѣ примѣра, авторъ „Мемуаровъ",—и лишь съ трудомъ удалось мнѣ отъучить Герцена отъ обыкновенія каждый разъ, приходя домой, приносить съ собой дѣтямъ какую-нибудь новую, совершенно безполезную вещь. Теперь Огарева, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, любила осыпать дѣтей подарками. Проходя мимо игрушечной лавки, увѣряла она, она испытываетъ непреодолимое желаніе накупить все въ ней находящееся для Натальи и Ольги". А воспитательница находила вѣчные подарки излише-

ствомъ, притупляющимъ радость дѣтей и развивающимъ и безъ того сильную въ дѣтяхъ страсть къ разрушенію. Поводовъ къ недоразумѣніямъ было тѣмъ больше, что Огарева проводила съ дѣтьми бо́льшую часть времени, разговаривая съ ними по-русски, разсказывая имъ о покойной матери и объ ихъ, еще незнакомомъ имъ, отечествѣ. Герценъ, занятый друзьями, и такъ просто и хорошо чувствовавшій себя въ родной ему стихіи, совсѣмъ и не замѣчалъ близости столкновенія. Ему какъ будто и не приходило на умъ, что положеніе его нѣмецкаго друга, воспитательницы его дѣтей, становится со дня на день невозможнѣе. Герценъ безконечно радовался, видя, какъ русскій языкъ и все русское становится господствующимъ въ его домѣ; какъ вокругъ его дѣтей образовывается естественный кругъ близкихъ людей, обѣщающій сблизить ихъ, какъ онъ того горячо желалъ, съ ихъ роднымъ элементомъ. Бороться съ этими новыми вліяніями, конечно, не могло входить въ намѣренія Мейзенбугъ, но и идти съ ними рука объ руку ей было невозможно: не только потому, что, отдаваясь всецѣло дружбѣ и поставленной себѣ задачѣ, въ успѣхѣ которой она не сомнѣвалась, она требовала полной независимости для себя, но и потому еще, что считала неизбѣжную, въ случаѣ компромиссовъ, двойственность въ воспитаніи вредною для дѣтей. Послѣ цѣлаго дня работы съ дѣтьми, нерѣдко весьма утомительной, ей недоставало теперь и прежнихъ освѣжавшихъ умъ бесѣдъ съ Герценомъ, совмѣстныхъ съ нимъ чтеній: со времени пріѣзда Огаревыхъ, русскій языкъ и русскіе интересы господствовали безраздѣльно, и если,—говоритъ она,—первый и не былъ мнѣ чуждъ, а вторые и интересовали меня сильно, то все-же жить исключительно въ этой атмосферѣ, въ ней черпать духовную пищу было мнѣ не по силамъ. Только твердо выраженная воля Герцена могла бы еще все уладить: разумѣется, не было и рѣчи о какомъ-нибудь ограниченіи друзей; но она ждала, что Герценъ на этотъ разъ возьметъ на себя иниціативу, чтобы гармонично связать, при сохраненіи стараго порядка, свою жизнь съ жизнью друзей, и предоставить ей прежнюю самостоятельность въ воспитаніи дѣтей; Герценъ, однако, по обыкновенію своему, увѣренъ былъ, что все само собою уладится, или предлагалъ переговорить съ Огаревымъ или его женой. Менѣе всего это могло сгладить разницу во взглядахъ, привычкахъ и характерахъ,—справедливо замѣчаетъ нашъ авторъ,—и невольно все чаще и чаще приходилось задумываться надъ неизбѣжностью близкаго конца. Герценъ, однако, и слышать не хотѣлъ о возможности разстаться. Онъ обѣщалъ постараться

внести больше гармоніи во все, и просилъ только вѣрить ему, всецѣло на него полагаться. „Еще разъ надежда блеснула мнѣ,— говоритъ авторъ „Записокъ“:—мысль о разлукѣ съ дѣтьми разрывала мое сердце. Я рѣшилась сдѣлать все, что въ моихъ силахъ, для установленія лучшихъ, болѣе дружескихъ отношеній съ Огаревыми. Съ одной стороны это было и не трудно: Огаревъ внушалъ мнѣ искреннюю, глубокую симпатію и безграничное состраданіе. Я знала отъ Герцена, какая это глубокая и благородная натура, знала его жизнь и видѣла въ немъ одну изъ жертвъ злосчастныхъ условій, погубившихъ такъ много лучшихъ и способнѣйшихъ людей. Если же, порою, силѣ таланта и удавалось пробить себѣ дорогу въ этой мрачной атмосферѣ, задерживающей духовное развитіе, то обыкновенно, за невозможностью гармоніи въ жизни и дѣятельности, все принимало какой-то насильственный характеръ, и нерѣдко талантливые люди, вслѣдствіе этого, ударялись въ эксцентричныя формы жизни. Послѣ бурно проведеннаго въ путешествіяхъ по Европѣ времени, Огаревъ велъ въ Россіи чисто-созерцательную жизнь и видѣлъ, какъ безполезно гибнутъ его рѣдкія силы и талантъ. Вліяніе его на друзей было чрезвычайно сильно, и Герценъ нерѣдко говорилъ: „Никто не знаетъ, чѣмъ я и другіе дѣятели обязаны вліянію и слову этого человѣка“. Авторъ „Записокъ“ примѣняетъ къ Огареву слова Шиллера:

„Adel ist auch in der geistigen Welt. Gemeine Naturen
Zahlen mit dem, was sie thun, edle mit dem, was sie sind“.

„Поэтъ и политикъ по своимъ природнымъ наклонностямъ, онъ отличался необыкновенной добротой и благородствомъ. Его молчаливость, теперь усиленная болѣзнью, его нѣмыя страданія невольно привлекали мое сердце,—говоритъ Мейзенбугъ.—Но зато съ его женой я никогда не могла чувствовать себя просто и свободно: взаимная стѣсненность устанавливалась, какъ только мы сходились. Было что-то неопредѣленное, что внушало предчувствіе рокового конца. Этому немало способствовало то, что Огарева, съ самаго начала непріятно пораженная тѣмъ, что встрѣтила во мнѣ не обыкновенную гувернантку, а человѣка, замѣнявшаго дѣтямъ мать, и хозяйку въ домѣ, теперь все болѣе привязывалась къ мысли занять при дѣтяхъ мѣсто, которое принадлежало ей, согласно послѣдней волѣ ихъ покойной матери. Конфликтъ въ домѣ Герцена все обострялся. А Герцену самому всѣ не-русскіе порядки, не-русскія связи, которымъ онъ еще недавно удѣлялъ столько вниманія, становились съ каждымъ днемъ

безразличнѣе. Скоро у него также стали появляться сомнѣнія въ такихъ случаяхъ, гдѣ онъ прежде спокойно полагался на меня. Наконецъ, однажды Герценъ, уходя на весь день изъ дому, оставилъ мнѣ письмо, въ которомъ въ первый разъ самъ заговорилъ о необходимости разстаться, выражая лишь желаніе, чтобы этому моменту разлуки приданъ былъ характеръ торжественнаго акта. Мысль устроить праздникъ изъ того, что̀ было для меня вопросомъ жизни, разстаться спокойно, когда мое сердце обливалось кровью, казалась мнѣ непостижимой. Быстро сдѣлавъ необходимыя приготовленія, я прижала къ груди испуганныхъ и недоумѣвающихъ дѣтей, прося ихъ помнить эту минуту, и послала ихъ къ Огаревой съ письмомъ, въ которомъ поручала ей дѣтей, написала нѣсколько прощальныхъ словъ Герцену и покинула его домъ".

Еще въ тотъ же вечеръ,—пишетъ г-жа Мейзенбугъ,—когда я сидѣла у Фридриха Альтгауза и Шарлотты, погруженная въ свое горе, пришли Огаревъ и сынъ Герцена, чтобы выразить свое прискорбіе о столь быстро совершенномъ мною шагѣ и передать мнѣ письмо отъ Герцена. Молодой Александръ такъ сердечно сожалѣлъ о томъ, что я ушла, съ такой дѣтской любовью прощался со мною, что я глубоко была тронута возбужденнымъ въ немъ мною сыновнимъ чувствомъ. По ихъ уходѣ, я поспѣшила прочесть принесенное ими письмо Герцена. Онъ писалъ:

„Дорогой другъ!

„Со слезами на глазахъ читалъ я ваше письмо. Нѣтъ, не такъ должны были мы разстаться, нѣтъ и еще разъ нѣтъ. Если, однако, это облегчило вамъ трудный шагъ, то пусть оно будетъ такъ. Но никакого разлада. Огаревъ и Александръ принесутъ вамъ больше, чѣмъ мое письмо: мое глубочайшее уваженіе, мою безграничную дружбу. Да, съ одной стороны вы правы; молчаніе и эти двѣ пары дѣтскихъ глазъ, ради которыхъ вы переступили когда-то порогъ этого несчастнаго дома.

„Да, хорошо было такъ попрощаться, и я принимаю ваше благословеніе для моихъ дѣтей; для себя же я прошу вашей дружбы.

„Вашъ братъ и другъ А. Герценъ".

Съ этого времени воспоминанія нашего автора о Герценѣ по необходимости теряютъ свой прежній интимный характеръ: мѣсто общей жизни и постояннаго обмѣна мыслей занимаютъ теперь

болѣе или менѣе рѣдкія личныя встрѣчи и письма, въ которыхъ Герценъ продолжаетъ дѣлиться съ нѣмецкимъ другомъ своими духовными интересами. Не разъ впослѣдствіи дѣлались съ обѣихъ сторонъ попытки возобновить прерванную совмѣстную жизнь, но каждый разъ онѣ, наталкиваясь на все то же коренное различіе во взглядахъ и натурахъ ближайшаго круга, вели къ новымъ столкновеніямъ и новому разрыву.

Герценъ упоминаетъ въ одномъ письмѣ о переводахъ съ русскаго: еще въ его домѣ Мейзенбугъ съ успѣхомъ выступила съ небольшой переводной работой и теперь намѣревалась посвятить этому бо̀льшую часть своего времени. „Въ Англіи теперь только,—пишетъ она,—догадались о существованіи русской литературы, и въ обществѣ сталъ проявляться сильный интересъ къ ней. Заручившись работой отъ издателя, Мейзенбугъ уѣхала на лѣто вмѣстѣ съ Кинкелями на берегъ моря. Герценъ писалъ ей, въ общихъ чертахъ, обо всемъ, что̀ происходитъ въ домѣ. Между прочимъ онъ сообщалъ, что хотѣлъ предпринять небольшое путешествіе на континентъ для поправленія здоровья, но министръ внутреннихъ дѣлъ въ Парижѣ запретилъ визировать его паспортъ,—„какъ опаснаго индивидуума, разъѣзжающаго по политическимъ дѣламъ и пишущаго подъ именемъ Искандера“. Тогда онъ взялъ дачу вблизи Лондона и тамъ между прочимъ намѣренъ былъ написать предисловіе къ сильно заинтересовавшимъ ихъ обоихъ во время совмѣстнаго чтенія „Запискамъ княгини Дашковой“, „одной изъ интереснѣйшихъ личностей“, по замѣчанію г-жи Мейзенбугъ, „среди женщинъ, выступившихъ изъ тѣснаго круга домашнихъ интересовъ на арену общественной жизни“. Герценъ прибавлялъ, что собирается много работать: „я долженъ продолжать, хотя я и чувствую себя сильно постарѣвшимъ и уставшимъ, но въ виду успѣха нельзя не продолжать“. Популярность его все увеличивалась; съ каждымъ днемъ возростало число русскихъ, пріѣзжавшихъ къ нему; со всѣхъ сторонъ получалъ онъ статьи и свѣдѣнія для своего новаго журнала „Колоколъ“, „звономъ своимъ призывавшаго къ отмѣнѣ крѣпостного права“.

Привыкнувъ къ совмѣстному съ нашимъ авторомъ чтенію, Герценъ и теперь нерѣдко дѣлится съ нею впечатлѣніями этого рода. Такъ, по прочтеніи только-что вышедшаго тогда произведенія Прудона: „De la Justice“, онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: „Уже давно не было мнѣ такъ больно, какъ при чтеніи Прудона. Романскій міръ умираетъ—это надгробный камень. Прудонъ превращаетъ самого себя въ статую, какъ жена

Лота... Третья часть, за исключеніемъ главы о прогрессѣ, печальна—печальна—печальна. Это—старикъ, пишущій свое завѣщаніе; человѣкъ, который въ состояніи былъ написать цѣлый томъ (200 и больше страницъ) романско-католическихъ нападокъ на женщинъ,—не свободный человѣкъ".

Точно также онъ и послѣ посѣщенія художественной выставки въ Манчестерѣ, на которую собиралась и Мейзенбугъ, пишетъ: „Я очень доволенъ манчестерской выставкой: богатство матеріала, прекрасное помѣщеніе, чередованіе серьезной музыки съ картинами. Все это даетъ глубокій покой и истинное наслажденіе. Художественный эпикуреизмъ—единственная наша пристань, единственная *молитва*, за которой мы отдыхаемъ. Мурильо господствуетъ надъ всѣмъ; обратите вниманіе, кромѣ Мадонны, на женщину, пьющую изъ кувшина, и на мальчика съ овощами. Рембрандтъ, Ванъ-Дикъ и Рубенсъ очень хорошо представлены, Ванъ-Дикъ въ особенномъ изобиліи. Рубенсъ сталъ мнѣ немного ближе; обратите вниманія на его прекрасную картину—„Королева Тамара".

„Не забудьте Рюисдаля, Van Kpyp и другихъ великихъ нидерландскихъ пейзажистовъ. Пройдите мимо вашихъ старыхъ нѣмцевъ, исключая „Портретъ отца Альбрехта Дюрера. Не заходите совсѣмъ въ залу современной живописи или же, по крайней мѣрѣ, только ради портретовъ Рюисдаля, напр.—Гаррика и его жены.

„Не забудьте также посмотрѣть на маленькую мою возлюбленную на выставкѣ: это не аристократка кисти Рюисдаля или Мурильо, но Сигизмунда Фурини".

Въ томъ же письмѣ онъ пишетъ, уже по поводу своей лондонской жизни: „Великое переселеніе русскихъ продолжается. Одинъ гвардейскій капитанъ явился ко мнѣ совсѣмъ по-военному и сказалъ: „Такъ какъ я въ Лондонѣ, то счелъ своимъ долгомъ представиться". Вы, надѣюсь, поймете, что я не преминулъ принять тонъ генерала".

Въ это время имя Герцена пользовалось уже большой извѣстностью не только на его родинѣ, но и за границей. Старый гамбургскій издатель Кампе, издавшій „Записки княгини Дашковой" съ предисловіемъ Герцена, писалъ однажды Мейзенбугъ: „Все, что̀ вы переведете изъ Герцена, я безусловно принимаю, такъ какъ онъ пріобрѣлъ себѣ право гражданства въ нѣмецкой литературѣ". Въ Россіи вліяніе „Колокола", со всѣхъ сторонъ освѣщавшаго проведеніе реформы на практикѣ, было чрезвычайное. Извѣстно было, что и императоръ Александръ II читалъ его и прислушивался къ его голосу.

Программу Герцена, „слишкомъ благоразумнаго, чтобы допускать скачки въ историческомъ развитіи", по мнѣнію автора, никакъ нельзя назвать революціонной. Она состояла изъ четырехъ пунктовъ, слѣдующимъ образомъ формулированныхъ: 1) Освобожденіе крестьянъ съ обработываемой ими землею. 2) Отмѣна предварительной цензуры. 3) Отмѣна тайнаго судебнаго слѣдствія и приговоровъ при открытыхъ дверяхъ. 4) Отмѣна тѣлесныхъ наказаній. И теперь, въ апогеѣ его успѣховъ и дѣятельности, Герценъ всего меньше былъ революціоннымъ доктринеромъ. Ему важно было, чтобы жизнь не застывала, чтобы волны ея высоко били, неся ее впередъ, къ новымъ формамъ развитія. Такъ, когда Мейзенбугъ обратилась къ нему однажды, по порученію одного нѣмецкаго доктринера, по поводу какого-то агитаціоннаго предпріятія, онъ въ отвѣтъ писалъ ей:

„Я сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Время революціонной демагогіи миновало. Съ каждымъ днемъ мнѣ яснѣе, что вся эпоха политическихъ революцій уже за нами, окончена, какъ закончена эпоха реставраціи, хотя вопросъ и не рѣшенъ еще. А развѣ религіозный вопросъ рѣшенъ? Нѣтъ, но онъ больше не волнуетъ.

„Мы переходимъ въ новое время, и все, что эти допотопные господа пишутъ,—дѣло прошлаго!"

Это, вѣроятно, было причиной, вооружившей противъ Герцена часть нѣмецкой эмиграціи. Тогда какъ отечественные реакціонеры, боявшіеся и ненавидѣвшіе его больше всего за безпощадное разоблаченіе злоупотребленій разныхъ привилегированныхъ лицъ, осыпали его нападками въ русской печати, нѣкоторые нѣмецкіе доктринеры дѣлали то же въ Англіи. Обыкновенно Герценъ проходилъ мимо нихъ очень равнодушно. Особеннымъ единеніемъ эмиграція вообще никогда не отличалась, но когда и въ журналѣ, издаваемомъ Кинкелемъ, появилась статья, направленная противъ него и обвинявшая его въ томъ, что онъ говорилъ о Вѣнѣ, какъ о столицѣ будущаго славянскаго государства, это его задѣло сильнѣе. Мейзенбугъ, просившей его въ своихъ письмахъ не говорить въ „Колоколѣ" въ пользу предполагавшейся войны между Россіей и Австріей, онъ писалъ:

„Et toi, Brutus!"

„Вы тоже начинаете бояться, и у васъ не хватаетъ мужества для полной послѣдовательности. Бросьте же всѣхъ этихъ политикановъ, всѣхъ этихъ людей отживающаго міра, и станьте на высшую точку зрѣнія. Истинная трагика событій требуетъ иного масштаба. Какъ могла бы мнѣ придти въ голову мысль, что хотятъ завоевать Германію? Статью я напишу, но она ихъ

не успокоитъ. Неужели вы думаете, что я измѣню теперь что-нибудь хоть на іоту? Или же вы полагаете, что я, подобно Маццини, обращусь въ святого и неукротимаго и нанесу этимъ вредъ движенію. Я очень далекъ отъ этого. Никогда не совѣтовалъ я ни словомъ войны. Война, однако, будетъ, но никто не думаетъ о Германіи. Австрія должна погибнуть. Франція должна снова добиться свободы въ освободительной войнѣ или подпасть крайнему деспотизму. Эта война противъ Австріи будетъ въ Россіи пользоваться большой популярностью, и вы полагаете, что я, въ ущербъ тому живому вліянію, какое я имѣю, стану писать, ради успокоенія мекленбургцевъ, противъ факта?

„Я готовъ спорить съ вами обо всѣхъ этихъ вещахъ. Моя линія проведена; она можетъ отклоняться, но только въ сторону живыхъ, а не мертвыхъ и умирающихъ".

Однако, когда Мейзенбугъ хотѣла послать возраженіе на упомянутую статью въ журналѣ Кинкеля, постоянной сотрудницей котораго она состояла, Герценъ проситъ ее:

„Ради Бога, только никакихъ оправданій! Вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе, если совсѣмъ ничего не напишете. На вашъ отвѣтъ послѣдуетъ контръ-критика; а у меня есть болѣе важное дѣло, чѣмъ борьба со слѣпыми. Если же вы все-таки захотите отвѣтить, то покажите мнѣ предварительно написанное, ибо въ случаѣ qui pro quo я скажу, что просилъ не защищать меня. Что касается Вѣны, то я назвалъ ее потому, что въ Австріи живетъ болѣе 16.000.000 славянъ".

Вообще, разногласія, несмотря на общность прошлаго и болѣе или менѣе общій идеалъ, были среди эмигрантовъ обыкновеннымъ дѣломъ. Изрѣдка только какому-нибудь особенному событію удавалось заставить эмигрантовъ хоть на время забыть раздоры. Такимъ событіемъ была, напр., смерть друга Герцена, Станислава Ворцеля, до послѣдней минуты продолжавшаго жить мыслью о своей родинѣ; послѣднія слова его, обращенныя къ Маццини, были: „если когда-нибудь возродятся народы, не забывайте поляковъ"! Похороны Ворцеля явились грандіозной демонстраціей. Всѣ національности: поляки, русскіе, итальянцы, французы, нѣмцы, даже англичане были представлены въ длинной процессіи, тянувшейся по улицамъ Лондона по направленію къ кладбищу, гдѣ гробъ его понесли первые представители эмиграціи—Маццини, Ледрю-Ролленъ, произнесшій пламенную надгробную рѣчь, Герценъ и др.

Въ скоромъ времени автору „Мемуаровъ" вторично представился случай придти, хотя и на короткое время, въ близкое

соприкосновеніе съ жизнью Герцена. Лѣтомъ черезъ два года, послѣ того какъ они разстались, Герценъ неожиданно явился къ ней съ просьбою поселиться на время съ нимъ и дѣтьми на дачѣ вблизи Лондона, такъ какъ Огарева принуждена была, для поправленія своего здоровья, уѣхать со своимъ ребенкомъ на островъ Вайтъ. На этотъ разъ невозможность совмѣстной жизни обнаружилась очень скоро. За два года ея отсутствія въ домѣ Герцена исчезли всѣ слѣды ея вліянія, воспитаніе дѣтей приняло другое направленіе, и все носило чисто-русскую окраску. Когда же, спустя короткое время, семья переѣхала на Вайтъ, противорѣчія во взглядахъ и характерахъ проявились еще съ бо̀льшей силой, и неизбѣжныя столкновенія на практикѣ воспитанія заставили снова прибѣгнуть къ прежнему исходу.

Несмотря на неудачу этого опыта, Герценъ еще въ томъ же году дѣлаетъ новую попытку въ томъ же направленіи. Разставшись съ Герценами, Мейзенбугъ, отчасти вынужденная слабостью своего здоровья и грозившей ей потерей зрѣнія, рѣшила оставить Лондонъ и принять приглашеніе г-жи Швабе, давно уже, еще до перваго ея переселенія въ домъ Герцена, приглашавшей ее устроиться у нея, провести съ нею зиму въ Парижѣ. Въ салонахъ Швабе и жившаго въ одномъ съ ними отелѣ Ричарда Кобдена она сходится со сливками французской интеллигенціи: Минье́, Лабулэ, Кузеномъ, Жюлемъ Симономъ, Прессансе́, Ренаномъ и др. Новая дружеская связь съ Рихардомъ Вагнеромъ, спокойная, но полная духовныхъ интересовъ жизнь, мягкій климатъ Парижа благотворно дѣйствуютъ на Мейзенбугъ, и литературная работа ей дается, какъ никогда. Герценъ, между прочимъ, пишетъ ей однажды: „Vous travaillez, vous vivez de bonne vie; c'est autant de pris sur le diable“. И вотъ въ это время, когда мысль покинуть Парижъ кажется ей невозможной, она неожиданно получаетъ отъ Герцена письмо, въ которомъ онъ снова проситъ ее взять на себя воспитаніе его дѣтей, страдающее отъ условій его домашней жизни, далеко не соотвѣтствующихъ его желаніямъ. Какъ всегда, вѣрная своей дружбѣ къ Герцену, г-жа Мейзенбугъ и на этотъ разъ безъ колебаній послала ему свое согласіе, подъ условіемъ провести слѣдующую зиму съ Ольгой въ Парижѣ. „Во второй разъ,—пишетъ она въ своихъ „Мемуарахъ“,—жизнь давала мнѣ случай продолжать начатое дѣло въ семьѣ свободнаго выбора, и во мнѣ теперь созрѣло рѣшеніе посвятить этой задачѣ остатокъ моей жизни“.

П. М—на.

БОЛЬНИЧНЫЙ СТОРОЖЪ ХВЕСЬКА

Изъ замѣтокъ земскаго врача.

Я пріѣхалъ въ село Стебеньки въ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ дней мрачнаго ноября, по отвратительнѣйшей дорогѣ и въ сквернѣйшемъ настроеніи духа. Пунктъ, куда я назначенъ былъ врачомъ, находился до сихъ поръ въ вѣдѣніи фельдшера изъ „ротныхъ", и въ земской управѣ меня предупредили, что дѣла тамъ порядкомъ запущены и что управа ничего не будетъ имѣть противъ увольненія фельдшера, если я найду это нужнымъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, я не ждалъ для себя ничего пріятнаго впереди и заранѣе былъ увѣренъ, что встрѣчу въ Стебенькахъ самую удручающую обстановку. Я даже не зналъ, найду ли тамъ для себя хоть какой-нибудь ночлегъ и стаканъ горячаго чаю, а между тѣмъ я прозябъ, былъ голоденъ, разбитъ отъ тряски и мокръ, какъ мышь, потому что всю дорогу небо обливало меня самыми горькими слезами, точно оплакивая мою участь.

Итакъ, настроеніе мое было далеко не розовое, а скорѣе, выражаясь по-декадентски, желтое, когда я подъѣхалъ наконецъ къ избѣ, гдѣ жилъ фельдшеръ и помѣщались аптека и амбулаторія. Изба была большая, раздѣленная сѣнями на двѣ половины, съ крыльцомъ, надъ которымъ висѣла полинялая вывѣска, а на вывѣскѣ красовалась надпись: „Земская Лѣчебня". По случаю дурной погоды вездѣ было пусто, и на крыльцѣ меня никто не встрѣтилъ, но такъ какъ дверь была отворена настежъ, то я безпрепятственно вошелъ въ сѣни, гдѣ у корыта возился и недовольно хрюкалъ курносый поросенокъ. Направо и налѣво были двери, но я, не зная, въ которую изъ нихъ слѣдовало идти,

сталъ посреди сѣней и, подобно былинному богатырю во чистомъ полѣ, зычнымъ голосомъ возгласилъ: „Кто здѣсь есть живъ-человѣкъ"!

Въ отвѣтъ на мой призывъ, дверь налѣво съ шумомъ растворилась, и оттуда выскочила босая дѣвчонка лѣтъ 13—14-ти, въ рваномъ пальтишкѣ съ непомѣрно длинными рукавами, въ грязной тряпчонкѣ на головѣ и съ ребенкомъ на рукахъ.

— Я—новый докторъ,—объявилъ я.—Гдѣ фельдшеръ? Гдѣ сторожъ? Нельзя ли кого-нибудь позвать сюда?

Дѣвочка окинула меня быстрымъ взглядомъ синихъ, какъ васильки, глазъ и, ринувшись обратно въ ту же дверь, откуда вошла, закричала пронзительно:

— Дяденька, идите, дяденька, докторъ пріѣхалъ!

Дверь за нею захлопнулась, въ избѣ послышались тревожные голоса, а я остался снова одинъ съ курносымъ поросенкомъ, который видимо былъ недоволенъ моимъ прибытіемъ и всячески старался выразить мнѣ свои враждебныя чувства.

Дѣвочка скоро вышла и, шлепая босыми ногами по грязному полу, причемъ подолъ ея ветхаго пальто волочился за нею въ видѣ шлейфа, повела меня направо.

— Идите, дяденька, сюды, а дяденька сичасъ прійдя!

— Это у васъ и есть лечебня? — спросилъ я, входя въ большую избу, дощатой перегородкой раздѣленную на двѣ половины.

— Лечебня, дяденька; а дяденька въ энтой избѣ живетъ!—бойко отрапортовала дѣвочка, стоя передо мною съ своимъ ребенкомъ, точно солдатъ съ ружьемъ передъ начальствомъ.

Я осмотрѣлся. Первое отдѣленіе избы, вѣроятно, представляло изъ себя пріемную для больныхъ, потому что вдоль стѣнъ здѣсь тянулись длинныя скамейки, а въ углу, на табуреткѣ, стояло ведро съ водой и на гвоздикѣ была привѣшена заржавленная кружка. Въ слѣдующемъ отдѣленіи, совмѣщавшемъ въ себѣ аптеку и докторскій кабинетъ, за прилавкомъ стоялъ большой шкафъ, уставленный банками и склянками, а ближе къ двери—качающійся столъ, на которомъ лежала распухшая книга для записи больныхъ, два колченогихъ стула и ободранная кушетка съ подозрительными щелями. Безпорядокъ вездѣ былъ страшный: на полу наросли цѣлые пласты грязи; давно небѣленыя стѣны покрыты желтыми разводами; одно окно было разбито и заткнуто какой-то онучей; на прилавкѣ въ кучѣ валялись позеленѣвшіе отъ старости мѣдные вѣсы, немытыя ступки, отъ которыхъ пахло дохлятиной, мензурки, пузырьки и всякая дрянь. Пока я все это

осматривалъ, дѣвочка продолжала ѣсть меня глазами и только изрѣдка отворачивалась, чтобы двумя пальцами вытереть носикъ ребенку.

— Ну, однако, и неказисто же у васъ здѣсь!—сказалъ я.— Кто за порядкомъ смотритъ? Гдѣ сторожъ?

— Да это я сторожъ-то,—отвѣчала дѣвочка.

Я посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Ты?! Вотъ такъ сторожъ! Что же это ты, сторожъ, свое дѣло плохо исполняешь, а?

Глаза дѣвочки испуганно заморгали.

— Да я, дяденька, все дѣлаю, чтò дяденька приказываетъ,— торопливо заговорила она.—Вы, дяденька, спросите дяденьку, онъ, небось, вамъ скажетъ!..

— Ну, хорошо, тетенька, это ужъ послѣ, а теперь ступай-ка, скажи ямщику, чтобы онъ мои вещи сюда несъ.

Черезъ минуту всѣ мои промокшіе пожитки были перенесены въ лечебню, причемъ дѣвочка дѣятельно помогала ямщику. Она, не выпуская изъ рукъ ребенка, вихремъ носилась взадъ и впередъ, и бѣдный младенецъ часто оказывался въ самыхъ невозможныхъ положеніяхъ, иногда даже чуть не внизъ головой. Я отпустилъ ямщика, раздѣлся, а фельдшеръ все не показывался. Я уже началъ-было терять надежду увидѣть его когда-нибудь, какъ вдругъ дверь тихо скрипнула, и предо мной, какъ листъ передъ травой, очутился господинъ лѣтъ тридцати, низенькій, довольно упитанный, съ узенькими сѣрыми глазками, въ которыхъ сквозь подобострастіе просвѣчивало явное недоброжелательство и испугъ. Для торжественности онъ, видимо, пріодѣлся; на немъ былъ довольно приличный сюртучокъ, застегнутый на всѣ пуговицы; волосы были примаслены и носили свѣжіе слѣды щетки, а рыжіе усики были тщательно нафабрены и закручены кверху, какъ у императора Вильгельма II.

— Честь имѣю представиться—фельдшеръ Кудакинъ! —отрекомендовался онъ почтительно и вмѣстѣ съ тѣмъ не безъ достоинства.

— Очень пріятно. Садитесь, пожалуйста!

— Ничего-съ, я и постою!—поспѣшно сказалъ фельдшеръ, и въ глазахъ его еще рѣзче обозначились испугъ и недоброжелательство. Очевидно, такое начало показалось ему особенно зловѣщимъ.

Я спросилъ его, нельзя ли мнѣ сюда подать самоваръ и затопить въ лечебнѣ печку, и, получивъ на то и другое его ми-

лостивое согласіе, отрядилъ дѣвочку-сторожа за дровами и самоваромъ. Мы остались одни.

— Скажите, пожалуйста, это у васъ всегда такая грязь и безпорядокъ?—спросилъ я.

Господинъ Кудакинъ безпокойно оглянулся, и усики его зашевелились.

— Помѣщеніе плохое-съ.

— Помѣщеніе помѣщеніемъ, а вотъ грязь-то откуда? Эта дѣвочка у васъ сторожемъ при больницѣ служитъ?

— Т... такъ точно-съ!—съ запинкой сказалъ фельдшеръ.— Трудно найти подходящаго. Здѣсь народъ-лѣнтяй, г. докторъ, работать не хотятъ.

— Можетъ быть, жалованье недостаточное? Вы сколько ей платите?

Кудакинъ покраснѣлъ, и глаза его забѣгали, какъ мыши.

— Д... два съ полтиной,—вымолвилъ онъ такъ, какъ будто самъ не вѣрилъ своимъ словамъ.

— Это мало. Прибавить бы нужно.

Въ это время дѣвочка, уже освобожденная отъ младенца, втащила самоваръ, и фельдшеръ, пожелавъ мнѣ пріятнаго аппетита, величественно удалился. Пока я распаковывалъ свои чемоданы и заваривалъ чай, мой босоногій сторожъ оказывалъ чудеса расторопности и сообразительности. Она мигомъ убрала со стола книгу и чернила, притащила отъ фельдшера скатерть и посуду, затопила печку, вымела полъ, помогла мнѣ заправить и зажечь лампу и стала у дверей, не сводя съ меня своихъ быстрыхъ глазъ.

— Можетъ, вамъ, дяденька, яичекъ достать?—предложила она.

— Да гдѣ же ты ихъ достанешь?

— А у хозяина. Сичасъ сбѣгаю. Можетъ, и молока нужно?

— Давай и молока.

Дѣвочка живо куда-то слетала и притащила десятокъ яицъ и кубанъ молока. Въ избѣ стало поуютнѣе; дрова весело трещали въ печкѣ; самоваръ кипѣлъ и ворчалъ во всю мочь. Я согрѣлся и повеселѣлъ.

— Ну, сторожъ! — обратился я къ дѣвочкѣ. — Какъ тебя звать-то?

— Хвеська!

— Это значитъ — Ѳедосья? Ну, братъ, Ѳедосья, спасибо тебѣ: и согрѣла, и напоила, и накормила! Спасибо.

— Не на чемъ!—степенно сказала дѣвочка.

— Какъ не на чемъ? Безъ тебя бы я совсѣмъ пропалъ. Ну, а теперь разскажи мнѣ, какъ это ты въ сторожа-то попала?

— Да такъ же! Насъ дома-то пять душъ ребятъ, да все махонькіе, я самая большая, а мамка-то у насъ хворая, а тятька дюже виномъ зашибаетъ. Вотъ дяденька и говоритъ: пущай, говоритъ, дѣвка-то въ лечебню наймается, въ сторожа; чѣмъ ей дома зря болтаться, будетъ полтину въ мѣсяцъ получать да харчъ. Я и нанялась.

— Какъ полтину? Мнѣ фельдшеръ сказалъ — два съ полтиной.

Глаза Хвеськи загорѣлись негодованіемъ.

— Что̀ онъ брешетъ!—воскликнула она.—Какіе два съ полтиной? Сроду два съ полтиной не было! Полтина въ мѣсяцъ, да харчъ.

— Ну, ты больше и не стоишь, потому—плохо свое дѣло исполняешь. Смотри, какіе у тебя полы грязные!

— Да вѣдь, Господи, да вѣдь кабы мнѣ приказывали! У дяденьки я каждый день притираю, а здѣсь когда-когда; потому дяденька говоритъ: живетъ и такъ, все равно опять натопчутъ...

— Такъ что̀ же ты дѣлаешь здѣсь?

— Какъ чего? Мало ли! Полы у дяденьки мою, бѣлье стираю, воду ношу, самоваръ ставлю, корову дою, и чего велятъ...

Она даже задохнулась, перечисляя всѣ свои дѣла.

— А ребенокъ это у тебя чей же былъ?

— Да все дяденькинъ!

— Значитъ, и дѣтей тоже няньчишь?

— Да какъ же! Такой уговоръ былъ, чтобы за дитёмъ ходить. Все дѣлаю, чего велятъ.

— А больныхъ не принимаешь?—шутливо спросилъ я.

Но, къ удивленію моему, шутка моя вышла вовсе не шуткой.

— А какъ же, и больныхъ когда принимаю!—се́рьезно отвѣчала Хвеська.—Вотъ прі́дя кто послѣ обѣда, а дяденька отдыхаетъ, а ужъ я знаю, чего кому нужно, и отпущаю. Вотъ намедни теткѣ Лупандихѣ подъемныхъ капель нужно было,—я отпустила, а вечерось Ванька Пахомовъ отъ живота дюже кричалъ,—я ему слабительную соль давала.

— Ну и молодецъ же ты, Ѳедосья!—воскликнулъ я, смѣясь.—На всѣ руки мастеръ, и только за полтину!

— Сичасъ провалиться, за полтину, да харчъ! А что два съ полтиной — и въ глаза не видала, вотъ тебѣ хрестъ и Святая Троица!..

Послѣ чаю я рѣшилъ сейчасъ же залечь спать, а завтра

встать пораньше, потому что уже изъ первыхъ впечатлѣній убѣдился, что дѣла мнѣ предстоитъ пропасть, и дѣла самаго непріятнаго. Фельдшеръ не показывался, и на его половинѣ царила могильная тишина, точно въ непріятельскомъ лагерѣ передъ сраженіемъ. Постель мнѣ устроила опять Хвеська. Съ тою же кошачьей живостью она приволокла сѣна и разостлала его на полу у печки,—на кушеткѣ спать я не рѣшился. Потомъ она все прибрала, даже окна завѣсила простынями, и ушла только тогда, когда мнѣ уже рѣшительно ничего не было нужно.

На другой день, чуть свѣтъ, меня разбудили осторожные, шмыгающіе шаги босыхъ ногъ, какая-то скребня и плескъ воды.

— Кто это тамъ?—спросилъ я.

— Это я, дяденька, вы спите! — отозвался тоненькій голосокъ.—Я полы мою!

Но спать я уже не сталъ и, одѣвшись, зажегъ лампу. Полъ въ пріемной былъ уже вымытъ, и въ печкѣ ярко горѣлъ хворостъ.

— Когда же это ты успѣла? — спросилъ я Хвеську.

— Вона! Нешь рано? Я ужъ и корову подоила. Самоваръ несть?

— Да развѣ готовъ?

— Давно-о! Сами сказали, рано встанете, ну я и поставила.

— Тащи! — сказалъ я весело. Дѣвчонка все больше и больше мнѣ нравилась.

Я сидѣлъ за чаемъ, когда явился г. Кудакинъ и, холодно со мною раскланявшись, принялся что-то возиться въ аптечномъ шкафу. Онъ уже чувствовалъ непрочность своего положенія и убавилъ подобострастія, но на всякій случай все-таки старался показать мнѣ свою любовь къ дѣлу и старательность. Я попросилъ у него приходо-расходную книгу, и на первой же страницѣ мнѣ бросилась въ глаза запись: сторожу—5 рублей.

— Господинъ Кудакинъ!—сказалъ я.—Что же вы мнѣ говорили вчера, что платите Ѳедосьѣ два съ полтиной, а здѣсь записано пять?

— Такъ точно, пять! — угрюмо отвѣчалъ Кудакинъ. — Но такъ какъ нѣкоторыя обязанности взяла на себя моя жена, напримѣръ, мытье половъ и аптечной посуды, то я распредѣлилъ пополамъ.

— Странное распредѣленіе! Но вотъ еще исторія: Ѳедосья сказала мнѣ, что вы ей платите только полтину, а между тѣмъ заставляете еще доить вашу корову и няньчить вашего младенца? Это что̀ за распредѣленіе?

Фельдшеръ уже совсѣмъ окрысился.

— Какъ вамъ будетъ угодно! Ежели вы вѣрите дѣвкѣ больше, чѣмъ мнѣ, это ужъ какъ угодно! И насчетъ младенца тоже: неужто ужъ подержать младенца — преступленіе какое? Удивительно даже, право...

Онъ, ворча, удалился за прилавокъ, и черезъ минуту трескъ и звонъ разбитой посуды возвѣстили мнѣ, что его нервы окончательно разстроены.

Между тѣмъ разсвѣло, и въ лечебню стали собираться больные. Съ первой же паціентки начался рядъ удивительнѣйшихъ курьёзовъ. Больная, получивъ рецептъ, полѣзла вдругъ за пазуху и безмолвно выложила передо мною пятакъ.

— Это что̀ такое?—съ удивленьемъ спросилъ я, зная, что отпускъ лекарствъ производится безплатно.

— А за пузырь-то?—тоже съ удивленіемъ отвѣчала баба.

— Развѣ вы берете деньги за лекарство?—обратился я къ фельдшеру.

— За посуду беру, — мрачно отозвался тотъ, ожесточенно растирая что-то въ ступкѣ.

— На какомъ же основаніи, позвольте узнать?

Фельдшеръ молчалъ и еще громче застучалъ пестикомъ.

Слѣдующая больная поразила меня еще больше. Она прямо подступила къ самому моему носу и, не отвѣчая на вопросъ, чѣмъ больна, прошептала мнѣ на ухо:

— Мнѣ на гривенникъ іодъ-каменю дайте.

— Какого іодъ-каменю? Да ты чѣмъ больна?

— Я-то ничѣмъ, мой мужикъ хвораетъ. Ломота у него, и кутырь (желудокъ) пучитъ, такъ намъ сказали, іодъ-камень дюже помогаетъ.

И она совала мнѣ гривенникъ. Я обратилъ на фельдшера вопросительный взоръ, но онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его, и продолжалъ свою оглушительную стукотню. Меня выручила Хвеська, которая, въ качествѣ сторожа, присутствовала тутъ же и по очереди впускала больныхъ.

— Это, дяденька, ей вонъ чего надоть! Постой, я сейчасъ достану!

И, живо забравшись въ шкафъ, она, съ знаніемъ дѣла, вытащила банку съ надписью: „kali jodati“—и поставила ее передо мной.

Я все понялъ. Кудакинъ не только взималъ за „пузыри“, но торговалъ также и земскими лекарствами, разумѣется, въ свою пользу. Послѣ этихъ двухъ открытій отношенія наши съ

нимъ окончательно испортились, и я старался избѣгать обращаться къ нему съ вопросами, а онъ, въ свою очередь, совершенно меня игнорировалъ и велъ себя такъ, какъ будто меня здѣсь и не было. Къ счастью, на помощь мнѣ опять пришла Хвеська, которая, какъ оказалось, знала аптеку гораздо лучше, чѣмъ г. Кудакинъ. Когда онъ затруднялся въ чемъ-нибудь и не сразу могъ отыскать нужное ему лекарство, она выскакивала изъ своего угла и говорила:

— Это, дяденька, не тамъ, это въ „сильно-дѣйствующихъ“!

Или:

— Да вы бы, дяденька, поваренной соли прибавили; она тогда скорѣй разойдется, и т. д.

Фельдшеръ бросалъ на нее свирѣпые взгляды, но дѣлалъ все по ея указанію, и дѣйствительно, стрихнинъ оказывался въ „сильно-дѣйствующихъ“, а сулема растворялась скорѣе отъ прибавленія соли. Въ концѣ концовъ ужъ и я сталъ обращаться къ Хвеськѣ, и она ни разу ничего не перепутала, а порошки дѣлала такъ быстро и аккуратно, точно настоящій провизоръ.

Съ Хвеськиной помощью дѣло у насъ шло какъ по маслу; вдругъ, въ то самое время, когда я выслушивалъ ожирѣлое сердце одного мужика, въ комнату ворвалась какая-то апломбистая дама въ шляпкѣ, въ калошахъ и съ зонтикомъ въ рукахъ.

— Послушайте, г. докторъ!—громогласно заявила она, подлетая ко мнѣ и не обращая никакого вниманія на то, что я занятъ.

— Потрудитесь подождать!—сказалъ я, не отрывая уха отъ стэтоскопа.

— Какъ это такъ подождать? Мнѣ некогда!

— Мнѣ тоже некогда. Вы видите, я выслушиваю больного. Подождите очереди.

— Какъ очереди? Я—псаломщица!—въ крайнемъ удивленіи воскликнула дама, обводя глазами стѣны и какъ бы приглашая ихъ удивляться и негодовать вмѣстѣ съ нею.

Меня, наконецъ, взорвало.

— Ѳедосья!—закричалъ я.—Укажи г-жѣ псаломщицѣ, гдѣ больные ждутъ очереди, и если хочешь служить, никого безъ очереди не пускай. Слышишь?

Ѳедосья отворила дверь и не безъ робости сказала: „Сюда идите!“ Псаломщица, вся красная отъ гнѣва, вылетѣла вонъ и въ этотъ день, къ моему удовольствію, больше не появлялась.

Этимъ, какъ говорится, „инцидентомъ“ пріемъ закончился,

и къ двумъ часамъ лечебня опустѣла. Мы остались одни съ Ѳедосьей.

— Ну, вотъ что̀, Ѳедосья, — сказалъ я. — Я тобой нынче доволенъ и, пожалуй, оставлю тебя въ сторожахъ (Ѳедосьино лицо просіяло). Только смотри, чтобы все было въ порядкѣ,—я чистоту люблю,—и безъ очереди никого не пускай. Зачѣмъ ты давеча эту барыню пустила?

— Да вѣдь дяденька завсегда велѣлъ пущать, когда господа придутъ. Мужики-то, небось, и подождутъ,—небось, они не сахарные!

— Ну, братъ - Ѳедосья, ты эти разговоры теперь оставь. У меня будутъ новые порядки. Няньчить теперь шабашъ, больше не будешь, корову доить тоже, но чтобы въ лечебнѣ—порядокъ и чистота. И очередь.

— А если батюшка придетъ?

— Хоть разбатюшка. Слушай дальше. Жалованья тебѣ полагается пять рублей въ мѣсяцъ, харчъ твой. За безпорядокъ буду строго взыскивать: чуть что̀ не по моему,—сейчасъ разсчетъ. Ну, вотъ тебѣ и все: хочешь—служи, хочешь — нѣтъ.

Хвеська смотрѣла на меня во всѣ глаза, точно не вѣря своимъ ушамъ, и то краснѣя, то блѣднѣя. Потомъ она всплеснула руками, заохала, засмѣялась и бросилась-было куда-то бѣжать, но я ее остановилъ.

— Постой, чего ты? Ишь, обрадовалась! Ты еще послужи сначала; можетъ, мы съ тобой не поладимъ.

Дѣвочка отрицательно потрясла головой.

— Я, дяденька, стараться буду—ухъ, какъ! И никого пущать не буду, хоть самъ урядникъ приди!

И представивъ себѣ, должно быть, какъ это она, Хвеська, будетъ „не пущать“ самого урядника, дѣвочка комично присѣла на корточки и залилась счастливымъ смѣхомъ.

Съ фельдшеромъ у насъ разговоръ вышелъ короткій. Онъ явился ко мнѣ видимо уже подготовленный къ тому, что̀ его ожидаетъ, потому что видъ у него былъ еще болѣе независимый, чѣмъ давеча, и на мое предложеніе пріискивать себѣ другое мѣсто, онъ отвѣтилъ мнѣ иронически: „покорнѣйше васъ благодарю!“—и величественно удалился. Это значительно облегчило мою задачу, и я вздохнулъ свободнѣе: нѣтъ ничего хуже, какъ отказывать,—лучше самому получить отказъ. Мнѣ оставалось еще переговорить съ хозяиномъ избы насчетъ ремонта; хозяинъ оказался мужикомъ довольно развязнымъ и себѣ на умѣ; вѣроятно, онъ былъ большой пріятель фельдшера и сначала по-

пробовалъ-было взять со мною тотъ тонъ, о которомъ въ деревнѣ говорятъ: „мы-ста, да я-ста“, но потомъ мало-по-малу съѣхалъ, и въ концѣ концовъ мы сговорились съ нимъ наилучшимъ образомъ. Рѣшено было съ завтрашняго же дня приступить къ бѣленію стѣнъ и починкѣ оконныхъ рамъ, а жена его взялась стряпать мнѣ обѣдъ и стирать бѣлье.

Покончивъ со всѣми этими непріятными дѣлами, я почувствовалъ страшную усталось и съ удовольствіемъ растянулся на колченогой кушеткѣ въ ожиданіи заказаннаго самовара. „Вотъ теперь-то ужъ я отдохну!“ подумалъ я. Но не успѣлъ я еще какъ слѣдуетъ приладиться къ своему жесткому ложу, изъ котораго во всѣ стороны торчали сломанныя пружины, какъ вдругъ въ сѣняхъ изо всѣхъ силъ хлопнула дверь, послышались чьи-то пронзительные крики и топотъ нѣсколькихъ паръ ногъ. Я выскочилъ въ сѣни, мимоходомъ опрокинувъ корыто съ помоями, къ великому негодованію фельдшерова поросенка, и на крыльцѣ увидѣлъ такую картину. Въ углу, дрожа всѣмъ тѣломъ и заливаясь слезами, стояла Хвеська, а на нее съ двухъ сторонъ наступали съ кулаками г. Кудакинъ и, вѣроятно, его супруга, и оба въ одинъ голосъ кричали:

— Сымай, тебѣ говорятъ! Сейчасъ сымай, слышишь? Сымай же!

— Что̀ это такое? Что̀ случилось?—спросилъ я.

Кудакинъ бросилъ на меня взглядъ, полный ненависти, и ничего не отвѣчалъ,—за него отвѣтила супруга.

— Да какъ же, г. докторъ, да что же это за порядки такіе? Мы сами люди бѣдные, а вѣдь на ней вся одёжа наша! Она къ намъ безъ рубахи пришла, мы ее одѣли-обули, у ней ниточки своей нѣту! А теперича какъ вы ей этакое жалованье положили, она сама въ средствахъ одѣться, а мы люди бѣдные! Ну, сымай одёжу, чего же ты стоишь? Сымай дипломатъ! Сымай юбку! Сымай рубаху!

И съ каждымъ словомъ она дергала и рвала съ Хвеськи рваное пальто, которое подъ ея костлявыми руками ползло по всѣмъ швамъ и превращалось въ лохмотья. Проходившіе мимо люди останавливались и съ удивленіемъ глядѣли на эту сцену, а бѣдная Хвеська тряслась и плакала отъ стыда и испуга.

— Послушайте, однако!—сказалъ я.—Вѣдь не оставаться же ей голой на улицѣ; подождите немного, когда она достанетъ себѣ, во что переодѣться. Неужели вамъ жаль этихъ лохмотьевъ?

— Для кого лохмотья, а для насъ добро!—завизжала фельдшериха.—Мы сами въ нуждѣ живемъ, намъ не изъ чего дары-

дарить! Это ужъ пущай кто побогаче, тотъ и одѣвай всѣхъ нищихъ, а мы не въ состоянiи. Сымай дипломатъ!

Народъ прибывалъ; нѣкоторые въ толпѣ смѣялись — не по жестокости, а по непривычкѣ сострадать. Человѣкъ, котораго мало жалѣли, самъ не умѣетъ жалѣть,—а вѣдь нашъ мужикъ не очень избалованъ чужой жалостью: его если и жалѣли когда-нибудь, то больше платонически, а настоящей-то жалости онъ почти-что и не видалъ никогда.

— Послушайте, господа!—обратился я къ толпѣ.—Не найдется ли у васъ какого-нибудь старья,—видите, дѣвчонку раздѣваютъ, не голой же ей ходить? Она вамъ потомъ заплатитъ,—я за нее ручаюсь.

Мужики что-то мычали; бабы переглядывались и переминались. „Акулина, у тебя есть?“ — „Ишь ты какая, давай сама! У меня у самой дѣвчонки“...

Наконецъ одна изъ нихъ ушла и черезъ нѣсколько минутъ принесла въ узелкѣ рубашонку и юбчонку, а мой хозяинъ великодушно пожертвовалъ старенькiй полушубокъ и рваныя валенки.

— Ну, вотъ тебѣ, Ѳедосья, съ мiру по ниткѣ голому рубашка!—сказалъ я плачущей дѣвочкѣ.—Иди, одѣнься, да не плачь; тебѣ плакать еще не объ чемъ, у тебя грѣховъ нѣту. Ты никого не обижала, никого не раздѣвала; это ужъ пускай грѣшники плачутъ, да тѣ, у кого совѣсть не чиста.

Мои слова почему-то произвели на присутствующихъ большое впечатлѣнiе: еще одна баба ушла и вернулась съ платочкомъ и кофтой. Хвеська переодѣлась, и лохмотья ея были возвращены супругамъ Кудакинымъ, которые, шипя, какъ змѣи, уползли въ свою нору.

Недѣли черезъ двѣ амбулаторiя наша была неузнаваема. Стѣны были выбѣлены, окны вставлены, полы блестѣли, какъ зеркало, потому что Хвеська каждый день натирала ихъ кирпичомъ и потомъ мыла. Въ новомъ шкафу царилъ образцовый порядокъ, опять-таки благодаря Хвеськѣ, которая строго слѣдила, чтобы все было на своемъ мѣстѣ, и даже мнѣ дѣлала иногда строгiе выговоры, когда я ставилъ лекарства не тамъ, гдѣ слѣдовало. „Зачѣмъ вы „менту пиперигу“ на верхнюю полку положили? опять вѣдь искать будете!“ Или: „Гдѣ у васъ „солюцiя“,— опять вы ее не туда поставили?“ И нужно было уже постоянно наблюдать за собою, чтобы не уронить своего престижа въ глазахъ Хвеськи. Супруги Кудакины уже переѣхали куда-то, и въ ихъ помѣщенiи теперь жилъ я, а на мѣсто фельдшера поступила фельдшерица-акушерка, Марья Францовна, которую Хвеська

на своемъ своеобразномъ языкѣ передѣлала въ „Франтовну". Зажили мы всѣ трое превосходно, — тихо и дружно. Хвеська сдѣлалась нашею любимицей и приводила насъ съ „Франтовной" въ восторгъ своей расторопностью и необычайной сообразительностью. Для нея, кажется, не существовало ничего невозможнаго, — чтò ни попросишь, моментально сдѣлаетъ, никогда ничего не перепутаетъ, и все это съ удовольствіемъ, съ сіяющимъ лицомъ и безъ всякаго понуканія, чтò было особенно пріятно видѣть. Видно было, что работа ей самой нравилась, и часто приходилось даже ее останавливать, когда она уже черезчуръ усердствовала.

— Ѳедосья, да ты бы хоть посидѣла немного!—скажешь ей, бывало.

У нея сейчасъ улыбка до ушей и въ глазахъ задорные огоньки.

— Ну, вотъ еще!—возражала она.—Скушно такъ-то сидѣть, —небось, лытки заболятъ!

Больныхъ нашихъ она знала лучше насъ самихъ — и по именамъ, и кто откуда, и даже названіе болѣзни.

— Дяденька, тамъ къ вамъ старикъ энтотъ пришелъ, съ „ефиземой"-то! Онъ ужъ всю микстуру выпилъ!

— Дяденька, а вѣдь - мальчонка то изъ Муравленой, которому вы кость выскребали, померъ! Сердце лопнуло!

Но курьёзнѣе всего она вела себя на пріемахъ, когда важно стояла у двери и по очереди пропускала больныхъ. Были попытки ее умаслить, даже подкупить, но все это оканчивалось неудачей, и сами больные подъ конецъ строго слѣдили за очередью. Происходили иногда смѣшныя сцены и даже настоящія сраженія, особенно если кто-нибудь изъ деревенской аристократіи, по старой Кудакинской памяти, норовилъ прорваться сквозь стѣну полушубковъ и понёвъ, чтобы предъявить вниманію врача свою особу, здоровье которой, по его мнѣнію, было несравненно дороже для міра, чѣмъ здоровье какого-нибудь Ефима или Матрены. Много было изъ-за этого неудовольствій и ссоръ, но потомъ всѣ свыклись съ новымъ порядкомъ, и даже г-жа псаломщица смирилась и, являясь въ амбулаторію, оставляла въ передней не только калоши, но и зонтикъ. Ѳедосья была въ восторгѣ.

— Вотъ такъ утерли вы ихъ, дяденька!—говорила она.—Допрежь съ мужиками-то по одной доскѣ гребовали (брезгали) пройтись, а теперича рядомъ сидятъ и не жукнутъ. И то правда: чтò ужъ мужики-то, аль поганые какіе? Небось, такіе же хрестьяне! Одному Богу молятся...

— А какому, Өедосья?

— Извѣстно, какому: Батюшкѣ-Христу, Матушкѣ-Богородицѣ, да Св. Троицѣ...

Двадцатаго числа я ѣздилъ въ городъ, получилъ жалованье и, возвратившись вечеромъ, позвалъ Өедосью.

— Ну, вотъ тебѣ, Өедосья, жалованье за мѣсяцъ,—сказалъ я, вручая ей золотой.—Завтра Франтовна въ городъ поѣдетъ, такъ посовѣтуйся съ ней, чего тебѣ купить. Башмаки у тебя теперь есть, кофта есть (все это подарила ей Франтовна), ну а вотъ платья нѣтъ, рубашекъ нѣтъ, все вѣдь на тебѣ чужое,— такъ ты и сообрази, чего тебѣ надо.

Я взглянулъ на нее, ожидая видѣть ея сіяющее лицо (я любилъ, когда она сіяла: у нея тогда все улыбалось,—и глаза, и ямочки на щекахъ, и даже раздвоенный на кончикѣ носъ), но, къ удивленію моему, она стояла передо мной, понурившись, и нерѣшительно вертѣла въ рукахъ золотой.

— Что же это ты такая?—спросилъ я.—Не рада что-ли?

— Нѣтъ, я-то рада,—вздохнувъ, сказала Өедосья.—Да вѣдь, все равно, тятенька все пропьетъ...

— Какъ пропьетъ?

— Да такъ,—придетъ, да все отберетъ, да прямо въ кабакъ.

— А! Ну ладно,—давай сюда деньги. Я самъ все тебѣ куплю, что̀ нужно; а придетъ тятенька,—пошли его ко мнѣ.

На другой день послѣ пріема Өедосья объявила мнѣ:

— Дяденька, тамъ тятенька пришелъ. Въ сѣняхъ дожидается.

— Зови сюда.

Черезъ минуту осторожное покашливанье и таинственный шопотъ возвѣстили мнѣ о прибытіи „тятеньки“. Я вышелъ въ переднюю и у двери увидѣлъ обтрепаннаго мужичка, въ стоптанныхъ лаптяхъ, въ дырявой шапкѣ, изъ которой во всѣ стороны торчали клочья пакли, и съ длиннымъ бадикомъ въ рукахъ. При первомъ взглядѣ на него я убѣдился, что мужичокъ принадлежитъ къ тому типу людей, которыхъ называютъ въ деревнѣ „неключимыми“. Весь онъ былъ какой-то развинченный; руки у него болтались, какъ совершенно ни на что не нужныя; жидкія ноги выпирали колѣнками впередъ, точно имъ было не подъ силу поддерживать неуклюжее хозяйское туловище, и онѣ постоянно искали болѣе устойчиваго равновѣсія. Добродушная физіономія его была покрыта множествомъ мельчайшихъ морщинъ, изъ которыхъ безпечно выглядывали ясные голубенькіе глазки, удивительно напоминавшіе глаза Хвеськи, но главнымъ украшеніемъ этого лица былъ носъ,—большой, пунцовый, онъ цвѣлъ и

лоснился, какъ распустившійся піонъ. Въ общемъ видъ былъ довольно симпатичный, но крайне легкомысленный и запьянцовскій. Өедосья стояла тутъ же въ сторонкѣ и съ жалостью и грустью, какъ матери смотрятъ на своихъ неудавшихся дѣтей, смотрѣла на родителя.

— Что̀ скажешь, милый человѣкъ?—спросилъ я.

— Да вотъ за жалованьемъ пришелъ,—отвѣчалъ мужичокъ и счастливо улыбнулся.

— За какимъ жалованьемъ? Ты у насъ не служишь.

„Неключимый", очевидно, былъ немножко озадаченъ и вопросительно поглядѣлъ на дочь, какъ бы ожидая отъ нея поддержки. Но Өедосья молчала.

— Да я-то не служу... точно-что... дочь вотъ служитъ... такъ я, стало быть, за дочеринымъ,—запинаясь, сказалъ мужичокъ.

— Да какъ же это такъ? А она-то что же будетъ дѣлать? Ей тоже деньги нужны. Ты погляди на нее, вѣдь на ней все чужое, добрые люди на время дали; ну, а если они всю одёжу назадъ потребуютъ, вѣдь она голая останется! Какъ же тогда?

— Да вѣдь кто жъ ее знаетъ... вѣдь кабы достатки наши... а то вѣдь и мучки надо, и того, и сего, а у меня ихъ четыре души, да баба, да самъ-шестъ... Пущай ужъ ее, какъ-нибудь перетерпитъ!..—съ неподражаемой наивностью прибавилъ онъ.

Я, было, хотѣлъ разозлиться, но вмѣсто того разсмѣялся.

— Да какъ же перетерпитъ, чудакъ ты человѣкъ,—что же ей такъ голой и ходить? Ты вотъ, большой, здоровый человѣкъ, себѣ на хлѣбъ не можешь заработать, а вѣдь она—дѣвочка, и ты же съ нея послѣднее тянешь,—развѣ это порядокъ? И потомъ вотъ тебѣ еще мои послѣднія слова: голую ее я держать не стану; у насъ нужно, чтобы служащіе были прилично одѣты, а то что̀ это такое, точно нищіе!

Я долго убѣждалъ его, но онъ на всѣ мои доводы, съ улыбкою въ глазахъ и съ плаксивыми нотами въ голосѣ, нылъ одно и то же: „мучки бы... самъ-шестъ... нужда осѣтила"... и т. д.

— Ну, ладно,—сказалъ я, наконецъ, потерявъ терпѣніе.— Вотъ тебѣ полтина на мучку, и ступай себѣ съ Господомъ!

Но мужикъ не уходилъ и, внимательно разсматривая полтинникъ, топтался на одномъ мѣстѣ.

— Какъ же это такъ полтину?—бормоталъ онъ.—Мы наслышаны, что ты ей пять рублевъ положилъ, а теперь полтину! Мы не согласны!

— Ну, несогласенъ, такъ давай деньги назадъ и уходи.

— Уходить? Ну, коли такое дѣло, я и дѣвку возьму. Что̀

ей здѣсь за полтину-то воловодиться? Она дома больше заработаетъ.

— Да вѣдь прежде же фельдшеръ платилъ ей полтину?

— То допрежь, а теперь мы не согласны. Хвеська, собирайся!

— Ну, что дѣлать, Ѳедосья,—сказалъ я.—Ступай съ отцомъ домой. Это валенки-то на тебѣ чьи? Хозяйскіе? И полушубокъ тоже? Ну, такъ сымай валенки! Сымай полушубокъ! Сымай рубаху!—говорилъ я, подражая тону фельдшера и въ то же время глазами показывая Ѳедосьѣ, что все это „нарочно".

Ѳедосья живо стащила одну валенку, потомъ другую и взялась-было за полушубокъ, но отецъ, видя, что дѣло-то нешуточное выходитъ, вдругъ рѣшительно махнулъ рукой.

— Не надоть! Пущай живетъ! Хвеська, живи! Вотъ я какой человѣкъ... Полтина, такъ полтина... пущай! Гдѣ наше не пропадало...

Онъ ушелъ, и черезъ нѣсколько времени мы видѣли, какъ онъ, заломивъ шапку на ухо и еще болѣе выпирая колѣнки впередъ, съ самымъ независимымъ видомъ прослѣдовалъ мимо лечебни и во все горло распѣвалъ:

Слава Богу, царю Бѣлому,
Александру-Милосердному...

— Пропилъ! Всѣ какъ есть пропилъ!—горестно восклицала Хвеська, глядя изъ окна на своего заблудшаго родителя.—И мамынькѣ ничего не оставилъ,—чего они теперь ѣсть-то будутъ... Зачѣмъ вы ему давали?!

— А ты не убивайся, Ѳедосья! — утѣшалъ я ее. — Вотъ Франтовна закупитъ тебѣ что нужно, а на остальныя ты возьми муки, крупы, чего тамъ еще понадобится, и отнеси матери. Такъ-то лучше будетъ...

Такъ мы и дѣлали впослѣдствіи, и, являясь аккуратно въ дни получки жалованья, заблудшій родитель больше гривенника не получалъ и, разумѣется, сейчасъ же относилъ его въ кабакъ, послѣ чего мы каждый разъ имѣли удовольствіе слышать подъ окнами лечебни знаменитую пѣсню про Бѣлаго царя.

Поправилась у насъ Ѳедосья, пріодѣлась и стала еще проворнѣе и веселѣе. Съ Франтовной у нихъ завязалась тѣсная дружба, и онѣ вѣчно шушукались между собою, то о какой-нибудь необыкновенной кофточкѣ съ „пучкёмъ" назади, видѣнной у поповны въ церкви, то о деревенскихъ больныхъ и ихъ дѣлахъ, которыя Ѳедосья знала до тонкости, то, наконецъ, о томъ, чѣмъ человѣкъ дышетъ, чѣмъ думаетъ и гдѣ у него душа.

Всѣмъ этимъ Ѳедосья очень интересовалась, и Франтовна посвящала ее въ тайны анатоміи, физіологіи и медицины, такъ что Ѳедосья теперь могла не только „отпущать“ слабительную соль, но умѣла варить разные инфузумы, приготовлять сложныя мази и даже ставить банки отъ „воспаленія крови“, какъ она выражалась.

— Тебѣ бы докторомъ быть, Ѳедосья!—шутилъ я иногда.

Хвеська начинала сіять.

— Ужъ вы скажете!—говорила она не безъ кокетства.—Докторомъ... Кабы я грамотная была!

— А зачѣмъ же дѣло стало? Вотъ купимъ букварь, да и давай учиться.

— А стыдно? У насъ дѣвки не учатся,—засмѣютъ.

— Пускай себѣ смѣются! Смѣются дураки, а умные похвалятъ.

Мои слова произвели на дѣвочку впечатлѣніе, и она задумалась. Скоро я сталъ замѣчать, что она какъ-то пристально приглядывается къ книжкамъ и газетамъ, и однажды былъ очень удивленъ, когда Ѳедосья вдругъ ткнула пальцемъ въ лежавшую передо мной книгу и, улыбаясь во весь ротъ, объявила:

— А вѣдь это „а“!

— Почемъ ты знаешь?—спросилъ я.

— Хозяйскій Мишанька показывалъ. Онъ въ училищу ходитъ и всѣ буквы знаетъ. И я теперь знаю. Только я хорошо-то разбираю, какія поядрёньше, а мелкія еще плохо.

— Молодецъ!—похвалилъ я.—Ну, подожди, поѣду въ городъ, привезу тебѣ букварь, будемъ учиться!

Но Ѳедосья застыдилась и замахала руками.

— Нѣтъ, дяденька, не надоть! Да, Господи, да меня засмѣютъ! Ни за что не буду! Да нешто это возможно?

И она, смѣясь, убѣжала.

Но Ѳедосья хитрила, и я догадывался, что она втихомолку продолжаетъ долбить букварь, потому что у насъ вдругъ начало выходить огромное количество керосину и огонь въ лечебнѣ горѣлъ почти до полуночи. Прежде, бывало, Ѳедосья, какъ уберется, такъ и заляжетъ спать, а теперь, какъ ни выглянешь изъ окна, все тянутся изъ лечебни свѣтлыя полосы,—значитъ, бодрствуетъ нашъ сторожъ. Я попытался взять съ нея допросъ.

— Что̀ это у насъ, Ѳедосья, керосину больно много выходитъ?

— А что̀?—испуганно спросила дѣвочка.—Не́што нельзя?

— Нѣтъ, отчего же, жги себѣ на здоровье, только что̀ это ты тамъ дѣлаешь? Колдуешь что-ли?

— Вы ужъ скажете! Колдуешь... Этакія слова и по-нарочкѣ говорить не гоже... Я коли и вовсе лампу не буду зажигать!

— Ну, вотъ тебѣ и разъ! Сиди хоть всю ночь, сдѣлай милость, мнѣ керосину не жалко. А такъ, любопытно мнѣ, что ты тамъ корпишь?..

Ѳедосья отмалчивалась, но какъ ни хитрила, а все-таки попалась.

Выхожу какъ-то разъ послѣ обѣда въ сѣни, — только-что отворилъ дверь, а изъ-подъ самыхъ ногъ у меня какъ выскочитъ какой-то карапузикъ—и давай Богъ ноги, прямо на дворъ. Я только и успѣлъ замѣтить большущую косматую шапку, да лукавые глазёнки, блеснувшіе изъ-подъ нея. Смотрю—и Ѳедосья тутъ же: стоитъ, прижавшись, въ уголку, глаза испуганные и что-то прячетъ за спиной. Спугнулъ парочку, и, очевидно, карапузикъ въ громадной шапкѣ—преступный сообщникъ.

— Что̀ это вы тутъ дѣлаете?—спросилъ я строго.—Это̀ кто такой?

— А это... это хозяйскій Миша̀нька... — запинаясь, вымолвила Ѳедосья.

— Вотъ кто? Это ты не съ нимъ ли по ночамъ-то колдуешь? А что̀ это у тебя въ рукахъ? Ну-ка, покажи!

Ѳедосья, вся красная отъ волненія, нéхотя вытащила руки изъ-за спины и подала мнѣ засаленную, ветхую, всю пропитанную мужицкимъ запахомъ, книжонку. Это было „Наше Родное“.

— Ахъ, вы, разбойники! — смѣясь, сказалъ я. — Вотъ оно отчего керосину-то у насъ много выходитъ! Ну, а какъ же теперь дѣла? Все еще однѣ „ядрёныя“ буквы знаешь, или еще что̀?

— Нѣтъ, я теперича и которыя помельчѣе могу,—прошептала Ѳедосья.

— А ну, прочти!

Ѳедосья взяла книжку и, немножко спотыкаясь, особенно на тѣхъ слогахъ, гдѣ были двѣ согласныя рядомъ, но все-таки довольно вразумительно прочла нѣсколько строкъ.

— Ловко, — сказалъ я. — Только зачѣмъ же прятаться-то? Это дѣло хорошее, таиться нечего,—учись въ открытку, а чуть-что̀ непонятное, спроси меня или Франтовну, мы съ радостью тебѣ покажемъ.

— А смѣяться не будете?—просіявъ по обыкновенію, спросила Ѳедосья.

Съ этого дня она уже не пряталась, и въ каждую свободную минуту ее можно было видѣть, приткнувшуюся гдѣ-нибудь

у окна съ книжкой, по которой она выводила нараспѣвъ: „Лысый, съ бѣлой бородою дѣдушка сидитъ"...

Послѣ страшно-долгой и гнилой осени, уже передъ самымъ Рождествомъ, выпалъ наконецъ первый снѣгъ, и, вмѣстѣ съ этимъ снѣгомъ, на наши головы свалилась большая непріятность.

Однажды, часовъ въ шесть утра, меня разбудилъ какой-то странный шумъ въ сѣняхъ и затѣмъ плачъ. Я поспѣшно вскочилъ, наскоро одѣлся и пріотворилъ дверь. Плачъ на минутку утихъ, но потомъ начался снова со вздохами и истерическими всхлипываніями.

— Что̀ такое? Кто это?—спросилъ я.

Мнѣ не отвѣчали, но къ плачу присоединилось еще сдержанное сморканье. Я зажегъ спичку, и въ углу, за кадкой съ водой, увидѣлъ Ѳедосью. Она сидѣла на корточкахъ и, уткнувъ голову въ колѣнки, плакала навзрыдъ.

— Ѳедосья, это ты? Что̀ съ тобой? О чемъ?

— Ой, головушка!.. Ой, стыдобушка! — причитала Ѳедосья, качаясь изъ стороны въ сторону. — Да что жъ я теперь стану дѣлать... да куда-жъ я теперича пойду...

— Да что же такое случилось? Больна ты что-ли? Померъ кто-нибудь? Ты толкомъ скажи.

— Ой, стыдобушка, ой, головушка!..—продолжала твердить Ѳедосья.—Да вы подите, поглядите, что̀ у насъ на дверяхъ-то... Ой, ой, ой!..

Я выбѣжалъ на крыльцо и при голубоватомъ сіяніи дѣвственнаго снѣга, пышнымъ ковромъ устилавшаго землю, увидѣлъ на дверяхъ лечебни огромное черное пятно, которое среди окружающей бѣлизны казалось особенно зловѣщимъ... Я мазнулъ пальцемъ—деготь. У дверей, на полу, такія же черныя пятна и круглый отпечатокъ отъ какого-то сосуда. Сдѣлано было основательно и съ большимъ тщаніемъ.

Я вернулся въ сѣни.

— Ну, что же такое? Дегтемъ вымазали? Эка важность! Чего же ты ревешь?

— Да вѣдь это мнѣ... — сквозь рыданія проговорила Ѳедосья.—Меня ужъ давно дразнятъ... что я... что я... будто я съ вами... Ой, горюшко... ой, ой!..

— Кто дразнитъ?

— Да кто... и дяденька энтотъ говорилъ... и Машутка сусѣдская намедни встрѣлась, да какъ загрохочетъ... ишь, говоритъ, докторъ нарядовъ-то тебѣ какихъ нашилъ!.. Ой-ой-ой!..

— Ахъ, ты, глупая! Да тебѣ-то что̀? Пускай дразнятъ. Кабы это правда была, а то вѣдь неправда,—чего же убиваться?

Мои слова подѣйствовали, и Ѳедосья притихла.

— Пойтить, горячей воды принесть, да смыть,—сказала она уже другимъ, дѣловымъ тономъ, но все еще всхлипывая.

— Зачѣмъ? Не нужно. Пускай всѣ видятъ. Не намъ стыдно, а тому, кто сдѣлалъ.

— Да вѣдь смѣяться будутъ?

— А тебѣ что̀? Посмотримъ, кто будетъ смѣяться. Хорошій человѣкъ не засмѣется. Не смѣй смывать,—пусть такъ и будетъ.

Уже разсвѣло, и начали собираться больные. Дегтярное пятно производило впечатлѣніе, и изъ окна своей квартиры я видѣлъ, какъ одни ахали и соболѣзновали, другіе посмѣивались исподтишка и обмѣнивались двусмысленными взглядами. Когда народу собралось достаточно, я вышелъ въ пріемную и пригласилъ всѣхъ на крыльцо.

— Вотъ, посмотрите, господа, что̀ намъ сдѣлали!—сказалъ я, указывая на пятно.—Вотъ, будьте всѣ свидѣтелями, что земскую лечебницу дегтемъ вымазали. За этакія дѣла не хвалятъ, и здѣсь вѣдь не кабакъ и не веселое заведеніе,—вы всѣ это знаете. Если я узнаю, кто такое безобразіе сдѣлалъ, я его къ суду притяну. Такъ пускай онъ и знаетъ.

— Охальникъ какой-нибудь...—послышалось въ толпѣ.—Хорошій человѣкъ нешто сдѣлаетъ?.. Въ волость бы его...

— Да взодрать хорошенько, чтобы сѣсть нельзя было!—прибавилъ какой-то угрюмый мужикъ.

— Зачѣмъ драть,—драть не надо,—началъ я опять.—Порка дурака не образумитъ, а если въ немъ совѣсть есть,—онъ и самъ одумается.

— Замыть бы надоть...—посовѣтовала бабёнка, высовываясь изъ толпы.—Водицы бы мнѣ,—я бы мигомъ...

— И смывать не надо. Намъ отъ этого худа не будетъ; вы всѣ знаете, что здѣсь живутъ люди честные, и сами мы про себя знаемъ, что мы честные,—зачѣмъ же намъ смывать? А тотъ, кто сдѣлалъ, пусть ходитъ, да смотритъ, да думаетъ, хорошо ли онъ это сдѣлалъ? Это ему вѣчная память будетъ: авось, можетъ, и его когда-нибудь совѣсть зазритъ.

Мы вернулись въ лечебню, и никто уже не улыбался и не пересмѣивался,—всѣ сочувствовали, ругали невѣдомаго обидчика, а угрюмый мужикъ продолжалъ всѣхъ увѣрять, что за этакія дѣла дёрка хорошая—самое лучшее средство...

Пятно красовалось у насъ еще съ недѣлю, и всѣ къ нему

такъ привыкли, что никто уже не обращалъ на него вниманія. Но кому-нибудь оно, вѣроятно, надоѣло, потому что въ одно прекрасное утро меня опять разбудила Өедосья, но уже не плачемъ, а оглушительнымъ стукомъ въ дверь.

— Дяденька! Вставайте, дяденька, скорѣе! — кричала она, изо всѣхъ силъ молотя кулаками по двери.

— Что̀ тамъ такое? Къ больному что-ли ѣхать?

— Не къ больному...—задыхаясь, отвѣчала Өедосья.—Дяденька, пятна-то вѣдь нѣту!

— Ну?

— Ей Богу, правда... Подите, поглядите...

Дѣйствительно, пятно исчезло, и даже то мѣсто, гдѣ оно красовалось, было чисто-на̀-чисто выскоблено косаремъ... Суда ли испугался нашъ доморощенный живописецъ, или въ самомъ дѣлѣ его „совѣсть зазрила",—это такъ и осталось для насъ тайной навсегда.

Өедосья опять расцвѣла, и съ новымъ усердіемъ принялась за свои книжки, которыя она, было, совсѣмъ забросила отъ огорченія и обиды. Теперь она порядочно читаетъ, пишетъ, попрежнему интересуется, гдѣ у человѣка душа, и когда, возвращаясь поздно отъ больныхъ, я вижу среди безмолвнаго ночного мрака одинокій огонекъ, мерцающій въ окнѣ лечебни, и вижу склоненную надъ этимъ огонькомъ голову Өедосьи, которая съ такими трудами и усиліями добываетъ знаніе, —я думаю: сколько такихъ огоньковъ разсѣяно на Руси, и эта мысль приводитъ меня въ такой паөосъ, что я, несмотря на усталость, голодъ и холодъ, начинаю вдругъ возглашать, къ великому удивленію моего ямщика:

„Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ, то и знай!"...

В. І. Дмитріева.

БАЙРОНЪ

въ

ШВЕЙЦАРІИ (1816) *)

Третья пѣснь „Гарольда".—„Шильонскій узникъ".—„Манфредъ".

Корабль выходилъ изъ гавани Дувра. Раскинувшійся по мѣловымъ скаламъ городъ, старый, временъ норманновъ, за̀мокъ надъ нимъ, лѣсъ мачтъ на рейдѣ, пестрота и оживленіе на пристани,—послѣднее видѣніе отечества,—постепенно блѣднѣли и уходили вдаль. Только на крайнемъ выступѣ мола виднѣлась одинокая человѣческая фигура, долго махавшая шляпой въ отвѣтъ на прощальные сигналы отъѣзжавшаго... Эта минута глубоко врѣзалась въ память вѣрнаго друга, который проводилъ Байрона до порога Англіи. Гобгоуза,—и когда ему пришлось, восемь лѣтъ спустя, выѣхать по Темзѣ на встрѣчу тѣлу поэта, прибывшему изъ Греціи, и отъ Standgate Creek провожать его до Лондона, ему съ необыкновенной яркостью представилась сцена разставанія: корабль огибаетъ дуврскій маякъ; Байронъ подошелъ къ самому борту, машетъ шляпой, дружески киваетъ головой [2]).

[1]) См. статьи того же автора: „Изъ жизни Байрона (1788—1812)", Вѣстн. Европы 1900, III, и „Байронъ въ Лондонѣ" (1812—1816)", V.

[2]) „Recollections of a long life (1786—1869) by the late lord Broughton de Gyfford". Книга эта, полная интереса и въ позднѣйшихъ своихъ отдѣлахъ, гдѣ лордъ Броутонъ (Гобгоузъ) говоритъ о своемъ участіи въ администраціи и неуклонной своей вѣрности либерализму, не была выпущена въ свѣтъ. Касающіяся Байрона мѣста извлечены были, съ особаго разрѣшенія семьи автора, въ статьѣ „Edinburgh Review", 1871, IV.

Море было неспокойно; во время долгаго въ тѣ дни переѣзда въ Остенде оно совсѣмъ взволновалось; не было бури, но вѣтеръ засвѣжѣлъ, валы вздымались и въ природѣ шла борьба. Она была подъ-стать къ душевной тревогѣ, раздраженію, негодованію, недовольству собой изгнанника. Подъ шумъ волнъ и вой вѣтра въ его сознаніи оживало все, чтò онъ мучительно пережилъ. Фарисейство и нетерпимость теперь ликуютъ. Они избавились отъ вольнодумца, безбожника, развратника. Не за семейный разладъ отомстили ему. Сотни неудачныхъ браковъ распадаются, не вызывая общественной опалы. Независимой и рѣзко очерченной личности мстятъ за самобытность и волю. Рабы политическихъ и нравственныхъ предразсудковъ сторонятся отъ него, какъ отъ зачумленнаго [1]). Но онъ не сдастся. Гнѣвъ и мстительность переполняютъ, душатъ его. Были минуты, когда онъ былъ близокъ къ самоубійству; онъ признался въ этомъ лишь впослѣдствіи, въ единственномъ письмѣ, гдѣ онъ коснулся этой темы (Letters, IV, 1900, 98), но мысль, что онъ доставилъ бы еще большее торжество врагамъ, останавливала его. Неразлучный спутникъ его натуры, неврозъ придавалъ фактамъ еще болѣе отталкивающія, зловѣщія очертанія, внушалъ подозрѣнія, мучилъ видѣніями и отгадками тайнъ, — и эта тревога, этотъ гнѣвъ врывались въ его творчество и отравляли его. Небольшая группа такъ называемыхъ „Poems of the separation“ (новѣйшее обозначеніе вмѣсто прежняго, придуманнаго, впрочемъ, издателями контрафакцій,—„Domestic pieces“ или „Lord Byron's Poems on his own circumstances“) захватываетъ и теперь той страстностью, которая породила ихъ; всѣ переходы душевнаго состоянія, вызванные семейнымъ разладомъ, здѣсь отразились. „Прощаніе“ съ женой („Fare thee well“), полное грусти, печальныхъ воспоминаній, укоровъ, нѣжныхъ обращеній къ ребенку, даже словъ ласки, чуть не любви къ виновницѣ несчастія, написано было въ тотъ періодъ несогласій, когда Байронъ еще не зналъ всей клеветы, напраслины и заговора, пытался найти для себя выходъ въ фаталистическомъ примиреніи съ совершившимся. Но истина разоблачена,—и безпощадно обличительный „Набросокъ“ (Sketch) заклеймилъ позоромъ ту, кого онъ считалъ глав-

---

[1]) Лэди Джерси попыталась, передъ его отъѣздомъ изъ Англіи, устроить у себя вечеръ. Когда Байронъ вошелъ, никто не хотѣлъ говорить съ нимъ; всѣ сторонились. Онъ поблѣднѣлъ; казалось, ему будетъ дурно. Только нашлась одна дѣвушка, miss Mercer (впослѣдствіи графиня Flahault), которая прошла черезъ всю гостиную и сѣла рядомъ съ нимъ. Эту сцену она разсказала гр. д'Оссонвилю (Rob. Emmet): „Dernières années de Byron. 1873, 37.

ной разлучницей,—воспитательницу жены,—уличалъ ее въ преступленіи (для насъ недоказанномъ), звалъ смерть скорѣе уничтожить „геніальную шпіонку и наперсницу“, и представлялъ себѣ, какъ даже могильные черви, гложа ея прахъ, будутъ гибнуть отъ переполняющаго его яда... Наконецъ, въ „Стансахъ къ Августѣ“ мѣра страданій и оскорбленій до того переполнилась, что поэту казалось, будто онъ совсѣмъ одинокъ, и только, „словно звѣзда среди мрака“, свѣтитъ ему любовь сестры... Все это было написано сгоряча, въ аффектѣ, не назначалось для публики, напечатано было въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и роздано близкимъ лицамъ, какъ оправданіе;—кто могъ думать, что одинъ изъ органовъ противоположной, торійской партіи (The Champion) добудетъ откуда-то летучіе листки автобіографическихъ стихотвореній, безъ спроса перепечатаетъ ихъ и станетъ виновникомъ всенародной ихъ гласности, поддержанной *двадцатью* отдѣльными пиратскими изданіями!

Тогда снова пошло судьбище, гамъ и гулъ. Лишь немногіе голоса находили даже въ язвительномъ „Наброскѣ“ необыкновенную талантливость, утверждая, что истинное призваніе Байрона—желчная сатира; большинство осуждало, чуть не проклинало. Очевидно, это не было только слѣдствіемъ пароксизма чопорной нравственности, по мѣткому наблюденію Маколея въ его извѣстномъ Essay, періодически повторяющагося въ жизни англійскаго общества и гибельнаго для тѣхъ, чьи проступки или отклоненія отъ нормы злосчастно совпадаютъ съ подобнымъ приступомъ соціальной болѣзни. Въ упорномъ, затяжномъ гоненіи, сначала изъ-за семейной драмы, потомъ изъ-за литературнаго ея отраженія, была особая, почти безпримѣрная преднамѣренность, словно я проступки были тяжкіе и неслыханные...

Съ этой поры Байронъ, вызванный къ всенародному, хоть и пристрастному суду, много разъ будетъ въ лирическихъ стихотвореніяхъ и въ эпизодахъ поэмъ говорить о своихъ личныхъ, брачныхъ, семейныхъ дѣлахъ,—что̀ должно порою казаться странною склонностью его читателямъ изъ позднѣйшей эпохи. Но, не говоря уже о томъ, что въ подобныя минуты сила его лиризма достигала иногда наибольшаго подъема,—яростная гласность обвиненія не заставляла ли и его выступать съ своей защитой передъ тѣмъ же трибуналомъ?..

Когда тяжелыя минуты прошлаго оживали въ памяти покидавшаго родину навсегда, мысль успокоивалась только на немногихъ дружественныхъ о̀бразахъ. Такіе люди, какъ Гобгоузъ, Вальтеръ-Скоттъ, Муръ, Роджерсъ, еще нѣсколько товарищей и при-

верженцевъ — его опора. Вмѣстѣ съ В.-Скоттомъ они глубоко скорбятъ о томъ, что „злосчастная семейная исторія даетъ глупости временное торжество надъ великимъ умомъ и выдающимся дарованіемъ“ [1]), и всегда заступятся за его доброе имя. Выше ихъ всѣхъ—неизмѣнно преданная и любящая своего „baby Byron“ сестра,—но когда они прощались въ Ньюстэдѣ, щемящее чувство говорило ему, что это—вѣчная разлука [2]). Изъ тумана выступали также очертанія милаго дѣтскаго личика, — но можетъ ли пятинедѣльная крошка помнить отца?..

А масса, *его* народъ, его страна, the million, какъ говорятъ англичане, — какъ разгадать писателю настроеніе измѣнчивой, какъ морская волна, человѣческой толпы? Когда, съ озлобленіемъ ренегата, продавшаго свой либерализмъ за придворныя почести и лавры оффиціальнаго поэта, Соути шелъ во главѣ похода противъ вольнодумца и развратника, не вторили ли ему довѣрчивые и сбитые съ пути читатели, недавніе поклонники Байрона? Даже годъ спустя, поэту казалось, что „народъ его ненавидитъ“ [3]), хотя выдающійся успѣхъ въ Англіи его новыхъ поэмъ, написанныхъ послѣ разрыва съ нею, могъ бы его разубѣдить. Въ какихъ же мрачныхъ чертахъ должно было представляться ему поголовное ополченіе всѣхъ противъ одного, когда впечатлѣнія разрыва были еще остры! Не кокетствомъ „загадочной натуры“, сознательно драпирующейся въ плащъ пирата, врага общества, или (какъ выражался когда-то Кирѣевскій) въ „душегрѣйку новѣйшаго унынія“, а горячимъ, искреннимъ и вполнѣ понятнымъ для наблюдателя протестомъ оскорбленной личности явился мятежный „титанизмъ“, который овладѣлъ имъ со времени изгнанія. Сдѣлалось общимъ мѣстомъ корить его за этотъ протестъ, обличать въ немъ сатанинскую гордость, самомнѣніе превозносящей себя личности. Пора бросить и это застарѣлое общее мѣсто въ груду ветхаго хлама клеветъ, сплетенъ и искаженій, отъ которыхъ должна быть избавлена правдивая біографія поэта; пора вжиться въ его душевное состояніе и внѣ-общественное по-

---

[1]) Письмо В.-Скоттта къ Роджерсу (Clayden, „Rogers and his contemporaries“, 1889, p. 215).

[2]) Въ напечатанномъ нынѣ впервые (Letters, III, 280—81) по списку Британск. Музея (Morrison Manuscripts) послѣднемъ (дѣловомъ) письмѣ Байрона къ женѣ онъ проситъ ее быть ласковой съ Августой. „Быть можетъ, для васъ большое преимущество въ томъ, что вы утратили мужа, — говоритъ онъ, — но какое горе для нея знать, что теперь море, впослѣдствіи и земля разлучатъ ее съ братомъ!“ Еще во время брачной жизни онъ сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу Августы и ея дѣтей, оговоривъ пожизненную ренту жены и содержаніе для будущихъ дѣтей отъ ихъ брака.

[3]) Letters, 1900, IV, p. 84.

ложеніе въ пору изгнанія, и признать, что протестъ, какія бы необычныя формы онъ ни принималъ, былъ его правомъ.

Сильнѣе прежняго влекло его теперь туда, гдѣ измученные и раздраженные людской злобой и измѣной, гнетомъ и несправедливостью искони искали и находили прибѣжище и исцѣленіе,—въ природу. „I have lately repeopled my mind with nature“ (я въ послѣднее время снова населилъ мой умъ природой),—такъ мѣтко и наглядно выразилъ онъ вскорѣ главный результатъ переходной поры, слѣдовавшей за разрывомъ съ Англіей. Уйти туда, гдѣ нѣтъ людей, „изъ очей въ очи“ смотрѣть на вѣчныя, величавыя или нѣжныя красоты природы, въ отвѣтномъ ея взорѣ найти жизнь, бодрость, призывъ къ дѣятельности, освобожденіе ума... Гарольдъ снова въ пути,—но не знойный югъ и не голубое море зовутъ его къ себѣ; байроновская поэзія природы должна обогатиться еще болѣе могучими мотивами горныхъ красотъ. Альпы, вѣчные снѣга, непроглядная даль кругозора съ высотъ, живительная свѣжесть воздуха, все, что̀ поднимаетъ духъ и уноситъ мысль къ великому, несокрушимому, вѣками укрѣпившаяся политическая свобода швейцарскихъ горцевъ, — вотъ среда, куда онъ направитъ свой путь. Между бѣшеной растратой силъ на родинѣ и благородной общечеловѣческой дѣятельностью поэта въ Италіи и Греціи, свѣтлою и необыкновенно полезною переходною полосой является *швейцарскій* періодъ его жизни.

Прологъ къ нему—рядъ мимолетныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ поѣздки по Бельгіи и вверхъ по Рейну,—непродолжителенъ. Мелькаютъ города (Гентъ, Антверпенъ, Мехельнъ), народныя сцены, красивыя лица, красивые ландшафты,—мимо, мимо ихъ! Скорѣе въ завѣтную глушь! Ему не нужно людей. „И въ своемъ отчаяніи онъ гордъ; онъ найдетъ въ себѣ жизненную силу и проживетъ одинъ. Гдѣ высятся горы, тамъ—его друзья; гдѣ волнуется океанъ, тамъ—его желанный пріютъ; пустыня, лѣсъ, ущелье, говорятъ его душѣ несравненно больше, чѣмъ языкъ родной страны; какъ халдей, онъ въ состояніи любоваться звѣздами, населяя ихъ созданіями своей фантазіи и забывая тогда о ничтожествѣ людскомъ“ („Чайльдъ-Гарольдъ“, III, 12—14). Что̀ могутъ ему сказать пошлость и суета Брюсселя, этой плохой парижской каррикатуры, свѣжія преданія Кобленца, пріюта политическаго старовѣрства, сбиравшагося оздоровить Европу отъ вредоносныхъ идей революціи, грозные крѣпостные валы Эренбрейтштейна, стерегущаго Рейнъ,—все ту же старую какъ міръ повѣсть о злѣ, нетерпимости, произволѣ, жестокости! Сильнѣе

всего—впечатлѣнія Ватерлоо. Какъ прежде, въ Мараѳонѣ, Байронъ, точно Гамлетъ по кладбищу, бродилъ по необъятнымъ полямъ недавняго сраженія, говорившимъ ему о ничтожествѣ славы и власти, о безуміи бойни народовъ, о величіи и паденіи владыки Европы, о злорадствѣ и мстительности его побѣдителей. Зрѣлище человѣческой трагикомедіи такъ сильно дѣйствовало, что, по возвращеніи въ Брюссель, онъ не могъ не набросать двухъ, трехъ строфъ, включенныхъ впослѣдствіи въ „Паломничество Гарольда“. Успокоили его только тихія картины Рейна. Увитые плющомъ обломки зàмковъ, казалось „шептали ему суровый прощальный привѣтъ“, а смѣющаяся природа, вся въ цвѣтахъ и виноградныхъ гроздьяхъ, золотистыя поля, рощи у берега, веселая толпа голубоглазыхъ деревенскихъ красавицъ, обступившихъ странника во время его прогулки къ Драхенфельсу, глубоко тронувшій его, неожиданный и наивный подарокъ одной изъ нихъ, букетъ лилій, и среди всего плавно катящій свои зеленыя воды старикъ Рейнъ,—мягко, цѣлительно дѣйствовали на душу. Пàмять о Рейнѣ, единственномъ уголкѣ Германіи, который когда-либо видѣлъ Байронъ, навсегда осталась въ ореолѣ трогательной прелести. Но для того, кто вскорѣ вмѣстѣ съ Манфредомъ могъ сказать: „My joy is in the wilderness“, остановка на полу-пути и отдыхъ на примиряющихъ впечатлѣніяхъ были немыслимы. Онъ будетъ только тогда счастливъ, когда „надъ собой увидитъ Альпы, эти дворцы природы, гдѣ царитъ Вѣчность“.

Быстро пронесся онъ съ сѣверо-западной окраины Швейцаріи на ея югъ, мимо альпійскихъ предгорій и голубыхъ озеръ, и выбралъ для продолжительной остановки Женеву, какъ pied à terre среди намѣченныхъ походовъ и поѣздокъ по горному краю, какъ центръ, откуда онъ направится и къ Монблану, и въ савойскія Альпы, въ долину Роны, въ бернскій Оберландъ.

На правомъ берегу озернаго залива, точно широкая, полноводная рѣка входящаго въ центръ города, на холмѣ надъ предмѣстьемъ Cologny, среди густо разросшихся садовъ, но и теперь еще съ широкимъ кругозоромъ, стоитъ та „villa Diodati“, въ которой послѣ недолгой остановки на противоположномъ берегу залива (въ Sécheron) поселился Байронъ. Городъ постепенно приближается къ ней; невдалекѣ раскинулся паркъ des Eaux Vives, гдѣ гремитъ музыка и гуляетъ праздничная толпа. Въ прежніе годы это была загородная дача съ деревенской обстановкой, и съ чудесной панорамой, открывавшейся во всѣ стороны,—и на хребетъ Юрскихъ горъ, и на синюю даль озера, и на Женеву съ ея колокольнями, башнями, сѣрыми массами

домовъ [1]). Когда-то здѣсь жилъ выходецъ изъ Италіи гуманистъ-богословъ Діодати и принималъ у себя Мильтона. Портреты предковъ владѣльца виллы украшали ея стѣны; живое напоминаніе о подвижничествѣ за идею не могло не подѣйствовать на поэта; образъ Мильтона, по слѣдамъ котораго онъ вскорѣ долженъ былъ пройти и въ „Манфредѣ“, и въ „Каинѣ“, недаромъ предсталъ передъ нимъ... Расположившись въ нижнемъ этажѣ, оставивъ верхній для гостей, и помѣстивъ съ собой свою свиту, въ рядахъ которой старался отодвинуть неразлучнаго съ Байрономъ Флетчера на второй планъ шустрый, честолюбивый и безконечно суетный молодой докторъ, итальянецъ Полидори, Байронъ приступаетъ къ своимъ походамъ. Но онъ не одинъ: въ тотъ же день, на разстояніи нѣсколькихъ часовъ, когда Байронъ подъѣзжалъ къ Женевѣ, туда же, но по другому пути, направлялся Шелли, и вступилъ въ личную жизнь поэта во всеоружіи генія, высокой нравственной чистоты и умственной силы.

Зналъ ли Байронъ, приближаясь къ Женевѣ и затѣмъ высадившись въ той же гостинницѣ, какъ и Шелли, о предстоящей встрѣчѣ, или же она была чисто случайною? На этотъ вопросъ можно теперь отвѣчать утвердительно,—и не потому, чтобъ доказано было сильное тяготѣніе обоихъ поэтовъ другъ къ другу, требовавшее ихъ сближенія, а благодаря сторонней, совершенно романической причинѣ. Байронъ до той поры не безъ интереса слѣдилъ за дѣятельностью Шелли, но ни въ одномъ изъ писемъ къ друзьямъ на литературныя темы, съ оцѣнками современныхъ писателей, мы не встрѣчаемъ, на-ряду съ крупными, въ глазахъ Байрона, дѣятелями поэзіи, имени автора „Аластора“ или „Царицы Мабъ“. Наоборотъ, Шелли высоко ставилъ дарованіе Байрона; борьба его съ обществомъ вызвала въ младшемъ поэтѣ уваженіе и сочувствіе. Задолго до встрѣчи съ нимъ, онъ послалъ ему „Queen Mab“, при письмѣ, въ которомъ объяснялъ ходъ своей жизни и образъ дѣйствій, опровергалъ сплетни и обвиненія, выставленныя противъ него, и, кончая, заявлялъ, что если Байронъ имъ не вѣритъ, онъ будетъ необык-

---

[1]) Кастеляръ, также посѣтившій campagne Діодати, съ лирическимъ волненіемъ описывалъ свои впечатлѣнія: „Скромный паломникъ свободы, я всегда стремлюсь увидать мѣста, прославленныя героизмомъ или мощью генія. Я увидалъ скрытое въ древесной листвѣ, точно таинственное убѣжище, то скромное жилище, гдѣ когда-то зародилось въ умѣ поэта множество образовъ, населившихъ потомъ лѣтописи человѣчества. Этотъ чудесный уголокъ, мирный какъ эклога и въ то же время величественный,—въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ поэта“. Emilio Castelar y Ripoll. Vida di L. Byron. 1873.

новенно счастливъ съ нимъ сойтись [1]). Но это желаніе все не исполнялось, и сблизились они, повидимому, по волѣ третьяго лица.

Идеи двухъ апостоловъ освобожденія женской личности и проповѣдниковъ переустройства соціальнаго быта на разумно свободныхъ началахъ, Вильяма Годвина и его подруги, Мэри Уолльстонкрафтъ, этихъ предтечъ эманципаціи женщинъ, опредѣлившія многое въ нравственныхъ взглядахъ и поэзіи Шелли, и въ личной жизни его второй жены (дочери Мэри), совершенно своеобразно отразились на убѣжденіяхъ ея сводной сестры (дочери Годвина отъ другого брака), Джэнъ Clairmont, которую въ семьѣ звали романическимъ именемъ Claire,—страстной поклонницы Байрона, смѣло завладѣвшей (какъ мы уже знаемъ) его чувствомъ во время разрыва съ отечествомъ. Своему увлеченію геніальнымъ поэтомъ, ласкѣ и состраданію къ человѣку, всѣми гонимому, она придала значеніе подвига, смотрѣла на себя какъ на піонера женской свободы, и на свою, съ бою взятую, связь—какъ на отважную попытку новыхъ отношеній между полами. Горячая, сумасбродная, съ очевидно надорванной нервной системой, она была въ жизни Байрона какъ бы двойникомъ Каролины Ламъ; ее нужно было постоянно образумливать, сдерживать. Со стороны Байрона любви не было. Въ отвѣтъ на подозрѣнія сестры относительно новыхъ сердечныхъ похожденій въ Швейцаріи, онъ выразился весьма опредѣленно: „У меня была всего одна связь, но не браните меня. Какъ мнѣ было поступить! Безумная дѣвочка, несмотря на все, чтò я говорилъ или дѣлалъ, захотѣла во чтò бы то ни стало слѣдовать за мной, или, лучше сказать, выѣхать мнѣ на встрѣчу, потому что я нашелъ ее здѣсь, и мнѣ стоило величайшихъ усилій убѣдить ее вернуться... Я не любилъ ея, но я не могъ разыгрывать роль стоика съ женщиной, которая промчалась восемьсотъ миль, чтобы разсѣять всю мою философію“ (to unphilosophize me [2]). Ни Шелли, ни его жена не знали, какъ далеко зашли отношенія Claire къ Байрону. Подъ конецъ они, несмотря на всю свою терпимость, стали смотрѣть на нее какъ на существо больное, невмѣняемое, капризное [3]). Глаза ихъ открылись лишь тогда, когда скрывать результаты связи долѣе нельзя было. Быстрый отъѣздъ семьи

[1]) Edward Dowden, „The life of P. B. Shelley“, p. 11.

[2]) Letters, III, p. 348.

[3]) Напечатанная не для публики коллекція писемъ Шелли къ ней (Letters from P. B. Shelley to Jane Clairmont, 1889) показываетъ, что и снисходительный, полный терпимости поэтъ именно такъ смотрѣлъ на нее.

Шелли изъ Женевы въ Англію вызванъ былъ желаніемъ схоронить концы. Окруженная величайшей тайной, въ Батѣ, Claire родила вторую дочь Байрона, Аллегру [1]).

Такова была случайная виновница встрѣчи и сближенія поэтовъ, таковъ несложный романъ, навязанный Байрону извнѣ и усвоенный имъ среди горя и тоски [2]), какъ неожиданная ласка среди всеобщаго ожесточенія,—романъ, не оставившій ни одного поэтическаго слѣда (Helene Richter, „P. B. Shelley". 1899, 224, считаетъ, однако, что строфа 52-ая, III-ей пѣсни „Гарольда", относится не къ сестрѣ поэта, какъ обыкновенно думаютъ, а къ Claire)... Но его развязка казалась далекою въ свѣтлые часы первыхъ впечатлѣній швейцарской природы и жизни, когда необыкновенно быстро сблизились два величайшихъ стихотворца Англіи.

Вскорѣ они были неразлучны. Семья Шелли, сначала остававшаяся на лѣвомъ берегу озера, перебралась въ сосѣдство Байрона и поселилась въ campagne Montallègre. Начались экскурсіи въ горы или по озеру, постоянныя посѣщенія другъ друга, совмѣстныя чтенія, долгія бесѣды, споры. То Байронъ провожаетъ своихъ гостей на лодкѣ и поетъ имъ надъ озеромъ дышащую любовью къ свободѣ „Тирольскую пѣсню" Томаса Мура, политическій гимнъ патріота-ирландца; то сидятъ всѣ они вечеромъ вокругъ камина въ Montallègre и, рѣшивъ импровизировать поочередно страшные и фантастическіе разсказы, даютъ волю воображенію. Жена Шелли придумываетъ канву для позднѣйшей своей повѣсти „Frankenstein"; Байронъ набрасываетъ контуры сюжета для „Вампира", безцеремонно присвоеннаго потомъ свидѣтелемъ этого состязанія, Полидори, обработаннаго имъ и впослѣдствіи еще безцеремоннѣе выпущеннаго въ свѣтъ съ именемъ Байрона [3]). Судьба никогда еще не ставила на пути поэта та-

---

[1]) Составительница цѣнныхъ для біографіи Шелли „Shelley memorials from authentic sources", third edition, 1875, категорически утверждала, что „мать Аллегры не находилась ни въ какой родственной связи ни съ Шелли, ни съ его женой. Теперь найдена и напечатана (Letters, IV, 1900, p. 123) метрическая запись изъ книгъ церкви St. Giles in the fields въ Батѣ. Отцомъ Клары Аллегры названъ Байронъ, пэръ Англіи, „безъ опредѣленнаго мѣста жительства путешественникъ по континенту", матерью — Клара Мэри Джэнъ Клермонтъ.

[2]) Фантазіи Джэфрсона на эту тему остроумно и вѣско опровергнуты были Фрудомъ, „Ninet. Cent.", 1883, august, „A leaf from the real life of Byron".

[3]) Въ письмѣ къ извѣстному въ свое время издателю парижской газеты „Galignani's Messenger", тотчасъ по выходѣ „Вампира", Байронъ категорически заявилъ, что онъ этого произведенія не писалъ и не знаетъ (Letters, IV, 286—7). См. также Academy, 1895, № 1190—92, „L. Byron and the Vampire". Единственный небольшой прозаическій набросокъ первоначальной байроновской импровизаціи,

кой поразительно своеобразной, совсѣмъ не сходной съ нимъ и въ то же время привлекательной личности, какъ Шелли; ни одинъ изъ друзей его молодости, никто изъ литературныхъ его сверстниковъ, какъ бы талантливы они ни были, не производилъ на него такого обаянія, какъ этотъ хрупкій, женственный, мечтательно восторженный юноша съ длинными кудрями и вдохновеннымъ взоромъ. Это были двѣ крайнія противоположности, но оттого и влекло ихъ другъ къ другу. Обмѣнъ мыслей раскрывалъ ихъ несогласіе; образъ дѣйствій и нравственные взгляды Байрона вызывали у его друга, особенно впослѣдствіи, въ Италіи, открытое осужденіе. Временно разлучаясь, вдали одинъ отъ другого, они становились строже во взаимной оцѣнкѣ,—но стоило имъ снова свидѣться, и прежнее очарованіе возвращалось. Въ Равеннѣ, 1821, они встрѣтились вечеромъ и проговорили всю ночь напролетъ до утра [1]). Они такъ дополняли другъ друга, что послѣ смерти Шелли жена его находила, что Байронъ всего болѣе напоминаетъ ей мужа, правда, совершенно особымъ образомъ,—„я всегда видѣла ихъ вмѣстѣ,—говоритъ она,—и когда я слышу голосъ лорда Байрона, я ожидаю, что послышится, какъ неизбѣжный отзвукъ, голосъ Шелли“ [2]).

Этотъ поэтическій союзъ былъ гораздо поразительнѣе прославленнаго двоецарствія Гёте и Шиллера, основаннаго на сгладившихся и уравновѣшенныхъ различіяхъ. Здѣсь все было въ противорѣчіи. Никогда еще идеализмъ не сходился въ такомъ контрастѣ съ рѣзко реальнымъ пессимизмомъ. Въ автобіографической поэмѣ: „Julian and Maddalo“, въ которой Шелли, два года спустя послѣ первой встрѣчи съ Байрономъ, глубоко вѣрными чертами изобразилъ противоположность байроновской личности и своего характера, мы находимъ отраженіе ихъ бесѣдъ и споровъ въ Венеціи, служившихъ, конечно, продолженіемъ и развитіемъ женевскихъ страстныхъ состязаній,—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, характеристику коренныхъ разногласій во взглядахъ. Младшій поэтъ, негодуя на силу зла и защищая свободу жизни и мысли, вѣрилъ въ возможность торжества правды, водворенія счастья для человѣчества, подъема благороднѣйшихъ, гуман-

---

напечатанный въ приложеніи къ III тому писемъ, изображаетъ вымышленную встрѣчу автора съ таинственнымъ незнакомцемъ Августомъ Дэрвелдемъ, который умираетъ на его рукахъ на турецкомъ кладбищѣ близъ Эфеса, и своими послѣдними словами, передачей перстня-талисмана, странными предчувствіями и очевидною близостью съ темными силами волнуетъ своего спутника.

[1]) Shelley's letters, publ. by R. Garnett, 160.

[2]) Shelley memorials, p. 21.

ныхъ идей, тогда какъ презрительная улыбка играла на лицѣ его собесѣдника, едва начинались обобщенія, дѣлались выводы и намѣчались цѣли міровой исторіи, политики, философіи. Одному казалось, что если мы допускаемъ господство зла, то вина этого — въ насъ самихъ, въ слабости нашей воли, въ подчиненности нашего ума; другой видѣлъ въ этомъ роковое, ненавистное предопредѣлѣніе, борьба съ которымъ безнадежна. Но, какъ ни склоненъ былъ поэтъ-изгнанникъ къ безрадостному, непримиримому взгляду на современность и на будущее, какъ ни усилились, вслѣдствіе недавнихъ испытаній, его раздраженіе и скептицизмъ, неизмѣнно скрывавшаяся за его иронiей и тоской приверженность къ основамъ человѣческаго блага, просвѣщенія, свободы, склоняла его все внимательнѣе и сочувственнѣе прислушиваться къ горячимъ рѣчамъ. Тотъ, кто впослѣдствіи, въ IV главѣ „Чайльдъ-Гарольда“ (строфа 127), назвалъ „право мыслить послѣднимъ, единственнымъ нашимъ убѣжищемъ“ (our right of thought, our last and only place of refuge), не могъ не подчиниться вліянію поэта-мыслителя, превышавшаго его философскимъ образованіемъ. Самъ онъ, при обширной начитанности въ исторіи, этнографіи, словесности, при непосредственномъ знакомствѣ съ политической теоріей и практикой, при изобиліи опыта и тяжко выстраданныхъ наблюденій надъ жизнью и людьми, оставался на уровнѣ дилеттантическихъ догадокъ и чаяній въ области философіи. Культъ природы, одна изъ основъ его міросозерцанія, предрасполагалъ его, напримѣръ, къ пантеизму Спинозы, и еще въ 1811 году въ его рукахъ были труды философа, но въ то время, какъ онъ ощупью намѣчалъ себѣ путь, широко и величественно развилось стройное воззрѣніе Шелли, опиравшееся на философскую мысль древности и новыхъ вѣковъ, на прекрасное знаніе классическаго прошлаго, на независимый отъ церковной и государственной доктрины гуманно-демократическій идеалъ. Тамъ, гдѣ свободно носилось его воображеніе, противорѣчія и нестройности жизни разрѣшались и исчезали среди необъятнаго простора и свободы будущаго, возрожденнаго человѣчества. Доказавъ, своимъ заступничествомъ за гонимыхъ ирландцевъ, впослѣдствіи вмѣшательствомъ въ борьбу молодой Италіи съ реакціею, сочувствіе активному протесту, онъ въ то же время способенъ былъ воплотить его идею въ „Освобожденномъ Прометеѣ“, и отъ низменныхъ житейскихъ дѣлъ и образовъ подниматься въ тѣ сферы, гдѣ божественныя силы, элементы природы, свѣтлые и мрачные духи, жизнь и крушеніе цѣлыхъ міровъ,

вѣковѣчные вопросы и сомнѣнія, удручающія человѣка, населяли его поэзію.

Передъ силой такой вдохновенной поэтико-философской самобытности долженъ былъ смягчиться байроновскій скептицизмъ и гнѣвъ; горькая усмѣшка исчезала при видѣ такой пламенной надежды; мысль и воображеніе понеслись также на вселенскій просторъ, углубились, стали могущественнѣе. „Я слишкомъ долго мыслилъ мрачно,—скажетъ вскорѣ Чайльдъ-Гарольдъ (пѣснь III, 8),—до того, что мозгъ мой, кипя и мучаясь, сталъ ураганомъ фантазіи и огня; отнынѣ мои мысли должны хоть нѣсколько утратить дико-необузданный характеръ". Даже въ страстномъ обращеніи къ природѣ Байронъ нуждался въ руководствѣ того, кто и тогда уже былъ однимъ изъ величайшихъ мастеровъ въ ея изображеніи [1]). Бывало, еще въ „Англійскихъ Бардахъ", Байронъ потѣшался надъ незатѣйливой простотой поэзіи Вордсворта, переходящей къ прозаическимъ описаніямъ мѣстности, ландшафта, быта; теперь Шелли научилъ его цѣнить у Вордсворта рѣдкія дарованія пейзажиста и реалиста-разсказчика [2]). Отъ прикосновенія Шелли, словомъ, вскорѣ зазвучали многія струны. Въ „Прометеѣ", „Манфредѣ", „Шильонѣ", новыхъ главахъ „Гарольда", „Каинѣ" это живо чувствуется.

Въ идейномъ вліяніи, въ подъемѣ философской мысли, въ расширеніи литературнаго образованія Байрона, который въ ту пору, напр., еще совершенно игнорировалъ Гёте,—наконецъ, въ обаяніи самой личности молодого поэта заключается сущность воздѣйствія его на Байрона. Тщательное подыскиваніе мелкихъ, частныхъ заимствованій и шелліевскихъ отголосковъ въ байроновской поэзіи, какое иногда попадается въ литературѣ о Байронѣ [3]), даетъ микроскопическіе результаты. Повторялись и усвоивались не слова или сюжеты, а великія мысли.

Объ руку съ такимъ спутникомъ Байронъ вступилъ въ новыя области знанія и размышленія; съ нимъ онъ многое прочелъ и обсудилъ. Если позже, въ Италіи, когда его другъ готовился издать въ своемъ переводѣ одинъ изъ трактатовъ Спинозы, Байронъ могъ вызваться написать вступительный біографическій этюдъ о философѣ, эта необычная у него прежде компетентность стала возможною только послѣ женевской встрѣчи.

---

[1]) Ср. диссертацію Pelham'а: „A study of Shelley with special reference to his Nature Poetry". Toronto, 1900. Также — Henry Sweet, „Shelley's Nature-Poetry", Lond., 1888 (изд. не для публики).

[2]) Alois Brandl. „Byron and Wordsworth", Cosmopolis, 1896, VI.

[3]) Heinrich Gillardon. „Shelley's Einwirkung auf Byron", Karlsruhe, 1898.

Шелли возбудилъ въ другѣ интересъ къ поэзіи Гёте,—въ числѣ англійскихъ туристовъ они нашли хорошаго знатока нѣмецкой литературы, Льюза, прозваннаго Монахомъ (Monq Lewis) [1], посредственнаго писателя, скучнаго собесѣдника, но усерднаго и услужливаго малаго, который прочелъ имъ почти всего „Фауста", подстрочно переводя его,—и Байронъ испыталъ новое, сильное впечатлѣніе. Женевское побережье полно было отголосковъ эпохи Вольтера и Руссо,—повидимому, только тутъ прочли оба друга „Новую Элоизу" [2], и превосходныя строфы III-й главы „Гарольда" остались отголоскомъ увлеченія романомъ. Посѣщеніе Фернэ, гдѣ когда-то царилъ Вольтеръ, навело на мысли о возможности такъ же бороться съ тьмой и неправдой не съ высоты презрѣнія къ людямъ, а стоя въ ихъ средѣ, заступаясь за угнетенныхъ и руководя освободительнымъ движеніемъ,—а посѣщеніе друзьями новаго салона, который невдалекѣ отъ Фернэ, казалось, возрождалъ вольтеровскія традиціи, зàмка г-жи Сталь въ городкѣ Коппэ, гдѣ, послѣ долгихъ скитаній, доживала послѣдніе мѣсяцы та умная женщина, которую Байронъ съ ласковой шуткой отнынѣ величалъ „коппэйской Мадонной" (Our Lady of Coppet) [3], освѣжало общеніе съ интереснымъ международнымъ кружкомъ. Изъ верхнихъ оконъ виллы Діодати виденъ былъ вдали Коппэ; поѣздки туда совершались необыкновенно легко. Вступая въ гостиную „Коринны", Байронъ встрѣчался съ нѣмецкими романтиками и учеными (А. В. Шлегелемъ, І. Мюллеромъ), съ французскими поэтами и публицистами. Въ хозяйкѣ салона онъ привыкъ цѣнить, несмотря на ея причуды и слабости, искренняго своего приверженца. Онъ зналъ, что она выдержала немало битвъ, защищая Байрона отъ нападокъ его соотечественниковъ, приходившихъ къ ней на поклонъ; не разъ слышалъ отъ нея совѣты примиренія и предложеніе быть посредницей между нимъ и женой; слышалъ тонкія замѣчанія о своихъ произведеніяхъ, и свободное осужденіе своихъ поступковъ [4]. На-ряду съ личнымъ вліяніемъ Шелли и развивающимъ дѣйствіемъ его живительныхъ философско-эстетическихъ бесѣдъ, эти посѣщенія вы-

---

[1]) Matthew Gregory Lewis, авторъ „Tales of Wonder", „The Monk" (откуда его прозвище).

[2]) Charles Elton. „An account of Shelley's visits to France, Switzerland and Savoy", 1894, p. 51.

[3]) Письмо къ Роджерсу, 1817, 4 апр.

[4]) Еще въ Англіи она писала ему, напр.: „Sachez moi gré de pardonner à votre génie tout ce qui a dû me déplaire en vous. Je voudrais causer avec vous; quand m'en trouverez vous digne?" (Брит. музей, Additional Mss., 31, 837).

держивали его въ той чистой атмосферѣ, которая такъ необходима была для его возрожденія.

Но его звала къ себѣ природа, и, отрываясь отъ книгъ и размышленій, онъ шелъ къ ней, покидая, иногда надолго, Женеву, часто вмѣстѣ съ Шелли, или же въ обществѣ Гобгоуза, страстнаго туриста, который снова появился, чтобы раздѣлить съ другомъ впечатлѣнія путешествій, напоминавшихъ имъ былые походы по албанскимъ и греческимъ горамъ. Дневникъ главнаго изъ этихъ странствій, веденный Байрономъ для сестры, краткій и стилистически необдѣланный, но нѣсколькими штрихами умѣющій обрисовать пережитое и видѣнное, пять-шесть писемъ, въ которыхъ (иногда уже по отъѣздѣ изъ Швейцаріи) Байронъ сообщалъ друзьямъ кое-что о своихъ экскурсіяхъ, рядъ писемъ Шелли и описаніе „Шестинедѣльной поѣздки по Швейцаріи“, составленное женою Шелли по личнымъ наблюденіямъ и разсказамъ мужа, остались фактической записью блужданій поэта. Скупость его собственныхъ сообщеній можетъ показаться странною, но она говоритъ не о слабости, а о необыкновенной силѣ впечатлѣній, которая до того захватывала и потрясала, что не давала отвлекаться для медлительной прозы описаній. Только поэтическія краски могли передать безконечную и безпрерывную смѣну ощущеній и настроеній, совершенно устранявшихъ душевное равновѣсіе, замѣняя его экстазомъ, опьяняющимъ восторгомъ. Объясняя страстный тонъ третьей пѣсни „Гарольда“, онъ впослѣдствіи самъ называлъ свое психическое состояніе въ ту пору „безуміемъ“.

Частыя поѣздки по озеру во всѣ направленія, круговой объѣздъ всего Лемана въ лодкѣ вмѣстѣ съ Шелли, походъ къ Монблану черезъ Шамони, перевалъ изъ французской Швейцаріи въ Оберландъ, къ Юнгфрау и ея снѣговой цѣпи, подъ конецъ, на пути въ Италію, картины Ронской долины и переходъ черезъ Симплонъ — какое богатство и разнообразіе впечатлѣній, отъ нѣжно-идиллическихъ до могущественныхъ, величавыхъ, почти превышающихъ способность человѣка воспринимать ихъ! Внизу, у голубыхъ водъ озера, необыкновенно растрогавшіе Байрона отголоски „Новой Элоизы“ и мечты его въ „Bosquet de Julie“, близъ Clarens'а, оживлявшія фабулу романа, словно онъ выстраданъ былъ дѣйствующими лицами на дѣлѣ, а не создался въ пламенномъ мозгу Руссо,—и грозная картина того же озера во время сильной бури, когда вставали, словно на морѣ, стѣнами валы, клокотала бѣлая пѣна, гремѣлъ громъ, гулко разносимый горнымъ эхо, когда близъ извѣстныхъ частыми круше-

ніями утесовъ Meillerie лодка Байрона, съ сломаннымъ рулемъ и оборваннымъ парусомъ, едва не пошла ко дну, и оба пловца безстрашно ожидали неминуемой смерти [1]),—или спускъ въ подземелье Шильонскаго зàмка, въ темницы, гдѣ, послѣ торжественной красоты и простора природы, злоба и нетерпимость людей проявлялись еще возмутительнѣе. Покинетъ ли онъ озеро и долины для горъ,—поэтическое чувство, фантазія, мысль еще сильнѣе поражены. Люди встрѣчаются все рѣже; бѣдные альпійскіе поселки кажутся мирными пріютами безхитростныхъ дѣтей природы; наконецъ, единственнымъ представителемъ человѣческаго рода явится развѣ суровый Aelpler, ушедшій со своими стадами на все лѣто въ заоблачныя высоты, или охотникъ за сернами. Звонъ колокольцовъ въ стадахъ, пастушья свирѣль, звукъ внезапно раздавшейся народной мелодіи (Ranz de vaches) мягко дѣйствуютъ на душу. Исчезаютъ послѣдніе признаки людского существованія. Гдѣ-то, безконечно далеко внизу, осталась грѣшная земля съ ея зломъ и неволей. Торжественно высятся надъ нею исполины въ снѣговыхъ коронахъ, рокочутъ и сверкаютъ водопады, съ веселымъ гуломъ низвергаются въ бездну лавины. Налетитъ ли гроза. огненныя змѣи молній, ревъ вихря, борьба косматыхъ облачныхъ чудовищъ, могучіе раскаты грома—новая красота. Передъ лицомъ царственной природы, чья жизнь—тысячелѣтія, чья красота и сила—вѣчность, стоялъ человѣкъ высокихъ дарованій, съ смѣлыми стремленіями и дивными грёзами, но измученный, несчастный, раздраженный, съ печальнымъ осадкомъ страстей, ошибокъ, проступковъ.

Съ убитой душой, по лѣсамъ, по горамъ
Скитаясь, какъ странникъ безродный,
Онъ смотритъ, онъ внемлетъ, какъ бури свистятъ,
Какъ молніи вьются, утесы трещатъ,
Какъ громы въ горахъ умираютъ.
О, вихри, о, громы, скажите вы мнѣ—
Въ какой же высокой, безвѣстной странѣ
Душевныя бури стихаютъ? [2])

Совсѣмъ забыть недавно пережитое, съ довѣріемъ взглянуть на будущее, какъ будто и оно не отравлено для него,—онъ не

---

[1]) Много времени спустя, Байронъ все еще вспоминалъ и (очевидно, ясно видя сцену передъ собой) описывалъ поразительную неустрашимость Шелли (Letters, IV, 296.

[2]) Изъ стихотворенія поэта-слѣпца Козлова: „На смерть Байрона". Объ этомъ стихотвореніи недавно напомнило письмо Александра Тургенева Вяземскому, „Остафьевскій Архивъ", томъ III, Спб., 1899, стр. 68.

могъ и въ этой величавой обстановкѣ. Глубокою грустью звучатъ послѣднія слова его путевого дневника, заключающія въ себѣ уже прямое обращеніе къ сестрѣ. „Я люблю природу и поклоняюсь красотѣ. Я могу переносить усталость и лишенія; я созерцалъ рядъ удивительнѣйшихъ видовъ, какіе только существуютъ. Но, при всемъ этомъ, горькія воспоминанія, въ особенности о недавнихъ и ожидающихъ меня впереди семейныхъ невзгодахъ, которыя будутъ теперь неразлучны со мной во всю жизнь, овладѣвали мной и здѣсь; ни мелодія пастуха, ни грохотъ лавины, ни водопадъ, гора, ледникъ, лѣсъ или облако не могли облегчить бремя, нависшее надъ моимъ сердцемъ, ни помочь мнѣ утратить сознаніе моей несчастной личности среди величія, мощи и славы вокругъ меня и надо мной" [1]).

Такъ Манфредъ будетъ тщетно молить духовъ природы о великомъ дарѣ,—*способности забвенія*.

Но пребываніе „среди великихъ", но живительное дѣйствіе на душу красотъ, простора и свободы заоблачнаго царства, гдѣ смолкаютъ ничтожные и презрѣнные земные счеты, и мысль устремляется къ высшимъ цѣлямъ,—несмотря на силу и живучесть огорченій, оставило глубокій слѣдъ на характерѣ, настроеніи и дальнѣйшей судьбѣ Байрона.

То, что̀ испыталъ онъ, когда впервые вступилъ въ поясъ снѣговъ Юнгфрау, никогда болѣе не повторилось у него съ такою же силой. Впечатлѣнія Симплона, даже Монблана, казались ему впослѣдствіи лишь блѣднымъ повтореніемъ видѣннаго. Походъ въ бернскія Альпы, неизгладимый ни въ его воспоминаніяхъ, ни въ его поэзіи, долженъ, поэтому, занять первое мѣсто въ его швейцарскомъ паломничествѣ.

Едва покинулъ онъ, раннимъ утромъ, Кларанъ (на мѣстѣ дома, гдѣ онъ жилъ, недавно сооружена доска съ надписью: „En ce lieu-ci a séjourné Lord Byron en 1816") и берега озера, всегда вызывавшаго въ немъ сильныя поэтическія симпатіи, сталъ подниматься къ скалистому, одинокому рогу Dent de Jaman, обогнулъ его, разстался съ чудной панорамой, которая съ высотъ раскидывается отъ Монблана, Dents du Midi и Чертенятъ (Diablerets) до дальнихъ бернскихъ Альпъ, и вступилъ на горную тропу, которая вела къ первой фрибурской деревнѣ Montbovon, онъ уже въ восхищеніи: „Эта дорога—настоящее сновидѣніе, мечта", записываетъ онъ въ дневникѣ. Грёза на яву съ каждымъ шагомъ становилась все роскошнѣе.

---

[1]) Works, Letters, III, 364.

По изборожденной горными перекатами, перерѣзанной долинами и потоками дорогѣ на Chateau d'Oex и Gessenay (Saanen), Байронъ перешелъ изъ французскаго альпійскаго міра въ нѣмецкій край; другая рѣчь, другой типъ, иной складъ жизни. Онъ спускается въ Зимментальскую долину, вдоль шумно несущейся черезъ каменныя глыбы рѣки Зиммы, окаймленной сначала темною хвоею лѣсовъ, потомъ яркой зеленью луговъ,—въ классическій край пастуховъ и стадъ, зажиточный, первобытный и уютный. Смѣна ландшафта ему пріятна, идиллическія краски успокоиваютъ. Но Тунское озеро преграждаетъ ему путь. Обступившія его скалы становятся все выше, зубцы ихъ причудливо вырѣзываются въ синевѣ неба; надъ ними показались, сверкая, горя на солнцѣ, первые отроги снѣжной цѣпи. Изъ Туна плыветъ онъ нѣсколько часовъ по озеру въ баркѣ, управляемой рыбачками,—и ему странно, что „въ первый разъ въ его жизни женщины умѣютъ выбрать настоящее, прямое направленіе". Въ Интерлакенѣ онъ не останавливается и спѣшитъ вступить въ заповѣдное царство. Гдѣ на лошади или на мулѣ, гдѣ пѣшій, онъ огибаетъ извивы вырвавшейся изъ ледника Lutschin'ы и вступаетъ въ Лаутербрунненскую долину. Путь его стерегутъ угрюмые, отвѣсные утесы или зеленые склоны исполинскихъ горъ; солнечные лучи играютъ въ струяхъ водопадовъ, то преломляясь радугой, то слагаясь въ неуловимыя очертанія воздушнаго женскаго образа, — то почему-то напоминая апокалиптическаго бѣлаго коня съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ. Наконецъ, въ Лаутербрунненѣ, отовсюду надъ нимъ надвинулись снѣжныя вершины. Онъ поднимается все выше, къ Wengern Alp, на Малый Шейдеггъ. Въ былые дни, на Средиземномъ морѣ, онъ цѣлыми часами не отрывалъ взора отъ красоты океана; теперь онъ не можетъ наглядѣться на торжественное величіе царственныхъ горъ. Передъ нимъ, въ уборѣ сверкающихъ ледяныхъ кристалловъ и дѣвственно-бѣлыхъ снѣжныхъ полей, высится Юнгфрау; два другихъ гиганта словно сторожатъ ее; высоко горитъ солнце; черезъ каждыя пять-шесть мгновеній падаетъ лавина, наполняя гуломъ окрестность... Малѣйшая подробность картины врѣзалась въ художественную память поэта; вся эта „alpine scenery" стала вскорѣ фономъ „Манфреда"; наскоро набросанныя въ дневникѣ черты, сравненія, ощущенія—прототипъ лучшихъ описательныхъ мѣстъ поэмы.

Еще нѣсколько сильныхъ или чарующихъ альпійскихъ впечатлѣній,—спускъ въ долину къ Гриндельвальду, походъ къ ледникамъ, перевалъ къ Мейрингену, въ Hasli-Thal; на прощанье—

блескъ и шумъ окруженныхъ облаками водяной пыли рейхенбахскихъ водопадовъ, падающихъ съ уступа на уступъ въ низину, гдѣ ихъ воды становятся бѣшеной рѣкой, потомъ мирное плаваніе по романтическому Бріэнцскому озеру, снова въ баркѣ рыбачекъ, которыя по пути пѣли стройнымъ хоромъ народныя пѣсни; наконецъ, возвратъ въ Женеву черезъ Бернъ и Фрибуръ,—и путешествіе въ Оберландъ было закончено. Недолго длилось оно, но въ жизни Байрона оно отмѣтило несомнѣнный переломъ.

Не примиреніе, не раскаяніе и не успокоеніе вынесъ онъ изъ одинокихъ размышленій среди величественной, едва доступной людямъ природы. Еще рѣзче прежняго обозначились грани его *личности*, выдвинутой судьбою изъ человѣческой массы, какъ альпійскія вершины изъ земной поверхности. Независимость и непокорность Манфреда, даже въ минуту разставанія съ жизнью, даже подъ гнетомъ несчастій и невозможности забвенія — подлинныя байроновскія черты. Прежняя терминологія называла такое состояніе духа титанизмомъ, новая готова приложить къ Байрону ходячій и претенціозный эпитетъ сверхъ-человѣка [1]). Но душевное настроеніе его въ изучаемую пору не было ни богатырствомъ, ни гордымъ самодовольствомъ избранной натуры. То, что̀ еще недавно мучило и волновало его, выступило теперь во всемъ своемъ ничтожествѣ. Пусть личная его жизнь разбита,—иныя, высшія и благородныя цѣли влекутъ его отнынѣ къ себѣ. Онъ старался служить имъ и прежде, въ лучшія минуты своего творчества, но превратности жизни, темпераментъ и страсти сводили его постоянно съ пути. Чистая атмосфера знанія и мысли, идеалистическій пылъ Шелли, великая альпійская природа освѣжили и оздоровили его. Съ меланхоліей онъ не въ силахъ совсѣмъ разстаться и теперь,—но не была ли она искони удѣломъ выдающихся, геніальныхъ людей? Даже въ тѣ минуты, когда на него, уже прозрѣвшаго, снова наляжетъ тоска и будетъ грызть его, онъ всегда останется цѣлою головой выше жалкихъ, безпомощныхъ скорбниковъ—особенно нашего времени—да и не онъ одинъ. Какъ выразился недавно изслѣдователь современной печали [2]), „еслибъ великіе романтики-невропаты (les illustres névrosés du romantisme), Байронъ, Мюссе, Гейне, вернулись снова на землю, нашъ душевный упадокъ,

[1]) Попытка критически разсмотрѣть правильность приложенія этого термина къ Байрону сдѣлана Карломъ Bleibtreu, „Byron der Uebermensch", Jena, s. a.

[2]) Fierens-Gevaert. „La tristesse contemporaine", 1899, p. 21.

обиліе сумасшествій, неврастеніи, самоубійствъ, возбудили бы въ нихъ жалость, презрѣніе"... Если прежде, въ приливѣ отчаянія, мысль о самоубійствѣ проносилась и въ его мозгу (онъ надѣлилъ ею своего Манфреда),—конечно, только бравадою можно счесть его увѣреніе, будто его удерживало желаніе не доставить торжества врагамъ. Теперь же, послѣ раздумья въ святилищѣ природы, эта мысль стала для него невозможною, преступною. Онъ будетъ жить и бороться.

Не разстанется Байронъ и съ великимъ даромъ недовольства и строгой требовательности. Какъ бы ни казалось ему низменнымъ и позорнымъ людское стадо, какъ бы часто ни вырывались у него и впослѣдствіи суровые отзывы и заявленія, проникнутыя пессимизмомъ, какъ ни печально отраженіе человѣческой жизни въ его поэтическомъ зеркалѣ, и какъ ни напоминаютъ подчасъ вырывающіяся у него признанія душевный складъ аристократически-изысканной натуры,—онъ не перестанетъ передъ лицомъ столь низко павшаго человѣчества возглашать завѣты правды, свѣта, свободы. Это—старая, неразлучная съ нимъ борьба *двухъ* личностей [1]), но вторая, благороднѣйшая, начинаетъ видимо торжествовать. Истинный „сверхъ-человѣкъ" долженъ былъ бы потребовать воли лишь для себя, презрительно оторваться отъ массы, замкнуться въ эгоизмѣ,—въ жизни Байрона и въ его поэзіи выдающимся началомъ,—что бы ни говорили противъ этого по заведенному порядку,—будетъ альтруизмъ, а первая поэма, написанная имъ въ Швейцаріи, прославитъ мученичество за свободу. Въ Оберландѣ держится преданіе, будто, замышляя „Манфреда", Байронъ въ мечтахъ своихъ представлялъ себѣ его зàмокъ на мѣстѣ уцѣлѣвшей и до нашего времени въ послѣднихъ обломкахъ (часть стѣны и круглая башня) развалины Unspunnen, на лѣсистомъ холмѣ вблизи Интерлакена и горы Ругенъ. Онъ приходилъ сюда, любовался видомъ на Юнгфрау, на голубую даль Бріэнцскаго озера, переносился мыслью въ настроеніе негодующаго отшельника, который затворился бы отъ міра въ этомъ дивномъ одиночествѣ, мучимый призраками прошлаго,—но *Манфредъ-Байронъ* вышелъ изъ своего зàмка, чтобы спуститься къ людямъ и пострадать за нихъ.

Когда, возвращаясь въ Женеву изъ своихъ странствій, и

---

[1]) Въ соотвѣтствующихъ психо-физіологическихъ изслѣдованіяхъ (напр. въ книгѣ A. Binet, „Les altérations de la personnalité", 1892, особенно въ отдѣлѣ: „La coexistence de plusieurs personnalités") до сихъ поръ слишкомъ мало обращалось вниманія на проявленіе этой раздвоенности у писателей; работа въ этомъ направленіи многое освѣтила бы въ контрастахъ и противорѣчіяхъ жизни и творчества

чувствуя давно небывалый приливъ творчества (особенно богатъ былъ поэтическими его произведеніями іюль 1816 г.), Байронъ въ затишьѣ виллы Діодати съ увлеченіемъ работалъ, поворотъ въ его настроеніи быстро отразился на его поэзіи. Отголоски личной печали или мрачные порывы фантазіи по временамъ могутъ еще проникать въ нее. Въ эту пору написаны, напр., „Сонъ“ съ его видѣніями далекаго прошлаго и повѣстью любви къ Мэри Чэвортъ (драгоцѣнный автобіографическій матеріалъ, который уже послужилъ намъ при изученіи юности Байрона) или „Тьма“, сумрачная грёза о послѣднемъ днѣ вселенной, о гибели жизни, помраченіи солнца и свѣтилъ, смерти природы, и всемогущемъ нераздѣльномъ торжествѣ Мрака (тема стихотворенія въ извѣстной степени обусловлена была отголосками библіи, которую Байронъ зналъ въ совершенствѣ,—сюжета безъименнаго романа начала XIX-го вѣка „The last man or Omegarus and Syderia“, London, 1806, а также, по крайней мѣрѣ по увѣреніямъ поэта Томаса Кэмпбелла, сообщеннаго Байрону этимъ послѣднимъ разсказа о *задуманномъ* имъ стихотвореніи этого содержанія) [1]); наконецъ, нѣсколько скорбныхъ строфъ въ новой главѣ „Гарольда“. Но символа совершившейся въ немъ перемѣны никто не станетъ искать въ нихъ. Его герой теперь— не печальникъ съ разбитой душой, а „Прометей“.

Когда одинъ изъ журнальныхъ критиковъ „Манфреда“ [2]) сталъ утверждать, что въ этомъ произведеніи всего замѣтнѣе отраженіе эсхиловой трагедіи о Прометеѣ, Байронъ не только допустилъ возможность вліянія, но расширилъ его *на всю свою поэзію*. „Прометей“, поразившій его еще въ школѣ, „всегда до такой степени наполнялъ его умъ, что онъ легко можетъ представить себѣ вліяніе трагедіи на все, что̀ когда-либо онъ написалъ“. Но ко времени житья въ Женевѣ относится особенно важное закрѣпленіе античной легенды и эсхилова произведенія въ сознаніи поэта. Если обстановкой перваго изученія ихъ были классныя занятія въ Гарроу, то теперь онъ съ живымъ интересомъ выслушалъ переводъ трагедіи, который дѣлалъ для него съ греческаго à livre ouvert Шелли, конечно, съумѣвшій выдвинуть и охарактеризовать красоты и силу подлинника. Кризисъ въ личной жизни, вернувшій поэта къ свободному, ши-

---

[1]) Байроновская фантазія о концѣ міра вызвала много подражаній. Новѣйшее изъ нихъ—„Marche funèbre. Choeur des derniers hommes“, Л. Диркса, „короля поэтовъ“ (Oeuvres complètes, P., 1894); оно переведено по-русски С. Головачевскимъ, „Стихотворенія“, М. 1899.

[2]) „Edinburgh Review“, августъ, 1817.

рокому и благому для людей творчеству могъ также привести къ сравненію своей участи съ долею древняго страдальца за гуманную идею. Байроновскій „Prometheus" явился краткимъ, но глубокимъ по замыслу и сильнымъ по формѣ гимномъ въ честь „титана". Вѣдь въ немъ страданія человѣчества вызывали не горделивое презрѣніе, свойственное богамъ, а сочувствіе"; его преступленіемъ было желаніе блага, стремленіе своею проповѣдью уменьшить несчастія людскія, закалить человѣка, укрѣпивъ его умъ. Мученику за человѣчество боги „отказали даже въ смерти, одарили его злосчастнымъ даромъ вѣчности", но въ его несокрушимой энергіи люди найдутъ всегда ободреніе и примѣръ. Пусть человѣчество—„мутный потокъ, вышедшій изъ чистаго источника"; божественное начало должно выставить противъ зла силу ума и твердость воли, не поддающуюся даже пыткамъ. „Тогда и сама смерть будетъ для человѣка побѣдой".

Этотъ гимнъ въ честь древняго богоборца (одно изъ украшеній въ циклѣ поэтическихъ обработокъ легенды о Прометеѣ въ новѣйшей литературѣ) [1]) былъ прологомъ къ новому періоду байроновской дѣятельности. Слѣдующій шагъ впередъ въ томъ же направленіи сдѣланъ въ „Сонетѣ къ Шильону" и въ поэмѣ „Шильонскій узникъ".

Когда въ первую же свою поѣздку съ Шелли по Женевскому озеру Байронъ посѣтилъ Шильонскій зѧмокъ, спустился въ подземелье, гдѣ находились нѣкогда тюрьмы, увидалъ въ темномъ застѣнкѣ перекладину, на которой вѣшали иногда приговоренныхъ къ смерти, и зіяющее отверстіе внизу стѣны, по которому сталкивали въ озеро, въ этомъ мѣстѣ бездонное (800, дальше даже 1.000 футовъ глубины), другихъ несчастныхъ, когда ему показали кольцо, прикрѣплявшее къ столбу цѣпь на одномъ изъ узниковъ, Бониварѣ, а въ скалѣ, служившей поломъ, пробитый многолѣтней его ходьбой вокругъ столба слѣдъ,—чувство ужаса овладѣло обоими друзьями (впечатлѣнія Шелли изложены въ письмѣ его къ Пикоку). Когда они снова очутились на озерѣ, поднялся вѣтеръ, началась непогода; на другой день, послѣ ночлега въ Clarens, они подъ дождемъ могли добраться только до мѣстечка Ouchy, подъ Лозанной; два дня подъ-рядъ лилъ дождь; Байронъ не выходилъ изъ своей комнаты въ скромной деревенской гостинницѣ Hôtel de l'Ancre; мысль была полна шильонскими сценами (его такъ поразили онѣ, что, два съ половиною

---

[1]) Обзоръ ихъ сдѣланъ О. Манномъ, „Der Prometheus-Mythus in der modernen Dichtung", Frankfurt an d. Oder, 1878.

мѣсяца спустя, онъ снова побывалъ въ Шильонѣ), и „въ два дождливыхъ дня создался „The Prisoner of Chillon“ [1]).

Замыселъ поэмы, какъ мы уже знаемъ, внушенъ былъ точнымъ историческимъ фактомъ; несмотря на это, въ ней (въ особенности въ наше время, послѣ детальной разработки швейцарской церковной и соціальной исторіи) чувствуется большой недостатокъ именно историческаго фона. Это созналъ и авторъ уже послѣ окончанія поэмы. „Я былъ недостаточно освѣдомленъ о подлинной личности Бонивара, когда писалъ „Узника“,—говоритъ онъ въ предисловіи,—иначе я попытался бы достойно прославить его подвиги и заслуги“. На Байрона подѣйствовали разсказы его проводника по подземелью, сочувственный отзывъ о Бониварѣ, встрѣченный имъ у Руссо, два, три мелкихъ разспроса; все это не было провѣрено. Лишеніе свободы, многолѣтняя кара за стойкость убѣжденій были для поэта, казалось, достаточной и привлекательной темой. Вполнѣ своеобразная личность реальнаго Бонивара заслуживала, конечно, бо̀льшаго вниманія. Молодой пріоръ аббатства Saint-Victor (не произнесшій, однако, монашескаго обѣта), широко образованный, преданный идеямъ реформаціи, но чуждый пуританства и нетерпимости, публицистъ, историкъ, страстный библіофилъ [2]), другъ народа, и въ то же время аристократъ по культурѣ, Франсуа Бониваръ былъ въ Женевѣ XVI-го столѣтія, по выраженію историка реформаціи, Мерль д'Обинье [3]), воплощеніемъ „Ренессанса“, подобно тому, какъ Кальвинъ воплощалъ въ себѣ реформацію [4]). Историкъ сравниваетъ его съ Эразмомъ Роттердамскимъ; „такъ же, какъ Эразмъ, Бониваръ былъ другомъ науки, но еще въ бо̀льшей степени, чѣмъ Эразмъ, онъ былъ другомъ свободы“. Савойскій герцогъ, непримиримый врагъ женевскихъ вольностей, считалъ его опаснѣйшимъ бунтовщикомъ. Бонивара бросали въ тюрьму дважды. Выпущенный въ первый разъ на волю, онъ ни въ чемъ не измѣнилъ своего образа дѣйствій. Клевреты герцога подстерегли Бонивара на пути въ Лозанну и заперли его въ казематѣ Шильона; два года спустя, когда герцогъ явился въ за̀мокъ и лично увидалъ своего противника, онъ, по словамъ

---

[1]) Въ видѣ курьеза можно привести увѣреніе оффиціальнаго гида по Шильону (Chillon ancien et moderne, p. 29), что Байронъ сложилъ поэму большей частью въ самомъ подземельѣ и окончилъ ее въ Уши.

[2]) Основаніе общественной женевской библіотеки было положено Бониваромъ.

[3]) Histoire de la réformation en Europe au temps de Calvin. 1863, I.

[4]) Объ отношеніяхъ къ нему Кальвина см. The real prisoner of Chillon, by Francis Gribble. Literature, 1900, august 18.

Бонивара, самъ придумалъ ухудшеніе участи арестанта; его перевели въ подземелье, приковали къ столбу, стали грубѣе и ожесточеннѣе прежняго, и тамъ,—говорилъ впослѣдствіи самъ заключенный, „je avoys si bon loysir de me pourmener que je empreignis un chemin en la roche qui estoit le pavement de leans comme si on leust faict avec un martel“. Въ томъ же году, какъ и Бониваръ, но въ Женевѣ, были захвачены савойцами трое другихъ мятежныхъ гражданъ, имена которыхъ въ точности извѣстны; вмѣстѣ они отбыли заключеніе, продолжавшееся для Бонивара шесть лѣтъ. Штурмъ зàмка бернскими войсками освободилъ узниковъ. Бониваръ снова вернулся къ общественной дѣятельности, ни въ чемъ не поколебленный, жилъ долго и—четыре раза былъ женатъ.

Этого, историческаго Бонивара напрасно стали бы мы искать въ поэмѣ. Въ ней нѣтъ даже его имени (оно одинъ разъ упомянуто лишь въ „сонетѣ къ Шильону“), что̀ обусловлено уже самой ея формой,—разсказомъ арестанта отъ своего лица. Нѣтъ и Женевы въ ея борьбѣ съ Савойей, и реформаціонной эпохи, какъ среды, гдѣ развивается сюжетъ. Вмѣсто нихъ—обобщенное представленіе о причинѣ всѣхъ насилій и напраслины, духѣ Гоненія (Persecution), гдѣ-то, словно въ безъименной землѣ, безнаказанно торжествующемъ. Случайное и независимое отъ ареста Бонивара взятіе трехъ женевцевъ превратилось въ захватъ нѣсколькихъ братьевъ. Въ подземельѣ семь столбовъ; къ тремъ изъ нихъ приковано по одному несчастному. Это—мученики за религіозную свободу. Въ странѣ, гдѣ вопросы вѣры занимали въ теченіе вѣковъ выдающееся мѣсто въ народной жизни, вызывая подвиги героизма и самоотверженія,—казалось, Байрону—двигательною силой въ стойкости Бонивара слѣдовало изобразить именно преданность религіозной идеѣ. И поэтъ, сберегшій лишь общія ея очертанія въ видѣ пантеистическаго культа природы и міровой души, перенесся въ душевное состояніе вѣрующаго человѣка. Критика указала со временемъ, что онъ не вполнѣ выдержалъ соотвѣтствующій психическій оттѣнокъ,—если братья страдали за истинную, по ихъ убѣжденію, вѣру, то, когда они гибли одинъ за другимъ, она должна была бы являться для нихъ послѣднимъ лучомъ утѣшенія и поддержки...

Двойное значеніе Бонивара, какъ поборника политической свободы и какъ защитника вѣротерпимости, съузилось. Когда Байронъ понялъ это, онъ развилъ недосказанныя мысли и чувства, возбужденныя въ немъ посѣщеніемъ зàмка, въ неотдѣлимомъ отъ поэмы, но (въ Россіи, напр.) мало извѣстномъ „Sonnet

on Chillon". Это—возвеличенiе свободы, „вѣковѣчнаго духа разума, неукротимаго никакими цѣпями"; онъ живетъ въ сердцахъ узниковъ; свобода разгорается еще сильнѣе въ тюрьмахъ (brightest in dungeons); страданiя заключенныхъ ведутъ ко благу страны, и благовѣстiе свободы разносится отъ нихъ повсюду.

Вполнѣ ли вѣрно съ подлинною исторiей Бонивара, исчерпывая всю сущность его подвига или только одну его сторону, поэма, быстро задуманная и горячо, спѣшно написанная, поразила и какъ признакъ поворота въ байроновской поэзiи, и какъ большой успѣхъ автора въ психологическомъ анализѣ и характеристикѣ. Давно уже не слышали отъ него такого протеста противъ произвола и нетерпимости; снова говорилъ поэтъ, взывавшiй устами Гарольда къ борьбѣ и освобожденiю. И въ то же время онъ энергически отодвинулъ назадъ свою личность, ни одною чертою не далъ ей проявиться, и предоставилъ слово разбитому жизнью и несчастiями, преждевременно посѣдѣвшему узнику, до того примученному къ тюрьмѣ, что и воля его не радуетъ, и онъ—вздыхаетъ о своемъ подземельѣ. Какъ въ былое время въ „Гяурѣ" онъ излагалъ сюжетъ въ формѣ чьего-то разсказа, небрежно забывая обозначить, отъ кого и къ кому ведется этотъ разсказъ, такъ и теперь онъ сдѣлалъ поэму длиннымъ монологомъ, неизвѣстно гдѣ и для кого произнесеннымъ освобожденнымъ арестантомъ (часть критики была, конечно, недовольна именно этимъ недостаткомъ обстоятельности). Но въ этомъ монологѣ разсѣяны большiя красоты и глубокiя наблюденiя.

Два, три раза онъ, по всей вѣроятности безсознательно (въ позднѣйшихъ бесѣдахъ съ лэди Блессингтонъ [1]) онъ допускалъ возможность въ своихъ произведенiяхъ такихъ невольныхъ заимствованiй, отголосковъ обширной начитанности), ввелъ черты, уже обрисованныя его предшественниками. Такъ, онъ повторилъ изъ поэмы Драйдена „Palamon and Arcite" душевное движенiе, вызванное въ арестантѣ льготой, выпрошенной у тюремщика,—въ узкое оконце онъ снова увидалъ сiяющую природу, но ея раздолье и солнечный свѣтъ волнуютъ и ослѣпляютъ его, и онъ снова спускается въ сумракъ каземата; такъ, въ разработкѣ мотива о смерти братьевъ арестанта одного за другимъ есть отголоски дантовскаго эпизода объ Уголино и его сыновьяхъ. Но эти частности [2]), развитыя, глубоко прочувствованныя, до того

---

[1]) Journal of conversations with L. Byron, Lond. 1834, переиздано въ 1894 г.

[2]) Повторяемость не только сюжетовъ, но даже отдѣльныхъ ихъ частей—неизбѣжный и коренной фактъ, установленный сравнительною исторiею литературы, въ особенности такъ называемою Stoffgeschichte. Относительно мотива, усвоеннаго у Драй-

слились въ цѣльный образъ, что и въ нихъ творчество поэта проявляется въ полной силѣ.

Образъ *узника*—одно изъ доказательствъ обыкновенно оспариваемой способности Байрона къ поэтическому самоотреченію и совершенно объективному созданію характера, ни въ чемъ не сходнаго съ его творцомъ. Исходная точка, правда, одинакова. Какъ поэтъ, такъ и герой его преданы были борьбѣ, готовы погибнуть, но не поддаться; долгая неволя не заставила шильонскаго арестанта чѣмъ-либо поступиться изъ его убѣжденій. Но его судьба — печальное замираніе всѣхъ привязанностей, медленное угасаніе высшихъ влеченій, летаргія горя, опрощеніе чувствъ и мыслей, переходящее уже въ пассивность,—наконецъ, отвычка отъ дневного свѣта и отъ воли, печаль при выходѣ изъ тюрьмы. Ни одной гнѣвной выходки, ни проклятія, ни призыва къ мести или патетическаго обращенія къ попранной свободѣ. Слышится простая, унылая рѣчь разбитаго, несчастнаго человѣка; въ каждомъ словѣ, каждомъ оттѣнкѣ чувствуется безконечное душевное утомленіе. Вблизи его умираютъ братья; онъ переживаетъ ихъ страданія, агонію, погребеніе въ томъ же склепѣ, гдѣ запертъ и онъ, живой мертвецъ. Начинаются галлюцинаціи. Въ птичкѣ, щебечущей на рѣшеткѣ окна, ему чудится душа младшаго брата, прилетающая его утѣшить. Но нѣтъ, онъ не былъ бы такъ жестокъ, не покинулъ бы его,—птичка же навсегда исчезла. Къ затихшему совсѣмъ, еле живому узнику стали милосерднѣе, позволили ему ходить по подземелью,—но онъ ходитъ среди могилъ... Подъ сырыми сводами онъ сталъ различать признаки жизни. Паукъ раскидываетъ свою сѣть, мышь играетъ на освѣщенномъ луною полу. Онъ подружился съ ними, привыкъ къ стѣнамъ и сводамъ. Жизнь за стѣнами ему болѣе не нужна. „Вѣдь свѣтъ—только еще болѣе обширная тюрьма!“ Радужное видѣніе, открывшееся его глазамъ однажды изъ окна,—необъятное озеро, снѣга на горахъ, голубыя воды Роны, крохотный островокъ, зеленѣющій вблизи Шильона (Ile de Peilz) [1]), орелъ, парящій въ вышинѣ, — побуждаетъ его

дена, лучшій комментаторъ „Шильонскаго узника“, Eugen Kölbing (The Prisoner etc., Weimar, 1896) очень кстати указалъ на поразительную его живучесть: онъ встрѣчается въ „Ѳиваидѣ“ Стація, оттуда Боккачьо взялъ его въ „Тезеиду“, Чосеръ ввелъ въ „Кентерберійскіе разсказы“, Драйденъ—въ свою поэму, наконецъ Байронъ—въ „Шильонскаго узника“.

[1]) Въ поэмѣ есть нѣсколько „поэтическихъ вольностей“ или недосмотровъ. Такъ островокъ, о которомъ идетъ рѣчь, искусственно насыпанъ около ста лѣтъ назадъ, стало быть, Бониваръ не видалъ его. Dent du Midi—не снѣжная гора, хотя

скрыться въ тьму. Потомъ глухо, безконечно потянулось время. „Быть можетъ, прошли мѣсяцы, или годы, или дни“; *люди* пришли его освободить, но это для него уже безразлично, онъ „научился любить отчаяніе“, и, выходя, „о тюрьмѣ своей вздохнулъ“.

Сильнѣе возгласовъ въ честь свободы дѣйствовала исповѣдь заживо погребеннаго узника. Въ то же время разсказъ былъ проникнутъ гуманнымъ состраданіемъ и, внѣ политическаго радикализма, будилъ и растрогивалъ сердца, доступныя братскому участію и человѣчной жалости. Такъ Жуковскій, никогда не примыкавшій къ партіи дѣйствія, и въ точномъ смыслѣ слова не значившійся байронистомъ, былъ увлеченъ трогательнымъ разсказомъ узника и съ большою любовью и вѣрностью [2]) передалъ его для русскаго читателя. Правда, это было еще до 14-го декабря, и самъ переводчикъ былъ еще закутанъ въ романтическій „саванъ“...

И это написалъ поэтъ, недавно преданный позору за безнравственность и опасное вольномысліе!.. Появленіе въ одной книгѣ „Шильона“ вмѣстѣ съ „Прометеемъ“, „Сномъ“ и другими стихотвореніями произвело необыкновенное впечатлѣніе. Это былъ отвѣтъ на приговоръ отечества. Поэтъ выступаетъ снова передъ нимъ; несправедливымъ къ нему людямъ онъ несетъ „божественный огонь“ Прометея, несчастнымъ и страдающимъ шлетъ участіе и заступничество. Талантъ его, очевидно, не угасъ, а сталъ еще зрѣлѣе... Общественное настроеніе дрогнуло. Консервативная печать съ прежнимъ рвеніемъ обличала и громила Байрона; устремившіеся на континентъ массами послѣ замиренія Европы, англійскіе туристы не только удручали Байрона и Шелли своимъ навязчивымъ любопытствомъ, но слѣдили за ихъ жизнью и потомъ распускали наглыя клеветы [1]),—въ массѣ же симпатіи къ поэту снова сильно поднялись и затѣмъ все росли—до появленія первыхъ пѣсенъ „Донъ-Жуана“.

„Шильонскій узникъ“ былъ, однако, отраженіемъ одного лишь эпизода швейцарской жизни Байрона. Все испытанное и

на ней иногда лежитъ снѣгъ. Вода Роны, при впаденіи въ озеро, долго оставляетъ мутный слѣдъ.

[1]) Въ переводѣ, конечно, есть архаизмы („два брата, падшіе *во прѣ*“, „объятъ сей тратой, горшею изъ тратъ“ и т. д.), но въ немъ выдержана простота и задушевность тона.

[2]) Наводя телескопъ на виллу Діодати, иные изъ нихъ наблюдали съ противоположнаго берега, что̀ дѣлаетъ Байронъ, кто у него бываетъ и т. д. О женѣ Шелли и Claire выдумывались чудовищныя небылицы. Графиня Гвиччіоли (Recollections of L. Byron, 1869) разсказываетъ, какъ Байронъ даже впослѣдствіи, и въ Италіи, съ негодованіемъ вспоминалъ объ этихъ клеветахъ.

передуманное за это время требовало поэтической исповѣди передъ самимъ собою,—и такою исповѣдью явилась третья глава „Гарольда". Какъ первыя пѣсни поэмы, и она незамѣтно, постепенно, возникала по частямъ, изъ одиночныхъ листковъ стихотворнаго дневника. Первыя его страницы, впечатлѣнія Ватерлоо, относятся къ самымъ раннимъ днямъ путешествія; послѣднія написаны во время сборовъ въ Италію. Когда вѣсть о томъ, что Байронъ желаетъ продолжать прерванную поэму, дошла до Англіи, она возбудила живое вниманіе. Мысль вернуться къ магически подѣйствовавшей когда-то фикціи показалась счастливой находкой. Опять появится задумчивый странникъ, опять объ руку съ нимъ читатель возобновитъ паломничество по дальнимъ краямъ; судьба героя, его мысли, впечатлѣнія, недосказанныя, манившія загадочностью, наконецъ будутъ раскрыты...

Съ внѣшней стороны ожиданія исполнились. Явился Гарольдъ, путешествіе снова началось; вмѣсто картинъ Испаніи, Албаніи, Греціи, проходили передъ глазами въ поэтическихъ очеркахъ съ натуры Бельгія, Рейнъ, Швейцарія; какъ прежде, описанія чередовались съ размышеніями политическаго или философскаго характера, и рѣчи поэта отъ своего лица врывались въ ходъ разсказа. Но подъ привычной оболочкой скрывалось, однако, содержаніе поразительное и странное, глубокій и печальный лиризмъ, своеобразное міросозерцаніе на основѣ поэзіи природы, итоги разочарованій въ жизни и людяхъ, признанія и отголоски изъ только-что вынесеннаго семейнаго и общественнаго разлада. Поэма, и прежде нарушавшая всѣ общепринятыя техническія и эстетическія правила, въ новой главѣ совсѣмъ разрывала съ ними, требуя для себя особаго мѣрила. И теперь, почти столѣтіе спустя послѣ ея появленія, третья пѣснь „Гарольда" производитъ то же впечатлѣніе неподвластнаго ничему, сильнаго лирическаго взрыва. Байронъ, съ особою любовью относившійся къ „Гарольду" и считавшій его (до появленія „Донъ-Жуана") наиболѣе искреннимъ и художественнымъ своимъ произведеніемъ, выдѣлялъ швейцарскую главу, какъ лучшую часть поэмы. Къ этому мнѣнію нельзя не присоединиться,—подъ условіемъ, конечно, чтобъ объ единствѣ всего произведенія не было рѣчи, и чтобъ каждая дробь его (первыя двѣ главы вмѣстѣ, третья и затѣмъ четвертая отдѣльно) считалась самостоятельнымъ выраженіемъ мыслей и чувствъ поэта въ извѣстный періодъ его жизни [1]).

---

[1]) Ходячій,—между прочимъ, и въ русскихъ статьяхъ о Байронѣ,—пріемъ

Необыкновенно прихотлива, непокорна никакому плану форма новой главы. Она словно вся въ уступахъ и быстрыхъ, внезапныхъ переходахъ. Послѣ нѣжнаго обращенія къ своей крошечной дочкѣ (которой онъ какъ будто желалъ бы посвятить эту пѣснь) [1]), поэтъ едва повелъ рѣчь о своемъ намѣреніи продолжать „Паломничество“, изобразилъ перемѣну въ своемъ душевномъ состояніи и вдали показалъ Гарольда, какъ слышится его призывъ: „Остановись! Вѣдь ты попираешь прахъ имперіи!“ — идетъ рядъ картинъ изъ недавней войны, оцѣнка исторической роли Наполеона, протестъ противъ войнъ; снова тотъ же голосъ: „прочь эти мысли!“—и передъ нами декораціи Рейна или же лирическая вставка, посвященная сестрѣ Августѣ и написанная послѣ посѣщенія Драхенфельса. Еще одинъ внезапный поворотъ панорамы, и вдали бѣлѣютъ уже Альпы, а ладью странника несутъ на себѣ волны Женевскаго озера. Воспоминанія и думы, съ нимъ связанныя, овладѣли, казалось, поэтомъ, но отъ нихъ онъ быстро возвращается къ личнымъ изліяніямъ, въ послѣднихъ стихахъ снова ласкаетъ своего ребенка,—и смолкаетъ. *Поэмы* опять нѣтъ, гарольдова маска совсѣмъ не держится на лицѣ, матеріала для обѣщанной когда-то характеристики разочарованнаго *героя* не дано вовсе,—зато искреннѣе, задушевнѣе прежняго слышится исповѣдь самого поэта, только пріуроченная къ отдѣльнымъ эпизодамъ путешествія. Это—какъ будто другой человѣкъ въ сравненіи съ авторомъ первыхъ двухъ главъ; уроки жизни, одиночество, размышленіе переродили его, — или нѣтъ, по его же признанію, они развили и высвободили то, что давно было ему свойственно:

But soon in me shall Loneliness *renew*
Thoughts hid, but not less cherish'd than of old.

Признаніе въ томъ, что даже въ безумно прожитую лондонскую эпоху свѣтлыя мысли и стремленія молодости были только скрыты, но вызывали въ поэтѣ неизмѣнное сочувствіе, очень цѣнно. Оно подтверждаетъ наблюденіе, выведенное уже нами изъ новыхъ писемъ и дневниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, мы слышимъ

основывать свои выводы на *общемъ* итогѣ поэмы идетъ въ разрѣзъ съ біографическими данными.

[1]) Нѣжная заботливость объ Адѣ выражалась уже съ этихъ поръ въ посылкѣ крошечному, еще ничего не смыслившему ребенку разныхъ подарковъ и гостинцевъ; она, вмѣстѣ съ племянницами Байрона, получила даже однажды коллекцію кристалловъ съ Монблана...

отъ самого Байрона, что и онъ сознавалъ въ себѣ, анализировалъ, наблюдалъ раздвоеніе своей личности.

Прежній, неизмѣнившійся Байронъ — весь въ такихъ строфахъ, какъ чествованіе Марсо, храбрѣйшаго и благороднѣйшаго изъ генераловъ первой республики, похороненнаго близъ Кобленца,—какъ хвала патріотизму швейцарцевъ, вызванная посѣщеніемъ поля битвы при Муртенѣ (Morat), гдѣ нѣкогда вооруженные крестьяне избавили свою страну отъ Карла Смѣлаго,— какъ рѣзкое осужденіе всеобщей европейской реакціи, — какъ признаніе великихъ заслугъ Руссо и Вольтера, — какъ предсказаніе успѣха идеямъ ихъ ученицы—революціи, которая восторжествуетъ, несмотря на ея неудачи и тяжкія ошибки. Суровый (при всемъ сочувствіи критика къ поэту) приговоръ одного изъ лучшихъ комментаторовъ „Чайльдъ-Гарольда", Джемса Дарместетера [1]), утверждавшаго, что въ третьей главѣ „лишь самъ Байронъ, и его *эгоистическая печаль* занимаютъ весь фонъ поэмы, придавая ей тѣмъ больше поэтической правды и силы", опровергается обиліемъ участливыхъ, гуманныхъ и политически смѣлыхъ изліяній.

Байронъ негодуетъ на невозможность *все* выразить, „душу, сердце, умъ, страсти, то, къ чему онъ когда-либо стремился, чего онъ жаждетъ, что̀ знаетъ, чувствуетъ, выноситъ". „Еслибъ онъ все это могъ заключить въ *одномъ* словѣ, „и это слово было бы *молнія*,—онъ произнесъ бы его" (and that one word were Lightning, J would speak). Теперь же онъ осужденъ прожить и умереть *невыслушаннымъ* (unheard)... Онъ ушелъ отъ людей въ одиночество, въ природу, — зато онъ научился чувствовать міровую жизнь, свое единство съ вселенскою душой, разлитой во всемъ, что̀ существуетъ; поэтическими формулами, внушенными экстазомъ и натуръ-философіею Шелли, Байронъ выражаетъ исконный свой Naturgefühl,—но, поясняетъ онъ, отдаляться отъ человѣчества не значитъ ненавидѣть его (to fly from, need not be to hate mankind). Тяжелы были испытанія, свѣжи еще раны; воспоминанія о нихъ острымъ уколомъ вонзаются даже въ его одиночествѣ. Когда онъ представляетъ себѣ смѣющееся личико дѣвочки, вмѣстѣ съ тѣмъ его томитъ мысль, что это „дитя любви зачато было въ дни огорченій и вскормлено было среди судорогъ". Не можетъ онъ удержаться отъ намековъ на брачный раздоръ,—но ни семейное горе, ни гнѣвъ на люд-

---

[1]) „Childe Harold's Pilgrimage", édition classique par James Darmesteter, P., 1882, p. 122.

скую несправедливость не заглушатъ никогда въ поэтѣ его гуманнаго и художественнаго призванія. „Этого невозможно потерпѣть, и человѣчество не стерпитъ!" (this will not be endured), восклицаетъ онъ, изобразивъ нависшую надъ Европой реакцію; лично безрадостный, онъ не теряетъ надеждъ на избавленіе народовъ... Но и какъ художникъ, авторъ „Гарольда" сдѣлалъ громадные успѣхи. Такія картины, какъ звѣздная ночь на озерѣ и тихая дрёма природы, изображеніе бури въ горахъ и на водѣ, и вслѣдъ затѣмъ тихая идиллія Clarens—однѣ изъ лучшихъ страницъ въ англійской поэзіи.

Но рѣшающій кризисъ, переломъ, къ которому сводится итогъ пережитого Байрономъ въ Швейцаріи, произошелъ вѣдь не среди южныхъ красотъ Лемана, а въ снѣгахъ Оберланда. Его природа и бытъ, мысли, внушенныя восхожденіями и странствіями поэта-альпиниста, вовсе не нашли себѣ мѣста въ описаніи паломничества Гарольда. Байронъ ввелъ ихъ въ послѣдній и лучшій поэтическій результатъ своего швейцарскаго періода, — въ „Манфреда".

Вопросъ о зарожденіи этой драмы и объ автобіографической ея роли — одинъ изъ наиболѣе сложныхъ и запутанныхъ въ жизнеописаніи и критической оцѣнкѣ Байрона. Сталкиваются всего чаще два направленія комментаторовъ. Одно изъ нихъ настаиваетъ на заимствованіи сюжета, и во главѣ всего ставитъ усвоеніе и переработку фабулы гётевскаго „Фауста"; другое и здѣсь, какъ всюду у Байрона, предполагаетъ отголоски пережитого имъ самимъ, и при помощи драмы строитъ фантастическія предположенія о таинственныхъ, даже преступныхъ дѣяніяхъ поэта, измучившихъ его раскаяніемъ. Незначительныя точки соприкосновенія трагедіи Гёте съ „Манфредомъ", ограничивающіяся первымъ монологомъ и заклинаніемъ духовъ, и потомъ совершенно исчезающія, такъ что и фабула, и характеръ героя, и роль демоническаго начала, и развязка въ обоихъ произведеніяхъ расходятся, конечно, показываютъ извѣстное вліяніе Гёте (трудно, впрочемъ, рѣшить, зналъ ли Байронъ всю первую часть трагедіи,—въ письмахъ (IV, 97) встрѣчаются указанія, что Льюисъ перевелъ для обоихъ друзей лишь нѣсколько отрывковъ, вѣроятно, досказавъ содержаніе остальныхъ частей пьесы). Но самъ поэтъ допускалъ еще извѣстное сходство въ данномъ случаѣ; когда же ему печатно сказали, будто онъ еще болѣе обязанъ вліянію „Фауста" Марло, котораго онъ никогда не читалъ, онъ гнѣвно воскликнулъ: „Чортъ бы побралъ обоихъ Фаустовъ, нѣмецкаго и англійскаго,—я ничего не заимствовалъ

ни у того, ни у другого" („The devil may take both the Faustuses, German and english,—J have taken neither", VI, 177). Указывали, какъ мы уже знаемъ, на эсхилова „Прометея"; въ „Blackwood Magazine" развязно намекали затѣмъ на переложеніе какой-то „швейцарской легенды, записанной однимъ монахомъ", не объясняя, гдѣ именно находится эта таинственная запись. Гораздо важнѣе старинныхъ и необдуманно выставленныхъ указаній новѣйшія, сдѣланныя историко-литературной наукой, напр. то, которое видитъ въ „Манфредѣ", а затѣмъ въ „Каинѣ" переходныя степени вліянія Мильтона [1]), и въ особенности догадка одного изъ лучшихъ спеціалистовъ по Байрону, берлинскаго проф. Алоиза Брандля [2]), который видитъ прототипъ „Манфреда" въ сенсаціонномъ романѣ восьмнадцатаго вѣка, „The Castle of Otranto", принадлежащемъ Горасу Вальполю, (главное лицо носитъ тамъ также имя Манфреда и тоже надѣлено преступностью и раскаяніемъ), и трагедіи того же Вальполя, „The mysterious mother", гдѣ разработанъ мотивъ любви между близкими родственниками, введенный Байрономъ въ драму.

Встрѣчное направленіе, выходящее на развѣдки автобіографическихъ корней и связей, немало питалось сплетнями и досужими вымыслами. Въ рядахъ его участниковъ странно видѣть Гёте, одного изъ лучшихъ цѣнителей „Манфреда" [3]), повѣрившаго какой-то баснѣ и печатно (въ „Kunst und Alterthum") повторившаго ее, будто въ юности Байронъ любилъ во Флоренціи замужнюю женщину и, когда мужъ, открывъ измѣну, убилъ невѣрную, въ слѣдующую же ночь лишилъ его жизни, и мучился угрызеніями совѣсти до конца дней (въ юности Байронъ вовсе не былъ въ Италіи, а когда впервые увидалъ Флоренцію, „Манфредъ" былъ уже написанъ). Если въ толкованіяхъ этого рода причиной терзаній Манфреда считаютъ утрату любимой женщины и убійство соперника, то знакомая уже намъ, совершенно праздная догадка о подлинникѣ „Тирзы" (чья смерть вызвала у Байрона нѣсколько превосходныхъ стихотвореній), примѣненная къ драмѣ, утверждаетъ, съ своей стороны, будто поэтъ надѣлилъ героя своею неисходной печалью о беззавѣтно преданной ему и погибшей

---

[1]) Alfred Schaffner, „Lord Byron's Cain und seine Quellen". Strassburg, 1880.

[2]) „Byron und Göthe", Oesterreich. Revue, 1883.—Ср. также „Göthe u. Byron"; Dissertation v. Siegfried Sinzheimer. München, 1894.

[3]) Въ Гётевскомъ архивѣ теперь найдено и въ „Göthe-Jahrbuch" за 1899 г. (Göthes Verhältniss zu Byron) напечатано А. Брандлемъ начало перевода „Манфреда", предпринятаго Гёте.

дѣвушкѣ [1]). Въ то время, когда еще возможно было выставлять, какъ несомнѣнную истину, сплетню о связи Байрона съ сестрой Августой, твердили, что онъ только усилилъ краски, говоря о смерти своей жертвы, но очевидно имѣлъ въ виду именно это преступленіе. Наконецъ, не входя въ подробности и не называя именъ, въ монологахъ и признаніяхъ Манфреда иные видѣли *сплошныя* рѣчи самого поэта, отраженіе его смятенной и несчастной души.

Толки, пересуды, указанія и въ томъ, и въ другомъ родѣ доходили до слуха Байрона вслѣдъ за появленіемъ драмы въ печати;—опровергая ихъ, онъ говорилъ, что *зародыши* (germs) „Манфреда"—въ дневникѣ путешествія въ бернскія Альпы, веденномъ для сестры („я такъ ясно вижу передъ собой всю обстановку,—говоритъ онъ,—точно это было вчера"),—и *еще кой въ чемъ другомъ* (something else). Въ перепискѣ съ своимъ издателемъ, Дж. Мэрреемъ, Байронъ, извѣщая его, что задумалъ пьесу, и затѣмъ сообщая о ходѣ работы, часто говоритъ о томъ, какъ впечатлѣнія альпійскія привели его къ мысли вставить въ эту дивную раму сюжетъ „столь же безумный, какъ трагедія, написанная Нат. Ли во время заключенія въ Бедламѣ"; обращаясь къ Муру (IV, 80), онъ повторяетъ, что написалъ дикую драму, въ своемъ прежнемъ вкусѣ, съ дѣйствующими лицами, которыя почти сплошь духи, призраки, волшебники,—„чтобъ имѣть возможность ввести описанія альпійской природы". Итакъ, одна изъ причинъ зарожденія драмы—увлеченіе поэта-пейзажиста, который дѣйствительно не только съумѣлъ выказать во всемъ блескѣ свои дарованія живописца, но поднялся до величественнаго паѳоса (напр. въ обращеніи Манфреда къ солнцу или въ рѣчахъ духовъ стихій). Но затѣмъ, и здѣсь, какъ нѣкогда въ „Корсарѣ", повліяло „something else". Что̀ же именно?

Отыскивать что-нибудь подлинное, житейское, въ печальной судьбѣ Астарты теперь уже не приходится. Любовь брата къ сестрѣ выводилась и до Байрона нерѣдко въ англійской литературѣ; это—одинъ изъ привычныхъ мотивовъ въ поэзіи Шелли; самъ Байронъ воспользовался имъ и раньше „Манфреда" (въ „Абидосской Невѣстѣ"), и позже, въ „Каинѣ" *Эта* завязка такъ же *вымышлена*, какъ и проистекающія изъ нея терзанія. Авторъ одного изъ многочисленныхъ этюдовъ о „Манфредѣ", работы забытой и не встрѣтившей оцѣнки, но вѣрно освѣтившей именно

---

[1]) Karl Bleibtreu, „Geschichte der engl. Literatur des XIX Jahrhunderts"; его же: „Byron der Uebermensch".

эту сторону драмы [1]), видитъ у Байрона желаніе „додумать и перечувствовать до конца представленіе о тяжкомъ и неискупимомъ горѣ и раскаяніи". Не приходится также принимать каждое заявленіе Манфреда за голосъ самого поэта и видѣть одну лишь безусловно точную авторскую исповѣдь. Поступая такъ, можно дойти до абсурда и противорѣчій; такъ, Байронъ среди разгорѣвшагося въ немъ культа природы долженъ устами Манфреда сказать Матери-Землѣ, денницѣ, горамъ: „Зачѣмъ вы такъ прекрасны? *Я не могу любить васъ*!" Манфредъ поглощенъ своимъ личнымъ горемъ, говоритъ лишь о *своихъ* страданіяхъ, забывая объ участи человѣчества, тогда какъ именно съ жизни въ Швейцаріи усиливается альтруизмъ Байрона... Такихъ примѣровъ несоотвѣтствія, несовпаденія не мало. Да и почему можно мириться съ такими вымыслами, какъ волшебство Манфреда, заклинанія и вызовъ духовъ, и не допускать свободнаго творчества и въ другихъ частяхъ сюжета?

Но автобіографическій элементъ въ драмѣ *есть*, и не малый. Отдѣливъ фантастику, нерѣдко полную поэтической таинственности, но не свободую и отъ натяжекъ (*восточный* образъ Бога зла, Аримана, и тронъ его не у мѣста вслѣдъ за альпійскими сценами; греческая *Немезида* въ свитѣ персидскаго верховнаго духа тьмы—также), оставивъ за поразительными по глубокому лиризму сценами терзаній, отчаянія, мятежныхъ протестовъ противъ судьбы, значеніе художественно-творческихъ красотъ, — въ основѣ найдемъ образъ самого поэта, услышимъ звукъ его рѣчей. Это онъ тщетно молитъ о забвеніи минувшаго,—это много разъ высказанное имъ осужденіе участи людей, обреченныхъ быть „на половину божествомъ, на половину прахомъ" (half dust, half deity);—въ разговорѣ съ охотникомъ это онъ, ученикъ Руссо, высказываетъ уваженіе къ душевной чистотѣ и простому счастью простыхъ людей; – у *него* вырывается тутъ же возгласъ: „терпѣніе! вѣчно терпѣніе! это слово придумано для вьючнаго скота, а не для хищныхъ пернатыхъ,—проповѣдуй его подобнымъ тебѣ смертнымъ, я не изъ твоей породы"; — *онъ* говоритъ, что его радость — въ одиночествѣ; *онъ*, къ ужасу прислужниковъ Аримана, не хочетъ поклоняться ему, хотя бы его за это растерзали; — *его* отвага и непокорность звучатъ въ отказѣ принять утѣшенія и напутствія: „я умру, какъ жилъ, одинъ!"; — *ему* не

[1]) H. S. Anton. „Byron's Manfred", Erfurt, 1875.—Въ виду контраста укажу на брошюру: Manfred, dramatische Dichtung von L. B., aus ihrem Grundgedanken erklärt von einem Theologen, Oldenburg, s. a.; сочувствуя Манфреду, авторъ полагаетъ, что онъ возставалъ лишь противъ католичества, но былъ бы доступенъ протестантскимъ идеямъ.

страшны предсмертныя видѣнія, и бѣсы, пришедшіе овладѣть слабѣющимъ, полумертвымъ, въ ужасѣ покидаютъ его;—изъ *его* души вырывается послѣдній, до конца непокорный возгласъ Манфреда: „старикъ! не трудно умирать!“ Титанизмъ въ крайней напряженности воли, въ самихъ страданіяхъ, соотвѣтствовалъ бы настроенію поэта-изгнанника, но для фиктивнаго Манфреда онъ его довелъ до конца, до роковой развязки. Манфредъ вспоминаетъ, что, бывало, прежде, онъ дѣлалъ добро людямъ, встрѣчалъ добро и отъ нихъ, но это ему не дало ни счастія, ни успокоенія [1]). Судьба поэта была иная. Въ новой жизни, начинавшейся для Байрона, народное благо становилось важною двигательною силой.

Первая попытка Байрона въ области драматургіи, „Манфредъ“, конечно, не драма, а пространный и превосходный монологъ съ вводными по временамъ лицами; авторъ вовсе не заботился о сценической сторонѣ произведенія, и увѣрялъ, что написалъ его въ состояніи хроническаго ужаса отъ театра и сцены, развившагося у него еще въ ту пору, когда, въ качествѣ члена комитета Дрюри-Лэнскаго театра, онъ вынужденъ былъ прочесть *пятьсотъ* плохихъ пьесъ. Мысль увидѣть когда-нибудь „Манфреда“ на сценѣ приводила его въ содроганіе [2])... Не сразу придалъ онъ пьесѣ тотъ законченный видъ, въ которомъ она сдѣлалась всеобщимъ достояніемъ. Первые два акта написаны были лѣтомъ 1816 г. въ Швейцаріи; заклинаніе (incantation), съ отголосками семейнаго своего разлада, Байронъ выпустилъ гораздо раньше пьесы, вмѣстѣ съ „Шильономъ“, какъ отрывокъ изъ начатаго и покинутаго произведенія. Третій актъ не удавался; пришлось отложить его до Венеціи; тамъ онъ набросанъ былъ среди карнавальнаго гула, въ возбужденіи лихорадки, привязавшейся къ поэту. Цѣльная идея, зародившаяся во время раздумья среди Альпъ, потерпѣла уронъ; конецъ былъ испорченъ натянуто-отрицательной ролью аббата, являющагося къ Манфреду только обличать и гро-

---

[1]) Одинъ изъ комментаторовъ „Манфреда“, Franz Körnig („Erklärungen einzelner Stellen zu Byr. „Manfred“, Ratibor, 1889), допускаетъ, что въ жизни байроновскаго героя было нѣсколько возвратовъ къ общеполезной дѣятельности, вызываемыхъ сознаніемъ, что за добро и ему платили добромъ.

[2]) Благодаря превосходной музыкѣ Шумана къ „Манфреду“, тщательной постановкѣ и вдумчивому исполненію главной роли, драма Байрона, вопреки его ожиданіямъ, имѣла иногда большой успѣхъ. Велика въ этомъ отношеніи заслуга Эрнста Поссарта; въ серединѣ 80-хъ годовъ въ его исполненіи пьеса была дана на московскомъ Большомъ театрѣ; въ юбилей Поссарта въ Мюнхенѣ, 1894, ее дали съ громаднымъ успѣхомъ; въ 1900, 12 іюня, повторили. Впослѣдствіи Байронъ значительно подвинулся впередъ въ техникѣ драмы. Ср. книгу W. Gerard, „Byron restudied in his dramas“, 1886.

зить, смѣшноватою расправой бѣсовъ съ нимъ и тусклою смертью Манфреда. Не только порицанія лондонскихъ друзей (Гиффорда), но и собственное художественное чутье потребовали уничтоженія первоначальной редакціи третьяго акта; дѣйствіе было написано вновь: „аббатъ сталъ добрымъ человѣкомъ", „демоны были посрамлены", Манфредъ гордо и не сдавшись сходилъ съ житейской сцены,—и украшеніе „швейцарской эпохи" байроновской поэзіи, единое и цѣльное, наконецъ осуществилось.

Трагедія отчаянія и ничѣмъ неутолимой тоски, оно въ то же время поражаетъ необыкновеннымъ подъемомъ *личности*; ея рѣзкими контурами, мрачной энергіей, гордою независимостью. Никогда еще Байронъ, „le poète de la personne", какъ называетъ его Тэнъ (противополагая ему Гёте, „le poète de l'univers"), не доходилъ въ своемъ художественномъ изученіи индивидуализма до такой силы. Она искони вызывала удивленіе цѣнителей въ самыхъ разнообразныхъ школахъ и направленіяхъ литературы. Старецъ Гёте, въ разговорѣ съ Краббомъ Робинзономъ, завелъ рѣчь о любимой имъ темѣ,—о красотахъ „Манфреда",—и горячо восхвалялъ неодолимый духъ байроновскаго героя; „даже въ послѣднюю минуту онъ не сдался"; „всякое проявленіе силы внушаетъ Гёте уваженіе" [1]). Полъ-вѣка спустя, Тэнъ восторгался безстрашіемъ и несокрушимостью Манфреда, который всегда остается богомъ, даже подъ жалкой оболочкой человѣческаго тѣла" („l'invincible moi, toujours dieu sous ses haillons de chair") [2])... И тотъ же поэтъ, въ этой же трагедіи личности, поднялся до высокой степени художественнаго могущества въ изображеніи великой природы; среди нея, окруженный ея грандіозной ареной, бьется, трепещетъ, страдаетъ сильный, но несчастный человѣкъ, обреченный истлѣть и уничтожиться, тогда какъ тысячелѣтія пронесутся надъ головами гигантовъ, не пошатнувъ ихъ. Надъ фабулой личнаго горя по погибшей жизни, по утратѣ Астарты, возвышается вѣковѣчная трагедія всего человѣчества.

Сколько возбужденій къ мысли и творчеству обѣщали Байрону благодатныя условія жизни среди природы, возрождавшей его, въ странѣ свободы, въ постоянномъ общеніи съ великимъ и чистымъ душою другомъ-поэтомъ! Но это свѣтлое время приходило къ концу. Семья Шелли стала спѣшно сбираться въ Англію, встревоженная положеніемъ Claire. Безъ Шелли Байронъ не долго оставался въ Швейцаріи. Страсть къ кочеваніямъ влекла его

---

[1]) „Göthes Gespräche", herausgegeben von Wold. von Biedermann. Leipz. 1889—1891 (собраніе всѣхъ кѣмъ-либо, въ томъ числѣ и Эккерманомъ, записанныхъ разговоровъ съ Гёте), V, 308, VII, 110.

[2]) „Histoire de la littérature anglaise", 1864, IV, 584.

дальше, на югъ, въ Италію. Онъ снова уйдетъ въ горы, углубится въ ихъ заповѣдную глушь и тишину, но съ тѣмъ, чтобъ отъ снѣговъ и тумановъ спуститься къ свѣту, теплу и нѣгѣ. Отдаленнѣйшій горизонтъ, разукрашенный поэтическою фантазіей, неотступно сталъ манить его,—то была Венеція, послѣ Востока всегда, съ дѣтства, наиболѣе привлекавшая его воображеніе („the greenest island of my imagination", IV, 7). Онъ долженъ непремѣнно увидать ее...

28 августа Шелли въ послѣдній разъ былъ въ яхтѣ на „сапфирныхъ волнахъ озера", и на другой день покинулъ Женеву для Англіи [1];—пять недѣль спустя, Байронъ плылъ по тому же озеру въ сторону Вильнёва и Шильона, высадился близъ впаденія Роны, и вдоль нея сталъ медленно двигаться по Валлису въ сторону Симплона. Снова зашумѣли водопады, и солнце заиграло въ ихъ водахъ радугой, снова горная свѣжесть вливала новыя силы въ странника; на симплонскомъ перевалѣ онъ опять у порога страны снѣговъ, — и затѣмъ, въ быстрой смѣнѣ картинъ, разукрашенная яркими красками жгучей ранней осени, раскинулась обѣтованная земля, Италія, — отнынѣ надолго его второе отечество. Вотъ Lago Maggiore съ Борромейскими островами, красивыми, но на его взглядъ слишкомъ искусственно нарядными; вотъ Миланъ, гдѣ вниманіе раздробилось между соборомъ, Амвросіанской библіотекой (Байронъ, едва обративъ вниманіе на остальныя рѣдкости, съ увлеченіемъ читалъ любовныя письма Лукреціи Борджіа къ кардиналу Бембо и вымолилъ себѣ частицу ея золотистаго локона) и вечерами въ обществѣ, съ интеллигентными гостями въ родѣ Монти или Стендаля [2]; вотъ Верона съ ея римской ареной, гробницей Юліи и поэтическими отголосками Шекспира. Наконецъ, вдали, среди искрящагося моря, словно выдвинутое волшебной силой съ его дна, показалось причудливо фантастическое скопленіе башенъ, колоннъ, дворцовъ, колоколенъ, мачтъ.

Это была „царица лагунъ", Венеція.

Алексѣй Веселовскій.

---

[1]) Dowden, The life of P. B. Shelley, II, 43.

[2]) Монти сначала привлекъ его вниманіе, и онъ вдался въ долгую бесѣду съ нимъ объ итальянской литературѣ, зная, что передъ нимъ одинъ изъ выдающихся ея дѣятелей. Но стоило ему узнать, что онъ трижды перемѣнилъ фронтъ, вѣчно колеблясь между симпатіями къ народному дѣлу, къ французамъ и австрійцамъ, онъ прозвалъ его „парнасскимъ Іудой" и не захотѣлъ болѣе его видѣть. Стендаль набросалъ тогда же характеристику Байрона, въ общемъ довольно вѣрную, уловившую, напр., раздвоеніе его характера.

ДУБРОВИНЪ

РОМАНЪ

изъ крестьянской жизни.

I.

Изъ лѣса, по направленію къ деревнѣ, которая виднѣлась вблизи за горою, выбѣжала собака—сетеръ, и за нею черезъ нѣсколько времени вышли двое молодыхъ людей съ ружьями за плечами. Они были одинаковаго, средняго роста, но не одного возраста: одному, блѣднолицему, съ черными вьющимися волосами, казалось лѣтъ около двадцати; а другому, бѣлокурому, съ большими выразительными глазами и смѣлымъ взглядомъ, можно было дать не болѣе семнадцати. Черноватый несъ за плечами сѣтку, въ которой было нѣсколько штукъ убитой дичи, и сосредоточенно молчалъ, а его товарищъ несъ только одно ружье,—отличной работы, центральнаго боя,—которое часто перекладывалъ съ одного плеча на другое и что-то насвистывалъ. Оба они были видимо очень утомлены.

— А мы сегодня, Григорій Сергѣичъ, много мѣста исходили... Да и устали же порядкомъ! — съ деревенскимъ выговоромъ сказалъ наконецъ черноватый, поправляя за плечами ружье.

— Я не особенно усталъ! Я еще верстъ двадцать могъ бы пройти,—съ юношескимъ задоромъ отвѣчалъ ему Григорій Сергѣичъ, и съ веселой улыбкой поглядѣлъ на него.—Ты, Борисъ, какой-то чванный, какъ барышня,—прибавилъ онъ. И засмѣялся.

Борисъ недовѣрчиво взглянулъ на него и промолчалъ.

— Давай же отдохнемъ. Сядемъ вотъ на травку. Поговоримъ.

Они сѣли на траву, у дороги. Григорій Сергѣичъ снялъ съ плечъ ружье и, отложивъ его въ сторону, закурилъ папиросу.

И въ тонѣ, и въ жестахъ Григорія Сергѣича былъ виденъ человѣкъ культурнаго воспитанія. Онъ просто и дружески относился къ своему товарищу, но сознаніе своего превосходства надъ нимъ невольно сказывалось въ каждомъ его словѣ.

— А скверно это, что ты не куришь, Борисъ! Отчего ты не научишься? — спросилъ онъ, улегшись на спину и выпуская дымъ тонкой струйкой.

— Для чего учиться? Въ этомъ нѣтъ необходимости для человѣка,—спокойно и серьезно отвѣчалъ Борисъ.

— Ха-ха-ха! Чудакъ человѣкъ, онъ только хочетъ дѣлать то, что... въ чемъ есть необходимость для человѣка! А вѣдь это, пожалуй, и очень хорошо... только скучно,—уже серьезно прибавилъ онъ. — Да бросимъ говорить о куреньѣ. Ты знаешь ли: мнѣ сегодня на свиданье нужно идти. Ночью... Я не говорилъ тебѣ объ этомъ?

— Нѣтъ, не говорили. Съ кѣмъ?

— Съ Катей. Она въ городъ уѣхать собирается. Глупость какая!—рѣзко проговорилъ онъ, приподнимаясь и сжимая въ зубахъ папиросу.—Я ее не пущу.

— А что же вамъ-то?

На лицѣ Григорія Сергѣича появилось выраженіе строгости и упорства, но потомъ оно вдругъ измѣнилось и стало привѣтливымъ и спокойнымъ.

— Ты знаешь, Борисъ,—съ дружескою довѣрчивостью проговорилъ онъ:—я привыкъ къ Катѣ. Она—вѣдь правда!—хорошая дѣвушка... По крайней мѣрѣ, во все время нашего знакомства, я слышалъ отъ нея только все хорошее.

Борисъ задумался и ничего не отвѣчалъ на это.

— Она хорошая!—съ твердостью повторилъ Григорій Сергѣичъ.—Я женюсь на ней. Можетъ быть, и скоро будетъ наша свадьба.

— Вѣдь вамъ еще нѣтъ восемнадцати годовъ? — спросилъ Борисъ, съ удивленіемъ и недоумѣніемъ поглядѣвъ на него.

— Такъ что-жъ! У меня митрополиту прошенье послано— разрѣшитъ навѣрное жениться; до восемнадцати лѣтъ мнѣ только трехъ мѣсяцевъ недостаетъ. А что ты такъ „удивительно“ смотришь на меня?

— Да такъ. Я думаю, что слишкомъ вы торопитесь, Григорій Сергѣичъ! Да и...

— Что-жъ тутъ худого, что я тороплюсь! — горячо заговорилъ онъ.—Мнѣ надоѣла эта бобыльская жизнь въ „благородномъ“ Жулинскомъ семействѣ! Слова не съ кѣмъ сказать по душѣ; всѣ только и думаютъ, какъ бы съ тебя вытянуть лишній рубль. Да это—чортъ съ нимъ! А невозможно же человѣку такую жизнь вести, чтобы всегда быть одному и одному. Я не старикъ.

— Это все вы правильно говорите, Григорій Сергѣичъ. Только вотъ насчетъ Кати-то...

— Что насчетъ Кати?

— Въ народѣ говорятъ объ ней нехорошо.

— И пусть говорятъ сколько угодно. Я знаю, что она добрая и честная дѣвушка.

— Вотъ насчетъ честности-то и, говорятъ, нехороша. Вы знаете, какъ трудно въ городѣ дѣвушкѣ прожить и чтобы не избаловаться,—прибавилъ онъ уклончиво.

— Все это—вздоръ! Ты—мой другъ, Борисъ, и не хочешь меня поддержать! — произнесъ онъ съ упрекомъ и нервно бросилъ на дорогу недокуренную папиросу.

— Я вамъ зла не желаю, а добра, — искренно и твердо отвѣчалъ Борисъ.

— Добра!.. Ну, ладно. А все-таки я женюсь на Катѣ—это окончательно рѣшено. Я многимъ ей обязанъ и за многое благодаренъ. Что же, если никто этого не понимаетъ и не принимаетъ въ резонъ... Я понимаю—и достаточно.

Онъ разстегнулъ на груди рубашку и вынулъ на серебряной цѣпочкѣ крестъ и ладонку. Потомъ открылъ ладонку, въ которой хранились бѣлокурые волосы, и долго смотрѣлъ на нихъ.

— Тебѣ нравится этотъ цвѣтъ волосъ?—спросилъ онъ Бориса, показывая ему ладонку.

— Да... обыкновенно... — запинаясь, отвѣчалъ Борисъ. И вздохнулъ.

— Цвѣтъ почти-что пепельный... Это волосы Кати,—съ нѣжностью прибавилъ Григорій Сергѣичъ.

Онъ закрылъ ладонку и спряталъ ее на груди.

— Хорошо имѣть близъ себя человѣка, котораго любишь! Можешь обмѣняться съ нимъ мыслями и чувствами... Поддержку будешь себѣ имѣть въ трудную минуту жизни, привязанность, — задумчиво говорилъ онъ.—А одному жить скверно! Лучше и не жить.

Въ голосѣ Григорія Сергѣича послышалось чувство раздраженія и отвращенія. Онъ всталъ на ноги и взялъ ружье.

— Пойдемъ, Борисъ.

И они пошли къ деревнѣ.

По лицу Бориса было видно, что онъ что-то хотѣлъ высказать Григорію Сергѣичу, но не рѣшался. Пройдя нѣсколько времени молча, онъ переложилъ ружье съ одного плеча на другое, поправилъ шапку на головѣ и робко проговорилъ:

— Я все это понимаю, Григорій Сергѣичъ, что̀ вы говорите. Да только я хотѣлъ сказать вамъ, что какъ бы не ошибиться...

— Въ чемъ?

— Въ женитьбѣ! Дѣло большое. А Катя... она—это вѣрно —хорошая дѣвушка, какъ бы ничего за ней не было... Да вѣдь она изъ крестьянъ, а вы...

— Ахъ, вотъ ты о чемъ!—разсмѣялся Григорій Сергѣичъ.— Ну, братъ, у меня на это есть свои взгляды:—мужикъ ли, или дворянинъ,—все равно человѣкъ. Мужичка можетъ быть благороднѣе дворянки. Ну, она не развита, такъ вѣдь и я тоже не вполнѣ образованный. Мы съ ней безъ баловъ и маскарадовъ скучать не будемъ. Проживемъ какъ-нибудь! Надо дѣлать въ жизни доброе, а не объ этомъ заботиться.

— Значитъ, что̀ вамъ надо, то вы все въ ней и найдете?

— Да, конечно. Борисъ! мнѣ не нравится, что вы такъ унижаете себя! Дворянинъ—это по-вашему особенный, очень хорошій человѣкъ. Вѣдь это невѣрно. Онъ хорошій—не хорошій, а только кажется такимъ, — поправился Григорій Сергѣичъ,— только потому, что живетъ въ лучшихъ условіяхъ. Крестьяне съ дѣтства начинаютъ заглушать въ себѣ все хорошее... Нѣтъ! я невѣрно выразился: все красивое, — снова поправился онъ;—а дворяне, или другіе богатые люди, развиваютъ въ себѣ это красивое. Потому и получается разница. Но вѣдь вы—чудаки вы этакіе!—гордиться бы могли тѣмъ, что несете на себѣ такую тяжесть и по вашей милости дворяне дѣлаются богатыми и красивыми! Какъ этого ты не можешь понять—я удивляюсь!

— Нѣтъ, я понимаю это! — съ волненіемъ произнесъ Борисъ.—Я это понимаю. Это хорошо вы сказали, Григорій Сергѣичъ!

— Ну, наконецъ, понялъ! Теперь тебѣ ясно, почему я хочу жениться на Катѣ? И не боюсь?

Лицо Бориса снова мгновенно омрачилось. Онъ не сразу отвѣтилъ.

— Понять-то понялъ. Только...

— Что̀ еще?

— Да хорошо ли вы знаете-то ее?

Григорій Сергѣичъ съ недоумѣніемъ пожалъ плечами.

— Какъ знаете, такъ я и ничего больше говорить не стану,— съ облегченіемъ сказалъ Борисъ.

Они пошли, весело разговаривая, какъ близкіе друзья.

II.

Григорій Сергѣичъ Дубровинъ былъ сынъ извѣстнаго нѣкогда богача, кавалерійскаго полковника, Сергѣя Андреевича Дубровина, имѣвшаго въ Сибири золотые пріиски и металлическіе заводы.

Необходимо сказать нѣсколько подробнѣе объ его отцѣ.

Совершивъ военное поприще, пресытясь и утомясь разгуломъ блестящей свѣтской жизни, Сергѣй Андреевичъ переселился въ деревню, на лоно природы, поставивъ высшею задачею для себя взять отъ жизни безъ остатка всѣ удовольствія и наслажденія, какія только она могла дать за его богатства. Домъ обширнаго имѣнія Сергѣя Андреевича, гдѣ онъ поселился, былъ настоящій дворецъ.

Онъ стоялъ на высокомъ берегу озера, открывая далеко кругомъ живописные виды неба, воды, лѣса, луговъ и незатѣйливыхъ строеній крестьянскихъ деревень.

Каменный, четырехъ-этажный, онъ красовался съ наружной стороны барельефами и балконами, обставленными зеленью и цвѣтами. Прямо противъ него, по склону берега озера, внизъ до воды, гдѣ были устроены прекрасныя купальни, шла широкая каменная лѣстница, украшенная фигурными перилами и ровно подстриженными акаціями.

Съ одной стороны къ дому примыкалъ тѣнистый садъ, сквозь зелень котораго мелькали бесѣдки, клумбы, цвѣты и статуи; съ другой стороны, со стороны подъѣзда, тянулась по берегу озера почти на версту липовая аллея.

Въ торжественные дни — крестины или именины, особенно если это приходилось лѣтомъ, въ ясную погоду—здѣсь все чрезвычайно оживлялось; не только уѣздная аристократія, но много и петербургской знати съѣзжалось сюда, въ экипажахъ, бричкахъ и тарантасахъ. Весь домъ Сергѣя Андреевича и садъ — все тогда горѣло и сіяло разноцвѣтными огнями; гремѣла музыка, раздавалось пѣніе и сжигались великолѣпные фейерверки.

Сергѣй Андреевичъ имѣлъ много собственныхъ лѣсовъ, озеръ, сѣнокосныхъ пустошей и пахотной земли, но къ сельскому хозяйству не чувствовалъ никакого расположенія; пахотную землю, покосы и рыбныя ловли онъ отдавалъ въ аренду крестьянамъ сосѣднихъ деревень и большую часть времени проводилъ на охотѣ, которую страстно любилъ.

Онъ содержалъ огромный штатъ егерей; у него имѣлись прекрасныя лошади и большія своры дорогихъ собакъ; сотни мужиковъ и бабъ собирались къ нему на облаву, когда охотился онъ на краснаго звѣря.

Несмотря на то, что жена Сергѣя Андреевича—уже третья—была молода, красива и онъ имѣлъ отъ нея двухъ сыновей, у него были три любовницы, изъ благородныхъ, и въ домѣ его держалось много женской прислуги, которая выбиралась изъ молодыхъ и красивыхъ, и изъ нихъ не было ни одной, съ которой бы Сергѣй Андреевичъ не сходился до крайней интимности. Онъ до того привыкъ къ такому образу жизни, до того освоился съ этимъ, что считалъ совершенно естественнымъ и нормальнымъ жить исключительно въ свое удовольствіе, разсыпая деньги направо и налѣво и ничуть не заботясь о томъ, что̀ изъ этого могло быть впослѣдствіи.

Но не вѣчно же судьба балуетъ человѣка, гладитъ его по головкѣ и улыбается ему. На сорокъ-пятомъ году, еще въ полнотѣ жажды жизни, „надеждъ и силъ“, когда можно было разсчитывать прожить еще лѣтъ пятнадцать-двадцать „наслаждаясь“, Сергѣй Андреевичъ вдругъ простудился на охотѣ, заболѣлъ и умеръ.

Жена̀ его и старшая дочь, Леля, умерли нѣсколькими годами раньше его. Богатое Дубровинское имѣніе—лѣса, пустоши и озера—все было продано съ молотка на уплату долговъ, которыхъ оказалось очень много, и малолѣтнимъ наслѣдникамъ Дубровина, Николаю и Григорію, осталось лишь деньгами около сорока̀ тысячъ, мебель, собаки и лошади, да металлическіе заводы, заложенные въ казну.

Сердце человѣка въ раннемъ дѣтствѣ еще такъ чисто и нѣжно, какъ начинающій распускаться цвѣтокъ, и всякое грубое прикосновеніе къ нему лишаетъ его свѣжести, оставляя на немъ часто неизгладимые слѣды, а иногда и губитъ безвозвратно на всю жизнь.

Жизнь Сергѣя Андреевича именно и была тѣмъ нечистымъ и грубымъ прикосновеніемъ, отъ котораго стали закрываться души его сыновей ко всему хорошему и въ нихъ начали развиваться, какъ заразная болѣзнь, дурныя наклонности.

Григорію Сергѣичу Дубровину было около трехъ лѣтъ, когда умерла его мать, и онъ зналъ о ней только по разсказамъ своего, тремя годами старшаго, брата Николая. Тотъ часто говорилъ ему, какая была у нихъ мать добрая, ласковая, какъ сильно она любила ихъ и жалѣла...

Сестра ихъ (отъ первой жены Дубровина), Леля, уже немолодая дѣвица, равнодушная и брезгливая, не обращала на нихъ никакого вниманія, а отецъ былъ хотя и съ добрымъ сердцемъ человѣкъ, но, какъ глубокій развратникъ, выше угожденія плоти своей ничего въ жизни для себя не находилъ. Онъ тоже любилъ дѣтей, насколько могъ любить ихъ человѣкъ его характера, но больше былъ занятъ охотою да любовницами, а ихъ оставлялъ на попеченіе гувернеровъ и прислуги.

И съ первыхъ дней, какъ только въ дѣтяхъ начало проявляться сознаніе и чувство, имъ уже стало понятно, что они— одинокія, заброшенныя дѣти, и нѣтъ у нихъ такого человѣка, къ которому могли бы они привязаться сердцемъ своимъ и который бы могъ полюбить ихъ такъ, какъ ихъ мать когда-то любила.

И, какъ ни старались держать это въ тайнѣ, но иногда, случайно, приходилось имъ видѣть, какъ отецъ, принимая у себя незнакомыхъ имъ женщинъ, былъ съ ними такъ ласковъ, какъ и съ дѣтьми никогда не былъ; случалось подмѣчать его страстные, плотоядные взгляды; приходилось слышать, тоже случайно, отъ прислуги, что отецъ ихъ „беззаконникъ", съ любовницами живетъ, и третья жена его—мать ихъ—изъ-за этого нажила чахотку и умерла...

Все это наводило ихъ на горькія, нехорошія думы и ожесточало. И все это они держали въ тайнѣ на сердцѣ своемъ, и отецъ не подозрѣвалъ того, что они знали о немъ.

Снаружи все въ жизни ихъ было благопристойно: отецъ доволенъ былъ ихъ ученьемъ и дарилъ ихъ конфектами за успѣхи; за обѣдомъ сажалъ ихъ рядомъ съ собою, гладилъ по волосамъ, и не думалъ о томъ, что въ это время между нимъ и дѣтьми уже было столько притворства, лжи и тайнаго отчужденія!..

А къ хитрости и лжи дѣти привыкли рано. Когда отецъ запирался въ комнатѣ съ какою-нибудь женщиною, они подглядывали въ замочную щель, открывая страшныя тайны его позорной „любви".

Они крали у отца деньги и, подражая ему, дарили ихъ женской прислугѣ за исполненіе нѣкоторыхъ прихотей, въ ихъ возрастѣ вредныхъ и постыдныхъ...

На воровствѣ денегъ дѣти изощряли всѣ свои способности

и выхвалялись другъ передъ другомъ тѣмъ, кто ловчѣе могъ это сдѣлать. Гришѣ это удавалось легче, чѣмъ Николаю, потому что онъ былъ ближе къ отцу,—Сергѣй Андреевичъ его больше любилъ, можетъ быть за то, что онъ былъ моложе и понималъ отца меньше, чѣмъ старшій сынъ...

Сергѣй Андреевичъ держалъ деньги въ письменномъ столѣ, ключъ отъ котораго, когда ложился спать, клалъ себѣ подъ подушку. Намѣреваясь совершить воровство, дѣти всегда прежде сговаривались, какъ это сдѣлать. Вечеромъ, когда отецъ, уходя спать, прощался съ ними, Гриша бросался къ нему на шею и говорилъ: „Папа, милый! я хочу съ тобой спать. Я безъ тебя не хочу спать!“ И отецъ, уступая этой нѣжной просьбѣ, бралъ его съ собою. Ночью, когда Сергѣй Андреевичъ засыпалъ, Гриша вынималъ изъ-подъ подушки ключи и, не сходя съ кровати, передавалъ ихъ Николаю, который тихонько прокрадывался въ родительскую спальню и послѣ совершалъ кражу. Но крали они осторожно, по нѣскольку рублей, чтобы незамѣтно было, и Сергѣй Андреевичъ не подозрѣвалъ, что̀ они дѣлали.

Немалымъ развлеченіемъ было для дѣтей и то, что они крали изъ буфета вино и напивались до-пьяна. Тогда они принимались буянить, ссорились и дрались съ прислугою. Но такъ какъ всѣ сторонились отъ этого, то они уже били кого могли—собакъ и кошекъ; часто дрались между собою и потомъ мирились, со слезами прося прощенія другъ у друга.

Въ такія минуты они даже отцу говорили дерзости, что̀ очень его огорчало. Но ему почему-то словно совѣстно было строго взыскивать съ нихъ за это...

Кое-какъ приготовивъ, Сергѣй Андреевичъ поспѣшилъ сбыть ихъ съ рукъ: Николай былъ опредѣленъ въ кадетскій корпусъ, а Григорій—въ кавалерійское училище.

Но жизнь въ военныхъ училищахъ показалась имъ очень тяжелою. Николай еще кое-какъ терпѣлъ, а Гриша учился очень небрежно, и, наконецъ, послѣ большой драки между юнкерами, въ которой онъ былъ зачинщикомъ, его съ сабельною раною на головѣ исключили изъ училища. Въ то время Сергѣй Андреевичъ умеръ, и Николай уже тоже былъ исключенъ изъ кадетскаго корпуса.

Очутившись на свободѣ, братья, пока не была учреждена надъ ними опека, жили разгульно и безпутно, — они пили мертвую.

Николай не выдержалъ пьянства и скоро умеръ. Гришѣ доктора запретили пить вино подъ страхомъ преждевременной

смерти, и онъ до того боялся и не хотѣлъ умирать, что сразу пересталъ пить навсегда.

Надъ нимъ была учреждена опека; лошади и собаки проданы, за исключеніемъ одного любимаго Дубровинымъ коня и двухъ собакъ, и изъ наличнаго капитала, доставшагося ему по наслѣдству, онъ могъ получать проценты до совершеннолѣтія.

III.

Съ остатками вещей отъ имѣнія Дубровинъ переселился въ сосѣднюю деревню, Бураны, къ мѣщанину Жулину, имѣвшему здѣсь два деревянныхъ дома и мелочную лавку.

Онъ занялъ въ домѣ Жулина двѣ маленькія комнаты. Здѣсь жизнь его потекла опредѣленнѣе и ровнѣе, но у него было слишкомъ много празднаго времени, которое онъ не зналъ, на что употребить, и потому скучалъ.

Гриша былъ одинокій и чужой въ семьѣ Жулина.

Онъ видѣлъ, что ухаживаютъ за нимъ не изъ привязанности и любви, но изъ разсчета чѣмъ-нибудь отъ него поживиться. Все это очень его печалило. Ища и не находя выхода изъ своего тяжелаго положенія, онъ часто задумывался надъ жизнью своей и плакалъ одиноко, горько и неутѣшно. Прошлое его было такъ безотрадно,—только одинъ Николай оставилъ въ душѣ его хотя грустную, но дорогую о себѣ память,—настоящее такъ печально, будущее неопредѣленно... И только Богъ одинъ видѣлъ и зналъ, какъ страдалъ онъ въ эти годы юности пылкой и цвѣтущей!

Однажды онъ былъ въ церкви, у обѣдни. Когда кончилась литургія, онъ пошелъ на могилу отца и, сѣвъ подъ чернымъ мраморнымъ крестомъ, сталъ глядѣть на народъ, проходившій мимо него. Всѣ были чѣмъ-то заняты, у всѣхъ, даже самыхъ бѣдно одѣтыхъ, были такія спокойныя и свѣтлыя лица... „Почему только мнѣ одному тяжело и только я одинъ не нахожу себѣ покоя?"—думалось ему. И онъ припомнилъ свою прошлую жизнь... Что̀ онъ извлекъ изъ нея? Впечатлѣніе непреодолимаго ужаса и отвращенія къ ней. Чему научился хорошему? — Ничему. Онъ кружился до сихъ поръ въ какомъ-то непонятномъ водоворотѣ, отдаваясь непостижимой силѣ, которой подчинялся безъ думы и соображенія. Но, вотъ, насталъ этому конецъ,—его выбросило изъ водоворота съ ослабленнымъ, но не совсѣмъ разрушеннымъ организмомъ, съ надломленными, но не совсѣмъ уби-

тыми душевными силами; онъ опомнился, пришелъ въ себя—и увидѣлъ себя одинокимъ, оторваннымъ отъ всего свѣта и чуждымъ всему. Кругомъ него было движеніе жизни деревенскихъ людей, которыхъ онъ раньше не понималъ и къ которымъ относился безсмыслено и безразлично. Чтò дѣлать теперь? Гдѣ выходъ?..

Ему хотѣлось плакать, но было стыдно постороннихъ.

Мимо него шелъ молодой парень, блѣднолицый, съ курчавыми черными волосами, и, поровнявшись съ нимъ, поклонился ему. Дубровинъ замѣтилъ, что глаза его были заплаканы.

— Здравствуй, Борисъ, — сказалъ онъ ему. — Ты куда ходилъ?

— На могилу отца,—отвѣчалъ Борисъ.

Дубровинъ зналъ этого парня, служившаго писаремъ въ конторѣ становаго пристава, въ ихъ селѣ. Ему нравился открытый и правдивый взглядъ Бориса, спокойная рѣчь и выраженіе лица всегда кротко-задумчивое и серьезное. Онъ чувствовалъ, что имѣетъ съ нимъ нѣчто общее. Когда онъ бывалъ у пристава, то всегда видѣлся съ Борисомъ, любилъ поговорить съ нимъ и давалъ ему читать свои книги.

Борисъ былъ единственный сынъ отставного солдата, имѣвшаго въ Буранахъ свой домикъ, усадьбу, и служившаго много лѣтъ при становой конторѣ въ должности сотскаго. Онъ тоже лишился матери, когда ему было десять лѣтъ, а потомъ, черезъ пять лѣтъ, умеръ и отецъ. Вначалѣ Борисъ, по просьбѣ отца, былъ пристроенъ помощникомъ писаря въ конторѣ, а послѣ, оказавшись очень способнымъ и услужливымъ, сталъ исправлять должность писаря самостоятельно и безъ помощника.

— Ты не торопишься, Борисъ? Сядь со мной, на минуту. Поговоримъ.

Борисъ сѣлъ съ нимъ рядомъ.

— У тебя глаза заплаканы... О чемъ ты плакалъ?..

— Такъ... Отца вспомнилъ—и сгрустнулось.

— Ты думаешь, что еслибы живъ былъ отецъ, такъ тебѣ было бы лучше?

— Думаю, что лучше. Одному вѣдь, Григорій Сергѣичъ, печально жить на свѣтѣ!

— Это правда! Я это знаю. А я такъ не могу понять, чтò было бы лучше и чтò хуже... Я сидѣлъ вотъ тутъ и смотрѣлъ на народъ;—идутъ все такіе спокойные и веселые... и позавидовалъ имъ. Отчего они такъ веселы и спокойны?..

— Богъ ихъ знаетъ. Работаютъ, многаго не желаютъ—вотъ

и спокойны. Я думаю такъ. А бываетъ часто, что и у нихъ горя много—бѣдность и нужда.

Дубровинъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ слушалъ эти слова и пристально слѣдилъ за выраженіемъ лица Бориса. Потомъ задумался. „Отчего можно быть спокойнымъ и веселымъ?“— это былъ для него вопросъ жизни.

Къ церкви въ это время подъѣхалъ свадебный поѣздъ.

Женихъ, молодой парень, одѣтый въ сильно поношенное платье и въ истоптанныхъ сапогахъ, вылѣзъ изъ телѣжки и пошелъ въ церковь. За нимъ повели невѣсту, одѣтую такъ, какъ обыкновенно одѣваются деревенскія дѣвушки въ праздничный день.

Много молодежи и бабъ шли смотрѣть вѣнчаніе.

— Ты знаешь, кто это будетъ вѣнчаться?—спросилъ Дубровинъ Бориса.

— Это изъ нашего села парень. Онъ недавно изъ города пріѣхалъ, чтобы сыграть свадьбу. Мать у него старая и нездорова, а въ семьѣ больше бабъ нѣту и работать некому.

— Неужели же для работы и женится?..

— А какъ же? Хозяйство вѣдь надо вести.

— Богато онъ живетъ?

— Нѣтъ. Бѣдняки.

— Пойдемъ, посмотримъ, какъ будутъ вѣнчать?

— Пожалуй, пойдемте.

Они вошли въ церковь.

Женихъ и невѣста стояли рядомъ, въ ожиданіи священника. Дубровинъ разсмотрѣлъ ихъ простыя, сосредоточенныя лица, и не нашелъ на нихъ признаковъ унынія и печали.

„Живутъ въ бѣдности, а не унываютъ; женятся и надѣются, что будутъ жить какъ люди... У нихъ есть опредѣленная цѣль, они знаютъ, что̀ имъ нужно дѣлать,—потому, можетъ быть, и спокойны“,—думалъ Дубровинъ. И чувствовалъ, какъ въ сердце его проникаетъ свѣжая струя какого-то отраднаго сознанія, чего онъ раньше не имѣлъ въ себѣ.

Вышелъ псаломщикъ изъ алтаря и сталъ записывать въ книгу жениха и невѣсту и свидѣтелей. Свидѣтелей грамотныхъ оказалось недостаточно, и Борисъ предложилъ свои услуги. Дубровинъ, слѣдуя примѣру Бориса, тоже расписался въ книгѣ, не смущаясь пристальнымъ и удивленнымъ взглядомъ псаломщика. Сдѣлавъ это, онъ даже почувствовалъ удовлетвореніе, сознавая, что не только не совершилъ этимъ ничего для себя предосудительнаго но поступилъ какъ порядочный человѣкъ, чуть ли не въ пер-

вый разъ презирая условія своей обособленности отъ простого народа.

Когда кончилось вѣнчаніе, ему захотѣлось видѣть, какъ пируютъ крестьяне на свадьбѣ—чего онъ раньше никогда не видалъ. Они съ Борисомъ пошли вслѣдъ за толпою народа къ избушкѣ жениха. Тамъ было такъ тѣсно, что даже въ сѣняхъ стоялъ народъ. Въ растворенную дверь Дубровинъ увидѣлъ новобрачныхъ, сидящихъ въ большомъ углу, подъ образами, передъ которыми горѣли свѣчи. Большій дружко громко выкликалъ родныхъ; новобрачные вставали и цѣловались, когда имъ говорили: „горько"; дѣвицы пѣли „величанія". Было очень оживленно, весело и шумно.

Дубровина развлекали и занимали эти невиданныя имъ церемоніи деревенской свадьбы. Крестьяне, окружавшіе его, были почтительны съ нимъ, давали ему свободное мѣсто и относились къ нему съ какимъ-то сердечнымъ участіемъ, какъ будто жалѣли его и считали своимъ роднымъ. И Дубровинъ чувствовалъ себя хорошо.

— Чтò, новобрачный-то зажиточно живетъ?—спросилъ онъ дѣвушку, стоявшую съ нимъ рядомъ.

— Нѣтъ. У него одна лошадь да коровушка, земли на тягло, а братьевъ двое,—бойко отвѣчала ему дѣвушка.

— Не весело имъ будетъ жить въ такой бѣдности?

— Благо сошлись по любви, а за работой скучать будетъ некогда, — отвѣчала дѣвушка. И улыбнулась ему такъ весело, что Дубровинъ самъ невольно улыбнулся.

— А развѣ въ любви да въ работѣ счастье?—спросилъ онъ.

— А то какъ же? Это извѣстно.

„Извѣстно!—подумалъ Дубровинъ.—Имъ извѣстно. Счастливые люди!" Онъ посмотрѣлъ на дѣвушку такъ же, какъ смотрѣлъ на Бориса, когда сидѣлъ съ нимъ на могилѣ, и чувство благодарности и какой-то нѣжности къ ней шевельнулось въ немъ. Дѣвушка тоже съ участіемъ смотрѣла на него своими голубыми, ласковыми глазами, какъ смотритъ старшая сестра на брата. Дубровину показалась она болѣе развитой, чѣмъ другія деревенскія дѣвушки.

Въ это время ее позвали изъ избы:

— Катя, чтò ты тамъ? Иди пѣсни пѣть!

И Катя ушла отъ Дубровина въ избу

Слова ея глубоко запали ему въ душу, и онъ повѣрилъ въ нихъ съ радостью и благодарностью къ ней. Ему почему-то запомнилась веселая улыбка дѣвушки, ея ласковый взглядъ и нѣжный, задушевный голосъ.

Онъ возвратился со свадьбы домой какъ пробужденный отъ тяжкаго и долгаго сна, чувствуя, что его охватило чѣмъ-то новымъ, хорошимъ, животворнымъ.

— Чья эта дѣвушка, что̀ говорила со мною?—спросилъ онъ Бориса.

— Это—вдовина дочка. Онѣ живутъ вдвоемъ съ матерью. Она только на лѣто пріѣзжаетъ домой, а то все живетъ въ городѣ.

— Хотѣлъ бы я еще поговорить съ нею.

— Что-жъ, это можно. Сколько угодно.

Дубровину въ тотъ же день, вечеромъ, удалось еще увидѣться съ Катею и поговорить. Послѣ онъ сталъ часто ходить на „посидѣлки“ деревенской молодежи и проводилъ съ Катею цѣлыя ночи. Кончилось тѣмъ, что они полюбили другъ друга. Злые языки говорили, что Катя съ корыстнымъ разсчетомъ завлекла Дубровина. Но это было невѣрно—она нашла доступъ къ его сердцу своимъ простодушіемъ, искренностью и умѣньемъ вѣжливо и скромно держать себя въ обществѣ деревенской молодежи. Она любила Дубровина не за то, что онъ былъ красивъ и богатъ (хотя онъ былъ и красивъ, и богатъ), а изъ жалости и участія къ его судьбѣ.

Она была умная дѣвушка и растолковала ему, что онъ могъ бы устроить жизнь свою иначе: жениться, обзавестись хозяйствомъ, работать и жить безъ нужды и скуки. Дубровину понравилась эта мысль, потому что она указывала ему выходъ изъ его тяжелаго положенія. И онъ рѣшился непремѣнно и безотлагательно жениться.

Это было для него свѣтлой надеждой на возрожденіе.

Хотя Катя была двумя годами старше его и въ народѣ ходила молва, что жила она въ городѣ не безгрѣшно; говорили даже, что пріѣхала въ деревню беременною... но Дубровинъ, несмотря на все это, любилъ ее искренно, цѣломудренно, и не вѣрилъ тому, что̀ о ней говорили.

Такъ высоко цѣнилъ онъ сердечную привязанность человѣка и такъ онъ жаждалъ этой привязанности!..

IV.

Въ тотъ день, какъ Дубровинъ съ Борисомъ были на охотѣ, въ домъ Жулина, со двора, вошелъ крестьянинъ, одѣтый подеревенски прилично—въ высокихъ сапогахъ и немного поношен-

номъ пиджакѣ и картузѣ. Онъ несъ подъ мышкою завернутую въ платокъ новую гармонику.

На лѣстницѣ дома стоялъ низенькій, черненькій, съ жидкой бородкой и глядящими исподлобья бойкими свѣтящимися глазами человѣчекъ,—это былъ Жулинъ.

Вошедшій крестьянинъ снялъ картузъ и, поклонившись Жулину, сказалъ:

— Здравствуйте, Нилъ Иванычъ!

Жулинъ на это чуть кивнулъ ему головой.

— Ты чтò?—спросилъ онъ.

— Да я къ Григорію Сергѣичу.

— Его нѣтъ дома,—отрѣзалъ Жулинъ.

— А гдѣ же они?

— А на охоту ушелъ, что-ли,—сказалъ Жулинъ, какъ-то въ носъ. И отвернувшись, пошелъ въ домъ.

Крестьянинъ въ нерѣшимости остановился и не зналъ, ждать ли ему Дубровина здѣсь, или, пока, уйти куда-нибудь.

На крыльцо вышла старая и полная женщина, въ чистомъ передникѣ и ситцевомъ платьѣ, сшитомъ по городскому фасону. Крестьянинъ съ гармоникой поклонился ей такъ же, какъ и Нилу Иванычу.

— Здравствуйте, Анна Петровна!—сказалъ онъ.

— Здравствуй, милый. Да кто это? — прищурилась Анна Петровна.— А, это гармонщикъ, кажись? Никифоръ?..

— Да, я самый.

— Да ты что же это: къ Григорью Сергѣичу? Онъ на охотѣ. Сейчасъ, надо быть, придетъ. Да что-жъ тамъ-то тебѣ стоять? Зайди въ домъ; хоть на кухнѣ, вотъ, обожди.

Гармонщикъ вошелъ за Анной Петровной на кухню.

— Гармошку принесъ нашему-то? — бойко и слащаво говорила Анна Петровна, садясь на деревянномъ табуретѣ, у стола.—Садись, садись на лавку-то,—пригласила она.

— Да, гармонь.

— За сколько же?

— За пятнадцать рублей.

— Такъ, такъ. Онъ вспоминалъ, когда принесешь. Вѣдь ему только и удовольствія, что на гармошкѣ поиграетъ... Да вотъ еще на охоту сходитъ, али на бесѣду къ дѣвушкамъ.

Анна Петровна остановилась на минуту, но такъ какъ гармонщикъ молчалъ, она опять бойко и плавно заговорила:

— А такъ онъ охочъ до деревенскихъ гуляньевъ, что страсть; сидитъ иной разъ, книжку читаетъ, и только завидитъ, что хо-

лостяки съ дѣвушками пошли по дорогѣ, да заслышитъ гармонь,— все броситъ и бѣжитъ на гулянье.

Она опять замолчала, выжидая, что̀ скажетъ ея собесѣдникъ. Гармонщикъ помолчалъ немного и сказалъ:

— Что-жъ, дѣло молодое—чѣмъ-нибудь надо заняться.

— Да, извѣстно. Это ты, Никифорушка, правду говоришь. А только и нехорошо, что онъ съ деревенскими этакъ гуляетъ! Его и приставъ вѣдь, иной разъ, приглашаетъ къ себѣ, такъ къ тому вотъ не любитъ ходить, а все съ простыми. Съ письмоводителемъ пристава дружбу имѣетъ; на охоту ходитъ съ нимъ, да ружья ему даритъ... Ну, да это еще все не что̀, а съ деревенскими-то, сиволапыми, какая бы ему дружба?... Вѣдь онъ— полковничій сынъ!..

— Да, оно вѣстимо, что... Да,—проговорилъ гармонщикъ.

— Я и говорю! И знаешь ли ты, Никифорушка, — наклонилась она къ самому уху гармонщика и прошептала, принявъ таинственный тонъ,—знаешь ли ты: онъ вѣдь тутъ съ Катей нашей, вдовиной дочкой, связался!

Послѣднія слова она произнесла съ выраженіемъ ужаса и отвращенія, и на мгновеніе остановилась, какъ бы собираясь съ духомъ, потомъ снова горячо заговорила:

— Да вѣдь какъ связался-то! Ну, я понимаю, какъ господа знакомство съ такими водятъ — погулялъ, да и въ сторону. А онъ вѣдь жениться на ней хочетъ! Подумайте,—на такой-то твари! И хоть бы съ человѣкомъ сошелся, — ну, красива бы была,—а то вѣдь и красы-то никакой нѣту; старше его на много лѣтъ, и—всѣмъ вѣдь извѣстно—въ городѣ жила, такъ со всякимъ таскалась..

Анна Петровна очень взволновалась и остановилась, чтобы перевести духъ.

— Да,—сказалъ Никифоръ:—удивительное дѣло.

— Какъ же не удивительное-то, милый ты мой?!.. Да вѣдь она и въ положеніи-то какомъ — вторую половину ходитъ! Съ хорошимъ приданымъ жёнку возьметъ, нечего сказать! — патетически воскликнула она, всплеснувъ руками. — И чего онъ только хочетъ, чего хочетъ?..

— А можетъ наскучило холостякомъ-то жить, — сказалъ Никифоръ.

— Да что̀ тутъ скучать-то — я не понимаю. Чего ему не хватаетъ? Онъ живетъ здѣсь, у насъ, и горя никакого не знаетъ: все ему завсегда готово, все сдѣлано и прибрано, и обмыто, и зашито. Я вѣдь за сыномъ своимъ роднымъ такъ не ухаживаю,

какъ за нимъ! А не великія онъ деньги платитъ за это—двадцать пять рублей только въ мѣсяцъ. Вотъ на товарищей своихъ расходуетъ сколько, а попроси я прибавки, ну хоть за то, что обшиваю его,—это онъ, пожалуй, и поскупится.

При послѣднихъ словахъ Анны Петровны, въ кухню вошла толстая и рябая дѣвка, съ ведрами въ рукахъ.

Анна Петровна повернулась къ ней и, перемѣнивъ слащавый тонъ на строгій, сказала:

— Ты, Акулина, все въ коровникѣ была до сей поры?

— Да. А то гдѣ-жъ мнѣ быть?—удивилась Акулина, поглядѣвъ хозяйкѣ прямо въ глаза.

— Да я не знаю. Что-то долго ты... Полъ-то ты здѣсь, вишь, какъ запустила! Надо бы здѣсь тебѣ почаще мыть. Самоваръ поставь!

Анна Петровна встала.

— Такъ ты обожди, — сказала она Никифору: — Григорій Сергѣичъ теперь навѣрное скоро придетъ.

И она ушла въ комнаты.

— Змѣя лютая!—сказала Акулина ей вслѣдъ.—Все ей ни въ чемъ не потрафить; при чужомъ человѣкѣ срамить начнетъ.

Никифоръ улыбнулся.

— А она, кажись, добрая у васъ, простая, — по разговорамъ-то видать...—сказалъ онъ.

— Да, на словахъ кого хочешь улеститъ. А сама только и думаетъ, чтобы уязвить чѣмъ-нибудь, либо сплетни свести. Небось, тутъ тебѣ жалобы развела?

— Нѣтъ. Она насчетъ Григорья Сергѣича все больше говорила.

— Обижается, что изъ ихнихъ рукъ выйти хочетъ? Такъ. Еще мало они его обирали! То тò выпросятъ, то другое.

Никифоръ снова усмѣхнулся.

— Зато у васъ хозяинъ, кажись, хорошъ,—сказалъ онъ съ оттѣнкомъ насмѣшки.

— Всѣ хороши, и хозяинъ, и хозяйка, и сынъ—вся семья сибирная!

Акулина принялась ставить самоваръ.

Дверь въ кухню отворилась, и на порогѣ показался Дубровинъ.

— Никто ко мнѣ не приходилъ?—спросилъ онъ Акулину, входя въ кухню. Но, увидѣвъ Никифора, онъ весело проговорилъ, подавая ему руку:—А ты уже здѣсь? Отлично. Спасибо.

Услышавъ приходъ Дубровина, Анна Петровна вышла на кухню.

— Пришли?—ласково и заискивающимъ тономъ сказала она. —Я такъ и знала, что вы скоро придете,—самоваръ поставить велѣла. Раздѣньтесь. Тутъ Акулина уберетъ. Убери, Акулина, за Григорьемъ Сергѣичемъ! А я сейчасъ чистое бѣлье вынесу.

И она вынесла изъ комнаты чистое бѣлье.

— Хорошо,—сказалъ Дубровинъ довольно сухо.—Спасибо. Водки, пожалуйста, Анна Петровна, подайте. Я сейчасъ!—обратился онъ къ Никифору, и пошелъ въ свою комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ переодѣтый и пригласилъ Никифора къ себѣ.

Онъ ввелъ его въ длинную и узенькую, обитую дешевыми обоями, комнату съ однимъ окномъ, выходившимъ на улицу. Она почти вся была заставлена разной старой мебелью; налѣво, вдоль стѣны, стояли шкапы, одинъ съ чайной посудой, другой съ платьемъ, рядомъ съ ними—комодъ, а на немъ, подъ стекляннымъ колпакомъ, огромные часы, заводящіеся одинъ разъ въ годъ, показывающіе мѣсяцы, недѣли, дни и перемѣны погоды; направо помѣщалась отгороженная ширмою кровать; у окна—столъ, а надъ окномъ висѣли въ роскошныхъ золоченыхъ рамахъ два портрета, писанные масляными красками: на одномъ былъ изображенъ мужчина въ полковничьемъ мундирѣ и съ какими-то орденами на груди, на другомъ—молодая женщина, въ простомъ черномъ платьѣ, съ густыми длинными волосами, глядящая задумчиво и грустно; въ углу—кіотъ со множествомъ образовъ въ золоченыхъ ризахъ и передъ нимъ серебряная лампада.

— Садись, пожалуйста, — любезно пригласилъ Дубровинъ Никифора, подставляя ему стулъ къ столу. Потомъ взялъ отъ него гармонику и сталъ пробовать голоса.

— Какъ поживаешь?—спросилъ онъ, прислушиваясь къ голосамъ.

— Ничего, помаленьку,—отвѣчалъ Никифоръ.—Теперя вотъ скоро праздникъ у насъ, Ильинъ день, такъ пивà варить ладимся. Въ гости къ намъ милости просимъ.

— Благодарю. Приду, если что-нибудь не помѣшаетъ... Не совсѣмъ, кажется, вѣрно настроенъ?—остановился онъ на одномъ голосѣ.—Съ которымъ онъ долженъ играть?

— Со вторымъ отъ верху.

— Ну, толще.

Никифоръ торопливо взялъ отъ него гармонику, попробовалъ самъ—голосъ игралъ дѣйствительно не совсѣмъ вѣрно. Онъ проворно открылъ доску гармоники, досталъ изъ кармана складной ножъ и, поскобливъ имъ голосъ, настроилъ его правильно.

— И уши же у васъ!—сказалъ онъ Дубровину, передавая ему гармонику.

Дубровинъ усмѣхнулся и заигралъ пѣсню.

Акулина принесла чайную посуду и, поставивъ ее на столъ, стала убирать одежду и обувь, въ которой Дубровинъ былъ на охотѣ.

Когда она, наклонившись, убирала съ пола сапоги и онучи, въ комнату быстро вошелъ сынъ Жулина, Иванъ—лѣтъ семнадцати парень, худощавый и рослый, съ красивымъ и нахальнымъ лицомъ. Иванъ подпрыгнулъ и хотѣлъ, перескочить черезъ Акулину, какъ это дѣлаютъ, играя въ чехарду. Но Акулина успѣла разогнуться и заворчала.

— Опять баловаться?.. У, чтобы ты издохъ да околѣлъ! Шальной!..

И она хотѣла пройти мимо него. Иванъ загородилъ ей дорогу.

— Пусти же!

Онъ не трогался съ мѣста. Акулина замахнулась на него онучею. Иванъ ухватился за онучу, потомъ за сапоги, и вырвалъ ихъ отъ Акулины.

— Куля—Окуля, дай я тебя онучей, вмѣсто платка, повяжу!

И онъ сталъ подходить къ ней, чтобы повязать ее онучею.

— Что это такое! Вотъ я отцу пожалуюсь!—чуть не плача, говорила Акулина.

Никифоръ съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту дикую сцену.

Дубровинъ положилъ гармонику на столъ и всталъ. Онъ поблѣднѣлъ, глаза потемнѣли и двѣ складки рѣзко обозначились между бровей.

— Иванъ,—сказалъ онъ, и въ голосѣ его зазвучала грозная нотка:—ты что здѣсь безобразишь? Что за нахальство!

— Виноватъ, Григорій Сергѣичъ,—заговорилъ Иванъ, отступая отъ двери, чтобы пропустить Акулину, и принимая смиренный видъ.—Пошутилъ. Извините, пожалуйста; больше не буду кухарку безпокоить.

— Не въ этомъ дѣло, а у меня въ комнатѣ я не позволю тебѣ безобразить! Я тебѣ морду разобью, скотина!..

— Больше не буду,—извинялся Иванъ.—Мнѣ объ охотѣ надо поговорить съ вами, Григорій Сергѣичъ,—заговорилъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало:—выводокъ есть большой... Мужикъ гово...

— Убирайся къ чорту и съ выводкомъ!

— Слушаю.

Иванъ повернулся на одной ногѣ и вышелъ.

У Дубровина руки дрожали отъ волненія; казалось, еслибы Иванъ не ушелъ, онъ бросился бы на него съ кулаками.

V.

Народная молва была не напрасна: любопытныя бабы безошибочно угадали горестную тайну Кати и шопотомъ передавали другъ другу всѣ несомнѣнныя примѣты. Только Дубровинъ еще ничего этого не подозрѣвалъ.

Катя знала, что скрываться долѣе было невозможно, и хотѣла уѣхать въ городъ, не дожидаясь осени; она боялась, что Гриша узнаетъ ея тайну, прежде чѣмъ она уѣдетъ изъ деревни. Бѣдная дѣвушка не такъ страдала за себя, какъ за Дубровина, не такъ жалѣла себя, какъ его, потому что знала, какое впечатлѣніе произведетъ на него открытіе тайны, разрушающей всѣ его предположенія и ожиданія. Катя раскаявалась и упрекала себя за то, что съ нимъ сходилась и что онъ полюбилъ ее.

Она рѣшилась уѣхать такъ, чтобы никто не зналъ объ этомъ. Вечеромъ, наканунѣ того дня, въ который утромъ приготовилась уѣхать, она назначила Дубровину свиданіе, чтобы проститься съ нимъ и потомъ разстаться навсегда.

По уходѣ Никифора, Дубровинъ долго не могъ успокоиться отъ раздраженія. Этотъ Жулинскій домъ, его семья, и эта узкая комната, заставленная мебелью—все стало Дубровину такъ ненавистно, что онъ еще разъ далъ себѣ слово уйти отсюда при первой возможности.—„Господи, когда настанетъ конецъ этому?..“ —думалъ онъ, расхаживая по комнатѣ. И въ воображеніи его рисовалась возможность другой жизни, съ любимымъ и близкимъ существомъ, жизни семейной, дѣятельной и спокойной, безъ лжи, притворства и сердечной огрубѣлости. Эти думы успокоили его, и, придя въ себя, онъ съ нетерпѣніемъ сталъ ждать наступленія вечера, чтобы идти на свиданіе съ Катею.

Уже солнце закатилось, но сумерки такъ долго не наступали! Дубровинъ нѣсколько разъ выходилъ на улицу и видѣлъ, что крестьяне уже возвращались съ работъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ по деревнѣ раздавался стукъ отбиваемыхъ косъ; въ избахъ кое-гдѣ засвѣтились огни. Нужно было переждать, когда всѣ поужинаютъ и улягутся спать.

Наконецъ, все на деревнѣ затихло и окуталось ночной темнотой. Дубровинъ прошелъ въ огородъ и по задворкамъ пробрался въ поле, на условное мѣсто свиданія, у кузницы, стоявшей въ отдаленіи отъ другихъ деревенскихъ построекъ.

Кати еще не было. Дубровинъ притаился за угломъ кузницы и съ сильно бьющимся сердцемъ сталъ пристально смотрѣть въ ту сторону, откуда должна была придти она. Но вотъ въ темнотѣ показалась быстро идущая къ нему знакомая фигура, босая, съ ситцевымъ платкомъ на головѣ. Дубровинъ радостно выскочилъ изъ-за угла ей на встрѣчу. Катя схватила его за руку, и они быстро пошли отъ деревни по узкой дорожкѣ ржаного поля, между полосъ ржи, которая словно дремала, наклонивъ къ землѣ спѣлые колосья.

Дубровинъ любилъ природу. Уже не въ первый разъ онъ прогуливался здѣсь съ Катею, и никто не зналъ объ этомъ.

Какъ были невинно-радостны эти прогулки!

Теперь онъ съ увлеченіемъ разсказывалъ Катѣ всѣ впечатлѣнія этого дня, и всѣ свои думы и мечты, и свое нетерпѣніе передъ тѣмъ, какъ собирался идти на свиданіе съ нею.

Катя долго и молча слушала его, потомъ серьезно и печально сказала ему о своемъ намѣреніи вскорѣ уѣхать въ городъ.

Дубровинъ былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ.

— Я не понимаю, Катя,—съ упрекомъ сказалъ онъ ей:— для чего ты хочешь уѣхать?.. Еще съ работой не управились; покосъ не конченъ, поля не выжаты, а ты уѣдешь въ городъ и всю работу оставишь матери! Да и вовсе тебѣ нѣтъ никакой надобности уѣзжать: теперь, можетъ быть, скоро обвѣнчаемся съ тобой.

Но эти слова не обрадовали Катю. Она потупилась и нѣсколько времени не говорила ни слова. Потомъ, не поднимая головы, тихо и печально сказала:

— Не уговаривай меня, Гриша! Мнѣ непремѣнно нужно уѣхать.

— Да съ какой стати?.. Я тебя не понимаю!

Признаніе лежало на сердцѣ ея тяжелымъ камнемъ. Ей такъ хотѣлось во всемъ бы открыться Дубровину, но она боялась огорчить его.

— Мало ли съ какой!—отвѣчала она.—Мѣсто боюсь потерять, къ старымъ господамъ въ прислуги попасть хочу... Когда я уѣзжала сюда, такъ они приказывали въ эту пору пріѣхать.

— Да Богъ съ ними и съ мѣстомъ! Нѣтъ, Катя, видно, тутъ другое,—сказалъ Дубровинъ. И въ голосѣ его задрожали слезы.—Какъ бы ты любила...

Катя не дала ему договорить: она схватила его за руку и, крѣпко сжавъ ее, сказала:

— Гриша, дорогой! скажи: за что̀ ты меня любишь?.. Вѣдь

я тебѣ не пара: я не стою тебя—я старая, нехорошая (она съ особеннымъ удареніемъ выговорила это слово), а ты такой красивый, молодой и богатый! Найди ты себѣ другую и женись на ней. Только выбери дѣвушку умную, чтобы она тебя понимала, заботилась о тебѣ и жалѣла тебя...

— Что ты говоришь, Катя! Къ чему эти слова?.. Я одну тебя люблю,—и никого, кромѣ тебя, мнѣ не нужно. Ты видишь, Катя, что мнѣ одному невозможно жить на свѣтѣ, и нуженъ близкій человѣкъ, котораго я могъ бы любить, на котораго могъ бы положиться и съ которымъ могъ бы прожить съ пользою для людей... Вѣдь я же, кромѣ того, что могъ бы устроить свою жизнь здѣсь, въ деревнѣ, и для другихъ былъ бы чѣмъ-нибудь полезенъ?..—съ сердечнымъ волненіемъ спросилъ онъ.

— Да, могъ бы,—отвѣтила Катя:—ты богатый и умный—ты могъ бы все!—съ увѣренностью прибавила она, сжимая его руку.

— Вотъ видишь... Ты понимаешь меня, а это всего дороже. Нѣтъ, Катя, что бы мнѣ ни говорили, какъ бы ни отбивали отъ тебя, я никого не послушаю и ни на кого тебя не промѣняю! Неужели ты мнѣ не вѣришь?..

И словно ножемъ онъ рѣзалъ ее этими словами...

Катя вдругъ бросилась ему на шею, обняла его съ такой страстью, какъ никогда еще не обнимала, и заплакала, приникнувъ головой къ его груди.

— Гриша,—говорила она ему:—судьба наша не отъ насъ, а отъ Бога. Не сердись ты послѣ на меня и не брани меня! Хоть я и виновата, а ты не сердись...

— Такъ ты не уѣдешь?—спросилъ Дубровинъ.

Катя только глядѣла на него своими любящими, заплаканными глазами и не отвѣчала ни слова.

Дубровинъ не понялъ ничего изъ словъ Кати, но въ голосѣ ея было столько печали, что, разставшись съ нею и придя домой, ему все слышался этотъ голосъ, и онъ не могъ преодолѣть въ себѣ непонятной тоски.

Онъ рѣшилъ непремѣнно увидѣться на другой же день съ матерью Кати, поговорить съ нею о предстоящей свадьбѣ.

Но утромъ, когда онъ былъ еще въ постели, къ нему пришелъ Борисъ и сообщилъ, что Катя уже уѣхала въ городъ.

— Не можетъ этого быть: я вчера вечеромъ ее видѣлъ,—и она объ этомъ мнѣ ничего не говорила!

— Уѣхала. Она постыдилась, навѣрное, вамъ сказать, изъ-за чего уѣзжала. Ей вѣдь необходимо нужно было уѣхать.

— Да зачѣмъ?..

— Неужели вы—и правда—ничего не слыхали и не знаете? Вѣдь она же „въ интересномъ положеніи“.

При этой вѣсти Дубровинъ вспомнилъ, какъ она прощалась съ нимъ, что̀ говорила,—и ему вдругъ все стало ясно. Онъ поблѣднѣлъ и нѣсколько времени не говорилъ ни слова, испуганными глазами глядя на Бориса. Потомъ захохоталъ горько, насмѣшливо и злорадно, какъ будто этимъ хотѣлъ еще больше досадить себѣ, прибавить еще каплю, чтобы окончательно переполнить чашу своего отчаянія.

Борисъ даже испугался. Онъ не сталъ утѣшать его, понимая, что всякія слова утѣшенія теперь могли только прибавить ему боли. И поспѣшилъ уйти отъ него.

Дубровинъ упалъ лицомъ въ подушку, не помня себя,—помня только, что онъ остался опять одинокимъ, а надежды его обновить свою жизнь погибли, и то, что̀ онъ любилъ, во что̀ вѣровалъ, отнято у него, осмѣяно и опозорено...

VI.

Въ этотъ день Дубровинъ не приходилъ къ Борису.

Борисъ сознавалъ его тяжелое положеніе, и ему хотѣлось бы чѣмъ-нибудь облегчить его горе. Онъ, какъ только освободился отъ работы, тотчасъ же пошелъ въ домъ Жулина.

Онъ не узналъ Дубровина,—до того лицо его измѣнилось: оно стало задумчиво, печально и строго; выраженіе какого-то холоднаго и рѣшительнаго ожесточенія рѣзко сказывалось въ его блестящихъ глазахъ, въ морщинахъ между бровей и въ строго сжатыхъ губахъ.

Онъ съ нервной сухостью протянулъ Борису руку, здороваясь съ нимъ. И они долго молчали. Борисъ не рѣшался заговорить о главномъ, а говорить о чемъ-нибудь другомъ ему не хотѣлось.

— Ну, какъ дѣла?—спросилъ его, наконецъ, Дубровинъ.

— Какія дѣла?

— Да твои, — засмѣялся Дубровинъ. — Дѣла становой конторы, конечно!

И онъ сталъ спрашивать его объ охотѣ, погодѣ и прочихъ вещахъ. Такъ разговоръ продолжался между ними болѣе получаса. Потомъ Дубровинъ, какъ бы собравшись съ духомъ, прямо спросилъ:

— Борисъ, ты раньше все зналъ, — отчего ты не сказалъ мнѣ объ этомъ?

— Григорій Сергѣичъ, самъ не знаю, отчего я постѣснялся вамъ сказать. Да я вѣдь думалъ, что вы сами знаете. Я вамъ намекалъ, когда шли съ охоты.

— Нѣтъ, я не зналъ,—съ глубокой горечью повторилъ Дубровинъ.—Какой я еще ребенокъ: всѣ знали, всѣ, кому до этого и дѣла нѣтъ, а *я* не зналъ!..

Онъ засмѣялся насмѣшливо и ѣдко. Потомъ съ грустью проговорилъ:

— А хоть и глупо, а хорошо быть ребенкомъ и ничего не знать: не знаешь—и счастливъ; узналъ—и чортъ знаетъ что̀ дѣлается! Рай превращается въ адъ.

— Да,—началъ Борисъ и, не зная, что̀ сказать дальше, замолчалъ.

— А впрочемъ,—сурово проговорилъ Дубровинъ,—все это, какъ говорится, „въ сравненіи съ вѣчностью", ничего не сто̀итъ! И особенно печалиться объ этомъ нечего.

Онъ заложилъ руки за спину и сталъ ходить по комнатѣ.

— А все-таки мнѣ жаль ее, какъ ни говори. Я любилъ ее почти такъ же, какъ мать свою любилъ... Я чувствую, Борисъ, что такъ уже я больше не буду любить никого, какъ ее любилъ!

— А жаль, такъ что̀ же? Можетъ быть, еще и все устроить можно?

— Это какъ?

— Да такъ: вѣдь она не умерла еще...

— Ахъ, такъ ты думаешь?..—и лицо Дубровина вдругъ стало презрительнымъ и гордымъ.—Нѣтъ, этого не можетъ быть: она для меня потеряна,—*такою* она мнѣ не нужна.

Борисъ пристально посмотрѣлъ въ лицо Дубровина—и не нашелъ на немъ признаковъ прежняго мягкаго и кроткаго выраженія; въ каждой чертѣ его видно было что-то враждебное и непримиримое. И Борисъ понялъ, что дѣйствительно теперь Катя потеряна для него навсегда.

„Коли она такая тебѣ не нужна, такъ слава Богу, что ты и не женился на ней!"—подумалъ Борисъ, содрогаясь при мысли о томъ, что̀ могло бы быть послѣдствіемъ такого брака.

VII.

Дубровинъ поступилъ, какъ человѣкъ, идущій къ опредѣленной цѣли, въ которой предполагалъ счастье своей жизни, и, встрѣтивъ на пути препятствіе, не старался устранить это препятствіе и расчистить дорогу, а съ презрѣніемъ и гордостью посмотрѣлъ передъ собой и пошелъ въ сторону, на-авось, не понимая и не отдавая себѣ отчета, куда онъ придетъ теперь.

Въ немъ наступилъ тотъ переломъ, послѣ котораго окончательно опредѣляется судьба человѣка,—или онъ переноситъ испытаніе и вступаетъ на свой настоящій путь, или же отступаетъ передъ испытаніемъ, и тогда все лучшее, свѣтлое, человѣческое исчезаетъ изъ жизни его, какъ чудный сонъ, и наступаетъ духовная темнота, въ которой не видитъ человѣкъ, что̀ хорошо и что̀ худо, и бьется, какъ рыба, попавшаяся въ сѣть, мучая себя и другихъ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ конецъ.

Послѣ отъѣзда Кати, Дубровинъ долго скучалъ.

Онъ ходилъ на охоту, по полямъ и лѣсамъ, на гульбища съ деревенскою молодежью — и ничѣмъ не могъ развлечься и заинтересоваться.

Иногда приливы его отчаянія были такъ сильны, что онъ серьезно думалъ покончить съ жизнью. Однажды, когда дѣвушки и парни, собравшись на гульбище, веселились, плясали и пѣли, Дубровинъ въ ихъ обществѣ почувствовалъ такую тоску, такое одиночество, что ушелъ домой и, зарядивъ штуцеръ, съ которымъ нѣкогда отецъ его охотился на медвѣдей, намѣревался размозжить себѣ голову. Но въ это время пришелъ къ нему становой приставъ, еще разъ поторговаться о піанино, которое хотѣлось ему купить для своихъ дочерей и которое стояло во второмъ флигелѣ Жулинскаго дома безъ всякаго употребленія, и благодаря этому случаю жизнь Дубровина была спасена. Послѣ визита пристава у него уже недоставало рѣшимости спустить курокъ. А потомъ онъ сталъ привыкать къ своему положенію, и жизнь его снова потекла ровно и однообразно, одинокая, праздная и постылая...

Съ наступленіемъ зимы, онъ сталъ ѣздить съ парнями по сосѣднимъ деревнямъ на дѣвичьи „супрядки", стараясь развлечься. Онъ пытался ближе ознакомиться съ какою-нибудь изъ дѣвушекъ, надѣясь, что она понравится ему, какъ прежде Катя. Съ этой цѣлью онъ цѣлые вечера проводилъ на супрядкахъ;

ходилъ съ своей избранницей въ хороводы, просиживалъ у ея прялки по нѣскольку часовъ—и все безуспѣшно.

Еще когда онъ игралъ на гармоникѣ пѣсни (игралъ онъ по деревенски превосходно), а она пѣла, между ними тогда какъ-будто было нѣчто общее; но когда онъ переставалъ играть, а она пѣть, имъ обоимъ становилось неловко и скучно.

Въ одинъ изъ безконечно длинныхъ зимнихъ вечеровъ, въ просторной избѣ деревни Окраины, въ восьми верстахъ отъ Буранъ, дѣвицы собрались на супрядку.

Изба освѣщалась маленькою керосиновою лампочкою, повѣшенною на серединѣ потолка. Дѣвицы, разодѣтыя въ цвѣтныя, ситцевыя, кумачныя и коленкоровыя платья, сидѣли кругомъ на лавкахъ и скамейкахъ и пряли. Но лѣниво шла у нихъ работа: нѣкоторыя, заткнувъ веретено за куделю, дремали, прислонившись къ стѣнѣ.

— Луша, что это ребята-то долго не приходятъ сегодня?— спросила одна изъ дѣвушекъ свою сосѣдку.

— Не знаю, Марья,—отвѣчала та.—Знать, въ чужую деревню ушли.

— Чтò ни говори,—сказала, усмѣхаясь, Марья,—а безъ ребятъ намъ плохое житье—скука. Вотъ я сейчасъ погадаю на охлопкѣ: откуда къ намъ придутъ сегодня холостяки?..

И Марья, отвязавъ отъ прялки мутовѣсъ [1]) и сдернувъ съ гвоздя остатокъ кудели, „охлопокъ", стала раздергивать его на тонкія пряди. Она сдѣлала изъ этихъ прядей подобіе кольца и, разложивъ его срѐди пола, зажгла со всѣхъ сторонъ.

— Глядите, дѣвушки! Глядите, откуда ворота выгорятъ!— громко крикнула она.

Дѣвицы нѣсколько оживились гаданьемъ и съ любопытствомъ наблюдали, какъ горѣла на полу куделя, пока она совсѣмъ не сгорѣла и пепелъ ея, колеблемый нагрѣтымъ воздухомъ, поднялся къ потолку.

— Отъ Буранъ ворота выгорѣли!

— Да, отъ Буранъ! Сперва отъ Буранъ! Неужто буранскіе къ намъ придутъ?..—заговорили разомъ нѣсколько голосовъ.

Въ это время дверь избы отворилась, и на порогѣ показался молодой парень, въ рваной овчинной шубѣ и въ лаптяхъ съ веревочными оборами.

— Дѣвки, дуры! — громко кричалъ онъ: — что вы спите? Вона, поглядите-ка: ребятъ-то къ вамъ валитъ!..

---

[1]) Поясъ, которымъ привязывается къ прялкѣ куделя.

— Гдѣ? Откуда? Какіе?... — засыпали его вопросами дѣвушки.

— Откуда? А изъ глухого озёрка рогатые холостяки! Сватать васъ идутъ!..

— Пустыя рѣчи!—закричали на него нѣсколько голосовъ.

— Сава, что это ты у насъ дурной какой сталъ?—обратилась къ парню Маря, вскинувъ на него своими карими глазами и кокетливо улыбнувшись. — Ты бы, хорошій парень, свеселялъ бы насъ чѣмъ-нибудь.

— Захотѣла ты отъ него веселья! — презрительно проговорила Луша, искоса взглянувъ на Саву. — Онъ то молчитъ цѣлый вечеръ, такъ что и слова отъ него не дождешься, то начнетъ чудить да подсмѣхать, да выдумки разныя выдумывать!

— Надо Ганѣ на него пожаловаться: пусть она ему выговоръ палочный сдѣлаетъ,—шутя, замѣтила Маря.

— Да, мнѣ была нужда связываться!—сказала сидѣвшая по другую сторону избы молодая дѣвушка Ганя. — И, покраснѣвъ до ушей, она бросила на парня такой взглядъ, по которому можно было понять, что между ними было нѣчто общее.

— Дѣвушки, давайте пиво варить!—предложила Маря, вскакивая съ лавки.

За нею вскочила Ганя, а за Ганею и всѣ остальныя дѣвушки и Сава:

— Давайте! Давайте!

Онѣ мигомъ стали въ кружокъ, взялись за руки и громко запѣли:

„Мы наваримъ пива, зеленова вйна,
Ой, Ладо, Ладо, зеленова вйна!
А что у насъ будетъ въ этомъ пивѣ?—
Ой, Ладо, Ладо, въ этомъ пивѣ!
А мы въ этомъ пивѣ всѣ руки подымемъ“...

И, пропѣвъ этотъ стихъ, всѣ, разомъ, подняли руки кверху. Потомъ продолжали пѣть, сопровождая каждый стихъ соотвѣтствующимъ его содержанію дѣйствіемъ. Въ концѣ пѣсни, вмѣсто того, чтобы пропѣть: „а мы въ этомъ пивѣ всѣ разойдемся“, дѣвушки пропѣли: „всѣ задеремся“, и, бросившись на Саву, принялись бить его.

Видно, онѣ не жалѣли кулаковъ, потому что Сава тотчасъ же началъ браниться.

— Бросьте, дѣвки! Къ чорту такія шутки! А не то я, право, иную такъ огрѣю, что кубаремъ покатится!—огрызался онъ.

Но дѣвушки не унимались, и, схвативъ Саву за шубу, стали

тащить его въ разныя стороны... Сава глядѣлъ на нихъ и не зналъ, за которую схватиться.

— Да что же мы такъ-то его тащимъ? Надо валить куда-нибудь въ одну сторону!—кричали дѣвушки. И онѣ всѣ повалились на полъ вмѣстѣ съ Савою.

Наконецъ, натѣшившись и порядкомъ утомясь, дѣвушки, съ раскраснѣвшимися и вспотѣвшими лицами, усѣлись по своимъ мѣстамъ. Сава поднялся съ пола и едва переводилъ духъ. Онъ усталъ и вспотѣлъ такъ, какъ будто сейчасъ только слѣзъ съ полка въ жарко натопленной банѣ.

— Вамъ просто такой артелью на одного нападать! — съ трудомъ проговорилъ онъ и вышелъ въ сѣни — „остынуть". Но онъ тотчасъ же вернулся.

— Дѣвки, дѣвки! ребята къ вамъ идутъ! Гармонь отъ Буранъ слышно, ей-Богу!—прокричалъ онъ, вбѣгая въ избу.

Всѣ примолкли—и точно, услышали играющую вдали гармонику.

— Ай, чужаки идутъ,—а мы растрепавшись!

И, снявъ со стѣны осколокъ разбитаго и облѣзлаго зеркала, онѣ стали поправлять свои растрепанные волосы и приводить въ порядокъ платье.

Черезъ нѣсколько времени въ избу вошли Дубровинъ, Борисъ, сынъ Жулина, Иванъ, и съ ними еще двое буранскихъ парней.

Сказавъ: „здравствуйте", парни столпились кучкою у порога.

— Чтò же вы у порога-то стали, ребятушки? Проходите къ дѣвушкамъ,—вѣжливо приглашали ихъ дѣвушки.

— А вотъ пройдемъ! Дайте обогрѣться только,—бойко отвѣтилъ Жулинскій Иванъ.

— Здѣсь, оказывается, хорошая супрядка?—говорилъ тихо Дубровинъ Борису, разсматривая дѣвушекъ.—Дѣвчонокъ много, штукъ двадцать есть; одѣваются нарядно... и недурныя есть...

— Да. Окраина—большая деревня, и дѣвушекъ здѣсь всегда бываетъ много,—отвѣчалъ Борисъ.

У Дубровина было взято съ собою два фунта свѣчей. Ихъ отдали дѣвушкамъ, и тѣ развѣшали ихъ по потолку, привязывая нитками къ лучинкамъ, которыя втыкали въ потолочныя щели, и зажгли. Изба освѣтилась и приняла праздничный видъ. Лампу убрали, чтобы не мѣшала.

Пришли еще нѣсколько окраинскихъ парней.

— Сыграйте намъ подъ пляску, Григорій Сергѣичъ! — попросила одна изъ дѣвушекъ Дубровина.

Дубровинъ присѣлъ на конецъ скамейки, возлѣ прялки дѣвушки, которая отодвинулась немного, чтобы дать ему мѣсто, и, поставивъ гармонику къ себѣ на колѣна, заигралъ. Дѣвушки съ особеннымъ одушевленіемъ и тщательностью кружились въ пляскѣ подъ тактъ бойко и громко играющей гармоники.

Потомъ стали водить хороводы, въ которыхъ Дубровинъ принялъ участіе однимъ изъ первыхъ..

Такъ какъ чужаки были здѣсь еще въ первый разъ, то стѣснялись и, по установившемуся обычаю, все еще сидѣли въ шубахъ и шапкахъ, несмотря на то, что въ избѣ было очень жарко и дѣвицы много разъ приглашали ихъ снять верхнее платье.

Кончивъ хороводъ, они вышли въ сѣни, прохладиться.

— Ну, какъ вамъ, Григорій Сергѣичъ, полюбились наши дѣвицы?—спросилъ Сава.

— Понравились,—отвѣчалъ Дубровинъ.—А какъ зовутъ эту веселую, чернобровую дѣвушку, которая запѣваетъ пѣсни и такъ хорошо пляшетъ?

— А то —Маря. Нашего мужика, Гурьяна, казенная воспитанка. Хорошая дѣвка: удалая и обходительная. У насъ изъ всѣхъ дѣвокъ—она вотъ, да еще Луша—самыя красивыя дѣвки. Только Луша-то будетъ похуже: гордая и удачи такой не имѣетъ, какъ Маря.

— Что это, имя у нея такое: „Маря"?

— Да, имя. По настоящему-то ее надо бы звать Мариной, а мы вотъ такъ все: Маря, да Маря.

— Да, она хорошая,—произнесъ Дубровинъ.

Въ это время дверь избы отворилась, выпустивъ цѣлый столбъ пара, и толпа дѣвушекъ выступила въ сѣни.

— Хватайте ихъ! — закричалъ Сава, когда закрыли дверь. И замѣтивъ въ толпѣ Ганю, бросился къ ней. Нѣкоторые парни послѣдовали его примѣру. Дубровинъ тоже протянулъ руки и схватилъ одну изъ дѣвушекъ. Но она рванулась отъ него съ такою силою, что онъ едва удержался на ногахъ. Однако, онъ не выпустилъ ее и крѣпко обнялъ.

— Ай! Кто тутъ? Пусти!—говорила, задыхаясь, дѣвушка. И Дубровинъ узналъ по голосу, что это была Маря.

— Пущу, не бойся: не продержу до утра, — сказалъ ей Дубровинъ.

— А, это вы, Григорій Сергѣичъ? Пустите: мнѣ холодно— я въ одномъ платьѣ.

— Не бойся: не заморожу.

Дубровинъ завернулъ ее полой своей шубы и, не давая себѣ отчета въ томъ, что̀ дѣлалъ, наклонился къ самому лицу Мари и прижалъ свои губы къ ея пылающимъ губамъ... Дѣвушка не противилась. Приливъ долго сдерживаемаго чувства сладкой истомой разлился по нервамъ Дубровина, и долго онъ не отрывался отъ дѣвушки, пока она не сказала ему прерывающимся отъ волненія голосомъ:

—Оставь... душно такъ...

Когда Дубровинъ отпустилъ Марю и зажегъ спичку, чтобы закурить, Борисъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на его одушевленное лицо и сверкающіе глаза.

— Видно, понравилось вамъ стоять-то съ нею? — спросилъ онъ.

— Молчи, Борисъ! Со мной чортъ знаетъ что̀ дѣлается!.. Только бы не прошло это скоро!—съ волненіемъ отвѣтилъ ему Дубровинъ.

Придя изъ сѣней въ избу, онъ снялъ съ себя шубу, сѣлъ возлѣ прялки Мари,—и весь вечеръ разговорамъ ихъ не было конца. Маря оказалась очень словоохотливою и любознательною; она многимъ интересовалась въ жизни Дубровина и выспрашивала у него такія подробности, которыя онъ высказалъ бы только задушевному другу.

Дубровинъ жадными глазами слѣдилъ, какъ Маря пряла и, дѣлая концы пряжи, чуть не касалась его лица лѣвою, обнаженною по локоть, рукою, какъ шевелилась отъ движеній ея крѣпкая бѣлая шея съ блестящими бусами, и какъ она, разрывая зубами неровно выдернувшіеся изъ кудели концы пряжи, искоса глядѣла на него своими большими и жгучими глазами, обдавая его обаятельнымъ блескомъ этихъ глазъ.

Маря разговаривала съ такимъ простодушіемъ и искренностью, что Дубровину было пріятно быть съ нею откровеннымъ.

VIII.

И какъ живительная влага и теплые солнечные лучи пробуждаютъ къ жизни начинающее увядать отъ засухи растеніе, такъ съ любовью пробудилась къ жизни душа Дубровина.

Съ этихъ поръ онъ сталъ пріѣзжать въ Окраину почти каждый вечеръ. Маря призналась, что любитъ его—и они сосватались. Со стороны воспитателей Мари не могло быть препятствій къ ея браку съ Дубровинымъ, только нужно было разрѣшеніе

окружного доктора вѣдомства воспитательнаго дома, потому что Марѣ не было еще восемнадцати лѣтъ и она не могла располагать собою.

Дубровинъ назначилъ Марѣ день, въ который нужно было ѣхать къ доктору и гдѣ они должны были увидѣться въ извѣстные часы.

Когда онъ ѣхалъ за этимъ разрѣшеніемъ, что-то смутное, какая-то безотчетная неловкость и тяжесть были у него на душѣ. Уже давно не бывая въ обществѣ людей культурныхъ, онъ почти совсѣмъ отвыкъ отъ барскихъ привычекъ и обращенія, и теперь долженъ являться передъ какимъ-то докторомъ—просителемъ, къ которому этотъ чиновникъ можетъ отнестись неуважительно и вовсе отказать въ просьбѣ.

Пріѣхавъ къ дому доктора, онъ увидѣлъ, что тамъ, у задняго флигеля, гдѣ была кухня, стояла привязанная къ забору крестьянская лошадь и простыя дровни-розвальни.

„Это, должно быть, Маря пріѣхала",—подумалъ Дубровинъ, выходя изъ саней противъ парадного хода, который представлялъ собою деревянную лѣстницу въ нѣсколько ступенекъ. Онъ позвонилъ. Черезъ нѣсколько времени ему открыла служанка, деревенская дѣвка, и, выглянувъ изъ-за двери, сурово спросила:

— Кого угодно?

— Мнѣ нужно видѣть доктора,—сказалъ ей Дубровинъ.

— Они сичасъ отдыхаютъ. Обождите вонъ тамъ, на кухнѣ.

И дѣвка хотѣла закрыть передъ нимъ дверь.

Дубровинъ взялся за ручку и, презрительно взглянувъ на прислугу, сказалъ:

— Что же мнѣ оттуда-то заходить—можетъ быть, и здѣсь можно пройти въ пріемную?

— Пріемныхъ тута нѣтъ, а кухня,—отрѣзала дѣвка. Но, замѣтивъ особенный взглядъ Дубровина, она прибавила:—Ну, да ежели здѣсь хотите пройти, такъ идите. Я васъ проведу.

И она, заперевъ дверь, повела его по корридору.

Дубровинъ, скрѣпя сердце, вошелъ вслѣдъ за дѣвкою въ жарко натопленную кухню и увидѣлъ тамъ Марю, сидящую у окна на деревянномъ табуретѣ. Она была одѣта въ крытой овчинной шубѣ, и очевидно ей было очень жарко. Почему-то Дубровина не радовала встрѣча съ Марею при такой обстановкѣ. Но онъ преодолѣлъ себя и привѣтливо поздоровался съ нею. Онъ снялъ съ себя шубу и, оставшись въ пиджакѣ и вышитой русской рубашкѣ, подвинулъ свободную табуретку и сѣлъ рядомъ съ своею невѣстою.

— Отчего ты не раздѣнешься?—спросилъ онъ.

— Такъ, ничего... Посижу и такъ. Можетъ, онъ скоро и выйдетъ,—робко отвѣтила Марья.

И это Дубровину очень не понравилось.

Онъ не сталъ настаивать и началъ съ нею разговоръ о работѣ, гуляньяхъ,—однимъ словомъ, тотъ незначительный разговоръ, который можно было вести при постороннихъ.

Такъ они сидѣли цѣлый часъ.

— Скоро ли докторъ-то выйдетъ?—спросилъ онъ кухарку.

— А надо быть, что скоро,—отвѣтила та.—Повремените.

Наконецъ, изъ корридора раздался рѣзкій мужской голосъ:

— Лукерья!

— Это онъ зоветъ,—сказала кухарка Дубровину.

— Такъ вы, пожалуйста, скажите ему, что мы тутъ ждемъ.

— Ладно.

И кухарка вышла.

— Надоѣло ждать его, чортъ его бери!—сказалъ Дубровинъ Марѣ, когда кухарка вышла.

— Потише, какъ бы онъ не услыхалъ! Не хорошо вѣдь,—шопотомъ проговорила Марья.

Слова ея подѣйствовали на Дубровина: „Чего я негодую и сержусь?“ — подумалъ онъ про себя. — „Я здѣсь проситель, а докторъ можетъ обращаться съ просителемъ, не нарушая своихъ привычекъ, тѣмъ болѣе, что онъ вѣдь и не знаетъ, что я тутъ дожидаюсь“...

Минутъ черезъ десять въ кухню вошла кухарка, а за нею показалась высокая, жирная фигура доктора. Дубровинъ и Марья встали съ табуретовъ и поклонились ему. А онъ словно и не замѣтилъ ихъ поклона, апатично разсматривая ихъ заспанными глазами.

Потомъ такъ же апатично спросилъ Дубровина:

— Что̀ надо?

— Я пріѣхалъ къ вамъ, господинъ докторъ, съ просьбой о разрѣшеніи вступить... о разрѣшеніи жениться вотъ на этой дѣвушкѣ, питомицѣ воспитательнаго дома.

— Питомицѣ? Ты питомица?—спросилъ докторъ Марью, не выходя изъ положенія апатичнаго созерцанія.

— Да,—отвѣчала Марья, потупляя глаза.

— Чья? Откуда?

— Изъ Окраины; Гурьянова, Марина Ѳедорова.

— Такъ замужъ захотѣла?

— Да,—еще болѣе смущаясь, чуть слышно произнесла Марья.

Докторъ сталъ медленно закуривать папиросу, и, раскуривъ ее, обратился къ Дубровину:

— А ты кто?

Дубровинъ покраснѣлъ.

— Я—Дубровинъ; дворянинъ, сынъ полковника Дубровина, —съ достоинствомъ сказалъ онъ.

Эти слова мигомъ вывели доктора изъ апатіи. Онъ съ нескрываемымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на Дубровина, на его простой пиджакъ, русскіе высокіе сапоги, вышитую рубашку и шейную часовую цѣпочку.

— А, такъ вотъ вы кто! Гмъ! Вы который же сынъ Дубровина? Я знаю—у него было два сына.

— Григорій.

— Григорій! А-а! Такъ я и васъ имѣлъ... удовольствіе знать: вы въ кавалерійскомъ училищѣ учились?

— Да, учился, — нетерпѣливо и съ неудовольствіемъ отвѣтилъ Дубровинъ.

— Помню, помню очень хорошо. Какъ же! Вы... васъ мнѣ еще лечить приходилось, когда вы получили рану въ голову саблею. Отлично помню. Такъ вы вотъ какъ теперь! въ деревнѣ живете, попросту (онъ еще разъ оглянулъ его съ ногъ до головы) и жениться на деревенской дѣвушкѣ собираетесь?

— Я уже сказалъ вамъ, господинъ докторъ, о своемъ желаніи,—едва сдерживая досаду, произнесъ Дубровинъ.

— Что же, и это возможно.

— Я не знаю, господинъ докторъ,—заговорилъ Дубровинъ серьезно,—я не знаю этихъ формальностей—какое тутъ нужно разрѣшеніе и въ чемъ оно состоитъ... А мнѣ хочется въ этомъ мѣсяцѣ сыграть свадьбу.

— Это-то мы знаемъ, и все можемъ сдѣлать. А вы какъ же, господинъ Дубровинъ, какое обезпеченіе дадите своей женѣ?

— Обезпеченіе? Какъ обезпеченіе?..

Докторъ стряхнулъ съ папиросы нагорѣвшій пепелъ и съ какимъ-то кокетствомъ принялся попыхивать.

— Вы вѣдь, я полагаю, со средствами... и... Да, скажите пожалуйста: что̀ вамъ за фантазія пришла на деревенской дѣвушкѣ жениться? Отчего вы не женитесь на... на барышнѣ, дѣвицѣ своего круга?

— На образованной?

— Да, на образованной.

— Это невозможно; я самъ мало образованъ,—сказалъ Дубровинъ. И вдругъ почувствовалъ досаду на самого себя за эти

слова. — Да и просто такъ мнѣ не хотѣлось бы этого,—сухо прибавилъ онъ.

— Гмъ! Такъ. Но если на этой хотите жениться, то вы должны ее обезпечить. Подпишите на ея имя капиталъ... ну, хоть въ тридцать тысячъ,—и играйте свадьбу.

Дубровинъ никакъ этого не ожидалъ.

— Но я самъ получаю только незначительную сумму отъ опекуна, на прожитіе,—сказалъ онъ.

— Иначе бракъ вашъ не можетъ состояться. А ты что же, —обратился онъ къ Марѣ:—очень желаешь замужъ выскочить? Барыней хочешь пожить?

Маря покраснѣла и потупилась.

— Ежели бы ты за мужика выходила замужъ, — продолжалъ докторъ,—ну, тогда и не было бы этихъ разговоровъ.

Злость закипѣла въ сердцѣ Дубровина.

— Такъ нельзя?—рѣзко спросилъ онъ.

— Я вамъ сказалъ; если вы согласны на эти условія...

— Я не могу быть согласенъ на такія ваши... странныя условія!—съ сердцемъ проговорилъ Дубровинъ. И сталъ одѣваться.

— Ну, не можете,—что-жъ, это дѣло ваше,—невозмутимо и какъ бы наслаждаясь, произнесъ докторъ.

— Я не могу давать вамъ выкуповъ за разрѣшеніе жениться!—грубо почти вскрикнулъ Дубровинъ. И дерзко посмотрѣвъ на доктора, вышелъ изъ кухни.

IX.

Въ сильномъ раздраженіи вышелъ онъ отъ доктора. Изъ глубины души его поднялось что-то бурное, неудержимое, что̀, бывало, въ дѣтствѣ толкало его на дерзости передъ отцомъ и на драку съ братомъ. И въ этомъ настроеніи любовь его къ Марѣ показалась ему такимъ мелкимъ и жалкимъ, почти смѣшнымъ увлеченіемъ!

Садясь въ сани, онъ взглянулъ туда, гдѣ стояла у забора лошадь и дровни, въ которыхъ пріѣхала Маря,— и отвернулся. Ему не пришло на умъ дождаться Марю на дорогѣ и поговорить съ нею.—Валяй скорѣе!—сурово сказалъ онъ парню, который ѣхалъ съ нимъ за кучера.

Напрасно старался Дубровинъ припоминать лучшія минуты, проведенныя съ Марею, чтобы вызвать въ душѣ прежнія отрад-

ныя и успокоивающія чувства—теперь все покрылось холоднымъ туманомъ какого-то высокомѣрнаго отчужденія...

— Ну что?—спросилъ его Борисъ, когда онъ пришелъ къ нему, пріѣхавъ отъ доктора.

— Не судьба мнѣ жениться на Марѣ,—съ усмѣшкою отвѣтилъ Дубровинъ. И разсказалъ ему все случившееся.

— Такъ какъ же теперь?

— Что: „какъ"?

— Да какъ вы съ Марею? Совсѣмъ отъ нея отстаете?

— Конечно. А то какъ же?

— А я думалъ... Вѣдь ежели бы вы захотѣли,—могли бы подписать на нее тридцать тысячъ.

Дубровинъ гордо посмотрѣлъ на него.

— Это, значитъ, исполнить волю господина доктора? Никогда! Да и вообще я не такъ богатъ, чтобы бросать тридцать тысячъ.

— Такъ вѣдь женѣ достанутся, а не чужой?

— Нѣтъ, Борисъ, ты этого не понимаешь и не можешь понять; нелѣпо мнѣ такъ дѣлать! — рѣшительно проговорилъ Дубровинъ.

— Вамъ виднѣе,—вздохнувъ, отвѣчалъ Борисъ.

Возбужденіе это жило въ немъ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ онъ не ѣздилъ на супрядки въ Окраину. Но потомъ вспыхнувшій-было огонь его задѣтаго за живое самолюбія угасъ мало-по-малу, и онъ опять сталъ входить въ интересы окружающей его жизни. Мысль о женитьбѣ все не покидала его; напротивъ, встрѣтивъ препятствіе, желаніе его хоть какънибудь, только бы измѣнить образъ жизни еще болѣе окрѣпло въ немъ.

Онъ снова съ толпою знакомыхъ парней поѣхалъ въ Окраину, рѣшивъ безъ особеннаго сожалѣнія и борьбы, что теперь уже между нимъ и Марею все покончено навсегда.

Окраинскіе дѣвушки и парни были всѣ въ сборѣ и съ радостью встрѣтили ихъ. Со всѣхъ сторонъ слышались вопросы: „что такъ давно не пріѣзжали?" Дубровинъ казался совершенно спокойнымъ, хотя не безъ сердечнаго волненія замѣчалъ, что Маря была очень печальна. Она не пѣла и не плясала, какъ бывало, и, видя холодное отношеніе Дубровина, скоро ушла домой, не сказавъ съ нимъ ни слова.

Дубровинъ сѣлъ къ прялкѣ Луши и долго игралъ на гармоникѣ. Когда его приглашали въ хороводъ, онъ бралъ Лушу и потомъ садился съ нею рядомъ.

Настроеніе его было странное,—какъ будто онъ катился

быстро куда-то подъ-гору и не зналъ, свернетъ ли себѣ шею, или докатится благополучно—но что бы тамъ ни было, а мчаться и страшно, и любо! Онъ былъ такъ словоохотливъ, что легко завязалъ съ Лушею разговоръ, и она, прежде почему-то стѣснявшаяся его присутствіемъ, теперь разговаривала съ нимъ довольно смѣло. Дубровину она казалась лицомъ и манерами ничѣмъ не хуже Мари, только онъ не находилъ съ нею той необъяснимой связи, благодаря которой онъ такъ быстро сблизился съ Марею.

Ему удалось въ этотъ вечеръ постоять съ Лушею въ сѣняхъ, такъ, какъ это было первый разъ съ Марею; Луша была съ нимъ очень ласкова; Дубровинъ цѣловался съ нею—она не вырывалась отъ него и не торопилась уходить въ избу.

— Луша, ты согласилась бы выйти за меня замужъ?—спросилъ онъ ее полушутя и самъ удивляясь неожиданности такой мысли, совершенно случайно пришедшей ему на умъ.

— Пошла бы,—рѣшительно и серьезно отвѣтила ему Луша.

„Чѣмъ она хуже Мари?"—подумалъ Дубровинъ. И ему представилась яркая и глубоко-печальная картина его одинокой жизни. „Можетъ быть, она будетъ утѣшеніемъ для меня?"—продолжалъ онъ развивать свою мысль. И сказалъ уже рѣшительно:

— Если пойдешь, я буду сватать тебя.

Послѣ этого разговора съ Лушею, онъ посовѣтовался съ Борисомъ и, не встрѣтивъ съ его стороны неодобренія, окончательно рѣшился жениться на Лушѣ.

Онъ теперь былъ именно въ тѣхъ духовныхъ потемкахъ, въ которыхъ „всѣ кошки кажутся сѣрыми". На другой же вечеръ онъ пріѣхалъ уже не на супрядку, а прямо къ родителямъ Луши—свататься. Согласіе было получено, и черезъ мѣсяцъ состоялась свадьба.

X.

Дубровинъ получалъ отъ опекуна по семидесяти рублей въ мѣсяцъ, но проживалъ не болѣе тридцати, и въ нѣсколько лѣтъ накопилъ сбереженій до двухъ тысячъ рублей.

На свадьбу ему была выдана отдѣльная сумма.

Еще до женитьбы онъ купилъ въ Буранахъ крестьянскую усадьбу, построилъ на ней деревянный, одноэтажный, въ четыре комнаты, съ мезониномъ и балкономъ, домикъ и переселился въ него отъ Жулина со всею мебелью и вещами.

Вообще, начиная супружескую жизнь, онъ старался обста-

вить себя такъ, чтобы имѣть свой уголъ, опредѣленныя занятія, развлеченія и не скучать. Онъ купилъ еще лошадь, нанялъ кухарку и взялъ въ кучера бѣднаго окраинскаго парня Саву, который съ перваго вечера, какъ онъ побывалъ въ Окраинѣ, почему-то очень ему понравился.

Въ одной изъ комнатъ своего дома Дубровинъ поставилъ отцовское піанино (онъ не продалъ его приставу, потому что тотъ хотѣлъ пріобрѣсти его почти даромъ), въ другой—токарный станокъ, и даже, по совѣту своего друга Бориса, выписалъ изъ города иллюстрированный журналъ.

На токарномъ станкѣ Дубровинъ вытачивалъ разныя бездѣлушки; но такъ какъ это не имѣло для него осмысленнаго интереса, кромѣ однообразнаго и чисто-физическаго упражненія, то скоро перестало занимать его.

Онъ очень любилъ музыку, и еще въ дѣтствѣ разучилъ нѣсколько пьесъ, но теперь исполнять ихъ было трудно—піанино настолько разстроилось, что Дубровинъ только кое-какъ могъ играть на немъ разные незамысловатые мотивы простыхъ деревенскихъ пѣсенъ. Но эти мотивы легче и лучше исполнялись на простой двухрядной гармоникѣ, и поэтому піанино скоро стало самою непочетною мебелью: на него валили разный хламъ: сапожныя щетки, ваксу, ружейные патроны, ставили чищенные и даже нечищенные сапоги и чуть не кухонную посуду...

Получивъ первый нумеръ журнала, Дубровинъ легъ съ нимъ на диванъ, пересмотрѣлъ картинки и началъ читать какую-то повѣсть. Но чтеніе скоро утомило его; зѣвая и потягиваясь, онъ уронилъ журналъ за спинку дивана и полѣнился достать его оттуда. Уже недѣлю спустя, когда кухарка мыла полъ, вытащили журналъ, покрытый толстымъ слоемъ пыли, и его послѣ взялъ къ себѣ Борисъ.

Не измѣнило Дубровину только его любимое съ дѣтства развлеченіе—охота. Для нея онъ арендовалъ у крестьянъ сосѣднихъ деревень земли и почти каждый день ѣздилъ охотиться.

Уѣзжая изъ дома, онъ прощался съ женою, цѣлуя ее и гладя по волосамъ. Она тоже говорила ему какую-нибудь нѣжность, въ родѣ того, что: „не долго ѣзди", или: „пріѣзжай поскорѣй". Но эти не всегда искреннія нѣжности скоро опошлились и надоѣли Дубровину отъ слишкомъ частыхъ и однообразныхъ повтореній.

И тогда пришлось ему убѣдиться въ томъ, что онъ слишкомъ поторопился жениться, серьезно относясь къ супружеской жизни, потому что трудно, пожалуй, было бы пріискать еще такую жен-

щину, которая была бы ему въ роли жены столь противоположна по натурѣ, какою была Луша. Она была наружностью не только недурна, но, можно сказать, красива: высокаго роста, съ правильными чертами лица, съ румянцемъ во всю щеку, темными бровями, твердымъ и какимъ-то безстрастнымъ взглядомъ. Ни одна дѣвица въ цѣлой волости не пользовалась такою славою, какъ Луша: „эта дѣвка не любитъ шутить и болтать попусту, а за дѣло возьмется, такъ не надо двоихъ",—говорили о ней крестьяне. Но въ ней не было того, что въ женѣ, можетъ быть, составляетъ главную красоту, которая одна можетъ обезпечивать счастіе супружеской жизни—сердечной мягкости, отзывчивости, правдивой искренности и способности угождать любимому человѣку.

Вначалѣ Дубровину нравились въ ней эти строгія и, какъ ему казалось, гордыя черты, но потомъ онъ все болѣе и болѣе сталъ недоволенъ ихъ грубою неуступчивостью и непокорностью. При всей своей неуступчивости, Луша не могла подчинить его своему вліянію, не могла сама ему внутренно рабски подчиниться, и этимъ раздражала его и ожесточала.

Еслибы она вышла за деревенскаго парня, то, какъ сильная работница и красивая жена, можетъ быть, составила бы счастье для мужа, но для Дубровина эти достоинства не имѣли большого интереса.

Луша сдѣлалась женою, нимало не заботясь о томъ, какова будетъ ея жизнь за Дубровинымъ. Что жизнь должна была быть хорошею—въ этомъ ни она, ни ея родные нисколько не сомнѣвались: они знали, что работать ее не заставятъ, „кускомъ" она не будетъ обижена, одѣваться будетъ какъ купчиха...

Она скоро привыкла къ сытой и праздной жизни, и никакъ не могла постигнуть, какъ могъ Дубровинъ, обезпеченный матеріально, безпокоиться о томъ, что не имѣлъ дѣла?.. Къ занятіямъ его и развлеченіямъ — игрѣ на піанино, чтенію книгъ и журналовъ, работѣ на токарномъ станкѣ и даже охотѣ — она относилась совершенно равнодушно и пренебрежительно. Она была довольна и счастлива, когда Дубровинъ проводилъ время съ нею въ шуткахъ и забавахъ, въ разговорахъ, которые, въ сущности, были безсодержательной болтовней и только для нея, въ ея нынѣшнемъ положеніи имѣли большой смыслъ и интересъ; или когда онъ уѣзжалъ на охоту, ласково простившись съ нею, и она, послѣ сытнаго обѣда, пила чай съ вареньемъ, въ накладку, и гадала на картахъ, въ оракулъ, или играла съ кухаркою „въ короли"...

XI.

По сосѣдству съ Буранами поселился нѣкто Швалингъ, богачъ агрономъ, купивъ имѣніе, когда-то принадлежавшее Дубровину, со всѣми обширными сѣнокосами, пастбищами, лѣсами и озерами.

Швалингъ былъ однимъ изъ тѣхъ капиталистовъ-дѣятелей, которые, желая чѣмъ-нибудь полезнымъ отмѣтить свое существованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсти популярность, бросаются въ разныя благородно-филантропическія предпріятія, заявляя себя благодѣтелями народа,—но, не любя народа, не зная народной жизни и не желая близко знакомиться съ нею,—подобно бочкѣ въ баснѣ Крылова, надѣлавъ шуму, не приносятъ, въ сущности, никому и никакой пользы.

Сдѣлавшись владѣльцемъ Дубровинскаго имѣнія, Швалингъ, повидимому, имѣлъ цѣлью облагодѣтельствовать бѣдныхъ крестьянъ—своихъ сосѣдей: онъ предполагалъ устроить въ деревняхъ двухъ-классныя школы, больницы, безплатныя читальни, и даже основать общество „вольныхъ пожарныхъ". Проекты о школахъ, читальняхъ и больницахъ вызвали много хлопотъ и остались втунѣ, но мысль о „вольныхъ пожарныхъ" долго поддерживалась сочувствіемъ мѣстныхъ состоятельныхъ людей, приглашенныхъ къ устройству общества.

Дубровинъ тоже сочувствовалъ намѣреніямъ Швалинга и увлекался „пожарною идеею". Онъ даже соглашался пріобрѣсти на свой счетъ нѣсколько пожарныхъ инструментовъ и самолично отбывать очередныя дежурства на каланчѣ, которою они намѣревались, на первый случай, сдѣлать колокольню приходской церкви... „Всякое доброе и полезное дѣло, сдѣланное для крестьянъ,—есть божье дѣло!"—съ увлеченіемъ говорилъ Дубровинъ.

Но скоро всѣ гуманныя затѣи Швалинга кончились тѣмъ, что, истративъ нѣсколько сотъ тысячъ на устройство въ имѣніи образцоваго хозяйства — телеграфа, обсерваторіи для метеорологическихъ наблюденій, коннаго завода и каменныхъ хлѣвовъ для разведенія свиней англійскихъ породъ, онъ уѣхалъ куда-то въ свои дальнія имѣнія, оставивъ здѣсь управляющимъ нѣкоего ученаго-агронома, Щемяльскаго.

Щемяльскій повелъ дѣло строго и скоро такъ сжалъ крестьянъ, что они не смѣли не только удить рыбу на озерахъ

Швалинга, но даже ходить за грибами въ его лѣсахъ, подъ страхомъ тяжелой отвѣтственности.

„Вспомнишь теперь и покойнаго Сергѣя Андреича, царство ему небесное!—говорили мужики:—тотъ, бывало, и валежнику въ лѣсу давалъ побрать, ежели попросишь на топливо, и покосъ, и пашню сходно уступалъ, а этотъ“... И они безнадежно махали руками...

Тогда Дубровинъ понялъ, что затѣи Швалинга были пустыя, и отъ всей души возненавидѣлъ Щемяльскаго.

Имѣніе Швалинга граничило съ крестьянскими землями, арендованными Дубровинымъ для охоты; Щемяльскій, охотясь, часто переходилъ границы своихъ владѣній и заходилъ на аренду Дубровина. Этимъ случаемъ Дубровинъ, давно желавшій чѣмъ-нибудь поддѣть Щемяльскаго, рѣшилъ воспользоваться непремѣнно. Но, какъ человѣкъ, долго жившій въ деревнѣ, онъ зналъ, что борьба съ такою силой, какъ былъ Щемяльскій, не легка, и онъ старался прежде заручиться расположеніемъ станового пристава. Онъ уступилъ приставу отцовскіе часы, стоившіе нѣсколько сотъ рублей, за незначительную цѣну и въ долгъ, а потомъ, нѣсколько времени спустя, сообщилъ ему свои соображенія относительно Щемяльскаго. Его политика удалась,—приставъ вызвался ему содѣйствовать и даже предложилъ взять съ собою урядника на охоту, въ качествѣ свидѣтеля и составителя протокола.

Узнавъ, когда Щемяльскій былъ на охотѣ, приставъ самъ прислалъ къ Дубровину урядника. Въ свидѣтели былъ приглашенъ Борисъ.

Дубровинъ находился въ самомъ веселомъ настроеніи: онъ радовался, что ему представился, наконецъ, удобный случай дать себя знать „полячишкѣ“, какъ называлъ онъ Щемяльскаго.

Дубровинъ одѣлъ короткій пиджакъ, привязалъ патронташъ, закинулъ за плечи рогъ, и несмотря на то, что въ тѣхъ лѣсахъ, куда они отправлялись на охоту, крупнѣе зайца звѣрей не водилось, онъ прицѣпилъ къ кушаку длинный отцовскій кинжалъ съ золотою насѣчкою и въ ножнахъ съ серебряной оправой.

Для Дубровина была осѣдлана недавно купленная имъ молодая и бойкая лошадка. Онъ легко и ловко вскочилъ на нее, и, повернувшись въ сѣдлѣ, съ любопытствомъ сталъ глядѣть, какъ будутъ садиться его товарищи.

Наконецъ, всѣ усѣлись и въ сопровожденіи двухъ гончихъ собакъ выѣхали на буранскую дорогу.

Встрѣчавшіеся мужики и бабы кланялись имъ и говорили про себя: „Ну, что-то будетъ, а артель ихъ собралась большая!“

Дубровинъ съ урядникомъ ѣхали впереди и совѣщались, куда имъ лучше направиться, чтобы неожиданно захватить Щемяльскаго на арендуемой Дубровинымъ землѣ.

Только-что они выѣхали на буранское поле, какъ со стороны Швалинговой мызы услышали лай нѣсколькихъ собакъ, идущихъ на нихъ гòномъ.

— Вѣдь это они охотятся! — сказалъ Дубровинъ, глядя въ ту сторону, откуда лаяли собаки.

— Навѣрное они. Больше некому,—согласился урядникъ.

— Если мы тутъ постоимъ, они, пожалуй, выѣдутъ прямо на насъ.

— Тутъ, на открытомъ мѣстѣ, стоять неудобно. Намъ нужно бы притаиться гдѣ-нибудь. Вотъ, поѣдемте туда! — указалъ Дубровинъ на мелкій лѣсокъ впереди,—тамъ подождемъ.

И, привставъ на стременахъ, онъ ударилъ лошадь и вскачь помчался на указанное мѣсто. Всѣ послѣдовали за нимъ.

Стоя близь границы владѣній, нѣкогда принадлежавшихъ его отцу, Дубровинъ съ любопытствомъ и сердечной тревогой взглянулъ на знакомыя мѣста, гдѣ протекло его дѣтство...

Вотъ стоитъ вдали старый сосновый боръ, въ которомъ, бывало, охотился онъ съ отцомъ на краснаго звѣря...

Тогда близь этого бора красовался старый березовый лѣсъ, занимавшій пространство болѣе восьмисотъ десятинъ. Теперь уже на мѣстѣ его образовалась неровная гладь, на которой только торчали пни, стояли новыя постройки коннаго завода и свиныхъ хлѣвовъ Швалинга, да кое-гдѣ мелькали сосны и ели, пощаженныя разсчетливымъ купцомъ, вырубившимъ этотъ вѣковой лѣсъ... Рядомъ съ сосновымъ боромъ тянутся вдаль, безъ конца, сѣнокосные луга, а тамъ блеститъ стеклянная гладь озера, и на его высокомъ берегу стоитъ старый каменный домъ, утопающій въ зелени сада...

Какія знакомыя мѣста! Какіе грустные виды!..

Черезъ нѣсколько минутъ, на зеленѣющихъ нивахъ буранскаго поля, обрамленныхъ мелкимъ лѣскомъ, показалось трое пѣшихъ охотниковъ.

— А! они!.. — сверкнувъ глазами, произнесъ Дубровинъ.— Ну, готово дѣло—попались на нашей землѣ! Протоколъ, протоколъ, — и на судъ! Больше никакихъ разговоровъ! Ѣхать туда, прямо на нихъ, что-ли?.. — онъ вопросительно взглянулъ на своихъ товарищей.

— Поѣдемте. Только вы, Григорій Сергѣичъ, драки, пожалуйста, не заводите,—предупредилъ урядникъ.

Но только-что Дубровинъ показался изъ-за кустовъ, охотники Щемяльскаго, завидѣвъ его, тотчасъ же начали трубить въ рогъ, сзывая своихъ собакъ, и направились обратно отъ буранскаго поля.

— Уходите теперь, уходите! Все равно, мы васъ видѣли и отъ суда вы не отбояритесь!—говорилъ Дубровинъ, останавливая лошадь и съ выраженіемъ буйной отваги глядя на своихъ противниковъ.

XII.

Поохотившись нѣсколько часовъ и не затравивъ ни одного зайца, но довольный успѣхомъ, Дубровинъ возвращался домой.

Близъ сосѣдней съ Буранами деревни они встрѣтили мужика, вывозившаго въ поле павшую лошадь. Мужикъ имѣлъ такой убитый, растерянный и безнадежный видъ, что, поровнявшись съ нимъ, Дубровинъ невольно остановился. Остановились и ѣхавшіе съ нимъ.

— Дядя, это твоя лошадь околѣла?—спросилъ Дубровинъ.

— Моя,—мрачно отвѣчалъ мужикъ, не взглянувъ на спрашивавшаго.

— Небось, послѣдняя?—продолжалъ спрашивать Дубровинъ, разглядывая растрепанные лапти и заплатанную рубаху мужика.

— Послѣдняя.

— Отчего же она околѣла?

Мужикъ исподлобья взглянулъ на Дубровина, очевидно не понимая, для чего это онъ пристаетъ къ нему съ вопросами. Но, видя, что въ лицѣ Дубровина не выражалось ничего насмѣшливаго, а скорѣе печаль и сочувствіе, онъ заговорилъ почти скороговоркою:

— Отчего? Да вотъ, иногдысь, конями я смѣнялся, съ Добрынинымъ... Поди, знаешь?

— А, это кулакъ-то? Знаю; слыхалъ.

— Ну, вотъ, съ нимъ и смѣнялись, безъ придачи, по цѣлымъ. А послѣ смѣнки-то, знаешь ли, ему мой конь и не полюбился. Меня дома какъ-то не случилось, а втепорь онъ пришелъ ко мнѣ, да и свелъ со двора своего промѣненнаго-то коня. Я пришелъ домой, а мнѣ жёнка и говоритъ: „Добрынинъ коня увелъ“. Я жду; думаю: не приведетъ ли коня, хоть котораго-нибудь? Онъ не ведетъ. Да такъ больше двухъ недѣль у себя и продержалъ. Опослѣ ужъ сельской староста привелъ мнѣ на

дворъ моего-то. Да, знать, подлецъ, не кормилъ его совсѣмъ,—вся изсохши была, потомъ вотъ и околѣла.

— Ну, какъ же теперь?

— А вотъ какъ хошь! Работать не на комъ, и купить не на что.

— Такъ ты въ судъ на Добрынина подай.

— Чтò судъ! Только понапрасну время потеряешь. Ему вездѣ рука.

И, махнувъ кнутовищемъ, мужикъ пошелъ отъ Дубровина за телѣгою, увозившею его лошадь.

— Ты приди ко мнѣ: я тебѣ прошенье напишу, потомъ въ судъ Добрынина вытребуемъ!—крикнулъ ему Дубровинъ.

— Спасибо, кормилецъ, на добромъ словѣ!—мужикъ поклонился, снявъ шапку.

— Ну, какъ вы думаете: вѣдь Добрынинъ долженъ сильно поплатиться за такой проступокъ?—спросилъ Дубровинъ урядника.

Урядникъ глубокомысленно улыбнулся.

— Нѣтъ. Можетъ быть, присудятъ рубль или два заплатить. Не больше.

— Но вѣдь онъ можетъ сказать, что ему лошадь заморили?

— А судьи скажутъ: „зачѣмъ же ты не приходилъ брать лошадь?" Да опять же и то сказать надо: взятка завсегда свое дѣло сдѣлаетъ!—съ глубокимъ убѣжденіемъ заключилъ урядникъ.

Дубровинъ съ ненавистью взглянулъ на него, подумавъ: „всѣ вы таковы, приставленные блюсти правосудіе!"

— Я полагаю, и совсѣмъ мужикъ не пойдетъ въ судъ на Добрынина, — сказалъ Борисъ, — потому что побоится сердить его: мало ли онъ за чѣмъ приходитъ къ нему одолжаться,—то хлѣба занять на посѣвъ, то воспитанницкіе билеты закладывать? Чуть какая нужда—все къ нему.

— Извѣстно дѣло, — мрачно подтвердилъ его слова Сава.

Нѣсколько минутъ ѣхали молча.

— Господа, — сказалъ Дубровинъ, останавливая лошадь,—я папиросочницу потерялъ.

Всѣ остановились. Сава уже приготовился ѣхать искать папиросочницу. Но Дубровинъ остановилъ его.

— Нѣтъ, я самъ поѣду,—я помню, гдѣ могъ ее обронить. Я васъ догоню,—крикнулъ онъ, уже отъѣзжая отъ нихъ.

Онъ не потерялъ папиросочницу, но придумалъ сказать это для того, чтобы вернуться къ мужику. Отъѣхавъ отъ своихъ товарищей, онъ досталъ изъ кошелька три десятирублевыя кредитки и зажалъ ихъ въ рукѣ.

Мужикъ удивился, увидѣвъ скачущаго къ нему Дубровина, и вопросительно поглядѣлъ на него, когда тотъ поровнялся съ нимъ и поѣхалъ рядомъ.

Дубровину стало чего-то неловко, и онъ не зналъ, какъ предложить ему деньги. Но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ протянулъ мужику руку съ кредитками.

— Нà, возьми; купи себѣ коня!—сказалъ онъ.

И не давъ мужику времени поблагодарить себя, ударилъ лошадь и въ карьеръ помчался догонять своихъ товарищей.

— Нашелъ! — сказалъ онъ имъ, весело усмѣхаясь.

XIII.

Отлично выпивъ и закусивъ у Дубровина, урядникъ составилъ протоколъ, въ которомъ обвинялся управляющій Швалингскаго имѣнія, Щемяльскій, въ томъ, что охотился на землѣ, арендуемой Дубровинымъ.

Совершивъ поѣздку такъ удачно, и послѣ встрѣчи съ мужикомъ, Дубровинъ чувствовалъ себя въ очень возбужденномъ и веселомъ настроеніи. Но, послѣ выпивки и закуски, онъ положительно не зналъ, чѣмъ заняться дома съ товарищами.

— Не сходить ли намъ на супрядку?—предложилъ онъ.

— А что же, пойдемте,—согласился урядникъ.

Борисъ тоже былъ не прочь отъ этого, хотя съ безпокойствомъ посматривалъ на Лушу.

Одѣваясь, чтобы идти, Дубровинъ вопросительно поглядѣлъ на жену, ожидая, чтò она скажетъ на это. Но Луша была печальна, сурова, и упорно молчала. Когда уже онъ уходилъ, она холодно сказала ему:

— Скоро ли придешь-то?—И потомъ раздражительно прибавила:—Повадился каждый вечеръ шляться по супрядкамъ!

Дубровину сильно не понравились ея холодность и суровый тонъ, тѣмъ болѣе, что это было выражено при постороннихъ. Еслибы она была мягче, онъ, можетъ быть, остался бы дома, но теперь онъ съ досадою поглядѣлъ на нее и сказалъ:

— Я, можетъ быть, и скоро возвращусь.

И ушелъ.

На супрядкѣ было много деревенской молодежи. Всѣ такъ непринужденно и беззаботно отдавались общему веселью.

Дубровинъ игралъ на гармоникѣ, ходилъ въ хороводы, какъ, бывало, холостой, и незамѣтно засидѣлся до поздней ночи.

Луша приготовила для него ужинъ и долго ждала его. Но потомъ велѣла кухаркѣ убрать со стола и легла въ постель печальная и сердитая.

Это уже не первый разъ уходилъ Дубровинъ на супрядки, и Луша безъ него, одна, плакала потихоньку. Но прежде онъ возвращался рано, увѣрялъ ее, что на супрядкѣ было скучно и что онъ радъ, возвратившись къ ней, домой. Она понимала, что это были большею частью неискреннія слова, но старалась преодолѣть себя и не казаться сердитою,—и они скоро примирялись. Теперь же она припомнила всѣ бывшіе раньше случаи, когда мужъ былъ съ нею холоденъ, или неразговорчивъ, словно занятый чѣмъ-то другимъ, и увѣрила себя, что онъ не любитъ ея и, можетъ быть, увлекается на супрядкахъ какою-нибудь другою.

Дубровинъ хотя никѣмъ не увлекался, но, возвращаясь домой, сознавалъ себя неправымъ передъ женою и чувствовалъ угрызенія совѣсти.

Въ этотъ разъ онъ рѣшилъ въ умѣ попросить у нея извиненія и ласками загладить свой поступокъ.

— Луша, ты спишь?—спросилъ онъ, входя въ спальню.

Отвѣта не было.

— Луша!—повторилъ Дубровинъ.

— Что?—наконецъ отозвалась она, поднимаясь съ постели. Лицо ея было сосредоточенное и сердитое, на глазахъ еще не высохли слезы.

Дубровинъ хотѣлъ обнять ее, но, замѣтивъ злое выраженіе въ ея взглядѣ, остановился. Онъ сѣлъ на стулъ, возлѣ кровати, и сталъ разуваться.

— Луша,—сказалъ онъ сдержанно-ласково,—у меня правый сапогъ снимается очень туго—помоги мнѣ, пожалуйста, разуться.

Луша нахмурила брови и молча исполнила его желаніе. Дубровинъ внимательно наблюдалъ, не сводя съ нея глазъ.

— Отчего ты сердишься?—спросилъ онъ.

Она молчала.

— Отчего ты сердишься?—повторилъ Дубровинъ.

— Ни отчего,—отвѣчала она.

— Какой глупый отвѣтъ! — съ раздраженіемъ проговорилъ Дубровинъ, но тотчасъ же, сдѣлавъ надъ собой усиліе, заговорилъ серьезно и дружески:—Послушай, Луша, если я тебя спрашиваю по хорошему, не во зло, ты мнѣ должна какъ слѣдуетъ отвѣчать. Скажи же, пожалуйста: отчего, когда я поздно прихожу

съ супрядки домой, ты дуешься и злишься? Тебѣ непріятно, что я ухожу?

Луша молчала.

— Что же ты опять молчишь?

— А что-жъ мнѣ говорить?

— Я тебя спрашиваю: ты сердишься на меня за то, что я ухожу на супрядку?

— Такъ что-жъ: гуляй! Иди хоть сейчасъ!

Дубровинъ вспыхнулъ и закусилъ губы.

— Принеси мнѣ ужинать,—сурово сказалъ онъ.

— Ужинъ на кухнѣ, у кухарки.

— Я говорю: *ты* принеси мнѣ ужинать!—выходя изъ себя, крикнулъ Дубровинъ.—Если ты словъ моихъ не слушаешь, такъ кулаковъ будешь слушать!—кричалъ Дубровинъ, колотя жену.

Но онъ напрасно думалъ, что Луша будетъ слушать кулаковъ больше, чѣмъ словъ: она не произнесла ни одного упрека, ни одной жалобы; только когда Дубровинъ, запыхавшійся, остановился, она, блѣдная и дрожащая отъ волненія, но холодная какъ камень, съ непреклонной рѣшимостью проговорила:

— Ну, что-жъ, бей! Хоть совсѣмъ убей!

Но въ это время въ лицѣ ея Дубровинъ увидѣлъ выраженіе такой горькой обиды, такого глубокаго незаслуженно-оскорбленнаго достоинства и безъисходнаго отчаянія, что руки его опустились. Не требуя больше ужина, онъ легъ на постель и отворотился лицомъ къ стѣнѣ, проклиная судьбу свою. Луша легла отдѣльно, на диванѣ.

XIV.

Еслибы въ своихъ несчастіяхъ человѣкъ не сваливалъ причины горя на судьбу, а разсматривалъ безпристрастно, насколько онъ самъ виноватъ въ случившемся, тогда онъ ближе стоялъ бы къ правдѣ жизни и легче могъ бы поучиться отъ нея,—мириться съ настоящимъ, а въ будущемъ не повторять своихъ ошибокъ.

Дубровинъ сдѣлалъ ошибку, женившись на Лушѣ, и хотя самъ онъ, во всякомъ случаѣ, былъ виноватъ въ ней не меньше Луши, но, по его мнѣнію, Луша одна была причиною его непріятностей и досады, потому что она не хотѣла быть другою Лушею, а оставалась тою, какою она была, а слѣдовательно и должна была нести всю отвѣтственность за случившееся. Обвинять самого себя—ему и въ умъ не приходило.

Вообще, онъ готовъ былъ винить въ своей ошибкѣ жену, весь свѣтъ,—какъ будто свѣтъ обязанъ былъ сдѣлать ему жизнь удобною и спокойною, — а не себя. Совершивъ надъ Лушею кулачную расправу, онъ былъ опечаленъ не грубостью, не несправедливостью своего поступка, а тѣмъ, что этимъ поступкомъ не устранена причина непріятностей, а навсегда остается при немъ, еще болѣе непримиримая, упорная и грозная...

Теперь для него стало очевиднымъ, что въ жизни его творится что-то недоброе, и было несомнѣнно, что будетъ твориться всегда. Какъ будто какая-то непонятная, неотвратимая и—какъ ему представлялось—ядовито-насмѣшливая сила систематически портила ему жизнь, окруживъ его заколдованнымъ кругомъ, изъ котораго не было выхода.

Мало-по-малу онъ начиналъ раздражаться, досадовать и злиться. Въ такомъ раздраженіи онъ всталъ, обулся и пошелъ на кухню умываться.

Луша встала раньше его и была занята съ кухаркою. Дубровинъ, входя въ кухню, встрѣтился съ нею. Луша посторонилась, чтобы дать ему дорогу, и потупилась, не говоря ни слова.

„Вотъ гдѣ недоброе-то!“ — съ досадой и злостью подумалъ Дубровинъ, посмотрѣвъ на холодное и упрямое лицо жены.

Онъ тоже ничего не сказалъ ей, отвернулся отъ нея и сталъ умываться.

Кухарка—Акулина, которая служила раньше у Жулина,—суетилась около печки и то-и-дѣло вздыхала и съ сокрушеніемъ произносила: — Охъ, Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ!..

„Это она о насъ сокрушается“,—подумалъ Дубровинъ. И, вытирая пальцы полотенцемъ, сталъ глядѣть на кухарку.

— О чемъ это ты такъ сокрушаешься, Акулина?—спросилъ онъ черезъ нѣсколько времени.

— А-а? Объ чемъ-то? Мало ль объ чемъ! Неужто мнѣ и сокрушаться нельзя?

Дубровинъ разсмѣялся.

— Нѣтъ, отчего же? Можно. Вздыхай и сокрушайся, Акулина, сколько угодно,—тебѣ никто не помѣшаетъ и запрету не будетъ!

Въ задней комнатѣ его дома, въ правомъ углу, передъ образами теплилась неугасимая лампада, заботливо заправляемая его женою. Онъ прошелъ туда и сталъ молиться.

У него была сложена короткая и простая молитва, въ которой онъ просилъ Бога о упокоеніи души своей матери и близкихъ родныхъ, и о томъ, чтобы Господь, держащій все въ

своей силѣ и волѣ, помогъ страдающему человѣчеству въ борьбѣ за правду. Но слова молитвъ не трогали его сердца.

Онъ сѣлъ пить чай одинъ. Прежде онъ всегда пилъ вдвоемъ съ Лушею, и при этомъ они разговаривали о разныхъ мелочахъ текущей жизни: о томъ, чтò готовить къ обѣду, чтò дѣлается въ ихъ селѣ, какое лучше къ чаю молоко: топленое, кипяченое, или сырое?.. И теперь Дубровинъ съ отвращеніемъ вспомнилъ всѣ эти разговоры. Онъ былъ почти доволенъ, что не видѣлъ Луши на томъ мѣстѣ, гдѣ она всегда сидѣла. Но непріятная ссора съ нею не выходила у него изъ памяти. „Теперь надуется и недѣлю не будетъ говорить,—думалось ему.—Да пусть не говоритъ, чортъ съ ней!“

Онъ крикнулъ Саву и велѣлъ ему приготовить лошадей. Отпивъ чай, одѣлся, взялъ ружье и отправился на охоту.

XV.

Слова Бориса оправдались,—мужикъ не пришелъ къ Дубровину писать прошеніе. Уже послѣ стало извѣстно, что онъ купилъ новую лошадь и на обидчика махнулъ рукою, вѣроятно сказавъ при этомъ: Богъ съ нимъ!

Протоколъ, составленный урядникомъ, давно былъ переданъ въ судъ. Но дѣло не разбиралось. Вначалѣ Дубровинъ все освѣдомлялся у пристава, скоро ли ихъ вызовутъ? Тотъ говорилъ, что скоро. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ—и когда въ послѣдній разъ Дубровинъ пришелъ освѣдомиться, приставъ сталъ осторожно внушать ему, что лучше бы это дѣло совсѣмъ оставить.

— Вы никогда не были лично знакомы со Щемяльскимъ?—спрашивалъ онъ Дубровина.

— Нѣтъ, никогда не имѣлъ чести быть съ нимъ знакомымъ,—съ нескрываемой злостью отвѣчалъ Дубровинъ.

— Гмъ! Жаль,—нахмурившись, произнесъ приставъ.—Жаль. Мнѣ, по обстоятельствамъ службы, нерѣдко приходится бывать у него и имѣть съ нимъ отношенія. И, право, насколько я знаю его, это — человѣкъ не совсѣмъ худой...

— Хорошъ! Мужикамъ грибовъ не позволяетъ собирать въ Швалингскихъ пустошахъ!—съ негодованіемъ почти вскрикнулъ Дубровинъ.

— Да, это вы правы, что онъ слишкомъ уже строго... Мужиковъ жалко, съ одной стороны, но съ другой стороны—вѣдь и нельзя быть не строгимъ! Мужики вѣдь такой народъ, что

если позволить имъ собирать грибы, или какой-нибудь хворостъ, такъ они тогда, какъ разъ, и весь лѣсъ въ лоскъ положатъ! Съ нашимъ народомъ строгость необходима, — авторитетно прибавилъ приставъ.

Дубровинъ съ упрекомъ посмотрѣлъ на него.

— Мы съ вами, кажется, отклоняемся отъ главнаго предмета разговора, — заторопился приставъ, чувствуя на себѣ взглядъ Дубровина и стараясь ласково улыбаться.—Я, Григорій Сергѣичъ, хотѣлъ сказать вамъ вотъ что: Щемяльскій самъ по себѣ можетъ быть и несимпатичнымъ человѣкомъ, — я объ этомъ не спорю,—но я беру его какъ личность, имѣющую общественное значеніе и силу. Видите ли: Швалингъ, какъ вамъ извѣстно, большой благотворитель, и здѣсь онъ, вначалѣ, когда купилъ имѣніе, намѣревался сдѣлать для крестьянъ много добраго,— открыть училища, безплатныя читальни и прочее, что̀ для крестьянъ такъ существенно необходимо...

— Изъ тщеславія онъ это затѣвалъ,—проговорилъ Дубровинъ. — Зато и не сдѣлалъ ничего.

— Нѣтъ, я опять не о томъ хотѣлъ сказать. Богъ его знаетъ, какія были у него побужденія, а только несомнѣнно то, что онъ именно хотѣлъ сдѣлать добро...

— Но вѣдь не сдѣлалъ же!

— Да, не сдѣлалъ. Это правда. Но не сдѣлалъ потому, что самъ, лично, онъ не зналъ ни крестьянъ, ни ихъ жизни, и затруднялся, какъ примѣнить къ нимъ тѣ нововведенія, въ которыхъ должна была выразиться его благотворительность. Онъ именно нуждался въ дѣльныхъ указаніяхъ и совѣтахъ людей, близко стоящихъ къ крестьянамъ. Деньги-то у него были и желаніе доброе было, а не было людей, которые могли бы дать ему необходимые и драгоцѣнные въ данномъ случаѣ совѣты и указанія. Такъ вотъ я и хочу сказать вамъ, Григорій Сергѣичъ, что вы, какъ человѣкъ долго жившій въ деревнѣ, знакомый съ народомъ непосредственно,—вы могли бы дать тѣ указанія и совѣты, которые принесли бы много пользы для крестьянъ, о которыхъ вы, какъ видно, очень заботитесь.

— Что̀ же я тутъ могъ бы сдѣлать?—спросилъ Дубровинъ, нахмурясь и внимательно слушая.

— Многое! Очень многое, Григорій Сергѣичъ!

— На посылкахъ служить у Швалинга, что-ли?

— Нѣтъ! Зачѣмъ? Вы могли бы написать Швалингу, увидѣться съ нимъ и лично объясниться, или дѣйствовать на него

черезъ того же Щемяльскаго (съ которымъ уже и поэтому слѣдовало бы ладить). Вотъ что̀ вы могли бы.

— Значитъ, я могъ бы потрудиться для ихъ славы?

— Слава тутъ, мнѣ кажется, ни при чемъ. Важна польза для крестьянъ, и въ этомъ отношеніи совѣты ваши и труды не пропали бы даромъ. Да и, вообще говоря, къ чему враждовать съ ними? Лучше сохранить добрыя отношенія съ своимъ братомъ—дворяниномъ,—круто перевелъ приставъ разговоръ на другое.

Дубровинъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и рѣзко проговорилъ:

— Я лучше согласился бы отказаться отъ своего дворянства, чѣмъ сдѣлаться другомъ этихъ господъ. Я удивляюсь: какъ скоро вы могли перемѣнить взглядъ на Щемяльскаго, котораго недавно считали чуть не подлецомъ!

Гримаса брезгливости и досады мелькнула на лицѣ пристава. Но онъ быстро овладѣлъ собой и принялъ независимый видъ.

— Мнѣ не къ чему мѣняться. И если я вступилъ въ такія объясненія съ вами, то, повѣрьте, имѣлъ въ виду вашу собственную пользу,—съ достоинствомъ проговорилъ онъ.

— Благодарю покорно. Нѣтъ, я могу быть злодѣемъ,—а унижать себя не могу!—гордо сказалъ Дубровинъ, и всталъ.

— Ну, это—дѣло ваше; какъ говорится: „насильно милъ не будешь". А я—повѣрьте—хотѣлъ отъ доброй души посовѣтовать вамъ дѣйствовать, и именно имѣлъ въ виду только пользу крестьянъ, ничуть не желая ставить васъ въ какое-нибудь неловкое положеніе. А впрочемъ, повторяю: это—дѣло ваше.

И приставъ вѣжливо простился съ нимъ, проводивъ его до порога.

Въ словахъ пристава была доля правды. Но Дубровинъ не слышалъ этой правды, и для него было очевидно только то, что этотъ полицейскій или труситъ передъ Щемяльскимъ, или взялъ съ него взятку больше той, какую могъ взять съ Дубровина. „Лицемѣритъ и лжетъ,—никакой надобности ему нѣтъ до пользы мужиковъ, а прикидывается добрымъ человѣкомъ!"—мелькало въ головѣ Дубровина.

Слова пристава больно отозвались въ сердцѣ его, и онъ никогда еще не жалѣлъ такъ, какъ теперь, о томъ, что̀ не имѣлъ того общественнаго положенія, какое имѣлъ его покойный отецъ... Да, еслибы онъ имѣлъ много денегъ, у него навѣрное достало бы благородства отдать половину состоянія для бѣдныхъ и неимущихъ, но поступаться своей гордостью и самолюбіемъ—онъ не могъ и не желалъ.

XVI.

Однажды, лѣтомъ, онъ ходилъ на охоту одинъ (въ рабочую пору онъ не бралъ Саву съ собою, а отпускалъ его домой, хотя и оставлялъ ему жалованье).

Онъ вышелъ изъ дома поздно, когда уже вставало солнце,— и охота его не была удачна. Пробродивъ въ лѣсу нѣсколько часовъ и не сдѣлавъ ни одного счастливаго выстрѣла, онъ, усталый и невеселый возвращался домой. Погода стояла прекрасная; солнце горячо и ясно свѣтило съ безоблачнаго неба; воздухъ стоялъ такъ неподвижно, что даже на осинахъ листья висѣли безтрепетно.

Въ тѣни лѣса еще сохранилась прохлада ночи и поднимались испаренія отъ обсыхающей росы, но на прогалинахъ уже становилось жарко.

Дубровинъ переходилъ черезъ сѣнокосную пустошь Жулина. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней передъ этимъ стояла дождливая погода; вся трава въ пустоши, на пространствѣ около ста десятинъ, была скошена, и половина ея осталась неубранною. Пользуясь установившимся вёдромъ, Жулинъ собралъ изъ окружныхъ деревень поденщиковъ и поденщицъ до шестидесяти человѣкъ.

Выйдя изъ лѣса на долину, по срединѣ которой стоялъ сѣнной сарай, Дубровинъ увидѣлъ здѣсь большое оживленіе: поденщицы и поденщики, — почти все молодежь,—въ цвѣтныхъ бумажныхъ нарядахъ (на большую поденщину молодежь всегда одѣвается какъ на праздникъ), весело и оживленно занимались своимъ дѣломъ. Нѣкоторые подвозили на лошадяхъ сырое сѣно къ сараю въ кучки; нѣкоторые поворачивали уже просохшее. Парни и дѣвицы перекидывались между собою словами и шутками; слышались звонкія пѣсни...

Глядя на эту прекрасную картину труда, оживленія и веселья, Дубровинъ почувствовалъ, какъ сердце его сжалось: угрызеніе совѣсти за свое бездѣлье и невольная зависть къ этимъ веселящимся труженикамъ шевельнулись въ немъ.

— Григорій Сергѣичъ! помогите намъ сѣно убирать!—крикнулъ ему сынъ Жулина, Иванъ, выходя изъ сарая, снимая шапку и кланяясь.—Зайдите, пожалуйста; поподчуйте папиросочкой!— повторилъ онъ.

Дубровинъ, преодолѣвая неловкость и словно боясь, чтобы не

осудили его праздности, прошелъ мимо работающихъ, которые здоровались съ нимъ, и вошелъ въ сарай.

Тамъ уже на одной сторонѣ лежало нѣсколько сотъ пудовъ душистаго сѣна. Снявъ съ плеча ружье и поставивъ его къ стѣнѣ, онъ угостилъ Ивана папироскою, закурилъ самъ и съ наслажденіемъ прилегъ на сѣно.

— А чтò, Иванъ, и изъ Окраины здѣсь есть поденщики? —спросилъ онъ.

— Есть; и дѣвки, и парни. Они въ лѣсу сгребаютъ сѣно. Вотъ ужò будутъ сушить да убирать — такъ всѣхъ можно увидѣть.

— Ну, это будетъ около обѣда, а я сейчасъ уйду домой. Да, впрочемъ, мнѣ и не нужно ихъ видѣть. Я только такъ спросилъ.

— А чтò вамъ домой-то спѣшить? Повремените здѣсь, отдохните. Я вотъ на минутку отлучусь—распорядиться народомъ нужно, — съ какой-то лукавой улыбкой произнесъ Иванъ, оскаливъ свои бѣлые зубы. И вышелъ изъ сарая.

„Не здѣсь ли Маря?“ — подумалъ Дубровинъ. И мысли его невольно перенеслись къ тому времени, когда онъ ѣздилъ на супрядки въ Окраину и проводилъ время съ Марею, вечера и цѣлыя ночи... „Можетъ быть, я былъ бы счастливъ съ нею, — думалось ему.—Не судьба была. Какъ все навыворотъ идетъ въ моей жизни! Тò, чего хочешь, не исполняется, а исполняется такое, чего не хочешь, чтò тебѣ противно“.

Раздумывая такъ о своей жизни, онъ незамѣтно уснулъ.

Онъ былъ разбуженъ крикомъ и смѣхомъ молодежи, уже скопившейся въ сарай и возившейся по рыхлому сѣну.

— Валите прямо на него!

— Неловко, ребята!

— Глядите: собака-то не загрызла бы!

— Нѣтъ, не загрызетъ!—раздавались голоса.

И вдругъ цѣлая толпа дѣвушекъ и парней повалилась на Дубровина. Но они тотчасъ же всѣ разошлись, и осталась только Маря, которую Иванъ повалилъ возлѣ Дубровина и крѣпко держалъ за ея упругія плечи.

— Ну, вы тутъ потолкуйте малость; я не стану спрашивать, чтобы много работы сработала, — сказалъ онъ, обращаясь къ Дубровину, и ушелъ изъ сарая.

Маря приподнялась на сѣнѣ и стала обѣими руками поправлять свои растрепавшіеся густые черные волосы. Она была одѣта въ бѣлой рубашкѣ, съ открытой шеей и обнаженными за

локоть руками; на загорѣлой шеѣ висѣло нѣсколько нитокъ блестящихъ стеклянныхъ бусъ; полная грудь ея высоко поднималась, щеки горѣли румянцемъ и каріе глаза изъ-подъ черныхъ рѣсницъ свѣтились какъ звѣзды въ ночной темнотѣ. Свѣжестью, силой и страстью вѣяло отъ всей ея фигуры.

Дубровинъ никогда не видалъ ее такою красивою.

— Надо идти, — сказала Маря: — всѣ замѣтятъ, осуждать будутъ.

Дубровинъ хотѣлъ уговорить ее остаться еще хоть на минутку, но она не дождалась его словъ и заговорила первая:

— Счастливые вы—гуляете по лѣсамъ съ ружьемъ и собакой! А мы тутъ жилы вытягиваемъ на работѣ.

— А я вамъ завидую: вы работаете и веселитесь, а я хожу на охоту—и скучаю.

— Чего вамъ скучать?.. Живете, слава Богу, въ состояніи... съ молодой женой... по любови!..

Послѣднія слова она произнесла съ особеннымъ выраженіемъ не то укора, не то насмѣшки, и вопросительно взглянула на него своими жгучими глазами.

— Не говори этого, Маря, не смѣйся надо мной!—съ горечью произнесъ Дубровинъ. И жалобы на судьбу свою полились у него потокомъ. Гордость его замолчала, и онъ не стѣснялся обнажать передъ Марею стыдъ своей жизни. Онъ высказалъ все, что̀ было у него на сердцѣ: какъ опостылѣла ему праздная и однообразная жизнь и какъ онъ былъ несчастливъ въ супружествѣ.

Маря внимательно слушала и какъ будто была удивлена его объясненіемъ.

— Нечего на судьбу роптать—кого хотѣлъ, того и бралъ!— сказала она. И лицо ея вдругъ сдѣлалось такъ грустно, что Дубровинъ удивился. — Теперь и не любо, да смѣйся! — слабо улыбнувшись, прибавила Маря.

Они съ минуту молчали.

— Что же къ намъ на Окраину-то никогда не побываешь? —спросила потомъ Маря съ особеннымъ выраженіемъ близости и власти.—Пришелъ бы когда погулять.

Сердце Дубровина задрожало отъ этихъ ея словъ.

— Теперь вы, пожалуй, меня, женатаго-то, и не примете? —робко спросилъ онъ.

— Чего же? Дѣвки рады будутъ. Повеселилъ бы насъ, поигралъ бы на гармоньѣ. А больше-то что жъ?.. У насъ теперь

уже нѣту таковаго веселья, какъ бывало въ ту пору, когда ты ѣзжалъ со своей шайкой... Гдѣ жъ нашимъ парнямъ!..

— Правду ты говоришь, Маря?

— Правду.

— Я же приду, если ты хочешь.

— Мнѣ-то что̀!—тихо и нервно разсмѣялась Маря. — Ты всѣхъ другихъ приди повеселить.

— А ты развѣ не будешь веселиться, когда я приду?

— Чудной онъ какой! Какъ другіе, такъ и я.

— Такъ ты хочешь, чтобы я пришелъ?

— Извѣстно, хочу. Не хотѣла бы, такъ и не говорила.

Дубровинъ оглянулся кругомъ — въ сараѣ никого не было, Иванъ нашелъ для людей работу внѣ сарая.

— Приду, если ты велишь, — проговорилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, обнимая Марю. Маря не сопротивлялась...

XVII.

Сердце Дубровина опять ожило для новыхъ чувствъ и впечатлѣній. Онъ разлучился съ Марею только покоряясь „необходимости“ и, какъ ему казалось, любить ее никогда не переставалъ. Женившись, онъ потерялъ всякую надежду когда-нибудь сблизиться съ нею, но теперь любовь его загорѣлась съ новою, еще большею силою, чѣмъ прежде,—теперь несомнѣнно предстояло выдержать много борьбы, чтобы удовлетворить чувство страсти.

Съ нетерпѣніемъ и сердечнымъ волненіемъ ждалъ онъ, когда наступитъ праздникъ, чтобы идти на Окраину и увидѣться съ Марею. Въ ночь передъ праздникомъ онъ долго не могъ уснуть и думалъ о томъ, какъ завтра увидится съ Марею, что̀ будетъ говорить съ нею и какъ ему удастся поставить себя въ общемъ мнѣніи. „Трудно, трудно. Много придется положить труда!“— думалъ онъ. Но потомъ вспоминалъ свое свиданіе съ Марею и какъ бы чувствовалъ ея горячее дыханіе, огненный поцѣлуй,— и сердце его замирало отъ порыва страсти...

Утромъ онъ всталъ рано и, напившись чаю, пошелъ къ Борису, въ контору пристава.

— Тебѣ и въ праздникъ отдыха нѣтъ!—сказалъ онъ, входя въ узкую комнатку, большая половина которой была заставлена письменнымъ столомъ; свѣтъ въ нее проникалъ изъ окна, выходящаго на дворъ и изъ полу-окна на свѣтлый корридоръ, от-

дѣлявшій контору отъ комнатъ пристава. Борисъ, что-то писавшій, положилъ перо и протянулъ руку Дубровину.

— Ничего не подѣлаешь, Григорій Сергѣичъ,—сказалъ онъ, улыбнувшись какою-то покорною улыбкою:—текущія дѣла!

Дубровинъ сѣлъ на свободный стулъ у стола.

— Ты, Борисъ, будшь свободенъ сегодня послѣ обѣда?

— Пожалуй, нѣтъ; у меня есть срочное дѣло, и до обѣда мнѣ не успѣть его сдѣлать. А что̀?

— Я сегодня хотѣлъ сходить погулять въ Окраину.

— Не къ тестю ли въ гости?—улыбнулся Борисъ.

Дубровинъ слегка нахмурился.

— Нѣтъ, не къ нему, а такъ—погулять съ молодежью отъ скуки.

Дубровинъ подумалъ признаться Борису во всемъ, но чувствовалъ, что тотъ отнесется къ нему неодобрительно, и промолчалъ.

— Я бы пошелъ,—сказалъ Борисъ,—только не знаю, какъ успѣю съ работою.

— Чортъ ее побери, твою работу!

Въ это время въ корридорѣ раздались тяжелые шаги—и въ контору вошелъ приставъ.

— А, Григорій Сергѣичъ!—пробасилъ онъ, протягивая руку Дубровину.—Что вы не ушли сегодня на охоту? Здоровы ли?

— Здоровъ. Такъ, не расположенъ былъ идти.

— Да и погода мало располагала къ этому,—какъ бы дополняя объясненіе Дубровина, проговорилъ приставъ,—съ вечера шелъ дождь. А я вотъ и съ удовольствіемъ сходилъ бы поохотиться, но времени свободнаго рѣдко имѣю. Дѣла̀ все, знаете, дѣла! Борисъ, переписано дѣло по убійству сотскаго?

— Еще не все переписано,—отвѣчалъ Борисъ, снова принявшійся за работу, какъ только вошелъ приставъ.

— Сегодня его надо окончить.

Приставъ опять обратился къ Дубровину.

— Намъ когда-нибудь вмѣстѣ поохотиться бы, Григорій Сергѣичъ.

— Это можно,—сказалъ Дубровинъ.—Соберемтесь.

Изъ корридора послышался молодой женскій голосъ:

— Папа, иди чай пить!

— Иду!—отвѣчалъ приставъ.—Григорій Сергѣичъ, не угодно ли чаю? Пожалуйте въ столовую!—любезно пригласилъ онъ.

— Нѣтъ, благодарю; я уже пилъ чай.

— Ну, такъ до свиданія.

Приставъ пожалъ ему руку и вышелъ.

— Слышали, что̀ говоритъ? — сказалъ Борисъ, снова положивъ перо: — надо работу кончить. А что же вы не пошли къ нему? Побесѣдовали бы съ его дочерьми,—прибавилъ онъ.

— Ну ихъ! — съ неудовольствіемъ проговорилъ Дубровинъ, махнувъ рукою. — Такъ ты, Борисъ, можетъ быть, до обѣда успѣешь окончить свои неотложныя дѣла, а потомъ и пойдемъ въ Окраину, а?

— Постараюсь. Тогда пойдемте.

Борисъ успѣлъ до обѣда окончить работу. Дубровинъ позвалъ съ собою буранскихъ парней, Жулинскаго Ивана—и они всѣ отправились въ Окраину.

XVIII.

Деревня Окраина состояла изъ пятидесяти дворовъ. Жители ея, имѣя въ достаточномъ количествѣ надѣлы хорошей земли, жили въ большинствѣ безбѣдно, и изъ окраинской молодежи только малая часть парней уѣзжала въ городъ, на промыслы, а дѣвицы почти всѣ жили дома круглый годъ. Окраинскіе жители были извѣстны не только въ своей волости, но даже въ цѣломъ уѣздѣ за людей бойкихъ, веселыхъ и покладныхъ. Ни въ одной изъ сосѣднихъ деревень не выходило такъ много дѣвушекъ замужъ и не бывало такихъ большихъ гуляній, какъ въ Окраинѣ. Парни изъ близкихъ деревень приходили сюда гулять не только на праздникахъ, но даже на будняхъ, по ночамъ, во время неспѣшныхъ работъ, отъ начала весны до начала сѣнокосовъ.

Днемъ гулянья устроивались на краю деревни, у качели. Здѣсь было очень удобное мѣсто для этого: рядомъ съ качелью, подъ окномъ маленькой избушки бѣдной вдовы, была просторная и ровная круглая площадка, на которой хороводы водили и плясали; съ одной стороны площадки была широкая и ровная, какъ лавка, земляная завалина избушки, съ другой—лежали оскобленныя осиновыя бревна, гдѣ было можно сидѣть. Когда собиралось народу слишкомъ много и не хватало мѣстъ для сидѣнья, изъ сосѣднихъ избъ приносили сюда скамейки.

Въ этотъ день сборище холостежи было большое—много парней и дѣвушекъ изъ сосѣднихъ деревень собрались сюда гулять. Но у нихъ не было хорошихъ гармоникъ и гармонистовъ. Когда Дубровинъ съ товарищами подошелъ къ гулянью и, ра-

душно принятый молодежью, сѣлъ на завалину и заигралъ на своей гармоникѣ, а Иванъ Жулинъ неистово забилъ въ бубенъ, все необыкновенно оживилось.

Много бабъ и мужиковъ собралось къ качели, поглядѣть, какъ гуляетъ молодежь.

„Чужаки“ недружелюбно поглядывали на Дубровинскую компанію, сразу занявшую первенствующую роль.

— Не завели бы они съ нами драки? — спросилъ Дубровинъ Саву.

— Чтò вы! Не посмѣютъ. Намъ вѣдь тутъ—дома стало: если чтò выйдетъ, такъ наши мужики за насъ заступятся. Да мы и такъ-то имъ не уважимъ, ничего что насъ меньше будетъ!—съ рѣшительнымъ видомъ произнесъ Сава.

Дубровинъ на это одобрительно кивнулъ головой.

— Григорій Сергѣичъ,—просилъ Иванъ, чувствовавшій себя въ чужомъ мѣстѣ какъ дома,—сыграйте намъ, мы съ Михалкой спляшемъ.

И на середину круга вышелъ съ Иваномъ бывшій нà-веселѣ парень Михалка, извѣстный плясунъ.

Иванъ не умѣлъ хорошо плясать и вышелъ затѣмъ только, чтобы показать чужакамъ, что онъ нисколько ихъ не боится.

Они плясали недолго. Михайло только-что вошелъ въ ударъ и не успѣлъ выказать лучшихъ „колѣнъ“ пляски.

— Ну, кто еще изъ молодцовъ идетъ со мной плясать? Объ закладъ на четвертную вина — кто кого перепляшетъ?.. И деньги сейчасъ зà-руки! — задорно говорилъ онъ. И полѣзъ-было въ карманъ за деньгами. Но никто изъ парней не выходилъ плясать.

— Али и нѣтъ никого? Эхъ, вы!.. — насмѣшливо произнесъ Михайло, и положилъ кошелекъ въ карманъ.—Ну, не на четвертную, такъ на бутылку, что-ли?

Но и на бутылку никто не выходилъ.

Иванъ Жулинъ подошелъ къ Борису, сидѣвшему около одной изъ дѣвушекъ. Онъ зналъ, что Бориса трудно вызвать на пляску, но зато когда онъ выйдетъ, то будетъ, на чтò поглядѣть.

— Ну, Борисъ Иванычъ, какъ, братъ, хочешь—а попляши! За тобой все дѣло; не дай въ обиду—докажи себя!

Хвастовство Михалки раззадорило Бориса.

— Э, да вѣдь не подъ бабой лежать! — шутливо сказалъ онъ. И, бросивъ пиджакъ на колѣни дѣвушки, вышелъ на середину круга.

И уже потому, какъ онъ вышелъ, всѣ поняли, что будетъ, на что̀ поглядѣть. Дубровинъ былъ очень доволенъ, что удалось его вызвать. И бойко заигралъ камаринскаго.

Борисъ въ началѣ пляски лѣниво прошелся по кругу, какъ бы разминая ноги, словно онъ и вовсе не умѣлъ пласать. Но всѣ знали, что это дѣлаютъ только отличные плясуны, увѣренные въ себѣ, чтобы потомъ поразить зрителей своимъ искусствомъ.

Михайло, видя, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, тоже не сталъ сразу вывазывать „колѣнъ". Во второй разъ Борисъ, лѣниво пройдясь, вдругъ сдѣлалъ ловкій выв ертъ и быстро повернулся на одномъ каблукѣ. Это задѣло Михайла за живое. Онъ привскочилъ и, ударивъ разомъ обѣими ногами въ землю, сталъ выбивать дробь. Потомъ онъ немилосердно колотилъ ногу объ ногу и, бороздя сапогами по землѣ, выдѣлывалъ такія фигуры, что пыль стояла столбомъ и земля изъ-подъ ногъ его летѣла на сарафаны близко сидѣвшихъ дѣвушекъ.

— Ти-да! — вскликнулъ Михайло, перегибаясь, и, поднявъ лѣвую ногу, ударилъ ладонью по подошвѣ сапога и затѣмъ поднесъ руку почти къ лицу своего противника. Потомъ ковырнулъ носкомъ сапога въ землю такъ, что засыпалъ ею сапоги Бориса.

Всѣ кругомъ одобрительно глядѣли на Михайла.

— А ловко, шельмецъ, пляшетъ!

— Форсисто!—слышались голоса.

Глаза Бориса загорѣлись. Онъ раза два топнулъ ногой, какъ бы выбирая тактъ, потомъ хлопнулъ ладонями и, подбоченясь лѣвой рукой, махнулъ передъ собою правою, словно расчищая дорогу, и пошелъ дѣлать кругъ...

Совсѣмъ незамѣтно было, чтобы онъ старался плясать, а словно какая-то тайная сила дѣйствовала въ немъ, а онъ только отдавался ея волѣ. Ноги его летали съ изумительной быстротой и легкостью, и въ каждомъ движеніи выражалась какая-то неудержимая отвага.

Въ толпѣ уже не слышно было возгласовъ одобренія, а всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли и любовались.

Борисъ сдѣлалъ фигуръ пять и, повернувшись кругомъ на одной ногѣ, протянулъ руку Михайлѣ. Но тотъ не далъ ему руки; онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что пляска скоро окончилась, и онъ былъ побѣжденъ.

— Что̀ же мало? Я только-что началъ,—говорилъ онъ.— Нѣтъ, давай еще, а тамъ и увидимъ, чья возьметъ!

— Ну, будетъ съ насъ и того! Въ другой разъ когда-нибудь

допляшемъ,—сказалъ Борисъ, садясь около дѣвушки, у которой былъ его пиджакъ.

— Не садись, Борисъ Иванычъ, не садись! Еще разокъ-другой пройдись! — бросился къ нему Иванъ. И потомъ, схвативъ за руку Марю, сталъ выводить ее на средину круга.

— Ну-ка ты, Маречка, писаная кралечка! раздѣлай, что-ли, подъ красное дерево! А ты, Григорій Сергѣичъ, сыграй намъ „вальца на три пальца".

Маря вышла и, застѣнчиво улыбаясь, поправляла на себѣ платье. Она была одѣта въ бѣломъ кисейномъ сарафанѣ, съ кашемировымъ алымъ передникомъ, обшитымъ кружевами, въ русской кисейной рубашкѣ съ открытымъ воротомъ и короткими широкими рукавами, перевязанными красными ленточками; стройный станъ ея перетягивала широкая лента ярко-краснаго цвѣта, концы которой, завязанные назади бантомъ, спускались внизъ почти до земли; бѣлый, съ цвѣтами, шолковый платокъ обрамлялъ ея загорѣлое, оживленное и румяное лицо.

И, казалось, ни одинъ нарядъ не шелъ бы къ ней такъ, какъ тотъ, въ которомъ она была одѣта.

Она выступила противъ Бориса и остановилась, словно собираясь съ духомъ. Потомъ сдѣлала шагъ, другой, гордо и плавно, какъ лебедь, и вдругъ, быстро взмахнувъ рукою, съ платочкомъ, подбоченилась и пошла... Она то дѣлала круги, то останавливалась какъ вкопанная, и, передергивая плечами, обмѣривала своего плясуна гордымъ, вызывающимъ взглядомъ, то выступала опять сначала тихо и ровно, и потомъ кружилась вихремъ.

Борисъ же выказалъ вполнѣ свое дарованіе: когда Маря останавливалась, онъ скакалъ передъ нею въ присядку; когда же она дѣлала круги, сторонился и выдѣлывалъ удивительныя фигуры.

Кончивъ пляску, Маря самодовольно улыбнулась, поклонилась гармонисту и отошла прочь.

— Да; ихъ пара сошлась—сила на силу!

— Знатно раздѣлали! — говорили мужики и бабы, съ наслажденіемъ глядѣвшіе на пляску.

Дубровинъ съ восторгомъ смотрѣлъ на Марю. Вечеромъ ему удалось посидѣть съ нею рядомъ, на завалинѣ, и поговорить. Онъ былъ счастливъ.

— Ну, что̀, Сава: понравилось тебѣ гулянье на Окраинѣ?—спросилъ онъ своего работника, когда они—уже передъ утромъ—возвращались домой.

— Да, ничего,—отвѣчалъ Сава.

— Ахъ, я и забылъ, что у тебя тутъ Ганя есть!—спохватился Дубровинъ, весело разсмѣявшись.—А хоть бы и не это, сюда стòитъ еще погулять сходить. Въ слѣдующій праздникъ сходимте еще разъ?

— Сходимте.

— Твоя Ганя мнѣ сегодня приглянулась,—продолжалъ Дубровинъ: — она не изъ красивыхъ, но мнѣ тѣмъ нравится, что простодушная, какъ ребенокъ. У нея на лицѣ все видно, какъ въ зеркалѣ: если ей весело—никто, кажется, не можетъ быть веселѣе; а если она печальна—того и гляди, что сейчасъ заплачетъ... Ты, Сава, очень ее любишь?

— Какая тамъ наша любовь!—уклончиво отвѣчалъ Сава.—Извѣстно: долго гуляешь, такъ и привыкши. Ну, и жаль.

— Я такой любви не понимаю! По моему, любить — такъ всей душой. Хоть жизнь для нея положить!—рѣшительно произнесъ Дубровинъ.

Сава многозначительно поглядѣлъ на него и ничего не сказалъ.

Борисъ, шедшій рядомъ и слышавшій ихъ разговоръ, удивлялся, почему Дубровинъ не хочетъ подѣлиться своими чувствами, и все ждалъ, когда онъ къ нему обратится. Борисъ выбралъ минуту, когда Дубровинъ остановился, чтобы закурить, и отсталъ съ нимъ отъ товарищей.

— Вотъ вы, Григорій Сергѣичъ, когда-то говорили мнѣ, что уже больше не полюбите, а вотъ и полюбили,—сказалъ онъ.

Дубровинъ, нахмурившись, чутко прислушивался къ словамъ Бориса, какъ будто ожидая отъ него другихъ рѣчей. Выслушавъ его, онъ вдругъ прояснѣлъ и заговорилъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ:

— А ты уже рѣшилъ, что я влюбленъ?

— Да; это видно.

— Ты не ошибся... Да, Борисъ, трудно узнать человѣку самого себя и угадать, чтò съ нимъ будетъ черезъ нѣсколько времени! Я тогда дѣйствительно такъ думалъ, что не полюблю. А полюбилъ... И эта любовь, можетъ быть, сильнѣе той!..

XIX.

На другой день послѣ прихода буранскихъ парней, у окраинскихъ бабъ и дѣвицъ пошли догадки и шопотъ, — всѣ онѣ

увѣряли другъ друга, приводя несомнѣнныя доказательства, что Дубровинъ приходилъ гулять изъ-за Мàри. Свиданіе ихъ въ сараѣ Жулинской пустоши не осталось тайною, и теперь кто жалѣлъ Марю, кто осуждалъ, а родные Луши возненавидѣли ее за то, что она являлась „разлучницею" мужа съ женою.

Когда, въ слѣдующій праздникъ, Дубровинъ пришелъ опять въ Окраину, Маря только днемъ гуляла вмѣстѣ со всѣми, а передъ вечеромъ ушла домой и больше не выходила на улицу. Дубровинъ даже не имѣлъ случая поговорить съ нею.

— Надо бы намъ домой идти, — сказалъ Борисъ, видя непріятное настроеніе Дубровина.

— Пойдемте. Только ребятъ собрать надо. Гдѣ Сава съ Иваномъ?

— Сава, съ своей Ганей, тутъ, недалеко, у амбара сидятъ. Иванъ тоже съ какой-то дѣвчонкой.

— Надо сказать имъ, что уходимъ. Въ самомъ дѣлѣ, идти надо скорѣй!

Досада, нетерпѣніе и страданіе сказались въ этихъ словахъ.

Борисъ понималъ его, и ему было его жалко, но онъ не находилъ, чѣмъ можно было бы утѣшить своего друга.

— Скучно вамъ?—спросилъ онъ, наконецъ, Дубровина.

— Нѣтъ; чего же скучать?.. Глупости!—отвѣтилъ тотъ, засмѣявшись короткимъ, неестественнымъ смѣхомъ.

Нѣсколько минутъ они молчали. Потомъ Дубровинъ схватилъ Бориса за руку и съ чувствомъ досады и сердечной боли заговорилъ:

— Я вру тебѣ, Борисъ; мнѣ скучно... Да, мнѣ ужасно скучно!.. Вотъ теперь именно такая минута, когда бы я могъ пустить себѣ пулю въ лобъ!.. Ничто мнѣ на свѣтѣ, кромѣ ея, не интересно и не мило!

Борисъ съ удивленіемъ и состраданіемъ поглядѣлъ на него.

— Вамъ надо отвыкать отъ этого, Григорій Сергѣичъ,— сказалъ онъ твердо.

Дубровинъ ничего не отвѣчалъ на это.

Не дойдя до амбара, гдѣ Сава и Ганя сидѣли подъ навѣсомъ, они услышали ихъ разговоръ:

— Вотъ какъ ты пришелъ на Окраину прошлый-то праздникъ, — говорила Ганя, — я взглянула на тебя, а сердце-то у меня забилось-забилось... Страсть!

— Позови его и Ивана, а я васъ подожду здѣсь,—сказалъ Дубровинъ Борису, садясь подъ окномъ избы.

Борисъ подошелъ къ Савѣ и Ганѣ.

— Что-жъ ты, Борисъ Иванычъ, одинъ гуляешь? Знать, у насъ, на Окраинѣ, дѣвушекъ по совѣсти нѣту?—спросила Ганя Бориса.

— Нѣтъ, не оттого, — пора домой идти. Григорій Сергѣичъ велѣлъ всѣмъ собираться,—сказалъ онъ Савѣ.

— Что такъ рано? Что жъ мало погуляли?—съ сожалѣніемъ проговорила Ганя.

— Извѣстно, что!—отвѣчалъ ей Сава.

— Это вы изъ-за Дубровина рано уходите?—спросила Ганя Саву.

— А то изъ-за кого же? Извѣстно, изъ-за него.

— Не вышла Маря-то, а то бы онъ не поторопился уходить.

„Какъ они хладнокровно разсуждаютъ объ этомъ!"—съ горечью подумалъ Дубровинъ.

Наконецъ онъ съ товарищами вышелъ изъ Окраины.

Его товарищамъ было тоже непріятно, что Маря не вышла гулять,— они знали, что изъ-за этого Дубровинъ былъ невеселъ, а съ прекращеніемъ гуляній въ Окраинѣ могли прекратиться и угощенья отъ Дубровина, на которыя онъ не скупился, когда ходилъ сюда.

— Что-то сегодня *она* рано домой ушла? Видно, домашніе не даютъ гулять,—сказалъ Иванъ Дубровину, отставая съ нимъ отъ товарищей и угадывая его невеселыя думы.

— Должно быть,—уныло отвѣчалъ Дубровинъ.

— Я полагаю,—продолжалъ Иванъ,—можно бы устроить такъ, что стали бы ее пускать гулять.

— А какъ?—неувѣренно, но замѣтно оживляясь, спросилъ Дубровинъ.

— А матку ейну, тетку Оксюху, обойти какъ-нибудь! Вѣдь все это въ ней состоитъ. Я про нихъ уже все знаю: отецъ-то Маринъ—тряпка, а вся сила въ маткѣ. Мнѣ объ нихъ говорили.

— А какъ ее обойдешь?

— Какъ?—глубокомысленно повторилъ Иванъ.—Какъ? Оно точно, что не легко... А можно! Уговорить ее надо, чтобы пускала Марю на гулянье—больше ничего. Ну, извѣстно, смазать придется.

Дубровинъ вопросительно поглядѣлъ на Ивана.

— Какъ „смазать"?

— Да такъ, что подарить ей, напримѣръ, на сарафанъ, что-ли... Эти бабы падки бываютъ на такіе подарки. Я знаю.

Иванъ говорилъ объ этомъ съ такимъ убѣжденіемъ и такъ

спокойно, какъ будто о самомъ простомъ и обыкновенномъ дѣлѣ. Сердце Дубровина загорѣлось надеждой.

— Ну, Иванъ, еслибы ты это сдѣлалъ, я бы тебя не зналъ, какъ и благодарить!

— Ладно, испробуемъ. Я надѣюсь, что дѣло будетъ,—отвѣчалъ Иванъ, думая про себя: „А ежели она не возьметъ подарка, да разскажетъ всѣмъ,—сраму будетъ довольно".

Но о послѣднемъ предположеніи онъ не намекнулъ Дубровину ни однимъ словомъ, разсудивъ, что все равно: что̀ будетъ— то пусть и будетъ.

XX.

Воспитатели Мари были уже старые; у нихъ не было дѣтей, и они, любя Марю какъ родную дочь, намѣревались принять въ свой домъ порядочнаго жениха, усыновить его, обвѣнчать съ Марею и передать имъ въ наслѣдство все крестьянское имущество.

Они имѣли довольно исправное хозяйство—надѣлъ земли на двѣ души, хорошую лошадь, двухъ коровъ и двѣ избы на общихъ сѣняхъ и подъ одною кровлею. Въ одной—старой—они жили постоянно, а вторая—новая—была недавно отдѣлана и еще безъ печки.

Воспитатель Мари, Гурьянъ, былъ мужикъ смирный, заботливый и трудолюбивый, и находился въ полномъ подчиненіи у жены своей, Аксиньи. Когда онъ въ чемъ-нибудь не соглашался съ нею, то иногда дѣлалъ нѣкоторыя попытки поставить на своемъ и доказать всѣмъ, что онъ есть въ домѣ хозяинъ:—онъ прикрикивалъ на Аксинью, даже замахивался кулакомъ, кнутомъ или палкою, но ударить никакъ не рѣшался и, въ концѣ концовъ, во всемъ соглашался съ нею.

Въ молодости ему разъ случилось быть въ столичномъ городѣ, гдѣ онъ прожилъ почти цѣлую зиму въ дворникахъ, и это время было самое богатое впечатлѣніями и событіями во всей его жизни. Въ зимніе вечера, когда собирались окраинскіе мужики куда-нибудь на посидѣлку и, плетя лапти, разсказывали разныя „исторіи" изъ своей жизни, Гурьянъ тоже, ковыряя лапоть, любилъ поразсказать уже въ сотый разъ о томъ, какъ, бывало, служа дворникомъ въ городѣ, онъ знакомился съ кухарками, и онѣ угощали его вареной говядиной за то, что онъ приносилъ имъ большія вязанки дровъ самыхъ сухихъ; какъ онъ обучалъ вновь поступавшихъ молодыхъ дворниковъ класть вязанки, или какъ,

однажды, онъ накладывалъ вязанку и вдругъ костеръ разсыпался прямо на него, послѣ чего онъ былъ отправленъ въ больницу, гдѣ пролежалъ довольно долгое время. „Вотъ и теперь отъ этого спина болитъ передъ перемѣнной погодой. Просто: словно бы собаки ее грызутъ!"—всегда заканчивалъ онъ свой разсказъ, и при этомъ одной рукой брался за поясницу. Аксинья, если при ней разсказывалъ мужъ объ этихъ происшествіяхъ, всегда насмѣшливо улыбалась и говорила, качая головою: „Эхъ, молчалъ бы ты лучше!"

Аксинья была разсчетливая, хитрая и пронырливая баба. Не было въ деревнѣ такого секрета или новости, о которыхъ бы она не узнала прежде всѣхъ. Она любила посплетничать и все слышанное прикрасить своимъ вымысломъ, такъ что самая ничтожная случайность, переговоренная ею, получала видъ необыкновенно интереснаго происшествія.

Какъ-то поздно вечеромъ, уже послѣ ужина, она возвращалась домой отъ своей сосѣдки, и когда она подходила къ дому, передъ нею, словно изъ-подъ земли, появился Иванъ Жулинъ.

— Здравствуй, тетенька Аксинья!—сказалъ онъ, снимая фуражку и низко кланяясь.

— Здравствуй, — отвѣчала она, узнавъ его, и по тому, какъ онъ ей поклонился, тотчасъ же поняла, что онъ имѣетъ къ ней какое-то важное дѣло. Но не показала вида, и хотѣла пройти мимо.

— Тетенька, ты постой-ка малость: мнѣ пару словъ надо тебѣ сказать,—остановилъ ее Иванъ.

— Говори; что̀ такое?

— Да я вотъ, тетенька Аксинья, насчетъ того, что ты зачѣмъ дочку гулять не пускаешь по праздникамъ?—прямо брякнулъ Иванъ. И не давая ей времени возразить, продолжалъ:— Ты, положимъ, пускаешь ее, да только днемъ. Это ты, тетенька, дѣлаешь напрасно. Мы такую даль ходимъ гулять къ вамъ, на Окраину, а какое же и гулянье будетъ, коли самыя хорошія и веселыя дѣвки будутъ дома сидѣть?.. Ты, можетъ, что-нибудь худое думаешь... насчетъ Дубровина? Такъ это ты напрасно,— онъ тутъ совсѣмъ въ сторонѣ.

— А изъ-за кого же ты и пришелъ-то ко мнѣ теперя? Скажешь—не изъ-за него?—строго спросила Аксинья. — Ты молоденекъ, малецъ, меня обманывать! Я, милóй, все понимаю. Али вы думаете, что Маря мнѣ не родная дочка — такъ я ее и на срамъ буду давать? Во вѣки вѣковъ этого не будетъ.

Она у меня не выведена за ворота для всякаго произволящаго. Она у меня хоть и воспитонка, а все одно, что родная дочка.

Аксинья перевела духъ, и, не давая Ивану времени возразить, снова заговорила, горячась:

— Да съ кѣмъ это вы тамъ вздумали, что я вамъ Марю на срамъ отдамъ? Да статочное ли это дѣло? Мнѣ не токма отъ Бога, а и отъ всѣхъ добрыхъ людей стыдно будетъ. Ежели бы я дура была—согласилась, такъ послѣ этого Лушина родня мнѣ и проходу нигдѣ не дастъ; сожгутъ еще, по злости. Господи меня отъ этого спаси и сохрани!

Аксинья даже перекрестилась. Иванъ никакъ не ожидалъ такого сильнаго отпора.

— Да я не къ тому говорю. Я только, тетенька, насчетъ того, что ничего худого тутъ нѣту, ежели ты будешь ее гулять пущать! Вѣдь Дубровинъ—дуракъ: онъ такъ только вотъ себя хочетъ потѣшить, развеселиться, знаешь ли, погулять съ протчіимъ... А вѣдь что же онъ хоть бы и Марѣ можетъ сдѣлать?.. Что тамъ съ ней слово какое скажетъ, при гуляньѣ, такъ въ этомъ ничего не состоитъ. А мы хоть бы изрѣдка стали сюда на гулянье приходить, чтобы никому не замѣтно было. А тебѣ тоже какая ни есть да пользишка отъ этого будетъ... На̀ вотъ, на первый разъ, получай!..

И, вынувъ изъ-подъ полы кусокъ ситцу, онъ протянулъ его къ Аксиньѣ. Аксинья отступила назадъ, не принимая куска.

— Скажи ты ему, подлецу, что я дочку свою не продаю!..— произнесла она сердито.—А ты, ежели бы умный былъ человѣкъ, такъ не сталъ бы сюда за этимъ ходить!

И она быстро пошла прочь.

— Тетенька Аксинья, постой-ка!—догналъ ее Иванъ.—Ты на меня, пожалуйста, не серчай. Я вѣдь что-жъ: ежели человѣкъ проситъ, такъ надо его послушать. А коли не хошь Марю гулять пускать, такъ и не пускай. Это—дѣло твое. Только про нашъ съ тобой разговоръ не передавай никому. А то, смотри, лишній срамъ будетъ!..

Аксинья, не отвѣчая на его слова, ушла домой.

— Вишь, проклятая! Не взяла; видно, дешево показалось. Ну, да поддашься ужо̀, какъ посулимъ больше! — проговорилъ Иванъ, унося ситецъ обратно.

XXI.

Онъ не унывалъ и надѣялся уладить дѣло.

Передавъ Дубровину о разговорѣ съ Аксиньей, онъ увѣрялъ его, что она навѣрное на все согласится, если посулить ей побольше. Дубровинъ соглашался на всѣ условія.

Иванъ уговорилъ его не ходить гулять вмѣстѣ съ парнями въ Окраину, пока онъ не подготовитъ все и не устроитъ.

— Какъ-нибудь перетерпите это время. А я тамъ все разузнаю и обдѣлаю. А послѣ уже всѣ вмѣстѣ пойдемъ—и Маря ваша будетъ!—съ убѣжденіемъ говорилъ онъ.

Въ слѣдующій затѣмъ праздникъ Дубровинъ остался съ Борисомъ дома, отговариваясь тѣмъ, что ему плохо здоровится. Но все-таки, по обыкновенію, угостилъ парней водкою и совѣтовалъ имъ сходить погулять на Окраину.

На этотъ разъ Аксинья не держала Марю дома—и та послѣ ужина вышла гулять.

Иванъ подошелъ къ ней.

— Что ты, Маря, прошлый праздникъ гулять не вышла?— спросилъ онъ ее:

— Нельзя было,—отвѣчала Маря.

— Матка не пустила, должно быть? Такъ. Чего жъ она боится тебя гулять пускать? Видно, тутъ разговоры какіе-нибудь есть про васъ съ Григорьемъ Сергѣичемъ?

— Да; всѣ знаютъ, что мы на сѣнокосѣ съ нимъ видѣлись. Думаютъ, что онъ приходитъ сюда изъ-за меня. А родня-то евона словно змѣи на меня шипятъ—думаютъ, что я отбивать хочу. Да мнѣ наплевать,—съ досадой и злостью проговорила она,— пусть шипятъ! Я еще нарочно на зло бы имъ сдѣлала, коли такъ!.. А отчего же онъ не пришелъ?—перемѣнила она разговоръ.

— Да что и ходить, когда ты не гуляешь!

— Что жъ я-то ему такое? Безъ меня народу много,— произнесла Маря, краснѣя.—Ежели бы можно было, я бы вышла. Мнѣ тогда такъ скучно было. Всю ночь не спала. А онъ, словно нарочно, по деревнѣ ходилъ да на гармонѣ игралъ... Лучше бы и не игралъ! Гармонь его мнѣ на сердце ложится...

„Ого, дѣвка-то ты горячая!“—подумалъ Иванъ.

— Такая у насъ скука,—продолжала Маря:—ребята все такіе невареные... ни пылу, ни жару отъ нихъ вѣкъ не дождешься; слова не съ кѣмъ сказать. И за что только наша мо-

лодость пропадаетъ?..—съ грустью заключила она, какъ бы разсуждая сама съ собою.

— Это вѣрно: ни за понюхъ табаку!—отвѣчалъ ей Иванъ.

Послѣ этого разговора съ Марею онъ тотчасъ же отправился къ Аксиньѣ. Подойдя къ избѣ, онъ тихонько стукнулъ въ окно и спрятался за уголъ, боясь, что выглянетъ не она, а кто-нибудь другой.

— Кто тутъ?—спросила Аксинья, открывъ форточку и высунувъ голову изъ окна.

— Мнѣ съ тобой поговорить бы надо, тетенька Аксинья,—мягко и тихо сказалъ Иванъ.

— Объ чемъ? Говори. Только у насъ съ тобой, кажется, все сговорено.

— Да такъ нельзя говорить,—выдь на улицу. Пожалуйста, тетенька Аксинья, выдь: сурьезное дѣло до тебя есть, — многозначительно шепнулъ Иванъ.

— Выйду.

Аксинья захлопнула форточку. „Кто тамъ? Ты куда?"—услышалъ Иванъ изъ избы голосъ Гурьяна. „А тебѣ что̀? На дворъ",—отвѣчала Аксинья. И слышно было, какъ она сердито хлопнула дверью.

„Ну, это не твоего ума дѣло; лежи на печкѣ, да дожидайся жованаго!"—подумалъ Иванъ по адресу Гурьяна.

Аксинья вышла, и у нихъ опять начался разговоръ о Марѣ и Дубровинѣ.

— Чего тебѣ бояться?—убѣждалъ ее Иванъ.—За нею можно будетъ и приглядѣть, чтобы она далеко съ нимъ отъ народу не отлучалась. Поговорятъ—и разойдутся. А хоть бы, скажемъ, и Маря: тоже не дура вѣдь—не гораздо разгалится на женатаго-то! Этые господа, али все одно которые изъ ихняго сословья, извѣстные болваны! Онъ, вотъ, радъ, когда хоть слово съ ней сказать придется. „И ничѣмъ, говоритъ, не подорожу! Скажи, говоритъ, теткѣ Аксиньѣ: пусть хоть пятьсотъ рублей съ меня беретъ—только Марѣ гулять не запрещаетъ".

Послѣднія слова, о пятистахъ, онъ сказалъ на-обумъ,—объ этомъ у нихъ съ Дубровинымъ не было разговоровъ, хотя онъ и говорилъ: „кажется, на все бы я согласился, только бы Марю доступить". И надѣясь, что онъ согласится и на такое условіе, Иванъ самъ отъ себя, по какому-то вдохновенію, опредѣлилъ цѣну.

На этотъ разъ краснорѣчіе его сильно подѣйствовало на Аксинью. „Пятьсотъ рублей! Цѣлое богатство. А можетъ быть, и вправду, онъ ничего худого не сдѣлаетъ Марѣ?.. Только бы

деньги-то отдалъ, а тамъ можно бы слѣдить за нею построже"— мелькнуло въ умѣ Аксиньи.

— Ну, такъ какъ же, тетка Аксинья?—спросилъ Иванъ.

— Чтò вы только хотите сдѣлать?..—говорила Аксинья, закрывъ передникомъ глаза и притворяясь плачущею.

— Ничего не хотимъ! Понимаешь ли ты: только погулять малость, при народѣ—больше ничего!

Аксинья задумалась. Иванъ понялъ, что настала рѣшительная минута, и употребилъ всю силу своего краснорѣчія, приводя множество доводовъ, какъ она могла много выгадать отъ своего согласія, ничего не теряя и ничѣмъ не рискуя.

Аксинью мало трогали его слова; она помнила только то, что можно было получить пятьсотъ рублей, не связывая себя обязательствомъ, имѣющимъ характеръ прямого предательства Мари.

— Ну, ладно; такъ я согласна,—сказала она, отирая глаза.— Только чтобы гуляли они по хорошему. А то—и спаси Богъ!

— Ну, да про это чтò толковать! Все хорошо будетъ,— произнесъ Иванъ, стараясь сохранить серьезный и простодушный видъ. Но, противъ воли, въ голосѣ его прозвучала такая наглая нотка, что Аксинья испугалась бы его словъ, еслибы мысли ея въ это время не были заняты другимъ.

Разсчетъ Ивана удался не совсѣмъ:—Дубровинъ хотя былъ не прочь отдать и пятьсотъ рублей, но только затруднялся тѣмъ, что не могъ достать сразу такой крупной суммы,—теперь расходы его увеличились настолько, что ему уже едва хватало денегъ, получаемыхъ отъ опекуна.

Они долго придумывали способъ выйти изъ этого затрудненія и, наконецъ, остановились на томъ, что выдать Аксиньѣ деньгами пятьдесятъ рублей, а на остальныя написать вексель на имя Мари.

Иванъ опять видѣлся съ Аксиньей.

Аксинья стала отказываться отъ векселя, подозрѣвая тутъ возможность обмана. Но когда Иванъ сталъ божиться въ томъ, что по векселю можно получить деньги съ Дубровина во всякое время, она согласилась.

— Только смотри, тетка Аксинья,—серьезно сказалъ ей Иванъ,—чтобы по чести было, безъ обмана. А ежели не будешь гулять пускать, тебѣ не сдобровать!

Аксинья обѣщала сдержать свое слово.

XXII.

Ко всему можетъ привыкнуть человѣкъ—даже къ позору. Дубровинъ сталъ приходить въ Окраину каждый праздникъ. Днемъ онъ, сохраняя приличіе, держался въ сторонѣ отъ Мари, а вечеромъ, когда молодежь расходилась по деревнѣ парами, онъ оставался съ нею вдвоемъ у качели, и здѣсь они часто просиживали всю ночь.

Вначалѣ жителямъ Окраины поведеніе Дубровина казалось чудовищнымъ: „Отъ законной жены гуляетъ, словно холостой! А Марька-то, бестыжая, вяжется! На что надѣется?..“—говорили всѣ. Но потомъ они такъ привыкли къ этому, что имъ показалось бы скучнымъ и, пожалуй, страннымъ, еслибы Дубровинъ пересталъ ходить гулять, тѣмъ болѣе, что онъ былъ такой добрый, простой и „удалый“—мужикамъ и парнямъ часто давалъ на водку, дѣвицамъ покупалъ гостинцевъ. Когда являлся онъ со своей „шайкой“, было такъ весело; ребята у него подобраны тоже удалые, на пѣсни и пляски большіе мастера; гармоникъ такихъ хорошихъ, бубней и гармонистовъ—нигдѣ больше не было...

Настала зима.

Окраинскія дѣвицы ходили на супрядки съ пряжею. (Въ эту зиму онѣ еще не откупили отдѣльной избы, а отбывали очередь). Въ одинъ изъ вечеровъ супрядка была въ избѣ воспитателя Мари.

Дѣвицы сидѣли въ кружокъ на лавкахъ и скамейкахъ, Аксинья—на кровати, за кругомъ. Она поминутно перекидывалась словами то съ тою, то съ другою изъ дѣвушекъ, выпытывая разныя новости и кое-что сообщая отъ себя, съ неизбѣжными своими прибавленіями и украшеніями. Гурьянъ лежалъ на печкѣ. Онъ сегодня ѣздилъ въ лѣсъ за дровами, возвратился иззябшій, усталый, и послѣ ужина едва добрался до тепла и покоя, какъ тотчасъ же уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Прошло уже около трехъ часовъ вечера.

— Придутъ ли то сегодня буранскіе?—сказала одна изъ дѣвушекъ.

— Поздно; я думаю, уже не придутъ,—отвѣчала другая.

— А хоть бы и вѣкъ не приходили!—раздался съ печки грубый и заспанный голосъ Гурьяна, проснувшагося затѣмъ, чтобы выкурить трубку.

Дѣвушки многозначительно переглянулись.

— Не гораздо тута ихъ надо,—продолжалъ Гурьянъ.—Шляются, какъ бродяги! Женатые—а съ дѣвками гуляютъ!

— Что ты тамъ брешешь-то, дуракъ непутный?—заворчала на него Аксинья.—Тебя не спрашиваютъ, такъ и лежи тамъ, да молчи. Что-жъ женатый? Женатый придетъ смирно; посидитъ, поиграетъ па гармонькѣ и прочь пойдетъ. Руки-ноги ни у кого ни отъѣстъ!

— Потатчица!—огрызнулся Гурьянъ.—Давно вы кулаковъ моихъ дожидаетесь!

— О, Господи! Теленокъ ты вареный,—кто же боится твоихъ кулаковъ?...

— А вотъ,—окончательно разсердясь, сказалъ Гурьянъ,—пусть бы только пришли сюда,—провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ!—если ихъ вонъ не выгоню, коли такъ!.. Сейчасъ возьму полѣно въ руки и начну полѣномъ валять!

Въ это время дверь отворилась, и въ избу вошли: Иванъ Жулинъ, Савва, Дубровинъ и другіе буранскіе парни.

Они, войдя, поздоровались съ дѣвушками, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ разсѣлись по разнымъ мѣстамъ, возлѣ дѣвичьихъ прялокъ. За прялкою Мари умѣстился Иванъ Жулинъ, а Дубровинъ скромно сѣлъ въ уголокъ и только мелькомъ взглянулъ на Марю.

Подъ впечатлѣніемъ предыдущаго разговора, Маря сидѣла словно на горячихъ угольяхъ.

Иванъ Жулинъ принялся разсказывать смѣшную „исторію“ о томъ, какъ они, по дорогѣ въ Окраину, обогнали пьянаго мужика, ѣхавшаго изъ уѣзднаго города и спрашивавшаго ихъ, какъ бы ему попасть домой, въ деревню Кошки, тогда какъ самъ уже проѣхалъ эту деревню. Онъ разсказывалъ очень весело, съ такимъ юморомъ, что разсмѣшилъ всѣхъ въ избѣ, за исключеніемъ одного только Гурьяна, который, лежа на печкѣ внизъ животомъ, мрачно поглядывалъ по избѣ.

Иванъ попросилъ Дубровина сыграть плясовую и вывелъ дѣвушекъ плясать. Потомъ запѣли хороводную пѣсню... Во время хоровода Иванъ замѣтилъ на печкѣ хмурое лицо Гурьяна и рѣшилъ про себя, что онъ навѣрное чѣмъ-нибудь недоволенъ, и его надо задобрить и развеселить. Хороводъ кончился. Иванъ не сѣлъ къ прялкѣ Мари, а пошелъ къ печкѣ.

— Что̀, братъ: аль нездоровъ?—развязно спросилъ онъ Гурьяна.

Между дѣвушекъ откуда-то вырвался сдержанный смѣхъ. Гурьянъ сердито закряхтѣлъ и заворочался, шурша лучиною, сохнувшею на печкѣ.

— Дѣдушка,—принялъ Иванъ ласковый тонъ,—не хочешь ли покурить „пшеничной“?

И онъ досталъ изъ кармана коробку торговыхъ папиросъ.

— Не хочу,—сурово отвѣчалъ Гурьянъ. И, кряхтя и поворачиваясь на другой бокъ, прибавилъ: — Намедни-сь курилъ трубку.

— Родной, да не подчуй ты его, дурака!—вмѣшалась Аксинья:—что̀ онъ понимаетъ въ папиросахъ? Онъ еще не знаетъ, съ какого конца и закуривать-то надо.

Иванъ лукаво подмигнулъ Аксиньѣ однимъ глазомъ.

— Да что̀ трубка! — съ заразительной веселостью подступилъ онъ къ Гурьяну.—Трубка—трубкой, а это будетъ *пшеничная*... На загладку! На-ка, закуривай.

И, говоря это, онъ дружески протянулъ къ нему папиросу. Соблазнъ былъ такъ силенъ, и Иванъ предлагалъ такъ настойчиво, что Гурьянъ не утерпѣлъ и взялъ „пшеничную“.

Дѣвицы опять многозначительно переглянулись.

Когда Гурьянъ выкурилъ папиросу, къ печкѣ подошелъ самъ Дубровинъ.

— У тебя не будетъ ли овса продажнаго?—серьезно и съ видомъ дѣлового человѣка обратился онъ къ мужику.

Гурьянъ косо посмотрѣлъ на него.

— Мнѣ овесъ нуженъ,—продолжалъ Дубровинъ.—За порядочный я бы четыре рубля съ полтиной далъ, за четверть.

Онъ повысилъ цѣну на цѣлый полтинникъ—на рынкѣ уѣзднаго города давали не больше четырехъ, и туда нужно было везти на двадцать верстъ дальше, чѣмъ къ Дубровину. Дѣло было выгодное. Гурьянъ подумалъ съ минуту, снова косо взглянулъ на Дубровина и проговорилъ:

— Есть-то есть... У меня овесъ завсегда хорошій...

— Ну, вотъ и отлично. Такъ ты, дѣдушка Гурьянъ, пожалуйста, привези на дняхъ. Сколько можешь. Что̀ больше—то и лучше.

— Ладно; привезу.

Доставъ свой портсигаръ и собственноручно угостивъ Гурьяна „пшеничною“, Дубровинъ окончательно закрѣпилъ съ нимъ мировую...

Макс. Антоновъ.

БОРЬБА
съ
КОНКУРРЕНЦІЕЙ

Очеркъ новаго промышленнаго движенія въ Англіи.

I.

Быть можетъ, ничто такъ не характеризуетъ политическую жизнь страны, какъ тѣ способы, къ которымъ общество или правительство прибѣгаетъ для борьбы съ промышленной конкурренціей. Самое пониманіе значенія конкурренціи и отношеніе къ ней мѣняется въ каждой странѣ и въ каждую эпоху отдѣльно. Мы, напримѣръ, видимъ, что въ одномъ мѣстѣ правительство беретъ на себя почти всецѣло борьбу съ конкурренціей, когда дѣло касается интересовъ торговцевъ и промышленниковъ, и наоборотъ, насильственно поддерживаетъ безграничную конкурренцію среди самихъ рабочихъ въ предложеніи труда; въ другомъ мѣстѣ борьба съ конкурренціей выливается въ форму всепоглощающихъ монопольныхъ предпріятій, въ видѣ трёстовъ; въ третьемъ—она вызываетъ синдикаты, правительственныя преміи, субсидіи и т. д. Это, конечно, не значитъ, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ не могутъ существовать разные виды борьбы съ конкурренціей. Но, вглядываясь въ экономическую жизнь того или другого народа, мы всегда откроемъ какую-нибудь преобладающую форму борьбы, зависящую не столько отъ какихъ-то „желѣзныхъ“ экономическихъ законовъ, сколько отъ политическаго строя, характера

народа, степени его образованія и другихъ разнообразныхъ фактическихъ условій.

Главная отличительная черта англійской борьбы съ конкурренціей, это — частная иниціатива и объединеніе силъ. Но до сихъ поръ борьба сосредоточивалась, главнымъ образомъ, на двухъ крайнихъ звеньяхъ промышленной цѣпи, среди рабочихъ и потребителей; а теперь она охватила и промежуточныя звенья: предпринимателей, коммиссіонеровъ, оптовыхъ торговцевъ и розничную торговлю. Какъ извѣстно, наиболѣе сложные и наиболѣе интересные въ экономической жизни народовъ вопросы связаны съ конкурренціей, отъ которой страдаетъ первое звено цѣпи, т.-е. продавцы труда. Взаимная конкурренція рабочихъ въ предложеніи труда—самая вредная для страны, такъ какъ она ведется на счетъ соковъ самой жизни, на счетъ первыхъ потребителей. Если рабочій не можетъ продать свой трудъ по настоящей цѣнѣ, то онъ обреченъ на лишенія, на сокращенія потребностей, на приниженіе всего уровня жизни. Излишняя конкурренція на рабочемъ рынкѣ поэтому неминуемо подрываетъ здоровье и умственныя силы огромной части населенія. Послѣдствія этой конкурренціи всегда слишкомъ очевидны, тяжелы и глубоки. Вотъ почему борьба съ нею во всѣхъ странахъ занимаетъ или должна, по крайней мѣрѣ, занимать первое мѣсто. Въ Англіи она ведется, главнымъ образомъ, рабочими союзами, такъ называемыми трэдъ-юніонами, устанавливающими минимумъ рабочей платы и въ то же время во многихъ случаяхъ ограничивающими предложеніе труда, какъ, напримѣръ, опредѣленіемъ числа учениковъ, которое можетъ работать на той или другой фабрикѣ.

Съ своей стороны законодательство старается отчасти облегчать эту борьбу рабочихъ, ограничивая дѣтскій трудъ и рабочій день, предъявляя санитарныя требованія и т. п. Но характернымъ остается для Англіи не законодательство ея, а развитіе рабочихъ союзовъ, въ которыхъ народная любовь къ организованности и объединенію сказалась съ огромной силой и яркостью.

То же объединеніе, хотя и въ болѣе слабой степени, мы замѣчаемъ и на другомъ концѣ цѣпи, гдѣ стоятъ потребители. И послѣдніе страдаютъ отъ взаимной конкурренціи. Вѣдь конкуррируютъ на промышленномъ рынкѣ не только продавцы, но и покупатели. Если торговцы, соперничая между собою, спускаютъ цѣны, то, напротивъ, покупатели, перебивая другъ друга, поднимаютъ ихъ. И мы видимъ, какъ потребители въ Англіи борются, такъ сказать, съ самими собою, т.-е. съ поднятіемъ цѣнъ,

посредствомъ потребительскихъ коопераціи. Дѣлаясь сами и продавцами, и покупателями одного и того же товара, они покрываютъ одну конкурренцію другой, нейтрализируютъ ихъ и получаютъ за свои деньги то, что̀ слѣдуетъ по экономически-необходимой цѣнѣ. И тутъ, значитъ, въ борьбѣ съ конкурренціей сказалась чисто-національная привычка къ общественно-организованнымъ формамъ общежитія.

Неудивительно, поэтому, что когда конкурренція стала особенно сильно давать себя знать и въ другихъ звеньяхъ промышленной цѣпи, борьба съ нею направилась также раньше всего въ сторону объединенія и организаціи. Фабриканты, заводчики, пароходовладѣльцы и разные другіе предприниматели и посредники пошли по стопамъ рабочихъ и начали образовывать также свои „трэдъ-юніоны“ въ видѣ разныхъ федерацій, ассоціацій, комбинацій и союзовъ.

Посмотримъ же, какъ борются эти промышленные классы съ взаимной конкурренціей и въ чемъ состоитъ отличительная черта этой борьбы, дѣлающая ее непохожей на то, что̀ мы видимъ въ другихъ странахъ.

II.

Тяжесть конкурренціи, повидимому, наиболѣе чувствительно падаетъ теперь на розничную торговлю. Соперничающіе между собою торговцы дѣлаютъ все возможное, чтобы привлечь покупателя въ „свою лавочку“, и часто спускаютъ настолько низко цѣны, что торговля дѣлается возможной лишь при неограниченномъ кредитѣ у оптовыхъ коммиссіонеровъ или фабрикантовъ и при надеждѣ, что авось соперникъ обанкротится раньше. И такъ какъ, по свойственному людямъ оптимизму, эта надежда въ одинаковой степени существуетъ у обоихъ соперниковъ и оба они одинаково продолжаютъ подсиживать другъ друга, то въ результатѣ обыкновенно оба одинаково зарываются и одновременно почти банкротятся.

Обыкновенно, открывая новый магазинъ рядомъ съ старымъ, лондонскій лавочникъ старается привлечь къ себѣ публику отпускомъ чуть ли не задаромъ какого-нибудь общеупотребительнаго товара. Новая бакалейная лавка начнетъ, напримѣръ, продавать чрезвычайно дешево какой-нибудь сортъ чая, ветчины или сахара; табачная лавка предложитъ за безцѣнокъ какой-нибудь очень распространенный сортъ папиросъ или табаку; москательщикъ предложитъ чрезвычайно дешево, дешевле, чѣмъ гдѣ бы то

ни было, одеколонъ „собственной марки“ и т. д. Покупатель, пріобрѣтая обыкновенный товаръ, который не хуже, чѣмъ у другихъ, за баснословно низкую цѣну, очень доволенъ собою и новымъ лавочникомъ, и скоро въ околоткѣ устанавливается репутація новаго магазина, гдѣ „все дешево и хорошо“. Публика начинаетъ туда валить валомъ, и лавочникъ, малый неглупый, старается выручать свои потери на продажѣ другихъ вещей, на которыхъ онъ дѣйствительно можетъ нажиться.

Но отдѣльному лавочнику мало того, что приходится конкуррировать съ равнымъ себѣ, нужно еще тягаться и съ неизмѣримо болѣе сильнымъ соперникомъ, который все больше и больше завладѣваетъ рынкомъ,—съ разными акціонерными обществами, которыя, какъ морскіе левіаѳаны, легко поглощаютъ и малую, и крупную рыбу. Въ бакалейной, молочной и табачной розничной торговлѣ акціонерныя компаніи владѣютъ теперь въ Лондонѣ сотнями торговыхъ заведеній, разсѣянныхъ на всѣхъ улицахъ и во всѣхъ частяхъ города. И не довольствуясь уже открытыми ими магазинами, онѣ все больше и больше расширяютъ сѣть своей торговли и, въ поискахъ за выгоднымъ помѣщеніемъ ростущихъ у нихъ капиталовъ, онѣ выдаютъ даже особое вознагражденіе тому, кто указываетъ имъ новое подходящее мѣсто для открытія лишняго магазина. Одна изъ акціонерныхъ компаній предлагаетъ каждую недѣлю премію въ десять фунтовъ стерлинговъ за наиболѣе удачное указаніе такого мѣста.

Кромѣ открытія новыхъ магазиновъ, эти торговые соперники опасны еще тѣмъ, что, обладая большими капиталами, они могутъ тратить много на объявленія и на разные другіе способы искусственнаго привлеченія публики, о чемъ средній лавочникъ съ его скудными средствами и думать не смѣетъ.

Но и эти акціонерныя компаніи, владѣющія множествомъ магазиновъ розничной продажи, въ свою очередь, должны бороться съ распространяющимися все больше и больше универсальными магазинами, такъ называемыми „stores“, въ которыхъ можно купить все, начиная съ иголки и кончая дворцомъ. Правда, дворцы на полкахъ не лежатъ и въ пакетахъ не завернуты, но на выносъ никто ихъ не покупаетъ; право же на недвижимую собственность можно пріобрѣтать и въ имѣющейся при универсальномъ магазинѣ конторѣ, гдѣ вамъ предложатъ на выборъ любыя зданія, квартиры и помѣстья. Тутъ же продадутъ вамъ и лошадей, и рояли, и фунтъ колбасы, и обѣдъ подадутъ. Въ однихъ „сторсъ“ универсальность чуть ли не всеобъемлющая; въ другихъ она ограничивается больше провизіей и колоніальными товарами; въ

третьихъ — дамскими нарядами и разной галантереею; но во всѣхъ случаяхъ они составляютъ обширныя акціонерныя предпріятія и являются опаснѣйшими соперниками для другихъ розничныхъ торговцевъ. Въ одномъ Лондонѣ этихъ акціонерныхъ магазиновъ, съ капиталами свыше милліона рублей каждый, насчитывается 25, при чемъ иные изъ нихъ владѣютъ многими милліонами, какъ, напримѣръ, акціонерное общество „Peter Robinson", оплаченныя акціи котораго составляютъ 800.000 фунтовъ стерлинговъ, не считая учредительскихъ и именныхъ; общество „Джэй" съ капиталомъ въ 400,000 ф. стерл., „Джонъ Баркеръ и компанія"—470,000 фунт. стерл., Harrod's Stores имѣютъ капиталъ въ 510,400 ф. ст., Дж. Робертсъ — 303,000 ф. ст. и т. д. Что торговля у нихъ идетъ хорошо и солидно, видно изъ размѣра дивидендовъ, которые рѣдко опускаются ниже 7 процентовъ; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ поднимаются и до 25%, какъ, напримѣръ, въ „Harrod's Stores".

Бороться съ такими гигантами—дѣло далеко не легкое, а между тѣмъ мы видимъ, что мелкій торговецъ все еще живъ и здоровъ, онъ все еще съ нами, на каждой улицѣ, и, что̀ особенно удивительно, торгуетъ тутъ же, бокъ-о-бокъ съ акціонерными компаніями и съ его „универсальными" соперниками. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками, да и вообще нѣтъ, никакихъ цифръ о числѣ открываемыхъ и закрываемыхъ ежегодно въ Лондонѣ торговыхъ заведеній съ розничной продажей. Мы, однако, можемъ сказать по личнымъ наблюденіямъ, что образованіе акціонерныхъ обществъ не только не вытѣснило единичнаго мелкаго предпринимателя, а скорѣе сопровождается ростомъ и распространеніемъ его.

Гдѣ былъ раньше магазинъ, тамъ онъ и остался. Хозяинъ, можетъ быть, перемѣнился, но заведеніе осталось; и не только остались прежнія мѣста розничной продажи, но, за послѣднія десять лѣтъ, на моихъ глазахъ здѣсь пооткрывались сотни и тысячи новыхъ. Во множествѣ улицъ, выстроенныхъ за послѣдніе годы, открылись длинные ряды торговыхъ заведеній, снятыхъ не акціонерными обществами, а единичными торговцами.

Правда, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ торговли акціонерныя общества не всегда фигурируютъ, какъ собственники предпріятій, несомнѣнно имъ принадлежащихъ, и предпочитаютъ по тѣмъ или инымъ причинамъ пользоваться чужимъ именемъ. Но эта система торговли при помощи подставныхъ лицъ нашла свое довольно широкое примѣненіе лишь въ двухъ родахъ розничной продажи: въ пивоваренномъ, вообще питейномъ дѣлѣ, и въ хлѣбо-

пекарномъ. Въ питейномъ дѣлѣ эта система извѣстна подъ именемъ „tie system“, системы привязыванія, а кабаки, къ которымъ она примѣняется, называются „tied houses“, кабаками на привязи. На вывѣскѣ такого заведенія значится имя человѣка, являющагося передъ закономъ отвѣтственнымъ лицомъ и хозяиномъ, но на самомъ дѣлѣ состоящаго на службѣ у какой-нибудь пивоваренной или винокуренной компаніи. Это подставное лицо, кромѣ жалованья, получаетъ обыкновенно также и коммиссіонныя за проданный въ кабакѣ товаръ и, само собою разумѣется, обязано отпускать посѣтителямъ продукты лишь съ заводовъ своихъ хозяевъ. Такихъ „заведеній на привязи“ въ Лондонѣ—огромное большинство кабаковъ.

Въ булочной торговлѣ также лавочники часто состоятъ на привязи у мукомоловъ, отъ которыхъ они получаютъ жалованье и коммиссіонныя и отъ которыхъ обязаны брать муку. Въ хлѣбопекарномъ дѣлѣ, однако, зависимость булочниковъ отъ мукомоловъ не такъ велика, какъ кабатчиковъ отъ заводчиковъ. Хлѣбопекарный промыселъ составляетъ все-таки спеціальность, которая дѣлаетъ булочника болѣе самостоятельнымъ, а обзаведеніе булочной требуетъ значительно меньше средствъ, чѣмъ содержаніе кабака. Вотъ почему, вѣроятно, булочникъ, находящійся даже на „привязи“,—гораздо болѣе хозяинъ своего дѣла, чѣмъ „кабатчикъ.

Если же не считать булочныхъ и кабаковъ, то всѣ другія торговыя заведенія, принадлежащія акціонернымъ компаніямъ, всегда носятъ настоящее имя своей фирмы, и если поэтому на вывѣскѣ такая фирма не обозначена, то это важный признакъ того, что собственникъ заведенія — единичный мелкій капиталистъ. Чтò же спасаетъ, чтò дѣлаетъ неуязвимымъ мелкаго предпринимателя въ этомъ водоворотѣ конкурренціи, въ этомъ нашествіи капиталовъ и перекрестномъ огнѣ мелкаго соперничества? Безспорно, есть нѣчто такое въ самой, такъ сказать, натурѣ розничной торговли, чтò дѣлаетъ самостоятельное существованіе лавочника, какъ бы малъ онъ ни былъ, нужнымъ и необходимымъ. Но въ то же время англійскіе лавочники далеко не полагаются на одну лишь свою стихійную живучесть и дѣлаютъ всевозможное для борьбы съ ростущей конкурренціей,—если не съ нормальной конкурренціей, противъ которой бороться безполезно, то съ ненормальной, съ тою, которая черпаетъ свою силу не въ потребностяхъ промышленной жизни, не въ естественномъ ходѣ экономическихъ явленій, а въ корыстолюбіи и недобросовѣстности отдѣльныхъ лицъ.

Главнымъ орудіемъ борьбы съ конкурренціей и лавочники, какъ и рабочіе, признали объединеніе и организовались въ большіе союзы. Въ настоящее время уже есть союзы табачныхъ лавочниковъ, булочниковъ, дрогистовъ, аптекарей, торговцевъ колоніальными товарами и нѣкоторыхъ другихъ. Эти союзы имѣются во многихъ городахъ Англіи, съ своими президентами, вице-президентами, секретарями и комитетами. Мѣстные союзы каждой отдѣльной отрасли торговли соединяются въ федераціи, имѣющія обыкновенно свои центральныя правленія въ Лондонѣ. Каждая федерація имѣетъ свои конференціи, годичные съѣзды, митинги. Въ Шотландіи лавочники составляютъ союзы не только по отдѣльнымъ родамъ торговли, но и входятъ въ одинъ общій союзъ торговцевъ, который, кажется, поставилъ себѣ главной цѣлью борьбу съ кооперативными обществами. Послѣднія, по крайней мѣрѣ, года два-три тому назадъ, вынуждены были ассигновать 20.000 фунтовъ стерлинговъ съ спеціальной цѣлью защиты отъ нападеній этихъ мелкихъ представителей индивидуализма.

Усилія федераціи бакалейныхъ торговцевъ направлены къ тому, чтобы добиться уступокъ отъ желѣзныхъ дорогъ, къ уничтоженію злоупотребленій въ торговлѣ и къ устраненію подрыва цѣнъ. Борьба противъ ненормальнаго пониженія цѣнъ составляетъ, собственно говоря, ея главную заботу. Время отъ времени мѣстные союзы устанавливаютъ минимальныя цѣны, ниже которыхъ ни одинъ членъ союза не смѣетъ брать съ покупателей. Но эти соглашенія не всегда соблюдаются и часто служатъ причиной отпаденія торговцевъ отъ союза и даже полнаго разстройства его. Многое, однако, уже достигнуто федераціей для устраненія произвольнаго пониженія цѣнъ, и не мало лавочниковъ вполнѣ убѣждено, что съ ростомъ федераціи и улучшеніемъ ея организаціи можно будетъ достигнуть еще бо́льшаго.

Болѣе сильно сплочены булочники, у которыхъ есть своя „національная ассоціація". Послѣдняя, между прочимъ, страхуетъ каждаго изъ своихъ членовъ, въ суммѣ 500 фунтовъ стерл., на случай несчастья на желѣзной дорогѣ, пароходѣ или конкѣ. „Ассоціація" зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы никто изъ булочниковъ не спускалъ опредѣленныхъ ею цѣнъ. Каждый большой городъ, входящій въ районъ ассоціаціи, раздѣляется на участки, въ которыхъ устанавливается своя особая такса. Если какой-нибудь булочникъ начинаетъ сбивать цѣны, то объ этомъ сейчасъ же дается знать секретарю, который объявляетъ соотвѣтственный участокъ, такъ сказать, на военномъ положеніи. Во всѣхъ булочныхъ этого участка сразу спускаются цѣны еще

ниже, чѣмъ у подрывателя, и это состязаніе въ пониженіи цѣнъ продолжается до тѣхъ поръ, пока соперникъ не сдастся. Тогда побѣдители начинаютъ постепенно поднимать цѣны, пока не достигнутъ уровня, который немногимъ превышаетъ прежній, стоявшій до начала „военныхъ дѣйствій", и такимъ образомъ вознаграждаютъ себя за потери, понесенныя ими въ борьбѣ съ конкуррентомъ. Когда эти потери покрыты, булочники снимаютъ надбавку и возвращаются къ старымъ цѣнамъ. —Аптекарское дѣло въ Англіи, какъ извѣстно, не пользуется тою монополіей, которою оно охраняется въ Россіи. Аптекари должны здѣсь сами смотрѣть за собою и, для упорядоченія своего промысла, основали разныя общества, ученыя, административныя и взаимопомощи. Среди этихъ разныхъ обществъ одно имѣетъ прямое отношеніе къ предмету нашей статьи. Общество это называется „Ассоціаціей торговцевъ патентованными медикаментами и предметами опредѣленной марки". Въ Англіи это—очень распространенный видъ товара. Иныя изъ аптекъ только и состоятъ изъ разныхъ патентованныхъ экстрактовъ, эмульсій, лепешекъ, пилюль и т. д. Въ бакалейной лавкѣ вы тоже можете встрѣчать одни лишь зарегистрированныя издѣлія въ видѣ всевозможныхъ консервовъ, эссенцій и настоевъ. И чтобы ни одинъ торговецъ не продавалъ дешевле другого, ассоціація эта не только обязываетъ своихъ членовъ держаться опредѣленныхъ цѣнъ, но дѣлаетъ отвѣтственными за пониженіе ими цѣнъ и фабрикантовъ патентованныхъ вещей. Она слѣдитъ за тѣмъ, чтобы фабриканты отпускали свои товары лишь въ такіе магазины, которые продаютъ не ниже условленнаго минимума; въ противномъ случаѣ, члены ассоціаціи бойкотируютъ ту или другую патентованную вещь. Эта система давленія на розничнаго торговца черезъ оптоваго начинаетъ теперь сильно распространяться и въ другихъ отрасляхъ торговли и, главнымъ образомъ, исходитъ отъ самихъ же оптовыхъ торговцевъ и фабрикантовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на лавочника дѣйствуютъ не только мѣрами строгости, но и кротости, и удерживаютъ ихъ отъ пониженія цѣнъ преміями. Такъ, напр., одна фирма, фабрикующая какао, назначаетъ тѣ минимальныя цѣны, которыя долженъ взимать розничный торговецъ, и если фирма удостовѣрится, что кліентъ ея, въ теченіе шести мѣсяцевъ, ни разу не нарушилъ ея требованія, то возвращаетъ ему обратно часть денегъ, уплаченныхъ имъ за товаръ. Казалось бы, что фабриканту или оптовому торговцу нѣтъ дѣла до того, сколько выручаетъ лавочникъ, лишь бы послѣдній бралъ побольше товара; но, очевидно, конкурренція

среди самихъ лавочниковъ дошла до того, что неоглядное пониженіе цѣнъ, въ концѣ концовъ, завершается или банкротствомъ, или принужденіемъ и фабриканта спустить свои цѣны.

Система бойкотированія лавочника или поощренія его преміями и скидками примѣняется на практикѣ въ разнообразныхъ формахъ, о которыхъ, однако, въ публикѣ еще пока очень мало извѣстно.

Такъ же, какъ и бакалейщики, имѣютъ свою федерацію и табачные торговцы, союзы которыхъ встрѣчаются во многихъ городахъ. Но, кажется, дѣла этой федераціи—не въ блестящемъ положеніи. Главная сила ея—въ провинціи, особенно въ Іоркширѣ; въ Лондонѣ же она имѣетъ очень слабый союзъ, совершенно безсильный бороться съ богатыми акціонерными обществами розничной продажи табачныхъ издѣлій. Это, однако, не мѣшаетъ федераціи временами одерживать и крупныя побѣды, и недавно одно изъ самыхъ большихъ акціонерныхъ обществъ испытало на себѣ всю силу хорошо сплотившагося союза мелкихъ табачныхъ торговцевъ въ провинціи, гдѣ общество это начало открывать свои магазины и сбивать цѣны. Мѣстный союзъ напрягъ всѣ свои силы на борьбу съ новымъ конкуррентомъ, и хотя фабриканты, къ которымъ союзъ обратился за содѣйствіемъ, отказались вступить въ войну съ такимъ большимъ заказчикомъ, какъ акціонерная компанія, послѣдняя должна была уступить и войти въ соглашеніе съ союзомъ.

III.

Система объединенія заинтересованныхъ лицъ, какъ мѣра борьбы съ конкурренціей, находитъ, однако, самое широкое и въ то же время наиболѣе любопытное свое примѣненіе не столько въ области торговаго посредничества, сколько среди производителей, у фабрикантовъ и заводчиковъ.

Въ прошломъ году обратила на себя вниманіе статья Генри Маккрости, напечатанная въ мартовской книжкѣ „Contemporary Review". Этотъ молодой членъ комитета фабіанскаго общества собралъ много цифръ и фактовъ, изъ послѣднихъ торгово-промышленныхъ газетъ, сдѣлалъ бѣглый обзоръ чуть ли не всѣхъ отраслей промышленности, упомянулъ о двухъ-трехъ капиталистическихъ предпріятіяхъ, особенно нашумѣвшихъ на лондонской биржѣ, и все это преподнесъ подъ заглавіемъ: „Ростъ монополіи въ англійской промышленности". Эффектъ получился гро-

мадный. О статьѣ заговорили, и многіе стали цитировать ее въ доказательство того, что трёсты являются необходимымъ экономическимъ явленіемъ, естественнымъ послѣдствіемъ концентраціи капиталовъ, и что даже Англія съ ея свободой торговли не могла избѣгнуть тѣхъ монополій, которыя захватили промышленность въ Соединенныхъ-Штатахъ С.-Америки. Каждый, однако, кто дастъ себѣ трудъ внимательнѣе прочесть статью Маккрости, сразу увидитъ, что этотъ авторъ просто смѣшалъ въ одну кучу много экономическихъ явленій, рѣшительно ничего общаго между собою не имѣющихъ, и проглядѣлъ самое существенное въ промышленномъ развитіи Англіи. Ростетъ въ Англіи не монополія, а принципъ объединенія. Только этотъ принципъ, въ примѣненіи его къ борьбѣ съ конкурренціей, и является дѣйствительно характернымъ для Англіи, но отъ объединенія до трёстовъ, а тѣмъ болѣе монополій, такъ же далеко, какъ небу отъ земли. Только благодаря этому смѣшенію разнородныхъ явленій можно себѣ объяснить то, что Маккрости не задумался поставить рядомъ образованіе какого-нибудь общества взаимопомощи и самозащиты аптекарей съ сліяніемъ судостроительной фирмы Армстронга съ фирмой Витвортъ и К°.

Конечно, въ широкомъ смыслѣ слова, монополіей можно назвать рѣшительно всякое торговое предпріятіе, которое доступно средствамъ лишь одной части общества. Всякій лавочникъ, у котораго есть кредитъ на тысячу рублей, будетъ монополистомъ сравнительно съ тѣмъ, у кого кредита всего на сто рублей. Въ этомъ смыслѣ соціалисты, напримѣръ, говорятъ о монополіи владѣнія орудіями производства. Когда, однако, говорятъ о монополіяхъ въ связи съ концентраціей капиталовъ и съ трёстами, то подразумѣвается монополія не относительная, а безусловная, не монополія одного лица относительно другого, а монополія одного относительно всѣхъ, относительно цѣлаго общества, цѣлой страны и даже цѣлаго свѣта. Только въ этомъ смыслѣ и говорятъ объ „опасности“ трёстовъ для общества, о грозномъ призракѣ концентраціи капиталовъ и т. под. ужасахъ напуганнаго воображенія. И въ этомъ смыслѣ, конечно, употребляетъ слово „монополія“ и Маккрости, старающійся доказать необходимость національизаціи, какъ спасенія отъ вредныхъ послѣдствій концентраціи капиталовъ.

Само собою разумѣется, что мы вовсе не думаемъ этимъ сказать, что въ Англіи нѣтъ трёстовъ, нѣтъ монополій, или что онѣ здѣсь невозможны. Напротивъ, мы даже думаемъ, что здѣсь монополій,—особенно для акціонерныхъ обществъ, предприни-

шихъ общественныя работы, какъ проведеніе желѣзныхъ дорогъ и телефоновъ, освѣщеніе улицъ, водоснабженіе и т. под.,—больше, пожалуй, чѣмъ въ другихъ странахъ, но мы смотримъ на нихъ какъ на явленіе, связанное скорѣе съ причинами чисто политическаго свойства, чѣмъ экономическаго, и во всякомъ случаѣ этихъ монополій нынѣ гораздо меньше, чѣмъ ихъ было раньше, и онѣ никоимъ образомъ не составляютъ какого-то характернаго признака экономическаго развитія.

Даже въ Америкѣ, какъ извѣстно, трёсты далеко не всѣми признаются характернымъ, т.-е. неизбѣжнымъ экономическимъ явленіемъ, и многими наблюдателями и учеными считаются искусственными наростами на промышленности, пораженной покровительственнымъ тарифомъ и политическимъ подкупомъ. Осторожный и безпристрастный изслѣдователь трёстовъ въ Соединенныхъ-Штатахъ Сѣв. Америки, Поль де-Рузье, посланный туда спеціально для изученія ихъ комитетомъ парижскаго Musée Social, прямо поставилъ себѣ вопросъ: являются ли трёсты послѣдствіемъ концентраціи капиталовъ и угрожаетъ ли послѣдняя серьезно конкурренціи, или, иначе говоря, обречена ли промышленность на то, чтобы монополизироваться съ перемѣной способовъ производства,—должна ли будетъ маленькая мастерская, въ концѣ концовъ, исчезнуть передъ большой фабрикой, а большая фабрика, въ свою очередь, должна ли терять свою индивидуальность и быть поглощенной въ обширныхъ монополіяхъ? На эти совершенно прямые и ясные вопросы французскій изслѣдователь отвѣчаетъ не менѣе опредѣленно и ясно въ своей книгѣ: „Les Industries monopolisées aux Etats-Unis", напечатанной въ 1898 г.

Поль де-Рузье находитъ, что „страхи передъ ростомъ монополій и концентраціей капиталовъ значительно преувеличены". Трёсты, по его словамъ, не являются послѣдствіемъ промышленнаго развитія, все улучшающихся способовъ производства и концентраціи капиталовъ; они не открываютъ собою „новой эры"; они не отвѣчаютъ экономической необходимости, какъ это думаютъ нѣкоторые американцы, ослѣпленные успѣхомъ большихъ трёстовъ. Они составляютъ просто случайность (un accident), патологическій случай, принявшій, однако, въ Соединенныхъ-Штатахъ эпидемическій характеръ вслѣдствіе распространенности и интенсивности условій, благопріятствующихъ имъ.

„Всякое преувеличеніе авторитета государства (la puissance de l'Etat), говоритъ де-Рузье,—или всякое ослабленіе его нормальныхъ функцій, словомъ, всякая ошибка въ проведеніи границы между интересами частными и общественными въ экономическихъ

отношеніяхъ, даетъ сѣмя для созданія трёстовъ. Нужно лишь, чтобы сѣмя упало на благопріятную почву, и тогда сейчасъ же выростутъ монополіи въ интересахъ частныхъ лицъ".

Де-Рузье раздѣляетъ трёсты на два рода: на естественные и искусственные. Къ первымъ онъ относитъ Standard Oil Company, черпающую свою силу главнымъ образомъ въ исключительныхъ условіяхъ промысла, въ томъ, что нефть можетъ добываться лишь въ ограниченномъ районѣ и какъ бы самой природой одарена монопольнымъ характеромъ. Къ этимъ естественнымъ условіямъ присоединяются и искусственныя, какъ вліяніе желѣзнодорожнаго тарифа и другія причины.

Типомъ второго рода, т.-е., искусственныхъ трёстовъ, де-Рузье считаетъ сахарный трёстъ, зависящій главнымъ образомъ отъ таможеннаго тарифа. Къ этой чисто искусственной причинѣ могли присоединиться и второстепенныя естественныя, какъ нормальная концентрація капиталовъ въ рафинадной промышленности. Между двумя этими крайними типами находятся трёсты средняго типа, возбуждающіе сравнительно мало разговоровъ и жалобъ.

И всесторонне изслѣдовавъ всѣ виды и роды американскихъ трёстовъ, де-Рузье приходитъ къ тому заключенію, что борьба съ трёстами желательна только тамъ, гдѣ они выросли искусственнымъ путемъ; но, заявляетъ онъ, борьба съ ними должна вестись не запрещеніями и ограниченіями, въ родѣ тѣхъ, какія предлагаются въ Америкѣ, а устраненіемъ именно тѣхъ искусственныхъ условій, которыя произвели трёсты, т. е. отмѣной покровительственнаго тарифа и проведеніемъ болѣе рѣзкой грани между интересами частными и публичными. Трёсты въ предпріятіяхъ государственныхъ и общественныхъ, какъ напр. желѣзнодорожные, телеграфные и другіе, должны окончательно исчезнуть,— говоритъ де-Рузье,—когда государственная власть въ Соединенныхъ-Штатахъ возьметъ въ свои руки контроль надъ тѣми интересами, забота о которыхъ составляетъ ея долгъ; въ частной же промышленности трёсты исчезнутъ, когда эта власть перестанетъ злоупотреблять своимъ вмѣшательствомъ, особенно тарифнымъ, въ области экономической. „Тогда,—прибавляетъ де-Рузье,—мы увидимъ въ Соединенныхъ-Штатахъ, какъ это мы видимъ теперь въ Англіи, что концентрація промышленности ничѣмъ не угрожаетъ конкурренціи". Къ этому мы должны только прибавить: конкурренціи нормальной; ненормальной же конкурренціи крылья значительно подрѣзываются и въ Англіи, если не

монополіями, то все болѣе и болѣе распространяющимся принципомъ объединенія.

Объединеніе, конечно, не значитъ поглощеніе одного капитала другимъ. Объединяются не капиталы, а капиталисты, и цѣль ихъ—не монополія производства и даже не поднятіе цѣнъ, а устраненіе соперничества въ произвольномъ пониженіи цѣнъ, не вызванномъ техническими и другими нормальными условіями производства. Новая система объединенія не только допускаетъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и содѣйствуетъ паденію цѣнъ; но это паденіе должно происходить естественнымъ путемъ, вслѣдствіе улучшенныхъ способовъ производства, удешевленія матеріаловъ, усовершенствованной организаціи предпріятій и т. д. Конкурренція остается и при объединеніи, но поле ея дѣятельности съуживается и переносится съ рынка на фабрику и мастерскую. Производители соперничаютъ между собою до тѣхъ поръ, пока не выносятъ товаръ на продажу,—придумывая новыя машины, лучшіе пути доставки, и предпринимая другія мѣры; но разъ цѣны выработаны и опредѣлены, онѣ уже больше не спускаются. Всякая экономія въ производствѣ неминуемо влечетъ за собою пониженіе цѣны, но дальше этого вполнѣ естественнаго для потребителя выигрыша дѣйствіе конкурренціи прекращается.

Объединеніе предпринимателей на этой почвѣ борьбы съ конкурренціей имѣетъ очень разнообразныя формы, большинство которыхъ, однако, находится еще въ зачаточномъ состояніи и трудно поддается изученію. Нѣкоторые, напримѣръ, факты настолько сложны и настолько мало еще извѣстны публикѣ, что совершенно нельзя еще говорить о томъ вліяніи, которое они могутъ оказать въ будущемъ. Напримѣръ, въ хлопчатобумажной промышленности мы видимъ такого рода комбинацію: Фирма I. and P. Coats, limited, владѣетъ частью акцій общества „Fine Cotton Spinners and Doubl'ers", а послѣднее владѣетъ акціями французскаго Société Cotonnière d'Hellemes, въ Лиллѣ. Или другой фактъ: англійская акціонерная компанія „The English Sewing Cotton Company" держитъ акціи американской „Thread Company", которая, въ свою очередь, владѣетъ немалой частью акцій англійской компаніи. Всѣ эти компаніи—самостоятельныя цѣлыя и въ то же время связаны невидимыми для публики крѣпкими нитями взаимныхъ интересовъ. Чтобы судить правильно о такого рода промышленныхъ явленіяхъ, нужно знать ихъ настоящую суть, нужно имѣть доступъ къ договорамъ и соглашеніямъ и вполнѣ точно ознакомиться съ дѣйствительными отношеніями, существующими между директорами разныхъ ком-

паній. Пока же публика знаетъ о нихъ только по отрывкамъ и замѣткамъ, случайно попадающимъ въ спеціальную печать и не всегда, притомъ, достовѣрнымъ. Есть, однако, одна новая форма объединенія, которая извѣстна публикѣ во всѣхъ своихъ подробностяхъ, и объ этой формѣ я и хочу разсказать въ слѣдующей главѣ.

IV.

Главнымъ апостоломъ новой системы ограниченія конкурренціи выступилъ, лѣтъ восемь тому назадъ, бирмингэмскій заводчикъ Эдуардъ Джемсъ Смитъ. Какъ всякій человѣкъ, увлеченный какой-нибудь одной идеею, мистеръ Смитъ считаетъ свою систему не только удобной для заинтересованныхъ элементовъ общества, но и призванной, ни болѣе ни менѣе, какъ разрѣшить всѣ „проклятые вопросы“. Можно, конечно, и не соглашаться съ нимъ насчетъ универсальности его системы, но что она вводитъ порядокъ и организованность въ область, которая какъ бы считала хаосъ своимъ естественнымъ состояніемъ, что она вводитъ новый принципъ и что, наконецъ, этотъ принципъ быстро прививается въ англійской промышленности,—это наврядъ ли подлежитъ сомнѣнію. Система эта извѣстна подъ именемъ „комбинаціонной“, такъ какъ въ основѣ ея лежитъ „комбинація“ капиталистовъ и рабочихъ.

Комбинація, какъ она понимается и рекомендуется Смитомъ, касается не какого-нибудь опредѣленнаго числа предпринимателей, а цѣлой отрасли промышленности. Каждый отдѣльный предприниматель остается полнымъ хозяиномъ своего дѣла. Онъ можетъ расширить или съузить свое производство, предложить на рынокъ всѣ произведенные имъ товары или только часть ихъ, вводить тѣ или другія машины и продавать кому и гдѣ угодно, въ Англіи и за границей. Во всемъ этомъ членъ комбинаціи ничѣмъ не напоминаетъ участника американскаго трёста или европейскаго синдиката, обыкновенно связаннаго по рукамъ и ногамъ, если даже онъ и сохраняетъ нѣкоторую тѣнь самостоятельности въ качествѣ капиталиста. Напротивъ, членъ англійской комбинаціи совершенно самостоятеленъ,—кромѣ лишь установленія прейскуранта для своихъ издѣлій. Тутъ онъ ограниченъ волею не только товарищей-капиталистовъ, но и работающихъ у него людей. Членъ комбинаціи не имѣетъ права назначать на свои товары какія ему заблагоразсудится низкія цѣны, а обязанъ руководствоваться таблицей минимальныхъ цѣнъ, назначаемыхъ коми-

тетомъ комбинаціи. Комитетъ же, который состоитъ изъ одинаковаго числа представителей отъ хозяевъ и рабочихъ, при установленіи цѣнъ руководствуется исключительно издержками производства и величиною опредѣленной прибыли. Въ издержки производства, какъ и слѣдовало ожидать, входятъ и проценты на капиталъ, и погашеніе изнашиваемаго „постояннаго" капитала, и рента за землю и другія статьи. При вычисленіяхъ издержекъ производства принимаются во вниманіе лишь обычныя условія вознагражденія за трудъ и обычныя цѣны матеріаловъ, словомъ, то, что̀ называется „общественно-необходимыми" условіями производства. Исключительныя преимущества, въ родѣ случайной закупки дешевой партіи сырья, пользованія какими-нибудь огромными капиталами и пр., на цѣны „комбинаціи" не вліяютъ. Эти случайныя преимущества составляютъ чистый выигрышъ лишь для отдѣльныхъ капиталистовъ, и послѣдніе не могутъ сбавкой цѣнъ давить ими своихъ мелкихъ собратій-предпринимателей.

У каждаго фабриканта можетъ быть, такимъ образомъ, свой особый прейскурантъ, соотвѣтственно роду и качеству товаровъ и другимъ условіямъ, но до сихъ поръ назначеніе цѣны производилось каждымъ отдѣльно; теперь же, при новой системѣ, индивидуальность теряетъ свою роль, и установленіе цѣнъ зависитъ отъ представителей всей отрасли промышленности. Конкурренція между членами комбинаціи хотя и продолжается, но сосредоточивается на улучшеніи, способовъ, производства и, вообще, на сбереженіяхъ въ издержкахъ и на пріобрѣтеніи и расширеніи рынковъ.

По увѣренію Смита, напечатавшаго рядъ статей въ „Economic Review" и другихъ журналахъ [1]) и прочитавшаго въ разныхъ городахъ Англіи и въ Оксфордѣ не мало лекцій о своей системѣ, новизна его плана борьбы съ конкурренціей состоитъ не только въ учрежденіи комбинаціи изъ предпринимателей и рабочихъ и въ установленіи минимальныхъ цѣнъ комитетомъ, но и въ томъ, что эти цѣны выводятся на основаніи издержекъ производства. Казалось бы, что и безъ того ни одинъ фабрикантъ не станетъ продавать дешевле издержекъ своихъ и хотя какой ни на есть прибыли. На самомъ дѣлѣ, однако, увѣряетъ Эдуардъ Смитъ, рѣдко кто изъ фабрикантовъ знаетъ, сколько ему самому обходится продаваемая имъ вещь. По его словамъ,

---

[1]) Недавно вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ сборникъ его статей, перепечатанныхъ изъ „Economic Review" съ предисловіемъ редактора этого журнала, Дж. Картера, подъ заглавіемъ: „The New Trades Combination Movement".

все зло именно и происходитъ отъ того, что рыночныя цѣны устанавливаются лишь по одной игрѣ конкурренціи, безъ вниманія къ стоимости производства, и, какъ иллюстрацію къ своему утвержденію, онъ приводитъ въ своей книжкѣ слѣдующій случай изъ практики, о которомъ онъ также разсказалъ съ большими подробностями въ письмѣ лично ко мнѣ. Представители одной изъ отраслей въ производствѣ желѣзной посуды пригласили его познакомиться съ положеніемъ этой промышленности, которая находилась въ очень угнетенномъ состояніи. Имъ хотѣлось узнать мнѣніе Смита, нельзя ли будетъ помочь дѣлу введеніемъ рекомендуемой имъ системы комбинаціи. И первымъ дѣломъ его было выяснить себѣ причину отсутствія прибылей. Съ этой цѣлью былъ составленъ комитетъ изъ заводчиковъ, которые избрали одинъ предметъ изъ своего производства и начали тщательно подсчитывать его стоимость. Предметомъ этимъ оказалось обыкновенное ведро изъ цинкованной желѣзной жести. Каждый процессъ, черезъ который проходило производство ведра, былъ выдѣленъ, и рабочая плата, выпадавшая на долю его, опредѣлена. Матеріалы, вошедшіе въ него, были оцѣнены по наиболѣе низкой рыночной цѣнѣ, и другіе расходы включены. Затѣмъ была выведена стоимость гросса (двѣнадцати дюжинъ), и оказалось, что онъ обходится самому фабриканту 4 фунта стерл. $17^2/_3$ шиллинга, въ то время, какъ на рынкѣ гроссъ продавался по 2 ф. $19^5/_6$ шилл. Открытіе это настолько поразило членовъ комитета, что многіе изъ нихъ не повѣрили правильности разсчетовъ, и было рѣшено провѣрить ихъ на практикѣ, каждымъ у себя на заводѣ. Черезъ недѣлю заводчики опять собрались и признали, что ниже 5 ф. 5 шилл. за гроссъ нельзя продавать, если не отказаться отъ вполнѣ законной прибыли.

Но для того, чтобы соглашеніе предпринимателей насчетъ минимальныхъ цѣнъ исполнялось въ точности, и чтобы къ нему примкнули всѣ предприниматели въ данной отрасли промышленности, необходимо привлечь и рабочихъ на сторону капиталистовъ. Только рабочіе, отказываясь работать у того, кто нарушаетъ условія соглашенія, могутъ заставить подчиняться даже самаго богатаго и самаго крупнаго фабриканта или заводчика. Вотъ почему необходимѣйшими членами комбинаціи, проповѣдуемой Смитомъ, являются и рабочіе наравнѣ съ предпринимателями.

Первымъ производствомъ, усвоившимъ принципы комбинаціи, было изготовленіе металлическихъ кроватей, т.-е. именно та отрасль промышленности, въ которой работаетъ самъ Смитъ, вла-

дѣющій громаднымъ и, кажется, самымъ большимъ заводомъ желѣзныхъ кроватей въ Англіи. Въ этой отрасли промышленности комбинація уже существуетъ съ 1893 года, и характеръ ея вполнѣ опредѣлился. Всѣ рабочіе въ ней обязательно должны принадлежать къ рабочимъ союзамъ, такъ какъ только хорошо сплоченныя и организованныя рабочія корпораціи могутъ оказать давленіе на уклоняющихся почему-либо отъ своихъ обязательствъ членовъ комбинаціи. Хозяева даютъ подписку не принимать на работу тѣхъ, кто не состоитъ членомъ рабочаго союза, а рабочіе, въ свою очередь, даютъ обязательство не работать у тѣхъ, которые выходятъ изъ членовъ комбинаціи. Помимо рабочей платы, имѣющей разъ навсегда опредѣленный минимумъ, ниже котораго она не можетъ опускаться, рабочіе получаютъ еще каждые полгода премію пропорціонально прибыли. Мистеръ Смитъ въ письмѣ ко мнѣ сообщаетъ, что въ его дѣлѣ, т.-е. въ производствѣ металлическихъ кроватей, эта премія составляетъ 27% рабочей платы. Въ другихъ комбинаціяхъ она меньше, всего 10%, а въ производствѣ фаянсовыхъ электрическихъ принадлежностей, въ которомъ также образовалась комбинація, она составляетъ всего 5%. Но эти 5%, вѣроятно, составляютъ не меньшую сумму, чѣмъ тѣ 27%, которые получаютъ рабочіе въ кроватной промышленности, такъ какъ продажная цѣна фаянсовой вещи составляется почти исключительно изъ рабочей платы; въ цѣнѣ же металлической кровати одни матеріалы составляютъ чуть-ли не двѣ трети издержекъ производства. Если поэтому премія выдается соотвѣтственно долѣ рабочей платы въ продажной цѣнѣ, то 5% въ первомъ случаѣ могутъ даже превышать 27% во второмъ.

Для выработки прейскурантовъ, опредѣленія размѣровъ рабочей платы и премій и вообще для рѣшенія разныхъ недоразумѣній и споровъ образованъ комитетъ, состоящій изъ одинаковаго числа представителей, какъ отъ хозяевъ, такъ и рабочихъ; предсѣдательствуетъ въ комитетѣ одинъ изъ предпринимателей или ихъ уполномоченный, а вице-предсѣдателемъ состоитъ рабочій. Секретарями комитета считаются секретари отдѣльныхъ ассоціацій рабочихъ и хозяевъ. Подчиняясь, въ отношеніи продажной цѣны, рабочей платы, размѣровъ прибылей и рабочаго времени, всѣмъ распоряженіямъ комитета, фабрикантъ остается полнымъ хозяиномъ своего дѣла, въ административномъ и техническомъ отношеніяхъ.

Для покрытія разныхъ спеціальныхъ расходовъ и на борьбу съ непослушными членами комбинаціи или съ посторонними кон-

куррентами, ассоціація предпринимателей взимаетъ съ своихъ членовъ ежегодные взносы по числу содержимыхъ ими рабочихъ. При этомъ, чѣмъ больше рабочихъ у кого-либо изъ предпринимателей, тѣмъ больше онъ платитъ за каждаго изъ нихъ отдѣльно. Такъ, если только 20 рабочихъ, то онъ платитъ по шиллингу за человѣка; если ихъ отъ 20 до 50, то по 1 1/2 шилл., и т. д. Это дѣлается на томъ основаніи, что чѣмъ больше у фабриканта рабочихъ, тѣмъ больше, значитъ, онъ заинтересованъ въ производствѣ и тѣмъ важнѣе для него существованіе комбинаціи, и поэтому онъ долженъ нести и больше расходовъ на ея содержаніе.

Было бы долго здѣсь останавливаться на отношеніяхъ комбинацій къ посредникамъ, т.-е. къ лавочникамъ и оптовымъ торговцамъ. Достаточно сказать, что и тутъ обыкновенно комбинація входитъ въ соглашеніе съ своими заказчиками, и посредствомъ премій и бойкотированія достигаетъ того, что ея издѣлія продаются не ниже опредѣленнаго ею минимума.

Такимъ образомъ, эта новая система борьбы съ конкурренціей прежде всего состоитъ въ дружномъ сотрудничествѣ и взаимномъ соглашеніи не только самихъ капиталистовъ, но и капиталистовъ и рабочихъ. И что послѣдніе довольны этой системой—доказывается уже тѣмъ, что за семь лѣтъ существованія комбинаціи въ кроватномъ производствѣ не было ни одной стачки, направленной противъ нея, и, напротивъ, было нѣсколько стачекъ противъ тѣхъ изъ фабрикантовъ, которые хотѣли отдѣлиться отъ нея.

Что же касается до хозяевъ, то, повидимому, не всѣ довольны, хотя до сихъ поръ комбинація держится очень крѣпко и заключаетъ въ себѣ почти всѣхъ фабрикантовъ металлическихъ кроватей, за исключеніемъ трехъ-четырехъ. Съ другой стороны, принципы комбинаціи усвоены и многими другими отраслями промышленности, и мы встрѣчаемъ комбинаціи по системѣ Смита въ производствѣ крупныхъ матрасовъ, металлическихъ трубокъ, мѣдныхъ украшеній, употребляющихся на кроватяхъ и дверяхъ, канатовъ и бичевокъ, прокатнаго листового металла, каминныхъ рѣшетокъ, предметовъ изъ цинкованнаго желѣза, принадлежностей гробовъ, въ производствѣ булавокъ, кирпичей, горшечныхъ издѣлій и нѣкоторыхъ другихъ.

Но если вопросъ о пользѣ комбинаціи для предпринимателей и рабочихъ до нѣкоторой степени выясненъ, то выгодность его для потребителей, интересы которыхъ должны стоять на первомъ планѣ, далеко еще не доказана. Потребителю всегда

выгоднѣе покупать дешевле, платить меньше за бо́льшее количество продуктовъ, между тѣмъ какъ „комбинація“ обязательно должна удерживать цѣны отъ слишкомъ сильнаго пониженія. И тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ комбинація не введена или невозможна, должны всегда терять на обмѣнѣ съ тѣми продуктами, которые находятся подъ защитой комбинаціи. Такъ, наприм., въ земледѣльческой промышленности принципы комбинаціи совершенно немыслимы. Рабочихъ союзовъ и вообще какой-либо сплоченности среди земледѣльческихъ рабочихъ нѣтъ; установленіе цѣнъ, согласно издержкамъ производства для каждаго фермера отдѣльно, потребовало бы столькихъ людей и такой сложной работы, что игра свѣчъ не стоила бы; затѣмъ даже самая лучшая комбинація въ земледѣльческой промышленности ничего бы не могла подѣлать съ иностранной конкурренціей. Такъ что одинъ изъ самыхъ крупныхъ и многочисленныхъ классовъ потребителей, земледѣлецъ и фермеръ, какъ бы обреченъ продавать дешево и покупать у комбинаціи дорого.

Затѣмъ многіе усматриваютъ опасность отъ комбинаціи рабочихъ и хозяевъ въ безконтрольномъ повышеніи цѣнъ. Капиталисты, поддерживаемые рабочими, должны сдѣлаться еще болѣе опасными, чѣмъ когда они дѣйствуютъ одни, безъ рабочихъ. Смитъ, однако, это совершенно отрицаетъ. По его словамъ (стр. 94 и 95 въ его книжкѣ), назначеніе цѣнъ, которыя дали бы болѣе чѣмъ нормальную прибыль,—вещь почти невозможная. Какъ мы видѣли, цѣны назначаются не каждымъ фабрикантомъ отдѣльно, а комитетомъ по большинству голосовъ. Большинство же голосовъ, будто, никогда не согласится на чрезмѣрное поднятіе цѣнъ. Сами рабочіе — это тѣ же потребители, а затѣмъ они знаютъ, что слишкомъ высокія цѣны—значитъ меньше сбыта и, слѣдовательно, сокращеніе работы. Тѣмъ болѣе, что комбинація никакой монополіей не пользуется и вполнѣ открыта для заграничной конкурренціи и, что̀ всего важнѣе, для притока новыхъ предпринимателей въ самой Англіи. Слишкомъ высокая прибыль привлекла бы сразу новые капиталы, вызвала бы кооперативныя формы производства или сократила бы спросъ, и такимъ образомъ заставила бы комбинацію держаться въ предѣлахъ обычной нормы прибылей.

Обращаясь же къ результатамъ, которые мы видимъ въ дѣйствительности, Смитъ указываетъ на то, что за семь лѣтъ существованія комбинаціи кроватнаго производства цѣны въ ней на болѣе простые сорта не только не поднялись, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и понизились. И объясняется это тѣмъ, что,

сейчасъ же по введеніи системы продажи вещей не ниже ихъ стоимости и нормальной прибыли, каждый изъ заводчиковъ направилъ всѣ усилія свои на сокращеніе издержекъ производства. Излишній металлъ былъ сбереженъ; ненужные процессы были отброшены, и изобрѣтательность нашла способы производить столь же прочныя, даже еще болѣе прочныя вещи, чѣмъ прежде, безъ излишней громоздкости. Была достигнута лучшая пропорціональность частей, и потребитель сталъ получать лучшій товаръ за болѣе низкую цѣну. И хотя, вслѣдствіе вздорожанія матеріаловъ, нѣкоторыя издѣлія тоже вздорожали, но, сравнительно съ прежними цѣнами, они обходятся дешевле.

Въ письмѣ ко мнѣ мистеръ Смитъ пишетъ: „Если вы хотите получить общее понятіе о тѣхъ размѣрахъ прибыли, къ которой моя система стремится, то могу сказать, что они представляютъ собою то, что̀ каждый, даже самъ потребитель, считалъ бы долгомъ признать добросовѣстнымъ и что̀ слѣдовало бы получать безъ всякихъ комбинацій, еслибы не безразсудная конкурренція".

Само самою разумѣется, что эта новая система борьбы съ конкурренціей могла зародиться только въ Англіи, на родинѣ трэдъ-юніонизма и свободы торговли. Она требуетъ для своего осуществленія широкой свободы организацій и сплоченности рабочихъ, безъ чего она существовать не можетъ. Въ то же время, опираясь только на общественную самодѣятельность и личную иниціативу, она могла выработаться лишь тамъ, гдѣ промышленность полагается на собственныя силы, а не на монополіи и таможенное покровительство.

С. Рапопортъ.

Лондонъ, апрѣль 1900 г.

ИЗЪ АСНЫКА

СОНЕТЪ.

Первое чувство—весенній цвѣтокъ!
Онъ, ароматомъ своимъ упоенный,
Прячется робко подъ кущей зеленой,
Вѣря, что смерти онъ чуждъ и далекъ.
Позже, узорнымъ нарядомъ блистая,
Пышные, гордые встанутъ цвѣты,
Къ солнцу объятья свои простирая,
Къ небу летя, какъ мечты.

Блѣдныя астры цвѣтутъ одиноко
Осенью поздней, и въ думѣ глубокой
Тихо лишь дремлютъ. Все мертво вокругъ.
Лишь кипарисъ зеленѣетъ, какъ прежде,—
Дерево тяжкой печали. Надеждѣ
Здѣсь нѣтъ и мѣста, мой другъ.

А. Евреиновъ.

ДЕНЕЖНЫЕ КРИЗИСЫ

при

БУМАЖНОМЪ И МЕТАЛЛИЧЕСКОМЪ ОБРАЩЕНІИ.

I.

Едва закончена денежная реформа въ Россіи, какъ опять уже денежный вопросъ у насъ выступилъ на сцену. Съ осени 1899 года въ Россіи ощущается недостатокъ въ деньгахъ или, какъ обыкновенно выражаются, въ Россіи имѣетъ мѣсто денежный кризисъ. Естественно, что въ печати и въ обществѣ оживленно обсуждается это явленіе, такъ какъ оно представляетъ не только отвлеченный, теоретическій интересъ, но значеніе его оказывается весьма жизненнымъ, затрогивающимъ, и очень сильно, многія стороны экономической жизни страны. Денежный кризисъ заставилъ говорить и о мѣрахъ къ его устраненію. У иныхъ возникаетъ мысль о томъ, не слѣдуетъ ли опять возвратиться къ бумажнымъ деньгамъ, которыя такъ долго господствовали въ Россіи. Другіе, наоборотъ, полагаютъ, что вовсе никакихъ мѣръ ненужно, что денежный кризисъ есть явленіе временное и самъ собою скоро пройдетъ. Само правительство сочло нужнымъ выступить съ разными разъясненіями насчетъ денежнаго кризиса и уже приняло по отношенію къ нему нѣкоторыя мѣры. Словомъ, вопросъ о денежномъ кризисѣ является однимъ изъ существенныхъ вопросовъ текущей экономической жизни, и потому содѣйствовать его разъясненію представляется довольно благодарной задачей. Настоящая работа не задается цѣлью изслѣдовать денежный кризисъ въ его цѣломъ объемѣ; она касается только одной изъ двухъ сторонъ денежнаго кри-

зиса. Денежные кризисы могутъ происходить или отъ причинъ, лежащихъ въ самой денежной системѣ, или же отъ причинъ, лежащихъ въ общихъ экономическихъ условіяхъ страны. Такъ, если денежная система не отличается достаточной эластичностью, то такое отсутствіе эластичности можетъ часто вести къ денежнымъ затрудненіямъ; но очевидно, что такая причина денежныхъ кризисовъ связана съ самой денежной системой. Если же денежныя затрудненія проистекаютъ оттого, что металлическія деньги уходятъ изъ страны въ другія государства, то въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ какая-нибудь причина изъ области общихъ экономическихъ условій,—напр., сильная задолженность данной страны. Въ настоящей статьѣ имѣется въ виду только первый рядъ причинъ; другими словами, здѣсь имѣется въ виду изслѣдовать только-что устраненную бумажно-денежную систему и современную металлическую систему съ точки зрѣнія кризисовъ. Это изслѣдованіе можетъ дать намъ ясный отвѣтъ на вопросъ о томъ, какая изъ этихъ двухъ системъ лучше съ точки зрѣнія кризисовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно должно дать намъ отвѣтъ и на вопросъ, слѣдуетъ ли современную систему нѣсколько улучшить и въ какихъ отношеніяхъ. Прежде чѣмъ мы приступимъ къ разсмотрѣнію старой и новой русской денежной системы, мы дадимъ общее понятіе о денежныхъ кризисахъ и обрисуемъ тѣ разнообразныя невыгодныя послѣдствія, которыя обыкновенно связаны съ кризисами. Тогда для насъ будетъ вполнѣ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ весьма важнымъ экономическимъ вопросомъ.

Извѣстны тѣ функціи, которыя исполняются деньгами въ современныхъ мѣновыхъ хозяйствахъ. Деньги служатъ прежде всего орудіемъ обращенія; это значитъ, что разныя реальныя блага мѣняются не прямо другъ на друга, а черезъ посредство денегъ. Затѣмъ деньги служатъ измѣрителемъ мѣновой цѣнности всѣхъ другихъ благъ. Далѣе, въ деньгахъ мы дѣлаемъ сбереженія, почему деньги называютъ орудіемъ сбереженія. Наконецъ, деньги, по велѣнію государственной власти, становятся законнымъ платежнымъ средствомъ.

Для выполненія всѣхъ этихъ задачъ данное народное хозяйство нуждается въ нѣкоторомъ опредѣленномъ количествѣ денегъ. Количество денегъ, нужныхъ для извѣстнаго народнаго хозяйства, опредѣляется слѣдующими обстоятельствами. Прежде всего и главнымъ образомъ объемъ обращающагося богатства въ странѣ вліяетъ на количество нужныхъ для этой страны денегъ. Вліяніе это выражается въ томъ направленіи, что денегъ въ странѣ

должно быть тѣмъ болѣе, чѣмъ больше общая сумма цѣнностей, переходящихъ изъ однѣхъ рукъ въ другія въ теченіе какого-нибудь періода времени. Что такъ долженъ вліять объемъ богатства, это вполнѣ понятно: вѣдь, деньги служатъ орудіемъ обращенія, слѣд. онѣ должны принимать участіе въ мѣновыхъ актахъ. Хотя указанное обстоятельство является главнымъ среди причинъ, вліяющихъ на потребность народнаго хозяйства въ деньгахъ, но оно не является единственнымъ. Сейчасъ необходимо указать, что на эту потребность вліяютъ очень сильно еще два слѣдующія обстоятельства: это — быстрота обращенія денегъ и степень развитія пріемовъ, экономизирующихъ употребленіе денегъ. Первое обстоятельство вліяетъ въ томъ направленіи, что чѣмъ быстрѣе обращается каждая монета въ странѣ, тѣмъ меньше можетъ быть общая сумма денегъ въ этой странѣ, ибо одна и та же монета можетъ нѣсколько разъ, въ теченіе извѣстнаго періода времени, сослужить службу орудія обращенія. Второе обстоятельство также очень сильно вліяетъ на денежный оборотъ. Есть много пріемовъ, при помощи которыхъ оборотъ можетъ осуществляться безъ дѣйствительнаго употребленія денегъ. Сюда относятся главнымъ образомъ разныя явленія изъ области кредита; такъ, въ наше время въ каждомъ народномъ хозяйствѣ обращается огромная масса кредитныхъ знаковъ. Всѣ эти кредитные знаки могутъ въ оборотѣ замѣнять деньги; это совершается такимъ образомъ, что въ платежахъ взамѣнъ денегъ берутъ долговыя обязательства на кого-нибудь; одинъ и тотъ же знакъ можетъ сослужить службу орудія обращенія нѣсколько разъ. Нѣкоторые кредитные знаки (напр. банковые билеты) только для того и выдуманы, чтобы замѣнять употребленіе наличныхъ денегъ. Сюда же относятся, далѣе, употребленіе пріемовъ погашенія платежей другъ на друга безъ употребленія денегъ (разсчетныя палаты), или еще, концентрація сбереженій, состоящая въ томъ, что сбереженія не лежатъ въ видѣ сокровищъ въ частныхъ хозяйствахъ, а стекаются въ банки и чрезъ банки поступаютъ въ оборотъ. Очевидно, что чѣмъ болѣе развиты всѣ эти пріемы экономизаціи денегъ, тѣмъ меньше для страны нужно денегъ.

Между количествомъ денегъ, нужныхъ для страны, и тѣмъ количествомъ ихъ, которымъ страна дѣйствительно можетъ располагать, бываютъ частыя несовпаденія. Какъ на сторонѣ спроса, такъ и на сторонѣ предложенія денегъ, можно указать большое количество причинъ, ведущихъ къ такому несовпаденію. Такъ, на сторонѣ спроса можно указать на нѣкоторыя неправильныя или внезапныя измѣненія въ самомъ объемѣ обращающагося богатства;

обращеніе богатства можетъ, во-первыхъ, неправильно распредѣляться по частямъ года; въ одну часть года обращеніе его можетъ быть очень сильнымъ и потому въ эту часть года бываетъ особенно настоятельная потребность въ деньгахъ; въ другія же части года оборотъ сравнительно затихаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сильно ослабѣваетъ потребность въ деньгахъ. Можетъ быть затѣмъ такъ, что общая сумма обращающагося богатства въ странѣ неожиданно уменьшается (напр., вслѣдствіе неурожая), и потому неожиданно уменьшается спросъ на деньги. Могутъ подлежать измѣненію и другіе факторы, вліяющіе на спросъ денегъ; такъ, напр., во времена кредитныхъ кризисовъ или внутреннихъ государственныхъ замѣшательствъ сбереженія извлекаются изъ банковыхъ учрежденій и сохраняются внутри отдѣльныхъ хозяйствъ.

Что касается измѣненій на сторонѣ предложенія денегъ, то онѣ зависятъ главнымъ образомъ отъ трудности или легкости производства денежнаго матеріала. Ежели производство денежнаго матеріала затрудняется, требуетъ больше издержекъ, то притокъ его замедляется; можетъ быть, даже того матеріала, изъ котораго дѣлаются деньги, будетъ тогда недостаточно для удовлетворенія главныхъ, не-денежныхъ потребностей общества, удовлетворяемыхъ издѣліями изъ того же матеріала. Въ такомъ случаѣ нѣкоторая часть этого матеріала будетъ извлечена изъ денегъ; нѣкоторое количество денегъ будетъ передѣлано въ другіе предметы потребленія. Такимъ образомъ, количество денегъ можетъ даже уменьшиться при неизмѣнившейся потребности, не говоря уже о томъ, что оно можетъ не поспѣвать за увеличивающимся спросомъ на деньги, имѣющимъ обыкновенно мѣсто въ странахъ, въ экономическомъ отношеніи прогрессирующихъ. Чаще бываетъ противоположный случай, именно тотъ, что производство денежнаго матеріала облегчается. Въ такомъ случаѣ предложеніе денегъ становится обильнымъ, превышающимъ потребность въ нихъ. Кромѣ указанной естественной причины, вліяющей на предложеніе денегъ, здѣсь можетъ имѣть значеніе еще поведеніе правительствъ по отношенію къ денежному дѣлу. Ежели правительства не затрудняютъ передѣлку денежнаго матеріала въ деньги, если чеканка, какъ обыкновенно говорятъ, свободна, то предложеніе денегъ опредѣляется единственно только-что указанной естественной причиной. Если же правительства стѣсняютъ передѣлку денежнаго матеріала въ деньги, то тогда предложеніе денегъ будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія правительствъ, причемъ, навѣрное, будутъ зна-

чительныя ошибки, которыя неизбѣжны при исчисленіи нужнаго для общества количества денегъ.

Итакъ, на сторонѣ спроса и на сторонѣ предложенія есть причины, которыя могутъ вызвать несовпаденіе между спросомъ на деньги и предложеніемъ ихъ. Это несовпаденіе и ощущается со стороны общества, какъ денежныя затрудненія; это несовпаденіе и вызываетъ то болѣзненное состояніе обмѣна, которое принято называть денежнымъ кризисомъ. Несовпаденіе можетъ состоять или въ томъ, что денегъ мало по сравненію со спросомъ на нихъ, или же въ томъ, что денегъ много по сравненію со спросомъ на нихъ. Слѣд., денежный кризисъ можетъ проявляться или въ недостачѣ денегъ, или въ излишествѣ денегъ.

Денежные кризисы сопровождаются весьма многими и весьма значительными невыгодными послѣдствіями для народнаго хозяйства. Основная причина этихъ невыгодныхъ послѣдствій заключается въ томъ, что деньги во время денежныхъ кризисовъ должны измѣнять свою мѣновую цѣнность. Если денежный кризисъ состоитъ въ излишествѣ денегъ, то это излишнее количество денегъ войдетъ въ оборотъ, но только съ пониженіемъ цѣнности денегъ; богатство національное не увеличилось, а количество денегъ, приводящихъ его въ движеніе, увеличилось; естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ будетъ то, что въ каждомъ мѣновомъ актѣ будетъ участвовать бо̀льшее количество ихъ; другими словами, товары будутъ цѣниться дороже, чѣмъ прежде, или, что̀ все равно, сами деньги будутъ дешевле. Ежели, наоборотъ, денежный кризисъ состоитъ въ недостачѣ денегъ, то національное богатство можетъ быть приведено въ движеніе ме́ньшимъ количествомъ денегъ, но только при томъ условіи, что въ каждомъ мѣновомъ актѣ будутъ употреблять денегъ меньше, чѣмъ прежде; въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть дешевизну товаровъ или дороговизну денегъ. Такимъ образомъ, деньги, призванныя измѣрять цѣнности всѣхъ другихъ благъ, во время кризисовъ сами измѣняются въ своей цѣнности. Вотъ это измѣненіе цѣнности денегъ и влечетъ за собой дальнѣйшія разнообразныя потрясенія въ народномъ хозяйствѣ. Укажемъ на главнѣйшія изъ нихъ.

Производственная дѣятельность страны подъ вліяніемъ денежныхъ кризисовъ принимаетъ ненормальное теченіе; именно, въ ней замѣчается или искусственное оживленіе, или же искусственная подавленность. Искусственное оживленіе производственной дѣятельности замѣчается во времена кризисовъ, состоящихъ въ излишествѣ денегъ. Во время этихъ кризисовъ подъ вліяніемъ обилія денегъ начинается усиленный спросъ на многіе

товары; цѣны на такіе товары возвышаются; производители ихъ получаютъ ненормально большіе барыши; сами они начинаютъ расширять свои предпріятія; основываются также и новыя предпріятія. Но такое оживленіе нельзя назвать иначе, какъ искусственнымъ, и долго оно продолжаться не можетъ. Въ странѣ, въ сущности, ничего не измѣнилось, кромѣ количества денегъ; такъ, въ странѣ не увеличился рабочій классъ и не сталъ онъ болѣе искуснымъ; не увеличились въ странѣ реальные капиталы; равно и не измѣнились къ лучшему естественныя условія производства; словомъ, реальныхъ основъ для увеличенія производства нѣтъ,—вскорѣ это и окажется: усиленный спросъ по отношенію къ неизмѣнившимся даннымъ производства поведетъ только къ общему поднятію цѣнъ. Если вначалѣ, при повышеніи цѣнъ только отдѣльныхъ товаровъ, спрашиваемыхъ лицами, въ рукахъ которыхъ оказалось обиліе денегъ, производители этихъ товаровъ и выигрывали, то впослѣдствіи, при повышеніи цѣнъ на различные факторы производства, и эти производители не будутъ получать большихъ барышей; напротивъ, послѣ періода оживленія, большихъ барышей, легкаго полученія денегъ въ ссуды, начинается обратный періодъ подавленности производства, малыхъ барышей, трудности добывать деньги въ кредитъ; заинтересованныя лица начинаютъ жаловаться уже на безденежье.

Во времена кризисовъ, состоящихъ въ недостачѣ денегъ, наоборотъ, сначала наступаетъ подавленность въ нѣкоторыхъ видахъ промышленности, доводящая многія изъ предпріятій до банкротства. Но такъ какъ для такой подавленности нѣтъ реальныхъ основаній опять потому же, что основныя условія производства не измѣнились къ худшему, то мало-по-малу, чрезъ всеобщее пониженіе цѣнъ, дѣло придетъ къ прежнему уровню; но, конечно, нельзя уже будетъ поправить тѣхъ потерь и разореній, которыя имѣли мѣсто въ переходный періодъ. Кромѣ указанной сейчасъ основной невыгоды, проистекающей отъ денежныхъ кризисовъ для національнаго производства, слѣдуетъ отмѣтить еще то, что послѣднее терпитъ въ своей солидности, становится въ значительной степени спекулятивнымъ и нездоровымъ, если, вслѣдствіе неблагоустроенности денежной системы, страну посѣщаютъ часто денежные кризисы.

Денежные кризисы отражаются неблагопріятно также на распредѣленіи народнаго богатства. Они вносятъ случайный элементъ въ это распредѣленіе. Во время кризисовъ цѣнность денегъ измѣняется, но это измѣненіе наступаетъ не вдругъ; не вдругъ дорожаютъ или дешевѣютъ всѣ товары и услуги, а мало-

по-малу, сначала одни, потомъ другіе. Такъ, при обиліи денегъ, дѣло будетъ зависѣть отъ того, какіе классы населенія получатъ въ свое распоряженіе излишнія деньги и на какіе товары или услуги они направятъ свой спросъ; эти именно товары и услуги первоначально повысятся въ цѣнѣ; производители этихъ именно товаровъ будутъ получать неожиданно большіе барыши до тѣхъ поръ, пока процессъ вздорожанія не распространится на всѣ другіе товары и услуги. Подобнымъ же образомъ неравномѣрно распространяется пониженіе цѣнъ при кризисѣ, состоящемъ въ недостачѣ денегъ, и потому нѣкоторыя предпріятія начинаютъ нести убытки, пока другія еще имъ не подвергаются. Можно, далѣе, указать на неустойчивость отдѣльныхъ имуществъ и доходовъ. Имущества, состоящія въ деньгахъ, подвергаются самому прямому и непосредственному вліянію кризисовъ: такія имущества уменьшаются или увеличиваются съ своей реальной стороны тотчасъ и соотвѣтственно паденію или увеличенію цѣнности денегъ. Только-что указанное обстоятельство ведетъ къ тому, что деньги начинаютъ очень плохо исполнять свою функцію орудія сбереженія: сберегающій не знаетъ напередъ, каково будетъ реальное значеніе его сбереженій; конечно, такая неизвѣстность не содѣйствуетъ распространенію духа бережливости въ странѣ. Изъ доходовъ наиболѣе всего кризисами затрогиваются тѣ, которые установлены на болѣе или менѣе продолжительное время въ опредѣленныхъ денежныхъ суммахъ (напр., поземельная рента, жалованье чиновникамъ и т. п.). Очевидно, что реальное значеніе такихъ доходовъ измѣняется съ паденіемъ или повышеніемъ цѣнности денегъ. Слѣдуетъ обратить особое вниманіе на то обстоятельство, что важнѣйшій видъ доходовъ, именно заработная плата, также не избавлена отъ воздѣйствія со стороны денежныхъ кризисовъ. Дѣло въ томъ, что, при установленіи заработной платы, положеніе рабочихъ, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ они не организованы въ союзы, менѣе благопріятно, чѣмъ положеніе предпринимателей. Рабочіе часто даже не знаютъ объ измѣненіяхъ въ цѣнности денегъ, а если и знаютъ, то имъ трудно настоять на скоромъ и точномъ приспособленіи денежной заработной платы къ измѣненіямъ въ цѣнности денегъ, если эти измѣненія невыгодны для нихъ. Наоборотъ, предприниматели всегда лучше знаютъ положеніе денежнаго рынка и имѣютъ бо̀льшую возможность устанавливать заработную плату такъ, чтобы самимъ не терпѣть отъ неожиданныхъ ея увеличеній подъ вліяніемъ измѣнившейся цѣнности денегъ. Вотъ почему оказывается, что рабочій классъ

чаще теряетъ отъ пониженія цѣнности денегъ, чѣмъ выигрываетъ отъ повышенія цѣнности ихъ. Вообще различные классы населенія неодинаково затрогиваются во всѣхъ интересахъ денежными кризисами, и такимъ образомъ, противорѣчіе экономическихъ интересовъ и проистекающая отсюда борьба между разными классами обостряется, благодаря неустройству въ такомъ, казалось бы, на первый взглядъ постороннемъ для этой борьбы явленіи, какъ деньги.

Можно указать, наконецъ, на весьма разнообразныя и, притомъ, также неблагопріятныя вліянія денежныхъ кризисовъ на обмѣнъ. Прежде всего, денежные кризисы, неизмѣнно выражающіеся въ колебаніи цѣнности денегъ, дѣлаютъ ненормальнымъ наличный обмѣнъ. Деньги въ этомъ обмѣнѣ служатъ посредникомъ и удовлетворяютъ хорошо свою посредническую роль только въ томъ случаѣ, если не измѣняютъ своей цѣнности. Если же цѣнность денегъ подвержена случайнымъ и значительнымъ колебаніямъ, то естественная цѣль обмѣна—полученіе вмѣсто одного товара другого, равноцѣннаго—затрудняется; въ такомъ случаѣ продавцы товаровъ не знаютъ, что̀ они могутъ купить впослѣдствіи на вырученныя деньги; впослѣдствіи на эти деньги, быть можетъ, того же самаго товара, что они теперь сбыли, нельзя будетъ купить въ томъ же самомъ количествѣ; быть можетъ, можно пріобрѣсти того же самаго товара больше, а быть можетъ, и меньше,—но то и другое ненормально. Что касается кредитнаго обмѣна, то онъ получаетъ неблагопріятные толчки въ слѣдующихъ отношеніяхъ: во-первыхъ, уже заключенныя кредитныя отношенія становятся неустойчивыми съ своей реальной стороны; хотя эти обязательства номинально погашаются правильно, но реальное значеніе уплачиваемыхъ суммъ измѣняется въ зависимости отъ возвышенія или паденія цѣнности денегъ; такъ, по долгу въ 1.000 руб. при нормальномъ погашеніи всегда получаютъ эту денежную сумму; но если между моментомъ заключенія долга и моментомъ погашенія его произошло повышеніе цѣнности денегъ, то реально должникъ заплатилъ больше и, слѣдовательно, потерпѣлъ убытокъ; при паденіи цѣнности денегъ, наоборотъ потерпитъ кредиторъ. Въ виду указаннаго обстоятельства, въ странахъ съ неблагоустроенной денежной системой кредитъ находитъ препятствіе для своего распространенія въ опасеніяхъ денежныхъ кризисовъ. Затѣмъ, во-вторыхъ, вновь возникающія кредитныя отношенія подъ вліяніемъ денежныхъ кризисовъ могутъ принять неестественное направленіе: такъ, при кризисахъ, состоящихъ въ обиліи денегъ, кредитъ

оживляется и становится дешевымъ; поэтому возникаютъ многія предпріятія при его содѣйствіи; старыя предпріятія расширяютъ свои дѣла на счетъ кредита; но такое оживленіе будетъ временнымъ; оно будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока излишнее количество денегъ не приспособится къ обороту; когда наступитъ этотъ моментъ, начнутся затрудненія въ кредитѣ, и многія менѣе солидныя предпріятія должны будутъ погибнуть вслѣдствіе невозможности съ прежней легкостью пользоваться кредитомъ. Кризисы, состоящіе въ недостачѣ денегъ, наоборотъ, съ самаго начала ведутъ къ затрудненіямъ въ кредитѣ; трудно бываетъ найти наличныя деньги; если находятся деньги, то за ссуду ихъ будутъ платить большіе проценты. Международный обмѣнъ подъ вліяніемъ денежныхъ кризисовъ также подвергается неестественному оживленію или застою. Во времена денежныхъ кризисовъ, состоящихъ въ недостачѣ денегъ въ какой-нибудь странѣ, вывозъ изъ этой страны усиливается, потому что въ этой странѣ цѣны на товары понижаются, и потому вывозить товары за границу становится болѣе выгоднымъ, чѣмъ прежде. Наоборотъ, при обиліи денегъ въ странѣ, цѣны на товары внутри ея повышаются, вслѣдствіе чего вывозъ въ другія государства затрудняется, а ввозъ облегчается. Подобныя же измѣненія замѣчаются въ международномъ передвиженіи денежныхъ капиталовъ: они направляются усиленно въ тѣ страны, въ которыхъ ощущается недостача денегъ и ссудный процентъ потому высокъ; наоборотъ, естественнымъ образомъ денежные капиталы стремятся оставить страну, въ которой денегъ слишкомъ много и потому онѣ дешевы.

Вотъ каковы послѣдствія для народнаго хозяйства отъ денежныхъ кризисовъ. Конечно, степень вреда въ каждомъ данномъ случаѣ зависитъ отъ интенсивности денежнаго кризиса, т.-е. отъ степени обилія или недостачи денегъ въ странѣ. Но каждый кризисъ стремится вызывать за собой всѣ указанныя послѣдствія въ той или иной степени. Какъ видитъ читатель, послѣдствія эти значительны по количеству и важны по затрогиваемымъ имъ сторонамъ экономической жизни. Посмотримъ теперь, какое вліяніе имѣла на денежные кризисы бумажно-денежная система обращенія, такъ долго господствовавшая въ Россіи.

II.

Обыкновенно деньги дѣлаются изъ какого-нибудь матеріала, добываніе котораго стоитъ людямъ значительнаго труда. Какъ извѣстно, въ концѣ концовъ, по причинамъ многочисленнымъ и солиднымъ, люди убѣдились, что деньги лучше всего дѣлать изъ драгоцѣнныхъ металловъ. Но оказалось также, что деньги можно дѣлать изъ простой бумаги, которая почти ничего не стоитъ и почти не имѣетъ никакого иного полезнаго назначенія. На это дѣло оказалось способнымъ государство. Государство взяло денежное дѣло въ свои руки по весьма многимъ серьезнымъ основаніямъ, и денежное дѣло является всегда государственной монополіей или, какъ часто говорятъ, юридической регаліей, т.-е. такимъ дѣломъ, которое взято государствомъ въ свое исключительное вѣдѣніе въ общихъ интересахъ. Когда государство дѣлаетъ металлическія деньги, и при этомъ заботится только о достоинствѣ этихъ денегъ, а не о своихъ выгодахъ, тогда эта денежная роль государства не возбуждаетъ никакихъ недоразумѣній, и обществу остается только благодарить государство за выполненіе такого дѣла, которое въ высшей степени содѣйствуетъ прочности оборота. Но государство не всегда въ денежномъ дѣлѣ ограничивается только указанной ролью. Иногда оно начинаетъ дѣлать деньги не изъ металла, а изъ бумаги, причемъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ: пишетъ на бумагѣ какое-нибудь наименованіе, заимствованное изъ металлическаго обращенія (напр., рубль), или же обыкновенно пишетъ на бумагѣ обѣщаніе уплатить предъявителю такую-то сумму металлическихъ денегъ, хотя на самомъ дѣлѣ, въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени, не исполняетъ этого обѣщанія о размѣнѣ. Затѣмъ государство принуждаетъ своихъ подданныхъ принимать во всѣхъ платежахъ такіе бумажные знаки наравнѣ съ тою суммою металлическихъ денегъ, которая на нихъ написана; другими словами, государство придаетъ этимъ бумажнымъ знакамъ значеніе законнаго платежнаго средства. Такимъ образомъ получаются знаки, которые нельзя иначе назвать, какъ самыми настоящими деньгами. И дѣйствительно, этотъ знакъ начинаетъ исполнять всѣ функціи денегъ. Онъ, во-первыхъ, начинаетъ служить измѣрителемъ цѣнности всѣхъ другихъ благъ. Иногда утверждаютъ, что не эти бумажки, а тотъ металлъ, о которомъ на этихъ бумажкахъ говорится, исполняетъ функцію измѣрителя цѣнности, что сами бумажки не имѣютъ самостоятельной цѣнности. Но та-

кой взглядъ неправиленъ; бумажныя деньги съ указанными свойствами имѣютъ свою самостоятельную цѣнность, основанную на томъ, что онѣ—худо или хорошо—удовлетворяютъ потребность общества въ деньгахъ. Эта самостоятельная цѣнность бумажныхъ денегъ наглядно выражается въ томъ, что она обыкновенно не совпадаетъ съ цѣнностью металлическихъ денегъ, на бумажкѣ обозначенныхъ. Самостоятельность бумажныхъ денегъ внутри извѣстнаго народнаго хозяйства выражается, затѣмъ, въ томъ, что нерѣдко онѣ однѣ обращаются въ странѣ; если же деньги металлическія совсѣмъ не употребляются въ странѣ, то онѣ никоимъ образомъ не могутъ въ ней служить измѣрителемъ цѣнности товаровъ. Затѣмъ, рассматриваемые бумажные знаки исполняютъ, подобно деньгамъ металлическимъ, роль орудія обращенія, т.-е. за эти деньги отдаютъ всѣ разнообразные товары, обращающіеся въ странѣ; равнымъ образомъ, за нихъ можно и пріобрѣтать всякіе товары; часто бываетъ, что денегъ металлическихъ въ странѣ совсѣмъ нѣтъ, и тѣмъ не менѣе оборотъ не прекращается. При отсутствіи денегъ металлическихъ, бумажныя деньги являются единственнымъ средствомъ сбереженія, и такимъ образомъ, исполняютъ и эту функцію денегъ. Что бумажныя деньги служатъ законнымъ платежнымъ средствомъ, то это свойство всегда имъ присуще; основано же оно единственно на принужденіи со стороны государства.

Ради полноты характеристики бумажныхъ денегъ, отмѣтимъ еще два слѣдующихъ важныхъ обстоятельства. Во-первыхъ, извѣстно, что бумажныя деньги, выпущенныя въ большой массѣ, дѣйствительно могутъ и должны сдѣлаться единственными деньгами въ странѣ. Такое положеніе вещей объясняется тѣмъ, что при массовыхъ выпускахъ бумажныхъ денегъ и при паденіи, вслѣдствіе того, цѣнности всѣхъ денегъ страны, съ денежнаго рынка удаляются деньги металлическія или за границу, или же путемъ передѣлки въ какіе-нибудь иные полезные предметы; деньгамъ же бумажнымъ некуда уйти; онѣ заполняютъ собой денежный рынокъ и, наконецъ, только однѣ на немъ остаются. Затѣмъ, во-вторыхъ, очевидно, что бумажныя деньги являются деньгами только мѣстными, деньгами только той страны, которая ихъ выпустила. Это свойство бумажныхъ денегъ объясняется тѣмъ, что бумажныя деньги есть исключительно созданіе государственной власти, а повелѣнія этой власти имѣютъ силу только въ своей странѣ.

Что̀, спрашивается, заставляетъ правительства прибѣгать къ выпуску бумажныхъ денегъ? Правительство могло бы руководство-

ваться здѣсь или общими интересами населенія, или же исключительно финансовой нуждой самого государства. Теперь уже нельзя утверждать, что бумажныя деньги могутъ служить общему интересу; опытъ доказалъ, что бумажныя деньги никоимъ образомъ не могутъ служить общей пользѣ, что онѣ очень плохо удовлетворяютъ денежную потребность общества. Поэтому къ выпускамъ бумажныхъ денегъ правительства могутъ прибѣгать, и дѣйствительно прибѣгаютъ, только подъ вліяніемъ нужды въ деньгахъ для нихъ самихъ. Въ качествѣ способа быстраго полученія и притомъ большихъ денежныхъ средствъ, бумажныя деньги являются дѣйствительно очень удобнымъ средствомъ. Во-первыхъ, напечатать бумажныя деньги, въ какомъ угодно количествѣ, не нужно много времени и расходовъ. Во-вторыхъ, правительство дѣйствительно получаетъ въ свое распоряженіе реальную покупную силу; эта сила будетъ равна всей разницѣ между стоимостью изготовленія бумажныхъ денегъ (равной почти нулю) и дѣйствительной цѣнностью ихъ въ обращеніи. Поэтому, пока государства будутъ переживать сильныя катастрофы (напр., войны), требующія большихъ денежныхъ средствъ, до тѣхъ поръ, по всей вѣроятности, мы будемъ встрѣчаться и съ бумажными деньгами. То обстоятельство, что бумажныя деньги выпускаются для потребностей правительствъ, а не оборота, въ высшей степени невыгодно отличаетъ ихъ отъ денегъ металлическихъ; количество послѣднихъ зависитъ дѣйствительно отъ потребностей оборота; количество же бумажныхъ денегъ обыкновенно не стоитъ ни въ какомъ соотвѣтствіи съ потребностями оборота, ибо не эти послѣднія вызываютъ къ жизни бумажныя деньги.

Въ Россіи бумажно-денежная система господствовала весьма долго. Бумажные денежные знаки появились у насъ впервые по манифесту 29-го декабря 1768 г., подъ именемъ ассигнацій. Но первоначально ассигнаціи не были настоящими бумажными деньгами, потому что онѣ были размѣнны на мѣдь и не были обязательны къ пріему въ платежахъ. Первоначально ассигнацій выпустили всего на одинъ милліонъ, и притомъ въ петербургскомъ и московскомъ ассигнаціонныхъ банкахъ, для размѣна этого милліона, положенъ былъ размѣнный фондъ, тоже въ милліонъ рублей, по 500 тыс. въ каждомъ изъ банковъ. При такомъ устройствѣ дѣла ассигнаціи не увеличивали количества орудій обращенія въ странѣ и не давали никакого дохода казначейству. Единственнымъ ихъ значеніемъ было то, что онѣ замѣняли неудобную для обращенія мѣдную монету. Но въ такомъ

видѣ дѣло оставалось весьма недолго. Правительство очень нуждалось въ средствахъ для покрытія дефицитовъ и новыхъ расходовъ. Выпускъ ассигнацій могъ служить источникомъ дохода для государства, при условіи сохраненія размѣнности ихъ, только тѣмъ путемъ, чтобы выпускаемое количество ассигнацій было больше величины размѣннаго фонда. Къ этому способу весьма скоро и прибѣгли; такъ, въ 1774 г. изданъ былъ указъ, чтобы въ выпускѣ ассигнацій остановиться на 20 милліонахъ. Но на этомъ не остановились; указомъ 28-го іюня 1786 г. количество ассигнацій было увеличено до 100 милл., причемъ любопытно то, что это новое и сильное увеличеніе ассигнацій было мотивировано интересами оборота. Съ увеличеніемъ количества ассигнацій, естественно стало затруднительнымъ ихъ размѣнивать, и, дѣйствительно, размѣнъ ассигнацій съ 1786 г. или совсѣмъ не имѣетъ мѣста, или же размѣнъ совершается съ лажемъ; другими словами, государство оказалось не въ состояніи выполнить своего обѣщанія о размѣнѣ ассигнацій. Въ результатѣ получился въ оборотѣ оригинальный бумажный денежный знакъ, неравноцѣнный съ монетой и необязательный къ пріему въ платежахъ. Очевидно, что такой денежный знакъ не могъ имѣть большого довѣрія въ публикѣ; поэтому его курсъ падаетъ весьма низко; такъ, въ 1810 г., курсъ ассигнацій равнялся всего $25^2/_3$ сер. коп. Ассигнаціи, при указанныхъ условіяхъ, не оттѣсняли изъ обращенія звонкую монету; это оттѣсненіе, можетъ быть, и бываетъ только въ томъ случаѣ, когда бумажнымъ знакамъ придается принудительное обращеніе по номинальному курсу; только въ этомъ случаѣ невыгодно употреблять въ платежахъ монету, и потому послѣдняя уходитъ изъ оборота. Если же бумажные знаки, какъ наши ассигнаціи, не получили совсѣмъ принудительнаго обращенія, то ихъ въ платежахъ принимали не по номинальной цѣнѣ, а по курсу. Чтобы поддержать обращаемость ассигнацій, имъ придали, по манифесту 9-го апрѣля 1812 г., принудительное обращеніе; именно, было постановлено, чтобы впредь всѣ счеты и платежи какъ между казной и частными лицами, такъ и частныхъ лицъ между собой, основывались на ассигнаціяхъ и, затѣмъ, чтобы платежъ ассигнаціями по курсу въ день платежа не могъ быть отринутъ даже въ томъ случаѣ, когда сдѣлка была совершена на серебро. Съ 1812 г. ассигнаціи стали денежнымъ знакомъ, но все-же съ тѣмъ отличіемъ отъ обычнаго типа бумажныхъ денегъ, что онѣ были принудительны къ пріему не по номинальному курсу, а по курсу дня. Конечно, въ 1812 г., когда ассигнаціи имѣли курсъ $25^1/_5$ коп. сер., не

было возможности, безъ грубаго нарушенія имущественныхъ отношеній, вводить принудительное обращеніе по номинальному курсу. Но все-же разсматриваемая мѣра дала возможность ассигнаціямъ, въ періодъ Наполеоновскихъ войнъ, сохранить еще нѣкоторую цѣнность; такъ, въ 1813 г. курсъ ассигнацій равнялся $25^1/_5$ коп. сер. за рубль ассигнаціонный; правда, въ 1814 и 1815 гг. курсъ ассигнацій палъ до 20, но въ 1816 и 1817 онъ опять сталъ выше 25 к., хотя количество ассигнацій и въ эти послѣдніе два года продолжало еще увеличиваться, именно, взамѣнъ 825 милл. (круглымъ числомъ) 1815 года, въ 1816 году считалось ассигнацій 831 милл., а въ 1817 г.—836 милл.; это послѣднее число было наибольшимъ, до котораго достигало количество ассигнацій. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, принудительное обращеніе по курсу дня вело къ тому, что ассигнаціи не могли сильно повышаться въ цѣнѣ, когда съ 1817 г. начали уменьшать ихъ количество. Съ 1817 до 1823 г. количество ассигнацій было уменьшено съ 836 милл. до 595 милл.; эта послѣдняя сумма оставалась неизмѣнной по 1843 г., когда ассигнаціи были совсѣмъ уничтожены; несмотря на все это, курсъ ассигнацій во весь періодъ съ 1823 по 1843 г. никогда не былъ выше $27^2/_7$ коп. сер. за рубль ассигнаціонный. Указанное обстоятельство объяснялось тѣмъ, что сокращеніе количества ассигнацій вело не къ повышенію ихъ собственнаго курса, а къ увеличенію звонкой монеты, свободно обращавшейся въ странѣ при отсутствіи номинальнаго принудительнаго курса.

Ассигнаціи прекратили свое существованіе только благодаря мѣрамъ, принятымъ при министрѣ финансовъ, гр. Канкринѣ. Въ 1842 г. былъ изданъ манифестъ, по которому ассигнаціи должны были постепенно уступить мѣсто новому кредитному знаку, именно государственнымъ кредитнымъ билетамъ. Государственные кредитные билеты должны были обмѣниваться по номинальной цѣнѣ на серебро или золото. Такимъ образомъ, этотъ новый кредитный знакъ являлся уже не бумажными деньгами, а имѣлъ характеръ банковыхъ билетовъ. Обмѣнъ ассигнацій былъ совершенъ по курсу въ 3 р. 50 коп. ассигнаціями за рубль въ госуд. кредитныхъ билетахъ. Такимъ образомъ государство не расплатилось по ассигнаціямъ рубль за рубль, и слѣд., погасило ихъ по принципу девальваціи. Такъ какъ ассигнацій въ обращеніи числилось на 595 милл., то кредитныхъ билетовъ взамѣнъ ассигнацій нужно было выпустить на 170 милл. Для обезпеченія размѣнности кредитныхъ билетовъ, былъ образованъ размѣнный фондъ золотомъ и серебромъ, въ размѣрѣ $^1/_6$ части всѣхъ вы-

пущенныхъ, взамѣнъ ассигнацій, кредитныхъ билетовъ, именно въ суммѣ $28^1/_2$ милл. рублей [1]).

Этотъ вновь возникшій кредитный знакъ недолго, однако, оставался размѣннымъ,—недолго, слѣд., онъ былъ простымъ денежнымъ суррогатомъ, являвшимся не врагомъ денегъ металлическихъ, а только ихъ замѣстителемъ. Кредитные билеты превратились въ бумажныя деньги благодаря крымской войнѣ. Для веденія этой войны было выпущено въ 1855 и 1856 гг. кредитныхъ билетовъ на сумму въ 333 милл. руб. Очевидно, что эта огромная сумма вновь выпущенныхъ билетовъ не нужна была обороту, и потому должна была возвратиться путемъ размѣна опять въ руки правительства. Поэтому, чтобы операція достигла своей цѣли, т.-е. доставленія денежныхъ средствъ казнѣ, нужно было прекратить размѣнъ кредитныхъ билетовъ. Это и было сдѣлано въ 1857 г., послѣ предварительныхъ мѣръ стѣсненія размѣна, которыя оказались недостаточными. Съ этого времени и вплоть до послѣдней реформы 1895—1897 гг. кредитные билеты оставались настоящими бумажными деньгами; только въ 1862 и 1863 гг. попытались ихъ размѣнивать, но требованіе размѣна было такъ сильно, а размѣнный фондъ такъ незначителенъ, что этотъ экспериментъ скоро прекратился. Дальнѣйшая исторія кредитныхъ билетовъ состоитъ въ измѣненіяхъ ихъ количества, главнымъ образомъ въ сторону увеличенія. Такъ, вторая восточная война повела опять къ массовому выпуску кредитныхъ билетовъ,—именно, болѣе, чѣмъ на 400 милліоновъ рублей.

Но не только такое крайнее положеніе, какъ война, вело къ выпуску кредитныхъ билетовъ, но и для нѣкоторыхъ другихъ цѣлей, менѣе оправдываемыхъ, также прибѣгали къ этому источнику. Такъ, указами 1888 и 1891 гг. разрѣшалось выпускать временно кредитные билеты подъ обезпеченіе золотомъ по цѣнѣ нарицательной; цѣль этихъ выпусковъ состояла въ поддержаніи денежнаго оборота, именно въ удовлетвореніи временно усилившейся потребности въ деньгахъ. Трудно понять, во-первыхъ, для чего дѣлалось тутъ обезпеченіе золотомъ, такъ какъ, все равно, дѣйствительнаго размѣна этихъ билетовъ не дѣлалось. Затѣмъ, подобные выпуски сомнительны и по своей цѣли, ибо они ошибочно предполагаютъ, что финансовое вѣдомство можетъ дѣйстви-

[1]) Сверхъ тѣхъ кредитныхъ билетовъ (170 милл.), которые нужны были для замѣна ассигнацій, можно было и еще выпускать неопредѣленное количество ихъ, но только взамѣнъ вкладовъ звонкой монетой,—другими словами, подъ обезпеченіе звонкой монетой въ полной суммѣ.

тельно точно знать измѣненія въ денежной потребности народнаго хозяйства. Еще болѣе сомнительна такая цѣль выпусковъ кредитныхъ билетовъ, какъ закупка золота для размѣннаго фонда. Эта закупка у насъ практиковалась особенно усиленно въ 1867—1872 гг. Такая операція вредна и для народнаго хозяйства, потому что ведетъ къ увеличенію денежныхъ знаковъ безъ соображенія съ дѣйствительными потребностями рынка. Кромѣ того и ея непосредственная цѣль—увеличеніе размѣннаго фонда—не можетъ быть оправдана по слѣдующему соображенію: увеличеніе размѣннаго фонда является хорошей мѣрой только въ томъ случаѣ, если это увеличеніе дѣйствительно приближаетъ размѣнъ бумажныхъ денегъ; между тѣмъ увеличеніе размѣннаго фонда чрезъ покупку металла на вновь выпущенныя бумажки не приближаетъ къ размѣну, потому что при такой операціи увеличивается количество самихъ бумажныхъ денегъ, подлежащихъ размѣну. Изъ попытокъ уменьшить количество кредитныхъ билетовъ заслуживаетъ вниманія одна, именно та, которая предпринята была въ 1881 г. По указу 1 янв. 1881 г. предположено было изъять все количество кредитныхъ билетовъ, которое было выпущено ради послѣдней восточной войны, именно 419 милл. (круглымъ счетомъ), причемъ 19 милл. погасились немедленно, а остальные 400 милл. должны были быть погашены, именно по 50 милл. ежегодно. Однако, эти предположенія не были осуществлены почти совсѣмъ; согласно указу 1881 г. уничтожено было всего 87 милл. руб. кредитными билетами. Главной причиной неудачи разсматриваемой мѣры былъ недостатокъ средствъ въ государственномъ казначействѣ. Едва-ли, впрочемъ, и слѣдуетъ жалѣть о томъ, что въ данномъ случаѣ правительство не выполнило своихъ предположеній. Дѣло въ томъ, что извлеченіе только части кредитныхъ билетовъ, все равно, не устроило бы нашей денежной системы, а между тѣмъ извлеченіе кредитныхъ билетовъ послѣ того, какъ они уже вошли въ оборотъ, повело бы къ измѣненію ихъ цѣнности и къ тѣмъ многимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ, которыя отсюда проистекаютъ. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, количество кредитныхъ билетовъ изъ года въ годъ колебалось съ преобладающей тенденціей къ повышенію. Наибольшее количество ихъ существовало въ 1893 г.; въ этомъ году кредитныхъ билетовъ считалось 1.196.295.384 р., причемъ изъ этого числа 150 милл. были выпущены временно, согласно указамъ 1888 и 1891 гг., для усиленія денежнаго обращенія. Въ 1895 г., когда было приступлено къ денежной реформѣ, кредитныхъ билетовъ числилось

1.121.281.634 руб. Курсъ кредитныхъ билетовъ, за все время ихъ неразмѣнности, также подвергался измѣненіямъ не только по годамъ, но по мѣсяцамъ и днямъ.

Остановимся теперь на самомъ главномъ для насъ вопросѣ, именно на вопросѣ о томъ, какъ нужно отнестись къ этой, такъ долго у насъ господствовавшей, системѣ обращенія съ точки зрѣнія кризисовъ. Начнемъ съ рѣшительнаго утвержденія, что бумажныя деньги съ точки зрѣнія кризисовъ заслуживаютъ полнаго осужденія, что трудно себѣ представить другую денежную систему, которая была бы столь неудовлетворительна въ этомъ отношеніи. Такъ, прежде всего, процессъ водворенія бумажныхъ денегъ въ странѣ является въ высшей степени болѣзненнымъ процессомъ; онъ является сплошнымъ состояніемъ денежнаго кризиса, выражающагося въ излишествѣ денегъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ какой-нибудь моментъ правительству нужно достать скоро и значительное количество денегъ. Если деньги нельзя достать путемъ займа, то правительство начинаетъ дѣлать бумажныя деньги. Очевидно, что здѣсь мотивомъ выпуска бумажныхъ денегъ служитъ не забота объ интересахъ оборота, не удовлетвореніе его усилившейся потребности въ деньгахъ, а потребности самого правительства, не имѣющія ничего общаго съ потребностями оборота въ деньгахъ. Разъ при подобныхъ условіяхъ выпущено извѣстное количество бумажныхъ денегъ, всегда наступитъ денежный кризисъ, ибо эти деньги для оборота будутъ ненужными; наступитъ паденіе цѣнности денегъ со всѣми его вредными послѣдствіями. Если въ странѣ бумажныя деньги выпускаются въ первый разъ, то денежный кризисъ будетъ смягченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ странѣ обращаются деньги металлическія, и что эти деньги могутъ уходить съ рынка и очищать мѣсто деньгамъ бумажнымъ. Въ этомъ случаѣ денежныя затрудненія будутъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока соотвѣтственное количество денегъ металлическихъ не уйдетъ изъ оборота данной страны. Сверхъ того, при такомъ положеніи вещей нѣтъ необходимости для бумажныхъ денегъ терять большую часть своей цѣны, такъ какъ и не особенно значительное пониженіе цѣнности денегъ поведетъ уже къ извлеченію звонкой монеты. Ежели первый выпускъ бумажныхъ денегъ не былъ настолько великъ, чтобы сразу сдѣлать ихъ единственными деньгами, при полномъ изгнаніи изъ оборота денегъ металлическихъ, то этотъ послѣдній результатъ непремѣнно наступитъ при послѣдующихъ выпускахъ и, конечно, съ бо́льшими или ме́ньшими потрясеніями народнаго хозяйства. Наконецъ, допустимъ, что бу-

мажныя деньги однѣ обращаются на рынкѣ, а денежныя нужды правительства могутъ требовать новыхъ выпусковъ. Въ послѣднемъ случаѣ денежные кризисы будутъ отличаться особой интенсивностью; все количество вновь выпущенныхъ бумажекъ должно непремѣнно войти въ оборотъ; бумажныя деньги, какъ деньги національныя, не могутъ оставить свою страну и тѣмъ предотвратить слишкомъ сильное паденіе ихъ цѣнности; равнымъ образомъ, онѣ не могутъ оставить денежный рынокъ другимъ путемъ, именно путемъ отвлеченія ихъ матеріала отъ денежнаго назначенія, ибо этотъ матеріалъ не годенъ ни на какое иное употребленіе. Разъ въ странѣ установилось бумажно-денежное обращеніе, то обыкновенно новые выпуски бумажныхъ денегъ имѣютъ мѣсто довольно часто. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ источникъ полученія денежныхъ средствъ становится въ высшей степени соблазнительнымъ; такъ скоро и легко при его помощи правительство можетъ получить деньги во всякомъ затруднительномъ положеніи. Вышеприведенная коротенькая исторія бумажныхъ денегъ въ Россіи подтверждаетъ эти положенія. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что при бумажно-денежномъ хозяйствѣ денежные кризисы, состоящіе въ излишествѣ денегъ, бываютъ не только обыкновенно глубокими, но и довольно частыми. Такъ неблагопріятно обстоитъ дѣло со стороны предложенія денегъ. Посмотримъ теперь, какъ обстоитъ дѣло со стороны спроса на деньги.

Со стороны спроса на деньги, бумажное обращеніе оказывается также вполнѣ неудовлетворительнымъ. Какъ мы уже знаемъ, спросъ на деньги является величиной часто колеблющейся. Поэтому наилучшей денежной системой будетъ та, которая обладаетъ наибольшей подвижностью, наибольшей приспособляемостью къ спросу на деньги. Что касается бумажныхъ денегъ, то онѣ отличаются наименьшей эластичностью. Очевидно, что бумажныя деньги принципіально не могутъ сообразоваться съ потребностями оборота, ибо основаніемъ для ихъ выпусковъ служатъ не эти потребности, а нужды правительства. Но еслибы даже правительство и пыталось здѣсь сообразоваться съ потребностями оборота, то все-же эти благія намѣренія не имѣли бы успѣшнаго осуществленія. Дѣло въ томъ, что никакое правительство не можетъ обладать такими знаніями, чтобы точно опредѣлять въ каждый моментъ потребности оборота въ деньгахъ; поэтому приспособляемость денегъ къ потребностямъ оборота можетъ быть достигнута не правительственными актами и рѣшеніями, а другимъ путемъ, именно путемъ автоматическимъ; денежная система

должна быть устроена такимъ образомъ, чтобы она могла расширяться или сокращаться самопроизвольно, подъ вліяніемъ самаго хода дѣлъ въ оборотѣ. Поэтому, хотя бумажно-денежныя страны наиболѣе сильно и часто страдаютъ отъ излишества денегъ, но все-же онѣ не избавлены и отъ кризисовъ другого рода, состоящихъ въ недостачѣ денегъ. Это состояніе кризиса возникаетъ тогда, когда давно уже не было выпусковъ бумажныхъ денегъ, а между тѣмъ богатство страны болѣе или менѣе ростетъ или же наступитъ какое-нибудь временное оживленіе въ оборотѣ страны; эта бóльшая работа, предъявляемая деньгамъ, можетъ быть и должна быть совершена тѣмъ же количествомъ бумажныхъ денегъ, но только съ повышеніемъ ихъ цѣнности; такое приспособленіе бумажныхъ денегъ къ потребностямъ оборота будетъ ощущаться какъ недостача денегъ. При бумажно-денежномъ хозяйствѣ и эти кризисы будутъ отличаться бóльшей интенсивностью, чѣмъ при обращеніи металлическомъ; эти кризисы не будутъ смягчены притокомъ денегъ изъ другихъ странъ или же увеличеніемъ денегъ въ странѣ путемъ передѣлки въ нихъ издѣлій; во всякомъ случаѣ, металлическія деньги не придутъ на помощь деньгамъ бумажнымъ до тѣхъ поръ, пока цѣнность бумажныхъ денегъ не только номинально, но и фактически не сравняется съ цѣнностью денегъ металлическихъ. Желаніе правительствъ помочь такимъ кризисамъ путемъ временныхъ выпусковъ, какъ мы уже говорили, не можетъ имѣть успѣха.

До сихъ поръ мы говорили о цѣнности денегъ (т.-е. объ ихъ мѣноспособности по отношенію ко всѣмъ другимъ товарамъ) только внутри страны, въ которой онѣ выпущены и обращаются. Теперь намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какъ идетъ международный обмѣнъ бумажно-денежной страны. Въ области этого обмѣна мы также найдемъ весьма сильныя неблагопріятныя послѣдствія, проистекающія отъ бумажно-денежнаго обращенія, притомъ такія послѣдствія, которыя затѣмъ отражаются тоже неблагопріятнымъ образомъ на условіяхъ и внутренняго оборота. Какъ всѣмъ извѣстно, бумажныя деньги не могутъ быть международнымъ платежнымъ средствомъ. Для погашенія международныхъ платежей нужны такія деньги, которыя признаются всѣмъ міромъ; поэтому бумажно-денежная страна должна пріобрѣтать для этихъ платежей деньги металлическія; отсюда объясняется то явленіе, что на бумажныя деньги покупаются деньги металлическія; обыкновенно при этомъ, за извѣстное количество денежныхъ единицъ въ металлѣ, платятъ бóльшее количество бумажныхъ единицъ; эта надбавка называется лажемъ.

Очевидно, лажъ есть выраженіе степени обезцѣненія бумажныхъ денегъ по сравненію съ металломъ: чѣмъ больше это обезцѣненіе, тѣмъ выше лажъ, и наоборотъ. Основными причинами обезцѣненія бумажныхъ денегъ по отношенію къ металлу нужно считать тѣ же причины, которыя ведутъ къ обезцѣненію бумажныхъ денегъ по отношенію ко всѣмъ другимъ товарамъ; а главной между этими причинами являются излишніе выпуски бумажныхъ денегъ. Но на лажъ вліяютъ весьма часто и довольно сильно еще многія другія причины.

Прежде всего на лажъ оказываетъ вліяніе международный платежный балансъ; если этотъ балансъ благопріятенъ для бумажно-денежной страны, то предъявляется усиленный спросъ на ея бумажки; въ такомъ случаѣ цѣна бумажныхъ денегъ повышается, лажъ падаетъ. При неблагопріятномъ платежномъ балансѣ наступаютъ обратныя явленія. Измѣненія же въ платежномъ балансѣ бываютъ очень частыми; эти измѣненія имѣютъ мѣсто не только по годамъ и по мѣсяцамъ, но даже и по недѣлямъ и днямъ; дѣйствительно, каждый биржевой день можетъ давать особыя условія спроса на бумажныя деньги для международныхъ расплатъ. Другой значительной причиной, вліяющей на высоту лажа, является степень довѣрія, особенно со стороны иностранной публики, къ финансовому положенію бумажно-денежной страны. Если это довѣріе колеблется, если, напр., возникаютъ опасенія, что финансовое положеніе страны можетъ ухудшиться и она должна будетъ опять прибѣгнуть къ выпуску бумажныхъ денегъ, то цѣна (т.-е. отношеніе бумажныхъ денегъ къ металлическимъ) упадетъ, лажъ поднимется. Очевидно, что эта причина является въ высшей степени измѣнчивой. Прежде всего, самъ элементъ довѣрія или недовѣрія является капризнымъ психологическимъ факторомъ; а кромѣ того, тѣ объективныя обстоятельства, по которымъ публика судитъ о финансовомъ положеніи государствъ, являются довольно неопредѣленными и часто публикѣ мало извѣстными. Наконецъ, можно указать еще и на спекуляцію, какъ на причину измѣненій въ высотѣ лажа: бумажныя деньги, какъ и всякая цѣнность, измѣняющаяся время отъ времени въ своей величинѣ, служатъ очень хорошимъ объектомъ биржевой игры, которая, конечно, должна, въ свою очередь, вліять на цѣну бумажныхъ денегъ. Такъ какъ всѣ эти причины, вліяющія на высоту лажа, въ высшей степени измѣнчивы, то, слѣдовательно, въ такой же степени является измѣнчивой и цѣна бумажныхъ денегъ.

Постоянныя измѣненія лажа отражаются неблагопріятнымъ

образомъ прежде всего на самомъ международномъ обмѣнѣ; обмѣнъ этотъ, вслѣдствіе колебаній въ лажѣ, ведетъ то къ неожиданнымъ выигрышамъ, то къ неожиданнымъ потерямъ для его участниковъ; то вывозъ становится особенно выгоднымъ, то ввозъ; словомъ, международная торговля до значительной степени становится игрой. Однако, измѣненія въ лажѣ отражаются и на внутреннемъ оборотѣ: тамъ, подъ вліяніемъ колебанія въ лажѣ, происходятъ измѣненія въ цѣнности денегъ, а слѣдовательно, нѣкоторыя денежныя затрудненія. Лажъ отражается на цѣнности денегъ внутри страны чрезъ посредство ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ; на этихъ товарахъ всѣ измѣненія въ лажѣ, конечно, отражаются непосредственно и тотчасъ же; ввозимые же, напр., товары могутъ быть средствомъ производства другихъ товаровъ; поэтому-то обстоятельство, достанутся ли такіе товары странѣ дорого или дешево, въ зависимости отъ лажа, отразится соотвѣтственно на всѣхъ тѣхъ туземныхъ товарахъ, по отношенію къ которымъ иностранные товары являются средствомъ производства. Словомъ, въ лажѣ для бумажно-денежной страны будетъ постоянный источникъ колебаній цѣнности ея денегъ и внутри страны.

Такимъ образомъ, если мы къ тѣмъ причинамъ, которыя вліяютъ на цѣнность бумажныхъ денегъ, независимо отъ международнаго обмѣна, присоединимъ еще сейчасъ указанныя причины, вліяющія на лажъ, то мы будемъ имѣть полное основаніе утверждать, что въ бумажно-денежной странѣ не бываетъ устойчиваго и спокойнаго состоянія въ денежномъ дѣлѣ, что въ ней постоянно ощущаются болѣе или менѣе сильныя денежныя затрудненія; эти „кризисы“ могутъ быть выражены то рѣзко, то слабо, но они дѣлаются хронической болѣзнью. Поэтому только полное незнаніе условій бумажно-денежнаго обращенія можетъ позволить утверждать, что бумажно-денежную систему можно считать системой удовлетворительной, съ точки зрѣнія денежныхъ кризисовъ, и что, поэтому, переходъ Россіи къ металлическому обращенію не является одной изъ лучшихъ экономическихъ реформъ послѣдняго времени. Мы не будемъ утверждать, что даже наиболѣе искусныя системы металлическаго обращенія вполнѣ устраняютъ денежные кризисы; мы не будемъ утверждать и того, что наша послѣдняя денежная реформа отличается одними только совершенствами,—но намъ кажется несомнѣннымъ, что современная русская денежная система, съ точки зрѣнія денежныхъ кризисовъ, несравненно выше устраненной бумажно-денежной системы.

III.

Мы показали выше, какъ въ высшей степени невыгодно бумажно-денежное обращеніе съ точки зрѣнія кризисовъ, гдѣ бы и когда бы оно ни установилось; мы показали, въ частности, и то, какъ долго и сильно страдало русское народное хозяйство отъ неустойчивости бумажныхъ денегъ. Теперь намъ предстоитъ заняться вопросомъ о томъ, какъ обстоитъ дѣло съ кризисами при металлическомъ обращеніи вообще и въ частности при томъ видѣ металлическаго обращенія, который установленъ въ Россіи во время послѣдней реформы, именно въ 1895—1898 гг.

Металлическія системы, какъ извѣстно, могутъ быть довольно разнообразными. Главнѣйшими изъ нихъ являются серебряный монометаллизмъ, биметаллизмъ и золотой монометаллизмъ. Вопросъ о томъ, какая изъ этихъ системъ лучше вообще и съ точки зрѣнія кризисовъ въ частности, можетъ быть разрѣшаемъ по отношенію ко всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, многимъ цивилизованнымъ странамъ, или же по отношенію къ какой-нибудь отдѣльной странѣ. Международная денежная система для своего осуществленія предполагаетъ, конечно, соглашеніе между многими странами. Еслибы состоялось такое международное соглашеніе, то, по всей вѣроятности, биметаллизмъ былъ бы признанъ лучшей монетной системой. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы всѣмъ цивилизованнымъ міромъ (или, по крайней мѣрѣ, бо́льшей частью его) былъ признанъ биметаллизмъ, то устранились бы тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ въ настоящее время его введенію въ отдѣльной странѣ. Отдѣльная страна въ наше время не можетъ установить у себя фактически биметаллизмъ, потому что серебро весьма сильно подешевѣло и продолжаетъ дешевѣть. Вслѣдствіе этого, еслибы какая-нибудь страна въ наше время имѣла биметаллическую систему или вновь ее ввела, то такая страна въ скоромъ времени осталась бы фактически при серебряномъ только обращеніи; дешевыя серебряныя деньги заполнили бы рынокъ, а дорогія золотыя ушли бы изъ обращенія.

Еслибы былъ введенъ международный биметаллизмъ, то указанная трудность установленія биметаллизма въ одной странѣ была бы почти совсѣмъ отстранена. Во-первыхъ, въ этомъ случаѣ серебро не стало бы такъ дешевѣть, какъ оно дешевѣетъ въ настоящее время. Серебро подешевѣло отъ двухъ причинъ: вслѣдствіе обильной его добычи и вслѣдствіе его де-

монетизаціи во многихъ странахъ, перешедшихъ и переходящихъ къ золотому монометаллизму. Съ введеніемъ международнаго биметаллизма, вторая причина обезцѣненія серебра совсѣмъ отпала бы, а первая очень сильно ослабѣла бы въ своемъ значеніи, такъ какъ усилился бы спросъ на серебро. Затѣмъ, во-вторыхъ, еслибы биметаллизмъ былъ международнымъ, то не было бы столь сильнаго исчезновенія изъ обращенія золотой монеты, какое бываетъ въ томъ случаѣ, когда биметаллизмъ имѣетъ мѣсто только въ одной или немногихъ странахъ. Въ самомъ дѣлѣ, при международномъ биметаллизмѣ золото вездѣ будетъ имѣть одно и то же законное отношеніе къ серебру; слѣдовательно, золотая монета не будетъ переходить изъ одной страны въ другую по той причинѣ, что въ одной странѣ законная оцѣнка золота по отношенію къ серебру ниже, чѣмъ въ другой, или просто ниже дѣйствительнаго отношенія между цѣнностями обоихъ металловъ. Ежели будетъ основаніе для исчезновенія золотой монеты изъ обращенія, то она должна направиться только въ издѣлія. Такимъ образомъ, можно думать, что биметаллизмъ, какъ международное явленіе, существовалъ бы не только въ денежныхъ законахъ, но и на самомъ дѣлѣ.

Съ точки зрѣнія кризисовъ международный биметаллизмъ былъ бы явленіемъ болѣе благопріятнымъ, чѣмъ тотъ или другой монометаллизмъ. Удовлетвореніе денежной потребности обществъ тогда было бы болѣе обезпечено; оно основывалось бы на двухъ металлахъ; недостача въ добываніи одного металла восполнялась бы другимъ; недостача или обиліе въ какомъ-нибудь одномъ металлѣ даже не ощущалась бы очень сильно, такъ какъ дѣйствіе недостачи или обилія должно бы тогда распространяться на огромный запасъ того или другого металла, принадлежащій всѣмъ странамъ, принявшимъ биметаллизмъ.

По указаннымъ основаніямъ можно желать осуществленія идеи международнаго биметаллизма. Но, къ сожалѣнію, въ наше время шансы на международное соглашеніе о биметаллизмѣ еще весьма невелики. Поэтому отдѣльная страна, производящая въ наше время денежную реформу (напр., по случаю перехода отъ бумажно-денежнаго обращенія къ металлическому), должна остановиться на монометаллизмѣ. Не трудно видѣть, однако, что этотъ монометаллизмъ не можетъ быть серебрянымъ. Въ настоящее время, важнѣйшія въ экономическомъ отношеніи страны уже ввели у себя золотое обращеніе. Поэтому страна съ вновь введенной серебряной валютой оказалась бы въ изолированномъ положеніи, и въ такой странѣ происходило бы частое обезцѣне-

ніе денегъ, вслѣдствіе обезцѣненія матеріала, изъ котораго дѣлались бы деньги. Во внутреннемъ оборотѣ такой страны замѣчались бы явленія, подобныя явленіямъ въ бумажно-денежной странѣ, а именно: съ каждымъ новымъ обезцѣненіемъ серебра увеличивалось бы количество денегъ въ странѣ, и цѣнность ихъ падала бы; происходили бы затѣмъ разнообразныя имущественныя потрясенія, вызываемыя обезцѣненіемъ денегъ. Эти явленія кризисовъ отличались бы значительной интенсивностью, потому что не было бы того смягченія кризисовъ, которое достигается переходомъ денегъ изъ одной страны въ другую; въ другихъ странахъ, именно въ тѣхъ странахъ, обмѣнъ съ которыми отличается особой оживленностью, установилось уже золотое обращеніе, и потому серебряныя деньги тамъ не принимались бы охотно. Въ международномъ обмѣнѣ на серебряныя деньги пришлось бы покупать чужія золотыя деньги, для расплатъ съ другими странами, или же другія страны покупали бы серебряныя деньги, для расплатъ съ той страной, въ которой эти деньги господствуютъ. Такимъ образомъ, отъ бо̀льшаго или мѐньшаго спроса на деньги серебряныя зависѣло бы отношеніе ихъ къ иностраннымъ золотымъ; всякое благопріятное или неблагопріятное положеніе денежнаго и вексельнаго курса стремилось бы отразиться непосредственно на цѣнахъ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, а затѣмъ, черезъ посредство этихъ товаровъ, и вообще на цѣнности денегъ внутри страны. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что указанныя колебанія цѣнности денегъ серебряныхъ не были бы столь значительны, какъ колебанія денегъ бумажныхъ. Все-же деньги серебряныя были бы лучше денегъ бумажныхъ, именно потому, что количество ихъ не можетъ быть произвольно увеличиваемо правительствами, такъ какъ производство этихъ денегъ стоитъ опредѣленныхъ значительныхъ расходовъ, состоящихъ главнымъ образомъ въ расходѣ на пріобрѣтеніе матеріала. Затѣмъ серебряныя деньги выгоднѣе были бы бумажныхъ и потому еще, что онѣ дѣлаются изъ матеріала, годнаго не только для денежнаго, но и для иныхъ употребленій. Поэтому опять кризисы при серебряной валютѣ были бы мягче, чѣмъ при бумажныхъ деньгахъ, потому что нѣкоторой части излишнихъ денегъ открывалась бы возможность передѣлки въ издѣлія. По этой же причинѣ въ международномъ обмѣнѣ курсъ серебряныхъ денегъ не падалъ бы ниже цѣнности серебра, въ нихъ заключеннаго, ибо серебро, какъ матеріалъ для издѣлій, было бы цѣнимо и иностранцами. Но, какъ бы то ни было, для современнаго культурнаго государства, находящагося

въ экономическомъ общеніи съ другими культурными государствами, лучшими деньгами будутъ деньги золотыя. Сейчасъ мы и покажемъ, почему золотой валютѣ съ точки зрѣнія кризисовъ должно отдать предпочтеніе, причемъ сначала мы будемъ говорить о чистой золотой валютѣ, безъ примѣси бумажныхъ орудій обращенія, а затѣмъ о смѣшанномъ золотомъ обращеніи, въ которомъ имѣютъ мѣсто особые бумажные замѣстители денегъ подъ видомъ банковыхъ билетовъ.

Ежели многія страны приняли золотую валюту, то положеніе денежнаго дѣла въ нихъ зависитъ прежде всего отъ условій предложенія золота. Быть можетъ, золота во всемъ мірѣ добывается слишкомъ мало или слишкомъ много. Быть можетъ, добыча его идетъ какими-нибудь неправильными скачками. Все это должно вліять на устойчивость золотого обращенія во всѣхъ странахъ, его принявшихъ. Еслибы золота добывалось слишкомъ мало и притомъ добыча его постепенно уменьшалась, то страны съ золотымъ обращеніемъ, при неуменьшающейся, а, по всей вѣроятности, даже увеличивающейся потребности въ деньгахъ, должны бы постоянно ощущать недостатокъ въ деньгахъ. Наоборотъ, еслибы золота производилось слишкомъ много и, притомъ, добыча его все увеличивалась, то страны съ золотымъ обращеніемъ должны бы постоянно терпѣть отъ обилія денегъ. Еслибы, наконецъ, производство золота шло значительными скачками, то состояніе недостачи и обилія денегъ появлялось бы только по временамъ.

Нельзя отрицать того обстоятельства, что условія предложенія золота не являются вполнѣ благопріятными. Одно время получило даже значительное распространеніе то мнѣніе, что уменьшеніе добычи золота уже началось или должно начаться въ ближайшемъ будущемъ, и что такое положеніе вещей грозитъ серьезными потрясеніями странамъ съ золотымъ обращеніемъ. Въ настоящее время, однако, это пессимистическое мнѣніе можно считать преувеличеннымъ. Во всякомъ случаѣ, статистика добычи золота показываетъ, что производство золота все еще увеличивается и что трудно указать время, когда оно будетъ уменьшаться въ чувствительныхъ размѣрахъ. Но все же мысль о томъ, что чрезъ болѣе или менѣе продолжительное время золотоносные источники истощатся, нельзя считать вполнѣ неправильной. Наоборотъ, это положеніе, при существующихъ нашихъ знаніяхъ о минеральныхъ богатствахъ, можно считать очень вѣроятнымъ. Но если въ то время, когда наступитъ значительное истощеніе золотыхъ источниковъ, общество еще будетъ имѣть денежную организацію хозяйства, то тогда оно будетъ вынуж-

дено удовлетворять свою денежную потребность не однимъ только золотомъ, но и серебромъ. Золотое обращеніе, между прочимъ, тѣмъ и выгодно, что какое-нибудь серьезное затрудненіе въ немъ затронетъ многія и притомъ самыя богатыя страны, заставитъ эти страны сообща бороться въ общимъ бѣдствіемъ, облегчитъ, напр., установленіе международнаго биметаллизма. Какъ бы то ни было, въ наше время нельзя еще говорить о серьезной недостачѣ въ золотѣ. Что касается вопроса о такомъ общемъ излишествѣ золота, которое серьезно разстроивало бы обращеніе въ странахъ съ золотою валютою, то онъ для послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій разрѣшается отрицательно. Та же статистика добычи золота показываетъ, что въ послѣднія два-три десятилѣтія количество добываемаго во всемъ мірѣ золота хотя и ростетъ, но довольно медленно.

Затрудненія въ денежномъ дѣлѣ при золотомъ обращеніи возникаютъ также отъ неравномѣрнаго распредѣленія добычъ золота по годамъ, отъ ежегодныхъ колебаній количествъ добытаго на всемъ земномъ шарѣ металла. Такъ, въ 50-хъ—70-хъ годахъ настоящаго столѣтія на европейскіе рынки хлынуло австралійское золото и произвело значительныя колебанія въ цѣнности золотыхъ денегъ,—именно, цѣнность этихъ денегъ пала; вслѣдствіе этого цѣны на всѣ товары замѣтно возросли; западно-европейская промышленность впала въ состояніе искусственнаго оживленія. Но затѣмъ, когда обильная добыча золота стихла или когда денежные рынки къ ней приспособились, европейская промышленность впала въ противоположное состояніе застоя, депрессіи. Поэтому правы тѣ изслѣдователи, которые указываютъ на эти денежныя условія, какъ на одинъ изъ факторовъ почти всеобщаго промышленнаго угнетенія западно-европейской промышленности 70-хъ—80-хъ годовъ XIX столѣтія.

Однако, эти колебанія въ цѣнности денегъ, вызванныя неравномѣрной добычей золота, по своей частости и интенсивности не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣми колебаніями, которыя встрѣчаются при бумажно-денежномъ обращеніи. Прежде всего, производство золота не зависитъ отъ произвола правительствъ; производство золота и его бòльшее или мèньшее предложеніе зависитъ отъ нѣкоторыхъ условій, стоящихъ внѣ вліяній правительствъ (напр., обиліе розсыпей, улучшеніе въ техникѣ и т. п.). Правда, эти условія не являются сами по себѣ вполнѣ устойчивыми. Но, во-первыхъ, ихъ колебанія съ теченіемъ времени становятся все менѣе и менѣе вѣроятными; такъ, нѣдра земли все болѣе и болѣе становятся извѣстны людямъ, и

потому все менѣе и менѣе будутъ вѣроятными открытія новыхъ и богатыхъ золотыхъ источниковъ. Затѣмъ, то изобиліе предложенія золота, которое можетъ быть результатомъ улучшенія условій производства, конечно, никогда не сравняется съ той массой бумажныхъ денегъ, которую могутъ выпустить правительства нѣсколькихъ государствъ. Наконецъ, нѣкоторое излишество противъ средней нормы во вновь добытомъ золотѣ дѣйствуетъ на всю массу міроваго запаса его, заключающагося въ деньгахъ и издѣліяхъ, и потому ежегодныя колебанія въ добычѣ золота не могутъ дѣйствовать такъ сильно на цѣнность золотыхъ денегъ, какъ новые выпуски бумажныхъ денегъ, дѣйствіе которыхъ ограничено предѣлами только одной страны и только денежной сферой.

До сихъ поръ мы говорили о томъ, что условія предложенія золота не ведутъ къ особенно сильнымъ потрясеніямъ въ денежномъ дѣлѣ всѣхъ тѣхъ странъ, которыя приняли золотое обращеніе. То же слѣдуетъ сказать и по отношенію ко всякой отдѣльной странѣ съ золотой валютой; и въ каждой странѣ, взятой отдѣльно, не можетъ быть особенно рѣзкихъ колебаній въ количествѣ и цѣнности денегъ. Измѣненія въ условіяхъ предложенія золота непосредственно и ближайшимъ образомъ отражаются на тѣхъ странахъ, которыя добываютъ золото. Усиленная добыча золота въ какой-нибудь странѣ, конечно, сейчасъ же нѣсколько понижаетъ цѣнность золотыхъ денегъ этой страны; но это паденіе цѣнности денегъ не будетъ слишкомъ глубокимъ,—напр., такимъ, которое замѣчается въ бумажно-денежной странѣ послѣ обильнаго выпуска бумажныхъ денегъ. Сильнаго паденія цѣнности денегъ не будетъ потому, что весьма скоро начнется процессъ удаленія излишнихъ золотыхъ денегъ въ издѣлія или въ чужія страны; золото не будетъ оставаться въ дешевыхъ деньгахъ страны, оно будетъ искать для себя болѣе дорогого помѣщенія; это болѣе дорогое помѣщеніе оно найдетъ или въ какомъ-нибудь промышленномъ назначеніи, или же въ чужихъ странахъ, въ качествѣ денегъ же, но съ болѣе высокой оцѣнкой при обмѣнѣ на товары, или въ ссудахъ. Наоборотъ, сильное сокращеніе добычи золота въ какой-нибудь отдѣльной странѣ вызоветъ притокъ золота изъ чужихъ странъ или изъ издѣлій той же страны. Такъ золото распредѣляется по всему міру и его оцѣнка въ разныхъ странахъ стремится къ одинаковому уровню.

Колебанія въ цѣнности денегъ могутъ быть вызваны еще колебаніями въ спросѣ на нихъ. Спросъ на деньги во всемъ мірѣ и въ отдѣльной странѣ также не является величиной устойчивой. Но можно съ увѣренностью утверждать, что золотыя деньги

будутъ болѣе приспособлены къ этимъ колебаніямъ, чѣмъ всякія другія (международный биметаллизмъ, какъ мало нынѣ осуществимый, оставляется въ сторонѣ). Во всемъ мірѣ спросъ на деньги болѣе или менѣе правильно идетъ вверхъ, вслѣдствіе все болѣе и болѣе ростущаго объема обращающихся богатствъ, принадлежащихъ современнымъ народамъ. Этому усиливающемуся спросу соотвѣтствуетъ въ наше время все еще ростущая добыча золота на всемъ земномъ шарѣ, и, какъ мы уже говорили, трудно указать время, когда наступитъ дисгармонія въ обоихъ этихъ движеніяхъ. Что касается отдѣльныхъ странъ, то, конечно, и въ нихъ замѣчаются колебанія въ спросѣ на деньги (напр. вслѣдствіе реализаціи жатвы въ земледѣльческихъ странахъ, вслѣдствіе усиленнаго спроса на деньги по случаю войны и т. п.); и по отдѣльнымъ странамъ проистекающія отсюда колебанія въ цѣнности денегъ при золотомъ обращеніи будутъ меньшими, чѣмъ при всякомъ другомъ; въ этомъ случаѣ деньги, ставшія излишними вслѣдствіе уменьшенія спроса на нихъ, могутъ уйти за границу или въ издѣлія; недостача же въ деньгахъ будетъ пополняться и исправляться обратными процессами.

Итакъ, оказывается, что при чистомъ золотомъ обращеніи все-же возможны денежные кризисы, хотя бы и не особенно большой интенсивности. Поэтому нельзя считать эту денежную систему, съ точки зрѣнія кризисовъ, наиболѣе совершенной системой. Наиболѣе совершенной денежной системой будетъ смѣшанная система, въ которой дано должное мѣсто бумажнымъ замѣстителямъ денегъ, обыкновенно называемымъ банковыми билетами.

Нѣкоторая сумма золотыхъ денегъ (всегда бо̀льшая ихъ часть) является безусловно необходимой для даннаго народнаго хозяйства. Другая же часть золотыхъ денегъ является колеблющейся время отъ времени въ зависимости отъ измѣненій въ предложеніи и спросѣ денегъ. Такъ какъ эти колебанія въ приливѣ и отливѣ денегъ, какъ мы недавно видѣли, сопровождаются болѣе или менѣе сильными и болѣе или менѣе продолжительными денежными затрудненіями, то было бы въ высшей степени выгодно замѣнить эту часть денегъ какими-нибудь легко подвижными знаками,—такими знаками, которые скоро могли бы появляться на рынкѣ и столь же скоро съ него удаляться, въ зависимости отъ измѣненій въ потребности и спросѣ на орудія обращенія. Такіе знаки давно уже изобрѣтены и названы банковыми билетами. Дѣло устроивается слѣдующимъ образомъ. Право выпускать банковые билеты, т.-е. безпроцентныя обязательства банка на предъявителя, дается

государствомъ обыкновенно одному, центральному банку въ странѣ. Банкъ выпускаетъ эти билеты обыкновенно при ссудахъ своимъ кліентамъ, замѣняя ими выдачу металлическими деньгами. Чтобы исполнить свое обѣщаніе объ уплатѣ (размѣнѣ) всякаго предъявленнаго билета, банкъ, очевидно, долженъ имѣть всегда наготовѣ нѣкоторую сумму наличными деньгами. Но эта сумма можетъ быть гораздо меньше всей суммы билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе, потому что въ каждый данный моментъ предъявляется къ оплатѣ (размѣну) только нѣкоторая часть билетовъ. Опытъ показалъ, что если банкъ держитъ въ металлической наличности, напр., $1/3$ часть всей суммы выпущенныхъ билетовъ, то онъ достаточно обезпеченъ въ безостановочномъ размѣнѣ предъявляемыхъ билетовъ.

По отношенію къ денежному обращенію, отъ такой системы получается весьма выгодный результатъ. Банковые билеты весьма охотно принимаются публикой (вслѣдствіе удобства въ счетѣ, переносѣ и т. п.), и потому очень способны замѣнять въ платежахъ звонкую монету. При смѣшанномъ обращеніи такимъ образомъ потребность въ денежныхъ знакахъ удовлетворяется, во-первыхъ, монетой и, во-вторыхъ, банковыми билетами. Банковые билеты въ хорошо устроенной денежной системѣ могутъ быть болѣе или менѣе свободно увеличиваемы въ своемъ количествѣ, хотя, правда, ни въ одномъ изъ государствъ въ наше время не встрѣчается полной свободы въ выпускѣ билетовъ. Что касается уменьшенія количества обращающихся билетовъ, то оно всегда можетъ имѣть мѣсто, потому что публика всегда можетъ ихъ возвратить банку чрезъ предъявленіе къ размѣну или при платежахъ банку. При такомъ положеніи вещей многія измѣненія въ количествѣ орудій обращенія могутъ совершаться на счетъ билетной циркуляціи. Такъ, если спросъ на орудія обращенія увеличивается, то это не ведетъ къ повышенію цѣнности денегъ и къ слѣдующему затѣмъ увеличенію ихъ количества довольно медленными процессами передѣлки издѣлій или притока изъ-за границы. Дѣло ограничивается быстрымъ и почти автоматическимъ увеличеніемъ числа банковыхъ билетовъ. Дѣловая публика, напр., при оживленіи промышленности начинаетъ чувствовать усиленную потребность въ орудіяхъ обращенія; въ такомъ случаѣ публика обращается въ банкъ за ссудами, и получаетъ эти ссуды билетами; всякая новая реальная и болѣе или менѣе солидная сдѣлка, сама дающая работу денежнымъ знакамъ, можетъ разсчитывать на поддержку кредитомъ со стороны банка; слѣдовательно, по мѣрѣ усиленія потребности въ денежныхъ знакахъ, тот-

часъ же и автоматически увеличивается количество денежныхъ знаковъ. Наоборотъ, уменьшеніе потребности въ денежныхъ знакахъ часто не сопровождается уменьшеніемъ металлическихъ денегъ въ странѣ, а ведетъ только къ сокращенію билетной циркуляціи; излишніе билеты легко возвращаются банку той же дѣловой публикой при уплатѣ долговъ банку или просто предъявленіемъ билетовъ къ размѣну; возвращенные такимъ образомъ билеты, до поры до времени, не требуются вновь публикой, вслѣдствіе уменьшившейся потребности въ денежныхъ знакахъ. Такимъ образомъ оказывается, что смѣшанная система (золотая валюта въ соединеніи съ банковыми билетами) обладаетъ наибольшей приспособляемостью къ измѣненіямъ въ денежной потребности общества, обладаетъ, какъ обыкновенно выражаются, наибольшей эластичностью; эта смѣшанная система, слѣдовательно, является и наилучшей денежной системой съ точки зрѣнія денежныхъ кризисовъ.

Слѣдуетъ, однако, признать, что и смѣшанная система не вполнѣ устраняетъ денежныя затрудненія. Мы утверждаемъ только то, что при этой системѣ денежныя затрудненія будутъ наиболѣе рѣдкими и наиболѣе слабыми. Такъ, напр., если въ какой-нибудь странѣ добыча золота очень сильно увеличилась, то вновь добытое золото войдетъ въ оборотъ отчасти той же страны, отчасти другихъ странъ, и повліяетъ неблагопріятнымъ образомъ на цѣнность денегъ. Но при смѣшанной системѣ денежныя затрудненія въ указанномъ случаѣ будутъ очень легкими, такъ какъ вновь появившемуся золоту будетъ очищено мѣсто сокращеніемъ билетной циркуляціи. Или предположимъ еще, что правительство должно сдѣлать большой платежъ за границей,—слѣдовательно, металломъ; въ такомъ случаѣ внутри страны произойдетъ нѣкоторое стѣсненіе въ деньгахъ. Но это стѣсненіе, опять, не будетъ очень значительнымъ при смѣшанной системѣ, потому что недостача въ деньгахъ скоро и, быть можетъ, вполнѣ будетъ покрыта новыми выпусками банковыхъ билетовъ. Итакъ, колебанія въ денежномъ дѣлѣ имѣютъ мѣсто и при смѣшанной системѣ; только они бываютъ здѣсь легкими; они похожи на легкую рябь въ обширномъ океанѣ, а не на бурныя волны въ небольшомъ озерѣ, какъ при бумажно-денежномъ обращеніи.

Теперь мы посмотримъ, нѣтъ ли въ современной русской денежной системѣ какихъ-либо особыхъ недостатковъ, могущихъ вести къ денежнымъ кризисамъ бо̀льшей силы и бо̀льшей интенсивности, чѣмъ это можетъ быть во всякой другой странѣ по

неизбѣжнымъ несовершенствамъ въ устройствѣ денежнаго дѣла. Къ сожалѣнію, такіе недостатки у насъ имѣются.

IV.

Обращаясь къ разсмотрѣнію господствующей теперь у насъ денежной системы, мы прежде всего должны возстановить въ памяти читателя основные моменты реформы 1895—1898 гг. Это для насъ тѣмъ болѣе необходимо, что въ самомъ способѣ перехода отъ бумажно-денежнаго обращенія къ металлическому, по нашему мнѣнію, заключались элементы для денежныхъ затрудненій.

Какъ мы напомнили уже выше, со второй половины пятидесятыхъ годовъ до 1895 г. въ Россіи господствовало исключительно бумажно-денежное обращеніе. Бумажныя деньги были выпущены въ такихъ большихъ количествахъ, что деньги металлическія совсѣмъ были оттѣснены ими изъ внутренняго обращенія, если не считать небольшого количества размѣнной серебряной и мѣдной монеты. Такимъ образомъ, только на бумагѣ, только въ монетномъ уставѣ было изображено, что денежной единицей въ Россіи является серебряный рубль; на самомъ же дѣлѣ серебряные рубли внутри страны не обращались и нельзя имъ было обращаться, потому что серебряный рубль внутри страны долженъ былъ имѣть хожденіе наравнѣ съ рублемъ бумажнымъ,—между тѣмъ рубль серебряный былъ цѣннѣе рубля бумажнаго, если не во все время бумажно-денежнаго обращенія, то, по крайней мѣрѣ, до 90-хъ годовъ. Когда же, въ началѣ 90-хъ годовъ, вслѣдствіе сильнаго обезцѣненія серебра, рубль серебряный сталъ дешевле рубля бумажнаго, то правительство въ 1893 г. прекратило чеканку серебряной монеты для частныхъ лицъ и запретило ввозъ всякой иностранной серебряной монеты. Въ это время въ правительственныхъ сферахъ предрѣшенъ былъ уже вопросъ о переходѣ къ золотой валютѣ и потому не желали наводнять рынокъ дешевой серебряной монетой. Кромѣ того, при указанныхъ условіяхъ свободная чеканка серебра повела бы къ обезцѣненію денегъ въ Россіи, вслѣдствіе наплыва серебра,—слѣдовательно, къ пониженію цѣнности даже и бумажныхъ денегъ. Что касается золота, то во время бумажно-денежнаго обращенія, его положеніе состояло въ слѣдующемъ. Золотыя деньги никогда прежде, до послѣдней реформы, не были законнымъ платежнымъ средствомъ, т.-е. не принад-

лежали къ валютѣ; во весь періодъ съ 1810 г. и до послѣдней реформы законнымъ платежнымъ средствомъ (кромѣ рубля бумажнаго) былъ рубль серебряный; другими словами, во весь этотъ періодъ мы имѣли серебряный монометаллизмъ. Тѣмъ не менѣе, правительство съиздавна чеканило золотыя деньги главнымъ образомъ для расплатъ съ западно-европейскими государствами. Пока металлическія деньги не были изгнаны съ русскаго денежнаго рынка бумажными, золотыя деньги обращались на-ряду съ серебряными и внутри страны, но пріемъ ихъ былъ основанъ на свободномъ соглашеніи. Пока государственные кредитные билеты, введенные вмѣсто ассигнацій реформой гр. Канкрина, были размѣнны, предъявителямъ кредитныхъ билетовъ изъ государственныхъ кассъ выдавали и золотую монету. Но такъ какъ золотыя деньги не были обязательнымъ платежнымъ средствомъ, то выдача ихъ со стороны государственныхъ кассъ, а равно и пріемъ со стороны предъявителя кредитнаго билета, не были обязательны, основывались на доброй волѣ той и другой стороны. Когда серебряныя деньги были вытѣснены изъ внутренняго оборота, то тѣмъ болѣе не могли обращаться деньги золотыя; онѣ стали товаромъ, который покупался или продавался по цѣнѣ, принятой сторонами. Какъ товаръ, золотыя деньги во все время господства бумажно-денежнаго обращенія играли немалую роль, такъ какъ были необходимы для международныхъ расплатъ.

Реформа 1895—1898 гг. взяла на себя великую задачу ввести во внутренній оборотъ Россіи—вмѣсто неустойчивой бумажно-денежной единицы—устойчивую металлическую. Но, кромѣ этой главной задачи, наша реформа разрѣшила еще одинъ крупный вопросъ,—именно, вопросъ о самой системѣ металлическаго обращенія. Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, былъ разрѣшенъ въ пользу золотого монометаллизма. Вглядимся нѣсколько внимательнѣе въ тѣ пріемы, которыми были осуществлены эти задачи.

Конечно, нельзя ожидать, что столь крупныя реформы, какъ наша денежная, могутъ быть совершены вдругъ, безъ предварительныхъ подготовительныхъ мѣръ; такія мѣры являются существенно необходимыми. Можно указать и по отношенію къ нашей реформѣ цѣлый рядъ подготовительныхъ мѣръ. Главнѣйшія изъ нихъ состояли въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, необходимо было накоплять внутри страны запасъ металла; это накопленіе дѣлалось подъ видомъ накопленія размѣннаго фонда. Разными путями (путемъ займовъ, покупки металла и т. п.) правительству удалось накопить къ 1 января 1897 г. огромный размѣн-

ный фондъ въ суммѣ 500 милл. руб. Затѣмъ, второй рядъ подготовительныхъ мѣръ заключался въ томъ, что серебро оттѣснялось, и расчищалось мѣсто для золота. Для этого размѣнный фондъ накоплялся въ золотѣ, таможенныя пошлины вносились золотомъ, свободная чеканка серебряныхъ денегъ въ 1893 г. была пріостановлена. Наконецъ, въ 1895 г. была принята самая серьезная подготовительная мѣра, именно дозволеніе совершать сдѣлки на золотую валюту, причемъ платежъ по такимъ сдѣлкамъ долженъ былъ совершаться или золотой монетой, или кредитными билетами по курсу на золото въ день дѣйствительнаго платежа. Тѣмъ же закономъ министру финансовъ было предоставлено разрѣшать пріемъ золотой монеты по курсу, назначенному министромъ, въ нѣкоторыхъ платежахъ казнѣ; вскорѣ золотую монету стали принимать во всѣ платежи, а также выдавать изъ государственныхъ учрежденій желающимъ. Что касается курса, по которому принималась и выдавалась золотая монета, то онъ былъ назначенъ министромъ финансовъ въ 7 р. 40 коп. за полуимперіалъ (чекана 1885 г.), а затѣмъ вскорѣ (въ декабрѣ 1895 г.)—въ 7 р. 50 коп.; этотъ курсъ затѣмъ остался неизмѣннымъ до завершенія реформы. Благодаря указаннымъ сейчасъ мѣрамъ о дозволеніи сдѣлокъ на золото и о пріемѣ его въ казенныхъ платежахъ, была открыта возможность для золота проникнуть въ обращеніе. То золото, которое добывалось внутри страны, могло не уходить изъ нея; возможенъ сталъ приливъ золота изъ-за границы; правительство могло выпустить свои золотые запасы въ обращеніе, чтобы пріучить населеніе къ золоту, причемъ могло не бояться, что немедленно это золото уйдетъ за границу. Этотъ законъ 1895 г. (8-го мая) безповоротно предрѣшилъ два основныхъ пункта реформы: именно, во-первыхъ, что будетъ введено золотое обращеніе, и затѣмъ, что переходъ отъ бумажно-денежнаго обращенія къ золотому будетъ совершенъ по началу девальваціи. Дѣйствительно, послѣ этого закона нельзя уже было думать о другомъ извѣстномъ пріемѣ возстановленія металлическаго обращенія. Этотъ другой пріемъ состоитъ въ томъ, что стараются разными мѣрами (особенно сокращеніемъ количества) поднять курсъ бумажныхъ денегъ до номинальной цѣны, и потомъ объявить ихъ размѣнными по цѣнѣ номинальной. Законъ 1895 г. ясно показываетъ, что уже тогда рѣшено было не прибѣгать къ этому пріему, потому что этотъ законъ дѣлалъ невозможнымъ поднятіе курса кредитныхъ билетовъ до ихъ номинальной цѣны. Ежели принудительнымъ объявляется не номиналь-

ный, а биржевой курсъ, то этимъ самымъ достигается притокъ монеты во внутреннее обращеніе, но зато цѣна бумажныхъ денегъ не можетъ подниматься болѣе или менѣе значительно, даже еслибы къ тому были приняты особыя мѣры. Еслибы послѣ закона 1895 г. начали сокращать количество кредитныхъ билетовъ, то это не поправило бы ихъ курса значительно, ибо убыль въ бумажныхъ деньгахъ вела бы не къ повышенію цѣны остальныхъ бумажекъ, а къ увеличенію въ оборотѣ денегъ металлическихъ. Впрочемъ, какъ мы знаемъ, никакихъ мѣръ къ повышенію курса кредитныхъ билетовъ послѣ 8-го мая 1895 г. въ дѣйствительности не принималось.

Итакъ, рѣшено было перейти отъ бумажно-денежнаго обращенія къ золотому путемъ девальваціи. Устроивать девальвацію бумажныхъ денегъ можно двумя внѣшними пріемами: во-первыхъ, можно понизить номинальную цѣну бумажныхъ денегъ до какой-нибудь величины, болѣе или менѣе близкой къ дѣйствительной ихъ цѣнѣ, и начать размѣнивать ихъ по этой послѣдней цѣнѣ; напр., можно было начать размѣнивать кредитные билеты на золото по курсу $1^1/_2$ руб. кредитными билетами за рубль золотой. Или же девальвацію можно произвести такимъ образомъ, что понижается цѣнность металлическихъ денегъ чрезъ уменьшеніе чистаго металла настолько, что новыя металлическія деньги становятся равными по цѣнности дѣйствительному курсу бумажныхъ денегъ; послѣ этого опять объявляется размѣнъ бумажныхъ денегъ, но теперь, конечно, уже по курсу номинальному, рубль за рубль. У насъ былъ принятъ второй пріемъ; содержаніе чистаго золота въ рублѣ уменьшено было на $^1/_3$ часть; по монетному уставу 1885 года въ рублѣ золотомъ содержалось чистаго золота 26,136 доли, а по указу 3-го января 1897 г. повелѣвалось чеканить новую золотую монету, причемъ въ рублѣ должно содержаться чистаго золота уже только 17,424 доли. На эти новые золотые рубли кредитные билеты стали обмѣниваться по номинальному курсу, а на золото стараго чекана—по курсу $1^1/_2$ руб. кредитными за 1 рубль золотомъ.

Изъ дальнѣйшихъ законодательныхъ опредѣленій за время реформы намъ нужно запомнить слѣдующіе пункты. Указомъ 14-го ноября 1897 г. золотой рубль въ $^1/_{15}$ имперіала съ чистымъ содержаніемъ золота въ 17,424 доли объявленъ основною денежною единицей въ Россіи; съ этого времени, слѣдовательно, золотой рубль сталъ законнымъ платежнымъ средствомъ, но о серебрѣ названный указъ еще ничего не говоритъ, и его положеніе пока оставалось старымъ. По указу 29-го августа 1897 г.,

кредитные билеты впредь выпускаются государственнымъ банкомъ въ размѣрѣ, строго ограниченномъ настоятельными потребностями денежнаго обращенія подъ обезпеченіе золотомъ; сумма золота, обезпечивающаго кредитные билеты, должна быть не менѣе половины общей суммы выпущенныхъ въ обращеніе билетовъ, когда эта сумма не превышаетъ 600 милліоновъ рублей. Кредитные билеты, находящіеся въ обращеніи свыше 600 милл. руб., должны быть обезпечены золотомъ, по крайней мѣрѣ, рубль за рубль, такъ чтобы каждымъ 15 рублямъ въ кредитныхъ билетахъ соотвѣтствовало обезпеченіе золотомъ на сумму не менѣе одного имперіала. Для того, чтобы государственный банкъ могъ дѣйствительно выполнить задачи по выпуску кредитныхъ билетовъ, въ его распоряженіе было передано золота всего на сумму въ 900 милл. (считая въ рублѣ 17,424 доли золота), причемъ 750 милл. рублей составляли прежде накопленный размѣнный фондъ, а 150 милл. были добыты 3% займомъ 1896 года. Этой суммѣ золота въ активѣ банка соотвѣтствовали въ пассивѣ 1.121 милл. кредитными билетами, находившимися въ обращеніи. Наконецъ, указъ 27-го марта 1898 г. окончательно опредѣлилъ судьбу серебряной монеты,—именно, ей было придано значеніе монеты подсобной, размѣнной въ широкомъ смыслѣ слова. Въ такомъ качествѣ, серебряная монета должна выпускаться въ ограниченномъ объемѣ и законнымъ платежнымъ средствомъ можетъ быть также только въ маломъ размѣрѣ. На этотъ счетъ мы находимъ въ названномъ указѣ такія опредѣленія: совокупное количество какъ высокопробной, такъ и размѣнной серебряной монеты въ обращеніи не должно превышать суммы, въ три раза бо́льшей общаго числа населенія имперіи; серебряная высокопробная монета обязательна къ пріему частными лицами только до 25 руб. при каждомъ платежѣ. Послѣ того какъ серебру придана была эта вспомогательная роль, въ Россіи начинается періодъ золотого монометаллизма. Согласно съ духомъ этой системы, въ монетномъ уставѣ изданія 1899 года мы находимъ опредѣленіе о свободной чеканкѣ только золотой монеты.

Ознакомившись съ основами денежной реформы, разсмотримъ ихъ съ интересующей насъ точки зрѣнія, именно все съ той же точки зрѣнія денежныхъ кризисовъ. Съ этой точки зрѣнія, мы прежде всего должны признать въ высшей степени благопріятнымъ то обстоятельство, что у насъ принято было золотое обращеніе, а не оставлена была серебряная валюта. Выше мы уже говорили, почему въ наше время отдѣльная страна, производящая у себя денежную реформу, должна остановиться на

золотомъ монометаллизмѣ. Теперь это общее положеніе намъ остается только примѣнить и къ России. Дѣйствительно, и Россія не могла перейти безъ серьезныхъ потрясеній въ народномъ хозяйствѣ отъ бумажно-денежнаго обращенія къ своему, давно закономъ признанному серебряному монометаллизму. Во-первыхъ, было бы очень трудно сдѣлать самый переходъ отъ бумажныхъ денегъ къ серебру; простое объявленіе размѣна бумажныхъ денегъ на серебряные рубли съ прежнимъ содержаніемъ серебра повело бы къ слишкомъ большому обезцѣненію денегъ со всѣми его невыгодными послѣдствіями, потому что во второй половинѣ 90-хъ годовъ серебряный рубль, вслѣдствіе обезцѣненія серебра, по цѣнности былъ значительно ниже рубля бумажнаго. Для того, чтобы избѣжать этого сильнаго потрясенія народнаго хозяйства, пришлось бы очень значительно увеличить содержаніе серебра въ рублѣ и только тогда объявить кредитный рубль размѣннымъ на серебро. Еслибы такимъ образомъ были обойдены затрудненія переходнаго времени, то все-же, въ концѣ концовъ, мы получили бы мало-устойчивую серебряную валюту. Почему серебряная валюта, существующая въ одной или немногихъ странахъ, должна отличаться неустойчивостью, это разъяснено нами выше, и потому еще разъ здѣсь повторять то же самое не будемъ. Остановимся лучше на томъ обстоятельствѣ, что серебро изъ нашей системы не изгнано, что ему, наоборотъ, придется играть въ нашемъ обращеніи и впредь очень значительную роль. Въ самомъ дѣлѣ, правительство получило право чеканить серебряную монету въ количествѣ, въ три раза превосходящемъ количество населенія имперіи; другими словами, правительство получило право начеканить серебряной монеты на огромную сумму въ 400 милліоновъ рублей, что составляетъ около $^1/_8$ части всѣхъ денежныхъ знаковъ, бывшихъ въ обращеніи во время реформы. Равнымъ образомъ, значеніе серебряной монеты, какъ законнаго платежнаго средства, также весьма велико: какъ извѣстно, въ Россіи мелкія сдѣлки сравнительно больше распространены, чѣмъ въ другихъ государствахъ; поэтому серебряная монета, обязательная къ пріему въ платежахъ до 25 руб., найдетъ для себя самое широкое распространеніе. Придавая столь большое значеніе серебру, у насъ руководились примѣромъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствъ, особенно примѣромъ Германіи и Франціи. Въ послѣднихъ странахъ, дѣйствительно, серебро имѣетъ большое значеніе, но это установилось не вслѣдствіе строго обдуманныхъ плановъ, а по случайнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Германія не смогла закончить

вполнѣ перехода къ золотому обращенію, потому что замѣна дешевой серебряной монеты золотомъ показалась ей слишкомъ дорогой; въ Германіи такимъ образомъ остановились на полдорогѣ: часть серебряныхъ денегъ замѣнили золотыми, а другую, еще довольно значительную часть ихъ, оставили на неопредѣленное время. Равнымъ образомъ, и во Франціи (какъ и вообще въ странахъ латинскаго союза) серебро играетъ весьма большую роль. Здѣсь это обстоятельство объясняется крушеніемъ биметаллистической системы вслѣдствіе обезцѣненія серебра въ послѣднія десятилѣтія. Во Франціи, собственно, долженъ бы имѣть мѣсто биметаллизмъ, но вслѣдствіе обезцѣненія серебра наступила опасность совсѣмъ потерять золотыя деньги, и потому вынуждены были пріостановить свободную чеканку серебра. Подобныя „хромыя“ денежныя системы, конечно, отличаются бóльшей дешевизной по сравненію съ настоящимъ золотымъ обращеніемъ, въ которомъ серебро имѣетъ исключительно только значеніе размѣнныхъ денегъ, но зато съ точки зрѣнія денежныхъ кризисовъ онѣ не очень благопріятны. Въ самомъ дѣлѣ, обращеніе очень сильно насыщается серебромъ, а золотая основа его становится очень слабой; поэтому такая система становится очень чуткой и воспріимчивой уже къ не особенно значительнымъ колебаніямъ въ количествѣ золота, обращающагося въ странѣ. Предположимъ себѣ, что обращеніе одной страны составлено изъ 900 милл. золота, 100 милл. размѣннаго серебра и 200 милл. банковыхъ билетовъ; предположимъ, далѣе, что обращеніе другой страны (или той же страны въ другое время) составлено изъ 600 милл. золота, 400 милл. серебра и 200 милл. банковыхъ билетовъ. Очевидно, что, при равенствѣ другихъ условій, уходъ за границу 50 милліоновъ золотомъ будетъ гораздо ощутительнѣе для второй страны, чѣмъ для первой. Поэтому едва ли слѣдовало намъ подражать такимъ системамъ. По нашему мнѣнію, количество серебряной монеты въ денежной системѣ должно быть гораздо меньше вышеуказанной суммы, если желаютъ придать ей значеніе дѣйствительно размѣнной монеты. Количество всей размѣнной монеты у насъ не должно быть болѣе 200 милл.; другими словами, оно должно быть по крайней мѣрѣ въ два раза менѣе суммы, установленной дѣйствующимъ закономъ. Разсчетъ этотъ основанъ на слѣдующихъ данныхъ: до реформы въ обращеніи находилось размѣнной монеты на сумму около 70 милл., и кредитныхъ билетовъ рублеваго достоинства числилось на сумму около 100 милл. руб.; тѣхъ и другихъ мелкихъ денежныхъ знаковъ было совершенно доста-

точно для мелкихъ оборотовъ. Поэтому, еслибы желали сохранить за серебромъ значеніе только размѣнной монеты, то, дѣйствительно, было бы совершенно достаточно опредѣлить общую сумму всѣхъ размѣнныхъ денегъ въ два раза ниже противъ того, какъ она опредѣлена теперь,—именно, было бы правильно, еслибы законъ максимальную сумму ея опредѣлилъ въ $1^1/_2$ рубля на душу населенія. Конечно, читатель видитъ, что нашъ разсчетъ сдѣланъ при предположеніи, что рублевые кредитные билеты дѣйствительно изъяты изъ обращенія. Соотвѣтственно указанному съуженію количества серебра въ нашей денежной системѣ, нужно уменьшить и его значеніе, какъ законнаго платежнаго средства. У насъ имѣется въ настоящее время 5-тирублевая, $7^1/_2$-рублевая и 10-рубл. монета. Поэтому было бы совершенно достаточно ограничить пріемъ серебра только до суммы въ 10 руб. Платежи сверхъ 10 рублей, очевидно, при обиліи золотой монеты указанныхъ невысокихъ достоинствъ, уже всегда бы могли быть произведены золотомъ. Указанная сейчасъ мѣра была бы полезна въ томъ отношеніи, что золото проникло бы въ самые мелкіе каналы обращенія, и золотое обращеніе вслѣдствіе этого стало бы болѣе устойчивымъ и прочнымъ.

Отмѣченныя сейчасъ неудобства, проистекающія отъ ненормальнаго положенія серебра въ нашей системѣ, проявятъ вполнѣ свою силу тогда, когда обращеніе будетъ вполнѣ насыщено серебромъ, т.-е. когда его сумма достигнетъ своей максимальной величины. Можно быть увѣреннымъ, что это время наступитъ довольно скоро, потому что чеканить серебряную монету очень выгодно для правительства, вслѣдствіе меньшей дѣйствительной цѣнности серебра по сравненію съ его монетной оцѣнкой. Дѣйствительно, наше правительство уже и теперь усиленно наполняетъ рынокъ серебряной монетой; такъ, къ 1-му января 1896 года всей размѣнной монеты числилось на сумму 72 милл., а въ концѣ 1899 года одной высокопробной серебряной монеты считалось уже 220,5 милл. Это форсированное размноженіе серебра въ переходный періодъ также нельзя считать обстоятельствомъ благопріятнымъ съ точки зрѣнія кризисовъ, ибо размноженіе серебра, какъ и всякихъ другихъ денегъ (напр., бумажныхъ), вызванное не интересами оборота, а усмотрѣніемъ правительства, всегда производитъ замѣшательства въ денежномъ оборотѣ.

Вторымъ основнымъ началомъ реформы было начало девальваціи. Впрочемъ, въ нашей литературѣ нерѣдко высказывалось мнѣніе, что послѣдняя денежная реформа была совершена не

по началу девальваціи. Основаніемъ для такого мнѣнія служитъ то обстоятельство, что правительство не обязано было обмѣнивать кредитные билеты на золото, а только на серебро. По нашему мнѣнію, послѣдняя реформа, дѣйствительно, была совершена по началу девальваціи. Въ пользу такого мнѣнія можно привести такіе выводы. Во-первыхъ, съ точки зрѣнія юридической, дѣло слѣдуетъ обсуживать такъ. Пока въ Россіи существовала серебряная валюта, до тѣхъ поръ правительство не было обязано размѣнивать кредитные билеты на золото. Но при проведеніи послѣдней реформы рѣшено было ввести валюту золотую; поэтому правительство обязано было оплачивать кредитные билеты, какъ и всякіе другіе свои долговые знаки, законными деньгами (т.-е. золотомъ), а не кусками серебра. Что касается экономической стороны дѣла, то и она даетъ основаніе говорить о томъ, что реформа совершена была по началу девальваціи. Въ самомъ дѣлѣ, всякій долженъ согласиться съ тѣмъ, что первоначальная номинальная цѣнность кредитныхъ билетовъ была гораздо выше той, по которой они стали размѣниваться; еслибы мы утверждали противное, то пришлось бы заключить, что въ долгій періодъ своего существованія, и несмотря на свою массу, кредитные билеты ничего не потеряли въ своей цѣнности; можно утверждать, что первоначальная номинальная цѣнность кредитнаго рубля (до прекращенія размѣна въ концѣ 50-хъ годовъ) была равна цѣнности золотого рубля, на который первый и размѣнивался; послѣ послѣдней реформы кредитный рубль сталъ обмѣниваться, хотя тоже на цѣлый золотой рубль, но въ этомъ послѣднемъ золото стала меньше уже на $^1/_3$ часть; поэтому можно утверждать, что послѣдняя реформа девальвировала $^1/_3$ часть цѣнности кредитныхъ билетовъ.

Лица, отрицающія признаки девальваціи въ нашей реформѣ, кажется, руководятся тѣмъ соображеніемъ, что девальвацію, какъ способъ перехода къ металлическому обращенію, по ихъ мнѣнію, трудно оправдывать. На самомъ же дѣлѣ, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ совершалась реформа, девальвацію можно оправдать. Дѣйствительно, при большей потерѣ цѣнности со стороны кредитныхъ билетовъ (до $^1/_3$ части), нельзя было обратиться ко второму извѣстному пріему возстановленія металлическаго обращенія,—именно, къ размѣну кредитныхъ билетовъ по цѣнѣ номинальной, т.-е. къ размѣну ихъ на золотые рубли стараго чекана. Еслибы вдругъ былъ объявленъ такой размѣнъ, то цѣнность денегъ сразу возвысилась бы на $^1/_3$ часть, и затѣмъ произошло бы весьма сильное потрясеніе имущественныхъ отно-

шеній. Поэтому во всякомъ случаѣ пришлось бы отложить реформу на долгое время, а въ теченіе этого долгаго времени заняться возвышеніемъ дѣйствительной цѣнности кредитныхъ билетовъ до ихъ номинальной цѣнности. Но этотъ пріемъ, съ точки зрѣнія кризисовъ, нельзя назвать благопріятнымъ, потому что во весь переходный періодъ цѣнность денегъ была бы неустойчивой,—именно, она двигалась бы постоянно вверхъ; въ народномъ хозяйствѣ возникли бы соотвѣтственныя нежелательныя явленія.

Оправдывая такимъ образомъ начало девальваціи, мы, однако, не можемъ признать размѣръ девальваціи правильнымъ. Какъ выше было сказано, девальвирована была $^1/_3$ часть цѣнности бумажныхъ денегъ. По нашему мнѣнію, было сброшено слишкомъ много съ цѣнности бумажныхъ денегъ—настолько много, что принятая для размѣна цѣнность кредитныхъ билетовъ стала ниже ихъ дѣйствительной цѣнности къ началу реформы. Въ пользу такого утвержденія можно привести рядъ слѣдующихъ соображеній. Курсъ, принятый для девальваціи, былъ взятъ какъ средняя величина, выведенная для цѣлаго ряда лѣтъ, причемъ имѣли дѣло именно съ курсомъ кредитныхъ билетовъ на металлъ; по курсу же кредитныхъ билетовъ считали возможнымъ судить и о цѣнности ихъ внутри страны по отношенію къ товарамъ. По нашему же мнѣнію, курсъ, выведенный такимъ образомъ, не далъ истиннаго представленія о цѣнности бумажныхъ денегъ внутри страны. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что курсъ бумажныхъ денегъ подверженъ нѣкоторымъ столь преходящимъ колебаніямъ, что они не успѣваютъ вполнѣ отразиться на цѣнности денегъ внутри страны. Возьмемъ, напр., факторъ довѣрія или опасеній за состоятельность государства съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ; колебанія—и именно книзу—курса бумажныхъ денегъ бываютъ очень часто подъ вліяніемъ этого фактора; но они нерѣдко такъ непродолжительны, что не могутъ совсѣмъ или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ отразиться и на цѣнности бумажныхъ денегъ по отношенію къ товарамъ. Колебанія же противоположнаго характера, именно такія, которыя состояли бы въ столь же частыхъ и столь же преходящихъ повышеніяхъ курса бумажныхъ денегъ надъ цѣнностью ихъ внутри страны, встрѣчаются гораздо рѣже. Поэтому можно утверждать, что средній курсъ бумажныхъ денегъ обыкновенно будетъ нѣсколько ниже цѣнности ихъ. Затѣмъ, средній курсъ за длинный рядъ лѣтъ, при условіи неизмѣнности количества бумажныхъ денегъ, не будетъ представ-

лять истинной цѣнности бумажныхъ денегъ въ моментъ реформы; если количество бумажныхъ денегъ остается неизмѣннымъ, то цѣнность ихъ въ послѣдній годъ изъ даннаго ряда лѣтъ будетъ обыкновенно выше цѣнности въ первые годы этого ряда, если богатство страны не уменьшается, а ростетъ. Таковы, именно, были условія у насъ передъ реформой. Поэтому, если въ министерство Бунге предположеніе о размѣнѣ кредитныхъ билетовъ по курсу $1^1/_2$ рубля кредитными за 1 рубль металломъ было основательнымъ, то оно перестало быть основательнымъ въ 1895 году. Наконецъ, въ послѣдніе годы передъ реформой намѣренно особыми мѣрами старались не давать повышаться курсу кредитныхъ билетовъ; именно Вышнеградскій, главнымъ образомъ въ интересахъ сельско-хозяйственной промышленности, началъ препятствовать возвышенію курса кредитныхъ билетовъ путемъ покупки и продажи золота или траттъ по опредѣленному курсу. По всѣмъ этимъ причинамъ девальваціонный курсъ былъ ниже дѣйствительной цѣнности бумажнаго рубля; другими словами, новый золотой рубль имѣлъ меньшую цѣнность, чѣмъ рубль бумажный; слѣдовательно, цѣнность денежной единицы была понижена, и потому общая сумма денежныхъ знаковъ необходимо и болѣе или менѣе значительно должна была повыситься, чего въ самый моментъ реформы не было сдѣлано. Вотъ причина, по которой денежная реформа на первое время вызвала напряженность денежнаго рынка; въ первые годы послѣ реформы русское народное хозяйство должно было привлечь къ себѣ значительное количество денежныхъ знаковъ уже только для того, чтобы устранить убыль въ общей суммѣ цѣнности денегъ, вызванную реформой. Правда, вскорѣ правительство начинаетъ усиленно наполнять рынокъ серебряными деньгами и этимъ ослаблять до нѣкоторой степени напряженность денежнаго рынка,—но этотъ пріемъ, какъ выше было сказано, нельзя отнести къ удачнымъ; онъ самъ является болѣе или менѣе опаснымъ для устойчивости денежнаго обращенія.

Остановимся, наконецъ, на устройствѣ эмиссіонной операціи. Послѣ реформы государственные кредитные билеты перестали быть настоящими бумажными деньгами, потому что они утратили необходимое для понятія послѣднихъ свойство—неразмѣнность; послѣ реформы кредитные билеты стали банковыми билетами. Поэтому мы должны предъявить къ нимъ тѣ же требованія, которыя предъявляются вообще къ банковымъ билетамъ. Прежде всего слѣдуетъ указать на необходимость удержанія ихъ въ нашей денежной системѣ, для того, чтобы эта послѣдняя была не

чисто металлической, а смѣшанной. Затѣмъ, опредѣленіе закона о томъ, что дальнѣйшіе выпуски кредитныхъ билетовъ должны вызываться только интересами оборота, а не потребностями государственнаго казначейства, является необходимымъ условіемъ правильной постановки эмиссіонной операціи; въ противномъ случаѣ, кредитные билеты вызывали бы затрудненія на денежномъ рынкѣ, ибо они могли бы оказаться ненужными обороту. Но способъ покрытія, установленный реформой, не можетъ считаться наилучшимъ. Собственно у насъ установили двоякое ограниченіе выпуска билетовъ, соединили двѣ системы,—именно, систему континентальную, основанную на принципѣ частичнаго покрытія, и систему англійскую, основанную на принципѣ прямого ограниченія. Ежели билетовъ въ обращеніи менѣе 600 милл., то банкъ въ наличности долженъ имѣть сумму, равную половинѣ выпущенныхъ билетовъ. Это, слѣдовательно, ограниченіе частичное. Если же количество билетовъ въ обращеніи превыситъ 600 милл., то послѣдующіе выпуски должны быть покрыты полностью. Это правило напоминаетъ уже англійскую систему; въ самомъ дѣлѣ, способъ покрытія билетовъ при суммѣ ихъ выше 600 милл., въ сущности, состоитъ въ томъ, что первые 300 милл. остаются безъ всякаго покрытія, а остальные должны быть покрыты полностью. Всѣ эти правила о покрытіи кредитныхъ билетовъ отличаются излишней строгостью, мѣшающей кредитнымъ билетамъ приносить денежному обороту всю ту выгоду, которую они способны принести. Кредитные билеты, какъ мы сказали, послѣ реформы являются банковыми билетами, и, какъ таковые, кредитные билеты должны сдѣлать денежную систему возможно болѣе эластичной. Но чтобы кредитные билеты могли выполнить эту функцію, нужно имъ самимъ придать возможно бо́льшую подвижность, которая позволяла бы имъ появляться въ обращеніи въ количествахъ, соотвѣтствующихъ потребностямъ оборота. Вышеприведенныя правила, однако, значительно стѣсняютъ подвижность кредитныхъ билетовъ. Во-первыхъ, является излишнимъ установленіе такой суммы кредитныхъ билетовъ, выше которой уже начинается полное покрытіе; полное покрытіе означаетъ то, что вновь выпущенные билеты уже не увеличиваютъ количества орудій обращенія въ странѣ, потому что взамѣнъ вновь выпущенныхъ билетовъ нужно спрятать въ кладовыхъ банка соотвѣтственное количество металлическихъ денегъ, а между тѣмъ оборотъ можетъ еще нуждаться въ увеличеніи орудій обращенія. Затѣмъ и частичное покрытіе не должно быть строгимъ; такъ, требованіе нашего закона о томъ, чтобы въ наличности имѣлось не менѣе

половины выпущенныхъ билетовъ, слишкомъ затрудняетъ растяжимость билетнаго обращенія; въ самомъ дѣлѣ, если билетовъ въ обращеніи будетъ, напр., 400 милл., то обезпеченіе должно составлять 200 милл., и только 200 милл. кредитныхъ билетовъ будутъ составлять прибавку къ метталическимъ орудіямъ обращенія; дальнѣйшей прибавки уже нельзя дѣлать. Опытъ западно-европейскихъ банковъ показалъ, что обезпеченія наличностью въ размѣрѣ одной трети бываетъ вполнѣ достаточно. Вообще, слишкомъ строгіе пріемы покрытія банковыхъ билетовъ вытекаютъ изъ мало основательной боязни того, что банковые билеты могутъ быть выпускаемы часто въ излишнихъ количествахъ и вредить народному хозяйству (напр., возбужденіемъ спекуляціи, повышеніемъ цѣнъ и т. п.). Таковы были взгляды старой экономической школы, положенные въ основу англійскаго закона 1844 г. (такъ называемый актъ Пиля), регулирующаго эмиссіонную операцію въ Англіи. Эти воззрѣнія нашли откликъ и въ нашей реформѣ. Но теперь въ спеціальной литературѣ уже оставлены воззрѣнія этой школы; теперь думаютъ и болѣе правильно, что банковые билеты вызываются потребностями оборота и, по миновании надобности въ нихъ, удаляются изъ обращенія; между прочимъ, банковымъ билетамъ теперь не приписываютъ способности обезцѣнивать деньги и возвышать цѣны на всѣ товары; наоборотъ, болѣе правильно утверждается, что возвышеніе цѣнъ предшествуетъ новымъ обильнымъ выпускамъ банковыхъ билетовъ, что это именно возвышеніе цѣнъ создаетъ потребность въ увеличеніи орудій обращенія и вызываетъ новые выпуски билетовъ.

Однако, всѣ экономисты согласны въ томъ, что банковые билеты оказываютъ, какъ слѣдуетъ, свои услуги обороту только при условіи, что они выпускаются единственно ради потребностей оборота и притомъ такъ, чтобы имъ былъ обезпеченъ легкій возвратъ изъ оборота. Это условіе, между тѣмъ, можетъ быть нарушено разными путями. Такъ, напр., банковые билеты могутъ быть выпущены на потребности казны. Этимъ недостаткомъ въ началѣ реформы отличались и наши кредитные билеты. Какъ мы знаемъ, первоначально государственному банку передано было золота только на 900 милл., между тѣмъ какъ кредитныхъ билетовъ въ обращеніи считалось на 1.121 милл.; слѣдовательно, кредитные билеты сверхъ 900 милліоновъ остались за казной. Но слѣдуетъ быть благодарнымъ финансовому вѣдомству за то, что вскорѣ же оно начало уплачивать этотъ свой долгъ банку; теперь этотъ долгъ уже вполнѣ погашенъ. Затѣмъ, въ экономической литературѣ обыкновенно весьма большое значеніе въ

эмиссіонномъ дѣлѣ придаютъ тому обстоятельству, какъ поставленъ эмиссіонный банкъ. Обыкновенно отдается предпочтеніе частному центральному банку, а не правительственному, на томъ основаніи, что частный банкъ скорѣе устоитъ противъ притязаній правительства на выпуски билетовъ въ его, правительства, интересахъ. По нашему мнѣнію, едва ли слѣдуетъ предпочитать частные эмиссіонные банки правительственнымъ. Вопервыхъ, опытъ показываетъ, что и частные банки нерѣдко выпускали билеты на нужды правительствъ. Затѣмъ, и самое главное, трудно ввѣрить столь важное общее дѣло, какъ правильная постановка денежной системы, частнымъ предпріятіямъ, всегда, конечно, ставящимъ свой частный интересъ на первомъ мѣстѣ. Кромѣ того, эмиссіонное дѣло, въ сущности, является созданіемъ оборотныхъ банковыхъ капиталовъ изъ ничего; эти капиталы, однако, способны приносить соціальный плодъ подъ видомъ процента; предоставить частнымъ лицамъ доходы отъ этого дѣла, существующаго только благодаря даннымъ общественнымъ условіямъ, было бы нежелательно; этотъ своеобразный доходъ лучше сдѣлать общественнымъ. Въ отношеніи организаціи нашего государственнаго банка, на который возложена эмиссіонная операція, слѣдуетъ сказать одно, именно то, что нежелательно его подчиненіе министерству финансовъ. Дѣйствительно, подчиненіе государственнаго банка министерству финансовъ уже слишкомъ неудобно для эмиссіоннаго дѣла: даже не особенно сильная нужда казны въ платежныхъ средствахъ можетъ соблазнить министерство финансовъ на выпускъ кредитныхъ билетовъ. Это неудобство въ постановкѣ нашего эмиссіоннаго банка можно было бы устранить съ устройствомъ особаго министерства промышленности и торговли. Вопросъ объ устройствѣ такого особаго министерства у насъ давно уже назрѣлъ. Наша экономическая политика въ своихъ основныхъ сторонахъ находится въ рукахъ министерства финансовъ, и потому она находится въ значительной зависимости отъ финансовой политики; наша экономическая политика нерѣдко носитъ фискальную окраску, что̀, конечно, совершенно ненормально. Еслибы было такимъ образомъ учреждено особое министерство промышленности и торговли, то, естественно, государственный банкъ перешелъ бы въ вѣдѣніе этого министерства. Можно думать, что тогда самостоятельное вѣдомство оказывало бы не менѣе сопротивленія притязаніямъ министерства финансовъ на выпуски билетовъ, чѣмъ частный банкъ.

Кромѣ организаціи эмиссіонныхъ банковъ, политика ихъ также имѣетъ большое значеніе. Эмиссіонный банкъ долженъ завоевать

себѣ преимущественное значеніе въ странѣ по краткосрочнымъ активнымъ операціямъ (особенно по учетной операціи); только при такомъ условіи, съ одной стороны, банкъ можетъ выпустить новые билеты въ случаѣ надобности ихъ для оборота; только при томъ же условіи, съ другой стороны, излишніе для оборота кредитные билеты могутъ удобно возвратиться въ эмиссіонный банкъ. Политика нашего государственнаго банка не вполнѣ удовлетворяетъ этому требованію; онъ самъ откровенно заявлялъ, что, напр., на пониженіе учетной операціи онъ взираетъ спокойно, что ему, какъ государственному учрежденію, нѣтъ особыхъ мотивовъ усиленно соперничать съ частными банками. Такая точка зрѣнія является нежелательной, особенно теперь, когда государственный банкъ сталъ важнымъ факторомъ въ денежномъ дѣлѣ. Стремленіе къ лучшему выполненію своей задачи въ дѣлѣ столь общаго значенія, какъ денежное обращеніе, казалось бы, должно быть достаточно сильнымъ мотивомъ для государственнаго банка къ возможно большему развитію его краткосрочныхъ активныхъ операцій. Надо надѣяться, что государственный банкъ и самъ это скоро признаетъ.

На основаніи всего сказаннаго о нашей денежной реформѣ, можно утверждать, что эта реформа заключала въ себѣ нѣкоторые элементы, способствующіе денежнымъ кризисамъ, что, слѣдовательно, денежный кризисъ 1899 года не слѣдуетъ считать единственно только отраженіемъ западно-европейскихъ денежныхъ затрудненій. При такой точкѣ зрѣнія, правительству не слѣдуетъ оставаться бездѣятельнымъ и успокаивать себя мыслью, что денежная реформа отличалась одними только совершенствами. Какія усовершенствованія въ нашей современной денежной системѣ желательны и возможны, также нами посильно указано. Съ осуществленіемъ этихъ поправокъ, наша система была бы нисколько не хуже любой западно-европейской. Какія-нибудь другія мѣры, по нашему мнѣнію, едва ли нужны. Особенно сильно можно высказаться противъ возобновленія выпусковъ билетовъ государственнаго казначейства (серій). Серіи являются такимъ государственнымъ кредитнымъ знакомъ, который въ высшей степени способенъ замѣнять деньги; серіи—это фактически процентныя бумажныя деньги, охотно принимаемыя публикой; выпускать серіи—значитъ, поэтому, возвращаться до нѣкоторой степени къ бумажно-денежному обращенію.

Въ заключеніе, еще разъ слѣдуетъ подчеркнуть то обстоятельство, что въ настоящей статьѣ мы имѣли въ виду только

денежныя системы и влiянiе ихъ на денежные кризисы. Влiянiе же общихъ экономическихъ условiй на денежныя затрудненiя оставлено въ сторонѣ; такъ, напр., мы оставили въ сторонѣ вопросъ о томъ, не подтачивается ли устойчивость золотого обращенiя въ Россiи сравнительной бѣдностью русскаго населенiя или неблагопрiятнымъ положенiемъ Россiи на международномъ рынкѣ.

П. А. Никольскiй.

СУХІЕ ЛИСТЬЯ

I.

ЛИСТОПАДЪ.

Какъ стрѣлой убитый мѣткой,
Покачнулся листъ надъ вѣткой,
    Отдѣлился, полетѣлъ—
И, кружась неравномѣрно,
Наземь падать сталъ невѣрно
    И, упавъ, оцѣпенѣлъ.

Вслѣдъ за нимъ другой и третій...
Изъ вершины, какъ изъ сѣти,
    Золотые мотыльки
Наземь валятся, кружатся,
У родныхъ стволовъ ложатся,
    Многоцвѣтны и легки.

Поздній день горитъ безстрастно,
Небо смотритъ безучастно
    На судьбу своихъ дѣтей.
Смерть багрянитъ ихъ и мѣтитъ,
И все больше неба свѣтитъ
    Сквозь пустой кораллъ вѣтвей.

II.

ПОДЪ ВИХРЕМЪ.

Полночный вѣтеръ трубитъ въ рогъ,
Средь поля рыщетъ безъ дорогъ,
Находитъ путь средь темноты.
Вставайте, мертвые листы!
Осенній вихорь ищетъ васъ
Въ полночный часъ.

Дохнулъ, примчался, налетѣлъ,
Встревожилъ листья, завертѣлъ.
О, какъ печально у корней
Они взвились, какъ рой тѣней,
Прощаясь съ деревомъ, кружась
Въ послѣдній разъ!

Еще порывъ,—и все слилось
И въ пляскѣ смерти обнялось—
Листы и прахъ, и пыль дождя.
Грозя, злорадствуя, свистя,
Осенній вихорь все унесъ
Въ ночной хаосъ.

Стекло воды онъ раздробилъ
И столбъ луны въ водѣ разбилъ
На сто распавшихся кружковъ,
Усѣялъ тысячью листовъ
Холодный валъ и мчится прочь
Въ глухую ночь.

Усѣялъ тысячью листовъ
Худое рубище луговъ,
Овраговъ скользкіе бока,
Болота, кручи, берега;
Но прибываетъ листьевъ строй
За роемъ рой.

Въ степи, обвѣтренной вокругъ,
Есть, говорятъ, завѣтный кругъ.
Гонимы вихремъ, какъ судьбой,
Листы воздушною тропой
Туда стремятся каждый годъ
Въ дни непогодъ.

Туда, съ землей разлучены,
Мертвы, но не погребены,
Они летятъ со всѣхъ сторонъ
И, плача, молятъ похоронъ,
У неба молятъ, что̀ вдали,
И у земли.

III.

УСПОКОЕНІЕ.

Слишкомъ много листьевъ отлетѣло,
И дрожитъ земли нагое тѣло
Подъ сердито-хлещущимъ дождемъ.
Ниспадайте, хлопья снѣга, скройте,
Усыпите, скрасьте, успокойте!
Васъ, о, хлопья снѣжные, мы ждемъ!

Какъ слова холодныхъ пѣсенъ нѣжныхъ
Исцѣляютъ боль сердецъ мятежныхъ,
Исцѣлите боль осеннихъ ранъ!
Тамъ, гдѣ листья тлѣютъ мертвой кучей,
Возникайте насыпью летучей,
Хлопья снѣга, цвѣтъ надзвѣздныхъ странъ!

Грязный прахъ, гдѣ страждемъ и болѣемъ,
Осѣните чистымъ мавзолеемъ,
Хлопья снѣга, мраморъ неземной,
И края вѣтвей осиротѣлыхъ
Отягчите вязью лилій бѣлыхъ,—
Да цвѣтутъ нетлѣнною весной!

Вы мои услышали моленья,
Вы земли окутали селенья,
Хлопья снѣга, пухъ легчайшихъ крылъ.
Какъ напѣвъ моихъ стиховъ холодныхъ,
Вашъ налетъ алмазовъ неблагородныхъ
Язвы міра скрасилъ и покрылъ.

Н. Минскій.

14 октября 1900.

ВОПРОСЪ О РАБОЧИХЪ

ВЪ

СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ

и Положеніе 12-го іюня 1886 года.

I.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ обнаружилась потребность законодательнаго опредѣленія правоотношеній нанимателей и рабочихъ въ сферѣ сельско-хозяйственной промышленности. Результатомъ законодательной разработки этого вопроса явилось „Положеніе о наймѣ на сельскія работы", изданное 12-го іюня 1886 года. Положеніе это, однако, по общему мнѣнію сельскихъ хозяевъ и по собраннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніямъ, не соотвѣтствовало потребностямъ жизни и установившимся обычаямъ, и потому получило весьма ограниченное примѣненіе. Затѣмъ, упадокъ цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства, замѣчаемый повсюду въ послѣдніе годы, обострилъ положеніе этого вопроса и вызвалъ новыя жалобы со стороны землевладѣльцевъ, вслѣдствіе чего министерство внутреннихъ дѣлъ выработало, послѣ обсужденія предмета въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, проектъ измѣненій и дополненій Положенія 12-го іюня 1886 года. Судьба этого законопроекта, внесеннаго бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинымъ въ государственный совѣтъ, имѣетъ несомнѣнно огромную важность для интересовъ всей сельско-хозяйственной Россіи. Что̀ предлагаетъ министерство—намъ неизвѣстно, но, въ виду важности вопроса, онъ можетъ быть обсуждаемъ независимо отъ содержанія законопроекта, съ точки

зрѣнія критической оцѣнки существующаго Положенія 12-го іюня 1886 г., недостатки котораго подлежали бы устраненію въ будущемъ законѣ.

Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что нанятые заблаговременно рабочіе уклоняются отъ исполненія заключенныхъ договоровъ найма,. т.-е. не являются на работы или самовольно оставляютъ нанимателя въ горячую пору, не отработавъ взятыхъ напередъ денегъ, слѣдствіемъ чего является необезпеченность хозяйства, въ самое нужное время, въ рабочихъ рукахъ, взаимныя неудовольствія сторонъ, убытки землевладѣльцевъ-нанимателей; затѣмъ небрежное обращеніе рабочихъ съ орудіями и скотомъ, небрежность исполненія ими работъ и т. д. Такимъ образомъ, вопросъ этотъ, затрогивая главнымъ образомъ нужды нанимателей, вѣрнѣе долженъ бы былъ называться нанимательскимъ, нежели рабочимъ.

Объясненіе причинъ этого явленія въ области сельско-хозяйственнаго найма и указаніе соотвѣтствующихъ мѣръ къ устраненію нежелательной неурядицы въ этомъ дѣлѣ вызвали и вызываютъ, какъ среди хозяевъ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ, существенныя разногласія. Сторонники взглядовъ, съ особою ясностью выраженныхъ въ запискѣ саратовскаго губернскаго предводителя дворянства, П. А. Кривскаго, находятъ, что „главная бѣда въ хозяйствѣ заключается въ томъ, что рабочіе могутъ безнаказанно не исполнять договоровъ, обманывать хозяина, присвоивать себѣ его деньги и наносить большіе убытки, короче—разорять и грабить“. Происходитъ это оттого, что въ сельскомъ населеніи „распущенность и своеволіе дошли до крайнихъ предѣловъ“ и замѣчается „страшный упадокъ нравственныхъ началъ въ крестьянахъ“. Вслѣдствіе этого, „безъ большого задатка, а затѣмъ и постояннаго требованія денегъ впередъ, чтобы навсегда держать хозяина въ рукахъ, ни одинъ рабочій не нанимается и не остается жить“; а между тѣмъ, съ наступленіемъ времени уборки урожая, рабочіе „уходятъ почти всѣ, безъ исключенія“, не отрабатывая взятыхъ впередъ денегъ; затѣмъ, рабочій при наймѣ старается взять какъ можно больше денегъ впередъ, наняться „у разныхъ лицъ, живущихъ въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга“, а при наступленіи срока явки на работу „ни къ кому изъ своихъ нанимателей не является, а у нихъ же на глазахъ нанимается на базарахъ еще къ кому-нибудь“. „Женскій заработокъ идетъ преимущественно на наряды; крестьяне же бо́льшую часть денегъ, полученныхъ отъ нанимателей, пропиваютъ, проматываютъ и даже проигрываютъ въ карты“, и вслѣдствіе того, что, по несостоятельности и бѣдности, съ взявшихъ впередъ деньги рабочихъ нельзя ничего взыскать по суду, хозяинъ разоряется, а ра-

бочіе, „сдѣлавшіе себѣ профессію обманывать хозяевъ", остаются „неуязвимыми". Такимъ образомъ,—указывали сторонники этихъ взглядовъ въ засѣданіи сельско-хозяйственнаго совѣта (31-го мая 1898 г.)—„главная причина заключается въ недобросовѣстности рабочихъ, которые пользуются полной безнаказанностью при нарушеніи договоровъ". Исходя изъ столь опредѣленныхъ и упрощенныхъ взглядовъ на причины неурядицы въ области сельско-хозяйственнаго найма, сторонники приведенныхъ мнѣній предлагаютъ соотвѣтственныя и столь же простыя законодательныя мѣры для ихъ устраненія. Цѣлью совокупности этихъ мѣръ должно служить поэтому нравственное исправленіе рабочихъ, при посредствѣ установленія тяжелыхъ судебныхъ репрессій (ареста). „Основная цѣль новаго закона должна заключаться въ предупрежденіи и устраненіи обмана въ области найма на сельскія работы; вслѣдствіе этого, не чѣмъ инымъ, какъ строгимъ взысканіемъ, можно положить предѣлъ такимъ обманамъ".

Главнымъ средствомъ для осуществленія указанныхъ цѣлей должны служить „мѣры строгости, вводимыя *обязательной рабочей книжкой*, которыя несомнѣнно будутъ имѣть воспитательное значеніе, пріучая рабочаго къ выполненію своихъ обязанностей". Согласно вышеуказанному, вся система законодательныхъ предложеній сторонниковъ приводимыхъ мнѣній заключается въ слѣдующемъ: вся многомилліонная масса сельскаго населенія, принужденная въ какой бы то ни было формѣ—срочныхъ, сдѣльныхъ, поденныхъ, испольныхъ рабочихъ—наниматься на сельскія работы, должна быть обязательно снабжена рабочими книжками, выдаваемыми правительственными учрежденіями (волостными правленіями); нанявшіеся безъ такой рабочей книжки рабочіе, равно какъ и принявшіе ихъ наниматели, подлежатъ уголовной отвѣтственности (аресту); неявка, самовольный уходъ рабочихъ, а въ особенности перенаемъ ушедшихъ рабочихъ вторыми нанимателями,—влечетъ за собою, кромѣ отвѣтственности за понесенные нанимателемъ убытки, опять же уголовную отвѣтственность въ формѣ ареста. Если къ этому прибавить рядъ строгихъ мѣръ, сопровождающихъ эти главныя требованія, а именно: ускореніе судебнаго разбирательства дѣлъ по наймамъ, окончательное рѣшеніе этихъ дѣлъ въ безспорномъ порядкѣ и предварительное ихъ исполненіе, даже при присужденіи къ аресту, принудительный приводъ рабочаго черезъ полицію къ нанимателю, розыскъ полицейскими мѣрами ушедшаго рабочаго у вторыхъ нанимателей, присвоеніе обязательной рабочей книжкѣ характера „рабочаго формуляра", въ который вносятся сужденія нанимателя о нравственныхъ качествахъ рабочаго, обязательство нанимателей и органовъ власти (волостныхъ правленій) удерживать по этой обязательной книжкѣ, при послѣдующихъ наймахъ, всѣ

суммы, присужденныя съ рабочаго по нарушеніямъ договоровъ,—то станетъ совершенно понятнымъ, что путемъ совокупности этихъ мѣръ, какъ говорятъ противники этихъ мнѣній, создастся для рабочаго безвыходное положеніе—„всѣ двери и выходы закрыты",—и онъ, такимъ образомъ, подъ страхомъ уголовныхъ репрессій, „закрѣпляющихъ святость договора", какъ основательно добавляютъ сторонники этихъ предложеній,—„принужденъ будетъ выполнить договоръ, независимо отъ его выгодности".

Изложенные взгляды, впрочемъ, далеко не раздѣляются большинствомъ сельскихъ хозяевъ, и всюду, гдѣ предположенія эти подвергались обсужденію, какъ-то: въ губернскихъ совѣщаніяхъ въ 1897 г., на всероссійскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ въ 1895 г. и въ сельскохозяйственномъ совѣтѣ чрезвычайной сессіи въ 1898 году, противъ нихъ были высказаны весьма основательныя возраженія. Возраженія сводились, главнымъ образомъ, къ тому, что причиной неурядицы въ наймѣ на сельскія работы нельзя считать только недобросовѣстность нанимающихся, ибо считать все крестьянское сельское населеніе „обманщиками" едва-ли справедливо; что причина жалобъ и неустройства лежитъ гораздо глубже и заключается въ особенностяхъ мѣстныхъ условій найма и въ коренныхъ условіяхъ сельскохозяйственной промышленности въ Россіи вообще; что страхъ уголовныхъ наказаній едва-ли окажется дѣйствительнымъ, если искушенія нарушать договоры будутъ слишкомъ сильны, ибо законы можно обходить, но „неумолимую логику жизни и ея требованій не обманешь ничѣмъ", и что, наконецъ, обязательная рабочая книжка для сельскохозяйственнаго найма почти физически невозможна къ всеобщему введенію ея, стѣснитъ обѣ стороны и вызоветъ едва-ли не больше неурядицы, неудовольствій и жалобъ, чѣмъ какія существуютъ нынѣ.

Большинство мѣстныхъ совѣщаній, созванныхъ въ 1897 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ Высочайшаго соизволенія, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ,—въ составъ которыхъ вошли мѣстные предводители дворянства, земскіе начальники, представители вѣдомствъ и многіе сельскіе хозяева,—въ своихъ заключеніяхъ представляли правдивую картину дѣйствительнаго положенія дѣла о сельско-хозяйственномъ наймѣ. Два тома „Сборника заключеній губернскихъ совѣщаній" представляютъ богатый матеріалъ по этому вопросу, и имъ-то, главнымъ образомъ, мы и будемъ пользоваться въ настоящей статьѣ. Почти единодушно совѣщанія свидѣтельствуютъ, что жалобы сторонниковъ репрессивныхъ исправительныхъ мѣръ для рабочихъ преувеличены, что почти нигдѣ не замѣчается, въ видѣ общаго явленія, нарушеніе заключенныхъ договоровъ, что, наоборотъ, всѣ взаимно-выгодные договоры соблюдаются сторонами свято, и что нарушеніе договоровъ едва-ли не

чаще зависитъ отъ неправильныхъ дѣйствій нанимателей, чѣмъ нанимаемыхъ. Такимъ образомъ, вопросъ о нарушеніи договоровъ получаетъ иной видъ, часто зависящій отъ личныхъ свойствъ хозяина, а не рабочаго, и „вотъ почему,—говоритъ губернаторъ одной изъ южныхъ губерній,—ярко выяснилось на совѣщаніи, что хорошими хозяевами называются тѣ, которые не знаютъ, что̀ такое рабочій вопросъ"; а екатеринославское совѣщаніе удостовѣряетъ, что „у хозяевъ, которые принимаютъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, дабы рабочіе не имѣли никакихъ поводовъ къ нарушенію заключенныхъ съ ними договоровъ, отношенія съ рабочими устанавливаются вполнѣ мирныя. По отзывамъ такихъ хорошихъ хозяевъ, въ экономіяхъ ихъ наблюдается среди рабочихъ даже наслѣдственное преемство труда; туда, гдѣ всю жизнь работали отцы, идутъ наниматься и дѣти ихъ, зная, что тутъ жизнь рабочему хорошая".

Общее впечатлѣніе отъ изученія мнѣній и заключеній губернскихъ совѣщаній даетъ слѣдующую картину: рабочіе оставляютъ хозяевъ самовольно только въ томъ случаѣ, если они наняты съ осени или зимой съ выдачей крупныхъ задатковъ или всей рядной платы, и если къ лѣтней рабочей порѣ условленная по договору плата является несоотвѣтственно низкою, сравнительно съ существующею въ то время дѣйствительной заработной платой; если же этихъ условій въ наличности нѣтъ, то договоры нарушаются рабочими главнымъ образомъ при неправильныхъ дѣйствіяхъ нанимателей, какъ-то, напримѣръ: когда „землевладѣльцы изъ купцовъ уменьшаютъ при разсчетѣ договоренную плату" (никольскій уѣздъ, вологодской губерніи), или „наниматели затягиваютъ наемную плату, или возводятъ штрафованіе въ систему" (волынская губ.), или когда хозяева допускаютъ: а) неаккуратные разсчеты съ рабочими, б) плохое содержаніе ихъ, в) обидное обращеніе съ рабочими со стороны приказчиковъ (кіевская губ.), или когда „отводятъ рабочимъ тѣсное и грязное помѣщеніе и продовольствуютъ ихъ скудною пищею; кромѣ того, бываютъ случаи, что наниматели злоупотребляютъ правомъ налагать штрафы и этимъ путемъ сбавляютъ рядную плату" (смоленская губ.); иногда причиной неудовольствія является „чрезмѣрное требованіе работъ, въ особенности въ лѣтнюю пору, неправильное назначеніе на эти работы, дурное содержаніе рабочихъ и не всегда аккуратный платежъ заработанныхъ денегъ" (тамбовское сов.), или же, какъ говоритъ, въ заключеніе, уфимское губернское совѣщаніе: „когда замѣчается со стороны нанимателей слишкомъ низкая плата, плохое продовольствіе рабочихъ, грубое съ ними обращеніе, назначеніе рабочаго времени свыше опредѣленнаго числа часовъ и вообще стараніе поставить рабочихъ въ возможно дешевую матеріальную обстановку, съ какою

только рабочій может мириться, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, извлечь изъ нихъ какъ можно болѣе труда", и т. д. [1]).

Не приводя дальнѣйшихъ фактовъ въ этомъ же родѣ, можно думать, что попытка объяснить всю неурядицу „недобросовѣстностью" сельскаго рабочаго, едва ли правильна. Несомнѣнно, что малая доходность сельско-хозяйственнаго промысла и въ особенности замѣчаемое на міровомъ рынкѣ паденіе цѣнности сельско-хозяйственнаго продукта въ послѣдніе годы, въ совокупности съ условіями, создавшими такъ называемый сельско-хозяйственный кризисъ, ставитъ и нанимателей въ трудное положеніе, невольно вводящее многихъ изъ нихъ въ соблазнъ и заставляющее прибѣгать къ дѣйствіямъ, едва ли заслуживающимъ поощренія. Одинъ изъ членовъ сельско-хозяйственнаго совѣта откровенно долженъ былъ признаться, что „оскудѣніе, коснувшись всего земледѣльческаго населенія, воспитало алчность и жадность не только въ нѣкоторыхъ нанимаемыхъ, но и въ нѣкоторыхъ нанимателяхъ".

Не имѣя оборотнаго капитала, обреченное на житье въ деревнѣ отъ скудныхъ доходовъ земледѣлія, среди постоянныхъ лишеній и испытаній, большинство сельскихъ хозяевъ,—по мнѣнію смоленскаго совѣщанія,—„вынуждено силою неблагопріятныхъ обстоятельствъ не увеличивать доходы, а сокращать расходы;—это пока единственный путь спасенія для нашего злополучнаго землевладѣльца. Экономизируя до послѣдней степени всѣ свои матеріальныя силы, сельскій хозяинъ располагаетъ свои дѣйствія въ томъ направленіи, чтобы въ хозяйствѣ все обходилось какъ можно дешевле: жалованье рабочему, его помѣщеніе и продовольствіе. Такимъ образомъ, выходитъ, что изъ всѣхъ хозяевъ-предпринимателей самыя невыгодныя условія рабочимъ предлагаетъ сельскій хозяинъ, и, конечно, на такія условія идетъ наихудшій рабочій. Нигдѣ, быть можетъ, такъ не натянуты, не вынуждены взаимныя отношенія между хозяиномъ и рабочимъ, какъ въ сферѣ сельскаго хозяйства: одинъ по неволѣ нанимаетъ, другой по нуждѣ живетъ, одинъ другого терпитъ какъ неизбѣжное зло. Безвыходность земледѣльческаго промысла, невѣжество и бѣдность сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, стѣсненныя обстоятельства сельскихъ хозяевъ—вотъ основные элементы, изъ которыхъ складываются неблагопріятныя отношенія между хозяевами и рабочими въ сферѣ сельскаго хозяйства" (Сб., т. I, стр. 143). Еще болѣе точно и опре-

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ случаи несвоевременныхъ расплатъ съ рабочими бываютъ нерѣдки; такъ, въ козловскомъ уѣздѣ у одного земскаго начальника изъ 227 гражданскихъ дѣлъ, бывшихъ въ производствѣ за 1894, 1895 и 1896 гг., 109 возникли по искамъ рабочихъ къ нанимателямъ, вслѣдствіе неуплаты денегъ за исполненныя работы" (т. I, стр. 87 „Сборника заключеній").

дѣленно высказана та же мысль въ заключеніи земскихъ начальниковъ ливенскаго уѣзда; они полагаютъ, что „рабочій вопросъ несомнѣнно возникъ на почвѣ убыточности сельскаго хозяйства; нигдѣ ни на какихъ фабрикахъ и заводахъ его не существуетъ, и прежде, во времена нормальныхъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, его не было, а потому отношенія нанимателей съ сельско-хозяйственными рабочими придутъ въ норму только въ томъ случаѣ, когда обоюдная выгода нанимателя и нанимаемаго будетъ очевидна, чего въ настоящее время не существуетъ; всѣ же уголовныя мѣры въ сельско-хозяйственныхъ вопросахъ, поселивъ законное недовольство въ народонаселеніи, не дадутъ желательныхъ результатовъ, да и исторія всѣхъ народовъ подтверждаетъ, что исключительная цѣль во что бы то ни стало обезпечить собственника въ правѣ распоряженія чужимъ трудомъ приводила всѣхъ мыслителей и законодателей къ признанію рабства, феодализма или крѣпостного права“.

Но кромѣ указанной общей причины—упадка земледѣльческаго промысла, зависящаго отъ общеміровыхъ условій, нельзя не усмотрѣть также и вліянія не менѣе важныхъ особенностей экономическихъ условій земледѣльческой промышленности въ Россіи, зависящихъ, съ одной стороны, отъ направленія, которое приняло національное сельское хозяйство, обратившись преимущественно на производство зерновыхъ продуктовъ, а съ другой,—отъ неравномѣрности снабженія рабочими руками различныхъ мѣстностей имперіи, зависящей отъ неравномѣрной плотности народонаселенія въ различныхъ губерніяхъ. Какъ извѣстно, культура зерновыхъ хлѣбовъ отличается именно неравномѣрностью въ требованіи рабочихъ рукъ въ различные періоды воздѣлыванія; въ то время какъ запашка и посѣвъ всегда требуютъ одинаковаго и не особенно значительнаго количества рабочихъ,—причемъ работы эти безъ ущерба могутъ быть распредѣлены на извѣстный промежутокъ времени,—при уборкѣ, конечно, ручной, количество требуемыхъ рабочихъ при значительныхъ колебаніяхъ урожаевъ, напримѣръ, на югѣ, можетъ возрости вдвое и втрое выше средняго, причемъ, по климатическимъ условіямъ, успѣшная уборка хлѣба не терпитъ отсрочки и должна быть произведена въ возможно короткое время, иногда въ нѣсколько дней. Ясно, что при этихъ условіяхъ коренная причина неурядицы, зависящая отъ недостатка рабочихъ рукъ въ страдную пору уборки, не можетъ быть разрѣшена удовлетворительно. Въ этомъ отношеніи имперія раздѣляется на двѣ рѣзко-разграниченныя части: центральную и западную, менѣе подверженную сильнымъ колебаніямъ урожаевъ и болѣе населенную, и потому довольствующуюся мѣстнымъ рабочимъ населеніемъ, и часть южную и юго-восточную, особенно подверженную сильнымъ колеба-

ніямъ урожаевъ въ различные годы, слабо населенную и потому принужденную въ значительной мѣрѣ пользоваться трудомъ пришлыхъ рабочихъ. Вслѣдствіе этого въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ требованіе массовой наемки пришлыхъ рабочихъ въ урожайные годы и быстрое временное увеличеніе заработной платы усугубляло жалобы и нареканія хозяевъ на рабочихъ, тѣмъ болѣе, что притокъ рабочихъ рукъ, въ виду значительнаго и иногда неожиданнаго колебанія урожаевъ, весьма часто не соотвѣтствовалъ спросу на нихъ.

Очевидно, поэтому, что попытка путемъ уголовныхъ репрессій и изданіемъ закона о сельско-хозяйственномъ наймѣ измѣнить условія, причина которыхъ кроется глубоко въ особенностяхъ земледѣльческой промышленности вообще и различныхъ мѣстностей имперіи въ отдѣльности, едва-ли достижима. Даже еслибы признать, что этотъ способъ законодательнаго рѣшенія вопроса, который предлагается сторонниками мнѣній, выраженныхъ въ запискѣ саратовскаго предводителя дворянства, г. Кривскаго, дѣйствительно оказалъ бы свое дѣйствіе въ губерніяхъ съ пришлымъ рабочимъ населеніемъ, то онъ несомнѣнно, какъ это утверждали хозяева центральныхъ и западныхъ губерній, обезпеченныхъ рабочимъ населеніемъ, произвелъ бы нежелательное вліяніе въ этихъ мѣстностяхъ имперіи, разрушивъ „существующія и установившіяся благожелательныя, мирныя, отчасти даже патріархальныя отношенія нанимателей и нанимаемыхъ“. Что же касается губерній и областей нашего степного юга и юго-востока, то и здѣсь рѣшеніе чисто экономическаго вопроса путемъ усиленія наказаній и полицейскаго сыска также едва-ли будетъ дѣйствительно; сама жизнь и условія хозяйства въ этихъ мѣстностяхъ въ настоящее время уже въ значительной мѣрѣ подсказали способъ смягченія остроты рабочаго вопроса прежняго времени; рѣшеніе заключается въ увеличеніи производительности труда при уборкѣ урожая употребленіемъ жатвенныхъ машинъ, ибо то количество труда, которое было непосильно при ручной уборкѣ, даже и при помощи значительнаго количества пришлыхъ рабочихъ, оказывается удобоисполнимымъ нынѣ, не прибѣгая къ найму пришлыхъ рабочихъ рукъ въ значительномъ количествѣ. Насколько, за послѣднія 15—20 лѣтъ, убавилась на нашемъ югѣ потребность въ пришлыхъ рабочихъ, свидѣтельствуетъ сравненіе цифръ приходящихъ рабочихъ, по даннымъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, относящимся до 70—80-хъ годовъ, и по даннымъ коммиссіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Звегинцева, относящимся за 1894—1895 г. Согласно этимъ свѣдѣніямъ, приходило рабочихъ въ бессарабскую, екатеринославскую, таврическую и херсонскую губерніи: въ 70-е годы около—1.144 тыс., въ 94—95-е годы около—333 тыс.

Объясненіе этого явленія заключается въ обстоятельствахъ, слѣдующимъ образомъ описываемыхъ мѣстными хозяевами: „По мѣрѣ распространенія въ одесскомъ уѣздѣ жатвенныхъ машинъ, ненормально высокія цѣны на сельско-хозяйственный трудъ въ періодъ страды становятся съ каждымъ годомъ все менѣе и менѣе вѣроятными. Еще 5—6 лѣтъ тому назадъ (до 1890 года), рабочій, подъ вліяніемъ большого спроса на трудъ во время жатвъ, дѣйствительно могъ запрашивать высокія цѣны, и хозяину ничего не оставалось какъ соглашаться съ нимъ, такъ какъ иначе онъ рисковалъ опоздать съ уборкой и потерять значительную часть хлѣба. Теперь, съ возникновеніемъ дешеваго производства жатвенныхъ машинъ въ Одессѣ, Николаевѣ и другихъ городахъ новороссійскаго края, эти невыгодныя условія существенно стали измѣняться. Повсюду въ хозяйствахъ не только крупныхъ землевладѣльцевъ, но и у болѣе или менѣе зажиточныхъ хозяевъ, а также и въ средѣ крестьянъ заводятъ жатвенныя машины, а съ ними вмѣстѣ сокращается потребность въ рабочихъ, и, какъ слѣдствіе всего этого, понижаются и цѣны на рабочія руки“ [1]). Въ засѣданіи сельско-хозяйственнаго совѣта 6—7-го іюня 1898 г. князь Н. В. Шаховской сказалъ объ этомъ слѣдующее:

„Въ таврической губерніи нынѣ дѣйствуютъ болѣе 40.000 сельско-хозяйственныхъ машинъ. Съ помощью машины крестьянинъ со своею семьею убираетъ сорокъ-пятьдесятъ, а то и сто десятинъ посѣва, между тѣмъ какъ прежде ему пришлось бы почти всю эту работу производить руками поденщиковъ. Мѣстный крестьянинъ никогда не ходилъ прежде искать работы съ косой, но теперь, обзаведясь машиною, онъ не сидитъ дома. Это движеніе серьезно начато менѣе 10 лѣтъ тому назадъ, и уже въ 1893 г. оно достигло такихъ размѣровъ, что, несмотря на хорошій урожай, предложеніе труда мѣстными крестьянами мѣстами вдвое покрывало спросъ на него. Напримѣръ, въ успенской экономіи Фальцъ-Фейна собралось 700 крестьянскихъ машинъ съ предложеніемъ своихъ услугъ, и половина ихъ ушла ни съ чѣмъ, такъ какъ было нанято всего только 350. Во всѣхъ же имѣніяхъ Фальцъ-Фейна (одного изъ самыхъ крупныхъ таврическихъ землевладѣльцевъ), въ коихъ прежде работало по нѣскольку тысячъ пришлыхъ рабочихъ, въ 1893 г. работало на сѣнокосѣ 1.100 машинъ, изъ которыхъ собственно принадлежащихъ экономіи было не болѣе ста, а остальную тысячу представляли нанятыя крестьянскія машины... Сказанное въ равной мѣрѣ относится къ губерніямъ Предкавказья, такъ что, напр., въ ставропольской губерніи еще въ 1888 г.

---

[1]) Сельско-хозяйственный обзоръ по одесскому уѣзду за 1889—90 сельско-хозяйственный годъ.

работало 3.420 жатвенныхъ машинъ, а въ кубанской области, по свѣдѣніямъ 1893 г., насчитывалось разныхъ жатвенныхъ машинъ до 6.200 штукъ... Всѣ изложенныя данныя приводятъ къ мысли, что не особенно далеко то время, когда потребность въ приходящихъ рабочихъ и совсѣмъ прекратится въ губерніяхъ и областяхъ нашего степного юга и юго-востока. Ненормальность же отношеній между рабочими и нанимателями, служившая предметомъ столькихъ жалобъ въ прежнее время, сглаживается самой жизнью и естественнымъ развитіемъ юга". Къ изложенному убѣжденію приходятъ какъ таврическое, такъ и херсонское губернскія совѣщанія 1897 г., причемъ это послѣднее указываетъ, „что самый острый кризисъ въ отношеніяхъ нанимателей и рабочихъ замѣчался въ семидесятыхъ годахъ, т.-е. въ то время, когда херсонскіе землевладѣльцы все болѣе и болѣе расширяли свои запашки и при хорошихъ урожаяхъ, при малой населенности громадныхъ дѣвственныхъ степей, другъ предъ другомъ старались увеличить цѣну на пришлыхъ рабочихъ. Хозяйство, поражающее своей экстенсивностью и однообразіемъ, требовало и значительнаго напряженія рабочихъ силъ въ теченіе короткаго лѣтняго періода времени. Іюнь, іюль и августъ мѣсяцы рѣшали судьбу цѣлыхъ состояній... Посѣвная площадь въ херсонской губерніи на это время достигла своего высшаго предѣла, населеніе въ губерніи увеличилось также. Появились усовершенствованныя сельско-хозяйственныя орудія: паровыя молотилки, сѣялки, вѣялки, плуги-самоходы, жатки простыя, жатки самосбрасывающія, жатки-сноповязалки. Рабочіе поняли, что время чрезвычайныхъ требованій прошло. Рабочіе стали относительно исполнительнѣе, а наниматели стали болѣе добросовѣстно выполнять относительно ихъ свои обязательства... Прежде, при громадныхъ посѣвахъ пшеницы и льна и все увеличивавшейся распашкѣ цѣлинъ, экономія въ 1.000 десятинъ, употреблявшая зимой душъ двадцать людей, на лѣто отъ мая до октября нуждалась не менѣе, чѣмъ въ 360 рабочихъ. Въ настоящее время запашка пришла къ нормѣ; хозяйства становятся культурнѣе; хозяину, благодаря машинамъ, надо на лѣто гораздо менѣе людей, чѣмъ прежде; зато въ другое время года, когда онъ прежде обходился чуть ли не одними сторожами, ему теперь потребно людей гораздо больше, ибо теперь, волей-неволей, надо вести хозяйство все интенсивнѣе и интенсивнѣе, вслѣдствіе чего требованія на рабочія руки мало уменьшились, но распредѣляются правильнѣе; правильнѣе имъ опредѣляется и цѣна" (Сборн., т. I, стр. 386).

Считая излишнимъ обременять изложеніе приведеніемъ фактовъ, подтверждающихъ ту же мысль, нельзя пройти молчаніемъ соображеніе, которое невольно подсказывается при наблюденіи того есте-

ственнаго экономическаго процесса, которымъ жизнь разрѣшала сама собою поставленный вопросъ. Изъ этого наблюденія съ очевидностью вытекаетъ, что еслибы попытки разрѣшить рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ путемъ „закрѣпленія святости договора" обязательной рабочей книжкой могли увѣнчаться успѣхомъ, и хозяева юга, при помощи дешеваго зимняго найма, уголовныхъ наказаній и полицейскихъ мѣръ, были бы обильно обезпечены дешевымъ ручнымъ трудомъ,—техническимъ успѣхамъ сельскаго хозяйства въ этихъ мѣстностяхъ былъ бы поставленъ предѣлъ. Оно навсегда было бы обречено на застой, и ничто не могло бы вывести его изъ этого состоянія неподвижности и упадка, какъ разъ въ противоположность тому, что замѣчается въ развитіи конкуррирующаго съ нами американскаго сельскаго хозяйства.

II.

Рабочему вопросу въ сельскомъ хозяйствѣ обыкновенно и невольно приписывается сословное значеніе: взглядъ на этотъ вопросъ какъ на предметъ, въ которомъ главнымъ образомъ, если не исключительно, заинтересовано дворянское сословіе, является общераспространеннымъ. Зависитъ это оттого, что самое возбужденіе вопроса и обсужденія его происходятъ либо въ дворянскихъ собраніяхъ и съѣздахъ сельскихъ хозяевъ, либо въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ и иныхъ коммиссіяхъ и совѣщаніяхъ, главнымъ образомъ при участіи представителей дворянъ-землевладѣльцевъ, причемъ вопросъ объ относительной заинтересованности различныхъ сословій и категорій землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ въ разрѣшеніи вопросовъ, связанныхъ съ законодательными предположеніями по этому предмету, никогда не подвергался точному и всестороннему изслѣдованію.

Несомнѣнно, однако, что правильный взглядъ на относительную заинтересованность въ дѣлѣ найма на сельскія работы различныхъ разрядовъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ имѣетъ въ настоящемъ случаѣ существенное значеніе. Къ сожалѣнію, по этому предмету не имѣется точныхъ статистическихъ цифръ количества батраковъ, сдѣльныхъ, испольныхъ и поденныхъ рабочихъ, нанимаемыхъ на сельскія работы въ различныхъ разрядахъ хозяйствъ имперіи, и объ этомъ можно судить только косвенно, но достаточно опредѣленно, по количеству земель, подлежащихъ обработкѣ и принадлежащихъ различнымъ категоріямъ землевладѣнія, а также по количеству культурныхъ земель, находящихся въ дѣйствительности въ пользованіи владѣльцевъ и обработываемыхъ ими за свой счетъ, т.-е. наемными рабочими.

Въ этомъ отношеніи существующія статистическія данныя пред-

ставляютъ слѣдующую характеристику относительнаго значенія частнаго и дворянскаго землевладѣнія по способу веденія хозяйства. Въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи (безъ земли войска донского), если принять во вниманіе только земли, подлежащія обработкѣ, слѣдовательно требующія для этого рабочихъ рукъ, т.-е. усадебныя, пахотныя и сѣнокосныя, общее количество земли этихъ культурныхъ угодій распредѣляется по принадлежности слѣдующимъ образомъ: крестьянамъ принадлежитъ—96.419 тыс. десятинъ, частнымъ владѣльцамъ разныхъ сословій принадлежитъ—42.217 тыс. десятинъ, т.-е. во владѣніи частныхъ собственниковъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи находится менѣе 1/3 всего количества подлежащихъ культурѣ земель. Однако, не вся частно-владѣльческая земля принадлежитъ дворянамъ; какъ извѣстно, съ 1861 г. по 1892 г. убыль дворянскаго землевладѣнія, не считая земель, отошедшихъ въ надѣлъ крестьянамъ, составляетъ около 25,8% всей площади земель, принадлежащихъ дворянамъ; съ 1892 г. и по настоящее время во всякомъ случаѣ происходило не увеличеніе, а, конечно, также уменьшеніе дворянскаго землевладѣнія. Данныя поземельной статистики еще ко времени 1892 г. даютъ слѣдующія цифры:

Общее количество земли въ личной частной собственности—92.696.774 дес., въ томъ числѣ принадлежащихъ потомственнымъ дворянамъ—58.673.375 дес., т.-е. только около 63% изъ общаго количества частно-владѣльческой земли принадлежитъ дворянскому сословію въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи.

Принявъ же въ соображеніе указанное отношеніе и обратившись къ приведенной ранѣе суммѣ культурныхъ земель въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи, мы увидимъ, предполагая составъ земли по угодьямъ у владѣльцевъ дворянъ и не-дворянъ одинаковымъ, что изъ общей площади культурныхъ земель (усадьбы, пашни и сѣнокосъ) принадлежитъ: крестьянамъ (надѣльной земли)—96.419 тыс. дес., купцамъ, разночинцамъ около—15.721 тыс. дес., потомственнымъ дворянамъ—26.496 тыс. дес.

Но и отношеніе этихъ цифръ не выясняетъ намъ степени заинтересованности сословія дворянъ, въ качествѣ нанимателей, въ той или иной постановкѣ вопроса о наймѣ сельскихъ рабочихъ. Судя по цифрамъ, характеризующимъ способъ веденія хозяйства въ имѣніяхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, заложенныхъ въ государственномъ дворянскомъ земельномъ банкѣ, можно усмотрѣть, что въ 5.288 имѣніяхъ съ экономической запашкой эта послѣдняя охватываетъ только 1.787 т. дес. изъ 3.782 тыс. общаго числа, т.-е., иначе говоря, обработка за счетъ владѣльца касается 47,3% общаго количества пахотныхъ земель. („Вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ“, т. 1, стр. 326). Какъ приведенныя

данныя, такъ и свѣдѣнія изъ самыхъ различныхъ источниковъ и земскихъ изслѣдованій, приводимыхъ различными изслѣдователями землепользованія, убѣждаютъ насъ въ томъ, что въ общемъ *не менѣе половины* земель дворянъ-землевладѣльцевъ находится въ пользованіи крестьянъ и разночинцевъ въ формѣ испольной или денежной аренды. А при такомъ предположеніи получится слѣдующая группировка общихъ цифръ по способу пользованія подлежащими обработкѣ угодьями:

Принадлежащей крестьянамъ надѣльной земли—96.419 тыс. дес.

Принадлежитъ купцамъ, разночинцамъ, крестьянамъ по праву собственности и находится въ пользованіи и обработывается этой группой лицъ на условіяхъ многолѣтней аренды и испольной и денежной съёмки—28.969 тыс. дес.

Обработывается дворянами за свой счетъ—13.248 тыс. дес.

Изъ сопоставленія этихъ цифръ, предполагая, что обработка земли требуетъ одинаковаго количества рабочихъ рукъ, и даже не принимая во вниманіе всю надѣльную землю, выясняется, что купцы, мѣщане, разночинцы и крестьяне на земляхъ, имъ принадлежащихъ и арендуемыхъ или снимаемыхъ отъ владѣльцевъ-дворянъ, должны употреблять по крайней мѣрѣ вдвое больше наемныхъ рабочихъ, чѣмъ дворяне. Если затѣмъ принять во вниманіе значительное количество надѣльныхъ земель безлошадныхъ крестьянъ, обработываемыхъ путемъ найма рабочихъ—крестьянъ же, а также значительное число батраковъ, содержимыхъ богатыми крестьянами для обработки купленныхъ ими въ собственность и арендуемыхъ отъ дворянъ земель,—должно придти къ безспорному выводу, что вопросъ о наймѣ на сельскія работы въ значительно большей мѣрѣ коснется класса нанимателей изъ крестьянъ, купцовъ и разночинцевъ, чѣмъ дворянъ. Къ послѣднему выводу надо прибавить, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда земли считаются въ завѣдываніи дворянъ, судя по многимъ даннымъ, можно считать, что въ половинѣ случаевъ дворяне сами не живутъ въ имѣніяхъ и хозяйство ведутъ чрезъ управляющихъ, приказчиковъ и старостъ.

Вышеприведенный теоретическій выводъ имѣетъ весьма важное практическое значеніе и подтверждается многочисленными указаніями и наблюденіями, сообщаемыми губернскими совѣщаніями 1897 года. Такъ, с.-петербургское совѣщаніе указываетъ, напримѣръ, что „рабочіе, съ своей стороны, нерѣдко страдаютъ отъ неправильнаго и недобросовѣстнаго къ нимъ отношенія нанимателей изъ среды зажиточныхъ *крестьянъ-кулаковъ, а также управляющихъ имѣніями и приказчиковъ*. Такого рода неправильныя отношенія проявляются въ формѣ эксплоатаціи неграмотности, неразвитія рабочихъ при заключеніи съ ними договоровъ и при выдачѣ задатковъ, въ грубомъ съ ними обра-

щеніи, въ неправильномъ разсчетѣ, въ уплатѣ за работу, вмѣсто денегъ, товаромъ по произвольнымъ цѣнамъ, въ самовольномъ измѣненіи условій договоровъ, въ смыслѣ постановки рабочихъ въ болѣе тяжелыя и вредныя для здоровья условія работы, чѣмъ это имѣлось въ виду при заключеніи договоровъ. Нерѣдко наниматели позволяютъ себѣ самовольно задерживать паспорты рабочихъ, которые, вслѣдствіе этого, лишившись работы, не могутъ перейти къ другому хозяину и терпятъ убытки отъ проволочекъ въ самое дорогое для рабочаго время" (Сб., т. I, стр. 82). Харьковское совѣщаніе также не могло не установить того факта, что „за послѣднее время составъ нанимателей на сельско-хозяйственныя работы въ харьковской губерніи подвергался измѣненіямъ: значительная часть земельной собственности перешла въ руки лицъ купеческаго и мѣщанскаго сословія и вообще разночинцевъ, которые внесли съ собою въ область сельско-хозяйственныхъ отношеній и особенно въ дѣло найма и разсчета съ рабочими свои собственные пріемы, свойственные ихъ прежней профессіи и далеко уклоняющіеся отъ патріархальныхъ отношеній, издавна установившихся въ сношеніяхъ землевладѣльцевъ-дворянъ съ рабочими. Примѣромъ сомнительныхъ пріемовъ со стороны этого нарождающагося типа нанимателей въ дѣлѣ найма на сельско-хозяйственныя работы приводятся такого рода факты: бываетъ, что, по истеченіи срока найма, этого рода наниматель заявляетъ рабочему, что у него нѣтъ въ настоящее время денегъ для разсчета съ нимъ, и проситъ его обождать 2—3 недѣли, на что нѣкоторые рабочіе, во избѣжаніе судебной волокиты, и изъявляютъ согласіе. По истеченіи назначеннаго времени, наниматель снова упрашиваетъ явившихся къ нему рабочихъ отсрочить время уплаты еще недѣли на 2. обѣщая на этотъ разъ уплатить непремѣнно. Вся эта процедура обыкновенно продѣлывается безъ свидѣтелей, а между тѣмъ истекаетъ мѣсячный срокъ со дня прекращенія договора найма для жалобъ на несвоевременное удовлетвореніе рабочихъ наемною платою (примѣчаніе къ ст. 57 Полож.), и когда рабочіе въ третій разъ являются къ такому нанимателю, послѣдній безцеремонно указываетъ имъ на дверь, прикрываясь названною статьею. Обсчитанный рабочій тщетно обращается къ суду, который, въ виду закона, безсиленъ оказать ему правосудіе" (Сб., т. I, стр. 164).

Херсонскій губернаторъ въ своемъ мнѣніи говоритъ, „что въ херсонской губерніи землевладѣльцы-дворяне, кромѣ трехъ сѣверныхъ уѣздовъ, за малыми исключеніями сами не ведутъ хозяйства. Они сдаютъ свои земли въ арендное содержаніе, раздаютъ крестьянамъ небольшими участками за деньги и изъ-полу. Ведутъ хозяйство крупные арендаторы землевладѣльцы-купцы, мѣщане, крестьяне и коло-

нисты разныхъ національностей, далеко не подходящіе подъ типъ помѣщиковъ, а представляющіе опредѣленный образъ коммерческаго дѣятеля, которыми такъ богатъ въ разныхъ отрасляхъ экономической жизни югъ Россіи, изобилующій множествомъ портовыхъ пунктовъ, ведущихъ обширную вывозную торговлю зерновыми продуктами. Такіе хозяева нисколько къ землѣ не привязаны, стараются изъ нея извлечь возможно больше дохода, а на рабочаго смотрятъ какъ на механическую силу, не требующую никакихъ заботъ и удобствъ. Эксплоатація ими рабочихъ нерѣдко проводится всевозможными способами. Здѣсь имѣютъ мѣсто и неправильный разсчетъ заработной платы, и чрезмѣрные вычеты за дни, проведенные въ болѣзни, и отсутствіе доброкачественной пищи, и даже умышленное уничтоженіе письменныхъ документовъ рабочихъ, отобранныхъ при заключеніи найма, о чемъ у рабочаго не остается никакихъ доказательствъ, если договоръ состоялся безъ свидѣтелей" (Сб., т. I, стр. 441).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тамбовской губерніи, сравнительно въ недавнее время, возникъ и успѣшно практикуется и такого рода наемъ рабочихъ: „кто-либо изъ болѣе или менѣе зажиточныхъ мѣстныхъ крестьянъ беретъ въ экономіи подрядъ на извѣстную опредѣленную работу и для исполненія ея уже отъ себя нанимаетъ другихъ крестьянъ, съ которыми непосредственно имѣетъ сношенія и ведетъ разсчеты". Въ таврической губерніи „распространяется также и обмолотъ хлѣбовъ при посредствѣ нанятыхъ паровыхъ молотилокъ, хозяева которыхъ являются иногда и поставщиками рабочихъ на все время молотьбы хлѣбовъ" (Сб., т. I, стр. 25). Вообще, подобное посредничество весьма развито въ разныхъ губерніяхъ средней Россіи, а въ Бессарабіи оно принимаетъ особую распространенную форму договоровъ въ „общемъ гражданскомъ порядкѣ у нотаріусовъ", изъ коихъ совершаемые у послѣднихъ договоры чрезъ посредниковъ-евреевъ нерѣдко бываютъ односторонніе, съ правомъ перенайма условленныхъ по таковымъ договорамъ рабочихъ другимъ нанимателямъ для исполненія полевыхъ работъ въ мѣстахъ, гдѣ будетъ имъ указано", и т. д.

Наконецъ, представляютъ особый интересъ мнѣнія хозяевъ юго-восточныхъ губерній. Такъ, саратовскій губернскій предводитель дворянства, П. А. Кривскій, въ запискѣ своей говоритъ: „Купцы-землевладѣльцы много надѣлали вреда правильному веденію хозяйства. Совершенно незнакомые съ нимъ, они смотрѣли на купленныя ими имѣнія какъ на всякій другой товаръ, вели въ нихъ хищническое хозяйство, а въ дѣло найма рабочихъ внесли свои торговые пріемы и обычаи". Очевидно, вторженіе чуждаго дворянству элемента бросается въ глаза юго-восточному хозяину, и взглядъ его ярко под-

тверждается цифрами; ибо если принять во вниманіе четыре южныхъ степныхъ губерніи (бессарабскую, херсонскую, екатеринославскую и таврическую) и шесть юго-восточныхъ губерній (симбирскую, самарскую, саратовскую, уфимскую, оренбургскую и астраханскую), т.-е. районъ. наиболѣе заинтересованный въ регулированіи найма рабочихъ, то изъ общей суммы частновладѣльческой земли въ 21.930 тыс. дес. на долю дворянъ выпадаетъ *только около половины*, а именно 12.450 тыс. десятинъ.

Такимъ образомъ, изъ сопоставленія приведенныхъ статистическихъ выводовъ и изъ отзывовъ мѣстныхъ совѣщаній усматривается, что нанимателемъ является въ большинствѣ случаевъ, въ массѣ сдѣлокъ найма сельскихъ рабочихъ, не помѣстный коренной дворянинъ, ведущій хозяйство самъ и „издавна связанный съ окружающимъ населеніемъ доброжелательными отношеніями", а главнымъ образомъ крестьянинъ, разночинецъ и купецъ, въ видѣ землевладѣльца, арендатора, съѣмщика, подрядчика по поставкѣ рабочихъ, не принимая даже во вниманіе дѣятельность лицъ этихъ же сословій въ качествѣ самостоятельныхъ приказчиковъ, старостъ и управляющихъ.

Вслѣдствіе этого, законъ, имѣющій цѣлью упорядоченіе отношеній между нанимателями и рабочими въ сельско-хозяйственной промышленности, долженъ быть совершенно чуждъ всякихъ сословныхъ соображеній и долженъ не столько заботиться объ обезпеченіи интересовъ недобросовѣстнаго нанимателя, склоннаго къ притѣсненіямъ рабочаго и злоупотребленіямъ своею властью, сколько объ охранѣ интересовъ нанимателя добросовѣстнаго, дабы поставить обѣ категоріи нанимателей въ равныя условія при наймѣ робочихъ.

III.

Самый существенный недостатокъ, какъ существующаго Положенія 12-го іюня 1886 года о наймѣ на сельскія работы, такъ и всѣхъ проектовъ его измѣненія, заключается въ отсутствіи въ законѣ и проектахъ правилъ, которыя упорядочивали бы способъ заключенія договора найма и порядокъ его исполненія. Обращая слишкомъ много вниманія на обезпеченіе сдѣлки уголовными репрессіями, всѣ предположенія обходятъ упомянутую сторону дѣла, составляющую коренную причину зла, вслѣдствіе чего создаются совершенно ненормальныя и неопредѣленныя условія для каждой сдѣлки о наймѣ, дающія поводъ къ нарушенію договора сторонами при самомъ его возникновеніи и во время дальнѣйшаго выполненія работъ. Можно сказать, что сдѣлки по найму на сельскія работы, по обычаю и по за-

кону, заключаются такъ, что было бы удивительно, еслибы онѣ не нарушались на каждомъ шагу.

Главнѣйшей коренной причиной неурядицы въ области сельско-хозяйственнаго найма рабочихъ является установленный обычаемъ и допускаемый закономъ заблаговременный наемъ, съ уплатой значительнаго задатка—иногда всей договоренной платы—впередъ.

Сторонники сохраненія и освященія закономъ задатка при наймѣ указываютъ на безусловную необходимость его для обезпеченія нанимателей рабочей силой при уборкѣ урожая. „Заблаговременный наемъ рабочихъ,—говорится въ запискѣ П. А. Кривскаго,—съ уплатою всѣхъ денегъ впередъ, составляетъ для хозяевъ *необходимость*, которой они подчиняются, такъ какъ рабочіе безъ этого не нанимаются совсѣмъ, и это дѣлается вовсе не съ цѣлью извлечь какія-либо выгоды (!) изъ стѣсненнаго положенія рабочихъ". И это дѣлается потому, говорится далѣе въ запискѣ, что „уборка уже посѣяннаго хлѣба непремѣнно требуетъ, чтобы она была обезпечена заблаговременно". Но достигается ли этой мѣрой обезпеченіе уборки? Выгодна ли она для нанимателя даже въ случаѣ исполненія договора? На это составитель записки отвѣчаетъ: „Годовые и лѣтніе (рабочіе) кое-какъ живутъ до сѣнокоса. Но въ сѣнокосъ многіе уже уходятъ, а наканунѣ уборки хлѣба уходятъ *почти всѣ безъ исключенія*". Получается, повидимому, почти безвыходное положеніе. „Безъ большого задатка и затѣмъ постояннаго требованія денегъ впередъ, чтобы всегда держать хозяина въ рукахъ, ни одинъ рабочій не нанимается и не остается жить. Большею частью бываетъ такъ: не дай денегъ—уйдетъ, и дай деньги—уйдетъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, составитель записки разсуждаетъ далѣе, что заблаговременная „наемка для хозяина всегда невыгодна — это не подлежитъ сомнѣнію. Всякая работа, за которую деньги платятся по ея исполненіи, всегда и во всемъ безъ исключенія дѣлается лучше той, за которую деньги взяты впередъ. Разница между ними обыкновенно бываетъ гораздо бо̀льшая, нежели разница между цѣнами заблаговременнаго и базарнаго найма".

Заключенія губернскихъ совѣщаній 1897 года по этому вопросу совершенно однообразно и опредѣленно указываютъ на неустройство и безпорядокъ, возникающіе отъ этой причины въ отношеніяхъ нанимателей и рабочихъ. Всѣ совѣщанія утверждаютъ, что случаи уклоненія отъ исполненія договоровъ встрѣчаются преимущественно среди сроковыхъ рабочихъ въ горячую пору, и *то лишь* когда договоры совершены значительно ранѣе срока ихъ исполненія и по цѣнамъ значительно меньшимъ, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ въ самый періодъ исполненія работъ, когда урожай хлѣба увеличиваетъ требованіе на рабочія руки.

Это положеніе въ различныхъ словахъ повторяютъ: бессарабское, волынское, кіевское, курское, могилевское, оренбургское, псковское, с.-петербургское, смоленское, тамбовское, тульское, уфимское и др. совѣщанія, причемъ указываютъ, что нарушенія договоровъ дѣлаются чаще, если задатки составляютъ значительную часть договорной платы, „такъ какъ съ поденными рабочими расплата производится наличными деньгами каждый день, тогда какъ (для срочныхъ) исполненіе договора состоитъ въ отработкѣ раньше полученныхъ (съ зимы или съ осени) задатковъ“. Харьковское же совѣщаніе прямо указываетъ, что „всѣ договоры, заключенные въ зимнее время или раннею весною съ большими задатками, являются *наиболѣе необезпеченными*, и, при повышеніи цѣнъ на рабочія руки, уклоненіе недобросовѣстныхъ рабочихъ, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, отъ исполненія заключеннаго договора—явленіе общее“.

Уфимское губернское совѣщаніе (заключеніе земскаго начальника, уѣздн. предвод. дворянства и предсѣд. уѣздныхъ земскихъ управъ) основательно замѣчаетъ, что „въ отсутствіи правилъ, кои могли бы устранять возможность объясненнаго ненормальнаго способа найма на сельско-хозяйственныя работы—ближайшей причины неустройствъ въ семъ дѣлѣ—и заключается главный пробѣлъ Положенія 12-го іюня 1886 года“.

Не приводя дальнѣйшихъ выписокъ по этому вопросу, — а ихъ можно привести желаемое количество изъ заключеній мѣстныхъ совѣщаній и отдѣльныхъ мнѣній хозяевъ,—можно сказать, что въ этомъ отношеніи мнѣнія всѣхъ хозяевъ почти единодушны; всѣми сознается вредъ этого установившагося обычая задатковъ и зимняго найма, служащаго коренной причиной взаимныхъ неудовольствій нанимателей и рабочихъ. При такой постановкѣ, повидимому, попытка законодательнымъ путемъ урегулировать укоренившійся вредный обычай задатковъ и досрочной покупки труда подсказывается обстоятельствами тѣмъ болѣе, что тѣ изъ сельскихъ хозяевъ, которые относятся къ задатку отрицательно и осуждаютъ этотъ вредный обычай, довольно ясно указываютъ на возможность найма безъ задатка и на послѣдствія уничтоженія этого обычая. Такъ, могилевское губернское совѣщаніе утверждаетъ, что „въ этой губерніи рабочимъ, нанимаемымъ на срокъ, даются задатки гораздо меньшіе, а потому и случаи уклоненія отъ работъ рѣже, причемъ, по заявленію нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи землевладѣльцевъ, они вовсе не даютъ впередъ задатковъ, а при этомъ условіи, если и приходится платить дороже рабочимъ, то зато работаютъ они добросовѣстно“. Таврическое совѣщаніе также свидѣтельствуетъ, что во всей губерніи „заключеніе договоровъ на уборку полей значительно ранѣе ихъ испол-

ненія не практикуется, а потому нарушенія этихъ договоровъ не наблюдается". Въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ вологодскому совѣщанію, приводятся слѣдующія соображенія: „Въ губерніи есть значительное число безлошадныхъ крестьянскихъ хозяевъ, гдѣ обработка ведется наемнымъ трудомъ,—между тѣмъ, нарушенія договоровъ о наймѣ для обработки надѣловъ безлошадныхъ крестьянъ не бываетъ, несмотря на то, что въ губерніи заключаются многія сотни такихъ договоровъ. Разница между договорами найма для обработки крестьянскихъ надѣловъ и договорами найма, заключаемыми съ частными землевладѣльцами, состоитъ въ томъ, что первые обыкновенно не скрѣпляются выдачею задатковъ; поэтому, въ первомъ случаѣ, нѣтъ того стимула, который побуждаетъ недостаточныхъ крестьянъ къ заключенію убыточныхъ договоровъ".

Въ засѣданіи сельско-хозяйственнаго совѣта 30-го мая 1898 г. А. Д. Полѣновъ пояснилъ, „что въ его имѣніи недоразумѣнія съ рабочими исчезли именно съ прекращеніемъ выдачи зимнихъ задатковъ, допускавшихъ возможность эксплоатаціи рабочихъ на этой почвѣ". А предсѣдатель московскаго Общества сельскаго хозяйства, князь А. Г. Щербатовъ, въ своемъ особомъ мнѣніи, поданномъ въ сельско-хозяйственный совѣтъ, говоритъ: „Изъ разныхъ источниковъ имѣется не мало указаній на то, что отработная система въ центральныхъ губерніяхъ за выдаваемые зимой задатки или за земельные отрѣзки во многихъ случаяхъ можетъ быть подведена подъ законоположеніе о *ростовщичествѣ*".

Изъ приведенныхъ мнѣній,—а такихъ мнѣній можно привести достаточное количество,—очевидно, что какой-то безусловной необходимости выдавать задатки,—безъ чего, будто бы, „рабочіе не нанимаются",—въ дѣйствительности не существуетъ; что же касается того обстоятельства, что зимній и осенній наемъ съ задатками весьма невыгоденъ для рабочихъ и носитъ характеръ ссудной операціи, именуемой княземъ Щербатовымъ „ростовщической", то, не приводя многочисленныхъ указаній по этому предмету въ специальной литературѣ, не дающихъ повода къ сомнѣніямъ, приведемъ лишь факты, имѣющіе, такъ сказать, оффиціальный характеръ и встрѣчающіеся въ заключеніяхъ губернскихъ совѣщаній и мнѣніяхъ къ нимъ отдѣльныхъ членовъ и хозяевъ. Такъ, многія совѣщанія утверждаютъ, что „нарушеніе договоровъ случается въ особенности у тѣхъ землевладѣльцевъ, которые нанимаютъ рабочихъ зимою по *дешевой цѣнѣ* и въ тѣ годы, когда урожай хлѣба увеличиваетъ требованія на рабочія руки" (воронежское); между прочимъ волынское совѣщаніе замѣчаетъ, что „встрѣчаются такіе случаи преимущественно среди сроковыхъ рабочихъ въ горячую пору, и то тогда лишь, когда договоры совершены значительно ранѣе

срока ихъ исполненія и по цѣнамъ *значительно меньшимъ*, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ въ самый періодъ исполненія работъ, что, однако, также представляетъ рѣдкое явленіе. Вообще, причины встрѣчающагося неустройства въ дѣлѣ найма на сельско-хозяйственныя работы не могутъ разсматриваться какъ положеніе общее,—напротивъ, онѣ вытекаютъ, главнымъ образомъ, лишь отъ индивидуальныхъ особенностей какъ отдѣльныхъ рабочихъ, такъ и отдѣльныхъ хозяевъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, добавляетъ то же совѣщаніе, если рабочій отплачиваетъ эксплоататору-хозяину, стремящемуся законтрактовать рабочаго за низкую цѣну, въ критическій моментъ тѣмъ, что или недобросовѣстно исполняетъ возложенную на него работу, или уходитъ туда, гдѣ трудъ его оплачивается лучше", „ибо естественно, что рабочій, нанятый на срокъ, видя рядомъ съ собою другого поденнаго, получающаго за свою работу 2—3 рубля, за какую онъ получаетъ 30—40 коп., стремится оставить своего хозяина" (екатеринославское сов.).

Объясняя указанныя явленія, уфимское совѣщаніе предводителей дворянства и земскихъ начальниковъ говоритъ, что „рабочіе, съ своей стороны, къ подобному способу найма прибѣгаютъ вслѣдствіе нужды въ деньгахъ или продовольствіи обыкновенно въ концѣ зимы; въ такое время они, съ единственной цѣлью получить впередъ заработную плату, соглашаются на всякія условія, предлагаемыя имъ нанимателями, напр.: сжать десятину ржи за 1 р. 50 коп.; когда же, въ горячую рабочую пору, тѣ землевладѣльцы, которые не успѣли нанять заблаговременно достаточнаго количества рабочихъ или увеличеніе таковаго не признали необходимымъ по состоянію урожая, возвышаютъ цѣны на работы, доводя ихъ, напр., до 4—6 руб. за снятіе одной десятины, то рабочіе уходятъ отъ своихъ нанимателей, а если и остаются, то, считая выданную имъ плату низкою, работаютъ небрежно... Въ свою очередь, и сами наниматели, хотя отлично сознаютъ весь рискъ объясненнаго способа найма рабочихъ, тѣмъ не менѣе, придерживаются его, прельщаясь болѣе всего возможностью при такомъ способѣ воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ рабочаго во время зимы и подрядить его на работу за возможно низкую плату" (Сборн., т. I, стр. 158).

По свѣдѣніямъ изъ вологодской губерніи, „злоупотребленіе возможностью, подъ видомъ задатка, во дни крайней нужды, когда мужика тѣснятъ за недоимку, или когда онъ чуть не умираетъ съ голоду, ссужать деньги крестьянину подъ обработку,—ведетъ къ тому, что наниматели заставляютъ рабочаго подписать условія объ исполненіи имъ за 2—3 руб. работы, стоящей 10 руб.".

Въ симбирской губерніи, „начиная съ декабря мѣсяца (когда у ра-

бочаго нѣтъ денегъ на покупку хлѣба, яровыхъ сѣмянъ для посѣва, или лошади), наниматель выдаетъ деньги подъ исполненіе полевыхъ работъ въ страдную пору, ставя въ условіи за работу цѣну нерѣдко въ два и болѣе разъ дешевле существующей мѣстной на договоренныя работы".

Наконецъ, насколько ниже цѣнится трудъ крестьянина, при наймѣ его на работы съ осени или зимою въ тамбовской губерніи, по сравненію съ тѣмъ, что̀ платится ему при наймѣ весною или лѣтомъ,—видно изъ слѣдующихъ точныхъ данныхъ:

„Въ тамбовскомъ уѣздѣ за обработку одной десятины съ уборкою и доставкою хлѣба на гумно, при своевременномъ наймѣ, платится отъ 8 до 12 руб. Зимою та же работа оцѣнивается въ 4 руб. 50 коп. —5 руб. Въ елатомскомъ уѣздѣ лѣтомъ за жнитво платятъ 5—7 руб. съ десятины; осенью за то же даютъ 3—4 руб., а иногда и 2 руб. 50 коп. Въ усманскомъ уѣздѣ полная обработка десятины озимаго и яроваго хлѣба (2 сорок. дес.), не считая взмётки пара и жнива, обходится при лѣтнемъ наймѣ въ 22 руб., а при зимнемъ въ 12 руб. Въ шацкомъ уѣздѣ за обработку круга (1 дес. озимаго и 1 дес. яроваго) осенью платятъ 9—10 руб., тогда какъ нормальная стоимость этихъ работъ 15—16 руб." (Сборн., т. II, ст. 155).

Приведенные мнѣнія и факты, повидимому, въ значительной мѣрѣ уменьшаютъ убѣдительность соображеній, приведенныхъ сельско-хозяйственнымъ совѣтомъ (засѣданіе 3 іюня 1898 г.) въ пользу сохраненія годового срока для сельско-хозяйственныхъ договоровъ найма и узаконенія такимъ образомъ условій зимнихъ задатковъ. Въ вышеуказанномъ засѣданіи совѣта, „по поводу ст. 24 Положенія было высказано замѣчаніе, что опредѣленіе срока заблаговременнаго найма въ предѣлахъ цѣлаго года открываетъ широкій просторъ для эксплоатаціи рабочихъ и кулацкаго найма ихъ въ пору нужды и стѣсненнаго положенія; въ виду этого, было предложено сократить этотъ срокъ до 6 мѣсяцевъ, тѣмъ болѣе, что весь циклъ сельскихъ работъ обнимаетъ приблизительно такой же періодъ. Однако, изъ обмѣна мнѣній по этому вопросу выяснилось, что до тѣхъ поръ, пока сельское населеніе лишено помощи правильно организованнаго мелкаго кредита, установленіе предложенной мѣры было бы нерѣдко прямо пагубно для рабочаго, такъ какъ практикой установлено, что крестьяне, особенно въ виду платежа податей, нерѣдко уже въ началѣ осени запродаютъ свой трудъ на будущія работы, причемъ, еслибы они не получили задатковъ, то-есть, еслибы было запрещено нанимать болѣе чѣмъ за 6 мѣсяцевъ до срока работъ, то это поставило бы ихъ въ самое плачевное положеніе".

Но перенесеніе сроковъ найма съ осени и зимы ко времени на-

чала лѣтнихъ работъ было бы только выгодно для нанимающихся, ибо они получали бы значительно бо̀льшую сумму заработной платы, чѣмъ при существующемъ порядкѣ, и кромѣ того была бы уничтожена коренная причина неудовольствій между нанимателями и рабочими. Очевидно, что это перенесеніе сроковъ найма съ зимы на весну и лѣто потребовало бы только въ первый годъ практики законоположенія соотвѣтственныхъ финансовыхъ мѣропріятій, касающихся строгости взысканія податей; что же касается случаевъ ненормальныхъ,—напримѣръ, мѣстнаго неурожая, падежей скота, пожаровъ и проч.,—то такія экстраординарныя несчастія потребовали бы временныхъ мѣръ, такъ что подобнаго рода явленія не должны бы приниматься во вниманіе при установленіи обычныхъ нормъ закона.

Затѣмъ допущеніе слишкомъ заблаговременной запродажи труда присвоиваетъ этому послѣднему совершенно несвойственное его природѣ юридическое понятіе вещи (имущества), какъ бы физически отдѣлимой отъ личности и организма рабочаго. При этомъ дозволеніе слишкомъ заблаговременной запродажи труда уже допускаетъ перепродажу и переуступку купленнаго товара, что̀ едва ли желательно. Случаи перепродажи труда агентами, нанявшими рабочихъ съ зимы, т.-е., въ сущности, выдавшими имъ ссуду подъ обезпеченіе труда, уже существуютъ и нынѣ, чему можно привести много доказательствъ; достаточно будетъ ограничиться мнѣніемъ бессарабскаго совѣщанія, предлагающаго „совершенно воспретить безусловно вредное вліяніе въ этомъ дѣлѣ посредниковъ евреевъ, разъѣзжающихъ по деревнямъ и связывающихъ рабочій людъ по дешевой цѣнѣ нотаріальными и другими договорами на различныя сельско-хозяйственныя работы, подъ угрозой крайне тяжелыхъ штрафовъ и съ правомъ перенайма другимъ лицамъ этихъ рабочихъ, которыхъ эти евреи-посредники, въ погонѣ за наживой, водятъ въ горячую рабочую пору изъ экономіи въ экономію, часто въ мѣста, отдаленныя отъ поселеній осѣдлости такихъ рабочихъ, дабы сбыть ихъ за возможно высшую плату. Необходимость строгаго преслѣдованія подобныхъ аферистовъ-евреевъ вызывается еще и тѣмъ, что бывали случаи, когда они, по случаю неурожая хлѣбовъ и травъ, не имѣя возможности сбыть за выгодную для себя плату законтрактованныхъ рабочихъ, бросали ихъ на произволъ судьбы въ чужихъ мѣстахъ, откуда рабочіе, какъ нищіе, должны были пробираться на родину, что̀, однако, не избавляло этихъ несчастныхъ людей рабочихъ отъ дальнѣйшей отвѣтственности, такъ какъ еврей-посредникъ умудрялся, предъявленіемъ иска по мѣсту нарушенія яко бы договора найма, воспользоваться исполнительнымъ листомъ о взысканіи съ нихъ условленныхъ договоромъ непосильныхъ неустоекъ, взысканіе каковыхъ неустоекъ и составляло главную цѣль факторовъ-посредниковъ. Въ ре-

зультатѣ же, за отсутствіемъ у рабочихъ имущества, исполнительные листы замѣнялись новыми договорами найма, и, такимъ образомъ, рабочій бѣднякъ остается чуть ли не всю жизнь въ рукахъ еврея и, естественно, по неволѣ превращается часто въ недобросовѣстнаго рабочаго по отношенію къ тѣмъ нанимателямъ, которые имѣли неосторожность нанять такого рабочаго отъ еврея-посредника".

Съ другой стороны, обычай задатка непригоденъ потому, что, при наймѣ задолго до исполненія договора, обѣ стороны не въ состояніи предвидѣть фактической обстановки, при которой придется осуществлять договоръ, чтò невольно вызываетъ нарушеніе условій найма то той, то другой стороной, а на рабочихъ несомнѣнно производитъ развращающее дѣйствіе, поощряя полученіе обманнымъ образомъ задатковъ съ нѣсколькихъ нанимателей. Вотъ чтò говоритъ по этому поводу тамбовское совѣщаніе: „Вслѣдствіе неблагопріятныхъ экономическихъ условій, подъ давленіемъ крайней нужды, чтобы какъ-нибудь пережить зиму и управиться съ различными домашними потребностями, а въ особенности съ уплатою повинностей, очень многіе изъ бѣдныхъ крестьянъ-домохозяевъ берутъ работу на предстоящую уборку полей еще съ осени, за крайне дешевую цѣну, чтобы только получить деньги впередъ; при этомъ подряжаются иногда у нѣсколькихъ хозяевъ разомъ, въ особенности если у кого-нибудь изъ нихъ есть лишній въ семьѣ работникъ или лишняя лошадь,—не соображая при этомъ того, что за зиму его обстоятельства могутъ измѣниться къ худшему,—напримѣръ, вслѣдствіе убыли изъ семьи рабочихъ рукъ или такихъ случайностей, какъ падежъ рабочей скотины, а то и продажа ея за недоимки. Кромѣ того, почти никто изъ такихъ рабочихъ не принимаетъ во вниманіе и столь важнаго обстоятельства, какъ величина будущаго урожая; вообще, разсчеты на возможность произвести то или другое количество работъ большинство изъ нихъ опредѣляетъ лишь предположительно, послѣдствіемъ чего и бывали случаи неисправнаго выполненія работъ. Такимъ образомъ, взятый на себя крестьяниномъ подобный трудъ является для него не только скудно оплаченнымъ, но и вполнѣ непосильнымъ, и разумѣется, что съ наступленіемъ работъ для исполненія таковыхъ онъ является несостоятельнымъ" (Сб., т. I, стр. 86).

Сводя къ опредѣленнымъ положеніямъ всѣ вышеприведенныя мнѣнія и факты изъ области сельско-хозяйственнаго найма, можно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Задатокъ при наймѣ—главная причина ухода и неявки рабочихъ, а также небрежности ихъ при отработкѣ взятаго задатка.

2) Наемъ съ задаткомъ съ осени или зимы всегда невыгоденъ для

рабочаго, ибо обыкновенно бываетъ значительно менѣе цѣны въ лѣтнее время при исполненіи работъ.

3) Наемъ съ задаткомъ, иногда равнымъ всей договорной платѣ, развращаетъ рабочихъ, поощряя ихъ къ недобросовѣстному забору нѣсколькихъ задатковъ, неисполненію договоровъ и проч.

4) Наемъ съ задатками нисколько не обезпечиваетъ и нанимателей, ибо, въ случаѣ повышенія платы въ рабочую лѣтнюю пору, именно эти договоры нарушаются и заставляютъ хозяевъ нести убытки отъ самовольныхъ уходовъ.

5) Наемъ съ задатками влечетъ за собою установленіе весьма вредныхъ обычаевъ запродажи, перепродажи, перенайма нанятыхъ рабочихъ со стороны различнаго рода посредниковъ, въ ущербъ интересамъ какъ нанимателей, такъ и рабочихъ.

При указанныхъ условіяхъ вмѣшательство государственной власти, въ цѣляхъ упорядоченія отношеній нанимателей и рабочихъ путемъ законодательства, вполнѣ умѣстно и желательно. Въ этомъ случаѣ, еслибы законъ ограничилъ, при заключеніи договора найма, размѣръ задатка (напримѣръ 1/10 часть общей рядной суммы), чтобы предупредить возможность вовлеченія рабочаго въ невыгодную сдѣлку, пользуясь его временною нуждою, затѣмъ сократилъ срокъ заблаговременности выдачи задатка до наступленія условій найма (напримѣръ, опредѣливъ его въ одинъ мѣсяцъ) и установилъ нормы удержаній изъ заработной платы рабочаго за долги или выданныя нанимателемъ деньги впередъ (опредѣливъ ежемѣсячный размѣръ въ 1/8 суммы причитающейся рабочему платы), то этими постановленіями значительно улучшилась бы существующая неурядица въ области найма на сельско-хозяйственныя работы. Указаніе въ законѣ приведенныхъ условій для задатка при наймѣ въ достаточной мѣрѣ уравняло бы выгоды какъ для добросовѣстныхъ, такъ и недобросовѣстныхъ нанимателей и рабочихъ и, раскрывъ дѣйствительное содержаніе и значеніе выдаваемаго при каждой сдѣлкѣ задатка, отдѣлило бы тѣ случаи, когда подъ нимъ скрывается ссуда или заемъ, отъ тѣхъ, когда онъ является дѣйствительной частью условленной платы при договорѣ найма. Заимодавецъ сохранилъ бы свое право на взысканіе занятыхъ денегъ, а наниматель—получилъ бы трудъ своего рабочаго, и, надо думать, это средство оказало бы существенное вліяніе на правильность постановки дѣла сельско-хозяйственнаго найма.

IV.

Другимъ весьма существеннымъ и обычнымъ недостаткомъ договоровъ найма на сельскія работы является неопредѣленность договора, заключающаяся въ отсутствіи правильной расцѣнки стоимости труда при наймѣ на срокъ. Это „неумѣнье съ обѣихъ сторонъ обстоятельно договориться", какъ выразился одинъ изъ членовъ сельско-хозяйственнаго совѣта, влечетъ за собою рядъ недоразумѣній при выполненіи обязательствъ, и законодательное устраненіе этого недостатка, внося въ условія договора опредѣленность и необходимую ясность, въ значительной мѣрѣ способствовало бы установленію прочности договорныхъ отношеній и сокращенію недоразумѣній и неудовольствій между нанимателями и рабочими.

Дѣло заключается въ слѣдующемъ. При договорахъ на срокъ,—а эти-то договоры и служатъ почвой обычныхъ жалобъ сторонъ,—обыкновенно опредѣляется общая рядная сумма, но рѣдко указывается правильная расцѣнка заработной платы по періодамъ времени, напримѣръ по мѣсяцамъ, и еще рѣже указывается порядокъ выдачи денегъ. А между тѣмъ, въ сущности, при всякомъ подобнаго рода наймѣ въ скрытой формѣ въ общей рядной суммѣ заключается эта расцѣнка платы; договариваясь, напримѣръ, за цѣну въ 40 руб. на четыре лѣтнихъ мѣсяца (май, іюнь, іюль, августъ), наниматель и рабочій хорошо знаютъ, что дѣйствительная расцѣнка стоимости труда, а стало быть, и заработной платы далеко неравномѣрна по мѣсяцамъ, и, быть можетъ, по мѣстнымъ условіямъ даннаго времени, заработная плата за май будетъ составлять 5 руб., а за іюнь 20 руб. Вслѣдствіе указанной неясности условій договора, рабочій получаетъ право требовать по 10 руб. въ мѣсяцъ и къ іюлю мѣсяцу уже забираетъ половину всей рядной суммы, въ то время какъ въ дѣйствительности онъ отработалъ только четвертую долю ея. При подобныхъ обстоятельствахъ соблазнъ нарушенія договора со стороны рабочаго, въ особенности при повышеніи платы, при наступленіи уборки травъ и хлѣбовъ возрастаетъ, и хозяинъ ничѣмъ не обезпеченъ отъ самовольнаго ухода рабочаго. Такимъ образомъ система задатковъ и отсутствіе правильной расцѣнки заработной платы при наймѣ на срокъ создаютъ то положеніе, при которомъ рабочій вовсе не получаетъ заработной платы, а только отработываетъ взятыя деньги впередъ, что̀ и служитъ главной причиной неявки, самовольныхъ уходовъ, небрежности работъ и остальныхъ явленій, характеризующихъ недостатки сельско-хозяйственнаго найма. Несомнѣнно, если допустить ту же систему задатковъ, наемъ за годъ впередъ и отсутствіе правильныхъ расцѣнокъ

заработной платы при договорѣ рабочаго на фабрики и заводы,—сравнительно рѣдкія нынѣ недоразумѣнія и неудовольствія между фабрикантами и рабочими приняли бы острый и обще-распространенный характеръ. Мѣры къ устраненію вышеуказанныхъ недостатковъ довольно ясно указываются общеизвѣстнымъ фактомъ, удостовѣряемымъ почти всѣми губернскими совѣщаніями и мнѣніями отдѣльныхъ хозяевъ, что даже въ области сельско-хозяйственнаго найма, при работахъ сдѣльныхъ, на отрядъ и поденныхъ, когда уплата дѣлается послѣ исполненія работы, обыкновенно никакихъ недоразумѣній между нанимателями и рабочими не возникаетъ. Многочисленныя указанія хозяевъ и мнѣнія, высказанныя въ литературѣ этого вопроса, подтверждаютъ практичность и необходимость законодательнымъ путемъ регламентировать эту сторону договорныхъ отношеній при сельско-хозяйственномъ наймѣ. Такъ, одинъ изъ землевладѣльцевъ черниговской губерніи сообщаетъ, что, „для обезпеченія себя людьми въ горячую пору, онъ практикуетъ такой способъ найма, что условленная плата за лѣто распредѣляется по мѣсяцамъ не одинаково, но смотря по степени трудности работъ: меньшая плата условливается за весеннія работы, высшая—за уборку въ страдную пору, и низшая—за осеннія работы; такими мѣрами практически достигается то, что случаевъ оставленія работы рабочими въ горячую пору здѣсь не бываетъ“ (Сборн., т. II, стр. 97). Другой землевладѣлецъ изъ екатеринославской губерніи, нуждающейся въ рабочихъ, говоритъ „что практическіе хозяева, во избѣжаніе самовольнаго ухода, не только никогда не даютъ рабочимъ задатковъ, но и выдачу выговоренныхъ срочныхъ платежей допускаютъ въ такихъ размѣрахъ, чтобы часть заработной платы постоянно оставалась за нанимателемъ“. Эта-то часть заработной платы и составляетъ обезпеченіе договора. Подобныя указанія дѣлались на всероссійскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ въ 1895 году, въ воронежскомъ совѣщаніи и т. д.

Въ этомъ случаѣ общее мнѣніе сельскихъ хозяевъ, простой здравый смыслъ обоюдной выгодности исполненія договора и практика найма рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ неопровержимо доказываютъ, что еслибы въ законѣ указано было требованіе о томъ, чтобы всѣ договоры о наймѣ на сельскія работы заключали въ себѣ двухнедѣльную или помѣсячную расцѣнку общей рядной платы при срочномъ наймѣ, то это требованіе, въ соединеніи съ правомъ нанимателя, при помѣсячной уплатѣ рабочему заработной платы, удерживать за собою не болѣе $^1/_3$ части этой платы, въ соединеніи съ устраненіемъ злоупотребленій, связанныхъ съ обычаемъ крупныхъ задатковъ, въ значительной мѣрѣ предупредило бы взаимныя неудоволь-

ствія сторонъ и урегулировало бы отношенія нанимателей и рабочихъ при наймѣ на сельскія работы.

V.

Наибольшую трудность представляетъ удовлетворительное разрѣшеніе путемъ законодательныхъ указаній вопроса о справедливомъ согласованіи интересовъ нанимателей и рабочихъ, нанятыхъ на срокъ, въ томъ случаѣ, когда при уборкѣ урожая рабочая плата быстро и несоразмѣрно увеличивается. Явленіе это, рѣдко замѣчаемое въ центральной и западной Россіи, смягчило свою остроту въ тѣхъ изъ южныхъ губерній, гдѣ получилъ широкое примѣненіе машинный трудъ при уборкѣ хлѣбовъ и травъ, но все-же оно не потеряло своего значенія для многихъ малонаселенныхъ мѣстностей степного юга и юго-востока страны.

Тотъ способъ рѣшенія этой задачи, который дается сторонниками репрессивной системы, простъ и ясенъ; они требуютъ соблюденія „святости договора“ во что бы то ни стало,—„несмотря на его невыгодность“, какъ говорятъ они,—и притомъ находятъ необходимымъ закрѣпить исполненіе договора усиленнымъ и ускореннымъ уголовнымъ наказаніемъ самовольно уходящихъ рабочихъ, наказаніемъ, приводимымъ въ исполненіе даже немедленно, безъ права обжалованія при присужденіи къ аресту не свыше 10 дней, для того, чтобы лишеніе свободы въ формѣ ареста, угрожающее сельскому рабочему за указанные проступки, имѣло устрашающее значеніе и „лишило его возможности воспользоваться плодами своего проступка, т.-е. работать у другихъ нанимателей въ страдную пору, *когда цѣна на наемный трудъ значительно повышается*“. Способъ этотъ, однако, несмотря на свою простоту, едва-ли можно считать правильнымъ и цѣлесообразнымъ. Сомнѣнія въ справедливости указаннаго способа рѣшенія заключаются въ слѣдующихъ соображеніяхъ: договоръ найма съ рабочими, нанимаемыми на срокъ по существующему обычаю, заключается задолго до его исполненія и иногда, при задаточной системѣ, почти за годъ; при этомъ невозможно предусмотрѣть не только частныхъ измѣненій при выполненіи условій каждаго договора, но, главнымъ образомъ, вообще невозможно предвидѣть размѣръ урожая, ожидаемаго въ будущемъ году. Какъ уже сказано, эти колебанія урожаевъ не уклоняются слишкомъ сильно отъ средняго въ большинствѣ мѣстностей средней Россіи, но весьма сильно измѣняются въ зависимости отъ климатическихъ и почвенныхъ условій въ мѣстностяхъ юга и востока Россіи. Многіе хозяева и изслѣдователи устанавливаютъ,

что колебанія среднихъ и обильныхъ урожаевъ въ вышеуказанныхъ мѣстностяхъ Россіи могутъ быть опредѣлены въ пропорціи одного къ четыремъ и даже пяти. При такихъ условіяхъ рабочая плата, въ зависимости отъ общихъ и частныхъ мѣстныхъ условій уборки урожая, можетъ возрости иногда въ *десять разъ* и выше, сравнительно съ средней и опредѣленной въ срочномъ договорѣ найма, заключенномъ съ зимы или осени. Естественно, что отношенія нанимателей и рабочихъ достигаютъ въ этомъ случаѣ крайнихъ предѣловъ обостренія и напряженности; сроковые рабочіе при несоразмѣрной разницѣ цѣны за свой трудъ массами „поголовно" оставляютъ хозяевъ; наниматели теряютъ всю неотработанную сумму данныхъ рабочимъ впередъ денегъ, принуждены нанимать послѣднихъ по крайне высокой цѣнѣ и съ сознаніемъ своей правоты говорятъ о „грабежѣ и безнаказанномъ обманѣ" со стороны рабочихъ, о своемъ „разореніи" и невозможности вести хозяйство. Но, съ другой стороны, и нанимаемые могли бы имѣть, повидимому, нѣкоторое основаніе говорить, что домогательство нанимателей, при помощи угрозы арестомъ и приводомъ черезъ полицію, воспользоваться ихъ трудомъ по несоразмѣрно низкой цѣнѣ и желаніе путемъ принудительныхъ мѣръ присвоить себѣ ихъ трудъ по цѣнѣ, иногда въ десять разъ ниже существующей цѣны труда на рынкѣ, едва-ли можетъ быть признано справедливымъ.

Очевидно, необычно высокій урожай, служащій причиною несоразмѣрнаго повышенія рабочей платы, является обстоятельствомъ стихійнаго характера, совершенно случайнымъ, не зависящимъ отъ воли договаривающихся сторонъ, не предвидѣннымъ и не могущимъ быть предусмотрѣннымъ въ моментъ заключенія договора. Эта, можно сказать, національная, весьма характерная особенность сельско-хозяйственнаго строя зависитъ отъ коренныхъ, неустранимыхъ климатическихъ и соціальныхъ условій страны и рѣзко отличаетъ сельско-хозяйственный наемъ въ Россіи отъ найма въ другихъ странахъ, а также отъ условій исполненія работъ на фабрикахъ и заводахъ.

Помимо мотивовъ экономической выгоды, изъ правосознанія сторонъ въ сельско-хозяйственномъ наймѣ нельзя устранить указаннаго взгляда на значеніе урожая хлѣбовъ, и нельзя поэтому слишкомъ строго и односторонне судить и о жалобахъ нанимателей, и о самовольныхъ уходахъ рабочихъ. Справедливость указаннаго мнѣнія еще болѣе подтверждается, если мы возьмемъ обратныя условія, т.-е. неурожай и сопровождающее его соразмѣрное паденіе средней обычной заработной платы. Въ этомъ случаѣ страдаетъ рабочій, и наниматель, пользуясь 58 ст. Положенія 1886 г., легко можетъ безъ суда уволить рабочаго за грубость, лѣность, нерадѣніе, неисправность и т. п. при-

чины, весьма условныя и допускающія вполнѣ произвольное пониманіе и толкованіе. Чтобы не заслужить упрека въ голословности, можно привести въ подтвержденіе факты изъ „Сборника заключеній" губернскихъ совѣщаній. Такъ, екатеринославское совѣщаніе говоритъ: „Вмѣстѣ съ этимъ замѣчается и обратное явленіе: виды на урожай могутъ измѣниться въ теченіе нѣсколькихъ дней,—восточные вѣтры выжигаютъ поля, и наниматель (въ особенности изъ крестьянъ или разночинцевъ), нанявшій много рабочихъ въ разсчетѣ на урожай и боясь предстоящей расплаты, начинаетъ притѣснять рабочихъ, пока они не бросятъ его до срока. Обращаться же въ судъ, для взысканія съ такого хозяина платы, пришлому рабочему невозможно. Такія явленія въ губерніи, какъ повторяющіяся изъ года въ годъ, можно назвать постоянными" (Сб., т. I, стр. 66).

Въ заключеніи харьковскаго совѣщанія читаемъ: „Не мало встрѣчается случаевъ, когда сами наниматели желаютъ, чтобы рабочіе ушли до срока; это бываетъ тогда, когда сроковая плата чрезмѣрно высока, а урожай хлѣбовъ и травъ очень плохъ; въ такихъ случаяхъ наниматели, желая избавиться отъ дорогихъ рабочихъ, начинаютъ кормить ихъ дурной пищей, и тѣмъ заставляютъ послѣднихъ нарушать условія найма, причемъ не взыскиваютъ съ нихъ убытковъ за нарушеніе условій" (т. I, стр. 160).

Въ херсонской губерніи, „при отсутствіи надежды на урожай, есть хозяева, которые тоже не выполняютъ договора, удаляютъ рабочаго, или, что особенно наблюдается между нѣмцами-колонистами, спрашиваютъ съ рабочаго такую непосильную работу, что онъ не выдерживаетъ и уходитъ самъ" (т. I, стр. 164).

Въ бессарабской губерніи въ неурожайные годы наблюдались случаи, когда нѣкоторые землевладѣльцы рабочимъ, являвшимся для выполненія условій по договору, отказывали въ предоставленіи какихъ-либо работъ, подъ предлогомъ неурожая, обязывая рабочихъ отработать по условію въ слѣдующемъ урожайномъ году (т. I, стр. 347). Въ черниговской губерніи извѣстенъ случай, когда, вслѣдствіе уничтоженія градомъ табачныхъ плантацій на пространствѣ тысячи десятинъ, рабочіе, нанятые по письменнымъ договорамъ, немедленно были уволены нанимателями, безъ всякаго вознагражденія за досрочное уничтоженіе договоровъ (т. II, стр. 98).

Приведенныя свѣдѣнія, еще разъ подчеркивая указанную выше заинтересованность безсословнаго элемента въ сельско-хозяйственномъ наймѣ рабочихъ, приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) въ дѣйствующемъ Положеніи 12-го іюня 1886 года вовсе упущено изъ виду имѣющее особую важность законодательное регулированіе отношеній нанимателей и рабочихъ въ случаяхъ force majeure, къ числу

которыхъ должны быть отнесены какъ градобитія, полный неурожай, падежъ скота и т. д., такъ и урожай, значительно выше средняго, сопровождающійся непредвидѣннымъ и несоразмѣрнымъ повышеніемъ заработной платы; 2) принимая во вниманіе то обстоятельство, что неурожайные годы на югѣ Россіи случаются чаще годовъ обильнаго (высокаго) урожая, наниматели при строгомъ и искреннемъ примѣненіи формулы безусловнаго исполненія „святости договора, несмотря на его невыгодность", едва-ли были бы въ выигрышѣ, ибо въ этихъ случаяхъ они терпѣли бы убытки, сопряженные съ необходимостью содержанія рабочаго до окончанія срока, бо́льшія, быть можетъ, въ среднемъ разсчетѣ, чѣмъ тѣ, какія имъ приходится нести нынѣ, вслѣдствіе повышенія заработной платы въ урожайные годы. Вопросъ этотъ, повидимому, разрѣшаемый нынѣ при помощи гибкости поводовъ для удаленія нанятаго рабочаго, видящаго въ неурожаѣ „дѣло Божье", при строгой постановкѣ грозилъ бы хозяевамъ не меньшимъ разореньемъ, ибо заплатить даже и высокую плату изъ обильнаго урожая не такъ тяжело, какъ удовлетворить нанятыхъ рабочихъ высшею, сравнительно съ дѣйствительно существующей въ данное время, рабочей платой, при плохомъ урожаѣ хлѣбовъ.

Обращаясь, затѣмъ, къ вопросу о цѣлесообразности устрашенія самовольно оставляющихъ хозяина рабочихъ въ страдную пору, когда цѣна на трудъ несоразмѣрно повышается, должно сознаться, что польза и результатъ указаннаго усиленія уголовной репрессіи возбуждаютъ основательныя сомнѣнія. Обстоятельства, при которыхъ происходятъ вышеуказанныя нарушенія, приблизительно обрисовываются въ заключеніяхъ губернскихъ совѣщаній юга Россіи такъ: „рабочій, нанятый на срокъ и уже взявшій значительную часть рядной суммы впередъ, видя рядомъ съ собою поденщика, получающаго за такую же работу 2—3 руб. наличными въ день, за какую онъ отработываетъ 30—40 коп. ранѣе взятыхъ денегъ,—оставляетъ своего хозяина". „Кухарки,—говорится въ запискѣ П. А. Кривскаго,—и тѣ уходятъ, и въ людскихъ стряпаютъ поденщицы по цѣнѣ, доходившей до 2 руб. 50 коп. въ день". (Въ послѣднемъ случаѣ, къ сожалѣнію, не указана заработная плата ушедшей кухарки,—вѣроятно, она получала тоже около 25 коп. въ день, и тогда оба случая совершенно одинаковы; ибо если взамѣнъ кухарки нанималась поденщица по 2 руб. 50 коп. въ день, стало быть, именно такая цѣна на трудъ и существовала въ то время). При подобныхъ обстоятельствахъ страхъ ареста на нѣсколько дней или недѣль, хотя бы наказаніе и приводилось въ исполненіе даже немедленно, чтобы рабочій лишенъ былъ возможности воспользоваться плодами своего проступка, т.-е. повышенной рабочей платой,—едва-ли вполнѣ достигнетъ своей цѣли. Можетъ быть, тѣ-

лесное наказаніе или заключеніе въ тюрьму, или наказаніе болѣе строгое, какъ это и предлагали нѣкоторые изъ хозяевъ [1]), въ данныхъ обстоятельствахъ и подѣйствовало бы, но арестъ, вовсе не считаемый крестьянами позорнымъ, едва-ли устрашитъ рабочаго. Думать, что рабочимъ руководитъ, въ случаѣ самовольнаго ухода, только корысть полученія высокой заработной платы, значитъ односторонне понимать психологію нанимающагося. Здѣсь играетъ равную, если не преобладающую роль обида, досада и горечь положенія, при которомъ нанявшійся считаетъ себя обманутымъ, вовлеченнымъ въ невыгодную сдѣлку по причинамъ непредвидѣннымъ и неустранимымъ, вслѣдствіе которыхъ онъ принужденъ продавать единственный источникъ своего благосостоянія—трудъ, по цѣнѣ, иногда въ десять разъ ниже дѣйствительной рыночной стоимости его въ данное время. При указанныхъ обстоятельствахъ, конечно, рабочій попытается прежде всего оставить своего нанимателя подъ разными предлогами, чтобы заработать то же, что̀ заработаетъ и его сосѣдъ-поденщикъ; затѣмъ, надѣясь ускользнуть отъ наказанія,—самовольно убѣжитъ отъ хозяина и, въ крайности, доведенный до озлобленія, скорѣе согласится просидѣть на казенныхъ хлѣбахъ подъ арестомъ, чѣмъ работать на мстящаго ему хозяина за оскорбительно низкую плату. Для него обидно не то, что онъ могъ бы пріобрѣсти, еслибы нанялся за высокую плату, а досадно, кажется невозможнымъ—терять, то, что̀ онъ теряетъ, работая за слишкомъ низкую плату. Чтобы сдѣлать нанимателю понятнымъ это состояніе духа рабочаго, можно привести такое сравненіе: что̀ бы чувствовалъ землевладѣлецъ, еслибы онъ запродалъ весь свой хлѣбъ на срокъ по цѣнѣ 20 коп. за пудъ и еслибы къ этому сроку сдачи хлѣба цѣна его повысилась до 2 руб. за пудъ? Кромѣ сомнѣній относительно устрашающаго дѣйствія наказаній, при разсматриваемыхъ обстоятельствахъ, нельзя оставить безъ вниманія и отрицательныя стороны усиленія уголовныхъ репрессій. При томъ составѣ класса нанимателей, на который указывалось выше, усиленіе репрессіи можетъ сдѣлаться столь же грознымъ, сколь и опаснымъ орудіемъ въ рукахъ недобросовѣстныхъ нанимателей и откроетъ широкій путь для эксплоатаціи рабочаго населенія со стороны „кулацкаго“ элемента деревни. Отношеніе же добросовѣстныхъ нанимателей къ этому вопросу слишкомъ ясно обозначилось въ заключеніяхъ губернскихъ совѣщаній и отдѣльныхъ мнѣніяхъ хозяевъ. Изучая эти

---

[1]) Сборн., т. I, стр. 286, 309. Одно губернское совѣщаніе „признаетъ цѣлесообразнымъ установленную относительно неисправныхъ рабочихъ мѣру наказанія замѣнить заключеніемъ въ тюрьму не свыше одного мѣсяца или тѣлеснымъ наказаніемъ, не болѣе 20 ударовъ для лицъ, не изъятыхъ отъ таковаго, и могущихъ безъ вреда для здоровья его выдержать“.

отзывы и мнѣнія, приходится придти къ тому заключенію, что добросовѣстные хозяева избѣгаютъ, по причинамъ совершенно понятнымъ, судебнаго преслѣдованія ушедшихъ рабочихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, эти тяжбы приходится заводить въ самое горячее рабочее время, когда каждая минута дорога, а между тѣмъ, отъ исхода дѣла не предвидится для хозяина ровно никакого интереса, ибо въ гражданскомъ порядкѣ съ рабочаго ничего взыскать нельзя; лишеніе же рабочаго свободы едва-ли его исправитъ, а только лишитъ возможности заработка и, пожалуй, пріучитъ къ праздности, если не къ чему-либо худшему. Приводъ рабочаго и водвореніе къ прежнему нанимателю насильственными мѣрами черезъ полицію признается всѣми почти хозяевами нежелательнымъ, и это также совершенно понятно: имѣть въ своей усадьбѣ врага, готоваго изъ мести на все дурное, слишкомъ опасно, рискованно и, главное, совершенно безполезно.

Въ заключеніе, нельзя упустить изъ виду, что такимъ образомъ узаконеніе строгихъ и ускоренныхъ мѣръ взысканія едва-ли удержитъ рабочихъ, при исключительныхъ случаяхъ несоразмѣрно высокой платы, отъ „поголовнаго“ ухода, какъ это замѣчается и теперь, а между тѣмъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, самый законъ, по невозможности его примѣненія, будетъ совершенно дискредитированъ въ глазахъ населенія, что̀ едва-ли желательно, тѣмъ болѣе, что точное фактическое примѣненіе закона лишило бы земледѣліе въ самое нужное время услугъ многихъ тысячъ здоровыхъ работниковъ. Невыгодность такого исхода для сельско-хозяйственной производительности страны слишкомъ очевидна.

Естественно поэтому усомниться въ безусловно рѣшающемъ дѣйствіи и пользѣ карательныхъ мѣръ; но, пріискивая выходъ въ мѣрахъ, предупреждающихъ столкновенія и соглашающихъ интересы хозяевъ и рабочихъ, нельзя не указать на чрезвычайную щекотливость и трудность этого вопроса. Правда, установленіе нѣкоторыхъ требованій отъ заключаемыхъ на срокъ договоровъ найма, указанныхъ выше, какъ-то: регламентація задаточной системы заблаговременнаго найма, ограниченіе размѣра удержаній изъ слѣдуемой къ выдачѣ заработной платы и внесеніе въ договоръ помѣсячной расцѣнки общей суммы рядной платы—въ значительной мѣрѣ сократятъ число поводовъ къ нарушенію договоровъ, такъ что, можно думать, при обычныхъ нормальныхъ условіяхъ исполненія договора, этими мѣрами будетъ устранена нынѣ существующая неурядица въ этомъ дѣлѣ. Но и затѣмъ перечисленныя законодательныя нормы едва-ли устранятъ неудовольствіе и недоразумѣнія, возникающія между сторонами въ случаяхъ, которые, по справедливости можно отнести къ

force majeure, каковы: градобитія, неурожай, падежъ рабочаго скота, пожаръ и иныя непредвидѣнныя стихійныя бѣдствія, не дозволяющія хозяину продолжать хозяйственныя работы, и въ особенности обильный урожай, сопровождаемый несоразмѣрнымъ повышеніемъ рабочей платы.

Если обратиться къ дѣйствительной жизни и въ ней искать примѣровъ тому, какъ разрѣшаются мирнымъ путемъ столкновенія интересовъ на почвѣ несоразмѣрнаго повышенія заработной платы, зависящей отъ высокаго урожая, то можно указать на практику, установившуюся въ полтавской губерніи, въ южныхъ уѣздахъ, при недоразумѣніяхъ этого рода. Тамъ, по словамъ губернскаго совѣщанія (т. I, стр. 78), нанимающіеся пришлые рабочіе работаютъ обыкновенно цѣлую недѣлю по одной и той же цѣнѣ, „переторговываясь на ближайшемъ базарѣ въ воскресенье на слѣдующую недѣлю". Хотя это и не касается рабочихъ, нанятыхъ на срокъ, но, повидимому, въ перенаймѣ, т.-е. заключеніи новаго договора на почвѣ обоюднаго добровольнаго соглашенія, только и можно найти разрѣшеніе указанному столкновенію интересовъ. Само собою разумѣется, что вмѣшательство закона можетъ и должно въ данномъ случаѣ регулировать формы и обряды, при которыхъ указанныя соглашенія могли бы совершаться, и тѣмъ обезпечить правильное удовлетвореніе интересовъ обѣихъ сторонъ на почвѣ обоюдной выгодности. Такъ, въ случаяхъ force majeure, дѣйствій непреодолимыхъ и непредвидѣнныхъ стихійныхъ обстоятельствъ, при которыхъ наниматель вынужденъ прекратить производство работъ, какъ-то: полный неурожай, градобитіе, наводненіе, падежъ рабочаго скота, истребленіе пожаромъ необходимыхъ построекъ или орудій и т. д.,—было бы справедливо обязать нанимателя, въ случаѣ прекращенія договора найма, уплатить нанятому рабочему условленную, напримѣръ, текущую мѣсячную плату. Въ случаѣ же несоразмѣрнаго повышенія рабочей платы, вслѣдствіе обильнаго урожая, необходимо предоставить право рабочимъ и хозяевамъ сдѣлать въ теченіе недѣльнаго срока до наступленія времени уборки травъ и хлѣбовъ перенаемъ, причемъ, въ случаѣ непослѣдовавшаго соглашенія сторонъ о размѣрахъ заработной платы на текущій мѣсяцъ страдной поры, было бы предоставлено нанимателю: или уничтожить съ рабочимъ договоръ безъ всякаго въ этомъ случаѣ вознагражденія, или обязать рабочаго продолжать работы, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ вознаградить его, согласно установившейся повышенной рабочей платѣ. Всякіе частные споры, возникающіе по этому поводу, въ окончательной инстанціи должны, конечно, рѣшаться судебнымъ порядкомъ.

VI.

Положеніе 12-го іюня 1886 года о наймѣ на сельскія работы въ статьяхъ 69—104 устанавливаетъ порядокъ заключенія и исполненія договоровъ по такъ называемымъ „договорнымъ листамъ". Эта форма найма, необязательная и допущенная закономъ лишь въ дополненіе къ обычной словесной формѣ договоровъ, соотвѣтствуетъ фабричной рабочей книжкѣ и признается желательной съ точки зрѣнія установленія болѣе правильныхъ отношеній въ дѣлѣ сельско-хозяйственнаго найма, почему ей присвоенъ рядъ преимуществъ, которыя сдѣлали бы эту форму найма наиболѣе распространенной. Такъ, для приданія листамъ документальнаго значенія, изготовленіе ихъ поручается земскимъ управамъ, а выдача листовъ желающимъ производится при волостныхъ правленіяхъ (или городскихъ управахъ), съ записью таковыхъ въ особую „договорную книгу"; всякая сдѣлка найма, при ея совершеніи по договорному листу, должна быть записана въ „договорную книгу" при волостномъ правленіи (или городской управѣ), и наниматель долженъ выдать нанятому лицу или артели разсчетный листъ съ копіей договора; выдаваемый разсчетный листъ также долженъ быть засвидѣтельствованъ при записываніи въ договорную книгу (ст. 70) договорнаго листа, и, оставаясь на рукахъ у рабочаго, онъ служитъ доказательствомъ и документомъ, удостовѣряющимъ условія сдѣлки, выдачу денегъ и проч. Затѣмъ, договорнымъ листамъ придано значеніе явочныхъ актовъ въ отношеніи силы судебной доказательности; наниматель получаетъ право требовать отъ всякаго другого нанимателя возвращенія перешедшаго къ нему рабочаго, подъ страхомъ, въ противномъ случаѣ, уголовной или денежной отвѣтственности второго нанимателя (ст. 51^1 Уст. о нак. по изд. 1895 г.), а самъ сельскій рабочій, за неявку на работу или самовольный уходъ съ нея (ст. 51^2 Уст. о нак.) подлежитъ аресту до одного мѣсяца; тому же наказанію подлежитъ рабочій (ст. 51^3 Уст. о нак.) въ случаѣ полученія задатка по сдѣльному найму и невыполненію договора. Кромѣ того, наниматель по договорному листу, въ случаѣ самовольнаго ухода сельскаго рабочаго, можетъ требовать принудительнаго привода рабочаго черезъ полицію (ст. 101 Положенія о наймѣ), которая, въ случаѣ отказа рабочаго отъ явки безъ уважительныхъ причинъ, обязана подвергнуть его судебному преслѣдованію по ст. 51 Уст. о наказ.

Практика закона доказала ошибочность соображеній законодателя, потому что, какъ это выяснилось въ губернскихъ совѣтахъ, при факультативности заключенія договоровъ въ указанномъ порядкѣ, рабочій, по своей безграмотности, кромѣ исторически сложившагося

страха къ письменнымъ договорамъ вообще, имѣлъ полное основаніе предпочитать словесную сдѣлку и уклоняться отъ договорныхъ листовъ, боясь привода черезъ полицію, ареста при самовольномъ уходѣ или неявкѣ на работу и т. д. Наниматель, съ своей стороны, во-первыхъ, затруднялся сложностью процедуры удостовѣренія сдѣлки въ волостномъ правленіи, въ особенности если это требовало потери времени въ горячую рабочую пору; во-вторыхъ, боялся связываться безспорнымъ договоромъ съ неизвѣстнымъ ему рабочимъ, причемъ безспорность эта была совершенно для него, нанимателя, безполезна: въ случаѣ убытковъ отъ ухода рабочаго, все равно, ничего взыскать съ него, по его несостоятельности, нельзя было, а отвѣтить на судѣ, въ случаѣ своей вины или упущенія, пришлось бы нанимателю безспорно и полностью. Затѣмъ, всѣми признано, что уголовной репрессіи въ законѣ (ст. 51^1, 51^2, 51^3 Уст. о нак.) болѣе чѣмъ достаточно, и вопросъ не въ силѣ репрессіи, а въ трудности и безполезности ея примѣненія. Такъ, приводъ самовольно ушедшаго рабочаго черезъ полицію—мѣра почти никогда не практикующаяся и для хозяина совершенно безполезная и даже опасная; преслѣдованіе по суду и арестъ рабочаго, помимо юридической несообразности, вовсе не достигаютъ своей цѣли, потому что, съ одной стороны, при обычныхъ срокахъ судебнаго разбирательства и обжалованія, рабочій получаетъ „теплую квартиру и казенные харчи“ къ зимѣ, что его нисколько не устрашаетъ, а главное, для всей этой судебной волокиты преслѣдованія рабочаго, даже при особой охотѣ со стороны нанимателя, въ виду полнаго отсутствія всякаго экономическаго интереса, необходимо бываетъ отрываться отъ дѣла, тратить дорогое время горячей рабочей поры, и нести такимъ образомъ ничѣмъ не вознаградимыя денежныя потери.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ, Положеніе 12 іюня 1886 г. осталось мертвой буквой и имѣло весьма малое распространеніе на практикѣ. Съ другой стороны, разрѣшеніе вопроса при помощи обязательной рабочей книжки, предлагаемое проектомъ г. Кривскаго, помимо прочихъ доводовъ, едва ли физически исполнимо. Доводы отвергнувшаго этотъ проектъ сельско-хозяйственнаго совѣта и московскаго съѣзда сельскихъ хозяевъ слишкомъ основательны и неопровержимы, а именно: невозможность снабженія поголовно всего сельско-хозяйственнаго населенія рабочими книжками; малограмотность населенія, т.-е. какъ рабочихъ, такъ и многихъ нанимателей, управляющихъ и приказчиковъ; утрата значительнымъ количествомъ экономій, перешедшихъ изъ рукъ дворянъ-землевладѣльцевъ, своего прежняго характера помѣщичьихъ имѣній; вредъ заблаговременнаго задаточнаго найма, при которомъ крестьяне, подъ давленіемъ крайней нужды, не входятъ въ

надлежащую оцѣнку предлагаемыхъ имъ условій договоровъ, запродавая свой трудъ по цѣнамъ, совершенно не соотвѣтствующимъ дѣйствительной стоимости работъ при ихъ исполненіи, и т. д.

При подобныхъ обстоятельствахъ вышеуказанное противорѣчіе, повидимому, можетъ быть разрѣшено только законодательнымъ обезпеченіемъ полной добровольности и взаимной выгодности договора найма съ послѣдовательнымъ проведеніемъ этого принципа какъ при заключеніи, такъ и при выполненіи условій договора. За успѣшность рѣшенія вопроса въ этомъ смыслѣ говоритъ вся практика нашего фабричнаго законодательства.

Строго говоря, рѣзкой разницы между фабрично-заводскимъ и сельско-хозяйственнымъ предпріятіемъ въ отношеніи условій найма на работы въ дѣйствительности не существуетъ. Всякое хозяйство въ отдѣльности—та же фабрика, производящая только не издѣлія, а хлѣбъ и сельско-хозяйственные продукты. Нѣкоторыя отрасли сельско-хозяйственныхъ производствъ, какъ-то: мукомольное, винокуренное, лѣсопильное, крахмальное, свеклосахарное и т. д., и заведенія этихъ родовъ производства, часто неразрывно связанныя съ сельскимъ хозяйствомъ даннаго имѣнія, составляютъ незамѣтный, постепенный переходъ отъ полевого хозяйства къ настоящей фабрикѣ. Связь эта настолько неразрывна, что часто сельскіе рабочіе переводятся нанимателемъ съ полевыхъ и хозяйственныхъ работъ на фабрично-заводскія и обратно, а признаки, разграничивающіе заведенія сельско-хозяйственной и фабрично-заводской промышленности, настолько по существу неопредѣленны, неясны и сбивчивы, что вопросъ о подчиненіи различныхъ сельско-хозяйственныхъ заводовъ фабричному закону 3 іюня 1886 года и даже надзору чиновъ фабричной инспекціи, постоянно возбуждаетъ въ фабричныхъ присутствіяхъ трудно разрѣшимыя недоразумѣнія.

Многочисленные факты доказываютъ, что какой-либо особой разницы въ характерѣ отношеній нанимателей и рабочихъ въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ промышленности, а въ томъ числѣ и въ сельскомъ хозяйствѣ, не существуетъ, что природа этихъ отношеній, равно какъ и природа договора найма во всѣхъ случаяхъ имѣетъ много общаго, а слѣдовательно тѣ указанія опыта относительно условій найма, которыя признаны практикой фабричнаго законодательства имѣющими важное значеніе для регулированія и упорядоченія отношеній нанимателей и рабочихъ, должны имѣть равное примѣненіе также къ найму на сельско-хозяйственныя работы.

Для того, чтобы возможно было болѣе широкое распространеніе найма по разсчетнымъ книжкамъ, онѣ должны быть именно только разсчетными книжками и ничѣмъ болѣе.

Но для достиженія указанной цѣли необходимо прежде всего облегчить порядокъ заключенія договоровъ по разсчетнымъ книжкамъ. Всѣ формальности явки книжки въ волостное правленіе, записи содержанія сдѣлки въ особую книгу и пр., вовсе не должны быть обязательны, а могли бы быть предоставлены усмотрѣнію сторонъ. Такимъ образомъ договоры о наймѣ могли бы быть заключаемы простою выдачею рабочимъ разсчетныхъ книжекъ.

Рабочая книжка должна быть безусловно освобождена отъ всякихъ отягощающихъ ее нынѣ и связанныхъ съ нею привилегій и юридическихъ преимуществъ относительно гражданскихъ и уголовныхъ взысканій, которыя создаютъ для нея нежелательный odium въ глазахъ обѣихъ сторонъ: рабочій боится взять книжку въ руки и смотритъ на нее съ непреодолимымъ ужасомъ, видя въ этомъ какое-то орудіе власти нанимателя надъ своею личностью; добросовѣстный наниматель также затрудненъ сложностью процедуры выдачи книжки и опасностью связаться съ недобросовѣстнымъ рабочимъ; такъ что останется только сельскій кулакъ и недобросовѣстный наниматель, который, конечно, посмотритъ на книжку какъ на удобную форму закрѣпленія за собою на выгодныхъ условіяхъ рабочаго, пользуясь, при помощи задаточной системы, моментомъ его крайней нужды, съ цѣлью, въ крайнемъ случаѣ, перепродажи другимъ нанимателямъ дешево пріобрѣтеннаго товара-труда.

Въ такомъ случаѣ всѣ преимущества и гарантіи прочности договора найма на сельскія работы, которыя найдено будетъ необходимымъ указать въ законѣ, въ видѣ облегченія, ускоренія или усиленія привилегій въ гражданскомъ процессѣ и уголовной отвѣтственности сторонъ, должны бы сдѣлаться привилегіей *не извѣстной формы договора* найма, а общей принадлежностью всякаго договора найма на сельскія работы, независимо отъ его формы (словесной, письменной, рабочей книжки), если только будетъ доказано, что договоръ былъ заключенъ и исполнялся согласно требованіямъ закона. Казалось бы поэтому, что въ законѣ о наймѣ на сельскія работы могъ бы быть оставленъ,—подобно тому, какъ это установлено въ правилахъ найма на фабрики и заводы,—только одинъ видъ (если этотъ юридическій абсурдъ неизбѣженъ) уголовной репрессіи—„самовольный уходъ нанятаго на срокъ или сдѣльно сельскаго рабочаго"; всѣ же остальныя взысканія, отягчающія чисто гражданскую сдѣлку договора на сельскія работы, должны быть отброшены.

Затѣмъ, въ разсчетную книжку, для устраненія недоразумѣній и пререканій между контрагентами относительно ихъ взаимныхъ правъ, обязанностей и разсчетовъ по договору, должны быть внесены точно всѣ условія договора, требуемыя закономъ для дѣйствительности сдѣлки

найма, какъ-то: означеніе рода работъ и опредѣленіе обязанностей нанимающагося, срока найма и явки на работу, размѣра заработной платы, указаніе основаній къ ея исчисленію и сроковъ платежей, продолжительность суточнаго рабочаго времени, указаніе праздниковъ, въ которые не полагается работы, условія содержанія, т.-е. довольствія пищею и помѣщеніемъ, прочія условія, не противорѣчащія закону, и т. д.; въ другой части той же разсчетной книжки должны отмѣчаться записи о всѣхъ производимыхъ съ рабочимъ разсчетахъ и дѣлаемыхъ съ него вычетахъ или денежныхъ взысканіяхъ. Само собою разумѣется, что всѣ условія заключеннаго договора найма, безразлично по рабочей ли книжкѣ, словесно или въ иной, письменной формѣ, должны соотвѣтствовать тѣмъ правиламъ закона, которыя будутъ установлены относительно условій найма на сельскія работы, порядка заключенія, исполненія и прекращенія этихъ договоровъ, а въ частности регулирующихъ задаточную систему при заблаговременномъ наймѣ, обязательную расцѣнку заработной платы при срочномъ наймѣ, порядокъ и размѣръ выдачи заработной платы, права сторонъ при обстоятельствахъ, отъ неопреодолимой силы проистекающихъ, и т. д.

Для облегченія труда составленія отчетливаго и достаточно подробнаго договора нормальный образецъ разсчетной книжки для найма на сельскія работы, могъ бы быть составленъ, приспособленъ къ мѣстнымъ особенностямъ найма и утвержденъ мѣстными губернскими земскими собраніями. Въ дальнѣйшемъ, заготовленіе такихъ книжекъ и продажа ихъ частными типографіями, а также пользованіе книжками и наемъ по нимъ, съ проставленіемъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ нормальнаго договора соотвѣтствующихъ цифръ или словъ, равно какъ веденіе денежныхъ записей въ указанныхъ графахъ разсчетной части книжки, не представляло бы, кажется, никакихъ затрудненій или недоразумѣній.

При указанныхъ условіяхъ разсчетная книжка при наймѣ на сельскія работы дѣйствительно могла бы сдѣлаться простѣйшею формою письменной сдѣлки о наймѣ, и какъ наниматели, такъ и рабочіе, не имѣли бы никакихъ поводовъ отказываться отъ этой удобной формы договоровъ. Подобный способъ найма на сельскія работы, впрочемъ, и теперь добровольно практикуется во многихъ мѣстностяхъ имперіи, на что имѣются опредѣленныя указанія въ матеріалахъ губернскихъ совѣщаній 1897 года. Такъ, съѣздъ земскихъ начальниковъ владимірской губерніи, юрьевскаго уѣзда, сообщаетъ: „Къ упорядоченію отношеній между нанимателями и рабочими можетъ служить выдача рабочимъ разсчетныхъ книжекъ, въ коихъ записывались бы заработокъ и получка денегъ рабочими; этотъ способъ, во-первыхъ, избавилъ бы отъ из-

лишнихъ хлопотъ при совершеніи договоровъ найма (ст. 83 Полож.), и, во-вторыхъ, рабочіе, какъ показалъ опытъ въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ, охотнѣе соглашаются получить разсчетную книжку, нежели имѣть съ нанимателемъ письменный или словесный договоръ". И далѣе: „Въ нѣсколькихъ хозяйствахъ 3-го участка при наймѣ рабочихъ выдаются книжки, въ которыя входятъ нѣкоторыя статьи Полож., и книжки эти на практикѣ оказываются очень цѣлесообразными, въ виду того, что плата расцѣнивается помѣсячно, сообразно времени года и нуждѣ въ рабочемъ" (Сборн., ч. II, стр. 203).

Для наблюденія за правильнымъ исполненіемъ закона о сельско-хозяйственномъ наймѣ и отношеніями нанимателей и рабочихъ нѣкоторыя изъ губернскихъ совѣщаній (нижегородское, подольское) рекомендуютъ учрежденіе сельско-хозяйственной инспекціи; другія (тульское) полагаютъ возможнымъ возложить обязательства надзора въ этомъ дѣлѣ на земскихъ начальниковъ; наконецъ, бессарабское совѣщаніе и саратовское предлагаютъ предоставить земству избирать для указаннаго надзора и примирительныхъ административныхъ дѣйствій особыхъ почетныхъ должностныхъ лицъ (инспекторовъ) съ правами государственной службы.

Изъ другихъ серьезныхъ недостатковъ Положенія 12-го іюня 1886 г. о наймѣ на сельскія работы, устраненіе которыхъ было бы весьма желательно при законодательномъ пересмотрѣ, можно отмѣтить постановленія о штрафахъ (50—53 ст. Полож.) и о поводахъ къ прекращенію договора найма со стороны нанимателя (ст. 58). Ничѣмъ не ограниченное и никѣмъ не контролируемое право нанимателя штрафовать рабочаго, и притомъ въ свою пользу,—допускаемое Положеніемъ 1886 г.,—только вслѣдствіе полной непримѣнимости и мертвенности этого закона, не могло оказать своего вреднаго вліянія. Почти всѣ совѣщанія 1897 г. обращаютъ на это свое вниманіе, и вотъ что̀, между прочимъ, говоритъ по этому поводу екатеринославское совѣщаніе: „Согласно ст. 50 Положенія 12-го іюня, нанимателю предоставляется право подвергать рабочихъ вычетамъ изъ заработной платы за прогулъ, грубость, неповиновеніе и небрежную работу. На самомъ дѣлѣ, понятіе о небрежной работѣ, грубости и неповиновеніи весьма растяжимо и относительно; хозяева (въ особенности изъ разночинцевъ или изъ крестьянъ), зная, что вычеты съ рабочихъ производятся собственною ихъ властью, очень заинтересованы въ размѣрѣ и количествѣ вычетовъ. Грубость рабочаго можетъ быть естественной и отнюдь не намѣренной, равно какъ и неповиновеніе можетъ быть кажущимся. Между тѣмъ, вычеты за эти проступки идутъ въ пользу хозяина, и хозяинъ дѣлается судьей въ собственномъ дѣлѣ, причемъ ему выгодно быть строгимъ" (Сб., т. I, стр. 105). Если сопоставить эту вы-

писку съ приведенными раньше фактами по этому же предмету, то нельзя не обратить вниманія на полное сходство отношеній нанимателя и рабочихъ при сельско-хозяйственномъ наймѣ съ подобными же отношеніями въ области фабричнаго найма. Тамъ и здѣсь штрафованіе вводится нѣкоторыми нанимателями въ систему; стараются путемъ штрафовъ уменьшить общую сумму рядной платы и т. д. Вслѣдствіе этого, повидимому, вполнѣ умѣстно рекомендовать тѣ же средства леченія, дѣйствительность которыхъ доказала практика фабричнаго закона, а именно: 1) установить высшій предѣлъ общей суммы взысканій, могущихъ быть наложенными на рабочаго, напр. 1/3 частью причитающагося ему къ полученію заработка, ибо въ противномъ случаѣ сумма штрафа можетъ оказаться больше платы, слѣдуемой рабочему при разсчетѣ; 2) налагаемые штрафы ни подъ какимъ видомъ не должны поступать въ пользу хозяина, ибо, по существу—это кара за проявленіе небрежности или злой воли, а вовсе не способъ возмѣщенія убытковъ за счетъ рабочихъ, что̀ можетъ вызвать только справедливыя неудовольствія послѣднихъ; 3) долженъ быть установленъ строгій контроль за правильностью поступленій штрафовъ, которые могутъ употребляться лишь на общеполезныя цѣли,—напр., народное образованіе или вознагражденіе рабочихъ, получившихъ увѣчья при работѣ.

По вопросу о правѣ нанимателя безъ всякаго повода удалять нанятаго рабочаго, скажемъ словами одного изъ губернскихъ совѣщаній: „Прекращеніе дѣйствія договора о наймѣ облегчено гораздо болѣе для хозяина, нежели для рабочаго, а именно: на основаніи п. 1 ст. 58 Положенія 12 іюня, наниматель можетъ отказать рабочему до срока за лѣность, нерадѣніе и неисправность. Отказъ этотъ совершается безъ суда, и рабочій имѣетъ право жаловаться на нанимателя уже послѣ отказа, а слѣдовательно рабочій долженъ доказать на судѣ отсутствіе своей лѣности или неисправности, т.-е. фактъ отрицательный“.

Притомъ „неспособность къ работѣ, за которую, по силѣ п. 10 ст. 58 Положенія, рабочій можетъ быть уволенъ, — понятіе крайне неопредѣленное и относительное. Каждаго рабочаго можно признать неспособнымъ къ извѣстной работѣ. Судъ же, къ которому прибѣгнетъ разсчитанный уже рабочій, признанный неспособнымъ, будетъ весьма затрудненъ въ установленіи критерія его способности или неспособности“ (Сб., т. I, стр. 104). Если къ этому добавить отсутствіе всякихъ наказаній для недобросовѣстнаго нанимателя въ случаѣ нарушенія имъ условій договора, то станетъ понятной односторонность Положенія 12-го іюня 1886 г., дозволяющаго нанимателю, на основаніи сомнительныхъ и неопредѣленныхъ поводовъ, разсчитать сво-

его рабочаго, и наказывающаго арестомъ того же рабочаго за самовольный уходъ отъ нанимателя.

Конечно, было бы весьма желательно, чтобы при пересмотрѣ Положенія 12-го іюня 1886 г. было обращено вниманіе на такіе вопросы, какъ обезпеченіе праздничнаго отдыха для сельскихъ рабочихъ, нормировку рабочаго времени, сверхъ-урочныя работы и т. д. Заканчивая краткій очеркъ нѣкоторыхъ недостатковъ нынѣ дѣйствующихъ правилъ закона о сельскомъ наймѣ, мы далеко не исчерпали вопроса съ разныхъ сторонъ и нарочно старались говорить словами губернскихъ совѣщаній, чтобы противники не могли упрекнуть насъ въ томъ, что выводы родились изъ глубины кабинетныхъ соображеній, не имѣющихъ ничего общаго съ фактами дѣйствительной жизни и вовсе не выражающихъ желаній и мнѣній мѣстныхъ людей и сельскихъ хозяевъ.

W.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1900.

Законъ 12-го іюня 1900 года, и ссылка по приговорамъ сельскихъ обществъ.—Мотивы ея сохраненія.—Вновь вводимыя ограниченія.—Ссылки по общественнымъ приговорамъ—Другой видъ административной ссылки.—Обращеніе земскихъ штрафныхъ суммъ на надобности общихъ мѣстъ заключенія.—Бездорожье и земство.—„Междугубернскія" земскія предпріятія.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Журнала Министерства Юстиціи" напечатано обширное извлеченіе изъ сужденій Государственнаго Совѣта по вопросу о ссылкѣ—сужденій, положенныхъ въ основаніе закона 12-го іюня 1900-го года. Особенно интересными и вмѣстѣ съ тѣмъ спорными представляются тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ одному изъ видовъ административной ссылки. Законъ 12-го іюня отмѣнилъ право *мѣщанскихъ и сельскихъ* обществъ не принимать обратно въ свою среду лицъ, отбывшихъ наложенное на нихъ судебнымъ приговоромъ тяжкое исправительное наказаніе, а также право *мѣщанскихъ* обществъ предоставлять въ распоряженіе правительства порочныхъ своихъ членовъ; но по отношенію къ *сельскимъ* обществамъ это послѣднее право не отмѣнено, а только ограничено. Полную его отмѣну Государственный Совѣтъ призналъ преждевременною. Въ сельскихъ мѣстностяхъ невозможно, при нынѣшнихъ условіяхъ, правильное отправленіе уголовнаго правосудія. Ему препятствуетъ слабость полицейской охраны (въ привислянскомъ краѣ на одного земскаго стражника приходится около 33 квадр. верстъ, въ остальныхъ же губерніяхъ имперіи на одного полицейскаго урядника—почти 702 кв. вер.), а также рѣдкость и разбросанность населенія, обширность слѣдственныхъ участковъ, затруднительность сообщеній. Между тѣмъ, каждая неудача въ раскрытіи преступленій колеблетъ среди крестьянъ, и безъ того склонныхъ избѣгать судебной волокиты, довѣріе къ суду и увѣренность въ достаточномъ огражденіи личной и имущественной безопасности. Отсюда весьма частые и теперь,—даже при

широкомъ пользованіи правомъ удаленія порочныхъ членовъ общества,—случаи самосуда. Число такихъ случаевъ неизбѣжно должно возрасти, если общества будутъ лишены вышеупомянутаго права. Въ настоящее время число удаляемыхъ по приговорамъ сельскихъ обществъ составляетъ ежегодно, въ среднемъ, около 2½ тысячъ; но болѣе половины этого числа приходится на долю лицъ, отбывшихъ наказаніе по суду. Съ отмѣною права обществъ не принимать такихъ лицъ въ свою среду и съ введеніемъ ограниченій, о которыхъ будетъ сказано ниже, число ссылаемыхъ едва-ли будетъ достигать и одной тысячи. За сохраненіе,—на время,—ссылки по общественнымъ приговорамъ говоритъ и долголѣтнее ея существованіе; крестьянское населеніе къ ней привыкло, и внезапная ея отмѣна могла бы слишкомъ рѣзко измѣнить строй современнаго сельскаго общества. Уничтоженіе этого вида ссылки Государственный Совѣтъ признаетъ задачей будущаго, осуществить которую окажется возможнымъ лишь постепенно, путемъ ряда мѣропріятій, направленныхъ къ упроченію безопасности и порядка въ сельскихъ мѣстностяхъ.

Отклонено Государственнымъ Совѣтомъ, далѣе, предложеніе ограничить ссылку тѣми случаями, когда крестьянинъ, отбывшій, по суду, наказаніе не ниже тюремнаго заключенія,—и послѣ того обнаруживаетъ порочное поведеніе. Особенно опасными для общества очень часто являются не тѣ, которыхъ удалось уличить и предать суду, а тѣ, которые умѣютъ ускользать изъ рукъ правосудія. Вообще, понятіе объ опасности и вредѣ не поддается точному опредѣленію и зависитъ, въ значительной степени, отъ мѣстныхъ условій; на Кавказѣ, напримѣръ, особенно опасны лица, занимающіяся вырубкой виноградныхъ лозъ и фруктовыхъ деревьевъ. Подлежащими ссылкѣ по общественному приговору признаются, поэтому, тѣ изъ проживающихъ въ средѣ общества лицъ, дальнѣйшее пребываніе которыхъ въ этой средѣ угрожаетъ мѣстному благосостоянію и безопасности. Приговоры о ссылкѣ, въ противоположность дѣйствовавшему до сихъ поръ порядку, должны быть мотивированы и содержать въ себѣ свѣдѣнія о хозяйственномъ бытѣ и образѣ жизни лица, предназначаемаго къ удаленію.

Необходимо, далѣе, усилить контроль надъ правильностью приговоровъ, въ настоящее время нерѣдко вызываемыхъ происками вліятельныхъ въ обществѣ лицъ или даже побужденіями корыстнаго свойства. Надзоръ земскихъ начальниковъ оказывается, съ этой точки зрѣнія, недостаточнымъ: со времени ихъ введенія, число ссылаемыхъ не только не сократилось, но даже нѣсколько увеличилось. Добавочной гарантіей противъ злоупотребленій должна служить вновь установляемая повѣрка приговоровъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. На общество, сверхъ расходовъ по переселенію удаляемаго въ новое мѣсто жительства, возла-

гаются—если надѣлъ удаляемаго переходитъ къ обществу—издержки на содержаніе удаленнаго и послѣдовавшихъ за нимъ членовъ его семьи въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ со дня передачи его въ распоряженіе правительства. Во всѣхъ этихъ расходахъ могутъ принимать участіе и сосѣднія сельскія общества. Членамъ семьи удаляемаго предоставляется не слѣдовать за нимъ въ его новое мѣсто жительства. Пересылка удаляемаго производится, по прежнему, этапнымъ порядкомъ.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, соображенія, по которымъ сохранена, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, ссылка по приговорамъ крестьянскихъ обществъ. Меньше всего, какъ намъ кажется, говоритъ въ пользу этого вида ссылки долговременное его существованіе. Насколько важна давность въ гражданскомъ правѣ, настолько она лишена значенія въ государственной жизни. Чѣмъ дольше держится злоупотребленіе, тѣмъ болѣе желательно положить ему конецъ; отъ времени оно не становится ни менѣе противнымъ здравой политикѣ, ни менѣе чувствительнымъ для тѣхъ, кто испытываетъ на себѣ его тягость. *Привычка* къ несправедливости не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя требуютъ бережно-снисходительнаго обращенія. Ненормальное положеніе вещей можетъ, въ силу своей устойчивости, перестать *казаться*, но не можетъ перестать *быть* ненормальнымъ. Что ссылка безъ слѣдствія и суда, на основаніи однихъ только предположеній, составляетъ, въ благоустроенномъ обществѣ, рѣзкую аномалію—въ этомъ не сомнѣвается никто; къ оправданію ея *по существу* ни съ чьей стороны не дѣлается даже и попытки... Нельзя согласиться и съ тѣмъ, что внезапная отмѣна ссылки слишкомъ рѣзко измѣнила бы строй современнаго крестьянскаго общества. Органическими принадлежностями строя можно считать только тѣ черты, которыя, будучи свойственны ему издавна, обусловливаютъ собою всю его жизнь, отражаются на всѣхъ его функціяхъ. Такова, напримѣръ, въ великорусской деревнѣ поземельная община; таково, повсемѣстно, крестьянское самоуправленіе. Ничего подобнаго не представляетъ собою право удаленія „порочныхъ“ членовъ общества, примѣняемое рѣдко и, бо̀льшею частью, не по свободной инициативѣ сельскаго схода, а подъ вліяніемъ отдѣльныхъ лицъ, далеко не всегда даже принадлежащихъ къ его составу. Незначительное (въ сравненіи съ многомилліонной цифрой крестьянскаго населенія) число ссылаемыхъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что громадное большинство крестьянскихъ обществъ вовсе не прибѣгаетъ къ ссылкѣ; весьма вѣроятно, что многія изъ нихъ даже не знаютъ о ея существованіи. Ея отмѣна не только оставила бы неприкосновеннымъ сельскій общественный строй, но едва-ли была бы замѣчена крестьянской массой; чувствительно

задѣтыми оказались бы только интересы тѣхъ, кто видѣлъ въ ссылкѣ средство достиженія какихъ-либо личныхъ цѣлей. О тѣсной связи между ссылкой и основами крестьянскаго строя не можетъ быть рѣчи еще и потому, что самый институтъ ссылки созданъ мѣрами правительства, восходящими не дальше второй половины XVIII-го вѣка [1]). Первоначально имѣлось въ виду способствовать, этимъ путемъ, колонизаціи Сибири, и только впослѣдствіи на первый планъ выступилъ „вредъ", приносимый ссылаемыми въ мѣстахъ своего жительства. Для кого, притомъ, они обыкновенно оказывались вредными или опасными? Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ — для помѣщиковъ, у которыхъ сплошь и рядомъ были совершенно своеобразныя мѣрила опасности и вреда; въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ (до-реформенной эпохи)—для начальства, власть котораго фактически была развѣ немногимъ меньше помѣщичьей. Сами крестьяне, до 1861-го года, или вовсе не принимали участія въ удаленіи своихъ односельцевъ, или участіе ихъ было только номинальное. Болѣе активной ихъ роль сдѣлалась, слѣдовательно, весьма недавно, и въ ихъ житейскомъ обиходѣ право ссылки не могло пустить глубокихъ корней.

Изъ того, что „широкое пользованіе правомъ ссылки" не исключаетъ, въ настоящее время, „весьма частыхъ случаевъ самосуда", выводится заключеніе, что съ отмѣной ссылки самовольная расправа съ нарушителями крестьянскаго благосостоянія сдѣлалась бы явленіемъ еще болѣе распространеннымъ. Мы думаемъ наоборотъ, что совмѣстное существованіе самосуда и ссылки указываетъ на отсутствіе между ними всякой внутренней связи. Въ самомъ дѣлѣ, почему крестьяне, при нынѣшнихъ порядкахъ, пускаютъ въ ходъ, противъ конокрадовъ, поджигателей и т. п., такъ называемыя „свои средствія"? Главныхъ причинъ этому можетъ быть три: или ненавистный крестьянамъ человѣкъ принадлежитъ не къ ихъ обществу, т.-е. вовсе отъ нихъ, по закону, не зависитъ; или они боятся, что въ промежутокъ времени между возбужденіемъ вопроса о ссылкѣ и его разрѣшеніемъ этотъ человѣкъ заранѣе отомститъ имъ, пустивъ, напримѣръ, „краснаго пѣтуха"; или, наконецъ, —и это бываетъ всего чаще,—самосудъ происходитъ безъ всякаго предварительнаго умысла и соглашенія, въ порывѣ ярости, вызванной какимъ-нибудь новымъ „подвигомъ" общаго врага. Во всѣхъ этихъ случаяхъ существованіе ссылки безсильно предупредить самовольную расправу: въ первомъ—потому что ссылка юридически невозможна; во второмъ—потому что она грозитъ серьезною опасностью; въ третьемъ—потому что о ней, въ

---

[1]) См. въ № 34 „Права" интересный историческій очеркъ административной ссылки.

моментъ самосуда, никто не думаетъ и не вспоминаетъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, поэтому, что съ отмѣной ссылки самосудъ встрѣчался бы не чаще, нежели при ея существованіи. Съ другой стороны, еслибы право ссылки представлялось дѣйствительной гарантіей противъ самосуда, то пользованіе этимъ правомъ слѣдовало бы облегчить—а новый законъ его затрудняетъ, возлагая на общество новыя обязательства по отношенію къ ссылаемому. Преслѣдуются, такимъ образомъ, двѣ противоположныя цѣли—и въ результатѣ весьма легко можетъ получиться недостиженіе ни той, ни другой... Недостаточность полицейской охраны въ сельскихъ мѣстностяхъ отрицать нельзя; но вмѣсто того, чтобы мотивировать ею сохраненіе явно несправедливаго института, цѣлесообразнѣе было бы принять теперь же мѣры къ ея устраненію. Такихъ мѣръ давно уже намѣчено двѣ: лучшая организація крестьянской полиціи и устройство мелкой земской единицы. Въ настоящее время сотскіе сплошь и рядомъ обращаются въ личную прислугу становыхъ приставовъ; десятскіе несутъ службу только номинально или, въ большихъ селахъ, ограничиваются передачей домохозяевамъ приказовъ волостного старшины или сельскаго старосты. Количество силъ, которыми ограждается личная и имущественная безопасность, увеличилось бы весьма значительно, еслибы сотскіе и десятскіе, лучше вознаграждаемые и тщательнѣе выбираемые, были поставлены подъ непосредственный надзоръ реформированнаго волостного управленія, представляющаго собою *все* населеніе волости. Не менѣе важно было бы, съ этой точки зрѣнія, и преобразованіе слѣдственной части—конечно, не на тѣхъ основаніяхъ, о которыхъ мы имѣли случай говорить недавно, а безъ отступленія отъ духа судебныхъ уставовъ 1864-го года. Что касается до рѣдкости населенія и затруднительности сообщеній, то эти неблагопріятныя условія деревенской жизни могутъ измѣняться къ лучшему лишь весьма медленно и постепенно. Откладывать отмѣну административной ссылки до тѣхъ поръ, пока не завершится эта перемѣна, значило бы увѣковѣчить существованіе института, несправедливость котораго признана законодательною властью.

Принудительное удаленіе изъ мѣста жительства, влекущее за собою полный и весьма тяжкій переворотъ въ обстановкѣ, занятіяхъ и привычкахъ удаляемаго, представляетъ собою, безспорно, наказаніе. Всякое наказаніе предполагаетъ, во-первыхъ, существованіе закона, запрещающаго то или другое дѣйствіе подъ страхомъ уголовной кары; во-вторыхъ, наличность данныхъ, доказывающихъ совершеніе этого дѣйствія извѣстнымъ лицомъ; въ-третьихъ, существованіе суда, устанавливающаго виновность и отвѣтственность. Ссылка по общественному

приговору, въ томъ видѣ, въ какомъ она регулирована закономъ 12-го іюня, не удовлетворяетъ ни одно изъ этихъ условій; она назначается не за опредѣленныя дѣйствія, въ силу предположеній, а не доказательствъ, учрежденіемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ судомъ. Ссылкѣ подлежатъ лица, *дальнѣйшее пребываніе которыхъ въ средѣ общества угрожаетъ мѣстному благосостоянію и безопасности.* Въ основаніе ссылки кладется, такимъ образомъ, не *прошедшее*, а *будущее*. Само собою разумѣется, что послѣднее выводится изъ перваго— но рѣшающее значеніе все-таки принадлежитъ догадкѣ, всегда болѣе или менѣе шаткой. Предметомъ догадки служитъ, притомъ, *возможное* нарушеніе не только *безопасности*, но и *благосостоянія*, охрана котораго не входитъ въ сферу дѣйствія карательныхъ законовъ. Благосостоянію сельскаго общества вредитъ, напримѣръ (при общинномъ землевладѣніи), тотъ членъ общества, который не соглашается на переходъ къ улучшенной хозяйственной системѣ (напр. къ травосѣянію); но развѣ такое несогласіе—достаточный поводъ къ принудительному удаленію упорствующаго? Вредятъ благосостоянію общества и неумѣлые, лѣнивые домохозяева, въ особенности если у нихъ много малолѣтнихъ дѣтей, могущихъ, въ случаѣ смерти отца, остаться на попеченіи общества; но слѣдуетъ ли отсюда, что это—подходящіе субъекты для ссылки? Намъ могутъ возразить, что еслибы обществу пришло на мысль подвергнуть ссылкѣ плохого или слишкомъ консервативнаго хозяина, то общественный приговоръ по этому предмету не получилъ бы утвержденія со стороны должностныхъ лицъ, облеченныхъ правомъ надзора надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ. На чемъ, однако, основана подобная увѣренность? Развѣ крестьянинъ, которымъ, по одной изъ вышеуказанныхъ причинъ, тяготится общество, не можетъ быть, въ то же время, непріятенъ начальству?... Гарантіей противъ злоупотребленій должна служить, прежде всего, редакція закона; чѣмъ больше она оставляетъ мѣста для произвола, тѣмъ вѣроятнѣе такое примѣненіе закона, котораго вовсе не имѣлъ въ виду законодатель. Введенное въ текстъ закона, понятіе о *благосостояніи* развязываетъ руки исполнителямъ—и нѣтъ основанія предполагать, что они всегда съумѣютъ и захотятъ остаться въ должныхъ предѣлахъ. Чрезвычайно эластично и понятіе о безопасности, нарушеніемъ которой можетъ считаться, напримѣръ, недостаточная осторожность при куреньѣ... Съ неопредѣленностью закона можно примириться только тогда, когда толкованіе его предоставлено правильно организованному суду, дѣйствующему съ соблюденіемъ разумныхъ процессуальныхъ формъ. Меньше всего сходенъ съ такимъ судомъ сельскій сходъ, многочисленный, безотвѣтственный, легко поддающійся внушеніямъ извнѣ или вліяніямъ сверху. Вполнѣ компетентный для рѣшенія хо-

зяйственныхъ дѣлъ, онъ не удовлетворяетъ ни одному изъ условій, которыми должно быть обставлено отправленіе правосудія. Для него даже не обязательно выслушаніе обвиняемаго или его защитника. Рѣшеніе схода носитъ характеръ стихійности, случайности. Не пріобрѣтаетъ оно внутренней силы и отъ дальнѣйшей процедуры. Земскій начальникъ, къ которому онъ прежде всего поступаетъ, является, сплошь и рядомъ, настоящимъ его виновникомъ; ему принадлежитъ, во многихъ случаяхъ, прямая или косвенная, открытая или скрытая инициатива преслѣдованія. Не даромъ же число ссылаемыхъ по общественнымъ приговорамъ, со времени учрежденія земскихъ начальниковъ, не сократилось, а увеличилось. Административная ссылка—это одинъ изъ instrumenta regni, которыми располагаютъ новые властители деревни: это—ultima ratio ихъ противъ непокорныхъ и строптивыхъ. Положимъ, однако, что къ возбужденію вопроса о ссылкѣ земскій начальникъ относился нейтрально: это еще не значитъ, что рѣшеніе схода будетъ подвергнуто имъ тщательной и всесторонней критикѣ. Быть можетъ, онъ сочувствуетъ строгимъ мѣрамъ, чѣмъ бы онѣ ни были вызваны и противъ кого бы ни были направлены; быть можетъ, онъ не считаетъ удобнымъ идти въ разрѣзъ съ желаніемъ схода, хотя бы оно на самомъ дѣлѣ и было только желаніемъ небольшой его части; быть можетъ, онъ довѣряетъ именно и только тѣмъ, кто возбудилъ вопросъ о ссылкѣ (напр. волостному старшинѣ или сельскому старостѣ), и только черезъ нихъ собираетъ дополнительныя свѣдѣнія объ образѣ жизни высылаемаго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ и многихъ другихъ—повѣрка земскимъ начальникомъ приговора о ссылкѣ обращается въ простую формальность. Нельзя ожидать серьезныхъ результатовъ и отъ вновь вводимой повѣрки приговора уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Обремененный массою дѣлъ, онъ рѣдко будетъ выѣзжать на мѣсто, лично разспрашивать свидѣтелей: тѣсно связанный и солидарный съ земскими начальниками, онъ будетъ, большею частью, вѣрить имъ на слово и даже при сомнѣніи не всегда рѣшится оспаривать данныя ими заключенія. Для губернскаго присутствія единогласный отзывъ земскаго начальника и уѣзднаго предводителя будетъ имѣть достаточно убѣдительную силу; ожидать отъ него отмѣны приговора можно развѣ въ случаяхъ явнаго отступленія отъ законныхъ формъ или вопіющаго нарушенія справедливости. Въ концѣ концовъ, такимъ образомъ, судьба каждаго члена сельскаго общества по прежнему отдается въ распоряженіе наиболѣе вліятельныхъ его односельцевъ—и одного должностнаго лица, сплошь и рядомъ являющагося судьею въ собственномъ дѣлѣ... Еслибы оставалось еще какое-либо сомнѣніе въ томъ, что ссылка по общественному приговору есть тяжкая кара, то оно устранялось бы постановленіемъ но-

ваго закона, разрѣшающимъ семьѣ ссылаемаго не слѣдовать за нимъ въ новое мѣсто жительства. Разлученіе супруговъ допускалось до сихъ поръ при ссылкѣ на житье по судебному приговору—допускалось именно потому, что несправедливо было бы заставлять невиннаго супруга раздѣлять участь виновнаго и терпѣть лишенія, налагаемыя на него въ видѣ наказанія. Уравненіе, въ этомъ отношеніи, административной ссылки съ ссылкою по суду ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что оба вида ссылки однородны между собою. Къ тому же заключенію приводитъ и сохраненіе, для ссылаемыхъ по приговорамъ обществъ, этапнаго порядка препровожденія въ новое мѣсто жительства—порядка, который уже самъ по себѣ имѣетъ несомнѣнно карательный характеръ. Не чуждо этого характера и отобраніе надѣла, которымъ пользовался ссылаемый (развѣ что семья его слѣдуетъ за нимъ въ ссылку). Принудительное лишеніе имущественныхъ правъ, если оно не соединяетъ въ себѣ всѣхъ признаковъ экспропріаціи, не можетъ не считаться наказаніемъ. Эквивалентомъ надѣла содержаніе ссылаемаго и его семьи въ теченіе двухъ лѣтъ со времени ссылки является далеко не всегда.

Сохраненіе, на время, ссылки по общественнымъ приговорамъ мотивируется, въ сужденіяхъ Государственнаго Совѣта, еще однимъ добавочнымъ соображеніемъ: указаніемъ на то, что и судебная ссылка отмѣнена не вполнѣ, а оставлена въ силѣ для нѣкоторыхъ особыхъ преступленій. Намъ кажется, что между обоими случаями нѣтъ никакой аналогіи. Ссылка на поселеніе за нѣкоторыя религіозныя и политическія преступленія представляется наказаніемъ наиболѣе соотвѣтствующимъ этому роду вины. Она вовсе не имѣетъ характера временной мѣры: ее удерживаетъ и проектъ уголовнаго уложенія, какъ кару, ничѣмъ, при данныхъ условіяхъ, незамѣнимую. Она освобождаетъ лицъ, ей подлежащихъ, отъ заключенія въ исправительномъ отдѣленіи (или въ исправительномъ домѣ), т.-е. отъ такого вида лишенія свободы, который былъ бы незаслуженнымъ отягощеніемъ ихъ участи. Она налагается по судебному приговору, послѣ того, какъ обвиняемому были даны всѣ средства къ защитѣ и оправданію. Ничего подобнаго нельзя сказать о ссылкѣ по общественному приговору. О соотвѣтствіи между нею и *предполагаемою* ея причиною не можетъ быть и рѣчи. Если ссылаемый дѣйствительно въ чемъ-нибудь виновенъ, то вина его въ однихъ случаяхъ можетъ быть гораздо болѣе, въ другихъ—гораздо менѣе тяжкой, чѣмъ наложенная на него кара. Ненормальность этой кары сознается и самимъ законодателемъ, разсматривающимъ административную ссылку какъ меньшее изъ двухъ золъ и придающимъ ей только временное значеніе. Извѣстно, однако,

что такъ называемыя „временныя“ мѣры весьма часто оказываются у насъ долговѣчнѣе постоянныхъ... Въ другой части мнѣнія Государственнаго Совѣта, относящейся къ судебной ссылкѣ, насъ поразили слѣдующія слова: „существующая система лишенія свободы, не удовлетворяя сознаннымъ въ настоящее время требованіямъ лучшаго тюремнаго порядка, *основывается на дѣйствующемъ законѣ и потому не можетъ почитаться несправедливою*“. Еслибы справедливость и законность были синонимы, еслибы справедливымъ можно было признавать все установленное или разрѣшенное закономъ, то напрасно было бы возражать противъ ссылки по общественнымъ приговорамъ, какъ противъ нарушенія основныхъ началъ права и свободы: всѣмъ возраженіямъ этого рода достаточно было бы противопоставить ссылку на дѣйствующее законодательство. На самомъ дѣлѣ вышеприведенныя слова едва ли можно считать чѣмъ-либо инымъ, какъ простымъ lapsus calami. Разладъ между справедливостью и закономъ встрѣчается на каждомъ шагу; именно имъ обусловливается, между прочимъ, потребность въ законодательныхъ реформахъ. Если справедливость осуществляется, путемъ реформъ, не вполнѣ, то главную тому причину слѣдуетъ искать въ чрезмѣрномъ значеніи, придаваемомъ соображеніямъ цѣлесообразности и своевременности... „Отмѣняя судебную ссылку за важнѣйшія преступленія“,—читаемъ мы въ мнѣніи Государственнаго Совѣта—„*несправедливо* сохранить административную ссылку за преступленія меньшей важности“. Здѣсь уже нѣтъ рѣчи о тождествѣ справедливости и закона; административная ссылка прямо признана *несправедливой*—и въ этомъ нельзя не видѣть перваго шага къ ея отмѣнѣ.

„Въ нынѣшней лѣстницѣ наказаній“—таковы заключительныя слова мнѣнія Государственнаго Совѣта—„ссылка составляетъ наслѣдіе прошлаго, которое широко ею пользовалось вмѣстѣ съ пытками и тѣлесными наказаніями, въ качествѣ мѣръ карательныхъ. Но пытки устранены изъ числа этихъ мѣръ еще въ XVIII в., а тѣлесныя наказанія, въ видѣ кнута и плетей, постепенно отмѣнялись въ теченіе XIX столѣтія. Нынѣ, если Государю Императору благоугодно будетъ утвердить заключеніе объ отмѣнѣ ссылки, начало XX-го вѣка будетъ ознаменовано исключеніемъ изъ нашего уголовнаго законодательства, какъ общей мѣры взысканія, ссылки—этого послѣдняго вида несправедливыхъ, отжившихъ уголовныхъ каръ“. Нисколько не отрицая важное значеніе новаго закона, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы онъ полагалъ конецъ „несправедливымъ, отжившимъ уголовнымъ карамъ“. Остается еще наказаніе розгами, влекущее за собою не столь тяжкія физическія страданія, какъ кнутъ и плети, но ничѣмъ не отличающееся отъ нихъ по своему унизительному, безнрав-

ственному характеру. Законъ 12-го іюня отмѣняетъ тѣлесное наказаніе бродягъ за ложное показаніе о своемъ званіи—и это одно изъ безспорныхъ его достоинствъ: но въ ряду наказаній, налагаемыхъ волостнымъ судомъ, розги продолжаютъ, по прежнему, занимать первое мѣсто. Изъ того, что онѣ являются не *общей*, а *особой* мѣрой взысканія, нельзя, конечно, выводить никакого утѣшительнаго заключенія. Для оцѣнки наказанія совершенно безразлично, входитъ ли оно въ общую карательную систему или стоитъ особнякомъ отъ нея, налагается ли оно судомъ общимъ или спеціальнымъ. Никакими искусственными разграниченіями нельзя оправдать сохраненіе кары, несправедливость которой проникла въ народное сознаніе. Множество безспорныхъ фактовъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что позоръ тѣлеснаго наказанія живо чувствуется крестьянской массой. Если оно до сихъ поръ не исчезло изъ нашей судебной практики, то разгадку этому слѣдуетъ искать отчасти въ изъятіи цѣлой массы дѣлъ изъ вѣдѣнія общихъ судебныхъ мѣстъ—единственныхъ, заслуживающихъ названіе суда,—отчасти въ живучести тѣхъ самыхъ предразсудковъ, которые такъ долго поддерживали господство кнута и плетей. Семьдесять-пять лѣтъ тому назадъ серьезно высказывалась мысль, что кнутъ—синонимъ правосудія, что отмѣна его была бы равносильна безнаказанности преступленій; четверть вѣка спустя, аналогичные доводы приводились въ защиту плетей; теперь нѣчто подобное думаютъ или говорятъ сторонники розогъ... Само собою разумѣется, что все сказанное нами о тѣлесномъ наказаніи *по суду* примѣнимо еще въ бо̀льшей степени къ тѣлесному наказанію *по распоряженію администраціи*, напр. при прекращеніи (или, лучше сказать, *послѣ* прекращенія) волненій или безпорядковъ. Разница между тѣмъ и другимъ заключается лишь въ томъ, что первое основано на законѣ и можетъ быть отмѣнено только закономъ, а второе противорѣчитъ закону и можетъ быть выведено изъ употребленія простымъ измѣненіемъ административной практики. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, недавніе уличные безпорядки въ Одессѣ были прекращены безъ помощи обычныхъ экзекуцій. Нужно надѣяться, что этотъ хорошій примѣръ не останется безъ послѣдствій и что XX-му вѣку не суждено видѣть печальныхъ сценъ, которыми слишкомъ часто омрачались послѣдніе годы истекающаго столѣтія.

Есть еще одна причина по которой законъ 12-го іюня не можетъ быть признанъ заканчивающимъ эру „несправедливыхъ, отжившихъ уголовныхъ каръ“: онъ оставляетъ въ силѣ не только ссылку по общественному приговору, но и ссылку по распоряженію администраціи,

вслѣдствіе такъ называемой неблагонадежности ссылаемаго. Ошибочно было бы думать, что этотъ послѣдній видъ ссылки является только мѣрой предосторожности, а не наказаніемъ. Не говоря уже о томъ, что мѣра предосторожности, влекущая за собою, вмѣстѣ съ удаленіемъ въ глухую, суровую мѣстность, цѣлый рядъ ограниченій въ выборѣ профессіи и занятій, ничѣмъ, по существу, не отличается отъ тяжкой уголовной кары, административная ссылка, особенно въ послѣднее время, часто назначается именно въ видѣ наказанія, за проступокъ, установленный безъ слѣдствія и суда, т.-е. безъ соблюденія охранительныхъ формъ, на которыя имѣетъ право каждый обвиняемый. Ненормальность такого порядка сознана уже давно, но о пересмотрѣ относящихся къ нему правилъ, предрѣшенномъ Высочайшимъ повелѣніемъ 7-го декабря 1895-го года, все еще ничего не слышно. Особенно удобнымъ для такого пересмотра представлялся именно тотъ моментъ, когда былъ поставленъ на очередь общій вопросъ о ссылкѣ; но, къ сожалѣнію, этотъ вопросъ разрѣшенъ далеко не во всемъ своемъ объемѣ, и необходимая реформа опять отложена на неопредѣленное время. Объясняется это, по справедливому замѣчанію „Права", тѣмъ, что главною цѣлью закона 12-го іюня было не увеличеніе гарантій личной неприкосновенности и свободы, а избавленіе Сибири отъ вредныхъ, порочныхъ элементовъ, которыми ее наводняла ссылка. Къ числу такихъ элементовъ политическіе ссыльные не принадлежатъ.

Ограниченіе ссылки, какъ уголовной кары, и замѣна ея лишеніемъ свободы должны имѣть послѣдствіемъ значительное увеличеніе расходовъ по тюремному вѣдомству. На покрытіе этихъ расходовъ обращаются, между прочимъ, имѣющіяся на лицо суммы, назначенныя на устройство помѣщеній для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ и городскихъ судей и земскихъ начальниковъ. Суммы эти, образовавшіяся изъ денежныхъ взысканій и пеней, состоятъ нынѣ въ вѣдѣніи земскихъ учрежденій. Передача ихъ тюремному управленію разсматривается лишь какъ позаимствованіе, подлежащее возврату по мѣрѣ надобности, т.-е. по мѣрѣ возникающей потребности въ возведеніи вновь или ремонтѣ арестныхъ домовъ и исправительныхъ пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ. „Обращеніе штрафныхъ капиталовъ на устройство общихъ мѣстъ заключенія"—говорится по этому поводу въ сужденіяхъ Государственнаго Совѣта — „не можетъ быть разсматриваемо какъ нарушеніе компетенціи земскихъ учрежденій... Земскимъ учрежденіямъ предоставлено лишь завѣдываніе суммами штрафныхъ капиталовъ и распоряженіе ими по назначенію, подъ контролемъ правительственной власти. Въ этихъ предѣлахъ права земскихъ

учрежденій останутся неизмѣнными и въ случаѣ осуществленія предположенной нынѣ мѣры... Временное обращеніе земскихъ штрафныхъ капиталовъ на расширеніе общихъ мѣстъ заключенія ни въ чемъ не исключаетъ и не пріостанавливаетъ дѣйствія закона. закрѣпившаго за земствомъ обязанность устройства и содержанія арестныхъ домовъ. За земскими учрежденіями сохраняются всѣ текущія поступленія штрафовъ и взысканій, обращаемыхъ на устройство арестныхъ домовъ; за земствомъ сохраняется также право на наличность этихъ капиталовъ, поступающую лишь временно въ распоряженіе правительства... Необходимо устранить всякое сомнѣніе въ томъ, что проектированная мѣра заключаетъ въ себѣ осужденіе дѣятельности земскихъ учрежденій въ отношеніи устройства арестныхъ домовъ, или стѣсненіе будущихъ распоряженій земства по развитію недостаточной еще сѣти этихъ мѣстъ заключенія. Напротивъ того, образовавшаяся значительная наличность штрафного капитала даетъ полное основаніе заключить, что, несмотря на отдѣльные случаи неправильнаго расходованія означенныхъ суммъ, дѣятельность земствъ по этой части, въ общемъ, не вызываетъ особыхъ возраженій".

Чтобы оцѣнить вполнѣ значеніе этихъ послѣднихъ словъ, необходимо имѣть въ виду, что въ 1888-мъ году министерство внутреннихъ дѣлъ возбудило ходатайство объ устраненіи земства отъ участія въ устройствѣ арестныхъ домовъ и о *безвозвратномъ* обращеніи штрафныхъ суммъ въ общую массу тюремнаго капитала. Ходатайство это вызвало возраженія со стороны министерства финансовъ и государственнаго контроля и было отклонено Государственнымъ Совѣтомъ. Своему тогдашнему взгляду Государственный Совѣтъ остался вѣренъ и теперь, прямо высказавшись за сохраненіе, во всемъ ея объемѣ, земской компетенціи и рѣшительно отклонивъ несправедливыя обвиненія противъ земства. Это тѣмъ болѣе отрадно, что мысль объ обращеніи тюремной реформы въ средство ограниченія сферы дѣйствія земскихъ учрежденій имѣетъ защитниковъ и въ настоящее время. „Московскія Вѣдомости", напримѣръ, выражаютъ сожалѣніе о томъ что новый законъ ограничился позаимствованіемъ земскихъ штрафныхъ суммъ, а не обратилъ ихъ безвозвратно въ тюремный капиталъ, съ предоставленіемъ арестныхъ домовъ въ вѣдѣніе тюремнаго управленія...

Въ одномъ отношеніи, однако, законъ 12-го іюня несомнѣнно ухудшаетъ положеніе земскихъ учрежденій. Штрафныя суммы составляли источникъ, изъ которыхъ земство, въ критическія минуты, могло временно получать средства на покрытіе текущихъ неотложныхъ расходовъ (въ долгахъ за земствомъ состоитъ около 25 % штрафного капитала). По мнѣнію Государственнаго Совѣта, „такое отклоненіе специальныхъ капиталовъ на устройство арестныхъ домовъ отъ прямой ихъ задачи не можетъ быть объ-

ясняемо единственно обычною несвоевременностью поступленія земскихъ сборовъ и отсутствіемъ у земства оборотныхъ средствъ. Для кратковременныхъ позаимствованій, въ предѣлахъ, разрѣшенныхъ закономъ, земства имѣютъ въ своемъ распоряженіи многіе иные источники, независимо даже отъ образуемыхъ повсемѣстно, путемъ опредѣленныхъ ежегодныхъ отчисленій, особыхъ оборотнаго и запаснаго капиталовъ". Съ этимъ едва ли можно согласиться. Оборотный и запасный капиталы уѣздныхъ земствъ нерѣдко числятся только на бумагахъ, за невозможностью свести концы съ концами и вслѣдствіе необходимости исполнить другія, болѣе важныя смѣтныя назначенія. Другими капиталами уѣздныя земства, сплошь и рядомъ, не располагаютъ; страховой капиталъ—главный источникъ позаимствованій—состоитъ всецѣло въ распоряженіи губернскаго земства. Для уѣздныхъ земствъ переходъ штрафныхъ капиталовъ въ вѣдѣніе тюремнаго управленія не можетъ не послужить источникомъ серьезныхъ затрудненій. Болѣе чѣмъ когда-либо желательно, поэтому, озаботиться пріисканіемъ средствъ къ предоставленію земствамъ дешеваго и доступнаго кредита.

Съ тѣхъ поръ, какъ продовольственное дѣло изъято изъ вѣдѣнія земства, на первомъ планѣ у нашихъ земствофобовъ стоитъ дорожный вопросъ. Повторяя на всѣ лады жалобы на неисправность земскихъ дорогъ и смѣшивая, повидимому, эти дороги съ проселочными [1]), вовсе не состоящими въ завѣдываніи земства, они стремятся къ тому, чтобы отнять у земства еще одну важную функцію и приблизиться, такимъ образомъ, къ совершенному упраздненію ненавистнаго имъ учрежденія. Иногда, однако, у нихъ невольно срывается признаніе, идущее въ разрѣзъ съ ихъ обычной пѣсней. Недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" проскользнуло правдивое указаніе на настоящую причину продовольственной неурядицы [2]); теперь мы читаемъ въ той же газетѣ („Бездорожье и мѣры къ его устраненію", № 266), что главная причина бездорожья — *безденежье*, неимѣніе средствъ. Для устраненія этой причины предлагается введеніе дорожнаго сбора со *всѣхъ* жителей уѣзда, имѣющихъ лошадей. Авторъ предложенія думаетъ, повидимому, что введеніе такого сбора зависитъ отъ земства. Это невѣрно: земскія собранія имѣютъ право облагать земскими сборами только предметы, точно указанные въ законѣ (земли, другія недвижимыя имущества, торговые документы)—а къ числу такихъ предметовъ лошади не отнесены. Если сборъ съ лошадей существуетъ во

[1]) См. „Путевыя впечатлѣнія" въ № 259 „Московскихъ Вѣдомостей".
[2]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 9 „Вѣстника Европы" за текущій годъ.

многихъ городахъ, то только потому, что установленіе такого сбора дозволено Городовымъ Положеніемъ. Земскія собранія могли бы лишь *ходатайствовать* о разрѣшеніи имъ вводить сборъ съ лошадей. Слѣдуетъ ли винить ихъ за то, что они не воспользовались своимъ правомъ? [1]) Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, посмотримъ, въ какомъ видѣ сборъ „съ жителей, имѣющихъ лошадей", проектируется московской газетой. Она допускаетъ, въ видѣ уступки „земскимъ принципамъ", нѣкоторое неравенство сбора: въ высшемъ размѣрѣ (приблизительно—три рубля) онъ долженъ быть взимаемъ съ ломовой лошади (принадлежащей, по предположенію, фабриканту, купцу, промышленнику); въ среднемъ (два рубля)—съ помѣщика; въ низшемъ (одинъ рубль)—съ крестьянина. Отъ сбора не долженъ быть изъятъ никто, потому что „никто (кромѣ коннозаводчиковъ) не держитъ лошадей для того, чтобы онѣ *не* ѣздили, и всякій ѣздитъ именно по дорогамъ". Эта мнимая аксіома не выдерживаетъ критики. Въ городахъ, дѣйствительно, держатъ лошадей только для ѣзды, но за предѣлами города лошади (крестьянскія), въ большинствѣ случаевъ, служатъ исключительно для полевыхъ работъ, и ѣздятъ на нихъ лишь отъ деревни до поля и обратно. Если крестьянинъ-хлѣбопашецъ и занимается иногда какимъ-нибудь коннымъ промысломъ (напр., возкою лѣса), то эти занятія пріурочиваются обыкновенно къ зимнему времени, когда стоитъ санный путь, и дороги сравнительно мало портятся отъ ѣзды. Явно несправедливъ былъ бы, поэтому, дорожный сборъ со *всѣхъ* лошадей, числящихся въ уѣздѣ—тѣмъ болѣе несправедливъ, что лошадь составляетъ необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства, необходимое *орудіе* труда, которое должно оставаться свободнымъ отъ всякаго обложенія. Безъ особыхъ неудобствъ дорожный сборъ могъ бы быть установленъ только для тѣхъ лошадевладѣльцевъ, у которыхъ болѣе двухъ лошадей; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что теперешними защитниками дорожнаго сбора ходатайство о введеніи его въ такой формѣ было бы провозглашено *соціалистическимъ*. Не даромъ же московская газета называетъ этимъ терминомъ существующій кое-гдѣ порядокъ, въ силу котораго земскій шоссейный сборъ взимается съ *экипажей* въ болѣе высокомъ размѣрѣ. чѣмъ съ *возовъ* [2])... Въ томъ видѣ, въ какомъ дорожный сборъ про-

---

[1]) Быть можетъ, впрочемъ, подобныя ходатайства и были гдѣ-нибудь возбуждены—но едва ли, во всякомъ случаѣ, ихъ было много.

[2]) Какъ неясно сотрудники московской газеты понимаютъ значеніе употребляемыхъ ими словъ, это видно, между прочимъ, изъ того, что въ той же статьѣ о „Бездорожьѣ" авторъ предлагаетъ принудительное отчужденіе, на надобности земскихъ дорогъ, камня и песку, по установленной для того оцѣнкѣ. По своему существу это мысль вполнѣ разумная, и мы, конечно, противъ нея не возражаемъ; но

ектируется „Московскими Вѣдомостями“, онъ нежелателенъ еще и потому, что не освобождаетъ населеніе отъ натуральной дорожной повинности; авторъ проекта находитъ, что, кромѣ уплаты сбора, каждый (т.-е. каждый изъ тѣхъ, кто въ настоящее время не изъятъ отъ натуральныхъ повинностей?) долженъ вывезти на дорогу извѣстное число возовъ песку или камня. Ужъ не мечтаютъ ли господа любители старины о возстановленіи натуральной дорожной повинности даже тамъ, гдѣ она отмѣнена земскими собраніями, въ силу предоставленнаго имъ закономъ права?..

Проектируя дорожный сборъ съ лошадей, авторъ статьи о „Бездорожьѣ“ считаетъ нужнымъ оговориться, что „этотъ сборъ долженъ идти всецѣло на улучшеніе дорогъ, а не на какія-нибудь земскія потребности, въ родѣ всеобщаго обученія; за этимъ надо смотрѣть такъ же строго, какъ теперь наблюдается за поступленіемъ въ дорожный фондъ платежей, прежде шедшихъ на содержаніе мѣстныхъ судебныхъ учрежденій. Тутъ не надо допускать,—какъ не допускается и въ послѣднемъ случаѣ—никакихъ земскихъ ходатайствъ о временныхъ позаимствованіяхъ и перечисленіяхъ на другія нужды“. Московская газета обнаруживаетъ здѣсь плохое знаніе закона. Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнымъ 1-го іюня 1895 г., ходатайства объ употребленіи суммъ дорожнаго капитала на какое-нибудь иное назначеніе не только не воспрещены, но прямо дозволены. Правда, мы не знаемъ ни одного случая *удовлетворенія* подобныхъ ходатайствъ—но это еще не значитъ, что они *не допускаются.* Еще болѣе безцеремонное обращеніе съ закономъ — и, въ добавокъ, если можно такъ выразиться, при обстоятельствахъ, увеличивающихъ вину —позволилъ себѣ другой постоянный сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ своихъ „Путевыхъ впечатлѣніяхъ“ (№ 234). Плавая по Волгѣ, онъ вступилъ въ разговоръ съ какимъ-то акцизнымъ чиновникомъ, жителемъ пермской губерніи. На вопросъ автора о причинахъ замѣчательнаго единодушія и дѣловитости, проявляемыхъ земствами пермскимъ и вятскимъ, собесѣдникъ его отвѣчалъ, что предсѣдатели и члены земскихъ управъ въ этомъ краѣ служатъ не по выборамъ, а по назначенію, находясь, такимъ образомъ, въ зависимости не отъ гласныхъ, а отъ губернатора: при подобныхъ условіяхъ между земствомъ и администраціей не можетъ быть ни антагонизма, ни даже разномыслія. Восхищенный этимъ отвѣтомъ, сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей“ спѣшитъ вывести изъ него побѣдоносный аргументъ въ пользу излюбленной реакціонной теоріи, низводящей земскія управы

неужели автору неизвѣстно, что такія ограниченія права собственности сплошь и рядомъ относятся къ категоріи „соціалистическихъ“ мѣропріятій?

на степень подчиненныхъ присутственныхъ мѣстъ, земскія собранія—на степень совѣщательныхъ органовъ при губернскомъ или уѣздномъ управленіи. Пермскій акцизный чиновникъ—если это лицо реальное, а не миѳическое—оказался, однако, или мистификаторомъ, или совершеннымъ невѣждой въ земскомъ дѣлѣ. Не нужно жить въ вятской или пермской губерніи, чтобы знать, что земскія управы и тамъ, и тутъ—выборныя (за исключеніемъ, конечно, случаевъ неутвержденія избранныхъ лицъ, возможнаго на всемъ пространствѣ дѣйствія Земскаго Положенія) и что земства восточныхъ губерній, ни по организаціи, ни по дѣятельности своей, ничѣмъ существенно не отличаются отъ земствъ центральной Россіи [1]). И въ вятской, и въ пермской губерніи бывали и пререканія между земствомъ и администраціей, и несогласія внутри земскихъ собраній. Результаты, достигнутые и тамъ, и тутъ, говорятъ, и говорятъ весьма громко, не противъ самоуправленія, а *за* его цѣлесообразность... Никому, конечно, не возбраняется упиваться розсказнями случайнаго спутника—но прежде чѣмъ переносить ихъ въ печать, не мѣшало бы подвергнуть ихъ хотя бы самой элементарной повѣркѣ, путемъ справки съ доступнымъ для всѣхъ текстомъ закона.

Неутомимо и неразборчиво собирая матеріалы для разгрома ненавидимыхъ ею земскихъ учрежденій, реакціонная печать нашла недавно новый предлогъ къ агитаціи. Въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи возникъ вопросъ объ устройствѣ *междугубернскихъ* лечебницъ, которыя, находясь на рубежѣ двухъ губерній, могли бы служить интересамъ окрестнаго населенія по обѣ стороны границы. Въ этой мысли нѣтъ, очевидно, ничего страннаго, ненормальнаго: правильно осуществленная, она можетъ принести большую пользу. Это—только дальнѣйшій шагъ въ развитіи *междууѣздныхъ* учрежденій, содержимыхъ на счетъ губернскаго земства, съ участіемъ или безъ участія уѣздныхъ земствъ. Что больница, обслуживающая два уѣзда одной и той же губерніи, представляется, при извѣстныхъ условіяхъ, вполнѣ цѣлесообразной—это давно уже доказалъ опытъ; столь же цѣлесообразной можетъ оказаться и больница на пограничной чертѣ, проходящей между двумя губерніями. Чтобы затормазить въ самомъ началѣ новое проявленіе земской иниціативы, московская газета пускаетъ въ ходъ нѣсколько разнообразныхъ аргументовъ. Она повторяетъ, во-первыхъ, свои обычныя, неоднократно разобранныя нами, возраженія противъ междууѣздныхъ учрежденій, подкрѣпляя

[1]) См. Указъ Правительствующему Сенату, 12 іюня 1890 г., гдѣ перечисляются губерніи, въ которыхъ введено Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, и въ числѣ ихъ упомянуты какъ вятская, такъ и пермская губерніи.

ихъ указаніемъ на столкновенія, къ которымъ они привели и приводятъ, будто бы, въ курской губерніи. Если это послѣднее указаніе и справедливо (въ чемъ мы далеко не убѣждены), оно ничего не говоритъ противъ самаго принципа междууѣздныхъ учрежденій: какъ бы разумна ни была мысль, она всегда можетъ быть неудачно примѣнена на практикѣ. Курской губерніи можетъ быть противопоставлена, въ этомъ отношеніи, петербургская, гдѣ уже около десяти лѣтъ существуетъ на границѣ уѣздовъ гдовскаго, ямбургскаго и лужскаго, осьминская лечебница, содержимая отчасти на счетъ уѣздныхъ земствъ и одной изъ волостей гдовскаго уѣзда, отчасти—и преимущественно—на счетъ губернскаго земства, въ вѣдѣніи котораго она и состоитъ. Никакихъ пререканій изъ-за нея не происходитъ; контроль надъ нею существуетъ достаточный; посѣщающими ее губернскими гласными свѣдѣнія о ней даются самыя лучшія, и въ губернскомъ земскомъ собраніи уже была высказываема мысль объ открытіи второй междууѣздной лечебницы, для уѣздовъ петергофскаго и царскосельскаго. Никакихъ неудобствъ междууѣздныя лечебницы не представляютъ, сколько извѣстно, и въ московской губерніи, гдѣ ихъ особенно много...

Второе возраженіе московской газеты заключается въ томъ, что вслѣдъ за междугубернскими лечебницами могутъ возникнуть междугубернскіе ветеринарные пункты, школы, библіотеки, книжные склады и т. п. Да, могутъ; но что̀ же тутъ неестественнаго или опаснаго? Кому или чему можетъ принести вредъ доступность общеполезнаго учрежденія для всѣхъ ближайшихъ его сосѣдей, хотя бы и приписанныхъ къ разнымъ административнымъ единицамъ?.. Наши лже-охранители приходятъ въ ужасъ при одной мысли, что можетъ появиться на свѣтъ междууѣздный или междугубернскій мостъ, междууѣздная или междугубернская переправа; между тѣмъ, что̀ можетъ быть проще участія двухъ уѣздовъ—или двухъ губерній—въ содержаніи сообщенія, одинаково нужнаго для обоихъ?.. Въ непродолжительномъ будущемъ,—продолжаютъ сѣятели недовѣрія и страха,—возникнетъ цѣлое междууѣздное и междугубернское хозяйство. Да, возникнетъ, насколько этого требуетъ жизнь, т.-е. въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ; никому не придетъ въ голову искусственно насаждать, напримѣръ, междууѣздныя или междугубернскія лечебницы, если потребности населенія удовлетворяются вполнѣ мѣстными медицинскими учрежденіями. Въ чьемъ вѣдѣніи,—спрашиваетъ, дальше, московская газета,—будутъ состоять междугубернскія учрежденія? И этотъ вопросъ разрѣшается очень просто. Ничто не мѣшаетъ заинтересованнымъ губернскимъ земскимъ управамъ выработать проектъ, опредѣляющій какъ дѣло участія каждаго губернскаго земства (а можетъ быть, и уѣздныхъ земствъ, при ихъ на то согласіи) въ содержаніи учрежденія, такъ и способа

управленія имъ, и внести затѣмъ этотъ проектъ на утвержденіе обоихъ губернскихъ земскихъ собраній, которымъ представлялись бы, впослѣдствіи, и отчеты о дѣятельности учрежденія. Допустимъ, однако, что для лучшаго устройства дѣла признано было бы полезнымъ или необходимымъ созвать представителей обоихъ губернскихъ собраній. Это не было бы чѣмъ-то неслыханнымъ, чрезвычайнымъ: въ недавнемъ прошломъ извѣстны случаи созыва *областныхъ съѣздовъ* (напр., для обсужденія мѣръ борьбы съ дифтеритомъ), въ которыхъ участвовали представители даже не двухъ, а нѣсколькихъ губерній. Бьющими мимо цѣли слѣдуетъ признать, поэтому, и послѣднія слова статьи, приводимыя нами буквально, какъ типичный образецъ „извѣщеній“, практикуемыхъ реакціонною печатью: „По аналогіи съ учрежденіями междууѣздными, междугубернскія учрежденія должны были бы находиться въ вѣдѣніи какихъ-нибудь областныхъ земскихъ органовъ, или въ вѣдѣніи органа всероссійскаго земства. Но вѣдь таковыхъ учрежденій у насъ, слава Богу, пока еще не существуетъ. Не существуетъ,—но кто же мѣшаетъ учредить ихъ, для того, чтобы рядомъ съ общегосударственною правительственною властью существовала общегосударственная же земская, сирѣчь народная, власть, которая должна будетъ тѣснить и въ концѣ концовъ вытѣснить первую, и тогда—le tour sera joué“. Какъ ни ядовита эта заключительная выходка (in caudo venenum!), она производитъ скорѣе комическое впечатлѣніе: слишкомъ ужъ велико несоотвѣтствіе между фактомъ и дѣлаемымъ изъ него выводомъ. На юридическомъ языкѣ для подобныхъ попытокъ существуетъ особый терминъ: *покушеніе негодными средствами*!..

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1900.

Дипломатическіе переговоры въ Пекинѣ.—Важные пробѣлы въ ихъ предварительной програмкѣ.—Англо-германское соглашеніе и его особенности.—Перемѣна канцлера въ Германіи.—Политическія дѣла въ Англіи и Франціи.—По поводу письма изъ Бѣлграда.

Въ Пекинѣ начались мирные переговоры между представителями восьми союзныхъ державъ и уполномоченными удалившагося во внутрь страны двора богдыхана и императрицы-регентши; по этому поводу отозванный оттуда въ Тянь-Цзинь русскій посланникъ долженъ былъ обратно вернуться въ Пекинъ, о чемъ было заявлено слѣдующее въ новомъ „Правительственномъ сообщеніи" отъ 8 октября:

„Въ своевременно опубликованныхъ правительственныхъ сообщеніяхъ указаны были основанія, которыми Императорское правительство руководствовалось, вызывая россійскаго посланника со всѣмъ составомъ миссіи изъ Пекина въ Тянь-Цзинь.

„Не имѣя въ виду другихъ цѣлей, кромѣ скорѣйшаго возстановленія правильныхъ отношеній съ Китаемъ, Императорское правительство тогда же заявило, что „какъ только законное китайское правительство назначитъ представителей, снабженныхъ должными полномочіями для веденія переговоровъ съ державами, то Россія, по соглашенію со всѣми иностранными правительствами, не замедлитъ съ своей стороны назначить для сей цѣли уполномоченныхъ и направить ихъ къ мѣсту, избранному для таковыхъ переговоровъ".

„Указомъ богдыхана находящіеся въ Пекинѣ сановники Ли-Хунъ-Чангъ и князь Цинъ назначены делегатами китайскаго правительства и снабжены полномочіями для соотвѣтствующихъ прямыхъ сношеній съ иностранными представителями.

„Въ виду сего, по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, Россійскому посланнику въ Китаѣ предписано нынѣ возвратиться въ столицу для возможно скорѣйшаго, совмѣстно съ представителями державъ, вступленія въ переговоры съ китайскими уполномоченными.

„Телеграммой отъ 2-го октября дѣйствительный статскій совѣтникъ Гирсъ извѣстилъ о выѣздѣ своемъ изъ Тянь-Цзиня въ Пекинъ".

Такъ какъ переговоры должны вестись „совмѣстно съ представителями державъ", то между этими представителями должно предварительно установиться согласіе по основнымъ пунктамъ программы предстоящаго мира. Но отсутствіе этого согласія является наиболѣе характернымъ фактомъ современной международной политики; оно тотчасъ же обнаружилось послѣ занятія Пекина союзными войсками, когда, съ одной стороны, Германія требовала суровыхъ мѣръ воздѣй-

ствія и готовилась къ дальнѣйшей военной кампаніи, которая должна быть ведена нѣмецкимъ главнокомандующимъ въ Китаѣ, графомъ Вальдерзе, а съ другой стороны, Россія предлагала очистить Пекинъ и предоставить самому богдыхану водворить порядокъ въ его имперіи. Проектъ удаленія войскъ изъ Пекина объяснялся желаніемъ побудить китайскій императорскій дворъ возвратиться въ столицу, чтобы возможно было вести съ нимъ переговоры; но каково бы ни было довѣріе оффиціальнаго Китая къ иностраннымъ державамъ, оно не могло дойти до рѣшимости добровольно отдаться подъ власть иноземныхъ силъ, распоряжающихся въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Пекина, и ожидать подобной наивности отъ совѣтниковъ богдыхана не было ни малѣйшаго основанія. Китайскіе правители, какъ и слѣдовало ожидать, не пожелали воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ вернуться въ покинутую ими резиденцію, попавшую въ руки иностранныхъ державъ, и по неволѣ пришлось довольствоваться переговорами черезъ посредство уполномоченныхъ богдыханомъ сановниковъ, Ли-Хунъ-Чанга и князя Цина. Значительная часть союзныхъ войскъ осталась пока въ Пекинѣ и его окрестностяхъ; отдѣльные отряды предпринимаютъ экспедиціи для очищенія страны отъ полчищъ „боксеровъ“ и для освобожденія миссіонеровъ и туземныхъ христіанъ, причемъ встрѣчающіяся регулярныя китайскія войска отступаютъ безъ сопротивленія. Такъ, еще 6 (19) октября занятъ былъ союзниками городъ Баодинфу, подъ руководствомъ англійскаго генерала Гэзли и по указаніямъ графа Вальдерзе. Высшія власти Китая, очевидно, желаютъ мира и высказываются вообще въ духѣ пассивной уступчивости и самоуничиженія; недавняя депеша богдыхана къ императору Вильгельму II, предлагающая умилостивить его „справедливый гнѣвъ“ разными торжественными церемоніями въ честь убитаго посланника Кеттелера, производитъ даже трогательное впечатлѣніе. Богдыханъ формально заявляетъ о виновности своихъ министровъ и намѣстниковъ, поощрявшихъ „боксерское“ движеніе, и признаетъ необходимымъ подвергнуть ихъ строгимъ карамъ за допущеніе насилій надъ иностранцами. Казалось бы, что при такомъ настроеніи китайскаго правительства нѣтъ ничего легче какъ достигнуть прочнаго мира; для этого нужно было бы только сознательное единодушіе державъ.

Въ нотѣ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Делькассé, обнародованной 5-го октября (нов. ст.), перечислены тѣ требованія, которыя должны быть предъявлены Китаю и относительно которыхъ возможно было бы предварительное соглашеніе между кабинетами; эти требованія вошли отчасти въ программу, принятую въ общемъ собраніи представителей державъ въ Пекинѣ, 12-го октября, при отсутствіи еще русскаго посланника, выѣхавшаго изъ Тянь-Цзиня тремя

днями позже. Отъ Китая предположено домогаться: 1) наказанія виновныхъ должностныхъ лицъ; 2) денежнаго вознагражденія за убытки; 3) разоруженія Таку и другихъ фортовъ между Тянь-Цзинемъ и моремъ; 4) воспрещенія привоза огнестрѣльнаго оружія; 5) установленія постоянной военной охраны при посольствахъ; 6) упраздненія цзунъ-ли-ямена и назначенія особаго министра иностранныхъ дѣлъ; 7) пріостановки на пять лѣтъ провинціальныхъ экзаменовъ на занятіе государственныхъ должностей въ тѣхъ округахъ, гдѣ совершены были убійства иностранцевъ, и 8) принятія мѣръ, обезпечивающихъ правильныя сношенія съ богдыханомъ. Позднѣе къ этимъ восьми пунктамъ прибавлены еще слѣдующія: при вице-короляхъ и губернаторахъ извѣстныхъ китайскихъ областей должны состоять особые совѣтники изъ европейцевъ; расходы по содержанію охранной стражи при посольствахъ возлагаются на китайское правительство; наконецъ, мирный договоръ съ державами долженъ быть подписанъ лично богдыханомъ въ Пекинѣ.

Въ этихъ предполагаемыхъ условіяхъ мира остается совершенно незатронутымъ коренной вопросъ о будущихъ отношеніяхъ Китая къ иностранцамъ; точно такъ же и въ нотѣ Делькассѐ ничего не говорилось о правахъ иноземныхъ купцовъ и миссіонеровъ, объ условіяхъ доступа ихъ внутрь страны, о способахъ огражденія безопасности внѣшней торговли и о степени контроля и вмѣшательства иностранныхъ державъ для защиты ихъ подданныхъ отъ произвола и насилій въ предѣлахъ китайской имперіи. Важнѣйшіе предметы спора оставлены въ сторонѣ,—по всей вѣроятности только потому, что они возбудили бы разногласія между державами и дали бы новый матеріалъ для внутренняго разлада среди дипломатовъ, призванныхъ возстановить миръ на дальнемъ Востокѣ. Ради кажущагося единенія, въ которое и безъ того никто не вѣритъ, откладываются на неопредѣленное время существенныя реальныя задачи предстоящаго мирнаго соглашенія съ Китаемъ, или, вѣрнѣе сказать, эти задачи предоставляется рѣшать каждой изъ заинтересованныхъ державъ въ отдѣльности, соотвѣтственно особымъ ихъ интересамъ. Однако, какое значеніе будутъ имѣть „совмѣстные“ переговоры иностранныхъ представителей съ китайскими уполномоченными, если изъ круга обсуждаемыхъ вопросовъ заранѣе исключены самые капитальные и основные? Ограничиваясь второстепенными, сравнительно мелочными и поверхностными сторонами кризиса, которымъ выдвинуты на сцену чрезвычайно крупныя и спорныя проблемы міровой политики, коллективная дипломатія восьми державъ даетъ Китаю неправильное представленіе объ основахъ желательнаго мира и подрываетъ силу и смыслъ того единенія культурныхъ націй, котораго удалось достигнуть даже въ обла-

сти военнаго командованія на китайскомъ театрѣ войны. Французскіе солдаты и офицеры дѣйствуютъ подъ начальствомъ англійскаго генерала и подчиняются авторитету германскаго фельдмаршала; а французскіе дипломаты не могутъ откровенно столковаться съ своими англійскими и германскими коллегами относительно тѣхъ общихъ интересовъ, во имя которыхъ французы сражаются за-одно съ англичанами и нѣмцами противъ китайцевъ. Весь китайскій вопросъ искусственно умаляется въ Пекинѣ, благодаря принятой тамъ программѣ дипломатическихъ переговоровъ,—что, несомнѣнно, усиливаетъ и облегчаетъ положеніе уполномоченныхъ богдыхана. Князь Цинъ и Ли-Хунъ-Чангъ охотно пошли на встрѣчу иностраннымъ представителямъ въ усвоенномъ ими пониманіи труднаго дѣла и, съ своей стороны, предложили державамъ проектъ предварительной конвенціи въ пяти статьяхъ: во-первыхъ, Китай сожалѣетъ о недавнихъ печальныхъ событіяхъ и обѣщаетъ, что они никогда не повторятся; во-вторыхъ, Китай признаетъ себя обязаннымъ уплатить вознагражденіе; въ-третьихъ, Китай соглашается подтвердить или видоизмѣнить старые торговые трактаты, или заключить новые; въ-четвертыхъ, въ виду признанія и одобренія этихъ общихъ принциповъ, Китай требуетъ дозволенія возобновить дѣятельность цзунъ-ли-ямена и надѣется на удаленіе иностранныхъ войскъ послѣ того какъ будутъ установлены надлежащіе разсчеты по возмѣщенію убытковъ; въ-пятыхъ, такъ какъ начались переговоры о мирѣ, то иностранныя державы должны объявить перемиріе и прекратить военныя дѣйствія. Что касается виновныхъ министровъ и князей, то они уже преданы суду императорскимъ декретомъ, для наказанія ихъ по китайскимъ законамъ. Китайскіе уполномоченные не упоминаютъ ни о фортахъ Таку, ни о привозѣ оружія изъ-за границы, ни о военной охранѣ посольствъ, но зато они включаютъ въ програму обсужденія несравненно болѣе важный вопросъ о торговыхъ трактатахъ, хотя и безъ прямого указанія на какія-либо новыя уступки въ пользу иностранцевъ. Торговые договоры предполагаютъ признаніе извѣстныхъ правъ за иностранными поселенцами и, слѣдовательно, находятся въ непосредственной связи съ коренными основами международнаго общенія; а эти именно основы предстояло установить по отношенію къ Китаю. Туземные дѣятели хорошо понимаютъ, что первой и главной заботою иноземной дипломатіи будетъ обезпеченіе и расширеніе торговыхъ сношеній при помощи новыхъ трактатовъ, а потому обойти послѣдніе молчаніемъ, какъ это дѣлаютъ представители державъ въ Пекинѣ, было бы безцѣльно со стороны китайскихъ уполномоченныхъ. Согласиться на разоруженіе фортовъ Таку и Тянь-Цзиня не трудно для Китая послѣ занятія ихъ иностранными войсками; но ничто не помѣшаетъ китайцамъ перенести столицу въ глубь

страны или превратить Пекинъ въ первоклассную крѣпость. Запрещеніе привоза оружія изъ-за границы послужитъ лишь толчкомъ къ образованію собственныхъ ружейныхъ и пушечныхъ заводовъ въ Китаѣ, а такъ какъ китайское правительство не лишается права заключать иностранные займы и пользоваться услугами иноземныхъ техниковъ и инженеровъ, то дальнѣйшее вооруженіе Китая можетъ продолжаться безпрепятственно, при содѣйствіи заграничныхъ капиталовъ и спеціалистовъ, или безъ такого содѣйствія, въ случаѣ надобности. Положеніе дѣлъ нисколько не измѣнится отъ того, будетъ ли существовать въ Китаѣ коллегіальное вѣдомство иностранныхъ дѣлъ подъ названіемъ цзунъ-ли-ямена, или единоличное министерство по этой части; не повліяетъ также на судьбу Китая существованіе небольшого военнаго отряда для охраны посольствъ въ Пекинѣ. Конечно, представителямъ державъ удобнѣе имѣть дѣло съ однимъ сановникомъ, чѣмъ съ цѣлой коллегіею; постоянная военная охрана доставитъ имъ больше спокойствія и увѣренности въ сношеніяхъ съ туземными властями, но сама по себѣ будетъ свидѣтельствовать о чемъ-то ненормальномъ и натянутомъ и можетъ невольно раздражать туземное патріотическое чувство или подавать поводъ къ столкновеніямъ. Такимъ образомъ, тѣ пункты, около которыхъ пока вращаются переговоры въ Пекинѣ, едва-ли будутъ способствовать достиженію цѣлей, преслѣдуемыхъ кабинетами.

Стремленіе не возбуждать и не ставить вопросовъ, могущихъ нарушить внѣшнее единеніе державъ, привело къ тому, что самое это единеніе потеряло почву и стало лишь безсодержательною формулою, которую можно было, наконецъ, отбросить; послѣднее и было сдѣлано правительствами Англіи и Германіи, заключившими 16-го октября (нов. ст.) отдѣльное соглашеніе по китайскимъ дѣламъ и обнародовавшими текстъ этого соглашенія, къ общему удивленію остальныхъ участниковъ дипломатическаго „концерта". Лордъ Сольсбери и графъ Гатцфельдтъ, германскій посолъ въ Лондонѣ, обмѣнялись тождественными нотами, заключающими въ себѣ слѣдующую декларацію: „Правительство ея британскаго величества и имперское германское правительство, желая сохранить свои интересы въ Китаѣ и свои права, основанныя на существующихъ трактатахъ, согласились между собою соблюдать указанные ниже принципы относительно своей взаимной политики въ Китаѣ: 1) Признается дѣломъ совмѣстнаго и постояннаго международнаго интереса, чтобы побережье и рѣки Китая оставались свободными и открытыми для торговли и для всякой другой законной формы экономической дѣятельности лицъ всѣхъ національностей и странъ безъ различія; и оба правительства согласны съ своей стороны поддерживать то же самое для всей китайской территоріи, на-

сколько они могутъ оказывать свое вліяніе. 2) Имперское германское правительство и правительство ея британскаго величества не намѣрены воспользоваться настоящими обстоятельствами для полученія какихъ-либо территоріальныхъ выгодъ въ китайскихъ владѣніяхъ, и направятъ свою политику къ поддержанію неизмѣннаго (не уменьшеннаго—indiminished) территоріальнаго положенія китайской имперіи. 3) На случай, еслибы какая-либо другая держава воспользовалась замѣшательствами въ Китаѣ, съ цѣлью получить территоріальныя выгоды въ какой бы то ни было формѣ, обѣ договаривающіяся стороны предоставляютъ себѣ придти къ предварительному соглашенію относительно возможныхъ мѣръ, которыя имъ надлежитъ принять для охраны своихъ собственныхъ интересовъ въ Китаѣ. 4) Оба правительства сообщатъ настоящее соглашеніе другимъ заинтересованнымъ державамъ, а именно: Австро-Венгріи, Франціи, Италіи, Японіи, Россіи и Соединеннымъ Штатамъ Америки, и пригласятъ ихъ принять изложенные въ немъ принципы“.

Эта сепаратная сдѣлка двухъ державъ изъ восьми, соединившихся первоначально для совмѣстныхъ дипломатическихъ и военныхъ дѣйствій по отношенію къ Китаю, окончательно разрушаетъ иллюзію единенія и согласія культурныхъ націй по китайскому вопросу; вмѣстѣ съ тѣмъ она наноситъ сильный и ничѣмъ не мотивированный ударъ общимъ идеямъ международнаго мирнаго общенія, которыя съ такою довѣрчивостью проповѣдывались и распространялись въ Европѣ со времени Гаагской конференціи. Самая форма соглашенія и способъ ея обнародованія рѣзко, безъ всякой надобности, противорѣчатъ духу внѣшней солидарности и совмѣстной дѣятельности кабинетовъ въ данномъ случаѣ; очевидно, Англія и Германія могли предложить свои „принципы“ другимъ державамъ для обсужденія и принятія, не въ видѣ готоваго, секретно заключеннаго формальнаго акта, оглашеннаго во всеобщее свѣдѣніе, и безъ помощи скрытыхъ и ненужныхъ угрозъ противъ одного изъ союзныхъ государствъ, хотя и не названнаго прямо, но указываемаго обстоятельствами съ достаточною ясностью. Еслибы Англія и Германія просто заявили о необходимости держаться въ китайскомъ вопросѣ двухъ принятыхъ ими началъ—свободы торговыхъ сношеній и неприкосновенности китайской территоріи, то это заявленіе имѣло бы полную практическую силу и могло бы дать принципіальную основу для мирныхъ переговоровъ съ Китаемъ; оно такъ же точно устраняло бы проекты какихъ-либо территоріальныхъ выгодъ въ пользу отдѣльныхъ державъ, не задѣвая ни одной изъ нихъ обидными или вызывающими намеками. Зато не было бы того, что̀ принято считать успѣхомъ въ политикѣ; не было бы эффекта неожиданности, возбудившаго такіе шумные толки по поводу обнародованія

англо-германской конвенціи. Англія и Германія не выдѣлялись бы изъ общаго дипломатическаго „концерта“, и печать всего міра не говорила бы о ловкомъ шахматномъ ходѣ обоихъ правительствъ.

Съ какой таинственностью устроена была эта сдѣлка, видно уже изъ того недоразумѣнія, въ какое вовлечены были на первыхъ порахъ серьезныя французскія газеты, вслѣдствіе случайной ошибки въ телеграммѣ „Агентства Гаваса“, сообщавшей текстъ соглашенія. Въ послѣднемъ параграфѣ, при перечисленіи державъ, которымъ оба кабинета предполагали сообщить подписанный ими протоколъ, пропущено было названнымъ агентствомъ имя Россіи. Формальный обмѣнъ нотъ между графомъ Гатцфельдтомъ и лордомъ Сольсбери состоялся, какъ упомянуто нами выше, 16-го октября, а еще пять дней спустя, 21-го числа, министерскій „Temps“ разсуждалъ въ тревожномъ тонѣ о значеніи и послѣдствіяхъ важнаго пропуска, допущеннаго обоими дипломатами. „Исключать такимъ образомъ одного изъ союзниковъ,— по словамъ „Temps“, — значитъ намѣренно уничтожать согласіе и оскорблять правительство, которое оставляется какъ бы въ подозрѣніи. Такое исключеніе есть не только признакъ недовѣрія, но и нѣчто въ родѣ объявленія вражды... Допуская даже чистоту намѣреній лондонскаго и берлинскаго кабинетовъ, нельзя не сожалѣть о томъ, что неудачная редакція соглашенія придала ему видъ непріязненнаго акта, направленнаго противъ союзника. Не слѣдуетъ бросать бомбу, когда желаютъ способствовать дѣлу мира“. Изъ этихъ замѣчаній „Temps“ можно заключить, что 21-го октября былъ еще неизвѣстенъ въ Парижѣ подлинный оффиціальный текстъ англо-германскаго договора.

Была ли какая-либо необходимость въ столь таинственной обстановкѣ дѣла, касающагося, въ сущности, всѣхъ участниковъ военно-дипломатической кампаніи на дальнемъ востокѣ? Существовали ли по крайней мѣрѣ какіе-нибудь фактическіе поводы къ особымъ приготовительнымъ мѣрамъ Англіи и Германіи на случай чьихъ-либо попытокъ завладѣть частью китайской территоріи? До сихъ поръ мысль о раздѣлѣ Китая съ наибольшею энергіею высказывалась именно англійскими и германскими дѣятелями; починъ въ новѣйшемъ захватѣ прибрежныхъ китайскихъ пунктовъ былъ сдѣланъ Германіею, а Англія еще недавно пыталась занять Шанхай, на глазахъ союзниковъ, среди полнаго внѣшняго согласія, господствовавшаго между державами до взятія Пекина и освобожденія посланниковъ. Англичанамъ принадлежалъ и проектъ выдѣленія богатѣйшей долины Янъ-цзы-кіанга въ пользу Англіи, въ видѣ особой сферы владычества британскихъ интересовъ. Кромѣ Англіи и Германіи, только Россія была бы поставлена въ возможность присоединить къ своимъ владѣніямъ китайскія земли, и ни-

кто не сомнѣвается, что третій параграфъ англо-германской конвенціи относится именно къ Россіи, фактически завоевавшей Манчжурію. Но русское правительство не разъ торжественно заявляло свою рѣшимость отдать занятыя области Китаю тотчасъ по возстановленіи мира и порядка въ имперіи богдыхана, такъ что Англіи и Германіи ничего не стоило бы поймать Россію на словѣ и обобщить ея заявленіе, возвести на степень обязательнаго руководящаго принципа то, что̀ высказывалось ею въ отдѣльности. Не было поэтому ни мотива, ни надобности выставлять тотъ же принципъ сепаратно, обративъ его противъ завѣдомо сочувствующей ему державы. Оффиціальное отреченіе Англіи и Германіи отъ идеи о раздѣлѣ Китая представляло бы крупный фактъ, даже еслибы оно было выражено не въ формѣ секретнаго двойственнаго договора.

Въ частности относительно Манчжуріи слѣдуетъ сказать, что намъ даже нѣтъ разсчета сохранить ее за собою, такъ какъ она обошлась бы слишкомъ дорого нашимъ финансамъ; съ насъ достаточно тѣхъ многихъ милліоновъ, которые потребовалъ уже Портъ-Артуръ, безъ замѣтной пока пользы для страны. Новое манчжурское генералъ-губернаторство вызвало бы такіе колоссальные ежегодные расходы и навязало бы намъ такія сложныя новыя задачи, что думать о подобномъ расширеніи русской территоріи было бы неблагоразумно; даже самые предпріимчивые изъ нашихъ „патріотовъ“ не совѣтуютъ возлагать на государство эту непомѣрную китайскую тяжесть. Въ этой явной невыгодности и обременительности пріобрѣтенія заключается главный источникъ нашего воздержанія; какъ побѣдители мы имѣли бы поводъ къ тому, чтобы отклонить примѣненіе къ Манчжуріи возвѣщеннаго англо-германскою конвенціею начала территоріальной неприкосновенности Китая; но, быть можетъ, именно въ виду этого и установленъ пунктъ 3-ій англо-германскаго соглашенія. Наши владѣнія по Амуру подверглись нападенію со стороны китайскихъ войскъ, и мы неожиданно очутились въ состояніи необходимой обороны, не будучи совершенно подготовлены къ защитѣ, чѣмъ и объясняется отчасти жестокость послѣдовавшей затѣмъ расправы съ китайцами въ Благовѣщенскѣ и другихъ мѣстахъ. Наши какъ бы вынужденныя и на первыхъ порахъ оборонительныя военныя дѣйствія сдѣлались вскорѣ наступательными и привели къ занятію главнѣйшихъ укрѣпленныхъ пунктовъ Манчжуріи, одновременно съ очищеніемъ значительной части этой области отъ враждебныхъ намъ китайскихъ полчищъ; очевидно, здѣсь мы находились въ особомъ положеніи, не имѣющемъ ничего общаго съ условіями совмѣстной военно-дипломатической дѣятельности относительно кризиса въ Пекинѣ,—но нельзя отрицать, чтобы это не привело впослѣдствіи къ болѣе серьезному

столкновенію уже не съ Китаемъ, или не послужило бы основаніемъ и для другихъ странъ дѣйствовать на правахъ побѣдителя. Пограничная война, начатая въ этомъ пунктѣ несомнѣнно Китаемъ, окончилась завоеваніемъ Манчжуріи русскими войсками, и по общему международному праву судьба занятаго края зависитъ всецѣло отъ воли побѣдителя и отъ тѣхъ условій мира, которыя будутъ предложены побѣжденной сторонѣ и ею приняты. Признавая даже, что войны не было и что, слѣдовательно, не было побѣдителей и побѣжденныхъ, Россія могла, однако, поступить съ Манчжуріею, какъ съ непріятельскою страною, угрожающею безопасности нашихъ границъ. Если Россія не желаетъ въ данномъ случаѣ воспользоваться общепризнаннымъ правомъ завоеванія, еще недавно провозглашеннымъ Англіею въ Трансваалѣ, то на это существуютъ свои спеціальныя причины, даже и помимо содержанія англо-германскаго соглашенія. Объяснить различіе между положеніемъ Россіи въ Манчжуріи и общимъ вопросомъ о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ державъ въ Китаѣ было бы желательно, для избѣжанія недоразумѣній и различныхъ выводовъ въ будущемъ, и, по всей вѣроятности, наше министерство иностранныхъ дѣлъ постарается исполнить эту задачу. Впрочемъ, дипломатія вообще не расположена къ откровеннымъ разъясненіямъ и къ такъ называемому обмѣну мыслей, когда это не требуется ходомъ ближайшихъ текущихъ дѣлъ; оттого и возможны и имѣютъ успѣхъ въ международной политикѣ дѣйствія британскихъ и иныхъ „имперіалистовъ“, для которыхъ высшимъ принципомъ является фактическая побѣда и самый актъ завоеванія... Все совершившееся до сихъ поръ только раскрыло безсиліе увлекавшей многихъ мечты о сознательномъ единеніи культурныхъ націй на почвѣ китайскаго вопроса.

Въ Германіи общественное мнѣніе давно уже выражаетъ недовольство личною политикою Вильгельма II-го и особенно стремленіемъ его обходиться безъ имперскаго сейма въ такихъ крупныхъ и дорого стоящихъ предпріятіяхъ, какъ китайская экспедиція. Широкіе планы и замыслы въ области „міровыхъ вопросовъ“ требуютъ прежде всего значительныхъ финансовыхъ средствъ, которыми правительство не можетъ располагать безъ разрѣшенія парламента; но убійство Кеттелера въ Пекинѣ случилось во время парламентскихъ вакацій, и съ тѣхъ поръ имперскій сеймъ не созывался, несмотря на важность принимавшихся военно-дипломатическихъ мѣръ по китайскому вопросу. Десятки милліоновъ уже израсходованы на военныя дѣйствія и приготовленія, а народное представительство лишено было возможности высказаться. Внѣшняя политика, въ отличіе отъ внутренней, обла-

даетъ вообще особымъ свойствомъ—создавать „совершившіеся факты", которые критиковать уже безполезно; парламентскій контроль тутъ большею частью безсиленъ, такъ какъ нельзя остановить событія, которымъ данъ толчокъ въ опредѣленномъ направленіи и которыя влекутъ за собою извѣстныя матеріальныя послѣдствія для государства. Имперскій сеймъ по неволѣ вынужденъ былъ бы утвердить кредиты на отправку войскъ въ Китай; но онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, ограничить дальнѣйшія увлеченія и косвенно повліять, такимъ образомъ, на дипломатію. Обязанность ускорить созваніе парламента лежала на имперскомъ канцлерѣ, князѣ Гогенлоэ; однако, этотъ престарѣлый сановникъ находился также въ отсутствіи и фактически почти совершенно не участвовалъ въ государственныхъ дѣлахъ за послѣдніе мѣсяцы. Нѣмецкія газеты часто ставили вопросъ: „гдѣ канцлеръ?" и прямо намекали на необходимость удаленія „дяди Хлодвига" на покой; сатирическіе листки изображали его не иначе какъ спящимъ. Наконецъ, 17-го октября онъ получилъ отставку, и на его мѣсто назначенъ графъ Бюловъ, бывшій донынѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Князь Хлодвигъ Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ пробылъ имперскимъ канцлеромъ и прусскимъ министромъ-президентомъ ровно шесть лѣтъ (съ октября 1894 года), послѣ графа Каприви; ему теперь 81 годъ отъ роду, и этотъ почтенный возрастъ является самъ по себѣ достаточною причиною его удаленія. При немъ должность германскаго канцлера, прославленная Бисмаркомъ, стала почетною синекурою; нѣмецкая публика привыкла уже къ тому, что въ дѣйствительности императоръ Вильгельмъ II состоитъ своимъ собственнымъ канцлеромъ. Это положеніе дѣлъ не измѣнится, конечно, и при Бюловѣ. Имперскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, или „статсъ-секретаремъ иностраннаго вѣдомства", назначенъ на мѣсто Бюлова, товарищъ его по этой должности, баронъ Рихтгофенъ. Какъ прусскій министръ-президентъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Бюловъ становится главнымъ правительственнымъ лицомъ въ Пруссіи и первымъ представителемъ ея предъ союзными германскими государствами; какъ канцлеръ, онъ является главою правительства въ имперіи, выразителемъ и защитникомъ ея интересовъ въ имперскомъ сеймѣ. Отвѣтственный съ одной стороны передъ палатами прусскаго сейма, а съ другой—передъ имперскимъ парламентомъ, онъ несомнѣнно окажется на высотѣ положенія, благодаря своему дипломатическому такту и нѣкоторому ораторскому таланту. Обладая гибкимъ и податливымъ умомъ, онъ съумѣетъ слѣдовать за всѣми перемѣнами настроенія и воли Вильгельма II, и, въ случаѣ надобности, будетъ сегодня опровергать то, что̀ утверждалъ вчера,—какъ это было уже не разъ въ китайскомъ вопросѣ: онъ, напр., требовалъ выдачи виновныхъ китай-

скихъ сановниковъ для суда и наказанія прежде чѣмъ начнутся мирные переговоры съ богдыханомъ, а потомъ искусно отрекся отъ этого страннаго и неосуществимаго требованія. Можно сказать, что онъ воплощаетъ собою талантливую и дѣятельную безпринципность. Послѣднимъ соглашеніемъ съ Англіею онъ достигъ большого политическаго успѣха, такъ какъ обезпечилъ германской торговлѣ равноправность съ англійскою на всемъ пространствѣ Китая, не исключая и областей, на которыя раньше англичане заявляли особыя притязанія. Опираясь на этотъ новѣйшій успѣхъ германской политики, графъ Бюловъ можетъ спокойно готовиться къ предстоящей сессіи имперскаго сейма, созваннаго наконецъ на 14-е ноября.

Матеріала для бурныхъ преній накопилось не мало, и предметы оппозиціонныхъ рѣчей извѣстны заранѣе, при существующей въ Германіи свободѣ печати. Нѣмецкая газетная пресса пользуется правомъ критики и контроля не только по отношенію къ дѣйствіямъ высшей и низшей администраціи, но и относительно самого Вильгельма II, насколько его распоряженія и рѣчи затрогиваютъ интересы государства и народа. При такой свободѣ критики, никакія административныя злоупотребленія не могутъ укорениться въ Германіи; всякая погрѣшность немедленно разоблачается и вызываетъ соотвѣтственныя мѣры, предупреждающія повтореніе ошибокъ на будущее время. Между прочимъ, газеты уличили имперское вѣдомство внутреннихъ дѣлъ въ незаконныхъ денежныхъ сношеніяхъ съ частнымъ союзомъ нѣмецкихъ промышленниковъ, ради пропаганды правительственныхъ взглядовъ по вопросу о стачкахъ рабочихъ, и стоящій во главѣ этого вѣдомства, графъ Посадовскій, едва ли сохранитъ свой постъ, если не очиститъ себя отъ подозрѣнія въ солидарности съ виновными должностными лицами; а самый фактъ, раскрытый печатью, уже, конечно, не повторится болѣе, въ виду публичнаго осужденія его всѣми независимыми органами общественнаго мнѣнія въ Германіи.

Въ Англіи также произошли значительныя перемѣны въ составѣ правительства: глава кабинета, лордъ Сольсбери, сложилъ съ себя должность министра иностранныхъ дѣлъ и остается только премьеромъ и хранителемъ печати; дипломатическое вѣдомство переходитъ въ руки маркиза Лансдоуна, бывшаго до сихъ поръ военнымъ министромъ и пріобрѣвшаго въ этомъ званіи репутацію весьма неудачнаго и непредусмотрительнаго администратора; морской министръ Гошенъ еще раньше вышелъ въ отставку, и мѣсто его теперь занялъ Сельборнъ; министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ Ритчи, а военнымъ—Бродрикъ. Эти перемѣны вызваны прежде всего желаніемъ Сольсбери облегчить бремя своихъ заботъ и дать себѣ отдыхъ для поправленія своего здоровья; но публика крайне недовольна выборомъ Лансдоуна на трудный и отвѣт-

ственный постъ, который такъ долго и съ такимъ успѣхомъ занималъ премьеръ. Газеты ссылаются на то, что при послѣднихъ парламентскихъ выборахъ избиратели не имѣли въ виду замѣны Сольсбери Лансдоуномъ и вѣроятно не стали бы подавать голоса за правительство въ его нынѣшнемъ, неожиданно преобразованномъ видѣ. Разумѣется, впрочемъ, само собою, что глава кабинета во всякомъ случаѣ сохранитъ за собою общее руководство внѣшней политикою и что наиболѣе вліятельнымъ лицомъ въ министерствѣ будетъ по прежнему Чемберлэнъ, популярнѣйшій ораторъ и проповѣдникъ новаго британскаго „имперіализма".

Парламентскіе выборы доставили правительству то же большинство, какое было у него раньше. Изъ общаго числа 670 членовъ палаты считается всего 332 консерватора и 69 либеральныхъ уніонистовъ, образующихъ вмѣстѣ министерскую партію въ 401 чел.; въ составѣ оппозиціи числится 187 либераловъ и представителей рабочаго класса, и 82 ирландскихъ націоналиста,—вмѣстѣ 269, такъ что перевѣсъ на сторонѣ кабинета опредѣляется прежнею цифрою 132 голосовъ. Но по числу поданныхъ голосовъ въ странѣ либералы немногихъ отстаютъ отъ своихъ торжествующихъ противниковъ: за консерваторовъ и уніонистовъ подано всего въ Великобританіи 2.360.852 голоса, а за членовъ оппозиціи—2.055.951; сравнительно съ выборами 1895 года правительственныя партіи выиграли 93.904, а оппозиціонныя—36.196 голосовъ. Эти цифры показываютъ, что либералы имѣютъ за собою еще весьма значительную часть населенія и что только отсутствіе авторитетныхъ и общественныхъ вождей мѣшаетъ имъ съ успѣхомъ бороться противъ министерства Сольсбери-Чемберлэна.

Парижская выставка близится къ концу, и французы начинаютъ подводить итоги ея политическимъ и финансовымъ результатамъ. Всемірная выставка довела до крайней степени напряженія систему искусственнаго сосредоточенія національныхъ силъ и средствъ въ одномъ центрѣ,—систему, создавшую величіе Парижа въ ущербъ провинціи. Политика отошла на задній планъ, борьба партій затихла, и французское общество, поглощенное заботою о внѣшнемъ успѣхѣ и блескѣ выставки, перестало думать о министерскихъ кризисахъ и шумныхъ парламентскихъ битвахъ. Кабинетъ Вальдека-Руссо держался прочно среди этого господствующаго выставочнаго настроенія; президентъ Лубè пріобрѣлъ популярность, и республика, по общему мнѣнію, окрѣпла. Правительственные республиканцы серьезно считали своимъ высшимъ торжествомъ грандіозный банкетъ мэровъ, собравшій 22 сентября со всѣхъ концовъ Франціи 22 тысячи представителей городскихъ

общинъ, въ качествѣ гостей президента; роскошное угощеніе ихъ на казенный счетъ означало, будто бы, побѣду надъ націоналистами, мечтавшими объ устройствѣ подобнаго всенароднаго праздества отъ имени парижскаго городского совѣта и потерпѣвшими неудачу въ своей оппозиціонной попыткѣ. Вальдекъ - Руссо, въ своей рѣчи въ Тулузѣ, 27 октября, съ гордостью указываетъ на это торжество, какъ на великую заслугу министерства. Блестящіе праздники кончились, проза жизни вступаетъ въ свои права, и для ближайшаго будущаго глава кабинета намѣчаетъ двѣ практическія задачи—борьбу съ духовными конгрегаціями и проведеніе закона объ ассоціаціяхъ. Сомнительно только, способны ли эти вопросы увлечь французское общественное мнѣніе и привязать народныя симпатіи къ министерству Вальдека-Руссо.

Въ печатаемомъ ниже письмѣ изъ Бѣлграда отражаются впечатлѣнія сербскихъ передовыхъ кружковъ по поводу совершившагося въ іюлѣ бракосочетанія короля Александра. Мы не упоминали въ свое время объ этомъ семейномъ событіи въ домѣ Обреновичей, потому что такого рода факты не имѣютъ прямой связи съ политикою, даже когда они касаются старыхъ и могущественныхъ европейскихъ династій. Печально видѣть, что въ маленькой Сербіи ходъ государственнаго управленія зависитъ отъ чисто-личныхъ и домашнихъ дѣлъ короля, и что этимъ интимнымъ дѣламъ по неволѣ присвоивается важное для страны политическое значеніе.

СЕРБСКІЯ ДѢЛА.

Письмо изъ Бѣлграда.

Женитьба короля Александра—событіе большой политической важности для Сербіи. Эта женитьба положила конецъ соцарствію экс-короля Милана и его реакціонному режиму. Героинею этого переворота является г-жа Драга Машинъ—теперь ея величество королева сербская Драгина,—и потому съ нея-то и начинаю я свою корреспонденцію.

Королева Драга—внучка Николы Лунѣвицы, одного изъ первыхъ сподвижниковъ князя Милоша въ эпоху возрожденія Сербіи. Отецъ ея былъ окружнымъ начальникомъ, и двадцать лѣтъ тому назадъ, когда мы были у него въ гостяхъ, никто бы не могъ возъимѣть такую дерзкую мысль, что тогда 15-лѣтняя красивая черноглазая дочь его Драга, которая подавала намъ кофе и „слатко“, въ одинъ прекрасный день выйдетъ замужъ за будущаго короля, которому тогда было только четыре года.

Однако, мечты ея родителей были очень скромны, и они очень рано выдали дочь свою замужъ за инженера Машина. M-me Драга, не имѣвъ дѣтей въ этомъ бракѣ, черезъ шесть лѣтъ овдовѣла; скоро затѣмъ умеръ отецъ ея, оставивъ многолюдную семью въ очень затруднительномъ положеніи. Королева Наталія, желая облегчить участь m-me Драги Машинъ,—а косвенно и ея родныхъ,—беретъ ее къ себѣ въ Біаррицъ въ статсъ-дамы. Вотъ тамъ-то вскорѣ и затѣялся королевскій романъ. Король Александръ, навѣстивъ лѣтомъ 1895 г. мать свою въ Біаррицѣ, сразу почувствовалъ необыкновенную симпатію къ m-me Драгѣ. На слѣдующій годъ, когда королева Наталія вернулась въ Бѣлградъ, отношенія между ея сыномъ и ея статсъ-дамою сдѣлались еще болѣе интимными, такъ что она, боясь за послѣдствія, уволила m-me Драгу отъ службы. И тутъ начинается сказка о волкѣ, козлѣ и капустѣ: какимъ образомъ перевезти всѣхъ на одной лодкѣ на другой берегъ, такъ чтобы ни волкъ козла, ни козелъ капусту не съѣлъ?—Король Миланъ вторично вступаетъ съ 1897 года въ Сербію; королева Наталія, въ свою очередь, удаляется изъ Бѣлграда въ Біаррицъ, а король Александръ получаетъ полную свободу сообщенія съ m-me Machine. Отецъ-король, который на этотъ разъ поселяется окончательно въ королевскомъ дворцѣ и забираетъ

всю власть въ свои руки, не только не мѣшалъ интимнымъ отношеніямъ своего сына къ m-me Machine, но, напротивъ, этому покровительствовалъ, находя естественно, что, пока le roi s'amuse, онъ можетъ безконтрольно и безцеремонно довести до конца свою кровавую расправу съ народною партіею—она одна еще протестовала противъ его насильственнаго самовластнаго режима. Король Александръ самъ дѣлалъ видъ, что изъ его интимныхъ отношеній къ m-me Machine ничего серьезнаго не выйдетъ, и даже не препятствовалъ отцу войти въ переговоры объ его женитьбѣ съ принцессою Шаумбургъ-Липпе; но когда король Миланъ, находясь на леченіи въ Карлсбадѣ, готовъ былъ эти переговоры довести до конца, тогда неожиданно для всѣхъ король Александръ, манифестомъ отъ 8-го іюля, объявляетъ о своей помолвкѣ съ г-жею Драгою Лунѣвицей!

Помолвка короля была по истинѣ заговоромъ обоихъ влюбленныхъ и противъ соцарствія эксъ-короля, и противъ принятыхъ обычаевъ и традицій иностранныхъ дворовъ. Сначала никто не осмѣлился выразить королю свое одобреніе и сочувствіе по поводу такого неожиданнаго шага, боясь, что Миланъ не замедлитъ испортить эту королевскую затѣю. Министры, отъ страха передъ Миланомъ, подали въ отставку и бросили дѣла, такъ что въ теченіе трехъ дней, пока съ большимъ трудомъ король не образовалъ кабинетъ Іовановича, онъ самъ былъ своимъ всеобщимъ министромъ. Это былъ весьма критическій моментъ, и заговоръ влюбленныхъ восторжествовалъ только тогда, когда король Миланъ отказался поспѣшить на зовъ своихъ друзей въ Бѣлградъ, и когда одновременно Государь Императоръ изволилъ согласиться быть королю посаженнымъ отцомъ. Положеніе въ странѣ разомъ измѣнилось: настало общее ликованіе,—Сербія избавилась отъ злого генія; въ день королевской свадьбы получили амнистію всѣ пострадавшіе отъ Милановскаго террора въ прошломъ году. Возвратились изъ изгнанія извѣстные вожди народной партіи, генералъ Савва Груичъ, д-ръ Вуичъ и проч., а 11-го сентября, въ день рожденія молодой королевы, амнистированы и прочіе, больше всѣхъ пострадавшіе изъ радикаловъ: полковникъ Николичъ, журналистъ Ст. Протичъ, адвокатъ Живковичъ, протоіерей Джуричъ и проч. Когда слушаешь разсказы этихъ лицъ о томъ, что̀ они невинно перестрадали, то волоса становятся дыбомъ.

Такимъ образомъ, прямымъ послѣдствіемъ отъ женитьбы короля Александра было: удаленіе эксъ-короля Милана изъ Сербіи навсегда; амнистированіе en masse осужденныхъ и преслѣдуемыхъ людей народной партіи, и возстановленіе традиціонныхъ дружескихъ отношеній съ Россіею. И хотя пока въ нашемъ законодательствѣ реакціоннаго режима ничего не измѣнено, тѣмъ не менѣе, вездѣ, и въ печати, и въ общественной жизни,

чувствуется большое облегченіе. Наше законодательное собраніе, „народная скупштина“, королевскимъ указомъ созывается въ очередную сессію на 29-е декабря; но отъ этого собранія, которое при режимѣ эксъ-короля составлено было скорѣе по назначенію, чѣмъ по свободному выбору, трудно ожидать какихъ-либо законодательныхъ измѣненій въ болѣе либеральномъ духѣ. Эта задача останется за скупштиною, которая въ слѣдующемъ году выйдетъ изъ новыхъ выборовъ, за министерствомъ, которому теперешнее министерство d'occasion въ свое время сдастъ бразды правленія. Впрочемъ, будущее зависитъ главнымъ образомъ отъ того, насколько король Александръ будетъ расположенъ къ уступкамъ. Собственно говоря, всѣ три coups d'état, которые онъ съ необычайною смѣлостью совершилъ въ теченіе восьми лѣтъ своего царствованія, ясно указываютъ на настоящую его тенденцію къ усиленію своего личнаго режима, который стѣсняется и конституціею, и парламентарнымъ образомъ правленія. — О министерствѣ Іовановича можно сказать только то, что оно составлено въ силу обстоятельствъ изъ людей молодыхъ и потому мало опытныхъ, но зато благонамѣренныхъ и искренно преданныхъ королю; они готовы искренно защитить его отъ возможныхъ происковъ безпокойнаго отца. Въ этомъ отношеніи министерство имѣетъ на своей сторонѣ почти весь народъ, а особенно народную радикальную партію, къ которой бывшій повелитель Сербіи питалъ непримиримую вражду.

Z.

Бѣлградъ.—Сентябрь, 1900.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1900.

— Іосифъ Го̀лечекъ. Россія и Западъ. (Глава изъ книги: „Поѣздка въ Россію"). Переводъ съ чешскаго. Сообщеніе, сдѣланное 31-го марта, 1900 г., въ кружкѣ имени Я. П. Полонскаго. Спб. (1900).

Въ предисловіи говорится, что въ Россію рѣдко доносятся съ Запада „серьезные и вдумчивые голоса относительно особенностей русской общественной и государственной жизни"; что обыкновенно за эти вопросы берутся тамъ люди невѣжественные и неподготовленные и что всего чаще въ ихъ сужденіяхъ сказывается или только снисходительное, или презрительное отношеніе къ Россіи: поэтому особенно любопытны взгляды Го̀лечка, одного изъ редакторовъ газеты „Narodni Listy". „Самостоятельные и оригинальные взгляды автора въ значительной степени новы и для русскаго общества". На этомъ основаніи извлеченіе изъ книги Голечка переведено на русскій языкъ.

Книжка г. Го̀лечка дѣйствительно не лишена интереса для русскихъ читателей. Въ славянской литературѣ, при всемъ славянскомъ братствѣ, очень мало книгъ,—или даже статей,—о Россіи, и, что̀ еще удивительнѣе и хуже, наше „братство" не повело къ тому, чтобы въ этихъ книгахъ или статьяхъ было серьезное изученіе русской жизни,—которое, однако, можно найти въ книгахъ нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ. Наиболѣе богатая изъ западно-славянскихъ литературъ (послѣ польской), чешская, при всей оживленной ея дѣятельности, научной и поэтической, только въ послѣднее время познакомилась съ новѣйшей русской литературой—только *послѣ* того, какъ русскій романъ пріобрѣлъ такую широкую извѣстность въ литературахъ западной Европы. Въ то время, лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ, когда этотъ романъ былъ у насъ въ полномъ разцвѣтѣ, чехи не подозрѣвали объ его существованіи; и если потомъ они узнали Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, „Толстоя", то къ этому ихъ по-

будила не духовная и племенная родственность, не „братство", а примѣръ западныхъ литературъ, отъ которыхъ стыдно было отставать. Въ другихъ славянскихъ литературахъ, болѣе мелкихъ, бывали несомнѣнные случаи, гдѣ Тургенева переводили—съ нѣмецкаго.

Приводимъ эти примѣры потому, что они—несмотря на всѣ рѣчи о единствѣ—очень характерно отражаютъ недостатокъ существенной солидарности. Для славянскаго запада и юга Россія представляетъ только, или главнѣйшимъ образомъ, политическій интересъ,—насколько она можетъ послужить ихъ политическимъ надеждамъ и разсчетамъ, —и если случалось въ этомъ разнорѣчіе, то происходили тѣ безобразныя явленія, какія совершались въ Болгаріи при Стамбуловѣ (въ правленіе князя Фердинанда). Очень возможно, что бывали основательныя причины къ несогласію и недовольству, но вмѣсто спокойнаго и достойнаго заявленія своихъ взглядовъ и желаній, со стороны болгарскаго правительства и толпы посыпались оскорбленія противъ государства, которому Болгарія только-что была обязана самымъ своимъ политическимъ существованіемъ. Очевидно, внутренней связи съ обществомъ, народомъ, внѣ государства, не было. Если бывали ошибки и со стороны русской дипломатіи, напр. въ дѣлѣ Босніи и Герцеговины, здѣсь опять сказывалось, что и въ самой русской жизни недоставало нравственной энергіи и достаточнаго сознанія о славянскихъ отношеніяхъ.—Какъ извѣстно, славянскіе интересы очень ослабѣли, даже какъ будто совсѣмъ замолкли, въ массѣ русскаго общества со времени послѣдней войны (въ самую войну они поддерживались въ особенности обычнымъ патріотическимъ возбужденіемъ въ военныхъ столкновеніяхъ): одни были разочарованы неудачнымъ результатомъ; другіе возвратились къ прежнему равнодушію.

Если оставить область политики и обратиться къ жизни литературной, то, какъ мы упоминали, въ прежнее время братья-славяне очень мало знали о русской литературѣ; теперь знаютъ больше, благодаря указывавшей на нее литературѣ европейской,—но, переводя русскіе романы и повѣсти, все-таки очень мало знаютъ о внутреннихъ отношеніяхъ русской литературы, а вмѣстѣ о заботахъ и исканіяхъ самого русскаго общества. Источникомъ ихъ познаній по этому предмету очень рѣдко бываетъ собственное знакомство, а всего чаще ходячія, особливо нѣмецкія, свѣдѣнія. За неимѣніемъ живого непосредственнаго знанія, такія свѣдѣнія въ западно-славянской литературѣ обыкновенно случайны, отрывочны и противорѣчивы.

Славянскіе писатели, впрочемъ, не однажды говорили о судьбахъ цѣлой Россіи, народа и государства. Такъ, нѣкогда славянскій патріотъ Штуръ писалъ свой трактатъ „Славянство и міръ будущаго": это была съ большимъ одушевленіемъ изложенная теорія панславизма,

будущаго единаго славянскаго міра, гдѣ находится пріютъ и для угнетенной мѣстной родины славянскаго мечтателя. Будущее было очень хорошо; было одно лишь забыто—насколько русскій народъ, которому главнымъ образомъ приходилось бы строить это будущее, имѣлъ тѣ стремленія, какія предполагалъ писатель, и не было ли у русскаго народа своихъ заботъ, болѣе близкихъ, чѣмъ это прекрасное далекое

Такихъ теоретическихъ построеній, хотя не вполнѣ развитыхъ, было не мало въ славянской литературѣ, и къ нимъ присоединяется книга Голечка, отрывокъ которой является теперь въ русскомъ переводѣ.

По мнѣнію переводчика, самостоятельные взгляды чешскаго писателя заслуживаютъ „самаго серьезнаго вниманія". Собственно говоря, они производятъ очень странное впечатлѣніе. Начать съ того, что, вступивши на русскую почву, авторъ на первыхъ порахъ всего больше заинтересованъ казатинскимъ (на ст. Казатинѣ, близь Кіева) лакеемъ и посвятилъ ему много страницъ; потомъ былъ очарованъ желѣзно-дорожнымъ жандармомъ, который благодушно предоставилъ ему остаться на подножкѣ вагона и, при случаѣ, сломить себѣ шею —автору вспомнились суровые полицейскіе въ Австріи, но ему не пришло въ голову, что на русской желѣзной дорогѣ ему встрѣтился только недостаточно распорядительный жандармъ, а распорядительные жандармы въ Россіи есть. Потративъ на эти соображенія страницъ двадцать, авторъ разсказываетъ, что въ Ростовѣ-на-Дону онъ встрѣтилъ соотечественника, нѣкоего пана Кленовца, который уже нѣсколько лѣтъ жилъ въ Россіи. Этотъ соотечественникъ разрѣшалъ всѣ недоумѣнія путешественника относительно Россіи, и его взгляды произвели на автора такое впечатлѣніе, что—послѣ собственныхъ разсужденій о лакеяхъ и жандармахъ—вся книга наполнена діалогами автора съ Кленовцемъ, а потомъ прямо изложеніемъ взглядовъ этого послѣдняго. Не знаемъ, существуетъ ли дѣйствительно панъ Кленовецъ, или это — литературный пріемъ: если послѣднее, то пріемъ — не совсѣмъ удачный, потому что автору приходится рѣшать судьбы Россіи съ чужихъ словъ, и со словъ человѣка, который въ Россіи иностранецъ; при всѣхъ его къ ней сочувствіяхъ, онъ не вошелъ въ ея жизнь, и многія существенныя стороны этой жизни ему непонятны, а можетъ быть и неизвѣстны. Оговоримся, что мы не имѣли случая познакомиться съ цѣлымъ сочиненіемъ Голечка, чешскимъ, и говоримъ только о русскомъ изданіи.

Сущность взглядовъ Кленовца, излагаемыхъ Голечкомъ, не совсѣмъ нова. Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, во времена „Москвитянина" и „Маяка", въ нашей литературѣ явилась впервые (впрочемъ, заимствованная у западнаго писателя) теорія о гніеніи Запада: по нашему

истолкованію, его долженъ былъ смѣнить Востокъ, именно предстоявшее, или уже наступившее, величіе русской цивилизаціи. Чешскій политикъ говоритъ то же самое: Западъ долженъ погибнуть въ гнусномъ матеріализмѣ,—но, сравнительно съ „Маякомъ" и „Москвитяниномъ", обставляетъ свое утвержденіе новыми аргументами, изъ фактовъ политической, промышленной, общественной и нравственной жизни Европы. Выводъ для Европы—трагическій: она должна погибнуть; явится другая цивилизація, которую принесутъ свѣжіе, неиспорченные народы, и прежде всего народъ русскій.

У славянскихъ писателей, воспитавшихся, какъ напр. чехи, на нѣмецкой культурѣ, когда они говорятъ о Россіи, проглядываетъ нерѣдко нѣкоторое высокомѣріе, чувство превосходства надъ неразвитою русской культурой: они не сознаютъ своего самообольщенія (потому что ихъ культура — усвоенная нѣмецкая) и готовы давать русскимъ наставленія. Подобное можно замѣтить и въ книгѣ Голечка: панъ Кленовецъ, хотя возвеличиваетъ Россію на счетъ имѣющаго погибнуть Запада, въ цѣлой книжкѣ ни разу не упомянулъ о мнѣніяхъ самихъ русскихъ людей. Онъ берется самъ говорить за нихъ: они вѣроятно не понимаютъ.

Приводимъ нѣсколько образчиковъ его рѣшеній о судьбѣ Европы и Россіи: эти рѣшенія любопытны.

„Западный человѣкъ не вѣритъ въ Бога и не имѣетъ совѣсти" (стр. 60).

„Старая Европа погибла въ битвѣ между вѣрою и философіею, и теперь у нея нѣтъ ни философіи, ни вѣры. Она стоитъ выше Россіи *только по части техническихъ изобрѣтеній*, которыя служатъ *единственнымъ* практическимъ результатомъ машинообразнаго духа западнаго человѣка... Еще никогда люди Запада не имѣли такой *удачи* въ области техническихъ усовершенствованій, какъ теперь. Это *единственный* и *послѣдній* проблескъ творческаго духа на Западѣ, который всю свою жизнь свелъ къ механизму и всѣ свои силы направилъ только въ этомъ направленіи. Въ этомъ направленіи онъ мчится, какъ поѣздъ по желѣзнымъ рельсамъ, и не смѣетъ свернуть ни направо, ни налѣво, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ это привело бы къ катастрофѣ (стр. 61).

„Въ слѣпой гордости, которая его характеризуетъ, Западъ не видитъ и даже не подозрѣваетъ опасности, къ которой онъ мчится навстрѣчу, и его единственное счастье заключается въ томъ, что онъ думаетъ, будто бы тамъ ждетъ его земля обѣтованная, а не гибель, неминуемая и неотвратимая (стр. 62).

„Западная цивилизація знаетъ только себя и свои собственныя цѣли. Въ своей надменности она позабыла, что человѣчество имѣетъ еще

другія формы культуры, которыя старше культуры европейской и которыя смотрятъ на нее, какъ на варварство. Это—полная ограниченность мысли; когда европейцы смотрятъ свысока на дѣйствительно культурныхъ людей. Западная культура имѣетъ въ виду только эксплоатацію другихъ странъ свѣта и другихъ народовъ. И противъ нея нынѣ уже готовится отпоръ на всѣхъ точкахъ земного шара за границами Западной Европы. Примѣръ японцевъ не останется одинокимъ. За двадцать лѣтъ японцы усвоили себѣ всѣ культурныя завоеванія старой Европы, но остались вѣрными завѣтамъ своей народной жизни и не поступились ни однимъ изъ своихъ идеаловъ. Напротивъ, они надѣются, что при такихъ условіяхъ они скорѣе превзойдутъ свою недавнюю учительницу (?). Пройдетъ еще лѣтъ двадцать, и старая Европа увидитъ передъ собою много такихъ японцевъ. Здѣсь прежде всего выйдетъ на арену Китай (стр. 63).

„Опьяненіе Запада, опьяненіе самимъ собою, своею красотою и своею геніальностью, пройдетъ. Смирится и та гордость, съ которой онъ говорилъ, что онъ находится въ постоянномъ движеніи впередъ, въ непрерывной эволюціи и что его цивилизація имѣетъ вполнѣ справедливую претензію на господство во всемъ мірѣ. Пройдетъ все это, —но будетъ уже поздно (!). Тогда опять откроются его глаза, и онъ узнаетъ, что еще далеко нельзя говорить о такихъ формахъ культуры, которыя были бы всеобщими для всего міра, что до сихъ поръ еще не было ничего всемірнаго и что ни одинъ народъ подъ руководствомъ людей науки не пойдетъ на то, чтобы ради фантома всемірности произнести малѣйшее отреченіе отъ своихъ правъ и идеаловъ.

„Катастрофа, которая ждетъ старую Европу, *неизбѣжна* (стр. 64).

„Уже и теперь нѣкоторые изъ народовъ Европы вымираютъ и хилѣютъ отъ поколѣнія къ поколѣнію (?). У людей силы убываютъ въ той же пропорціи, въ какой онѣ прибываютъ въ мертвыхъ механизмахъ. Тѣло западнаго культурнаго человѣка, малокровное, съ дряблымъ мозгомъ и дряблыми костями, нельзя уже и сравнивать съ прекрасно развитымъ тѣломъ варварскихъ народовъ,—тѣломъ, кипучимъ силою и здоровьемъ, гибкимъ, стройнымъ и полнымъ энергіи. До такого ослабленія своихъ силъ культурный человѣкъ Европы дошелъ именно за тѣ годы, когда всѣ его стремленія были направлены только на пріобрѣтеніе комфорта и матеріальныхъ выгодъ (стр. 66).

„Государственная дисциплина является первою и главною цѣлью школьнаго дѣла на Западѣ. Даже образованіе, сообщеніе знаній и свѣдѣній, получаетъ здѣсь второстепенное значеніе (?). И изъ области знаній сообщается только то и такъ, что̀ можетъ содѣйствовать достиженію главной государственной цѣли: дисциплинѣ будущихъ граж-

данъ государства по одному шаблону. Государственный и общественный механизмъ отнюдь не нуждается въ самостоятельныхъ и оригинальныхъ людяхъ. Школа содѣйствуетъ государству тѣмъ, что уничтожаетъ въ молодежи всякую самостоятельность (стр. 75).

„Опытъ учитъ, что простая грамотность, которая не доводитъ до той ступени, на которой начинается истинное просвѣщеніе, на Западѣ цѣнится слишкомъ высоко. И немалая фальшь заключается въ томъ, что государства и народы доказываютъ свою культурность и свое умственное развитіе процентами грамотности и безграмотности (стр. 78).

„Знаніе, добытое въ школѣ, и шире, и подробнѣе. Знаніе, добытое безграмотнымъ мужикомъ прямо изъ жизни и основанное на личномъ и народномъ опытѣ, очень узко, но каждое свѣдѣніе здѣсь для жизни необходимо. Я, признаюсь, поклонникъ тѣхъ безграмотныхъ людей, которые были отцами прекрасной народной народной поэзіи русской и юго-славянской. И я очень хотѣлъ бы, чтобы тамъ, гдѣ еще есть безграмотныя массы, какъ въ Россіи, интеллигенція смотрѣла на нихъ не такъ узко и высокомѣрно, чтобы она изучала ихъ и училась отъ нихъ. Въ безграмотномъ говоритъ сама природа (стр. 78, 79).

„Здѣсь, на Востокѣ, и въ церкви, и въ государствѣ, и въ литературѣ мы находимъ искренность и любовь къ правдѣ. Западъ никогда не пойметъ и не можетъ понять русской искренности. Однимъ она кажется грубостью, другимъ — кротостью, третьимъ — изысканностью, только никогда не кажется тѣмъ, что она есть на самомъ дѣлѣ. Но иногда все-таки кажется, что въ ней таится огромная нравственная сила, противиться которой Западъ не можетъ. Противъ русскихъ войскъ Западъ можетъ поставить свои войска, противъ русскихъ ружей—свои ружья, противъ русскихъ пушекъ—свои пушки, только противъ русской искренности, прямоты и откровенности онъ ничего поставить не можетъ, ибо такого оружія у него нѣтъ и противъ этого онъ можетъ выдвинуть только ложь и фальшь.

„Если вамъ трудно этому повѣрить, посмотрите на литературу,— западно-европейскую и русскую. Только русскіе писатели имѣютъ стремленіе выискивать правду, жажду знать ее, смѣлость высказать ее въ словѣ (?). Западные реалисты и веристы не поняли своей задачи, а если и поняли ее, то не имѣли достаточно способности, чтобы ее выполнить. Ихъ стремленія возникли не изъ любви къ правдѣ, но изъ разсудочныхъ соображеній, такъ какъ они видѣли, что романтизмъ въ послѣднихъ своихъ проявленіяхъ слишкомъ смѣло перешелъ границы, поставленныя здравымъ смысломъ. Поэтому ихъ правдивость осталась только внѣшней.

„Причина этого заключается не только въ томъ, что на Западѣ

уже больше ста лѣтъ, какъ извели всѣхъ правдивыхъ людей (?) и тѣмъ дали направленіе нынѣшнему практическому и реальному поколѣнію, сколько въ томъ, что на Западѣ всегда больше смотрѣли на форму, чѣмъ на содержаніе (стр. 89—91).

„Западныя школы обращаютъ вниманіе не столько на образованіе и воспитаніе молодежи, сколько на дрессировку всего подростающаго поколѣнія для военнаго мундира. Отсюда монотонность и шаблонность въ воспитаніи молодежи. Всеобщее обученіе является только дополненіемъ къ всеобщей воинской повинности. Обѣ повинности взаимно пополняютъ другъ друга и создаютъ одно цѣлое. *Ни того, ни другого въ Россіи нѣтъ* (стр. 93).

„Западное государство всеобщею школьною повинностью и всеобщею воинскою повинностью хочетъ все населеніе привлечь на службу къ себѣ, овладѣть его мыслью и свободно распоряжаться его тѣломъ (стр. 94).

„Въ созданіи классовой толпы на Западѣ нѣтъ ничего новаго. Католическая церковь уже издавна владѣетъ такою организаціею. Она только указала дорогу соціалистамъ (стр. 94).

„Западное общество, убѣжденное въ безпрерывности своего развитія, позабыло объ одномъ серьезномъ дѣлѣ, — позабыло приготовить условія для своего обновленія. Общество можетъ пополняться только изъ своихъ низшихъ слоевъ. Низшіе слои, это—кладовая для всякаго общества. Они даютъ отживающимъ высшимъ классамъ самую свѣжую, здоровую и кипучую кровь. Дѣло очень серьезное, чтобы это обновленіе совершалось правильно, т.-е. чтобы на поверхность общества поднимались личности наиболѣе способныя, выдающіяся талантомъ, энергіею или характеромъ (стр. 95, 96).

„Западное общество дошло до созданія классовъ. Созданіе классовъ знаменуетъ собою разложеніе общества (стр. 98).

„Россія—государство болѣе демократическое, чѣмъ всякое другое. Болѣе 87 % въ немъ приходится на долю сельскаго населенія. Цари, при всемъ ихъ блескѣ, являются повелителями деревни (стр. 111).

„Верховная власть при такомъ пониманіи никогда не можетъ оказаться враждебною народу. При такомъ положеніи дѣла было бы несправедливо говорить, будто бы въ Россіи есть только царь и нѣтъ народа. Справедливо прямо противоположное этому: въ Россіи народъ —все. Россія—государство демократическое, народное, но это еще не значитъ, будто бы оно становится государствомъ массовыхъ организацій, какими годъ отъ году все больше и больше становятся государства на Западѣ. Россія—государство не аристократическое, не бюрократическое и не клерикальное (стр. 112).

„Русское общество постоянно обновляется. Съ соціологической

точки зрѣнія имѣетъ гораздо больше значенія то, чтобы талантливымъ и трудолюбивымъ людямъ былъ открытъ свободный доступъ на высшія ступени общественности (стр. 112).

„Западное общество родилось въ оковахъ сословныхъ предразсудковъ и въ наше время расширило эти предразсудки на всѣ сословія и тѣмъ еще крѣпче завязло въ цѣпяхъ (стр. 113).

„Современный европейскій прогрессъ ненормаленъ и не даетъ людямъ счастья (стр. 128).

„Идеальнымъ представителемъ своихъ стремленій поэты западные сдѣлали сатану, демона, существо гордое, угрюмое, несчастное, угнетенное и отвергнутое Богомъ.

„Вотъ уже сто лѣтъ, каждый маленькій западно-европейскій поэтъ воспѣваетъ сатану, ему приноситъ свои жертвы и ему воздаетъ божескія почести (?). Тотъ поэтъ, который не примкнетъ къ этому демоническому культу, не въ правѣ разсчитывать на вниманіе. Геніальный поэтъ по крайней мѣрѣ трижды въ день долженъ поклоняться сатанѣ (?). Тѣ особенности, при помощи которыхъ поэты идеализировали сатану, постарались усвоить себѣ и культурные люди. Сначала это было только кокетствомъ, а потомъ уже вошло у нихъ въ плоть и въ кровь. Съ тѣхъ поръ западный человѣкъ *хочетъ* быть несчастнымъ, *хочетъ* страдать и мучиться (стр. 128, 129).

„Въ Россіи нѣтъ ничего такого, что̀ составляетъ особенность западной Европы. Здѣсь нѣтъ всемогущаго государства, нѣтъ всемогущей толпы, нѣтъ крезовъ со сказочными богатствами, нѣтъ пролетаріата, нѣтъ конституціонной свободы, нѣтъ деспотизма массъ, нѣтъ демонической гордости, нѣтъ общаго несчастія. Всѣ эти недостатки—съ западной точки зрѣнія—содѣйствуютъ нормальному теченію общественной жизни въ Россіи и при нихъ русское государство оказывается достаточно сильнымъ противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ (стр. 129, 130).

„Россія развиваетъ свою промышленность для себя, а отнюдь не для другой земли и не для другихъ странъ свѣта, какъ на Западѣ. Развитіе русской промышленности содѣйствуетъ укрѣпленію и оборонѣ ея противъ назойливаго Запада, гдѣ уже нѣтъ ни одного государства, которое могло бы такимъ же способомъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ. Россія въ виду того, что она не нуждается для себя въ чужомъ и постороннемъ, что ей нѣтъ нужды что-либо вымогать отъ другихъ и вторгаться въ чужія страны, ...чѣмъ дальше, тѣмъ больше во всѣхъ странахъ, сосѣднихъ съ Европою, будетъ имѣть друзей, а Европа недруговъ" (стр. 131).

Какъ видитъ читатель, выводы — рѣшительные. Самъ авторъ сначала покушался иногда спорить, но потомъ какъ будто и самъ при-

зналъ справедливость рѣшенія пана Кленовца; удивительно только, что авторъ не возразилъ противъ основныхъ положеній пана Кленовца, которыя были грубѣйшей ошибкой и на которыхъ, однако, построена вся теорія.

Панъ Кленовецъ утверждаетъ, что вся европейская цивилизація заключается только въ промышленной техникѣ и въ однихъ чисто матеріальныхъ интересахъ. Нужно быть слишкомъ тенденціознымъ, чтобы не видѣть — за „техникой“—громадныхъ успѣховъ *науки*. Эти успѣхи пріобрѣтены въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ; въ одномъ направленіи ими воспользовалась и современная техника; но въ другихъ направленіяхъ это былъ успѣхъ чистаго знанія, съ тѣмъ благотворнымъ вліяніемъ, какое создается имъ въ области умственной и нравственной. Никогда не было такъ обогащено знаніе природы и человѣка: было бы непростительнымъ невѣжествомъ не признать заслуги безкорыстнаго, иногда самоотверженнаго служенія чистому знанію,—примѣровъ котораго представляетъ множество исторія новѣйшей науки. Изъ этой науки питается не только Западъ, но и Востокъ; изъ нея выростаетъ и нравственное человѣческое сознаніе.

Политическія противоположенія, какія дѣлаетъ панъ Кленовецъ, опять нерѣдко опираются на фактахъ невѣрныхъ. Самъ авторъ указалъ ему, напримѣръ (стр. 146), что и въ Россіи, какъ на Западѣ, существуетъ всеобщая воинская повинность; онъ могъ бы прибавить, что въ Россіи есть сильное стремленіе къ обязательности школьнаго обученія; что „классы“ въ Россіи достаточно обособлены; что недалеко время, когда дѣйствовало крѣпостное право и крѣпостной едва считался за человѣка; что дворянская привилегія ревниво охраняется дворянствомъ, а за послѣднее время и правительственными мѣрами; что русская школа также, или еще болѣе, чѣмъ на Западѣ, находится подъ ближайшимъ надзоромъ правительства, и т. д.

Панъ Кленовецъ восторгается, на чужой счетъ, безграмотностью, какъ „самой природой“. Русскіе считаютъ ее однимъ изъ бѣдствій народной жизни; и эти восторги, напоминающіе нашихъ обскурантовъ, истинныхъ враговъ своего народа, для разсудительныхъ людей только противны.

Европейская литература представляется пану Кленовцу служеніемъ сатанѣ, — и авторъ не нашелъ ничего сказать противъ этого. Для насъ разныя декадентскія извращенія новѣйшей литературы нимало не симпатичны; но было бы опять нелѣпостью забыть изъ-за нихъ высокія произведенія старой и новѣйшей западной литературы, исполненныя истинной поэзіи и человѣческаго чувства, произведенія, много послужившія нравственному воспитанію обществъ, и между прочимъ развитію самой новѣйшей русской литературы.

Изобразивъ цѣльность русской натуры, „свободной отъ лицемѣрія“. авторъ между прочимъ повторяетъ „благоглупости“, выдуманныя, кажется, французскими критиками по поводу произведеній Л. Н. Толстого: „*Нерѣдко* въ Россіи, — разсказываетъ панъ Кленовецъ, — преступникъ, вины котораго никто не знаетъ, выходитъ изъ толпы (!), кланяется „народу“ и всенародно кается въ своихъ преступленіяхъ“(стр. 47). Это—трогательно, но и вздорно.

Авторъ приходитъ къ соображенію, что его соотечественникъ „хочетъ быть болѣе русскимъ, чѣмъ русскіе“ (стр. 146). Такое стремленіе всегда рискованно: у „болѣе русскаго“, очевидно, есть что-то лишнее противъ простыхъ русскихъ,—а именно есть крайность, излишество, а вмѣстѣ и неполное пониманіе. Панъ Кленовецъ, дѣйствительно, не понимаетъ въ русской жизни многаго, и весьма существеннаго, — авторъ подозрѣваетъ его односторонность, но не съумѣлъ ее указать.

Въ концѣ открывается неожиданная и нѣсколько странная подробность. Панъ Кленовецъ разсказываетъ, что онъ пріѣхалъ въ Россію съ большими предубѣжденіями противъ русскихъ, и что освободиться отъ нихъ помогъ ему французъ, Лебонъ, авторъ статьи въ „Revue Scientifique“ о роли характера въ жизни народовъ (стр. 142). Лебонъ принадлежитъ, несомнѣнно, къ той же негодной, погибающей западной цивилизаціи: оказывается однако, что пану пришлось у него поучиться. „Предубѣжденіе противъ русскихъ, особенно у насъ, чеховъ, имѣетъ проворнаго помощника въ тщеславіи, которое нашептываетъ намъ, что русскіе должны учиться собственно у насъ, насъ должны брать за образцы, намъ отдать въ руки возжи“. Это тщеславіе у чеховъ есть, какъ въ то же время есть и незнаніе русской жизни.—Т.

— **Жизнь и поэзія Н. М. Языкова. Критико-біографическое изслѣдованіе В. Я. Смирнова. Пермь, 1900.**

Г. Смирновъ старался собрать все, что̀ извѣстно о біографіи Языкова, внимательно изучалъ его стихотворенія, изъ которыхъ приводитъ большія выдержки, снабжая ихъ объясненіями,—такъ что „изслѣдованіе“ составило довольно большую книгу. Опредѣленіе поэзіи Языкова онъ считаетъ особеннымъ долгомъ нашей критики: въ свое время Языковъ „принималъ непосредственное участіе въ знаменитой литературной борьбѣ первыхъ московскихъ славянофиловъ сороковыхъ годовъ съ западниками, почему (?) и самъ у послѣднихъ не оставался въ долгу, въ смыслѣ (?) отрицательныхъ и рѣзкихъ отзывовъ о его поэзіи“. „Указанное положеніе Языкова въ современной ему литера-

турной сферѣ создало двойственность критики и его поэзіи, какъ при жизни поэта, такъ и въ послѣдующее время: критика изъ лагеря славянофиловъ высоко ставила поэзію Языкова, видѣла въ ней перлы русской поэзіи, тогда какъ критика противнаго западническаго лагеря весьма принижала значеніе его поэзіи"... Кромѣ того, поэзія Языкова „представляетъ для современнаго читателя особый интересъ еще и вслѣдствіе того, что Языковъ находился въ весьма короткихъ, хотя и временныхъ, отношеніяхъ къ яркимъ свѣточамъ нашей поэзіи, Пушкину и Гоголю"...

Авторъ, однако, очень странно исполнилъ „долгъ критики" относительно Языкова. Наибольшая часть книги заключается въ простомъ пересказѣ біографіи, сопровождаемомъ соотвѣтственными выписками изъ стихотвореній, въ сущности безъ всякаго критическаго отношенія къ ихъ содержанію и самой формѣ. Въ ряду мотивовъ поэзіи Языкова онъ указываетъ любовь его къ мѣстной родинѣ, особенно къ Волгѣ, съ дѣтства поражавшей его своими красотами; указываетъ его патріотическое настроеніе, особливо питаемое боевою славой; указываетъ вакхическіе и эротическіе мотивы его поэзіи во время жизни въ Дерптѣ,—но здѣсь было еще мало данныхъ для глубокой поэзіи. Языковъ воспѣвалъ „божественную" и „священную" свободу, которую находилъ въ Дерптѣ и которую считалъ „хранительницей душевнаго покоя"; онъ говорилъ въ многозначительномъ и горделивомъ тонѣ о своей поэзіи, „объ отважномъ полетѣ думъ", о могучихъ мечтахъ и т. д. „Здѣсь (въ Дерптѣ) Муза пѣсенъ полюбила мои *словесныя дѣла* (?); здѣсь духа творческаго сила во мнѣ мужала и росла... Мечты могучія живили пѣвца чувствительную грудь, и мнѣ яснѣлъ высокій путь для поэтическихъ *усилій*" и т. д. Но самъ біографъ признаетъ, что выборъ Дерпта, сдѣланный Языковымъ „сознательно, обдуманно и вполнѣ соотвѣтственно усвоеннымъ имъ къ двадцатилѣтнему возрасту духовнымъ стремленіямъ и жизненнымъ наклонностямъ", былъ неудаченъ и принесъ ему только вредъ. „Серьезная обстановка въ научномъ отношеніи дерптскаго университета видимо была ему не по плечу", а „божественная" свобода „развила и укрѣпила въ немъ силу лѣни до отсутствія самообладанія и вызвала несчастную склонность къ разгулу". Біографъ находитъ, что не принесла ему пользы и ранняя литературная извѣстность: неумѣренныя похвалы его стихамъ возбуждали въ немъ мечты о поэтической „славѣ за далью вѣковъ" и великое самомнѣніе. Пробывъ шесть лѣтъ въ Дерптѣ, онъ покинулъ университетъ, не окончивъ курса; онъ сталъ считать это время „потерянными годами", а Дерптъ—„градомъ профессоровъ и скуки". И послѣ идейные интересы Языкова мало расширились, и

это отражалось на самой его поэзіи. Біографъ этого, однако, не замѣчаетъ, какъ не видитъ и реторической искусственности Языкова.

„Долгъ критики" авторъ считаетъ въ томъ, чтобы ополчиться противъ Бѣлинскаго, находившаго въ стихотвореніяхъ Языкова недостатки, и противъ всѣхъ „западниковъ": онъ буквально вѣруетъ въ несчастныя полемическія стихотворенія Языкова сороковыхъ годовъ (противъ Грановскаго, Герцена, „Къ не-нашимъ") и считаетъ всѣхъ „западниковъ" чуть не измѣнниками отечеству.

Первое нападеніе на Бѣлинскаго авторъ совершаетъ по новоду его отзывовъ объ историческихъ стихотвореніяхъ Языкова. „Бѣлинскій, враждебно относившійся къ Языкову, какъ стороннику противоположнаго его западническимъ взглядамъ направленія, говоритъ, что хоть въ нихъ „стихъ блестящъ" и они вообще „не лишены своего рода изящества", но въ пріемахъ изображенія въ нихъ преобладаетъ реторика: „Славяне полу-баснословныхъ временъ Святослава и русскіе XIII вѣка говорятъ и чувствуютъ какъ ливонскіе рыцари, которые, въ свою очередь, очень похожи на нѣмецкихъ буршей... тутъ ни въ чемъ нѣтъ истины, ни въ содержаніи, ни въ тонѣ" (стр. 62).

Замѣтимъ прежде всего, что какъ бы ни былъ Бѣлинскій враждебенъ „направленію" Языкова, его сужденіе основывалось здѣсь прямо на самыхъ фактахъ. Г. Смирновъ находитъ, что отзывъ Бѣлинскаго „грѣшитъ значительными крайностями и преувеличеніемъ"; но въ самой защитѣ г. Смирнова замѣчанія Бѣлинскаго только подтверждаются. Такъ, біографъ признаетъ, что Языковъ, подъ вліяніемъ Карамзина, сдѣлалъ своихъ Баяновъ и Усладовъ „нѣжно чувствительными героями", т.-е. лицами фальшивыми; далѣе—что Языковъ былъ подъ вліяніемъ Державина и Батюшкова, и что послѣдній повторялъ мотивы Оссіана, которые замѣчаются и у Языкова—а это опять вовсе не отвѣчало изображенію русской старины: такимъ образомъ, г. Смирновъ только подтверждаетъ отзывъ осуждаемаго имъ Бѣлинскаго. Да и не одинъ Бѣлинскій, а также Полевой относились иногда неодобрительно къ стихотвореніямъ Языкова (стр. 106).

За 1841 годъ, біографъ не безъ основанія предполагаетъ въ драматической сценѣ Языкова „Странный случай" автобіографическія сѣтованія о безпечно проведенной молодости, объ отсутствіи у него какого-либо „направленія", вслѣдствіе чего въ душѣ героя „нѣтъ ничему пріюта, утвержденья достойнаго" (стр. 187—190). Выраженіе, какъ нерѣдко у Языкова, неясно, но въ немъ есть намекъ на дѣйствительность: поэтическій талантъ Языкова не подлежитъ сомнѣнію, но его содержаніе осталось невыработаннымъ, и всего меньше онъ былъ способенъ рѣшать въ теоретическихъ спорахъ, какіе велись между двумя враждебными лагерями сороковыхъ годовъ. Въ первой

половинѣ этихъ годовъ, представители двухъ лагерей еще встрѣчались и бесѣдовали на нейтральной почвѣ—Герценъ, Грановскій, Кавелинъ съ братьями Кирѣевскими, Хомяковымъ и пр.; при всемъ разнорѣчіи обѣ стороны понимали философскую и историческую почву спора,—но послѣ того какъ вмѣшался Языковъ съ своими стихотворными обличеніями, неминуемо долженъ былъ послѣдовать разрывъ. Языковъ, „славянофилъ по родству", въ своихъ стихотвореніяхъ какъ будто высказывалъ тайное настроеніе своего круга—крайнюю нетерпимость, злобное раздраженіе, которое съ тѣхъ поръ давало уже совсѣмъ иную окраску теоретическому разнорѣчію: на одну нетерпимость стала отвѣчать другая. Въ тогдашнемъ положеніи русской литературы стихи Языкова получали характеръ извѣта.

Точка зрѣнія біографа Языкова на эти отношенія слѣдующая.

„Дружеская среда Языкова, во главѣ съ Погодинымъ и Шевыревымъ, отличалась сильнымъ патріотическимъ настроеніемъ. Между тѣмъ, космополитическія начала модной въ то время германской философіи, а также несомнѣнныя большія преимущества какъ въ складѣ внѣшней жизни, такъ и въ умственномъ развитіи западно-европейскихъ народовъ, сравнительно съ состояніемъ въ этомъ отношеніи Россіи, вызвали въ наиболѣе впечатлительныхъ и пылкихъ умахъ русской интеллигентной молодежи начала 40-хъ годовъ *полное порабощеніе себѣ* (?) и заставляли ее брезгливо и совершенно отрицательно относиться *почти ко всему* отечественному не только въ его прошломъ, *но и въ настоящемъ*. Послѣдователи этого направленія, получившіе названіе западниковъ, широко развивая свои взгляды путемъ *закулисныхъ* (?) кружковыхъ бесѣдъ, въ то же время съ чрезвычайною настойчивостью проводили ихъ въ литературѣ. Извѣстно, напр., что Бѣлинскій въ своихъ критическихъ статьяхъ съ пренебреженіемъ относился къ до-петровской Руси, къ народной словесности и отрицалъ даже существованіе у насъ литературы до Ломоносова; профессоръ Грановскій въ читанныхъ имъ въ 1843 г. публичныхъ лекціяхъ по средневѣковой исторіи не счелъ даже нужнымъ, по доктринѣ западнической школы (!), упомянуть о состояніи Руси за этотъ періодъ; по его мнѣнію, высказанному нѣсколько позже въ печати, „Средній вѣкъ не существовалъ для нашей Руси, потому что и Русь не существовала для него"; одинъ изъ друзей Пушкина, Чаадаевъ, вопреки совѣтамъ и предостереженіямъ своего великаго друга, возсталъ въ своихъ „Философскихъ письмахъ" противъ православія, предпочитая ему католичество съ папою во главѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицательно относясь ко всѣмъ основнымъ началамъ древней и современной русской жизни; Герценъ въ своихъ журнальныхъ статьяхъ выражалъ

рѣзко-отрицательные взгляды по отношенію ко всему истинно русскому.

„Одинъ изъ позднѣйшихъ изслѣдователей разсматриваемаго времени по этому поводу говоритъ, что, „руководимая Герценомъ и Бѣлинскимъ (главными поборниками западническихъ идей), тогдашняя русская печать, въ условной формѣ, искусно прикрывавшей содержаніе проводимыхъ идей, осмѣивала всѣ начала нашего общественнаго и государственнаго строя, а лежащія въ основѣ ихъ правила христіанской нравственности выдавала за затхлую ветошь, противную требованіямъ естественной морали. Эта пропаганда, не досказанная и только скользившая въ печати, въ виду цензурныхъ условій, комментировалась и дополнялась путемъ устныхъ сношеній и кружковыхъ словопреній.

„Языковъ, глубоко преданный идеѣ русской національности и пріобрѣтшій еще съ студенческаго времени наклонность всею душою отдаваться стремленіямъ и настроенію того круга людей, съ которымъ судьба ставила его въ тѣсную связь, является во второй періодъ своей московской жизни ревностнымъ выразителемъ въ поэзіи умственнаго направленія своего кружка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на свой благодушный и мирный характеръ, пламеннымъ порицателемъ западническихъ воззрѣній. Осмѣиваніе западниками искреннихъ и неподкупно-честныхъ національныхъ воззрѣній славянофильскаго кружка, проводимыхъ ими въ литературѣ въ силу глубокаго убѣжденія въ ихъ важномъ значеніи для подъема національнаго самосознанія, обезличеннаго внѣшнею подражательностью Европѣ русскаго интеллигентнаго общества, настолько сильно затрогивало и возмущало открытую и честную душу Языкова, что онъ какъ бы совсѣмъ забылъ про свою болѣзнь, при которой ему вредно было волноваться, и въ своихъ стихотвореніяхъ выражалъ страстное негодованіе на представителей западничества вообще, а въ частности на Герцена, Грановскаго и Чаадаева“ (стр. 193—196).

О стихотворныхъ памфлетахъ Языкова біографъ говоритъ съ великимъ сочувствіемъ. „Въ стихотвореніи „Къ не-нашимъ“ Языковъ называетъ вообще западниковъ „заносчивыми“, „дерзкими“, а ихъ ученіе—„богомерзкимъ“, такъ какъ они являются врагами священныхъ, самыхъ дорогихъ для русскаго человѣка національныхъ началъ, составляющихъ вѣковое наслѣдство отъ предковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Языковъ выражаетъ свое твердое убѣжденіе въ томъ, что западникамъ, несмотря на успѣшную пропаганду своего ученія въ средѣ шаткаго по своимъ убѣжденіямъ привилегированнаго русскаго общества, все-таки не удастся всецѣло опутать своимъ ученіемъ Россію (!) и

именно простой народъ (!), крѣпкій духомъ жизненной національности" (стр. 234).

Отъ стихотворенія пришелъ въ восторгъ Гоголь, занятый тогда приготовленіемъ своихъ „Выбранныхъ мѣстъ": „Самъ Богъ внушилъ тебѣ прекрасные и чудные стихи, — писалъ онъ Языкову. — Душа твоя была органъ, а брящали въ немъ другіе персты (!). Они еще лучше самого „Землетрясенія" и сильнѣе всего, что̀ у насъ было написано доселѣ на Руси". Послѣ, однако, Гоголь увидѣлъ, что Языковъ взялъ черезъ край, и пишетъ ему наставленіе:... „не увлекайся ничѣмъ гнѣвнымъ... Слово наше должно быть благостно... Противъ нихъ (западниковъ) большею частію въ такомъ смыслѣ было говорено: „Ваши мысли всѣ ложны. Вы не любите Россіи, вы предатели ея". А между тѣмъ ты самъ знаешь, что нельзя назвать всего совершенно у нихъ ложнымъ и что, къ несчастью, не совсѣмъ безъ основанія ихъ нѣкоторые взгляды"...

Такимъ образомъ даже тогда Гоголь, въ его исключительномъ настроеніи, видѣлъ, что въ стихахъ Языкова была простая неправда; нѣтъ сомнѣнія, что и въ ближайшемъ славянофильскомъ кругу поступокъ Языкова не считался особенно блистательнымъ; извѣстно, что Константинъ Аксаковъ высказывалъ свое негодованіе противъ стиховъ. Но біографъ остается въ убѣжденіи, что Языковъ совершилъ патріотическій подвигъ, желая истребить Бѣлинскаго, Грановскаго, Герцена и Чаадаева. Біографъ какъ будто не имѣетъ понятія о томъ, что̀ сдѣлано было для объясненія литературной распри сороковыхъ годовъ, для объясненія того историческаго дѣла, какое было совершено Бѣлинскимъ и его друзьями для развитія общественнаго самосознанія. Наша литература и общество могли съ искреннимъ увлеченіемъ почтить недавно память Бѣлинскаго, признать великую заслугу того времени, отразившуюся въ позднѣйшей эпохѣ великихъ реформъ,—г. Смирновъ ничего этого не знаетъ и не понимаетъ.—Д.

— Описаніе Черниговской губ. А. А. Русова. Т. I и II. 1900.

Черниговское земство одно изъ первыхъ приступило къ экономическому изслѣдованію своего района; и оно же принадлежитъ къ числу земствъ, гдѣ послѣдующія наблюденія народнаго хозяйства почти не производились. Это отразилось на характерѣ названнаго въ заголовкѣ нашей замѣтки изданія черниговскаго губернскаго земства. Задуманное еще 15 лѣтъ назадъ, какъ „сводное описаніе" губерніи, долженствующее использовать данныя мѣстнаго изслѣдованія, опубликованныя въ 15-ти томахъ „Матеріаловъ для оцѣнки земельныхъ

угодій“ (по тому на уѣздъ), ученое предпріятіе губернскаго земства, выполнено только въ настоящее время. Промедленіе произошло потому, что первоначально земство имѣло намѣреніе составить такое описаніе, которое опредѣлило бы „экономическій балансъ губерніи, т.-е. указало отношеніе потребленія къ производству и уяснило размѣръ средствъ, удовлетворяющихъ существующія потребности населенія“. Но такъ какъ произведенныя имъ мѣстныя изслѣдованія касались только земледѣльческаго хозяйства населенія и притомъ главнымъ образомъ съ технической его стороны (подворныя переписи, напр., были произведены всего въ 5 уѣздахъ), то выполненіе задуманнаго земствомъ труда требовало производства дополнительныхъ изслѣдованій, своевременное осуществленіе которыхъ и имѣлось въ виду. Изслѣдованія, однако, произведено не было, и земству предстояло, поэтому, или отказаться отъ „своднаго описанія“ губерніи, или сдѣлать его на основаніи имѣющагося въ литературѣ и въ дѣлахъ земства матеріала. Оно рѣшило послѣднее, и результатомъ этого рѣшенія явился разсматриваемый нами объемистый трудъ извѣстнаго земскаго статистика, А. А. Русова.

При такихъ обстоятельствахъ, думать о томъ, чтобы „описаніе“ было подведеніемъ „баланса производства и потребленія губерніи“, было, конечно, невозможно. По имѣющимся матеріаламъ можно только учесть производительность земли; доходы же населенія отъ прочихъ занятій, равно какъ и его расходы, остаются совершенно неизслѣдованными. Но и описаніе земледѣльческаго хозяйства губерніи должно было основываться главнымъ образомъ на данныхъ, собранныхъ двадцать лѣтъ тому назадъ, причемъ для нѣкоторыхъ отношеній этого хозяйства (напр. объ эксплуатаціи владѣльческихъ имѣній собственнымъ инвентаремъ владѣльцевъ и инвентаремъ крестьянскимъ) свѣдѣнія были собраны не по всѣмъ уѣздамъ, такъ какъ предполагалось, что за общимъ изслѣдованіемъ послѣдуютъ изслѣдованія частныя (частно-владѣльческаго хозяйства и т. п.), каковыя, однако, произведены не были.

„Описаніе Черниговской губерніи“ состоитъ изъ двухъ томовъ. Первый томъ начинается историческимъ очеркомъ образованія губерніи, за которымъ слѣдуютъ очерки оро-гидрографическій, климатическій, геологическій, описаніе почвъ, угодій и земледѣльческаго и скотоводческаго хозяйства населенія. Во II-мъ томѣ разработаны данныя о населеніи, о промыслахъ, дорогахъ, постройкахъ, платежахъ; о народномъ образованіи и положеніи медицинской части въ губерніи. Устарѣлостью данныхъ особенно отличается первый томъ „Описанія“, для котораго матеріалами по многимъ важнѣйшимъ отношеніямъ служили данныя мѣстнаго изслѣдованія 1876—1883 гг., и такъ какъ

черниговское земство не имѣетъ даже существующей во многихъ земствахъ текущей статистики сельскаго хозяйства, при помощи которой наблюденія за измѣненіями послѣдняго изъ года въ годъ производятся хотя бы на глазъ (при помощи земскихъ корреспондентовъ), то автору „Описанія" трудно было хотя бы приблизительно указать, въ какомъ направленіи измѣняются въ послѣдніе годы тѣ отношенія, которыя установлены имъ по даннымъ основного изслѣдованія. Второй томъ, въ большинствѣ случаевъ, имѣетъ дѣло съ предметами, соприкасающимися съ земскимъ хозяйствомъ, или даже всецѣло созданными земствомъ (какъ, напр., медицинское дѣло); поэтому здѣсь больше свѣжаго матеріала, и соотвѣтствующія описанія имѣютъ болѣе современный характеръ.

Изъ сказаннаго нами объ устарѣлости данныхъ, служившихъ для „Описанія Черниговской губерніи", не слѣдуетъ выводить ненадлежащихъ заключеній о значеніи соотвѣтствующихъ частей разсматриваемаго нами труда. Насколько можно судить по разнаго рода литературнымъ извѣстіямъ, черниговская губернія не принадлежитъ къ числу тѣхъ, сельское хозяйство которыхъ потерпѣло въ послѣдніе годы болѣе или менѣе существенныя измѣненія; поэтому, характеристика этого хозяйства, сдѣланная на основаніи матеріаловъ начала 80-хъ гг., въ очень и очень многомъ сохраняетъ свое значеніе и для послѣдующаго времени. Кромѣ того, даже устарѣвшія данныя, если онѣ собраны систематично и разработаны съ тѣмъ искусствомъ, какое характеризуетъ труды бывшаго черниговскаго земскаго статистическаго бюро, имѣютъ важное обще-экономическое значеніе, какъ характеризующія состояніе хозяйства въ опредѣленный моментъ: потому что задача экономическаго изученія страны, вообще, заключается не только въ констатированіи того, что̀ существуетъ сегодня, но и въ указаніи происшедшихъ въ немъ измѣненій, и въ опредѣленіи направленія, какимъ совершаются эти послѣднія. „Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій Черниговской губ." заключаютъ драгоцѣнныя данныя для характеристики сельскаго хозяйства черезъ 15—20 лѣтъ послѣ крестьянской реформы. Они поэтому будутъ служить исходнымъ пунктомъ при всякомъ новомъ изслѣдованіи, которому предстоитъ между прочимъ указать, какія измѣненія произошли въ данной области явленій со времени перваго изслѣдованія губерній. „Описаніе Черниговской губерніи" извлекаетъ эти драгоцѣнныя данныя изъ мало доступныхъ источниковъ, рисуетъ живую картину положенія хозяйства, и этимъ путемъ обращаетъ собранные когда-то матеріалы въ общее, такъ сказать, достояніе. Можно только пожелать, чтобы и другія земства, гдѣ уже закончено основное изслѣдованіе губерніи, тѣмъ же путемъ свод-

ныхъ описаній, дали возможность читающей публикѣ познакомиться съ картиной экономическаго быта, какая рисуется произведенными изслѣдованіями.—В. П.

Въ теченіе октября, въ Редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Анининскій, Александръ.—Исторія армянской церкви, до XIX вѣка. Кишиневъ. 900. Стр. 306. Ц. 2 р.

Аполлоновъ, С.—Стихотворенія М. 900. Стр. 140. Ц. 75 к.

Бальмонтъ, К. Д. — Сочиненія Кальдерона. Вып. 1. М. 900. Стр. 150. Ц. 90 к.

Барятинскій, кн. В. В.—Лоло и Лола. Картинка добрыхъ нравовъ. Спб. 900. Стр. 96. Ц. 60 к.

Бергсонъ, Г., проф. Высшей Нормальн. Школы. — Смѣхъ въ жизни и на сценѣ. Спб. 900. Стр. 181. Ц. 75 к.

Бертенсонъ, В.—Состояніе свиноводства въ Бессарабіи и мѣры къ его развитію. Спб. 900. Стр. 24.

Бичеръ-Стоу, Г.—Хижина дяди Тома. Съ 18 рис. Спб. 900. Стр. 23. Ц. 25 к.

Боровскій, инжен.—Двадцать-пять практичныхъ канцелярскихъ и обиходныхъ совѣтовъ. Спб. 900. Стр. 18.

Бороздинъ, А. К.—Сто лѣтъ литературнаго развитія. Характеристика русской литературы XIX столѣтія. Спб. 900. Стр. 87. Ц. 50 к.

——— Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII вѣкѣ. Изд. 2-е. Спб. 900. Стр. 167. Ц. 2 р. 50 к.

Бутинъ, М.—Сибирь, ея до-реформенные суды и условія веденія торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ до сооруженія Сибирской желѣзной дороги. 2-е изд. Спб. 900. Стр. 195.

Бѣлявскій, В. Ф.—Пришла пора заняться гимнастикой всѣмъ. Популярная бесѣда: Рыб. 99. Стр. 40, съ рис.

Вешняковъ, В. И. — Сборникъ законовъ и постановленій для земледѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Ч. II. Стр. 1204. Ц. 3 р.

Вороновъ, Н. Г.—Опытъ сравнительной исторіи Европы. М. 900. Стр. 132. Ц. 2 р.

Высоцкій, Н.—Мѣсторожденія золота Кочкарской системы въ южномъ Уралѣ. Труды Геологич. Комит. Т. XIII, № 3. Спб. 900. Ц. 3 р. 50 к.

Вязигинъ, А. С. — Международное право въ средніе вѣка. Спб. 900. Стр. 23.

Гатцукъ, С. А.—Береженаго Богъ бережетъ. Несгораемыя крыши. Чтеніе для народа. Спб. 900. Стр. 16. Ц. 3 к.

Гельмольтъ, Г.—Всемірная исторія. Съ нѣм. перев. Н. Харузинъ. Москва. 900.

Гертцъ, Ф.—Вопросы аграрной политики. Съ предисл. Э. Бернштейна. Харьк. 901. Стр. 172. Ц. 60 к.

Герценштейнъ, М.—Реформа ипотечнаго кредита въ Германіи. Спб. 900. Стр. 99.

Геффдингъ, Г.—Исторія новѣйшей философіи. Очеркъ исторіи философіи отъ Канта до нашихъ дней. Съ нѣм. Спб. 900. Стр. 496. Ц. 2 р.

Гиляровскій, В.—Негативы. М. 900. Стр. 182. Ц. 75 к.

Голечекъ, І.—Россія и Западъ. Глава изъ книги: „Поѣздка въ Россію“. Сообщ., сдѣланное въ кружкѣ имени Я. П. Полонскаго. Спб. 900. Стр. 147. Ц. 75 к.

Д'Аннунціо, Габріэле.—Мертвый городъ. — Джіоконда. — Слава. Трагедіи. Съ итальян. Ю. Балтрушайтисъ. М. 900. Стр. 273. Ц. 1 р. 25 к.

Делавиль.—Элементарная греко-римская миѳологія. Перев. П. Первовъ. М. 900. Стр. 105. Ц. 60 к. въ папкѣ.

Джефсонъ, Генри.—„Платформа“, ея возникновеніе и развитіе. Исторія публичныхъ митинговъ въ Англіи. Т. I. Перев. съ англ. Н. Н. Мордвиновой, п. р. проф. В. Ѳ. Дерюжинскаго. Спб. 901. Стр. 597.

Дюркгеймъ, Эм.—О раздѣленіи общественнаго труда. Этюдъ объ организаціи высшихъ обществъ. Съ франц. П. Юшкевичъ. Од. 900. Стр. 331. Ц. 1 р. 25 коп.

Езерскій, Ѳ.—Какъ легче изучить счетоводство? М. 900. Стр. 80.

Іоркъ ф. Вартенбургъ. — Успѣхи Россіи въ Азіи. Съ нѣм. С. Платовъ. Варш. 900.

Кайгородовъ, Дм.—Начальная Ботаника для городскихъ училищъ. Съ рис. Спб. 900. Стр. 142. Ц. 60 к.

——— О длинноногихъ и длинноносыхъ птицахъ. Чтеніе для народа. Спб. 900. Стр. 34. Ц. 20 к.

Каменскій, В. Е.—Французско-русскій словарь, составленный по диксіонеру Larousse'a. Спб. 900. Стр. 970. Ц. 5 р.

Карпелесъ, Г.—Всеобщая исторія литературы отъ начала ея до настоящаго времени. Съ нѣм. перев. С. Гринбергъ. Вып. 1. Од. 900. Ц. 30 к.

Карышевъ, Н. — Земскія ходатайства. 1865—1884 г. М. 900. Стр. 272. Ц. 1 р. 50 к.

Козловскій, С. А.—Полныя рѣшенія многими (2—6) способами и подробныя объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ Сборника для среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, И. П. Верещагина. Ч. I: Цѣлыя числа простыя и составныя именованныя (всего 1.553 задачи). Кіевъ. 901. Стр. 304. Ц. 1 р.

Коринфскій, Аполлонъ.—Д. Н. Садовниковъ и его поэзія. Сообщеніе, сдѣланное въ кружкѣ имени Я. П. Полонскаго. Спб. 900. Ц. 50 к.

Лидовъ, А.—О полученіи трудно сгорающихъ углеродистыхъ газовъ. Харьк. 900. Стр. 48. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д.—Башка. Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ. М. 900. Стр. 56. Ц. 10 к.

Матвѣевъ, А.—Желѣзное дѣло Россіи въ 1899 г. Спб. 900. Стр. 151. Годъ шестой.

Мертвäго, А.—Не по торному пути. 3-е изд. Спб. 900. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 коп.

Мирбо, Окт.—Дурные пастыри. Драма въ 5 д. Съ франц. Э. А. Г—а. Харьк. 900. Стр. 128.

Мордвиновъ, И.—Стихотворенія. Рев. 900. Стр. 45.

Наживинъ, Ив.—Родныя картинки. М. 900. Стр. 378. Ц. 75 к.

Недолинъ, Ав.—Психологія босячества. По соч. М. Горькаго. Од. 900. Стр. 32. Ц. 20 к.

Неклепаевъ, И. — Народная медицина въ Сургутскомъ краѣ. Спб. 900. Стр. 31.

Нерисъ и *Шенфлиссъ*.—Основанія высшей математики. Краткій учебникъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія, въ приложеніи къ области естествознанія. Съ 70 чертеж. Перев. М. Дукельскаго. Стр. 308. Ц. 2 р. 25 к.

Овсянниковъ, А.—А. В. Суворовъ. Очеркъ. М. 900. Стр. 31. Ц. 5 к.

Позняковъ, Д. М.—Буры и англичане предъ судомъ современной общественной науки. Публичн. лекція. Борисоглѣбскъ. 900. Стр. 84.

Покровская, А., ж.-вр.—Воспитаніе здоровыхъ привычекъ. Спб. 900. Стр. 79. Ц. 50 к.

Поляковъ, Р.—Каковы наши искусственныя минеральныя шипучія воды и сиропы? Производство и фальсификація. Од. 900. Стр. 72. Ц. 30 к.

П—скій, И. И.—Трагедія чувства. Критическій этюдъ. По поводу послѣднихъ произведеній Чехова. Спб. 900. Стр. 25. Ц. 25 к.

Ровинскій, Д.—Русскія народныя картинки. Посмертный трудъ печатанъ подъ наблюденіемъ Н. Собко. Т. I. Спб. 900. Стр. 286. Спб. 900. Ц. за два т. 8 рублей.

Рогановичъ, Іованъ.—Боснійско-хумскій вопросъ въ связи съ націон.-государств. состояніемъ сербскаго народа наканунѣ XX столѣтія. Казань. 900. Стр. 69.

Рывкинъ, М.—Въ духотѣ. Эскизы и очерки. Спб. 900. Стр. 199. Ц. 80 к.

Саводникъ, В.—Е. А. Баратынскій. 1800—1900 г. Критическій очеркъ. М. 900. Стр. 37.

Селивановъ, Н.—Монашеская республика. Письма съ Аѳона. Спб. 900. Стр. 94. Ц. 75 к.

Сербскій, Вл.—Судебная Психопатологія. — Клиническая психіатрія. М. 900. Стр. 481. Ц. 2 р. 50 к.

Скальковскій, К.—Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ. 2-е изд. Спб. 901. Стр. 682. Ц. 3 р. 50 к.

Соколовъ, К., д-ръ.— Латынь для сестеръ и братьевъ милосердія. Спб. 900. Стр. 23. Ц. 15 к.

Сохинъ, А.—Деревенскіе разсказы. Спб. 900. Ц. 2 р.

Сталь, де.—Коринна, или Италія. Ром. въ 2-хъ том. Спб. 900. Стр. 281, 282. Ц. по 60 к.

Степовичъ, А. — Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. 1899—1900 г. Годъ. V. Кіевъ. 900. Стр. 265+26.

Тимирязевъ, В. А.—Религіозныя вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ англ. До-христіанскія и не-христіанскія вѣрованія. Спб. 900. Стр. 346. Ц. 2 р.

Тимоѳеевъ, А. Г.—Судебное краснорѣчіе въ Россіи. Критическіе очерки. Спб. 900. Стр. 140. Ц. 1 р.

Тихвинскій, М. — Методъ и система современной химіи. Спб. 900. Стр. 340. Ц. 2 р.

Тэнъ, Ипп.—Титъ Ливій. Критическое изслѣдованіе. Съ франц. Е. И. Герье. 2-е изд., съ примѣч. В. И. Герье и очеркомъ научной дѣятельности Тэна. М. 900. Стр. 392. Ц. 1 р. 50 к.

Ф—въ, А.—Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Спб. 900. Стр. 86.

Флоринскій, проф., Т.—Малорусскій языкъ и „Українсько-Руський". Литературный сепаратизмъ. Спб. 900. Стр. 163. Ц. 60 к.

Фофановъ, К. М. — Стихотворенія. Иллюзіи. Съ портр. автора. Спб. 900. Стр. 480. Ц. 2 р.

Цытовичъ. А.—Проектъ питомника для призрѣнія и образованія брошенныхъ дѣтей. Кіевъ, 900. Стр. 56.

Челпановъ, Г., проф.—Мозгъ и душа. Критика матеріализма и очеркъ современныхъ ученій о душѣ. Спб. 900. Стр. 366. Ц. 1 р. 20 к.

——— О памяти и мнемоникѣ. Спб. 900. Стр. 117. Ц. 60 к.

Чириковъ, Евг.—Очерки и разсказы. Кн. 1. Спб. 900. Стр. 352. Ц. 1 р.

Шевченко, Т. Г.—Малый Кобзарь. Черкас. 900. Стр. 70. Ц. 5 к.

Шрейнеръ, Я.—О мохнатой бронзовкѣ въ южной Россіи. Спб. 900. Стр. 28.

——— Новый способъ борьбы съ хлѣбнымъ жукомъ. Спб. 900. Стр. 14.

Эртель, А.—Офицерша. Подъ шумъ вьюги. М. 900. Стр. 77. Ц. 15 к.

Яковенко. Влад.—Душевно-больные Московской губерніи. М. 900. Стр. 266.

Яковлевъ, Я.—Этнографическій обзоръ инородческаго населенія долины южнаго Енисея и объяснительный Каталогъ Этнографическаго отдѣла Музея. Минусинскъ, 900. Стр. 212.

Coverski, E.—Carte de la Russie d'Asie et des pays limitrophes.

——— Notice sur la Carte de la Russie d'Asie et d. p. l. St.-Pét. 900. Стр. 230.

Jeannot, C.—L'enseignement primaire en Russie et son exposition scolaire. Paris. 900. Стр. 47.

Lacombe. Paul.—La Guerre et l'Homme. Paris. 900. Стр. 412. Ц. 3 фр. 50 сант.

— Аккерманское земство XXXII очередной сессіи. Ч. I. Продовольственный отчетъ. Аккер. 900. Стр 79.

— Дешевая Библіотека: № 208—210. Торквато Тассо: Освобожденный Іерусалимъ. Поэма. Перев. съ итальян. Д. Минъ. Т. I-III. Спб. 900. Стр. 256, 226, 231. Ц. 45 к.

— Избранныя сочиненія Пушкина. Для дѣтей школьнаго возраста. Младшій возрастъ. Состав. Е. Тихомирова. 9-е изд. М. 900. Стр. 177.

— Какая система тяги для трамвайныхъ дорогъ самая совершенная, безопасная и экономичная? Спб. Стр. 56.

— Китай и Китайцы. Бытъ китайцевъ, государственное устройство, экономическое и военное положеніе. Русскія владѣнія въ Китаѣ. М. 901. Стр. 135. Ц. 25 к.

— Литературная Хрестоматія для всѣхъ. Пособія для устройства образовательныхъ литературныхъ чтеній въ учебныхъ заведеніяхъ, аудиторіяхъ и семьѣ. Т. I, вып. 1. Од. 900. Стр. 352. Ц. 1 р. 25 к.

— Иллюстрированный Настольный Календарь т-ва „Просвѣщеніе“ на 1901 годъ. Съ иллюстраціями на каждый день, замѣтками объ историческихъ событіяхъ, сентенціями, поговорками и избранными мѣстами изъ выдающихся поэтовъ и писателей. На изящно полированной доскѣ, съ дугами для перелистыванія и подставкой — 1 р. 20 к., въ формѣ отрывного календаря — 80 к. Спб. 900.

— „Новая Библіотека“: 1) Трудовая помощь въ Скандинавскихъ государствахъ. По книгѣ Ганзена. М. 901. Стр. 90. Ц. 15 к. 2) Рабство въ Римѣ. А. Ш. М. 901. Стр. 41. Ц. 10 к. 3) П. Розеггеръ, Разсказы. Съ нѣм. М. 901. стр. 90. Ц. 15 к.

— Окраины Россіи: Сибирь, Туркестанъ, Кавказъ и полярная часть европейской Россіи П. р. П. П. Семенова. Спб. 900. Стр. 287.

— Отчетъ Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1899 г. Спб. 900. Стр. 209.

— Отчетъ по вѣдомству дѣтскихъ пріютовъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ И. И. В. покровительствомъ за 1898 г. Спб. 900. Стр. 244. Съ рисунк. и картою Россіи.

— Письмо графа Г. Г. Кушелева къ сыну Александру. Черниговъ. 900. Стр. 75.

— Православная Богословская Энциклопедія. П р. проф. А. П. Лопухина. Т. I: А—Архелай. Съ иллюстр. и карт. С.-Петербургъ. 1900. Стр. 1128.

— Россія въ концѣ XIX-го вѣка. Подъ общею редакціею В. П. Ковалевскаго. Спб. 1900. Стр. 968.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историч. Общества. Т. 108. Юрьевъ. 900. Стр. 511. Ц. 3 р.

— Сборникъ консульскихъ донесеній. Годъ III. Вып. V. 1900. Спб. 900. Стр. 367—452.

— Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи. Вып. III. Второе изд., пер. препод. А. Реформатскаго. М. 900. Стр. 312. Ц. 1 р. 20 к.

— Сборникъ Учено-литературнаго Общества при Имп. Юрьевскомъ университетѣ. Юрьевъ, 900. Стр 238. Ц. 2 р.

— Статистическій этюдъ экономическаго положенія крестьянскаго населенія Орловскаго уѣзда, Вятской губ., за 1899—900 годъ. Вятка, 900.

— Статистическій Сборникъ по Ярославской губерніи. Вып. 7: 1899 годъ. Яросл. 900.

— Стенографическій отчетъ засѣданій очередного Тверского губерн. земск. собранія, сессіи 1899 г. Тв. 900. Стр. 256.

— Труды Коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, мѣрахъ борьбы съ нимъ и для выработки нормальнаго устава заведеній для алкоголиковъ. Подъ редакціей М. Н. Нижегородцева. Вып. V. Спб. 900. Стр. 309—620.

— Энциклопедическій Словарь. Кн. 57, 58 и 59: Сихаръ—Слюзка. Изд. Брокгауза и Ефрона. Спб. 900. Стр. 954+480.

— 1900-й годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. I и II. Спб. 900. Изд. Мин. З. и Г. Им.

ЗАМѢТКА.

Новѣйшее изслѣдованіе уральской желѣзной промышленности.

— Уральская желѣзная промышленность въ 1899 г., по отчетамъ о поѣздкѣ, совершенной, съ Высочайшаго соизволенія, С. Вуколовымъ, Н. Егоровымъ, П. Замятченскимъ и Д. Менделѣевымъ, по порученію г. министра финансовъ, статсъ-секретаря С. Ю. Витте. Редактировалъ *Д. Менделѣевъ*. Изданіе министерства финансовъ. Спб., 1900 г.

Нашъ извѣстный химикъ, проф. Менделѣевъ, въ послѣдніе годы пріобрѣлъ въ оффиціальныхъ сферахъ значеніе также и весьма компетентнаго эксперта въ вопросахъ *экономическаго* положенія Россіи. Достаточной основой для того служатъ труды почтеннаго ученаго по технологіи и о залежахъ нѣкоторыхъ нашихъ ископаемыхъ. Но, не ограничиваясь сферой, гдѣ онъ, въ качествѣ натуралиста, могъ быть достаточно компетентнымъ судьей, Д. И. Менделѣевъ съ такимъ же авторитетомъ разрѣшаетъ чисто-экономическіе вопросы, и благодаря тому знаменитый химикъ сдѣлался для многихъ и авторитетнымъ экономистомъ.

Такое отношеніе къ проф. Менделѣеву выразилось между прочимъ въ томъ, что ему въ свое время была не только поручена редакція „Обзора фабрично-заводской промышленности и торговли Россіи", изданнаго на русскомъ и англійскомъ языкахъ (съ цѣлью „дать посѣтителямъ Колумбовой выставки въ Чикаго правильное и возможно полное представленіе о современномъ состояніи промышленности и торговли въ Россіи"), но и предоставлено высказать тамъ свои взгляды по вопросамъ нашей промышленной жизни. И вотъ, въ оффиціальномъ изданіи нашло себѣ мѣсто заявленіе о томъ, что блестящее промышленное будущее въ Россіи и успѣшное соперничество ея съ Западомъ обезпечены и не чѣмъ инымъ (кромѣ залежей природныхъ богатствъ), какъ дешевизной у насъ рабочихъ рукъ, и что чуть ли не само правительство на ничтожномъ вознагражденіи трудящагося люда основываетъ свои надежды на будущее [1]. Довѣріе къ экономическимъ познаніямъ почтеннаго химика выразилось также тѣмъ, что на него было возложено нынѣ изученіе на мѣстѣ уральской желѣзной промышлен-

[1]) Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи 1893 г., стр. 46—48; и 1896 г., стр. 47—48.

ности съ цѣлью освѣщенія вопроса, „гдѣ должно искать коренныя причины малой ея подвижности, чтобы можно было соотвѣтственными мѣропріятіями направить дѣло къ лучшему, чѣмъ донынѣ успѣху". Всякому понятно, что такая задача относится столько же, и даже болѣе, къ области экономическихъ, какъ и техническихъ отношеній, и что для рѣшенія даннаго вопроса требуется экономическое изслѣдованіе уральской промышленности. Но г. Менделѣевъ думаетъ на этотъ счетъ иначе и, отправляясь на мѣсто, взялъ съ собой трехъ натуралистовъ и — ни одного экономиста. Сотрудники г. Менделѣева производили магнитныя измѣренія, измѣренія прироста лѣсовъ, описанія отдѣльныхъ заводовъ, но изслѣдованія экономическія, которыя выяснили бы обстановку уральской промышленности и ея взаимоотношенія съ мѣстнымъ бытомъ, оказались совершенно въ загонѣ, и въ этомъ отношеніи въ отчетахъ членовъ экспедиціи встрѣчаются одни бѣглыя и случайныя замѣчанія по тому или другому вопросу, да и въ отдѣлѣ „Приложеній" найдутся кое-какія свѣдѣнія въ запискахъ, доставленныхъ г. Менделѣеву разными лицами, причемъ данныя этихъ записокъ не были провѣрены экспедиціей, и „отвѣтственность за подлинность написаннаго" въ нихъ г. Менделѣевъ всецѣло возлагаетъ на мало извѣстныхъ или вовсе неизвѣстныхъ авторовъ записокъ.

Впрочемъ, роль экономиста экспедиціи взялъ на себя самъ г. Менделѣевъ. Какъ же выполнялъ онъ эту роль, гдѣ и какъ пріобрѣталъ тѣ свѣдѣнія, которыя должны были служить объективнымъ основаніемъ при рѣшеніи поставленныхъ ему вопросовъ, и въ чемъ заключаются добытыя имъ свѣдѣнія? Къ сожалѣнію, на послѣдній вопросъ, въ общемъ, приходится дать отвѣтъ: „не знаемъ". Что же касается пріемовъ полученія г. Менделѣевымъ данныхъ по интересующимъ его вопросамъ, то таковые заключались въ бесѣдахъ съ тѣми лицами, съ которыми сталкивала его судьба во время ученаго турнэ. Поэтому можно уже догадаться, что рѣшенія вопросовъ, занимавшихъ г. Менделѣева во время его путешествія, будутъ основываться не на объективномъ учетѣ тѣхъ или другихъ данныхъ, а на личныхъ его впечатлѣніяхъ. А такъ какъ г. Менделѣевъ зналъ объ уральскихъ дѣлахъ и раньше—и составилъ себѣ, конечно, извѣстное о нихъ мнѣніе,— и такъ какъ это мнѣніе составлено имъ при условіи его обычныхъ личныхъ столкновеній съ разнаго рода промышленными дѣятелями, а во время поѣздки по Уралу онъ вращался приблизительно въ томъ же слоѣ общества,—то естественно, что личныя впечатлѣнія поѣздки лишь подтвердили то, что̀ онъ думалъ раньше, и что данный имъ отвѣтъ на поставленный вопросъ, въ сущности, былъ лишь развитіемъ его личнаго и, въ общихъ чертахъ, давно установившагося мнѣнія. Что заключенія г. Менделѣева не были плодомъ научныхъ изслѣдованій,

о томъ откровенно заявляетъ самъ г. Менделѣевъ. „Когда поѣздка наша кончилась, и всѣ мы четверо собрались и столковались,—говоритъ онъ въ заключительной главѣ общаго труда членовъ экспедиціи, — стало яснымъ, что главные выводы у всѣхъ тождественны, и что они у насъ сложились не въ концѣ, даже не въ срединѣ пути, а при самомъ его началѣ, отъ первыхъ *личныхъ впечатлѣній*, только подтверждавшихся и дополнявшихся *послѣдующими*... Еслибы вмѣсто недѣль мы ѣздили годы, вышло бы въ концѣ то же самое заключеніе“ (Отд. III, стр. 97).

Это откровенное заявленіе почтеннаго профессора, „ученыя заслуги котораго хорошо извѣстны какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ“ (это объясняется въ предисловіи къ изданію „Фабрично-заводская промышленность Россіи“, порученному для редактированія проф. Менделѣеву), служитъ непререкаемымъ доказательствомъ того, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ спеціалистами, понимающими необходимость объективныхъ данныхъ для разрѣшенія сложной экономической задачи, а съ дилеттантами (если не съ полными профанами) экономической науки, и не съ серьезнымъ научнымъ изслѣдованіемъ, а съ ученой *прогулкой* по Уралу. Въ этомъ же мы находимъ объясненіе и того страннаго факта, что на „изслѣдованіе“ огромнаго района (экспедиція проникла до Тобольска) было затрачено только два мѣсяца труда, и что г. Менделѣевъ не счелъ нужнымъ разработать собранные экспедиціей матеріалы, а представилъ ихъ въ сыромъ видѣ и даже назвалъ ихъ „личными и фотографическими *впечатлѣніями* уральской поѣздки“. Къ чему тратить много времени на дѣло людямъ, имѣющимъ и другія служебныя обязанности, когда—„еслибы вмѣсто недѣль ѣздить года—получилось бы то же самое заключеніе“? Къ чему заниматься сложнымъ дѣломъ разработки собранныхъ данныхъ для объективнаго обоснованія вывода, когда, по понятіямъ экспедиціи, правильность ея экономическихъ заключеній обезпечивается „личными впечатлѣніями“, а таковыя у участниковъ экспедиціи составились при первомъ приступѣ къ дѣлу и укрѣпились въ теченіе послѣдующей прогулки?

Итакъ, отвѣты г. Менделѣева на предложенные ему вопросы составились на основаніи личныхъ впечатлѣній отъ того, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ. Характеръ же этихъ впечатлѣній опредѣлялся тѣмъ, что̀ должны были естественно показывать и объяснять г. Менделѣеву лица, съ которыми онъ встрѣчался. А это, въ свою очередь, обусловливалось какъ принадлежностью этихъ лицъ къ тому или другому классу, такъ и тѣмъ понятіемъ, какое они составили себѣ о возможныхъ послѣдствіяхъ дѣлаемыхъ ими сообщеній. А какъ какъ на Уралѣ не разрѣшенъ еще вопросъ о заводскихъ крестьянахъ, и между

послѣдними и заводоуправленіями идетъ борьба за право пользоваться состоящей при заводахъ землей; такъ какъ поссессіонные владѣльцы мечтаютъ чуть не о даровой передачѣ имъ государственныхъ земель, и такъ какъ большимъ сочувствіемъ пользуется на Уралѣ мысль о передачѣ казенныхъ горныхъ заводовъ въ частныя руки,—то понятно, какіе крупные интересы связаны съ мѣропріятіями правительства по „поднятію" уральской промышленности, и какой соблазнъ для представителей послѣдней—давать по этому предмету показанія, способныя повліять на рѣшеніе вопроса въ смыслѣ, выгодномъ для частныхъ интересовъ вообще и для уральскихъ промышленниковъ въ частности. И въ этомъ отношеніи г. Менделѣевъ, какъ нарочно, поставилъ дѣло такъ, чтобы побуждать своихъ собесѣдниковъ давать одностороннія показанія.

Уже одно то, что г. Менделѣевъ былъ командированъ на мѣсто такимъ энергическимъ и вліятельнымъ вѣдомствомъ, какъ министерство финансовъ, произвело на Уралѣ немалую сенсацію. Еще до отъѣзда изъ Петербурга „съ разныхъ сторонъ мнѣ говорили,—пишетъ г. Менделѣевъ,—что дѣйствительно полнаго оживленія желѣзной дѣятельности края всѣ ждутъ отъ мѣропріятія этого министерства, и я на мѣстѣ много разъ слышалъ то же самое" (ч. 1, стр. 387). Молва же, сопровождавшая отъѣздъ экспедиціи и все путешествіе по Уралу, была причиной того, что на мѣстахъ г. Менделѣевъ былъ принимаемъ не какъ скромный изслѣдователь, а какъ высокопоставленное лицо, облеченное довѣріемъ правительства и чуть ли не имѣющее власть вязать и рѣшать (въ нѣкоторыхъ письменныхъ сообщеніяхъ г. Менделѣеву находятся прямыя ходатайства „посодѣйствовать къ скорѣйшему и благопріятному разрѣшенію" частнаго дѣла; см., напр., Прилож. № 28); и г. Менделѣевъ принимаетъ такое къ себѣ отношеніе какъ нѣчто естественное и не дѣлаетъ ничего, чтобы выйти изъ неподходящей роли какого-то ревизора. Въ Перми его встрѣчали полицейскія власти и нѣкоторые изъ мѣстныхъ промышленниковъ; въ тобольской—городской голова съ членами думы и полиціймейстеръ, привѣтствовавшій его отъ имени губернатора, и т. д. Видные представители мѣстнаго общества ухаживали за нимъ и старались устроить его поудобнѣе и попріятнѣе. Въ Перми торговый агентъ завода Ушакова, „привѣтливѣйшій Н. И. Михайловъ... настоялъ на томъ, чтобы мы всѣ остановились у него",—сообщаетъ г. Менделѣевъ (стр. 392); въ Кизелѣ члены экспедиціи „поѣхали въ гостепріимный домъ" управляющаго заводомъ (стр. 398); въ Нижне-Тагильскѣ г. Менделѣевъ со станціи желѣзной дороги отправился „въ главный, старинный и монументальный домъ Демидовыхъ, куда пригласилъ управляющій всѣхъ имѣній наслѣдниковъ Павла Павловича, князя Санъ-Донато,—высокоуважаемый

Анатолій Октавовичъ Жонесъ-Спонвиль“ (стр. 411); въ Тобольскѣ г. Менделѣева „устроили какъ нельзя лучше въ богатомъ домѣ извѣстныхъ до полярнаго круга пароходовладѣльцевъ и купцовъ Корниловыхъ“ (стр. 422) и т. д.

Удобно вездѣ устроенный и обласканный, проф. Менделѣевъ проводилъ время въ бесѣдахъ съ разными лицами, пріѣзжавшими къ нему или посѣщенными имъ, и набирался тѣми впечатлѣніями, которыми опредѣлилось его мнѣніе о вопросахъ, предложенныхъ на его разрѣшеніе. При этомъ его собесѣдники чуть не поголовно представлялись ему достойнѣйшими и образованнѣйшими людьми, бесѣда съ которыми крайне поучительна. Въ Билимбаевѣ „за чаемъ отъ собранія просвѣщеннѣйшихъ, вдумчивыхъ и опытныхъ мѣстныхъ дѣятелей (управляющихъ разными заводами) я столько наслышался важныхъ и свѣжихъ свѣдѣній о желѣзномъ и лѣсномъ дѣлѣ центральнаго Урала, — говоритъ г. Менделѣевъ, — что это освѣтило мнѣ разнобразныя отношенія“ (стр. 453). „Подъѣзжая къ Кыштыму, мнѣ уяснялся по цифрамъ таблицъ (перечень заводовъ съ указаніемъ ихъ производительности, площади состоящей при нихъ земли и т. п.) ходъ уральскихъ дѣлъ съ желѣзомъ; а когда я поговорилъ денекъ съ гг. Дружиниными, одними изъ хозяевъ завода, ихъ многоуважаемымъ управителемъ всѣхъ кыштымскихъ заводовъ, Павломъ Михайловичемъ Карпинскимъ (изъ бесѣдъ съ которымъ г. Менделѣевъ вывелъ, между прочимъ, заключеніе, что „грубая кичливость крестьянства здѣсь несомнѣнна“, стр. 460),— то стали еще полнѣе мои посильныя сужденія о томъ, какими мѣрами можно расшевелить Уралъ. День былъ прекрасный, люди, съ которыми бесѣдовалъ, теплые, просвѣщенные, полные опытности и оживленные“ (стр. 457).

Къ сожалѣнію, содержаніе поучительныхъ бесѣдъ мѣстныхъ дѣятелей съ г. Менделѣевымъ извѣстно намъ только въ самыхъ общихъ чертахъ и очень часто не по существу, а лишь съ формальной стороны. И за ними остается, поэтому, лишь заслуга образованія личныхъ впечатлѣній и ощущеній изслѣдователя. „Замѣчу здѣсь, что я сообщаю лишь о томъ, что *успѣлъ* записать на мѣстѣ (говоритъ, напр., г. Менделѣевъ, а успѣлъ записать онъ очень мало), но массу другихъ поучительнѣйшихъ данныхъ, слышанныхъ въ Тагилѣ, не передаю, такъ какъ на свою память боюсь опираться“ (стр. 415)... „Всего тутъ не перескажешь,—замѣчаетъ г. Менделѣевъ по поводу другой своей бесѣды,— а она и ей подобныя и родили тѣ общія впечатлѣнія, которыя получились отъ нашей поѣздки“ (стр. 404)... „Всего не перескажешь и не запомнишь,—сообщаетъ онъ о третьей бесѣдѣ,—остается лишь общее впечатлѣніе или, скорѣе, *ощущеніе*“ (стр. 413). Это говорится о тѣхъ бесѣдахъ съ представителями имѣній и заводовъ кн. С.-Донато, бла-

годаря которымъ г. Менделѣевъ „выѣхалъ изъ Тагиля съ очень увеличеннымъ багажемъ мыслей, касающихся Урала, особенно по отношенію къ поссессіоннымъ владѣніямъ и къ отношенію между казенными и частными заводами“ (стр. 412), т.-е. по отношенію къ наиболѣе острымъ вопросамъ уральскаго заводскаго дѣла, въ которыхъ собесѣдники г. Менделѣева, какъ представители поссессіонныхъ владѣльцевъ, были одной изъ заинтересованныхъ сторонъ. Можно легко догадаться, какое „ощущеніе“ осталось у г. Менделѣева послѣ этихъ бесѣдъ. Недаромъ онъ предлагаетъ передать на „облегченныхъ условіяхъ“ частнымъ предпринимателямъ казенные желѣзные заводы, а земли, находящіяся въ поссессіонномъ владѣніи—за гроши обратить въ полную собственность владѣльцевъ! Сомнительно, однако, чтобы „впечатлѣнія и ощущенія“ даже самаго ученаго человѣка могли играть сколько-нибудь видную роль при разсмотрѣніи тѣхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ требуетъ обстоятельныхъ изслѣдованій и соображеній. Будемъ, поэтому, надѣяться, что заключеніемъ г. Менделѣева о мѣрахъ къ поднятію уральской желѣзной промышленности будетъ придано то значеніе, какого они заслуживаютъ по существу, а не по вѣрѣ въ нихъ автора, восклицающаго: „Не прощайте мнѣ, когда не оправдается увѣренность въ полномъ успѣхѣ, если выполнится то, о чемъ говорилъ выше (мѣры къ поднятію уральской промышленности). Выполнить это можно года въ два или три, и если черезъ пять лѣтъ послѣ выполненія желѣзо на Уралѣ не станетъ дешевле, чѣмъ въ Германіи, Франціи, Англіи и Бельгіи, я буду виноватъ, хотя бы и не дожилъ до того времени. А если живъ буду и оправдается — порадуюсь отъ всего сердца“ (см. ч. 3., стр. 139).

В. В.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Théâtre de Meilhac et Halevy. T. I. Paris 1900, стр. 382.

Въ текущемъ году предпринято изданіе драматическихъ произведеній Мельяка и Галеви; одинъ изъ этихъ двухъ авторовъ, Мельякъ, умеръ въ 1897 году. Пьесы ихъ прочно утвердились въ репертуарѣ всѣхъ европейскихъ сценъ и забавляютъ своимъ неотразимымъ юморомъ уже нѣсколько поколѣній. Въ чтеніи—эти комедіи, фарсы и опереточные тексты Мельяка и Галеви производятъ нѣсколько иное впечатлѣніе, чѣмъ со сцены. Тамъ остроуміе діалога, обиліе мѣткихъ словечекъ поглощаетъ вниманіе, отвлекая отъ чисто-литературныхъ достоинствъ, выясняющихся при внимательномъ чтеніи. Теперь, когда закончится предпринятое полное собраніе ихъ сочиненій, можно будетъ опредѣлить роль этихъ двухъ, составляющихъ одно нераздѣльное цѣлое, писателей въ исторіи французскаго театра.

Прежде всего нужно оставить всѣ попытки отдѣлить Мельяка отъ Галеви и Галеви отъ Мельяка. Галеви писалъ отдѣльно отъ своего сотрудника сатирическіе очерки и романы, изъ которыхъ „Monsieur et madame Cardinal", „Les petites Cardinal" справедливо пользуются успѣхомъ. Мельякъ написалъ нѣсколько самостоятельныхъ комедій; „Brevet Supérieur", „Margot", „Décoré"—полны той же искрящейся фантазіи, веселости и наблюдательности, какъ пьесы, написанныя въ сотрудничествѣ съ Галеви. Но отдѣльныя произведенія обоихъ авторовъ чрезвычайно схожи съ тѣмъ, что̀ они пишутъ вмѣстѣ. Они обладаютъ одинаковыми чертами таланта, и сотрудничество ихъ—не сочетаніе взаимно дополняющихъ контрастовъ, а только количественное усиленіе однихъ и тѣхъ же свойствъ. Поэтому, для справедливой оцѣнки того, что̀ они внесли въ литературу, слѣдуетъ разсматривать ихъ во всеоружіи ихъ таланта, т.-е. когда они пишутъ вмѣстѣ. Это, очевидно, поняли и издатели, выдѣливъ ихъ совмѣстно написанныя пьесы и не включая въ изданіе то, что̀ Мельякъ писалъ отдѣльно, или въ сотрудничествѣ съ другими драматургами, Мильо, Гандераксомъ, Сенъ-Альбеномъ и т. д. Конечно, говоря о юморѣ, фантазіи и другихъ свойствахъ фирмы „Мельякъ и Галеви", нужно имѣть въ виду и нѣкоторыя отдѣльныя пьесы Мельяка,—но, тѣмъ не менѣе, оба

автора составляютъ въ литературѣ нераздѣльное цѣлое, проработавъ почти всю жизнь вмѣстѣ. Сходство ихъ таланта обусловливается еще и тѣмъ, что, будучи почти однолѣтками (Мельякъ родился въ 1832 г., Галеви—въ 1834), они одновременно переживали тѣ перемѣны взглядовъ, которыя приносятъ съ собой жизненный опытъ и годы.

Въ исторіи французской комедіи XIX-го вѣка Мельякъ и Галеви представляютъ совершенно новое явленіе. Они начали собой антискрибовскую комедію и своимъ реализмомъ, своимъ пониманіемъ современныхъ нравовъ и современной психологіи подготовили натуралистическую драму, созданную репертуаромъ „Théâtre Libre". Скрибъ, а за нимъ Сарду, основываютъ сценичность своихъ произведеній исключительно на положеніяхъ. Люди, двигающіеся въ ихъ комедіяхъ, похожи на маріонетокъ; это не живые люди, а условные театральные типы: ingénue, первый любовникъ, резонёръ и т. д. Искусство интриги доведено у Сарду до большого совершенства, но жизненной правды и характеровъ въ его условныхъ пьесахъ нѣтъ и слѣда. Литературныхъ качествъ больше въ серьезно задуманныхъ комедіяхъ Эмиля Ожьé и Александра Дюма; но оба они прежде всего моралисты, проповѣдники опредѣленнаго общественнаго идеала и, въ сущности,—очень буржуазной морали; она дѣлаетъ ихъ пьесы узко-тенденціозными и потому лишаетъ художественности. Каждая пьеса Дюма, какъ говорятъ французы—porte date, относится къ опредѣленному времени. Въ свое время эта пріуроченность пьесъ къ „злобамъ дня" содѣйствовала ихъ успѣху. Но тѣмъ скорѣе пьесы Дюма старѣли. Несмотря на блескъ діалога, на остроуміе и художественность отдѣльныхъ фигуръ, комедіи и драмы Дюма, за исключеніемъ двухъ, трехъ, постепенно сходятъ съ репертуара современной сцены. Ожьé, несмотря на свои уже чисто-литературныя достоинства, на выдержанность стихотворной формы, еще болѣе устарѣлъ, потому что его мораль гораздо болѣе условна, чѣмъ соціальныя теоріи Дюма. Есть еще одинъ родъ французской комедіи, пользовавшійся большимъ успѣхомъ—это веселыя, не претенціозныя пьесы Лабиша и его подражателей. Но всѣ онѣ относятся къ разряду фарсовъ, веселящихъ непритязательную публику довольно элементарными сценическими эффектами. Литературнаго интереса онѣ не представляютъ.

Среди всѣхъ этихъ родовъ французской комедіи театръ Мельяка и Галеви является чѣмъ-то совершенно новымъ. Они прежде всего отрѣшились отъ того, что̀ до нихъ составляло главную цѣль комедіи —отъ морали, отъ стремленія поучать и обличать нравы во имя извѣстнаго, большею часть узкаго и условнаго катехизиса нравственности. Они перестали раздѣлять людей на порочныхъ и добродѣтельныхъ. Видя передъ собою множественность явленій, они отражали

эту множественность, рисовали живыхъ людей, смѣясь надъ ихъ слабостями и очень чутко отыскивая въ слабыхъ, склонныхъ къ паденію людяхъ, инстинктъ добра. Въ комедіяхъ Мельяка и Галеви совершается много дурныхъ поступковъ,—авторы менѣе всего склонны къ идеализаціи,—но нѣтъ въ нихъ дурныхъ людей, а есть только слабые. Въ этомъ—ихъ пониманіе жизни: они какъ бы хотятъ доказать, что жизнь грустна, что люди причиняютъ много страданій другъ другу, не будучи злыми и порочными, что эгоизмъ часто уживается съ добрымъ сердцемъ, легкомысліе—съ инстинктивнымъ пониманіемъ добра. Эта философія жизни яснѣе всего выражена въ глубокихъ, при всемъ кажущемся легкомысліи, словахъ одной изъ героинь Мельяка, Цециліи, въ „Brevet Supérieur". Влюбленный въ нее „прожигатель жизни" хочетъ соблазнить ее и доказываетъ, что женщина можетъ вполнѣ проявить все свое очарованіе только окруженная богатствомъ и роскошью; что ей нужны туалеты, брилліанты, изысканная жизнь, но что все это не исключаетъ любви, искренности и чистоты сердца. „Что же во всемъ этомъ дурного и безчестнаго или даже запрещеннаго?" спрашиваетъ онъ. На это Цецилія отвѣчаетъ: „О, какъ нехорошо съ вашей стороны такъ говорить! Вѣдь вы знаете, что, въ сущности, мнѣ до смерти хочется всего этого. Но нѣтъ,—прибавляетъ она,—я не хочу, не хочу. А почему не хочу,—право, не умѣю объяснить вамъ". Къ этому сводится вся мораль комедій Мельяка и Галеви. Высмѣивая все на свѣтѣ, они все-же отдаютъ должное инстинкту добра, необъяснимому, но вѣчно живому. Рисуя самыхъ испорченныхъ людей, они не лишаютъ ихъ этого голоса сердца, инстинктивнаго влеченія къ добру, которое придаетъ имъ жизненность и поэтичность.

Инстинктъ добра, безъ всякаго, однако, сентиментальнаго прославленія добродѣтели, облагораживаетъ сатирическій талантъ Мельяка и Галеви, дѣлаетъ ихъ чуткими и снисходительными къ слабостямъ людей, и позволяетъ имъ высмѣивать все условно-добродѣтельное и освященное обычаями, не развѣнчивая тѣмъ самымъ истинной добродѣтели.

Въ комедіяхъ Мельяка и Галеви есть двѣ стороны—общественная сатира и обрисовка современной психологіи и нравовъ частной жизни. Основой въ томъ и другомъ случаѣ является матеріалистическое міросозерцаніе авторовъ. Они писали въ эпоху Наполеона III-го и проникнуты общимъ духомъ того времени—жаждой наслажденій, любовью къ благамъ жизни и особымъ „парижскимъ духомъ", въ которомъ скептицизмъ сочетается съ сердечностью, и „благѐрство" не лишено исканія высшихъ идеаловъ. Доброта сердца и жажда удовольствія—вотъ главныя пружины, управляющія творчествомъ остроумнѣйшихъ

парижскихъ драматурговъ. Эти качества ума и сердца естественно предназначали ихъ къ общественной сатирѣ. Имъ, какъ и всѣмъ ихъ современникамъ, наиболѣе ненавистно было все торжественное, все требовавшее преклоненія и лишающее свободы ума и дѣйствія, все сковывающее безпечность жизни и свободу личности. Общество того времени охвачено было жаждой наслажденій и свободы. Имперія Наполеона III-го тщетно стремилась возсоздать торжественность первой имперіи, ввести въ жизнь преклоненіе передъ авторитетами. Духъ протеста и скептицизма, порожденный революціей, боролся противъ навязываемыхъ оковъ, и, стѣсненный въ общественной дѣятельности, проявился въ безпощадной сатирѣ. Демократизмъ времени великой революціи измѣнилъ за полвѣка свое содержаніе. Тогда, идеаломъ были права человѣка и гражданина, теперь—свобода наслажденій. Тогда воспѣвали свободу, отправляясь на казнь; теперь Мельякъ и Галеви шлютъ дерзкій вызовъ наполеоновскому режиму въ легкомысленнѣйшей изъ сатиръ—„Прекрасной Еленѣ“, для которой Оффенбахъ написалъ столь же дерзкую и вызывающую музыку. „Прекрасная Елена“—самое значительное произведеніе Мельяка и Галеви. Къ сожалѣнію, съ теченіемъ времени она совершенно искажалась вульгарностью исполнителей и тѣмъ, что въ ней подчеркиваются только непристойности,—и теперь съ этимъ названіемъ соединяется представленіе о пошлой опереткѣ. Стоитъ, однако, прочесть появившуюся теперь въ полномъ изданіи сочиненій Мельяка и Галеви пьесу, чтобы убѣдиться въ художественности задуманной пародіи. „Прекрасную Елену“, конечно, нужно понимать въ исторической перспективѣ. Это пышно распустившійся цвѣтокъ утонченной культуры, для которой свобода—величайшее изъ благъ. Веселье отъ избытка силъ, заразительное и свободное веселье, отсутствіе трагизма и жестокости, освобождающій отъ всѣхъ оковъ скептицизмъ—эта атмосфера, созданная страннымъ сочетаніемъ революціоннаго духа и пышности Парижа временъ второй имперіи, проявилась съ необычайнымъ блескомъ въ „Прекрасной Еленѣ“. Все, что̀ въ то время давило и мѣшало жить, высмѣяно съ уничтожающей силой. Выѣздъ героевъ и греческихъ царей во второмъ дѣйствіи оперетки рисуетъ въ самомъ смѣшномъ видѣ помпу, которую съ такимъ усиліемъ поддерживалъ Наполеонъ, стараясь ею упрочить свой авторитетъ. Гомеровскій вопросъ освѣщенъ съ самой неожиданной стороны. Герои и боги лишены ореола и представлены людьми, которые морочатъ другихъ для того, чтобы тѣмъ свободнѣе предаваться наслажденію. Въ нихъ подмѣчены общечеловѣческія слабости. Это не дѣлаетъ ихъ достойными осужденія, а только лишаетъ торжественности, уничтожаетъ ложь геройства. Авторы пародіи—не обличающіе моралисты, а люди, которымъ дорога пол-

нота жизни и ненавистно всякое лицемѣріе. Они—свободолюбивые скептики; миѳъ о герояхъ превратился для нихъ въ отраженіе наполеоновской монархіи, которая держится только разыгрываніемъ комедій передъ толпой. Идея рока превращена въ удобный предлогъ для потворства естественной жаждѣ наслажденій. Елена представлена не преступной „измѣнщицей“, а просто веселой парижанкой, и въ ней высмѣивается только то, что она прикрывается во всѣхъ своихъ продѣлкахъ торжественнымъ принципомъ фатализма. Вся прелесть пародіи—въ томъ, что она добродушна, что въ ней никто не осуждается. Авторы хотятъ сказать, что всѣ прославленные герои вполнѣ законно предаются своимъ человѣческимъ страстямъ, и что для того, чтобы оправдать ихъ, нужно только уничтожить ложь, снять маску торжественности, показать, что всѣ равны всѣмъ, и что цѣль жизни—наслажденіе, въ исканіи котораго всѣ равны. Это своего рода демократизмъ, освѣщенный въ духѣ Франціи 60-хъ годовъ. Мысль свою авторы доказываютъ съ необычайной убѣдительностью, благодаря фейерверку остроумія, которымъ блещетъ почти каждая сцена, каждая фраза. Уже то, что множество остротъ изъ „Прекрасной Елены“ сдѣлались ходячими фразами, доказываетъ ихъ мѣткость. Въ каждомъ словѣ—намекъ на современность. Исторія смѣшного Менелая и его красавицы-жены рисуетъ придворные нравы того времени; жадный Калхасъ, который жалуется, что жертвователи приносятъ слишкомъ много цвѣтовъ и ничего болѣе существеннаго—ясное указаніе на живую дѣйствительность. Юморъ „Прекрасной Елены“ не утратилъ, однако, свѣжести и теперь, когда остроты перестали относиться къ „злобамъ дня“. Въ ней высмѣяны общечеловѣческія слабости, и та „fatalité“, которою оправдывается канканирующая Елена, до сихъ поръ и навсегда останется источникомъ общественнаго лицемѣрія. За картиной нравовъ и за литературной пародіей въ опереткѣ Мельяка и Галеви скрывается болѣе глубокая сатира чисто психологическаго свойства. Легкомысліе и лицемѣріе въ вѣчной, непримиримой борьбѣ представлены съ тѣмъ примиряющимъ скептицизмомъ, который составляетъ мудрость созерцателей, не обманывающихся относительно побужденій людей, но примиренныхъ съ жизнью своей стихійной любовью къ ея благамъ.

Рядомъ съ политической сатирой, Мельякъ и Галеви написали рядъ психологическихъ комедій, въ которыхъ тоже сочетаніе доброты и скептицизма, разрушительной непочтительности и смѣющейся примирительной граціи, направлено на анализъ частной жизни. И здѣсь Мельякъ и Галеви—не моралисты. Они не обличаютъ и не осуждаютъ, а рисуютъ сложность человѣческихъ желаній, примиряютъ паденіе съ жаждой добра и проявляютъ изумительное остроуміе и знаніе жизни

въ изображеніи нравовъ. Нравы эти чрезвычайно легкомысленны, но достоинство драматурговъ—въ томъ, что они чувствуютъ въ людяхъ живую душу, которая всегда готова проснуться къ сознательной жизни и спастись искренностью чувства. Въ первомъ томѣ новаго изданія помѣщена лучшая изъ психологическихъ комедій обоихъ авторовъ—„Фру-Фру". Въ ней созданъ женскій типъ, который потомъ повторяется и въ другихъ пьесахъ—типъ легкомысленной женщины, которую обстоятельства приводятъ къ паденію. Пока она шутя проходитъ черезъ жизнь, чаруя всѣхъ тѣмъ, что въ ней есть легкомысленнаго и граціознаго,—душа ея спитъ. Ее любятъ какъ дорогую хрупкую игрушку, и она сама удовлетворяется этимъ кукольнымъ существованіемъ. Но наступаетъ моментъ, когда жизнь становится серьезной, и когда сама Фру-Фру хочетъ жить болѣе достойно. Но въ этотъ критическій моментъ она остается одинокой. Никто не поможетъ ей выйти побѣдительницей и спасти свою душу. Напротивъ того, все толкаетъ ее къ паденію, и она падаетъ, искупая свою вину потомъ смертью. Переходъ отъ легкомыслія къ драматизму, пробужденіе чистой души среди общества, которое держится тѣмъ, что никто не хочетъ пробуждаться, представлено съ большой искренностью, теплотой и правдивостью. Фру-Фру—цѣльный поэтическій образъ, напоминающій Ибсеновскую „Нору". Разница—та, что Нора—сѣверянка, которая, проснувшись, умѣетъ устроить жизнь согласно своему пониманію; у Фру-Фру же нѣтъ иниціативы. Она должна пасть, хотя совѣсть ея проснулась,—таковы законы общества, созданіемъ котораго она является. Но важно то, что въ ней самой есть искупительная сила, что внѣшнее легкомысліе сочетается съ инстинктомъ истины. Въ дальнѣйшихъ комедіяхъ Мельяка и Галеви центральными фигурами являются большею частью женщины, которыя, при всей легкости нравовъ, возвѣщаютъ о нарожденіи новаго психологическаго типа—души, которая стремится подчинить жизнь внутреннему исканію добра. Мельякъ и Галеви рисуютъ это исканіе свободы безъ глубокомыслія Ибсеновскихъ драмъ. Все происходитъ легко и весело, среди непрерывнаго фейерверка остроумія. Но психологическій замыселъ ихъ комедій, тѣмъ не менѣе, серьезенъ и является предвѣстникомъ психологической драмы нашихъ дней.

II.

Hermann Sudermann. „Johannisfeuer". Schauspiel in 4 Akrten. Berl. 1900.

Въ своей новой драмѣ „Johannisfeuer" Германъ Зудерманъ не задается никакими идейными или общественными вопросами. Въ преж-

нихъ комедіяхъ и драмахъ онъ то занимался обличеніемъ свѣтскаго общества съ его условнымъ пониманіемъ нравственности („Гибель Содома“, „Бой бабочекъ“, „Честь“), то затрогивалъ болѣе глубокія темы, изображая людей, обреченныхъ на смерть и духовно преображенныхъ близостью роковой минуты („Morituri“), или же писалъ полумистическія, полу-философскія аллегоріи („Johannes“, „Die Drei Reiherfedern“).

„Ночь на Ивана Купалу“ (Johannisfeuer) болѣе скромна по замыслу. Это чисто психологическая драма; основная мысль ничего оригинальнаго не представляетъ, но она облагорожена примирительно грустнымъ отношеніемъ къ жизни. Фабула основана на томъ, что двое любящихъ сознательно разбиваютъ свое счастье, не потому, что на ихъ пути стоятъ непреодолимыя препятствія, а потому что въ обычномъ теченіи жизни желанія расходятся съ возможностями. Для достиженія желаемаго нужно проходить черезъ катастрофы, а катастрофы пугаютъ слабыхъ людей. Получается волшебный кругъ жизни, законъ которой—страданіе. Зудерманъ ограничилъ свою задачу тѣмъ, что указалъ на существованіе этого круга въ жизни слабыхъ людей. Въ современной литературѣ подобные вопросы разработываются въ болѣе проповѣдническомъ тонѣ: видно стремленіе найти исходъ, показать, какъ нужно дѣйствовать, чтобы разрѣшить узелъ. Еслибы драму на сюжетъ „Johannisfeuer“ написалъ послѣдователь Ибсена или Нитцше, конецъ ея былъ бы совершенно другой. Люди, убѣдившіеся, что законъ ихъ жизни, непремѣнное условіе ихъ счастія—соединиться и жить другъ для друга,—не задумались бы во имя правды и свободы выполнить свой законъ, хотя бы для этого нужно было разбить счастье другихъ людей. Или же, если имъ страшно приносить въ жертву другихъ, они пришли бы къ трагической развязкѣ, предпочли бы лучше не жить, чѣмъ построить всю дальнѣйшую жизнь на компромиссахъ и лжи. Казалось бы, что для людей, въ которыхъ сильна любовь къ правдѣ, есть выборъ только между этими двумя разрѣшеніями вопроса. Но Зудерманъ не ищетъ исхода въ своей пьесѣ. Онъ только хочетъ раскрыть трагизмъ жизни, показать несоотвѣтствіе желаній и того, что̀ приноситъ жизнь, а затѣмъ примирить съ этимъ противорѣчіемъ. Пьеса его проникнута пессимизмомъ чисто жизненнымъ, а не идейнымъ. Его герои могли бы завоевать себѣ счастье. Горе, которое они себѣ уготовляютъ—не роковое, а житейское, вызванное ихъ собственной слабостью. Пьесу Зудермана нельзя поэтому отнести къ разряду высоко драматическихъ произведеній, въ которыхъ рѣчь идетъ о безъисходномъ трагизмѣ жизни. Это—реалистическая картина жизни, вызывающая жалость къ людямъ безсильнымъ,

для которыхъ чувство—только источникъ страданій, а не путь къ духовному совершенствованію.

Но какъ изображеніе того, что̀ есть, а не того, что̀ должно быть, пьеса Зудермана не лишена художественныхъ достоинствъ. Поэтическое противоположеніе конрастовъ сдѣлано очень искусно. Съ одной стороны—сѣрая, безрадостная и властная жизнь; съ другой—внезапно вспыхнувшій огонь страсти, врывающійся въ мирное и безцвѣтное существованіе, подобно тому, какъ загораются въ ночь на Ивана Купалу костры въ мирной деревнѣ. Костры въ эту ночь—переживаніе языческой древности и, казалось бы, несовмѣстимы съ христіанскимъ благочестіемъ сельскаго населенія. Но никто не хочетъ отказаться отъ древняго обычая. Всѣмъ нравится эта ночь—она какъ бы символъ минутнаго освобожденія отъ ига обязанностей и упорядоченности. Крестьяне жгутъ смоляныя бочки, и даже не думаютъ о томъ, что можетъ произойти пожаръ, который уничтожитъ амбары съ хлѣбомъ. Всѣ хотятъ минутной, дикой—языческой радости. Они знаютъ, что огни потухнутъ, и начнется обычная, сильная своимъ однообразіемъ жизнь. Они даже инстинктивно чувствуютъ, что отъ этихъ языческихъ огней ничто не загорится, что пожара въ мирной деревнѣ не будетъ. Все-же, они въ этотъ единственный день въ году отдаются стихійной радости, подавляемой въ остальное время голосомъ долга, жизненными заботами.

Костры въ ночь на Ивана Купалу являются въ пьесѣ Зудермана поэтическимъ образомъ того, что̀ происходитъ въ душѣ его двухъ героевъ, архитектора Георга и сироты Марике. Оба они всѣмъ своимъ существомъ—такое же исключительное явленіе въ окружающей ихъ жизни, какъ ночь на Ивана Купалу и связанные съ нею обряды въ жизни спокойнаго протестантскаго населенія. То, что̀ они переживаютъ, ихъ душевная драма съ ея грустно примиреннымъ концомъ, навсегда сокрыто отъ другихъ. Въ этой отдѣльности внутренней драмы отъ внѣшней жизни—смыслъ пьесы Зудермана. Герой ея высказываетъ мысль автора въ рѣчи, которую произноситъ въ семейномъ кругу по случаю праздника Ивановой ночи: „Во всѣхъ насъ живетъ искра язычества“, говоритъ онъ. „Прошли вѣка, старинный германскій міръ отжилъ свое время, но искра эта все жива. Разъ въ году она вспыхиваетъ—вмѣстѣ съ кострами въ ночь на Ивана Купалу. Разъ въ году наступаетъ ночь свободы—именно свободы. Вѣдьмы съ хохотомъ вылетаютъ на шабашъ на тѣхъ самыхъ метлахъ, которыми въ обыкновенное время изъ нихъ выколачиваютъ ихъ бѣсовскую силу. По лѣсу мчится ихъ дикое полчище—и тогда въ нашихъ сердцахъ просыпаются безумныя желанія. Жизнь ихъ не исполнила и, конечно, не должна была исполнить, потому что какой бы ни былъ по-

рядокъ, существующій въ мірѣ, всегда для осуществленія одного завѣтнаго желанія тысячи другихъ должны безпощадно разбиться—одни, быть можетъ, потому, что они на вѣки недостижимы, другія—потому что мы упустили ихъ, какъ дикихъ птицъ, не удержавъ ихъ во̀-время въ рукѣ... Во всякомъ случаѣ, разъ въ годъ наступаетъ ночь свободы, и знаете ли вы, что̀ означаютъ всѣ эти костры, которые мы видимъ отсюда?—это призраки нашихъ убитыхъ желаній, красныя перья райскихъ птицъ. Намъ бы слѣдовало всю жизнь охранять ихъ, а мы дали имъ улетѣть. Эти костры—древній хаосъ; они—то язычество, которое живетъ въ насъ. Я пью за старые языческіе огни, за то, чтобы пламень ихъ поднимался высоко, высоко".

Люди, не способные созидать жизнь, подчиненные своимъ чувствамъ, только и живутъ полной жизнью, когда настаетъ для нихъ ночь на Ивана Купалу, ночь свободы. Потомъ ураганъ стихаетъ, отъ костра остается лишь дымъ,—потому что они любили свободу только пассивной любовью. Герой драмы, произносящій рѣчь о свободѣ, имѣетъ въ виду себя и свою судьбу. Этого не понимаетъ никто, за исключеніемъ одной любящей его дѣвушки. Его слова раскрываютъ смыслъ всей разыгрывающейся между ними драмы съ ея грустнымъ концомъ, съ той жертвой, которую они приносятъ во имя торжества ненарушимой логики жизненныхъ обязанностей.

Для того, чтобы въ ихъ душахъ разыгралась драма страсти, они сами должны быть исключеніемъ въ своей средѣ. Въ пьесѣ Зудермана изображена мирная, добродушная помѣщичья семья. Отношенія между членами семьи—самыя лучшія. Отецъ и мать обожаютъ единственную дочь, и очень хорошо относятся и къ выросшему въ ихъ домѣ племяннику, и къ дѣвушкѣ-пріемышу, взятой въ домъ еще до рожденія дочери, Труды (Гертруды). Ихъ дочь, наивное существо, любитъ простой и спокойной любовью выросшаго въ домѣ кузена. Теперь она объявлена его невѣстой, и въ домѣ готовятся къ свадьбѣ. Отецъ относится къ жениху очень тепло, но по грубоватости натуры журитъ его, попрекая оказанными ему благодѣяніями, уплаченнымъ за отца долгомъ чести. Но въ этой благодушной средѣ выросли два существа съ болѣе сильной индивидуальностью. Все въ нихъ возмущается противъ мирнаго благодушія духовной скудости окружающей ихъ среды. Георгъ, племянникъ помѣщика, гордый по натурѣ юноша, еще болѣе укрѣпляется въ своей жаждѣ независимости, вслѣдствіе унижающихъ его самолюбіе обстоятельствъ. Дядя попрекнулъ его однажды, когда онъ былъ еще мальчикомъ, своими благодѣяніями. Георгъ, возмущенный, ушелъ изъ дому и бился въ нищетѣ до тѣхъ поръ, пока не отвоевалъ себѣ въ жизни самостоятельнаго положенія. Онъ сдѣлался архитекторомъ, и къ дядѣ относится очень гордо, почти

рѣзко. Женихомъ своей кузины онъ дѣлается не столько по любви, какъ потому, что Труда—его подруга дѣтства и привлекаетъ его своею кротостью и любовью. Настоящей любовью онъ любитъ пріемную дочь своего дяди, Марике, дѣвушку съ трагической судьбой. Мать ея—литовская крестьянка, отвратительная воровка и нищенка. Ее нашли полузамерзшую въ снѣгу, съ маленькимъ ребенкомъ, и помѣщикъ съ женой, не имѣвшіе тогда дѣтей, взяли ребенка къ себѣ. Съ теченіемъ времени Марике сдѣлалась добрымъ геніемъ семьи. Она о всѣхъ заботится, управляетъ домомъ. Но, относясь къ ней съ добротой, никто не понимаетъ страстной и нѣжной натуры дѣвушки, которая нуждается въ любви и не находитъ ея. Она—необходимый и полезный членъ семьи, и сама это сознаетъ; но никому нѣтъ дѣла до ея внутренняго міра, и она, подобно Георгу, живетъ среди благодушныхъ людей съ оскорбленной, мятежной душой. Георгъ страстно полюбилъ ее задолго до того, какъ сталъ женихомъ кузины, но считалъ свою любовь безнадежной, принявъ строптивость гордой дѣвушки за равнодушіе. Она же и тогда любила его и продолжаетъ любить. Когда приближается день свадьбы Георга, она съ глубокой мукой занимается устройствомъ дома для молодой четы. Безумная потребность быть любимой заставляетъ ее мечтать о томъ, чтобы найти свою мать. Она узнала, кто ея мать. Ей не страшно то, что она—нищая крестьянка. Она убѣждаетъ кузена помочь ей свидѣться съ матерью, но это свиданіе приноситъ ей одно горе. Она видитъ передъ собою существо, потерявшее всякое чувство достоинства. Старуха только унижается передъ дочерью, ставшей барышней, проситъ подарковъ, и тутъ же, въ ея присутствіи, хочетъ стащить неприпрятанныя вещи. Марике даетъ деньги матери и выпроваживаетъ ее. Ея мечта о материнской любви разбита, и она чувствуетъ себя вдвойнѣ осиротѣлой. Но эта встрѣча производитъ кризисъ въ ея сердцѣ. Ея душа больна неудовлетворенной потребностью любви, и въ порывѣ мятежнаго чувства она готова украсть счастье, въ которомъ ей отказываетъ судьба. „Не даромъ,—говоритъ она,—я дочь воровки". Она перестаетъ скрывать передъ Георгомъ свою любовь, и онъ наканунѣ своей свадьбы узнаетъ то, что для него есть величайшее счастье—но при данныхъ условіяхъ и великое горе. До свиданія съ матерью, Марике и Георгъ понимаютъ, что должны отказаться другъ отъ друга. Изъ духа протеста Марике даетъ согласіе влюбленному въ нее молодому пастору. Но въ ней просыпается неудержимое желаніе счастья, хотя бы минутнаго. Она чувствуетъ свою власть надъ Георгомъ и перестаетъ его отталкивать. Въ домѣ помѣщика празднуется канунъ Ивана Купалы, атмосфера языческой жизнерадостности охватываетъ все населеніе, не исключая и членовъ помѣщичьей семьи. Марике

собирается поздно вечеромъ уѣхать въ ближайшій городъ, гдѣ должна закончить уборку дома для молодыхъ, и на слѣдующій день вернуться къ свадьбѣ. Георгу поручаютъ проводить дѣвушку на вокзалъ, и всѣ расходятся по своимъ комнатамъ. Только молодой невѣстѣ не спится, она чѣмъ-то встревожена, ее мучитъ предчувствіе бѣды, и она еще разъ приходитъ къ жениху, предлагая ему, казалось бы, праздный вопросъ о томъ, любитъ ли онъ ее. Онъ обходится съ ней съ обычной кротостью, и она уходитъ успокоенная къ себѣ. Тогда является Марике—имъ предстоитъ ждать часъ до отхода поѣзда. Она ему объявляетъ о своемъ обрученіи съ пасторомъ, говоря, что не всегда могутъ горѣть огни ночи на Ивана Купалу. Онъ говоритъ ей о своей любви, но и о томъ, что они не имѣютъ права разрушить счастье невинной любящей дѣвушки. Она же жалуется ему на мятежность своей души. Въ это время по саду проходитъ тѣнь. Марике понимаетъ, что это ея мать, которая пробирается въ домъ съ воровскими цѣлями. Они закрываютъ двери и ставни, но въ душѣ Марике появленіе матери, оскорбляющей ея гордость, убиваетъ всякое смиреніе. Часъ отъѣзда на вокзалъ пропущенъ, слышенъ издали свистокъ локомотива—Марике остается до утренняго поѣзда съ Георгомъ праздновать ночь на Ивана Купалу.

Въ послѣднемъ актѣ изображенъ день свадьбы. Георгъ, подавленный случившимся, не знаетъ, какъ поступить. Онъ старается сначала подготовить свою невѣсту къ возможности разрыва, потомъ хочетъ все открыть отцу невѣсты. Страсть къ Марике вытѣсняетъ все остальное. Онъ ей говоритъ сначала, что ему жаль невѣсту, но вмѣстѣ съ тѣмъ уговариваетъ уѣхать съ нимъ куда-нибудь далеко, гдѣ они могутъ быть счастливы и забыть несчастіе, принесенное ими другимъ. Но Марике находитъ другой исходъ. Опять рѣшающее вліяніе оказываетъ мысль о матери. Управляющій докладываетъ, что ночью арестована въ саду воровка—и хотя имени ея не называютъ, дѣвушка понимаетъ, что это—ея мать. Оставшись наединѣ съ Георгомъ, она прислушивается къ тому, какъ за дверью уводятъ женщину, которая сопротивляется и плачетъ. Ей жутко и невыразимо больно, но она видитъ нѣчто роковое въ судьбѣ матери. Она чувствуетъ на себѣ ея вину, и не хочетъ, подобно ей, быть тоже грабительницей и составить несчастіе другого человѣка. Она говоритъ Георгу, что навсегда уѣзжаетъ, потому что освободиться отъ обязанностей, связывающихъ ихъ обоихъ, они не могутъ. Нужно разойтись навсегда. Она же ободряетъ и успокоиваетъ Георга. „Я знаю, совсѣмъ бѣдной и жалкой я уже никогда не буду. Одинъ разъ и для меня зажглись костры въ ночь на Ивана Купалу“. Пьеса заканчивается тѣмъ, что вся семья отправляется въ церковь; Марике напутствуетъ невѣсту, убѣждая ее

не сомнѣваться въ любви Георга. Марике обѣщала Трудѣ поговорить съ женихомъ и узнать, любитъ ли онъ ее,—и послѣ своего разговора съ нимъ приноситъ ей отвѣтъ: „Все это пустяки, дорогая,—говоритъ она.—Онъ любитъ только тебя одну. Онъ говоритъ, что никого больше не любилъ. Онъ будетъ очень счастливъ—онъ это сказалъ".

Такъ разыгрывается драма двухъ мятежныхъ сердецъ, подчинившихся силѣ жизни. Художественное достоинство пьесы заключается въ томъ, что драма происходитъ только въ душѣ заинтересованныхъ людей, и во внѣшнихъ поступкахъ не проявляется. Ничто не измѣняется. Жизнь идетъ своимъ чередомъ, обстоятельства складываются, какъ и слѣдовало ожидать: кузенъ женится на кузинѣ, благодушная семья продолжаетъ благодушествовать, не подозрѣвая, что ея спокойствіе куплено цѣной двухъ разрушенныхъ жизней. Въ неумолимости логическаго хода вещей, подчиняющаго себѣ мятежныя желанія, лежитъ грустный смыслъ драмы Зудермана. Онъ удѣляетъ большое мѣсто страсти, видитъ въ ней источникъ свободы, но закономъ жизни признать ее не хочетъ. Нельзя признать закономъ мирной сельской жизни языческій праздникъ, когда зажигаются огни и нарушается на одну ночь упорядоченный ходъ трудового существованія. Въ драмѣ Зудермана побѣждаетъ не сила индивидуальной воли, а смиреніе передъ логикой жизни. Этотъ исходъ—не въ духѣ современной драмы, но въ немъ есть своя цѣльность и гармонія. Въ сущности, важно только отразить контрасты, составляющіе трагическую сущность жизни. А приноситъ ли примиреніе сама жизнь, или его создаетъ воля человѣка — это зависитъ отъ индивидуальнаго пониманія. И въ томъ, и въ другомъ есть правда,—нужно только ее освѣтить.—З. В.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

о

ВЛАДИМІРѢ СЕРГѢЕВИЧѢ СОЛОВЬЕВѢ.

Къ Влад. Серг. Соловьеву однажды обратился мало съ нимъ знакомый собиратель автографовъ и попросилъ написать что-нибудь въ альбомъ. Соловьевъ открылъ первую страницу предисловія къ своей „Исторіи и будущности теократіи" и выписалъ оттуда вступительную фразу:

„Оправдать вѣру нашихъ отцовъ, возведя ее на новую ступень разумнаго сознанія; показать, какъ эта древняя вѣра, освобожденная отъ оковъ мѣстнаго обособленія и народнаго самолюбія, совпадаетъ съ вѣчною и вселенскою истиною—вотъ общая задача моего труда".

Въ этомъ состояла общая задача того труда покойнаго, которому онъ придавалъ наибольшее значеніе изъ всѣхъ своихъ работъ; невозможность окончить этотъ трудъ по первоначально задуманному плану его всегда глубоко огорчала. Это же—составляло основную цѣль всей его жизни. Борецъ по натурѣ, учитель по складу ума, Владиміръ Сергѣевичъ и въ личныхъ отношеніяхъ неуклонно и послѣдовательно оправдывалъ вѣру отцовъ. Онъ не былъ проповѣдникомъ, онъ рѣдко училъ словомъ—и, быть можетъ, поэтому его живого уже давно не окружала толпа. Онъ училъ примѣромъ своей жизни — и потому люди близкіе познали, чѣмъ былъ онъ для нихъ, только послѣ его смерти. Сила и степень общественнаго значенія Соловьева также теперь только начали обнаруживаться.

Первый разъ мнѣ довелось увидѣть Владиміра Сергѣевича лѣтъ около двадцати назадъ, въ тотъ едва ли не единственный моментъ его жизни, когда онъ выступилъ трибуномъ и, силой вдохновенія, горячей вѣрой въ правоту своего убѣжденія, покорилъ мысль не одной сотни людей.

Блестящій залъ кредитнаго общества. Всѣ стулья и проходы заняты. На каѳедрѣ молодой, высокій философъ, съ длинными, пышными волосами, собравшій громадную, разнородную аудиторію... Первая лекція была прослушана съ интересомъ, но вяло. Чувствовалось, что не для изложенія хода русскаго просвѣщенія въ XIX вѣкѣ собралъ насъ уже и тогда пользовавшійся громкой славой лекторъ. И минута была

не такова. И самъ Соловьевъ какъ-то безжизненно, устало отмѣчалъ главнѣйшія теченія, ихъ связь и преемственность развитія. Вторая лекція—дня черезъ два послѣ первой—носила вначалѣ тотъ же характеръ. Но вотъ философъ закрылъ тетрадь, выпрямился, окинулъ залъ вдохновеннымъ взоромъ глубоко-сидящихъ чудныхъ глазъ и началъ говорить объ интересѣ минуты. Сперва—тихо, сдавленнымъ, дрожащимъ голосомъ. Затѣмъ его голосъ сталъ крѣпнуть, послышалась нота увлеченія задушевной мыслью. Аудиторія насторожилась. Она жадно внимала звукамъ свободно лившейся рѣчи; она была заражена волненіемъ оратора, вмѣстѣ съ нимъ переживала его чувства. Соловьевъ умолкъ. Нѣсколько секундъ толпа безмолвствовала: смѣлая мысль не могла быть вдругъ усвоена. Прошли эти секунды—раздался взрывъ рукоплесканій. Аудиторія была побѣждена...

Лично я познакомился съ Соловьевымъ лѣтъ восемь спустя. Это было въ маѣ или іюнѣ того года, когда онъ выпустилъ „La Russie et l'église universelle“ и пріѣхалъ въ Петербургъ повидать кого-то изъ своихъ друзей. Мы встрѣтились случайно. Лѣто, какъ извѣстно, сезонъ мертвый—кто на дачѣ, кто за границей, кто въ деревнѣ. Да и немного еще тогда было у Владиміра Сергѣевича близкихъ знакомыхъ въ Петербургѣ. Срочной работы онъ въ то время тоже не имѣлъ и охотно заходилъ побесѣдовать или сыграть въ шахматы. Сошлись мы—люди, рѣзко различные по воспитанію, привычкамъ и всему укладу жизни,—какъ-то очень скоро. На слѣдующее лѣто, опять пріѣхавъ въ Петербургъ, Соловьевъ уже поселился въ моей квартирѣ. Такъ началась и продолжалась много лѣтъ наша совмѣстная жизнь въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. По зимамъ мы вмѣстѣ не жили, но видѣлись часто.

При столь близкихъ отношеніяхъ, естественно изучаешь человѣка во всѣхъ деталяхъ, и мелочныя повседневныя наблюденія заслоняютъ общій образъ, типическія черты характера. Изъ-за деревьевъ перестаешь видѣть лѣсъ. Нужно время, чтобы детали и штрихи изгладились и чтобы въ воспоминаніяхъ выросъ живой общій обликъ. До тѣхъ поръ они всегда будутъ имѣть неизбѣжно эпизодическій, случайный характеръ.

Основной чертой отношеній Соловьева къ людямъ была дѣятельная любовь. Та любовь не на словахъ, а на дѣлѣ, которая составляетъ сущность всего христіанскаго міровоззрѣнія, и которой такъ мало въ современномъ обществѣ. Онъ любилъ человѣка, какъ такового, кто бы это ни былъ, каково бы ни было его прошлое, каковы бы ни были у него взгляды, принципы. Онъ любилъ своихъ друзей; любилъ людей, съ которыми встрѣчался мимолетно; онъ поднимался до любви къ своимъ врагамъ—не личнымъ — не знаю, были ли у него личные

враги,—а къ тѣмъ, чью дѣятельность считалъ пагубной въ общественномъ смыслѣ. И это не была любовь безразличія. Нѣтъ, всѣмъ извѣстно, съ какимъ жаромъ онъ обличалъ въ печати людей, по его убѣжденію, вредныхъ. Въ частныхъ бесѣдахъ онъ бывалъ еще болѣе рѣзокъ. Но за рѣзкостью тона всегда слышалась не ненависть, а искренняя любовь къ противнику, горькое сожалѣніе о его заблужденіяхъ. Соловьевъ былъ всегда готовъ забыть прошлое своего врага, сдѣлаться его другомъ. За умершихъ враговъ своего дѣла онъ молился.

За нравственной помощью, за совѣтомъ къ Соловьеву обращались не часто—и ему это было больно. Но за помощью матеріальной—къ нему, бездомному бѣдняку, жившему исключительно тяжелымъ литературнымъ трудомъ,—обращалось множество лицъ. И профессіональные нищіе, и явные пропойцы, и отставные чиновники, и разныя вдовы, и учащаяся молодежь, и люди гораздо болѣе, чѣмъ онъ, обезпеченные. Въ этомъ отношеніи его доброта была безпредѣльна. Онъ отдавалъ буквально послѣдніе рубли. Не бывало денегъ—отдавалъ пальто—зимой лѣтнее, лѣтомъ зимнее,—занималъ, посылалъ по редакціямъ за авансомъ, закладывалъ часы. Если требовалась помощь работой, хлопоталъ, объѣзжалъ знакомыхъ, а когда хлопоты не приводили ни къ чему—находилъ работу у себя. Его „Магометъ" переписывался разъ пять—тогда все къ нему ходила какая-то женщина, настойчиво требовавшая переписки и писавшая съ поразительной безграмотностью. Ея безграмотность, впрочемъ, радовала Соловьева: она выводила его изъ затрудненія. Принесетъ переписчица рукопись, онъ увидитъ ошибки, посмѣется, а дня черезъ три, когда она снова явится за работой,—скажетъ, что ему нуженъ еще экземпляръ, и чувствуетъ себя спокойнымъ на недѣлю или на двѣ. Одно время у Соловьева чуть не цѣлый годъ имѣлся на постоянномъ жалованьѣ личный секретарь, которому онъ никакъ не могъ придумать такого занятія, чтобы оно имѣло видъ дѣла, и чтобы секретарь не догадался, что онъ вовсе не нуженъ. Съ такой же деликатностью помогалъ Соловьевъ обычнымъ просителямъ, приходившимъ за подаяніемъ. Никогда не читалъ нравоученій, не выспрашивалъ, не заставлялъ выворачивать душу.

Охотно жертвовавшій для матеріальной помощи непосредственными благами жизни, Владиміръ Сергѣевичъ никогда не останавливался и передъ пожертвованіемъ своимъ высшимъ, духовнымъ благомъ. Вогюэ приводитъ такую его фразу: „Что мнѣ до моего личнаго блага! Надо думать всегда о благѣ ближнихъ". „Слово,—говоритъ Вогюэ,—чисто русское, въ которомъ обнаружилось побужденіе, общее и вѣрующему, и нигилисту: радостное самопожертвованіе одного всѣмъ, до самой могилы". Да, это слово русское. Но у многихъ и многихъ оно—только слово. У Соловьева же оно воплощалось въ дѣло. Истинно вѣрующій,

онъ возводилъ древнюю вѣру отцовъ на степень разумнаго сознанія. Огорчить ближняго, вызвать въ немъ раздраженіе противъ обрядовъ вѣры и тѣмъ отвратить отъ ея духа и существа — было въ его глазахъ грѣхомъ, неизмѣримо большимъ, чѣмъ самое нарушеніе обряда. Выражалось это во всѣхъ его поступкахъ, включительно до мелочей. Садясь обѣдать и вставая изъ-за стола, Соловьевъ обыкновенно крестился. Но если онъ зналъ, что это обратитъ на него особое вниманіе присутствующихъ, онъ не крестился, хотя для себя лично сѣсть за столъ безъ крестнаго знаменія считалъ грѣхомъ. Какъ извѣстно, онъ былъ вегетаріанцемъ, вѣрнѣе—постникомъ въ православно-монашескомъ смыслѣ поста—не ѣлъ мяса. Но когда пригласившіе его къ обѣду не знали этого или забывали, онъ ѣлъ и бульонъ, и мясной соусъ. На первый взглядъ такое отношеніе къ себѣ могло казаться непослѣдовательнымъ. Въ дѣйствительности же, это была послѣдовательность самая полная, только безъ неразумной, слѣпой прямолинейности. „Зачѣмъ быть педантомъ!"—часто говаривалъ покойный.

Устраняя изъ личныхъ сношеній педантизмъ, Соловьевъ никогда никому не навязывалъ своихъ взглядовъ. Ни разу мнѣ не приходилось слышать, чтобы онъ уговаривалъ кого-либо не ѣсть мяса или вести, какъ онъ, жизнь аскета, чуждую плотской любви, не знающую женской ласки. Приходилось не разъ слышать обратное: друзья и врачи ему старались постоянно навязать обычныя воззрѣнія на жизнь, здоровье и средства его поддержанія. Соловьевъ, въ такихъ случаяхъ, обыкновенно какъ бы извинялся, ссылался на старость, на то, что онъ давно уже ведетъ такую жизнь, что ему поздно мѣнять свои привычки, что отъ мяса его организмъ отсталъ. „Лососина,—замѣчалъ онъ шутливо, —вполнѣ замѣняетъ мнѣ дичь; осетрина—телятину; балыкъ—ветчину". Рѣдко, даже въ дружеской бесѣдѣ съ маловѣрующими или вовсе нерелигіозными людьми, онъ упоминалъ о Богѣ. Бывало, только скажетъ иногда, желая утѣшить или объяснить неожиданно благополучное разрѣшеніе вопроса: „А Богъ-то на что!"—или—„Богъ все видитъ!" И скажетъ всегда не то смѣясь, не то серьёзно, но съ такой глубокой вѣрой, что мысль о Богѣ невольно западетъ въ душу и самаго рѣшительнаго атеиста.

Любилъ Владиміръ Сергѣевичъ оказывать матеріальную помощь и тогда, когда его прямо о томъ не просили, но когда онъ чувствовалъ, что помощь его будетъ пріятна или доставитъ хотя ничтожное удовольствіе. Онъ раздавалъ „на-чаи" такъ щедро, какъ не раздаютъ и милліонеры. Недаромъ всѣ лакеи и швейцары, гдѣ только онъ ни бывалъ, прислуга въ гостинницахъ и ресторанахъ, желѣзнодорожные артельщики, посыльные и извозчики относились къ нему съ особеннымъ уваженіемъ. Меня долго смущали эти совершенно ни съ чѣмъ несо-

образные „на-чаи“. Мнѣ думалось, что не тщеславіе ли заставляетъ Соловьева такъ поступать. Одинъ разъ я прямо спросилъ его объ этомъ. Онъ объяснилъ свою щедрость коротко и просто: „Этотъ лакей или извозчикъ не ждетъ, что я ему что-нибудь дамъ, или ждетъ получить двугривенный, а я ему дамъ рубль—и ему будетъ пріятно. Въ жизни такъ рѣдки пріятныя неожиданности!“... Чуткимъ сердцемъ своимъ Соловьевъ отлично понималъ, что и среди его пріятелей, болѣе или менѣе состоятельныхъ, но привыкшихъ вести счетъ деньгамъ, для многихъ можетъ доставить удовольствіе неожиданная возможность сберечь нѣсколько рублей. Поэтому, если только онъ бывалъ при деньгахъ, то всегда такъ устроивалъ, что совмѣстный завтракъ въ ресторанѣ оказывался завтракомъ по его приглашенію, или пускался на другія хитрости, чтобы избавить пріятеля отъ расхода.

Полная безсребренность и рядомъ съ нею самая крайняя непрактичность создавали для Соловьева, среди окружающихъ, совершенно исключительное положеніе. Въ непрактичности съ нимъ могъ поспорить только младенецъ. Найти незнакомую улицу, нанять прислугу, заказать платье, купить что-либо въ магазинѣ, выстричь волосы—всѣ эти житейскія мелочи, съ которыми мы справляемся, не думая, автоматически, составляли для него всякій разъ чуть не событіе. Не умѣя справляться съ ними, онъ всю жизнь оставался бездомнымъ скитальцемъ по роднымъ, знакомымъ и гостинницамъ. Отсутствіе своего угла съ годами стало давать себя чувствовать. Незадолго, за два, за три года до своей смерти, Владиміръ Сергѣевичъ задумалъ сдѣлать опытъ житья въ собственной квартирѣ. Опытъ онъ сдѣлалъ, но вышло изъ него нѣчто безобразное. Нанялъ онъ квартиру подъ самой крышей, за плату раза въ три больше ея дѣйствительной стоимости, и цѣлую зиму прожилъ безъ мебели, спалъ не то на ящикахъ, не то на доскахъ, самъ таскалъ себѣ дрова и каждое утро ѣздилъ пить чай на Николаевскій вокзалъ. Опытъ обошелся ему дорого—и для здоровья, и для его скромнаго бюджета расходовъ на себя.

Цѣнившій выше всего свободу и независимость своего духа, Соловьевъ, и доживъ до сѣдыхъ волосъ, не сдѣлался рабомъ житейскихъ удобствъ, обстановки, вещей, какъ дѣлаемся ихъ рабами мы всѣ. Кромѣ книгъ и того, что на немъ бывало надѣто, онъ не имѣлъ вещей никакихъ. Уѣзжая изъ одного пристанища въ другое, онъ бралъ съ собой небольшую корзинку, куда совалъ нужныя ему въ данный моментъ книги и рукописи. Никогда всѣхъ своихъ книгъ онъ подъ руками не имѣлъ, и только благодаря своей исключительной памяти могъ обходиться безъ справокъ. Но бывали случаи, когда и память не спасала, а нужна была сама неизвѣстно гдѣ оставленная вещь. Чаще всего это случалось съ паспортомъ. Паспортъ и Соловьевъ—

казалось бы, что̀ можетъ быть болѣе далекаго! Однако, и онъ долженъ былъ имѣть паспортъ, и имѣлъ его — истрепанный указъ объ отставкѣ, выданный изъ надлежащаго присутственнаго мѣста отставному коллежскому совѣтнику Владиміру Сергѣевичу Соловьеву. Этотъ паспортъ онъ вѣчно забывалъ и терялъ. Обыкновенно щедрое „на-чай" отсрочивало представленіе паспорта въ участокъ, Соловьевъ его разыскивалъ—и вопросъ разрѣшался. Но одинъ разъ паспортъ куда-то исчезъ совершенно безслѣдно. Соловьевъ пріѣхалъ изъ другого города. Является дворникъ и проситъ дать паспортъ для прописки. Соловьевъ смотритъ въ бумажникъ—паспорта нѣтъ, роется въ корзинѣ—тоже нѣтъ. Тогда онъ прибѣгаетъ къ своему обычному средству получить отсрочку. Дворникъ удаляется. Оба довольны. Дня черезъ три дворникъ является вновь, получаетъ „на-чай" въ двойномъ размѣрѣ, проситъ паспортъ поискать и удаляется. Проходитъ еще дня три. Опять—дворникъ, опять „на-чай", но испытанное средство уже не дѣйствуетъ. Дворникъ жалобно говоритъ, что больше ждать не можетъ, что его оштрафуютъ, и не уходитъ. Соловьевъ въ отчаяніи. Ломаетъ голову, куда онъ могъ запропастить свой истрепанный указъ, но ничего не выходитъ. Тогда онъ хватаетъ листъ бумаги и пишетъ: „Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, отставной коллежскій совѣтникъ, былъ профессоромъ петербургскаго университета, докторъ философіи, столькихъ-то лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, холостъ, знаковъ отличія не имѣетъ, подъ судомъ не находился. А если не вѣрите, спросите такихъ-то"—тутъ онъ выписалъ полные титулы и фамиліи двухъ своихъ высокопоставленныхъ хорошихъ знакомыхъ. Бумага была вручена дворнику, и онъ ушелъ. Какое оказалъ дѣйствіе этотъ самодѣльный паспортъ и ка̀къ онъ былъ принятъ въ участкѣ — осталось для Соловьева неизвѣстнымъ. Но больше его на этой квартирѣ пропиской не тревожили.

Соловьевъ оставилъ глубокій слѣдъ въ литературѣ раскрытіемъ внутренняго противорѣчія между „вѣрою нашихъ отцовъ" и „мѣстнымъ обособленіемъ", понимаемымъ въ смыслѣ узкаго націонализма. Никто лучше его не показалъ, что націонализмъ не только не способствуетъ укрѣпленію вѣры, а, напротивъ, удаляетъ ее отъ вѣчной и вселенской истины. Не существовало для него никакихъ перегородокъ между людьми—ни религіозныхъ и племенныхъ, ни сословныхъ и экономическихъ — и въ личныхъ отношеніяхъ. Брезгливую презрительность къ людямъ иной религіи, иной народности, иного соціальнаго положенія—высказываютъ у насъ печатно только спеціалисты, такъ сказать, человѣконенавистничества. Но въ частной жизни всѣ мы, болѣе или менѣе, этимъ грѣшимъ. И люди среднихъ общественныхъ слоевъ и средняго достоинства, равно принадлежащіе къ вѣро-

ученіямъ и народностямъ не-господствующимъ — ничуть не менѣе людей слоевъ высшихъ, наиболѣе состоятельныхъ или принадлежащихъ къ господствующимъ народности и религіи. Никакихъ намековъ даже на что-либо подобное никогда въ Соловьевѣ нельзя было подмѣтить. Его кругъ знакомыхъ поражалъ какъ численностью, такъ еще болѣе своимъ безконечнымъ разнообразіемъ. У него были искренніе друзья и среди православнаго духовенства, и среди католическихъ патеровъ, и среди правовѣрныхъ евреевъ—и въ свѣтскихъ гостиныхъ, и въ литературныхъ кругахъ, и въ пріютахъ „бывшихъ" людей. „Онъ съумѣлъ —говоритъ кн. Трубецкой—жизненно усвоить и соединить въ себѣ вѣру разрозненныхъ церквей". Онъ показывалъ, какъ возможно жить, съ любовью относясь ко всѣмъ людямъ, независимо отъ ихъ происхожденія, вѣры, общественнаго и имущественнаго положенія. Исповѣданіе, народность, титулъ, богатство, бѣдность, преступное прошлое, въ глазахъ Соловьева, не играли никакой роли. Со всѣми онъ былъ неизмѣнно самимъ собою: интереснымъ и блестяще-остроумнымъ собесѣдникомъ, добрымъ, любезнымъ и деликатнымъ человѣкомъ. Со всѣми онъ держался ровно и просто, ни въ чемъ не выражая своего нравственнаго и умственнаго превосходства. Всякій чувствовалъ его своимъ, чувствовалъ его близость къ себѣ. Настолько онъ—человѣкъ непоколебимо твердыхъ убѣжденій — обладалъ способностью понимать чужую точку зрѣнія и отличать оболочку ближняго отъ его духа. Самъ Соловьевъ всюду являлся всегда одинаково одѣтымъ—въ томъ единственномъ пиджакѣ или сюртукѣ, который у него былъ въ данную минуту, съ старательно, но неумѣло завязаннымъ галстухомъ, — одинаково оживленнымъ или сумрачнымъ. Избѣгалъ онъ бывать только въ публичныхъ мѣстахъ — въ театрахъ, на выставкахъ — и въ очень большомъ обществѣ, такъ какъ, вслѣдствіе крайней близорукости, терялся, путалъ знакомыхъ съ незнакомыми и вообще испытывалъ неловкость. Въ ранней молодости Соловьевъ вращался преимущественно въ свѣтскихъ кругахъ, гдѣ пріобрѣлъ привычку къ нѣкоторымъ внѣшнимъ условностямъ. Онъ ихъ соблюдалъ до конца дней. Но податливость въ случайномъ спорѣ у него никогда не переходила въ угодливость, желаніе сказать пріятное—въ лесть, и легкій разговоръ не обращался въ легкомысленную болтовню о серьезныхъ предметахъ.

Партійная обособленность также была ему неизвѣстна. Какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни, Соловьевъ стоялъ внѣ нашихъ дѣленій на группы. Въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ различіе политическихъ воззрѣній, а для него разница этихъ воззрѣній отступала на второй планъ. Первое мѣсто въ его глазахъ занимали вопросы религіозные. Религіозное „раскрѣпощеніе"—его собственное выраженіе—Соловьевъ считалъ ближайшей практической задачей русской жизни. Какъ до

отмѣны крѣпостного права, часто говорилъ онъ, все остальное, сравнительно съ потребностью упраздненія личнаго рабства, было ничтожно, такъ въ настоящій моментъ всѣ интересы должны отступать передъ требованіемъ свободы вѣроисповѣданій. Вотъ почему онъ примыкалъ къ тѣмъ группамъ, на знамени которыхъ стоитъ слово: „свобода",—ибо свобода политическая ведетъ къ свободѣ религіозной. Но въ то же время отсутствіе на ихъ знамени религіозныхъ идеаловъ разъединяло его съ ними и сближало съ представителями противоположныхъ направленій.

Сближеніе Соловьева съ реакціоннымъ лагеремъ никогда не шло, впрочемъ, далѣе формальнаго единенія. Его связывала съ нимъ только внѣшняя общность идеаловъ. По содержанію же, его религіозныя воззрѣнія были столь рѣзко своеобразны и настолько отличались отъ воззрѣній этого лагеря, что лежавшая между ними пропасть была неизмѣримо глубже той, которая отдѣляла его отъ лагеря прогрессивнаго. Вѣрою Соловьева была вѣра отцовъ, но, во-первыхъ, возведенная на новую ступень разумнаго сознанія, во-вторыхъ — освобожденная отъ оковъ мѣстнаго обособленія, въ-третьихъ — свободная отъ оковъ народнаго самолюбія. Съ другой стороны, вѣра для него была центромъ жизни, не опредѣляемымъ политическими воззрѣніями и потребностями, а опредѣляющимъ ихъ исходныя положенія. Быть средствомъ для чего бы то ни было, имѣть служебное значеніе въ практической жизни,—религія, по Соловьеву, не можетъ и не должна. Также не совпадала, по содержанію, идея абсолютизма въ государственномъ устройствѣ, какъ она рисовалась Соловьеву, съ обычнымъ о ней представленіемъ. Она не только уживалась для него съ идеей независимой личности, но прямо обусловливала и личную свободу, и свободу печати, и широкое развитіе общественной самодѣятельности, и равноправность племенъ, классовъ и т. д., — словомъ, все то, что, быть можетъ, отправляясь отъ другихъ точекъ, признаютъ цѣлью своихъ стремленій прогрессисты. Едва-ли не въ одномъ лишь вопросѣ, Соловьевъ, по содержанію своихъ взглядовъ, рѣзко расходился съ наиболѣе сродной ему группой — въ вопросѣ о войнѣ, отношеніе къ которому составляетъ самую неясную сторону его вообще стройнаго ученія. Когда появилась впервые его статья: „Смыслъ войны", она вызвала всеобщее недоумѣніе. Невольно казалось, что она навѣяна исключительно желаніемъ противодѣйствовать теоріи непротивленія злу, и что она не имѣетъ внутреннихъ корней въ Соловьевской системѣ. „Три разговора и повѣсть объ антихристѣ" нѣсколько выяснили, почему онъ такъ смотрѣлъ на войну, но далеко не установили полной логической связи между его основными сужденіями и положительнымъ отношеніемъ къ войнѣ.

Терпимый къ чужимъ мнѣніямъ, поступкамъ и склонностямъ, Владиміръ Сергѣевичъ къ себѣ былъ чрезвычайно строгъ. Эта строгость, впрочемъ, у него не размѣнивалась на мелочи. Излишествъ невинныхъ, на которыхъ сосредоточиваютъ обыкновенно все вниманіе прямолинейные педанты, онъ не боялся. Случалось ему другой разъ выпить лишній стаканъ вина. Не боялся онъ и неправду сказать въ отвѣтъ на какое-нибудь приглашеніе, или отговориться несуществующею болѣзнью, и т. п. Его строгость къ себѣ выражалась въ развитіи самообладанія и въ постоянномъ наблюденіи за своими отношеніями къ людямъ. Не знаю, какъ онъ умиралъ, какъ переносилъ предсмертныя страданія; при жизни онъ переносилъ всѣ физическіе недуги съ поразительной твердостью.

Все время Соловьева проходило въ работѣ. Работалъ онъ, особенно въ послѣдніе годы, съ лихорадочнымъ напряженіемъ. Масса мыслей постоянно роилась въ его головѣ, и онъ торопился ихъ закрѣпить на бумагѣ. Но была и другая причина такой напряженной работы. Со времени продажи, совмѣстно съ братьями, права изданія сочиненій отца, литературный заработокъ составлялъ для него единственный источникъ средствъ существованія. На то, чтò онъ зарабатывалъ, другой могъ бы жить безъ нужды. Соловьевъ же, при своей безсребренности и непрактичности, вѣчно нуждался. Отсюда—постоянные авансы, и въ результатѣ — необходимость двойной работы. Поскольку недохвàтки въ деньгахъ заставляли урѣзывать себя, Соловьевъ огорчался мало. Къ этому онъ относился съ полнымъ благодушіемъ, и когда случалось спросить его, почему онъ отступилъ отъ той или другой своей привычки, онъ обыкновенно острилъ надъ собою, говоря: „изъ подлой корысти". Ему было только грустно, когда въ теченіе многихъ лѣтъ онъ не могъ осуществить своей мечты—побывать въ Египтѣ, чтобы воскресить тѣ впечатлѣнія молодости, которыя имъ описаны въ поэмѣ „Три свиданія". Побывать въ Китаѣ,—чтò было его другой давней мечтой,—ему такъ и не удалось.

Чрезмѣрность работы не отражалась у Соловьева на ея качествѣ. Все, чтò выходило изъ-подъ его пера, всегда носило слѣды не одной талантливости, но и глубокой продуманности. Стоитъ вспомнить хотя бы мелкія его газетныя статьи, приложенныя къ „Тремъ разговорамъ". Для здоровья же, однако, она не могла проходить безнаказанно. Какъ ни былъ выносливъ слабый организмъ Соловьева, но и онъ замѣтно началъ сдаваться. Соловьеву всегда была свойственна быстрая смѣна настроеній. Но прежде основнымъ его настроеніемъ было оживленное. Сумрачность какъ быстро наступала, такъ же быстро и проходила. Въ послѣднее же время все чаще и чаще приходилось его видѣть молчаливымъ, углубленнымъ въ свои мысли, въ какомъ-то

устало-подавленномъ состояніи духа. Его раскатистый, заразительный смѣхъ сталъ раздаваться все рѣже и рѣже. Оживленность стала появляться мимолетно. Видно было, что человѣкъ усталъ. Усталъ въ подвижнической жизни, въ борьбѣ за свои идеалы, въ борьбѣ съ тѣмъ недугомъ тѣла, который, оказывается, уже давно подтачивалъ его силы.

Когда онъ заболѣлъ предсмертной болѣзнью, „врачи нашли—пишетъ кн. Трубецкой — полнѣйшее истощеніе, упадокъ питанія, сильнѣйшій склерозъ артерій, циррозъ почекъ и уремію; ко всему этому примѣшался, повидимому, и какой-то острый процессъ, который послужилъ толчкомъ къ развитію болѣзни“. Этотъ діагнозъ не могъ не поразить близко знавшихъ Соловьева своей неожиданностью. Острый процессъ послужилъ только толчкомъ къ развитію болѣзни. Истощеніе, упадокъ питанія — суть результаты. Склерозъ артерій — тоже основная причина болѣзни; слѣдовательно,—циррозъ почекъ. Но откуда онъ взялся и что̀ могло его вызвать? Невольно вспомнилась привычка Соловьева употреблять скипидаръ, казавшаяся ему не только вполнѣ невинной, но прямо полезной для здоровья. Внутрь скипидара Соловьевъ никогда не принималъ. Онъ любилъ его запахъ, считалъ универсальнымъ дезинфецирующимъ и дезодорирующимъ средствомъ и, въ качествѣ таковаго, уничтожалъ въ громадномъ количествѣ. Всевозможныя бактеріи и микробы были маленькой слабостью Соловьева. Онъ ихъ боялся до смѣшного и, дабы оградить себя отъ нихъ, обливалъ скипидаромъ стѣны и полъ своей комнаты, свою постель, платье, десятки разъ въ день вытиралъ имъ руки и т. д.; даже въ бумажникъ съ деньгами, онъ, случалось, наливалъ скипидаръ. Словомъ, онъ постоянно, въ теченіе болѣе десяти лѣтъ, находился въ атмосферѣ, обильно насыщенной парами терпентиннаго масла, и тѣмъ постепенно, но вѣрно отравлялъ свой организмъ По какой-то роковой случайности губительное дѣйствіе паровъ скипидара—и именно въ смыслѣ развитія болѣзни почекъ—оставалось Соловьеву неизвѣстнымъ. Ни ему самому, ни знавшимъ его привычку, почему-то никогда не приходило въ голову справиться о вліяніи скипидара у спеціалистовъ по фармакологіи и токсикологіи. Конечно, все это догадка,—быть можетъ, не вполнѣ основательная. Но безконечно тяжело сознавать, что въ ряду причинъ безвременной кончины Соловьева было и роковое заблужденіе.

Въ послѣдній разъ пришлось мнѣ видѣть обликъ покойнаго 3 августа. Это не былъ уже Соловьевъ—духъ во плоти. Передъ глазами лежала въ гробу одна плоть—земная оболочка великаго, свободнаго, вѣчнаго духа. Его духъ уже былъ освобожденъ отъ оковъ личности,—какъ сказалъ на могилѣ одинъ ораторъ. Красивыя черты дорогого лица уже

были обезображены печатью смерти... Мертвенная блѣдность и худоба не поражали—и при жизни у него никогда не было цвѣтущаго вида. Поражало отсутствіе взгляда, глазъ. Уже не было видно на лицѣ мощи колоссальнаго ума, чарующей прелести дивнаго сердца... Какъ-то не вѣрилось, что жизнь его оборвалась,—

. . . „что скрылся онъ
За грань земного кругозора".

Его отпѣвали въ Москвѣ, въ университетской церкви. Большая церковь была на половину пуста. По стѣнамъ и сзади стояли родные, личные друзья и знакомые, нѣсколько литераторовъ и ученыхъ, но публики, общества—не было. Оно не пришло сказать ему послѣднее „прости". На кладбищѣ было еще меньше. Говорятъ—лѣто тому причиной. Не думаю. Не понимали мы Соловьева, чуждъ онъ былъ намъ, какъ чужда намъ вѣра, свободная или несвободная отъ мѣстнаго обособленія и народнаго самолюбія—все равно!...

Но вѣнковъ возложено было много. На лентахъ одного виднѣлось: „Какой великій умъ угасъ, какое сердце биться перестало!" На другомъ: „Всечеловѣку". Да, это былъ всечеловѣкъ, одинаково любившій и христіанина, и еврея, и магометанина,—одинаково болѣвшій душой за всѣхъ людей...

В. Кузьминъ-Караваевъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1900.

„Политика въ школѣ“ и „единеніе школы съ жизнью“. — Полемическіе пріемы особаго рода. — Неудачный панегирикъ. — Ограниченія судебной гласности. — Двадцатипятилѣтіе со дня смерти гр. А. К. Толстого. — Тридцатипятилѣтіе службы А. Ѳ. Кони. — Сорокалѣтіе литературной дѣятельности П. Д. Боборыкина.

— Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo:—это изреченіе могла бы избрать себѣ девизомъ наша реакціонная печать. Какъ только кто-нибудь задѣнетъ за живое сторонниковъ мрака и застоя, разоблачивъ одинъ изъ тѣхъ пріемовъ, съ помощью которыхъ они усиливаются набросить тѣнь на все свѣтлое и доброе въ литературѣ и жизни,—онъ становится объектомъ нескончаемыхъ нападеній, направленныхъ не столько къ опроверженію его взглядовъ, сколько къ заподозриванію его намѣреній. Съ передовыми статьями, подробно развивающими эту тему, чередуются письма разныхъ добровольцевъ, образующія собою нѣчто въ родѣ газетнаго эхо: основная нота, взятая редакціею, возвращается въ нее съ разныхъ сторонъ, какъ будто по заказу. Настойчивымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же доводовъ имѣется въ виду замѣнить недостающую имъ внутреннюю силу, и разсчетъ оказывается иногда не лишеннымъ основанія. Въ прошломъ году по этому шаблону велась, напримѣръ, кампанія противъ В. Е. Якушкина, изъ-за его рѣчи во время Пушкинскихъ празднествъ; теперь очередь за В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ, какъ авторомъ статей: „Политика въ школѣ“ („Сѣверный Курьеръ“, №№ 299 и 301). Г-на Кузьмина-Караваева поразилъ учебникъ русской исторіи, составленный г. Иловайскимъ для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Ученикамъ подносятся здѣсь, подъ видомъ или вмѣсто фактовъ, полемическія выходки самаго невысокаго свойства; историкъ обращается въ озлобленнаго, неумѣлаго школьнаго учителя, щедро расточающаго дурныя отмѣтки. На первый планъ выступаютъ симпатіи и антипатіи, выраженіе которыхъ, ничѣмъ не мотивированное, возводится на степень непререкаемыхъ приговоровъ. Ограничимся однимъ примѣромъ, особенно характернымъ. Островскій, по словамъ г. Иловайскаго, явился „представителемъ реальнаго или обличительнаго направленія въ литературѣ“—и о „крайне реальномъ или собственно *пошломъ* направленіи“ авторъ отзывается такъ: „романы, повѣсти, драмы и комедіи стали наполнять неосмысленнымъ изображеніемъ пошлыхъ людей и пошлой дѣйствительности, поощряя, такимъ образомъ, грубые вкусы и нравы“. Въ этихъ немногихъ словахъ — не говоря уже о произвольномъ и невѣрномъ отоже-

ствленіи направленій реальнаго и обличительнаго, о непозволительномъ смѣшеніи изображаемаго съ изображеніемъ, — Иловайскій обнаружилъ совершенное непониманіе Островскаго, который меньше всего былъ „обличителемъ" и ужъ конечно ни прямо, ни косвенно не поощрялъ грубость вкусовъ и нравовъ. Все сказанное г. Иловайскимъ объ Островскомъ въ такой же мѣрѣ примѣнимо, притомъ, и къ Гоголю; однимъ мазкомъ расходившейся кисти наложено пятно на цѣлый рядъ великихъ произведеній. И этимъ занимается учебникъ, предназначенный для средней школы — учебникъ, гдѣ должно быть мѣсто только для достовѣрныхъ *фактовъ*, чуждыхъ всякой партійной окраски! Констатировавъ эту вопіющую несообразность, г. Кузьминъ-Караваевъ ярко выставилъ на видъ неудобства, сопряженныя съ тенденціозностью въ преподаваніи. Онъ показалъ, что *мнѣній* г. Иловайскаго не могутъ, въ большинствѣ случаевъ, раздѣлять ни учителя, обязанные руководствоваться его учебникомъ, ни родители учащихся, и что это грозитъ разладомъ въ школѣ, разъединеніемъ ея съ жизнью. Что же дѣлаетъ газета, берущая на себя защиту диковиннаго учебника? Прежде всего она перемѣщаетъ предметъ спора. Г-нъ Кузьминъ-Караваевъ возстаетъ противъ внесенія политики въ школу; а его обвиняютъ въ желаніи замѣнить политику г. Иловайскаго другою, проникнутою духомъ „воинствующаго нигилизма". Онъ доказываетъ, что учебникъ, поверхностно и односторонне освѣщающій лица, событія, направленія, не можетъ не внести смуту въ умы юношей, на каждомъ шагу встрѣчающихся, внѣ школы, съ совершенно иными взглядами; а ему приписывается мысль о необходимости перестроить преподаваніе въ духѣ той или другой антиправительственной системы. Цѣлая передовая статья [1]) посвящена изображенію результатовъ, къ которому привело бы введеніе въ школу доктрины гр. Л. Н. Толстого. Понятно, къ чему клонится весь этотъ эскамотажъ, вся эта борьба съ созданіями собственной фантазіи. Опроверженіе противника — вопросъ второстепенной важности; главное—дискредитировать его въ глазахъ власти. Этой цѣли соотвѣтствуютъ и способы дѣйствія. Для добросовѣстнаго читателя вполнѣ ясно, напримѣръ, что г. Кузьминъ-Караваевъ вовсе не считаетъ философію гр. Л. Н. Толстого послѣднимъ словомъ истины; онъ находитъ только, что ее слѣдуетъ опровергать „серьезными доводами, а не насмѣшками", и возмущается наѣздничествомъ г. Иловайскаго, позволяющаго себѣ говорить, безъ доказательствъ и мотивовъ, о „неудачномъ философствованіи" Л. Тостого. Возмутительнымъ, по той же причинѣ, кажется г. Кузьмину-Караваеву и отзывъ г. Иловайскаго о Герценѣ („онъ посвятилъ свое богатство и дарованіе на служеніе безсмысленному соціализму"), а по увѣренію московской га-

---

[1]) „Московскія Вѣдомости", № 266

зеты, неодобреніе этого отзыва равносильно признанію Герцена „благодѣтелемъ Россіи“. Путемъ такихъ передержекъ и натяжекъ слагается, мало-по-малу, обвинительный актъ противъ г. Кузьмина-Караваева. Ему недостаетъ только прямо выраженнаго заключенія, подводящаго вину подъ дѣйствіе карательнаго закона — но между строками не трудно прочесть и такое заключеніе. „Если есть педагоги, зараженные идеями общественнаго разложенія“—такъ заканчивается передовая статья въ № 266 „Московскихъ Вѣдомостей“,—„то школа должна съ тѣмъ бо̀льшимъ вниманіемъ предохранять воспитанниковъ отъ опасностей, которыми ихъ уму, сердцу и будущимъ обязанностямъ вѣрноподданнаго и гражданина угрожаютъ идеи общественнаго разложенія“. „Отрицателей совсѣмъ не должно быть въ школѣ“,—восклицаетъ одинъ изъ „стороннихъ“ участниковъ травли („М. В.“, № 277). Еще опредѣленнѣе ставитъ точку надъ *і* другое „письмо къ издателю“ (№ 269), напоминающее, *кстати*, что въ составѣ редакціи „Сѣвернаго Курьера“ имѣются педагоги военно-учебныхъ заведеній“... По истинѣ глубоко̀ паденіе нашей реакціонной печати!

Во всей длинной серіи отвѣтовъ на статью г. Кузьмина-Караваева мы нашли только одинъ аргументъ, требующій серьезнаго разбора. Возражая тѣмъ, по мнѣнію которыхъ школа можетъ вовсе не говорить о Л. Н. Толстомъ и другихъ „дѣятеляхъ современной жизни“, „Московскія Вѣдомости“ разсуждаютъ такъ: „въ высшихъ классахъ гимназіи русская исторія проходится до новѣйшихъ временъ, и какъ же разсказать исторію царствованія императора Александра II-го безъ упоминанія нѣкоторыхъ проявленій отрицанія и нигилизма, а слѣдовательно и безъ нѣкоторыхъ именъ, соприкасающихся съ политикой“? Здѣсь смѣшивается, во-первыхъ, прошедшее съ настоящимъ. Важнѣйшіе *факты*, сдѣлавшіеся достояніемъ исторіи и не выходящіе за предѣлы того момента, до котораго доводится преподаваніе, должны, конечно, быть *упомянуты* въ учебникѣ; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы къ нимъ долженъ былъ быть присоединенъ обзоръ явленій *„современной жизни“*. Такъ далеко не заходитъ даже историческая наука, область которой соприкасается, но не сливается съ областью публицистики; тѣмъ обязательнѣе опредѣленная граница для исторіи, какъ предмета преподаванія въ средней школѣ. Скажемъ болѣе: за немногими исключеніями, не дѣло учебника—*характеристики* людей и событій, принадлежащихъ прошлому, но близко еще связанныхъ съ настоящимъ. Она не можетъ быть ни достаточно безпристрастной, ни достаточно доказательной и полной; выставляемая въ видѣ аксіомы, которую слѣдуетъ принять на вѣру и усвоить себѣ машинально, она этимъ самымъ вызываетъ въ ученикахъ сомнѣніе или противорѣчіе, легко находящее себѣ пищу въ внѣ-школьныхъ впечатлѣніяхъ. Нужно быть слишкомъ наивнымъ,

чтобы думать, что какихъ-нибудь двухъ словъ („неудачное философствованіе", „безсмысленный соціализмъ"), сказанныхъ, притомъ, г. Иловайскимъ, достаточно для уничтоженія, въ глазахъ молодежи, значенія Герцена или гр. Л. Толстого...

Возьмемъ еще другой примѣръ. По мнѣнію г. Иловайскаго, „Вѣстникъ Европы", „Русскія Вѣдомости" и „Русская Мысль", сверхъ „грубости и неуваженія къ личности", „проявили легкомысленное противонаціональное направленіе, несогласное съ отечественнымъ строемъ и русскими интересами". Названные здѣсь органы печати существуютъ и въ настоящую минуту; произносить надъ ними „историческіе" приговоры по меньшей мѣрѣ преждевременно, а писателю, не разъ подвергавшемуся на ихъ страницахъ суровой критикѣ—и не совсѣмъ прилично. Для полемики съ ними въ его распоряженіи имѣются журналы и газеты: переносить ее въ учебникъ, значитъ не имѣть понятія ни объ элементарныхъ обязанностяхъ педагога, ни о литературной порядочности, допускающей только борьбу равнымъ оружіемъ. Ненавистные г. Иловайскому журналы не составляютъ, въ добавокъ, тайны для молодежи: она можетъ имѣть о нихъ и собственное понятіе, существенно отличное отъ того, которое старается продиктовать учебникъ... Еще меньше, чѣмъ характеристики журналовъ, умѣстна въ учебникѣ тенденціозная характеристика дѣйствующихъ учрежденій. Вотъ что̀ говоритъ г. Иловайскій объ одномъ изъ нихъ, до сихъ поръ, къ счастію, играющемъ видную роль въ русской жизни: „присяжные засѣдатели, не сознавая своей важной обязанности охранять общество отъ убійцъ, воровъ и мошенниковъ, часто присвоивали себѣ право миловать и прощать преступниковъ и такою безнаказанностью, разумѣется, ихъ только поощрять". Позволительно ли обращать преподаваніе въ орудіе партійной злобы, повторяя въ учебникѣ обычныя выходки реакціонныхъ газетъ противъ суда присяжныхъ? Можно ли представить себѣ болѣе безцеремонное нарушеніе правила, въ теоріи признаваемаго и „охранительною" печатью—правила, въ силу котораго школа, особенно средняя, должна оставаться недоступной для политики? И неужели кто-нибудь—кромѣ суздальскихъ „отцовъ", крикливо оповѣщающихъ публику о своемъ преклоненіи передъ мудростью г. Иловайскаго и „Московскихъ Вѣдомостей",—неужели кто-нибудь повѣритъ, что нѣсколькихъ словъ плохого учебника достаточно для распространенія среди подростающихъ поколѣній недовѣрія и непріязни къ одному изъ краеугольныхъ камней правосудія?

Въ свое время намъ не разъ приходилось говорить о дѣятельности А. К. Анастасьева, какъ черниговскаго губернатора. Когда онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сошелъ въ могилу, мы не считали нуж-

нымъ напоминать объ этой дѣятельности, тѣмъ болѣе, что полная и всесторонняя ея оцѣнка сдѣлается возможной только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Нарушить молчаніе, которое мы на себя наложили, мы рѣшаемся лишь въ виду безмѣрныхъ похвалъ, расточаемыхъ покойному въ родственныхъ ему по духу органахъ печати. Матеріалъ для оцѣнки этихъ похвалъ мы почерпнемъ исключительно изъ нихъ самихъ. Въ обширной статьѣ, озаглавленной: „Власть близкая къ народу" („Московскія Вѣдомости", №№ 258 и 259), разсказывается, между прочимъ, слѣдующій случай изъ административной практики „энергичнаго" начальника губерніи. Когда въ черниговской губерніи были введены земскіе начальники, Анастасьевъ разослалъ имъ циркуляръ, въ которомъ приглашалъ ихъ „бороться, силою своего авторитета, съ ростовщичествомъ" и добиваться, словомъ убѣжденія, уничтоженія неправыхъ исковъ. Одному изъ земскихъ начальниковъ были въ это время предъявлены для взысканія заемныя письма на нѣсколько тысячъ рублей. Земскій начальникъ, считая истца „завѣдомымъ ростовщикомъ" и *зная*, что на самомъ дѣлѣ вся цифра долга не превышала 250 рублей, „истощилъ всю силу своего убѣжденія", чтобы склонить истца къ уменьшенію исковыхъ требованій, и, ничего не добившись, обратился за совѣтомъ къ губернатору. Губернаторъ, телеграммой на имя исправника, вызвалъ истца (семидесятилѣтняго старика) въ Черниговъ и, когда тотъ явился, предложилъ ему получить съ отвѣтчика только признаваемую послѣднимъ сумму долга, порвавъ остальныя заемныя письма. „Нешто возможно"—возразилъ старикъ — „отъ своего отказываться". Губернаторъ, „сверкнувъ глазами", отвѣчалъ на это слѣдующею рѣчью: „Я бы тебя и заставить могъ. Такихъ міроѣдовъ, какъ ты, мнѣ въ губерніи не нужно. Я бы тебѣ мѣсто нашелъ и выхлопоталъ бы, чтобы тебя отсюда подальше услали, да старость твою жалѣю. Коли въ Бога вѣруешь, такъ меня послушаешься, а не послушаешься, страшенъ будетъ твой отвѣтъ на судѣ Божіемъ". „Въ то время"—говоритъ авторъ статьи—„закона о ростовщичествѣ еще не существовало, и ростовщику, казалось бы, нечего было бояться губернаторскихъ словъ. Но, должно быть, сильна была ихъ убѣдительность": ростовщикъ послѣдовалъ совѣту губернатора. Кто не обладаетъ трогательнымъ простодушіемъ панегириста, тотъ, конечно, пойметъ, что рѣшающее дѣйствіе, въ данномъ случаѣ, принадлежало не *совѣту*, а предшествовавшей ему *угрозѣ*. Слѣдуя непосредственно за „сверканіемъ глазъ" и указаніемъ на возможность принужденія, обращеніе къ имени Божіему очень похоже на кощунство; чѣмъ суровѣе администраторъ, тѣмъ меньше ему подобаетъ брать на себя роль проповѣдника и увѣщателя. Кредиторъ, исполнившій волю Анастасьева, былъ, очевидно, не растроганъ, а запуганъ. Уже самый вызовъ, че-

резъ исправника, къ губернатору, по дѣлу, вовсе ему не подвѣдомственному, не могъ не повліять на старика, и раньше, вѣроятно, слышавшаго кое-что о крутыхъ мѣрахъ Анастасьева. Могъ ли онъ, выслушавъ приведенную выше рѣчь, возвратиться домой съ увѣренностью, что отвѣтъ за непослушаніе ему придется держать только передъ судомъ Божіимъ? Конечно—нѣтъ: слишкомъ ясно, что „сожалѣніе къ старости"—ненадежный оплотъ противъ произвольной расправы. Вопросъ, слѣдовательно, сводится не къ тому, было ли со стороны Анастасьева допущено превышеніе власти—въ наличности его не можетъ быть никакого сомнѣнія,—а къ тому, оправдывается ли оно какими-либо вѣскими соображеніями. Ростовщичество, въ то время, не составляло уголовнаго преступленія и не было даже запрещено гражданскимъ закономъ. Препятствуя взысканію долга, образовавшагося путемъ накопленія хотя бы и несоразмѣрно высокихъ процентовъ, администраторъ шелъ, поэтому, въ разрѣзъ съ законодателемъ, не случайно же отмѣнившимъ прежнія правила о лихвѣ, и вносилъ элементъ случайности въ отношенія, требующія особой опредѣленности и прочности. Слишкомъ, въ самомъ дѣлѣ, было бы странно, еслибы права кредиторовъ измѣнялись въ зависимости отъ мѣста жительства ихъ, т.-е. отъ личныхъ свойствъ мѣстнаго начальства. Съ другой стороны, понятіе о ростовщичествѣ вовсе не такъ просто, чтобы для установленія его было достаточно бесѣды губернатора съ земскимъ начальникомъ или поверхностнаго административнаго дознанія. Законъ 1893-го года точно опредѣлилъ условія, при которыхъ взиманіе высокихъ процентовъ становится наказуемымъ ростовщичествомъ, и предоставилъ констатированіе этихъ условій, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, *суду*, съ соблюденіемъ процессуальныхъ формъ, ограждающихъ обвиняемаго. *Теперь* кредитору извѣстно, гдѣ граница его права и чѣмъ грозитъ ея нарушеніе; *теперь* преслѣдованіе за ростовщичество—актъ справедливости, а не произвола; но ни того, ни другого нельзя сказать о времени, предшествовавшемъ изданію закона 1893-го года... До какой степени опасно вмѣшательство администраціи въ частно-правовыя отношенія—объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, извѣстный фактъ, оглашенный въ печати послѣ смерти генерала Дрентельна. Будучи генералъ-губернаторомъ въ Кіевѣ, онъ повѣрилъ какому-то извѣту, также касавшемуся гражданской сдѣлки—и готовъ уже былъ принять чрезвычайныя мѣры, когда обнаружилась совершенная правота мнимо виновнаго лица. Нормальное теченіе нашей общественной жизни сдѣлается возможнымъ только тогда, когда окончательно отойдутъ въ прошедшее представленія о благодѣтельной силѣ „властной руки", дѣйствующей внѣ закона или вопреки закону. Наступленіе этой же-

ланной минуты могутъ ускорить, помимо воли, усердные не по разуму панегиристы произвола.

Въ государствѣ, гдѣ общество непричастно къ политической жизни, одною изъ главныхъ задачъ періодической прессы должно было бы служить, повидимому, охраненіе немногихъ наличныхъ основъ правового строя. Какъ ни слабъ противовѣсъ, образуемый полусвободнымъ словомъ, онъ все-таки могъ бы имѣть нѣкоторую цѣну, еслибы печать, въ этомъ отношеніи, была хоть сколько-нибудь единодушна. Ничего подобнаго, къ сожалѣнію, мы у насъ не видимъ; наоборотъ, съ каждымъ годомъ увеличивается число случаевъ, въ которыхъ органы печати не только одобряютъ, но прямо вызываютъ правонарушенія и правоограниченія. Кто бы могъ подумать, напримѣръ, что теперь, при дѣйствіи закона 1887 г., до крайности стѣснившаго судебную гласность и поставившаго закрытіе дверей засѣданія въ зависимость отъ административнаго усмотрѣнія, найдутся газеты, скорбящія о недостаточно широкомъ пользованіи этимъ усмотрѣніемъ и настаивающія на негласномъ разборѣ цѣлой категоріи уголовныхъ дѣлъ? Такую роль сыгралъ недавно „Гражданинъ" (№ 70). Не довольствуясь намеками на то, что незначительность каръ, которымъ подверглись участники сормовскихъ рабочихъ безпорядковъ, объясняется „судебною благостью", т.-е. излишнею слабостью судебной репрессіи [1]), газета кн. Мещерскаго выражаетъ увѣренность, что „состязательный процессъ, который, *по какой-то непостижимой случайности*, доселѣ примѣняется къ дѣламъ о безпорядкахъ скопомъ на фабрикахъ и заводахъ", является „самымъ дѣйствительнымъ орудіемъ соціалистической пропаганды между рабочими". Такъ какъ „непостижимая случайность", о которой говоритъ „Гражданинъ", есть не что иное, какъ простое исполненіе дѣйствующаго закона, то настоящею цѣлью газеты является изъятіе, de facto или de jure, дѣлъ о фабричныхъ безпорядкахъ изъ вѣдѣнія суда и предоставленіе ихъ административной расправѣ. До этого логическаго вывода не рѣшается, однако, дойти открыто даже „Гражданинъ"—и предлагаетъ только „всѣ дѣла по обвиненію въ безпорядкахъ и въ неповиновеніи скопомъ производить при закрытыхъ дверяхъ". Это напоминаетъ намъ страуса, считающаго себя невидимымъ, разъ что голова его спрятана подъ крыло. Не наивно ли думать, въ самомъ дѣлѣ, что единственный способъ распространенія свѣдѣній о безпорядкахъ на фабрикахъ и заводахъ — гласность возбуждаемыхъ ими процессовъ? При нынѣшней легкости и быстротѣ сообщеній, при постоянныхъ переходахъ рабочихъ съ мѣста на мѣсто, не можетъ

[1]) Сормовскій процессъ разсматривался судебною палатою съ участіемъ сословныхъ представителей, т.-е. такимъ судомъ, который меньше всего можетъ быть заподозрѣнъ въ тенденціозной снисходительности.

остаться въ тайнѣ ни одинъ крупный фактъ изъ фабричной или заводской жизни, ни одно столкновеніе между рабочими и хозяевами. Вся разница—въ томъ, что при отсутствіи судебной гласности слухи, передаваемые изъ устъ въ уста, будутъ все меньше и меньше, по мѣрѣ удаленія отъ первоисточника, соотвѣтствовать дѣйствительности; тѣнь, отбрасываемая событіемъ, будетъ гораздо больше, чѣмъ самое событіе. Не исчезнутъ, отъ вынужденнаго молчанія, и причины безпорядковъ, коренящіяся, сплошь и рядомъ, не въ внушеніяхъ со стороны, а въ самыхъ условіяхъ фабричной или заводской работы. Въ этой сферѣ, какъ и во всякой другой, судебная гласность приноситъ только пользу, обнаруживая и разъясняя многое, что̀ иначе осталось бы никому неизвѣстнымъ или неправильно понятымъ... Съ какими неудобствами сопряжено, наоборотъ, устраненіе гласности—это показываетъ наглядно сенсаціонный процессъ объ убійствѣ, разсматривавшійся недавно въ Харьковѣ. Судъ предполагалъ слушать его публично и сдѣлалъ уже распоряженіе о раздачѣ билетовъ; но изъ Петербурга пришло распоряженіе о закрытіи дверей засѣданія. Объ отмѣнѣ этого распоряженія просили какъ обвиняемый, такъ и отецъ убитаго, но безуспѣшно. Процессъ окончился оправдательнымъ вердиктомъ. При полномъ отсутствіи достовѣрныхъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ дѣла, такой исходъ можетъ возбудить предположенія, неблагопріятныя для убитаго — предположенія, о которыхъ, быть можетъ, не было бы и рѣчи, еслибы все раскрытое судебнымъ слѣдствіемъ и освѣщенное судебными преніями было оглашено въ печати...

28-го минувшаго сентября миновало двадцать пять лѣтъ со времени смерти гр. А. К. Толстого. При его жизни имя его никогда, кажется, не было окружено такою популярностью, какою оно пользуется въ настоящее время. Этому способствовало, отчасти, представленіе въ Петербургѣ и Москвѣ, съ огромнымъ успѣхомъ, второй части его драматической трилогіи: „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“. На невеселыя мысли наводитъ судьба этой пьесы. Совершенно справедливо считая ее лучшимъ своимъ произведеніемъ, гр. Толстой написалъ подробный проектъ ея постановки и нетерпѣливо ожидалъ дня, когда она пойдетъ на сценѣ. Этотъ день насталъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ появленія трагедіи въ печати, черезъ двадцать-три года послѣ смерти автора. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что общія условія, отъ которыхъ такъ сильно зависятъ у насъ fata libellorum, измѣнились съ тѣхъ поръ мало—и скорѣе къ худшему. Гдѣ произволъ, тамъ случайность; гдѣ случайность—тамъ несправедливость—вотъ старая истина, новой иллюстраціей для которой можетъ служить исторія „Ѳедора Іоанновича“. Какихъ высокихъ, чистыхъ наслажденій лишился, изъ-за неизвѣстно на чемъ основаннаго запрета, гр. Толстой—и вмѣстѣ съ нимъ цѣлыя по-

колѣнія зрителей!... Гораздо больше, чѣмъ прежде, цѣнятъ, впрочемъ, въ гр. А. Толстомъ не только драматурга, но и лирическаго поэта. Тѣ стихотворенія его, которыя принадлежатъ къ области „чистой поэзіи", не возбуждаютъ противъ себя прежнихъ предубѣжденій; стихотворенія тенденціозныя, съ измѣненіемъ вызвавшихъ ихъ обстоятельствъ, отчасти потеряли свою жгучесть—и благодаря этому ярче выступила на видъ та ихъ сторона, которая имѣетъ менѣе преходящее значеніе. Отсюда единодушное сочувствіе, съ которымъ отнеслись къ гр. А. Толстому самые различные органы нашей печати. Ошиблись въ его оцѣнкѣ, какъ намъ кажется, только тѣ изъ нихъ, которые старались выставить его близкимъ къ нимъ по духу, и съ особеннымъ усердіемъ подчеркивали черты, отдѣлявшія его отъ „западниковъ". Что Толстой не принадлежалъ всецѣло ни къ какой литературной партіи—это онъ самъ ясно высказалъ въ извѣстномъ стихотвореніи: „Двухъ становъ не боецъ"; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что меньше всего онъ имѣлъ общаго съ эпигонами славянофильства, съ ультра-націоналистами и ультра-охранителями, теперь бѣгущими за его колесницей. Въ прогрессивныхъ теченіяхъ шестидесятыхъ годовъ ему были несимпатичны, собственно говоря, не столько конечныя цѣли, сколько нѣкоторыя крайности, вызванныя ожесточеніемъ борьбы и новизною дѣла; отъ теченій противоположнаго свойства его отталкивало самое ихъ существо. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только вспомнить глубокое отвращеніе Толстого къ Іоанну Грозному, передъ которымъ такъ охотно преклоняются мнимые единомышленники поэта. Толстому противна не только жестокость Іоанна: ему противно настроеніе, сдѣлавшее ее возможною — настроеніе, такъ ярко изображенное имъ въ „Потокѣ-богатырѣ" (строфы 11—14) и „Змѣѣ Тугаринѣ" (строфы 9—15). Всего милѣе Толстому старая, до-монгольская Русь, какою рисуетъ ее не столько исторія, сколько фантазія. Съ особенною любовью онъ останавливается на временахъ Владиміра Святого, когда „на вѣчѣ народномъ вершался судъ, обиду смывало поле, по спинамъ не ходило батожье, и честь не была замѣнена кнутомъ", когда впервые былъ внесенъ въ русскую землю „законъ милосердія" и впервые мелькнуло сознаніе, что „дни правды дороже воинственныхъ дней". Въ этомъ влеченіи къ кіевской старинѣ, идеализованной и просвѣтленной, Толстой сходился съ Владиміромъ Соловьевымъ; имъ обоимъ былъ одинаково ненавистенъ „поворотъ спиной къ варягамъ, лицомъ къ обдорамъ". Къ чему лежало сердце Толстого—это выразилось, можетъ быть, всего яснѣе въ словахъ посадника Глѣба о новгородской волѣ [1]):

[1]) Изъ превосходной драмы: „Посадникъ", оставшейся, къ сожалѣнію, неоконченною за смертью автора.

„Мы Новгородъ Великій государемъ
Поставили, и головы послушно,
Свободныя, склонили передъ нимъ.
Вотъ наша воля! Правъ своихъ держаться,
Чужія чтить, блюсти законъ и правду,
Не прихоти княжія исполнять,
Но то чинить безропотно и свято,
Что̀ Государь нашъ Новгородъ велитъ—
Вотъ воля въ чемъ“...

Въ концѣ сентября исполнилось тридцатипятилѣтіе службы А. Ѳ. Кони. Незадолго передъ тѣмъ онъ перешелъ изъ уголовнаго кассаціоннаго департамента въ первое общее собраніе сената. Цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ онъ несъ на себѣ, то въ качествѣ оберъ-прокурора, то въ качествѣ сенатора, важную, отвѣтственную обязанность надзора за правильнымъ примѣненіемъ уголовныхъ законовъ и процессуальныхъ формъ. Съ каждымъ годомъ исполненіе этой обязанности становилось все тяжелѣе и тяжелѣе, какъ вслѣдствіе передѣлокъ, происшедшихъ въ судебныхъ уставахъ, такъ и вслѣдствіе упадка традицій, завѣщанныхъ первою, счастливою эпохой жизни преобразованнаго суда. Какъ справлялся съ усложнявшейся задачей лично А. Ѳ. Кони—объ этомъ теперь говорить не время: работа судьи, какъ члена коллегіи, мало доступна для гласности и можетъ быть оцѣнена по достоинству лишь по прошествіи многихъ лѣтъ, когда разсѣется, благодаря автобіографическимъ даннымъ и воспоминаніямъ свидѣтелей, окружающая ее тайна. Съ полной увѣренностью можно сказать теперь только одно: А. Ѳ. Кони никогда не измѣнялъ тѣмъ идеаламъ, при свѣтѣ которыхъ началась его служебная дѣятельность. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и мнѣнія, заявленныя имъ недавно въ коммиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ—мнѣнія, о которыхъ неоднократно упоминалось въ внутреннихъ обозрѣніяхъ нашего журнала,—и рѣчи, произнесенныя имъ въ общихъ собраніяхъ с.-петербургскаго юридическаго общества. Вспоминая о С. И. Зарудномъ, К. К. Гротѣ, М. Н. Капустинѣ, А. Д. Градовскомъ, онъ всегда находилъ въ прошедшемъ слова утѣшенія для настоящаго—и ободренія для будущаго. Пожелаемъ, чтобы увеличившійся, благодаря новому назначенію, служебный досугъ позволилъ ему удѣлить больше времени литературнымъ трудамъ и исполнить давнишнее его намѣреніе—выступить лекторомъ въ университетѣ.

Въ истекшемъ октябрѣ мѣсяцѣ состоялось, въ Москвѣ и въ Петербургѣ, чествованіе сорокалѣтія литературной дѣятельности П. Д. Боборыкина, нашедшее симпатичный отголосокъ и во многихъ органахъ печати. Это—отрадный признакъ поворота, совершившагося въ обще-

ственномъ мнѣніи. Долго, слишкомъ долго заслуги П. Д. оставались какъ бы незамѣченными или непризнанными; вмѣсто серьёзной критики, произведенія его встрѣчали чаще молчаніе, или насмѣшку. А между тѣмъ, права писателя на сочувствіе и вниманіе публики росли съ каждымъ годомъ. Чуткій ко всему окружающему, онъ первый или одинъ изъ первыхъ подмѣчалъ нарожденіе новыхъ теченій, новыхъ типовъ, схватывалъ ихъ съ натуры и переносилъ въ свои романы, въ послѣдніе годы еще быстрѣе прежняго—и не въ ущербъ ихъ литературному достоинству,—слѣдовавшіе другъ за другомъ. Сторонникъ, въ принципѣ, авторскаго безстрастія и объективизма, онъ на самомъ дѣлѣ относился къ изображаемому имъ далеко не безразлично. Ему претило все темное и злобное, все грубое или гнилое, хотя бы оно и торжествовало въ данную минуту. „Поумнѣвшіе", извѣрившіеся или никогда ни во что не вѣрившіе, приспособившіеся къ обстоятельствамъ или сразу вошедшіе въ жизнь свободными отъ убѣжденій—выходили у него столь же сходными съ дѣйствительностью, какъ и находящіеся „на ущербѣ"; но это не мѣшало чувствовать, на чьей сторонѣ симпатіи автора. Будущій историкъ „конца вѣка" найдетъ въ произведеніяхъ П. Д. Боборыкина, начиная въ особенности съ „Китай-Города" (1882), не мало „человѣческихъ документовъ"... Рука объ руку съ напряженнымъ беллетристическимъ творчествомъ у П. Д. Боборыкина непрерывно идутъ разнообразныя теоретическія изученія, послѣднимъ результатомъ которыхъ является неоконченное еще изслѣдованіе о европейскомъ романѣ XIX-го вѣка. Для молодого поколѣнія П. Д. Боборыкинъ можетъ служить образцомъ неутомимаго труда, не знающаго ни границъ, ни остановокъ, и всегда руководимаго добросовѣстнымъ исканіемъ правды.

P. S. Перетолковывая, по обычаю, сказанное нами въ предыдущей хроникѣ по поводу взглядовъ Вл. С. Соловьева на „внутреннюю китайщину", „Московскія Вѣдомости" доходятъ до геркулесовыхъ столбовъ... безцеремонности: они утверждаютъ, что въ *программу* либераловъ, или „Вѣстника Европы", входитъ *атеизмъ*. Нелѣпость этого утвержденія обнаруживается съ достаточною яркостью изъ сопоставленія подчеркнутыхъ нами словъ — а нравственное его достоинство не требуетъ поясненій.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

„Платформа“, ея возникновеніе и развитіе. Исторія публичныхъ митинговъ въ Англіи. Соч. Генри Джефсона. Съ англ. перев. Н. Н. Мерцалинской, подъ р. проф. В. Ѳ. Дерюжинскаго. Т. I. Спб. 901. Стр. 597.

Самое слово „платформа“—знакомо вездѣ въ прямомъ своемъ смыслѣ: это—„подмостки“, всякое пристроенное возвышеніе надъ уровнемъ земли. Въ Англіи, историческимъ путемъ, а также и въ С.-Ам. Соединенныхъ Штатахъ, это слово получило переносное и вмѣстѣ отвлеченное значеніе—въ смыслѣ „каѳедры“, „трибуны“, и въ то же время можетъ быть сравнено съ тѣмъ, что у римлянъ называлось forum—народное собраніе. Исторія „платформы“, по замѣчанію автора, тѣмъ именно и любопытна, что она представляетъ собою медленное, но неуклонное видоизмѣненіе древней конституціи Англіи, путемъ ея демократизаціи, или, какъ выражается авторъ, „попытку разрѣшенія той великой задачи народнаго управленія, которая получила в настоящее время столь громадное значеніе“. Въ настоящее время, въ Англіи, подъ „платформою“ разумѣется всякая политическая рѣчь, произнесенная предъ собраніемъ, внѣ парламента, по различнымъ государственнымъ вопросамъ; и потому платформа даетъ возможность народу высказаться въ томъ или другомъ смыслѣ, и такимъ образомъ вліять и на самый парламентъ. Такое значеніе платформа пріобрѣла только въ послѣднее время, послѣ продолжительной и тяжелой борьбы—а теперь она вполнѣ освободилась отъ всякихъ внѣшнихъ стѣсненій и административнаго произвола.

Тэнъ, И.—Титъ Ливій. Критическое изслѣдованіе. Перев. съ франц. Е. И. Герье. 2-ое исправленное изданіе, подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Герье. Съ очеркомъ научной дѣятельности Тэна. М. 900. Стр. [illegible]. Ц. 1 р. 50 к.

Одно это изслѣдованіе Ипп. Тэна могло бы доставить громкое имя его автору, а самый предметъ изслѣдованія — лучшее изъ художественно-литературныхъ произведеній, какое мы унаслѣдовали отъ древняго классическаго міра, —дѣлаетъ его трудъ настольною книгою, служащею образцомъ исторической критики. Русскій переводъ, выполненный весьма тщательно, при чемъ цитаты Тэна изъ Тита Ливія переведены прямо съ латинскаго оригинала К. Н. Успенскимъ, снабженъ обзоромъ всей научной дѣятельности Тэна, составленнымъ проф. В. И. Герье, и его же замѣткою по вопросу о достовѣрности древней римской исторіи.

[illegible]аковъ, В. И.—Сборникъ законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Изд. 2-ое. Ч. II. Спб. 900. Стр. 1204. Ц. 3 р.

Два вышедшіе нынѣ, весьма обширные тома составляютъ самую полную и всестороннюю справочную книгу главнѣйше для землевладѣльцевъ и арендаторовъ; взаимныя отношенія крестьянъ также входятъ въ сборникъ. Въ новомъ выпускѣ помѣщены цѣлыхъ пять отдѣловъ: межеваніе, права и обязанности, а равно договоры и обязательства, вытекающія изъ землевладѣнія, мѣры къ охранѣ сельской промышленности и торговли, и, наконецъ, послѣдній отдѣлъ относится къ судебнымъ учрежденіямъ и порядку производства дѣлъ у мировыхъ судей, земскихъ начальниковъ, а также въ окружныхъ судахъ. Въ заключеніе, приведены статьи изъ „Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“ за проступки въ дѣлахъ сельскаго хозяйства.

В. Заболотный. Опытъ къ раціональному разрѣшенію вопроса: „Что такое война?“. Варшава. 1900. Стр. 124. Ц. 70 к.

Сущность этого „философскаго эскиза на почвѣ субъективизма“ выражена въ словахъ: „борьба—общій удѣлъ жизни“. Исходя изъ естественно-научныхъ фактовъ, представляющихъ „постоянный коловоротъ борьбы“ во всемъ физическомъ мірѣ, авторъ утверждаетъ,—что „въ области международныхъ отношеній, гдѣ роль борющихся силъ выполняютъ политическіе организмы, это (?) характеризуется войною; слѣдовательно (?),—говоритъ онъ,—отрицаніе войны равносильно отрицанію вообще всякой борьбы, что противорѣчитъ фактамъ дѣйствительности“... Г. Заболотный упускаетъ изъ виду, что борьба можетъ принимать различныя формы, въ томъ числѣ и безусловно мирныя, и „слѣдовательно“, отрицаніе войны далеко не равносильно отрицанію всякой вообще борьбы. Дальнѣйшая аргументація автора всецѣло основана на этомъ явномъ смѣшеніи разнородныхъ понятій, вслѣдствіе чего и заключительные выводы не выдерживаютъ серьезной критики.

А. П. Мертваго. Не по торному пути. Изданіе третье. Спб. 900 Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к.

Въ этой любопытной и поучительной книгѣ собраны наблюденія автора за многіе годы его сельско-хозяйственной дѣятельности, начиная съ пребыванія его въ работникахъ у А. Н. Энгельгардта и кончая редактированіемъ журнала „Хозяинъ“. Г-нъ Мертваго жилъ рабочимъ и за границей, у французскихъ огородниковъ, изучая пріемы и способы земледѣльческаго труда; онъ постоянно поддерживалъ сношенія съ Энгельгардтомъ, указаніямъ котораго слѣдовалъ и въ своемъ собственномъ хозяйствѣ, и въ концѣ концовъ, путемъ тяжелаго опыта, пришелъ къ крайне пессимистическимъ взглядамъ на условія нашего земледѣлія.

Иллюзіи. Стихотворенія К. М. Фофанова, съ портретомъ автора. Спб. 900. Стр. 480+VI. Ц. 2 р.

Г-нъ Фофановъ давно уже составилъ себѣ репутацію талантливаго лирическаго поэта. Главнымъ достоинствомъ его произведеній является красивый и гладкій стихъ, въ которомъ подчасъ звучитъ нѣчто Лермонтовское. Основной мотивъ его поэзіи, очевидно, навѣянъ Лермонтовымъ: это—тоска по „заоблачной странѣ видѣній“, порываніе къ чему-то далекому и родному; но то, что у Лермонтова имѣло глубокій жизненный смыслъ и выливалось притомъ въ яркіе художественные образы,—остается у г. Фофанова нѣсколько туманнымъ. Крайняя неопредѣленность стремленій и идеаловъ придаетъ его творчеству какой-то неясный характеръ, и потому красота формы не всегда у него искупаетъ собою слабость содержанія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1901 г.

(Тридцать-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы,

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ год[у]
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октя[брь]
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. [illegible]
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ —
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ —
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою—1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по пол[у]діямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, [іюлѣ] и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписк[и]**.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14: А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. К[ар]басникова, на Моховой; Н. К. [Ге]бева, Покровка, 52 (д. церкви Іо[анна] Предтечи), и въ Конторѣ Н. Пе[чков]ской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образовані[е]“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ и Н. П. Карбасн[икова]

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фа[мил]ію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайша[го] нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого у[чре]жденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика.—2) *Перемѣна адреса* должна быть [сообщена] Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе [подписчики], переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ [городскіе] 40 коп.—3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакці[ю жур]нала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявлені[ю] Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) [Билеты] на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностран[ныхъ] подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1900.

☞ **Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1901 года.** ☜
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ

ЧААДАЕВА

1845 г.

По поводу статьи въ журналѣ „Le Semeur": „Un sermon a Moscou".

Предисловіе.

Письмо Чаадаева, помѣщаемое ниже въ русскомъ переводѣ, написано имъ въ самомъ началѣ 1845 года и отправлено изъ Москвы въ Парижъ французскому писателю Сиркуру, съ которымъ Чаадаевъ сблизился, какъ надобно думать, во время путешествія Сиркура и его жены по Россіи, еще въ началѣ 40-хъ годовъ. Сиркуръ прислалъ Чаадаеву въ Москву тотъ нумеръ французскаго литературно-философскаго журнала „Le Semeur" (отъ 25 сентября 1844 г.), гдѣ былъ помѣщенъ, съ поясненіями редакціи, отрывокъ изъ проповѣди, произнесенной митрополитомъ московскимъ Филаретомъ, 23 декабря 1843 года, при освященіи хра[illegible] въ московской пересыльной тюрьмѣ. Это и послужило Чаадае[illegible]оводомъ къ отвѣту. Самая статья французскаго журнала бы[illegible]аглавлена: „Un sermon à Moscou". Приводимъ въ русско[illegible]ереводѣ ея содержаніе, съ которымъ необходимо познаком[illegible] предварительно, такъ какъ разборъ этой статьи служи[illegible]вною цѣлью самаго письма Чаадаева.

„Нѣкоторые благожелательные люди въ Москвѣ, откуда я [1]) только-что пріѣхалъ, просили меня доставить вамъ (редактору журнала) переводъ проповѣди, надѣлавшей въ Россіи большого шума“—такъ пишетъ намъ одинъ почтенный человѣкъ, удостоивающій иногда редакцію журнала „Semeur“ своего сотрудничества.—„Авторъ проповѣди—московскій митрополитъ Филаретъ, старецъ строгій къ себѣ и милостивый къ другимъ; онъ напоминаетъ собою тѣхъ святителей V-го и VI-го вѣковъ, которые оставили столь обильные слѣды своей благотворной дѣятельности въ средѣ страждущаго и развращеннаго общества. У воротъ города, на Воробьевыхъ-Горахъ, находится тюрьма, въ которую собираютъ для отправки въ Тобольскъ, мужчинъ и женщинъ, осужденныхъ за обыкновенныя преступленія къ ссылкѣ въ Сибирь. Ихъ здѣсь много, такъ какъ сюда стекаются осужденные изъ двадцати-трехъ губерній. Недавно образовалось благотворительное общество, поставившее себѣ цѣлью доставлять этимъ несчастнымъ духовное утѣшеніе, а также облегчать ихъ матеріальное положеніе, насколько это дозволяется закономъ. При тюрьмѣ была построена церковь; ее освящалъ самъ митрополитъ, и при этомъ случаѣ произнесъ проповѣдь, переводъ которой я посылаю вамъ; надѣюсь, что она не утратила въ передачѣ своей восточной простоты.—При произнесеніи этой проповѣди осужденные не присутствовали. Она представляетъ всѣ черты византійскаго краснорѣчія въ лучшемъ смыслѣ слова. Глубокое уваженіе къ государственнымъ законамъ, къ чиноначалію, къ свѣтской власти монарха и судебному приговору, сочетается въ ней съ принципомъ евангельской свободы, въ силу котораго все блѣднѣетъ и смиряется предъ Господомъ. Въ этой проповѣди, какъ и въ характерѣ самого митрополита, есть черты Іоанна Златоуста. Во многихъ отношеніяхъ эта проповѣдь является выдающимся событіемъ. Простодушное, наивное и безсознательное милосердіе русскаго народа достойно удивленія; именно эта добродѣтель преимущественно и налагаетъ на русскій народъ божественную печать христіанства. Особенно ярко проявляется это милосердіе въ отношеніи къ осужденнымъ. Мы вовсе не имѣемъ здѣсь дѣла съ стремленіемъ народа почтить въ нихъ мучениковъ неправаго суда; напротивъ, народъ знаетъ, что они виновны, считаетъ приговоръ справедливымъ и ихъ наказаніе заслуженнымъ,—и все-таки осыпаетъ ихъ знаками состраданія: вотъ что удивительно! Напротивъ, въ Испаніи и Италіи сочувствіе къ осужденному есть лишь послѣдствіе и выраженіе непріязни къ закону.

„Намъ, конечно, нѣтъ надобности пояснять, насколько интересны приведенныя сейчасъ замѣчанія; они какъ бы вскрываютъ предъ нами одну изъ прекрасныхъ сторонъ характера этого народа и то реформаціонное движеніе, которое зарождается въ нѣдрахъ православной церкви. Проповѣдь московскаго митрополита, слѣдующая за этими строками, по многимъ причинамъ заслуживала бы быть приведенной цѣликомъ. Принужденные ограничиться немногими выдержками, мы сочли нужнымъ выбрать тѣ мѣста, гдѣ выражены идеи характерныя именно для греческой церкви, предпочтительно предъ тѣми, въ кото-

[1]) Сотрудникъ журнала.

рыхъ выступаютъ черты, общія у нея съ прочими церквами. Съ этой точки зрѣнія особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто [2]):

„*Всади ихъ во внутреннюю темницу, и нози ихъ заби въ кладѣ. Въ полунощи же Павелъ и Сила молящеся пояху Бога: послушаху же ихъ юзницы*“ (Дѣян., XVI, 24, 25).

„Вотъ и мы молящеся поемъ Бога, если не въ самой темницѣ, то близъ самой темницы, и ради темницы, и слушаютъ насъ юзницы.

„Помышляя о томъ, что̀ здѣсь нынѣ совершилось, хочу радоваться, радостію человѣколюбія: но нѣсколько и страшусь, страхомъ Божіимъ.

„Еслибы кому пришло на мысль, во дворѣ темничномъ построить царскій домъ: кто не сказалъ бы, что это не сообразно съ достоинствомъ дома царскаго? Какъ же дерзнули мы во дворѣ темничномъ устроить домъ болѣе, нежели царскій,—домъ Божій?

„Чистота и святость принадлежатъ дому Божію преимущественно предъ всякимъ другимъ мѣстомъ, хотя впрочемъ не лишеннымъ своей чистоты. Напротивъ того темница, и особенно темница осужденныхъ, не есть ли такое мѣсто, куда общество человѣческое повергаетъ отъ себя нравственную нечистоту? Итакъ, сохранится ли чистота, не оскорбится ли святость дома Божія, когда мы поставляемъ его въ соприкосновенности съ темницею осужденныхъ?

„Правила Святыхъ удаляютъ отъ святыхъ Христовыхъ Таинъ, и едва допускаютъ переступать чрезъ прагъ святого храма людей, обремененныхъ тяжкими грѣхами, доколѣ не очистятъ ихъ совѣсти покаяніе, слезы и время, иногда довольно продолжительное. И не удивительна сія строгость, когда и человѣческій законъ тѣхъ же людей, за тѣ же грѣхи, которые онъ, обнаруживъ, называетъ преступленіями, удаляетъ отъ домовъ и селеній непорочныхъ гражданъ, даже навсегда. Какъ же теперь святый храмъ, со святыми Тайнами, самъ пришелъ къ симъ людямъ, которымъ строгость священныхъ правилъ не даетъ права приступать къ святымъ Тайнамъ, и едва позволяетъ входить во храмъ?

„Милостивъ буди къ немощнымъ служителямъ Твоея святыни, Единый Святый, Единый Господь, Іисусъ Христосъ, если мы не довольно строго удаляемъ отъ святыни Твоея то, что ея недостойно; если, научась отъ Апостола Твоего, поминать юзники, аки съ ними связани, мы хотимъ раздѣлить съ ними, что̀ только знаемъ утѣшительнѣйшаго для себя,—именно, благодать святого храма, и спасительное общеніе, или, по крайней мѣрѣ, благотворную близость животворящихъ Таинъ. Не въ темницу ли, не къ осужденнымъ ли, не къ изгнанникамъ ли, не къ узникамъ ли пришелъ и Самъ Ты на землю, чтобы основать Твой живой храмъ, Твою святую Церковь! Ибо что̀ такое вся земля, послѣ рая, какъ не пространная темница? Что̀ человѣкъ вообще, какъ не осужденный преступникъ райскаго закона, изгнанникъ рая, плѣнникъ грѣха, узникъ бренной плоти, отягощающей душу? И не гнушалась чистота Твоя; не чуждалась святыня Твоя. Ты пришелъ; и въ

---

[1]) Цитируемъ этотъ отрывокъ въ „Semeur“ прямо по изданію сочиненій Филарета: *Слова и рѣчи*, т. IV, М. 1882, стр. 278.

сей темницѣ, для сего преступника, изгнанника, плѣнника, узника, поставилъ Твой Голгоѳскій крестный жертвенникъ; Твоимъ страданіемъ и смертію совершилъ на немъ Твою вселенскую Божественную литургію; принесъ Твою вѣчную жертву, которая одна и та же, и здѣсь, и нынѣ, совершается".

„Приведенное мѣсто, на нашъ взглядъ, превосходно рисуетъ своеобразное положеніе священнослужителя, встрѣчающаго въ законахъ своей церкви препятствія къ осуществленію миссіи, возложенной на него свыше. У насъ освященіе тюремнаго храма—самая простая вещь; въ православіи, какъ мы видимъ, дѣло обстоитъ иначе: тамъ мысль о святости храма тотчасъ пробуждаетъ въ душѣ вѣрующаго опасеніе осквернить его внѣшнимъ прикосновеніемъ, и такъ какъ церковныя правила поддерживаютъ этотъ страхъ, то митрополиту приходится просить извиненія за самую свою ревность къ вѣрѣ.

„Таковъ основной мотивъ этой проповѣди. Онъ не можетъ не удивлять насъ (французовъ); тѣмъ не менѣе, онъ внушаетъ митрополиту, принужденному бороться съ вѣрованіями, сила которыхъ ему извѣстна, нѣсколько прекраснѣйшихъ ораторскихъ оборотовъ, какъ напримѣръ: желая оправдать сооруженіе храма при тюрьмѣ (ибо именно такова его цѣль), онъ ссылается на присутствіе двухъ разбойниковъ непосредственно вблизи крестнаго жертвенника. Намъ трудно понять, зачѣмъ нужно такое оправданіе; но разъ оно было необходимо,—конечно, нельзя было найти примѣра болѣе разительнаго. Истина, которую хотѣлъ развить митрополитъ, можетъ быть выражена въ такихъ словахъ: „Общество извергаетъ осужденнаго изъ своихъ нѣдръ; напротивъ, церковь идетъ за нимъ и протягиваетъ ему руку". Это—одно изъ примѣненій основной мысли Евангелія, одно изъ осуществленій главной задачи церкви. Именно поэтому мы видимъ признакъ реформаціоннаго движенія въ попыткѣ митрополита выяснить эту мысль и осуществить эту задачу въ средѣ религіозной общины, отводящей возрожденію грѣшника гораздо меньше мѣста, чѣмъ таинству".

Къ такому заключенію приходитъ авторъ статьи, и на это обращаетъ свое вниманіе Чаадаевъ. Но, затѣмъ, бо́льшая часть письма Чаадаева посвящена ознакомленію его корреспондента, Сиркура, съ лекціями по исторіи русской словесности Шевырева. Курсъ Шевырева, прочитанный зимою и весною 1844—45 г., былъ какъ бы отвѣтнымъ манифестомъ славянофиловъ на публичныя лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ, читанныя Грановскимъ въ 1843—44 г. Такъ и смотрѣли на него обѣ стороны. Послѣ блестящаго успѣха лекцій Грановскаго, попытка, на которую отважился Шевыревъ, была нелегка, и какъ самъ Шевыревъ, такъ и его друзья, готовились къ ней съ опасеніемъ; тѣмъ шумнѣе выражали они потомъ свою радость по поводу его успѣха. „Вчерашняя моя лекція, — писалъ Шевыревъ Погодину, 3 декабря 1844 г.,—превзошла двѣ первыя: она произвела какое-то едино-

душное впечатлѣніе. Кажется, всѣ партіи соединились — и не было уже голоса противъ. Я говорилъ ее просто—и самъ былъ доволенъ изложеніемъ. Богъ благословилъ меня. Не даромъ я наканунѣ провелъ часъ въ молитвѣ и чтеніи Житія св. Кирилла передъ его мощами, за которыя благодарю тебя (Шевыревъ передъ началомъ курса взялъ у Погодина частицу мощей первоучителя славянъ, Кирилла). Позволь имъ еще погостить у меня денекъ, другой. Эта лекція была его внушеніемъ". Славянофилы ликовали. „Знай нашихъ,—писалъ изъ Кіева Максимовичъ Погодину,—молодцы, ей Богу!" Языковъ привѣтствовалъ Шевырева такими стихами:

„Въ твоихъ бесѣдахъ ожила
Святая Русь—и величава,
И православна, какъ была:
Въ нихъ самобытная, родная
Заговорила старина,
Насъ къ новой жизни подымая
Отъ униженія и сна".

Таковы же отзывы Погодина, Ив. Кирѣевскаго, Хомякова и др.; основной мотивъ—сравненіе съ лекціями Грановскаго и его успѣхомъ, который, по мнѣнію Хомякова, далеко уступаетъ успѣху Шевырева: „Успѣхъ Грановскаго былъ успѣхомъ личнымъ, успѣхомъ оратора; успѣхъ Шевырева—успѣхъ мысли, достояніе общее, шагъ впередъ въ наукѣ" [1]). Западники отозвались въ печати устами Герцена, напечатавшаго въ „Отеч. Записк." юмористическую статью подъ заглавіемъ: „Умъ хорошо, а два лучше", гдѣ осмѣялъ лекціи Шевырева: „Г. Шевыревъ, первый профессоръ элоквенціи послѣ Тредьяковскаго, читалъ въ Москвѣ публичныя лекціи о русской словесности, преимущественно того времени, когда ничего не писали, и его лекціи были какой-то дѣтской пѣснью, пѣтой чистымъ sorgano, напоминающимъ папскіе дисканты въ Римѣ... Г. Шевыревъ возстановляетъ Русь, которой не было и—слава Богу—никогда не будетъ". Позднѣе Герценъ такъ характеризовалъ курсъ Шевырева: „Шевыревъ, который никакъ не могъ примириться съ колоссальнымъ успѣхомъ лекцій Грановскаго, вздумалъ побить его на его же собственномъ поприщѣ и объявилъ свой публичный курсъ... Онъ бывалъ иногда смѣлъ и это было очень оцѣнено, но общій эффектъ ничего не произвелъ... Трудно было возбудить сочувствіе, говоря о прелестяхъ духовныхъ писателей восточной церкви и похваливая греко-россійскую

[1]) См. Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды Погодина", кн. VII, стр. 453—436; кн. VIII, стр. 83 - 86, 406 и сл.

церковь. Только Ѳеодоръ Глинка и супруга его Евдокія, писавшая „о млекѣ Пречистой Дѣвы“, сидѣли обыкновенно рядышкомъ на первомъ планѣ и скромно опускали глаза, когда Шевыревъ особенно неумѣренно хвалилъ православную церковь. Шевыревъ портилъ свои чтенія тѣмъ самымъ, чѣмъ портилъ свои статьи,— выходками противъ такихъ идей, книгъ и лицъ, за которыя у насъ трудно было заступаться, не попавши въ острогъ“.

Успѣхъ Шевырева непосредственно вслѣдъ за успѣхомъ Грановскаго — это была своеобразная картина, характерная для умственнаго состоянія просвѣщенной московской публики того времени. Она равно возмутила Погодина и Бѣлинскаго. „Какъ противны эти болтуны,—пишетъ Погодинъ въ своемъ дневникѣ подъ 25—26 апр. 1845 г.;—годъ они безъ памяти отъ Гоголя, потомъ отъ „Мертвыхъ Душъ“, отъ лекцій Грановскаго, теперь отъ Шевырева, котораго ненавидѣли и презирали“. А Бѣлинскій въ то же время (янв. 1845 г.) писалъ одному изъ своихъ московскихъ друзей: „Вѣсти о лекціяхъ Шевырева, о фурорѣ, который онѣ произвели въ *зернистой* московской публикѣ, о рукоплесканіяхъ, которыми прерывается каждое слово сего московскаго скверноуста,—все это меня не удивило нисколько: я увидѣлъ въ этомъ повтореніе исторіи съ лекціями Грановскаго. Наша публика—мѣщанинъ въ дворянствѣ; ее лишь бы пригласили въ парадно-освѣщенную залу, а ужъ она, изъ благодарности, что ее, холопа, пустили въ барскія хоромы, непремѣнно останется всѣмъ довольною. Для нея хорошъ и Грановскій, да недуренъ и Шевыревъ; интересенъ Вильменъ, да любопытенъ и Гречъ. Лучшимъ она всегда считаетъ того, кто читалъ послѣдній. Иначе и быть не можетъ, и винить ее за это нельзя“ [1]).

То явленіе, на которое негодуютъ Погодинъ и Бѣлинскій, имѣло свою причину не только въ философскомъ и политическомъ невѣжествѣ московской публики и въ цензурныхъ условіяхъ, но и въ недостаточной опредѣленности ученій, исповѣдуемыхъ самими вождями боровшихся тогда партій. Теперь, оглядываясь назадъ, мы легко различаемъ въ умственномъ движеніи начала 40-хъ годовъ три теченія: оффиціальное народничество, славянофильство и западничество; но въ 1845 году границы между первымъ и вторымъ, вторымъ и третьимъ, еще далеко не были проведены съ необходимой ясностью. Славянофильство въ своемъ первоначальномъ видѣ представляло собою плодъ сочетанія западныхъ философскихъ идей съ догматами

[1]) См. объ этомъ А. Н. Пыпинъ, „Характеристики литер. мнѣній“, и Ч. Вѣтринскій, „Въ сороковыхъ годахъ“, стр. 82 и слѣд.

оффиціальнаго націонализма; оно имѣло общаго съ западничествомъ не только свою философскую основу, но и многіе важные пункты своей практической программы (отмѣна крѣпостного права, реформа суда, свобода печати), между тѣмъ какъ въ истолкованіи прошлаго Россіи оно вполнѣ—и съ гораздо бо̀льшей послѣдовательностью (напримѣръ, въ оцѣнкѣ Петровской реформы)—проводило старую, оффиціальную точку зрѣнія. Эта неразграниченность, естественная при началѣ умственныхъ движеній, усиливаемая еще личными дружественными связями между славянофилами и западниками, господствовала сравнительно долгое время. Для того, чтобы философско-политическія партіи, какими и являлись названныя три, могли ярко обнаружить свой характеръ и, слѣдовательно, рѣзко обособиться, необходимы свободный обмѣнъ взглядовъ и возможность практически осуществлять свои программы,—а именно этихъ двухъ условій не существовало въ то время: цензурный гнетъ былъ весьма силенъ, кругъ самодѣятельности общества ограниченнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой періодъ XIX-го вѣка. Споръ велся на совершенно отвлеченной почвѣ, а въ сферѣ чистаго умозрѣнія политическія партіи не кристаллизуются. Именно поэтому публичные курсы Грановскаго и Шевырева 43—45 годовъ получили такое важное значеніе: въ прошломъ была найдена та почва, на которой обѣ борющіяся партіи могли, при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ, наиболѣе опредѣленно выставить свои противоположныя историко-философскія ученія,—одинъ въ политическомъ прошломъ западной Европы, другой—въ литературномъ прошломъ Россіи. Это были два манифеста, формулировавшіе конкретно, въ приложеніи къ историческимъ явленіямъ, обѣ сложившіяся теоріи. Шевыревъ, по справедливому замѣчанію А. Н. Пыпина, не можетъ быть безъ оговорокъ причисленъ къ славянофиламъ: онъ стоитъ на границѣ между нарождающимся славянофильствомъ и отцвѣтающимъ оффиціальнымъ народничествомъ; но въ отношеніи къ прошлому Россіи и особенно въ своемъ курсѣ древней русской словесности онъ—если исключить его елейно̀-ядовитый слогъ („въ родѣ неокрѣпнувшаго бламанже, въ которое забыли положить горькаго миндалю, хотя подъ его патокой и заморена бездна желчной, самолюбивой раздражительности", по опредѣленію Герцена) и его оправданіе Петра—является вполнѣ выразителемъ славянофильскаго ученія, какъ доказываютъ и отзывы самихъ славянофиловъ о его курсѣ.—М. Гершензонъ.

Письмо Чаадаева Сиркуру.

„Басманная.—15 января 1845.

„Только-что получилъ тотъ нумеръ „Semeur“, гдѣ напечатанъ отрывокъ изъ проповѣди нашего митрополита. Журналъ былъ адресованъ прямо владыкѣ, у котораго и находился до сихъ поръ; вотъ почему я такъ долго не отвѣчалъ вамъ. Было бы, разумѣется, лучше, еслибы эти нескромныя страницы попали сначала ко мнѣ, и еще лучше, еслибы проповѣдь была напечатана цѣликомъ и безъ страннаго комментарія редакціи. Къ счастію, владыка не обратилъ на него большого вниманія. Я только-что видѣлся съ нимъ; онъ принялъ меня какъ нельзя любезнѣе. Лестное предисловіе, повидимому, подкупило его. Вы отлично знаете, что во всѣхъ нашихъ тюрьмахъ есть часовни, и что въ мірѣ не существуетъ церкви болѣе снисходительной, чѣмъ православная. Она, можетъ быть, даже слишкомъ снисходительна. Религіозный принципъ по самой своей природѣ склоненъ распаляться (s’exalter) въ томъ, что̀ составляетъ его сокровенную суть,—такъ сказать, доводить до гиперболы то, что̀ въ немъ есть наиболѣе глубокаго. Наша же церковь по существу—церковь аскетическая, какъ ваша по существу—соціальная: отсюда равнодушіе одной ко всему, что̀ совершается внѣ ея, и живое участіе другой ко всему на свѣтѣ. Это—два полюса христіанской сферы, вращающейся вокругъ оси своей безусловной истины, своей дѣйствительной истины. На практикѣ обѣ церкви часто обмѣниваются ролями, но принципы нельзя оцѣнивать по отдѣльнымъ явленіямъ. А насчетъ того, чтобы видѣть въ нашемъ святомъ владыкѣ реформатора, то отъ этого нельзя не расхохотаться. Онъ самъ отъ всего сердца смѣется надъ этимъ. Журналистъ просто-на̀-просто принялъ реторическую фигуру, примѣненную къ тому же, на мой взглядъ, очень умѣстно, за религіозную революцію. Не могу надивиться на то, что̀ дѣлается съ вашими наиболѣе серьезными мыслителями, какъ только они оказываютъ намъ честь заговорить о насъ. Точно мы живемъ на другой планетѣ, и они могутъ наблюдать насъ лишь при помощи одного изъ тѣхъ телескоповъ, которые даютъ обратное изображеніе. Правда, тутъ есть и наша вина. Ошибки, въ которыя вы такъ часто впадаете на нашъ счетъ, объясняются отчасти тѣмъ, что пока мы принимали еще очень мало участія въ общемъ умственномъ движеніи человѣчества. Но, я надѣюсь, недалекъ тотъ день, когда мы займемъ ожидающее насъ мѣсто

въ ряду народовъ-просвѣтителей міра. Вы недавно сами видѣли насъ, и, конечно, не рѣшитесь отрицать за нами правъ на подобное мѣсто. Если же вы все-таки почему-нибудь еще не знаете въ точности, каковы эти права, вамъ стоитъ лишь справиться объ этомъ у молодой школы, красы Россіи, чей вдохновенный жаръ и высокую важность вы сами имѣли случай оцѣнить; и ручаюсь, что она представитъ вамъ внушительный списокъ этихъ правъ. Какъ видите, я нѣсколько ославянился, какъ сказала бы m-me Сиркуръ. Что̀ дѣлать! Какъ спастись отъ этой заразы, тѣмъ болѣе сильной, что она—совершенно новое патологическое явленіе въ нашихъ краяхъ? Въ ту минуту, напримѣръ, когда я пишу вамъ, у насъ здѣсь читается курсъ исторіи русской литературы, возбуждающій всѣ національныя страсти и поднимающій всю національную пыль. Просто голова кругомъ идетъ. Ученый профессоръ по истинѣ творитъ чудеса. Вы не можете себѣ представить, сколько дивныхъ заключеній онъ извлекаетъ изъ ничтожнаго числа литературныхъ памятниковъ, разсѣянныхъ по необъятнымъ степямъ нашей исторіи, сколько могучихъ силъ онъ откапываетъ въ нашемъ прошломъ. Затѣмъ онъ сопоставляетъ съ этимъ благороднымъ прошлымъ жалкое прошлое католической Европы и стыдитъ ее съ такой мощью и высокомѣрностью, что вы не повѣрите. Не думайте притомъ, чтобы это новое ученіе встрѣчало среди насъ лишь поверхностное сочувствіе. Нѣтъ, успѣхъ оглушительный. Замѣчательно! сторонники и противники, всѣ рукоплещутъ ему,—послѣдніе даже громче первыхъ, очевидно, прельщенные тѣмъ, что̀ и имъ также представляется торжествомъ ихъ нелѣпыхъ идей. Не сомнѣваюсь, что нашему профессору въ концѣ концовъ удастся доказать съ полной очевидностью превосходство нашей цивилизаціи надъ вашей,—тезисъ, къ которому сводится вся его программа. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что уже многимъ непокорнымъ головамъ пришлось склониться предъ мощью его кристально-ясной, пламенной и картинной рѣчи, вдохновляемой просвѣщеннымъ патріотическимъ чувствомъ, столь родственнымъ патріотизму нашихъ отцовъ, и въ особенности несомнѣнной благосклонностью высшихъ сферъ, которыя неоднократно во всеуслышаніе выражали свой взглядъ на эти любопытные вопросы. Говорятъ, что онъ собирается напечатать свой курсъ; сочту за счастіе представить его ученой Европѣ на языкѣ, общемъ всему цивилизованному міру. Изданная по-французски, эта книга несомнѣнно произведетъ глубокое впечатлѣніе въ вашихъ широтахъ и даже, можетъ быть, обратитъ на путь истины изрядное число обитателей вашей

дряхлой Европы, истомленной своей безплодной рутиной и навѣрное не подозрѣвающей, что бокъ-о-бокъ съ нею существуетъ цѣлый неизвѣстный міръ, который изобилуетъ всѣми недостающими ей элементами прогресса и содержитъ въ себѣ рѣшеніе всѣхъ занимающихъ ее и неразрѣшимыхъ для нея проблемъ. Впрочемъ, ничего не можетъ быть естественнѣе этого превосходства нашей цивилизаціи надъ западной. Чтò такое въ концѣ концовъ ваше общество? Конгломератъ множества разнородныхъ элементовъ, хаотическая смѣсь всѣхъ цивилизацій міра, плодъ насилія, завоеванія и захвата. Мы же, напротивъ,—не чтò иное, какъ простой, логическій результатъ одного верховнаго принципа,—принципа религіознаго, принципа любви. Единственный чуждый христіанству элементъ, вошедшій въ нашъ соціальный укладъ, это славянскій элементъ, а вы знаете, какъ онъ гибокъ и податливъ. Поэтому всѣ вожди литературнаго движенія, совершающагося теперь у насъ,—какъ бы далеко ни расходились ихъ мнѣнія по другимъ вопросамъ,—единогласно признаютъ, что мы—истинный Богомъ избранный народъ новѣйшаго времени. Эта точка зрѣнія не лишена, если хотите, нѣкотораго аромата мозаизма; но вы не будете отрицать ея необычайной глубины, если обратите вниманіе на великолѣпную роль, которую играла церковь въ нашей исторіи, и на длинный рядъ нашихъ предковъ, увѣнчанныхъ ею ореоломъ святости. Мало того, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ мыслителей, котораго вы легко узнаете по этому признаку, недавно доказалъ съ отличающей его силой логики, что въ принципѣ христіанство было возможно лишь въ нашей соціальной средѣ, что лишь въ ней оно могло расцвѣсти вполнѣ, такъ какъ мы были единственнымъ народомъ въ мірѣ, вполнѣ приспособленнымъ къ тому, чтобы принять его въ его чистѣйшей формѣ; откуда слѣдуетъ, какъ видите, что Іисусъ Христосъ, строго говоря, могъ бы не разсылать своихъ апостоловъ по всей землѣ, и что для исполненія распредѣленной между ними обязанности было совершенно достаточно одного апостола Андрея. Однако, само собою разумѣется, что разъ откровенное ученіе достигнетъ въ этой предуготовленной ему обстановкѣ своего полнаго развитія, ничто не помѣшаетъ ему продолжать свой путь для достиженія своего мірового палингенезиса, и такимъ образомъ вы не совсѣмъ лишены надежды увидѣть его когда-нибудь и у себя. Конечно, было бы нѣсколько затруднительно примирить эту теорію съ принципомъ всемірности христіанства, столь упорно исповѣдуемымъ въ другой половинѣ христіанскаго міра; но именно этимъ кореннымъ разногласіемъ между

обоими ученіями и обусловливаются всѣ наши преимущества передъ вами. Такимъ образомъ, мы не осуждены, подобно вамъ, на вѣчную неподвижность и не окаменѣли въ догматѣ подобно вамъ: напротивъ, наше вѣроученіе допускаетъ необыкновенно удобныя и разнообразныя примѣненія христіанскаго начала, особенно по отношенію къ національному принципу, и это есть неизмѣримое преимущество, которое должно возбуждать въ васъ сильнѣйшую зависть. Еще нашъ милѣйшій профессоръ недавно повѣствовалъ намъ съ высоты своей каѳедры тономъ глубочайшаго убѣжденія и необыкновенно звучнымъ голосомъ, что мы—избранный сосудъ, предназначенный воспринять и сохранить евангельскій догматъ во всей его чистотѣ, дабы въ урочное время передать его народамъ, устроеннымъ менѣе совершенно, чѣмъ мы. Этотъ новый маршрутъ Евангелія—любопытное открытіе нашей доморощенной мудрости—несомнѣнно будетъ тотчасъ признанъ всѣми христіанскими общинами, какъ только онъ станетъ имъ извѣстенъ; а тѣмъ временемъ пусть васъ не слишкомъ удивитъ, если какъ-нибудь на-дняхъ вы вдругъ узнаете, что въ ту эпоху, когда вы были погружены въ средневѣковой мракъ, мы гигантскими шагами шли по пути всяческаго прогресса; что мы уже тогда обладали всѣми благами современной цивилизаціи и большинствомъ учрежденій, которыя у васъ даже теперь можно найти лишь на степени утопій. Нѣтъ надобности говорить вамъ, какое пагубное обстоятельство остановило насъ въ нашемъ тріумфальномъ шествіи чрезъ пространство столѣтій: вы тысячу разъ слышали объ этомъ во время вашего пребыванія въ Москвѣ. Но я не могу оставить васъ въ неизвѣстности относительно моего личнаго взгляда на этотъ предметъ. Да: вторженіе западныхъ идей—идей, отвергаемыхъ всѣмъ нашимъ историческимъ прошлымъ, всѣми нашими національными инстинктами,—вотъ что̀ парализовало наши силы, извратило всѣ наши прекрасныя наклонности, исказило всѣ наши добродѣтели, наконецъ, низвело насъ почти совсѣмъ на вашъ уровень. Итакъ, мы должны вернуться назадъ, должны воскресить то прошлое, которое вы такъ злобно похитили у насъ, возстановить его въ возможной полнотѣ и засѣсть въ немъ навсегда. Вотъ работа, которою заняты теперь всѣ наши лучшіе умы, къ которой и я присоединяюсь всей душой, и успѣхъ которой есть предметъ моихъ желаній, особенно потому, что вполнѣ оцѣнить тотъ своеобразный поворотъ, который мы совершаемъ теперь, можно будетъ, по моему убѣжденію, лишь въ день его окончательнаго торжества.—Не знаю, какъ вы взглянете на то, что̀ я разсказалъ вамъ здѣсь,

и надѣюсь, что вы не ошибетесь насчетъ моего взгляда на эти вещи; но несомнѣнно, что если вы, спустя нѣсколько лѣтъ, навѣстите насъ, вы будете имѣть полную возможность налюбоваться плодами нашего попятнаго развитія... Я уже собирался запечатать это письмо, какъ получилъ вашу статью изъ „Semeur". Надѣюсь, что его высокопреосвященство отнесется къ вашей критикѣ по-христіански. Ваши замѣчанія, по моему, нѣсколько суровы, хотя въ существѣ правильны. Мы еще потолкуемъ о нихъ, когда я буду писать вамъ о впечатлѣніи, которое они произведутъ на нашего достопочтеннаго пастыря. Мнѣ еще не удалось добыть тотъ нумеръ „Bibl. de Genève", о которомъ вы пишете мнѣ; но надѣюсь на этихъ дняхъ достать его и прочитать вашу статью.—Не откажите напомнить обо мнѣ m-me Сиркуръ и увѣрить ее въ моей преданности. Льщу себя надеждою, что она сохранила не слишкомъ дурное воспоминаніе о нашемъ славянскомъ фанатизмѣ вообще и моемъ въ частности. И я— не большой охотникъ до исключительнаго и узкаго націонализма; признаюсь даже, что невысоко цѣню эту географическую добродѣтель, которою такъ кичилась языческая древность и которая чужда Евангелію. Однако, вотъ соображеніе, которое я позволю себѣ предложить снисходительному вниманію m-me Сиркуръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Парижъ—въ настоящее время главный очагъ соціальнаго движенія въ мірѣ, что его салоны— привилегированные центры изустной мысли нашего вѣка; несомнѣнно также, что въ наши дни идеи и умы именно въ Парижѣ ищутъ и получаютъ свои вѣнцы, патенты и ореолъ. Но нельзя же отрицать и того, что и въ другихъ мѣстахъ кое-гдѣ существуютъ небольшіе очаги, невѣдомые міру центры, и въ этихъ очагахъ, въ этихъ центрахъ—кое-какія бѣдныя идеи, кое-какіе бѣдные умы, которые безъ большой самонадѣянности могутъ разсчитывать на долю—если не глубокаго интереса, то по крайней мѣрѣ серьезнаго любопытства, въ особенности со стороны тѣхъ, кого противный вѣтеръ иногда заноситъ на наши безплодные берега и кто такимъ образомъ можетъ самъ оцѣнить тѣ усилія, которыя мы употребляемъ для ихъ распашки".

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

изъ

ПРОШЛАГО

1830—1850 гг.

Молодость живетъ—надеждами,
а старость—воспоминаніями.

Окончаніе.

XVIII *).

Лѣто 1848-го года я провелъ въ Петербургѣ, и охотно посѣщалъ Академію художествъ, гдѣ въ то время не было классныхъ занятій. Художники, разсыпавшись по всей Россіи, упражнялись въ рисованіи и писаніи съ натуры. Скульптурный классъ, куда я приходилъ, былъ не что̀ иное, какъ большая зала, наполненная гипсовыми слѣпками съ античныхъ статуй, торсовъ и бюстовъ. Въ концѣ этой залы было забрано досками довольно пространное отдѣленіе, отведенное, въ видѣ мастерской, скульптору Бѣляеву, работавшему въ натуральную величину статую на званіе академика. Онъ приходилъ на работу ежедневно съ утра и уходилъ съ наступленіемъ вечера. Кромѣ Бѣляева и меня, случалось приходить двумъ-тремъ ученикамъ, и то не надолго.

Сижу я и рисую; Бѣляевъ проходитъ мимо, всматриваясь въ меня. Желательно было мнѣ, чтобы этотъ прилежный художникъ

---

*) См. выше: ноябрь, стр. 41 и слѣд.

далъ свой совѣтъ. Вотъ, вижу, онъ выходитъ изъ мастерской и подходитъ ко мнѣ.

— Не согласитесь ли вы зайти на минутку ко мнѣ въ мастерскую?—спросилъ онъ.

— Очень радъ...

При входѣ въ мастерскую Бѣляева, я увидѣлъ глиняную фигуру въ ростъ какого-то юноши. Бѣляевъ попросилъ меня стать передъ окномъ.

— Позвольте, голубчикъ, воспользоваться вашими глазами, которые имѣютъ такое хорошее очертаніе.

Я согласился; и съ этого началось мое знакомство съ Бѣляевымъ. Онъ лѣпилъ съ меня глаза, шею и верхнюю часть груди. Статуя изображала Давида съ головой Голіаѳа, за которую онъ получилъ званіе академика [1]).

Въ этомъ же 1848 году въ Петербургѣ была холера, по случаю которой произошли безпорядки, между прочимъ, на Васильевскомъ Острову, близь Андреевскаго рынка.

Узналъ я, что К. П. Брюлловъ заболѣлъ холерой и, захвативъ лекарство, поспѣшилъ къ нему на помощь; нашелъ его въ постели и въ судорогахъ. Я посовѣтовалъ ему тотчасъ же принять принесенное мною лекарство и согрѣть ноги; но Брюлловъ лекарство принять не рѣшился, и ученики его меня не поддержали. Огорченный, я отправился къ доктору Канцлеру, лечившему Брюллова. Доктора дома не оказалось; въ пріемной сидѣли больные, въ ожиданіи его; сѣлъ и я тутъ же. По пріѣздѣ своемъ, Канцлеръ по очереди спрашивалъ каждаго; я съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда онъ обратится ко мнѣ,—и тогда объяснилъ, что Брюлловъ боленъ, что я хотѣлъ дать ему лекарство, рекомендованное д-ромъ Смѣльскимъ, но что Брюлловъ лекарства не принимаетъ безъ его, Канцлера, разрѣшенія.

Канцлеръ нетерпѣливо выслушалъ и сказалъ: „Лечите вы или я—кто-нибудь изъ насъ двухъ; если больной будетъ принимать ваши лекарства, то лечить его я отказываюсь“...

Это было начало моего знакомства съ Канцлеромъ, весьма почтеннымъ и знающимъ свое дѣло врачомъ, съ которымъ впослѣдствіи я былъ довольно близокъ. Онъ былъ главнымъ докторомъ больницы св. Маріи-Магдалины, находившейся подъ попечительствомъ моего отца. Н. И. Пироговъ цѣнилъ знанія Канцлера и говорилъ, что нѣтъ надобности вскрывать умершаго, котораго выслушивалъ

---

[1]) Въ настоящее время эта статуя перенесена изъ Академіи въ музей Александра III и значится въ каталогѣ подъ № 1543.

Канцлеръ, такъ какъ онъ опредѣлялъ болѣзнь безошибочно. Кромѣ знанія и добросовѣстности Канцлера, слѣдуетъ упомянуть о немъ съ признательностью за его безкорыстіе. Съ бѣдныхъ онъ не бралъ денегъ, что было мнѣ хорошо извѣстно.

Холерическіе припадки Брюллова были превращены искусствомъ доктора Канцлера; но Брюлловъ страдалъ давно другою серьёзною болѣзнью и не вставалъ съ постели. Имѣя дозволеніе посѣщать его мастерскую, находившуюся въ академическомъ дворѣ (куда Брюлловъ почти никого не допускалъ), я нерѣдко пользовался этимъ и оставался часами въ мастерской, разсматривая начатую картину „Осаду Пскова". Въ сторонѣ отъ картины были видны гипсовые слѣпки лошадиныхъ частей въ натуральную величину, сдѣланные для Брюллова профессоромъ П. К. Клодтомъ. Мастерская освѣщалась большимъ окномъ, свѣтъ котораго ударялъ въ полотно. На нѣкоторомъ разстояніи отъ картины помѣщался турецкій диванъ, на которомъ свободно можно было разсматривать начатую работу, углубясь въ мысль художника.

Чистое небо освѣщало сцену битвы, но оно мѣстами закрывалось дымомъ отъ взрыва городской стѣны. Проломъ былъ сдѣланъ, и изъ него духовенство, одушевленное религіей, въ праздничныхъ ризахъ, съ хоругвями и образами шло на встрѣчу непріятеля. Русскіе воины, подъ предводительствомъ князя Шуйскаго, гонятъ ляховъ. Въ серединѣ картины, монахъ на пѣгой деревенской лошади, съ крестомъ въ рукѣ, несется на врага, а за нимъ, съ топорами и вилами, ломится народъ. Подъ Шуйскимъ пала сѣрая лошадь, въ богатой сбруѣ, повернувъ голову на своего сѣдока, который, соскочивъ съ нея, бѣжитъ къ войску. Направо—жестокое единоборство русскаго воина съ полякомъ. На польскомъ знамени, съ надписью: „Rex Poloniae", вѣтеръ сдѣлалъ складку, скрывъ букву R, такъ что вышла надпись: „ex Polonia"; древко знамени надломилось.

Вся картина дышетъ религіознымъ воодушевленіемъ, патріотизмомъ и національной ненавистью. Русская дружина, идущая на врага, совершенно отвѣчаетъ духу картины. Нѣтъ сомнѣнія, что это общее воодушевленіе и ненависть будутъ имѣть рѣшительное дѣйствіе; враговъ погонятъ, разобьютъ, — и этотъ моментъ сейчасъ наступитъ. Картина осталась неоконченною.

Какъ часто, въ академическомъ залѣ, въ полной тишинѣ и одиночествѣ, я восхищался другою дивною и грозною картиной Брюллова: „Послѣдній день Помпеи" [1]).

---

[1]) Здоровье К. П. Брюллова плохо поправлялось, онъ отправился на островъ Мадеру, а потомъ въ Италію, гдѣ и скончался въ 1852 году.

Хотя я прилежно занимался живописью, но отецъ мой не оставлялъ мысли опредѣлить меня на службу, предполагая, что рано или поздно мнѣ могутъ пригодиться въ русской жизни чины, которые дадутъ возможность болѣе независимаго существованія, особенно въ случаѣ моего охлажденія къ художеству. Переговоривъ съ директоромъ почтъ Ѳ. И. Прянишниковымъ, онъ предложилъ мнѣ зачислиться у него на службѣ, съ тѣмъ, чтобы жалованье, которое причиталось мнѣ, шло чиновнику, исполняющему мою обязанность. Я вознегодовалъ на отца за такое предложеніе, означавшее, во-первыхъ, неувѣренность въ моемъ желаніи всецѣло отдаться художеству, а во-вторыхъ, я находилъ нечестнымъ получать чины чужимъ трудомъ. Отецъ не возражалъ, и дѣло замолкло.

Въ отдѣльной отъ отца квартирѣ, у Малой Невы, на Среднемъ проспектѣ Васильевскаго Острова, гдѣ жили братья Алексѣй и Николай съ Викторомъ Арцимовичемъ, наняли и для меня комнату въ два окна, служившую мнѣ мастерской; за альковомъ помѣщался мой письменный столъ и кровать. Мастерскую я выкрасилъ муміей; стѣны убралъ гипсовыми статуэтками, слѣпками съ антиковъ и торсомъ Лаокоона; окна завѣсилъ снизу сѣрымъ солдатскимъ сукномъ;—свѣтъ былъ пріятный и покойный. Кромѣ дивана, табурета и зеркала—не было ничего. Въ этой кельѣ я былъ счастливъ; любилъ запираться на ключъ, рисовалъ и громко читалъ Иліаду въ переводѣ Гнѣдича.

Братъ Алексѣй служилъ тогда въ канцеляріи Государственнаго Совѣта, Николай—въ таможнѣ, Арцимовичъ—въ сенатѣ. Столъ его вѣчно былъ заваленъ бумагами; бумаги лежали на этажеркѣ, на стульяхъ, на полу, и онъ до поздней ночи сидѣлъ и писалъ или въ полголоса читалъ дѣла. Нерѣдко случалось ему, отъ утомленія, засыпать надъ работой, и тогда мы тихонько тушили у него свѣчи; пойманный на мѣстѣ преступленія, онъ, съ досады, выбранитъ насъ школярами и опять примется за работу.

Братъ Алексѣй, въ свободное отъ службы время, занимался литературнымъ трудомъ и много говорилъ со мною объ искусствѣ во время нашихъ прогулокъ по отдаленнымъ линіямъ Острова. Братья Александръ и Владиміръ были тогда студентами и жили съ отцомъ. Собирались мы почти ежедневно; и тогда бывали горячіе, молодые разговоры и веселье—безъ попоекъ, о которыхъ я тогда не имѣлъ понятія.

Иногда посѣщалъ насъ старикъ-учитель рисованія Пажескаго корпуса—Рыбинъ, маленькій, рябенькій, нюхавшій табакъ. Вос-

питывался онъ въ Академіи художествъ, одновременно съ Брюлловымъ, и разсказывалъ, что Карлъ Павловичъ (въ то время—Брюлло) еще мальчикомъ отличался своимъ талантомъ, и всѣ считали его геніемъ; за булки и разное съѣстное онъ помогалъ товарищамъ получать хорошіе нумера за эскизы и рисунки. Старикъ Рыбинъ любилъ искусство и радовался, глядя на мои успѣхи, прилежаніе и перерожденіе изъ пажа въ художника.

Братъ мой Александръ — большой шутникъ, предупредивъ насъ, чтобы мы его не выдали, переодѣтый, вошелъ въ комнату, гдѣ съ нами бесѣдовалъ Рыбинъ, вмѣшался въ разговоръ, свернулъ на художество и, рѣзко и презрительно отзываясь объ искусствѣ, упрекалъ меня, что я промѣнялъ блестящую военную карьеру на ремесло. При сценическомъ талантѣ брата, въ парикѣ, съ измѣненнымъ голосомъ, странными манерами и надменнымъ выраженіемъ лица, онъ не былъ узнанъ Рыбинымъ. Разговоръ становился задорнѣе; братъ напалъ на Рыбина и до того взволновалъ бѣднаго старика, что стало его жаль; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя было не любоваться, какъ этотъ скромный человѣкъ смѣло отражалъ удары и горячился все болѣе и болѣе, особенно когда братъ рѣзко сравнилъ художника съ сапожникомъ. Рыбинъ измѣнился въ лицѣ, готовъ былъ отвѣтить дерзостью, но въ это время... спорщика не стало. Онъ мгновенно снялъ парикъ, съ шеи—орденъ, принялъ свое обычное лицо и сочувственно тронулъ колѣно Рыбина, который уже, взявъ изъ табакерки щепотку, приготовился возражать. Старикъ разинулъ ротъ и замеръ въ удивленіи. Онъ долго не могъ успокоиться и придти въ себя. Чай, добавленный значительнымъ количествомъ рома, уладилъ дѣло.

Въ это время посѣщали насъ товарищи—по училищу правовѣдѣнія—брата Алексѣя и Виктора Арцимовича: князь Дмитрій Оболенскій, Варендъ, князь Багратіонъ, Егоръ Барановскій и др. Тогда же мы слушали чтеніе Ивана Сергѣевича Аксакова, только-что написавшаго „Бродягу". Обѣдали мы ежедневно у отца, куда приходилъ два раза въ недѣлю обѣдать А. В. Устиновъ [1]), и бесѣда шла о заграничной жизни, художественныхъ произведеніяхъ и историческихъ событіяхъ.

Нерѣдко посѣщалъ насъ, на нашей холостой квартирѣ, и гр.

[1]) Александръ Васильевичъ Устиновъ, бывшій кадетъ 1-го корпуса, отставной полковникъ, бывшій директоръ виленской гимназіи и руководитель дѣтей кн. Кочубея, получая пенсію въ тысячу рублей, исходилъ пѣшкомъ почти всю Европу, а затѣмъ пріютился на Васильевскомъ Острову, въ скромной квартирѣ, которая была наполнена книгами и эстампами.

Дмитрій Толстой, о которомъ братъ мой Николай говорилъ, что онъ далеко пойдетъ по службѣ, такъ какъ замѣтно пробивалъ себѣ дорогу. Однажды братъ Николай замѣтилъ нашему общему портному—Шармеру, что у Толстого коротко пальто, и совѣстно видѣть, когда онъ идетъ по Невскому проспекту съ портфелемъ въ министерство, а изъ-подъ пальто виднѣются пуговицы вицъ-мундира. Шармеръ засмѣялся и отвѣтилъ, что графъ Д. А. нарочно заказалъ такое пальто. Предсказаніе брата оправдалось: графъ Толстой скоро составилъ себѣ служебную карьеру и сдѣлался впослѣдствіи министромъ.

XIX.

Посѣщая ежедневно отца, я, по дорогѣ, заходилъ въ двѣ квартиры: въ одной изъ нихъ жилъ академикъ портретной живописи — Будкинъ, а въ другой — старикъ-профессоръ Алексѣй Егоровичъ Егоровъ.

О Будкинѣ сказать нечего; онъ, какъ масса другихъ художниковъ, жилъ заказами образовъ и царскихъ портретовъ. Что касается Егорова, то этотъ человѣкъ своимъ знаніемъ и талантомъ составилъ себѣ имя, и въ исторіи русскаго искусства не долженъ быть забытъ.

Императоръ Николай Павловичъ уволилъ его отъ службы, находя плохою его работу въ церкви Измайловскаго полка. Объ этой работѣ мнѣ распространяться нечего, но могу засвидѣтельствовать, что всѣ художники жалѣли Егорова и высоко цѣнили его.

Почтенный заслуженный профессоръ А. Е. Егоровъ былъ личностью оригинальною и заслуживаетъ полнаго уваженія, какъ художникъ и добрый человѣкъ. Слава его распространилась по всей Россіи, а во время его пребыванія за границей знали его Италія и Франція, какъ превосходнаго рисовальщика. Увольненіе Егорова изъ Академіи не лишило его въ глазахъ художниковъ званія заслуженнаго профессора, полученнаго имъ по приговору академическаго совѣта, какъ не возвысило пожалованіе въ профессора Зарянку.

Не имѣя намѣренія писать біографію или оцѣнку произведеній и значенія Егорова въ исторіи русскаго искусства, я ограничусь личными воспоминаніями.

Егоровъ жилъ на Васильевскомъ Острову, въ 1-й линіи. Фигура его, образъ мыслей, одежда—все въ Егоровѣ было свое-

образно. Добро и ласково я былъ принятъ имъ при моемъ первомъ посѣщеніи. Онъ повелъ меня по комнатамъ, увѣшаннымъ картинами его работы, и познакомилъ со своей женой, Вѣрой Ивановной — почтенной старушкой, съ сыномъ Евдокимушкой, со своей дочерью и ея мужемъ, офицеромъ, который жилъ тутъ же,—фамиліи его не помню.

Егоровъ былъ менѣе чѣмъ средняго роста, пухленькій, сѣдой; глаза черные, большіе, умные и добрые, смотрѣли прямо; на головѣ была у него всегда кожаная старая ермолка, а на немъ—старый халатъ, испачканный краской. Такъ онъ былъ одѣтъ дома; если же куда-либо отправлялся,—что̀ случалось очень рѣдко,—то надѣвалъ длинный, старомодный сюртукъ. Женѣ своей онъ говорилъ: „вы, Вѣра Ивановна“, она ему—„вы, Алексѣй Егоровичъ“. Смѣялся онъ искренно и добродушно. Въ то время, когда я познакомился съ нимъ, ему было за семьдесятъ лѣтъ. Опредѣленъ онъ былъ въ Академію ребенкомъ и, дойдя до натурнаго класса, занялъ мѣсто помощника профессора, а затѣмъ, какъ лучшій ученикъ, былъ отправленъ за границу.

Живя въ Италіи, Егоровъ прославился какъ композиторъ и рисовальщикъ. Канова, Камуччини знали его и цѣнили; папа предлагалъ ему сдѣлаться его придворнымъ живописцемъ; но Егоровъ, какъ патріотъ и къ тому же религіозный человѣкъ, не захотѣлъ измѣнить своему отечеству. Война Франціи съ Италіей заставила его вернуться въ Россію въ началѣ 1807 года; а въ 1812 г.,—за картину „Истязаніе Спасителя“,—онъ былъ признанъ профессоромъ. Императоръ Александръ I далъ Егорову прозвище „знаменитый“, когда онъ въ двадцать восемь дней сочинилъ и окончилъ въ царскосельскомъ дворцѣ огромное аллегорическое изображеніе „Благоденствіе мира“, которое заключало болѣе девятисотъ фигуръ въ натуральную величину. Егоровъ былъ учителемъ императрицы Елизаветы Алексѣевны. Тогдашніе любители живописи дорого платили за его рисунки. Въ моемъ собраніи ихъ семьдесятъ два, изъ которыхъ особенно интересны два рисунка, сдѣланные въ Италіи, изображающіе борющихся гладіаторовъ, а затѣмъ рисунокъ съ натуры мужской фигуры въ ракурсѣ [1]). Объ этомъ рисункѣ Алексѣй Егоровичъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Пріѣхавъ въ Италію, онъ отправился въ натурный классъ, гдѣ спросили его:—умѣетъ ли онъ рисовать?—и, получивъ отъ него отвѣтъ, что „умѣетъ“, допустили въ классъ, гдѣ

[1]) Собраніе это продано И. Н. Терещенко. Рисунки были пріобрѣтены мною отъ самого Егорова и частью, послѣ смерти А. Е., отъ его сына Евдокимушки, который впослѣдствіи переселился въ Парижъ, гдѣ и умеръ.

всѣ мѣста оказались занятыми; и ему пришлось помѣститься коекакъ подъ выставленной фигурой. Егоровъ въ полчаса набросилъ всю фигуру, положилъ въ папку, всталъ и началъ ходить по классу, посматривая на чужіе рисунки. На него обратили вниманіе и спросили: почему онъ не рисуетъ? „Да я уже кончилъ!" отвѣтилъ Егоровъ. Посмотрѣли рисунокъ—и удивились его мастерству; слава о немъ, какъ о большомъ мастерѣ, распространилась.

Италію и итальянцевъ Егоровъ очень полюбилъ и вспоминалъ о нихъ съ удовольствіемъ. По его разсказамъ, живя въ Италіи, онъ обыкновенно начиналъ сеансъ натурщика съ того, что клалъ на столъ золотой, который натурщикъ могъ получить, если прислонитъ Егорова спиной къ стѣнѣ, на разстояніи четверти аршина; и ни одинъ натурщикъ никогда золотого не получилъ. Затѣмъ они сгибали руки, упершись локтями на столъ; и натурщикъ долженъ былъ пригнуть руку Егорова къ столу, за что также могъ получить золотой. Иногда они становились другъ противъ друга, взявшись правыми руками; и натурщику опять предстояло получить золотой, если онъ сдвинетъ Егорова съ мѣста. Но эта проба силы кончалась тѣмъ, что натурщикъ отбрасывался въ сторону, а Егоровъ клалъ обратно золотой въ свой карманъ; и „русскій медвѣдь", какъ его прозвали итальянцы, потѣшался надъ ихъ слабостью.

Для церкви Академіи художествъ Егоровъ написалъ образъ „Богородица въ кругу святыхъ", съ фигурами въ натуральную величину. Когда картину эту, въ массивной и тяжелой рамѣ, вѣшали на стѣну, не мало пришлось возиться съ нею прислугѣ. Наконецъ Егоровъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Дайте-ка мнѣ! — и съ этими словами полѣзъ по лѣстницѣ, ухватилъ картину за канатъ и повѣсилъ, посмѣиваясь. Колоду картъ онъ легко разрывалъ пополамъ.

Во время моего знакомства съ Алексѣемъ Егоровичемъ, я былъ силенъ, могъ гнуть средней толщины кочергу, и два, три человѣка обыкновенной силы — едва могли меня побороть. Егоровъ со мной продѣлывалъ опыты какъ съ натурщиками; и я не могъ его старческой руки пригнуть къ столу, а мою руку онъ легко пригибалъ. Мнѣ было тогда двадцать одинъ годъ, а ему—за семьдесятъ.

Добротою и довѣрчивостью Егорова и жены его нерѣдко пользовались. Однажды, прихожу я къ нему утромъ и звоню... не отворяютъ; еще разъ и громче!.. дверь немного пріотворилась;—

прислуга смотритъ съ испугомъ и, признавъ меня, проворно впускаетъ, заперевъ дверь.

Вдали стоитъ сынъ, изъ другой комнаты выглядываетъ жена, а далѣе и самъ Алексѣй Егоровичъ. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ всматриваются въ пришедшаго.

— Что̀ такое? Что̀ случилось?—спрашиваю я.

— Эхъ, батюшка, Левъ Михайловичъ!—говоритъ Вѣра Ивановна:—давно вы у насъ не были, а тутъ—бѣда! Съ чердака украли люстру,—полиція намъ заявила,—да Богъ съ ней, съ этой люстрой... мало ли что̀ тамъ у насъ есть,—мы не жаловались; а теперь, который уже день, ходитъ полиція и производитъ слѣдствіе. Ужъ Алексѣй Егоровичъ велѣлъ дать квартальному красненькую, чтобъ отвязался: красненькую онъ взялъ и все ходитъ: „Нѣтъ, говоритъ, оставить дѣла нельзя“. Мы дали еще, а онъ все приходитъ,—покоя нѣтъ!..

Вдругъ раздался сильный звонокъ. Хромая старуха-кухарка, ворча, бѣжитъ въ переднюю. Звонокъ повторился сильнѣе. Я сказалъ, чтобы не отворяла, и пошелъ самъ отворить дверь. Вижу— квартальный.

— Что ты тутъ шатаешься?—сердито крикнулъ я.—Я тебя, негодяя, упеку! Сейчасъ напишу записку министру и съ тобой же къ нему отправлю!.. Чтобъ твоя нога здѣсь не была!.. Вонъ!.. Кто я? узнай!..

Захлопнувъ дверь, ему подъ носомъ, взволнованный возвратился я къ старикамъ. Перепугались они и горячо благодарили за избавленіе отъ назойливой полиціи. Въ слѣдующіе дни я нарочно приходилъ по утрамъ, для успокоенія стариковъ и въ ожиданіи полиціи; но квартальный не показывался. Водворилось спокойствіе, и занятія мои у старика возобновились. Удивляясь, Егоровъ говорилъ: „Какъ это ты, братецъ, его выгналъ такъ?.. Молодецъ! Спасибо! спасибо, а то бы мы отъ него не отдѣлались“...

Обстановка Егорова была скромная. Со старостью, заказы сократились, а расходы увеличились. Лишившись мѣста въ Академіи, А. Е. долженъ былъ платить за квартиру, покупать дрова, снабжать выросшаго сына деньгами; дочери вышли замужъ, и явился новый расходъ на нихъ. Приходилось ограничивать себя, и милый профессоръ самъ закупалъ сальныя свѣчи, самъ ихъ заправлялъ въ подсвѣчники;—ѣда его была простая.

Случайно узналъ я отъ сына, Евдокимушки, что отецъ его поетъ и хорошо играетъ на гитарѣ и балалайкѣ; — при этомъ Вѣра Ивановна подосадовала на Евдокимушку, что тотъ выдалъ

забаву отца на такомъ неблагородномъ инструментѣ. Я сталъ упрашивать Алексѣя Егоровича сыграть и спѣть что-нибудь; онъ отнѣкивался, говоря, что неприлично играть на мужицкомъ инструментѣ. Однако, мнѣ удалось уговорить старика; и онъ, взявъ балалайку, сѣлъ у раствореннаго окна и взялъ нѣсколько аккордовъ. Вечернее солнце садилось и окрашивало осеннее небо. Взявъ еще нѣсколько аккордовъ, онъ, шутя, запѣлъ, подыгрывая:

„Алексѣй, Егоровъ сынъ,
Всероссійскій дворянинъ", и пр.

Какъ жалѣю я, что не въ силахъ написать его портретъ именно въ такомъ видѣ!.. Черные, блестящіе, умные глаза; довольно длинные сѣдые волосы; голова, повязанная синимъ клѣтчатымъ платкомъ; старый, въ краскѣ, халатъ; крупныя черты лица, освѣщенныя осеннимъ заходящимъ солнцемъ... Много высказалось и чувствовалось грустнаго въ его шутливой игрѣ... Это—заслуженный профессоръ!.. знаменитый рисовальщикъ, уволенный изъ Академіи, за неумѣніе рисовать!.. „Знаменитый" при Александрѣ I, и униженный, оскорбленный при его преемникѣ...

Свои академическіе рисунки я приносилъ на просмотръ къ Егорову, и онъ, знающей рукой, поправлялъ ошибки. Въ настоящее время художники такъ не знаютъ антики; и имъ покажется невѣроятнымъ, что Егоровъ каждую голову антика и каждую статую, съ любой точки, могъ нарисовать наизусть.

Въ 1849 или 1850 году открылась въ Академіи выставка рѣдкихъ вещей, въ пользу бѣдныхъ. Явилось много рѣдкостей, картинъ и статуй, скрытыхъ для публики, въ собраніяхъ любителей. Я уговорилъ Алексѣя Егоровича пойти со мною на выставку. Когда мы вошли въ залу, молодые художники встрѣтили его съ почтительными поклонами, и между ними были его прежніе ученики-академики и профессора: Завьяловъ, Марковъ и проч. Я пожелалъ купить каталогъ выставки, но Егоровъ нашелъ эту трату лишней, увѣряя, что и безъ каталога „все знаетъ". Однако, каталогъ былъ мною купленъ, и я имѣлъ возможность убѣдиться, до чего безошибочно Егоровъ опредѣлялъ все, указывая и на то, что такая-то картина приписывается такому-то мастеру, но она не его, или такая-то—„копія, а не оригиналъ". Около насъ собралась порядочная толпа; и всѣ съ вниманіемъ слушали отзывы и сужденія опытнаго знатока. Каталогъ, дѣйствительно, оказался ненужнымъ.

Одѣвался А. Е. оригинально. Когда онъ выходилъ изъ дому, на немъ былъ длинный, какъ я сказалъ, сюртукъ; всегда чистая,

некрахмаленная бѣлая рубашка съ отложнымъ воротникомъ и синяя шинель, покроя начала нынѣшняго столѣтія, со множествомъ воротниковъ. Шинель застегивалась у шеи большой металлической пряжкой съ такою же цѣпочкой; на головѣ, зимою и лѣтомъ, была у Егорова низенькая, твердая, черная пуховая шляпа съ довольно большими полями и въ рукахъ трость. Я часто гулялъ съ нимъ; и по дорогѣ мы заходили въ сосѣднюю фруктовую и мелочную лавку Тихонова. Тутъ Алексѣя Егоровича почтительно встрѣчали; онъ занималъ свое обычное мѣсто на лавочкѣ, я садился рядомъ съ нимъ, и начиналась бесѣда. Тихоновъ сообщалъ газетныя и городскія новости. Наговорившись, мы отправлялись въ Андреевскій рынокъ, къ знакомому Алексѣю Егоровичу скопцу-мѣнялѣ, гдѣ также отдыхали въ небольшой лавочкѣ и выслушивали новости; или шли на Тучковъ мостъ, черезъ который не переходили, но, стоя у перилъ, наблюдали прохожихъ и проѣзжихъ. Тутъ, облокотясь на перила, мы долго стояли, и насъ потряхивало при проѣздахъ экипажей. Егоровъ говорилъ, что „стоять здоровѣе, чѣмъ сидѣть“.

— А что, тебѣ не совѣстно со мной гулять?—спросилъ онъ разъ неожиданно.

— Чтò вы, Алексѣй Егоровичъ! почему вы это спрашиваете?

— А мой Евдокимушка со мной гулять не любитъ,—говоритъ, что совѣстно, потому что у меня старинная шинель и шляпа!.. А развѣ шинель плоха? Вѣдь я за нее заплатилъ въ 1812 году семьдесятъ рублей! развѣ и ее пора въ отставку? отслужила... негодна...

Писать масляными красками я началъ у Егорова, копируя этюды его головокъ съ полнатуры. По вечерамъ, онъ освѣщалъ свою и мою работу сальной свѣчой, поставленной на особо приспособленной дощечкѣ съ боковыми и задней стѣнкой, такъ что получалось освѣщеніе картины, а глаза наши были защищены отъ огня. Смотря по работѣ, мы рѣшали, чтò слѣдуетъ дѣлать завтра; тихо и покойно сидѣли и бесѣдовали. Иногда, вмѣсто нашихъ работъ, на мольберты ставились рисунки или эстампы. Въ этихъ случаяхъ Егоровъ подробно разбиралъ рисунокъ каждой фигуры, бралъ бумагу и набрасывалъ карандашомъ фигуру, которая казалась ему неправильною.

Довольно часто я читалъ старику Библію, Евангеліе и другія священныя книги. А. Е. былъ человѣкъ вѣрующій и зналъ священное писаніе, какъ немногіе. Однажды я увлекъ его чтеніемъ какого-то романа. Егоровъ съ большимъ вниманіемъ слушалъ, безпокоился, возмущался, ждалъ съ нетерпѣніемъ моего прихода;

и мы продолжали чтеніе, запершись въ мастерской, гдѣ насъ никто и никогда не тревожилъ. Иногда А. Е. разсказывалъ прочитанное Вѣрѣ Ивановнѣ, которая мнѣ жаловалась, что старикъ, послѣ чтенія, очень волнуется и плохо спитъ ночью. Желая успокоить его, я сказалъ: „Вѣдь это только разсказъ, все сочинено, а не дѣйствительно такъ происходило".

— Эхъ, батенька!.. Что-жъ ты мнѣ этого не сказалъ!..

Однако прекратить чтеніе не захотѣлъ.

Алексѣй Егоровичъ работалъ до конца своей жизни; едва-ли не послѣдняя работа его была подарена въ церковь св. Маріи-Магдалины: два мѣстныхъ образа. На свое занятіе А. Е. смотрѣлъ съ уваженіемъ, много писалъ для церквей, называлъ себя монахомъ—„только безъ рясы и не въ монастырѣ". Взглядъ на искусство онъ имѣлъ своеобразный и говорилъ, что рисовать можетъ выучиться всякій; что это тоже наука, какъ и математика. Рисуя и научая другихъ рисовать съ натуры, онъ требовалъ знанія анатоміи и антиковъ, а не мѣстнаго копированія натурщика, и говорилъ ученику:

— Что̀, батенька, ты нарисовалъ? Какой это слѣдокъ?!

— Алексѣй Егоровичъ, я не виноватъ,—такой у натурщика...

— У него такой! вишь, расплывшійся, съ кривыми пальцами и мозолями! Ты учился рисовать антики! долженъ знать красоту и облагородить слѣдокъ. Вотъ, смотри-ка...

И онъ бралъ изъ рукъ ученика карандашъ и исправлялъ работу.

Взглядъ этотъ былъ оставленъ съ появленіемъ въ Академіи К. Брюллова, который, превосходно изучивъ антики, умѣя тоже наизусть рисовать Аполлона и группу Лаокоона, умѣлъ и облагородить уродливое колѣно натурщика, слѣдокъ или ухо, но отъ ученика, рисующаго съ натуры, требовалъ ея портрета, совершенной передачи видимаго. Работу, сдѣланную безъ натуры, онъ клеймилъ прозваніемъ *отсебятины*. Не разсуждающіе ученики, не понимая его требованій, пренебрегали антиками, ихъ изящной красотой и, не умѣя уравновѣсить требованій Егорова съ требованіями Брюллова, перестали чувствовать тонкое изящество черты, линіи и гармоніи, и передавали рабски видимое. Брюлловъ цѣнилъ заслуги Егорова русскому искусству, и Егоровъ цѣнилъ Брюллова; иначе и быть не могло,—оба понимали искусство. Достаточно вспомнить слова, вырвавшіяся у старика Егорова, смотрѣвшаго на „Распятіе Христа" Брюллова: „Каждый мазокъ твоей кисти, Карлъ Павловичъ, есть величайшая хвала

Богу!“ Такъ красота формъ и духовное содержаніе были вполнѣ доступны старику-классику.

Егоровъ умеръ въ 1851 году, и послѣднія его слова были: „Догорѣла моя свѣча“...

Въ послѣдніе годы жизни Алексѣя Егоровича, никто не былъ къ нему ближе меня. Это говорилъ мнѣ онъ самъ, а жена его по этому поводу выражалась такъ: „Евдокимушка вѣтренъ, жена не художникъ, дочери и ихъ мужья не понимаютъ его“. Горячая моя любовь къ художеству, мои эскизы, успѣхи—были дороги сердцу Егорова. Съ какою любовью и радостью онъ встрѣчалъ меня почти ежедневно, и какъ пріятно было сидѣть съ нимъ вдвоемъ въ мастерской: работать, читать, разговаривать или отправляться съ нимъ на прогулку!

Во время болѣзни и при смерти А. Е. я былъ въ отсутствіи, и когда вернулся въ Петербургъ, то Вѣра Ивановна и сынъ ея говорили мнѣ, что старикъ очень желалъ меня видѣть. Тяжело было мнѣ и грустно, что я не имѣлъ возможности проститься съ добрымъ и почтеннымъ учителемъ.

Я сдѣлалъ тогда эскизъ, на которомъ изобразилъ Егорова въ постели, передающаго молодыхъ художниковъ Брюллову, и жалѣю, что не написалъ такой картины,—но для этого я былъ слабъ. Мысль вѣрна, и мѣсто Егорова въ исторіи нашего искусства именно таково: мы всѣ обязаны Брюллову, а Брюлловъ много обязанъ Егорову.

Знаніе старика Егорова анатоміи было изумительное. Бывало, рисуя или поправляя рисунокъ, онъ называлъ каждый мускулъ, связки, косточки, чего теперь—увы!—художники не знаютъ. Профессоръ анатоміи Буяльскій, читавшій намъ лекціи на моделяхъ, натурщикахъ и трупахъ, иногда водилъ насъ въ Эрмитажъ и, указывая на статуяхъ и картинахъ ошибки въ анатоміи, подходя къ картинѣ Егорова „Истязаніе Христа“ [1]), говорилъ: „Вотъ единственная картина, въ которой нѣтъ ни единой ошибки“. Да, молодые люди, слѣдуетъ художнику знать анатомію такъ, какъ зналъ ее Егоровъ; умѣть облагородить натуру, умѣть и скопировать ее до точности, какой требовалъ Брюлловъ,—и тогда художникъ, одухотворенный геніемъ и искренностью, произведетъ твореніе, которое будетъ безсмертно, выдерживая критику вѣками.

Алексѣй Егоровичъ Егоровъ похороненъ на Смоленскомъ

---

[1]) Картина эта теперь находится въ музеѣ императора Александра III-го, подъ № 129.

кладбищѣ. По возвращеніи въ Петербургъ, я посѣтилъ его могилу; со слезами простился съ нимъ, повѣсилъ вѣнокъ на деревянный крестъ и дерновую, свѣжую еще могилу — убралъ зеленью.

XX.

Я совершенно втянулся въ художественныя занятія, сознавая, что долженъ вернуть то, что̀ было упущено въ теченіе пятнадцати лѣтъ корпусной жизни. Я помнилъ слова Брюллова, что учиться рисовать слѣдуетъ съ дѣтства, такъ же рано, какъ учиться говорить, чтобы умѣть высказать, что̀ чувствуешь и сознаешь. Я рисовалъ съ утра; рисовалъ вечеромъ, и часто ночью вставалъ, чтобы зачертить сонъ или представлявшіяся мнѣ фигуры.

Лѣтомъ 1849 года, отецъ мой взялъ отпускъ и собрался ѣхать съ нами въ деревню Павловку, мою родину. Но деревня меня не привлекала. Моей дорогой тетки Тиктованы не было въ живыхъ, дочери ея—тоже; къ тому же, я разсчитывалъ лѣтомъ ходить въ скульптурный классъ днемъ, чтобы рисовать съ антиковъ, а по вечерамъ—дома, съ эстамповъ и своихъ гипсовъ; чаще посѣщать Эрмитажъ и къ осени сильно подвинуться въ техникѣ. Ѣхать въ деревню, къ которой охладѣлъ и которую забылъ, мнѣ не хотѣлось—и я отказывался. По этому поводу у меня были серьёзныя бесѣды съ братомъ Алексѣемъ, который уговаривалъ ѣхать, убѣждая тѣмъ, что съ гипсовъ я успѣю рисовать цѣлую зиму, тогда какъ теперь представляется случай ознакомиться съ живой натурой и природой. Наши пренія кончились его побѣдой; я сдался и началъ собираться. Дорожные сундуки были вытащены, и прислуга занялась укладкой. Насъ, отъѣзжающихъ, было много: отецъ, сестра, пять братьевъ, горничная, два лакея и поваръ. Оказалось, что нѣтъ достаточно мѣста для багажа. Отецъ спрашивалъ каждаго: „Нѣтъ ли чего лишняго?“ — оказалось, что у всѣхъ только необходимое. Начался пересмотръ вещей и... о, ужасъ!.. мой багажъ почти весь вытащили вонъ, и тогда я вновь отказался ѣхать. Что̀ же вытащили? Гипсовыя руки, ноги и античный бюстъ. Сколько съ ихъ стороны было смѣха, который вызывалъ во мнѣ огорченіе до слезъ!—Что̀ я буду дѣлать безъ гипсовъ?.. рисовать какихъ-то мужиковъ или бабъ, деревья! отстану я отъ товарищей!..

Однако, меня успокоили, и я поѣхалъ со всѣми. Выѣхали мы весело; проѣзжая по городу, братья дурачились, раскланя-

ваясь съ публикой; только я былъ хмуренъ. Тогда еще желѣзныхъ дорогъ не было, кромѣ одной царскосельской, и ѣзда на лошадяхъ давала возможность знакомиться съ народомъ и мѣстностью. Меня начали занимать физіономіи ямщиковъ, ихъ молодецкая ухватка, небрежно и красиво наброшенные кафтаны, степенность манеръ, живописность нарядовъ; почтенныя головы стариковъ; поющіе нищіе; дурочка, пришедшая на ярмарку за тридцать верстъ въ одной рубашкѣ; продавщицы бубликовъ и ягодъ; дѣти, красиво сгруппировавшіяся около бабушки... Я зачерчивалъ все съ бьющимся усиленно сердцемъ, торопясь уловить, что̀ могъ. При этомъ я отмѣчалъ буквами цвѣта одеждъ. Къ сожалѣнію, теперь рѣдко встрѣчаются одежды, сдѣланныя собственными руками крестьянъ; фабрики, вмѣстѣ съ желѣзными дорогами, вытѣснили самостоятельный вкусъ народа, который подавляется безвкусіемъ, а прочность замѣнилась гнилью.

Зачерчивая и записывая все, я обращалъ вниманіе на шитье рубахъ и полотенецъ, на рѣзьбу наличниковъ у оконъ, форму и рѣзьбу на воротахъ, на крыльца, кіотки. Довольства я не видѣлъ, и нерѣдко ямщикомъ на козлахъ или форейторомъ бывали дворяне, нисколько не отличавшіеся отъ мужиковъ.

Въ Москвѣ мы остановились въ домѣ, гдѣ я былъ еще ребенкомъ и который впослѣдствіи принадлежалъ В. А. Перовскому. Я вспомнилъ давно прошедшее: свое дѣтство и мать, комнаты, трюмо, дворъ и садъ, обнесенные заборомъ, каланчу. Домъ находился на Новой Басманной [1]). Усадьба была просторная; на большомъ дворѣ ходилъ журавль и паслась лошадь со спутанными ногами; въ саду былъ прудъ. Въ это время въ домѣ жила тетушка моей матери, добрѣйшее существо; за порядкомъ въ домѣ и усадьбѣ смотрѣлъ старикъ Никита Сергѣевичъ Меркуловъ, который ежедневно, рано утромъ, шелъ на Мясницкую улицу свѣрить свои часы съ часами, находящимися на домѣ Бутенопа; затѣмъ, свѣрялъ съ часами на Спасскихъ воротахъ, возвращался домой и, провѣривъ всѣ часы въ домѣ, подходилъ къ ручкѣ старушки, которая, прочтя газеты, отдавала ихъ Никитѣ Сергѣевичу.

Припомнилось мнѣ дѣтство, когда мы жили въ этомъ домѣ; я увидѣлъ ту же комнату съ колоннами и трюмо, предъ которымъ неожиданно для всѣхъ, по моей просьбѣ, кудри мои были выстрижены, и я причесанъ какъ солдатъ. Припомнилось и си-

---

[1]) Домъ, построенный изъ сосновыхъ брусьевъ гужеваго дерева, стоялъ необшитый; онъ и теперь существуетъ, купленный купцомъ Алексѣевымъ; но испорченъ устройствомъ лавокъ и дровяного склада.

дѣніе у окна, разглядываніе проѣзжающихъ въ экипажа
форейторами; полиціймейстеръ, сопровождаемый скачущим
заками; а также протяжный крикъ ночью съ каланчи: „
а-а-а-ай!“ Слушая этотъ крикъ, и жутко было, и пріятв
кто-то меня охраняетъ. Теперь ужъ я не слышалъ этого

Въ нижнемъ этажѣ дома жила слѣпая старушка, няня
матери, которая, разговаривая съ моею сестрою, вообража
разговариваетъ съ нашей матерью. У этой няни на
жили слѣпыя и больныя отъ старости собаки. Когда я по
пойти въ садъ, то старушка бабушка, „Копотка“ (какъ м
звали эту тетушку матери), меня предупреждала, „чтобы
дразнилъ журавля, а то онъ можетъ накинуться, и берег
шади, такъ какъ она брыкается“. Журавль былъ очень
а лошадь еще старѣе, и опасенія бабушки были совершен
прасны. Судьба этой лошади была оригинальна: когда
прягли въ сани, чтобы ѣхать бабушкѣ въ баню, она за
ее отложили, и съ тѣхъ поръ уже никогда не закладывал

Повидавшись въ Москвѣ съ родными и простившись съ
мы отправились далѣе, заѣхали къ родственникамъ въ т
скую губернію, въ свою пензенскую деревню и, наконецъ,
ѣзжали къ Павловкѣ.

Сердце мое начало биться сильнѣе, и я просилъ не
рить мнѣ, когда будемъ подъѣзжать къ Павловкѣ; хотѣло
вѣрить—могу ли узнать ее.

Утро было чудное; братья спали; ямщики ѣхали, весело
кликаясь; экипажи катились безъ стука по гладкому черн
Въ экипажъ лѣзли колосья, и, наконецъ, на горѣ пока
помѣщичья усадьба съ садомъ и рощею... „Это Павловка!“
залъ я, разбудивъ братьевъ. Дѣйствительно, это была она.
мы увидѣли прудъ; зашумѣла вода, бѣгущая сквозь щели
плотины, и мы стали подниматься по отлогой горѣ. Нал
избы, направо—ограда англійскаго сада; встрѣчаетъ нас
стьянинъ Севастьянъ Собольковъ, воспитанный въ пете
скомъ земледѣльческомъ училищѣ; онъ съ образомъ бѣжитъ
и поетъ какую-то молитву. Вотъ повернули направо, въ
каменная кухня, изъ которой когда-то, въ метель, Ѳедос
дошелъ до дома; вотъ фруктовый садъ съ каменной огр
липовой аллеей, по которой я гулялъ съ Тикованой; вда
домомъ, въ дубовой рощѣ кричатъ тѣ же стаи грачей,
которыхъ мнѣ такъ нравился въ дѣтствѣ. Подъѣхали къ
на сердцѣ было отрадно и грустно. Я просилъ пустить
впередъ, такъ какъ хорошо помнилъ расположеніе комна

называя комнаты, я шелъ, а за мною слѣдовали братья и отецъ. Вотъ зала, гдѣ лежала на столѣ въ гробу, въ лиловомъ платьѣ, мать; вотъ гостиная, кресла, на ручкахъ которыхъ я любилъ натягивать нитки и слушать звуки, перебирая ихъ пальцами, какъ струны; вотъ ручки дивана, по которымъ мы съ братомъ Владиміромъ спускали коровокъ, сдѣланныхъ отцомъ изъ сырой рѣпы. На окнахъ были тѣ же старыя шторы, разрисованныя клеевыми красками, съ изображеніемъ швейцарскихъ видовъ, съ водопадами, хижинами и горами; на балконѣ—прежнія колонны, обвитыя шевръ-фёйлемъ; подъ окнами—кусты жасмина и сирени. Вотъ маленькая гостиная, уставленная старинной мебелью корельской березы, въ углу—столикъ и на немъ старинный самоваръ; тутъ же два окна, изъ которыхъ, пробуя дождь, я и братъ Владиміръ упали въ садъ и напугались подошедшей къ намъ коровы. Вотъ и спальная матери... Сердце мое сжалось, я едва переводилъ дыханіе. Вотъ и двѣ дѣтскихъ комнаты, въ которыхъ жилъ я съ братомъ Владиміромъ; тѣ же кроватки, любимая моя игрушка, съ работающими мужиками; кіотъ и образа, передъ которыми добрая Тикована учила меня молиться... Я не могъ болѣе говорить, сѣлъ, закрылъ лицо руками и зарыдалъ... Меня оставили одного... Я плакалъ, плакалъ о прошломъ: зачѣмъ меня увозили отсюда? Чему научили?.. Что̀ изъ меня сдѣлали?.. Дѣтство, юность—были отравлены. Я видѣлъ только горе, гнетъ!.. Все доброе, все хорошее—было подавлено!..

На другой день, обойдя домъ, садъ, усадьбу и рощу, я взялъ ружье и, въ первый разъ въ жизни, вздумалъ поохотиться. Придя къ пруду, я замѣтилъ въ тростникѣ утокъ. Осторожно подкравшись, я выстрѣлилъ такъ удачно въ стадо, что вернулся домой и послалъ подобрать дичь. Оказалось, что это были утки моей няни Надежды. Болѣе я уже не стрѣлялъ, а случалось ходить на охоту за перепелами съ мужикомъ, у котораго была собака и на рукѣ сидѣлъ ястребъ. Бывало, въ утро мы приносили мѣшокъ перепеловъ; ѣли ихъ часто; кромѣ того, солили и привозили въ Петербургъ.

Получивъ отъ няни приготовленныя для меня хлѣбныя лепешки, я забиралъ ихъ въ карманъ, и съ утра до обѣда бродилъ по сосѣднимъ деревнямъ, рисуя все, что̀ попадалось, и все мнѣ стало мило; все, казалось, будетъ пригодно, и я вспоминалъ К. Брюллова, сказавшаго мнѣ, что „нѣтъ тѣхъ данныхъ, которыя не были бы нужны художнику". Въ дурную погоду и вечеромъ я рисовалъ съ эстамповъ Пуссена и Лесюэра.

Время въ деревнѣ мы проводили весело. Родныхъ наѣхало

много и проживали они долго. Изъ Петербурга пріѣхал рый отставной морякъ, извѣстный всѣмъ весельчакъ, Ива тровичъ Бунинъ, съ двумя дочерьми, которыя были уче Глинки и Даргомыжскаго, и хорошо пѣли. Онѣ были тов сестры моей по Смольному монастырю. Сестра играла на серьезныя пьесы: Бетховена, Мендельсона, Шопена и Г Такъ прошли почти два мѣсяца съ половиною; и къ п сентября отецъ мой долженъ былъ поспѣть на службу натъ. Выѣхали мы изъ деревни въ двадцатыхъ числахъ и во-время поспѣли въ Петербургъ.

XXI.

По возвращеніи изъ Павловки, я продолжалъ посѣщат демію и занялся сочиненіемъ аллегорическихъ и миѳологич этюдовъ [1]). Вообще, подобные сюжеты полезны для из формъ тѣла во всѣхъ поворотахъ, какъ азбука, но н цѣль, къ которой стремилась Академія. Для упражненія глаза, я пользовался гравюрами съ Рафаэля, Микель-Ан Пуссена, копируя ихъ то въ величину эстампа, то бол или въ уменьшенномъ видѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во мнѣ пр лась любовь къ совершенно противоположнымъ художник напр., къ Гаварни, съ рисунковъ котораго я копировалъ тщательно, увеличивая ихъ въ два и три раза. Меня ув свободная его манера, свобода въ набросках, съ сохра характеровъ фигуръ... Не то думаю я теперь, по прош пятидесяти лѣтъ! Не такъ слѣдовало учиться, теряя безп время! Но увлекался Гаварни не я одинъ, начинающій к Увлекался имъ и такой художникъ, какъ Ѳедотовъ, котор ворилъ: „Ежели намъ нравится, мы увлечены и копируе значитъ, это выше насъ!“...

Между тѣмъ, со смертью Егорова, я лишился друга стояннаго наставника. Академія мало приносила пользы. въ классахъ по вечерамъ, въ темнотѣ, при масляныхъ ла производившихъ духоту и копоть, ученики не получали о журныхъ преподавателей объясненій. Бывали и такіе деж

---

1) Я показывалъ Егорову мои рисунки съ натуры, сдѣланные въ Павл Алексѣй Егоровичъ, разсматривая ихъ, говорилъ, подсмѣиваясь: „Когда, будешь умѣть рисовать антиковъ и натурщиковъ, съумѣешь нарисовать и стяки. Искусство не то требуетъ“... Ученикъ Брюллова, Карицкій, также от рисованію мужиковъ довольно несочувственно.

какъ, напр., Токаревъ, которые постоянно ставили одну и ту же голову или фигуру въ свое дежурство. Нѣкоторые преподаватели не только не брали карандаша въ руки, чтобы показать ученику его ошибки, но даже цѣлый мѣсяцъ не подходили къ нему. Черезъ мѣсяцъ ученикъ видѣлъ на своемъ рисункѣ какой-нибудь № 52 или № 15, не понимая причины, по которой ему поставили тотъ или другой нумеръ. Рисуя одно и то же, ученики нерѣдко дремали надъ рисункомъ. Утреннія лекціи перспективы, начинавшіяся въ восемь часовъ, я посѣщалъ съ удовольствіемъ. Читалъ ихъ умно и живо профессоръ М. Н. Воробьевъ. Во время лекцій онъ касался искусства вообще и прекрасно объяснялъ его значеніе.

Мнѣ очень хотѣлось тогда сблизиться съ художниками, и я очень обрадовался, когда скульпторъ Александръ Николаевичъ Бѣляевъ пригласилъ меня къ себѣ. Съ того времени, я началъ посѣщать его часто и привязался къ нему, какъ къ художнику, горячо любившему искусство; онъ былъ добрый, честный и простой человѣкъ и жилъ только для искусства. Квартира Бѣляева была у Тучкова моста, въ третьемъ этажѣ. Два окна его комнаты были обращены на Малую Неву, Тучковъ мостъ и Петровскій паркъ; отсюда свободно можно было любоваться водою, зеленью парка въ отдаленіи, небомъ, закатомъ солнца, спокойствіемъ рѣки или ея вздутыми бѣлыми волнами. Входъ въ квартиру Бѣляева былъ изъ открытой галлереи, тянувшейся вдоль всего длиннаго дома. Изъ передней направо была комната въ одно окно, выходящее въ упомянутую галлерею. Комната эта служила... трудно опредѣлить, чѣмъ именно,—тутъ обѣдали, пили чай, вѣшали платье и оставляли калоши. Тутъ висѣли гипсовые слѣпки на стѣнахъ; на полкахъ лежали формы бюстовъ и разныхъ моделей, запасъ глины, маски, глиняная голова непокаявшагося разбойника, распятаго около Христа, маска великой княжны Александры Николаевны (то и другое работы Витали) и стояла группа изъ глины (неоконченная) работы К. П. Брюллова, „Діана и Эндиміонъ", которую я видѣлъ у Карла Павловича. Въ этой комнатѣ жилъ и ученикъ Бѣляева, Иванъ Власьевичъ Кузнецовъ, впослѣдствіи скульпторъ-академикъ. Другая дверь изъ прихожей вела прямо въ мастерскую Бѣляева, которая вся была заставлена статуями и увѣшана гипсовыми слѣпками; мебель состояла изъ жесткаго съ буграми дивана, обитаго грубой клеенкой, на которомъ Бѣляевъ спалъ и усаживалъ гостей. Укладываясь спать, онъ покрывался одѣяломъ, которое дала ему, много лѣтъ назадъ, мать, при отъѣздѣ его изъ Москвы,

передъ поступленіемъ въ Академію; одѣяло было коротко
случалось, при нездоровьѣ Бѣляева, прикрывать его ног
чавшія изъ-подъ одѣяла, сюртукомъ, штанами или его бе
на бараньемъ мѣху. Одѣяло это онъ очень любилъ и
тщательно укладывая его днемъ къ одному краю дива
было въ родѣ разноцвѣтной мозаики изъ кусочковъ ситц
ганное ватой.

Пища Бѣляева была самая простая; ѣлъ онъ весе
аппетитомъ. Ученикъ его, Иванъ Власьевичъ, приноси
кухмистера судокъ, въ которомъ были неизмѣнныя щи,
кусочки говядины, а въ праздники—пирогъ. Изъ этихъ
деревянными ложками хлебалъ онъ щи съ Иваномъ В
чемъ, а нерѣдко и со мною; всѣмъ доставало и всѣ б
вольны. Послѣ обѣда, я читалъ въ мастерской громко
Иліаду, Одиссею или что-либо другое. Иванъ Власьевичъ
несложную посуду и ставилъ самоваръ, а Бѣляевъ хо
комнатѣ, курилъ зловонную сигару, вздыхалъ и восклиц
удовольствія, слушая Гомера.

Въ квартирѣ зимою было холодно, такъ какъ ее со
только желѣзная печурка, приставленная къ голландской
которую никогда не топили. — „Голубчикъ, Левушка, те
жется, холодно?“—спрашивалъ Бѣляевъ, подкладывая по
тощему и сырому полѣнцу въ желѣзную печурку. Зимо
живалъ въ калошахъ и шубѣ, а онъ, покуривая, ходилъ
натѣ въ старенькой бараньей бекешкѣ. Однажды прих
нему и вижу—новость! Около дивана стоитъ старинное
ровское кресло со всѣми къ нему приспособленіями для
пюпитромъ, столикомъ для свѣчи и пр.

— Ну, что̀, голубчикъ, хорошо?—спросилъ меня Бѣл
Купилъ я все это для тебя. Теперь сидѣть тебѣ будетъ п
да и заниматься лучше...

Когда родился и сколькихъ лѣтъ умеръ Бѣляевъ—не
но полагаю, что умеръ немолодымъ. Онъ былъ высокаг
силенъ, неуклюжъ; шея длинная, высоко повязанная ч
галстухомъ; ступни большія и плоскія; руки какъ кле
огромными ладонями. Отецъ Бѣляева былъ крѣпостнымъ,
сдѣлался мѣщаниномъ и велъ въ судахъ спорныя дѣла
бывшаго барина. Онъ былъ честный и всѣми уважаем
рикъ; у него было два сына: Θедоръ, хорошо образо
занимавшій мѣсто библіотекаря въ московскомъ универ
большой оригиналъ, пріѣзжавшій нерѣдко въ университ
Пречистенки, гдѣ онъ жилъ, на ломовомъ извозчикѣ,

дръ—скульпторъ, о которомъ я говорю, не получившій об-
ванія.

Талантъ Александра Бѣляева былъ невеликъ, но страсть искусству безгранична. Формовщикъ онъ былъ необыкновен-, о чемъ свидѣтельствуетъ и скульпторъ Рамазановъ [1]). Съ ощью моего двоюроднаго брата, гр. А. К. Толстого, мнѣ ось пристроить Бѣляева хранителемъ скульптуры въ Эрми-ѣ. Это было самое подходящее для него мѣсто. Однажды, а я былъ у него, получилъ онъ бумагу, съ извѣщеніемъ о стоящемъ придворномъ балѣ, для чего ему поручалось пере-и изъ Таврическаго дворца въ Зимній драгоцѣнную мрамор статую „Венеры Таврической", нѣкогда полученную имп. ромъ I отъ папы. При этомъ была представлена ему смѣта хода на перевозку статуи въ пятьсотъ рублей. Для Бѣляева это было серьёзное; отвѣтственность за сохраненіе статуи цѣлости возлагалась на него. Посмотрѣвъ смѣту, онъ пере-ее мнѣ, и мы оба удивились такой высокой стоимости пе-зки. Бѣляевъ началъ ходить по комнатѣ, пуская безпре-но дымъ своей сигары. „Мошенники!.. Канальи!.."—повто-онъ.

— Что же ты хочешь дѣлать?—спросилъ я.

Онъ помолчалъ, отыскалъ карандашъ и твердою рукою, какъ цемъ, зачеркнулъ оба нуля, такъ что смѣта оказалась, вмѣсто сотъ, въ пять рублей; затѣмъ подписалъ бумагу и передалъ анному. Къ назначенному сроку Бѣляевъ отправился за ста-; нанялъ ломовыхъ, сдѣлалъ всѣ приспособленія, статую уло-ь на сани и прибылъ къ главному подъѣзду Эрмитажа. Но во же было его удивленіе, когда ему объявили, что по этой пицѣ тащить статую не дозволяется и указали на крыльцо набережной, по которому ходили въ Эрмитажъ художники. ь была узкая винтовая лѣстница, по которой предстояло до-ить во дворецъ драгоцѣнную статую. Очевидно, это было ано умышленно; но не таковъ былъ мой другъ, честный орабочій-скульпторъ, чтобы повѣсить голову. Онъ подумалъ, говорилъ съ рабочими, устроилъ лѣса, укрѣпилъ, затѣмъ обвя-канатомъ закутанную статую, обѣщалъ народу ведро водки, и, рипѣвомъ „Дубинушки", „Таврическая Венера" влетѣла по тямъ въ бель-этажъ Эрмитажа безъ малѣйшаго поврежденія. ость Бѣляева была безконечна.

Много бывало непріятностей Бѣляеву за его экономію, пока

[1]) „Матеріалы для исторіи художества въ Россіи", т. I, стр. 287.

узнали и оцѣнили его неподкупную добросовѣстность и
дѣла.

Бѣляевъ завелъ себѣ шлюпку съ парусомъ, но довольно п
въ родѣ орѣховой скорлупы, и нерѣдко отправлялся на
заливъ. Однажды, несмотря на волны, взявъ альбомъ и ц
карандаши и посадивъ къ рулю своего ученика, Ивана В
вича, выѣхалъ онъ на взморье, закрѣпилъ парусъ и, съ с
во рту, началъ рисовать закатъ солнца, восторгаясь в
Ученикъ, И. В., какъ художникъ, также увлекся природ
тутъ налетѣлъ сильный порывъ вѣтра и перевернулъ
вверхъ дномъ. Оба упали въ воду и, барахтаясь, ухватил
шлюпку; И. В., съ испуга, началъ кричать, а Бѣляевъ,
стивъ сигару изо рта, сталъ его уговаривать:

— Да что̀ ты, душенька, кричишь? Развѣ не видиш
никого нѣтъ... Держись крѣпче за лодку!..

Долго держались они, носимые волнами; промокшая
тянула ихъ ко дну; руки коченѣли. Наконецъ, увидали и
чухонскаго судна и спасли.

Изъ этого случая видно, насколько крѣпки были н
Бѣляева, который никогда не терялъ присутствія духа и,
тая въ Исаакіевскомъ соборѣ, могъ твердо перейти по бре
положеннымъ поперекъ купола. Въ это же время какой-то
чей упалъ съ купола и разбился; Бѣляевъ тотчасъ же сн
его лица форму, сохранившую выраженіе ужаса.

Ученикъ Бѣляева, Иванъ Власьевичъ Кузнецовъ, былъ
баньщикомъ. Бѣляевъ бралъ его для натуры и, замѣт
немъ любовь къ искусству и желаніе учиться, взялъ къ
началъ изъ него готовить скульптора. Онъ относился къ
ученику съ большимъ участіемъ. Я живо помню выраже
лица и разговоръ со мною, когда онъ рѣшился помѣс
себя Кузнецова; помню, какъ показывалъ сдѣланные и
сунки въ классахъ Академіи, а также, когда, взволнов
ходилъ онъ по комнатѣ, изливая горячее негодованіе на
Власьевича за то, что тотъ пришелъ наканунѣ хмельной.

— Какъ ты думаешь, Лёвушка, что̀ мнѣ дѣлать?—обр
онъ ко мнѣ съ вопросомъ. — Взявъ его къ себѣ, я вз
свою совѣсть и отвѣтственность за него... Я уже разъ
тилъ за нимъ хмель и побилъ его порядочно... Онъ обѣщ
пить,—и вотъ опять...

— Находишь ли ты въ немъ дѣйствительную любо
искусству и желаніе трудиться, а не прихоть ли это то
временное увлеченіе?—спросилъ я.

— Онъ быстро подвигается впередъ, работаетъ толково! ъ, посмотри его работу...

Рисунки были дѣльные.

Бѣляевъ ходилъ по комнатѣ, пуская дымъ своей сигары.

— Ну, какъ же, Лёвушка? Вѣдь если онъ начнетъ пить, е могу держать его у себя; душа моя этого не вытерпитъ, его выгоню... а жаль!..

— Скажи ему то, что̀ говоришь теперь мнѣ, да въ придачу ей хорошенько, чтобы помнилъ, а выгонять обожди...

Такъ и было сдѣлано. Иванъ Власьевичъ, получивъ физичеo острастку и нравственное поученіе, къ счастью образумился ерестaлъ пить. Впослѣдствіи онъ получилъ званіе художника, атѣмъ, послѣ смерти Бѣляева, занялъ его мѣсто при Эрмиѣ, и также, какъ и онъ, реставрировалъ этрусскія вазы. Но кить при Эрмитажѣ ему надоѣло; женившись на племянѣ Бѣляева, онъ отрекомендовалъ на свое мѣсто скульптора кова, уѣхалъ въ деревню, гдѣ и поселился.

XXII.

А. Н. Бѣляевъ былъ человѣкъ рѣдкій и представлялъ собою ь античнаго скульптора, какъ о немъ выразился В. П. Ботъ. Друзья его художники, жившіе въ одномъ домѣ съ нимъ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ,—Заьинъ [1]), Горбуновъ, Лавровъ, Гофетъ, Бернардскій,—говорили, онъ имѣлъ большое вліяніе на всю ихъ колонію, внушая раничную любовь къ искусству. Всѣ эти милые и добрые и заработывали трудомъ хлѣбъ для себя, женъ и дѣтей, ничиваясь только необходимымъ. Нерѣдко лишали они себя того необходимаго, чтобы послушать музыку, пѣніе и видѣть знаменитыхъ артистовъ: Віардо, Тамбурини, Маріо, Гризи, ташa и др., брали мѣста въ райкѣ и тамъ блаженствовали. всѣ были близки другъ другу; сердца наши соединяла люкъ искусству, взаимное уваженіе и полное братство. Считаю шнимъ сообщить о нихъ, друзьяхъ моей юности, нѣкоторыя обности. Многаго сказать не могу, такъ какъ, съ годами, гое забыто, да и, правду сказать, не было съ моей стороны

[1]) П. А. Захарьинъ, братъ жены Герцена. Другая сестра Захарьина была заму- за кіевскимъ профессоромъ Селинымъ, который въ это время жилъ въ Пергѣ для защиты своей докторской диссертаціи. Это была личность интересная, тливая и нѣсколько комичная по своей восторженности.

разспросовъ объ ихъ прошлой жизни; какое мнѣ было дѣло
до этого!

По сосѣдству съ квартирой Бѣляева жилъ художник
риллъ Антоновичъ Горбуновъ съ женой красавицей; прежд
былъ крѣпостнымъ помѣщика пензенской губерніи, чембар
уѣзда, Владыкина. Это былъ человѣкъ чисто-русскій, съ о
той душой; черные волосы его были въ кольцахъ; усы и бор
ростъ средній, сложеніе крѣпкое. Горбуновъ прекрасно
русскія пѣсни, сохраняя вполнѣ народную удаль и про
звуковъ лихого степного пѣвца. Голосъ его былъ молодой,
ный, громкій и пріятный. Однажды И. С. Тургеневъ съ
Анненковымъ позвали меня и Горбунова въ квартиру Тург
и устроили состязаніе пѣвцовъ. Горбуновъ пѣлъ русскія,
малороссійскія народныя пѣсни. Какъ Тургеневу, такъ и А
кову пѣніе русскихъ пѣсенъ пришлось болѣе по душѣ.
новъ выбралъ двѣ пѣсни: „Охъ, да не одна-то во полѣ
женька пролегала“ и „Охъ, ты степь моя, степь Моздок
и грустно, и лихо спѣлъ онъ ихъ, переносясь душою въ р
черноземную степь и крѣпостную неволю. Что касается
то я не малороссъ, а потому, при всей моей любви къ
россійской пѣснѣ, не могъ передать ее со всѣми ея свое
ными оттѣнками. Къ тому же и слушатели были русаки,
которыхъ съ дѣтства сочувствовала русской пѣснѣ. Мотив
скіе были знакомы, слова тоже, а въ малороссійской пѣсн
приходилось углубляться въ незнакомый мотивъ и взвѣш
его со словами. Я думаю, что въ данномъ случаѣ, еслибы в
меня пѣлъ настоящій парубокъ, обладающій равносильным
ромъ пѣнія съ Горбуновымъ, даже выше его, то и тогд
русскій пѣвецъ въ ихъ русской душѣ получилъ бы преимущ

По возвращеніи моемъ изъ Павловки, Горбуновъ, ув
мои наивные наброски съ натуры, такъ ими воодушевился
просилъ ихъ оставить у себя, и, вспоминая прошлое, нап
довольно значительнаго размѣра картину: „Возвращеніе крес
съ работы“, и въ натуральную величину головку цыганк
поясъ.

Горбуновъ учился въ московскомъ „Училищѣ живописи
нія и зодчества“, потомъ въ с.-петербургской Академіи, гд
лучилъ званіе художника, а впослѣдствіи академика. Онъ п
портреты и образа, былъ дружески знакомъ съ братомъ
Владиміромъ, который давалъ ему заказы. Художникъ онъ
не безъ таланта; и при этомъ человѣкъ честный, чистой
и добрый. Когда у него родился сынъ, то онъ выписалъ

евни свою мать, которая помогала ему въ домашнемъ быту, егчая жизнь своимъ неусыпнымъ и умѣлымъ трудомъ. Всѣ относились къ почтенной старушкѣ внимательно и съ уваіемъ. Кромѣ частныхъ заказовъ, Горбуновъ заработывалъ себѣ бъ уроками; работалъ онъ и въ храмѣ Спасителя въ Москвѣ.

Подробности его знакомства съ дѣвушкой, на которой онъ ился, я узналъ много лѣтъ спустя; мнѣ только было извѣстно, она была натурщицей. Подробности эти слѣдующія.

Нашъ общій пріятель, художникъ Гофетъ, встрѣтилъ въ Пебургѣ на улицѣ слѣпую нищую, которую вела дѣвочка лѣтъ надцати. Всматриваясь въ нее, онъ нашелъ ее чрезвычайно ошенькой и уговорилъ слѣпую приходить къ нему съ дочерью натуры. Онѣ посѣщали Гофета, и дѣвочка, позируя, зарабола деньги, отдавая на храненіе художнику П. А. Захарьину, что мало-по-малу набралось полтораста рублей. Сложенія была прекраснаго, и проф. баронъ П. К. Клодтъ снялъ съ формы верхней половины тѣла; формы эти, отлитыя изъ са, перебывали въ мастерскихъ многихъ художниковъ, въ ь числѣ и моей, и отданы Клодтомъ въ Академію, гдѣ нантся и до сихъ поръ. П. А. Захарьинъ привелъ натурщицу Горбунову, который съ нея писалъ, затѣмъ оставилъ у себя скорѣ на ней женился; прожилъ долго и счастливо. Семья у была большая; на льготныхъ условіяхъ онъ купилъ землю Царскомъ Селѣ и построилъ на ней дачу, гдѣ и скончался.

Изъ нашего тогдашняго кружка художниковъ остались только арьинъ, Гофетъ и я; всѣ же остальные, Бѣляевъ, Горбуновъ, ровъ, Бернардскій и др., давно померли.

Николай Андреевичъ Лавровъ, мѣщанинъ, уроженецъ яроской губерніи, учился въ Академіи, получилъ званіе худож, потомъ академика. Работалъ онъ царскіе портреты и образа; опись его пріятна, портреты свѣжи. Женился онъ на сестрѣ жника Петра Петровскаго, талантливаго ученика Брюллова [1]).

Въ моемъ собраніи находятся также восемь рисунковъ Лав; и между ними—подъ № 369—портретъ добраго отца діа Андреевской церкви, очень схожій и искусно набросанный. онъ былъ близко знакомъ съ Лавровымъ, и мы часто бывали

---

[1]) Петровскій былъ отправленъ за границу за свою программу на конкурсъ ръ въ пустынѣ" и тамъ скончался. Въ моемъ собраніи, которое теперь принадтъ Терещенко, находятся четыре рисунка Петровскаго и эскизъ его „Агари". нокъ № 262 въ альбомѣ № 3, изображающій летучій набросокъ въ контурѣ го по формамъ натурщика Степана,—превосходенъ; съ какою быстротою схваи переданы всѣ недостатки академическаго натурщика!

у него съ братьями Агиными; время проводили за чаемъ,
въ дурачки и закусывая превосходно приготовленными гри
Этотъ простодушный церковный служитель очень любилъ ка
и даже самъ покупалъ ихъ на рынкѣ довольно удачно.

Нашъ общій пріятель Бернардскій былъ добрый и пр
человѣкъ изъ крестьянъ. Посвятивъ себя гравированію на д
онъ много работалъ, имѣлъ учениковъ и составилъ себѣ и
своемъ поприщѣ [1]). Семейство его было многочисленно, дѣ
одинъ меньше другого. При ограниченныхъ средствахъ, он
хлѣбосолъ, и художники любили его, какъ добраго товари

Не имѣя никакого понятія о соціалистическихъ учені
коммунизмѣ, Бернардскій бывалъ у Петрашевскаго, вслѣ
чего былъ арестованъ въ числѣ его сообщниковъ и закл
въ Петропавловскую крѣпость. Находясь въ одиночномъ з
ченіи, Бернардскій пришелъ въ отчаяніе и хотѣлъ лишит
жизни; для этого, напившись горячаго, онъ покрывался одѣ
чтобы возбудить испарину, а затѣмъ влѣзалъ къ рѣшеткѣ
крытаго окна и вдыхалъ въ себя холодный, сырой воздух
вѣроятно, сильное душевное волненіе производило въ немъ
реакцію, что средство это осталось безъ послѣдствій. Нако
Бернардскаго, въ сопровожденіи солдатъ, привели для до
въ коммиссію, назначенную по дѣлу Петрашевскаго. Ороб
Бернардскій стоялъ смиренно передъ блестящимъ собра
генераловъ.

— Вы коммунистъ?—послѣдовалъ вопросъ.

— Нѣтъ, я Бернардскій,—отвѣтилъ подсудимый.

Посмотрѣли на него генералы, тихо переговорили
собой и приказали освободить его изъ заключенія.

Сцена эта, разсказанная самимъ Бернардскимъ, нерѣдк
жила предлогомъ для потѣхи надъ нимъ со стороны его
телей.

Художникъ Василій Павловичъ Гофетъ также принадл
къ кружку Бѣляева. Это былъ милый, скромный и застѣн
человѣкъ; талантъ его былъ небольшой, но своеобразный
сожалѣнію, не развился. Онъ заработывалъ себѣ средств
жизни портретами, писаніемъ иконъ и реставраціей кар
При ограниченныхъ средствахъ, онъ увлекся покупкой ст
ныхъ предметовъ, картинъ и эстамповъ и втянулся въ эту ст
до того, что сдѣлался коллекціонеромъ большого собранія.
долго не видѣлись, и я зналъ о немъ только по слухамъ

---

[1]) Рисунки къ „Мертвымъ Душамъ“ А. Агина были гравированы Бернард

ецъ, много лѣтъ спустя, пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1897 г., авѣстилъ его. Онъ жилъ въ томъ же домѣ, въ которомъ я акомился съ нимъ въ 1850 году. Стѣны и потолокъ квар- не подновлялись, такъ какъ Гофетъ этого не позволялъ; были покрыты пылью и паутиной. Молодой и милый ху- никъ превратился въ сухого старика, реставратора и соби- ля всякой старины, которою онъ загромоздилъ всю квар- до того, что до него едва можно было добраться, чтобы оровать ся. Въ старенькомъ, поношенномъ халатѣ, съ кистями литрою въ рукахъ, онъ реставрировалъ большую старую ину. Бѣдность была кругомъ; худоба и блѣдность лица за- ли объ этомъ. Гофетъ могъ бы улучшить свое положеніе: пщики являлись и за малую часть собранія предлагали ему е десяти тысячъ рублей; но онъ ничего не продалъ.

Когда я заговорилъ съ нимъ по этому поводу, то онъ вос- нулъ: „Какъ же я продамъ!.. какъ я буду жить безъ всего !..“ и указалъ рукою на ворохи папокъ съ эстампами, на ы съ эскизами, портретами и оружіемъ, на груды всякаго а, въ которомъ и самъ онъ не могъ скоро отыскать то, чтò требовалось.

Въ 1899 году я опять былъ у Гофета, все въ той же квар- , стѣны и потолокъ которой еще болѣе почернѣли. На этотъ онъ работалъ портретъ нынѣ царствующаго Императора. ъ онъ былъ въ коричневомъ, изодранномъ и грязномъ каф- , надѣтомъ сверхъ бѣлья; куски сукна висѣли, а на ногахъ валенки; старуха топила печь, но въ квартирѣ было хо- о. Разговорившись съ Гофетомъ, я узналъ, что онъ родился 822 году; возрастъ почтенный, и передо мною былъ дрях- старикъ, руки отъ холода были малиновыя, но, вспоминая дость, онъ добродушно и конфузливо посмѣивался.

Мнѣ вздумалось купить у него или найти покупателя на ви- ій у него на стѣнѣ рисунокъ карандашомъ, работы К. П. лова: „Мальчикъ“, писанный съ натуры въ Италіи.

— Не продадите ли этотъ рисунокъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, какъ можно!.. Ахъ, какъ я жалѣю, что мнѣ при- ь однажды продать одну хорошую вещь!.. да нельзя было родать: денегъ не было, задолжалъ много за квартиру, тре- и, чтобы я очистилъ квартиру и выѣхалъ... Я сказалъ, что ыѣду, умру тутъ! Ну, прислали бумагу отъ полиціи—опи- ть; тогда и продалъ одну хорошую вещь, заплатилъ за все тался...

XXIII.

Въ 1850 году я часто бывалъ у художника Лаврова, познакомился съ его товарищемъ, Василіемъ Агинымъ, съ рымъ дѣлалъ прогулки и на Смоленское кладбище, по Остр и въ отдаленныя части города. Оба брата Агины были нез ныя дѣти конно-гвардейскаго офицера Елагина, который, нувъ отъ своей фамиліи двѣ первыя буквы, оставилъ за фамилію изъ остальныхъ буквъ. Старшій сынъ Александръ у въ гимназіи и воспитывался подъ руководствомъ отца; но его смерти оба Агины очутились сиротами, покинутыми на п волъ судьбы, и забота о младшемъ братѣ Василіи лег Александра. Старшій Агинъ поступилъ въ Академію, гдѣ залъ большіе успѣхи, обратилъ на себя вниманіе преподават какъ рисовальщикъ и композиторъ; но, тѣмъ не менѣе, он стоянно нуждался въ деньгахъ и самъ училъ грамотѣ и ванію своего брата. Жизнь ихъ была тяжелая. Меценаты: директоръ Ѳ. И. Прянишниковъ и А. П. Сапожниковъ, ин торъ по рисованію въ военно-учебныхъ заведеніяхъ,—оба „Общества поощренія художниковъ"—заказали Александру рисунки къ Ветхому Завѣту. Агинъ исполнилъ ихъ прекр въ количествѣ восьмидесяти трехъ рисунковъ, которые гравированы Аѳанасьевымъ, но много хуже оригинала, и и въ 1846 году. Академія расхвалила работу Агина; издані купка котораго была обязательна для низшихъ и среднихъ ныхъ заведеній) быстро разошлось и принесло большой ба меценатамъ; но Агину дорого обошелся этотъ заказъ. Д совѣстно занявшись порученной ему работой, онъ запусти нятія живописью въ классахъ, и товарищи его, несравненно даровитые, были отправлены Академіей за границу, между какъ Агинъ остался при обѣщаніи меценатовъ послать е границу на ихъ счетъ, терпя голодъ и холодъ. Ни мец ни Академія не вошли въ положеніе юнаго, серьёзнаго х ника, который, кромѣ тщательнаго выполненія заказа, до былъ содержать и воспитывать младшаго брата, обнаружи также значительный талантъ.

Агины жили въ отдаленномъ углу Васильевскаго Остро трудомъ уплачивая за квартиру, ѣли черный хлѣбъ и карт и были рады, когда могли достать и эту пищу. Нерѣдко у нихъ были безъ подошвъ, вмѣсто которыхъ прикрѣплялс тонъ; кое-гдѣ собирались щепки и дрова; оба брата сам

печь и ходили за водой на Малую Неву. Академія, „Обще-поощренія художниковъ“ и меценаты ограничили свои за-и свое поощреніе платой по пяти рублей за рисунокъ, не
разивъ, сколько труда и времени надо употребить, чтобы со-ть и нарисовать хотя бы одинъ рисунокъ. Такіе рисунки, были заказаны Агину, обдуманные, тщательно нарисован-вмѣщаютъ въ себѣ рѣдко одну фигуру, а если и одну, то должна быть сдѣлана безукоризненно,—это не виньетка. ѣ и внимательно надо прочесть, чтобы вполнѣ понять сю-; сколько приходится пересмотрѣть работъ другихъ худож-въ, чтобы критически разобрать достоинства ихъ и не-тки и составить самостоятельный рисунокъ. Этого мало,— сочинить не только ясно, вѣрно, красиво, но и втиснуть сочиненіе въ данный размѣръ и форму, опредѣленную рам-заказчика, и втиснуть такъ, чтобы, глядя на рисунокъ, каза-что именно такая форма только и годна для этого сюжета,— жеты были такіе, которые много разъ трактовались перво-сными художниками. Вѣдь такая задача—громадный трудъ! динъ годъ прошелъ, пока Агинъ окончилъ свой „Ветхій тъ въ картинахъ“ получивъ за свои восемьдесятъ два рисунка аданную тему *четыреста пятнадцать рублей*! При этомъ ьдесятъ-третій рисунокъ не былъ включенъ въ счетъ изда-и, такъ какъ онъ былъ при заглавномъ листѣ.

Съ младшимъ братомъ Агинымъ я познакомился раньше; шаго, Александра, я еще не зналъ лично лѣтомъ 1850 года: гостилъ тогда у профессора, барона П. К. Клодта. Василій ъ оставался въ Петербургѣ, поселясь въ отдаленной линіи льевскаго Острова, въ мезонинѣ деревяннаго домика съ са-, принадлежавшаго таможенному чиновнику Груздеву. Ва-Агина я полюбилъ за честность, открытый, прямой харак-и талантъ. Не сомни его судьба,—былъ бы выдающійся вѣкъ! Рисуя для разныхъ изданій, то на деревяшкахъ, то итографическихъ камняхъ, онъ существовалъ этимъ трудомъ. Дней семь я не былъ у Агина; прихожу, говорятъ: „дома!“ Прихожу на другой день,—опять его нѣтъ дома. Странно! хожу въ тотъ же день вечеромъ, чтобы застать самого домо-ѣльца.

— Да развѣ вы не знаете?—отвѣтилъ онъ на мой вопросъ:— взяли въ солдаты!

— Какъ въ солдаты? Художника!..

— Вася—мѣщанинъ; его отыскали, увели и, вѣроятно, уже или.

Поразило меня это извѣстіе. Больно стало за юно
растерялся и не зналъ, что дѣлать... Куда пойти? Гдѣ е
скать, гдѣ узнать о немъ?..

Положеніе Агина было ужасно. Въ тѣ времена служ
дата продолжалась двадцать пять и тридцать лѣтъ, и изв
какія тогда были строгости! Агинъ жилъ до этого хот
нуждѣ, но жилъ вольнымъ художникомъ... Мое сердце б
хотѣлось помочь, тѣмъ болѣе, что одинъ я, котораго онъ ис
любилъ, могъ сколько-нибудь облегчить его первые несч
дни. Не зная, съ чего начать хлопоты, я обратился къ
отцу за совѣтомъ, и узналъ отъ него, что надо справить
Агинѣ въ мѣщанской управѣ. Я отправился туда, въ этот
ный въ то время вертепъ, и здѣсь мнѣ сообщили, что
сданъ въ казенную палату для осмотра. Я туда, — узна
Агинъ забритъ и отправленъ съ прочими рекрутами въ Ар
скія казармы, откуда рекрутовъ, разсортировавъ, отправ
полкамъ. Это извѣстіе глубоко огорчило меня; не имѣ
нятія объ административныхъ и военныхъ распоряженіяхъ
могъ я сдѣлать и куда, къ кому обратиться?..

Я отправился въ Аракчеевскія казармы разыскивать
нашелъ и увидѣлъ передъ собой похудѣвшаго, огорченн
обритой головой рекрута. Тяжелая была встрѣча!.. Пре
скорая отправка Агина, но любовь, искреннее желаніе
помощь и молодость—сила и сила немалая! Я не могъ
риться съ мыслью, что нѣтъ выхода, что художникъ обр
въ солдата и другъ погибнетъ.

Отецъ посовѣтовалъ отправиться къ моему дядѣ, ген
адъютанту В. А. Перовскому, что я исполнилъ, и, пріѣх
нему, велѣлъ доложить о себѣ. Лакей заявилъ, что долож
смѣетъ, такъ какъ Василій Алексѣевичъ не совсѣмъ здо
легъ отдохнуть.

— Долго ли онъ будетъ спать?

— Черезъ часъ пожалуйте, я доложу...

Прихожу черезъ часъ, прокарауливъ ровно часъ на
близь дома. Лакей передаетъ, что Василій Алексѣевичъ
порученіемъ отъ государя, и принять не можетъ.

— Скажи, что нужно!

— Приказали спросить: очень ли вамъ нужно?

— Да, очень нужно!

— Приказали просить...

Застаю В. А. Перовскаго обложеннаго бумагами за п
нымъ столомъ, угрюмаго и растрепаннаго.

— Что такое? Что тебѣ нужно?—обратился онъ ко мнѣ съ осомъ.

Я разсказываю ему о несчастіи, постигшемъ художника, и мъ участіи и прошу выручить.

— Вѣдь его уже забрили,—что же я могу сдѣлать? Когда ъ сортировать по полкамъ, я возьму Агина къ себѣ и облегчу положеніе.

— А теперь, развѣ нельзя освободить его отъ солдатчины?

— Нельзя! Онъ уже принятъ...

— Ну, прощайте. Мнѣ надо избавить его отъ этой службы, облегчить службу!

Сухо простившись, я вышелъ. Отецъ и братья ждали моего ращенія. Съ горечью и негодованіемъ я передалъ имъ отвѣтъ вскаго, а примириться съ обстоятельствами мнѣ и въ голову риходило. На другой день утромъ я отправился въ казенную ту для разспросовъ и влетѣлъ прямо въ присутствіе:

— Скажите, пожалуйста, какое средство избавить отъ солны художника?—спросилъ я.

Мнѣ посовѣтовали, во-первыхъ, похлопотать въ казармахъ чальства и полкового доктора, чтобы замедлили его отправку дъ предлогомъ болѣзни помѣстили бы въ госпиталѣ, а воыхъ, мнѣ предложили купить рекрутскую повинность, внеся ее три тысячи рублей.

Я тотчасъ отправился въ Аракчеевскія казармы; и, къ счастью, ъ убѣдить начальство и доктора задержать Агина и отовъ госпиталь. Начало было сдѣлано, и я, не задумываясь дальнѣйшими дѣйствіями, въ тотъ же день вечеромъ отпракъ Агину въ госпиталь. Но что это былъ за госпиталь! ъ беретъ, вспоминая о немъ. На Выборгской Сторонѣ, за ной Невой, стояло нѣсколько одноэтажныхъ домовъ араккой казарменной архитектуры. Всѣ зданія были заняты ыми; и Агина, за недостаткомъ мѣста, помѣстили въ такъаемомъ „шестомъ корпусѣ“, наполненномъ сумасшедшими. правился туда и нашелъ Агина, блѣднаго, растеряннаго, въ ичномъ халатѣ. Крики обливаемыхъ ледяною водою больдоносились изъ ближайшей комнаты; бѣшеные крики буйслышались изъ другой; сумасшедшіе ходили взадъ и впеговорили сами съ собой или другъ съ другомъ. Я присѣлъ гинымъ на его кровать, а лежащій возлѣ больной уговаъ меня, чтобы я подобралъ ноги, такъ какъ чортъ, сидящій кроватью, стащитъ меня къ себѣ. Въ другой разъ, во время посѣщенія, одинъ изъ бѣшеныхъ схватилъ меня въ кор-

ридорѣ за спину и хотѣлъ кусать затылокъ, но сторожа
лись и съ трудомъ оторвали. Изъ оконъ, выходящихъ во
виднѣлись массы крысъ всякаго цвѣта; онѣ играли,
дрались...

Однимъ словомъ, госпиталь представлялъ собою адъ, и
шему тутъ человѣку со здравымъ умомъ, впечатлительному
при такомъ душевномъ потрясеніи, какъ у Агина, не
было потерять разсудокъ. Я считалъ необходимымъ на
его ежедневно по два раза, и буквально исполнялъ это, и не
ни на какую погоду, переправлялся въ яликѣ черезъ Неву.
уплачиваемыя мною часовымъ, сторожамъ и фельдшерамъ
кладывали мнѣ путь и открывали запоры госпиталя не в
ный часъ.

XXIV.

День проходилъ за днемъ; я не могъ ограничиться
ніемъ несчастнаго; надо было пріобрѣсти рекрутскую кви
Сумма требовалась большая, а въ казенной палатѣ оста
только одна непроданная квитанція. Я взялъ листъ бума
лалъ сверху надпись: „Жертвую въ пользу художника
Агина“, затѣмъ на одной половинѣ листа написалъ: „
мездно“, а на другой—„деньги будутъ возвращены или
таны“, и рѣшилъ сдѣлать сборъ среди знакомыхъ. Но
начать? Я намѣтилъ княгиню Юсупову; сынъ ея былъ
телемъ моихъ братьевъ; меня лично она не знала. Т
менѣе, я отправился къ ней утромъ, въ часъ слишкомъ
для визитовъ, и былъ принятъ.

Меня провели въ гостиную; скоро княгиня, извѣстна
скупостью, явилась, прихрамывая. Я началъ разговоръ
своего прихода, и кн. Юсупова подписала сто рублей,
тѣмъ, чтобы В. Агинъ отработалъ ей на эту сумму. Ни
своему и ни къ кому изъ родныхъ я не обращался и
жалъ съ подписнымъ листомъ цѣлые дни. Мои хлопот
такъ успѣшны, что мнѣ удалось скоро собрать отъ по
нихъ лицъ не только всю сумму на покупку рекрутско
танціи, но еще остались деньги на первую и необходим
мощь Агину. Квитанція была сдана мною, кому надлежал
увезъ моего пріятеля изъ госпиталя. Искренно жалѣю, ч
сохранилъ подписного листа; и теперь, по прошествіи м
лѣтъ, еще разъ благодарю жертвователей. Всѣ жертвовали
безвозмездно, кромѣ кн. Юсуповой; впослѣдствіи Агинъ

ей все съ избыткомъ, украсивъ акварелью нѣкоторыя изъ мнатъ.

Такъ трудное дѣло освобожденія художника отъ солдатчины, ое внезапно, безъ знанія ходовъ, безъ денегъ, одушевлен-орячимъ искреннимъ желаніемъ добра, — кончилось благо-но.

адость, веселье и торжество въ кругу знакомыхъ мнѣ ху-иковъ были велики. Художники устроили по этому поводу ъ складчиной, безъ моего вклада, и пригласили моихъ братьевъ. скромномъ расходѣ вечеръ прошелъ радушно, душевно и илъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе своей искренностью съ ѣсью комизма, въ виду пламенной и напыщенной рѣчи про-ра Селина, прославлявшаго меня за спасеніе Агина. Много сказано и другихъ рѣчей. Скульпторъ Бѣляевъ пожелалъ ть мой бюстъ, и къ 8-му ноября, дню имянинъ моего отца, утромъ, пока онъ спалъ, принесъ бюстъ и, поставивъ въ абинетѣ, удалился. На бюстѣ была надпись: „Подарокъ въ память благороднаго поступка сына отъ художниковъ. года, 8-го ноября". Художникъ, сдѣлавшій бюстъ, не вы-ть своей фамиліи, стушевавшись въ общемъ приношеніи [1]). праху твоему, честный, великодушный другъ, и вамъ, по-е друзья!

. Агинъ въ тѣ времена много обѣщалъ по пейзажной части. руководствомъ своего брата Александра, онъ былъ отлично товленъ по рисованію и перспективѣ. Рисунки его каран-ъ съ натуры доказываютъ серьёзное изученіе анатоміи и тера каждаго дерева; композиціи его могли дать своеобраз-художника. Къ сожалѣнію, отъ недостатка воли, онъ нрав-но упалъ и размѣнялъ свой талантъ на мелочные заработки. ему опостыло; опостылъ и опротивѣлъ онъ, наконецъ, и себѣ, спился и отравился.

слуга, оказанная мною В. Агину, и спасеніе отъ солдат-сблизили меня съ его старшимъ братомъ, Александромъ имъ. Это былъ умный, добрый человѣкъ и серьёзный худож-съ чувствомъ. Къ каждой бездѣлицѣ, которую ему прихо-дѣлать къ изданіямъ, за ничтожную цѣну, онъ относился совѣстно даже тогда, когда зналъ, что его работа будетъ нена граверомъ. Это было дѣло гравера, а собственное о художника требовало безукоризненнаго выполненія. Раз-

---

[1]) Бюстъ этотъ, отлитый Шопеномъ изъ бронзы, по заказу брата моего Влади-слѣ его смерти переданъ, по его завѣщанію, моей замужней дочери Ольгѣ, ой онъ и находится въ настоящее время.

сматривая рисунки А. Агина къ „Мертвымъ Душамъ", вы
уже четвертымъ изданіемъ, о которыхъ отзываются съ п
въ теченіе пятидесяти лѣтъ и которые съ честью выдерж
сравненіе съ рисунками Боклевскаго и Соколова, можн
диться въ его талантѣ. Но талантъ и умъ Агина еще
будутъ оцѣнены, когда узнаютъ, что онъ *никогда не бы*
провинціи и изображаемые имъ типы представляютъ собой
татъ его воображенія и серьёзнаго отношенія къ своей
Боклевскій и Соколовъ хорошо знали провинцію.

Въ моемъ собраніи, проданномъ Н. И. Терещенку, и
всѣ рисунки Александра Агина къ „Мертвымъ Душамъ"
лучше изданныхъ гравюръ; здѣсь ясно видно, до какой т
художникъ обдумывалъ типы и каждую сцену. Къ тому
должны принять въ соображеніе, что Агину дана была
и форма, въ которую слѣдовало помѣстить рисунокъ, тог
Боклевскій и Соколовъ не были стѣснены въ этомъ отн

Черновые рисунки „Ветхаго Завѣта", составленные
нымъ, также находятся въ моемъ собраніи; и надо уди
какъ рѣдко встрѣчаются въ нихъ измѣненія противъ изд
гравюръ. До какой степени художникъ рисовалъ тщательно,
ченно и добросовѣстно, можно судить по рисунку, сдѣ
перомъ, чтобы показать граверу, какъ слѣдуетъ гравиро
равно и по его рисунку—„Примиреніе Іосифа съ бра
сдѣланному сепіей, хотя и неоконченному [1]). Нельзя не
лѣть и очень пожалѣть, что куда-то исчезли сдѣланные
оригинальные рисунки Агина къ Ветхому Завѣту, прина
шіе Сапожникову. Я не разъ указывалъ П. М. Третья
существованіе ихъ, совѣтуя купить это сокровище, но о
не отыскалъ.

Александръ Агинъ въ пятидесятыхъ годахъ сдѣла
проф. барона П. К. Клодта рисунки къ памятнику И. К
У меня въ собраніи есть эскизъ этого памятника, набро
бар. Клодтомъ, и та же композиція, чрезвычайно тщ
нарисованная Агинымъ перомъ для представленія госуда
утвержденіе. Кромѣ звѣрей, на пьедесталѣ есть барель
сюжетами изъ басенъ; рисунки этихъ барельефовъ со
и нарисованы Агинымъ превосходно.

Баронъ П. К. Клодтъ цѣнилъ и любилъ Агина, и зн
онъ безъ всякихъ средствъ, помогалъ ему заказами, а сы

[1]) Въ моемъ собраніи см. альбомъ № 16 рис. №№ 3891 и 3882. Кромѣ
этомъ же собраніи имѣется 230 рисунковъ А. Агина разнаго времени и ра
держанія.

ора, Михаилъ Петровичъ, первоначально учился у него. Я же пользовался наставленіями Агина и, нанявъ ему квартиру нижнемъ этажѣ дома по 1-й линіи Васильевскаго Острова, дневно ходилъ работать подъ его руководствомъ, дѣлая эскизы исуя съ натурщиковъ. Но долженъ сознаться, что при всемъ женіи къ художнику и привязанности, я кончилъ тѣмъ, что ься у него пересталъ, такъ какъ недостало у меня терпѣ- исполнять его требованія. Однажды онъ заставилъ меня пе- лать эскизъ до тридцати разъ—и онъ былъ правъ въ своей тикѣ, доказавъ всякій разъ мои недостатки и легкомысліе. ню также, какъ я утомился глядѣть на рисунокъ его на ли- афическомъ камнѣ, приготовляемый въ видѣ объявленія „Жур- Модъ" къ новому году. Издатель приходилъ торопить, без- ился, такъ какъ срокъ публикаціи приближался, но Агинъ могъ кончить небрежно и продолжалъ работать такъ же по- о, какъ всегда. Я, съ своей стороны, объяснялъ Агину, что пятнадцать рублей работать долго невозможно, и если онъ бу- работать такъ, то ему никогда недостанетъ денегъ на ѣду, а и освѣщеніе.

— Что же дѣлать, братецъ, — отвѣчалъ Агинъ, — если не я работать небрежно; совѣстно передъ собою наврать что- …

Редакторъ удивлялся такой добросовѣстности, досадовалъ; а рисунокъ былъ конченъ своевременно, онъ, сверхъ ожида- заплатилъ Агину вмѣсто условленныхъ пятнадцати—сорокъ ей.

Чтобы Агинъ могъ посѣщать нѣкоторые дома прилично одѣ- , я заказалъ ему у лучшаго въ то время, петербургскаго ного, Шармера, фракъ, а недостатокъ бѣлыхъ рубашекъ ъ маскировалъ бумажными воротниками и маншетами, ко- е мастерски выкраивалъ и прилаживалъ.

Впослѣдствіи, когда я уѣхалъ изъ Петербурга въ Малорос- то встрѣтилъ случайно Александра Агина въ Кіевѣ, потомъ рялъ его изъ виду и, много лѣтъ спустя, узналъ, что онъ илъ помощникомъ начальника какой-то станціи курско-кіев- желѣзной дороги и въ этой должности скончался.

Въ Александрѣ Агинѣ погибъ большой художникъ; неумѣлое овительство меценатовъ выбило его изъ колеи, а затѣмъ ь смяла и раздавила его.

XXV.

Въ пятидесятыхъ годахъ между профессорами Академ
дожествъ были люди талантливые и интересные, но к
снымъ занятіямъ учениковъ относились они довольно апат
Отъ рисунка требовались не толковость и пониманіе,
ственная тщательность и нелѣпая отдѣлка, которую мы
вали „конопаткой". Задаваемые намъ ежемѣсячно эскизы
жеваны и пережеваны всѣми академіями Европы; все
Аяксы, Ахиллесы, Геркулесы, Андромеды или „Построев
чега" и т. п. Я относился прежде съ любовью къ требо
Академіи, напрягалъ всѣ силы, чтобы хорошо исполнить
ный сюжетъ, и, одолѣвая сухость и скуку задачи, получалъ
лучшіе нумера. Но мало-по-малу огонь потухалъ, рвен
бѣло; я началъ сознавать ошибочность профессорской оц
глубоко сожалѣлъ о потерѣ для насъ К. Брюллова.

Мой профессоръ Марковъ меня не удовлетворялъ; не
въ мысль, онъ только указывалъ пальцемъ, куда переставл
гуры, или требовалъ ихъ уничтоженія безъ всякихъ поя
Слушая подобные совѣты и убѣдившись въ ихъ безполе
я сталъ приносить ему свои эскизы утромъ въ день эк
когда онъ уже не могъ пачкать и поправлять ихъ. Ѳ. А.
назвалъ меня за эскизы „мистикомъ", а В. К. Шебуевъ
въ моемъ эскизѣ „Рождество Христово" — отсутствіе
родства.

Марковъ не умѣлъ мнѣ объяснить, въ чемъ заключа
мистицизмъ, а неблагородство состояло въ томъ, что я пом
морды вола и осла около Христа.

— Но, Алексѣй Тарасовичъ,—возразилъ я,—въ свящ
писаніи есть указаніе на присутствіе вола и осла; а так
въ пещерѣ было холодно, то весьма естественно, что жи
были близь новорожденнаго, чтобы согрѣвать его своим
ніемъ.

— Развѣ это есть въ св. писаніи? гдѣ?

— Пророкъ Исаія, укоряя іудеевъ въ невѣріи, говори
отъ лица Бога: „Волъ знаетъ владѣльца своего, и оселъ
господина своего, а Израиль не знаетъ, не признаетъ
народъ Мой не разумѣетъ" (I, 3.).

---

[1]) Я говорю только о профессорахъ живописи, не касаясь скулы
архитекторовъ.

— Жаль, что вы мнѣ этого не сказали передъ экзаменомъ, ı показывали свой эскизъ...

Не мало было другихъ подобныхъ случаевъ, которые подо- ı мое довѣріе къ академическому совѣту, и я окончательно дѣлъ къ Академіи. Отъ нея вѣяло затхлостью, условностью зжизненностью.

Однажды, во время академической выставки, въ числѣ посѣ- ней я увидѣлъ монаха, небольшого роста, съ умной головой, рый шелъ съ конференцъ-секретаремъ В. И. Григоровичемъ, зшимъ въ Академіи лекціи *Теоріи изящнаго*. Сопровождалъ монаха, на нѣкоторомъ разстояніи, другой монахъ. Я на- прислушиваться къ объясненіямъ картинъ Григоровичемъ. сненія были общеизвѣстныя и не заключали ничего новаго, опросы монаха были интересны, также какъ и его замѣчанія. Они подошли къ висѣвшей на стѣнѣ копіи „Преображенія“ эля. Григоровичъ остановился и, указывая на картину, тор- венно заявилъ:

— Вотъ вѣнецъ всѣхъ твореній Рафаэля! Произведеніе это нано знаменитѣйшимъ по рисунку, композиціи и живописи.

Монахъ молча всматривался, а затѣмъ отвѣтилъ:

— Относительно техники вамъ и книги въ руки, но согласиться мъ, что это—лучшее и величайшее произведеніе по своей ком- ціи, я не могу. Композиція мнѣ не нравится. Начну съ Христа. чего онъ летитъ? Этого въ Евангеліи не сказано. Возможно ли ставить такъ пророковъ Моисея и Илію? Оба они около ста танцуютъ польку. Я пойду и далѣе, зайдя нѣсколько вашу область: апостолы, находящіеся съ Христомъ на горѣ авшіе отъ поразившаго ихъ свѣта, куда какъ не красивы, какія-то кучи или раки. Ну, а внизу стоящіе люди? За- они тутъ? И можетъ ли зритель въ одно время видѣть „Пре- женіе“ и подъ горой публику? По описанію, гора Елеонская ива, а тутъ какой-то конусъ безобразный... Для чего тутъ ъ, на лѣвой сторонѣ, какой-то, повидимому, апостолъ съ ой?

Я продолжалъ сопровождать монаха до конца, а когда онъ елъ, спросилъ у солдата-смотрителя академическихъ залъ, инова: Кто этотъ монахъ?

— Да развѣ вы не знаете? Это—преосвященный Инно- ій [1]).

---

[1]) Извѣстный въ то время харьковскій архіепископъ и проповѣдникъ, а потомъ скій.

Всѣ замѣчанія Иннокентія мнѣ понравились; мнѣ
лось узнать его ближе, и я, съ братомъ Алексѣемъ,
ходилъ въ церковь, гдѣ онъ служилъ, и случалось не ра
шать его проповѣди, всегда умныя и часто поэтическі
ковь эта была при подворьѣ, на набережной Большой
Васильевскаго Острова; въ этомъ же домѣ была квартир
освященнаго Иннокентія.

Однажды, послѣ вечернихъ академическихъ занятій
правился въ подворье и велѣлъ прислугѣ о себѣ доложи

— Что̀ вамъ угодно?

— Желаю видѣть преосвященнаго! Скажи, что учен
Академіи художествъ.

— Преосвященный приказалъ передать, что ему
что у него засѣданіе съ пятью архіереями. Онъ проси
зайти въ такое же время завтра.

— Хорошо; передай, что буду.

На слѣдующій вечеръ я былъ, въ назначенный мнѣ
Иннокентія. Онъ встрѣтилъ меня благословеніемъ, пов
вѣжливо. Я сказалъ, что желалъ познакомиться потому, ч
шалъ его критику картинъ, что мнѣ не съ кѣмъ посовѣт
и просилъ разрѣшенія приходить иногда къ нему. Инн
усадилъ меня въ кресло, самъ сѣлъ подлѣ на диванъ и
залъ подать чай; и мы, недолго поговоривъ, простились.

Въ скоромъ времени я явился къ нему со своими эс
Разсматривая внимательно „Явленіе ангеловъ пастухам
хвалилъ эскизъ, но замѣтилъ, что не слѣдовало дѣлать въ
скомъ стадѣ свинью, такъ какъ евреи ихъ не имѣли.

— А что̀ значитъ этотъ № 3, сдѣланный мѣломъ
сункѣ?

— Это значитъ, что при экзаменѣ два эскиза на т
сюжетъ признаны лучше моего изъ двадцати или тридцат
ставленныхъ учениками.

— Однако, господа проглядѣли! Когда будете рисова
тину, свинью уничтожьте...

Затѣмъ Иннокентій, разсматривая эскизъ „Благовѣще
который я получилъ первый №, напалъ на меня:

— Сочинено неправильно! Богоматерь стоитъ тутъ
лѣняхъ передъ ангеломъ!.. Скорѣе ангелъ встанетъ на
передъ Богоматерью, а не она передъ нимъ.

Но другой эскизъ, „Рождество Христово“, понравился
кентію, и онъ очень хвалилъ сочиненіе.

— Вотъ, за этотъ эскизъ я далъ бы вамъ № 1, а не за аговѣщеніе" [1])...

Я былъ вполнѣ удовлетворенъ этимъ разборомъ моихъ эскизовъ лѣе не представлялъ ихъ въ Академію.

Къ этому же времени относится слѣдующій эпизодъ, слупійся съ Иннокентіемъ.

Шефъ жандармовъ, гр. А. Ѳ. Орловъ, сообщилъ Иннокентію сеніе о томъ, будто бы онъ въ своихъ проповѣдяхъ распроняетъ ученіе коммунистовъ.

— Ваше сіятельство,—отвѣтилъ Иннокентій, — кто донесъ тотъ не взялъ себѣ въ толкъ того, чтò слышалъ. Между , чтò говорю я, и ученіемъ коммунистовъ есть маленькая ица. Коммунисты говорятъ: „чтò твое, то мое", а я го: „чтò мое, то твое"...

Графъ Орловъ удовлетворился этимъ отвѣтомъ и сообщилъ императору.

XXVI.

Охлажденіе къ Академіи и ея мертвящей атмосферѣ насту полное; безвозвратно прошло время, когда я любилъ всей ой святилище искусствъ и входилъ въ него съ трепетомъ ца. Я оставилъ Академію и прилежно занимался дома. Часто щалъ я тогда концерты пѣвческой капеллы, подъ управле ь старика Мауэра, куда доступъ былъ весьма ограниченъ, кже концерты въ университетѣ и оперы. Слушалъ я и кон ы въ домѣ Юсупова, сынъ котораго, Николай Борисовичъ, лъ музыку, иногда самъ дирижировалъ своимъ домашнимъ стромъ. Вьётанъ часто бывалъ у молодого Юсупова и училъ на скрипкѣ; у него же можно было встрѣтить и Антона нштейна, начинавшаго пользоваться извѣстностью.

Нѣтъ сомнѣнія, что моя поѣздка въ Павловку, увлеченіе кой, разрывъ съ Академіей и знакомство съ талантливыми, ющимися людьми того времени—оживили меня; хотѣлось ирить свой кругозоръ, уѣхать куда-нибудь, и судьба мнѣ по.

[1]) За эскизъ „Рождество Христово" я получилъ въ Академіи № 5. По этому эскизу была написана картина масляными красками и выставлена въ Парижѣ, гдѣ она не безслѣдно. Ее очень хвалили: Глезъ, Жеромъ, Амонъ и др.; и на нее ли вниманіе нѣмецкія и французскія газеты. Картину эту купилъ тогда гр. ъ; она была выставлена имъ въ Москвѣ и находится въ его имѣніи По-

У отца моей матери, гр. А. К. Разумовскаго, былъ
Левъ, сынъ котораго, Ипполитъ Ивановичъ Подчасскій,
дился двоюроднымъ братомъ моей матери. Я былъ уже
жескомъ корпусѣ, когда увидѣлъ въ первый разъ И
Ивановича, пріѣхавшаго къ отцу моему, по случаю своег
селенія въ Петербургъ. Когда онъ напомнилъ мнѣ о м
тери и высказалъ свою любовь къ ней, сохранившуюся
сердцѣ, то естественно, что и я всей душой привязался
и полюбилъ его сына, Левушку, въ то время восьмилѣтняг
чика. Я началъ посѣщать Ипполита Ивановича по празд
и это доставляло мнѣ большое удовольствіе, тѣмъ бол
была еще другая между нами связь—общая любовь къ
ству. У него было не мало превосходныхъ картинъ и
ковъ К. Брюллова, Штернберга, Щедрина, Орлова, Орл
и др. Самъ Ипполитъ Ивановичъ работалъ акварелью с
шой любовью. Старикъ, въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ, и
кой, теплой матеріи въ родѣ байки, рисовалъ у окна; и
радовался, что его любовь къ искусству не умерла съ
доставляя ему удовольствіе и отдыхъ отъ скучныхъ служ
дѣлъ. То же скажу и я: счастливъ человѣкъ, любящій ис
и природу; они услаждаютъ его существованіе; бесѣдуя с
забываетъ онъ все грустное, все пошлое и тяжелое въ

Въ 1852 году Ипполиту Ивановичу приходилось по
ѣхать на лѣто въ имѣніе Ковалевку, полученное имъ о
фини М. Г. Разумовской, вдовы Льва Кирилловича Разумо
Сына Иппол. Ив., Левушку, рѣшено было оставить, до воз
нія отца, въ нашемъ семействѣ, а чтобы старику не
одиночествѣ, ему предложили взять меня съ собою. Такъ
устроилось.

И вотъ я съ Ипполитомъ Ивановичемъ выѣхалъ изъ
бурга. На мнѣ лежала обязанность прописывать подор
уплачивать прогоны и давать ямщикамъ на водку.

Съ какимъ юношескимъ удовольствіемъ я пустился въ
Все меня занимало: мѣстность, физіономіи, одежда, раз
пѣсни, складъ рѣчи. Все я зачерчивалъ и записывалъ;
болѣло за народъ, и я радовался, глядя на добраго дяд
когда не отказывавшаго нищимъ, а за нищихъ онъ
принималъ крестьянъ. Вообще, народъ губерній псковск
гилевской и минской былъ тогда очень бѣденъ.

Переправа черезъ Днѣпръ, разлившійся болѣе, чѣмъ
версты, совершилась на паромѣ, на который былъ пост
нашъ дормезъ съ лошадьми; вмѣсто руля была широкая,

ъ старая доска. По рѣкѣ плыли барки съ мачтами и боль- лодка съ тридцатью гребцами и молодцоватымъ рулевымъ, рая плыла изъ Кіева въ Кременчугъ, т.-е. за двѣсти слиш- верстъ.

По пріѣздѣ въ Черниговъ, я былъ восхищенъ его видомъ и ребенокъ радовался, глядя на пирамидальные тополи и массу стовыхъ деревьевъ. Троицкій монастырь и иконостасъ Пре- женскаго собора мнѣ очень понравились; изъ архіерейскаго доносился запахъ розъ и множества другихъ цвѣтовъ. Я ртилъ пещеру св. Антонія, и этотъ чертежъ послужилъ мнѣ эскиза масляными красками: „Св. Антоній и Ѳеодосій", на- щагося у меня теперь въ Погорѣлицахъ [1]).

Изъ Чернигова мы отправились въ мѣстечко Седневъ, въ цати пяти верстахъ отъ города, къ старымъ друзьямъ Иппо- Ивановича—Лизогубамъ. Дорога была песчаная, по сторо- видѣлись въ значительномъ количествѣ курганы, или „мо- ", какъ ихъ тутъ называютъ; все это меня плѣняло, вѣяло иной, чѣмъ-то роднымъ и грустнымъ. Близь Седнева дорогу рѣзала могила; въ недалекомъ разстояніи виднѣлось множе- маленькихъ могилъ и высокій крестъ у большой дороги, шляха, а наконецъ показался домъ и садъ Лизогубовъ.

Семья ихъ состояла тогда изъ Ильи Ивановича и жены его заветы Ивановны (дочери фельдмаршала гр. Гудовича), Андрея новича Лизогуба, его жены и двухъ дѣтей и, кромѣ того, оськи Ивановны, незамужней сестры братьевъ Лизогубовъ. ъ былъ просторный и наполненный картинами; садъ омы- ся съ одной стороны рѣкою Сновь и былъ расположенъ на ; другая сторона его отдѣлялась отъ мѣстечка Седнева глу- имъ лѣсистымъ оврагомъ, по которому проходили двѣ просе- ныя крутыя дороги—верхняя и нижняя; съ третьей стороны былъ также оврагъ, загороженный заборомъ; виднѣлась рѣка азацкія хаты. Въ саду была „каменица" (каменный домъ) и ковь временъ казачества, деревянный домикъ, гдѣ иногда омъ жилъ А. Ив. Лизогубъ съ семействомъ, и другой дере- ный оштукатуренный домъ, въ которомъ жилъ домашній док- , Людвигъ Ивановичъ Шрагъ [2]) съ женой, дочерью и сы-

[1]) Погорѣлицы нѣкогда принадлежали гр. А. К. Разумовскому, затѣмъ А. А. вскому (псевд. Погорѣльскій), гр. А. К. Толстому, а теперь принадлежатъ моему, Николаю Мих. Будѣ-Жемчужникову.

[2]) Лизогубы, въ бытность свою въ Дрезденѣ, пригласили молодого доктора Шрага, стента извѣстнаго тогда профессора, къ себѣ въ Малороссію на три года. Про- этотъ срокъ, докторъ остался жить еще и еще, женился и жилъ въ Седневѣ болѣе тридцати лѣтъ.

номъ. Къ этому же дому была пристроена небольшая, большимъ, свѣтлымъ окномъ мастерская, въ которой про и работалъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко; мастерская отдѣльный ходъ и сѣни. Высокія вербы росли около этог Въ саду былъ замѣчательный валъ временъ Батыя, густо тый барвинкомъ и отѣненный почтенныхъ размѣровъ вичными деревьями. Прозрачная какъ кристаллъ ключева проведенная трудами и искусствомъ И. И. Лизогуба, сн домъ; фонтаны освѣжали садъ. Мѣсто было очаровательное очаровательные, и я до настоящаго времени ихъ помню и Благовоспитанность, человѣчное отношеніе къ прислугѣ и образованіе, любовь къ музыкѣ и къ искусству—прогля вездѣ, и я, знакомясь съ семействомъ болѣе и болѣе, убѣ въ этомъ. Нельзя не упомянуть и о седневской красавицѣ находившейся также въ саду. Стволъ этой липы имѣлъ д цать аршинъ въ окружности; діаметръ распростертыхъ в рону вѣтвей—двадцать три аршина, вся окружность съ вѣтв семьдесятъ три аршина. Во время дождя можно было укрыться подъ деревомъ, такъ оно было густо, сильно и н на немъ ни одной сухой вѣтви [1]). Длинныя его вѣтви, ною съ большое дерево, покоились на надежныхъ подпора время цвѣтенія рои пчелъ гудѣли въ немъ; и запахъ был ствителенъ на значительномъ разстояніи. Въ саду были и прекрасные экземпляры деревъ, и между ними вязы, изъ рыхъ одинъ, перекинувъ свою огромную вѣтвь черезъ образовалъ арку.

Кромѣ сада, новыхъ для меня народныхъ типовъ, оде пейзажей, меня увлекли цыгане, стоявшіе таборомъ въ лѣсу Седнева. Ихъ лица, свободныя движенія, костюмы, разн ные плащи, головные уборы, прическа дѣвушекъ, укра рубища, шатры, живописно разбросанный таборъ, пѣсни, п собаки, дѣти полунагія или голыя—приводили меня въ вос Я ходилъ къ нимъ, рисовалъ, бесѣдовалъ съ ними, хотя лись за меня добрые старики.

Въ Седневѣ мы съ дядей пробыли нѣсколько дней и вились въ Батуринъ, когда-то гетманскую резиденцію, а запустѣлый городъ. Старый деревянный, одноэтажный до которомъ послѣдніе годы своей жизни проводилъ послѣдні манъ, былъ занятъ конторой или какимъ-то мѣстнымъ уп

---

[1]) Въ 1853 году, когда я съ Лагоріо былъ у Лизогубовъ, Лагоріо напи натуры эту липу.

ъ; онъ едва стоялъ, подмазываемый глиной. Построенный каменный дворецъ, на высокомъ берегу р. Сейма, по комамъ котораго въ креслѣ прокатили больного гетмана и гдѣ ѣ того онъ никогда не былъ, стоялъ печально разрушаясь. ы и потолки провалились, въ окна свободно летали птицы; три дома росли деревья; дворъ заросъ травой и кустами; свободно пасся на немъ, а надъ разрушающейся крышей али вороны.

Гетманъ похороненъ въ церкви, и надъ нимъ поставленъ паикъ изъ темно-сѣраго гранита и бѣлаго мрамора съ урной о барельефнымъ профилемъ. Памятникъ обнесенъ металлиой рѣшеткой съ бронзой и на немъ надпись. Въ алтарѣ илось желѣзное кресло гетмана, весьма хорошей работы. анъ родился въ 1728 году, 18-го марта и скончался въ ринѣ въ 1803 году, января 9-го.

Изъ Батурина мы выѣхали на десяти лошадяхъ, а сбоку алъ жеребенокъ. Четверка была въ дышлѣ; ямщикъ-хохолъ, бараньей шапкѣ, надвинутой на глаза, сидѣлъ на козлахъ. ейторомъ былъ хохолъ лѣтъ сорока пяти, безъ шапки; и къ двумъ лошадямъ съ обѣихъ сторонъ были пристегнуты двѣ ади безъ вальковъ; а впереди еще пара съ форейторомъ, пятидесяти, съ типичнымъ смѣшнымъ лицомъ; у него была ая голова, за исключеніемъ чуба, и мѣховая шапка на заѣ, длинныя въ лаптяхъ ноги. Всѣ трое—кучеръ и оба форора—имѣли длинныя плети, и всѣ лошади были разношерст- Впереди насъ, въ телѣгѣ тройкой, скакалъ казакъ, въ паомъ кафтанѣ съ галуномъ, чтобы заготовлялись для насъ ади на слѣдующей станціи.

Чѣмъ ближе къ Полтавѣ, тѣмъ увеличивался мой интересъ; занимало—и красный столикъ съ образомъ, прислоненнымъ столбу подъ крышкой; и типы евреевъ въ длинныхъ сюрту-, съ фуражками на затылкахъ; и мужики въ короткихъ сѣ- безрукавкахъ; просторныя шаровары, опущенныя въ сапоги; ыя головы съ развѣвающимися чубами, и жиденята, и дѣки съ ведрами.

Мы пріѣхали въ Конотопъ [1]). По дорогѣ встрѣчались стада ь черныхъ и бѣлыхъ, которыхъ гнали съ хлопаньемъ бичей ухи-мальчишки, торчащіе среди стада и руководимые взросъ пастухомъ въ бѣлой шапкѣ и съ загорѣлымъ лицомъ. Въ

) Мнѣ говорили, что названіе это дано потому, что грязь города до того вязка, ь ней утопали кони: *кинь втопъ* или *конь утопъ*.

воздухѣ раздавалось блеяніе, хлопаніе бичей, покрикивa
стуховъ, стояла пыль, изъ-за которой виднѣлись машущія
мельницъ. Нерѣдко встрѣчались самодѣльныя высокія шля
соломы. Наконецъ, я увидѣлъ красиваго, черноволосаго
въ бѣлой рубашкѣ съ мережками и разрѣзомъ на груди,
у всѣхъ въ Малороссіи, въ широкихъ синихъ съ полоска
роварахъ, въ черной бараньей шапкѣ и—о, радость!—брит
лова не съ чубомъ, а съ *чуприной*, какъ у князя Свят
и у запорожцевъ [1]). Я попалъ въ сердце Малороссіи. Эт
около города Гадяча,—и что тутъ за виды! восторгъ!.. Въ
дахъ и казацкихъ садахъ виднѣлись кресты надъ могилам
ныхъ, а на кладбищахъ часто встрѣчались около кресто
придѣланныя къ крестамъ палки съ прикрѣпленными к
бѣлыми, иногда вышитыми полотенцами. Говорили мнѣ, ч
значки ставятся на могилѣ холостого казака и даръ лю
его дѣвушки; когда такихъ значковъ масса на кладбищѣ
развѣваются отъ порывовъ вѣтра, то картина является
стическая. Не менѣе поэтичны эти флаги и тогда, когда
чаешь ихъ на одинокомъ крестѣ въ безлюдномъ мѣстѣ...
и крестъ въ полѣ, гдѣ былъ убитъ пастухами прохожій;
крестъ—у самой дороги умершаго въ пути чумака.

Мы ѣдемъ далѣе; дождь и грязь. По дорогѣ изъ С
въ Диканьку, на холмѣ три креста. Это—умершіе во вре
леры три брата чумаки, а вотъ и Полтавская могила. Я
изъ дормеза и пошелъ къ ней; вокругъ поле, засѣянное
цей, а на могилѣ—большой деревянный крестъ съ надпи

„Воины Благочестивые за благочестіе кровію вѣнчавшіе
воплощенія Бога слова 1709-го іюня 27

„Похоронено 1345 человѣкъ".

Въ самой Полтавѣ поставленъ другой памятникъ, сдѣ
по проекту архитектора Александра Брюллова.

Недолго пробыли мы въ Полтавѣ. Дядя, переговоривъ
ихъ дѣлахъ, съ кѣмъ слѣдовало, отправился со мной
имѣніе Ковалевку, куда мы скоро прибыли.

XXVII.

Ковалевка!.. Это—то мѣсто, гдѣ таившаяся въ душ
искра любви къ Малороссіи, къ ея народу, пѣснѣ, ис

[1]) Иногда чуприну шутя называли *оселедецъ*, т.-е. селедка. Этотъ к
чалъ чистокровность.

ихнула и настолько охватила мое сердце, что оно слилось
ею, и все стало роднымъ. Я уходилъ въ степь, на могилы,
ь и переживалъ ея прошлое. Я не могъ надышаться воль-
ь, чистымъ воздухомъ, не могъ налюбоваться степями, не
наслушаться музыкальной рѣчи, заучивалъ мнѣ непонятныя
а. Въ душу глубоко проникали звуки малороссійскихъ пѣ-
; и я началъ записывать ихъ отъ дивчатъ, молодицъ и сто-
яго баштанника, проводя часы съ нимъ въ шалашѣ. И ра-
но, и грустно было все, что я чувствовалъ, и хотѣлось мнѣ
ться тутъ, слиться съ народомъ.
Домъ, куда мы пріѣхали, былъ деревянный одноэтажный съ
ниномъ, не новый, безъ затѣй, съ самой скромной обста-
ой, но безукоризненной чистоты. Дядя Ипполитъ Ивановичъ,
о лежа, читалъ днемъ при свѣчахъ, затворивъ ставни отъ
, а я бродилъ по окрестностямъ или рисовалъ съ натуры.
да и дядя копировалъ акварелью; мы жили дружно и ни-
а не было между нами неудовольствія. Такъ было для меня,
мнѣ казалось, но я и не подозрѣвалъ, что былъ мучите-
старика, и узналъ это, спустя много времени, отъ своихъ
ыхъ. Я имѣлъ и тогда привычку, лежа въ постели, читать
ночь, и читалъ иногда долго, а дядя постоянно караулилъ,
а я потушу свѣчу, и до этого не ложился спать. Случалось,
онъ заглянетъ ко мнѣ въ комнату.

— А ты, Левъ, еще не спишь?

— Какъ видите. А развѣ что-нибудь нужно?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я только такъ... хотѣлъ посмотрѣть...

Мнѣ и въ голову тогда не приходило, что онъ боится по-
а. Бывали и такіе случаи: поѣхали мы въ Полтаву на яр-
у, а вечеромъ я ушелъ къ евреямъ на сходбище, и вер-
я домой очень поздно; дядя не спалъ и въ безпокойствѣ
лъ по комнатамъ, но мнѣ ничего не сказалъ. Въ другой
, въ Ковалевкѣ, я ушелъ подъ вечеръ въ поле; наступила
, тучи, дождь, гроза, и я, дойдя до могилы, версты за двѣ
дома, пѣлъ пѣсни, радовался, что я одинъ; и, промокнувъ
ршенно, въ самомъ веселомъ расположеніи духа вернулся
й около полуночи. Ипполитъ Ивановичъ и тутъ едва рѣ-
ся просить меня скорѣе переодѣться и напиться чаю, чтобы
занемогъ... Милый, безконечно добрый и деликатный ста-
, часто я тебя вспоминаю! Тихій и довѣрчивый, онъ не от-
лся прозорливостью. Его часто обманывали, и когда онъ
замѣчалъ, у него недоставало храбрости уличить или сдѣ-
какое-нибудь замѣчаніе, хотя въ молодости онъ служилъ

офицеромъ въ дѣйствующей арміи и былъ раненъ въ гру
вылетъ двумя пулями подъ Бородинымъ.

Въ доказательство его робости приведу еще слѣдуюп
чай: онъ привезъ съ собою изъ Петербурга камердинера
рый по ночамъ тайно уѣзжалъ за семь верстъ изъ Ко
въ Полтаву, и тамъ съ разными чиновниками игралъ въ
выдавая себя за секретаря своего барина. Когда это
жилось, дядя не рѣшился сдѣлать ему выговоръ.

Не менѣе нагло пользовался довѣрчивостью дяди упр
щій имѣніемъ курляндецъ, Карлъ Ивановичъ, о котор
зналъ многое, благодаря моимъ сношеніямъ съ народо
очень не нравилось нѣмцу. Подъ вліяніемъ его наговоров
не разъ предостерегалъ меня и совѣтовалъ быть осторо
что „это не Россія, а народъ хитрый, бунтливый,—пож
убьютъ“. Я не придавалъ никакого значенія этимъ со
и по прежнему продолжалъ крестить дѣтей у крестьянъ,
лялъ должность „боярина“ на ихъ свадьбахъ и пр. Однаж
позвалъ меня къ себѣ и просилъ выслушать управляюща
торый жаловался на бунтъ, заявляя, что народъ не хоче
чить заданной жатвенной работы и говоритъ ему дерзост
говорилъ, что безъ молодого пана, т.-е. меня, который сл
добръ, и безъ моего присутствія народъ не посмѣлъ б
шаться, и просилъ дать ему разрѣшеніе отправить бу
ковъ къ становому, для наказанія розгами (такъ какъ И
Ивановичъ не позволялъ сѣчь розгами въ усадьбѣ и б
обще противъ сѣченія).

Когда управляющій ушелъ, дядя обратился ко мнѣ:

— Ну, вотъ, видишь! Нельзя относиться къ нимъ такъ г
Пожалуйста, будь осторожнѣе; вѣдь такъ, пожалуй, будетъ
Я самъ думаю, что лучше наказать нѣсколькихъ мужиков
ждать худшаго.

Я просилъ дядю сперва призвать къ себѣ непокор
разспросить ихъ, а потомъ дѣйствовать, такъ какъ мнѣ из
что народъ хвалитъ его и ничего дурного и непріятн
нимъ не будетъ. Дядя согласился и поручилъ предвар
узнать, въ чемъ дѣло, и разсказать ему, а управляюще
данъ былъ приказъ, чтобы на слѣдующее утро ослушн
кончившіе жатвеннаго урока, явились къ пану.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ, какъ разыграется эта сце
другой день, къ назначенному часу, пришли пять женщ
пять бунтовщиковъ, на которыхъ жаловался управляющі
нихъ оказались три беременныхъ, а двѣ недавно родивш

ными младенцами. Я разспросилъ, въ чемъ дѣло, и узналъ, больше бунтовщиковъ нѣтъ, а эти не дожали своихъ уро- по причинѣ довольно очевидной. Бунтовщицы дрожали, какъ а-то пойманныя мною руками куропатки. Я пошелъ къ дядѣ росилъ его выйти и посмотрѣть на „бунтовщиковъ“. Увидя дядя обомлѣлъ. Женщины были отпущены; добрякъ далъ денегъ, позвалъ управляющаго и разбранилъ за ложь и шаніе, такъ какъ ему запрещено было посылать на работы менныхъ и кормящихъ грудью. Меня Ипполитъ Ивановичъ ловалъ и благодарилъ.

Что сказать еще о моемъ пребываніи въ Ковалевкѣ?.. Грустно мнѣ разставаться съ родной для меня Украйной, и тайно всѣхъ сшилъ я себѣ мѣшечекъ порядочной величины, на- лъ въ него земли, чтобы взять съ собой, а другой, малень- съ землей, надѣлъ себѣ на грудь. Затѣмъ, дружески про- шись съ провожавшимъ меня народомъ, я сѣлъ съ дядей дормезъ, и мы отправились изъ усадьбы въ обратный путь.

Передъ выѣздомъ спросилъ я одну молодицу: — А ты въ шломъ году также прощалась съ паномъ?

— Ни, панычeньку! — отвѣчала она.—Я тыльки побачила, хата вже утикала...

Дѣйствительно, дормезъ нашъ былъ похожъ на хату; чего не было: погребецъ, часы, аптека, постели, зеркала, зана- и и пр.

При выѣздѣ изъ Полтавы, мнѣ привелось видѣть несчастныхъ тантовъ въ цѣпяхъ. Эта встрѣча свободы и неволи произ- на меня тяжелое впечатлѣніе.

Мы заѣхали въ Диканьку къ пріятелю дяди, кн. Льву Вик- вичу Кочубею. Прекрасная роща передъ домомъ, прекрас- каменный домъ и большой садъ, по которому я гулялъ ю, невольно напомнили мнѣ стихи Пушкина:

„Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ,
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы“...

Именно такова была чудная украинская ночь.

Изъ Диканьки мы выѣхали черезъ рощу по просѣкѣ. У боль- дороги еще стояли старинные вѣковые дубы, изъ которыхъ шая часть самыхъ крупныхъ была варварски уничтожена; пни, на которыхъ устанавливался чумацкій возъ. Путь шелъ на Харьковъ, Курскъ и Москву. Въ Харьковѣ я

слушалъ малороссійскія пѣсни, которыя исполняли въ тр
евреи на скрипкахъ и віолончели.

По пріѣздѣ въ Москву, мы опять остановились въ д
бушки. Я бродилъ по городу и все осматривалъ. Въ Кр
вошелъ въ отворенную калитку стѣны и оттуда со сто
прошелъ въ башню, гдѣ видѣлъ слѣды застѣночной пыт
А. К. Толстой удивлялся, какъ я попалъ туда, потому чт
былъ запертъ всегда и запрещенъ, но мнѣ помогла суд
лицѣ простака-сторожа. Не могу указать, въ какой
башнѣ я былъ, и всѣ мои попытки опять проникнуть
оказались напрасными.

На какомъ-то гуляньѣ близь воротъ Сокольничьяго п
встрѣтился съ художникомъ Потапомъ Терентьевичемъ
скимъ, ученикомъ Брюллова, о которомъ уже упоминал
шелъ съ личностью мнѣ незнакомою, расцѣловался со
отрекомендовалъ своему спутнику, Кузьмѣ Терентьевичу
тенкову. Петровскій былъ простой и искренній человѣ
рошо рисовалъ портреты и хорошо пѣлъ. Солдатенковъ у
насъ чаемъ, и я разговорился о петербургскихъ художн
о своемъ умершемъ другѣ и наставникѣ—старикѣ-Егоров
датенковъ взялъ мой петербургскій адресъ и просилъ п
для него у художниковъ работы, которыя найду досто
Программа довольно широкая; но я, не зная, насколько
Солдатенковъ, берегъ его карманъ. Знакомство мое с
поддерживалось перепиской. По возвращеніи въ Пете
пользуясь даннымъ мнѣ полномочіемъ, я купилъ у Капко
тину „Молящаяся дѣвушка", очень хорошо написанную,
желанію Солдатенкова, художнику пришлось переписать
дѣвушки, сложивъ ихъ по-старообрядчески; у Ѳедотова я
„Вдовушку". Въ это же время я дружески сошелся съ
и талантливымъ художникомъ А. Е. Бейдеманомъ, получ
первую золотую медаль, дающую право поѣздки за гран
счетъ Академіи, и заказалъ ему акварелью „Сцену н
бищѣ" и „Чиновникъ на могилѣ". Еще купилъ я нѣскол
сунковъ Егорова и изъ его же собранія—гравюру съ
и „Тайную Вечерю" Леонардо да-Винчи. Съ своей стор
благодарность за художниковъ и за довѣріе ко мнѣ, я п
Солдатенкову свои рисунки: „Нищая"—акварелью, „Во
чашей вина"—сепіей и „Средневѣковая стража, играю
кости"—перомъ и карандашомъ.

Но вскорѣ наступилъ долгій перерывъ моего знаком

датенковымъ; я опять уѣхалъ въ Малороссію [1]), гдѣ, ведя вую жизнь и переѣзжая съ мѣста на мѣсто, познакомился семействами разныхъ помѣщиковъ: Г. П. Галагана, Тарнов- о, гр. де-Бальмена, Марковичей и др. Я собиралъ народныя и и сказки, зачерчивалъ пейзажи, типы, строенія, утварь и меня интересующее...

Левъ Жемчужниковъ.

) Изъ Малороссіи я отправился за границу, а затѣмъ въ пензенскую деревню го лѣтъ не видался съ Солдатенковымъ, а съ 1875 года служилъ съ нимъ въ вскомъ Художественномъ Обществѣ до преобразованія его на новыхъ основа- при уничтоженіи стараго устава.

ДУБРОВИНЪ

РОМАНЪ

изъ крестьянской жизни.

XXIII *).

Въ Окраинѣ былъ престольный праздникъ—Николинъ шестого декабря.

Въ первый день праздника Дубровинъ пріѣзжалъ въ О и гулялъ здѣсь вечеръ. Но онъ чувствовалъ себя очень ст нымъ: ему не приходилось быть наединѣ съ Марею,—из которой гуляли, была всегда полна народомъ; приходили дѣть на гулянье бабы и даже мужики; Аксинья зорко с за каждымъ его движеніемъ...

Дубровинъ уговорилъ окраинскихъ парней не гулят въ слѣдующій день, а придти въ сосѣднюю деревню и пр съ собою дѣвушекъ. Отпустивъ жену въ Окраину, въ го роднымъ, съ утра, онъ вечеромъ, нанявъ нѣсколько лоша всѣми буранскими парнями отправился въ ту деревню, куд назначено придти окраинской молодежи.

Тамъ гульбище было уже въ полномъ сборѣ, и всѣ терпѣніемъ ждали, когда пріѣдетъ „Дубровинская шайка вотъ пріѣхали и они, съ гармониками, бубнами, виномъ, цами и свѣчами...

Заслыша гармонь и бубны, парни бросились на улицу чать гостей; дѣвицы пріободрились; бабы спѣшили занять

---

*) См. выше: ноябрь, стр. 187.

ныя мѣста у порога,—вообще, произошло необыкновенное вленіе и всѣ были въ ожиданіи чего-то особеннаго.

Гульбище помѣщалось въ просторной и чистой избѣ одного точнаго крестьянина. Кромѣ этой избы—гдѣ онъ жилъ съ ею—у него, рядомъ, былъ построенъ новый, въ двѣ ком- домъ, съ чистымъ ходомъ съ улицы, крытый тесомъ и съ ыми украшеніями на окнахъ. Этотъ домъ былъ построенъ редства дочери крестьянина—Өеклы, которая уже нѣсколько жила въ городѣ и пріѣзжала домой лишь въ престольные дники. Өекла, живя въ городѣ, отдала свое сердце молодому ну, гдѣ служила горничною, и черезъ годъ привезла въ де- ю маленькую дочь, которую отдала на воспитаніе своей со- ѣ. Это обстоятельство окончательно оторвало ее отъ деревни, перь парни хотя были не прочь погулять съ нею, но уже о ее не сваталъ, несмотря на то, что она была молода, ива и нарядна. Послѣ она жила въ городѣ одною прислу- у какого-то богатаго стараго холостяка, который покупалъ орогіе подарки и давалъ денегъ гораздо больше, чѣмъ слѣ- ю прислугѣ. Построивъ новый домъ въ деревнѣ, Өекла на- ила его разными предметами деревенской роскоши: въ немъ и комоды, и стулья, и даже большой, хотя уже облѣзлый смятыми пружинами, но все же рѣзной диванъ, обитый мъ-то штофомъ.

Өеклѣ было извѣстно объ отношеніяхъ Дубровина къ Марѣ. была увѣрена, что между ними существовало полное сбли- е,—и въ этотъ вечеръ желала устроить для нихъ свиданіе воемъ домѣ, разсуждая, что теперь уже „снявши голову по самъ не плачутъ“.

Комната ея, въ новомъ домикѣ, была особенно тщательно рана, вытоплена и освѣщена двумя свѣчами, воткнутыми въ -то фигурные подсвѣчники, поставленные на столъ по обѣ оны туалетнаго зеркала.

Дубровинъ удивился, когда одна изъ дѣвушекъ на гульбищѣ ла ему нà ухо, что Өекла проситъ придти его въ новый

„Зачѣмъ? Что̀ ей нужно?“—думалось ему.

Когда онъ вошелъ въ комнату, Өекла, одѣтая въ модное овое платье, вѣжливо пригласила его сѣсть къ столу, сама омѣстилась напротивъ, стараясь принять самую красивую

Она была замѣтно „нà-веселѣ“; красивое и еще свѣжее лицо ыло томно и сантиментально; глаза прищуривались съ ве-

селой, заразительной усмѣшкой и смотрѣли какъ-то сл
откровенно, словно говоря: „Что тутъ скрываться? Намъ-
все извѣстно очень хорошо“.

— Я давно хотѣла познакомиться съ вами, Григор
гѣичъ,—говорила она, растягивая слова и играя своею
шейною цѣпочкою,—да все случая не было. Вѣдь я мал
васъ помню: вы со своимъ покойнымъ папашей на охот
разъ ѣздили... У васъ и ружье такое маленькое было..
какъ сейчасъ гляжу! Я въ ту пору уже порядочная была.
въ городъ уѣхала—и разлучилась съ деревней... Да, Г
Сергѣичъ,—съ неожиданной откровенностью произнесла
въ городѣ жить хорошо, а все же въ деревню тянетъ
вычка съ малыхъ лѣтъ. Вѣдь, какъ говорится: „гдѣ ч
родивши—тамъ и пригодивши“. Хоть я и не люблю ужа
вѣжественность деревенскую... Если когда гулянья быва
селыя, ну такъ еще нештò. Здѣсь все городскія манер
ждаютъ, зачѣмъ вотъ въ модныхъ платьяхъ ходишь, д
носишь! А вѣдь это же не худо?..

Она остановилась и вопросительно поглядѣла на Дуб
Тотъ молчалъ и, казалось, слушалъ ее внимательно.

— Я, Григорій Сергѣичъ, ужасно не люблю своего им
произнесла она съ серьезнымъ видомъ.

— Почему же?

— Да неважное оно ужасно. Зато я, когда пріѣз
городъ, всегда другое имя себѣ накладаю,—тамъ меня
зовутъ. Тамъ меня всѣ за француженку почитаютъ... Ей-
весело разсмѣялась она.—Не знаю, изъ-за чего. Может
изъ-за того, что у меня носъ съ горбовинкой... Мой
меня все Зиночкой величаетъ. Не пускалъ меня въ д
говорилъ, что ему будетъ скучно безъ меня. Да я на сво
ставила. Онъ меня слушается и покоряется; иной разъ
капризничаюсь чего-нибудь, а онъ—ничего. Я сюда его
шала въ гости, да постѣснялся деревенскаго невѣжества
это, Григорій Сергѣичъ, нашъ братъ, мужикъ, такъ
стѣсняется—куды хошь, хоть во хлѣвъ, такъ вломится, а
ское положеніе совсѣмъ особенное. Вамъ-то ужъ, я дума
это говорить не надо, потому вы сами очень хорошо
нимаете...

Дубровинъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Конечно, конечно... Но вы...—онъ замялся и не
какъ назвать ее: настоящимъ ли ея именемъ, или Зино
собственно зачѣмъ меня позвали сюда?

— Ахъ, да!—спохватилась Ѳекла.—Я призвала васъ сюда хорошимъ дѣломъ, да вотъ заговорилась. Извините. Я думаю, игорій Сергѣичъ, что вамъ съ Марею тамъ неловко, въ гуляньи, тѣснотѣ быть... Шли бы вы сюда.

Дубровинъ радостно встрепенулся.

— Благодарю васъ. Вотъ это, въ самомъ дѣлѣ, славно бы... нь вамъ благодаренъ!—съ чувствомъ сказалъ онъ.

— Не стоитъ благодарности,—съ улыбкой отвѣтила Ѳекла.

— Такъ вы не можете ли, пожалуйста, похлопотать, чтобы ря сюда пришла?

— А это мы сейчасъ устроимъ. Любовь-то у васъ въ сердцѣ итъ! Эхъ, любовь, любовь! Пріятная это штука, ежели только тоящая любовь,—чтобы по крови пришелся человѣкъ и въ ѣсть!..

Послѣднія слова она произнесла съ грустнымъ и задумчивымъ омъ. Потомъ поднялась со стула.

— Пожалуй, она вѣдь, какъ разъ, и заартачится: скажетъ, овко сюда идтить. Вѣдь знаете, какія эти деревенскія дѣвки ужасно дикія! А что же ужъ теперь дичиться?.. Была—была! Я поговорю ей.

Она уже совсѣмъ подошла къ порогу, но вдругъ вернулась адъ и остановилась передъ Дубровинымъ.

— Григорій Сергѣичъ,—сказала она какъ-то торжественно,—ь Маря—хорошая дѣвушка... была прежде, а теперь не ю,—что съ нею потомъ будетъ?..

Дубровинъ смѣшался на секунду, но потомъ съ досадою залъ:

— Что за вопросъ!

— Ну, это—дѣло ваше,—перемѣнила тонъ Ѳекла.—Теперь-что жъ намъ, чужимъ людямъ, васъ учить!..

И она пошла позвать Марю...

XXIV.

Часа черезъ два, въ комнатѣ Ѳеклы сидѣла Маря, блѣдная зволнованная. На столикѣ противъ нея стояла откупоренная, непочатая бутылка съ наливкою и двѣ большія рюмки.

— Дорогая милушка, что ты печальна?.. Ты сердишься на я, Маря?—спрашивалъ ее Дубровинъ.—Что же ты молчишь? огая моя, не сердись. Что жъ сердиться и печалиться,—ь теперь уже все равно!

И говоря это, онъ хотѣлъ обнять Марю. Маря грубо о
нула его руку.

— Не говори ты, что теперь все равно! — съ укор
страданіемъ сказала она.

— Ну, я не буду такъ говорить. Только научи мен
мнѣ сдѣлать, чтобы развеселить тебя? Хочешь—поѣдемъ,
качу тебя по деревнѣ,—можетъ быть, ты и развеселишься?
часъ велю коня подать.

— Да, поѣдемъ. Уйдемъ отсюда, чтобы мнѣ никогда
не видѣть этого проклятаго мѣста!.. Чтобы глаза мои н
дѣли на него!

— Сейчасъ поѣдемъ. А ты успокойся. Вѣдь ты ме
бишь, Маря?.. Дорогая моя, я тебя всю жизнь буду лю
никогда не брошу...

Онъ обнялъ ее, поцѣловалъ ея поблѣднѣвшія губы и в
изъ комнаты распорядиться, чтобы приготовили имъ лоша

Только онъ вышелъ, Маря рѣшительно схватила буты
наливкою, налила полную рюмку и выпила ее залпомъ,
выпила другую, третью... Когда Дубровинъ вошелъ въ ко
Маря сидѣла противъ туалетнаго зеркала и, склонивш
руки, плакала навзрыдъ.

— Ты опять плакать? Ну, не плачь же, Маря! Есл
бишь меня—не плачь!

— Гриша,—сказала она, поднимая на него свои за
ные глаза,—погубитель ты мой, злодѣй, чтò ты надо мн
лалъ?.. Вѣдь я красивая, Гриша? Погляди въ зеркало!—
тивъ Дубровина за руку, она стала тащить его къ зерк
Видишь, какая я красивая? Лучше Мари не было и дѣв
деревнѣ! А теперь кто я? Никто! Хуже Ѳеклы стала
тебя!..

Дубровинъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на нее, пото
бутылку, почти совсѣмъ опорожненную, и понялъ, что
была пьяна. Черные волосы ея растрепались, и она не
лась ихъ поправлять, щеки были залиты румянцемъ, глаза
языкъ заплетался...

— Эхъ!—съ отчаянной рѣшимостью проговорила М
выбранилась самою грубою бранью.—Ты правду сказалъ:
все равно! Пропадай душа!..

И схвативъ со стола банку съ помадою, она силь
махнулась и ударила ее объ полъ.

— Все равно, я теперь твоя, Гриня!—вдругъ дѣлая
корною и кроткою, проговорила она.—Чтò хочешь со мн

ѣлай: я—твоя собака; хочешь ласкай меня, хочешь бей—я изнесу. Я, проклятая, стою того, чтобы меня били. На что озарилась? На женатаго человѣка!.. Ты побудешь со мной къ, потѣшишь себя, потомъ и поѣдешь къ своей законной ѣ... Ахъ, Гриня! не на радость я полюбила тебя! Чѣмъ ты обошелъ, что я никогда тебя забыть не могла съ той поры, только въ первый разъ свидѣлись? Вѣдь я—сколько бы было народу на гуляньи—только тебя одного и вижу. Ты, олъ, и красивѣе всѣхъ, и умнѣе, и лучше всѣхъ... Много я изнесла изъ-за тебя, Гриня, когда ты Лушу замужъ бралъ. ко никто не зналъ объ этомъ, а знала ли, нѣтъ ли—моя шка, какъ я по ночамъ ее горячими слезами обливала... А у я тогда убила бы, ежели бы моя воля была! И послѣ, а съ женатымъ съ тобой я начала гулять—я ей на зло ать хотѣла... Славно сдѣлала: укорила сама себя!.. Поѣдемъ ться. А не то, ежели хочешь, пойдемъ на гульбище, обнявъ съ тобой; пусть всѣ на насъ глядятъ—ты правду сказалъ: рь все равно...

Дубровинъ одѣлъ ее и вывелъ изъ дома.

У воротъ стояла лошадь, запряженная въ просторныя дровни-альни, въ которыхъ вмѣсто сидѣнья было накладено сѣна. поправлялъ возжи.

— А гармонь-то вамъ надо будетъ, Григорій Сергѣичъ?—силъ онъ Дубровина, усаживавшаго Марю.—Али и безъ оньи сегодня обойдетесь?..

— Не нужно гармоньи. Дай это ребятамъ, на водку,—ска-Дубровинъ, передавая Савѣ пять рублей и беря отъ него и.

— Неужто всѣ издержать?

Дубровинъ не отвѣчалъ ему,—онъ ударилъ коня возжами и ался отъ воротъ на дорогу.

Ночь была свѣтлая, слегка морозная и тихая.

Полная луна свѣтила ярко; звѣзды горѣли какими-то тре-ыми огнями; изъ избы, гдѣ происходило гульбище, слыша-звуки гармоникъ, бубновъ и пѣсенъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они выѣхали въ поле.

Дубровинъ опустилъ возжи и склонился къ Марѣ. Лошадь а шагомъ.

— Гриня, — говорила Маря, — отчего это, когда я гляжу землю, мнѣ такъ на душѣ скучно дѣлается?.. Кругомъ снѣгъ ется—словно все поле какимъ-то мертвецкимъ саваномъ ыто... А наверху-то тамъ какъ хорошо: нёбушко синѣетъ,

мѣсяцъ ходитъ, звѣздочки свѣтятся и словно перемиг
промежъ себя... Закрой меня, Гриня, совсѣмъ, съ голо
хочу, чтобы мы съ тобой были одни, и чтобы никто наст
дѣлъ, ни свѣтелъ мѣсяцъ, ни ясны звѣздочки...

XXV.

Прошло два года.

Борисъ былъ сданъ въ солдаты и на второмъ году
его отпустили на родину, по слабости здоровья. Онъ п
въ Бураны въ свой престольный праздникъ, Ильинъ день, 2
Они встрѣтились съ Дубровинымъ на улицѣ Буранъ въ
разгаръ деревенскаго гулянья. Дубровинъ шелъ по дорогѣ
женный толпою парней, и во весь мѣхъ гармоники наиг
пѣсню. Одинъ изъ идущихъ съ нимъ рядомъ парней пѣл
кимъ, женскимъ голоскомъ, и Борисъ былъ удивленъ, ус
въ пѣснѣ слова мало приличнаго содержанія. Но Дуб
очевидно, нисколько не смущался этимъ. Высоко поднявъ
и надѣвъ фуражку слегка на затылокъ, онъ сохранялъ ви
кой-то рѣшимости, высокомѣрнаго и дерзкаго удальства

Дубровинъ очень измѣнился въ эти два года.

Изъ тоненькаго и нѣжнаго юноши онъ развился въ с
мужчину. Онъ былъ выше средняго роста, съ высокою
широкими плечами и славился между деревенскими парн
обыкновенною физическою силою. Только лицо его ут
прежнюю свѣжесть, было блѣдно и казалось какъ бы пом

Одѣвался онъ такъ же, какъ и всѣ деревенскіе парни,
одежда его была новѣе и на шеѣ висѣла серебряная
цѣпочка такой толщины, какой не было у другихъ парн

Увидѣвъ Бориса, Дубровинъ пересталъ играть и пос
къ нему на встрѣчу. Радость и даже нѣжность блеснули
глазахъ; казалось, онъ былъ готовъ броситься на шею
другу, но, взглянувъ на полупьяную толпу парней, удер
Онъ только дружески протянулъ Борису руку и улыбнул
простодушно-ласковой улыбкой.

— Ну, какъ: въ гости пріѣхалъ?

— Да; на поправку отпустили.

Дубровинъ оглянулъ тощую и слабую фигуру Бор
участіемъ и съ тѣмъ самодовольнымъ чувствомъ, съ ко
смотритъ здоровый и сильный человѣкъ на больного и с

— Ну, поправишься; мы тебя выправимъ. Пойдемъ,
гдѣ-нибудь—надоѣло по дорогѣ ходить.

И Дубровинъ пошелъ съ Борисомъ подъ навѣсъ хлѣбнаго ...ара. Толпа парней послѣдовала за ними. Усѣвшись, Дубро...ъ закурилъ папиросу и съ любопытствомъ сталъ разспраши...ъ Бориса о солдатской службѣ.

— Черезъ годъ вѣдь и мнѣ придется служить. Раньше все ...о знать, чтобы не страшно было,—сказалъ онъ.

— Что-жъ, съ деньгами-то вамъ служба будетъ легкая.

— Можетъ быть, и чему-нибудь хорошему тамъ научусь?— ...осилъ Дубровинъ.

— Хорошему-то не знаю, чему тамъ можно научиться,—за...ливо и печально проговорилъ Борисъ.—А какъ вы тутъ по...аете?—перевелъ онъ разговоръ на другое.

— Ничего, все въ порядкѣ: жёнка здорова; дочка ростетъ; ...онокъ—пристяжныхъ женъ—имѣемъ въ достаточномъ ко...ствѣ.

— Вы все съ Марею гуляете?

— Нѣтъ, надоѣла. У меня тутъ, кромѣ ея, уже двѣ пере...лись...

И онъ засмѣялся.

Бориса покоробило отъ этихъ словъ; онъ былъ смущенъ и ...зналъ, что̀ говорить.

— Да, у васъ тутъ много разныхъ перемѣнъ,—пробормо...ъ онъ, вздохнувъ и потупивъ глаза, что̀ всегда дѣлалъ, когда ...ъ въ затруднительномъ положеніи.

Они молчали нѣсколько минутъ.

Въ это время по дорогѣ мимо нихъ проходила толпа дѣву...ъ. Между нихъ Борисъ замѣтилъ Марю.

И Маря тоже очень измѣнилась: она замѣтно похудѣла и ...арѣла; румянецъ сбѣжалъ съ лица, вокругъ глазъ появились ...ые круги; взглядъ сдѣлался печаленъ, серьезенъ и сосредо...нъ, почти суровъ.

— Вотъ, Маря пошла,—сказалъ Борисъ.

Дубровинъ сдвинулъ брови и, стиснувъ въ зубахъ папиросу, ...лъ гулко наигрывать „По улицѣ мостовой“, щурясь отъ ...ъ, такъ что глаза его чуть блестѣли изъ-подъ густыхъ и ...ныхъ рѣсницъ, какъ блеститъ въ сумерки, въ осеннюю пору, ...ной свѣтъ сквозь частый кустарникъ лѣса.

XXVI.

Среди буранской дороги, на просторномъ, недавно вы-
строенномъ мосту надъ рѣчкою, не имѣющею географи
имени, собралось гулянье молодежи.

Когда дѣвицы и парни водили хороводы, на мостъ
„господа“ съ мызы Швалинга — двое мужчинъ и двѣ
Одинъ изъ мужчинъ былъ управляющій имѣніемъ, Щем
онъ былъ одѣтъ въ легкій лѣтній костюмъ, въ соломенной
въ пенснэ. Другой былъ студентъ университета,—въ бѣломъ
и форменной фуражкѣ. Дамы были тоже въ легкихъ лѣтн
стюмахъ и съ зонтиками. Одна—уже пожилая, полная,
шаяся очень сдержанною и важною особою, вторая — к
барышня лѣтъ семнадцати.

Придя на мостъ, они скромно остановились въ сто
съ любопытствомъ слушали хороводную пѣсню и смотрѣл
парни съ дѣвицами, выходя по парѣ на средину круга,
нивались, жестикулируя и притопывая ногами.

Въ лицахъ „господъ“ было замѣтно желаніе держа
возможно проще и ближе къ народу, но, вмѣстѣ съ тѣ
вольно выражалось любопытство, сознаніе своего превос
въ деревенской толпѣ. Дѣвицы и парни, въ свою очеред
дѣли на „господъ“ съ такимъ видомъ, съ какимъ погляд
ѣдущій съ возомъ на огромный, положенный на дорогѣ
который нельзя объѣхать.

— Для меня деревенское гулянье всегда въ высшей
интересно,—говорилъ студентъ.

— Въ отсутствіе Бахуса, я полагаю? — съ улыбкой
сила его пожилая дама.

— О, да, конечно! — поспѣшилъ отвѣтить студентъ
этихъ гуляньяхъ, — продолжалъ онъ, — можно замѣтить
искреннее веселье и неподдѣльное чувство.

— Не знаю, какимъ образомъ вамъ случалось про
такія наблюденія,—заговорилъ Щемяльскій. — Я уже нѣ
лѣтъ вращаюсь въ довольно близкомъ общеніи съ народ
никогда ничего подобнаго не замѣчалъ. Напротивъ, я
что эти народныя гульбища слишкомъ грубы и исключаю
кое искреннее чувство и поэзію.

— Можетъ быть, намъ потому такъ кажется, что
изучаемъ ихъ и смотримъ на народъ слишкомъ объекти
спросилъ студентъ, подчеркивая послѣднее слово.

— Напротивъ!—возразилъ Щемяльскій.—Смотрите самымъ субъективнѣйшимъ взглядомъ—впечатлѣніе получится все одно и то же. По моему, чтобы вполнѣ изучить народъ, если хотите, главнымъ образомъ нужно узнать условія ихъ экономическаго положенія... Съ этой точки зрѣнія всего виднѣе ихъ жизнь.

— Но вѣдь это будетъ внѣшняя сторона,—вмѣшалась барышня,—а въ нихъ,—кивнула она на толпу,—есть тоже душа, которую нельзя постигнуть съ экономической точки.

— Да, можетъ быть, вы частью и правы, но...

Въ это время къ гулянью подошелъ Дубровинъ съ толпою парней. Увидѣвъ Щемяльскаго, онъ нахмурился. Одинъ изъ парней началъ-было играть на гармоникѣ плясовую, и дѣвицы приготовились идти плясать, но Дубровинъ велѣлъ своему товарищу играть пѣсню... Парень, заигравшій плясовую, смѣшался; дѣвицы остановились. Въ толпѣ произошло замѣшательство; дѣвицы и парни почуяли, что затѣвается что-то неладное.

Товарищъ Дубровина игралъ громко и чрезвычайно нескладно. Всѣ стояли и слушали, ожидая, когда это кончится.

Но парень не унимался.

Простоявъ нѣсколько минутъ и наскучивъ слушать нелѣпую „игру“ парня, господа стали выражать нетерпѣніе.

— Чтò же они не водятъ хороводовъ?—обратился студентъ къ одному изъ парней-подростковъ. Тотъ застѣнчиво и робко пробормоталъ: „Не знаю“—и отошелъ прочь.

Щемяльскій сквозь стеклышко насмѣшливо смотрѣлъ на толпу.

— Когда же это кончится?—произнесла пожилая дама, ни къ кому въ особенности не обращаясь.

Ей никто не отвѣтилъ.

— Чтò же вы хороводовъ не водите?—обратился, наконецъ, студентъ къ Ивану Жулину.—Эта... музыка уже наскучила всѣмъ; лучше бы хороводъ завели или танцы.

— Это, баринъ, все можно! — бойко отозвался Иванъ. — Только у холостёжи-то, видно, горло засохло... Надо бы его маленечко попромочить... Вотъ тогда бы для вашей милости и спѣли!..

— То-есть, вамъ на водку нужно дать?

— Да, пожалуй; ежели милость ваша будетъ.

Студентъ вынулъ кошелекъ, досталъ рубль и отдалъ его Ивану.

Щемяльскій поморщился и съ неудовольствіемъ поглядѣлъ на Ивана. Но онъ сдержался и не сказалъ студенту ни слова.

Иванъ, зажавъ рубль въ кулакѣ, тотчасъ же попросилъ гар-

мониста сыграть плясовую и вывелъ дѣвицъ плясать. Но
монистъ игралъ недолго и дѣвицы плясали какъ-то нéхот
томъ снова заигралъ товарищъ Дубровина съ еще бол
азартомъ, чѣмъ въ первый разъ.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Вѣроятно, теперь мы напрасно будемъ ждать к
нибудь разнообразія, — произнесла полная дама. — Не по
намъ уходить отсюда?

— Но какъ же такъ? — съ неудовольствіемъ прогов
студентъ.—Нѣтъ, это невозможно! Они, вѣроятно, начнут
часъ водить хороводы... Что-же ты,—обратился онъ къ
прятавшемуся въ толпѣ парней:—распорядись!

— А вотъ сейчасъ, баринъ. Повремените малость, а
у насъ и пойдетъ!—отвѣчалъ Иванъ.

Но въ тонѣ, какимъ онъ произнесъ эти слова, ска
что-то нахальное, насмѣшливое.

— Пойдемте,—сказалъ Щемяльскій, обращаясь къ д
—Теперь здѣсь, очевидно, ничего вы интереснаго не уви
не услышите,—иронически прибавилъ онъ.

— А вѣдь это и нехорошо, — сказалъ Борисъ Дубр
когда господа ушли: —они денегъ дали, а для нихъ не х
и хоровода завести.

Дубровинъ сверкнулъ глазами.

— Они пришли тутъ разглядывать насъ, какъ мор
свинокъ, а мы будемъ для нихъ объятія открывать! Чор
ихъ дралъ!..— съ ненавистью проговорилъ онъ. И бойк
игралъ плясовую.

Тотчасъ же начались оживленныя пляски, пѣсни
роводы.

XXVII.

Въ послѣдніе два года въ жизни и характерѣ Дубр
произошло много важныхъ перемѣнъ.

Отношенія его къ женѣ установились въ окончательно
дѣленной формѣ. Въ началѣ знакомства съ Марею они
ссорились, и Лушѣ много приходилось выносить побоевъ и
Потомъ она поняла, что ей было не по силамъ измѣни
характеръ мужа, ни свое положеніе — и покорилась с
Когда Дубровинъ приходилъ съ гулянья поздней ночью
утромъ, она уже не выговаривала ему, старалась казаться
душною и молча исполняла всѣ его требованія.

Дубровинъ понялъ, что она смирилась, и пересталъ ссориться съ нею, оставивъ ее въ покоѣ,—если только можно предположить возможность покоя въ ея положеніи.

Луша занимала въ домѣ Дубровина мѣсто выше кухарки; она управляла хозяйствомъ,—то-есть, слѣдила за тѣмъ, чтобы обѣдъ былъ готовъ своевременно, полы въ домѣ вымыты каждую недѣлю, баня вытоплена и для мужа приготовлено чистое бѣлье.

Она почти безвыходно находилась дома. На второй годъ замужства у нея родилась дочь—и въ одинокой и забитой жизни Луши она была единственнымъ и безцѣннымъ утѣшеніемъ. Дубровинъ иногда бралъ дочь на руки и ласкалъ. Тогда онъ смотрѣлъ и на Лушу какъ будто жалостливо, и между ними сказывалось нѣчто общее, близкое. Но это было непродолжительно; Дубровинъ словно стыдился такой „слабости" и старался подавлять ее, не желая измѣнять установившихся отношеній.

Влеченіе Дубровина къ Марѣ было очень сильно. Боясь, что, узнавъ о ея связи съ нимъ, Марю отберутъ въ казну отъ ея воспитателей, Дубровинъ, черезъ Аксинью, сталъ хлопотать, чтобы они приписали ее къ своей семьѣ на правахъ родной дочери. Эти хлопоты стоили Дубровину не дешево; дѣло тянулось довольно долгое время, и онъ не находилъ себѣ покоя, томился, изнывалъ. Иванъ Жулинъ былъ посланъ имъ въ воспитательный домъ за тѣмъ, чтобы попросить начальство поскорѣй окончить всѣ формальности по припискѣ Мари, и, если нужно, дать за это денегъ. Иванъ исполнилъ въ точности и то, и другое. Тогда, наконецъ, Маря была приписана къ семьѣ Гурьяна, и Дубровинъ успокоился.

Но счастье его съ Марею было непродолжительно,—она скоро утомила его своей страстью и ревностью. Дубровинъ увлекся молодою и красивою дѣвушкою сосѣдней съ Буранами деревни, и скоро сблизился съ нею. Черезъ нѣкоторое время бѣдная дѣвушка должна была уѣхать въ городъ, чтобы скрыть свое паденіе...

Послѣ ея отъѣзда, Дубровинъ снова сошелся съ Марею, но не надолго; случайно встрѣтясь наединѣ съ восемнадцатилѣтнею буранскою дѣвушкою, Соломонидою, и поговоривъ съ нею нѣсколько минутъ, Дубровинъ былъ совершенно очарованъ ею и влюбился въ нее по-своему. Соломонида, несмотря на свой возрастъ, смотрѣла недозрѣвшею дѣвочкою, лѣтъ четырнадцати,—такая она была маленькая и худенькая. Темные, густые и слегка вьющіеся волосы красиво обрамляли ея блѣдное, съ от-

тѣнкомъ желтизны личико, а рѣзко проведенныя бров
всегда немного приподняты, какъ будто она къ чему-нибу
слушивалась; большіе черные глаза смотрѣли задумчиво
сѣянно, и только временемъ въ нихъ загоралось что-то
ное, отъ чего—говорилъ Дубровинъ—у него „мурашк
ютъ по тѣлу". Вообще, все лицо не было красиво, но
дѣлялось между другими лицами, и невольно и твердо
налось съ перваго взгляда.

— Вотъ я за то и люблю ее,—часто говорилъ Ду
своимъ товарищамъ,—что она и вся-то съ кулакъ; как
нешь ее, она такъ вся и сжучится въ комокъ!

Съ „перваго знакомства" съ Дубровинымъ Соломон
болѣла и лежала нѣсколько дней. Но она никому не ск
случившемся. Дубровинъ былъ въ это время самъ не св
даже лишился аппетита и сталъ замѣтно худѣть. Но
нида выздоровѣла и увеличила собою число его жертвъ.

Катя—предметъ первой любви Дубровина—вышла
за крестьянина сосѣдней съ Буранами деревни, Филипп
нова, который съ дѣтства жилъ въ городѣ, на фабрикѣ, и
иногда, лѣтомъ, пріѣзжалъ домой. Родители Аксенова им
рядочное хозяйство въ деревнѣ и присовѣтовали сыну ж
на Катѣ, имѣя въ виду, что она, какъ отличная хозяйк
ботница, могла поддержать его, не совсѣмъ искуснаго
стьянскомъ дѣлѣ.

Филиппъ Аксеновъ былъ очень слабъ къ водкѣ и, въ
супружеской жизни, бывая подъ-хмелькомъ, часто колотил
за то, что она досталась ему „провинившеюся", но
такъ привыкъ къ ней и полюбилъ ее, что безъ нея
ступить шага.

Любовь Дубровина къ Катѣ была такъ сильна, чт
перь онъ не могъ забыть ее и невинно и счастливо пр
наго съ нею времени.

Когда Филиппъ Аксеновъ жилъ съ Катею въ дерев
бровинъ сталъ искать случая познакомиться съ нимъ по
Онъ нарочно пріѣзжалъ къ нему подъ предлогомъ над
купить сѣна или овса; но Аксеновъ, зная его прежнія
нія къ Катѣ, сразу заподозрилъ хитрость, и хотя обош
Дубровинымъ вѣжливо, но послѣ того, какъ тотъ ушелъ
дома, больно поколотилъ жену. Дубровинъ сталъ часто
разными предлогами, посѣщать деревню, гдѣ жила Катя, и,
чаясь съ Аксеновымъ, былъ съ нимъ очень любезенъ. А
недовѣрчиво и холодно относился къ этой любезности, и

послѣ того какъ Дубровинъ заступился за него, когда онъ дрался у кабака съ зарѣченскими мужиками, онъ окончательно примирился съ нимъ. Онъ скоро убѣдился, что Дубровинъ не имѣлъ никакихъ дурныхъ намѣреній противъ его жены, и сталъ считать его своимъ пріятелемъ и бывать у него въ домѣ почетнымъ гостемъ даже съ женою.

Луша не только не ревновала Дубровина къ Катѣ, но всегда была очень рада, когда та приходила къ нимъ, и принимала ее, какъ свою близкую родную.

Эти женщины понимали другъ друга.

Катя, въ свою очередь, тоже принимала очень близкое участіе въ судьбѣ Луши, съ нѣжною любовью ласкала дочь ея (у самой у нея не было дѣтей) и вообще старалась, насколько могла, подѣйствовать на Дубровина такъ, чтобы онъ обратился на истинный путь.

XXVIII.

Дубровинъ проводилъ престольные праздники очень пышно; водку у него, когда онъ самъ былъ дома, пили всѣ, кто только хотѣлъ, и знакомые и незнакомые. Только въ его отсутствіе Луша запиралась и почти никого не впускала въ домъ.

Въ этотъ праздникъ у нихъ гостили Филиппъ Аксеновъ съ женою. Въ первый день праздника, послѣ обѣда, Дубровинъ ушелъ съ парнями въ село, а Луша съ Катей остались однѣ съ кухаркою.

— Идти велѣть Акулинѣ, чтобы заложила ворота, пока самого нѣтъ, — сказала Луша, передавая свою маленькую дочь Катѣ, и вышла на кухню.

Придя изъ кухни, она увидѣла, что Катя была занята съ ея дочерью.

— Ахъ, ты маленькая моя, толстушка ты крохотная! Ну, поскачи: вотъ такъ!.. — говорила Катя, подбрасывая на рукахъ дѣвочку и съ восторгомъ глядя на нее. — Вишь, волоски и бровки, и ротикъ, и носикъ—маткины, а глазки и подбородокъ—отцовы! Ягодиночка!

И она съ страстной нѣжностью цѣловала дѣвочку въ ея пухлыя щеки.

Дѣвочка смотрѣла на нее и улыбалась. Луша смотрѣла на нихъ и тоже улыбалась.

— Хорошо тебѣ, Луша, что ты дѣтей имѣешь! — сказала Катя.

— Да, я благодарю за это Господа, — отвѣчала Лу
сково глядя на свою крошечную дочку и на Катю: — то
все больше одна, а теперь насъ съ нею двое — веселѣ
— Еще бы не веселѣе съ такимъ ангелочкомъ мале
И Катя снова бросилась ласкать и цѣловать малют
зывая ее разными нѣжными именами.

Но дѣвочка вдругъ перестала улыбаться, стала выраж
терпѣніе и тянуться къ матери.

— Ну, что ты? Чего? Не хочешь побаловать съ те
протянула къ ней руки Луша.—Поѣсть, видно, захотѣла?
ко мнѣ—я тебя покормлю.

Взявъ осторожно ребенка къ себѣ на руки, она стал
мить его грудью.

— Да, веселѣе; она какъ забава у меня, — прод
Луша. — Онъ-то часто уйдетъ изъ дому и день и ночь г
кажетъ, а мы вотъ съ ней сидимъ — забавляемся. Иној
глядишь-глядишь на нее и поплачешь... А она, знай, с
Что ей? Дитя; ничего еще не понимаетъ.

И она съ увлеченіемъ стала разсказывать Катѣ вс
чайшія подробности о томъ, какъ родился у нея ребенок
она ухаживала за нимъ, какъ одно время къ нему прист
кая-то болѣзнь, но потомъ—слава Богу—прошла.

Катя съ живымъ интересомъ слушала эти разсказы
боко вздохнула.

— А вотъ мнѣ Богъ не даетъ дѣтей,—грустно сказа
— Еще рано; будутъ и у тебя, — утѣшала ее Луша
какъ она уже заснула? — наклонилась она потомъ къ ма
уснувшей у ея груди. — Такъ и есть. Вотъ она и все
какъ покормишь—и заснетъ. Иди же въ зыбку!

И Луша стала бережно укладывать дочку въ люльк
томъ поцѣловала ее, перекрестила и, закрывъ люльку си
занавѣскою, снова сѣла на прежнее мѣсто.

— А хорошо ли тебѣ, Катя, замужемъ? —спросила
— Ничего, надо благодарить Бога, — хорошо пока. Ф
сперва-то худой былъ, пилъ шибко, а теперь лучше ста
такъ пьетъ. И ко мнѣ привыкъ: слушаетъ меня. Слава
— Счастливая ты, Катя, что не вышла тогда за н
искренно и простодушно произнесла Луша.

— А что: трудно тебѣ?

— Трудно, Катя. Теперь-то еще привыкать стала, а
такъ не было того дня, чтобы я не поплакала. Не полади
съ нимъ никакъ,—все какъ чужіе.

— Да, такъ нехорошо. И чтò съ нимъ сталось—я дивлюсь; онъ вѣдь до женитьбы хорошій былъ.

— Богъ его знаетъ, чтò сталось. Я, грѣшница, думаю, что тутъ подшучòно у кого-нибудь, не иначе.

— Какъ: „подшучòно“?

— Такъ; испорченъ онъ у злого человѣка!

Онѣ обѣ задумались и нѣсколько времени молчали.

— Мнѣ не вѣрится, чтобы его кто-нибудь испортилъ, — сказала Катя.

— Нѣтъ, ты этого не говори. Съ чего же—сама подумай—онъ дуритъ-то этакъ?

— А, можетъ, самъ отъ себя. Спустился и ослабѣлъ...

— Нѣтъ; онъ испорченъ. Я думаю... на одного человѣка... Можетъ, и понапрасну думаю, а только есть у меня дума на него, что это евоно было дѣло.

— Кто же?

— А Жулина, Анна Петровна!

— Изъ-за чего же ты на нее думаешь?

— Она такая лиходѣйка, какой и нѣтъ! Тò тебя не вѣдала, какъ осрамить, а потомъ меня, за то, что онъ женился и у нихъ не сталъ жить. Чтò я ей сдѣлала худого? А она чего-чего на меня не наговорила: что и глупая-то я, и съ мужемъ жить не умѣю. Какое ей дѣло, подумай!

— А ты бы помолилась объ этомъ, — посовѣтовала Катя.

— Ты думаешь, и не молюсь? Молюсь кажинъ день; и свѣчки ставлю Богу, и за здравіе подаю. Ни одной странницы не пропущу, чтобы не дать ей денегъ да не попросить помолиться за него.

— Дорогая моя! — съ чувствомъ произнесла Катя, обнимая Лушу за шею, и слезы блеснули у нея на глазахъ:—видно, не даромъ сказано, что и черезъ золото слезы льются. Не унывай! Молись—Господь услышитъ.

— Спасибо тебѣ.

Луша заплакала и поднесла платокъ къ глазамъ. Долго сидѣли онѣ обнявшись и плакали. Потомъ Луша встала.

— Я въ эту пору отдыхать привыкши, — сказала она, — можетъ, и ты хочешь? Пойдемъ въ мезонинъ—тамъ не жарко. А ежели дѣвочка проснется,—Акулина скажетъ.

XXIX.

Часа черезъ два Дубровинъ привелъ къ себѣ больш
тагу парней.

— А жёнка гдѣ?—спросилъ онъ Акулину.—Скажи ей,
живо сюда пришла. Да нѣтъ, — произнесъ онъ, словно
сообразивъ что-то,—постой; я самъ пойду.

Катя и Луша спали и были разбужены шумомъ, га
ками и пѣснями гостей Дубровина. Когда онъ пришелъ
зонинъ, Луша уже встала и одѣвалась.

— Луша,—сказалъ онъ ей,—иди, вели самоваръ пос
да къ чаю все приготовь для ребятъ. Поживѣе!

Кое-какъ приведя въ порядокъ свой нарядъ, Луша пошла
Дубровинъ пошелъ вмѣстѣ съ нею, но изъ сѣней верну
дворъ, показывая видъ, что идетъ на сѣновалъ. Какъ
Луша вошла въ домъ, онъ оборотился назадъ и быстро
въ мезонинъ.

Катя съ удивленіемъ взглянула на него, когда онъ
вошелъ. Она лежала вверхъ лицомъ на широкой дере
кровати; распущенные русые волосы падали на подушку.

— Ты, небось, удивилась, что я къ тебѣ пришелъ? -
залъ онъ, подходя къ ней.—Да не бойся: я ничего тебѣ
лаю.

— Да я и не боюсь. Чего бояться: вѣдь не волкъ, не

Онъ подвинулъ къ кровати стулъ и сѣлъ.

— Пока они тамъ возятся съ самоваромъ, я прише
говорить съ тобой, по старой памяти... Можно? Филиппъ
бранится?

— Можно-то —можно. Да только не знаю, о чемъ на
ворить?.. Старое давно прошло и не воротишь.

— Да, это вѣрно: прошло и не воротишь! — сказа
бровинъ грустно... Да, Катя, вотъ уже третій годъ какъ
нился, — а тебя забыть не могу... Ты одна пришлась
характеру; другія всѣ мнѣ скоро надоѣдаютъ. Удивите
съ печальной усмѣшкой сказалъ онъ послѣ минутнаго мо
—помню я, какъ, бывало, ходилъ съ тобой на свиданья.
дили въ полѣ, вдвоемъ, рука съ рукой, разговаривали—и
ничего. И какъ это было хорошо, — сколько довѣрчивост
дежды и радости!.. Я былъ счастливъ тогда увидѣться съ
и только перемолвиться словомъ, пожать руку. Теперь же,
бы изъ дѣвчонокъ ни приглянулась мнѣ—я могу сдѣл

ваю все, что̀ захочу,—и не нахожу въ этомъ счастья. Чортъ знаетъ что̀! А тебя я любилъ. Тебя, одну тебя, больше никого!..

Катя внимательно слушала его.

— Не говори, Григорій Сергѣичъ, такихъ рѣчей: не хорошо. И что̀ толку объ этомъ теперь говорить!—серьезно сказала она.

— Я самъ знаю, что толку въ этомъ нѣтъ, — усмѣхнулся Дубровинъ, — да только какъ же не говорить, когда сердце мучится?..

— Твое сердце не знаетъ, по комъ ему мучиться: либо по жёнкѣ, либо по полюбовницамъ.

— Что жёнка? Что любовницы? Всѣ онѣ одной ноги твоей не стоютъ.

— Григорій Сергѣичъ,—съ упрекомъ сказала Катя,—грѣхъ тебѣ будетъ за это передъ Богомъ! Ежели ты не любилъ Лушу, такъ зачѣмъ тогда и женился на ней?

— Зачѣмъ! Дуракъ былъ тогда — вотъ и женился. Одному жить было скучно; думалъ, веселѣе будетъ, когда хозяйствомъ заведусь. Да вѣдь ты же мнѣ прежде такъ совѣтовала?

— А любовницъ зачѣмъ завелъ?

— Отъ скуки. Жёнка—дура; надоѣла.

— Такъ что же: нешто это не грѣхъ?

— Что надоѣла-то? Не знаю... Да чортъ съ нимъ! Все равно... Вотъ вы всѣ рады меня укорять,—словно обидѣвшись, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, — никто, никто изъ васъ не знаетъ того, что̀ у меня на душѣ! Словно я отъ радости это дѣлаю!..

Онъ горько засмѣялся.

— Отъ чего же дѣлаешь?

— Вотъ повѣрь мнѣ, Катя,—съ чувствомъ проговорилъ онъ, какъ бы не слыша ея вопроса,—ни съ кѣмъ я объ этомъ, кромѣ тебя, не разговаривалъ, а тебѣ откроюсь: мнѣ, иной разъ, самому жизнь своя противна, да нельзя ничего сдѣлать иначе. Я все думаю, что ежели бы я тогда на тебѣ женился, я бы не такой былъ.

— Нѣтъ, Григорій Сергѣичъ, и тогда ты былъ бы такой же,—съ увѣренностью сказала Катя. — Горбатаго, какъ говорится, одна могила исправитъ. Чего и теперь-то тебѣ не жить хорошо? Богатый ты, не дуракъ какой-нибудь, своя семья есть, —жилъ бы да работалъ, по хорошему, какъ и всѣ добрые люди живутъ. Еще другимъ бы помогалъ. Такъ вотъ нѣтъ: гулять да развратничать хочешь!

— Да брось ты объ этомъ!—брезгливо сказалъ Дуб
махнувъ рукою. — Скажи мнѣ, Катя, по правдѣ: вотъ
какъ я тебя сваталъ, любила ты меня, или нѣтъ?

Катя съ минуту колебалась, потомъ рѣшительно ска

— Да, любила.

— А теперь?

— Что жъ теперь-то? Я—замужемъ.

Дубровинъ опять глубоко вздохнулъ.

— Да, вотъ какъ у людей все дѣлается, — съ
произнесъ онъ: — то̀ любила, а прошло немного вре
любить бросила! А отчего же я все еще тебя люблю?.. И
всю жизнь, буду любить,—съ порывомъ страсти сказалъ
Катя, жизнь моя! неужто ты совсѣмъ ни капельки уже
меня не любишь?..

Катя не отвѣчала.

— А я,—продолжалъ онъ,—такъ, ей-Богу, все бы
за то, чтобы ты хоть только на одинъ часокъ меня пол

Онъ протянулъ къ ней руки, какъ бы готовясь об
Катя съ ужасомъ отодвинулась отъ него.

— Вы это оставьте, Григорій Сергѣичъ,—съ непре
твердостью сказала она.—Лучше и рукъ своихъ на меня
кладывайте—все равно ничего не будетъ...

Дубровинъ невольно отшатнулся отъ нея.

— Было время, — проговорила Катя, и голосъ ея
особенной силой,—было время, когда я любила тебя, и
на свѣтѣ не любила такъ, какъ тебя, да это время прош
намъ съ тобой судьбы не далъ. А теперь я за другого
вышла—и одного мужа только буду знать, больше никого
брось ты и думать про это; и не надѣйся!

Дубровинъ дрогнулъ, какъ отъ удара, отъ этихъ сло
его безсильно опустились.

— Ты правду говоришь?—спросилъ онъ тихо.

— Правду.

— Ну, пусть такъ! Я, Катя, пошутилъ... Пусть
тилъ!

Онъ горько засмѣялся. Съ минуту они молчали.

— Ты, можетъ быть, и хорошо сдѣлала, что не п
мнѣ,—сказалъ Дубровинъ задумчиво и серьезно.—Мнѣ,
это я правду тебѣ сказалъ,—иногда думается, что с
было бы жить лучше, а потомъ бываетъ такое время,
никто не могъ бы меня удержать. Словно у меня, когда
еще маленькимъ ребенкомъ, открылась въ сердцѣ

язва—и она будетъ гнить и болѣть до самой смерти. А все-таки во мнѣ и что-то очень хорошее... Это я чувствую. Да что же въ томъ! Никому до этого нѣтъ дѣла. Ты думаешь, я ничего не знаю и ни о чемъ не думаю? Нѣтъ, я все знаю и много думаю о себѣ. Только толку отъ этого мало. Я отлично понимаю, что давно качусь подъ гору и когда-нибудь докачусь до остановки—а тамъ и карачунъ. Да Богъ съ нимъ! Пока есть сила и здоровье, да деньги, поживемъ, какъ хотимъ, а тамъ... все на ружейный-то зарядъ средствъ останется!.. Прощай же! Ты хоть Филиппу-то объ этомъ не говори! — прибавилъ онъ съ горькой усмѣшкой.

Катя молчала. Дубровинъ повернулся и пошелъ.

— А не то, — произнесъ онъ, оборачиваясь и криво усмѣхаясь,—не то, если онъ узнаетъ, бить тебя будетъ... Эхъ, Катя! ты только пожалуйся мнѣ, если онъ тебя бить станетъ—и я сразу задавлю его, какъ гада!..

— Не дѣлай этого,—отвѣчала ему Катя:—ты знаешь, какъ говорится, свои собаки грызутся—чужая не приставай!

— Да?..—съ обиженнымъ видомъ пробормоталъ Дубровинъ. —Прощай же!

Онъ ушелъ, не оборачиваясь назадъ.

— Прощай, — отвѣтила она, съ грустью и состраданіемъ глядя ему вслѣдъ.

Внизу Дубровина дожидались его полупьяные товарищи. Они дико шумѣли. Смуглый парень изъ питомцевъ воспитательнаго дома, Лука, во весь мѣхъ гармоники игралъ пѣсню.

Когда вошелъ Дубровинъ, они немного притихли. Дубровинъ остановился передъ Филиппомъ Аксеновымъ, разговаривавшимъ съ Савою.

— Здѣсь-то я не много пилъ,—говорилъ Аксеновъ,—а вотъ какъ къ Давыду пришелъ,—ну тамъ меня и насыпали черезъ края... Сначала помню: гости тутъ какіе-то у него были; все разговаривали объ охотѣ, да о фабричномъ мастерствѣ, играли на гармоньѣ и пѣсни пѣли, а потомъ—и чортъ знаетъ что̀ было! Ничего не помню. Кажется, когда сюда пришелъ, такъ жёнка тутъ около меня была. А проснулся—и никого нѣтъ.

— Ну, во̀, братъ: и жёнку свою проспалъ!—смѣялся Сава.

Дубровинъ долго и пристально вглядывался въ блѣдную, измятую и заспанную физіономію Аксенова, и презрительное выраженіе появилось на его лицѣ.

— Дайте ему вина! Сава, принеси наливки, — пусть опохмелится.

XXX.

Тяжелое впечатлѣніе произвела на Бориса обстановка Дубровинскаго дома. Токарнаго станка и піанино уже въ немъ не было, а только стояли шкафы, съ облупившеюся фанеркою, да нѣсколько мягкихъ стульевъ, обитыхъ малиновымъ бархатомъ, мѣстами прорванныхъ и запачканныхъ чѣмъ-то похожимъ на ваксу, да штукъ десять вѣсовыхъ гирь, отъ полупуда до двухъ пудовъ, употребляемыхъ Дубровинымъ для гимнастическихъ упражненій.

Пока приготовляли чай, Дубровинъ подошелъ къ гирямъ, приглашая своихъ товарищей попробовать силу.

Онъ оказался настолько развитъ въ этомъ, что легко могъ одной рукою поднимать надъ головою двухпудовую гирю и креститься ею нѣсколько разъ. Никто изъ парней не могъ этого продѣлать, кромѣ одного кузнеца, Куила, который—всѣ знали—дѣлалъ это легче Дубровина. Но Куило, вызванный на состязаніе, взявъ гирю, сдѣлалъ видъ, что не можетъ поднять ее выше головы, желая этимъ угодить Дубровину. И хотя Дубровинъ хорошо зналъ, что кузнецъ былъ сильнѣе его, все-таки повѣрилъ его притворству, и былъ очень доволенъ тѣмъ, что самый сильный человѣкъ во всемъ околоткѣ не могъ ровняться съ нимъ. Дубровинъ чувствовалъ себя въ ударѣ: онъ тѝ бралъ котораго-нибудь за горло и замахивался на него кулакомъ, то схватывалъ кого полегче поперекъ туловища и поднималъ его надъ головою, готовясь ударить объ полъ.

И все это вызывало въ пьяной толпѣ общее одобреніе, почти восторгъ...

— А гдѣ же токарный станокъ и фортепьяно? — спросилъ Борисъ Саву, стоявшаго въ сторонѣ съ своимъ всегдашнимъ задумчивымъ видомъ и съ привычнымъ хладнокровіемъ смотрѣвшаго на продѣлки Дубровина.

— Ихъ давно нѣтъ,—отвѣчалъ Сава: — фортупьяны становому приставу достались, а токарный станокъ Жулинъ купилъ. За безцѣнокъ пошли!—грустно произнесъ онъ, махнувъ рукою.

— А гдѣ же у него другія-то вещи? Тоже проданы?

— Кои проданы, а кои дома. Тамъ вонъ, на чердакѣ, ихъ много валяется.

— Нельзя ли сходить посмотрѣть?

— Сходимъ, покамѣстъ къ чаю-то тутъ готовятся, ежели тебѣ не любо смотрѣть на этыя представленія?

Борисъ поморщился и отрицательно покачалъ головой.

Они пошли на чердакъ.

Чердакъ походилъ на развалъ, какіе бываютъ на городскихъ рынкахъ. Только здѣсь товаръ не предназначался быть проданнымъ „лицомъ“, а былъ разбросанъ въ безпорядкѣ, изломанъ и покрытъ паутиною и пылью. Тутъ были и разные столики, и этажерки, и зеркала въ золоченыхъ рамахъ, облѣзлыя и разбитыя, и множество картинъ и фамильныхъ портретовъ работы извѣстныхъ художниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ были прорваны, нѣкоторые прострѣлены изъ ружья дробью...

Въ углу лежали грудою книги—остатки Дубровинской библіотеки.

— Отчего онъ не продастъ это?—спросилъ Борисъ.

— Да что̀ теперь дадутъ за эти вещи? Бездѣлицу. Онъ срамиться не хочетъ—на рынокъ ихъ везти. Оно раньше, извѣстно, можно бы, а теперь уже это—не вещи.

Нѣсколько времени они молчали.

— Какъ сильно перемѣнился онъ въ эти два года!—сказалъ Борисъ.—Совсѣмъ другой сталъ. Отчего?..

— Да, совсѣмъ другой сталъ, — подтвердилъ Сава. — Отъ бездѣлья.

— Отъ бездѣлья—ты говоришь?.. Ты, пожалуй, угадалъ. Я удивляюсь на тебя, Сава: — ты такой смирный и совѣстливый, какъ ты можешь у него жить?

— А что-жъ будешь дѣлать? Пить, ѣсть надо. Онъ мнѣ жалованья платитъ шесть рублей въ мѣсяцъ. А вѣдь ты знаешь, какое у меня богатство: сколько годовъ собираюсь новую избу построить, и все не могу.

— Это—такъ. Да за что онъ держитъ тебя? Ты, кажется, къ его партіи совсѣмъ не подходишь?

— А Богъ его знаетъ, за что держитъ.

— Ты, Сава, жалѣешь его?

— Какъ же не жалѣть, Борисъ Иванычъ! — съ чувствомъ заговорилъ Сава. — Иной разъ, какъ погляжу я, что этые его товарищи, сѣрые черти, наберутся къ нему въ домъ да и пьютъ наливку, какъ воду, наливши изъ бутылки въ ковшикъ, да чай у ней жрутъ въ накладку съ вареньемъ, да папиросы берутъ изъ ящика своей рукой, кому сколько нужно, такъ у меня сердце кровью обливается. Вѣдь этакъ не долго ему все имущество спустить. А на дѣвокъ онъ сколько денегъ убиваетъ! Одинъ Ванька Жулинъ сколько у него перекралъ, когда Марю изъ казны выхлопатывали! Не одна сотня ему перепала,—все говорилъ, что взятки тамъ какія-то давалъ... А потомъ что̀ женѣ и

дѣтямъ останется?.. Да и самому-то ему придется тяпнуть горя. Этые всѣ пріятели-то вьются около его только изъ-за того, что поитъ ихъ да кормитъ; случись съ нимъ несчастье—они первые надъ нимъ и насмѣются.

— Это ты правду говоришь, Сава! Теперь я понимаю, за что онъ тебя держитъ: за то, что ты его жалѣешь, а онъ это чувствуетъ.

Они стали спускаться съ чердака.

— Теперь пойдемъ, на сѣновалъ сходимъ,—сказалъ Сава:— погляди, гдѣ онъ спитъ.

И перейдя дворъ, они открыли дверь какой-то постройки, похожей на хлѣвъ или конюшню. Борисъ такъ и думалъ, что за этой дверью стоятъ лошади или коровы, потому что изъ хлѣва, помѣщающагося рядомъ, послышалось мычанье коровъ и телятъ, пригнанныхъ сегодня изъ поля, по случаю праздника, ранѣе обыкновеннаго. Но, войдя въ дверь, онъ увидѣлъ, что это былъ просторный—саженъ около четырехъ въ квадратѣ—сѣновалъ. Свѣтъ проникалъ сюда очень слабо сквозь небольшое окошко, и только черезъ нѣсколько времени, привыкнувъ къ темнотѣ, Борисъ сталъ различать окружающіе предметы. На сѣнѣ валялось нѣсколько овчинныхъ шубъ, пальто и подушекъ; близь окошка была разостлана простыня, въ изголовьи лежали двѣ подушки, а въ ногахъ было брошено шерстяное вязаное одѣяло — на этомъ мѣстѣ спалъ самъ Дубровинъ. Рядомъ съ его постелью стоялъ большой письменный столъ, на которомъ были брошены высокіе сапоги и сапожныя щетки. Столъ былъ о трехъ ногахъ и вмѣсто четвертой былъ подставленъ какой-то мраморный бюстъ. Борисъ сталъ пристально разглядывать его и увидѣлъ, что онъ изображалъ молодую женщину, съ нѣжными чертами лица и цвѣткомъ на груди; половина носа ея была отбита...

— Вотъ видишь ты эту статую?—говорилъ Сава, указывая перстомъ на бюстъ.—Знаешь ли ты, кто эта женщина? Это—его родная сестра?

— Неужто? Почему ты думаешь?

— А потому, что вотъ эта статуя и патретъ, что виситъ на стѣнкѣ, тамъ, въ домѣ, съ покойнымъ Дубровинымъ рядомъ,— похожи на одно лицо, какъ двѣ капли воды. Вотъ какой у него почетъ своимъ роднымъ!..—съ печальной усмѣшкой прибавилъ Сава.

— Зачѣмъ онъ спитъ въ такомъ темномъ мѣстѣ?—спросилъ Борисъ.

— А ему тò и любо, что здѣсь темно: и днемъ—какъ ночью, да и не такъ жарко.

— Удивительно! Что бы сдѣлать такое? Если бы сказать ему, что онъ нехорошо дѣлаетъ? Можетъ, онъ послушаетъ.

Сава покачалъ головой.

— Ни за что не послушаетъ! Онъ не маленькой. Да и въ эту жизнь такъ втянулся, что ему не отстать.

XXXI.

— Не ходите въ заднюю комнату—тамъ гости у насъ!—съ какимъ-то загадочнымъ видомъ сказали имъ собравшіеся въ первой комнатѣ парни, когда они вернулись въ домъ.

— Какіе гости?—спросилъ Борисъ, не понимая ихъ загадочнаго тона.

— У Григорья Сергѣича... Соломонида... да еще ея товарка.

Борисъ переглянулся съ Савою.

— Неужто сами пришли?—спросилъ Сава.

— Какое сами: вышелъ вонъ, взялъ въ охапку да и принесъ. А жёнку угощать заставилъ!

— Да можетъ ли быть?—удивился Борисъ.

Дубровинъ, придя изъ мезонина, былъ подъ вліяніемъ разговора съ Катею. Сердце его кипѣло; ему было грустно и досадно на кого-то; явилось буйное желаніе протеста: хотѣлось бы сдѣлать что-нибудь такое, чтобы доказать всѣмъ, какъ онъ ничѣмъ не дорожитъ, какъ глубоко презираетъ общественное мнѣніе и насмѣхается надъ нимъ.

Войдя въ заднюю комнату, послѣ упражненій съ гирями, онъ увидѣлъ въ окно идущихъ мимо, по дорогѣ, Соломониду съ подругою. И вдругъ какая-то новая мысль внезапно озарила его. Онъ подбѣжалъ къ окну, раскрылъ его и громко крикнулъ Соломонидѣ, чтобы шла въ гости.

Соломонида замахала руками, отказываясь отъ приглашенія, и хотѣла пройти мимо.

Дубровинъ выскочилъ на улицу безъ фуражки, и остановилъ ихъ.

— Что же вы не идете? Соломоша! Идите!

— Чтò ты, чтò ты!—замахала опять своими маленькими ручками Соломонида, сдѣлавъ испуганное лицо. — Нешто это можно?!..

— Намъ нельзя, Григорій Сергѣичъ,—сказала ея подруга.

Онъ хотѣлъ взять за руку Соломониду. Она проворно отстранилась отъ него.

— Ни, ни-ни-и! Нельзя. Вѣдь тамъ жена твоя! Съ ума ты сошелъ! Не пойдемъ.

Онъ не далъ ей договорить, и, быстро схвативъ ее своими сильными руками, поднялъ, какъ ребенка, и понесъ съ дороги къ дому.

— Что ты? Никакъ ты сдурѣлъ совсѣмъ!—тщетно старалась вырваться отъ него Соломонида.—Безстыдникъ!—Пусти же: не хорошо вѣдь. Я лучше съ согласья пойду.

Дубровинъ опустилъ ее на землю.

Подруга ея послѣдовала за нею.

Гости Дубровина удивились, когда онъ провелъ мимо нихъ въ заднюю комнату Соломониду и ея подругу.

Луши не было въ комнатѣ, и она не видѣла ихъ.

— Садитесь, пожалуйста! — ласково пригласилъ Дубровинъ дѣвушекъ.

И, усадивъ ихъ на диванъ, крикнулъ жену.

Соломонида испуганно переглянулась съ подругою; имъ было и стыдно, и страшно.

— Что мы дѣлаемъ?—говорила она, всплескивая руками.— Срамъ, срамъ! Зачѣмъ пришли?.. Уйдемъ скорѣе!..

И она вскочила съ дивана.

Дубровинъ ничего ей не возразилъ; онъ обнялъ ее, посадилъ и сталъ цѣловать.

Въ это время вошла Луша...

Вся кровь бросилась ей въ лицо. Руки ея задрожали, и она чуть не выронила подноса съ чайною посудой.

— Луша, варенья подай къ чаю!—спокойно сказалъ ей Дубровинъ, вставая съ дивана.

Бѣдная женщина сдѣлала надъ собою страшное усиліе,— она едва сдержала вспышку негодованія...

Дубровинъ наблюдалъ ее, не сводя съ нея глазъ. Еслибы она заявила малѣйшій протестъ, онъ бы избилъ ее...

XXXII.

Былъ первый часъ ночи. Въ Буранахъ стонъ стоялъ отъ гармоникъ и пѣсенъ,—то гуляла молодежь.

Дубровинъ съ толпою парней шелъ по дорогѣ, наигрывая пѣсню. Сзади кто-то дернулъ его за рукавъ. Онъ оглянулся и увидѣлъ подругу Мари, Ганю.

— Григорій Сергѣичъ,—тихо сказала она, — мнѣ нужно

вамъ одно слово сказать. Маря хочетъ васъ повидать. Она дожидается на краю деревни, у амбара.

— Скажи ей, чтобы она убиралась къ чорту! Я ей и раньше говорилъ, чтобы она не приходила сюда.

— Ей безпремѣнно надо васъ повидать,—настойчиво повторила Ганя.

— Ну, пойдемъ,—сердито сказалъ Дубровинъ.

И они пошли на край деревни. Тамъ Маря ждала ихъ. Она стояла на дорогѣ, закрывшись большимъ байковымъ платкомъ, который подарилъ ей Дубровинъ. Лишь только они сошлись, Ганя удалилась.

— Ну, говори: чтò тебѣ отъ меня надо?—спросилъ Дубровинъ, остановившись противъ нея и заложивъ руки въ карманы пиджака.

— И видѣться, и разговаривать не хочешь... Богъ съ тобой!—упрекнула его Маря.

— Нельзя ли оставить эти разсужденія!—холодно сказалъ онъ.—Говори, чтò тебѣ требуется отъ меня?

— Гриша, скажи мнѣ: чтò ты задумалъ сдѣлать надо мной?—со слезами въ голосѣ заговорила Маря.—За что ты сердишься и не глядишь въ ту сторону, гдѣ я бываю?.. Чтò я тебѣ худого сдѣлала?..

— Вотъ чтò я тебѣ скажу, Маря,—серьезно произнесъ Дубровинъ, остановившись передъ нею: — ты мнѣ ничего худого не сдѣлала, а надоѣла мнѣ. Пріѣлась. Понимаешь?

— А Соломоха тебѣ не надоѣла? Ее любишь, піявицу, гадёнка проклятаго!

— А если ты будешь ругаться, такъ я съ тобой, съ дурой, и разговаривать не стану,—сердито проговорилъ Дубровинъ.

Но Маря не слушала его словъ и не понимала его угрозы—сердце ея было переполнено ревностью и обидой, которыя рвались наружу.

— Гриня,—совсѣмъ теряя самообладаніе, съ отчаяніемъ и страданіемъ произнесла Маря,—не сердись ты на меня, и не уходи отъ меня! Ты знаешь, что я безъ тебя жить не могу? Ты знаешь, что одинъ ты только и есть у меня на свѣтѣ, и никого у меня нѣтъ, кромѣ тебя да Бога... На что я должна рѣшиться, ежели ты меня бросишь?..

— А ужъ это дѣло твое. А отъ меня отстань.

И онъ быстро пошелъ прочь.

— Все равно, я отъ тебя не отстану, — съ отчаянной рѣшимостью произнесла Маря, догоняя его и уже не помня себя:—

куда ты пойдешь, туда и я пойду. А твоего змѣёнка задавлю! Ей-Богу, задавлю!..

Дубровинъ остановился и нѣсколько мгновеній глядѣлъ на Марю. Потомъ грозно подошелъ къ ней, сжимая кулаки.

— Я тебѣ сказалъ: уйди—не то убью?!

— Бей! Все равно я отъ тебя не отстану. Хоть убей, все равно...

Дубровинъ не далъ ей договорить,—онъ размахнулся и ударилъ ее въ лицо. Маря слабо вскрикнула и, какъ подкошенная, повалилась на пыльную дорогу...

Когда Маря пришла въ себя, близь нея уже никого не было. Она съ трудомъ поднялась съ земли и сѣла. Она чувствовала въ головѣ боль и шумъ; приложила руку къ лѣвой щекѣ—и нащупала опухоль около глаза.

Шатаясь, дошла она съ дороги къ амбару, сѣла на ступеньки, закрыла руками лицо и залилась горькими слезами.

Съ мучительной ясностью вспомнились ей теперь всѣ подробности знакомства ея съ Дубровинымъ: и тотъ „проклятый", но незабвенный зимній вечеръ, когда они изъ Ѳеклина дома поѣхали съ Гришей кататься; какъ слышали изъ избы звуки гармоникъ и пѣсенъ; какъ выѣхали потомъ въ поле, гдѣ была тишина; снѣгъ бѣлѣлъ кругомъ, мѣсяцъ ярко свѣтилъ съ голубого неба и звѣздочки словно перемигивались между собой.

Маря поглядѣла кругомъ—и теперь было такъ же, какъ тогда, тихо; издали, съ другого конца деревни, слышались звуки гармоникъ и пѣсенъ; по небу плылъ свѣтлый мѣсяцъ и звѣздочки сіяли, словно перемигиваясь между собой; но внизу, вмѣсто полей, покрытыхъ пушистымъ снѣгомъ, чернѣла земля; постройки деревни таинственно-грозно выглядывали въ полумракѣ ночи, и Маря сидѣла одна съ своимъ горемъ, отвергнутая, осмѣянная и опозоренная.

— Господи! за что я мучусь?—произнесла Маря, взглянувъ на небо. И сердце ея разрывалось отъ горя, а горячія слезы неудержимо катились по щекамъ...

XXXIII.

На третій день праздника, Сава спросился у Дубровина проводить Ганю домой.

— Да что толку въ твоемъ провожаньѣ! Сколько лѣтъ ее безъ пользы провожаешь! На мои зубы—я давно бы ее какъ орѣхъ раскусилъ!—засмѣялся Дубровинъ, но отпустилъ его.

Сава съ Ганею вдвоемъ шли полемъ по дорогѣ къ Окраинѣ.

— Вотъ что я тебѣ скажу, Ганя, — остановился Сава:— давай не пойдемъ этой дорогой—тутъ все разный народъ встрѣчается, я смерть не люблю: глядятъ; ни поговорить нельзя, ни что... А пойдемъ вонъ туда.

И онъ указалъ на лѣсъ, въ полуверстѣ отъ дороги.

— Куда же это мы пойдемъ: въ лѣсъ, что-ли?

— Да. Тамъ дорога тоже есть. Я знаю. Прямая; по той до дому ближе идти, чѣмъ по этой.

Ганя задумалась и вдругъ покраснѣла, какъ кумачъ, и пытливо исподлобья взглянула Савѣ въ глаза.

— Зачѣмъ ты меня хочешь въ лѣсъ завесть?..

— Ни зачѣмъ. Я вѣдь говорю, что тамъ домой пройдемъ.

— Говорю! Вы и все такъ говорите. Вишь, не хочетъ идти тамъ, гдѣ добрые люди ходятъ, а куды зоветъ!

Ганя колебалась. Видно было, что и ей хотѣлось пройтись по лѣсу одинъ-нà-одинъ съ своимъ милымъ, но она боялась, какъ бы не вышло чего-нибудь худого.

— Да говори что-ли, пойдешь али нѣтъ!—съ нетерпѣніемъ и досадой сказалъ Сава.

— Пойдемъ,—рѣшилась, наконецъ, Ганя.—Только ты смотри, Сава: чтобы по хорошему. А то—и спаси Богъ!..

Сава улыбнулся.

— Да иди, ладно; не бойся—ничего тебѣ не сдѣлаю.

И онъ быстро зашагалъ съ дороги къ лѣсу.

И шепча какую-то молитву, Ганя пошла за нимъ, не оглядываясь. Войдя въ лѣсъ, она мало-по-малу успокоилась, и только яркій румянецъ, обнаруживавшій ея внутреннее волненіе, все еще заливалъ лицо ея до самой шеи. И это серьезное волненіе придавало ей живость необыкновенную; Сава рѣдко видѣлъ ее въ такомъ привлекательномъ видѣ.

Минутъ двадцать они шли молча, по мелкому кустарнику. Сава прямо держался въ ту сторону, гдѣ была дорога изъ Буранъ въ Окраину черезъ лѣсъ. Но они проходили по незнакомому Ганѣ мѣсту; на пути имъ попадались пригорки и овраги, которые нужно было обходить,—и они, очевидно было, зашли не туда, куда было нужно.

— Скоро ли дорога-то будетъ?—спросила Ганя.

— Сейчасъ,—отвѣчалъ Сава. Но самъ уже положительно не зналъ, въ которой сторонѣ она была отъ нихъ. Они взяли вправо—тутъ пришлось перелѣзть черезъ изгородь, потомъ пошли налѣво, по высокой травѣ, и пришли къ болоту.

— Ну, вотъ теперь въ болото зашли!—съ неудовольствіемъ произнесла Ганя.—Ты, я вижу, врешь все, что тутъ есть дорога! Такъ, идешь зря!

Прошло уже около часа, какъ они блуждали. Савѣ надоѣлъ этотъ мелкій кустарникъ, бездорожье и хрястъ сухого хворосту подъ ногами; онъ самъ хотѣлъ поскорѣе выбраться на торную дорогу въ высокомъ лѣсу, гдѣ было такъ прохладно въ жаркій день и привольно.

— А и вѣрно, Ганя: никакъ мы заблудились,—сказалъ онъ.—Вотъ до той горки дойдемъ, такъ съ нея надо будетъ оглядѣться.

Взошли на горку

Лѣсъ—куда имъ нужно было попасть—былъ уже близко; онъ, какъ стѣна, отдѣлялся отъ мелкаго кустарника только-что начинающей заростать вырубки; сзади—чуть виднѣлась за лѣсомъ крыша стоящаго на горѣ Дубровинскаго дома, а дорога, съ которой они сошли, была всего саженъ за двѣсти отъ нихъ; вдали по ней виднѣлись пятнами разсѣянныя по полю кучки дѣвушекъ и парней, идущихъ домой; едва внятно слышалась гармонья и пѣсня...

— Ай, какъ отсель видно-то хорошо!—говорила Ганя, заслоняясь ладонью отъ солнца и глядя на дорогу.—Дѣвки вонъ какія-то съ пѣснями идутъ... По голосу не распознать, какія—далёко... А куды же намъ теперь идти?—спросила она Саву.

— А вотъ въ тотъ лѣсъ. Тутъ сейчасъ дорога будемъ. Пойдемъ.

— Погоди. Я ажно устала тутъ съ тобой по кустью-то да по болотамъ ходивши! Я разуюсь, босикомъ легче идти.

Ганя встала на ноги, отряхнулась и посмотрѣла на свои вещи и на Саву.

— А какъ же я полсапожки-то понесу? Въ узелъ съ сарафанами завязать нельзя—они грязные и дегтемъ пахнутъ, а такъ неловко нести. Найди-ка ты мнѣ палочку, чтобы въ ушки вдѣть, да на ней и нести.

Сава нашелъ ей палку. Она продѣла ее сквозь ушки ботинокъ и взяла ихъ на плечо.

— А ты что же идешь какъ баринъ? И не несешь ничего, а все я одна? Нà, хоть это пронеси.

И она подала ему узелъ съ платьемъ.

Сава поморщился, какъ будто носить узлы съ бабьимъ платьемъ было для него дѣло не только не подходящее, но и унизительное. Однако, взялъ отъ нея узелъ подъ мышку и такъ небрежно, словно это было сѣно или что-нибудь подобное.

— Вишь, ему и неохота! Вишь, и неохота!—сказала Ганя съ усмѣшкой и упрекомъ глядя на него.

— Да какъ же! Я, братъ, не люблю бабьи потѣхи справлять! Это уже только такъ, для тебя дѣлаю. Для другой ни за что бы не сталъ.

— А когда женишься, жёнкины узлы не станешь носить?

— Не стану.

— Не хвались, малецъ, раньше времени! Этакъ-то и всѣ говорятъ, а потомъ выходитъ иначе.

Кончился мелкій кустарникъ, и они вышли на просѣкъ. Тутъ была изгородь; они перелѣзли черезъ нее и вступили, какъ подъ арку, подъ сѣнь вѣтвистаго строевого лѣса.

Скоро нашли они „настоящую“ дорогу и поплелись по ней, разговаривая о всякой всячинѣ.

XXXIV.

— Вотъ, Ганя,—говорилъ Сава,—когда ходили мы по этой дорогѣ съ Дубровинымъ на охотѣ, я тогда думалъ: „Хорошо бы тутъ съ какой-нибудь дѣвчонкой, порядочной, одинъ-на-одинъ походить!“ И тогда сразу на тебя подумалъ. Да я не разсчитывалъ, что ты и вправду пойдешь. А вотъ вѣдь такъ и случилось, какъ хотѣлъ.

— Еще бы! Ты вѣдь такой: чтò захочешь—все чтобы по твоему было.

— Ну, а то какъ же?—разсмѣялся онъ.—Такъ и надо. А скажи, Ганя, по правдѣ—вотъ мы съ тобой теперь одни въ глухомъ лѣсу:—не боишься ты меня?

Ганя вопросительно поглядѣла на него.

— Такъ вѣдь ты побожился?

— Мало ли чтò! Парень дѣвкѣ бòжится, а самъ чтò волкъ съ овцой съ ней гложется.

Опять выраженіе тревоги появилось на лицѣ Гани, и она недовѣрчиво глянула на Саву. Но онъ обнялъ ее за шею и сталъ успокоивать:

— Рòдная ты моя, не бойся меня—я тебя не обижу: я тебя жалѣю, какъ сестру свою.

— Вотъ это я люблю! Вотъ люблю, когда ты мнѣ такія слова говоришь!—радостно воскликнула Ганя.—Будь ты и всегда такой, Савушка! Не держи ты въ головѣ своей худыхъ мыслей. Я тебя за то и люблю, что ты не такой озорной, какъ бы-

ваютъ другіе парни, и худыхъ словъ не говоришь. Чтò хорошаго? Вѣдь уста у ихняго ангела-хранителя кровью запекаются, когда они это говорятъ! А я вотъ и люблю, что ты придешь когда гулять къ намъ въ деревню, сидишь смирно, слова понапрасну лишняго не скажешь. Зато и дѣвки всѣ тебя любятъ.

— Любишь меня—а въ прошлое воскресенье, какъ мы у васъ гуляли, не вышла пóслѣ ужина на улицу!—упрекнулъ ее Сава.

— Рòдный мой, нельзя было! Матушка не пустила. Мнѣ и самой было тошно, да вѣдь что жъ ты подѣлаешь? Знала бы я это, такъ лучше бы и ужинать домой не пошла... Только, знаешь, мы отъужинали тогда, она и говоритъ: „ступай, спать ложись, а на улицу не смѣй ходить; прогуляете до утра, а на завтра, не выспавшись, носомъ рыбу удить будете за работой". Такъ и не вышла. Легла я тогда въ пологъ, на сѣняхъ, а по деревнѣ-то только гулы ходятъ отъ гармоней да отъ пѣсенъ! Жалко мнѣ и гулянья-то, и тебя-то. Думаю: „Господи, хоть бы гармонь-то замолчала!" Не знаю, кто-то игралъ тогда на Дубровинской гармоньѣ, а этакъ ли ярко, да пронзительно, что терпѣнья никакого нѣтъ! Страсть я и люблю, и ненавижу вашу Дубровинскую гармонь... Тогда еще, спасибо, пришла ко мнѣ въ пологъ Маря, со своимъ-то „забавой" простившись, такъ съ той я въ разговорахъ хоть душу отвела.

— А о чемъ вы съ ней говорили?

— Объ чемъ-то: она—объ своемъ Гришѣ, а я—объ тебѣ... Ай!—спохватилась Ганя:—дура я! Сколько разъ браню себя за то, что такъ съ тобой разговариваю, а все не стерпѣть: какъ только случимся, такъ тебѣ во всемъ и открываюсь.

Сава на это только улыбнулся.

— Вотъ,—продолжала Ганя,—моя-то любовь—все еще какъ любовь, а Мàрина—такъ и не дай Господи никому такой любви! Ахъ, она его и любитъ! Помираетъ!.. Лежимъ мы такъ съ ней тогда въ пологу, а она меня охватила за шею, да и говоритъ: „Ганя, Ганя! ты своего любишь—хоть знаешь, за что, хоть, можетъ, думаешь, что замужъ выйдешь за него,—у него какой ни есть, да домъ свой имѣется и все по крестьянству,—а я за что Гришку люблю?.. Вѣдь онъ женатый, дѣтей съ жёнкой прижилъ,—какая мнѣ на него надёжа? А вотъ люблю, и дороже его никого у меня въ свѣтѣ нѣтъ!.."

— А ты не спрашивала у нея: по худому они живутъ, али по хорошему?

— Теперь уже всѣмъ извѣстно, какъ живутъ... Не случилось ли у нихъ чего съ Дубровинымъ?

— Да что̀ случилось: онъ мнѣ сказалъ, что побилъ ее.

— Ахъ, онъ звѣрь, звѣрь! Да ему за это, все равно, Богъ счастья не дастъ,—съ глубокимъ убѣжденіемъ сказала Ганя. Потомъ прибавила:—Вотъ и люби васъ!

— Да ты ко мнѣ-то хоть не приравнивай—я къ этому не причиненъ.

Съ минуту они шли молча.

— Ганя, посидѣть бы намъ гдѣ: надоѣло идти, да ты еще и узелъ-то мнѣ свой навязала—усталъ, просто бѣда.

— Ври больше: усталъ! Что жъ я не устала?

Они вышли на недавно скошенную луговину, среди которой росли нѣсколько кустовъ орѣшника. Сава направился прямо къ кустамъ.

— Лучше мѣста не найдешь,—сказалъ онъ, усаживаясь на траву и положивъ узелокъ возлѣ себя.

Ганя сѣла напротивъ.

— Отдохнемъ, да закусимъ. Обѣдали-то мы уже давно—сколько времени безъ дороги тутъ путались—и поѣсть захотѣлось,—смѣясь, говорила Ганя, пересаживаясь поудобнѣе. Она взяла узелокъ отъ Савы и достала изъ него нѣсколько булокъ.

— Это для матушки булокъ купила въ Жулинской лавкѣ, да ужъ и не знаю, донесу ли—гораздо ѣсть захотѣлось. На̀ и тебѣ,—предложила она Савѣ часть булки.

— Я не хочу,—отказался Сава.

— Это тебѣ, можетъ быть, стыдно, что я, дѣвка, да тебя, парня, угощаю... Ты мнѣ, небось, не купишь! Скупой. Сколько времени съ тобой гуляю, ни разу мнѣ гостинца никакого не купишь!—упрекнула она Саву.

— Дуракъ тотъ, кто и покупаетъ вамъ гостинцы: купи вамъ, а вы этимъ гостинцемъ другого парня накормите.

— Случается. Такъ вѣдь что-жъ,—и другой хочетъ...

Эти слова сопровождались лукавой улыбкой.

— Знаешь ты что̀, Ганя,—перемѣнилъ разговоръ Сава:—гляжу я на тебя и думаю: лучше бы ты теперь моя жёнка была, чѣмъ такъ...

— А что?

— Да такъ; люблю тебя гораздо!..

Сава бросилъ булку и, горячо обнявъ Ганю за шею, началъ ее цѣловать...

— Ай, Сава! Да что ты?! Что̀ съ тобой сталось?.. — въ

испугѣ говорила Ганя, стараясь вырваться отъ него. — Ты никакъ опалѣлъ? Пусти же!

И сдѣлавъ отчаянное усиліе, она вырвалась отъ него и поднялась на ноги. Платокъ свалился у нея съ головы, волосы растрепались.

— Господи, Ты милостивый!.. Ну, Сава, какъ бы знала я да вѣдала твою совѣсть—ни за какія блага не пошла бы съ тобой! Это ты отъ Дубровина научился такъ дѣлать? Теперь, съ этихъ поръ, чтобы я куда пошла съ тобой,—ни за что! Спаси меня, Царица Небесная!

Ганя перекрестилась, и слезы закапали у нея изъ глазъ.

Савѣ стало жаль ее и стыдно того, что она плачетъ и укоряетъ, и что смотритъ ему въ глаза, а онъ не смѣетъ на нее взглянуть... Собравъ въ себѣ всю силу самообладанія, онъ принужденно засмѣялся.

— А ты испугалась,—думала, я и вправду?—Я пошутилъ только, попугать хотѣлъ тебя, а ты уже и расплакалась!

Ганя ничего не отвѣчала ему. Она наскоро повязалась платкомъ и быстро стала убирать въ узелъ все вмѣстѣ: и ботинки, и остатки недоѣденной булки.

— Ты куда же пошла-то? — говорилъ онъ ей. — Вѣдь по этой дорогѣ не попадешь домой; тамъ много перекрестковъ будетъ.

Ганя остановилась и задумалась; мѣсто здѣсь было для нея совершенно незнакомое, и одна она могла заблудиться. Но она думала недолго и, круто повернувшись, рѣшительно пошла назадъ, туда, откуда они шли.

— Ты куда же?

— Я помню, гдѣ мы шли—по старому слѣду выйду на ту дорогу,—сказала она, уходя.

Она шла такъ быстро, что Сава едва поспѣвалъ за нею. Скоро они вышли на дорогу и догнали нѣсколькихъ окраинскихъ дѣвушекъ, шедшихъ изъ гостей.

— Ну, вотъ и слава Богу,—хоть попутницъ себѣ нашла!— сказала Ганя, поровнявшись съ ними и стараясь принять спокойный видъ.

— Какія мы тебѣ попутницы? У тебя, вонъ, есть попутникъ!—засмѣялись дѣвушки, указывая на идущаго сзади Саву.

Ганя ничего на это не сказала.

— Да что вы какъ недружно идете? — спросила одна изъ дѣвушекъ.

— Она загордилась и знаться со мной не хочетъ, — отвѣчалъ Сава.

— А ты ей не давай воли-то,—охватилъ бы хорошенько, чтобы не бѣжала прочь.

Сава въ два прыжка догналъ Ганю.

— Слышишь, чтò добрые люди говорятъ?—сказалъ онъ ей, и, зная, что она будетъ вырываться, крѣпко обнялъ ее за шею. Ганя попробовала вырваться и не могла. Только узелъ ея упалъ на дорогу. Сава быстро поднялъ его и взялъ себѣ подъ мышку. Ганя поняла, что если теперь не идти съ нимъ парою, то нужно побраниться „въ сурьёзъ", а при дѣвушкахъ ей этого не хотѣлось. Она остановилась, и дѣвушки пошли прочь, оставивъ ихъ одних.

Она отвернулась отъ него и, стиснувъ въ зубахъ концы своего головного платка, глухо зарыдала. Сава бросился ее утѣшать.

— Ганюшка! брось ты, милушка: не хорошо; услышатъ дѣвки, чтò подумаютъ про тебя?..

— Не уговаривай ты меня, только хуже сердце мнѣ язвишь своимъ разговоромъ. Дай ты мнѣ поплакать...

Сава хоть вообще не любилъ ни въ чемъ выказывать своей слабости, но, въ сущности, былъ отзывчивъ на чужое горе. Теперь, глядя на Ганю, ему стало невыразимо жалко ее. Онъ больше не сталъ ее утѣшать, а только жалостливо глядѣлъ на нее и ждалъ, когда она выплачется. Наконецъ, Ганя немного успокоилась, утерла глаза и стала ему выговаривать:

— Теперь я одно только хочу отъ тебя узнать, Сава Яковличъ (онъ не помнилъ, называла ли когда еще она его такъ), скажи ты мнѣ по совѣсти, какъ передъ Богомъ: неужто ты за все время, чтò гулялъ со мной, только отъ меня одного этого и добивался?.. Вѣдь ты же говорилъ, что любишь меня, и гулять къ намъ ходилъ каждый праздникъ—и зачѣмъ все обманывалъ?..

У Савы тоже блеснули на глазахъ слезы.

— Дура ты, дура!—съ укоромъ сказалъ онъ.—Сколько лѣтъ мы съ тобой гуляемъ—и ты меня все не можешь вызнать!.. Да ежели бы я былъ обманщикъ, такъ нешто я сталъ бы на твои слезы глядѣть? А ежели ты мной не довольна, такъ найди себѣ другого лучше меня!

Ганя взглянула ему въ глаза и вмигъ поняла его чувства. Она быстро подошла къ нему и обняла его за шею.

— Ну, не сердись, Савушка! Ужъ и губы надулъ!—смѣясь, говорила она, радостно глядя на парня еще не высохшими отъ слезъ глазами.

Они крѣпко обнялись, поцѣловались и пошли рука съ рукою, разговаривая такъ сердечно, какъ давно уже не говорили.

Сава проводилъ ее почти до самой Окраины, и уже ночью одинъ вернулся въ Бураны.

XXXV.

Маря впередъ своихъ подругъ и одна пришла домой изъ гостей, съ завязаннымъ глазомъ.

Аксинья, взглянувъ на нее, сразу поняла, что случилось что-то особенное. Она, ничего не говоря, взяла Марю за руку, подвела къ окну и, сдернувъ повязку, стала разглядывать багровую опухоль, почти совсѣмъ закрывавшую глазъ Мари и безобразившую ея красивое лицо.

— Ахъ, и важно! Вотъ такъ важно! — съ горечью произнесла Аксинья, качая головою.—Это кто-жъ тебя такъ угостилъ?

— Никто! Отстань!—отвѣчала Маря.

И вырвавшись отъ нея, хотѣла уйти. Но Аксинья снова схватила ее за руку.

— Нѣтъ, ты не уходи, а скажи: кто тебя побилъ! Это, небось, тотъ, нечистый-то духъ, Дубровинъ?

— Ну, да. Кому-жъ больше?..

Аксинья разразилась страшной бранью. Она проклинала Дубровина и просила Бога наслать на него всѣ бѣды и несчастія.

— Ежели онъ сталъ такъ дѣлать, такъ завтра же подадимъ на него жалобу въ судъ!—рѣшительно сказала она.

— Я не пойду въ судъ, — съ отвращеніемъ произнесла Маря, — и такъ сраму довольно. Да что съ него и высудишь, коли онъ безъ свидѣтелей меня ударилъ?

— Нѣтъ, я не про то! А онъ пусть теперь гдѣ хочетъ беретъ четыреста пятьдесятъ рублей, а тебѣ ихъ подай; бумага-то у меня не потеряна: вотъ она!

И Аксинья показала Марѣ вексель, доставъ его изъ сундука.

Маря только теперь узнала о существованіи этого документа...

Между нею и матерью произошла бурная сцена. Маря укоряла Аксинью за то, что та „продала“ ее за вексель, говоря, что за это Дубровинъ ее и любить пересталъ... Аксинья выбранила ее за любовь къ женатому и доказывала, что она „жалѣючи“ Марю выхлопотала вексель.

— Все равно, ты его бы рукъ не миновала, коли этакъ

влюбилась. А я разсчитывала то, что ты хоть кусокъ хлѣба себѣ имѣть будешь,—заговорила она, заливаясь слезами.

Когда Маря рѣшительно объявила ей, что не пойдетъ въ судъ просить на Дубровина, Аксинья перестала плакать, и глаза ея засверкали злобою.

— Изъ-за чего ты не пойдешь въ судъ? Сраму боишься? Теперя уже, голубушка, поздно этого бояться!.. А, все одно, я нарочно всѣмъ разскажу про вексель—хоть ходи, хоть не ходи въ судъ,—срамъ тебѣ будетъ одинъ и тотъ же.

И она буквально исполнила свою угрозу: на другой день уже всѣмъ по деревнѣ было извѣстно о векселѣ и о томъ, что Маря отказывается предъявлять его въ судъ.

Узнавъ объ этомъ, Дубровинъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти и жалость къ Марѣ; она опять стала ему мила и дорога...

Въ первый же праздникъ послѣ этого, онъ пришелъ въ Окраину гулять. Но Маря не вышла днемъ на улицу, потому что кровяной подтекъ на лицѣ ея еще не прошелъ, и ей было стыдно показываться въ такомъ видѣ, а вечеромъ ее не пустила Аксинья.

Дубровинъ присылалъ Ивана Жулина къ Аксиньѣ съ требованіемъ отпустить Марю, но та встрѣтила его такой бранью, что Иванъ поспѣшилъ удалиться.

Дубровинъ былъ взбѣшенъ. Онъ не оправдывалъ и Марю: „Еслибы она хотѣла выйти, такъ вышла бы, и на мать бы свою не поглядѣла“,—разсуждалъ онъ самъ съ собою.

Вскорѣ онъ опять пришелъ въ Окраину. Маря на этотъ разъ украдкою ушла изъ дома, и Дубровинъ больно поколотилъ ее, не слушая ея жалобъ и оправданій.

XXXVI.

Былъ августъ мѣсяцъ. Около Спаса Преображенія, погода стояла такая пасмурная и холодная, что не похоже было на лѣто. Дождь лилъ не переставая; вѣтеръ такъ сердито шумѣлъ вѣтвями деревьевъ, такъ неистово качалъ ихъ и трепалъ, что, казалось, готовился вырвать съ корнемъ.

Маря, не замѣчая непогоды, шла на богомолье въ монастырь, находящійся верстахъ въ сорока пяти отъ Окраины.

Въ томъ монастырѣ, куда шла она, былъ старикъ-іеромонахъ, извѣстный въ народѣ своей высокой нравственностью и прозорливостью. Многіе въ трудную пору жизни приходили къ

нему издалека за тѣмъ, чтобы исповѣдоваться и просить совѣта и молитвы.

Жизнь Мари въ послѣдное время сдѣлалась до того невыносимою, что она стала серьезно думать покончить съ собою. Кругомъ — позоръ и униженіе, и ни отъ кого никакого утѣшенія!.. Но въ минуты отчаянія, когда она была готова наложить на себя руки, ей вдругъ явилась мысль облегчить свою душу исповѣдью и молитвою. Она стала просить у матери позволенія сходить въ монастырь—поговѣть. Аксинья согласилась отпустить ее только съ тѣмъ, чтобы послѣ она непремѣнно подала вексель Дубровина ко взысканію.

Маря вышла изъ дома рано утромъ и, несмотря на дождь и вѣтеръ, въ тотъ же день дошла до монастыря.

Въ монастырѣ было много богомольцевъ и говѣльщиковъ. Но въ толпѣ ихъ Маря чувствовала себя одинокою и всѣмъ чужою. Она вмѣстѣ со всѣми ходила къ утренѣ и ранней обѣднѣ, по цѣлымъ часамъ стояла на колѣняхъ и молилась, но не чувствовала облегченія душѣ своей; какая-то духовная огрубѣлость лежала на сердцѣ ея тяжелымъ камнемъ, и слова молитвъ безъ умиленія срывались съ языка. Она никакъ не могла сосредоточиться на одномъ, мысли ея бродили разсѣянно и безпорядочно, и во время молитвы, противъ воли, ей вспоминались гулянья, игры и безпутно проведенныя ночи...

Въ тревогѣ ждала она минуты, когда приходила ея очередь идти на исповѣдь къ доброму, но почему-то страшному для нея священнику. Но, несмотря на страхъ, у нея рѣшено было покаяться во всемъ безъ утайки.

Вотъ прошелъ уже послѣдній впереди Мари говѣльщикъ, и черезъ нѣсколько времени вышелъ отъ священника. Маря ступила нѣсколько шаговъ—и вошла за ширму.

Сѣдой старичокъ-іеромонахъ стоялъ въ своемъ черномъ одѣяніи, съ епитрахилью и крестомъ на груди, опираясь рукой на аналой, на которомъ лежали евангеліе и крестъ, и внимательно, проникающимъ въ душу взглядомъ поглядѣлъ на Марю.

Маря остановилась передъ нимъ и, съ замирающимъ сердцемъ, ждала, что̀ онъ ей скажетъ.

Онъ въ нѣсколькихъ простыхъ словахъ объяснилъ ей значеніе христіанской исповѣди и просилъ покаяться во всемъ безъ утайки.

Какой-то испугъ и стыдъ напалъ на Марю. Кровь бросилась ей въ лицо, и, не смѣя взглянуть на священника, она нѣсколько времени стояла, потупясь, и молчала.

Онъ тоже молчалъ и не торопилъ ее.

Съ большимъ усиліемъ, какъ-то неловко, сбиваясь и запинаясь, произнесла Маря первое слово. Но, произнеся его, ей стало легче, и она разсказала все подробно о знакомствѣ своемъ съ Дубровинымъ.

Іеромонахъ слушалъ внимательно.

— Гулять съ женатымъ—большой грѣхъ,—произнесъ онъ кротко и твердо, когда Маря высказалась.—Тебѣ нужно перестать съ нимъ гулять.

— Научи же меня, батюшка, что̀ мнѣ дѣлать въ ту пору, когда меня нечистый искушаетъ идти на гулянье?..

— Молись. Молись и проси у своего ангела-хранителя защиты. У каждаго человѣка есть ангелъ-хранитель, отъ Бога къ душѣ его приставленный со дня рожденія. Ежели мы дѣлаемъ хорошія дѣла,—онъ возлѣ насъ и радуется; если согрѣшаемъ,—отходитъ отъ насъ и плачетъ...

Онъ на нѣсколько секундъ остановился и съ глубокою жалостью поглядѣлъ на Марю.

— Вижу, трудно будетъ тебѣ бороться со своею страстью! Но ты борись... И, опять тебѣ повторяю, не гуляй больше съ нимъ!.. Особенно подъ праздникъ—совсѣмъ на гулянье не выходи. Ежели ты грамотная,—книжкой займись; либо же подругу себѣ найди такую, которая могла бы тебя уговорить и поддержать. И за него—тоже молись; проси Бога, чтобы Онъ простилъ его и вразумилъ... Какъ тебя зовутъ?

— Марина.

Іеромонахъ отпустилъ ей грѣхи, и Маря вышла изъ-за ширмы. Послѣ исповѣди она почувствовала себя бодрѣе; ей стало ясно, что̀ нужно было дѣлать, чтобы избѣжать грѣха и несчастія. Передъ принятіемъ святыхъ тайнъ, когда причастники кучкою столпились передъ священникомъ, вынесшимъ изъ алтаря чашу и говорившимъ молитву передъ причастіемъ, Маря стояла въ толпѣ, склонивъ голову, и плакала.

О, какъ теперь ясно были ей видны всѣ ея заблужденія и прегрѣшенія! Въ эту минуту она сердцемъ сознавала, что у человѣка есть душа чистая, младенческая, которая постоянно враждуетъ съ тѣломъ, тяготится тенетами окружающей ее жизни и имѣетъ свои особенныя, сладчайшія радости, приближаясь къ Богу...

Успокоенная вышла Маря изъ монастыря.

Но, подходя къ дому, она ощутила какую-то смутную грусть.

И чѣмъ ближе подходила она къ дому, тѣмъ ей становилось грустнѣе, словно она предчувствовала какое-то новое горе...

Совершенно другими глазами взглянула она на мать и отца: „Какъ будто они не такіе, какими нужно бы имъ быть. Словно сами на себя не похожи“,—подумала Маря.

XXXVII.

Въ воскресенье, наканунѣ праздника Успенія, Маря не показывалась на улицу цѣлый день; съ утра онѣ уходили съ Ганею въ лѣсъ за ягодами, очень устали и, придя домой, улеглись спать въ новой избѣ Гурьяна.

Когда стало вечерѣть, и Маря, уже выспавшись, лежала въ легкой дремотѣ, ей послышались звуки Дубровинской гармоники и дѣвичьи пѣсни.

— Ганя, слышишь?—спросила она свою подругу, лежавшую съ нею на одной постели.

— Я давно уже слышу,—отвѣчала Ганя.—Это разбойники-то изъ Буранъ пришли.

— Я, Ганя, сегодня не пойду на гулянье,—сказала Маря.—Ежели пойдешь и тебя будутъ спрашивать обо мнѣ,—скажи, что я нездорова.

— Ладно. Да и мнѣ не надо бы идти гулять: такой праздникъ большой завтра... Вѣдь грѣхъ.

Въ это время кто-то стукнулъ въ стѣну избы. Ганя вскочила съ постели и заглянула въ окно.

— Марюшка, вѣдь это Сава стучится!—съ дѣтскимъ испугомъ шопотомъ сказала она.—Показаться ли ему?

— Покажись.

Ганя выглянула.

— Что же гулять не выходите?—спросилъ ее Сава, ставъ на завалину и, держась руками за косяки окна, заглядывая въ избу.—Выходите скорѣй; мы васъ давно дожидаемся.

— Мы не пойдемъ сегодня; мы нездоровы... Чтò намъ выходить? Васъ, воровъ такихъ, тѣшить—на праздникъ годовой гулять!—съ дѣтской серьезностью произнесла Ганя.

— Ну, ну, не притворяйся, пожалуста, глупенькой-то! Выходи поскорѣй!—съ нетерпѣніемъ проговорилъ Сава.

— Ахъ, какой! словно на жёнку покрикиваетъ,—съ оттѣнкомъ неудовольствія сказала Ганя.

— Я не покрикиваю, а дѣло говорю. Выходите, и правда, Ганя, поскорѣй!—уже ласково попросилъ Сава.

— Я-то выйду, на часокъ, а Марѣ нельзя: она и вправду нездорова; у нея жаръ въ головѣ.

Ганя захлопнула форточку.

— Надо идти,—покорно сказала она, и съ испугомъ взглянула на свою подругу: Маря была такъ задумчива и печальна, что, глядя на нее, сердце Гани сжалось, какъ въ тискахъ.

— А не то, пойдемъ, Марюшка, и ты? — робко спросила она.

— Нѣтъ, Ганя, я ни за что не пойду. Ты иди, а я останусь,—печально и рѣшительно сказала Маря.

Ганя обняла ее за шею.

— Дорогая моя! ты тутъ скучать будешь?.. — съ участіемъ спросила она.

— Нѣтъ, Ганя; я не буду скучать. Иди съ Богомъ.

Она проводила свою подругу изъ сѣней и, остановясь на крыльцѣ, долго глядѣла ей вслѣдъ, пока та совсѣмъ не скрылась изъ вида. Потомъ воротилась въ избу.

Она сѣла къ окну и не знала, чѣмъ ей заняться; отецъ ея куда-то вышелъ, мать обряжалась со скотиной, и она была одна. Маря была грамотная; она три зимы ходила въ школу и научилась читать довольно бѣгло, но къ чтенію никогда не имѣла особеннаго расположенія. Теперь, чтобы развлечься, она взяла съ божницы книжечку, подаренную ей проѣзжимъ торговцемъ, остановившимся у Гурьяна ночевать прошлою зимою. Это было „житіе Маріи Египетской“. Развернувъ книжку, Маря принялась читать.

Но напрасно она старалась проникнуться содержаніемъ книги—читаемое слагалось въ головѣ ея безъ всякаго смысла. Ей было такъ скучно! Положивъ книжку опять на божницу, Маря легла на постель и заплакала...

И долго плакала она, уткнувшись лицомъ въ подушку.

Послѣ ужина, уходя спать въ новую избу, она просила мать запереть ворота. Оставшись одна, Маря не могла заснуть,—гармоники и пѣсни слышались ей съ улицы и словно ножемъ рѣзали ей сердце.

Маря встала съ постели, подошла къ образу Божіей Матери, поставленному въ божницѣ, опустилась на колѣни и начала молиться.

— Пресвятая Богородица, — говорила она, — заступись за меня! Помоги мнѣ!..

И, помолившись, опять ложилась на постель. И опять не могла уснуть.

— Нѣтъ, не пойду я на гулянье! — вслухъ сказала себѣ Маря.—Будь я проклята, если пойду!..

Она надѣялась, что угроза проклятья можетъ ее удержать...

А гармонь Дубровина все играла и играла, дѣвичьи пѣсни раздавались все громче и веселѣе въ тишинѣ ночи.

„Идти къ нему — попенять, высказать ему все, какъ я мучилась и мучусь",—думала Маря.

Но опять вспоминала, что все это уже было нѣсколько разъ и раньше, и ни къ чему не привело. И она снова старалась не думать о Дубровинѣ, но опять прислушивалась къ звукамъ гармоники и пѣсенъ. А сердце въ ней ныло и рвалось туда, къ нему.

Маря не выдержала; въ какомъ-то изступленіи вскочила она съ постели, накинула на плечи байковый платокъ и, босая, тихо вышла въ сѣни. Осторожно, безъ шума, отперла она калитку и вышла на улицу.

Словно какая-то тайная сила толкала ее идти къ нему скорѣе, скорѣе!

XXXVIII.

На краю деревни, гдѣ всегда были сборища молодежи по вечерамъ, она увидѣла Дубровина, сидящаго среди дѣвушекъ и парней, на бревнѣ, у качели, и играющаго на гармоникѣ.

Уже Гани съ Савою тутъ не было, и многіе другіе разошлись пàрами по деревнѣ.

Маря тихонько подошла и сѣла на концѣ бревна, закрывъ свои босыя ноги подоломъ сарафана и съ головою кутаясь въ платокъ. Дубровинъ замѣтилъ ее и слегка самодовольно улыбнулся. Потомъ онъ пересталъ играть, закурилъ папиросу и, подойдя къ Марѣ, взялъ ее двумя пальцами за платокъ и, ничего не говоря, повелъ въ деревню.

Маря молча шла съ нимъ рядомъ. Такъ они прошли до половины деревни, потомъ своротили въ прогонъ и направились по огороду къ сѣнному сараю. Придя туда, Дубровинъ бросилъ гармонику въ сторону и растянулся на сѣнѣ вверхъ лицомъ, заложивъ руки за голову. Маря сидѣла рядомъ съ нимъ, подвернувъ ноги подъ себя, задумчивая, съ поникшей головой, и грызла зубами какую-то изсохшую травку.

Нѣсколько времени они молчали. Въ сараѣ пахло свѣжимъ

сѣномъ; слышно было, какъ оно, осаживаясь подъ ними, слегка шуршало; гдѣ-то въ углу стрекоталъ кузнечикъ; изъ деревни внятно доносился смѣхъ, и говоръ молодежи, гулко раздаваясь въ ночной тишинѣ и повторяемый эхомъ, медленно замиралъ въ лѣсу, за горою.

— Что ты долго не выходила?—спросилъ, наконецъ, Дубровинъ.

— Такъ.

— Это какъ же—„такъ"?

— Такъ; не хотѣла идти.

— Не хотѣла, а пришла! — насмѣшливо засмѣялся Дубровинъ.—Не пришла бы, такъ лучше бы себѣ не сдѣлала,—прибавилъ онъ потомъ.

И знакомая Марѣ грозная нотка прозвучала въ этихъ словахъ.

— Я смотрю—Ганя пришла, а ея все нѣту,—продолжалъ Дубровинъ.—Сава сказалъ, что нездорова. Да объ нездоровьѣ-то я и раньше слыхалъ: какъ не хочетъ идти, или матка не пускаетъ—вотъ и нездорова.

— Я не оттого не выходила!—обидѣвшись, произнесла Маря, и бросила отъ себя травку, которую держала въ зубахъ.

— Отчего же?

Маря подумала, что если сказать ему правду, то надо высказать все, что̀ она передумала и перечувствовала въ эти дни, а она сознавала, что Дубровинъ посмѣется надъ этимъ. И ей стало такъ обидно и жалко самое себя, что слезы навернулись у нея на глазахъ.

— Отчего же? — повторилъ Дубровинъ, приподнимаясь и глядя на нее.

— Такъ...

— Опять—„такъ"! Ты сердишься на меня?

— Какъ же мнѣ не сердиться-то на тебя? Какъ же не сердиться: за что̀ я муку принимаю изъ-за тебя?..

Слезы и горечь дрожали въ ея голосѣ. Она съ большимъ трудомъ сдерживала себя. И опять, схвативъ изъ сѣна травку, стала нервно грызть ее зубами.

Нѣсколько времени они молчали.

— Ты сама виновата въ своей мукѣ,—спокойно замѣтилъ Дубровинъ, — потому что взяла привычку дѣлать мнѣ на-зло. Это чортъ знаетъ что̀! Придешь сюда—за столько верстъ—изъ-за нея, а она и гулять не выходитъ! Изволь идти назадъ ни съ чѣмъ! Развѣ мнѣ это пріятно? Однако, лучше намъ оставить

такой разговоръ; онъ ни къ чему не ведетъ. Давай лучше по-хорошему поговоримъ. Скажи мнѣ вотъ чтò: ты недавно узнала о векселѣ, который я выдалъ твоей маткѣ?

— Послѣ Ильинщины.

— А раньше ничего объ этомъ не знала?

— Нѣтъ.

Дубровинъ обнялъ ее за шею и прижалъ къ своей груди.

— Ты, я слыхалъ, въ монастырь на дняхъ ходила?—ласково спросилъ онъ.

— Да, ходила.

— Ну, и что-жъ?

— Ничего!

Дубровинъ выпустилъ ее изъ объятій.

— Маря, съ тобой говорить ничего нельзя, — съ досадою сказалъ онъ. — Чтò это значитъ: я съ тобой какъ съ человѣкомъ говорю, а ты артачишься?..

Маря съ минуту молчала, опять волнуясь и не рѣшаясь высказаться.

— Я изъ-за того не хотѣла выходить, что... нехорошо, что мы съ тобой...

И она, не удержавшись, закрылась платкомъ и расплакалась.

— Вотъ еще новости!—засмѣялся Дубровинъ.—Ты что-то особенная какая-то сегодня! Чтò нехорошо-то?

— Гриня! Ахъ, Гриня!..

Маря не могла говорить,—слезы душили ее.

Онъ взялъ ее за руки и, отнявъ ихъ отъ глазъ ея, сталъ пристально глядѣть ей въ лицо.

— Правда, ты сегодня, Маря, особенная какая-то... интересная...—повторилъ онъ, разглядывая въ полумракѣ выраженіе лица ея, и голосъ его сталъ ласковымъ и нѣжнымъ.—Ну, будетъ нюнить! Разскажи: отчего это ты такъ вздумала расплакаться? Ну, говори же скорѣй, Маря. Обидѣлъ тебя кто-нибудь? Ну, скажи скорѣй, милая! Скажи все.

Его ласка и нѣжность подѣйствовали на Марю. „Разскажу ему все!“—рѣшила она про себя. И, отеревъ отъ слезъ глаза, она стала разсказывать Дубровину все подробно: какъ ей было трудно переносить обиды отъ отца и матери, какъ она пошла въ монастырь, чтобы исповѣдоваться и причаститься, какъ она чувствовала тамъ себя, чтò ей говорилъ іеромонахъ, и какъ рыданія вырвались у нея изъ груди, когда она слушала молитву передъ причастіемъ...

Дубровинъ слушалъ ее внимательно и молча. Только когда говорила она объ исповѣди, онъ спросилъ:

— Такъ прямо и сказалъ: гулять съ женатымъ — большой грѣхъ?

— Да...

Маря запнулась. Она хотѣла сказать, что онъ велѣлъ молиться за него, Дубровина, но только подумала объ этомъ и, стыдясь чего-то, не рѣшилась повторить слова іеромонаха.

— Гмъ. Продолжай,—сказалъ Дубровинъ спокойно.

Ей радостно было излить передъ нимъ свою душу. Она говорила и сама удивлялась: откуда брались у нея слова! Такъ свободно, легко и ясно передавала она всѣ тончайшія движенія своей души!

Когда она кончила, Дубровинъ разсмѣялся.

— За то-то ты и особенная такая, — сказалъ онъ.

И въ голосѣ его Маря услышала что-то больно оскорбительное для себя.

— А впрочемъ, извини,—спохватился онъ, и перешелъ опять на ласковый тонъ:—я говорю это не къ тому, чтобы тебя обидѣть. Бросимъ говорить объ этомъ—все это пустяки...

Радостное настроеніе Мари вдругъ смѣнилось тяжелой тоской. Зачѣмъ она говорила?!.. О, для чего онъ не выбранилъ ее, не поколотилъ, а сказалъ это?! Марѣ вдругъ захотѣлось, чтобы Дубровинъ, или кто другой, сейчасъ вотъ, здѣсь поколотилъ ее больно и жестоко, чтобы она могла ощущать эту боль и мучиться...

Никогда она не чувствовала въ себѣ такой сильной жажды физическаго страданія!..

Но Дубровинъ нѣжно обнялъ ее и сталъ страстно цѣловать въ губы и въ заплаканные глаза.

Марю не заразила его страсть: сердце ея охолодѣло; она сознала, что теперь въ душѣ ея все изломано, разбито, что-то страшное окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ, ей нужно ухватиться за что-нибудь, поддержаться... и ухватиться не за что, поддержки —нѣтъ!..

XXXIX.

И съ этой ночи какой-то мракъ и ужасъ напали на душу Мари. Этотъ ужасъ никогда не покидалъ ея, и она, задумчивая, растерянная, жила, какъ бы не понимая того, что вокругъ нея происходило.

Аксинья не понимала ея душевной борьбы и неотступно настаивала на томъ, чтобы она шла въ судъ съ векселемъ. Маря отмалчивалась или говорила, что нужно немного обождать.

Однажды, рано утромъ, она собралась въ дорогу и спросила у матери вексель.

— А ты знаешь ли, куда идти-то съ нимъ нужно?—обрадовавшись, спросила ее Аксинья.

— Знаю; въ уѣздномъ городѣ, у судьи, прошенье напишутъ.

— Ну да, это такъ. Только надо будетъ за прошенье-то заплатить. Вотъ, возьми цѣлковый—тамъ заплатишь, сколько надо, а то сдачи получишь, ежели дешевле рубля написать возьмутся.

И Аксинья, доставъ изъ сундука рублевую бумажку и вексель, передала ихъ Марѣ.

— Да вѣдь не близко идти-то, — сказала она, — ты перекуси, да хлѣбца кромочку возьми съ собой—дорогой поѣшь.

Маря съ кроткою покорностью сѣла за столъ, перекусить. Потомъ завязала кромочку хлѣба въ платокъ и вышла изъ дома.

Аксинья поглядѣла ей вслѣдъ изъ окна и съ облегченіемъ вздохнула,—наконецъ-то исполнилось ея давнишнее желаніе, и эта упрямая Маря взялась за умъ.

Нѣсколько времени спустя, Гурьянъ пошелъ въ гумно затопить ригу. Войдя въ гумно, онъ вскрикнулъ и съ ужасомъ отступилъ назадъ: противъ входа, на балкѣ, висѣла на веревочныхъ возжахъ Маря...

У ногъ Мари лежала рублевая бумажка, кромочка хлѣба, завязанная въ платокъ, и кругомъ валялись мелкіе кусочки разорваннаго векселя.

Вѣсть о самоубійствѣ Мари быстро разнеслась по деревнѣ и произвела на всѣхъ глубокое, ужасающее впечатлѣніе. Всѣ, украдкою, по одиночкѣ, стали приходить къ гумну Гурьяна, и черезъ нѣсколько времени здѣсь собралась большая толпа.

Всѣ съ любопытствомъ и страхомъ заглядывали въ полуотворенныя ворота гумна на висѣвшій трупъ Мари и, содрогаясь, отходили прочь, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ и творя молитву...

Пришла поглядѣть и подруга Мари, Ганя.

— Господи!—говорила она, заливаясь слезами:—бѣдная она, несчастная!.. Успокой, Господи, твою душу грѣшную!..

— Ахъ ты, дура глупая!—остановила Ганю сгорбленная и опирающаяся на костыль старуха, страдающая одышкою и съ великимъ трудомъ пришедшая сюда, поглядѣть.—Нешто можно объ такихъ говорить какъ объ настоящихъ покойникахъ?.. Ее

теперя и Богъ судить не станетъ до страшнаго суда, и на глаза къ себѣ не приметъ... И молитвъ объ ней тоже-нъ; она прямо въ огонь пойдетъ.

Ганя робко поглядѣла на сморщенное и безжизненное лицо старухи и молча отошла прочь.

— До чего гуляютъ подъ праздникъ-то, вотъ и догуляются! —послышался изъ толпы чей-то голосъ.

— Какъ же, ребята,—сказалъ одинъ изъ мужиковъ,—вѣдь надо-ть бы ее хоть изъ петли-то вынуть? А то что-жъ она: въ родѣ какъ на показъ тута виситъ.

— Да, попробуй, сунься, —отвѣчалъ ему другой. — Ты не былъ на суду, такъ побудешь. Теперя, покамѣстъ слѣдственникъ не прiѣдетъ—шабашъ, трогать нельзя.

Судебный слѣдователь прiѣхалъ уже на четвертый день.

Несмотря на его распоряженiе, мужики долго не рѣшались прикоснуться къ трупу самоубiйцы, чтобы вынуть его изъ петли. Наконецъ нашлись такiе смѣльчаки, которые сдѣлали это дѣло.

Слѣдователь отобралъ необходимыя свѣдѣнiя, которыя выяснили, что Маря въ послѣднее время передъ самоубiйствомъ была какъ бы помѣшанная—и это послужило мотивомъ къ самоубiйству.—Кусочки разорваннаго векселя отнесло вѣтромъ въ сторону, и никто не обратилъ на нихъ вниманiя.

Трупъ Мари вскрывали, одѣли въ саванъ и внесли въ часовню.

Похороны были назначены въ воскресенье.

Всѣ окраинскiя дѣвушки собрались проводить Марю на кладбище. Ганѣ мать строго запретила нести гробъ: „Ежели понесешь,—говорила она,—такъ послѣ душа ейна тебѣ и покою не будетъ давать; во снѣ къ тебѣ приходить станетъ“.

Ганя испугалась этихъ словъ. Но когда собрались къ часовнѣ всѣ дѣвушки и гробъ вынесли и положили на носилки, сердце Гани охватила такая жалость къ своей подругѣ, что она не послушалась наставленiй матери: „будь что̀ Господи дастъ— а понесу!“—сказала она себѣ. И, смѣнивъ одну изъ дѣвушекъ, несла гробъ Мари до самой церкви.

Аксинья не голосила на выносѣ тѣла и не плакала; словно столбнякъ нашелъ на нее,—унылая и растерянная шла она за гробомъ Мари.

XL.

Какое великолѣпное утро! Солнце только-что встало и ласковымъ, но еще чуть теплымъ свѣтомъ сіяетъ съ голубого, безоблачнаго неба.

Неровныя верхушки зеленѣющаго лѣса освѣтились его лучами, и роса на нихъ медленно обсыхаетъ, улетучиваясь въ воздухѣ, который словно еще не пробудился отъ ночного сна и тихо дремлетъ въ неподвижныхъ вѣтвяхъ деревьевъ.

Луга блестятъ росою и кажутся издали какими-то заливами, чудно сливаясь цвѣтами воды и зелени. Какъ прохладно и чутко! Гдѣ-то вдали закуковала кукушка и долго старательно выводила ноты своего грустнаго и однообразнаго пѣнія, но внезапно поперхнулась и замолкла. Опять тихо; слышны глухіе удары о сухое дерево—то дятелъ ударяетъ въ него своимъ крѣпкимъ клювомъ, добывая пищу; слышно въ вѣтвяхъ движеніе и перелетъ птички...

Но вотъ лучи солнца стали теплѣе; по лѣсу пробѣжалъ вѣтерокъ и, словно будя, шевельнулъ листы деревьевъ, поднявъ легкій, лѣнивый и задумчивый шелестъ. Щебетанье и голоса птицъ стали раздаваться чаще и чаще; въ воздухѣ закружились мошки; змѣйка выползла изъ норы и, взобравшись на обсохшій пенекъ, свернулась въ кольцо, нѣжась и грѣясь на солнцѣ; муравьи быстро забѣгали по своимъ едва замѣтнымъ человѣку дорожкамъ,—закипѣла жизнь, дѣятельность и толкотня опять до ночи.

Изъ лѣса выходили, съ ружьями за плечами, съ собакою и съ ягташами, въ которыхъ было по двѣ-три штуки убитыхъ рябчиковъ и тетеревей, Борисъ и Дубровинъ. Они шли къ мѣсту, гдѣ былъ поставленъ ихъ тарантасъ, запряженный парою лошадей, подъ присмотромъ Савы, и оживленно разговаривали.

Нѣсколько дней передъ этимъ, Дубровинъ узналъ о самоубійствѣ Мари, былъ задумчивъ и грустенъ, и только теперь немного оживился и повеселѣлъ. Онъ былъ въ такомъ настроеніи, когда хочется говорить откровенно, отъ души, съ искреннимъ и близкимъ человѣкомъ. Онъ разсказывалъ Борису о своемъ дѣтствѣ: о томъ, какъ передавалъ ему братъ Николай свои воспоминанія о ихъ матери; какъ они крали у отца деньги, какъ напивались до-пьяна и какъ подглядывали въ дверь комнаты, въ которой находился ихъ отецъ съ любовницами.

— А и ненавидѣли мы въ то время отца! — говорилъ Ду-

бровинъ.—Особенно Николай, изъ себя выходилъ. Онъ говорилъ, что и при покойной матери это часто бывало.

— А правду ли говорятъ, Григорій Сергѣичъ, — спросилъ Борисъ,—что когда въ родахъ умерла ваша сестра, Лёля, такъ послѣ смерти душа ея, тѣнь, все на мызу ходила?.. Многіе изъ вашихъ служащихъ говорили, что видѣли ее, и что будто она вашему папашѣ чаще всѣхъ являлась... Проходу, говорятъ, ему не давала?

— Не знаю,—рѣзко отвѣчалъ Дубровинъ. — Я не видалъ. Навѣрное — врутъ. Отецъ, послѣ ея смерти, дѣйствительно, нѣсколько времени ходилъ какъ потерянный, часто панихиды по ней заказывалъ, а потомъ опять сталъ жить какъ прежде.

Дубровинъ замолчалъ. Борису было жутко; онъ не смѣлъ продолжать разговора на эту тему.

— А которая лучше жизнь для васъ: тогда какъ вы мальчикомъ были, или теперь?—спросилъ, онъ перемѣняя разговоръ.

— Пожалуй, тогда была все-таки лучше, — отвѣчалъ Дубровинъ послѣ небольшого раздумья.—Тогда лучше, сильнѣе все чувствовалъ. Я, какъ себя помню, лѣтъ съ шести, или раньше, началъ жить, то-есть, понимать кое-что и соображать. Многое съ той поры осталось у меня въ памяти такъ, какъ будто это сейчасъ было. И много тогда было у меня про себя думъ передумано... Мнѣ все хотѣлось тогда сдѣлать что-нибудь необыкновенное: убить изъ пистолета отца, потомъ его любовницъ, и сказать всѣмъ, что это я за мать свою отомщаю.

— А, скажи по правдѣ, Григорій Сергѣичъ,—проговорилъ съ особеннымъ выраженіемъ задушевности Борисъ, просто и твердо переходя на ты:—жалко тебѣ Марю?

Въ лицѣ Дубровина что-то шевельнулось.

— Да, она изрѣдка мнѣ очень нравилась. Только часто быть съ нею мнѣ надоѣдало—приторно очень и дико... А иногда она была дѣйствительно интересна!

— А вѣдь, если по правдѣ сказать, такъ можетъ быть изъ-за тебя она и руки на себя наложила?

— Можетъ быть, и изъ-за меня. Да вѣдь это все равно... Понятно, въ молодые годы умирать жалко. Я бы не хотѣлъ, потому что желаю получить отъ жизни еще кое-какія удовольствія. А кому жить нѣтъ никакого удовольствія, такъ самое лучшее—сдѣлать такъ, какъ сдѣлала Маря.

— А что же потомъ?

— А потомъ извѣстно что̀: закопаютъ тебя въ землю, а тамъ черви источатъ—больше ничего.

— А вѣдь за прожитое отвѣчать придется?

Дубровинъ засмѣялся. Потомъ лицо его вдругъ сдѣлалось серьезно и грустно.

— По всей вѣроятности, это—вздоръ; лошадь и собака не будутъ отвѣчать? И мы то же.

— Лошадь и собака живутъ такъ, какъ имъ показано.

— Мы тоже живемъ такъ, какъ намъ показано... кто какъ хочетъ! Иначе было бы скучно.

Нѣсколько времени они молчали. Борисъ видимо хотѣлъ высказаться, но колебался. Потомъ онъ заговорилъ серьезно и рѣшительно:

— Григорій Сергѣичъ, помните вы, какъ мы на охоту съ вами ходили, когда еще вы жили у Жулина и съ Катей гуляли?

— Очень хорошо помню. Ну, и что же?

— Вотъ тогда разговоръ былъ у васъ совсѣмъ другой!..

— Мало ли что̀ когда говорилось! Конечно, другой, потому что и я самъ тогда былъ другой.

— Зачѣмъ вы сдѣлались другимъ?

— Вотъ вопросъ! Зачѣмъ все мѣняется на свѣтѣ?.. Ты глупости говоришь, Борисъ.

— Вы тогда говорили, что надо дѣлать въ жизни доброе.

— Да, говорилъ. Я тогда имѣлъ въ виду, что для крестьянъ я могъ бы быть чѣмъ-нибудь полезенъ. Но это было, да сплыло.

— Неужели же,—все болѣе волнуясь, проговорилъ Борисъ,—неужели жить для добра—хуже, чѣмъ грѣшить?..

Дубровинъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Да ты, братъ, философствуешь! Тебѣ бы проповѣди говорить. Ха-ха-ха!

— Ничего нѣтъ смѣшного въ томъ, что̀ я говорю!—горячо возразилъ Борисъ.—Я говорю вѣрно: человѣкъ не для грѣха долженъ жить на свѣтѣ.

— А что-жъ,—съ игривой улыбкой повернулся къ нему Дубровинъ,—если грѣхъ такъ пріятенъ! Для чего себя морить, коли всѣ потомъ поколѣемъ? Надо пользоваться жизнью.

— Такъ развѣ намъ только и показано, что услаждать себя,—и больше ничего?

— Ну, этимъ разговорамъ конца не будетъ! — произнесъ Дубровинъ.—Да что̀ бы тамъ ни было—чортъ съ нимъ!

XLI.

Послѣ этого разговора съ Дубровинымъ, Борисъ почувствовалъ такую тоску, какъ будто отъ сердца его оторвалось что-то близкое и дорогое. Онъ сознавалъ, что ему что-то нужно было сдѣлать,—онъ еще не высказалъ Дубровину всего, что слѣдовало бы высказать,—и въ головѣ его роились разныя мысли, которыя слагались въ форму горячихъ, но не совсѣмъ ясныхъ разсужденій.

„Надо написать ему письмо—и все высказать. Да! все, все. На словахъ онъ не приметъ; разсердится и не будетъ слушать, а письмо прочитаетъ и подумаетъ... А кто знаетъ?—можетъ и послушаетъ?..“

И придя домой, Борисъ принялся писать письмо. Онъ много поправлялъ и переписывалъ вновь, подбирая выраженія, какія ему болѣе нравились и какими онъ болѣе надѣялся тронуть сердце своего друга. Наконецъ, онъ переписалъ на-бѣло слѣдующее:

„Григорій Сергѣичъ! послѣ разговора съ тобой, когда шли съ охоты, у меня точно камень легъ на сердце—такъ мнѣ было горько и скучно. Ежели бы ты никогда не былъ моимъ другомъ, мнѣ и не было бы такъ горько, а такъ какъ дружба между нами была много лѣтъ, то мнѣ было бы тяжело потерять теперь эту дружбу, не объяснившись съ тобой и не открывши тебѣ, что у меня есть на душѣ. Сердись—не сердись, а я скажу тебѣ всю правду, говорить—такъ надо все говорить! Я вижу, Григорій Сергѣичъ, что ты совсѣмъ запутался, и теперь, навѣрное, дѣлаешь—самъ не знаешь что. Я помню тебя съ той поры, какъ ты поселился у Жулина,—ты былъ тогда не такой, ты былъ склоненъ къ добру и хотѣлъ жить для пользы людей. Потомъ ты перемѣнился, и въ этомъ много была виновата обстановка твоей жизни, а больше того ты самъ. Ты былъ добрымъ для людей на словахъ, а на дѣлѣ самъ только и зналъ и заботился, чтобы потѣшать себя разными потѣхами, во вредъ другимъ. Изъ-за этихъ потѣхъ ты погубилъ много людей: сколько обидъ нанесъ ты своей женѣ, сколько обезчестилъ насильно бѣдныхъ, невинныхъ дѣвушекъ!.. Такъ нельзя дѣлать, Григорій Сергѣичъ! Это—несправедливо. За все придется дать отвѣтъ, и можетъ быть скоро... Здоровье твое и богатство—все въ рукѣ Божіей: сегодня ты здоровъ и богатъ, а, можетъ быть, завтра будешь бѣднѣе бѣднаго. Людскія слезы не проходятъ даромъ!.. Я, понятно, этого тебѣ не желаю и всегда молю Бога, чтобы Онъ простилъ тебя. Когда ты дѣлалъ

людей несчастными, думалъ ли ты о томъ, что обижаешь ихъ и причиняешь имъ зло? Если бы съ тобой кто-нибудь сдѣлалъ то же, пріятно бы это было тебѣ, или нѣтъ?..

„Ежели бы дѣлалъ это зло какой-нибудь человѣкъ неразумный и обиженный природой, съ него не много бы можно взыскать, а ты ничѣмъ не обиженъ и уменъ—и тебѣ нѣтъ оправданія; съ тебя въ десять разъ взыщется, потому что не для зла данъ умъ человѣку, а для добра. Ты гордишься и ставишь себя высоко, а Богъ противится гордымъ и дьяволъ ставитъ тебя очень низко... Подумай объ жизни своей и разсуди: чѣмъ ты можешь величаться и гордиться?.. Выбери изъ всей нашей волости, или даже изъ уѣзда, самаго худого, пропащаго человѣка—пьяницу, разбойника и вора—и по совѣсти сравни себя съ нимъ: кто хуже? Ты—хуже каждаго. Ты, конечно, не согласишься признать себя такимъ худымъ, потому что самъ себя не знаешь, а только это правда. Ты другихъ часто осуждаешь и умѣешь, какъ осуждать,—отчего ты себя не осуждаешь?..

„Надо же подумать объ этомъ и образумиться.

„Подумай, Григорій Сергѣичъ! Чего ждать? Изъ худого ничего не выйдетъ хорошаго. Желаю тебѣ, чтобы ты не разсердился на меня за мою правду и послушался меня. Ежели бы я не любилъ тебя и не жалѣлъ, и не желалъ тебѣ добра, я бы тогда и не сказалъ тебѣ этого. Это ты мнѣ повѣрь.—Твой другъ Борисъ".

Написавъ это письмо Борисъ прочиталъ его про себя два раза,—и слезы блеснули у него на глазахъ. Послѣ этого письма, ему стало еще жальче Дубровина. Но онъ запечаталъ письмо въ конвертъ и вздохнулъ съ облегченіемъ, сознавая, что сдѣлалъ то, что̀ слѣдовало сдѣлать. Онъ положилъ письмо въ карманъ, надѣлъ фуражку и вышелъ на улицу.

Была ночь. Молодежь, по обыкновенію, собралась гулять на краю села, у сруба новой избы, гдѣ недавно оскобленныя бревна служили ей сидѣньемъ. Дубровинъ сидѣлъ уже тутъ и ждалъ Соломониду. Онъ удивился, когда Борисъ передалъ ему запечатанный конвертъ.

— Это что же такое?—спросилъ онъ.

— Письмо отъ меня.

— Письмо? Для чего же?

— Я, Григорій Сергѣичъ, думалъ на словахъ вамъ высказать, что̀ слѣдуетъ мнѣ высказать, да я знаю, что не съумѣю изложить порядкомъ,—вотъ и написалъ письмо.

Дубровинъ съ недоумѣніемъ повертѣлъ въ рукахъ конвертъ.

— Хорошо. А интересное что-нибудь?—спросилъ онъ.

— Когда прочтете—узнаете,—отвѣчалъ Борисъ.

И по тому, какъ Дубровинъ вертѣлъ въ рукахъ его письмо, и какъ глядѣлъ на него, Борисъ почувствовалъ, что оно не произведетъ желаемаго дѣйствія. „Ну, пусть что̀ будетъ!"—подумалъ онъ. И простившись съ Дубровинымъ, ушелъ домой.

XLII.

Дубровинъ спряталъ письмо въ карманъ пиджака, закурилъ папиросу и сталъ съ нетерпѣніемъ глядѣть опять въ ту сторону, откуда должна была придти Соломонида. Но прошло около часа,— а она не являлась. Дѣвушки уже нѣсколько разъ плясали и водили хороводы, потомъ стали расходиться. Время шло, а Соломонида не показывалась; тишина и мракъ были кругомъ, только гдѣ-то далеко, въ болотѣ кричалъ коростель.

— Ну, хорошо: я тебѣ не прощу этого!—говорилъ себѣ Дубровинъ.—Узнаешь ты у меня, какъ не выходить гулять, когда тебя дожидаются!—Сава, сходи, узнай: придетъ ли она?—сказалъ онъ.

„Какъ тутъ узнаешь, когда они, навѣрное, спать улеглись?"—подумалъ Сава. Однако, пошелъ исполнять приказаніе. Придя къ избѣ, гдѣ жила Соломонида, онъ постоялъ у угла, послушалъ—кругомъ была полнѣйшая тишина; всѣ уже спали. Сава почесалъ у себя въ затылкѣ, вздохнулъ и пошелъ обратно къ Дубровину.

— Ну, что? — въ сильномъ нетерпѣніи спросилъ его Дубровинъ.

— Да что̀, Григорій Сергѣичъ,—тамъ уже спятъ всѣ.

— Что за чортъ! никогда ты ничего не можешь сдѣлать какъ слѣдуетъ!—крикнулъ на него Дубровинъ.

И вскочивъ съ мѣста, онъ быстро пошелъ самъ узнавать.

„Ты у меня узнаешь, какъ не приходить!"—мысленно грозилъ онъ Соломонидѣ. Отойдя нѣсколько шаговъ, онъ остановился и позвалъ къ себѣ Саву.

— У тебя есть спички съ собой?—спросилъ онъ его уже сдержанно, почти спокойно.

— Есть. А что̀?

— Давай сюда!

Дубровинъ взялъ отъ него спички и круто зашагалъ съ дороги за избы, въ огороды.

— Пойдемъ со мной,—на ходу сказалъ онъ Савѣ.

Сава пошелъ за нимъ, не понимая, чтò онъ хочетъ сдѣлать, но предчувствуя, что у него есть какое-то намѣреніе.

Дубровинъ быстро шелъ по росистой травѣ огорода къ гумну. Придя къ гумну, онъ велѣлъ Савѣ набрать охапку соломы.

— Да на что же это вамъ, Григорій Сергѣичъ?—осмѣлился спросить Сава.

— Не твое дѣло; бери—я знаю, нà что.

Сава набралъ соломы, и Дубровинъ повелъ его къ своей банѣ, стоящей на серединѣ огорода, невдалекѣ отъ крестьянскихъ гуменъ и сѣнныхъ сараевъ. Тамъ онъ велѣлъ Савѣ положить солому въ предбанникъ.

— Отойди теперь въ сторону,—сказалъ онъ.

Сава вышелъ изъ предбанника, а Дубровинъ, быстро зажегши спичку, ткнулъ ее въ солому.

— Чтò вы дѣлаете!—воскликнулъ Сава съ испугомъ, переступая порогъ предбанника и приближаясь къ Дубровину.

Дубровинъ посмотрѣлъ на него такъ грозно, что онъ замолчалъ, и только смотрѣлъ на него все съ тѣмъ же испугомъ и недоумѣніемъ.

Солома стала быстро разгораться, и нѣсколько огненныхъ языковъ уже лизнули бревна стѣны, поднимаясь почти подъ самую крышу бани...

Сава взглянулъ на огонь и мгновенно забылъ страхъ и свою обязанность повиноваться хозяину—онъ бросился на огонь и принялся затаптывать его ногами.

— Чтò ты дѣлаешь, Григорій Сергѣичъ? Ты деревню спалить хочешь! Такъ нельзя!..—рѣшительно, грубо и сердито крикнулъ онъ.

Меньше чѣмъ въ минуту огонь былъ погашенъ.

Дубровинъ сверкнулъ глазами и, сжавъ кулаки, хотѣлъ броситься на своего работника. Но вдругъ остановился и перемѣнилъ тонъ.

— Дуракъ ты!—засмѣялся онъ:—шутки не понимаешь. Сюда должна придти Соломошка,—я для этого и соломы приготовилъ... Нà, возьми гармонь и ступай домой!

Онъ передалъ Савѣ гармонику и спокойно улегся на солому. Сава все стоялъ и глядѣлъ на него, ничего не понимая.

— Чего же стоишь? Ступай, тебѣ говорятъ!—окрикнулъ его Дубровинъ.—Завтра утромъ рано на охоту пойдемъ,—прибавилъ онъ, потягиваясь и зѣвая.

Сава вздохнулъ съ облегченіемъ и пошелъ домой.

„Чудной человѣкъ,—думалъ онъ,—не поймешь его иной разъ: въ шутку ли онъ дѣлаетъ, или въ сурьёзъ“.

Выйдя изъ огорода на дорогу села, онъ оглянулся назадъ—и замеръ отъ ужаса: баня, гдѣ остался Дубровинъ, пылала яркимъ пламенемъ, освѣщая ближайшія крестьянскія постройки какимъ-то зловѣщимъ свѣтомъ.

Дѣвушки и парни, разбредшіеся по селу, первые замѣтили пожаръ и съ крикомъ бѣжали по дорогѣ къ банѣ. Сава тоже побѣжалъ за ними.

Скоро спящее село все поднялось,—мужики, бабы, дѣти и старики,—всѣ бѣжали на пожаръ, кто съ ведромъ, кто съ вилами, багромъ, топоромъ...

Когда у бани собралась толпа, прибѣжалъ и Дубровинъ.

Сдвинувъ шапку на затылокъ, съ лицомъ полнымъ рѣшимости и презрѣнія къ опасности, онъ подбѣжалъ ближе всѣхъ къ огню и крикнулъ, чтобы носили больше воды. Его сильная, высокая и статная фигура, освѣщенная пламенемъ пожара, имѣла нѣчто внушительное и даже величественное...

— Не гасите баню!—повелительно крикнулъ онъ мужикамъ, принявшимся-было разламывать баграми горящія стѣны.—Пусть горитъ—чортъ съ ней! Сосѣднія постройки отстаивайте!..

Мужики и бабы покорно слушались его приказаній. И въ одну минуту всѣ крыши близко стоявшихъ строеній были усѣяны народомъ. Бабы подавали кверху ведра съ водою, и мужики поливали соломенныя крыши такъ усердно, что, пропитавшись влагою, онѣ сдѣлались непроницаемыми для искръ, сыпавшихся на нихъ цѣлыми снопами.

На пожаръ прибѣжала и Соломонида. Увидя ее въ толпѣ бабъ и дѣвушекъ, босую и простоволосую, съ обмокшимъ подоломъ сарафана и съ ведромъ въ рукахъ, Дубровинъ усмѣхнулся торжествующей и самодовольной усмѣшкой. Отозвавъ въ сторону Саву, онъ сказалъ ему:

— Скажи Соломошкѣ, чтобы она сейчасъ же шла на край деревни,—я туда приду къ ней.

— Такъ неужто вы изъ-за нея это?..—растерянно пробормоталъ Сава.

— Молчи! Дѣлай что говорятъ.

На другой день въ Окраинѣ стало извѣстно, что Соломонида заболѣла и слегла въ постель. Бабы по секрету передавали другъ другу, что Дубровинъ послѣ пожара побилъ ее,—и она слегла...

XLIII.

Послѣ пожара и свиданія съ Соломонидою, Дубровинъ, идя домой, готовъ былъ гордиться передъ самимъ собою смѣлостью и оригинальностью своего поступка. Но утромъ, проснувшись въ постели, онъ уже взглянулъ на это иначе: „Какъ все это глупо, и какъ все это можетъ прискучить!"—подумалъ онъ.

Потомъ онъ вспомнилъ о письмѣ Бориса и, доставъ его изъ кармана пиджака, брошеннаго на стулѣ, у кровати, сталъ читать. Начавъ читать, онъ сперва былъ удивленъ, потомъ чѣмъ дальше читалъ онъ, тѣмъ больше удивлялся, и, дочитавъ до конца, глубоко задумался.

Борисъ затронулъ въ немъ тѣ душевныя струны, къ которымъ Дубровинъ боялся прикасаться и которыя звучали всегда такъ болѣзненно, скорбно и безутѣшно. Ставъ на эту точку самообличенія, Дубровинъ чувствовалъ себя погибшимъ безвозвратно, и теперь, какъ и всегда, въ немъ прежде всего явилась мысль презрѣть все и забыть какъ можно скорѣе.

— Чортъ знаетъ что̀! Съумѣлъ написать!..—съ досадой сказалъ онъ,—и снова перечиталъ письмо.

Потомъ онъ со злостью и ненавистью разорвалъ его въ мелкіе кусочки и, вскочивъ съ постели, сильнымъ толчкомъ руки открылъ окно спальни и, выбросивъ клочки, сталъ внимательнымъ и холоднымъ взглядомъ слѣдить за тѣмъ, какъ они, кружась въ воздухѣ, неслись по вѣтру и исчезали съ глазъ.

— Съумѣлъ какъ написать!..—повторилъ про себя Дубровинъ.—Не по ихъ живу. Да я и не хочу жить по ихъ! Худо дѣлаю,—ну и пусть, это моя забота, и никому до этого нѣтъ дѣла. Къ чорту всѣхъ совѣтниковъ!

Онъ сталъ быстро одѣваться и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ спальни, сосредоточенный, задумчивый и возбужденный.

Товарищи его, собравшись въ большой комнатѣ рядомъ съ кухней, разсуждали о вчерашнемъ пожарѣ и говорили много лестнаго для Дубровина, удивляясь его смѣлости и распорядительности.

Но онъ молчалъ и только пристально глядѣлъ на озабоченное лицо Савы, не раздѣлявшаго общихъ восторговъ.

— Кабы не вы, Григорій Сергѣичъ,—можетъ быть, половину села очистило бы!—восторженно воскликнулъ одинъ изъ парней.

— Кабы не я, конечно, ничего бы и не было,—засмѣялся Дубровинъ.—Правда, Сава?

— Вы сами знаете, правда ли,—грустно отвѣтилъ Сава.

И въ словахъ его Дубровину послышался укоръ.

— А надоѣло, ребята, въ деревнѣ гулять,—сказалъ Дубровинъ, расхаживая по комнатѣ:—все одно и то же. Не съѣздить ли намъ въ городъ?

— А что-жъ, не худо бы,—отвѣтили ему нѣсколько голосовъ.

— А зачѣмъ туда, Григорій Сергѣичъ?—спросилъ Сава.

— Погулять. Зачѣмъ! Ты никогда ничего не понимаешь. Готовь лошадей на желѣзную дорогу. Ребята, ѣдемъ! сегодня же, сейчасъ же,—рѣшительно сказалъ онъ.—Готовьтесь.

— А что намъ готовиться: у насъ все готово.

Часа черезъ два, Дубровинъ съ ватагою парней уже мчался на станцію желѣзной дороги.

Кромѣ желанія погулять въ городѣ, развлечься и забыться отъ гнетущихъ впечатлѣній и мыслей, у Дубровина была еще одна цѣль, изъ-за которой онъ рѣшился туда ѣхать—это потребность увидѣться съ Катею. (Аксеновъ, по слабости здоровья, жилъ въ деревнѣ и отпускалъ жену въ городъ, гдѣ она, служа въ господскихъ домахъ, заработывала ему до пятидесяти рублей въ зиму). Въ Катѣ было нѣчто такое, что иногда влекло къ себѣ Дубровина и теперь съ неотразимой силой. Онъ часто вспоминалъ ее, свои отношенія съ нею, и могъ представить все это съ такой ясностью воображенія, какъ будто сейчасъ видѣлъ ее передъ собой, чувствовалъ на себѣ ея взглядъ, слышалъ ея голосъ.

Онъ пробылъ въ городѣ нѣсколько дней, но ему не удалось увидѣться съ Катею—она не пришла по его приглашенію въ гостинницу, гдѣ онъ остановился, а идти къ ней туда, гдѣ она служила судомойкой, онъ не захотѣлъ.

Недовольный собою и своей поѣздкой, Дубровинъ вернулся домой.

Въ тотъ день, какъ онъ пріѣхалъ, его пригласилъ къ себѣ приставъ для какихъ-то объясненій. Дубровинъ подумалъ зайти въ контору, гдѣ служилъ писаремъ Борисъ, и освѣдомиться, не знаетъ ли онъ, для чего приглашаетъ его приставъ. Но, вспомнивъ о письмѣ Бориса, онъ сердито нахмурился и прошелъ мимо конторы, прямо къ приставу.

Приставъ принялъ Дубровина любезно и ласково, заговорилъ съ нимъ объ отвлеченныхъ предметахъ и предложилъ выкурить папиросу, причемъ похвалилъ табакъ, и уже послѣ этого спросилъ о томъ, какъ Дубровинъ съѣздилъ въ городъ, весело ли было тамъ.

— Ничего, весело,—отвѣчалъ Дубровинъ, понимая, что не это въ сущности интересуетъ пристава.—А развѣ по поводу моей поѣздки вы имѣете что-нибудь особенное мнѣ сказать?—прямо спросилъ онъ.

— Нѣтъ, ничего особеннаго! А такъ... пустяки, мелочь. Но все-же, по долгу службы, я обязанъ объясниться съ вами. Видите ли: мнѣ дѣлаетъ городская полиція запросъ о васъ: что вы за люди? Съ вами ничего тамъ не случалось особеннаго?

— Нѣтъ, ничего.

— Ну, такъ это простая справка. Вы тамъ, по всей вѣроятности, поставили ихъ въ недоумѣніе. Вы предъявили въ гостинницѣ видъ потомственнаго дворянина извѣстной фамиліи, а пріѣхали въ обществѣ простыхъ крестьянъ, съ которыми держали себя попросту, за панибрата. Это вѣдь необыкновенно. Ну, и, кромѣ того, навѣрное, не стѣснялись тамъ особенно... насчетъ разъѣздовъ, напримѣръ, содержанія и прочее. Словомъ, по расходнымъ статьямъ?

— Мы тамъ съ ребятами кареты и коляски нанимали и ѣздили кататься,—сказалъ Дубровинъ.

— Ну, вотъ, вотъ! Въ деревенскихъ костюмахъ, въ сапогахъ и все такое. Это—явленіе особенное, какъ хотите. Ну, а впрочемъ, все это—пустяки; я отвѣчу на запросъ въ успокоительномъ смыслѣ.

Приставъ весело разсмѣялся, какъ бы изумляясь молодечеству Дубровина, и предложилъ ему новую папиросу.

— Да, вотъ еще что: тутъ на васъ жаловалась мать этой самой дѣвушки... какъ ее... Секлетея?..

— Соломонида?

— Ну, вотъ, вотъ! Вы, будто бы, передъ отъѣздомъ въ городъ имѣли случай ее какъ-то поколотить. Баба увѣряетъ, что изъ-за этого дочь ея даже лежитъ теперь больная. Конечно, все это еще существенно ничѣмъ не доказано...

— Да она и раньше часто бывала больна,—проговорилъ Дубровинъ, краснѣя отъ своихъ словъ.—Я...

— Ну, да это—тоже не важно,—предупредительно перебилъ приставъ.—Вѣдь, я повторяю, доказательствъ никакихъ не имѣется. Конечно, вообще говоря, лучше бы было, еслибы этого и не было.—Ну, а какъ вы охотитесь?—вдругъ перемѣнилъ онъ разговоръ.—Ваше новое ружье „Ланкастера“—отличное ружье. Я, знаете, все намѣреваюсь купить себѣ ружье этой прекрасной системы, да вотъ встрѣчаются нѣкоторыя матеріальныя затрудненія.

— Если вы желаете, я вамъ могу уступить ланкастера,— сказалъ Дубровинъ.—Тамъ мы какъ-нибудь сочтемся?

— О, конечно, сочтемся!—воскликнулъ приставъ.—Много меня обяжете. Я, знаете, хоть и очень занятъ бываю служебными дѣлами, а люблю хоть на часокъ иногда урваться и сходить на охоту.

И приставъ съ любезной улыбкой проводилъ Дубровина до порога.

— Всего хорошаго,—сказалъ онъ ему на прощанье.

XLIV.

Дубровинъ покраснѣлъ, объясняя приставу причину болѣзни Соломониды тѣмъ, что „она и раньше часто бывала больна“, зная, что больна она отъ его побоевъ. Это совѣсть шевельнулась въ немъ и вызвала въ лицѣ его краску. Но это было одно мгновеніе: сперва боязнь отвѣтственности за свой поступокъ, а потомъ злобное и мстительное чувство противъ матери Соломониды за то, что она пожаловалась на него, овладѣли всѣмъ его существомъ. Онъ думалъ уже не о томъ, что поступилъ нехорошо, а о томъ, что на него пожаловались, и что изъ-за этого онъ могъ бы нести какое-нибудь наказаніе,—а въ этомъ случаѣ онъ готовъ былъ бороться за себя, то-есть, защищать совершаемое имъ зло, до послѣднихъ силъ.

— Ну, ребята,—говорилъ онъ своимъ товарищамъ, придя отъ пристава домой,—во что бы ни стало, а надо непремѣнно Соломошкиной маткѣ отплатить, чтобы впередъ она не ходила жаловаться! Завтра же надо съ ней что-нибудь устроить!

— Да какъ вы устроите,—она и изъ дому почитай что никогда не выходитъ, кромѣ какъ на работу, да въ церковь, къ обѣднѣ?—усумнился одинъ изъ его товарищей.

— А завтра къ обѣднѣ пойдетъ,—у обѣдни устрою!—кричалъ Дубровинъ.

Дубровинъ иногда, отъ нечего дѣлать, или по какому-нибудь постороннему поводу, ходилъ въ церковь, къ обѣднѣ. Онъ становился всегда на ту сторону, гдѣ стояли женщины, въ углу или у входа, и, прислонившись плечомъ къ стѣнѣ, съ любопытствомъ наблюдалъ молодыхъ дѣвицъ.

На другой день онъ пошелъ къ обѣднѣ, сопровождаемый толпою своихъ товарищей.

Войдя въ церковь, онъ пристально оглядѣлъ молящихся и,

замѣтивъ, гдѣ стояла мать Соломониды, сталъ сзади нея, держа въ рукахъ фуражку съ жесткимъ козырькомъ. Парни, не зная, что̀ онъ затѣваетъ, но предчувствуя нѣчто особенное, съ любопытствомъ послѣдовали за нимъ.

Мать Соломониды—религіозная, тихая и болѣзненная женщина—горячо молилась, не подозрѣвая того, что противъ нея составился чудовищный заговоръ. Можетъ быть, она молилась о своей больной и обиженной дочери...

Вдругъ, въ то время, когда она творила крестное знаменіе и шептала слова молитвы, она почувствовала ударъ въ голову сзади. Ударъ былъ довольно сильный, и отъ него явственно раздался по церкви глухой звукъ.

Баба съ испугомъ оглянулась, не понимая того, что̀ съ ней творилось. Молящіеся вблизи отъ нея не видѣли за толпою парней, какъ Дубровинъ ударилъ ее козырькомъ по головѣ, но, услышавъ странный звукъ удара, тоже оглянулись. Но Дубровинъ и его товарищи стояли совершенно спокойно; Иванъ Жулинъ, даже широко размахивая рукою, крестился и повидимому очень усердно отвѣшивалъ поклоны.

Въ это время совершался большой выходъ, и священникъ сразу обратилъ вниманіе на то, что Дубровинъ съ товарищами стояли не на томъ мѣстѣ, гдѣ они становились обыкновенно.

Мать Соломониды, не вникая въ смыслъ случившагося и не желая развлекаться постороннимъ, снова принялась горячо молиться.

Но черезъ минуту ударъ въ голову снова повторился, и на этотъ разъ еще громче и больнѣе.

Баба о̀пять оглянулась.

Дубровинъ не могъ удержаться отъ злорадной улыбки. Эта бѣсовская улыбка заставила содрогнуться бѣдную женщину,—она поняла все.

Отеревъ выступившія на глаза слезы горькой обиды, она поспѣшила уйти отъ толпы парней на болѣе безопасное мѣсто въ церкви.

Священникъ не замѣтилъ, какъ Дубровинъ нанесъ ударъ матери Соломониды, но онъ видѣлъ смятеніе близко стоявшихъ къ ней моліщихся, дурно скрываемое смущеніе на лицахъ товарищей Дубровина, и понялъ, что Дубровинъ ведетъ себя нехорошо.

Когда онъ сталъ говорить проповѣдь, то съ особеннымъ выраженіемъ прочиталъ о томъ, какъ часто отдѣльныя лица своей безнравственной жизнью производятъ вредное вліяніе на цѣлое общество. Онъ сравнилъ этихъ лицъ съ камнями, брошенными

въ чистый источникъ, возмущающими его и дѣлающими его непригоднымъ для питья.

Дубровинъ понялъ, что эти слова относились къ нему.

Не подходя къ кресту, онъ вышелъ изъ церкви.

XLV.

Священникъ не считалъ себя въ правѣ оставить поступокъ Дубровина безъ объясненія и должнаго внушенія, и прислалъ къ нему сторожа съ приглашеніемъ явиться къ себѣ.

— Не пойду я къ нему! Чего тамъ я у него не видалъ?—говорилъ Дубровинъ сторожу.—Да мнѣ и некогда.

„А не то—сходить? Любопытно, какъ онъ мнѣ внушать будетъ разную благодать!“—подумалъ Дубровинъ. И сказалъ вслухъ:

— Ну, ладно; приду.

Онъ уже предчувствовалъ приблизительно, что̀ скажетъ ему священникъ, и, зная за нимъ самимъ многое такое, что̀ требовало бы осужденія и внушенія, онъ заранѣе злился. „Ну, ты мнѣ скажешь, да и я тебѣ тоже скажу!“—кружилось въ его головѣ.

Батюшка, невзрачный, сухой и вѣчно озабоченный домашнимъ хозяйствомъ и семьей въ пять человѣкъ, уже дожидался его.

Онъ встрѣтилъ Дубровина у порога и, не протягивая ему руки и не приглашая садиться, только чуть кивнулъ головой на его поклонъ и почтительное „здравствуйте“, и прямо приступилъ къ дѣлу.

— Пожаловали! Это хорошо, что пришли. Мнѣ поговорить съ вами нужно... Да!

Батюшка нѣсколько мгновеній соображалъ, съ чего начать, и потомъ быстро и горячо заговорилъ:

— Нехорошо такъ дѣлать! Нехорошо! Безчинство, дерзость, злоба!.. Это не только не слѣдуетъ дѣлать порядочному человѣку, но даже помыслить о томъ!

Дубровинъ слушалъ внимательно и казался сосредоточеннымъ и серьезнымъ.

— Я не понимаю васъ, батюшка,—спокойно сказалъ онъ,—кто дѣлаетъ нехорошо: вы ли, я ли, или еще кто другой? Нельзя ли яснѣе выражаться?

— Какъ вы не понимаете! Нѣтъ, вы, господинъ Дубровинъ, отлично понимаете, въ чемъ дѣло! За что вы обидѣли Соломониду? За что теперь бѣдная дѣвушка больна лежитъ, а?

Дубровинъ нахмурился.

— Ну, это когда я приду къ вамъ на исповѣдь, такъ тогда, можетъ быть, и разскажу вамъ. А теперь вамъ не стоитъ разбирать между мной и Соломонидой.

— Вотъ видите: гордый и дерзкій духъ! Нехорошо, нехорошо! Вамъ надо образумиться. Какъ вы себя держите въ церкви, въ Божьемъ Домѣ?.. Я отлично видѣлъ, какъ вы съ толпой своихъ товарищей стояли позади Соломонидиной матери и какъ потомъ она отошла отъ васъ чуть не плача. Вы, навѣрное, какъ-нибудь насмѣялись надъ нею... Это — въ церкви-то! Нехорошо, нехорошо! Дочь обидѣли, потомъ—мать. За что же? Подумайте, господинъ Дубровинъ, съ кѣмъ вы водите компанію? Съ грубыми, необразованными мужиками, негодяями и пьяницами. Вы—полковничій сынъ, потомственный дворянинъ изъ извѣстной фамиліи.

— Благодарю, батюшка, за совѣтъ не водить дружбу съ мужиками,—язвительно произнесъ Дубровинъ.—Но, скажите, пожалуйста, что̀ лучше: водить ли съ мужиками дружбу, или брать съ нихъ, съ бѣдняковъ, по пяти рублей за выдачу выписки изъ метрической книги?

Священникъ смутился этимъ рѣзкимъ и прямо поставленнымъ вопросомъ.

— Что вы сбиваетесь на другое!—нетерпѣливо заговорилъ онъ.—Что вы сучокъ у меня въ глазу указываете, а своего бревна не замѣчаете? А вы знаете ли о томъ, изъ-за чего я беру съ крестьянъ по пяти рублей за метрическое свидѣтельство?..

— За выписку изъ метрической книги, — поправилъ его Дубровинъ.

— Ну, это все равно! Я не одинъ, насъ трое: дьяконъ, еще и псаломщикъ; если я беру мало, то и имъ достается малая доля. Вѣдь они бѣдные, семейные люди! Вы въ эту суть не входите?

— Не вхожу, батюшка. А только знаю, что если донести куда слѣдуетъ, такъ вамъ за эту „суть“ влетитъ.

Священникъ совсѣмъ-было растерялся.

— Вотъ какой вы, угрожаете! Вмѣсто того, чтобы выслушать доброе слово отъ своего духовнаго отца, вы—угрожаете! Нехорошо вы дѣлаете,—снова заговорилъ батюшка.—Я вамъ зла не желаю, а добра.

— Благодарю васъ.

— „Благодарю“, а сами дерзости говорите. Чѣмъ вы мо-

жете оправдать себя? Ничѣмъ не можете. Ну, сами вы подумайте: вотъ вы ходите по ночамъ съ толпою нахаловъ и съ гармониками; люди спать уложились, а вы гармониками шумъ поднимаете и покоя никому не даете! Хорошо ли это?..

Дубровинъ вдругъ принялъ смиренный видъ.

— Виноватъ, батюшка,—сказалъ онъ кротко,—признаюсь, что гулять по ночамъ — нехорошо и что гармоника — плохой инструментъ въ музыкѣ. Простите.

Батюшка удивился его смиренію, и хотя не вѣрилъ въ его искренность, но былъ радъ перейти отъ безполезныхъ пререканій къ бесѣдѣ болѣе спокойнаго характера.

— Такъ вотъ я за тѣмъ и призвалъ васъ, чтобы объясниться. Вѣдь и правда же,—я думаю, вы сами, какъ неглупый человѣкъ, согласитесь, что нехорошее—нехорошо.

— Соглашаюсь.

— Ну, и дай вамъ Богъ образумиться. Мнѣ только это и нужно было. Больше ничего.

Батюшка слегка кивнулъ ему головой, а Дубровинъ низко ему поклонился. Но еслибы батюшка могъ видѣть, какая ехидная улыбка сморщила губы Дубровина, когда онъ выходилъ отъ него, онъ понялъ бы, что его пастырское слово упало на безплодную почву.

XLVI.

Придя домой, Дубровинъ вспомнилъ, какъ священникъ возмущался игрою на гармоникахъ по ночамъ, и это навело его на мысль отомстить ему по-своему.

— Возьмите, ребята,—обратился онъ къ товарищамъ,—всѣ гармоники, какія у насъ есть, и скрипку, и ночью мы заберемся къ дому батюшки подъ окно, а тамъ всѣ разомъ и заиграемъ какъ можно громче. Пока онъ выскочитъ узнавать, въ чемъ дѣло, мы успѣемъ скрыться.

Эта выдумка всѣмъ понравилась.

— Попробуйте сыграть теперь же. Надо приготовиться, чтобы понравилось ему,—съ хохотомъ прибавилъ Дубровинъ.

Парни принялись драть. Получилось, дѣйствительно, нѣчто нелѣпое, раздражающее нервы.

Въ это время пришелъ Борисъ и съ удивленіемъ остановился у порога. Онъ, послѣ того, какъ передалъ письмо, все ждалъ, что Дубровинъ объяснится съ нимъ по душѣ. Но потомъ, когда тотъ былъ у пристава и не зашелъ къ нему, онъ

убѣдился, что его другъ разсердился на него за слова, сказанныя отъ сердца. Борису было обидно и больно. Теперь онъ пришелъ къ Дубровину, рѣшившись объясниться съ нимъ по душѣ.

— Что это за музыка у васъ, Григорій Сергѣичъ?—спросилъ онъ, входя и не здороваясь съ Дубровинымъ.

— А это мы попу серенаду хотимъ устроить, — отвѣчалъ Дубровинъ, протягивая ему руку и пытливо глядя ему въ глаза.

— Какую серенаду? Какому попу?—удивился Борисъ.

Онъ былъ совершенно подавленъ, когда узналъ, что̀ намѣревается сдѣлать его другъ.

— Недурно вѣдь выйдетъ, а? Какъ скажешь? — спросилъ Дубровинъ.

Глаза Бориса загорѣлись и на щекахъ появились красныя пятна.

— Свинство это будетъ, Григорій Сергѣичъ,—сказалъ онъ.

— Да? Тебѣ не нравится?..

— Я не понимаю, какъ можетъ вамъ нравиться такая затѣя! Вѣдь это, извините меня, подлость!

Дубровинъ вспыхнулъ.

— Вотъ какъ! Благодарю, не ожидалъ, — сказалъ онъ, блѣднѣя.—Впрочемъ, ожидалъ,—послѣ твоего духовно-нравственнаго письма...

— Подумайте: что это за позоръ! — горячо говорилъ Борисъ. — Вѣдь вы себя срамите! Что во всемъ въ этомъ толку? Кому какая польза въ этомъ безобразіи? Вы губите себя!..

— А! ты проповѣдовать мнѣ хочешь?—Дубровинъ вскочилъ со стула и быстро заходилъ по комнатѣ.—Поздно, другъ мой, учить меня берешься. Да и не надо мнѣ никакихъ учителей! Къ чорту!.. Или ты уже теперь зазнался и, какъ становой писарь, уже не хочешь съ нами и знакомства вести? Ну, и не надо! Сдѣлай милость! И никогда больше не приходи ко мнѣ!..

Борисъ печально и съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на своего бывшаго друга.

— Богъ съ тобой, Григорій Сергѣичъ,—сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ. И слезы блеснули у него на глазахъ. Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но не могъ и, махнувъ рукою, вышелъ отъ Дубровина.

Священникъ только-что улегся спать, какъ вдругъ слухъ его поразили странные и рѣзкіе звуки гармоникъ, скрипки, свистъ и звонъ подъ его окномъ.

Не понимая, въ чемъ дѣло, онъ въ испугѣ вскочилъ съ по-

стели и, второпяхъ накинувъ на себя халатъ, побѣжалъ на кухню.

— Өедосья, Өедосья! — закричалъ онъ кухаркѣ. — Бѣги въ садъ: узнай, что̀ тамъ за ревъ такой?.. Неужто это онъ?—догадался батюшка.—Да, онъ!..

Слыша испуганный голосъ батюшки, жена его и дѣти всѣ повскакали съ постелей въ тревогѣ.

Өедосья пошла узнавать.

Дикіе звуки уже замолкли подъ окномъ. Кухарка вернулась изъ сада и объяснила, что тамъ никого нѣтъ.

— Что̀ онъ дѣлаетъ! что̀ дѣлаетъ!—въ сильномъ волненіи говорилъ батюшка.—Несчастный онъ, пропащій человѣкъ!..

XLVII.

Въ этомъ году Дубровинъ долженъ былъ отбывать воинскую повинность. Готовясь къ службѣ солдатской, онъ еще съ начала года при помощи Бориса изучалъ ружейные пріемы, фехтовальное ученье и прошелъ весь дисциплинарный уставъ съ большимъ успѣхомъ. Онъ купилъ военное ружье и скоро научился стрѣлять лучше Бориса, который считался на службѣ не послѣднимъ стрѣлкомъ.

Тотъ участокъ, къ которому былъ причисленъ Дубровинъ, призывался послѣ другихъ, и когда онъ гулялъ рекрутомъ, черезъ Бураны въ уѣздный городъ проходили большія партіи рекрутъ, которыя часто останавливались здѣсь на ночлегъ и приходили гулять на дѣвичьи супрядки. Здѣсь между ними и партіей Дубровина часто происходили столкновенія, въ результатѣ которыхъ всегда оказывалось нѣсколько человѣкъ съ проломленными головами и подбитыми глазами.

Дубровинъ готовился къ этому задолго раньше, запасаясь разными орудіями: кистенями и просто вѣсовыми гирями.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ на супрядку явились всего лишь четверо рекрутъ.

Дубровинъ былъ очень огорченъ.

— Вѣдь этакое несчастіе,—говорилъ онъ своимъ товарищамъ:—подраться порядочно не придется! Съ этими не стоитъ и начинать—этихъ мнѣ одному мало.

Разочарованный и недовольный собою возвратился онъ съ супрядки, и только утѣшалъ себя тѣмъ, что, можетъ быть, завтра пріѣдетъ порядочная партія.

Утромъ на другой день, когда онъ только-что всталъ съ постели, къ нему вбѣжалъ, запыхавшись, Иванъ Жулинъ и объявилъ, что въ кабакѣ дерутся, бьютъ ихъ товарища Мокея, а заступиться некому.

Дубровинъ выскочилъ изъ-за стола и, не одѣваясь, въ одной вязаной шерстяной рубашкѣ, безъ шапки, бросился въ кабакъ.

— Бѣжалъ бы и ты туда,—сказала Луша Савѣ:—приглядѣлъ бы хоть, можетъ рекрутовъ-то и много тамъ,—не случилось бы чего.

Сава молча надѣлъ шапку и не торопясь пошелъ въ кабакъ.

Прибѣжавъ на мѣсто драки, Дубровинъ увидѣлъ, что Мокей былъ уже сбитъ съ ногъ, и на немъ сидѣлъ, какъ сидятъ на лошадяхъ верхомъ, одинъ рекрутъ и билъ его кулакомъ въ голову. Другой рекрутъ не особенно старательно помогалъ ему, изрѣдка давая лежащему пинка, а двое стояли у застойки, купивъ бутылку водки, и, готовясь распить ее, съ любопытствомъ глядѣли на дерущихся.

Дубровинъ съ разбѣга ударилъ ногою сидѣвшаго на Мокеѣ верхомъ и сбилъ его; второго однимъ ударомъ свалилъ съ ногъ. На него наскочилъ третій, отъ застойки, но и тотъ получилъ такой ударъ въ грудь, что, какъ пластъ, грянулся затылкомъ объ полъ.

Только четвертый, высокій, худощавый и блѣдный, похожій на больного чахоткою, все еще стоялъ у застойки и не принималъ участія въ дракѣ.

Не замѣчая его, Дубровинъ свирѣпо принялся колотить своихъ противниковъ и руками, и ногами, не давая имъ возможности сопротивляться. Но вдругъ онъ почувствовалъ страшный ударъ въ лѣвое ухо; въ головѣ его зашумѣло, въ глазахъ пошли зеленые круги, и нѣсколько времени онъ ничего не сознавалъ и не помнилъ, что̀ съ нимъ происходило...

Этотъ ударъ нанесъ ему ладонью худощавый парень.

Когда Сава пришелъ въ кабакъ, рекрутовъ уже здѣсь не было —они, не допивъ купленной водки, поспѣшили сѣсть на свою телѣгу и погнали лошадь, что было духу, прочь отъ кабака.

Сава увидѣлъ Дубровина стоящаго опершись на застойку; онъ былъ взволнованъ и блѣденъ и держался рукою за лѣвое ухо, изъ котораго текла кровь.

Сава сразу понялъ, что̀ случилось.

— Запрягайте скорѣе коней и догоняйте ихъ!—только могъ слабымъ голосомъ произнести Дубровинъ.

Сава со всѣхъ ногъ бросился запрягать коней.

Узнавъ о случившемся, въ кабакъ стали стекаться парни со всего села; Куило бросилъ работу въ кузницѣ и прибѣжалъ къ Дубровину. Нѣсколько человѣкъ, во главѣ съ кузнецомъ, помчались въ погоню.

Они догнали рекрутъ въ полѣ, въ пяти верстахъ отъ Буранъ, и расплатились за Дубровина, какъ достойные его товарищи.

XLVIII.

На освидѣтельствованіи въ уѣздномъ присутствіи оказалось, что, вслѣдствіе сильнаго сотрясенія въ ухѣ, у Дубровина лопнула барабанная перепонка.

Дубровинъ былъ навсегда освобожденъ отъ военной службы и положенъ въ больницу.

Здѣсь его посѣтилъ Борисъ, въ первый разъ послѣ ссоры.

Борисъ въ душѣ уже давно пересталъ быть другомъ Дубровина, но онъ все еще не хотѣлъ совсѣмъ отъ него отступаться; онъ былъ свидѣтелемъ почти всей его жизни, и, припоминая все то, въ чемъ когда-то Дубровинъ проявлялъ благородство своей натуры, онъ жалѣлъ его. Онъ все еще не терялъ надежды, что, можетъ быть, Дубровину опротивѣетъ теперешняя жизнь, что онъ переломитъ себя и снова сдѣлается хорошимъ, добрымъ и полезнымъ. Но послѣ смерти Мари и послѣ своего письма онъ потерялъ всякую надежду на возрожденіе Дубровина, и уже только жалѣлъ его, какъ несчастнаго и погибшаго человѣка.

Дубровинъ, задумчивый и сосредоточенный, съ обвязанной головой, лежалъ на больничной койкѣ, въ отдѣльной комнатѣ.

Увидѣвъ вошедшаго Бориса, онъ приподнялся съ подушки, и лицо его выразило сперва удивленіе, потомъ такую радость, что, казалось, вся душа его летѣла на встрѣчу своему другу.

Борисъ удивился: онъ давно не видалъ въ лицѣ Дубровина такого прекраснаго, младенчески-чистаго выраженія.

— Здравствуй... Ты не сердишься? Забылъ, что мы побранились?.. Это хорошо. Благодарю.

Онъ схватилъ Бориса за руку и крѣпко сжалъ ее.

— Садись вотъ тутъ, на табуретку,—говорилъ онъ, пододвигая деревянный табуретъ къ своей койкѣ, причемъ мускулистая рука его обнажилась изъ-подъ широкаго рукава рубашки.

„Неужели такой богатырь долженъ умереть изъ-за пустяковъ?“—невольно подумалъ Борисъ, вспомнивъ, какъ этой рукою Дубровинъ свободно игралъ двухпудовою гирею.

— Ну, какъ дѣла, Григорій Сергѣичъ? — спросилъ онъ вслухъ.

— Теперь ничего, поправляюсь. Навѣрное, скоро выпустятъ. Отъ солдатчины совсѣмъ освободили. Забраковали потому, что болѣзнь совсѣмъ вылечить нельзя: глухота и течь изъ уха останутся на всю жизнь.

— Изъ-за пустого дѣла такой непріятный сурьёзъ вышелъ!— произнесъ Борисъ, вопросительно взглянувъ на Дубровина.

— Да, Борисъ, многихъ я билъ, и часто ни за что—билъ, вотъ и самому пришлось поплатиться. Сильно ударилъ, подлецъ! Такого удара я никогда въ жизни не испытывалъ. Я хоть и не свалился съ ногъ, а нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ волчкомъ вертѣлся... Я никакъ не ожидалъ, чтобы ладонью можно было нанести такой ударъ! Да хоть бы очень силенъ онъ былъ, а то — нѣтъ; Иванъ разсказывалъ,—когда они догнали ихъ въ полѣ, такъ онъ сразу съ ногъ его сбилъ. А у Ивана сила небольшая. Ну, теперь я поучился, какъ драться; съ этихъ поръ зарокъ даю никогда больше не вступать въ драку напрасно. Если по необходимости придется—тогда дѣло другое.

— Дай Богъ, — простодушно сказалъ Борисъ съ тѣмъ выраженіемъ, съ которымъ говорятъ люди, вѣрующіе, что и невозможное для человѣка возможно для Бога.—Соскучились здѣсь?— спросилъ онъ потомъ.

— Соскучился. Вѣдь я былъ въ положеніи опасномъ,—если бы воспаленіе не прекратилось, я могъ бы умереть... А не хочется умирать, Борисъ!—сказалъ онъ, содрогаясь всѣмъ тѣломъ.

— Когда-нибудь всѣмъ умирать придется,—спокойно произнесъ Борисъ.

Дубровинъ вопросительно посмотрѣлъ на него и на мгновенье задумался.

— Будетъ что̀ будетъ, а живая душа думаетъ о живомъ,— сказалъ онъ потомъ.—Да, скучно въ больницѣ. Спасибо жёнкѣ: каждый день по нѣскольку разъ сюда приходитъ. Сава—тоже. На жёнку я дивлюсь, — весело усмѣхнулся онъ: — кажется, не особенно я ее ласкалъ, во все время какъ женились, а плачетъ и Богу молится, чтобы я поправился... Все упрашивала, чтобы я попа позвалъ да исповѣдовался. — Чѣмъ же я угощать тебя буду?—спохватился онъ.—Выпей хоть вина.

И схвативъ бутылку съ портвейномъ, онъ налилъ рюмку.

— Это я по рюмкѣ пью передъ ѣдой, для подкрѣпленія силъ,—объяснилъ онъ.

Борисъ почти совсѣмъ не пилъ вина, но при такомъ случаѣ неловко было не выпить.

— Ну, Борисъ,—говорилъ Дубровинъ:—я тутъ, когда поправляться сталъ, много дней лежалъ и все думалъ... Думалъ я о жизни своей и людской. Скверно, глупо и безпорядочно устроена человѣческая жизнь!.. Скажемъ о деревнѣ: мужики надрываются на работѣ и живутъ впроголодь; кулаки и всѣ, кто стоитъ повыше, тѣснятъ ихъ и обираютъ; богатые—либо затѣваютъ какія-нибудь дурацкія затѣи, либо развратничаютъ... Словомъ, послѣдній кусокъ рвутъ изъ глотки у голоднаго—и все это на „законномъ" основаніи. Да еще и Бога тутъ не стыдятся приплетать!.. И что̀ тутъ подѣлаешь, въ этой безтолковщинѣ?..

Онъ въ недоумѣніи развелъ руками и вопросительно посмотрѣлъ на Бориса. Потомъ глаза его засвѣтились какимъ-то одушевленіемъ.

Борисъ, — торжественно проговорилъ онъ, — еслибы жизнь людей не была такая подлая,—и я не былъ такимъ злодѣемъ...

— Борисъ грустно смотрѣлъ на него, и по его нахмуренному лицу было видно, что онъ крѣпко задумался надъ чѣмъ-то.

— Что-жъ намъ все на жизнь-то людскую валить,—сказалъ онъ наконецъ,—а свой-то разумъ у насъ для чего же?.. Нѣтъ, Григорій Сергѣичъ,—я вамъ только растолковать не могу какъ слѣдуетъ, а чувствую, что вы неправильно это говорите—сваливаете все на другихъ, а не на себя!

И Борисъ принялся излагать ему разныя поученія изъ священнаго писанія и житій святыхъ, силясь доказать, что святые находили счастье въ жизни, жертвуя всѣмъ для своихъ ближнихъ, и что еслибы всѣ старались такъ дѣлать, то жизнь была бы справедливѣе, люди легче могли бы спасти свою душу и достигнуть счастія. Но это у него какъ-то не выходило; онъ мѣстами сбивался, и ему было мучительно больно чувствовать это.

Дубровинъ сначала слушалъ его внимательно, потомъ сталъ выражать нетерпѣніе, и нѣсколько разъ едва замѣтная усмѣшка скользила по его лицу.

— Нѣтъ, ты не то говоришь, Борисъ!—сказалъ онъ, когда Борисъ кончилъ.—Ты не понимаешь меня... Я тебѣ говорю отъ души, все выкладываю: моя жизнь не красна—это вѣрно, но, какъ ни думай, ничего лучше не выдумаешь, какъ махнуть на все рукой да и жить въ свое удовольствіе.

Борисъ убѣдился, что Дубровинъ не пойметъ его, и, послѣ нѣкотораго раздумья, сказалъ:

— Зачѣмъ? Нѣтъ, нужно жить не только для себя, а и для людской пользы.

Дубровинъ засмѣялся какимъ-то вызывающимъ, странно-веселымъ, нервнымъ смѣхомъ.

— Это я и раньше отъ тебя слышалъ. Да вѣдь это сказать легко! Вѣдь это только тотъ, у кого лягушечья кровь въ жилахъ, можетъ относиться къ этому спокойно, а если у тебя есть нервы, такъ ты одной думой себя замучишь.

„Маря, Луша, Соломонида и много другихъ, можетъ быть, изъ-за тебя несчастными стали, да ты объ этомъ не мучаешься!“ —подумалъ Борисъ, но не рѣшился сказать объ этому Дубровину, сознавая безполезность этихъ словъ.

— Терпѣть надо,—произнесъ онъ.—Главное дѣло: всегда надо помнить, что теперешняя наша жизнь—временная, а потомъ будетъ вѣчная. Къ ней мы теперь должны себя приготовить.

Дубровинъ задумался.

— Хорошо такимъ людямъ, какъ ты да Сава,—проговорилъ онъ,—вы живете, точно лампадки теплитесь. И такъ будете теплиться, пока не выгоритъ все масло, или кто-нибудь не задуетъ васъ. А я такъ не могу.

И онъ заговорилъ о другомъ.

Долго они говорили, и, къ удивленію Бориса, Дубровинъ ни разу не вспомнилъ о деревенскихъ гуляньяхъ. Только когда Борисъ сталъ уходить, онъ, прощаясь, сказалъ ему:

— Ты мнѣ не сказалъ, какъ тамъ холостежь-то гуляетъ? Какъ живутъ мои „забавы“?

— Всѣ здоровы.

— Поклона, небось, не прислали съ тобой!—сказалъ Дубровинъ шутливо.

— Да онѣ не знали, что я сюда пойду. Я вѣдь и рѣдко вижусь съ ними,—прибавилъ онъ.—Прощай, Григорій Сергѣичъ. Можетъ, и долго теперь не увидимся съ тобой.

— Что же такъ?

— Я уйду въ монастырь...

— Какъ? Зачѣмъ это? Жилъ бы въ мірѣ; добро и въ мірѣ, говорятъ, можно дѣлать...

— Я знаю, что можно... Только у каждаго человѣка должна быть своя доля,—отвѣчалъ Борисъ:—на что человѣкъ годенъ, то онъ и долженъ дѣлать. Здѣсь, въ мірѣ, мнѣ трудно: на что̀ я годенъ? Служить у пристава—только. О семейной жизни мнѣ и думать нечего: здоровье мое слабое, да это меня и не привле-

каетъ. Нѣтъ, ужò чтò Господь дастъ, а я рѣшилъ. Съ Божьей помощью, и тамъ буду трудиться. Прости меня, Григорій Сергѣичъ, за все...

Борисъ сталъ передъ нимъ на колѣни и поклонился ему въ ноги.

— Чтò ты? Чтò ты?..—говорилъ удивленный Дубровинъ, поднимая его съ пола и растерянно глядя ему въ глаза, въ которыхъ стояли слезы.

— Прощай!—сказалъ Борисъ уже рѣшительно и спокойно.

Они поцѣловались и разошлись.

XLIX.

Вскорѣ Дубровинъ вышелъ изъ больницы.

Онъ сильно похудѣлъ и замѣтно постарѣлъ; черты лица его стали нѣсколько суровы, взглядъ серьезенъ.

Послѣ больницы онъ мѣсяца два не гулялъ съ молодежью, какъ бывало прежде. Когда приходили къ нему его товарищи, онъ принималъ ихъ по прежнему радушно, но не мѣрялся съ ними силою и не сквернословилъ.

Онъ часто уходилъ съ Савою на охоту; дома былъ ласковъ съ женою и любилъ няньчиться съ дочерью.

Скоро онъ сталъ полнѣть и приходить въ прежнюю силу.

Крестьяне, видя въ немъ происшедшую перемѣну, теперь стали часто обращаться къ нему то за какимъ-нибудь совѣтомъ, то съ просьбою написать прошенье, или выручить въ нуждѣ деньгами,—и Дубровинъ помогалъ имъ безкорыстно,

Онъ предложилъ Савѣ денегъ для постройки новой избы, такъ какъ старая давно требовала передѣлки, — какъ отецъ Савы ни старался въ зимнюю пору обкладывать ее снаружи сѣномъ и яровою соломою, вѣтеръ всегда находилъ еще незакрытыя щели, въ которыя выдувалъ изъ нея все тепло.

Когда изба была построена, Дубровинъ пріѣзжалъ на новоселье.

— Ну, теперь тебѣ слѣдуетъ жениться, — сказалъ онъ Савѣ.

— Гдѣ же жениться, Григорій Сергѣичъ, когда денегъ нѣту, а задолжалъ теперь вамъ сколько!

— Послѣ какъ-нибудь расквитаемся. Ганя соскучилась ждать тебя.

Сава покраснѣлъ и опустилъ глаза.

Дубровинъ былъ посажёнымъ отцомъ на свадьбѣ Савы и Гани. Глядя на ихъ любовь и счастье, онъ съ грустью и завистью подумалъ о томъ, какъ мало имъ требовалось для этого счастья!

Дубровинъ видѣлъ и зналъ крестьянскую жизнь, видѣлъ и зналъ, насколько она зависитъ отъ матеріальныхъ условій, и онъ хотѣлъ устроить для крестьянъ ссудный складъ зерноваго хлѣба, намѣреваясь серьезно конкуррировать съ лавочниками и кулаками. Но огромное дѣло вспоможенія нуждающимся крестьянамъ требовало серьезнаго и настойчиваго труда, къ которому онъ не былъ приготовленъ. Представленіе о добрѣ и благѣ народа лишь порой мелькало въ умѣ его въ формѣ какихъ-то отвлеченныхъ предположеній, и не могло перейти въ дѣло потому, что онъ не находилъ въ себѣ точки опоры и не зналъ, съ чего начать.

И скоро онъ почувствовалъ, что всѣхъ его добрыхъ занятій было недостаточно для того, чтобы наполнить его жизнь. Дѣлая все это, онъ постоянно находилъ въ натурѣ своей какой-то избытокъ силъ и страстей, отъ которыхъ онъ никакъ не могъ отдѣлаться или дать имъ полезное примѣненіе...

И мало-по-малу хорошее впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ больницы, улетучилось; онъ сталъ возвращаться къ своимъ прежнимъ привычкамъ. И боль въ ухѣ его не прекращалась; онъ часто чувствовалъ шумъ въ головѣ и тяжелое круженіе.

Однажды Дубровинъ, желая пересилить боль и не показывать вида, что ему больно, одѣлся по праздничному и пошелъ на свиданіе съ Соломонидой.

Когда онъ переходилъ черезъ порогъ, голова его такъ сильно закружилась, что онъ покачнулся и оперся на стѣну, чтобы не упасть.

„Пустяки; пройдетъ!“ — сказалъ онъ себѣ черезъ минуту, приходя въ себя. И бодро пошелъ изъ дома.

Но только-что онъ вышелъ на дорогу, головокруженіе повторилось съ еще большею силою.

„Ну, дѣло дрянь! Того гляди, упадешь среди дороги. Надо успокоиться“,—подумалъ онъ.

И, сойдя въ сторону, легъ у канавы.

Мимо него проходилъ буранскій мужикъ. Поклонившись ему, онъ какъ-то особенно поглядѣлъ на него и спросилъ:

— Чтò, Григорій Сергѣичъ, отдохнуть, знать, захотѣли?

— Да, отдохнуть,—слабо отвѣчалъ ему Дубровинъ...

Когда мужикъ скрылся изъ глазъ, онъ съ трудомъ поднялся на ноги, шатаясь едва добрелъ до дому и легъ въ постель.

Голова его страшно горѣла и кружилась; появилась нестерпимая ломота; глаза заволокло какимъ-то сѣрымъ туманомъ, и онъ сталъ терять сознаніе.

Но сознаніе скоро возвратилось, и боль сдѣлалась до того невыносимою, что Дубровинъ, схвативъ себя за голову обѣими руками, кричалъ нѣсколько часовъ, лежа на кровати.

Имъ стали овладѣвать припадки бѣшенаго изступленія. Тогда, вскакивая съ постели и страшно ругаясь, онъ билъ и ломалъ все, что попадалось ему подъ руку.

Ружья, кинжалы, ножи и гири — все было вынесено изъ той комнаты, гдѣ онъ лежалъ. Потомъ его, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, отвезли въ больницу.

Черезъ нѣсколько дней Дубровинъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ отъ воспаленія мозга.

На похороны его собралось много народу.

Прощаясь съ нимъ, всѣ со страхомъ глядѣли на его исхудавшее лицо, обезображенное послѣднею борьбой духа съ тѣломъ: выраженіе ужаса, горечи и какого-то отчаяннаго и дерзкаго ожесточенія застыло на немъ...

Его похоронили рядомъ съ отцомъ и съ сестрою, Лёлею.

— Какой былъ силачъ, а вотъ умеръ въ молодыхъ годахъ! —сказалъ о Дубровинѣ одинъ сѣдой крестьянинъ.

— Да и слава Богу, что померъ,—произнесъ другой:—а то какая была его жизнь? Только грѣхъ одинъ.

— Всѣ мы—грѣшные!—отвѣчалъ ему старикъ съ глубокимъ вздохомъ.

Максимъ Антоновъ.

ПОѢЗДКА

въ

ДАЛЕКАРЛІЮ

I.—Шведскій Оверландъ.

Послѣ странствованія по полярнымъ морямъ, мы рѣшились возвратиться въ Швецію, чтобы осмотрѣть непосѣщенные нами въ первое наше пребываніе [1]) интересные уголки ея. Въ Трондгеймѣ мы запаслись въ агентствѣ Бейера прямыми билетами черезъ Дюфедъ до Стокгольма, заплативъ по 32 кроны за каждый. Перваго класса тутъ нѣтъ, одинъ II-й и III-й. Желѣзная дорога только на короткомъ пространствѣ захватываетъ Норвегію, потомъ поднимается на горные перевалы громаднаго хребта, раздѣляющаго два сосѣднія государства Скандинавіи и уже все время потомъ идетъ по шведской землѣ.

Черныя змѣи рельсовъ очень долго бѣгутъ вдоль береговъ громаднаго Трондгеймскаго фіорда, — вѣрнѣе, вдоль берега его южной бухты—Стіордальсъ-фіорда; бѣгутъ такъ близко, что намъ отлично видна совсѣмъ еще свѣжая грязь какъ болото топкихъ и усѣянныхъ камнями отмелей, только-что выглянувшихъ изъ воды, которыя каждый день въ поразительно-точной очереди два раза обнажаютъ и два раза опять заливаютъ отливы и приливы моря. Я никакъ не думалъ, чтобы вліяніе морского прилива и отлива ощущалось такъ далеко, даже въ глубинѣ материка. Тутъ все сплошь поселенья, дачи, хутора, лѣсистые холмы, луга;

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“ за текущій годъ, мартъ, апрѣль и май.

вездѣ движеніе и жизнь. Въ Раньенѣ очень интересная деревянная церковь въ древне-норманскомъ стилѣ, хотя и новая, вся въ острыхъ, многоярусныхъ кровляхъ, съ драконами на князьку, —смахивающая, какъ всѣ старыя церкви Норвегіи, не то на китайскій павильонъ, не то на индусскую пагоду. Гомельвикъ—уже цѣлый городокъ съ громадными складами бревенъ, досокъ и теса, съ пильнями, съ пристанью въ живописномъ заливѣ, глубоко ушедшемъ въ извилины красивыхъ лѣсныхъ холмовъ, покрытыхъ полчищами высокоствольныхъ сосенъ. Ясный голубой денекъ, рѣдкій въ Скандинавіи, окрашиваетъ въ особенно радостныя краски весь этотъ милый мирный ландшафтъ. Фіордъ за Гомельвикомъ расширяется въ огромное круглое озеро, такъ что едва можно различать корабли, плывущіе на той сторонѣ его. Дорога вьется дугою по узенькому карнизу холмистаго берега, такъ что изъ вагона видна только вода озера; поѣздъ все чаще и чаще начинаетъ врѣзаться въ туннели. Вотъ и Гелль, у самаго впаденія рѣчки Стіордаля въ Стіордальскую бухту, которую мы теперь оставляемъ, уходя въ горы, въ середину материка. Тутъ таже картина, что и въ Гомельвикѣ: безконечные ярусы досокъ, громадныя горы грифельныхъ плитъ. Прекрасный, несокрушимый мостъ на аркахъ черезъ рѣку. На холмѣ старая бѣлая башня колокольни, съ узкими окнами-бойницами, высоко поднятыми надъ землею. Такія же окна-бойницы и въ самой церкви. Это обычный типъ средневѣковыхъ норвежскихъ церквей въ пограничныхъ и вообще въ тревожныхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ свое время часто приходилось запираться и выдерживать осады, за неимѣніемъ крѣпостей, въ стѣнахъ храма...

Теперь мы уже несемся по долинѣ рѣки Стіордаля, усѣянной деревнями, охваченной съ обѣихъ сторонъ лѣсными холмами. Дома тутъ большіе, красивые, отлично построенные, большею частью въ 5, 6 оконъ, крытые черепицею, основательно выкрашенные масляною краскою; такія же хозяйственныя службы, около каждаго дома, сбитыя въ тѣсную кучку; хотя все это крестьянскія фермы, но онѣ лучше любой нашей помѣщичьей усадьбы... Вездѣ разсѣяны небольшія поля ячменя, овса, картофеля, гороха, луга съ сѣяннымъ клеверомъ и люцерной, которые уже косятъ и сушатъ на кольяхъ и слегахъ. Вообще здѣсь все смотритъ довольствомъ, трудолюбіемъ и порядкомъ. Недаромъ трондгеймскій округъ считается житницею Норвегіи. Глубже и глубже уходитъ нашъ поѣздъ въ страну горъ. Онъ копошится теперь на днѣ лѣсного ущелья; надъ нашею головою—стѣны лѣсовъ. Лѣсъ наполняетъ въ разныхъ видахъ и товарные вагоны

нашего поѣзда; всѣ они нагружены большею частью тонкими тесинами для ящиковъ въ 1 1/2 аршина длины, въ 1/2 дюйма толщины. Послѣ Гудо мы промчались еще черезъ одинъ туннель и вынеслись въ боковую широкую долину, полную богатыхъ селеній, оставивъ вправо верховье рѣки. Теперь мы въ Меракерѣ, послѣднемъ мѣстечкѣ Норвегіи.

Дорога незамѣтно забираетъ все выше и выше, поднимаясь на южные отроги хребта Келена,—естественнаго рубежа между Норвегіей и Швеціей. Что мы теперь на порядочной высотѣ, можно догадаться по снѣговымъ вершинамъ, которыя вдругъ стали выглядывать на насъ со всѣхъ сторонъ изъ-за курчавыхъ шапокъ лѣсныхъ горъ. Вотъ дорога бѣжитъ уже по голому черепу хребта надъ лѣсными пропастями, незамѣтно очутившимися глубоко внизу. Кругомъ насъ—только плоскія лѣсныя возвышенности. Здѣсь чрезвычайно наглядно можно прослѣдить постепенное замираніе растительной жизни, по мѣрѣ подъема вверхъ. Лѣсъ сначала растетъ еще, и ель, и сосна, и береза, но уже видъ ихъ какой-то больной и хилый; деревья дѣлаются все низкорослѣе и тоще; листва на нихъ рѣдкая и скудная, скорѣе сѣрая, чѣмъ зеленая. А еще выше—почти всѣ деревья съ отсохшими, будто обгорѣлыми макушками, и на каждомъ шагу цѣлыя засохшія деревья, омертвѣвшія еще на корню. Еще черезъ полчаса подъёма — уже елей и сосенъ вовсе не видать, одна только полярная карликовая береза, мало-по-малу переходящая изъ низенькихъ деревьевъ въ настоящій кустарникъ; почва постепенно также измѣняется. Наверху одни безплодныя каменистыя пространства, болота, озерки; сыро и холодно какъ въ ноябрѣ, несмотря на іюль. На цѣлыя версты, — а всего наберется многіе десятки верстъ, — сплошные деревянные заборы, аршина въ 4—5 вышиною, по обѣ стороны рельсовъ. А во многихъ мѣстахъ это уже не заборы только, а цѣлые деревянные туннели, съ плоскою крышею, съ окнами кое-гдѣ въ стѣнахъ для свѣта и воздуха, такъ что поѣздъ несется словно по корридорамъ громаднаго зданія. Таковы тутъ снѣга, и такъ безлюдна эта горная дорога, что очистить рельсы зимою отъ заносовъ нѣтъ никакой возможности, — и вотъ практическіе шведы придумали лучше устроить изъ ничего здѣсь не стоящаго лѣса постоянную защиту, чѣмъ безполезно расходовать ежегодно огромныя суммы на расчистку снѣговыхъ заносовъ, все равно не устраняющую остановки поѣздовъ на многіе часы.

Не знаю, переняли ли наши инженеры эту умную и вмѣстѣ простую выдумку шведовъ для нашихъ еще болѣе безлюдныхъ

и еще болѣе заносимыхъ снѣгомъ сибирскихъ дорогъ? А было бы во всякомъ случаѣ не лишне—перенять, да не только для Сибири, а и для горныхъ желѣзныхъ дорогъ Кавказа, и для многихъ другихъ дорогъ, постоянно страдающихъ отъ жестокихъ снѣжныхъ заносовъ и ежегодно расходующихъ на безсильную борьбу съ этимъ неустранимымъ природнымъ зломъ большія суммы.

Сторліенъ—первая шведская станція трондгеймо-стокгольмской, или, вѣрнѣе, норвежско-шведской желѣзной дороги. Норвежскіе поѣзда уже не заходятъ далѣе, а нужно пересаживаться въ шведскій поѣздъ, что̀ не особенно пріятно при множествѣ нашего багажа. Тутъ же и таможня, стало быть осмотръ. Хорошо же это *единое* государство, котораго обѣ составныя части взаимно охраняются другъ отъ друга таможенными пошлинами! Осмотръ былъ, впрочемъ, самый снисходительный, только для виду. Можно сказать, что разстегнули и отперли, но даже и не раскрывали наши чемоданы. А ручной багажъ и совсѣмъ не трогали, къ нашему большому удовольствію, ибо мы, признаться, натащили изъ Норвегіи изрядное количество всякихъ туземныхъ спеціальностей. Швеція показала себя уже на вокзалѣ, гдѣ вся женская прислуга—въ живописныхъ и оригинальныхъ нарядахъ далекарліекъ.

Мѣстность, однако, ничуть не перемѣнилась, перешагнувъ норвежскую границу. Долго еще тянулись мимо насъ тѣ же безотрадныя, холодныя, каменистыя и болотистыя пустыни съ промерзлыми березовыми кустиками, дощатыми заборами и туннелями, съ снѣговыми завалами въ каждой впадинѣ почвы. У дороги валяются огромные плуги, которыми расчищаютъ эти завалы. Вагоны здѣсь топятъ даже въ іюлѣ, какъ у насъ въ январѣ. Топятъ, впрочемъ, тѣмъ же паромъ, которымъ двигается и паровозъ. Тутъ можно отлично пройти наглядный курсъ ботанической географіи. Какъ постепенно бѣднѣла и стиралась окружающая насъ картина растительности при подъемѣ дороги на темя хребта, такъ теперь, наоборотъ, при спускѣ съ него, начинаютъ опять появляться мало-по-малу сначала березовые лѣски, потомъ тощія, словно ощипанныя елочки, потомъ настоящіе еловые и сосновые лѣса. Съ Энафорсе пошли уже сплошные густые лѣса, изъ-за которыхъ живописно показываются вдали освѣщенныя красноватыми лучами вечера снѣговыя горы. Но все-таки и тутъ еще глазъ то-и-дѣло натыкается на больныя и убогія деревья, уныло торчащія среди свѣжихъ чащъ, да и снѣга̀ еще видны много ниже насъ. Озера, налитыя вѣчными снѣгами ледниковъ, появляются все чаще. У станціи Энно,

въ сторонѣ, цѣлый рядъ дачныхъ домиковъ. Нашъ поѣздъ поджидаетъ здѣсь разноцвѣтная толпа дѣвушекъ, съ альпійскими посохами въ рукахъ, съ свернутыми для похода плэдами за спиной. Съ ними и три-четыре кавалера. Безмолвная лѣсная пустыня словно радостно улыбнулась этою шумливою стаею щебечущихъ птичекъ. Они пришли сюда изъ какого-то своего горнаго пѣшаго странствованія и провожаютъ веселыми, дружелюбными криками нѣсколькихъ своихъ подругъ, сѣвшихъ на нашъ поѣздъ. Машутъ бѣлые платки, посылаются воздушные поцѣлуи, улыбки, ласковыя слова, полныя молодой вѣры въ жизнь и сердечной искренности. Какъ хороша, какъ увлекательна молодость, когда она молода не только годами, но и душою, — что̀ такъ рѣдко встрѣчаешь у насъ, и чѣмъ такъ счастлива здоровая молодость Скандинавіи съ ея простыми привычками, съ ея непобѣдимою потребностью воздуха и движенія...

А озера чередуются одно за другимъ, и на каждомъ—пильни, склады лѣса; сосновыя и еловыя бревна, сплавленныя съ горъ, далеко устилаютъ своими живыми плотами поверхность воды —кажется, ходить по ней можно. Рельсы протянуты отъ этихъ пиленъ и складовъ и на желѣзную дорогу, куда сбываютъ готовый лѣсъ, и къ подошвамъ лѣсистыхъ холмовъ, откуда его добываютъ. Добыча идетъ, повидимому, очень жадная, потому что и въ водѣ, и въ складахъ, и на холмахъ — все видишь только молодой лѣсъ. Громадные валы опилокъ загромоздили берега около пиленъ. Опилки эти, однако, не пропадаютъ. Ими обсыпаютъ бурты дровъ, когда обжигаютъ уголь, изъ нихъ выгоняютъ разные химическіе продукты.

Мы приближаемся къ мѣстечку Дюфедъ, гдѣ хотимъ остановиться, чтобы посѣтить интересныя окрестности. Ѣдемъ все время красивыми извивами рѣки, по населенной полной жизни долинѣ. У самаго берега рѣки, на кругломъ какъ конусъ холмѣ, эффектно вырѣзается каменный обелискъ, воздвигнутый графу Армфельдту и его погибшимъ воинамъ. А вонъ и станція Дюфедъ; намъ нужно слѣзать. Явившіеся добровольцы ухватываютъ наши чемоданы и несутъ ихъ всего за нѣсколько шаговъ въ „Jernvagnhotel", что̀ по-русски обозначаетъ „желѣзнодорожную гостинницу". Тутъ исключительно одно бабьё, и ни одна не понимаетъ ни слова ни на какомъ европейскомъ языкѣ. Книжечка, однако, помогла, и мы могли не только спросить комнату, чай и ужинъ, но даже заказали разбудить себя пораньше, чтобы часовъ въ 7, 8 отправиться къ знаменитому водопаду Теннофорсъ. Комнаты „Jernvagnhotel", къ удивленію нашему, оказались почти

всѣ заняты туристами разныхъ націй, не оставляющими своимъ вниманіемъ даже и такіе глухіе горные уголки. Намъ насилу очистили двѣ крошечныя и очень простенькія каморки объ одной кровати, наверху. Но, несмотря на сельскую простоту всей обстановки, эта деревенская гостинница чиста и вполнѣ прилична. Внизу двѣ небольшія столовыя, гдѣ насъ досыта накормили и напоили. Встали мы рано; экипажъ былъ заказанъ еще съ вечера; пока онъ не пріѣхалъ, мы пошли побродить холоднымъ яснымъ утромъ по мѣстечку. Здѣсь не одна, а цѣлыхъ три гостинницы, и всѣ заняты; занято, кромѣ того, много простыхъ домовъ. Такъ великъ наплывъ путешественниковъ. Эта лѣсная и горная мѣстность славится своимъ здоровымъ воздухомъ, и, помимо иностранныхъ туристовъ, множество шведовъ пріѣзжаютъ сюда проводить лѣто въ здоровой и недорогой деревенской обстановкѣ. Коляска парой, за которую взяли съ насъ всего 8 кронъ, подъѣхала ровно въ 8 часовъ, и мы съ наслажденіемъ погрузились въ тихое царство лѣсовъ, въ лабиринты лѣсныхъ холмовъ и луговъ, пестрѣвшихъ давно знакомыми милыми цвѣтами нашей сѣверной родины. Здѣсь отъ лѣсовъ и отъ водъ дѣться некуда; оттого-то легко и радостно дышетъ грудь. Кучеръ нашъ и даже лошади, тащившія нашу коляску, повидимому, тоже наслаждаются прекраснымъ лѣтнимъ утромъ и вдыхаютъ, какъ и мы, цѣлительный настой горныхъ травъ и деревьевъ, которымъ пропитанъ неподвижный воздухъ. Кучеръ, какъ и весь здѣшній народъ, человѣкъ уже достаточно цивилизованный, читаетъ книги, носитъ часы, шляпу, жакетку, рубашку съ крахмальнымъ воротникомъ. Ему знакома, повидимому, даже и латынь, потому что, показывая намъ исландскій мохъ, которымъ питаются сѣверные олени, и называя разные цвѣты и деревья, могущіе, по его мнѣнію, заинтересовать насъ, Zwergbirke и разные другіе, преважно сообщалъ намъ, что вотъ это дерево „paa latin“ именуется „salix“.

Нѣсколько часовъ поднимались мы изволокомъ между лѣсистыхъ холмовъ, но наконецъ лѣса разступились, и передъ нами засіяла широкая, полноводная чаша озера въ далекихъ берегахъ. Мы вылѣзли у маленькой пристани, гдѣ стоитъ пустая сторожка и привязаны двѣ лодки. Кучеръ объявилъ намъ, что поѣдетъ въ сосѣдній поселокъ, хорошо намъ видный отсюда вмѣстѣ съ готическими башнями чьей-то хорошенькой дачи,—покормить лошадей и выслать намъ лодочника. Лодочникъ явился, однако, не особенно скоро, также въ приличной жакеткѣ и шляпѣ, при часахъ, нисколько не похожій на тѣхъ нашихъ домашнихъ „ло-

дарей", которые обратили свое промысловое названіе въ нарицательное имя, означающее всякаго рода неопрятность и внѣшнюю распущенность.

У здѣшняго народа прилична, впрочемъ, не одна наружность. У нихъ все такъ законно и честно, что вы можете со спокойной совѣстью, безо всякой предварительной торговли, полагаться на то, что они возьмутъ съ васъ за свой трудъ. Назначено по утвержденной таксѣ,—о которой сообщилъ намъ нѣмецки-аккуратный Бедекеръ,—полторы кроны съ двоихъ за переѣздъ озера туда и обратно,—онъ и не пробуетъ сорвать съ васъ лишнее, хотя и видитъ, что вы иностранецъ, не знаете здѣшнихъ положеній и здѣшняго языка, и потому лишены возможности оспаривать его.

Честны и законны скандинавы не потому, чтобы они по натурѣ своей были великодушнѣе и справедливѣе насъ, русскихъ, а потому, главнымъ образомъ, что ихъ воспитываетъ въ привычкахъ честности и законности строго соблюдаемый и строго наблюдаемый законъ, одинаково обязательный здѣсь для богатаго и бѣднаго, для власть имущаго и простого смертнаго.

Мы сдѣлали очень пріятную прогулку въ лодкѣ черезъ всю ширь озера Тенсьö; его прозрачно-голубая чаша еле колыхалась своимъ влажнымъ хрусталемъ, млѣвшимъ въ жаркихъ лучахъ яснаго полдня, также какъ и неподвижно сіявшая надъ нимъ такая же прозрачно-голубая и еще болѣе неохватная чаша небеснаго свода.

Но гдѣ же знаменитый водопадъ? Ничего не видно—кромѣ этой сплошной глади озера и тихо дремлющихъ надъ нимъ далекихъ лѣсовъ. Мы высаживаемся на одинъ изъ лѣсныхъ береговъ, гдѣ тоже маленькая пристань съ сторожкою; двигаемся слѣдомъ за своимъ лодочникомъ по узкой и грязноватой лѣсной тропинкѣ; сначала надъ берегомъ, потомъ куда-то въ пропасть...

Теперь хоть и не видно еще водопада, но все больше и больше оглушаетъ могучій гулъ его паденья... Вотъ наконецъ и онъ! Огромное озеро, наливаемое изъ вѣка въ вѣкъ рожденными въ ледникахъ струями рѣки Индаля, течетъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ къ своему южному берегу и вдругъ всею массою своихъ водъ стремглавъ обрушивается тамъ въ широко раскрытую пасть отвѣсной пропасти, въ 16 саженъ глубины...

Нужно спуститься на дно этой пропасти, чтобы вполнѣ насладиться поразительною картиною этихъ бѣшено низвергающихся водъ, видныхъ оттуда снизу прямо въ лицо. Саженъ

на пятьдесятъ разносятся мелкимъ дождемъ брызги водопада, отъ которыхъ моховая почва крутого ската пронизывается какъ губка, и нога ваша проваливается по щиколку въ зеленую трясину... Но мы все-таки терпѣливо стояли подъ этимъ гигантскимъ душемъ, и вязли въ этой холодной грязи, чтобы только хорошенько разсмотрѣть водопадъ. Горы бѣлой пѣны и брызговъ, въ которыхъ играютъ всѣ цвѣта радуги, поднимаются будто густые клубы дыма изъ исполинскаго кипящаго котла, изъ клокочущихъ внизу омутовъ, въ которые съ одуряющею быстротою несутся сверху цѣлою сплошною стѣной тяжелыя массы водъ...

Словно залпы осадныхъ пушекъ раздаются изъ глубины водной бездны отчаянные удары оборвавшихся водъ о скрытую въ волнахъ гранитную грудь утесовъ... Все гудитъ и трясется въ этомъ адскомъ, немолчно-ревущемъ провалѣ, — скалы, камни, лѣса и воды...

Островерхіе, высокіе стволы елей, траурные, какъ гигантскіе монахи, вырѣзаютъ свои суровые силуэты на густой синевѣ неба, прямо надъ обрывами этой бушующей пропасти. Черная, неуклюжая, какъ медвѣдь, гранитная скала, такъ и называемая „Медвѣдь-скалою“ („Björnesten“), торчитъ на самомъ перегибѣ водопада, потрясаемая отовсюду напирающими волнами, которыя, низринувшись внизъ, взлетаютъ съ разбѣга на каменные откосы пропасти, опрокидываются оттуда назадъ и, столкнувшись голова-о-голову другъ съ другомъ, бушуютъ и клокочутъ въ какомъ-то дьявольскомъ хаосѣ и бѣшено крутятся въ безостановочномъ головокружительномъ водоворотѣ, обдавая все кругомъ дымомъ своихъ выстрѣловъ. Жаль очень, что такая могучая сила паденья этой маленькой Ніагары пропадаетъ совсѣмъ безплодно, не примѣненная къ движенію паровыхъ машинъ,—къ полезной работѣ заводовъ и фабрикъ.

Водопадъ „Tännofors“—только первая ступень, съ которой воды Индаля низвергаются съ своихъ горныхъ источниковъ въ нижнія долины. Еще одною колоссальною ступенью ниже видно намъ отсюда другое озеро, Норен-сьö, налитое глубоко внизу тѣмъ же Индалемъ оно окружено амфитеатромъ лѣсныхъ холмовъ, изъ котораго эта бурная и быстрая рѣка опять низвергается черезъ пороги и водопады еще дальше внизъ, къ зеленымъ пажитямъ Эмтланда.

Мы теперь въ царствѣ альпійскихъ водъ и альпійскихъ лѣсовъ и можемъ созерцать отсюда сверху далеко кругомъ подвластныя этимъ высотамъ долины и озера.

На возвратномъ пути мы остановились въ Дюфедѣ около памятника „каролинцамъ“ Армфельдта. На высокомъ коническомъ холмѣ —старомъ шанцѣ, насыпанномъ на древней моренѣ,—сейчасъ же у дороги, бѣлѣетъ обелискъ изъ лабрадора, къ которому поднимаются по каменнымъ ступенькамъ. Обелискъ, перевязанный каменными лаврами, покоится на рядахъ чугунныхъ ядеръ и окруженъ по угламъ четырьмя чугунными пушками.

На передней сторонѣ—шведская надпись: „Каролинцамъ 1719 года—отчизна“. Этотъ простой монументъ съ лаконической надписью прикрылъ собою глубоко-трагическій эпизодъ шведской военной исторіи. По приказу безразсудно смѣлаго короля своего Карла XII-го, графъ Армфельдтъ повелъ противъ норвежцевъ, черезъ Дюфедъ, цѣлый корпусъ войскъ въ 6.500 человѣкъ, чтобы овладѣть Трондгеймомъ. Большая часть его солдатъ были финляндцы, остальные—шведы. Промѣшкавъ осадою Трондгейма до самой зимы и оставшись безъ съѣстныхъ припасовъ, Армфельдтъ, получивъ вѣсть о внезапной смерти Карла XII-го подъ Фредриксгамомъ, рѣшился отступить во-свояси. Пришлось въ развалъ зимы, подъ самое Рождество, переваливать черезъ тѣ самые голые, безлюдные хребты, по которымъ мы только-что проѣзжали, изъ Трондгейма въ Дюфедъ. Преслѣдовавшіе его норвежцы отбили послѣдній транспортъ съ припасами. Дорогъ никакихъ не было, снѣга покрывали горы. Роты сбивались съ пути и замерзали. Все войско страшно голодало и мерзло. Ночевать приходилось безъ палатокъ, безъ костровъ, на голомъ снѣгу. Какъ ни пріучены были Карломъ XII-мъ шведскіе воины къ выносливости и лишеніямъ всякаго рода, никакихъ человѣческихъ силъ не хватало переносить стужу, голодъ и страшную усталость. При крутѣйшихъ подъемахъ на хребетъ Ойфьöль приходилось еле двигаться по два въ рядъ, по чуть протоптаннымъ тропинкамъ; шведы съ своими генералами Армфельдтомъ и Горномъ—впереди, финляндцы съ генераломъ Иксkулемъ—за ними. Въ самый день Новаго года, когда войско съ величайшими усиліями взобралось на вершины хребта, разразился страшный снѣжный ураганъ. Метель забивала солдатамъ глаза и уши, застилала все; нельзя было различить сосѣда, шедшаго рядомъ, и головы собственной лошади; за воемъ бури, невозможно было разслышать человѣческаго голоса; едва была возможность дышать отъ снѣжнаго вихря. Армфельдтъ, однако, все шелъ и шелъ впередъ безъ слѣда, безъ дороги; лошади, люди обрывались въ пропасти, завязали въ снѣгу. Кое-какъ добрались до горы Свенска-Хöгаръ, гдѣ нашли маленькое затишье, подъ защитою скалъ, и

расположились ночевать. Нигдѣ вблизи ни хворостинки. Разломали лафеты отъ пушекъ, сани, ружейныя ложа, чтобы развести костры; но холодъ былъ такой, что даже, сидя у самаго огня, люди замерзали. Голодъ лишалъ людей послѣднихъ силъ. Сотни солдатъ уже не поднялись съ ночлега. Уцѣлѣвшіе двинулись утромъ наугадъ, куда глаза глядятъ, карабкаясь на кручи, спускаясь въ пропасти; лошади тонули въ снѣгу. Одинъ за другимъ падали и замерзали злополучные воины. Обозъ и пушки вмѣстѣ съ провожатыми застряли въ невылазныхъ сугробахъ снѣга и такъ и остались тамъ, занесенные метелью. Солдаты умирали цѣлыми рядами, цѣлыми батальонами... Только 6-го января жалкіе остатки корпуса каролинцевъ дотащились, полумертвые отъ холода и голода, до Дюфеда... Множество ихъ умерло сейчасъ же по приходѣ; другимъ пришлось отпиливать и отрѣзать отмороженные члены.

Вотъ какую страшную былую катастрофу напоминаетъ шведскому сердцу этотъ безмолвно стоящій среди мирнаго селенія каменный столбъ.

Намъ на встрѣчу попадались коляски съ англичанами, ѣхавшими по нашимъ слѣдамъ въ Тенноборсъ. Они живутъ тутъ во множествѣ, завладѣвъ всѣми сосѣдними мѣстечками, и не оставляя безъ осмотра ни одной горы, ни одного водопада. Ѣхали теперь намъ на встрѣчу въ своихъ опрятныхъ и прочныхъ тележкахъ, тщательно раскрашенныхъ и окованныхъ, съ спокойными сидѣньями на пружинахъ, на сытыхъ лошадкахъ, въ красивой упряжи, туземки и туземцы съ мѣхомъ на шеѣ, всѣ одѣтые въ это прохладное лѣтнее утро тепло какъ зимою, въ обычные наряды цивилизованнаго общества, хотя все это несомнѣнно мѣстные поселяне. Мы изъ любопытства осмотрѣли и нѣкоторые деревенскіе дома ихъ. Здѣшній крестьянскій домъ—цѣлое хозяйство. Нижній этажъ рубится обыкновенно изъ толстыхъ четырехгранныхъ брусьевъ, въ такъ-называемый „шведскій замòкъ“, чтò гораздо прочнѣе и вмѣстѣ экономнѣе обычнаго русскаго способа, вязать вѣнцы сруба „въ облò“, теряя при этомъ болѣе полуаршина изъ каждаго бревна на безполезные и легко гніющіе углы. Брусокъ къ бруску здѣсь притесываются такъ плотно другъ къ другу, какъ клёпки боченка, и кладутся, какъ и у насъ, на мохъ. Верхніе ярусы строятся уже не изъ бревенъ, а изъ теса въ стойку, прибитаго къ столбамъ и перекладинамъ. Къ дому, обыкновенно, примыкаетъ, подъ одной и той же крышей, холодное помѣщеніе для всякихъ хозяйствен-

ныхъ запасовъ,—нашъ амбаръ и вмѣстѣ наше гумно. Къ нему ведетъ широкій, во всю ширину строенія, по возможности пологій, дощатый въѣздъ, по которому повозки съ хлѣбомъ, сѣномъ и лѣсомъ могутъ взбираться на верхъ и спускаться оттуда. Подъ этимъ хозяйственнымъ складомъ—помѣщеніе для скота. Всѣ безъ исключенія дома, и здѣсь, и въ Норвегіи, окрашены густою коричнево-красною, такъ-называемою „шведскою краскою", которая въ громадныхъ количествахъ выработывается изъ мѣдныхъ солей въ горныхъ заводахъ Швеціи и стоитъ баснословно дешево. Свѣжая—она ярка и свѣтла какъ сурикъ, но съ теченіемъ времени все темнѣетъ, пріобрѣтая этотъ красно-коричневый тонъ... Когда мы переѣзжали подъ Дюфедомъ длинный деревянный мостъ на гранитныхъ устояхъ, перекинутый черезъ Индаль-эльфъ, я обратилъ вниманіе на очень практичную мѣру, съ помощью которой шведы и норвежцы предохраняютъ отъ размыва бурными волнами горныхъ рѣкъ ихъ берега, а вмѣстѣ съ этимъ спасаютъ отъ обмелѣнія и засоренія самыя рѣки. Длинная цѣпь бревенъ, скованныхъ желѣзной цѣпью, плаваетъ у береговъ, принимая на себя всѣ удары рѣчного прибоя. Такія же точно бревенчатыя защиты берега видѣли мы и раньше въ каналахъ норвежскаго Телемаркена. И не особенно дорого для страны лѣсовъ и желѣза, и остроумно...

За Дюфедомъ еще долго идутъ такія же привѣтливыя, заманчивыя деревеньки, уже полныя теперь отелей для путешественниковъ и пансіоновъ для дачниковъ. Не особенно давно мѣстность эта была для европейца невѣдомою страной, а теперь сюда двигаются толпы иностранцевъ и шведскихъ горожанъ, чтобы проводить лѣто среди цѣлебнаго дыханья горныхъ лѣсовъ и луговъ. Вся эта страна отъ Сторліена до Ерпена—одна сплошная санаторія. Но главнымъ центромъ этихъ „дачъ здоровья" все-таки Оре, сосѣднее съ Дюфедомъ, гдѣ мы и остановились на нѣсколько минутъ. Мѣстность удивительно красивая—не уступитъ никакой Швейцаріи. Надъ самымъ селеньемъ поднимаетъ свою горбатую спину высокая лѣсная гора, а за нею сверкаетъ вѣчными снѣгами знаменитый Оре-Скутанъ, одна изъ самыхъ живописныхъ и самыхъ высокихъ горъ Швеціи, на которую постоянно направляются пѣшеходныя и всякія другія партіи туристовъ. Оре-Скутанъ—главная приманка для путешественниковъ и законный владыка всѣхъ окрестныхъ горъ Эмтланда. Благодаря ему, Оре все лѣто кишитъ иностранцами и шведскими го-

стями, понастроилъ прекрасные отели, перестроилъ зàново всѣ мѣстные дома, тоже служащіе пріютомъ туристовъ, обзавелся всякими магазинами и торговлями. Вокзàлъ Оре залитъ въ эту минуту яркими свѣжими нарядами толпящейся молодежи; вездѣ видны альпійскіе посохи, соломенныя шляпы, волны бѣлокурыхъ волосъ, довѣрчивыя, счастливо-улыбающіяся лица. Меня, впрочемъ, гораздо болѣе, чѣмъ модные отели Оре, заинтересовала характерная древняя колокольня, удивительнымъ образомъ еще не попавшая въ археологическій музей д-ра Газеліуса, энергическаго творца стокгольмскаго Сканзена. Колокольня эта стоитъ около старинной каменной церкви-бойницы, и ея деревянная черепичная крыша острымъ шатерчикомъ высится на сквозныхъ точеныхъ столбикахъ сверху совсѣмъ темной, внутри тупой пирамиды нижняго яруса... Такихъ антиковъ давно прошедшихъ вѣковъ остается уже очень немного и въ Швеціи, и въ Норвегіи, и тѣмъ любопытнѣе они для путешественника, тѣмъ должны быть дороже для патріотическаго чувства скандинавовъ. Сейчасъ же за Оре другой излюбленный туристами лѣтній пріютъ—„Hotel-Biernoborg“, очень красиво взобравшійся на скалу подъ тѣнистую гущу деревьевъ. Вообще, тутъ столько станцій для леченья воздухомъ, что поѣздъ вынужденъ то-и-дѣло останавливаться, высаживая и принимая пассажировъ.

Мы все время катимся по извивамъ Индальской долины, черезъ луга, уставленные длиннѣйшими висячими валами сѣна, у подножія зеленыхъ лѣсныхъ холмовъ. Въ Ерпенѣ рѣка Индаль пересѣкаетъ цѣлую область озеръ, чтò тянутся непрерывною цѣпью на многіе десятки верстъ съ сѣверо-запада къ юго-востоку; влѣво мы оставляемъ извѣстное своими прелестными видами озеро Кольсьѐ, у подножія Оре-Скутана, куда отправляются такія же толпы туристовъ, какъ и нà самый Оре-Скутанъ; вправо отъ насъ налитое водами Индаля круглое озеро Литенъ, и на островахъ его—хорошенькія дачи, спрятанныя въ лѣсныхъ холмахъ... Озеро неподвижно какъ зеркало, и глядящіяся въ него горы, островки и голубое небо опрокидываются цѣликомъ въ его прозрачные омуты, отчего они кажутся бездонно-глубокими.

Ерпенъ—не только популярный курортъ для Luftkur'а, но и громадная лѣсопильня. Цѣлый городъ наваленныхъ ярусами досокъ, тесинъ, бревенъ, загромоздилъ его берегъ около двухъ паровыхъ лѣсопильныхъ заводовъ. Нѣсколько товарныхъ поѣздовъ, готовыхъ къ отходу, тоже завалены лѣсомъ; лѣсъ застилаетъ и всю прибрежную часть озера, сбитый въ круглые бревенчатые плоты, скрѣпленные по краямъ. Тутъ настоящій очагъ шведской

лѣсной промышленности. Эмтландъ питаетъ своими неистощимыми горными лѣсами не только всю Швецію, но и Норвегію, и многія чужія страны. Только къ немалому убытку для шведской казны Эмтландъ направляетъ сбытъ своихъ бревенъ и досокъ не въ глухіе шведскіе порты Ботническаго залива, а въ широко всѣмъ открытый океанійскій портъ сосѣдняго Тронгейма, который вообще играетъ роль коммерческой столицы для Эмтланда и другихъ шведскихъ областей, сосѣднихъ съ сѣверной Норвегіей. Цѣлый рядъ мѣстечекъ и желѣзнодорожныхъ станцій, которыя мы проѣзжаемъ за Ерпеномъ,—Мöрсиль, Окке, Матмаръ, Крокомъ,—все это лѣсопильни, ярусы бревенъ и досокъ, плоты лѣса въ водѣ, платформы, полныя лѣса, на рельсахъ. Все теченіе Индаля, вся свѣтлая гладь озера Нельденъ, мимо котораго бѣжитъ дорога, все загромождено плывущимъ лѣсомъ; отъ лѣса тутъ дѣться некуда; кромѣ лѣса тутъ ничего не видишь.

Въ Коркомѣ желѣзная дорога бросаетъ влѣво теченіе Индаль-эльфа и довольно круто сворачиваетъ вправо, почти на югъ, къ Öстерзунду, къ „большому озеру“ Сторсьö. Тутъ уже сплошь потянулась сочная зеленая равнина, напоминающая родную Русь, хотя она орошена и оживлена не по нашему. Мы съѣхали теперь съ хребтовъ, отдѣляющихъ Швецію отъ Норвегіи. Многочисленные красные хуторки крестьянъ разбросаны по зеленой равнинѣ, какъ пучки весеннихъ цвѣтовъ по лугу. Вездѣ удивительный порядокъ, чистота, опрятность. Безконечными зелеными заборами тянутся всюду развѣшанныя по прясламъ копны сѣна, старательно причесанныя и увязанныя, такъ что ни одной былинки не остается на убранныхъ лугахъ. Зелень, цвѣты, лѣски на каждомъ шагу; сколько ни ѣдешь, нигдѣ ни одной пылинки,—гдѣ же еще и дышать утомленнымъ легкимъ, какъ не здѣсь! Кажется, будто цѣлый день ѣдешь по сплошному альпійскому парку. Одна вода кончается, начинается другая; за однимъ красивымъ озеромъ—другое, еще болѣе красивое. Вездѣ встрѣчаешь народъ хорошо одѣтый, здоровый, красивый, исполненный чувства собственнаго достоинства, но вмѣстѣ веселый и привѣтливый. Невольно на этой радостной, утѣшительной сердцу картинѣ чувствуется плодотворное вліяніе свободы и образованія, отсутствія обидной опеки человѣка надъ человѣкомъ во всякой жизненной мелочи. Невольно подумаешь, какую злую услугу оказываютъ своему народу тѣ мнимые охранители его благонравія, которые съ упорствомъ, достойнымъ хорошаго дѣла, силятся охранять чуть не уголовными мѣрами египетскую тьму его невѣжества.

Вотъ и прелестное озеро Сторсьö, капризно изрѣзанное безчисленными заливами, бухточками, полуостровами, мысами, островками.

Городокъ Öстерзундъ—у самаго истока его. Это уже довольно значительный административный и торговый центръ. Какъ разъ противъ него, среди озера, на гористомъ и лѣсистомъ островкѣ—Фрöзо, очень красивое мѣстечко, соединенное съ берегомъ длинною дамбою и двойными желѣзными мостами. Самый Öстерзундъ—чистенькій, новенькій городокъ съ механическимъ заводомъ, пивоварнею, лѣсопильнями. Осмотрѣть его весь не трудно въ какія-нибудь четверть часа. Вдоль берега озера—аллеи для гулянья въ тѣни подстриженныхъ деревьевъ. Мы успѣли даже зайти въ ресторанъ, напиться кофе, пользуясь 20-минутною остановкою. За Öстерзундомъ поѣздъ долго еще бѣжитъ надъ водами Сторсьö, незамѣтно перескакиваетъ потомъ къ такимъ же красивымъ берегамъ озера Локне, а черезъ небольшой промежутокъ времени мы уже въ Пильгримъ-штадѣ, на новомъ хорошенькомъ озерѣ Рефзундѣ. Пильгримъ-штадъ прячется въ лѣсныхъ холмахъ его береговъ. Когда-то, въ далекіе дни католичества, шведскіе богомольцы, отправлявшіеся пѣшкомъ изъ Стокгольма, Упсалы, Фалуна, въ благочестивый походъ къ гробницѣ св. Олафа, покоившейся подъ стрѣльчатыми сводами славнаго тогда по всей Скандинавіи тронтгеймскаго собора, имѣли обычай дѣлать привалъ въ прохладныхъ рощахъ Пильгримъ-штада, на берегу его свѣтлаго озера, чтобы основательно отдохнуть на половинѣ своего длиннаго пути, и запастись силами передъ предстоявшимъ имъ тяжкимъ подъемомъ на горный хребетъ. Имя городка осталось единственнымъ памятникомъ этихъ былыхъ событій. Зеркальная чаша Рефзунда, вдоль которой бѣжитъ желѣзная дорога, то-и-дѣло загораживается живописными декораціями сосенъ и елей громадной высоты, стройныхъ какъ стрѣлы.

Въ поляхъ, раздѣленныхъ косыми изгородями, уже видна рожь и цвѣтущій горохъ; кругомъ какіе-то кусты въ свѣтло-лиловыхъ букетахъ, похожихъ на нашу сирень. Пильни, ярусы лѣса, громадные дымящіеся курганы угля, обсыпанные опилками, цѣлые поѣзда съ досками и тесомъ, воды озера, сплошь застланныя плотами бревенъ, и тутъ на каждомъ шагу, какъ вездѣ въ этой лѣсной и водной области Швеціи. Огромныя паровыя машины для вытаскиванія на сушу сплавного лѣса, словно колоссальныя цапли, удящія рыбу, установлены на лѣсныхъ пристаняхъ.

Станціи Геллö, Стаорре, городокъ Бреке—всѣ на берегу

этого живописнаго полноводнаго озера, которое кажется нынче еще красивѣе и прозрачнѣе отъ румянаго заката, прохватывающаго насквозь и небо, и воздухъ, и воду... Бреке—уже у самой послѣдней южной бухточки Рефзунда. Здѣсь важный узелъ желѣзныхъ дорогъ, потому что кромѣ большой трондгеймо-стокгольмской транзитной линіи, проходящей черезъ Бреке и по которой мы теперь ѣдемъ, отъ Бреке идетъ еще параллельно берегу Ботническаго залива, хотя и довольно далеко отъ него, весьма важная и тоже очень длинная желѣзнодорожная линія на дальній сѣверъ Швеціи, къ Лулео и Гелливарѣ, бросающая въ свою очередь нѣсколько вѣтвей къ главнымъ гаванямъ Ботническаго залива. Между Бреке и Онге мы переѣхали, наконецъ, границу лѣсистаго и гористаго Эмтланда, этой шведской Швейцаріи, главнаго притягательнаго центра приливающихъ сюда лѣтомъ туземныхъ и иностранныхъ туристовъ; въ Онге опять желѣзнодорожный узелъ. Отъ него отдѣляется вѣтвь въ торговый приморскій портъ Зундеваль, стоящій очень недалеко отъ впаденья Индальсъ-эльфа въ Ботническій заливъ. Почему-то всѣ поѣзда, кромѣ курьерскаго, съ которымъ неудобны остановки въ попутныхъ мѣстахъ, ночуютъ въ Онге. Мы тоже должны были заночевать, хотя стокгольмскій скорый поѣздъ отходилъ въ 5 ч. и нужно было не проспать его. За три кроны намъ отвели въ гостинницѣ просторный номеръ съ прекрасными постелями, а за полторы кроны съ человѣка накормили до отвалу вкуснымъ и сытнымъ ужиномъ. Какъ вездѣ на желѣзныхъ дорогахъ Швеціи, и здѣсь передъ вами цѣлая столовая, заставленная всевозможными закусками и горячими блюдами, чаемъ, кофе, пирожнымъ, гдѣ каждый можетъ ѣсть все, что̀ ему угодно и сколько ему угодно; дѣвица за прилавкомъ буфета выдаетъ вамъ коротенькій квиточекъ въ полученіи съ васъ 1½ кроны, мальчикъ у дверей отбираетъ квитки, и—дѣло въ шляпѣ. Никакихъ дозоровъ за вами, счетовъ и разсчетовъ не полагается, хотя потребляющая толпа бываетъ иной разъ во сто и больше человѣкъ.—Поднялись мы въ 4 часа утра, поэтому въ поѣздѣ сейчасъ же завалились спать, занявъ купé съ удобными и широкими подъемными диванами. Проснулся я въ 9 часовъ въ Льюсдалѣ, откуда коротенькая желѣзнодорожная вѣтка въ 60 верстъ идетъ къ гавани Гудикеваля на берегу Ботническаго залива, а наша желѣзная дорога вступаетъ въ долину довольно большой рѣки Льюсне-эльфа и вьется по ней мимо налитыхъ рѣкой озеръ до самаго Килафорса. Отъ Килафорса до берега моря всего 30 верстъ; поэтому онъ тоже соединенъ желѣзною дорогою съ портомъ Сöдергамнъ.

Вообще, умные шведы, протянувъ свои рельсы отъ южной оконечности своей обширной страны далеко на сѣверъ, за полярный кругъ, не пропустили ни одной мало-мальски стоящей вниманія морской пристани, чтобы не бросить къ ней вѣтки отъ своей желѣзнодорожной магистрали. Это такъ оживило торговое и пассажирское движеніе, что недавно еще недоступные глухіе углы Эмтланда, Ангерманланда, Вестерботтена и Лапмаркена стали заваливать своими продуктами гавани Ботническаго залива. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при здѣшней дешевизнѣ лѣса, камня и желѣза и при наличности легко доступныхъ техническихъ силъ, которыми всегда располагаетъ эта широко-просвѣщенная страна, расходы на постройку такой частой желѣзнодорожной сѣти съ избыткомъ окупились могучимъ ростомъ торговли, промышленности и сельскаго хозяйства, вызваннымъ сравнительною легкостью сообщеній. Это плодотворное вліяніе желѣзныхъ дорогъ наглядно видно и на всемъ окрестномъ пейзажѣ. Мы все время ѣдемъ однимъ сплошнымъ домовитымъ деревенскимъ хозяйствомъ: тутъ уже не отдѣльно разбросанные домики, а цѣлыя деревеньки. И все прекрасно построенные, на-свѣжо окрашенные двухъ-и трехъ-этажные дома, подъ опрятною черепицею, красные съ ногъ до головы, въ которыхъ съ удобствомъ можетъ жить всякій интеллигентный человѣкъ. Около каждаго жилого дома—цѣлая группа такихъ же основательно выстроенныхъ и прочно покрашенныхъ просторныхъ сараевъ и амбаровъ,—хозяйственныя службы фермера. Двадцать лѣтъ тому назадъ, до желѣзныхъ дорогъ, до открытія сбыта лѣса въ морскія пристани, ничего этого здѣсь не было, а видны были только ветхія избы подъ земляными кровлями. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ насъ господинъ Іоннесъ Альгренъ, инженеръ путей сообщенія изъ Стокгольма, строившій въ 1878 г. эту самую дорогу, съ которымъ мы познакомились въ вагонѣ. По его словамъ, желѣзная дорога дала огромный заработокъ всѣмъ классамъ здѣшняго населенія, купцамъ, подрядчикамъ, служащимъ, заводчикамъ и рабочимъ. Крестьянъ здѣшнихъ нельзя, по его мнѣнію, назвать богатыми, но они заботливо поддерживаютъ въ порядкѣ свои усадьбы, и изъ самолюбія, и ради кредита. Они почти поголовно грамотны,—неграмотнаго можно развѣ сыскать, и то не безъ труда, среди глубокихъ стариковъ, жившихъ еще при прежнихъ порядкахъ. А дѣти школьнаго возраста грамотны всѣ безъ исключенія, потому что школа у шведовъ въ извѣстномъ возрастѣ обязательна, и обученье производится даромъ. Государство тратитъ на народное образованіе болѣе 20 милліоновъ марокъ. Образованіе же, въ свою очередь,

подняло сельское хозяйство, уничтоживъ старые предразсудки крестьянъ противъ машинъ и разныхъ усовершенствованій. Мы то-и-дѣло видимъ на поляхъ конныя грабли, плуги, сѣялки, длинныя, кованныя желѣзомъ повозки для сѣна; въ садикахъ всякія фруктовыя деревья; экипажи, лошади, одежда здѣшнихъ крестьянъ поражаютъ своимъ приличіемъ и хозяйственной цѣнностью. Вообще, отъ всей окрестной страны получается полное впечатлѣніе зажиточности, довольства, прочно установившихся хозяйственныхъ порядковъ; Швеція, очевидно, много населеннѣе и привольнѣе Норвегіи, а провинція Гельзингландъ, которую мы теперь проѣзжаемъ, можетъ по справедливости назваться житницею Швеціи. Особенно утѣшительно видѣть здѣсь совсѣмъ непривычное для насъ, русскихъ, свободное обращеніе крестьянина съ телеграфомъ, телефономъ, почтою, желѣзною дорогою и всѣми вообще учрежденіями современной цивилизаціи, вселяющими до сихъ поръ въ настоящаго деревенскаго русскаго мужика чуть не мистическій ужасъ. Здѣсь самый послѣдній поденщикъ читаетъ, пишетъ, получаетъ и посылаетъ телеграммы, телефонируетъ куда и кому ему нужно, интересуется политическими и экономическими новостями, газетою, хотя бы мѣстною; каждый ѣздитъ въ экипажѣ, умывается и одѣвается по условіямъ мѣстнаго приличія, а не ходитъ въ грязи и лохмотьяхъ. Сегодня онъ кучеръ, вы нанимаете у него лошадь; а завтра онъ— такой же пассажиръ, какъ и вы, самъ нанимаетъ лошадь у другого человѣка, и садится съ вами за столъ въ этой же гостинницѣ, гдѣ останавливаетесь и вы.

На поляхъ рожь только-что начинаетъ колоситься, несмотря на конецъ іюля, а овесъ и другіе хлѣба еще не выметывали и колоса. Сѣно только-что убираютъ. Но и хлѣба, и сѣно, отлично уродившіеся, густые, какъ шуба, пропадаютъ отъ постоянныхъ ливней, которые прибиваютъ ихъ къ землѣ и не даютъ подняться и дозрѣть на солнцѣ.

Канавки, проведенныя вездѣ по полямъ, полны воды и не помогаютъ бѣдѣ. На вокзалахъ продаются уже лѣсная земляника, вишни и сливы въ крошечныхъ пакетикахъ. Начинаютъ попадаться проѣзжіе въ легкихъ лѣтнихъ платьяхъ, и даже голые мальчики барахтаются въ рѣчкѣ. Словомъ, видно, что это развалъ здѣшняго лѣта, а между тѣмъ такъ мало жара, такъ много еще холодныхъ струй въ воздухѣ.

Поля здѣсь, какъ и въ Финляндіи—въ огромныхъ гранитныхъ камняхъ; мелкіе камни здѣшніе трудолюбивые хозяева давно успѣли повытаскать изъ почвы, а эти эратическія глыбы имъ,

конечно, не подъ силу сдвинуть съ мѣста, и плуги обходятъ ихъ кругомъ. Кромѣ камней, по полямъ торчатъ такіе же сѣрые и частые маленькіе домики для сѣна и тянутся, разумѣется, неизбѣжные здѣсь вездѣ зеленые заборы развѣшаннаго по слегамъ сырого сѣна. А на рѣкѣ и озерахъ, мимо которыхъ мы бѣжимъ, все тѣ же плоты, пильни, склады лѣса... Инженеръ Альгренъ сообщилъ намъ, что здѣшній лѣсъ идетъ почти исключительно въ Англію и Америку, гдѣ хотя и много своихъ лѣсовъ, но только съ дорогими столярными деревьями, а очень мало дешеваго и легкаго лѣса, подобнаго соснѣ или ели.

Между тѣмъ, одна станція за другой пролетали мимо насъ: Больнесъ, Окельбо, Сторвикъ, потомъ Крильбо, которое перекрещиваетъ дорога въ Далекарлію... Поѣздъ летитъ по этой хлѣбной и сѣнокосной равнинѣ изумительно гладко, мягко, безшумно, не встряхнувъ, не толкнувъ ни разу. Ничего похожаго на родныя наши желѣзныя дороги Воронежа, Рязани или Курска, гдѣ кажется, что скачешь черезъ какіе-то пороги или перещупываешь своими ребрами безконечную каменоломню, не слыша собственнаго голоса отъ грохота и лязга расшатанныхъ суставовъ поѣзда, и чуть не откусывая собственный языкъ при каждой попыткѣ разинуть ротъ... Умѣютъ же вотъ люди строить покойныя дороги и покойные вагоны и, навѣрное, не дороже насъ!

Наконецъ-то мы опять въ миломъ Стокгольмѣ, послѣ долгихъ, утомительныхъ скитаній по горамъ и морямъ, сдѣлавъ отъ одного только Трондгейма—конца нашихъ путешествій—854 версты!

II.—Святой городъ Швеціи.

Мы уже хорошо ознакомились съ южною Швеціею, проѣхавъ раньше по каналамъ, рѣкамъ и озерамъ ея отъ Стокгольма до Гётеборга, иначе сказать, отъ Ботническаго залива до Категата.

Прорѣзали мы только-что насквозь сѣверную Швецію отъ самыхъ границъ Норвегіи, по долинамъ Индальсъ-эльфа и Льюсне-эльфа до Стокгольма. Оставалось намъ теперь посѣтить самую сердцевину Швеціи,—сердцевину во всѣхъ смыслахъ, нетолько географическомъ, но и историческомъ, экономическомъ и нравственномъ. Я говорю про Далекарлію, это ядро шведскаго національнаго духа и колыбель шведской независимости, самую

характерную, самую, можно сказать, шведскую изъ всѣхъ областей Швеціи. А по дорогѣ такъ было кстати захватить Упсалу —этотъ своего рода шведскій Кіевъ,—старинный священный центръ не только шведскаго христіанства, но еще и шведскаго язычества, по возрасту своему годный въ дѣдушки Стокгольму, тоже, однако, считающему себѣ подъ семьсотъ лѣтъ...

Въ Упсалу ѣздятъ и пароходомъ, и по желѣзной дорогѣ. Въ сущности ее можно считать одною изъ окрестностей Стокгольма,—до того скоро вы переноситесь въ нее и такъ часто отходятъ къ ней и приходятъ отъ нея поѣзда и пароходы.

Узенькіе рукава озера Мелара протягиваются такъ далеко на сѣверъ, такъ глубоко врѣзаются въ материкъ, что почти достигаютъ Упсалы, которую черезъ это почти можно считать на берегу того же озера Мелара, на которомъ стоитъ и Стокгольмъ, хотя, строго говоря, Упсала только при низовьѣ рѣки Фиризы, впадающей въ Меларъ.

Пароходный путь въ Упсалу значительно дальше, чѣмъ желѣзнодорожный, но зато онъ даетъ возможность кинуть взглядъ на интересныя мѣстности глубочайшей, даже доисторической древности. На правомъ берегу одного изъ сѣверныхъ рукавовъ Мелара до сихъ поръ существуетъ деревня Сигтуна, сохранившая имя знаменитой древней столицы свевскихъ королей, обнесенной когда-то, на шесть миль въ окружности, высокими каменными стѣнами, главныя ворота которыхъ были обиты чистымъ серебромъ. Отъ этого родоначальника Стокгольма,—построеннаго еще въ XI вѣкѣ,—не осталось ничего, кромѣ развалинъ нѣсколькихъ церквей. Но нѣсколько дальше къ сѣверу, на берегу того же залива, вамъ указываютъ мѣсто еще болѣе древней „Старой Сигтуны“ („Forn-Sigtuna“), съ именемъ которой связаны первобытныя преданія и миѳы шведской исторіи.

По разсказамъ Эдды, Оденъ, прозывавшійся также Сигге, главный вождь азовъ, приведшій ихъ въ Скандинавію изъ далекаго Аз-горда скиѳскихъ степей, высадился именно здѣсь и воздвигнулъ въ Си-тунѣ (Sea-town), „морскомъ городѣ“, великій языческій храмъ, объявивъ себя богомъ; по смерти Одена, въ той же Сигтунѣ было сожжено съ большими почестями его тѣло. До Одена скандинавы зарывали трупы, но Оденъ повелѣлъ ихъ сожигать, а пепелъ хранить въ сосудахъ, зарываемыхъ въ могильные курганы. Самъ онъ, будучи на смертномъ одрѣ, приказалъ проколоть себя мечами, чтобы явиться къ богамъ какъ бы убитымъ въ битвѣ. Этотъ, завѣщанный имъ, обычай прокалы-

вать мечами умирающихъ надолго укоренился потомъ въ Швеціи и сильно поддерживалъ воинственный духъ народа.

Сигтуна или Сигтунъ, какъ она названа на монетѣ короля Олафа, основателя второй Сигтуны, пріобрѣла въ древнія времена такую важность, что ея именемъ долго назывались самые жители Швеціи; Птоломей, Страбонъ, Тацитъ называли ихъ седонами и ситонами; позднѣйшіе римскіе авторы упоминали „ситонскихъ исполиновъ, кои Италію разграбили", а въ древнихъ шведскихъ рукописяхъ они именуются „ситами".

По водной дорогѣ въ Упсалу можно также видѣть старинный зàмокъ Шогъ-клостеръ—„лѣсной зàмокъ", котораго четыре башни, крытыя мѣдью, и характерный средневѣковой фасадъ живописно высятся на берегу озера. Это—бывшій католическій монастырь, упраздненный еще Густавомъ Вазою, а впослѣдствіи перешедшій въ частныя руки. Въ настоящее время онъ принадлежитъ извѣстной шведской фамиліи Браге, которая тщательно сохраняетъ въ немъ замѣчательный музей стариннаго оружія и разныхъ рѣдкихъ вещей, большею частью награбленныхъ въ Прагѣ и старыхъ городахъ Германіи шведами Густава-Адольфа во время тридцатилѣтней войны.

Чтобы не упустить случая посѣтить этотъ глубоко-историческій уголокъ озера Мелара, самое лучшее сдѣлать такъ, чтобы проѣхать до Упсалы пароходомъ, а возвратиться по желѣзной дорогѣ, или наоборотъ. По желѣзной дорогѣ до Упсалы доѣзжаешь изъ Стокгольма всего въ полтора часа...

Упсала—это, прежде всего, двѣ грандіозныя башни ея готическаго собора. Откуда бы вы ни подъѣзжали къ этому старому центру духовной жизни шведовъ, отовсюду вы видите еще издалека эти стройныя каменныя стрѣлы, высоко уходящія въ небо, надъ тѣснящимися вокругъ нихъ, словно овцы вокругъ пастуха, группами краснокрышихъ домовъ. Башни собора, да одиноко забравшійся на гору массивный королевскій зàмокъ, когда-то защищавшій древнюю столицу, составляютъ такой характерный видъ, по которому вы сразу отгадаете Упсалу.

Устроившись въ „Stadt-hotel", мы, не теряя времени, отправились пѣшкомъ къ знаменитому собору, осѣняющему своими гигантскими тѣнями чуть не всякую улицу этого небольшого города. На всякомъ шагу вы чувствуете, что Упсала—это собственно соборъ съ своею ближайшею окружностью. Все остальное—только ничего не значащее и никому не интересное прибавленіе къ нему,—неизбѣжная житейская проза, сопровождающая эту воплощенную въ художественныя формы поэзію древ-

ней исторіи Швеціи. „Большое имя—маленькое мѣсто“, невольно вспоминаешь удачную характеристику Упсалы стариннаго нѣмецкаго путешественника. Соборъ стоитъ на гранитной террасѣ, поднимающейся надъ самымъ берегомъ рѣки, и оттого кажется еще выше, виденъ еще дальше. Это—цѣлая площадь, накрытая величественною каменною громадою. Темно-красная кирпичная кладка ея характерно оттѣняется бѣлымъ мраморомъ карнизовъ, колоннъ, порталовъ. Разноцвѣтныя стекла огромныхъ розетокъ одиноко глядятъ сверху, будто горящіе огнями глаза исполина.

Наружная отдѣлка собора проста и суха; тутъ нѣтъ тонкой рѣзьбы и затѣйливыхъ каменныхъ кружевъ какого-нибудь кёльнскаго собора или св. Стефана въ Вѣнѣ. Даже сравнительно съ трондгеймскимъ храмомъ — упсальскій соборъ бѣденъ украшеніями. Но зато общая форма его гораздо стройнѣе, величественнѣе и производитъ болѣе цѣльное впечатлѣніе. Башни въ 400 футовъ высоты, съ своими мѣдью окованными, острыми шпилями, пронзающими голубую высь, придаютъ этой тяжелой архитектурной массѣ какую-то особенную легкость,—словно два воздушныхъ крыла, стремящіяся къ небу...

Собору уже далеко за шестьсотъ лѣтъ. Этьенъ де-Бонёйль, одинъ изъ артистической семьи каменьщиковъ парижской Nôtre-Dame, смиренно именовавшійся въ тѣ смиренныя времена простымъ каменьщикомъ, „tailleur de pierre“, построилъ въ 1287 году этотъ маститый храмъ, по вызову благочестиваго шведскаго короля Магнуса. Магнусъ, сынъ славнаго Биргера-Ярла, одинъ изъ рѣдкихъ любимцевъ своего народа, не даромъ прозванъ былъ крестьянами Магнусомъ „Ладу-лосъ“, что̀, по переводу на русскій, значитъ: „замкнувшій житницы“. Онъ издалъ законъ, воспрещавшій проѣзжимъ благороднаго сословія безплатно брать, во время своихъ путешествій, зерно и сѣно у крестьянъ, что̀ сильно разоряло это сословіе. Старая шведская хроника въ такихъ характерныхъ выраженіяхъ восхваляла этого короля: „Ни одинъ римскій императоръ не могъ бы пожелать для себя болѣе благороднаго названія, какъ „Ladu-loas“, и очень немногіе имѣютъ на него право, такъ какъ имя „Ladu-Brott“—„расхитителя житницы“—гораздо болѣе подходитъ къ большинству правителей“.

Магнусъ въ то же время заботился о духовенствѣ и церкви, какъ ни одинъ изъ королей; онъ основалъ пять монастырей и давалъ большія деньги разнымъ церквамъ Швеціи. Онъ завѣщалъ похоронить себя въ основанномъ имъ францисканскомъ монастырѣ, въ Стокгольмѣ, „въ надеждѣ,—какъ онъ выразился

въ своемъ завѣщаніи,—что память о немъ не исчезнетъ вмѣстѣ съ звукомъ похороннаго колокола".

Упсальскій соборъ сгоралъ не разъ, и послѣ перестройки его въ XVIII-мъ вѣкѣ совершенно было-потерялъ свой первоначальный стиль. Только лѣтъ семь тому назадъ, ему возвращенъ его прежній строго-готическій характеръ. Возобновленіе его обошлось въ цѣлый милліонъ кронъ, которыя были частью отпущены правительствомъ, частью собраны подпискою по всей Швеціи.

Съ трудомъ разыскали мы, вмѣсто отсутствовавшаго „vacktmästare", молодую дочь его, согласившуюся отпереть намъ двери собора. Двѣ старушки-крестьянки, пришедшія откуда-то издалека, безнадежно сидѣвшія въ уголку двора, были особенно обрадованы, что оказалась не ожиданная ими возможность осмотрѣть соборъ.

Три ряда высокихъ стрѣльчатыхъ сводовъ, раздѣленныхъ цѣлыми полчищами свѣтло-сѣрыхъ мраморныхъ колоннъ, тянутся, словно просѣки гигантскаго каменнаго лѣса, черезъ всю длину храма. Они много выше колоннадъ трондгеймскаго собора. И своды, и верхнія части стѣнъ раскрашены свѣтлыми красками въ мелкихъ, не кричащихъ узорахъ, удивительно гармонируя съ сѣро-бѣлымъ тономъ колоннъ; яркая, мастерская живопись разноцвѣтныхъ оконъ тоже льетъ свѣтъ и краски сквозь свои стекла-картины. Общее впечатлѣніе храма—веселое и свѣтлое, мало напоминающее благоговѣйный полусумракъ средневѣковыхъ готическихъ соборовъ, напримѣръ, св. Стефана въ Вѣнѣ, хотя оно и болѣе подходитъ къ жизненному настроенію современнаго христіанства, стремящагося замѣнить безплодное убійство плоти плодотворными трудами братской любви, а суевѣрную тьму—свѣтомъ знанія.

Золоченая рѣзная каѳедра, съ картинами на мѣдныхъ доскахъ, вся въ замысловатыхъ фигурахъ и сложныхъ завиткахъ стиля рококо, громоздкая, ослѣпляющая своей позолотой,—несмотря на мастерство своей работы, пахнетъ кричащею изысканностью XVIII-го вѣка и совсѣмъ не подъ стать скромному тону всей внутренней отдѣлки собора. Гораздо болѣе впечатлѣнія производятъ историческія гробницы, наполняющія этотъ храмъ-некрополь, своего рода пантеонъ шведской славы.

Цѣлое населеніе мраморныхъ и гранитныхъ памятниковъ и гробницъ наполняетъ боковыя галлереи собора. Массивныя мраморныя плиты, покрытыя скульптурными гербами, арматурами, цѣлыми статуями,—висятъ на стѣнахъ и столбахъ, сверкая своими золотыми надписями.

Надъ гробницею Катарины Ягеллоники, жены злополучнаго Іоанна III-го, дочери Сигизмунда польскаго, виситъ воспоминаніе ея родины—видъ стараго города Кракова; надъ гробницею самого Іоанна—видъ стараго Стокгольма. И мраморныя фигуры ихъ тоже покоятся на крышкахъ гробницъ, прямо и строго вытянутыя, благочестиво сложившія на груди каменныя руки. Гробница Густава Вазы,—главная достопримѣчательность собора,—цѣлый грандіозный мавзолей. Громадный мраморный саркофагъ, художественно сработанный въ Голландіи еще въ XVI-мъ вѣкѣ, весь въ золоченыхъ гербахъ, въ медальонахъ изъ разноцвѣтныхъ яшмъ, стоитъ за алтаремъ въ особомъ свѣтломъ придѣлѣ, и во всю длину его протянулся сверху мраморный богатырь въ королевскомъ одѣяніи, плечистый, съ окладистою бородою, съ строго спокойнымъ, умнымъ лицомъ; двѣ вѣрныхъ жены, Катарина Лауэнбургская и Маргарита Левенгауптъ, покоятся по бокамъ его словно на брачной постели; третья, Карина Штенбокъ, похоронена тутъ же подъ поломъ алтаря, у ногъ его. По стѣнамъ—мастерскія фрески Зандберга, изображающія главные моменты жизни Густава, и полный текстъ рѣчи, которую сказалъ Густавъ государственнымъ чинамъ, прощаясь съ ними въ 1560 г.

Среди этихъ историческихъ фресокъ обращаетъ на себя вниманіе знаменитая сцена на сеймѣ въ Вестеросѣ, въ 1527 году, гдѣ Густавъ, возмущенный глухимъ сопротивленіемъ его мѣрамъ со стороны католическаго духовенства и дворянства и самовольствомъ крестьянъ, прочелъ государственнымъ чинамъ цѣлый грозный обвинительный актъ противъ нихъ, и когда епископы и благородные рыцари выразили ему свое неодобреніе, то, выведенный изъ себя, король вскочилъ съ своего трона и разразился противъ нихъ жестокими укоризнами.

„Я не хочу въ такомъ случаѣ оставаться дольше вашимъ королемъ,—вскричалъ онъ.—Если ваши мысли таковы, то нечего удивляться измѣнѣ и недовольству простонародья, которое ругаетъ меня даже за то, что идетъ дождь или грѣетъ солнце тогда, когда этого имъ не нужно. Я вижу, что ваша цѣль—сдѣлаться моими господами и посадить мнѣ на шею монаховъ, поповъ и прочихъ тварей папы. Кто захочетъ быть вашимъ королемъ на такихъ условіяхъ? Ни одна погибшая душа изъ ада кромѣшнаго! Такъ вотъ: возвратите мнѣ то, что̀ я истратилъ изъ своего собственнаго состоянія, и я уйду отъ всѣхъ васъ и никогда больше не вернусь въ мою неблагодарную страну!“

И, зарыдавъ отъ негодованія, Густавъ выбѣжалъ изъ залы сейма.

Угроза его оставить Швецію до того напугала народъ, что крестьяне собрались толпами и громко требовали, чтобы воля Густава была исполнена.

Въ концѣ концовъ и духовенство, и дворянство вынуждены были во всемъ уступить рѣшительной волѣ короля, и съ тѣхъ поръ уже епископы ни разу больше не участвовали на сеймахъ Швеціи...

Остальныя гробницы собора принадлежатъ славнѣйшимъ дворянскимъ фамиліямъ Швеціи — Стуре, Браге, Оксенштирнамъ, Горнамъ, Баннерамъ, — тутъ, можно сказать, похоронена вся ея военная и политическая исторія. Но въ одномъ изъ уголковъ собора погребена и иного рода слава Швеціи, болѣе мирная и плодотворная: скромная плита въ полу прикрываетъ собою прахъ великаго шведскаго естествоиспытателя Карла Ліннея. Здѣсь же на стѣнѣ за рѣшеткою виситъ изукрашенная мраморная доска съ изображеніемъ этого отца ботаники.

Мы осмотрѣли и любопытную ризницу храма, гдѣ хранится много дорогихъ историческихъ предметовъ: короны, скипетры, державы шведскихъ королей, богатыя золотыя чаши, подаренные папою кресты и посохи епископовъ. Корона Густава Вазы, гораздо болѣе похожая на обыкновенный вѣнецъ, поражаетъ своею изумительною простотою.

Самая чтимая святыня упсальскаго собора — серебряная рака святого короля Эрика, окруженная густою золоченою рѣшеткою и помѣщенная высоко за главнымъ престоломъ. А въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ собора мы посѣтили издревле почитаемый шведами колодезь того же святого Эрика; довольно изящная часовенька, увѣнчанная короною, стоитъ надъ этимъ колодцемъ, вода котораго бьетъ изъ гранитной ниши подъ часовнею и сбѣгаетъ шумнымъ ручьемъ въ русло рѣки. Прежде ключъ этотъ струился прямо съ кручи зеленой горы, но теперь склоны горы закованы въ гранитный панцырь. Преданіе увѣряетъ, что ключъ этотъ вытекъ изъ крови замученнаго короля. Св. Эрикъ считается патрономъ Швеціи. Гербъ его вошелъ въ національный флагъ шведскаго государства, а на знамени города Стокгольма и на печати его помѣщается изображеніе святого короля.

Эрикъ былъ современникомъ нашего Андрея Боголюбскаго. Старая шведская сага говоритъ, что у этого короля „на душѣ были три вещи: строить церкви, поддерживать въ народѣ законъ и правду, и бороться съ врагами вѣры и государства“. Поэтому

его прозвали не только Эрикомъ святымъ, но и Эрикомъ „законодавцемъ". Его очень любилъ весь народъ, но особенно любили женщины, такъ какъ онъ далъ имъ многія права, которыхъ онѣ были лишены. Эрикъ построилъ первую христіанскую церковь въ Упсалѣ; до него же культъ Одена держался здѣсь еще съ такой силой, что даже христіане были вынуждены участвовать въ содержаніи капища верховнаго языческаго бога.

Замѣчательно, что Эрикъ по происхожденію своему принадлежалъ къ сословію крестьянъ, или, какъ они назывались прежде у шведовъ,—бондаровъ,—всегда, впрочемъ, бывшихъ свободными и постоянно принимавшихъ дѣятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, почему они и составляли въ свое время особый четвертый парламентъ, рядомъ съ парламентами духовенства, дворянства и горожанъ. Отъ Эрика и пошла династія шведскихъ королей, извѣстная въ исторіи подъ названіемъ: „династіи Бондаровъ", и царствовавшая болѣе ста лѣтъ сряду вплоть до Биргера Ярла, ставшаго родоначальникомъ новой династіи Фолькунгаровъ...

Когда датскій принцъ Магнусъ въ 1160 году напалъ неожиданно на Упсалу, король Эрикъ слушалъ обѣдню въ построенной имъ церкви святой Троицы. Несмотря на убѣжденія своихъ придворныхъ, благочестивый король не хотѣлъ оставить церкви до конца службы, и, только дослушавъ обѣдню, онъ вскочилъ на коня и бросился на датчанъ во главѣ своихъ воиновъ. Въ жестокой сѣчи онъ былъ изрубленъ непріятелями, и эта мученическая смерть увѣнчала святостью въ глазахъ шведскаго народа его добродѣтельную и плодотворную жизнь.

Съ упсальскимъ соборомъ всегда былъ тѣсно связанъ, всегда находился подъ сѣнью не только колоссальныхъ башенъ, но и его нравственнаго вліянія,—пріютившійся въ его ближайшемъ сосѣдствѣ знаменитый упсальскій университетъ,—единственный разсадникъ высшаго образованія для всей сѣверной Швеціи, точно также какъ лундскій университетъ служитъ такимъ же единственнымъ научнымъ центромъ для южныхъ областей государства. Упсальскій университетъ—одинъ изъ самыхъ старыхъ въ Европѣ, и въ 1877 г. уже торжественно отпраздновалъ свой четырехсотлѣтній юбилей. Основалъ его Стэнъ Стуре, но онъ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ главнымъ образомъ Густаву Адольфу, щедро обезпечившему его средствами: Густавъ подарилъ ему, между прочимъ, доходъ съ 20.000 крестьянскихъ дворовъ. Старое зда-

ніе университета, такъ называемое Gustavianum—съ его громаднымъ чернымъ шаромъ и чернымъ желѣзнымъ павильономъ наверху,—неуклюжее, некрасивое, но очень характерное,—сейчасъ же противъ западныхъ дверей собора. Теперь оно занято зоологическимъ институтомъ, а самый университетъ забрался своими великолѣпными новыми палатами высоко на гору, лицомъ къ лицу съ старымъ, спрятаннымъ внизу Густавіанумомъ,—гдѣ и служитъ теперь лучшимъ украшеніемъ и одною изъ главныхъ привлекательностей Упсалы. Хорошенькій садикъ, полный зелени и цвѣтниковъ, разбитый у подножія горы, отдѣляетъ его отъ Густавіанума. По срединѣ сада—памятникъ историку-поэту Гейеру, пѣвцу древняго язычества Упсалы. Новое зданіе университета тоже среди прекрасныхъ аллей и газоновъ. Съ вершины его террасы превосходный видъ на соборъ, на весь городъ, на окрестности. Имена знаменитыхъ шведскихъ ученыхъ и аллегорическія статуи четырехъ факультетовъ украшаютъ снаружи это изящное зданіе, отдѣланное съ большимъ вкусомъ сырымъ песчаникомъ и полированнымъ гранитомъ. Постройка окончена всего только въ 1886 году и еще сверкаетъ новизною.

Первый разъ въ жизни мнѣ приходится входить въ такой по истинѣ великолѣпный „храмъ науки", достойный имени храма не въ одномъ переносномъ смыслѣ. У насъ только дворцы да музеи украшаются съ такимъ богатствомъ и роскошью. Входная зала, то, что̀ нѣмцы выразительно называютъ „Treppenhaus", уже сама—музей своего рода. Во всѣ стороны поднимаются широкія лѣстницы зеленаго мрамора изъ ломокъ Восточнаго Готланда; на галлереяхъ—цѣлое населеніе бѣлыхъ статуй, а внизу, по сторонамъ главнаго входа сурово смотрятъ на васъ колоссальные мраморные боги древней Скандинавіи, Оденъ, Торъ, Бальдуръ... Оденъ—въ одеждѣ норманскаго витязя, въ шлемѣ и со щитомъ, какимъ онъ нѣкогда высадился на берегу Мелара во главѣ своихъ азовъ, Торъ—совсѣмъ нагой богатырь, съ топоромъ на плечѣ, съ свирѣпымъ выраженіемъ истиннаго сына Скандинавіи...

Вы входите дальше въ „аулу"—залу торжественныхъ засѣданій университета, его ученыхъ, литературныхъ и музыкальныхъ собраній,—и видите себя среди древне-греческаго театра. Голубой съ золотомъ куполъ, полный удивительнаго вкуса, вѣнчаетъ сверху залу; скамьи дорогого полированнаго дерева, на которыхъ помѣщается 2.000 человѣкъ, идутъ амфитеатромъ кругомъ изящной ниши, назначенной для диспута профессоровъ, для рѣчей и концертовъ. На стѣнахъ—мраморныя статуи Демосѳена и Софокла. Кругомъ стѣнъ—галлерея для публики... Каждый фа-

культетъ имѣетъ, кромѣ того, особую залу для своихъ засѣданій, обставленную съ большою заботливостью; массивныя кресла черного дерева, обитыя дорогою кожею, стоятъ кругомъ длинныхъ столовъ, покрытыхъ тоже чернымъ; на стѣнахъ множество прекрасныхъ портретовъ бывшихъ профессоровъ и извѣстныхъ ученыхъ. Въ отдѣльной „канцлерской" комнатѣ, украшенной артистически-сдѣланными печами въ древнемъ стилѣ и портретами бывшихъ канцлеровъ, намъ показали историческую и художественную драгоцѣнность упсальскаго университета—хранящійся подъ стекляннымъ футляромъ чудный секретèръ, поднесенный Густаву Адольфу городомъ Аугсбургомъ, сработанный его мастерами, весь изъ тончайшей мозаики и чернаго дерева, усѣяннаго драгоцѣнными камнями, среди которыхъ съ необыкновеннымъ искусствомъ и вкусомъ врѣзаны изящныя миніатюры на слоновой кости, изображающія сцены Библіи и Евангелія.

Комната университетскаго сената—настоящій тронный залъ: rector magnificus возсѣдаетъ здѣсь на престолѣ своего рода, подъ царственнымъ балдахиномъ, а передъ трономъ его тянется громадный столъ съ величественными сидѣньями для профессоровъ, членовъ сената; на спинкѣ каждаго кресла—именной ярлычокъ подъ стекломъ... Со стѣнъ внушительно глядятъ короли и другіе высокіе покровители университета. Послѣ длиннаго ряда этихъ торжественныхъ палатъ, простыя, хотя и обширныя аудиторіи студентовъ съ ихъ ступенчатыми горами все выше и выше поднимающихся партъ, съ массою газовыхъ лампъ въ каждомъ углу,—не представляютъ особаго интереса. Но когда вы покидаете университетъ, то чувствуете, что посѣтили истинный храмъ науки, гдѣ знаніе и талантъ дѣйствительно составляютъ предметъ всеобщаго культа, гдѣ съ глубокимъ уваженіемъ и вниманіемъ относятся къ потребностямъ юношества, посвящающаго себя наукѣ. Оттого, можетъ быть, все такъ умно и удобно устроено въ жизни шведовъ, что всякій изъ нихъ высоко цѣнитъ серьезное знаніе, вѣритъ ему, смотритъ на него не какъ на опаснаго врага или подозрительнаго заговорщика, а какъ на драгоцѣннѣйшее сокровище народа.

Профессора въ Швеціи поставлены прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ,—все это люди хорошо обезпеченные и пользующіеся большимъ уваженіемъ. Странно даже вспомнить, что было время, когда профессоръ того же упсальскаго университета долженъ былъ, чтобы не умереть отъ голода, дополнять свое нищенское вознагражденіе починкою часовъ, рѣзьбою печатей и даже проводами умершихъ въ качествѣ факельщиковъ, получая за это отъ

богатыхъ горожанъ по 12 ё̈ръ, какъ это случалось, напр., съ извѣстнымъ ученымъ Буреусомъ, секретаремъ упсальскаго университета.

Упсальское студенчество,—эти „бѣлыя фуражки", какъ называютъ ихъ здѣсь въ просторѣчіи,—устроилось очень своеобразно. Все оно раздѣляется на 13 „націй",—число не совсѣмъ счастливое,—по мѣстностямъ, изъ которыхъ поступаютъ студенты. Есть, напр., нація стокгольмская, эмтландская, далекарлійская и т. п. Каждая нація имѣетъ большею частью свой собственный домъ, пожертвованный какимъ-нибудь разбогатѣвшимъ бывшимъ членомъ націи, свои собранія, свою кассу, своихъ выборныхъ чиновъ всякаго рода и свой совѣтъ, распоряжающійся дѣлами націи подъ дружественнымъ и чисто семейнымъ руководствомъ какого-нибудь популярнаго профессора изъ бывшихъ питомцевъ той же націи.

Связь студентовъ одного и того же факультета или курса совершенно ничтожна, сравнительно съ связями землячества. Даже люди старые, давнымъ давно покончившіе съ университетомъ, продолжаютъ считать себя членами своей націи и встрѣчаются студентами-земляками какъ товарищи, участвуя во всемъ на равныхъ съ ними правахъ.

Эта „старая гвардія", какъ ее называютъ студенты, очень часто принимаетъ участіе въ большихъ университетскихъ празднествахъ, которыя устроиваются ежегодно въ память нѣкоторыхъ важныхъ событій шведской исторіи, какъ, напр., въ день рожденія Густава Вазы, въ дни смерти Густава Адольфа и Карла XII-го, въ годовщину основанія университета и т. п.

Упсальскіе студенты съ особеннымъ увлеченіемъ предаются музыкѣ и пѣнію, составляя изъ себя пѣвческіе общественные кружки,—и къ этимъ-то пѣвческимъ хорамъ ихъ охотнѣе всего присоединяются ихъ старые земляки.

„Націи", впрочемъ, могутъ принимать въ свою среду, конечно, по баллотировкѣ, и студентовъ изъ другихъ мѣстностей, признавая за ними, такъ сказать, права гражданства своей націи, но въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ землячества бываютъ очень строги. Сöдермаландская нація, напримѣръ, преспокойно забаллотировала въ почетные члены свои принца Евгенія, сына царствующаго короля Оскара, которому очень хотѣлось сблизить этимъ способомъ свою семью съ учащеюся молодежью. Дворъ былъ сильно недоволенъ поступкомъ студентовъ, но, послѣ разныхъ дипломатическихъ хлопотъ, другая нація согласилась избрать принца въ свои почетные члены.

Въ баллотировкѣ и вообще въ обсужденіи дѣлъ націи участвуютъ, однако, не всѣ студенты; новички—juniores—лишены этого права, пока они не станутъ recentiores; но главную руководящую роль играютъ „старики"—seniores—студенты старшихъ курсовъ, авторитетные и опытные ораторы землеческихъ собраній. Они относятся къ новичкамъ очень безцеремонно и, подобно старшимъ студентамъ англійскихъ коллегій, заставляютъ подчасъ своихъ земляковъ-новобранцевъ просто-на́-просто служить себѣ.

Выборы и совѣщанія „націй" всегда происходятъ вокругъ столовъ, за кружками пунша. Пьютъ упсальскіе студенты, къ сожалѣнію, слишкомъ много, также какъ слишкомъ много пьетъ вообще весь шведскій народъ. И, конечно, было бы неизмѣримо лучше и для нихъ самихъ, и для науки, которой они служатъ, еслибы эти возліянія приняли болѣе скромный характеръ.

Шведское государство такъ заботится о своей учащейся молодежи, что избавляетъ студентовъ Упсалы отъ всякой платы за что бы то ни было; здѣшній студентъ получаетъ все даромъ отъ университета, заплативъ только одинъ разъ за вступительный матрикулъ 10 кронъ, т.-е. немного болѣе 5-ти рублей. При этомъ замѣчательно, что такой практическій народъ, какъ шведы, гораздо меньше идутъ на факультеты прикладныхъ знаній, подобные медицинскому и юридическому, чѣмъ на факультетъ философскій, который, впрочемъ, заключаетъ въ себѣ, кромѣ филологическаго отдѣленія, еще и отдѣленіе естественныхъ наукъ.

Такъ, напр., изъ общаго числа 1.484 студента въ 1877 г. на философскомъ факультетѣ было 794 студента, на медицинскомъ 180, на юридическомъ только 120 (остальные—на богословскомъ). Въ 1895 г. изъ 1.380 студентовъ на философскомъ было 640, на юридическомъ—352, на медицинскомъ—147 и т. д.

III.—На могилахъ Одена и Тора.

Быть въ Упсалѣ и не заглянуть въ ея библіотеку, не увидать знаменитой во всемъ мірѣ библіи Ульфилы,—было бы непростительно. Покончивъ съ университетомъ, мы отправились поэтому въ недалеко стоящее отъ него зданіе библіотеки,—„Karolina Rediviva", какъ называется она теперь по тому случаю, что была передѣлана, уже болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, изъ Academia Carolina, основанной королемъ Карломъ IX-мъ. Огромный домъ „Karolina Rediviva" стоитъ почти на самомъ возвышен-

номъ мѣстѣ города, въ концѣ „улицы Королевы“, прямо надъ зелеными садами и бульварами. Хотя, по случаю передѣлокъ, верхнія залы ея, назначенныя для читателей, были заперты, но зато можно было осмотрѣть главную сокровищницу ея книжныхъ рѣдкостей,—что одно собственно и интересовало насъ. Драгоцѣнныя рукописи и изданія хранятся подъ ключами въ витринахъ и вынимаются оттуда библіотекаремъ съ благоговѣйной осторожностью, словно Святые Дары. Библія перваго готскаго епископа Ульфилы, написанная въ IV вѣкѣ на готскомъ нарѣчіи, единственный дошедшій до насъ письменный памятникъ этого народа, единственный источникъ для знакомства съ былымъ языкомъ готовъ, кровнымъ родственникомъ нѣмецкаго языка. Книга эта называется „Серебрянымъ кодексомъ“—„Codex argenteus“—потому что, во-первыхъ, написана съ большимъ искусствомъ серебряными буквами по красному пергаменту, а, во-вторыхъ, переплетена въ серебряный окладъ, какъ Евангелія въ нашихъ церквахъ; буквы, однако, сильно потемнѣли и потускнѣли въ теченіе шестнадцати съ половиною вѣковъ. Но и помимо этого безцѣннаго археологическаго сокровища, въ упсальскомъ книгохранилищѣ множество другихъ рѣдкостей, единственныхъ въ своемъ родѣ. Тутъ и первые опыты печатныхъ книгъ, и такія изумительно-отчетливыя и изящныя рукописи, которыя пристыдятъ самую искусную печать, между прочимъ карманная рукопись Библіи изъ среднихъ вѣковъ, написанная такимъ мелкимъ и безупречнымъ почеркомъ, какимъ въ нашихъ ассигнаціяхъ печатаются извлеченія изъ законовъ; тутъ множество книгъ и рукописей, принадлежавшихъ знаменитымъ историческимъ личностямъ, автографы Густава Вазы, Густава Адольфа, Карла XII-го, Гёте, Вольтера, Шиллера, Екатерины II-й, Фридриха II-го, подлинныя тетради Линнея, Берцеліуса и др. ученыхъ; старинныя миніатюры XIV и XV-го вѣковъ, эѳіопскія, индусскія, тибетскія, китайскія и всякія другія писанія, на пальмовыхъ листахъ и на папирусѣ, на кожѣ и на пергаментѣ...

Старый зàмокъ шведскихъ королей, построенный еще Густавомъ Вазою, обращенный теперь въ домъ упсальскаго губернатора,—настоящая крѣпость; двѣ громадныя круглыя башни фланкируютъ эту массу каменныхъ стѣнъ, способныхъ вмѣстить въ себя населеніе цѣлаго порядочнаго города,—и высоко господствуютъ надъ Упсалой, которую въ былыя времена насилія и усобицъ приходилось держать подъ своею властью тому, кто

сидѣлъ выше и запирался крѣпче, чѣмъ другіе. Теперь, когда миновали эти темные вѣка и люди перестали жить для благополучія одного своего владыки, стало уже трудно поддерживать эти безполезныя твердыни, и они приходятъ въ невольный упадокъ. Съ террасы зàмка самый широкій и самый эффектный видъ на Упсалу.

За зàмкомъ въ обѣ стороны по всей высотѣ и по всѣмъ склонамъ горы сейчасъ же начинаются нескончаемые сады и парки, составляющіе красу и отраду этого древняго города. Сады вокругъ дома умалишенныхъ, сады кругомъ школы садоводства, садъ ботаническій, паркъ Каролины и цѣлый рядъ тѣнистыхъ прогулокъ, которыми можно спуститься съ высоты въ улицы города. Мы цѣлый день бродили по этимъ садамъ, отдыхали въ нихъ, наслаждались ими. Ботаническій садъ особенно заинтересовалъ насъ своимъ образцовымъ устройствомъ: широкія какъ площади, великолѣпныя аллеи изъ старыхъ, тѣнистыхъ деревьевъ прорѣзаютъ его во всѣхъ направленіяхъ; весь садъ раздѣленъ,—словно огромный домъ на комнаты,—на поляны, обнесенныя вмѣсто забора непроницаемою чащею низко подстриженнаго ельника, сквозь который продѣланы, какъ въ стѣнахъ, входы и выходы. На каждой такой полянѣ вырощено отдѣльное ботаническое семейство по системѣ Линнея, на одной—сложноцвѣтныя, на другой—бобовыя, на третьей—зонтичныя и т. д.; притомъ каждый родъ и видъ имѣетъ свое обособленное помѣщеніе, такъ что, гуляя здѣсь, можно изучать классификацію растеній.

Въ общемъ, садъ представляетъ безконечный лабиринтъ зеленыхъ изгородей, между которыми приходится вертѣться то въ ту, то въ другую сторону, отыскивая входы и выходы, и по очереди проникая во всѣ его оригинальныя камеры.

Тутъ же, въ саду, и ботаническая аудиторія съ бюстомъ Линнея, основателя и этого сада, и самой науки—ботаники.

Хорошъ тоже и паркъ Каролины, съ его столѣтними деревьями и прелестными газонами, съ разбросанными въ его тѣни руническими камнями и памятникомъ Бернадотта по срединѣ чащи.

Спускаясь съ этой горы садовъ, мимо библіотеки, назадъ, къ собору, мы натолкнулись на грубо сложенную изъ кирпичей церковь съ прозаическою четырехугольною башнею готическаго стиля, которая оказалась самою древнею церковью Упсалы и, можетъ быть, цѣлой Швеціи. Церковь эта издревле принадлежитъ обществу мѣстныхъ крестьянъ и такъ и называется до сихъ

поръ „крестьянская церковь“ (Bondkyrka). Построена она гораздо ранѣе знаменитаго упсальскаго собора, даже ранѣе очень древней церкви, которую мы потомъ видѣли въ Гамла-Упсалѣ. Тутъ же рядомъ, въ садикѣ Одена (Odins-Lund), очень скромный обелискъ Густаву-Адольфу, воздвигнутый ему королемъ Бернадоттомъ.

Какъ ни велика древность Упсалы, но все-таки это еще не самая древняя Упсала. Неподалеку же отъ нея, верстахъ въ четырехъ, до сихъ поръ существуетъ, на мѣстѣ прежней языческой столицы Швеціи, деревня Гамла-Упсала, по-русски—„старая Упсала“.

Упсала новая, называвшаяся прежде Östra-Aros, служила только своего рода торговою пристанью и рынкомъ Старой Упсалы въ далекіе вѣка, когда въ ней пребывали языческіе короли Швеціи.

Съ высоты зàмка, даже съ террасы университета, Гамла-Упсала видна хорошо, точно такъ же, какъ видно „королевское поле“, на которомъ собирался нѣкогда шведскій народъ для избранія своего короля. Въ одномъ изъ домиковъ этого поля, недалеко отъ Линнеевой дачи Гаммарбю, благоговѣйно посѣщаемой любителями ботаники, хранятся историческіе камни „мора-стенаръ“, стоя на которыхъ, старые короли, по избраніи ихъ, присягали въ вѣрности своему народу.

Старшины народа, съ своей стороны, клялись именемъ своего народа, что останутся вѣрны избранному королю до самой смерти.

„Если ты будешь добрый король, то да продлитъ Господь твою жизнь!“—съ наивной откровенностью прибавляли они въ концѣ своей клятвы.

Имя новоизбраннаго короля вырѣзалось, затѣмъ, на мора-стенарѣ; то-есть, на томъ самомъ камнѣ, на которомъ онъ приносилъ всенародную присягу, и эти мора-стенары хранились какъ народныя святыни и какъ историческіе документы своего рода.

За парную коляску въ Гамла-Упсалу взяли съ насъ, туда и назадъ, только три кроны. Дорога идетъ все время ровными полями, рядомъ съ желѣзною дорогою отъ Упсалы въ торговый приморскій портъ Гефле. Въ Гамла-Упсалѣ—первая станція этой дороги.

Издали Гамла-Упсала кажется кучкою холмовъ, оброспшихъ деревьями, среди которыхъ вырѣзается крутая, темная кровля старой церкви. Но когда въѣзжаешь въ поселокъ, то холмы ока-

зываются совсѣмъ голыми курганами, а за ними, въ тѣни большихъ деревьевъ прячется маленькая деревенька съ своимъ храмомъ. Строго говоря, это и не деревня, а три-четыре домика — пастора и нѣсколькихъ крестьянъ. Церковь Гамла-Упсалы—одна изъ старѣйшихъ въ Скандинавіи и, какъ думаютъ шведскіе археологи, построена была на развалинахъ языческаго капища. Теперешнее зданіе—двѣнадцатаго вѣка, а алтарь передѣланъ еще позднѣе. Но слѣды первобытной, чуть не циклопической кладки хорошо видны на громадныхъ камняхъ основанія храма. На одномъ изъ нихъ съ безхитростной грубостью древнихъ вѣковъ высѣченъ крестъ, придавившій змія,—что̀ наглядно говоритъ о далекой эпохѣ борьбы христіанства съ язычествомъ и торжества надъ нимъ. Да и всѣ стѣны храма сложены изъ необдѣланнаго еще дикаго камня.

Самая форма храма переноситъ воображеніе въ темную древность: огромная, неуклюжая башня-домъ съ крутымъ шатромъ крыши въ два ската; къ ней сзади прилѣплена другая такая же постройка пониже, а къ этой—третья, еще ниже, въ видѣ ступеней лѣстницы. Сбоку, гдѣ входъ, еще такая же пристройка.

Неожиданно прорвавшійся ливень съ громомъ и молніею, посѣщающій Швецію гораздо чаще, чѣмъ ясная погода, загналъ насъ внутрь церкви, которую намъ, по счастью, отомкнулъ сторожъ, появившійся такъ же внезапно, какъ и дождь, но гораздо болѣе кстати для насъ. Волей-неволей пришлось сдѣлать, въ ожиданіи, пока кончится дождь, самый подробный обзоръ древняго храма. Онъ таки-порядочно пустъ и голъ для такой археологической рѣдкости. Должно быть, все, что̀ было поинтереснѣе, порастаскано въ музеи. Могильныя плиты въ полу поминаютъ, большею частью, имена былыхъ настоятелей церкви; особенно часто поминается имя Цельзія. Одинъ изъ нихъ, судя по надписи, былъ главнымъ пасторомъ храма и вмѣстѣ профессоромъ. Очень можетъ быть, что это—извѣстный физикъ Цельзій, изобрѣтатель термометра и другъ Линнея, который былъ уроженецъ Упсалы и умеръ въ ней. Ему же вдѣлана памятная доска въ стѣнѣ храма. Въ сакристіи—интересный древній сундукъ циклопическаго вида, сплошь окованный толстыми желѣзными шинами и вдѣланный въ массивный камень пола; эта своеобразная касса, нѣкогда хранившая церковныя сокровища, носитъ на себѣ нѣсколько боевыхъ ранъ отъ ударовъ лома, которымъ тщетно пытались приподнять тяжелую крышку, запертую огромными внутренними замками. Другое, повидимому еще болѣе древ-

нее хранилище казны церковной стоитъ въ самой церкви; это—громадный улей своего рода, выдолбленный изъ толстѣйшаго дуба, обхвата въ два, также основательно окованный мощными желѣзными полосами и прикрытый такою же сплошь окованною тяжелою крышкою. Обѣ эти не особенно изящныя вещицы пахнутъ по истинѣ младенческой стариною.

Интересно также деревянное средневѣковое кресло-диванчикъ, раскрашенное грубо пестрыми красками, съ точеными рѣшеточками спинки и ножекъ,—на которомъ обыкновенно вѣнчали рядомъ сидящихъ молодыхъ. Но меня еще больше, чѣмъ эта старая церковь, заняла отдѣльно стоящая колоколенка ея. Такихъ типическихъ древнихъ колоколенъ остается уже немного въ Швеціи и Норвегіи.

Общій видъ ея—сѣрая ступенчатая пирамида. Нижній темный ярусъ покрытъ высокимъ шатромъ крыши изъ темно-сѣрыхъ грифельныхъ черепицъ; на усѣченной пирамидѣ этой крыши—еще маленькій этажикъ съ квадратными оконцами, припертыми изнутри ставнями; надъ этимъ верхнимъ этажикомъ—острая пирамида также черно-грифельной крыши; съ боковъ вышку подпираютъ огромныя бревна, укрытыя на всемъ своемъ протяженіи черепичнымъ футляромъ, такъ что они словно спрятаны въ трубѣ своего рода. Оригинально до крайности и носитъ на себѣ печать несомнѣнно сѣдой древности...

Но, разумѣется, гораздо древнѣе всѣхъ этихъ христіанскихъ древностей тѣ знаменитые три „королевскіе кургана", на которые мы забрались, наконецъ, послѣ того какъ прошумѣлъ и ушелъ дальше не совсѣмъ для насъ умѣстный дождь. Курганы эти такъ велики, что ихъ можно принять за природные холмы, но они несомнѣнно насыпанные, и сдѣланныя въ нихъ раскопки подтвердили вѣковѣчное преданіе, что это—могильныя насыпи. Древнія саги считаютъ ихъ могилами трехъ славныхъ боговъ Скандинавіи — Одена, Тора и Фрейра. Они-то и сообщали издревле Гамла-Упсалѣ священное значеніе въ глазахъ народа. Тамъ, гдѣ пребывали такія языческія святыни, само собою разумѣется, былъ и главный центръ религіи Одена. А такъ какъ первые короли свевовъ были въ то же время и верховными жрецами Одена, то около этихъ священныхъ кургановъ естественнымъ образомъ угнѣздилась и столица старыхъ языческихъ королей. Только въ XIII вѣкѣ (въ 1276 году) шведскіе короли переселились изъ Гамла-Упсалы въ Стокгольмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ архіепископы—примасы Швеціи—въ новую Упсалу.

Неудивительно поэтому, что избраніе королей на царство и

ихъ народная присяга на мора-стенѣ въ теченіе долгихъ вѣковъ происходила на полѣ, примыкающемъ къ этой забытой теперь деревушкѣ, и что черезъ дорожку отъ могилъ скандинавскихъ боговъ, въ той же Гамла-Упсалѣ до сихъ поръ высится маленькій холмъ, прозываемый „тингсъ-гöгъ", на который мы тоже всходили, и съ котораго въ былыя времена короли держали рѣчи собиравшемуся вокругъ нихъ народу.

Муставъ Ваза былъ послѣдній король, который всходилъ съ этою цѣлью на плоскую вершину тингсъ-гöга. На немъ уцѣлѣлъ еще и гранитный камень, служившій подножіемъ царственнымъ ораторамъ. Тутъ же, около тингсъ-гöга,—усадьба крестьянина, къ которому туристы обыкновенно заходятъ, чтобы выпить меду изъ стариннаго рога. Безъ сомнѣнія, это тоже пережитокъ еще языческаго народнаго обычая, когда собиравшіеся на праздники своихъ боговъ свевы опорожняли въ ихъ честь рога съ медомъ и брагою...

Курганъ Одена не менѣе десяти саженъ въ вышину и не менѣе тридцати въ ширину, да и другіе два—приблизительно такіе же. Наверху они присыпаны хрящомъ, по склонамъ обросли густою травою. Всѣ три кургана были въ разное время раскопаны.

Въ курганѣ Одена сдѣланъ былъ еще въ 1846 г. туннель сбоку, не касаясь вершины его. Подъ слоями песку и голышей была откопана урна, полная жженыхъ костей, и нѣкоторыя старинныя вещи, хранящіяся теперь въ Національномъ музеѣ Стокгольма, гдѣ мы ихъ и видѣли.

Урна съ костями оставлена была одиноко на своемъ мѣстѣ и туннель опять засыпанъ. Два другіе кургана раскопаны были лѣтъ тридцать позднѣе и оказались одинаковаго содержанія, какъ и могила Одена.

Въ языческія времена недалеко отъ „могилъ боговъ" высилось знаменитое во всей Скандинавіи капище бога Фрейра, того самаго, имени котораго посвященъ послѣдній курганъ. Фрейръ почитался богомъ свѣта и пользовался особеннымъ уваженіемъ скандинавовъ; это довольно понятно для всякаго, кто нѣкоторое время пожилъ въ Швеціи или Норвегіи, и убѣдился собственнымъ опытомъ, какъ рѣдокъ и какъ дорогъ для здѣшняго жителя солнечный свѣтъ и ясный день.

Золотой идолъ Фрейра, хранившійся въ упсальскомъ капищѣ, въ извѣстное время вывозился жрецами на торжественной колесницѣ и объѣзжалъ всѣ области шведовъ, собирая богатыя жертвы въ пользу храма.

Торъ, грозный богъ грома и молній, дарователь дождей, былъ другимъ популярнымъ богомъ шведскаго народа, особенно крестьянъ, для которыхъ благополучная жатва или сѣнокосъ составляли главный интересъ жизни. Напротивъ того, благородные витязи, жившіе боевою добычею, старинные викинги съ своими дружинами, считали верховнымъ владыкою міра Одена, бога побѣдъ, а раньше—„простого бога вѣтровъ", угощавшаго въ роскошныхъ чертогахъ Валгаллы пирами, охотами и богатырскими поединками храбрыхъ воиновъ, павшихъ на полѣ битвы.

Главный центръ язычества, основавшійся въ старой Упсалѣ, невольно сдѣлалъ эту мѣстность и естественнымъ центромъ государства. По разсказамъ древнихъ сагъ, когда Оденъ (или Сигге), вождь азовъ, пришедшихъ изъ Скиѳіи, основалъ Сигтуну на берегу озера Мелара и построилъ тамъ свой первый храмъ, то вся эта область называлась „малымъ Свитіодомъ", въ отличіе отъ „большого Свитіода", т.-е. Скиѳіи, откуда они вышли, и въ этомъ „маломъ Свитіодѣ" уже жилъ народъ, родственный новымъ пришельцамъ и тоже вышедшей изъ „большого Свитіода", только въ незапамятныя времена; народъ этотъ назывался „готы" и хвалился, что онъ очистилъ страну отъ всякихъ карликовъ, великановъ и фенни (т.-е. финновъ). Народъ этотъ былъ такъ силенъ, что Оденъ могъ поселиться съ своими дружинами на берегахъ страны, только заключивъ съ ними тѣсный союзъ, послѣ чего въ Швеціи и образовались два племени, составлявшія одно государство—свеи, подъ управленіемъ Одена и его 12 первосвященниковъ въ сѣверной части, и готы подъ управленіемъ своихъ конунговъ въ южной части Швеціи, до сихъ поръ называющейся Готландіею. Но новая религія, которую принялъ Оденъ, и которой святыни сосредоточиваются въ Сигтунѣ, потомъ въ Упсалѣ,—дала такой нравственный перевѣсъ свеямъ, что ихъ конунги стали мало-по-малу верховными владыками всѣхъ „молодыхъ конунговъ" Готландіи и Швеціи, а Упсала и послѣ нея Стокгольмъ—сдѣлались столицею цѣлаго государства.

Три первые легендарные короля Швеціи, Оденъ, его сынъ Ніордъ и внукъ Фрей-Ингве сдѣлались послѣ смерти своей богами шведовъ; отъ нихъ во всякомъ случаѣ пошла первая династія шведскихъ королей, извѣстная подъ именемъ „Инглингаръ". Фрей-Ингве и былъ, собственно, основателемъ Upp-sala (значитъ „высокія палаты") и строителемъ перваго языческаго храма ея въ честь Одена, взамѣнъ разрушеннаго храма Сигтуны.

Характерна для нравовъ тѣхъ далекихъ временъ причина

изгнанія династіи Инглингаръ. Послѣдній король этой династіи, Ингьяльдъ, прозванный „Иль-Рода“ (т.-е. „дурной правитель“), человѣкъ жестокій, коварный, задумалъ обуздать своевольство „малыхъ конунговъ“ и съ этою цѣлью пригласилъ ихъ на торжественныя поминки умершаго отца. По старинному обычаю, усадилъ онъ своихъ знатныхъ гостей на высокія, парадныя сѣдалища въ глубинѣ пиршественной залы, а самъ усѣлся у ихъ ногъ на низенькой скамейкѣ, такъ какъ до окончанія погребальнаго пира, по этикету тѣхъ вѣковъ, наслѣдникъ не смѣлъ занимать сидѣнья умершаго отца. Вотъ, доходитъ до него очередь осушить въ честь покойника „брагу“, громадный рогъ, обходившій кругомъ всѣхъ пирующихъ. Ингьяльдъ встаетъ и громко возвѣщаетъ, что прежде, чѣмъ выпить изъ рога, онъ дастъ всенародную клятву принести самую дорогую жертву богамъ въ память своего отца. Такая клятва считалась у древнихъ шведовъ наисвященнѣйшею.

Этой дорогою жертвою, къ ужасу присутствующихъ, оказались злополучные конунги, его довѣрчивые гости. Всѣ они были тутъ же торжественно сожжены на кострѣ. Эти „Упсальскія огненныя поминки“ какъ громомъ поразили остальныхъ мелкихъ конунговъ Швеціи; чтобы избѣжать ихъ мести, Ингьяльдъ, какъ только узналъ о приближеніи къ Упсалѣ съ сильнымъ войскомъ Ивара изъ Сконіи, сына одного изъ сожженныхъ конунговъ — поступилъ какъ библейскій Вальтасаръ: онъ напоилъ до пьяна всю свою дворцовую прислугу, заперъ накрѣпко всѣ двери и собственноручно зажегъ дворецъ, въ которомъ и сгорѣлъ вмѣстѣ съ своею несчастною дочерью Азою и спавшими глубокимъ сномъ придворными.

Не удивительно, что привычка языческаго времени собираться въ великіе праздники вокругъ древнихъ святынь Упсалы и избирать своихъ королей на камняхъ „мора-стенаръ“ передъ лицомъ великаго храма Одена и могилъ своихъ любимыхъ боговъ,—пережила многіе вѣка и перешла такъ же прочно въ христіанскую эпоху шведской исторіи. Католическіе храмы Упсалы только наслѣдовали свое религіозное и политическое вліяніе, свое всенародное значеніе отъ древнихъ языческихъ капищъ Фрея-Ингвы, и мощи св. Эрика, помѣщенныя въ соборѣ новой Упсалы, нечувствительно замѣнили собою—въ глазахъ народа—урну съ божественнымъ прахомъ Одена, погребеннаго въ курганѣ Гамла-Упсалы...

Вечеръ провели мы въ большомъ городскомъ саду, который носитъ тоже имя Стрёмпартера, какъ и извѣстный садикъ Стокгольма у подножья моста Норбрö. Стрöмпартеръ—значитъ „цвѣтникъ у рѣки", и упсальскій садъ дѣйствительно захватилъ своими лужайками, аллеями и цвѣтниками на большое пространство берегъ рѣки Фюриса. Въ нашемъ отелѣ швейцаръ оказался нѣмцемъ изъ Карлсбада и свободно говорилъ по-русски, проживъ около четырехъ лѣтъ въ Петербургѣ. Онъ-то и посовѣтовалъ намъ сходить погулять въ этотъ тѣнистый паркъ, который, къ тому же, начинался въ концѣ улицы Trädgaard-gatan, на которой помѣщался и нашъ отель. Прошлись мы туда пѣшкомъ и убѣдились, что упсальскимъ улицамъ далеко до стокгольмскихъ по удобству и чистотѣ; дома и магазины здѣсь очень неважные,—вѣроятно, слишкомъ близкое сосѣдство столицы дѣлаетъ совсѣмъ здѣсь неинтересною торговлю болѣе роскошными и дорогими товарами; да и самый городъ здѣсь не такой аккуратный и приличный, какъ въ Стокгольмѣ, и движеніе по улицамъ самое скромное.

Стрöмпартеръ, должно быть, отраденъ въ лѣтнюю жару, отъ которой такъ хорошо укрыться подъ зелеными шатрами его громадныхъ вязовъ, кленовъ и липъ, на берегу хорошенькаго прудка и въ широкихъ аллеяхъ, бѣгущихъ на цѣлыя версты вдоль берега рѣки; конечно, тутъ и рестораны, и кафé, обвѣшанные балкончиками, и павильоны для военной музыки, которую главнымъ образомъ и собираются сюда слушать упсальцы.

IV.—Старое гнѣздо далекарлійцевъ.

Желѣзная дорога изъ Упсалы въ Далекарлію то-и-дѣло мѣняетъ поѣзды, къ немалой нашей досадѣ. Въ городкѣ Сала одно скрещиванье дорогъ, въ Крильбо—другое, въ Борленге—третье. Начиная отъ Крильбо, мы уже въ области рѣки Даль-эльфа, которую оставляемъ вправо отъ дороги. Теперь мы все поднимаемся вверхъ по теченію ея. Эта холмистая мѣстность съ небольшими лѣсками и широкими равнинами, усѣянными красными домиками хуторовъ и деревень, начинена внутри желѣзомъ, несмотря на свой зеленый, чисто сельскій видъ. Тутъ на каждомъ шагу копи, шахты, желѣзоплавильные заводы, а въ Сала даже старинные серебряные и свинцовые рудники. Въ Гедемарѣ мы проѣзжаемъ мимо огромнаго сталелитейнаго завода. Однако, тутъ вездѣ, кромѣ руды, еще и хлѣбъ, и лѣсъ, и камень, такъ что желѣзной дорогѣ есть надъ чѣмъ работать.

Лѣсовъ дѣлается все больше по мѣрѣ приближенія къ озеру Сильяну,—этому естественному центру Далекарліи, или Даларне, какъ шведы обыкновенно называютъ свою древнюю провинцію. Поѣздъ проѣзжаетъ цѣлыя версты черезъ стройные еловые лѣса. За Борленге,—двѣ рѣки, стекающія съ высотъ горнаго хребта, отдѣляющаго Швецію отъ Норвегіи, Остъ-Даль-эльфъ и Вестъ-Даль-эльфъ, соединяются въ одно многоводное русло Даль-эльфа, который, подобно Индаль-эльфу, прорѣзаетъ поперекъ всю Швецію и бросается въ Балтійское море.

Желѣзная дорога прокладываетъ теперь черныя змѣи своихъ рельсовъ вверхъ по лѣсистой долинѣ Остъ-Даль-эльфа, который собственно и наливаетъ своими водами широкую чашу живописнаго озера Сильяна, а немножко ниже его—крошечное озерцо Йнсьо̀лъ („внутреннее озеро"), у самаго берега котораго и останавливается желѣзнодорожный поѣздъ. Изъ вагоновъ вылѣзаемъ прямёхонько на палубу парохода. Быстро проноситъ онъ насъ черезъ маленькое озеро сначала въ русло Даль-эльфа, а потомъ и въ самое озеро Сильянъ. Черезъ полчаса по отходѣ парохода, мы—уже въ одной изъ его живописныхъ бухточекъ, Остервикенѣ, у мѣстечка Лександа.

По Даль-эльфу пароходъ все время двигался среди необозримыхъ плотовъ лѣса, сплавляемаго къ морскимъ портамъ изъ горныхъ мѣстностей Далекарліи. По берегамъ—тѣсно сбитыя кучки деревенекъ.

Все густо населенныя, здоровыя и живописныя мѣста. Сильянъ для Швеціи—то же, что „озеро четырехъ кантоновъ" для Швейцаріи. Это—коренное ядро шведскаго народа, шведской исторіи, шведской свободы... Здѣсь живетъ самое типическое, самое патріотическое, самое шведское изъ шведскихъ племенъ,—далекарлійцы, смѣлые защитники народныхъ правъ и народной свободы, ополчавшіеся всегда первыми противъ нарушителей ихъ, кто бы они ни были... Они же сомкнулись прежде всѣхъ и рѣшительнѣе всѣхъ своею мужицкою дружиною вокругъ молодого Густава Вазы и геройски отстояли вмѣстѣ съ нимъ независимость своей родины отъ регулярныхъ армій грознаго датскаго короля, поработившаго ихъ страну.

Немудрено, что съ этихъ зеленыхъ лѣсныхъ береговъ, обложившихъ вольный просторъ голубого озера, вѣетъ на насъ какою-то особенною мощью и свѣжестью; въ здоровомъ дыханьѣ сосенъ и елей чувствуется здѣсь еще и бодрящая струя здоровыхъ нравственныхъ началъ, которыми жилъ столько вѣковъ въ своей первобытной глуши обитатель этихъ береговъ; — кромѣ

мирной прелести этихъ простыхъ деревенскихъ пейзажей, здѣсь нечувствительно охватываютъ душу еще и поэтическія тѣни геройскихъ событій и патріотическихъ легендъ, населяющія эти историческіе берега въ такомъ же изобиліи, какъ и тѣ старинныя селенья, что поднимаютъ тамъ вдали изъ чащи деревьевъ высокіе шпили своихъ колоколенъ. Каждое такое мѣстечко, каждый уголокъ берега связанъ съ какимъ-нибудь преданіемъ изъ эпохи шведскаго освобожденія.

Вотъ мы выплываемъ изъ узкаго залива Оствикена въ самую ширь озера. Направо виднѣется намъ хорошенькое мѣстечко Реттвикъ съ „камнемъ Густава Вазы", налѣво Сильянъ-несъ, впереди насъ—знаменитая Мора, полная на каждомъ шагу памяти короля-освободителя. Въ праздничные дни, изо всѣхъ деревень окрестныхъ береговъ огромныя старинныя лодки, такъ и называемыя „церковными", выплываютъ въ озеро, полныя мужчинъ и женщинъ въ характерныхъ старинныхъ нарядахъ, сохранившихся почти исключительно въ одной только Далекарліи,—и мирно гребутъ къ какой-нибудь особенно популярной древней церкви, въ Лександъ, Реттвикъ или Мору. Другія толпы, въ такихъ же живописныхъ прадѣдовскихъ одеждахъ, тихо бредутъ по берегу къ тѣмъ же роднымъ церквамъ, вокругъ которыхъ спятъ вѣчнымъ сномъ ихъ отцы и дѣды и звонъ колоколовъ которыхъ разливается далеко по неподвижной глади озера. Этихъ простодушно-благочестивыхъ картинъ, прямо выхваченныхъ изъ среднихъ вѣковъ, вы уже не встрѣтите теперь ни въ какой другой странѣ, ни у какого другого народа. Впрочемъ, въ послѣднее время желѣзная дорога и телеграфы сдѣлали свое дѣло и внесли совсѣмъ иные элементы въ простодушный бытъ далекарлійца. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, шведъ, порядочно говорившій по-французски, разсказывалъ намъ довольно много о здѣшнихъ мѣстахъ и здѣшнемъ народѣ. По его словамъ, далекарлійцы богаче почти всѣхъ другихъ шведскихъ крестьянъ, потому что у нихъ приходы имѣютъ въ общемъ владѣніи своемъ огромныя лѣсныя пространства, не имѣвшія прежде никакой цѣны, а теперь доставляющія очень большой доходъ, вслѣдствіе повсемѣстнаго требованія на лѣсъ. Иныя общины продали свои лѣса по милліону и по два милліона марокъ, сдѣлались хозяевами желѣзныхъ дорогъ, накупивъ себѣ акцій, завели у себя прекрасныя больницы, пріюты для бѣдныхъ и сиротъ. Оттого здѣшніе жители живутъ вообще богато, вслѣдствіе чего прежніе строгіе и честные нравы начинаютъ замѣтно портиться; молодежь лѣнится, уклоняется отъ простыхъ и грубыхъ работъ, стремится къ городской роскоши и развлеченіямъ.

Тѣмъ не менѣе, изъ Далекарліи выходитъ въ разныя мѣста Швеціи и Норвегіи не мало рабочихъ и мастеровъ всякаго рода, особенно же кустарей, такъ какъ въ селеніяхъ Далекарліи, кромѣ землепашества, скотоводства и лѣсныхъ промысловъ, изстари укоренились всевозможныя мелкія ремесла. Далекарлійцы работаютъ во множествѣ дешевые стѣнные часы, безъ которыхъ не обходится ни одинъ крестьянскій домъ Швеціи, льютъ колокола, точатъ камни, столярничаютъ.

Денекъ выпалъ для насъ на рѣдкость ясный; милые ландшафты старой Швеціи раскрывались передъ нами въ кроткомъ сіяніи догоравшаго солнечнаго дня. Озеро охватывало насъ со всѣхъ сторонъ своимъ свѣтлымъ зеркаломъ, дрожавшимъ и глувшимся какъ расплавленное стекло отъ незамѣтнаго дыханія далекихъ горъ. Лососи, безъ числа кишащія въ этой глубокой и огромной водной чашѣ, всплескивали тамъ и сямъ своими жирными хвостами, разводя далеко все разроставшіеся и замиравшіе круги. Вотъ пароходъ нашъ миновалъ цѣлый архипелагъ маленькихъ островковъ и опять врѣзался въ открытую гладь озера. Здѣсь еще болѣе красныхъ деревень по зеленымъ берегамъ, еще тѣснѣе жмутся другъ къ другу домики, и на насъ глядятъ издали не только привольныя лѣсныя горки, но и трубы фабрикъ. Вотъ даже пыхнулъ среди зелени голубой дымокъ желѣзнодорожнаго поѣзда. Мы подъѣзжаемъ къ сѣверному берегу Сильяна, къ городку Мора-Норетъ съ его громадными лѣсопильнями. Здѣсь желѣзная дорога перешагнула своимъ висячимъ мостомъ черезъ широкое русло Остъ-Даль-эльфа при самомъ впаденіи его въ озеро. Пароходы, слѣдующіе дальше на сѣверъ, въ Орсу, проходятъ подъ этимъ мостомъ въ русло многоводной рѣки, скорѣе похожей на проливъ, и дальше въ озеро Орсу.

Но мы заворачиваемъ лѣвѣе, подъ самымъ носомъ Моры-Норетъ, чтобы пристать къ главной цѣли нашего далекарлійскаго путешествія,—городку Мора, стоящему на противоположномъ берегу той же бухты и соединенному съ Мора-Норетъ не только пароходнымъ сообщеніемъ, но и желѣзною дорогою, огибающею съ трехъ сторонъ озеро Сильянъ. Высокій шпиль колокольни, хорошо намъ знакомый по фотографіямъ и картинамъ, сразу сказалъ намъ, что мы приближаемся къ вѣрному городку Густава Вазы, когда-то глухому, далекому селу Далекарліи. Цѣлый городъ сложеннаго въ громадные ярусы пиленаго и круглаго лѣса встрѣчаетъ насъ на берегу раньше, чѣмъ мы успѣли подъѣхать къ пристани настоящаго городка. Въ Морѣ нѣсколько гостинницъ, хотя и довольно скромныхъ. „Hotel Gustav Vasa“ и

„Mora Hotel“ — оба на берегу. По главной улицѣ „Kyrka-gatan“ („Церковная улица“), устроены деревянные троттуары, а каждая улица, хотя и не мощенная, но непремѣнно подъ ярлыкомъ,—конечно, на первомъ мѣстѣ Vasa-gatan и разныя другія въ этомъ родѣ.

Что это не деревня, а городъ—свидѣтельствуютъ вамъ и банкъ, и разныя конторы, магазины, аптека, почта, книжная торговля, вывѣски портныхъ, сапожниковъ и проч. Да и дома на главныхъ улицахъ довольно большіе и приличные, совсѣмъ городскіе. Церквей мы насчитали цѣлыхъ три, а можетъ быть ихъ и больше. Стало быть, и сомнѣваться нельзя, что мы—въ подлинномъ городѣ.

Но, признаюсь, мнѣ было не на шутку грустно, что я нашелъ эту славную въ лѣтописяхъ Швеціи, историческую средневѣковую Мору—въ ея новѣйшемъ городскомъ нарядѣ, а не простодушной патріархальною далекарлійской деревнею, какою она была въ годину своего патріотическаго геройства. Даже ярко-расписанныхъ своеобразныхъ далекарлійскихъ одеждъ вы уже не видите на улицахъ въ будніе дни,—а все обычные, однообразные костюмы горожанъ и горожанокъ, какіе встрѣчаются въ каждомъ современномъ городкѣ Европы. Характерные далекарлійскіе наряды, эти острыя красныя кички на головахъ, полосатые многоцвѣтные фартучки, яркія косынки и богатые пояса, кафтаны мужчинъ, расшитые шнурами,—можно видѣть только по праздникамъ на деревенскихъ жителяхъ, пріѣзжающихъ въ церковь, да на прислугѣ гостинницъ, гдѣ они выставляются въ качествѣ заманчивой для туриста національной особенности. Тамъ, куда проникъ свистокъ желѣзной дороги и шумъ пароходныхъ колесъ, гдѣ задымили трубы фабрикъ и задвигались поршни паровыхъ машинъ—тамъ уже нѣтъ больше мѣста для средневѣковыхъ преданій и обычаевъ, для наивныхъ вкусовъ старины. Торговля, нажива изгоняетъ безъ церемоніи всѣ эти сантиментальности. Оттого въ Морѣ нѣтъ уже теперь ни старинныхъ домовъ, ни старинныхъ нравовъ, а старинные костюмы скоро будутъ показываться только на картинкахъ да въ музеяхъ, какъ это уже случилось на родинѣ Вильгельма Телля.

Единственная древность, сохранившаяся въ теперешней богатой Морѣ, торгующей лѣсами съ Европою и работающей на паровыхъ фабрикахъ, отъ наивныхъ временъ былой простоты и бѣдности, это—массивная церковь изъ темнаго тесаннаго камня съ крутѣйшею крышею изъ почернѣвшихъ черепицъ, съ высокою готическою башнею, украшенною грубою скульптурою.

Деревянная колокольня у этой старой церкви—той же своеобразной пирамидальной формы, какъ и въ Гамла-Упсалѣ; только уже деревянная старинная черепица ея крыши и боковыхъ подпорокъ давно осыпалась и замѣнена желѣзомъ.

Дождь лилъ всю ночь безъ всякаго милосердія и даже мѣшалъ намъ спать, барабаня своими частыми струями по деревянной крышѣ балкона какъ разъ надъ нашими ушами. Намъ непремѣнно хотѣлось съѣздить утромъ за нѣсколько верстъ отъ Моры въ исторически-славный Утмеландъ—посмотрѣть на мавзолей Густава Вазы. А между тѣмъ досадный ливень не переставалъ и утромъ ни на одну минуту. Съ деревьевъ, съ крышъ текли цѣлые водопады; глинистая грязь дворовъ и улицъ сдѣлалась непролазною. Насъ брало сильное раздумье, не сѣсть ли въ покойный вагонъ желѣзной дороги и не махнуть ли по добру по здорову съ восьмичасовымъ утреннимъ поѣздомъ назадъ въ Стокгольмъ, предоставивъ этому убійственному шведскому дождю заливать и безъ того достаточно грязную Далекарлію со всѣми ея историческими преданіями и легендами. Но мы побѣдили свое малодушіе, навѣянное отвратительною погодою, и рѣшились всетаки ѣхать, куда собрались, надѣясь на русское авось. Коляску парой мы уже наняли съ вечера и, напившись нàскоро кофе, отправились въ путь по проливному дождю и по возмущающей душу грязи.

За немногими, мало-мальски похожими на городскія улицы Моры потянулась настоящая деревня. Дома здѣшнихъ крестьянъ очень удобны и просторны; сейчасъ видно, что лѣса не жалѣютъ, руби его сколько хочешь. У нихъ дома вмѣстѣ съ тѣмъ и дворы. Всѣ хозяйственныя учрежденія, весь скотъ и инвентарь,—все подъ крышею и въ стѣнахъ.

Широчайшія ворота ведутъ подъ середину обширнаго двухъярусснаго сарая, гдѣ можно поставить и спрятать чтò угодно. Къ этому сараю-двору примыкаетъ еще другое, болѣе высокое строеніе, замѣняющее амбары, сѣновалы, кладовыя; вездѣ видны лѣсенки, ведущія вверхъ и внизъ, разные отдѣлы и каморки. Окна этихъ строеній постоянно заперты широкими деревянными ставнями.

Отъ села къ селу, оказалось, проведено хорошее шоссе, чтò не совсѣмъ перевариваешь, вспоминая немощенныя улицы города. Тѣмъ не менѣе, это обстоятельство нѣсколько утѣшило насъ, потому что мы искренно готовились не ѣхать, а плыть по хля-

бямъ мокрой глины. Поля бѣдныхъ далекарлійцевъ и сѣнокосы ихъ—въ отчаянномъ положеніи, какъ и во всей, впрочемъ, Швеціи, гдѣ только намъ приходилось до сихъ поръ проѣзжать. Безпрерывные двухъ мѣсячные дожди не даютъ имъ созрѣвать, и зеленая рожь, невыколосившійся овесъ и ячмень, прибитые къ землѣ, лежатъ плашмя, словно приглаженные утюгомъ, прѣя отъ тепла и сырости. Сѣно тоже гибнетъ: хотя оно старательно начесано, какъ волна на гребень, на высокіе и длинные заборы изъ слегъ, и не касается земли, но все-таки почернѣло отъ дождей и напитано водою, какъ губка. Жители увѣряютъ насъ, будто лѣтъ сто или полтораста не было такого дождливаго лѣта, какъ нынѣшнее, погубившее, какъ нарочно, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ урожаевъ хлѣбовъ и травъ.

Чтобы проѣхать къ утмеландскому памятнику, пришлось свернуть съ шоссе и сдѣлать нѣсколько сотъ саженъ по узенькой, усыпанной щебнемъ, березовой аллеѣ. Сама деревня Утмеландъ спряталась гдѣ-то по близости, а мавзолей Густава стоитъ въ совершенно пустынномъ мѣстѣ, среди полей и луговъ.

Сторожъ выскочилъ изъ своего домика, заслышавъ шумъ нашихъ колесъ, и повелъ насъ осматривать памятникъ. Это—маленькій храмикъ своего рода. На фасадѣ—посвятительная надпись и раскрашенные гербы разныхъ областей Швеціи, возставшихъ когда-то за своего освободителя отъ чужеземнаго ига; среди нихъ на первомъ мѣстѣ—скульптурный гербъ дома Вазы. При жизни своей ни Густавъ, ни его отецъ и дѣды не носили, однако, этого прозванія, подъ которымъ сталъ извѣстенъ въ исторіи самъ Густавъ и весь его домъ.

Герой Швеціи назывался просто Густавъ Эриксонъ и сохранилъ это имя на королевскомъ престолѣ. Когда сеймъ въ Вадстенѣ призналъ его верховнымъ правителемъ Швеціи, то Густавъ сталъ подписываться въ актахъ: „Господинъ Риддергольмскій, шведскаго государства правитель и предводитель войскъ".

Прозванье же: „Ваза", Густавъ и его домъ получили отъ стариннаго родового имѣнія своего, въ Упландіи.

Внутри—мавзолей тоже смотритъ часовнею. Три прекрасныя картины занимаютъ заднюю и боковыя стѣны; одна изъ нихъ собственноручной кисти короля Карла XV; боковыя картины изображаютъ виды двухъ селеній Далекарліи, гдѣ, главнымъ образомъ, скрывался Густавъ отъ преслѣдованій искавшихъ его датчанъ: Селлена, на границахъ Норвегіи, и Орнеса, гдѣ измѣнникъ Арендтъ Персонъ, мнимый другъ Густава, пріютившій его въ своемъ домѣ, замыслилъ выдать его головою датчанамъ; но

бравая жена Арендта—Барбро, дочь Стиге, провѣдавъ о замыслахъ мужа, разбудила ночью Густава и дала ему лошадь и сани, чтобы онъ могъ поскорѣе скрыться.

Но самая важная изъ всѣхъ картинъ—средняя, написанная художникомъ Гокертомъ; она посвящена тому именно романтическому событію, которое происходило на мѣстѣ, гдѣ мы теперь стояли, и гдѣ черезъ триста лѣтъ воздвигнутъ былъ королемъ Карломъ XV мавзолей Густаву.

Здѣсь стояла прежде одна изъ утмеландскимъ фермъ Матса Ларссона. Густавъ нѣкоторое время скрывался въ ней, подъ видомъ простого работника, исполняя всѣ обязанности сельскаго батрака. Въ одинъ прекрасный день, въ отсутствіе хозяина, Густавъ видитъ въ окно избы, что къ фермѣ подъѣзжаетъ отрядъ разыскивающихъ его датскихъ солдатъ. Хозяйка, жена Матса, мыла въ это время бѣлье въ лохани; не зная, куда спрятать Густава, она поспѣшила столкнуть его въ погребъ, находившійся подъ поломъ комнаты, захлопнула ляду и, быстро передвинувъ на эту ляду свою прачешную лохань, продолжала, какъ ни въ чемъ ни бывало, стирать бѣлье. Солдаты обшарили всѣ углы фермы, но никому въ голову не пришло отодвинуть лохань, надъ которою такъ спокойно и дѣятельно трудилась находчивая баба. Густавъ былъ спасенъ и на этотъ разъ.

Надписи, объясняющія эти историческія картины, — въ изящныхъ арабскихъ карнизахъ, огибающихъ мавзолей. На входной стѣнѣ, надъ дверью, переводъ ихъ, сдѣланный на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Подъ главною картиною хранится старая библія Густава; оконъ нѣтъ; свѣтъ проникаетъ сверху, сквозь стеклянный куполъ своего рода. По серединѣ мавзолея—темный сводчатый погребъ, куда ведетъ крутая каменная лѣсенка.

Это, собственно, и есть основная святыня памятника, который, строго говоря, служитъ только изящно разукрашеннымъ—осмысленными картинами и надписями—футляромъ этой исторической реликвіи.

Я спустился-таки, по естественному влеченію туриста, въ этотъ довольно глубокій, но очень тѣсный погребъ, гдѣ еще хранятся старинныя дверцы съ петлями, когда-то его замыкавшія. Въ углу мавзолея—столикъ съ толстѣйшими книгами, сплошь уписанными именами посѣтителей всѣхъ націй, языковъ и сословій; тамъ и короли, и принцы, и лорды; и даже египетскій хедивъ изрекъ по-арабски совсѣмъ ужъ не идущее мусульманскому деспоту славословіе свободѣ, услужливо переведенное кѣмъ-то на фран-

цузскій языкъ: „Vive Gustave Vasa, vive les libéraux, vive la liberté!“. Мы тоже присоединили свои православныя имена ко всѣмъ этимъ августѣйшимъ автографамъ, и, накупивъ у „vacktmästare“ фотографій и почтовыхъ листочковъ съ изображеніемъ утмеландскаго монумента, отправились назадъ въ Мору, полные самыхъ живыхъ и глубокихъ впечатлѣній отъ этого прекраснаго памятника любимѣйшему герою Швеціи. Мнѣ чрезвычайно понравилась умная и здоровая мысль—увѣковѣчить художественными изображеніями и описаніемъ трогательныя патріотическія событія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они произошли, да и сохранить при томъ далекимъ поколѣніямъ самое мѣсто этихъ давно минувшихъ событій, невольно дѣлающееся священнымъ не только для шведа, но и для каждаго великодушнаго сердца, которому дороги подвиги мужества и благородства, кѣмъ бы и когда бы ни были они совершены.

А въ исторіи Густава есть чему поучиться, и есть передъ чѣмъ преклониться съ глубокимъ уваженіемъ. Рѣдкая поэма можетъ быть поэтичнѣе исторіи его жизни, рѣдкій романъ—романтичнѣе ея. Ее можно разсказывать прямо какъ сказку—до того необычайны и неожиданны были ея многообразныя перипетіи; да, это дѣйствительно какая-то восхитительная героическая сказка, захватывающая духъ отъ волненія и интереса, сказка высоконравственная и глубоко утѣшительная, въ которой добро, изумительнымъ образомъ, торжествуетъ надъ зломъ, что̀, къ сожалѣнію, далеко не всегда случалось въ исторіи...

V.—Среди мѣстъ, освященныхъ подвигами Густава Вазы.

Потомокъ давно знаменитаго рода, корнями своими отпрыскъ царственныхъ династій, Густавъ Эриксонъ воспитался въ суровомудрой школѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей того времени—дѣда своего по матери, Стена Стуре Старшаго, правителя тогдашней Швеціи, упорно боровшагося за свой народъ противъ неправдъ и притѣсненій датскаго короля Христіана II-го, въ то время владыки всѣхъ трехъ скандинавскихъ государствъ.

Позднѣе Густаву пришлось дѣйствовать подъ такимъ же разумнымъ руководствомъ еще болѣе знаменитаго правителя, Стена Стуре Младшаго. Будущій освободитель Швеціи, еще въ ранней молодости, носилъ на себѣ печать какого-то геніальнаго духа, заставлявшаго общественное мнѣніе страны предчувствовать въ

немъ избранника судьбы и останавливаться на немъ съ затаенною надеждою...

Это былъ, по истинѣ, идеалъ шведа, идеалъ мужа. Честность и благородство его смѣлой, открытой души привлекали къ нему всѣ сердца. Онъ обладалъ веселымъ, общительнымъ нравомъ настоящаго шведа и такимъ чарующимъ даромъ слова, передъ которымъ никто не могъ устоять... Выносливость его, простота и скромность его привычекъ были изумительны. Въ то же время это былъ статный, здоровый, богатырски сложенный красавецъ, бѣлокурый, какъ всѣ скандинавы, однимъ видомъ своимъ сразу располагавшій къ себѣ тѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло.

Въ этомъ молодецкомъ, симпатичномъ образѣ Густава-юноши уже видѣлся мужественный вождь дружинъ и мудрый правитель своего народа. Память Густава была громадна, и въ тотъ далекій темный вѣкъ онъ съ жадностью учился всему, чему только можно было тогда учиться. Стенъ Стуре посылалъ его не только въ разныя училища, но и въ упсальскую академію, когда та была открыта. Лучшіе ученые тогдашней Швеціи были его наставниками и друзьями. Съ старою исторіей своей родной земли онъ не разставался цѣлые дни и зналъ ее во всѣхъ подробностяхъ. А когда пришла пора скрестить оружіе съ врагами этой земли, то его храбрость и находчивость въ битвахъ обратили на себя изумленное вниманіе враговъ, инстинктивно угадывавшихъ въ этомъ знатномъ и даровитомъ юношѣ самаго опаснаго противника и зрѣющаго мстителя за всѣ ихъ злодѣйства. Христіанъ II-й, вѣрнѣе всѣхъ оцѣнившій эту опасность, вопреки торжественно даннымъ клятвамъ, вѣроломно захватилъ Густава и отправилъ плѣнникомъ въ Данію. Съ этого-то дня и начинается героическая эпопея Густава, ставшая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и историческою эпопеею шведскаго государства, шведскаго народа.

Густавъ недолго оставался плѣнникомъ. Переодѣвшись въ платье крестьянина, онъ бѣжалъ изъ зàмка, гдѣ былъ заточенъ, присталъ къ нѣмецкимъ гуртовщикамъ, гнавшимъ скотъ изъ Даніи, и глухими проселочными дорогами пробрался пѣшкомъ въ г. Любекъ. Тамъ предпріимчивые ганзейскіе купцы, сообразившіе будущія коммерческія выгоды своего участія, рѣшились помочь Густаву, и, снабдивъ его деньгами, переправили на своихъ корабляхъ въ родную ему Швецію. Но клевреты Христіана уже дѣятельно разыскивали его тамъ и травили какъ дикаго звѣря, спугивая съ одного мѣста, гдѣ онъ скрывался, и перегоняя безъ отдыха на другое, изъ опасности въ опасность. Напрасно испуганные родные и малодушные друзья увѣщевали Густава поко-

риться всемогущему королю. Въ душѣ Густава уже созрѣло геройское рѣшеніе—совершить во чтò бы ни стало подвигъ освобожденія своего народа отъ ига датскаго тирана, и никакія мольбы, совѣты и опасности не въ силахъ были поколебать его. Невдалекѣ отъ замка Грипсгольма, который мы недавно посѣтили, на своей мызѣ въ Рефснесѣ получилъ Густавъ ужасную вѣсть о звѣрской казни старика-отца и съ нимъ знатнѣйшихъ шведскихъ вельможъ, о вѣроломномъ захватѣ и заточеніи Христіаномъ матери и двухъ сестеръ его, увезенныхъ въ Данію и тамъ замученныхъ потомъ въ темницѣ. Это были послѣднія кровавыя капли, переполнившія чашу.

Густавъ далъ клятву передъ Богомъ—или погибнуть, или уничтожить навсегда гибельную власть надъ своей родиной кровожаднаго и клятвопреступнаго тирана. И онъ исполнилъ клятву, и не только лишилъ Христіана короны Швеціи, но и дожилъ до его позорнаго изгнанія изъ собственнаго королевства, до его скитанія развѣнчаннымъ царемъ, по разнымъ чужимъ странамъ, и даже до его многолѣтняго мучительнаго заточенія въ темницѣ преемниками его датскаго престола.

Родныя мѣста Густава, лежавшія слишкомъ близко къ столицѣ, были до такой степени застращены, утомлены и разорены постоянною борьбою съ датчанами и ихъ шведскими приверженцами, во главѣ которыхъ находились всѣ католическіе епископы Швеціи и все вообще духовенство, что разсчитывать на ихъ дѣятельную помощь было невозможно. Густавъ вспомнилъ о вольныхъ горныхъ общинахъ Далландіи, всегда выручавшихъ свое отечество въ минуты великихъ опасностей и бѣдствій, о мужественныхъ далекарлійцахъ, т.-е. Dal-kerlen, по-русски „ребята рѣки Даля", чтò жили въ самой глухой серединѣ Швеціи, въ рубежнымъ горамъ Норвегіи, по лѣсистымъ берегамъ озера Сильяна и Орсы.

Собравъ всѣ деньги, какія у него тогда были, Густавъ отправился въ эти далекія мѣста верхомъ, съ однимъ слугою, но негодяй этотъ, соблазнившись богатствомъ, которое онъ везъ, еще при переправѣ черезъ Меларъ ускакалъ отъ Густава со всѣми вьюками, и, только настигаемый своимъ удалымъ господиномъ, бросилъ и добычу свою, и лошадь, и скрылся въ лѣсу. Густавъ въ одиночку продолжалъ путь. Въ Фалунѣ, гдѣ на него уже стали обращать подозрительное вниманіе, онъ вынужденъ былъ обрѣзать волосы по обычаю далекарлійскихъ крестьянъ, надѣлъ шляпу и куртку изъ грубаго сукна, которую они носятъ, и, взваливъ топоръ на плечи, пошелъ пѣшкомъ въ толпѣ другихъ рабочихъ,

отправлявшихся на заработки. Тутъ-то и начинается цѣлый рядъ романтическихъ приключеній, преданія о которыхъ, разукрашенныя фантазіею народа, до сихъ поръ живутъ, словно событія вчерашняго дня, въ деревняхъ и городкахъ Далекарліи, и память которыхъ увѣковѣчена, между прочимъ, утмеландскимъ мавзолеемъ.

Въ деревнѣ Ранкгиттѣ Густавъ молотилъ хлѣбъ какъ поденщикъ въ ригѣ крестьянина; въ Орнесѣ попадается къ измѣннику Арендту Персону; въ лѣсахъ марнесскихъ Густавъ вынужденъ провести три дня и три ночи, прячась какъ звѣрь подъ сосновымъ валежникомъ, куда окрестные крестьяне тайкомъ приносятъ ему хлѣбъ; въ деревнѣ Исалѣ его скрываетъ коронный стрѣлокъ Свенъ-Эльфсонъ. Когда датчане, искавшіе Густава, неожиданно вошли въ домъ Свена, гдѣ стоялъ вмѣстѣ съ хозяевами и ихъ мнимый работникъ, то находчивая жена Свена ударила вдругъ лопатою по спинѣ Густава и съ бранью прогнала его на работу, отстранивъ этимъ наивнымъ пріемомъ всякое подозрѣніе тоже довольно наивныхъ преслѣдователей. Въ деревнѣ Марнесѣ, въ Реттвикѣ, Густава провозятъ спрятаннаго въ возу соломы, и когда датскій часовой, караулившій дорогу, проткнувъ копьемъ возъ, сильно ранилъ Густава, то сообразительный крестьянинъ, провозившій эту историческую контрабанду, сейчасъ же догадался засѣчь ногу лошади, чтобы объяснить кровавый слѣдъ, оставшійся на снѣгу.

Въ Реттвикѣ Густавъ первый разъ открылъ себя народу, собравшемуся у старой церкви погоста, и въ горячей рѣчи возбуждалъ его противъ датскаго тирана, описывая совершённыя имъ злодѣйства. Подготовивъ реттвикцевъ, онъ перебрался съ тою же цѣлью въ Мору, самый обширный тогда и самый вліятельный погостъ въ Далландіи. Между тѣмъ голова Густава была оцѣнена на вѣсъ золота, и власти, державшія сторону Христіана, принимали всевозможныя мѣры, чтобы схватить его. Замѣчательно, что первый присягнувшій въ вѣрности Густаву былъ датчанинъ Расмусъ Юте, который первый же обнажилъ мечъ за него, заколовъ одного изъ самыхъ ярыхъ преслѣдователей Густава, начальника Далландіи, Нильса Вестгета, уже прибывшаго въ Мору, чтобы захватить Густава.

На праздники Рождества Христова въ Мору стеклось множество далекарлійцевъ изъ окрестныхъ селеній. Густавъ воспользовался этимъ случаемъ и, ставъ на возвышенное мѣсто, обратился къ толпѣ съ пламеннымъ воззваніемъ вооружиться и идти вслѣдъ за нимъ на защиту свободы и древнихъ правъ швед-

скаго народа противъ иноземнаго утѣснителя. Его страстная рѣчь глубоко потрясла вольнолюбивыя души далекарлійцевъ, но все-таки они еще колебались и не рѣшались взяться за оружіе. Однако, когда въ скорости въ Мору явился, для подавленія всякихъ волненій, датскій отрядъ въ сто всадниковъ, и жители Моры убѣдились на себѣ самихъ, насколько было правды въ разсказахъ Густава о притѣсненіяхъ и жестокостяхъ датчанъ,—то въ одинъ прекрасный день на старой колокольнѣ Моры ударили въ набатъ, и сбѣжавшійся отовсюду народъ, вооружившись кто чѣмъ могъ, дружно бросился на иноземцевъ и обратилъ ихъ въ бѣгство... Толпа датчанъ заперлась во дворѣ священника Моры, который, какъ всѣ духовные того времени, стоялъ за Христіана, а не за свой народъ.

Во мгновеніе ока ворота были разбиты, и ни одинъ датчанинъ не остался бы въ живыхъ, еслибы они не поклялись передъ народомъ не трогать ни волоса Густава. Такъ началось возстаніе далекарлійцевъ, окончившееся освобожденіемъ Швеціи отъ датскаго ига.

Между тѣмъ Густавъ, глубоко огорченный неудачею своихъ обращеній къ народу, и страшась, что его могутъ схватить повсюду рыскавшіе здѣсь датскіе отряды,—покинулъ Мору и ушелъ въ глубь горъ, къ рубежамъ Норвегіи, въ которой думалъ скрыться.

Посланцы далекарлійцевъ, скользя на лыжахъ по снѣгамъ и льдамъ, догнали его на пути, въ лимаскомъ погостѣ и уговорили вернуться въ Мору.

Здѣсь всѣ радостно принесли ему присягу и требовали, чтобы онъ велъ ихъ за собою.

Множество пострадавшихъ шведовъ изъ другихъ областей сбѣжалось въ это время въ Далекарлію и разсказывали ужасы о предстоящемъ путешествіи по Швеціи датскаго тирана, увѣряя, что у каждаго помѣщичьяго двора будетъ поставлена висѣлица, а у каждаго крестьянина будетъ отрублено по одной рукѣ и одной ногѣ и со всѣхъ взыскана тяжелая подать. Густавъ взялъ въ свое первое войско всего 200 человѣкъ, да выбралъ для своей личной стражи 16 самыхъ ловкихъ и смѣлыхъ далекарлійскихъ парней. Этой горсти храбрыхъ оказалось Густаву достаточно, чтобы овладѣть городомъ Фалуномъ, своего рода столицею цѣлой области Коппарберга, то-есть „мѣдныхъ горъ", центромъ горныхъ промысловъ Швеціи. Здѣсь онъ могъ уже захватить королевскую казну и выдать жалованье своему войску, которое послѣ этого перваго громкаго успѣха быстро выросло

до 3.000 и съ каждымъ днемъ увеличивалось все больше, потому что народъ отовсюду бѣжалъ подъ знамена Густава. За Далландіею и Коппарбергомъ пристала къ Густаву богатая область Гельзинговъ, за нею мало-по-малу и другія.

Далекарлійцы, составлявшіе основу войскъ Густава, поражали всѣхъ своею стойкостью и выносливостью. За недостаткомъ припасовъ, по цѣлымъ недѣлямъ они довольствовались хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ древесною корою, и водою ручьевъ.

„Можно ли побѣдить людей, которые ѣдятъ дерево вмѣсто хлѣба!“—съ изумленіемъ говорили про нихъ датчане. Густавъ поддерживалъ между ними желѣзную дисциплину и не допускалъ никакихъ грабежей и безчинія.

Напрасно его смертельный врагъ и упрямый защитникъ Христіана, архіепископъ Густавъ Тролле, правившій Швеціею именемъ датскаго короля, посылалъ одинъ отрядъ за другимъ противъ все разроставшагося народнаго ополченія Густава.

Разбитыя въ цѣломъ рядѣ битвъ, эти „духовныя войска“, какъ ихъ называли тогда шведскіе патріоты, уступали надвигавшейся народной силѣ одну провинцію за другою и вынуждены были, наконецъ, замкнуться вмѣстѣ съ измѣнниками епископами и другими знатными сторонниками датчанъ въ Стокгольмѣ и другихъ укрѣпленныхъ мѣстахъ, пока, наконецъ, Христіанъ не былъ свергнутъ съ престола Даніи, а Густавъ не былъ провозглашенъ „королемъ шведовъ и готовъ“ на сеймѣ государственныхъ чиновъ въ Стренгнесѣ 6-го іюня 1523 года.

Далекарлійцы Моры и Реттвика посадили такимъ образомъ своего бывшаго поденщика на тронъ освобожденной и навсегда уже самостоятельной Швеціи.

Хотя Мора по всей справедливости считается сердцемъ Далекарліи и самымъ прославленнымъ историческимъ мѣстомъ ея, но намъ, все-таки, хотѣлось полнѣе ознакомиться съ характеромъ этой типичнѣйшей области Швеціи и посѣтить нѣкоторыя другія интересныя мѣстности ея, проникнувъ еще глубже внутрь страны.

Всего въ нѣсколько минутъ желѣзная дорога перебросила насъ изъ Моры въ Мора-Норетъ, черезъ которую проходитъ другая желѣзнодорожная линія изъ Фалуна и Реттвика въ Орсу. Мора-Норетъ—это одна сплошная паровая пильня, которая завалила себя кругомъ, на землѣ и на водѣ, своими собственными безостановочно наростающими изверженіями, досками, тесомъ, брусьями; и въ то время какъ пароходы, барки, платформы же-

лѣзнодорожныхъ поѣздовъ и громадныя телѣги далекарлійцевъ расхватываютъ и растаскиваютъ во всѣ концы этотъ наготовленный лѣсной товаръ, — необозримые плоты новыхъ бревенъ пригоняются въ эту вѣчно жующую пасть и по водамъ озера, и по широкому протоку, вливающемуся въ него подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ Моры-Норетъ, который не знаешь, за что счесть,—за проливъ ли верхняго озера Орсы, стекающаго въ Сильянъ, или за устье тутъ же впадающаго въ этотъ рукавъ Остъ-Даль-эльфа. Бревна, сплавляемыя озеромъ и рѣкою Швеціи, не связаны, какъ у насъ на Руси, въ своего рода плотные паромы, а плаваютъ свободно, и только краевыя бревна скованы другъ съ другомъ цѣпями, составляя огромное сплошное кольцо вокругъ кишащихъ въ водѣ бревенъ. А на лѣсныхъ пристаняхъ эти бревна загоняютъ иногда между надолбами, вбитыми въ дно рѣки или озера, которыя не даютъ бревнамъ расходиться по водѣ.

Вообще, здѣсь вездѣ отводятся для плотовъ особыя мѣста, чтобы они не мѣшали движенію пароходовъ и лодокъ.

Ѣзда по мѣстнымъ желѣзнымъ дорогамъ внутренней Швеціи, не имѣющимъ транзитнаго характера, не особенно удобна для иностранцевъ, не знающихъ хорошо шведскаго языка.

Одна дорога то-и-дѣло перекрещивается съ другою, и нужно отлично знать всѣ росписанія и названія станцій, чтобы успѣть во-время выскочить изъ одного поѣзда и пересѣсть въ другой; иначе рискуешь проѣхаться туда, куда совсѣмъ не разсчитывалъ. А при порядочномъ багажѣ и при большой скудости здѣсь носильщиковъ—это дѣлается еще затруднительнѣе, особенно ночью.

По неволѣ чуть не на каждой станціи приходится обращаться то къ тому, то къ другому сосѣду съ надоѣдливымъ вопросомъ: „Stiga ut?“ (нужно выходить?), и когда услышишь въ отвѣтъ обычное: „jo!“, то, не зная времени, сколько стоитъ поѣздъ, поневолѣ горячку порешь, торопливо выбрасывая багажъ и тщетно разыскивая вѣчно отсутствующихъ носильщиковъ. Другая бѣда на этихъ линіяхъ—это постоянное ожиданіе подходящихъ поѣздовъ; вылѣзъ изъ вагона и сиди, жди, пока подойдетъ твой поѣздъ. Пришлось намъ изрядно посидѣть и въ Мора-Норетъ, и на слѣдующей станціи, носящей довольно странное названіе „Фу“. А тутъ какъ нарочно дождь зарядилъ съ самаго утра, сыплетъ себѣ да и сыплетъ, какъ у насъ въ ноябрѣ, безъ перерыва и отдыха, и все, на что хотѣлось бы смотрѣть, окутано сѣрыми облаками.

Мы, однако, переносимъ довольно терпѣливо это не совсѣмъ

привлекательное положеніе и отъ души хохочемъ надъ самими собою. „Вотъ,—говоримъ,—забрались, повѣривъ Бедекеру, въ такую даль, разсматривать всякія Schöne Aussichte, а кромѣ дождя и облаковъ, никакихъ другихъ Aussichte пока не видимъ"... Мы все время ѣдемъ сначала вдоль протока, а потомъ—по берегамъ озера Орсы; еловые лѣса чередуются съ лугами сѣна, съ полями клевера; вездѣ то же почернѣвшее, прѣющее на пряслахъ сѣно. Проѣхали деревню Ватнесъ надъ озеромъ, съ ея тѣсно скученными черными, некрашенными домами, длинными, какъ сараи, и вотъ, наконецъ, въ Орсѣ. Останавливаемся въ очень приличной „Jernvagnhotel", т.-е. „Желѣзнодорожной гостинницѣ", съ крытыми балконами, съ прекрасными видами на озеро, усѣянное лѣсистыми островками, и на амфитеатръ лѣсныхъ холмовъ, охватывающихъ его съ двухъ сторонъ. Видно береговые холмы въ частыхъ деревенькахъ; людское населеніе обсыпаетъ здѣсь озеро и рѣки, какъ и эти обступившіе воду лѣса. Орса—преопрятное мѣстечко, со множествомъ отлично построенныхъ новыхъ домовъ національной архитектуры, съ лавками всякаго рода и съ разбитыми вдоль желѣзной дороги цвѣтниками, дорожками, газонами,—ничего похожаго на нашу безотрадную русскую деревню, съ ея навозными крышами, навозными дворами и совершеннымъ отсутствіемъ всего, что̀ необходимо для удобства человѣка. Старая церковь Орсы, безъ шпиля, съ крутымъ шатромъ крыши, тоже помнитъ знаменитыя годины шведской исторіи.

Погода, слава Богу, разъяснилась, и хотя тучки еще бродили по голубымъ оазисамъ неба, но мы съ женою рѣшились на-уру проѣхаться въ открытомъ шарабанѣ верстъ за шесть, на порфирную фабрику въ Бека; самая фабрика насъ не особенно интересовала, но поѣздка эта давала намъ случай объѣхать берега этого хорошенькаго озера, потонувшаго въ лѣсахъ, и ближе присмотрѣться къ жизни здѣшняго народа. За всю поѣздку туда и назадъ взяли съ насъ двѣ съ половиною кроны.

Мы были очень довольны своимъ рѣшеніемъ, потому что все время могли любоваться, при яркомъ свѣтѣ солнца, самыми красивыми видами Далекарліи, чѣмъ собственно и славится маленькое озеро Орсы, привлекающее къ себѣ толпы туристовъ. Равнина кругомъ Орсы вся усѣяна кучками домовитыхъ крестьянскихъ мызъ, мимо которыхъ проѣзжаешь съ искреннимъ удовольствіемъ, утѣшаясь этой общей зажиточностью и хозяйственною дѣловитостью далекарлійскихъ крестьянъ.

Въ веселыхъ рощицахъ, среди которыхъ прячутся эти мызы, сказывается еще былой лѣсной характеръ деревень старой Да-

ландіи, стойко отстаивавшихъ въ недоступной тогда глуши свою независимость и свои человѣческія права...

Всюду хорошія шоссе; черезъ рукава озера перекинуты солидные и цѣнные деревянные мосты, арочной системы. На женщинахъ тутъ уже сплошной деревенскій нарядъ, свой особенный въ каждомъ погостѣ. Орса носитъ темно-синія кофты съ мѣдными пуговицами, черныя юбки и синіе фартуки съ цвѣтною полоскою внизу; но тутъ встрѣчаются и болѣе характерныя для Далекарліи одежды Реттвика—красныя острыя кички и цвѣтные фартуки,—тàкъ и извѣстные въ Стокгольмѣ и другихъ мѣстностяхъ Швеціи подъ названіемъ „далекарлійскихъ". Будничный нарядъ мужчинъ уже утратилъ свою національность, и всѣ они ходятъ въ круглыхъ войлочныхъ шляпахъ, курткахъ или визиткахъ.

Когда мы взъѣхали на перевалъ одного холма, какъ-разъ на противоположномъ берегу озера, то солнце, пробившись сквозь набѣгавшія облака, вдругъ ударило яркими боковыми лучами въ сады и домики Орсы и показало намъ, словно въ волшебномъ фонарѣ, внезапно освѣщенномъ электричествомъ, всю круглую чашу прелестнаго озера со всѣми его живописными окрестностями. Это, конечно, не Швейцарія съ ея грандіозными декораціями, не Napoli итальянцевъ, который, по ихъ глубокому убѣжденію, каждому человѣку нужно „видѣть, прежде чѣмъ умереть", —„vedere e poi morire"... Это—простая, тихая красота, полная сочной зелени, голубой воды, трудолюбивой, мирной человѣческой жизни. Глядя на нее издали, кажется, что одна сплошная цвѣтущая и благоустроенная деревня охватываетъ своими дворами, лугами, полями и рощами этотъ милый, Богомъ налитый водный бассейнъ, отражающій въ своемъ живомъ зеркалѣ опрокинутые въ него холмы и лѣсà.

Среди густого лѣса, у крошечнаго озерка, вырѣзались вдругъ на холмѣ мрачныя печи и закоптѣлыя трубы, колеса и маховики порфирнаго завода. Изрядная часть его механизмовъ, желоба и насосы для воды—снаружи. Внутри громадныя круглыя печи, напоминающія собою огненную пещь вавилонскую, скованы мощными желѣзными обручами. Какія-то странныя машины, въ родѣ гигантскихъ мортиръ, шестерни, блоки, передаточные ремни и веревки, переплетающіяся между собою запутанной паутиной, наполняютъ всѣ помѣщенія завода. Въ заводѣ нѣсколько зданій. То, гдѣ шлифуютъ порфиръ, мнѣ показалось интереснѣе другихъ. Тамъ все ходитъ, двигается, машетъ, качается, гудитъ, шипитъ, свиститъ... Не знаешь, куда ступить, гдѣ остановиться въ безопасности. Инструменты, которыми шлифуютъ порфиръ,

обдѣланы въ очень грубыя приспособленія изъ простого дерева топорной работы; камень гладится ими безчисленное число разъ, и въ концѣ концовъ изъ шероховатаго, неуклюжаго обломка самаго невзрачнаго вида выходитъ словно расписанная кистью искуснаго художника и подведенная подъ какой-нибудь необыкновенно драгоцѣнный лакъ, отполированная, какъ зеркало, гладкая и чрезвычайно красивая плита, вся въ мелко-зернистомъ темно-коричневомъ узорѣ. Намъ показали нѣсколько очень хорошихъ готовыхъ памятниковъ изъ цѣльнаго порфира. Но больше всего вывозятъ отсюда не только въ Швецію, но и въ Европу превосходные по своей прочности и твердости жернова для мельницъ разнаго рода и обдѣланные камни для цоколя подъ дорогія архитектурныя зданія. Вокзалъ Орсы постоянно заваленъ этимъ мѣстнымъ грузомъ, также какъ и лѣсомъ.

Мы успѣли во-время вернуться въ свой „Jernvagnhotel“ и еще отлично пообѣдать тамъ; за двѣ кроны съ персоны намъ дали, кромѣ обычныхъ безчисленныхъ закусокъ, супъ, рыбу, два мясныхъ и два сладкихъ кушанья. Милые шведы, говорившіе по-французски и очень любезно помогавшіе намъ нанять экипажъ въ Беку, къ сожалѣнію, разстались здѣсь съ нами и, вмѣсто Реттвика, направлялись въ Мору.

Я много путешествовалъ въ свою жизнь, посѣтилъ очень много странъ и народовъ, но искренно скажу, что ни въ одной другой странѣ, ни у какого другого народа я не встрѣчалъ такого вниманія къ иностранцу, такой общей, повальной любезности населенія къ чужимъ людямъ. Меня, привыкшаго къ русскимъ порядкамъ или, вѣрнѣе, безпорядкамъ, знающаго русскую полицію, русскихъ кондукторовъ, особенно удивляла въ Швеціи любезность и внимательность этихъ оффиціальныхъ агентовъ къ каждому проѣзжему. Но и помимо ихъ здѣсь всякій прохожій, всякій случайный встрѣчный, замѣтивъ, что вы иностранецъ, старается услужить, помочь, въ чемъ можетъ; всякій облегчитъ вамъ добыть то, въ чемъ вы нуждаетесь. И потомъ, какое здѣсь отрадное всеобщее довѣріе другъ къ другу, какое истинно-человѣческое взаимное уваженіе между людьми! Тутъ каждый считается честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ, пока нѣтъ поводовъ считать его негодяемъ. И поэтому тутъ никто не слѣдитъ подозрительно другъ за другомъ, никто не принимаетъ противъ васъ предупредительныхъ мѣръ, какъ противъ вора или мошенника. Нигдѣ тутъ въ публичныхъ мѣстахъ нѣтъ пресловутыхъ

надписей, которыя вы на каждомъ шагу читаете въ Германіи: „Es ist am strengsten verboten"—дѣлать то-то и то-то; нигдѣ не увидите и лаконическихъ угрозъ, которыя выставляются на каждомъ мостикѣ, на каждомъ перекресткѣ улицъ въ Швейцаріи: „On paie l'amende"—столько-то и столько-то, въ случаѣ того-то и того-то.

Васъ считаютъ здѣсь не только честнымъ, но и взрослымъ человѣкомъ, находящимся въ здравомъ умѣ и твердой памяти, который самъ хорошо понимаетъ, что̀ можно дѣлать и чего нельзя, и не хлопочутъ о томъ, чтобы приставить за вами няньку въ видѣ десятскаго или пригрозить, на всякій случай, вашему карману денежнымъ штрафомъ. Желѣзнодорожный поѣздъ стоитъ,—всякій входитъ и выходитъ, когда и какъ ему нужно, безъ подозрительнаго осмотра билетовъ, безъ загона въ особыя клѣтки пассажировъ перваго класса и въ особыя—пассажировъ второго, какъ это дѣлается въ Швейцаріи и Франціи. Поданъ обѣдъ,—всякій беретъ себѣ самъ, сколько и чего хочетъ, никто не смотритъ ему въ ротъ и не считаетъ его кусковъ,—и онъ самъ объявляетъ, что̀ съѣдено, что̀ взято имъ. И, несмотря на это довѣріе, несмотря на повсемѣстное отсутствіе будочниковъ и урядниковъ,—посмотрите, какая строгая честность царитъ въ этой удивительной странѣ! Вотъ мы два мѣсяца крутимся по ней, изъѣздивъ самые глубокіе уголки Швеціи и Норвегіи, не зная мѣстнаго языка, не зная мѣстныхъ законовъ и обычаевъ, не имѣя здѣсь никакихъ связей и знакомствъ,—и, однако, никто нигдѣ ни разу даже не попробовалъ надуть насъ хотя бы на какомъ-нибудь пустякѣ, не попытался воспользоваться нашею безпомощностью своего рода. Много разъ приходилось, не торгуясь, не спрашивая впередъ, брать извозчиковъ за сорокъ и за двадцать верстъ, занимать номеръ въ гостинницѣ, заказывать что-нибудь, —и всегда съ насъ брали, какъ оказывалось потомъ, обычную законную цѣну, ни на полъ-ёра больше.

Дождь, словно нарочно, далъ намъ погулять по окрестностямъ Орсы и посыпался опять, какъ только мы очутились въ вагонѣ. Но отъ Моры-Норетъ опять нѣсколько прояснѣло, хотя Сильянское озеро, провожавшее насъ все время справа, за верхушками еловыхъ лѣсовъ, бурлило сердитыми свинцовыми волнами, совсѣмъ непохожими на недавнюю тихую гладь озера Орсы.

Къ шести часамъ мы пріѣхали въ Реттвикъ. Это одинъ изъ самыхъ популярныхъ уголковъ Далекарліи, посѣщаемый тури-

стами еще болѣе, чѣмъ Мора. Реттвикъ смотритъ такимъ веселымъ и счастливымъ уголкомъ, что такъ и хочется подольше остаться въ немъ, погулять вволю въ этомъ прекрасномъ еловомъ паркѣ, сквозь который заманчиво свѣтится широкая гладь озера, пожить въ этихъ уютныхъ, красивыхъ гостинницахъ-пансіонахъ, что̀ спрятались въ тѣни стройныхъ елей, цѣлыхъ три рядомъ, своими галлерейками, балкончиками, чердачками и характерными вышками въ національномъ вкусѣ похожія скорѣе на деревенскіе за̀мки какихъ-нибудь старинныхъ норманскихъ помѣщиковъ, чѣмъ на корыстные пріюты современныхъ туристовъ.

Озеро Сильянъ съ своими живописными бухточками и мысками,—конечно, главная, Богомъ данная, красота Реттвика; но и художественное чувство человѣка много помогло здѣсь общей прелести впечатлѣнія. Такъ кстати, такъ удивительно картинно вырѣзается, напримѣръ, на свѣтломъ фонѣ водъ старинная бѣлая церковь съ черною кровлею, поднимающая высокій шпиль своей колокольни надъ самою пучиною озера, и видная поэтому издалека, чуть не со всѣхъ точекъ широкаго Сильяна. У этой исторической церкви и историческій „камень Вазы", съ котораго Густавъ, по обычаю шведскихъ королей, держалъ рѣчь къ народу. А еще ближе къ намъ также эффектно высится,—тоже рѣзко выдѣляясь на сверкающемъ и пляшущемъ просторѣ озера своими характерными архитектурными линіями,—хорошенькій лѣтній павильонъ скандинавскаго стиля,—флигель одной изъ гостинницъ,—забравшійся на крутой холмикъ у обрыва берега. Длинная до безконечности пристань прямою стрѣлою въ полверсты уходитъ въ глубь озера, къ мѣстамъ, куда могутъ подходить пароходы. У берега—изящно построенныя обширныя купальни, цѣлое правильно организованное Badanstalt съ теплою и холодною водою. Публика толпится вокругъ вокзала, бродитъ по тѣнистымъ аллеямъ парка. Много пассажировъ высаживаются сюда и изъ нашего поѣзда. Завтра воскресенье, и въ старую реттвикскую церковь поплывутъ, побредутъ со всѣхъ сторонъ, разодѣтые въ старинныя праздничныя одежды свои, окрестные деревенскіе жители. Въ толпѣ не одна пріѣзжая публика, но и мѣстный народъ, мѣстные наряды. Вмѣсто некрасивыхъ круглыхъ чепцовъ и темно-синихъ платьевъ суровой Моры, здѣсь веселятъ глазъ яркія островерхія кички и разноцвѣтные полосатые фартуки рослыхъ и красивыхъ реттвикскихъ дѣвушекъ. Окрестности Реттвика тоже очень живописны, и туристы обыкновенно отправляются отсюда въ различныя пѣшеходныя экскурсіи на лѣсистыя горы, облегающія этотъ маленькій городокъ. Съ этою цѣлью на са-

мыхъ высокихъ и открытыхъ вершинахъ береговыхъ горъ построены такъ называемыя Aussichtthürme,—хорошенькія вышки, съ высоты которыхъ открывается вся широкая панорама этого милаго озера и этого милаго края... Одна такая Aussichtthurm и теперь бѣлѣется высоко надъ нами, вѣнчая собою зеленую лѣсистую гору.

Изъ Реттвика мы долго несемся по небольшому горному кряжу, усѣянному деревнями и мызами, съ котораго все время прекрасно видно Сильянское озеро; солнце будто играетъ съ нами, то закутываясь на цѣлые часы въ дождевыя тучи, то разбрасывая сверкающія искры своихъ лучей по безбрежной ширм взволнованнаго озера, переливающаго тогда своею мелкою зыбью словно серебряною чешуею. Отсюда намъ едва видны туманно-синія тѣни далекихъ горъ противоположнаго берега, но зато живописные лѣсные мыски и полуострова этого берега, далеко врѣзавшіеся въ это трепещущее зеркало водъ, лежатъ у нашихъ ногъ какъ на огромной ландкартѣ...

Одинокій пароходикъ бѣжитъ по самой серединѣ озера, распустивъ по вѣтру длинный хвостъ своего дыма; другой пароходъ пыхтитъ у пристани; но вообще это тихое озеро смотритъ скорѣе живописною пустынею, чѣмъ дѣятельнымъ торговымъ бассейномъ. На берегахъ, по желѣзной дорогѣ гораздо болѣе оживленія: вездѣ пильни, вездѣ поселки; платформы завалены лѣсомъ, камнемъ, проволокою изъ заводовъ Борланге, ящиками спичекъ. Шведъ, живущій постоянно въ Барселонѣ и говорившій свободно по-французски, къ удивленію моему, сообщилъ намъ, что знаменитыя шведскія спички, которыми и онъ ведетъ торговлю въ Испаніи, приготовляются почти исключительно изъ русской осины, привозимой въ большомъ количествѣ изъ Кронштадта, такъ какъ въ Швеціи осины очень мало. „Все въ нашей Швеціи очень хорошо и все мнѣ по душѣ,—признался намъ въ концѣ разговора этотъ испанскій шведъ,—но еслибы только шведы стали наконецъ меньше пить! Теперь же, къ несчастію, пьютъ у насъ неимовѣрно много и непозволительно много,—а это можетъ кончиться очень дурно“.

VI.—„Мѣдный городъ“ и возвращеніе на родину.

Дорога повернула, исчезъ милый далекарлійскій Сильянъ, и мы окунулись въ область сплошныхъ пихтовыхъ лѣсовъ и маленькихъ озеръ. Тихій, ясный вечеръ засіялъ на небѣ, а мимо

насъ проплывали безконечною чередою колоннады высокихъ, стройныхъ стволовъ, зеленыя котловины и холмы, устланные коврами весеннихъ цвѣтовъ, темныя лѣсныя пропасти. И одно лѣсное озеро за другимъ. Я насчиталъ отъ Реттвика до Фалуна цѣлыхъ 7 озеръ. У озера Арбöсьö станція Зегмира и покинутый никелевый заводъ съ безполезно торчащими праздными трубами. У озера Грюкенъ—одна изъ самыхъ лучшихъ бумажныхъ фабрикъ Швеціи, приготовляющая вмѣстѣ съ тѣмъ и целюлёзъ изъ той же древесной массы. Въ Швеціи, кажется, все свое, и иностранныхъ готовыхъ издѣлій ввозится очень немного. Это — важное условіе для развитія культуры и промышленности. Послѣднее и самое живописное озеро Тискенъ уже подъ самымъ Фалуномъ. Вотъ мы и въ этой старой столицѣ Kopparberg'a,—„мѣдногорья", по переводу на русскій языкъ. Садимся въ открытый шарабанъ „Stadtshotel"'я и ѣдемъ по прекрасной широкой аллеѣ, обсаженной тѣнистыми деревьями, въ городъ.

Другая, такая же широкая, плотно убитая аллея, для пѣшеходовъ, съ скамейками по сторонамъ, провожаетъ экипажную аллею. Вообще, тутъ вездѣ просторъ, и деревня, поля какъ-то перемѣшаны съ городскими улицами. Рядомъ съ соборною площадью, съ большими, хорошими домами—лугъ, уставленный сѣномъ, сады, огороды, ручей въ зеленыхъ дерновыхъ берегахъ, пасутся овцы и коровы.

Рельсы желѣзной дороги пересѣкаютъ насквозь кварталы городскихъ домовъ. Садики, полянки—среди этихъ же кварталовъ.

Такой сельскій видъ Фалуна объясняется тѣмъ, что городъ составился въ теченіе времени изъ совсѣмъ отдѣльныхъ общинъ, когда-то раздѣленныхъ другъ отъ друга.

Воскресная тишина и безлюдье улицъ, запертые магазины, собаки, лающія на прохожихъ, полнѣйшее отсутствіе извозчиковъ и экипажей,—придаютъ еще болѣе деревенскій характеръ этому старинному центру шведской горной промышленности. Но это, однако, нисколько не мѣшаетъ вполнѣ цивилизованному порядку и удобству города. Прекрасныя мостовыя вездѣ; хорошіе, основательные дома и усадьбы; въ „Городской гостинницѣ" намъ отвели—всего за три съ половиною кроны—прямо-таки великолѣпный номеръ, съ мѣдными кроватями-тронами, съ ковромъ во всю комнату, съ громаднымъ трюмо, телефономъ, электричествомъ и проч. прихотями.

За ужинъ безъ горячихъ блюдъ взяли всего по полъ-кроны, за чай съ хлѣбомъ—по 35 öръ,—вообще, въ высшей степени ми-

лостиво. Мы отлично выспались на своихъ покойныхъ постеляхъ и въ 7 часовъ утра уже отправились осматривать городъ.

Вся старина города, извѣстнаго уже съ XIII вѣка,—на соборной площади. Тутъ другъ противъ друга два характерныхъ и оригинальныхъ дома, съ высокими фронтонами тяжелаго „густавіанскаго стиля", съ точеными гранитными колоннами, съ балконами на гранитныхъ подпоркахъ, увѣнчанные по фасаду арматурою городского герба. Одно изъ этихъ зданій—ратуша, другое, кажется, гимназія.

Но всего интереснѣе самъ соборъ, или „Кристина-чёрке" (церковь св. Христины), какъ называютъ его здѣсь,—громадное строеніе изъ темнаго кирпича безъ всякихъ наружныхъ украшеній, дышащее безвкусіемъ и тяжестью всѣхъ протестантскихъ построекъ XVII вѣка; вмѣсто готической стрѣлы, колокольня увѣнчана луковицею мѣднаго купола, крыша на храмѣ тоже мѣдная, входныя двери мѣдныя, съ латинскими надписями, съ именами благочестивыхъ строителей собора. Недаромъ это каѳедральный храмъ „мѣднаго города".

Мы вошли въ соборъ, когда тамъ уже шла обѣдня. Внутри онъ очень величественъ. Огромные, высокіе своды, не стрѣльчатые, какъ во всѣхъ готическихъ соборахъ, а круглые, какъ въ византійскихъ храмахъ, красиво пересѣкаются вверху своими бѣлыми ребрами; боковые пролеты храма много ниже очень высокой средней галлереи, которую образуютъ длинные ряды массивныхъ порфировыхъ колоннъ красноватаго цвѣта. За престоломъ, на голубой нишѣ—бѣлый рѣзной изъ дерева иконостасъ очень старинной работы въ пять ярусовъ иконъ и статуэтокъ, какого мнѣ нигдѣ еще не случалось видѣть въ лютеранскихъ церквахъ.

Такая же бѣлая скульптурная каѳедра рококо, вся въ статуэткахъ и завиткахъ, поддерживаемая большою статуею архангела. Алтарь на солеѣ отдѣленъ сплошною оградою съ дверочкой, что̀ также рѣдко встрѣчается въ протестантскихъ и католическихъ храмахъ. На переднихъ колоннахъ—арматуры и гербы похороненной здѣсь знати, изъ темнаго мрамора съ бѣломраморными статуями, съ золотыми надписями и даже съ портретами покойниковъ внизу. На полуразбитыхъ плитахъ пола еще болѣе давнія имена умершихъ XVI и XVII вѣка, уже наполовину стертыя. Ряды сидѣній для молящихся всѣ съ дверочками и запираются на ключъ, и всѣ бѣлыя какъ иконостасъ и каѳедра; на этихъ дверочкахъ тоже бѣлыя, скульптурныя изображенія святыхъ и ангеловъ. Вся обстановка храма эффектна и оригинальна.

Публики къ 11 часамъ дня собралось очень много,—всѣ скамьи были заняты. Пасторъ преклонилъ колѣна передъ престоломъ, на стѣнахъ вывѣсили черныя доски съ крупными металлическими цифрами тѣхъ псалмовъ и главъ Евангелія, которые должны были читаться во время обѣдни.

Съ высоты хоръ полились торжественные и строгіе звуки органа; прекрасные голоса, басы, дисканты, тенора—вторили этимъ звукамъ, сообщая имъ еще больше трогательной глубины и жизни. Склонившіяся надъ молитвенниками дамы и дѣвушки тоже тихо подпѣвали съ своихъ сидѣній этому могучему хору, такъ что казалось, будто сами вѣковые своды и безчисленныя колоннады храма дружно возсылали къ Богу вмѣстѣ съ людьми свою общую молитву. Умилительное чувство овладѣваетъ человѣкомъ, даже чуждымъ этому моленью, когда онъ присутствуетъ при такомъ благоговѣйномъ настроеніи многолюдной толпы стариковъ, дѣтей, взрослыхъ, женщинъ и мужчинъ... Молитвенное расположеніе только и можетъ посѣтить человѣка въ обстановкѣ тишины и благоговѣйнаго уваженія къ храму; тутъ ни болтовни, ни толкотни, ни шумнаго скитанья впередъ и назадъ, ни многочасового измора въ духотѣ и тѣснотѣ на отекшихъ отъ стоянья ногахъ, а одно мирное и сосредоточенное въ самомъ себѣ пареньe духа къ небу, къ Творцу всего.

Священникъ, чтобы прочесть молитву благословенья, обернулся лицомъ къ молящимся и очень громкимъ, во всѣхъ углахъ слышнымъ голосомъ, который очевидно заранѣе подготовляется съ этою цѣлью, выразительно произнесъ всѣмъ понятныя священныя слова. Толпа такъ же прилично и тихо стала выходить изъ храма.

Воскресенье привлекло въ церковь много деревенскаго народу, и мы, стоя у дверей, съ любопытствомъ разсматривали типы и одежды этихъ дѣтей Далекарліи.

Хотя Мора по своей исторической роли и по этнографическимъ условіямъ справедливо считается сердцемъ Далекарліи и ея, такъ сказать, нравственною столицею, но оффиціальнымъ правительственнымъ центромъ этой провинціи служитъ городъ Фалунъ, такъ какъ Коппарбергъ, гдѣ онъ собственно находится, обозначаетъ не административную область, а только промышленный округъ, изобилующій мѣдью. Поэтому неудивительно, что въ толпѣ фалунскаго храма и фалунскихъ площадей и улицъ мы видѣли образцы всевозможныхъ далекарлійскихъ нарядовъ, отъ красныхъ очипковъ, которые носятъ на головѣ женщины

Моры, до украшенныхъ брошками, косыночками и яркими полосатыми фартучками реттвиксвихъ дѣвушекъ въ ихъ характерныхъ красныхъ кичкахъ; были тутъ и другіе наряды, еще не попадавшіеся намъ раньше: старухи въ ярко-красныхъ чулкахъ, въ ярко-пестрыхъ фартукахъ, съ платочками на головѣ. Молодые далекарлійскіе парни, рослые и статные, одѣты тутъ тоже въ свои національные костюмы: широкополыя шляпы изъ черного войлока, темносиняя однобортная поддёвка съ стоячимъ воротникомъ, опушенная краснымъ шнуркомъ, такой же жилетъ съ красной выпушкой, изъ-подъ котораго виднѣется бѣлая коленкоровая рубашка; на ногахъ желтоватыя замшевыя панталоны въ обтяжку до колѣнъ и черные чулки съ грубыми башмаками, перетянутые подъ колѣномъ черными же подвязками съ висячими красными шариками. Такіе же красные шерстяные шарики висятъ на черныхъ лентахъ и у дѣвушекъ сзади ихъ красныхъ кичекъ.

Но въ Фалунѣ нужно смотрѣть собственно не самъ городъ, а его мѣдныя копи, тѣ знаменитыя „Falu Grufva“, которыя разработываются на одномъ и томъ же мѣстѣ уже семь столѣтій, съ XIII-го вплоть до XX-го. Эти обширнѣйшія въ мірѣ копи лежатъ всего версты полторы отъ города и составляютъ теперь, въ сущности, одно изъ предмѣстій его. Когда-то онѣ были не только самыя обширныя, но и самыя богатѣйшія въ свѣтѣ; годовая добыча ихъ доходитъ до 300.000 пудовъ мѣди; Густавъ Адольфъ называлъ ихъ поэтому въ шутку „государственною казною“ Швеціи. Теперь же мѣди добывается здѣсь чуть не въ десять разъ меньше; австралійскіе и южно-американскіе рудники уже давно и далеко опередили ихъ.

Какъ только вы выѣхали изъ города, вы сейчасъ же очутились въ какой-то Богомъ проклятой черной пустынѣ. Вся страна на нѣсколько верстъ кругомъ закопчена, заржавлена, выжжена ядовитыми испареніями мѣди, которую прежде выплавляли огнемъ безчисленныхъ печей. Теперь уже давно выдѣляютъ здѣсь мѣдь изъ руды мокрымъ химическимъ путемъ... Куда ни взглянешь, вездѣ, на громадномъ пространствѣ, черно-бурыя горы шлаковъ и камней, выброшенныхъ изъ нѣдръ земли. Отовсюду поднимаются мрачнымъ траурнымъ лѣсомъ черныя трубы заводовъ, которыя въ рабочіе дни обращаютъ эту голую каменистую „юдоль плачевную“ въ дымящійся адъ кромѣшный. Мы выѣзжаемъ на площадку, къ дому заводскаго управленья. У ногъ нашихъ проваливается широкая распахнутая пропасть, саженъ въ

40 или 50 глубины,—громаднѣйшій кратеръ своего рода, который и есть главное вмѣстилище фалунскихъ рудниковъ. На днѣ этого исполинскаго оврага виднѣется нераспутываемый хаосъ колесъ, блоковъ, канатовъ, колодцы, осыпи, провалья, бревенчатые срубы, подпирающіе обрушивающіеся берега пропасти, цѣлая сѣть перекрещивающихся деревянныхъ мостковъ, по которымъ возятъ тачки съ рудою, деревянныхъ лѣстницъ, карабкающихся вверхъ и внизъ; въ отвѣсныхъ стѣнахъ голубоватаго камня зіяютъ черныя пасти глубокихъ туннелей, пробитыхъ во всѣхъ направленіяхъ къ драгоцѣннымъ мѣднымъ жиламъ. Огромныя мѣдныя бадьи, вмѣщающія въ себѣ каждая по цѣлому возу руды, поднимаются и опускаются на цѣпяхъ и блокахъ съ глубокаго днища этого разверстаго чрева земного, — которое люди не смогли опустошить въ конецъ непрерывною работою семи столѣтій,—и опрокидываютъ на берегъ добытыя ими сокровища; а по берегамъ со всѣхъ сторонъ пропасти высятся гигантскими висѣлицами своего рода какія-то сложныя подъемныя машины, вытягивающія эти бадьи съ рудою, — и отъ нихъ сейчасъ же бѣгутъ къ заводамъ и дробильнямъ черныя змѣйки рельсовъ, по которымъ вагонетки проворно отвозятъ ссыпанную въ нихъ руду. Въ дробильняхъ громадные маталлическіе цилиндры въ видѣ исполинскихъ терпуговъ съ тупыми шипами, перемалывающіе кварцъ и гранитъ такъ же легко, какъ зерна ржи—мельничный жерновъ. Низенькія зданія заводовъ, можно сказать, задавлены пирамидами камней, безъ числа наваленныхъ сзади каждаго изъ нихъ; все это—вытянутое на верхъ нутро земное, опорожненное въ теченіе вѣковъ старыми и новыми шахтами. У подножія этихъ искусственныхъ горъ, образующихъ теперь цѣлый хребетъ своего рода, охватившій сплошнымъ кольцомъ провалье рудниковъ, заводскія учрежденія совсѣмъ теряются и видны только когда вплотную подъѣдешь къ нимъ.

Своеобразная пропасть, въ которой копаются шахты, и надъ которою мы теперь стоимъ,—разверзлась такимъ громаднымъ и глубокимъ кратеромъ по винѣ неопытныхъ рудокоповъ былыхъ временъ. Множество шахтъ и штоленъ, не укрѣпленныхъ внутри прочными подпорками, издырявили въ теченіе времени внутренность земли, какъ червоточина древесину дерева, — и въ одинъ прекрасный день, въ 1678 году, вся эта подточенная масса земли внезапно обрушилась внизъ и образовала теперешнее провалье.

Мы покинули этотъ „черный городъ“ своего рода, объѣхавъ кругомъ всей пропасти и посѣтивъ все, что было можно. По счастью, въ Фалунѣ столько зеленыхъ садовъ и аллей, что они

хотя отчасти обезвреживаютъ смертоносное дыханіе мѣдныхъ солей, которыми насыщены и почва, и воздухъ „чернаго города“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, присутствіе въ этой почвѣ мѣднаго купороса дѣлаетъ то, что гніеніе въ ней невозможно. Интересенъ случай, о которомъ разсказываютъ жители Фалуна: въ 1719 году въ одной изъ обрушившихся шахтъ нашли трупъ несчастнаго рудокопа по имени Матса Израэльсона, который погибъ въ ней еще въ 1670 году; оказалось, что въ теченіе цѣлаго полустолѣтія трупъ Матса сохранялся совсѣмъ невредимымъ, такъ что бывшая невѣста его, тогда уже старая старуха, сразу узнала въ немъ своего покойнаго жениха.

Фалунъ игралъ немаловажную роль въ романтической судьбѣ Густава Вазы въ самые критическіе для него дни, когда будущему освободителю Швеціи приходилось скрываться подъ платьемъ крестьянина отъ датскихъ преслѣдователей и съ опасностью жизни собирать вокругъ себя первое малочисленное ядро своихъ вѣрныхъ сторонниковъ. Въ Фалунѣ онъ надѣлъ на себя впервые рабочую куртку и круглую шляпу далекарлійца; въ Фалунъ онъ вторгся прежде всего во главѣ своего крошечнаго отряда далекарлійскихъ мужиковъ и, захвативъ въ плѣнъ „нагорнаго управителя“, Христофа Олафсона, безъ всякаго пролитія крови собралъ съ жителей „королевскую десятину“ на жалованье своему новорожденному воинству, а изъ шолковыхъ матерій, взятыхъ въ лавкахъ иностранныхъ купцовъ, торговавшихъ тогда въ Фалунѣ, надѣлалъ этому войску первыя побѣдоносныя знамена. Въ Фалунѣ же былъ вскорѣ послѣ этого подписанъ Густавомъ первый договоръ съ народомъ Далекарліи, по которому эти мужественные сыны Швеціи обязались идти на жизнь и смерть за своимъ новымъ вождемъ.

Когда мы направились изъ Фалуна черезъ Борланге по дорогѣ въ Упсалу и Стокгольмъ, намъ пришлось проѣзжать вдоль озера Руннъ, у котораго расположенъ Фалунъ, и берега котораго не меньше, чѣмъ озеро Сильянъ, запечатлѣны преданіями о похожденіяхъ Густава Вазы въ эпоху его скитаній. На одномъ изъ полуострововъ этого озера, какъ разъ у желѣзной дороги, находится между прочимъ и знаменитая въ исторіи Густава деревня Орнесъ, прославленная подвигомъ великодушной Барбро, дочери Стена и жены Арендта Персона, о которой я разсказалъ нѣсколькими страницами раньше.

До сихъ поръ въ Орнесѣ показываютъ древній домъ харак-

тернаго скандинавскаго стиля, такъ называемый „Орнесъ-стуга“, тщательно поддерживаемый на счетъ правительства, и сохранившуюся въ немъ комнатку—„kungs kammare“, — гдѣ Густавъ скрывался у Арендта Персона, и откуда Барбро спустила его въ окно на длинномъ полотенцѣ, чтобы спасти отъ измѣны своего вѣроломнаго мужа. На другомъ концѣ того же Руннъ-сіо — деревня Ранкгиттанъ, въ которой также свято сохраняется рига, гдѣ Густавъ, въ одеждѣ поденщика, колотилъ хлѣбъ хозяину-мужику, и которая до сихъ поръ носитъ имя „риги короля“ (kungs ladan).

Фалуномъ и Орнесомъ закончились наши далекарлійскія впечатлѣнія, и, въ сущности, закончилось и все наше путешествіе по милой Швеціи. Дорога до Стокгольма уже была извѣстна; въ Стокгольмѣ пришлось пробыть только два дня, чтобы окончательно приготовиться къ отплытію во-свояси.

Насъ ожидало въ этой веселой столицѣ веселыхъ шведовъ очень грустное семейное извѣстіе, заставившее насъ поторопиться отъѣздомъ. Чтобы сократить время, мы взяли за 82 кроны двѣ кабины перваго класса на пароходѣ „Велламо“, отходившемъ прямо въ Петербургъ. Этотъ громадный и изящно отдѣланный пароходъ былъ полонъ публики. Мы съ искреннимъ сожалѣніемъ прощались мысленно съ уходившимъ отъ насъ симпатичнымъ и прелестнымъ Стокгольмомъ, съ его зелеными садами, съ его поэтичными островками, съ его тихимъ какъ зеркало заливомъ, кишѣвшимъ пароходами и судами, какъ русская базарная площадь въ ярмарочный день мужицкими телѣгами. На другое утро мы уже подходили, переѣзавъ поперекъ всю Балтику, къ выступающему углу финляндскаго берега, къ городу Гангё, или Гангеуду, прославленному защитою противъ англійскаго флота въ севастопольскую войну. Разрушенная крѣпость на берегу, да нѣсколько разрушенныхъ батарей на прибрежныхъ шхерахъ — остаются наглядными памятниками боевыхъ событій. Тутъ уже и русскій жандармъ съ краснымъ аксельбантомъ, и русская рѣчь, и русскіе наряды, дѣтишки, одѣтыя по-русски. Даже горничная на шведскомъ „Vellamo“ оказалась говорящею по-русски, потому что научилась нашему языку „на Гельсинфорсѣ“, какъ объяснила она намъ. Русская публика во множествѣ проводитъ теперь лѣто въ Гангё и на окружающихъ его дачахъ, пользуясь морскими купаньями и сравнительно недорогою и удобною жизнью. Длиннѣйшій гранитный молъ выступаетъ далеко въ море, чтобы дать возможность пароходамъ причаливать къ берегу.

Публика овладѣла не только моломъ, но и приставшимъ къ нему нашимъ пароходомъ, во мгновеніе ока затопивъ его палубу своими щеголеватыми нарядами и заглушивъ своею дружною болтовнею, смѣхомъ и крикомъ даже громкую команду капитана. У всѣхъ и каждаго нашлось множество знакомыхъ, родныхъ и пріятелей. Даже и мы съ женою, къ удивленію своему, натолкнулись на одну близкую знакомую изъ далекаго нашего Воронежа, проводившую въ Ганґё купальный сезонъ.

Въ Гельсингфорсъ пришли въ тотъ же день. Онъ смотритъ издали очень красивымъ городомъ, особенно когда боковые лучи солнца, склоняющагося къ западу, въ упоръ освѣщаютъ его. Высадившись на пристани, мы съ особеннымъ сочувствіемъ увидѣли выстроившихся на площади извозчиковъ, на русскихъ дрожкахъ, въ русскихъ кучерскихъ шапкахъ и армякахъ. Подхожу къ одному изъ нихъ, чтобы нанять его покататься по городу, завожу по-русски рѣчь съ давно невиданнымъ землякомъ,—и, къ великому разочарованію моему, не получаю въ отвѣтъ ничего, кромѣ отрицательнаго мотанія головой въ знакъ совершеннаго непониманія. Оказалось, что русская дуга и русскій армякъ съ кушакомъ ни въ чемъ не измѣнили того несомнѣннаго факта, что возницы были истые чухны, не говорившіе по-русски. Однако, это обстоятельство, все-таки не помѣшало намъ столковаться съ ними насчетъ цѣны, такъ какъ у каждаго изъ нихъ есть книжка съ таксою на трехъ языкахъ, шведскомъ, финскомъ и русскомъ.

За часъ ѣзды по городу, взяли съ насъ $2^1/_2$ марки. Мы дѣйствительно объѣхали весь городъ, все время чувствуя себя такъ, какъ будто еще и не думали выѣзжать изъ Швеціи. Чистота и порядокъ вездѣ настоящіе шведскіе, вездѣ шведскія вывѣски, шведскія надписи, вездѣ шведскій и финскій говоръ. Русскія вывѣски попались только на книжной торговлѣ Рѣзвова, на Александровской гимназіи, да на немногихъ чайныхъ магазинахъ. Даже какое-то механическое заведеніе—очевидно, русское—сочло долгомъ выставить на своей вывѣскѣ: „Sidorof". Правда, проѣхали мы еще мимо русскаго кружка „Надежда", помѣстившагося въ болѣе чѣмъ скромномъ, одноэтажномъ деревянномъ домѣ Елизаветинской улицы. Хорошо еще, что улицы да нѣкоторыя оффиціальныя учрежденія надписаны на трехъ языкахъ,—на шведскомъ, финскомъ и русскомъ,—а то русскому простому человѣку, солдату, работнику, приказчику, приходилось бы, волей-неволей, путаться въ городѣ, отыскивая необходимыя имъ мѣста.

Весь интересъ Гельсингфорса для путешественника сосредо-

точивается, собственно говоря, на Сенатской площади. Тутъ величественный пятиглавый соборъ на высоко поднятой гранитной террасѣ, на которую ведутъ многочисленные ряды широкихъ торжественныхъ ступеней, — „красное крыльцо“ своего рода; тутъ прекрасныя зданія сената и университета, и наконецъ тутъ же, по срединѣ площади, памятникъ императору Александру II-му. Мы залюбовались русскимъ стилемъ и эффектною постановкою собора, далеко виднаго съ моря, его усѣянными звѣздами синими куполами, колоннадами его четырехъ портиковъ и его бѣлокаменными статуями на фронтонахъ и вокругъ карнизовъ.

Не сомнѣваясь, что этотъ пятиглавый соборъ съ куполами и фронтонами—типическій русскій храмъ обычнаго московско-византійскаго стиля, поднимаемся къ нему по великолѣпной лѣстницѣ террасы, входимъ въ двери—и въ изумленіи останавливаемся на порогѣ: передъ нами лютеранская церковь, заставленная рядами скамей; въ нишахъ—большія бѣлыя статуи Лютера, Меланхтона и другихъ вождей реформаціи; на хорахъ—органъ. Впослѣдствіи, знающіе люди намъ разсказали, что сначала, дѣйствительно, храмъ этотъ строился какъ русскій соборъ, но по какимъ-то причинамъ, для меня не совсѣмъ яснымъ, его повернули потомъ подъ лютеранскую церковь.

Нашъ русскій храмъ—въ другомъ мѣстѣ, надъ самымъ моремъ, и тоже далеко виденъ, но онъ много уступаетъ въ величественности пятиглавому собору, обращенному въ лютеранскій храмъ. Мы нарочно съѣздили къ нему и осмотрѣли его и снаружи, и внутри. Архитектуры онъ тоже византійской, но болѣе своеобразной и не лишенной красоты. Внутри—высота и просторъ; массивныя гранитныя колонны сильно раздвинуты къ стѣнамъ, такъ что середина храма совсѣмъ свободна; арки и весь верхъ расписаны пестрыми арабесками въ русскомъ вкусѣ; въ куполѣ—звѣздное небо.

Больше всего въ Гельсингфорсѣ понравился намъ памятникъ Царю-Освободителю, котораго почему-то раньше всѣхъ другихъ областей Россіи помянули торжественными монументами наши окраины.

Памятникъ очень удаченъ и талантливъ. Александръ II-ой изображенъ въ военномъ мундирѣ, какъ бы дѣлая шагъ впередъ, съ свиткомъ законовъ въ рукѣ. Вокругъ огромнаго постамента, изъ красноватаго полированнаго гранита, четыре аллегорическія фигуры: спереди—женщина въ львиной шкурѣ на плечѣ, со львомъ у ногъ, съ мечомъ и щитомъ въ рукѣ; на щитѣ напи-

сано: „Lex"; очевидно, это—Финляндія и ея старые законы, защитникомъ и покровителемъ которыхъ финляндцы считаютъ Александра II-го. Справа—науки и искусства; слѣва—крестьяне съ земледѣльческими орудіями; сзади—богиня мира съ пальмовой вѣткой въ рукѣ, съ кошницею винограда и плодовъ.

Направляясь къ Петербургу, пароходъ нашъ долженъ былъ пройти подъ самыми стѣнами Свеаборгской крѣпости, расположенной на нѣсколькихъ сосѣднихъ островкахъ. Земляныя и гранитныя укрѣпленія ея далеко не высоки, но зато въ прорѣзы ихъ глядятъ во всѣ стороны, словно злыя очи притаившагося за этими валами стоглазаго чудовища, черныя жерла пушекъ, готовыхъ, по первому мановенію, изрѣшетить любой приближающійся корабль. На утесахъ Свеаборга вездѣ маяки, а по срединѣ крѣпости, выше всѣхъ маяковъ—наблюдательная башня съ отражательнымъ электрическимъ зеркаломъ. Все время, пока мы не ушли Богъ знаетъ какъ далеко, это громадное вращающееся зеркало направляло въ разныя стороны снопы своихъ ослѣпительныхъ лучей. Забавлялись ли господа офицеры, завѣдующіе башнею, или это требуется крѣпостною службою для ночного дозора окрестностей, только мы болѣе часу любовались, какъ странныя огненныя полотна то мгновенно пробѣгали и разстилались далеко по темному морю, то испуганно бѣжали назадъ и зажигались совсѣмъ въ противоположномъ мѣстѣ.

Среди черносиней ночи, казавшейся еще чернѣе отъ этихъ огненныхъ вспышекъ, вдругъ освѣщались какимъ-то фантастическимъ серебристымъ сіяньемъ, словно застигнутые на мѣстѣ преступленія и открытые въ своихъ тайныхъ убѣжищахъ, далеко плывущіе корабли, острова, лѣса, цѣлыя панорамы береговъ, внезапно извлеченныя изъ скрывавшей ихъ тьмы.

Или вдругъ голубовато-фосфорическій пукъ лучей, широко разинувшій пасть своей неосязаемой воронки, скользнувъ какъ вздрогнувшая молнія съ одной стороны на другую, догонялъ нашъ уходившій пароходъ и ослѣплялъ намъ глаза, заливая всю палубу своимъ искусственнымъ солнцемъ. Все вспыхивало тогда на пароходѣ какъ пожаромъ—снасти, трубы, колеса, лица людей... Береговые и встрѣчные маяки тоже постоянно мигаютъ своими вращающимися фонарями; но все-таки всѣхъ дальше и всѣхъ упорнѣе преслѣдуетъ насъ, будто исполинскій глазъ циклопа, гнѣвно разыскивающій среди темноты ночи убѣжавшую отъ него жертву—электрическій снопъ свеаборгской башни.

Взошла луна, уже наполовину обгрызанная, красная и тусклая, какъ мѣдный тазъ, сравнительно съ лучами электричества. Но черезъ часъ отъ этого ослѣпительнаго солнца уже слѣда не видно, а неказистый обгрызокъ луны, этотъ природный фонарь божій, поднимается все выше и выше, горитъ все свѣтлѣе и ярче, одинаково видный теперь всѣми и вездѣ, на цѣлой половинѣ шара земного...

Черный хвостъ дыма стелется за нашимъ пароходомъ, все понижаясь къ водѣ и отражаясь въ ней еще болѣе чернымъ столбомъ. Въ полутьмѣ онъ принимаетъ фантастическія формы, и кажется, что какой-то черный духъ все время плыветъ по воздуху за пароходомъ, выше его трубъ и мачтъ.

Страшна ночью пучина моря, безотрадная, невѣдомая, безнадежная!..

Неосвѣщенные бока волнъ кажутся ныряющими кругомъ насъ таинственными черными чудовищами, въ несмѣтныхъ полчищахъ преслѣдующими нашъ одинокій корабль. Если очутишься въ бурю среди этой черной пучины, далеко отъ береговъ, на кускѣ мачты, на доскѣ разбитой лодки,—не хватитъ мужества ждать, пока эта бездонная пучина поглотитъ тебя,—самъ бросишься въ отчаяньѣ на встрѣчу смерти...

Рано утромъ мы уже входили въ болѣе узкое мѣсто Финскаго залива, гдѣ качка начинаетъ стихать, гдѣ мало-по-малу начинаютъ вырисовываться оба берега... Передъ нами драгоцѣнное пріобрѣтеніе русской силы, русскаго историческаго генія,—не „окно“ уже, а цѣлая широко-открытая дверь въ Европу, на весь вольный свѣтъ, часть того неоцѣненнаго богатства, которымъ издревле владѣли смѣлые скандинавы, считавшіе себя когда-то единственными хозяевами всего приморскаго сѣвера.

Заливъ, открывшій намъ путь къ морямъ и къ цивилизаціи Европы, не вдохнулъ, однако, въ насъ того духа законности, самоуваженія и взаимнаго довѣрія, которымъ стали такъ сильны и благоустроены западные народы, и который такъ отрадно было намъ видѣть и ощущать въ только-что покинутой нами Скандинавіи. Радостное чувство возвращенія на родину сейчасъ же омрачилось при вступленіи въ родныя воды. Штурманъ обошелъ всѣхъ насъ и обобралъ наши паспорты, сообщивъ, что получимъ ихъ обратно только въ Петербургѣ, послѣ жандармскаго осмотра ихъ. Два мѣсяца странствовали мы среди чужихъ людей, въ чужой странѣ, и никто ни разу не усомнился въ томъ,

что мы честные и невинные люди, а не заговорщики и не злоумышленники; всюду насъ пускали, не требуя отъ насъ никакихъ документовъ, вездѣ оказывали только помощь и дружелюбное вниманіе; но вотъ мы вернулись въ отечество, и вдругъ сразу попали въ разрядъ подозрительныхъ: намъ не вѣрятъ, противъ насъ принимаютъ мѣры, какъ противъ злоумышленниковъ, пересматриваютъ недовѣрчиво наши бумаги, пытливо вглядываются въ наши лица, окружаютъ насъ стражею, пока не произведутъ надъ нами бѣглаго слѣдствія, и выпускаютъ насъ по одному на свободу, какъ изъ тюрьмы преступниковъ, увѣрившись наконецъ, что мы не собираемся ни украсть, ни взорвать на воздухъ градъ св. Петра...

Евгеній Марковъ.

СОЛДАТКА

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ довольно большой залѣ земскаго училища села Верхотурья шелъ наборъ. Другого мѣста удобнаго для этого не было. Зданіе волостного правленія было мало, а время набора—позднею осенью—таково, что оконъ отворять нельзя; а потому въ небольшомъ помѣщеніи этого правленія воздухъ становился, отъ большого скопленія народа и отъ постояннаго присутствія нѣсколькихъ голыхъ „гожихъ", до того нехорошъ, что волей-неволей приходилось на это время останавливать школьныя занятія и, вынесши парты, превращать школьное помѣщеніе въ залъ засѣданія воинскаго присутствія. Въ другой большой классной комнатѣ и въ помѣщеніи учителей размѣстились на ночлегъ члены присутствія. Тутъ же они, за винтомъ, а то и за стуколкой, коротали со съѣхавшимися окружными помѣщиками длинные осенніе вечера. Учителя же тоже переѣхали: одинъ, бывшій съ священникомъ въ хорошихъ отношеніяхъ—къ нему, а другой, съ нимъ враждовавшій—къ волостному писарю. Три, четыре дня продолжалось присутствіе: день—надо было приготовить и вымыть школу, день—все привести въ обычный порядокъ,—итого, на цѣлую недѣлю ученье прерывалось. Это очень не нравилось инспектору, который уже десятый годъ жаловался на это предсѣдателю училищнаго совѣта, т.-е. предводителю. Предсѣдатель совѣта любилъ школьное дѣло, и это ему тоже не нравилось; онъ каждый разъ обѣщалъ инспектору постараться этотъ порядокъ измѣнить. Но кончалось тѣмъ, что предсѣдатель воинскаго

присутствія, т.-е. тотъ же предводитель, переговоривъ съ исправникомъ и уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ, писалъ въ училищный совѣтъ просьбу очистить училище, а предсѣдатель совѣта не находилъ возможнымъ отказать предсѣдателю присутствія. Повторялось это ежегодно со времени постройки школы. Прежде обходились помѣщеніемъ волостного правленія.

Итакъ... въ Верхотурьѣ шелъ наборъ. Наканунѣ были розданы жребіи, а теперь производился осмотръ. „Гожіе" стояли вереницей по порядку нумеровъ вынутыхъ жребіевъ. Въ то время какъ одинъ осматривался и ощупывался докторами, а то и членами присутствія, другой стоялъ подъ мѣркой, при чемъ старшина изъ унтеръ-офицеровъ выпрямлялъ ему ноги и наблюдалъ, чтобы онъ голову держалъ какъ слѣдуетъ. Двое слѣдующихъ стояли уже голые, еще двое—въ рубашкахъ, слѣдующая пара—въ рубашкахъ и шароварахъ, но разутые. Иному стоять приходилось подолгу, если передъ нимъ случалось разногласіе между членами присутствія.

Осмотръ людей удивительно похожъ былъ на разглядываніе лошадей на конныхъ ярмаркахъ. Какъ барышникъ ощупываетъ ноги, животъ и грудь у лошади, такъ ощупываютъ доктора свидѣтельствуемаго. У лошади зубы смотрятъ; лѣзетъ въ ротъ новобранца и докторъ, только не беретъ его за языкъ, чтобы ротъ открылъ. Какъ лошадь молчитъ, такъ молчитъ человѣкъ подъ мѣркой, и если рѣшится иногда сказать: „ваше высокоблародіе, у меня голова болитъ", то обыкновенно услышитъ отвѣтъ: „небось, пройдетъ"; а то и отвѣта не получитъ. Какъ радуется барышникъ, когда нападетъ на жеребца безъ порока, такъ смакуютъ красивое, здоровое тѣло юноши члены присутствія прежде, чѣмъ направить его въ гвардію.

Одинъ изъ докторовъ помоложе смотрѣлъ довольно равнодушно и подходилъ только по приглашенію коллеги. Другой, старикъ, бритый, лысый, со сморщеннымъ, какъ грибъ, лицомъ и пучкомъ длинныхъ волосъ, торчавшихъ изъ ушей, наоборотъ, съ удовольствіемъ занимался своимъ дѣломъ, шутилъ большею частью пошло, иногда неприлично. Старика-предводителя эти шутки, часто оскорбительныя для новобранца, коробили. Исправникъ, хорошій человѣкъ, всегда боявшійся злоупотребленій, часто возбуждалъ разногласіе и соглашался признать кого-нибудь негоднымъ, только когда болѣзнь была очевидна и для него. А то скажетъ, бывало, глядя на докторовъ, признававшихъ у красиваго малаго порокъ сердца: „По моему, здоровъ; тамъ разберутъ". И малаго направляли въ губернское присутствіе. Этотъ

исправникъ, главнымъ образомъ, не хотѣлъ, чтобы пришлось брать льготныхъ. Уѣздный воинскій начальникъ велъ свои списки и отмѣчалъ коренастыхъ въ артиллерію, ловкихъ и по возможности мастеровыхъ—во флотъ на семь лѣтъ, длинноногихъ—въ кавалерію. Послѣ, бывало, назначенный во флотъ бросался ему въ ноги и умолялъ пощадить, говоря, что у него жена и двое дѣтей. Полковника эти заявленія не трогали. „А кого же мнѣ во флотъ назначать? Дрянь? Не женился бы, да не родилъ дѣтей, коли боишься ихъ оставить",—и человѣкъ на семь лѣтъ отрывался отъ жены и дѣтей. Предводитель относился къ своему дѣлу вполнѣ сознательно. Часто, когда выкрикивалось роковое: „годенъ", онъ начиналъ думать о томъ, куда броситъ новаго солдата судьба, мирно ли онъ вернется черезъ положенный срокъ въ семью свою, или найдетъ преждевременную смерть на войнѣ изъ-за преобладанія той или другой державы надъ третьимъ, болѣе слабымъ народомъ? А если вернется, то все ли онъ найдетъ дома, какъ оставилъ, или узнаетъ, вернувшись, что мать или грудной его сынъ умерли, что жена измѣнила ему и родила безъ него, что богатый домъ превратился въ нищій отъ того, что ушелъ изъ него единственный хорошій работникъ? Въ молодости онъ самъ былъ военнымъ, былъ на войнѣ и сохранилъ о ней воспоминаніе, какъ о чемъ-то ужасномъ, противоестественномъ, безсмысленномъ... И теперь ему часто хотѣлось плакать, когда онъ воображалъ кого-нибудь изъ этихъ молодыхъ людей умирающимъ, одинокимъ между трупами на полѣ брани, послѣ долгихъ страданій, отъ того, что некому перевязать его ранъ. „Не убій!"—слышалось ему.—„Люби ближняго,какъ самого себя". А тутъ онъ же рѣшалъ вопросъ: годенъ или не годенъ убивать какъ можно больше ближнихъ этотъ человѣкъ?..

Въ прихожей и у крыльца школы толпился народъ. Уже забритые и толпою ждавшіе своей очереди, родители ихъ, родственники, знакомые, пріѣхавшіе провожать ихъ иногда за сорокъ верстъ, чтобы скорѣе разъяснилось давящее сомнѣніе: „годенъ" или „не годенъ". Къ окнамъ комнаты, гдѣ происходилъ наборъ, подлѣзали бабы, дѣвки, парни, дѣвочки и мальчики. Нѣкоторые изъ нихъ любовались выставлявшейся на показъ наготой, а большинство съ трепетомъ старалось сквозь окна разгадать минутой раньше всѣхъ давившее сомнѣніе, „годенъ" или „не годенъ" ихъ сынъ, ихъ мужъ, ихъ братъ?..

Исправникъ, видя, что лѣзутъ, подходилъ къ окну и кричалъ: „Чего лѣзете? Аль не видали?"—и всѣ на минуту отбѣгали, чтобы снова приставить, кто могъ, свои лица къ стеклу.

Когда, еле успѣвъ одѣться, „гожій“ выбѣгалъ наружу и сообщалъ матери, отцу, женѣ результатъ осмотра, у нихъ вырывался или крикъ радости—при словѣ „не годенъ“, или вздохъ временнаго облегченія—при извѣстіи объ отсрочкѣ, или, наконецъ, восклицаніе скорби, когда слышали:—„годенъ“. Сердце у нихъ, какъ бы обрывалось, какъ обрывается у родныхъ преступника, когда они слышатъ на судѣ отвѣтъ присяжныхъ: „да, виновенъ“.

II.

Наканунѣ въ селѣ Шматовѣ, неподалеку отъ Верхотурья, Максимъ Кондратьевъ и жена его Ольга Панкратова Тарабрины, по уличному Курносиковы, собирались провожать своего старшаго сына, Андрея, въ солдаты. Уже давно онъ „гулялъ“ съ другими гожими. „Гуляли“ лобовые и льготные, здоровые и больные.

— Чего ты-то гуляешь? — скажутъ, бывало, какому-нибудь льготному второго разряда.—Вѣдь тебѣ не идти!

— А може и льготныхъ возьмутъ?

Или скажутъ хромому какому-нибудь:

— Тебя возьмутъ что-ль? Да на кой ты нуженъ въ солдатахъ?

— А ну какъ забрѣютъ?

И льготный, и хромой знали, что ихъ не возьмутъ, но рады были случаю погулять. Андрей же самъ былъ увѣренъ, что пойдетъ. Правда, мать его долго ахала, что у нихъ возьмутъ послѣдняго работника.

— Что за работникъ Васька?—говорила она:—нешто это кормилецъ для отца съ матерью? Нешто онъ насъ прокормитъ?

Она забывала, что Васькѣ шелъ уже девятнадцатый годъ, забывала, что они держатъ работника. Ходила въ волостное правленіе, доходила до земскаго. Вездѣ ей сказали одно:

— Сынъ твой не льготный. Законы насчетъ этого строгіе. Хоть бы ты и взаправду разорилась отъ этого—Андрея возьмутъ.

Итакъ, наканунѣ набора у Курносиковыхъ собралась родня, провожать его въ солдаты. Главнымъ образомъ собрались не столько его родные, сколько родные его жены, Агаѳьи. Пришли они поплакать о горькой участи будущей солдатки. Выпили порядкомъ и стали говорить и плакать о предстоявшей разлукѣ.

— Чего ты, Агаѳья, убиваешься?—говорила ей ея мать.— Вѣдь, можетъ, его еще, голубчика, по дальнему жребію оставятъ.

— Ну, не бывать такому счастью. Сердце мое чуетъ...

Андрей, порядочно выпившій вина, куражился.

— Ну, чего ты ревешь? Ну, возьмутъ. Послужу и я. Аль я въ полѣ обсѣвокъ?

А у самого слезы, нѣтъ, нѣтъ, да и навернутся. Жаль ему было дома, стариковъ, а главное —жены. Пара, дѣйствительно, была на радость. Оба стройные, красивые, уже два года женатые, они любили другъ друга, какъ въ началѣ супружеской жизни. Онъ— сынъ богатыхъ родителей, она—тоже изъ богатаго дома,—были, казалось, созданы другъ для друга. Вся деревня завидовала.

— Ну, чего ты хорохоришься? Небось ты не Курносикова,— говорилъ иной разъ мужъ, ссорясь съ женой.

— Ну и ты не Курносиковъ,—отвѣчала та.

Молодые Курносиковы служили примѣромъ всего хорошаго, красиваго, богатаго. И выпивши, Андрей не обижалъ жены, не подавалъ малѣйшаго повода къ ревности, слушался ея, когда она звала его домой.

Отецъ его, Максимъ, еще не старый человѣкъ, лѣтъ сорока, тоже красивый и стройный, хотя немного болѣе плотный, чѣмъ сынъ, былъ образецъ хозяина воздержнаго и разсчетливаго, безъ скупости, строгаго и требовательнаго, безъ жестокости. Первый человѣкъ на сходѣ, безсмѣнный волостной судья, онъ часто тоже приводился въ примѣръ домохозяина. Одинъ у него былъ недостатокъ: „охочъ“ былъ до женскаго пола. Ну, да и тутъ ему находили извиненіе: жена его, Ольга, была ему не пара. Она была глупа и даже по крестьянству мало развита. Мужъ разговаривать съ ней не любилъ.

— Ты ужъ молчи. Не твоего ума это дѣло,—говорилъ онъ ей, когда она вмѣшивалась въ серьезный разговоръ.

Зато съ сыномъ и даже снохой онъ любилъ совѣтоваться.

Пили у нихъ наканунѣ набора немного. Водка не придавала веселья, а наоборотъ, еще больше располагала къ слезамъ.

Утромъ на другой день вся семья поѣхала въ Верхотурье, поручивъ домъ работнику. Ѣхали тихо и почти всю дорогу молча. Правилъ Василій.

Очередной жребій Шматѳвской волости былъ одинъ изъ послѣднихъ. Поэтому Андрею, до вынутія жребія, приходилось ждать цѣлый день. Они всѣ провели его у телѣги. Хотя разговоръ не клеился, всѣмъ хотѣлось быть съ Андреемъ. Сердце его стучало и руки дрожали. Онъ нѣсколько разъ спросилъ у волостного пи-

саря, съ какого нумера есть надежда остаться. Писарь разсчиталъ по примѣру прежнихъ лѣтъ и отвѣтилъ, что такъ, приблизительно, съ пятьсотъ-двадцатаго можно еще надѣяться.

— А ну какъ останусь?—шепнулъ онъ на ухо женѣ.

Жена ему не отвѣтила, только еще заплакала. Наконецъ очередь пришла и за его волостью. Призываемые стали по порядку записи вереницей и по вызову вынимали билетики изъ колеса. Подводили ихъ старшина и писарь со спискомъ въ рукахъ. За льготныхъ перваго разряда жребій вынималъ самъ старшина. Члены присутствія записывали результатъ жеребьевки въ разныя книги, выкликивая по очереди, какъ бы перекликаясь, имена взявшихъ жребій и нумеръ.

— Андрей Максимовъ Тарабринъ,—провозгласилъ одинъ изъ членовъ. У Андрея помутилось въ глазахъ.

„Неужели разставаться придется и идти? Богъ дастъ, останусь“. Онъ широкимъ крестомъ перекрестился, засучилъ рукава, вынулъ жребій и подалъ его воинскому начальнику.

— 514,—проговорилъ тотъ.

— 514, Андрей Максимовъ Тарабринъ,—повторилъ исправникъ.

Андрей отошелъ.

„Какъ будто идти. А вдругъ... вѣдь это недалеко отъ 520“.

Онъ вернулся къ своимъ, не сводившимъ глазъ съ дверей школы.

— 514,—сказалъ онъ.

— Ничего не видать, — проговорилъ Максимъ. — Раньше конца не узнаемъ. Какъ браковка пойдетъ.

Они остановились у знакомыхъ. Обѣ ночи никто изъ нихъ почти не спалъ. Андрей то-и-дѣло, несмотря на холодную осеннюю погоду, выходилъ провѣтриваться. Первый день осмотра браковка шла, по выраженію писаря, ни шатко, ни валко. Напередъ нельзя было ничего сказать. У Андрея, отъ томительнаго сомнѣнія, разболѣлась голова. Онъ утѣшалъ жену, какъ могъ, хотя самъ, отъ мучившей его неизвѣстности, готовъ былъ заплакать. Онъ давалъ обѣтъ сходить въ Воронежъ, къ святителю Митрофанію, если останется... „Каждый праздникъ буду просвиру подавать... лишь бы остаться... бѣдная Ганя!..“

Къ вечеру второго дня осмотра уже свидѣтельствовали 500-го; позвали въ залу Андрея и велѣли раздѣваться. Онъ сталъ въ рядъ. 509-й былъ взятъ, еще не хватало двухъ. Андрей расчелъ, что останется, если изъ четырехъ возьмутъ двухъ.

Авось, на его счастье, не забракуютъ.

510-й оказался чахоточнымъ, 511-й забритъ.

„Еще двое остались, неужели одного не возьмутъ?"—думалъ онъ, стоя уже совсѣмъ голый, недалеко отъ мѣрки.

512-й сказалъ, что плохо слышитъ. Докторъ ему велѣлъ закупорить носъ и ротъ и надуться. Въ ухѣ было прободеніе перепонки. Онъ былъ забракованъ.

„Вотъ счастливецъ-то! что бы у меня ухо болѣло,—подумалъ Андрей.—Ну! послѣдняя надежда. Этотъ малый подъ мѣркой, какъ будто здоровъ... Можетъ, забрѣютъ... Боже, помоги мнѣ... Даю еще клятву сходить въ Кіевъ"...

— Всѣмъ здоровъ?—спросилъ докторъ.

— У меня во рту болитъ,—отвѣтилъ призываемый.

Осмотрѣли ротъ, при чемъ и исправникъ всталъ и посмотрѣлъ—оказались раны.

— Отсрочка,—сказалъ докторъ.

— Жаль, малый славный!—возразилъ исправникъ.

— Кончено!—мелькнуло въ головѣ Андрея.

— А этотъ чѣмъ плохъ?—спросилъ докторъ, смотря на него.

Андрей уже стоялъ подъ мѣркой. Толстый старшина, съ медалями, ударами ноги выпрямлялъ его ноги, а руками сильно повернулъ голову, чтобы онъ ея не нагибалъ въ сторону. Смѣрили грудь, посмотрѣли во рту, выслушали.

— Всѣмъ здоровъ?—спросилъ докторъ.

— Голова болитъ.

— И у меня, братъ, болитъ. Плохо ночь спалъ. Аль не хочется въ солдаты? Женатъ?

— Точно такъ, женатъ.

— Ну, не тоскуй о женѣ. Пойдешь въ солдаты—думаешь, никто не найдется ее утѣшить?

При этой злой шуткѣ, докторъ хлопнулъ его по плечу.

— Гожъ,—громко сказалъ онъ.

— Гожъ,—повторилъ уѣздный начальникъ.

Андрей пошелъ одѣваться.

Недѣли черезъ три послѣ набора, большая толпа крестьянъ собралась въ уѣздномъ городѣ, на вокзалѣ желѣзной дороги. Новобранцы, окончательно распредѣленные воинскимъ начальникомъ, отправлялись къ мѣсту своего назначенія. Кто ѣхалъ въ Варшаву, кто въ Ригу, кто въ пѣхоту, кто въ артиллерію, кто въ гвардію въ Петербургъ. Въ числѣ гвардейцевъ былъ и Андрей. Всѣхъ новобранцевъ провожали родные, пріѣхавшіе изъ селъ, послѣдній разъ съ ними повидаться. Новобранцы были всѣ въ

коротких полушубках, въ башлыкахъ. Каждому мать или жена приготовили, что̀ могли—рубашки, шаровары, приготовили изъ послѣдняго, часто продавъ всѣ запасные хомуты или понёвы. Тутъ старуха, крестя сына, совала ему лепешку изъ послѣдней горсти муки, или молодая жена, съ ребенкомъ за пазухой, отдавала ему баранки, купленныя на двугривенный, заработанный въ праздникъ на поденной у помѣщика.

Андрея провожали отецъ съ матерью и жена. Время приходило прощаться: Андрей отвелъ жену въ сторону.

— Ганя, не будешь гулять безъ меня?

— Видитъ Богъ, не буду, Андрей!—и залилась слезами.

Андрей изъ денегъ, данныхъ ему на дорогу отцомъ, сунулъ ей три рубля.

— Купи себѣ, что̀ нужно, моя бѣдная.

— Нѣтъ, не надо, не надо. Тебѣ нужнѣй... Оставь себѣ.

— Бери, тебѣ говорятъ. Мнѣ ничего не нужно.

Она взяла деньги и опять заплакала. Подошли родители. Мать заголосила.

— Не убивайтесь такъ!—сказалъ Андрей.—Богъ дастъ, отслужу и вернусь,—и самъ заплакалъ.

— Садитесь, садитесь!—послышался голосъ.

Андрей стиснулъ зубы, поцѣловалъ отца, мать, судорожно обнялъ жену и побѣжалъ въ вагонъ. Долго еще смотрѣлъ онъ въ окно и не могъ оторваться отъ милыхъ ὀбразовъ.

— Ганя!—крикнулъ онъ, когда поѣздъ тронулся.

Тѣ постояли, постояли, пока поѣздъ не повернулъ и не скрылся изъ глазъ. Агаѳья махнула рукой. Съ поѣздомъ улетало ея счастье.

III.

Прошло около пяти лѣтъ. За два дня до Покрова, въ поѣздѣ, приближавшемся по направленію отъ Петербурга къ той же станціи, гдѣ происходили только-что описанные проводы новобранцевъ, сидѣло нѣсколько военныхъ въ разныхъ мундирахъ. Въ числѣ ихъ и красотой, и блескомъ мундира отличался старшій унтеръ-офицеръ одного изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Это былъ Андрей Курносиковъ.

— Какъ это я, землякъ, тебя въ Питерѣ не встрѣчалъ?—говорилъ ему унтеръ-офицеръ изъ другого полка—пѣхотнаго, сѣвшій на одной изъ послѣднихъ станцій.

— Чего же тутъ мудренаго?—отозвался Андрей.—Петербургъ—не маленькая деревня.

Разговорились они о житьѣ-бытьѣ въ ихъ полкахъ. Андрей разсказывалъ про свою службу.

— Только я пріѣхалъ и еще былъ въ новобранцахъ, приходитъ письмо, что матушка моя померла. Въ погоду, значить, ѣхала съ базара съ отцомъ, да заплутались. Она простудилась и померла... Нехорошо мнѣ было на сердцѣ... И могилы еще не видалъ... Ну, потомъ, значитъ, изъ деревни все слухъ шелъ хорошій, и отъ отца подарки, и отъ жены поклоны... все честь честью... и мнѣ стало вовсе хорошо. Извѣстно дѣло: гвардія. И пища хорошая, и начальство заботится... Мнѣ армейскіе не то разсказывали. Я былъ грамотный и, могу сказать, хорошо грамотный... Попалъ въ учебную команду. Лучше жизни не надо, кабы не болѣло сердце о домѣ, а главное о женѣ... Такъ дѣла сложились, что и на побывку не пришлось ѣхать... Разъ только въ лазаретѣ шесть недѣль вылежалъ: ногу сломалъ на маневрахъ. А то дай Богъ всякому такъ служить, какъ я служилъ. Ну, теперь скоро. Это нашъ городъ... мнѣ слѣзать.

На вокзалѣ Андрей встрѣтился съ односельчаниномъ, пріѣхавшимъ въ городъ—хлѣбъ продавать. Лошадь онъ поставилъ на постояломъ дворѣ, а самъ пришелъ на вокзалъ посмотрѣть. Андрей первый узналъ его.

— Ну, Андрюха, отродясь бы не угадалъ тебя. Какимъ героемъ высмотришь! Ну, молодецъ!

— Какъ Ганя? Жива? Отецъ чтò?

— Ничего, ничего. Всѣ слава Богу. Дядя Максимъ амбаръ новый построилъ, желѣзомъ покрылъ. А хлѣба убралъ—въ пять лѣтъ не поѣсть. Онъ у Метелкина пятнадцать десятинъ снялъ; да на счастье, чтò ни посѣялъ—все какъ нельзя лучше родилось.

— Нѣтъ, ты про жену-то мнѣ скажи. Здорова?

— Слава Богу, тебя, знать, заждалась—похудѣла. Скучная такая ходитъ. А то ничего.

Черезъ нѣсколько часовъ Андрей на лошади встрѣченнаго односельца въѣзжалъ въ Шматово. Было еще свѣтло, и всѣ бывшіе на улицѣ вглядывались въ проѣзжаго. Нѣкоторые его не узнавали, а нѣкоторые спѣшили съ нимъ раскланяться.

— Ну?.. Андрюха?.. Каковъ? Ганя-то теперь рада будетъ. А то вовсе стосковалась.

Какъ ни понукалъ мужикъ свою лошадь, Андрею все казалось, что ѣдутъ медленно. Наконецъ, подъѣхали къ его дому.

Андрей вошелъ въ избу. Василій бросился къ брату. Тутъ же была Васильева жена съ ребенкомъ.

— Гдѣ Ганя?

— Она куда-то вышла. Сейчасъ, знать, придетъ.

Вошелъ Максимъ и поздоровался съ сыномъ довольно холодно.

— Ну, какъ, батюшка, поживаете? Ждали меня, что-ли? Да гдѣ же Ганя?

— Не знаю, я ея не видалъ. Знать, къ своимъ пошла.

Между тѣмъ вѣсть о пріѣздѣ Андрея разнеслась по селу и скоро дошла до семейства Агаѳьи, гдѣ она дѣйствительно была. Она сейчасъ же отправилась домой.

— Ганя! моя дорогая!—бросился ей на встрѣчу мужъ.

Агаѳья его поцѣловала холодно.

— Ну, дай, дай себя разглядѣть... Боже, какая ты худая! Чтò ты, больна?

— Нѣтъ, я ничего. Съ чего ты взялъ, что я больна?

— Да чтò ты какая-то скучная? Аль мнѣ не рада?

— Какъ не рада? Почему мнѣ не быть довольной?—глухимъ голосомъ отвѣтила Агаѳья.

Тѣмъ временемъ понашли родные и сосѣди. На столѣ появилась водка. Начали поздравлять Андрея съ пріѣздомъ.

„Чтò съ Ганей?—думалъ про себя Андрей.—Или, правда, чтò случилось?“

Пили до поздней ночи. Ночь была теплая, и когда разошлись, Андрей пошелъ спать въ хатку жены. Онъ пилъ немного и пьянъ не былъ.

„Чтò съ Ганей? Ее не узнаешь. Ну посмотримъ“,—все думалъ онъ, идя спать.

IV.

Ночью Андрей проснулся. Онъ прозябъ. Въ хатѣ было темно.

— Ганя!—окликнулъ онъ жену:—надо тулупъ достать, а то холодно.

Отвѣта не было.

— Ганя, Ганя!—позвалъ онъ громко.

Никто опять не отозвался. Онъ разыскалъ спички, зажегъ одну и посмотрѣлъ. Гани въ хатѣ не было. Онъ бросилъ спичку.

„Чтò съ Ганей? Я ея не узнаю. Говорятъ, по мнѣ скучала... Да тогда ей нужно бы было не такъ меня встрѣтить! Или, не дай Богъ, у нея чтò на совѣсти есть? Да нѣтъ... быть не можетъ. Можетъ, больна?.. чтò жъ она тогда не говоритъ?..“

Андрей вышелъ. Онъ началъ безпокоиться отсутствіемъ жены. Ночь была ясная и холодная. Луны не было, но при яркомъ блескѣ звѣздъ можно было кое-что разглядѣть. Онъ осмотрѣлся и, самъ не зная зачѣмъ, прошелся взадъ и впередъ. Вошелъ въ избу. Въ избѣ было темно, и по храпу было слышно, что всѣ спятъ.

„Можетъ, ей холодно стало, и она перешла спать въ избу,— подумалъ онъ,—да нѣтъ; быть не можетъ".

Спички зажигать онъ не захотѣлъ и опять вышелъ наружу. Такъ же машинально онъ дошелъ до риги. Вдругъ изъ риги ему послышались голоса.

„Неужели она?"—мелькнуло у него въ головѣ. Сердце сжалось у него, и онъ, притаивъ дыханіе, подошелъ ближе... еще ближе... Онъ прилегъ къ соломенной крышѣ риги, поднимавшейся съ самой земли... Голоса были слышны, но разобрать, чтò и даже кто говоритъ, было нельзя... Онъ раскопалъ отверстіе въ соломѣ... Разговоръ былъ, очевидно, горячій... одинъ голосъ низкій, другой высокій, какъ будто плачущій... Онъ выхватилъ еще, сколько могъ, соломы, почти насквозь. Голоса сдѣлались яснѣе... Говорила, всхлипывая и хрипя, его жена, Ганя.

— Батюшка, оставь... Я тѣ сказала, оставь... Я ухожусь, но больше на это не пойду... при немъ.

Ей отвѣчалъ тоже сдавленный страстью и страхомъ голосъ Максима, Андреева отца.

— Ну, что жъ... уходись... только не живи съ нимъ... Можетъ, и я ухожусь... Мнѣ жизнь на радость что-ль?.. Но коли ты съ нимъ будешь жить... я убью, убью всѣхъ, и тебя, и себя, и его... слышишь?

— Оставь... а то закричу... Я изъ-за тебя два года покою не знаю. Боюсь на людей смотрѣть. Боюсь на духу покаяться... И теперь, какъ онъ пришелъ, и то ты не хочешь меня пожалѣть... Оставь, тебѣ говорю... Я откроюсь всему свѣту: все равно помирать.

— Нѣтъ, шалишь, не уйдешь...

Началась возня.

Когда Андрей, разобравъ въ одномъ мѣстѣ крышу, услыхалъ голосъ жены, онъ почувствовалъ острую боль въ сердцѣ и страстное желаніе убить соперника; но когда онъ узналъ, что соперникомъ его является родной его отецъ, у него закружилась голова, и онъ упалъ въ безпамятствѣ; но это продолжалось мгновенье; онъ одной рукой схватился за слегу, на которой лежала солома крыши, другой рукой вцѣпился туда же, такъ что ногти

вошли въ тѣло; еще больше всунулъ голову въ сдѣланное отверстіе и сталъ жадно слушать. Онъ то сжималъ зубы, то стучалъ ими, какъ въ лихорадкѣ, стараясь поглядѣть и увидать ихъ. Но ночь была темная. Ничего не было видно. Слышна была возня, какъ будто она хотѣла убѣжать, а тотъ ее не пускалъ. Онъ хотѣлъ крикнуть: „оставь!"—но звукъ не выходилъ изъ горла.

— Пусти, окаянный!—послышался голосъ Гани.

— Нѣтъ, небось, не вырвешься!

— Кара...—Очевидно, она хотѣла крикнуть: „караулъ",—но тотъ зажалъ ей ротъ.

Андрей попытался крикнуть: „Брось!"—но голосъ измѣнилъ ему, и никакого звука не вышло изъ его горла. Онъ броситься хотѣлъ, самъ не зная—зачѣмъ: не то чтобы освободить жену, не то чтобы убить одного изъ нихъ или обоихъ... Но ноги не шли; какая-то сила приковала его къ мѣсту. Борьба, отрывочныя слова и восклицанія, глубокіе вздохи продолжались... Андрей сдѣлалъ усиліе, оторвался отъ своего отверстія и бросился къ воротамъ, отворилъ ихъ и устремился къ тому мѣсту, гдѣ все слышалась борьба. Онъ, молча, подходилъ къ мѣсту борьбы съ сжатыми кулаками, готовый броситься на обоихъ... Но было темно, рига загромождена разными вещами, и онъ, споткнувшись объ оглобли стоявшей въ ригѣ телѣги съ хлѣбомъ, упалъ... Какою страстью ни будь одержимъ преступникъ, невольное сознаніе, что онъ дѣлаетъ дурно и что его могутъ увидать, дѣлаетъ его чуткимъ. Максимъ и Агаѳья услыхали шумъ паденія Андрея... Имъ въ голову не могло придти, что это кто-нибудь другой... Они его не видѣли, но чувствовали его присутствіе; оба замерли, какъ прикованные къ мѣсту; она—лежачая, онъ—передъ нею на колѣняхъ...

Андрей поднялся и, приговаривая: „убью, убью..." хотѣлъ-было идти на звукъ, но звука не было; онъ, съ проклятіемъ, началъ шарить по соломѣ. Тѣ ждали его, какъ приговоренные къ смерти. Вѣдь, кромѣ смерти, что̀ могло ждать ихъ? Наконецъ, онъ натолкнулся на тѣло, и лѣвой рукой схватилъ это тѣло за шею...

— А-а!.. Это ты? Мнѣ того нужно... Тебя потомъ...

Онъ, на-ощупь, почувствовалъ, что это—жена его; не то нетерпѣніе раздѣлаться съ отцомъ, не то невольная жалость къ женѣ—удержали его. Максимъ все стоялъ на колѣняхъ. Андрей ощупалъ и его, схватилъ его за плечо и сдавилъ колѣнями. Максимъ не сопротивлялся; онъ ждалъ смерти. Андрей поднялъ кулакъ... еще секунда—и онъ сдѣлается отцеубійцей...

— Нѣтъ, не могу... отца...— прошепталъ онъ; ноги и руки его какъ бы ослабѣли, и онъ самъ упалъ на землю.

— Уйди, уйди!—проговорилъ онъ.

Отецъ его машинально всталъ и повиновался, какъ бы удивляясь, что еще живъ.

— О, Боже, что̀ мнѣ дѣлать?—простоналъ Андрей.

Онъ нѣсколько минутъ пролежалъ на землѣ, какъ бы собирая свои мысли. Чувство злобы вдругъ прошло и замѣнилось другимъ чувствомъ—безконечной жалости къ себѣ и къ женѣ. Онъ объ отцѣ въ эту минуту не думалъ. Рядомъ съ нимъ лежала Агаѳья въ полубезсознательномъ состояніи. Ее охватило тоже чувство жалости къ этому человѣку, котораго теперь она любила еще болѣе страстно, чѣмъ прежде...

Она поняла, что смерти ей ждать уже нечего. О! въ тысячу разъ милѣе была бы ей смерть, чѣмъ угрызенія мучившей совѣсти!..

Черезъ нѣсколько минутъ Андрей привсталъ и сѣлъ на землѣ; сердце его продолжало болѣть; онъ держался за грудь.

— Ганя!—проговорилъ онъ.

Она молчала.

— Ганя, Ганя!—повторилъ онъ.—Ты слышишь меня?

Она что-то простонала. Онъ понялъ, что она слышитъ его.

— Ганя, скажи прямо... какъ передъ Богомъ... Мнѣ надо знать... ты жила... съ нимъ?

— Жила,—шопотомъ отвѣтила она.

Онъ это и раньше зналъ, но хотѣлъ еще услышать то же самое изъ ея устъ. Признаніе ея рѣзнуло его по сердцу.

— О, я несчастный!.. и ты несчастная...

Нѣсколько времени прошло въ молчаніи. Онъ, лежа и схватившись руками за голову, старался сдержать кровь, стучавшую въ его вискахъ, и собрать разбѣгавшіяся мысли; она, сидя на колѣняхъ и невольно сложивши руки въ знакъ мольбы, вся погруженная въ ужасъ положенія, безсознательно ожидала, что̀ будетъ. Не видя его въ потемкахъ, она ждала, что̀ онъ скажетъ, не зная навѣрное, откуда послышится голосъ его.

— А ты поддалась неволѣ, или сама жалѣла его? Говори правду.—Онъ, очевидно, бередилъ свою рану.

— Сперва-наперво я пошла на это невольно, а послѣ и сама его жалѣла,—прошептала она.

Его передернуло.

— Ну, а обо мнѣ... не думала? Или тебѣ было все равно?

— Какъ не думать? И мучилась же я!.. Я каждую минуту у Бога смерти молила.

Онъ вспомнилъ ея худобу и ни на минуту не усомнился въ томъ, что она говоритъ правду. Онъ хотѣлъ узнать все до мельчайшихъ подробностей. Плана у него насчетъ будущаго никакого не было, но онъ хотѣлъ покончить съ этимъ дѣломъ сразу, все узнать достовѣрно отъ самой Агаѳьи, и затѣмъ однимъ ударомъ разрубить запутавшійся узелъ. Какъ—онъ самъ, конечно, не зналъ. Съ другой стороны, ревность, не уменьшавшая его любви къ женѣ, побуждала его болѣе и болѣе углубляться въ подробности дѣла, и тѣмъ доставляла ему какое-то особое чувство мучительнаго сладострастія... Онъ привсталъ.

— Агаѳья... Ты разскажи мнѣ все, какъ было. Слышишь?

Агаѳья застонала.

— Не могу... Послѣ...

— Нѣтъ, сейчасъ. Я требую, чтобы ты все сказала. Все! Слышишь?

Онъ ощупью разыскалъ ее, схватилъ ее за руку и, не выпуская ея руки изъ своей, еще разъ глухо повторилъ:

— Слышишь? Все разскажи, я требую; а то—берегись!..

Онъ крѣпко сжалъ ея руку. Она не старалась ее освободить. Физическая боль была ей пріятна.

— Ну, слушай, коль хошь; такъ, правда,... лучше... я все скажу...

И тутъ, въ потемкахъ, въ ночной тишинѣ, прерываемой лишь изрѣдка шуршаніемъ пробѣгавшихъ мышей, она хриплымъ, сдавленнымъ голосомъ начала свою исповѣдь.

V.

— Когда ты ушелъ въ солдаты, я чисто сиротой осталась. Никто мнѣ не былъ милъ, ни отецъ, ни мать, ни сестры. Я цѣльными днями плакала. Потомъ, на зимнюю Миколу, свекровь померла; Василья, мясоѣдомъ, женили; я осталась старшой въ домѣ, и за хозяйствомъ время шло. Я все думала о тебѣ... когда-то ты вернешься... Свекоръ былъ доволенъ моимъ стараньемъ и все меня хвалилъ, ругалъ сноху другую и работника, что плохо мнѣ помогаютъ.

На масляной—вьюга была—не давалъ снѣгъ отчищать, солому носить, по воду ходить. Пошла это разъ я на колодецъ за водой, а онъ на встрѣчу идетъ,—выхватилъ изъ рукъ ведра

и самъ накачалъ. И совѣстно мнѣ было, и довольна-то я была, что мнѣ жить хорошо... На базаръ съѣздилъ,—мнѣ платокъ шерстяной привезъ... Другія солдатки на улицу ходили, а я объ улицѣ и не думала. Мнѣ и дома хорошо было все; да и о тебѣ думать могла, сколько хотѣла... Только къ своимъ, бывало, сходишь, матушку провѣдать... или къ сестрѣ...

Свекоръ все сталъ дома сидѣть. Какъ я за что возьмусь,—онъ не даетъ. „Твоя, молъ, доля солдатки и такъ тяжела". А я ничего не понимаю, сижу-себѣ барыней... Разъ Василій съ женой и работникомъ—постомъ это было—молотили овесъ сѣмянной. Я въ избѣ осталась шить кое-что себѣ; свекоръ былъ тутъ же... Онъ подсѣлъ ко мнѣ и спрашиваетъ:

— „А что, Ганя, скучно тебѣ одной, безъ мужа?"—„А то какъ же, батюшка,—говорю я,—не скучно?"—„Вотъ и мнѣ,—говоритъ,—скучно одному".—Да какъ схватитъ меня и началъ обнимать...

Андрей, молча слушавшій ее, при этомъ сильно сжалъ ея руку. Ревность, чудовищная ревность къ отцу, отбившему у него любимую жену, мучила его. Онъ радъ былъ, что его нѣтъ; онъ бы за себя не отвѣчалъ... Агаѳья вскрикнула:

— Ай!.. Больно...

Онъ отпустилъ руку.

— Ну, что-жъ? разсказывай дальше: я слушаю.

— Я вырвалась. „Это что? говорю, и не стыдно тебѣ? Я сейчасъ же, говорю, изъ твоего дома уйду къ мамушкѣ"... Онъ просить началъ, клялся, что больше не будетъ, что его чортъ попуталъ. Я послушалась. Мнѣ уйти бы, какъ я увидала это, но не хотѣла я скандалу для дома... Вернешься, думала, ты... узнаешь, что дома не жила, и разстройство на вѣкъ въ домѣ будетъ...

Вотъ и жду я, что-то будетъ. Онъ, послѣ того, до Петровокъ ни слова дурного не сказалъ мнѣ. Все больше дома сидитъ... скучный такой... Кое-когда мнѣ подсобитъ, а я сама все дѣлаю, его помощи не принимаю. На Святой разъ выпилъ онъ, да началъ, было, говорить мнѣ, что я, молъ, хорошая; я взяла да ушла къ мамушкѣ. На другой день и не смотрѣлъ на меня; совѣстно, знать, было.

На Троицу я ѣздила въ Малиновку къ празднику съ сестрой; насъ гроза въ полѣ застала, и я попортила свою безрукавку. Глядь, въ слѣдующій базаръ мнѣ свекоръ привозитъ плису на безрукавку. „Это зачѣмъ же?—говорю я;—ты бы другой снохѣ далъ".—„Да я такъ себѣ. Вѣдь у тебя испортилась безрукавка,

не у нея“.—Самъ глядитъ въ сторону.—„Я не бѣдная, говорю, и сама справлю, коли что̀ нужно“. Такъ и не взяла. А онъ еще скучнѣе сталъ.

Такъ, вотъ, Петровками, мужики сѣнокосъ убирали. Василій съ работникомъ паръ пахали, а жена его дома лежала,—ее лихорадка трепала,—отправилась я съ свекромъ на телѣгѣ сѣно убирать. День былъ чудный, жаркій... Уѣхали мы въ дальніе луга. Бабы и дѣвки со всего села выѣхали,—кто ворошилъ, кто копнилъ сѣно, а мужики сухія копны на воза наваливали и домой везли... Бабы пѣсни играли, и я съ ними... а о свекрѣ и думать не думала... Парни играли съ дѣвками,—такая возня была, какъ никогда. И работали хорошо. Староста за всѣми понукалъ: только день былъ для уборки хорошъ, а къ вечеру туча начала заходить. Всѣ стали сѣно копнить, сколько могли. Къ вечеру за послѣднимъ возомъ свекоръ пріѣхалъ уже поздно, и всѣ, почитай, уѣхали. Я ему подсобила навить большой возъ, сама влѣзла на возъ и возжи держу, а онъ сбоку его вилами подпираетъ. Возъ былъ ужъ очень великъ, да и второпяхъ плохо наложенъ: все на бокъ съѣзжалъ...

Съ версту оставалось до села, какъ поднялась буря, начался громъ и закрапалъ дождь. Только мы къ косой лощинѣ подъѣзжали—дождь полилъ, какъ изъ ведра, молнія ослѣпила насъ и грянулъ сильный ударъ... лошадь шарахнулась въ сторону, и возъ съѣхалъ на бокъ вмѣстѣ со мною... Ты знаешь, я грозы боюсь и въ домѣ, а тутъ я вся дрожала... ударъ шелъ за ударомъ; лошадь металась изъ стороны въ сторону такъ, что ее пришлось распречь и пустить, чтобы она домой дошла одна. Свекоръ и я подлѣзли подъ сѣно рядомъ, чтобы скрыться немного отъ дождя, хотя мы уже давно промокли до нитки. Только мы немного укрылись, какъ вдругъ ударилъ громъ такой силы, что я никогда такого не слыхала... Казалось, онъ тутъ вотъ и упалъ... Я вскрикнула... „Не бойся, не бойся,—уговаривалъ меня свекоръ,—ничего, я съ тобой“. Я въ испугѣ прижалась къ нему... Онъ, сначала, меня обнялъ рукой, затѣмъ сталъ прижимать къ себѣ, все уговаривалъ не бояться... Наконецъ, принялся цѣловать въ глаза, въ щеки, въ губы... Я такъ была напугана грозой, что сразу не сопротивлялась... потомъ какъ бы очнулась и вырвалась изъ его объятій... Я выползла изъ-подъ сѣна и, несмотря на дождь, вернулась домой... Меня било какъ въ лихорадкѣ: я не знала, что̀ дѣлать. Братъ твой и сноха стали спрашивать, что̀ со мной? Я только имъ отвѣтила: „гроза“, и лежала, не была въ силахъ переодѣться. Пришелъ свекоръ и

при людяхъ не сказалъ мнѣ ни слова... онъ ходилъ чисто ошпаренный.

На другой день я встала и, выбравъ минуту, когда мы были одни, я сказала свекру, что такой гадости отъ него не ожидала, и что рѣшительно ухожу къ своимъ... Онъ опять началъ плакать, божиться, что не будетъ... и я, боясь скандалу, и вѣря, что онъ говоритъ отъ души, осталась.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Свекоръ отъ меня бѣгалъ и не только не сдѣлалъ или не сказалъ чего дурного, но даже на меня не глядѣлъ. Я успокоилась и стала жить по прежнему. Такъ дѣло тянулось до осени. На Введенье я весь день, почесть, была у мамушки, а вечеръ была на улицѣ. Ты знаешь вѣдь... я до улицы не охотница... и пошла-то сама не знаю зачѣмъ... побыла недолго и домой вернулась. На другой день свекоръ, вечеромъ, вернулся сердитый. „Ты что это, Агаѳья, вздумала, говоритъ, гулять? Нешто тебѣ мужъ велѣлъ шляться?“ — „Да что ты, батюшка, говорю, гдѣ, когда я шлялась? Я не понимаю, чего ты говоришь мнѣ?“ — „А ты думаешь, я не знаю, что ты вчера на улицѣ гуляла?“ — „На улицѣ я, говорю, была. Такъ мнѣ мужъ не запрещалъ на улицу ходить“. — „Ладно, ладно. Ты смотри у меня. Я тѣ шляться не дамъ“. — Съ тѣхъ поръ началась совсѣмъ новая жизнь для меня. Свекоръ сталъ слѣдить за каждымъ моимъ шагомъ. Онъ не только не пускалъ меня на улицу или куда на посидѣлки, но и къ сестрѣ, къ мамушкѣ отпускалъ не надолго. Я поняла, что онъ не изъ-за тебя хлопочетъ, а самъ ревнуетъ, и разъ объявила, что мнѣ эта жизнь надоѣла и что я ухожу къ мамушкѣ. „Ага! вовсе гулять захотѣла, какъ прочія солдатки? — нѣтъ, голубушка, не на того напалась!.. Я отцу твоему скажу, что ты распутничать вздумала; онъ тебя за это по головкѣ не погладитъ“. — „А я скажу, что ты ко мнѣ приставалъ“. — „Тàкъ тебѣ, говоритъ, и повѣрятъ; да я всему свѣту разскажу, что ты шлюха и на меня выдумываешь, потому что я тебѣ гулять не даю“.

У меня сердце такъ и упало, какъ я это услыхала, но рѣшилась не уступать, взяла кое-какія вещи и пошла къ мамушкѣ. По дорогѣ иду, и страшно мнѣ стало... ухъ, какъ страшно! А ну какъ, думаю, мамушка разскажетъ батюшкѣ или сестрѣ про это, да говорить станутъ про меня? Дойдетъ до свекра, а онъ станетъ свое говорить, — вѣдь все село надо мной смѣяться будетъ. Дѣло было вечеромъ. Я постояла, постояла — да и вернулась домой. Свекоръ ни слова мнѣ не сказалъ, какъ будто ничего не видалъ.

Свекоръ еще пуще нападать на меня сталъ. Не то что помочь или жалѣть,—онъ все на меня ворчать сталъ. И работаю-то я мало, и ничего-то у меня не спорится, и дѣло не такъ дѣлаю... Я все молчу и стараюсь угождать... Говорить никому про это не говорила. Одна подушка моя знаетъ, что̀ я выстрадала... Такъ тянулось всю зиму... Весной,—Агаѳья понизила голосъ,—нѣтъ я не могу тебѣ этого разсказывать...

— Я тебѣ сказалъ, все говорить! Я хочу все знать. Я долженъ все знать... какъ было...

Андрей понималъ, что подходитъ роковая минута. Онъ привсталъ; дыханіе у него прерывалось. Онъ все старался, широко раскрывъ глаза, разглядѣть жену,—но не видать было ничего. Онъ придвинулся къ ней, взялся за обѣ руки ея и, нагнувшись, придвинулъ свое лицо къ ея лицу, такъ что чувствовалъ ея дыханіе. Она закрыла глаза и, готовая на все, тихо и часто передыхая, продолжала свой разсказъ.

— Это было весной. Я съ нимъ осталась въ избѣ одна. Наканунѣ онъ былъ сердитый, и меня, самъ не зная за что, обругалъ и чуть не исколотилъ. Былъ праздникъ. Онъ вынулъ бутылку водки и стаканъ и выпилъ. Потомъ налилъ еще стаканъ и мнѣ даетъ. Ка̀къ онъ ни приставалъ, я рѣшительно отказалась. „Ужъ не помириться ли онъ хочетъ?“ подумала я.— Онъ еще выпилъ и опять мнѣ поднесъ. Я опять отказалась.— „Ну, что жъ? Такъ мы и будемъ жить, и вѣкъ мнѣ мучиться такъ?“—спросилъ онъ. „А зачѣмъ, батюшка, мучиться?“—„Нешто ты не видишь, что я больше не могу?“ И какъ бросится на меня, повалилъ меня на лавку... глаза страшные такіе... я испугалась и закричала... Онъ зажалъ мнѣ ротъ... „Коли будешь кричать, я тебя задушу“...

— И... онъ тебя... насильно взялъ?—громко прошепталъ Андрей. Онъ ее повалилъ и колѣномъ надавилъ на грудь.

— Не знаю... оставь меня... не то насильно, не то такъ... я сама не знаю... О, больно!

Андрей отпустилъ ее, сѣлъ и зарыдалъ.

— Ну, что-жъ замолчала? Говори дальше...

— Потомъ я утопиться хотѣла... Мнѣ людей видѣть было совѣстно... я заболѣла... Онъ нѣсколько дней плакалъ все, прощенья просилъ... Потомъ онъ то ласками, то угрозами... Я не могла... я боялась...

— И такъ ты и жила съ нимъ?

— Такъ и жила... О! это не жизнь была... Это тысячу разъ хуже смерти было... Я ни на кого смотрѣть не могла,—все боя-

лась, что узнаютъ... И какъ это никто до сихъ поръ ничего не подумалъ, я и понять не могу. Я все говорила, что хвораю... и, правда, мнѣ вѣрили. А хуже всего было мнѣ, когда я думала о тебѣ... И жалко мнѣ было тебя—я и сказать не могу, ка̀къ... Но боялась, что ты вернешься, пуще смерти... Я не знала, кому молила смерти... и себѣ... и ему... и тебѣ... Ужъ знай все... я тебѣ все говорю, какъ на духу... священнику не сказала... совѣстно было... а тебѣ все сказала.

— А его жалѣла?.. Все, такъ все говорить...

— И сама не знаю: когда—онъ мнѣ противенъ былъ, это когда я о тебѣ думала; когда—и жалѣла, а больше боялась... боялась, какъ бы меня не опозорилъ на весь свѣтъ, а также, какъ бы мучить не сталъ... Онъ самъ мучился... Когда ты нынче пріѣхалъ,—не знаю, какъ я не упала. Боялась, что ты замѣтишь...

— Ну, а не совѣстно тебѣ было идти къ нему сегодня?.. При мнѣ?..

— Онъ вечеромъ сказалъ, что завтра уйдетъ въ монахи, и чтобы я пришла къ нему проститься. А то грозился все тебѣ разсказать.

— А теперь ты все жалѣешь его?

— Теперь?.. теперь, кабы могла, я своими руками задушила бы его... А тебѣ скажу: дѣлай, что̀ хочешь, хоть убей меня... вели умереть—видитъ Богъ, ухожусь...

Начинало свѣтать. Они, какъ были, не заходя домой, не взявъ съ собой ничего, вдвоемъ задами уходили, сами не зная—куда...

Въ монахи Максимъ не ушелъ.

Уходъ Андрея и Агаѳьи долго служилъ темой сельскихъ разговоровъ, но тайна ихъ—такъ и осталась тайной.

Изъ имущества отцовскаго онъ не взялъ ничего. Только въ волостномъ правленіи ежегодно приходило отъ него требованіе паспорта на себя, на жену, а впослѣдствіи... и на дѣтей.

Александръ Новиковъ.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ ОТНОШЕНІЯ

въ

ФИНЛЯНДІИ

Изъ числа вопросовъ, обсуждавшихся на финляндскомъ сеймѣ 1900 года, безспорно самый важный — это новый законъ объ арендованіи земли въ сельскихъ мѣстностяхъ. Онъ касается юридическаго положенія и экономическаго быта многочисленнаго класса мелкихъ арендаторовъ-крестьянъ, называющихся въ Финляндіи „торпарями".

Задавшись цѣлью познакомить русскихъ читателей съ сущностью новаго закона, я вмѣстѣ съ тѣмъ набросаю и общій очеркъ поземельныхъ отношеній въ Финляндіи. Оговорюсь, что это будетъ, именно, только бѣглый очеркъ. Болѣе или менѣе обстоятельное изслѣдованіе встрѣтило бы непреодолимыя затрудненія не только въ размѣрахъ журнальной статьи, но и въ крайней скудости матеріаловъ, крайней бѣдности литературы предмета. Не буду касаться вовсе такихъ, напр., вопросовъ, какъ задолженность землевладѣнія, мобилизація земельной собственности. Въ предлагаемой статьѣ читатель найдетъ только общую характеристику финляндскихъ аграрныхъ порядковъ, о которыхъ у насъ теперь довольно много пишутъ. Но, къ сожалѣнію, пишутъ безъ достаточнаго знакомства съ дѣломъ, иногда — съ грубымъ извращеніемъ фактовъ. Когда называютъ Финляндію „страною свѣтскихъ и духовныхъ бароновъ", когда увѣряютъ, что въ ней сохранилась до сего времени „барщина", то въ этомъ слишкомъ явно проглядываетъ разсчетъ на малое знакомство русской пу-

блики съ финляндскими порядками. Къ чему, спрашивается, эта, скажемъ, — утрировка? Зачѣмъ вводить въ заблужденіе русское общество? Такое отношеніе къ дѣлу серьезному и важному меньше всего, конечно, содѣйствуетъ взаимному пониманію народностей русской и финской, ихъ сближенію на культурной почвѣ.

Коррективомъ къ статьямъ подобнаго рода можетъ служить объективное изложеніе фактовъ. Этимъ мы и займемся [1]).

Финляндія принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливыхъ странъ, которыя никогда не знали ни крѣпостного права, ни феодальныхъ порядковъ. Въ основу аграрно-правового строя, унаслѣдованнаго отъ Швеціи, легло свободное владѣніе землею свободнымъ крестьяниномъ. Шведское дворянство, вліятельное политически, сильное экономически, не обладало, однакоже, никакими патримоніальными правами. Происхожденіе шведскаго дворянства относится къ XIII столѣтію, когда король Магнусъ Ладулосъ освободилъ отъ податей тѣхъ землевладѣльцевъ, которые выставляли въ военное время вооруженнаго всадника. Земли этихъ владѣльцевъ получили названіе „фрельсовыхъ" (свободныхъ отъ земельнаго налога). Въ серединѣ XVI столѣтія фрельсовые землевладѣльцы были освобождены отъ обязанности выставлять всадниковъ, но свобода отъ налога сохранилась и сдѣлалась даже наслѣдственною. Впослѣдствіи свобода отъ налога, принадлежавшая первоначально лишь главному двору, распространилась на другіе хутора, лежавшіе на землѣ фрельсоваго владѣльца, но не далѣе 10-ти верстъ отъ главнаго двора. Вмѣстѣ съ тѣмъ было запрещено продавать фрельсовыя земли другимъ лицамъ, кромѣ дворянъ. Такимъ путемъ образовался привилегированный классъ землевладѣльцевъ-дворянъ, значеніе котораго особенно усилилось въ XVII столѣтіи, когда правительство, нуждаясь въ деньгахъ послѣ тридцатилѣтней войны, роздало обширныя земельныя пространства дворянамъ, частью въ видѣ пожалованій въ потомственное владѣніе, частью на откупъ, съ правомъ собирать въ свою пользу подати. Особенною щедростью въ этомъ отношеніи отличалась наслѣдница Густава Адольфа, королева Христина, нуждавшаяся въ поддержкѣ дворянъ для упроченія своей власти. Къ концу XVII вѣка королевская власть въ Швеціи настолько усилилась и окрѣпла, что могла, опираясь на сочувствіе

---

[1]) Настоящій очеркъ составляетъ переработку нѣкоторыхъ корреспонденцій того же автора въ „Русскія Вѣдомости".

народа, провести такъ называемый редукціонный актъ, въ силу котораго большая часть пожалованныхъ земель отошла обратно въ казну.

Въ Финляндіи, благодаря ея отдаленности, дворяне, владѣвшіе землями, могли легче, чѣмъ въ самой Швеціи, злоупотреблять своими правами; но они встрѣтили отпоръ со стороны крестьянъ. Въ концѣ XVI столѣтія здѣсь вспыхнуло крестьянское возстаніе, извѣстное подъ названіемъ „дубинной войны". Востаніе было подавлено, но вскорѣ послѣ этого былъ нанесенъ рѣшительный ударъ и самому финляндскому дворянству. Добиваясь, со времени Іоанна III, занять самостоятельное положеніе, оно воспользовалось неурядицами въ шведскомъ государственномъ управленіи, наступившими послѣ смерти этого короля, и задумало отдѣлить Финляндію. Попытка кончилась неудачею, отъ которой финляндское дворянство никогда уже не могло оправиться. Оно постепенно слилось съ шведскимъ дворянствомъ. Въ свои финляндскія имѣнья шведскіе дворяне финляндскаго происхожденія почти не заглядывали, предпочитая блестящую придворную жизнь—скучной жизни въ суровой и непривѣтливой родинѣ.

Финляндія осталась страною крестьянскою. Внутренняя колонизація совершалась путемъ свободнаго захвата пустопорожнихъ мѣстъ. Собственникомъ земли считался тотъ, кто ее захватилъ и обработалъ. Пашня и усадебная земля находились въ частномъ владѣніи; лѣсъ, выгонъ и вся незанятая земля составляли альменду. Такъ продолжалось дѣло до XVI столѣтія. При Густавѣ Вазѣ вся незанятая земля была объявлена государственною собственностью и отошла, частью при немъ, частью при его ближайшихъ преемникахъ, въ казну. Занятыя земли были закрѣплены за ихъ фактическими владѣльцами. Каждое селеніе получило извѣстное количество лѣса (служившаго, въ большинствѣ случаевъ, и выгономъ), по числу податныхъ единицъ. Лѣсъ, нарѣзанный селеніямъ, продолжалъ оставаться въ общинномъ пользованіи. Послѣдніе слѣды альменды исчезли къ концу XVIII вѣка, когда общинный лѣсъ, послѣ ряда передѣловъ, перешелъ въ частную собственность отдѣльныхъ геммановъ [1]).

Казна позволяла селиться на своихъ земляхъ крестьянамъ. Такимъ образомъ, площадь подъ сельско-хозяйственною культурою продолжала, хотя и медленно, расширяться. Въ зависимо-

[1]) Гемманомъ называется въ Финляндіи крестьянское имѣнье въ камеральномъ отношеніи.

сти отъ условій пользованія казенною землею, крестьяне назывались или казенными крестьянами, или казенными торпарями. Главное отличіе первыхъ отъ вторыхъ заключалось въ томъ, что первые получали землю въ вѣчную и наслѣдственную аренду; вторые были лишь временными арендаторами. Законъ долгое время стѣснялъ отдачу въ аренду мелкими участками собственной крестьянской земли, хотя и не запрещалъ этого совсѣмъ. Это была привилегія казенныхъ и дворянскихъ земель. Владѣльцы геммановъ должны были обработывать свою землю сами. Въ серединѣ прошлаго столѣтія эти стѣснительныя постановленія были отмѣнены, и тогда началъ въ широкихъ размѣрахъ возникать институтъ торпарей, играющій столь видную роль въ сельско-хозяйственныхъ условіяхъ Финляндіи. Къ концу того же столѣтія окончательно сложились и были фиксированы закономъ всѣ важнѣйшіе виды финляндскаго землевладѣнія, сохранившіе до нашихъ дней не только свои названія, но и свою юридическую природу (за нѣкоторыми, довольно, впрочемъ, важными, исключеніями, о которыхъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ).

Земли, принадлежащія частнымъ лицамъ, раздѣляются въ Финляндіи, въ камеральномъ отношеніи, на слѣдующіе главные виды:

Во-первыхъ, скаттовыя земли, т.-е. земли, обложенныя налогомъ. Здѣсь у мѣста сказать нѣсколько словъ о сохранившейся съ давнихъ поръ сложной системѣ финляндскаго поземельнаго обложенія. Единицею служитъ манталь. Онъ выражаетъ не величину участка, не площадь его, а доходность, опредѣляемую отношеніемъ между количествомъ обработанной и необработанной земли; поэтому къ одному манталю приравниваются участки различныхъ размѣровъ.

Доходность земли, опредѣляемая манталями, есть доходность не современная, а та, какую земля имѣла въ моментъ обложенія. Развёрстка земель происходила въ разное время, начиная съ XV столѣтія и притомъ въ разныхъ частяхъ страны разновременно. Поэтому величина одного манталя не есть величина постоянная; она колеблется въ предѣлахъ между 50 гектарами на югѣ (гдѣ меньше лѣсовъ и больше пашенъ) и 6.000 гектаровъ на сѣверѣ (гдѣ преобладаетъ лѣсъ).

Затѣмъ слѣдуютъ фрельсовыя земли разныхъ наименованій,— происхожденіе которыхъ объяснено выше. Это земли, частью совершенно свободныя отъ поземельнаго налога, частью уплачи-

вающія налогъ въ уменьшенномъ размѣрѣ. До 1864 года владѣніе важнѣйшими фрельсовыми землями составляло привилегію дворянства. Теперь этой привилегіи болѣе не существуетъ. Финляндцы съ полнымъ правомъ говорятъ, что у нихъ „имѣются привилегированныя земли, но нѣтъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ". Свобода отъ налога отражается, конечно, на покупной стоимости фрельсовой земли. Въ этомъ теперь ея главное отличіе отъ скаттовой.

Скаттовыя и фрельсовыя земли находятся у ихъ владѣльцевъ на правѣ полной собственности. Впрочемъ, право собственности подлежитъ одному лишь ограниченію. Гемманъ можетъ дробиться лишь до извѣстнаго предѣла. По закону 1895 года минимальный размѣръ самостоятельнаго, въ камеральномъ отношеніи, участка опредѣленъ въ 5 гектаровъ, при чемъ такой участокъ не можетъ быть менѣе $^1/_{300}$ части манталя. Отъ каждаго участка можетъ быть отдѣлена и болѣе мелкая парцелла, но послѣдняя не считается уже самостоятельнымъ участкомъ. Владѣлецъ ея уплачиваетъ поземельный налогъ не въ казну, а владѣльцу того участка, отъ котораго парцелла отдѣлена. Ограниченіе это установлено съ фискальною цѣлью: для обезпеченія правильнаго поступленія податей.

Третій разрядъ земель составляютъ казенныя земли: лѣса, парки (лѣса съ правильнымъ лѣснымъ хозяйствомъ), казенныя имѣнья (бόстели). Казна владѣетъ въ Финляндіи громадною площадью, равняющейся 39 процентамъ всей поверхности Великаго Княжества. Это почти сплошь лѣса; остальныя угодья составляютъ, сравнительно, незначительную часть. Такое же отношеніе между количествомъ казенныхъ и другихъ земель существуетъ и въ Европейской Россіи. Есть еще и другое сходство въ этомъ отношеніи между Финляндіею и Россіею. Какъ у насъ, такъ въ Финляндіи, большая часть казенныхъ земель расположена на сѣверѣ, въ мѣстностяхъ мало доступныхъ для сельско-хозяйственной культуры. Это невыгодное географическое положеніе парализуетъ и у насъ, и въ Финляндіи, значеніе казенныхъ земель, какъ фонда, изъ котораго могло бы быть обезпечено землею малоземельное и безземельное населеніе. Къ сожалѣнію, свѣдѣній о количествѣ удобной и неудобной земли въ казенныхъ финляндскихъ владѣніяхъ не имѣется, но приблизительный разсчетъ, хотя, конечно грубый, можетъ быть сдѣланъ. Изъ 14 милліоновъ гектаровъ казенной земли, около 10 милліоновъ лежитъ за полярнымъ кругомъ. Изъ остальной части надо выкинуть болота, мхи, воды, мѣстности со скалистымъ грунтомъ, которые составляютъ

въ среднемъ 62% казенныхъ земель. Отсюда видно, что земельный фондъ, имѣющійся въ распоряженіи финляндской казны, не такъ ужъ великъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда; онъ во всякомъ случаѣ недостаточенъ для обезпеченія землею не только всего безземельнаго, но хотя бы лишь одного такъ-называемаго неосѣдлаго земледѣльческаго населенія, численностью въ 700.000 человѣкъ. При оцѣнкѣ общественнаго значенія финляндскихъ казенныхъ земель, надо принять еще во вниманіе, что это почти исключительно лѣсныя пространства. Лѣсъ же составляетъ главное богатство страны, важнѣйшій предметъ ея экспорта. Вопросы колонизаціи казенныхъ земель, вопросы обезпеченія землею безземельнаго населенія сталкиваются въ Финляндіи съ интересами лѣсоохраненія, имѣющими въ экономическомъ и климатическомъ отношеніи первостепенное значеніе для этой, по преимуществу, лѣсной страны.

За вычетомъ 14 милліоновъ гектаровъ казеннаго лѣса и 245 тысячъ гектаровъ, находящихся подъ пасторскими усадьбами, вся остальная площадь въ 22 милл. гектаровъ принадлежитъ частнымъ собственникамъ и притомъ главнымъ образомъ—крестьянамъ. Въ рукахъ дворянъ находится лишь 1,4% всей земельной площади, подъ пасторскими усадьбами—0,7%, казнѣ принадлежитъ—38,7%; остальные 59,2% составляютъ собственность „прочихъ землевладѣльцевъ", т.-е. крестьянъ (за исключеніемъ ничтожной части, составляющей 0,3% и принадлежащей „не-финляндскимъ гражданамъ"). Для Европейской Россіи соотвѣтствующія цифры, по даннымъ 1895 года, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Казнѣ принадлежитъ—32,8% поверхности, удѣламъ—1,8%; городамъ и разнымъ учрежденіямъ—1,5%; частнымъ собственникамъ—19,7%; въ пользованіи крестьянъ, казаковъ, киргизовъ находится—38,5%. Изъ частновладѣльческой земли (по даннымъ о 45 губерніяхъ) 73% ея или 15% всей площади принадлежитъ дворянамъ [1]).

Распредѣленіе земельной собственности по сословіямъ владѣльцевъ не представляетъ интереса въ такой странѣ, какъ Финляндія, гдѣ дворянство не пользуется никакими привилегіями,

[1]) Встрѣчающіяся въ статьѣ цифровыя данныя заимствованы: относительно Россіи—изъ сочиненія г. Фортунатова: „Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи", и г. Каблукова: „Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи"; относительно иностранныхъ государствъ, главнымъ образомъ—изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften"; относительно Финляндіи—изъ мѣстныхъ оффиціальныхъ статистическихъ изданій.

кромѣ чисто формальнаго права имѣть отдѣльное представительство на сеймѣ. Гораздо интереснѣе распредѣленіе земли по величинѣ участковъ. Въ этомъ отношеніи Финляндія представляетъ слѣдующую картину: болѣе 100 гектаровъ имѣютъ 3,5% землевладѣльцевъ, отъ 25 до 100 гектаровъ—18,7%, менѣе 25-ти гектаровъ—77,8%. Въ Германіи участки до 100 гектаровъ считаются крестьянскими, т. е. такими, размѣры которыхъ не настолько велики, чтобы владѣльцы ихъ могли взять на себя лишь руководительство хозяйствомъ, отказавшись отъ личнаго труда. Въ Финляндіи, при ея суровомъ климатѣ, неплодородіи почвы, и, сравнительно, болѣе низкой степени сельско-хозяйственной культуры, крестьянскимъ имѣньемъ долженъ считаться участокъ значительно меньшаго размѣра. Но, принявъ даже германскую мѣрку, мы, все-таки, придемъ къ заключенію, что въ Финляндіи преобладаютъ мелкія крестьянскія хозяйства. Въ смыслѣ землевладѣнія, это—страна съ яркою демократическою окраскою.

О распредѣленіи земельной собственности между земледѣльческимъ населеніемъ сказано будетъ ниже, а теперь обратимся къ важнѣйшимъ видамъ землепользованія.

Культура обширныхъ лѣсныхъ пространствъ, принадлежащихъ казнѣ, издавна совершалась крестьянами-арендаторами. Въ настоящее время въ казенныхъ лѣсахъ практикуется два вида аренды.

Владѣльцы казенныхъ „геммановъ“—вѣчно-наслѣдственные арендаторы. Они пользуются правомъ выкупа геммана въ частную собственность, или, выражаясь мѣстнымъ оффиціальнымъ языкомъ, могутъ купить „скаттовое право“. Это право утверждено за ними основнымъ закономъ 1774 года. Выкупной платежъ равняется утроенному годовому казенному доходу съ участка. Выкупленный казенный гемманъ превращается въ обыкновенный „скаттовый“, или оброчный, гемманъ. Въ политическомъ отношеніи, арендаторъ казеннаго геммана—такой же полноправный гражданинъ, какъ и владѣлецъ скаттовой, или фрельсовой земли. Онъ пользуется избирательнымъ правомъ при выборѣ депутатовъ въ сеймъ. Политическое избирательное право въ сельскихъ мѣстностяхъ принадлежитъ только лицамъ, владѣющимъ на правѣ собственности землею, обложенною мантальнымъ сборомъ. Слѣдовательно, торпари и неосѣдлые сельскіе жители такихъ избирательныхъ правъ не имѣютъ.

Другой видъ аренды казенныхъ земель—торпарская аренда.

Казенный торпарь получаетъ участокъ на 25 лѣтъ. Срокъ контракта можетъ быть продолженъ еще на такой же срокъ, если хозяйство ведется исправно. Въ случаѣ смерти торпаря, арендное право переходитъ къ его вдовѣ. Аренда уплачивается деньгами, натурою, или извѣстнымъ числомъ рабочихъ дней. За произведенныя имъ земельныя улучшенія торпарь получаетъ вознагражденіе по окончаніи арендпаго срока.

Кромѣ сдачи отдѣльныхъ участковъ, казна сдаетъ въ аренду принадлежащія ей имѣнья (бостели). Послѣднія въ прежнее время отдавались чинамъ поселенныхъ войскъ и гражданскимъ чиновникамъ за службу. Теперь они сдаются въ аренду съ торговъ. Этотъ видъ аренды не заключаетъ въ себѣ ничего специфически мѣстнаго и не представляетъ интереса.

Казенные торпари составляютъ только незначительную часть всѣхъ арендаторовъ этого рода. Торпарскій институтъ — довольно характерная особенность финляндскаго и вообще скандинавскаго поземельнаго строя. Обиліе въ этихъ странахъ невоздѣланныхъ и трудныхъ для обработки пространствъ съ каменистою или болотистою почвою и почти всегда поросшихъ лѣсомъ, недостатокъ рабочихъ рукъ и капиталовъ — все это побуждаетъ собственниковъ отдавать часть своихъ земель въ аренду. Торпарь является и на казенной, и на частной землѣ піонеромъ культуры: онъ выжигаетъ лѣсъ, осушаетъ болота, поднимаетъ новину. Въ его лицѣ землевладѣлецъ получаетъ работника, привязаннаго къ землѣ; его же руками онъ расширяетъ свою обработанную площадь. Торпарь — это мелкій арендаторъ, уплачивающій аренду частью деньгами, частью натурою, частью работою.

Но не всякій арендаторъ — торпарь. Юридическимъ признакомъ послѣдняго служитъ аренда несамостоятельнаго, въ камеральномъ отношеніи, участка. Арендаторы цѣлыхъ гемм̃ановъ, хотя бы они уплачивали аренду работою, называются landbönder.

Торпарскихъ хозяйствъ считается въ странѣ около 70.000. О бытѣ ихъ скажемъ сейчасъ, въ связи съ общимъ описаніемъ быта сельскаго населенія.

Несмотря на быстрое развитіе промышленности, сельское хозяйство остается главнымъ занятіемъ жителей Финляндіи; 75% ея населенія кормятся около земли. Если мы обратимся къ вопросу о распредѣленіи земли — этого главнаго орудія сельско-хозяйственнаго производства — между земледѣльческимъ населеніемъ, то мы встрѣтимся съ отрицательною стороною финляндскаго поземельнаго строя. Подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ неблаго-

пріятныхъ условій, здѣсь съ теченіемъ времени образовался довольно многочисленный классъ безземельныхъ крестьянъ. Изъ почти двухъ-милліоннаго сельско-хозяйственнаго населенія, землевладѣльческое (землевладѣльцы съ ихъ семьями) составляетъ лишь $^1/_3$ часть (33%). Остальные—или арендаторы, или „неосѣдлые". Такъ называется здѣсь сельское населеніе, живущее исключительно, или почти исключительно, продажею своего труда въ качествѣ, главнымъ образомъ, поденщиковъ у землевладѣльцевъ и арендаторовъ. Впрочемъ, довольно значительная часть неосѣдлыхъ работаетъ у лѣсопромышленниковъ, а также на фабрикахъ и заводахъ, которые въ Финляндіи не сконцентрированы въ городахъ, а разбросаны по странѣ. Арендаторы составляютъ 28% сельско-хозяйственнаго населенія (въ томъ числѣ торпари 20%), сельскіе рабочіе—38%.

Соціальныя и экономическія неудобства, проистекающія изъ отсутствія въ странѣ достаточно многочисленнаго класса землевладѣльцевъ, могутъ, въ значительной степени, умѣряться легкостью арендованія земли, но лишь при наличности такихъ условій, которыя обезпечиваютъ правовое положеніе арендатора, придаютъ его владѣнію характеръ устойчивости и вселяютъ въ немъ увѣренность въ томъ, что плодами его труда не воспользуется другой.

Первому условію—легкости пріобрѣтенія земли въ аренду—Финляндія, какъ мы видѣли, удовлетворяетъ. Арендаторовъ тамъ много. На улучшеніе ихъ юридическаго положенія направлено теперь вниманіе законодательства.

Остановимся нѣсколько на торпаряхъ.

Хорошій матеріалъ по торпарскому вопросу даетъ вышедшая года два тому назадъ книга г. Варрена (на финскомъ языкѣ): „Положеніе торпарей въ Финляндіи".

Условія торпарской аренды весьма различны,—говоритъ г. Варренъ:—аренда уплачивается работою, деньгами, натурою, а иногда всѣ эти три способа уплаты соединяются вмѣстѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ торпарь уплачиваетъ землевладѣльцу извѣстную сумму при заключеніи контракта и при его возобновленіи. Продолжительность срока аренды тоже различна: 10, 15, 20, 50 лѣтъ, или пожизненно. Варренъ дѣлитъ торпарей на два главныхъ разряда: господскихъ и крестьянскихъ, т.-е. торпарей на господской и торпарей на крестьянской землѣ. Господа цѣнятъ торпаря преимущественно какъ рабочаго; у крестьянъ же онъ прежде всего—арендаторъ. Въ господскихъ имѣньяхъ арендная плата взимается большею частью работою.

Тамъ избѣгаютъ письменныхъ договоровъ, а если и составляютъ ихъ, то такъ, чтобы надъ торпаремъ всегда висѣла угроза выселенія. Положеніе господскихъ торпарей болѣе подчиненное, нежели крестьянскихъ; къ нимъ предъявляютъ больше требованій, но зато и матеріальное положеніе ихъ лучше. Господа дорожатъ торпарями,—поэтому выселенія происходятъ, сравнительно, рѣдко. Часто бываетъ, что торпарскій участокъ остается въ рукахъ одной и той же семьи въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. У крестьянъ договоры преимущественно долгосрочные, иногда пожизненные; есть даже контракты, допускающіе передачу аренднаго участка по наслѣдству. Но положеніе крестьянскаго торпаря тоже непрочно. Нарушеніе договоровъ чаще всего происходитъ вслѣдствіе желанія хозяина получить задатокъ или увеличить арендную плату. Въ такихъ случаяхъ крестьянинъ ищетъ предлога, чтобы придраться къ торпарю, и, конечно, почти всегда находитъ предлогъ. Что касается матеріальнаго положенія торпарей, то въ этомъ отношеніи замѣчается большое разнообразіе. Вообще, участки крестьянскихъ торпарей больше, чѣмъ участки господскихъ, но зато у послѣднихъ больше пашни; у крестьянскихъ же больше лѣса. По приблизительному разсчету автора, средній размѣръ торпарскаго участка при общемъ съ хозяиномъ лѣсѣ—25 гектаровъ, а при своемъ лѣсѣ—84 гектара. Надо имѣть въ виду, что торпарь можетъ рубить лѣсъ только для потребностей собственнаго хозяйства: для топлива и построекъ, но не для продажи. Многіе торпари живутъ не хуже средняго крестьянина-собственника, имѣютъ по нѣскольку лошадей, по десятку коровъ, 8—10 гектаровъ пашни, но положеніе большинства ихъ, какъ здѣсь говорятъ, „оставляетъ желать многаго". Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію г. Варрена, центръ тяжести торпарскаго вопроса кроется не въ матеріальномъ ихъ положеніи, а въ юридическомъ. Экономическое положеніе могло бы быть весьма сноснымъ,—недаромъ имъ и при настоящемъ порядкѣ завидуютъ другіе безземельные. Для того, чтобы улучшилось положеніе торпарей, необходимо, чтобы контракты составлялись письменно, съ точнымъ обозначеніемъ обязанностей сторонъ. Такимъ образомъ будутъ устранены поводы къ самовольнымъ нарушеніямъ договоровъ со стороны сдатчиковъ. Кромѣ того, нужно, чтобы торпари получали вознагражденіе за всѣ сдѣланныя ими улучшенія. Г. Варренъ не задается широкими планами сдѣлать всѣхъ торпарей земельными собственниками, понимая трудность осуществленія реформы, которая задѣла бы интересы класса землевладѣльцевъ, почти сплошь крестьянскаго.

Со свойственною финляндцамъ умѣренностью и практичностью онъ идетъ среднимъ путемъ. Его идеалъ, повидимому,—наслѣдственная аренда съ періодическою переоцѣнкою земли.

Торпарскій вопросъ—одинъ изъ жгучихъ вопросовъ мѣстной жизни. Число торпарей быстро ростетъ. Между тѣмъ дѣйствующее право очень несовершенно разрѣшаетъ многіе весьма важные для торпарей вопросы, возникающіе изъ арендныхъ отношеній. Послѣдніе регулируются уложеніемъ 1734 года. Не говоря уже о томъ, что это уложеніе во многихъ частяхъ устарѣло, оно, кромѣ того, предусматриваетъ только сдачу въ аренду цѣлыхъ имѣній, когда контрагентами являются лица болѣе или менѣе равносильныя. Между тѣмъ, послѣ изданія уложенія появилась масса мелкихъ арендаторовъ-торпарей. Послѣдніе „не всегда обладаютъ той степенью интеллигентности и экономической независимости, которая имъ необходима для защиты своихъ интересовъ" [1]).

Недостатки дѣйствующаго законодательства объ арендѣ земли заставили сеймъ 1892 года ходатайствовать о выработкѣ новаго законопроекта объ арендованіи земли въ сельскихъ мѣстностяхъ. Была составлена коммиссія, которая послѣ четырехъ-лѣтней работы выработала такой законопроектъ. Онъ легъ въ основаніе Высочайшей пропозиціи, предложенной на обсужденіе сейма, недавно закончившаго свои засѣданія.

Важнѣйшія постановленія новаго законопроекта сводятся къ слѣдующему. Контракты должны заключаться письменно, съ точнымъ обозначеніемъ правъ и обязанностей контрагентовъ. Уступая обычаю, проектъ допускаетъ также и устные договоры, но они считаются заключенными на десять лѣтъ. Это—наименьшій срокъ, на который можетъ быть заключенъ договоръ. Допускается также пожизненная и наслѣдственная аренда. При пріемѣ и сдачѣ участка ему производится осмотръ особыми выборными оцѣночными коммиссіями. Эти же коммиссіи опредѣляютъ размѣръ вознагражденія, причитающагося торпарю за сдѣланныя имъ улучшенія. Вознагражденіе выдается по окончаніи арендпаго срока. При долгосрочныхъ арендахъ стороны могутъ требовать черезъ каждыя десять лѣтъ переоцѣнки участка. Письменный договоръ не теряетъ, при соблюденіи нѣкоторыхъ формальностей, своей силы въ томъ случаѣ, если земля перейдетъ къ другому собственнику. По дѣйствовавшимъ до настоящаго времени правиламъ договоръ въ такихъ случаяхъ считался нарушеннымъ въ силу юридическаго принципа: „продажа нарушаетъ контрактъ".

[1]) Отзывъ сеймовой коммиссіи законовъ.

Сеймовая коммиссія приняла законопроектъ, расширивъ сферу его дѣйствія. Въ законопроектѣ говорится лишь о торпарской арендѣ, при чемъ подъ послѣднею понимается такая форма землепользованія, отличительнымъ признакомъ которой является уплата аренды работою. Коммиссія нашла такое опредѣленіе неточнымъ; многія торпарскія хозяйства подъ него не подходятъ. Въ сѣверной и восточной Финляндіи арендая плата вносится преимущественно продуктами и деньгами; даже въ южной части страны, гдѣ, вообще, преобладаетъ аренда за отработки,—даже и тамъ, какъ оказалось, 17% торпарей уплачиваютъ аренду деньгами. Число такихъ торпарей будетъ увеличиваться по мѣрѣ того, какъ среди нихъ будетъ развиваться сознаніе личнаго достоинства и своихъ собственныхъ выгодъ. Торпарь, уплачивающій аренду деньгами, а не работою, менѣе зависимъ отъ землевладѣльца; денежная аренда выгоднѣе ему, чѣмъ уплата аренды работою, или продуктами. Но, съ другой стороны, при недостаткѣ рабочихъ рукъ, аренда за отработки выгоднѣе землевладѣльцамъ. Такимъ образомъ, законопроектъ, въ предложенномъ сейму видѣ, страдаетъ слѣдующими существенными недостатками: онъ не распространяетъ свое благодѣтельное дѣйствіе на тѣхъ торпарей, которые уплачиваютъ аренду деньгами; этимъ косвенно ставится предѣлъ переходу одного вида аренды въ другой, болѣе выгодный для торпарей. При такой постановкѣ вопроса дѣло принимаетъ видъ, будто желаютъ, какъ выразилась сеймовая коммиссія, „на счетъ торпарей обезпечить потребность землевладѣльцевъ въ рабочихъ рукахъ“.

Въ виду такихъ соображеній, коммиссія рѣшила распространить законъ на всѣ виды земельной аренды. Коммиссія высказалась противъ устныхъ договоровъ и ввела требованіе, чтобы всѣ такіе договоры были зарегистрированы судебнымъ порядкомъ. Незарегистрированный устный договоръ можетъ быть во всякое время нарушенъ. Это—самыя существенныя измѣненія, сдѣланныя коммиссіею въ законопроектѣ. Сеймъ, несмотря на протесты нѣсколькихъ неисправимыхъ манчестерцевъ, принялъ законопроектъ въ редакціи сеймовой коммиссіи. Сдѣланы лишь измѣненія второстепеннаго значенія, о которыхъ распространяться, за недостаткомъ мѣста, не буду. Между прочимъ, уничтожена наслѣдственная аренда. Выкинуто также опредѣленіе минимальнаго срока, такъ какъ, по мнѣнію сейма, другія постановленія законопроекта побуждаютъ контрагентовъ къ заключенію долгосрочныхъ арендныхъ договоровъ. Много споровъ вызвалъ параграфъ, опредѣляющій обязанности торпаря по сохраненію въ

исправности зданій. Рѣшено возложить ремонтъ ихъ на арендатора, какъ практиковалось и до сего времени, при чемъ землевладѣлецъ будетъ доставлять матеріалъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что законопроектъ получитъ надлежащее утвержденіе, и одинъ изъ наболѣвшихъ вопросовъ финляндской жизни будетъ улаженъ.

Перейдемъ къ неосѣдлымъ сельскимъ жителямъ. Классъ безземельныхъ сельскихъ рабочихъ явился въ Финляндіи продуктомъ ряда историческихъ условій: запрещенія дробленія земли, стѣсненія свободы передвиженія, стѣсненія мелкой аренды, регламентаціи промысловъ. Нѣкоторые изъ этихъ остатковъ средневѣкового меркантилизма оставались въ силѣ до 60-хъ годовъ нашего столѣтія. Только послѣ того, какъ начали правильно функціонировать сеймы, жизнь пошла болѣе сильнымъ темпомъ и смела тѣ пережитки старины, которые не соотвѣтствовали болѣе новымъ формамъ жизни. Но теперь на смѣну прежнимъ условіямъ, способствовавшимъ росту безземельнаго населенія, явился новый факторъ, это—быстрое развитіе фабрично-заводской промышленности. Съ этимъ могущественнымъ факторомъ, ежегодно отрывающимъ отъ земли многихъ сельскихъ жителей, должны считаться всѣ мѣропріятія, направленныя къ уменьшенію числа безземельныхъ крестьянъ. Неосѣдлаго сельскаго населенія въ Финляндіи около 800.000 человѣкъ, что̀ составляетъ 35,4% всего сельскаго населенія. Впрочемъ, изъ этого числа надо исключить около 100.000 человѣкъ сельскаго фабрично-заводскаго населенія. Остается собственно сельскихъ рабочихъ разныхъ категорій около 700.000.

Впрочемъ, цифра эта не можетъ претендовать на точность. Сельско-хозяйственная статистика въ Финляндіи очень несовершенна. Свѣдѣнія доставляются чинами уѣздной администраціи. При отсутствіи правильнаго метода, общихъ руководящихъ началъ и подготовки у лицъ, занимающихся подсчетомъ, свѣдѣнія эти отрывочны, неполны и очень субъективны. Здѣсь принято дѣлить населеніе по средствамъ къ существованію на слѣдующія три группы: 1) лица, живущія капиталомъ, государственной и общественной службою; 2) лица, состоящія въ услуженіи у другихъ „на законномъ основаніи", и 3) всѣ прочія, не имѣющія постоянныхъ занятій. Неопредѣленность послѣднихъ двухъ рубрикъ оставляетъ слишкомъ много мѣста личному усмотрѣнію счетчиковъ, вслѣдствіе чего и случаются такіе, напримѣръ, курьёзы. Въ одной мѣстности число неосѣдлыхъ вне-

запно увеличилось въ четыре раза. Обстоятельство это встревожило власть имущихъ. Навели справки, и оказалось, что въ этой мѣстности перемѣнился чиновникъ, завѣдующій подсчетомъ. Онъ перечислилъ часть лицъ второй категоріи въ третью. Загадка разрѣшилась очень просто.—Другой существенный недостатокъ финляндской статистики сельскаго населенія состоитъ въ томъ, что основаніемъ ей служитъ не опросъ жителей, а мантальные (податные) списки. Въ послѣднихъ сплошь и рядомъ значатся лица, переселившіяся въ городъ, перешедшія въ разрядъ фабричныхъ рабочихъ, эмигрировавшія въ Америку, словомъ—такъ или иначе порвавшія связи съ роднымъ приходомъ. Недавно обнаружилось, что въ одной сельской коммунѣ отсутствующіе составляютъ $^1/_4$ часть числа неосѣдлыхъ. Этихъ двухъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какъ ненадежны имѣющіяся данныя о количествѣ неосѣдлаго населенія. Точной цифры не существуетъ. Считаютъ приблизительно, что неосѣдлые составляютъ $^1/_3$ всего сельскаго населенія.

Къ безземельнымъ относятся прежде всего такъ-называемые бобыли. Они ютятся въ избушкахъ, въ сторонѣ отъ селенія; около избы—небольшой картофельный огородъ. Бобыль выговариваетъ себѣ право пасти корову на межахъ, собирать валежникъ въ лѣсу, отплачивая за это, а также за помѣщеніе, работою. Средствомъ къ существованію бобыля служитъ работа у окрестныхъ крестьянъ. Постояльцы (по-фински loinen)—это тѣ же бродячіе батраки, которыхъ въ Германіи называютъ Einlieger. Они особенно многочисленны въ Саволакіи и Кареліи. Въ Остерботніи ихъ почти совсѣмъ нѣтъ. У постояльца нѣтъ собственнаго крова. Онъ съ семьею, нерѣдко многочисленною, нанимаетъ уголъ въ избѣ хозяина, у котораго работаетъ. Семья его ѣстъ за однимъ столомъ съ семьею хозяина. Обычая заключать съ постояльцами договоръ на опредѣленное время не существуетъ. Постоялецъ живетъ у хозяина до тѣхъ поръ, пока есть работа; очень часто хозяинъ держитъ его изъ милости и дольше. Кончилась работа, или произошло недоразумѣніе съ хозяиномъ,—постоялецъ собираетъ свой скарбъ и отправляется съ семьею искать счастья въ другомъ мѣстѣ.

Въ группѣ сельско-хозяйственной прислуги, кромѣ работниковъ и работницъ, получающихъ харчи и жалованье деньгами, имѣются, какъ и въ Германіи, работники, получающіе, помимо денежнаго вознагражденія и квартиры, извѣстное количество продуктовъ. Сюда относятся такъ-называемые штатники и нахлѣбники (нѣмецкіе депутатисты); они живутъ въ отдѣльныхъ избахъ, у по-

мѣщиковъ—въ казармахъ. Штатники работаютъ на хозяина круглый годъ, нахлѣбники—три или четыре дня въ недѣлю; за сверхъурочную работу имъ платятъ особо. Въ остальное время нахлѣбникъ занимается собственнымъ хозяйствомъ, для чего ему отводится обыкновенно клочокъ земли подъ картофель, небольшое поле и часть луга. Сколько именно лицъ каждой изъ этихъ категорій,—объ этомъ статистика умалчиваетъ. Выше было сказано, что классъ сельскихъ рабочихъ составляетъ около 35% всего сельскаго населенія. По отношенію къ земледѣльческому населенію этотъ процентъ нѣсколько выше. Въ Финляндіи, гдѣ большинство заводовъ и фабрикъ расположено въ сельскихъ мѣстностяхъ, въ числѣ сельскаго населенія считаются рабочіе этихъ промышленныхъ заведеній.

Въ Финляндіи, какъ и въ другихъ странахъ, гдѣ имѣется много безземельныхъ крестьянъ, улучшеніе быта этого класса, обезпеченіе его земельною осѣдлостью составляетъ одну изъ важнѣйшихъ соціальныхъ проблемъ, одну изъ труднѣйшихъ задачъ государственной власти. Посмотримъ, что̀ сдѣлано въ этомъ отношеніи.

Сюда должны быть отнесены, рядомъ съ мѣрами экономическаго характера, также и мѣропріятія, направленныя къ обезпеченію юридической независимости лица, къ уничтоженію тѣхъ остатковъ старины, которые стѣсняли свободу передвиженія сельскихъ жителей и свободу выбора ими занятій. По ходатайству сейма 1863 года были сначала смягчены, а затѣмъ (1883 г.) и окончательно отмѣнены законы о бродяжничествѣ, въ силу которыхъ лица безъ опредѣленныхъ занятій и безъ опредѣленнаго мѣстожительства могли отдаваться въ солдаты или назначаться на общественныя работы, и каждый безземельный долженъ былъ числиться въ услуженіи у какого-нибудь крестьянина-собственника или другого землевладѣльца, имѣть въ его лицѣ „законнаго защитника“. Хотя эти суровые законы были направлены, собственно, противъ бродягъ, но въ категорію такихъ лицъ легко могъ попасть каждый безземельный, лишившійся работы и не имѣвшій, по тѣмъ или другимъ причинамъ, возможности найти патрона. Въ 1874 году изданъ новый законъ о промыслахъ, въ основу котораго легъ принципъ полной свободы выбора занятій.

Затѣмъ слѣдуютъ мѣры, прямо или косвенно направленныя къ облегченію безземельнымъ способовъ пріобрѣтенія земельной осѣдлости. Эту именно цѣль имѣлъ законъ 1895 года, оконча-

тельно отмѣнившій прежнія стѣснительныя постановленія о дробленіи земельной собственности. Теперь земля можетъ дробиться съ тѣми лишь ограниченіями, о которыхъ сказано выше.

На первомъ мѣстѣ стоитъ вопросъ о колонизаціи казенныхъ лѣсовъ; но тутъ сталкиваются два противоположныхъ принципа. Пока лѣсъ былъ не въ цѣнѣ, до тѣхъ поръ колонизація совершалась въ широкихъ размѣрахъ. Въ 60-хъ годахъ лѣсъ пошелъ въ небывалыхъ до того времени размѣрахъ за границу. Началась лѣсная горячка. Скоро возникло сомнѣніе въ неисчерпаемости финляндскихъ лѣсныхъ богатствъ. Это отразилось и на колонизаціи. Она почти прекратилась. Однако, ростъ числа неосѣдлыхъ снова выдвинулъ, въ началѣ 90-хъ годовъ, вопросъ о колонизаціи. Въ 1892 году были изданы новыя правила объ отдачѣ казенныхъ лѣсовъ въ пользованіе. Участки раздавались въ полную собственность, причемъ на участокъ нарѣзалось лѣсу въ количествѣ, достаточномъ не только для домашняго потребленія, но и „сверхъ того“—для продажи. Это привело къ спекуляціи лѣсомъ. Многіе безземельные были лишь подставными лицами въ рукахъ лѣсопромышленниковъ. Когда это обнаружилось, колонизація снова пріостановилась. Сеймъ 1897 года ходатайствовалъ о выработкѣ новыхъ, болѣе раціональныхъ правилъ о раздачѣ казенныхъ земель. Вопросъ остается открытымъ и до настоящаго времени. Нѣкоторые полагаютъ, что будетъ установленъ такого рода modus vivendi между различными сталкивающимися принципами: земля будетъ отдаваться въ потомственное владѣніе, безъ права перепродажи; право пользованія лѣсомъ будетъ ограничено, но зато на первое обзаведеніе будетъ выдаваться извѣстная сумма денегъ.

Дѣлались опыты покупки за счетъ казны большихъ имѣній для перепродажи ихъ частями нуждающимся крестьянамъ, но такого рода операціи производились въ незначительныхъ размѣрахъ и имѣли видъ именно только опытовъ, оказавшихся, притомъ, неудачными. Земля, пріобрѣтенная крестьянами, перешла скоро въ другія руки. Трудно рѣшить, скрывалась ли причина неудачи въ „нерасположеніи неосѣдлыхъ къ земледѣльческому труду“, какъ думаютъ одни, или въ недостаткахъ организаціи дѣла, какъ думаютъ другіе. Послѣдніе утверждаютъ, что участки были слишкомъ малы. Нѣкоторые факты даютъ поводъ думать, что второе предположеніе болѣе вѣроятно.

Въ этомъ сказалось вліяніе взгляда, тормазившаго въ Финляндіи, какъ, впрочемъ, и въ другихъ странахъ, обезпеченіе землею безземельнаго населенія. Такимъ тормазомъ служила увѣ-

ренность, что въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ и въ промышленномъ, крупное производство, и въ экономическомъ, и въ техническомъ отношеніи, превосходитъ мелкое. Взглядъ этотъ, какъ извѣстно, съ каждымъ днемъ теряетъ все больше сторонниковъ въ наукѣ, но имъ долго руководились въ политикѣ. Вслѣдствіе этого, при надѣленіи землею безземельныхъ крестьянъ, имъ старались дать лишь осѣдлость, но отнюдь не хозяйственную самостоятельность, чтобы не лишать крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ необходимыхъ имъ рабочихъ рукъ.

Вліяніе этого взгляда отразилось также на выработанныхъ финляндскимъ сенатомъ правилахъ о расходованіи денегъ изъ фонда для безземельныхъ.

Фондъ этотъ образовался изъ 400.000 марокъ, пожалованныхъ въ 1896 году по случаю коронаціи въ пользу неосѣдлаго населенія, и 150-ти тысячъ марокъ, отчисленныхъ на тотъ же предметъ раньше. Сюда же, вѣроятно, будетъ присоединенъ капиталъ въ два милліона марокъ, перечисленныхъ въ маѣ прошлаго года, по Высочайшему повелѣнію, изъ остатковъ финляндскихъ бюджетныхъ суммъ въ фондъ для безземельныхъ. Правила выдачи ссудъ изъ этого послѣдняго фонда еще не утверждены въ надлежащемъ порядкѣ, но коммиссія, на которую возложено было выработать эти правила, предложила принять порядокъ, въ существенныхъ чертахъ одинаковый съ тѣмъ, какой уже установленъ для выдачи ссудъ изъ ранѣе существовавшаго фонда. А этотъ послѣдній порядокъ сводится къ слѣдующему:

Изъ фонда выдаются ссуды: 1) для пріобрѣтенія усадебной осѣдлости; 2) для пріобрѣтенія небольшихъ участковъ земли съ цѣлью сельско-хозяйственной обработки, и 3) для сельско-хозяйственныхъ улучшеній на собственной или арендованной землѣ. Ссуды выдаются не непосредственно заинтересованнымъ лицамъ, а сельскимъ коммунамъ, сельско-хозяйственнымъ обществамъ и союзамъ съ обязательствомъ учреждать особыя кассы, изъ которыхъ могутъ выдаваться ссуды „извѣстнымъ своею работоспособностью и трудолюбіемъ“ лицамъ. На средства этихъ кассъ могутъ также покупаться цѣлые участки, удобные для парцеллированія и продажи частями. Ссуды выдаются казною подъ 2%, съ погашеніемъ въ теченіе не болѣе 40 лѣтъ. Посредники берутъ въ свою пользу 1%.

Такой порядокъ вызываетъ нареканія. Знатокъ мѣстныхъ поземельныхъ отношеній, докторъ Гебгардъ, указалъ въ недавно опубликованной брошюрѣ на то обстоятельство, что, благодаря посредничеству коммунъ, не достигается главная цѣль фонда —

надѣленіе неосѣдлыхъ такими участками, которые давали бы имъ возможность вести самостоятельное хозяйство и пріобрѣтать независимое положеніе. Коммунальное управленіе находится въ рукахъ крестьянъ-собственниковъ; членами сельско-хозяйственныхъ обществъ состоятъ тоже землевладѣльцы. Въ интересѣ послѣднихъ лежитъ прикрѣпленіе рабочихъ къ землѣ, что̀ лучше всего достигается надѣленіемъ ихъ лишь усадебной осѣдлостью или небольшими участками, недостаточными для прокормленія семьи. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Гебгардъ приводитъ факты. По собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, больше всего поступило заявленій о желаніи получить ссуду изъ такихъ коммунъ, гдѣ матеріальное положеніе неосѣдлаго населенія сравнительно лучше, но гдѣ землевладѣльцы жалуются на недостатокъ рабочихъ рукъ. Напротивъ того, меньше всего поступило заявленій изъ тѣхъ коммунъ, въ которыхъ неосѣдлымъ живется плохо, но гдѣ не ощущается недостатка въ рабочихъ.

Г-нъ Гебгардъ совѣтуетъ устранить посредничество коммунъ. Дѣло обезпеченія землею неосѣдлаго населенія должно быть ввѣрено особому правительственному учрежденію, не заинтересованному въ дѣлѣ и спеціально этимъ занимающемуся, въ родѣ прусскаго „Ansiedelungskommission“ или французскаго „Conseil supérieur de la petite propriété rurale“. Но предварительно должно быть произведено то изслѣдованіе быта и экономическаго положенія безземельныхъ, о которомъ ходатайствовали земскіе чины 1897 года.

Перечисленіе того, что̀ сдѣлано для неосѣдлаго населенія, было бы неполнымъ, еслибы я не упомянулъ объ общемъ прогрессѣ культуры. Въ этомъ отношеніи Финляндія сдѣлала громадный шагъ впередъ за послѣднія тридцать лѣтъ. Распространеніе общаго и профессіональнаго образованія, улучшеніе путей сообщенія, развитіе провинціальной прессы, пропаганда идей трезвости, дѣятельность различныхъ союзовъ и обществъ—все это способствовало расширенію умственнаго кругозора сельской массы, развивало въ ней правовое и классовое самосознаніе. Хотя безземельные не принимаютъ участія въ политическомъ самоуправленіи, но не надо забывать, что отсутствіе избирательныхъ правъ вознаграждается до извѣстной степени возможностью вліять на общественное мнѣніе. А послѣднее есть сила въ такой странѣ, какъ Финляндія, гдѣ газета проникаетъ въ народъ, гдѣ широко развита общественная самодѣятельность. Лучшимъ примѣромъ этому служитъ торпарскій вопросъ. Торпари, хотя и медленно, но добились улучшенія своей участи, и достигли

этого исключительно воздѣйствіемъ на общественное мнѣніе. Поборники новаго закона объ арендѣ всегда указывали, и въ газетахъ, и въ рѣчахъ на сеймѣ, на ростущее среди торпарей недовольство своимъ положеніемъ.

Я старался безпристрастно описать финляндскіе аграрные порядки, не скрывая ни свѣтлыхъ, ни темныхъ сторонъ. Резюмируя сказанное, мы придемъ къ слѣдующему выводу: отличительная особенность финляндскаго аграрнаго строя заключается въ преобладаніи мелкаго и средняго крестьянскаго землевладѣнія и ничтожномъ, сравнительно, числѣ крупныхъ имѣній. Рядомъ съ крестьянами-собственниками имѣется многочисленный классъ безземельныхъ, разбросанныхъ среди землевладѣльцевъ и живущихъ частью арендою у нихъ земли, частью поденною работою.

Значительное количество безземельныхъ, конечно,—зло; но Финляндія не составляетъ въ этомъ отношеніи какого-либо исключенія среди многихъ другихъ европейскихъ странъ. Число безземельныхъ въ ней значительно, напримѣръ, ниже, чѣмъ въ восточной Пруссіи. Тамъ безземельные или имѣющіе лишь ничтожный надѣлъ сельско-хозяйственные рабочіе составляютъ 82% сельскаго населенія. Въ Швеціи аграрныя условія почти тѣ же, что и въ Финляндіи, но процентъ неосѣдлыхъ тамъ выше (въ Швеціи—49%, въ Финляндіи—38%). Послѣ Швеціи Финляндія въ аграрномъ отношеніи стоитъ ближе всего къ южной и юго-западной Германіи. То же преобладаніе мелкихъ и среднихъ крестьянскихъ хозяйствъ, такое же почти число сельскихъ рабочихъ (въ Вестфаліи, Гессенъ-Нассау, Рейнской провинціи — 35% сельскаго населенія), столь же свободное дробленіе земли, та же легкость пріобрѣтенія земли въ аренду; такая же свободная жизнь внутри общины, столь же широкое распространеніе грамотности. Это—строй, о которомъ одинъ нѣмецкій профессоръ (Геркнеръ) говоритъ: „Германскій сельскій вопросъ значительно подвинулся бы къ своему рѣшенію, еслибы западно-германское аграрное устройство было перенесено на германскій востокъ".

Изъ этого видно, какъ неосновательны сравненія Финляндіи съ Польшею былыхъ временъ и съ Остзейскимъ краемъ, какъ легкомысленны намеки на возможность повторенія здѣсь „органической" политики Н. Милютина, Черкасскаго и Самарина. Исторія не повторяется. Знаменитая фраза Милютина, резюми-

рующая его программу: „Отнынѣ является въ Польшѣ новый общественный дѣятель—многочисленный классъ земледѣльцевъ-собственниковъ“—не примѣнима къ Финляндіи, потому что тамъ такой общественный дѣятель уже существуетъ и играетъ видную роль.

Могутъ сказать, что, кромѣ земледѣльцевъ-собственниковъ, въ Финляндіи существуетъ еще классъ безземельныхъ земледѣльцевъ. На нихъ-то, на ихъ обращеніе въ собственниковъ, и слѣдуетъ обратить вниманіе. Сдѣлать это, однакоже, не такъ легко. Казенной земли, какъ мы видѣли, недостаточно для обезпеченія всѣхъ безземельныхъ. Остальная земля находится, главнымъ образомъ, въ рукахъ крестьянъ-собственниковъ. Реформа могла бы быть произведена только на счетъ послѣднихъ и вызвала бы среди нихъ сильное неудовольствіе. Русскіе дѣятели въ Польшѣ имѣли предъ собою, съ одной стороны, крестьянскую массу, только-что освобожденную отъ крѣпостной зависимости, съ другой — землевладѣльцевъ-дворянъ, классъ, скомпрометтированный участіемъ въ возстаніи и считавшійся политически неблагонадежнымъ. Въ Финляндіи нѣтъ ничего подобнаго: поземельнаго дворянства тамъ не существуетъ, а имѣются безземельные крестьяне и зажиточные крестьяне-собственники, вездѣ и всегда отличающіеся консерватизмомъ и приверженностью къ существующему. Условія, слѣдовательно, совершенно иныя, чѣмъ въ Польшѣ, и наврядъ ли допускающія возможность повторенія здѣсь „органической“ политики.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы невозможны были частичныя реформы въ аграрной области: расширеніе колонизаціи казенныхъ земель до возможныхъ предѣловъ, пріобрѣтеніе на счетъ казны земель для перепродажи крестьянамъ на льготныхъ условіяхъ. Замѣчено, что многія крестьянскія хозяйства, особенно въ сѣверо-западной Финляндіи (Остерботніи), стремятся перейти къ болѣе совершеннымъ формамъ сельско-хозяйственной культуры. Они охотно продали бы часть земли, чтобы вложить вырученныя деньги въ остальную. Въ этомъ направленіи должна идти аграрная политика въ Финляндіи.

Финляндцы, конечно, возьмутся за это дѣло. Они—люди мѣстные, имъ и книги въ руки. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что они сдѣлаютъ это хорошо. За это ручается ихъ практичность, ихъ благоразуміе, ихъ горячій патріотизмъ.

А. В. Игельстромъ.

ЕЕ ВСѢ ЗНАЮТЪ...

Изъ замѣтокъ земскаго врача.

...Амбулаторный пріемъ въ моей лечебницѣ былъ въ полномъ разгарѣ, когда въ передней вдругъ произошло какое-то необыкновенное движеніе и безпорядокъ. Кто-то изо всѣхъ силъ ломился въ пріемную, — его не пускали; мой сторожъ обѣими руками упирался въ дверь, напрягая всѣ свои силы, чтобы удержать ее въ надлежащемъ положеніи; слышались негодующіе возгласы: „Куда прешь, чортъ? Не твоя очередь! Очередь вѣдь здѣсь"... Я, было, уже хотѣлъ подняться и прекратить безпорядокъ, но въ эту минуту дверь наконецъ подалась, сторожъ отлетѣлъ въ сторону, и въ пріемную ворвался растерянный и растрепанный мужичонко, весь красный отъ натуги, въ зашлепанныхъ грязью лаптяхъ и съ кнутомъ въ рукѣ. Наскоро отмахавъ передъ образомъ нѣсколько торопливыхъ крестовъ, онъ блуждающими глазами окинулъ пріемную и ринулся ко мнѣ.

— Ваше благородіе! Пухнетъ! — отчаяннымъ голосомъ заявилъ онъ.

Я принялъ суровый видъ.

— Такъ нельзя, братецъ!—началъ я наставительно.—Надо очереди ждать, а это что же за безобразіе такое — ломиться, толкаться и шумѣть! Ты вѣдь не одинъ здѣсь; иди въ переднюю и жди, когда тебя позовутъ.

— Никакъ невозможно, ваше благородіе!—еще отчаяннѣе продолжалъ мужикъ.—Потому—пухнетъ...

— Да кто такое пухнетъ?

— Господи, да баба моя! Не приведи, Господи, какъ пух-

нетъ! Горой раздуло... Сдѣлай милость, не оставь, —окажи помочь...

— Ну, и окажу; иди себѣ въ переднюю и дожидайся. Вотъ, приму другихъ больныхъ и твою бабу посмотрю.

— Да она у меня не здѣсь.

— Какъ не здѣсь? Гдѣ же?

— Въ Матренкахъ, у ейной матери.

— Такъ ты бы такъ и говорилъ раньше. Ну что-жъ, вотъ окончу пріемъ и пріѣду. Въ Матренкахъ она у тебя, говоришь?

— Въ Матренкахъ, ваше благородіе, у матери, у Мархвы. Ты только спроси Мархву Потанчикову, — тебѣ покажутъ. Ее всѣ знаютъ.

— Ну, ладно, ладно, пріѣду.

— Дай тебѣ Господи... Таки не забудь —Мархва... Ее всѣ знаютъ!

Отпустивъ больныхъ и пообѣдавъ, я на парѣ земскихъ одровъ отправился въ Матренки разыскивать Марѳу, которую „всѣ знаютъ". Такъ какъ это село было изъ голодающихъ, то я, предполагая цынгу, кромѣ походной аптечки захватилъ еще чаю, сахару, лимоновъ и бѣлаго хлѣба. Часа черезъ полтора ѣзды по отвратительной осенней дорогѣ или, вѣрнѣе, бездорожицѣ мы дотащились, наконецъ, до Матренокъ и въѣхали въ главную улицу села, растянувшуюся чуть не на двѣ версты. Короткій ноябрьскій день уже потухалъ, и на улицѣ было безлюдно, —только кучка ребятишекъ, прятавшихъ красныя, иззябшія руки въ рукава рваныхъ тулупчиковъ, копошилась у воротъ одной избы. Мы направились къ нимъ.

— Эй, мальчики!—крикнулъ я.—Не знаете, гдѣ Марѳа Потанчикова живетъ?

— Мархва?—переспросилъ одинъ изъ нихъ.—Какая Мархва?

„Вотъ тебѣ и „всѣ знаютъ"!—подумалъ я съ досадой, предвкушая безконечныя плутанія въ сумеркахъ по огромному незнакомому селу, по слякоти и мокрети, по выбоинамъ и колеямъ деревенскаго бездорожья. Но другой мальчуганъ, попіустрѣе, выручилъ меня изъ затрудненія.

— Вона!—накинулся онъ на товарища.— Не знаетъ Мархву... Да это Филимонова удова! Вы ужъ ее проѣхали.

— Ну? Гдѣ же она живетъ?

Шустрый мальчуганъ, ни слова не говоря, живо взгромоздился на облучокъ и скомандовалъ ямщику:

— Вертай назадъ! Прямо!

Мы тронулись, сопровождаемые завистливыми взглядами товарищей шустраго мальчугана. А онъ продолжалъ:

— Прямо, все прямо!.. Вотъ сейчасъ въ проулокъ... Правѣй держи, тутъ колдобачина... Вона,—вонъ къ энтой мазанкѣ... Здѣсь!

Ямщикъ остановилъ лошадей, и мы стали у воротъ большой каменной избы, раздавшейся въ ширину, съ крыльцомъ, высокою трубой и расписными ставнями у оконъ. Къ воротамъ сбоку прилѣпился ветхій плетень, въ которомъ была продѣлана узенькая лазейка, перегороженная длинной хворостиной. Я было-сунулся въ ворота.

— Не сюда, не сюда!—крикнулъ мальчуганъ.—Это не къ ней. Въ „фортку" лѣзьте,—тамъ она, въ мазанкѣ живетъ, а это не къ ней.

Я полѣзъ въ „фортку", какъ мальчикъ назвалъ лазейку въ плетнѣ, и среди пустыря увидѣлъ крошечную мазанку безъ трубы, ничѣмъ не отличавшуюся отъ окружавшихъ ее кучъ навоза. Только узенькая стежка, протоптанная отъ фортки къ мазанкѣ, указывала, что это—человѣческое жилье, а не свалка нечистотъ, и я храбро пустился по этой стежкѣ. Она привела меня къ дверкѣ; чуть не ударившись лбомъ о косякъ, я втиснулся въ нее и сразу провалился въ какую-то темную и вонючую яму.

— Кто здѣсь?—окликнулъ меня изъ темноты женскій голосъ.

— Докторъ. Къ больной пріѣхалъ, которая пухнетъ.

— Ахъ, батюшки мои!—воскликнулъ тотъ же голосъ.—А у насъ-то хоть глазъ выколи... И гдѣ же это у меня спички-то задѣвались?

Пока женщина суетилась и отыскивала спички, я стоялъ, боясь пошевелиться, и ждалъ. Удушливый, тяжкій воздухъ, пропитанный запахомъ гари, ѣлъ мнѣ глаза; въ головѣ, съ непривычки, зашумѣло, какъ отъ угара. Наконецъ спички нашлись, и баба засвѣтила крошечную лампочку, тусклый огонь которой озарилъ убогія стѣны, покрытыя бархатной копотью, земляной полъ, для чистоты застланный соломой, и обмазанную глиной пузатую печь въ углу. Я прочистилъ слезившіеся глаза и осмотрѣлся. Передо мною, съ ребенкомъ на рукахъ, стояла женщина лѣтъ сорока слишкомъ; обыкновенно, въ эти годы женщина средняго круга—еще дама хоть куда, и даже можетъ нравиться, но деревенская баба—почти старуха. Однако, та, которая передо мною стояла, представляла исключеніе изъ этого правила. Ея крѣпкое, круглое лицо сохранило свѣжесть молодости; станъ былъ высокъ и прямъ, а въ живыхъ черныхъ гла-

захъ еще не потухъ огонь, свидѣтельствовавшій о томъ, что она еще не устала бороться и хочетъ жить...

— Это ты самая и есть Марѳа, которую всѣ знаютъ? — спросилъ я.

— Я, я самая!—отвѣчала баба съ улыбкой.—А я ужъ думала, ты меня и не найдешь. Зять-то у меня больно глупой, ничего толкомъ не умѣетъ. А дочку жалко,—смучилась я съ нею; больная, да съ ребенкомъ, просто горюшко мое съ ними!

— Да зачѣмъ же она у тебя? Вѣдь у нея мужъ есть.

— И, батюшка родимый, нешь ты не знаешь наше бабье положеніе? Покуль здорова, потуль и хороша; а какъ пала на всѣ четыре ноги, — ну, и не нужна стала. Бабѣ, все равно что скотинѣ, хворать не полагается; а ужъ захвораешь, — не дай Богъ, всего натерпишься. Ни попить подать некому, ни прибрать, да цѣлый день попреки—„чего легла, небось, не барыня разлеживаться-то!" А мнѣ жалко: своя вѣдь кровь-то,—ну, вотъ и взяла къ себѣ, въ свои хоромы.

— Ну ужъ и правда, хоромы у тебя!—сказалъ я.—И какъ это ты жива до сихъ поръ, не задохлась еще въ своихъ хоромахъ?

— А куда же дѣться-то? Спасибо еще вовсе съ земли не согнали, и то хорошо.

Мнѣ нравилось, какъ она говорила, — спокойно, съ оттѣнкомъ юмора и безъ всякаго бабьяго нытья.

— Ну, показывай, гдѣ твоя больная?

Марѳа, держа въ одной рукѣ ребенка, взяла въ другую лампочку и подвела меня къ печкѣ, у которой на примостѣ лежала какая-то неподвижная, огромная масса, прикрытая овчиннымъ тулупомъ.

— Ѳедоня! А, Ѳедоня! — жалостнымъ голосомъ вымолвила Марѳа, наклоняясь надъ неподвижною массой.—Потревожься, родная моя,—вотъ докторъ пріѣхалъ, полечить тебя хочетъ...

Масса пошевелилась, и изъ-подъ овчины выглянуло запухшее, точно водою налитое, желтое лицо, не имѣвшее въ себѣ уже почти ничего человѣческаго. Глаза, носъ, ротъ—все сплылось въ какой-то безобразный, безформенный комокъ, и только тяжелое, рѣдкое дыханіе, колебавшее огонь лампочки, указывало, что въ этой грудѣ разлагающагося тѣла еще теплилась жизнь.

— Видишь, какая...—съ жалостью шепнула мнѣ Марѳа.— Ноги-то чисто бревна; я и не видывала сроду этакой страсти. Водянка, должно...

Больная безучастно лежала на своемъ одрѣ, и, видимо, ей

было уже рѣшительно все равно, жить или умереть. Съ трудомъ разомкнула она вспухшія вѣки, и оттуда на меня глянулъ холодный взоръ, уже далекій отъ всего живого.

Я сѣлъ около нея и, по обязанности врача, сдѣлалъ веселое лицо.

— А ну-ка, вотъ посмотримъ, что̀ тутъ за страсти! — началъ я, вынимая стетоскопъ.—Можетъ, еще и страстей-то никакихъ нѣтъ, а такъ себѣ, пустякъ какой-нибудь.

Но мои слова и безпечный тонъ не оживили больную, и она безучастно продолжала смотрѣть куда-то страннымъ взглядомъ умирающихъ, которые, кажется, уже видятъ то, что̀ лежитъ „на той сторонѣ", и чего мы, здоровые, видѣть не можемъ.

Осмотрѣвъ и выслушавъ бѣдную молодуху, я убѣдился, что дѣло было почти безнадежное, болѣзнь была страшно запущена, и перерожденное сердце доканчивало свою послѣднюю работу.

— Плохо дѣло, Мареа,—сказалъ я, отходя.

— Да ужъ я и сама вижу, что плохо,—со вздохомъ согласилась Мареа.—Вода залила, ничего не подѣлаешь.

— Болѣзнь запустили. Нужно было раньше лечить, поправилась бы. Баба молодая.

— Чего тамъ, всего двадцать-второй годокъ пошелъ, третій годъ замужемъ! Да вѣдь кому заботиться-то было,—мужикъ, видишь, у ней незанятный, свекровь тоже жалѣть не станетъ,—ну бабочка и таилась съ своей немочью, и ворочала чугуны черезъ силу,—вотъ и надорвалась... Что̀ ты подѣлаешь,—знать, ужъ такое мнѣ невзгодье!

— Ты вѣдь вдова?

— Вдова. Мужъ въ холеру кончился, а то мы хорошо прежде жили. Видалъ домъ-то рядомъ? Это—мой деверь, стало быть, мужнинъ братъ, мы вмѣстѣ жили. Хозяйство хорошее, справное; прошлогодняго хлѣба одного 12 скирдовъ не молочено.

— Да отчего же ты теперь съ нимъ не живешь?

— Отчего?—съ иронiей сказала Мареа.—Ну, стало быть, не похотѣлъ. Куска стало жалко, разбогатѣть хочетъ. Вырыли мнѣ вотъ эту яму, вродѣ могилы, и согнали. Живи какъ хочешь. Ну, вотъ и живу. А онъ, ишь, какія палаты себѣ взбодрилъ! Чисто купецъ. Должно быть, на сиротскихъ-то слезахъ оно крѣпче стоитъ. Тоже и моего горба тамъ не мало положено. Съ покойникомъ жили—не гуляли, а все въ домъ тащили; сколько холстовъ я имъ наткала, а какъ сгоняли,—ниточки одной не дали...

— Да какъ же это? Да ты бы жаловалась.

— Пытала, миленькій, все пытала! И въ волость ходила, жалилась, да нешь есть на міру сиротская правда? Нѣту ея. наши старички давно ее пропили. Меня же выругали: „Ты чего, старая метла, кляузы разводишь? Вырыли тебѣ могилу, ну и лежи въ ней, а форсить нечего,—захочемъ, и вовсе съ земли сгонимъ. А деверь разсерчалъ еще пуще и во дворъ къ себѣ ажъ не велѣлъ ходить. Плетнюшку-то видалъ съ форткой? Это онъ отъ меня отгородился, чтобы моего духу не пахло,—ишь, будто, мой духъ для него такой вредный. Ну, ужъ я мимо него и не хожу, а проползу ужомъ въ фортку, да и зароюсь въ свою яму. Вотъ какія мои дѣла.

— Какъ же ты кормишься?

— А поденкой. Слава Богу, подоконнаго хлѣба не ѣла, здоровà еще работать. Гдѣ постираюсь, гдѣ пожнусь, гдѣ за дитемъ пригляжу,—и сыта. Вотъ дочка-то меня сокрушила, а то бы ничего. Выдала ее замужъ, думала, хоть она поживетъ въ теплѣ, да въ сытѣ,—анъ еще хуже вышло. Теперь и отъ ней отойти нельзя, и ребенокъ связалъ по рукамъ и ногамъ,—совсѣмъ тяжко...

Все это она говорила просто, спокойно, и оттого разсказъ ея производилъ особенно сильное впечатлѣніе. „Мало словъ, но горя рѣченька—горя рѣченька бездонная“... Блѣдный огонекъ лампы то вспрыгивалъ, то приникалъ, словно задыхаясь въ спертомъ воздухѣ землянки, гдѣ три существа вели жестокую битву жизни, и эти судорожныя вспышки рождали въ темныхъ углахъ цѣлыя полчища уродливыхъ, пляшущихъ тѣней. И странно было думать, что гдѣ-то тамъ на землѣ есть и счастье, и красота, и ароматъ цвѣтовъ, и звуки музыки, и веселый смѣхъ.

— Ну, что же, Марѳа,—сказалъ я, отпирая свою аптечку и доставая оттуда свертки.—Плохо не плохо, а полечить твою дочку нужно. Вотъ тебѣ лекарство, а вотъ чайку, сахарку, хлѣбца бѣлаго. Корми свою больную, ей нужна пища легкая. Можетъ, и выправится.

Я взглянулъ на Марѳу и не узналъ ея привѣтливаго, яснаго лица,—такъ оно вдругъ странно измѣнилось и потемнѣло.

— За лекарство покорно благодаримъ, а булочку-то спрячьте, —сдержанно вымолвила она.—Кому другому побѣднѣе отдадите, а у насъ, слава Богу, еще свой хлѣбъ есть.

— Что же это ты, моимъ хлѣбомъ брезгаешь?—сказалъ я, улыбкой стараясь прикрыть свою неловкость.

— Зачѣмъ брезговать,—святымъ хлѣбомъ не брезгаютъ. А

только не гоже намъ это принимать,—побѣднѣе насъ есть. Да и ни къ чему намъ это,—мы на черномъ хлѣбѣ взросли, къ бѣлому-то привыкать кубыть и не къ чему.

Мы долго съ нею перекорялись, и насилу мнѣ удалось убѣдить ее взять отъ меня и чай, и хлѣбъ, и манную крупу для больной, да и то съ условіемъ, что она со временемъ мнѣ за это непремѣнно отработаетъ.

Распростились мы съ нею совсѣмъ по-пріятельски, и когда я выползъ изъ Маремной ямы на свѣтъ божій, я чувствовалъ себя такъ, какъ будто неожиданно нашелъ что-то необычайно дорогое и прекрасное. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть на свѣтѣ лучше и прекраснѣе хорошаго человѣка?

Прошло около двухъ недѣль, и въ это время меня такъ затрепали больные, что я никакъ не могъ собраться въ Матренки, навѣстить Мареу. Но, вотъ, однажды подъ вечеръ мой вѣрный сторожъ, Хвеська, доложила мнѣ, что меня спрашиваетъ какая-то баба.

— Зови ее сюда.

— Да она не идетъ,—говоритъ, я въ лаптяхъ.

— Ну, тащи ее насильно.

Хвеська съ удовольствіемъ помчалась исполнять мое приказаніе и черезъ минуту втолкнула ко мнѣ въ комнату упиравшуюся бабу, закутанную въ тулупъ, который отдувался у нея на груди и на животѣ, и въ черный платокъ, обмотанный вокругъ головы на подобіе чалмы. Я вглядѣлся, и изъ-подъ этой безобразной чалмы на меня глянули знакомые ясные глаза, жаждущіе жить и бороться.

— А, Мареа, которую всѣ знаютъ!—воскликнулъ я весело.—Да никакъ это ты?

— Я, я самая,—степенно отвѣчала Мареа, кланяясь и добывая изъ-за пазухи какой-то узелочекъ.—Вотъ тебѣ гостинчика принесла, яичекъ свѣженькихъ,—кушай себѣ на здоровье, сахарный мой!

— Ну, вотъ тебѣ и разъ,—а ужъ безъ гостинчика-то нельзя?

— Никакъ нельзя: ты ко мнѣ съ гостинчикомъ, и я къ тебѣ съ гостинчикомъ. Ужъ ты прими, сдѣлай милость!

Дѣлать нечего,—пришлось принять гостинчикъ.

— А дочка-то у меня померла,—со вздохомъ сказала Мареа, когда вопросъ о гостинчикѣ былъ рѣшенъ.—Только два денечка и продыхала безъ тебя,—отмучилась. Я, ужъ сказать тебѣ, и рада была; жалко мнѣ ее вотъ какъ, хоть объ землю расши-

бись, а обѣими руками перекрестилась: слава тебѣ, Господи, прибралъ!

— А внучка гдѣ же?

— У меня!—просіявъ, сказала Мароа и указала на отдувшійся животъ.—Вотъ она, здѣсь.

— Какъ же это такъ? А отецъ-то?

— Ну, отецъ! Онъ, вотъ, послѣ Филипповокъ женится,—ужъ и невѣсту себѣ присмотрѣлъ. На что она имъ нужна? Кабы еще мальчикъ былъ, а то дѣвка; а они говорятъ,—у насъ во дворѣ и такъ дѣвокъ много. Ну, и прикинули къ бабушкѣ. Рощу себѣ на старость.

— Да какъ же ты съ ней управляешься одна-то?

— Да такъ вотъ и управляюсь. Молочка въ сосѣдяхъ ей добываю, кренделька пожую—ростетъ! Да ты погляди, дѣвка-то какая добро,—ядрёная да хорошая!

И, распахнувъ тулупъ, она извлекла оттуда кругленькій свертокъ, изъ котораго выглядывало блѣдное личико съ прелестными сѣрыми глазами. Дѣвочка серьезно сосала свой собственный пальчикъ, и во взглядѣ ея свѣтилась преждевременная грусть, какъ будто бы она уже сознавала, что никому не нужна, и что ей тоже предстоитъ жестокая борьба за право жить на бѣломъ свѣтѣ.

Мы просидѣли съ Мароой до полуночи за самоваромъ, потомъ она переночевала у меня и рано утромъ опять ушла съ внучкой въ свою яму.

Съ первымъ снѣгомъ въ деревняхъ появился и неизбѣжный спутникъ недорода — голодный тифъ. Опять по всѣмъ дорогамъ деревенскимъ зазвенѣли земскіе колокольчики; опять въ разныя стороны полетѣли тройки, развозившія эпидемическихъ врачей, уполномоченныхъ отъ Краснаго Креста, чиновниковъ, статистиковъ и другихъ дѣятелей, борьба которыхъ съ народнымъ бѣдствіемъ похожа была на борьбу миоическихъ богатырей съ стоглавой гидрой. Отрубятъ одну голову,—глядь, уже шипитъ другая; покончатъ съ этой, — разѣваетъ свою кровавую пасть и третья... Эпидемія обнаружилась и въ Матренкахъ, и когда я пріѣхалъ туда, тифъ уже свирѣпствовалъ дворахъ въ двадцати подъ рядъ. Болѣзнь валила и богатыхъ, и бѣдныхъ, и старыхъ, и малыхъ, и въ нѣкоторыхъ избахъ буквально все населеніе лежало въ жару и бреду, такъ что некому было прибрать за больными, некому подать пить. Послѣдняя изба, которую пришлось мнѣ посѣтить, оказалась избою Мароина деверя, и, къ своему удив-

ленію, войдя туда, я увидѣлъ Мароу, съ внучкой на рукахъ, сидѣвшую у окна.

— Ты здѣсь?—спросилъ я.

— Да-то какъ же!—просто отвѣчала Мареа.—Ты погляди-ка, вѣдь у насъ чистый лазаретъ, — приглядѣть некому, печка нетопленная, корова недоенная,—нельзя же бросать. Сначала-то сама свалилась, потомъ ребятишки, а вчерась и деверь слегъ. Ну, я и пришла,—отчего же не помочь,—чай, такіе же люди.

— А плетень какъ же? Сломали?

Мареа поняла мой намекъ и тонко усмѣхнулась.

— Зачѣмъ сломали? Стоитъ! Небось, сколько горшку ни гулять, а все въ печь вернется. Такъ и я.

Въ эту минуту съ печи послышался чей-то хриплый кашель и стонъ: „Горитъ... ой, нутро горитъ!“ Мареа посадила внучку на лавку, безшумно зачерпнула въ кружку воды и полѣзла на печь.

— На, попей, родимый, полегчаетъ!—ласково говорила кому-то она.—Давай, я те голову-то подержу,—ишь, она у тебя ужъ не держится!.. Ахъ, болѣзный ты мой, ахъ, ты горькій!..—нараспѣвъ причитала она, точно надъ ребенкомъ.

Съ печи выглянула растрепанная, бородатая голова, мутными, ничего не видящими глазами посмотрѣла вокругъ и снова свалилась. Мареа бережно поправила что-то тамъ и слѣзла.

— Видѣлъ, какой? Самъ себя не понимаетъ. Какъ же бросить-то?

Мареа пробыла у деверя до тѣхъ поръ, пока послѣдній больной не всталъ на ноги, и затѣмъ снова вернулась въ свою яму. Никто не сказалъ ей „останься“; впрочемъ, въ благодарность за уходъ, деверь далъ ей пудъ муки и подарилъ старыя валенки, которыя оказались Мареѣ не впору.

Я ѣздилъ въ Матренки довольно часто, и то тамъ, то здѣсь постоянно встрѣчалъ Мареу. Съ внучкой на рукахъ, съ своею обычною благодушною улыбкой и яснымъ, бодрымъ взглядомъ она переходила изъ избы въ избу, и не одну мужицкую жизнь удалось ей отстоять отъ смерти въ эту тяжелую, гнилую зиму. Дѣвочка-Маша росла не по днямъ, а по часамъ, и мы съ Мареой часто любовались на нее, когда она, серьезная и тихая, сидѣла гдѣ-нибудь въ уголку и вела сама съ собою непонятныя рѣчи.

Весною эпидемія прекратилась, и я пересталъ ѣздить въ Матренки. Но Мареа изрѣдка посѣщала меня и каждый разъ приносила какого-нибудь „гостинчика“ — щавелю, сморчковъ,

ягодъ. Потомъ вдругъ она исчезла, а мнѣ все было какъ-то некогда навести о ней справки. Ахъ, это ужасное „некогда"!.. Какъ оно сушитъ и мертвитъ человѣческую душу и сколько благихъ порывовъ хоронитъ подъ грудою будничныхъ мелочей! Сегодня некогда, завтра некогда, а тамъ, глядишь, чья-нибудь жизнь пропала, и въ отчаяньѣ рвешь на себѣ волосы, чтобы вернуть вчерашній день, да уже поздно.

Разъ, уже въ началѣ сентября, случился у меня на пріемѣ матреновскій мужичокъ, и я спросилъ его, не знаетъ ли онъ Марѳу Потанчикову.

— Мархву-то?—оживленно сказалъ мужикъ.—Да какъ же ее не знать? Ее у насъ всѣ знаютъ. Она еще за моей бабой ходила, когда у ней дрянишша была.

Дрянищей мужики наши называютъ тифъ.

— Во-вд̀, она самая!—обрадовался я.—Ну, скажи, пожалуйста, какъ она тамъ? Жива?

Мужикъ какъ-то замялся и зачесалъ затылокъ.

— Да жива-то жива, только тамъ неладное дѣло вышло. Въ городу, въ острогѣ сидитъ, ондмня увезли.

— Да что̀ ты? Не можетъ быть!.. За что? Такая хорошая женщина!

— Баба-то, что̀ и говорить, золотая баба, да что-жъ ты подѣлаешь,—такой грѣхъ случился. Уголовшшина! У деверя, стало-быть, у своего изъ запертаго амбара муку позычила (украла).

— Много?

— Ну, много! Всего-то, можетъ, съ горстку. Главная вещь—зломъ; кабы злому не было, а то зломъ!

Мужикъ съ большимъ удовольствіемъ выговаривалъ это уголовное слово „взломъ", которое, повидимому, очень ему нравилось своей звучностью и внушительностью.

—Ну, однако, и подлецъ же этотъ ея деверь!—съ негодованіемъ воскликнулъ я.—За горстку муки человѣка въ острогъ!..

И мнѣ вдругъ вспомнились — бородатая голова на печи и ласковыя причитанія Марѳы надъ этой головою...

— Это что̀ и говорить, круто поступилъ!—согласился мужикъ. —Обидѣлъ онъ Мархву, дюже обидѣлъ! Крутой мужикъ, прижимистый. Мы ужъ и то со стороны ее жалѣемъ.

— Ну, ужъ и вы-то тоже хороши! Святые мужички! Вѣдь онъ ее ограбилъ кругомъ, изъ дома выгналъ, а вы хоть бы что̀! Не грѣхъ это вамъ?

— Да вѣдь, Господи!—въ смущеніи сказалъ мужикъ.—Вѣдь кабы мы въ силѣ-мочи были, а-то вѣдь у насъ какъ: у кого

карманъ туже, тотъ и правъ. А намъ нешь ее не жалко, Мархвуто? Тоже жалко, да вѣдь ничего не подѣлаешь, потому глоты дюже засилье взяли...

Я больше не возражалъ, да и что̀ бы я возразилъ? Вѣдь мужикъ-то былъ правъ,—и не только въ деревнѣ, но и вездѣ теперь „глоты взяли засилье"...

— А вотъ у нея внучка была, — не знаешь ли, внучка-то куда дѣвалась?— спросилъ я.

— Внучка-то? А ужъ это я не могу вамъ обсказать про внучку,—кто же ее знаетъ, гдѣ она.

Я, страшно огорченный и взволнованный, послѣ пріема отправился въ городъ, разузнать объ участи Мареы. Дѣйствительно, все оказалось такъ, какъ разсказывалъ мужикъ: Мареа обвинялась въ кражѣ со взломомъ и была взята подъ стражу, а дѣло ея должно было разбираться въ выѣздную сессію окружного суда не далѣе, какъ черезъ двѣ недѣли. О внучкѣ ея я и здѣсь ничего не могъ узнать,—съ этимъ и возвратился домой, попросивъ знакомаго человѣчка извѣстить меня о днѣ судебнаго разбирательства.

Въ назначенный день я уже былъ въ съѣздѣ, гдѣ обыкновенно происходили засѣданія окружного суда, и толкался въ ожиданіи, когда отворятъ двери залы, въ тѣсномъ корридорчикѣ среди довольно многочисленной публики. Я былъ въ довольно скверномъ настроеніи, и все меня раздражало: и эта ошалѣвшая отъ скуки публика, пришедшая развлечься зрѣлищемъ чужого позора и чужихъ страданій, и хмурыя, грязныя стѣны съѣзда, вытертыя мужицкими спинами, и истеричный сентябрьскій день, который то разражался бурными, безпричинными слезами, то сверкалъ сквозь слезы безпокойными солнечными улыбками. Я стоялъ въ сторонкѣ и злился, а вокругъ меня шутили, смѣялись, обмѣнивались привѣтствіями и разными провинціальными новостями, въ родѣ того, что Иванъ Иванычъ вчера продулся въ клубѣ, а какая-то Марья Петровна подралась съ своей кухаркой.

— Вообразите, совершенно нѣтъ интересныхъ дѣлъ въ эту сессію!—говорилъ кто-то около меня.—Все кражи, драки, оскорбленія дѣйствіемъ, и ни одного убійства!..

Тотъ, кто приглашался „вообразить", не успѣлъ отвѣтить, потому что въ это время у дверей, ведущихъ на лѣстницу, произошло какое-то движеніе, и публика двинулась туда. На лѣстницѣ блеснули два штыка, и я увидѣлъ двухъ солдатъ, которые подталкивали впередъ бабу, одѣтую въ арестантскій халатъ и

повязанную бѣлымъ, низко спущеннымъ на лобъ, платкомъ. Неловко шмыгая ногами въ огромныхъ, неуклюжихъ бахилахъ и безпрестанно спотыкаясь на ступеняхъ, баба подняла голову, и я сразу узналъ эти глаза, которые, несмотря на всѣ невзгоды, выражали все ту же жажду жить и бороться.

— Мароа!—крикнулъ я, стараясь къ ней протискаться.

Но солдатъ загородилъ мнѣ дорогу прикладомъ.

— Воспрещшается!—внушительно сказалъ онъ и, толкнувъ Мароу въ спину, прибавилъ съ озабоченнымъ видомъ:—Иди что-ль... чего стала? Пропустите, господа, не полагается этакъ...

Мароа успѣла только кивнуть мнѣ головой и, путаясь въ полахъ халата, скрылась въ одной изъ боковыхъ дверей. И странно было видѣть — эту смиренную, робкую фигуру подъ охраной двухъ дюжихъ солдатъ, прикладами и штыками, точно какого-то бѣшенаго звѣря, отдѣлявшихъ ее отъ толпы людей.

Двери залы открылись, и публика ринулась занимать мѣста.

— Судъ идетъ!—глухимъ, точно изъ бочки, басомъ провозгласилъ толстый приставъ.

По залѣ пронесся легкій шелестъ, какъ въ лѣсу при внезапномъ порывѣ вѣтра, и затѣмъ все смолкло.

Послѣ обычныхъ формальностей, предсѣдатель, маленькій старичокъ, съ блѣднымъ, кроткимъ лицомъ и большими, усталыми глазами, обратился къ подсудимой съ вопросомъ, признаётъ ли она себя виновной?

Мароа встала и низко поклонилась въ поясъ.

— Виновата, батюшка, господинъ мировой! Грѣхъ попуталъ, виновата!

— Разскажите, какъ же все это было?

— Да какъ было, родименькій,—вотъ какъ было-то! Унучка у меня, стало быть, отъ покойницы-дочери осталась, ну, извѣстно, дитё малое, ѣсть проситъ! Нешь я для себя, я для унучки... Я-то, старая, какъ да нибудь перетерпѣла бы, мнѣ чтò, не впервòй безъ хлѣба-то сидѣть, а дитё, нешь оно чтò понимаетъ, — кричитъ, да и кричитъ: „дай хлѣбца“!.. Ну, я взяла махоточку, да и отсыпала мучки... дай, молъ, я унучкѣ хоть лепешечку испеку... Вотъ какъ оно было-то, господинъ мировой,—каюсь, виновата, простите меня, грѣшную...

И Мароа снова низко поклонилась.

— Отчего же вы не попросили прежде, чѣмъ взять самовольно?

— Было прошено, батюшка ты мой, нешь не было,—было! Сколько разовъ я къ нему ходила, къ деверю-то, а ты спроси

его, что онъ мнѣ сказалъ. „Я, говоритъ, тебѣ не анпираторъ, чтобы тебя съ унучкой твоей кормить; куда хочешь, туда съ ней и иди, а у меня хлѣба про тебя не запасено“. А куда-жъ я пойду, господинъ мировой? У него сколько скирдовъ не молочено стоитъ, а у другого, можетъ, и крохи въ избѣ нѣту, и радъ бы далъ, да нечего. А унучка кричитъ, дай ей хлѣбца...

Начался вызовъ свидѣтелей. Всѣ единогласно показали, что Маръа была баба хорошая,—„золотая баба“, что ходить по дворамъ и клянчить хлѣба „за такъ“ она не любила, а старалась какъ-нибудь отработать, и что послѣднее время ей особенно тяжко приходилось, потому что годъ былъ голодный и даже куска иной разъ занять было негдѣ. При этомъ выяснилась еще одна интересная подробность: оказалось, что Маръа за эту злополучную „горстку“ муки, которую у нея отняли и изъ-за которой она теперь сидѣла на скамьѣ подсудимыхъ, уже отработала своему деверю, и даже самъ деверь, плотный мужикъ съ почтенною сѣдиною въ бородѣ, подтвердилъ это.

По мѣрѣ того, какъ дѣло подвигалось къ концу, и настроеніе публики измѣнялось, и я уже не видѣлъ кругомъ себя равнодушныхъ и скучающихъ лицъ. Точно какой-то тихій свѣтъ проникъ въ эту пасмурную залу и озарилъ своими лучами и судей въ расшитыхъ мундирахъ, и двѣнадцать присяжныхъ на ихъ высокихъ креслахъ, и даже засаленнаго городового, стоявшаго у дверей. А сѣрая фигура въ арестантскомъ халатѣ, согнувшись, сидѣла на скамьѣ и смиренно ожидала рѣшенія своей участи подъ сѣнью двухъ штыковъ...

— Подсудимая! — обратился къ ней предсѣдатель снова.— Вамъ предоставляется послѣднее слово, — не желаете ли еще что-нибудь сказать?

Маръа поднялась.

— Господа, мировые старички, и вы, жалкіе судьи!—начала она дрогнувшимъ голосомъ.—Вотъ она—я, вся тутъ передъ вами, судите праведно, пожалѣйте унучку... Богъ васъ не оставитъ...

Она сѣла. Кто-то въ публикѣ фыркнулъ-было надъ „жалкими судьями“, но свирѣпое шипѣніе заглушило смѣхъ, и у многихъ на глазахъ я замѣтилъ слезы. „Оправдаютъ!“—послышались сдержанные голоса. „Оправдаютъ!“—подумалъ я радостно, и сѣрыя обывательскія лица уже не казались мнѣ пошлыми, и я даже готовъ былъ расцѣловать того господина, который давеча сокрушался о томъ, что черезчуръ много кражъ—и ни одного убійства...

Но, къ великому удивленію и безпокойству публики, совѣща-

ніе затянулось, и напряженіе ожиданія сдѣлалось нестерпимымъ. Одна Марѳа, кажется, была совершенно спокойна и навѣрное въ эту минуту думала больше не о себѣ, а о своей „унучкѣ". —Послѣ уже, долго спустя, я узналъ, что все дѣло затормазилъ одинъ купецъ, который сбилъ всѣхъ съ толку, ни за что не соглашаясь на оправданіе, и упорно твердилъ: „Горстку—горстку!.. Этакъ нынче у меня возьмутъ горстку, да завтра горстку,—глядь, у меня-то ничего и не останется"... Однако совѣсть,—та самая совѣсть, которую щедринскій мѣщанинишко подобралъ на улицѣ и выростилъ у себя за пазухой,—она побѣдила уязвленнаго собственника, и старшина присяжныхъ торжественно объявилъ: „Не виновна!"

Въ публикѣ зазвенѣли пятаки и гривенники: для Марѳы собирали деньги. А Марѳа неторопливо крестилась на образа и истово кланялась на всѣ четыре стороны.

В. І. Дмитріева.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

МЕЛОДІИ ОДИНОЧЕСТВА.

1.

Солнце ли свѣтитъ, иль буря шумитъ,
Все мнѣ о счастьѣ быломъ говоритъ;
Тою же думой я душу больную
Вѣчно тревожу и вѣчно волную.
Выйду ли въ поле,—и каждый цвѣтокъ
Смотритъ печально и шлетъ мнѣ упрекъ:
„Что же одинъ ты пришелъ къ намъ, безъ милой?
„Или взятà она ранней могилой?
„Еслибы мѣсто намъ только узнать,—
„Каждое утро могли бъ убирать
„Холмикъ могильный ея мы цвѣтами,
„Сами сплетаясь живыми вѣнками".
Вздохъ затаю я и грустно молчу,
Высказать тайны своей не хочу!

2.

Слышу ли ночью, какъ въ чащѣ вѣтвей,
Въ рощѣ за садомъ, поетъ соловей,—
Тѣмъ же упрекомъ знакомые звуки
Сердце мое растравляютъ до муки:
Въ каждой мелодіи пѣсни слышна
Та же и та же все фраза одна:

„Что же одинъ ты явился, безъ милой?
„Или взята̀ она ранней могилой?
„Еслибы мѣсто ты могъ указать,—
„Сталъ бы я къ ней на̀ могилку летать,
„Тихія пѣсни любви и привѣта
„Пѣлъ тамъ всю ночку до самаго свѣта“.
Брови нахмуривъ, я пуще молчу,—
Высказать тайны своей не хочу!

3.

Въ пору ли зимнюю буря реветъ,
Въ рамы оконныя бѣшено бьетъ,
Тихо сажусь я, одинъ, у камина,
Зная, что счастья былого картина
Въ мысляхъ возстанетъ... Но тамъ, за стѣной,
Слышится голосъ средь бури ночной!
„Что жъ ты одинъ, горемыка, безъ милой?
„Или взята̀ она ранней могилой?
„Еслибы только я мѣсто узналъ,—
„Всю бы могилу тогда разметалъ,
„Тихо до устъ охладѣвшихъ коснулся,
„Съ вѣстью отъ милой обратно вернулся“.
Слезы пролью я, но твердо молчу...
Высказать тайны своей не хочу!

4.

Съ ловли ли ѣду домой на челнѣ,
Все то былое припомнится мнѣ;
Вспомню о томъ, какъ меня ты, бывало,
Съ этого лова у берега ждала,
Радости дѣтской и ласки полна.
Слышу вдругъ ясно, мнѣ шепчетъ волна:
„Что жъ ты вернулся не встрѣченный милой?
„Или взята̀ она ранней могилой?
„Еслибы только намъ мѣсто найти,
„Все бы разрушили мы на пути,
„Капля за каплей могилу подмыли,
„Милую снова тебѣ возвратили“.
Я разрыдаюсь, но все же молчу,—
Высказать тайны своей не хочу!

II.

ОСЕНЬ.

Хорошо въ лѣсу! Свѣтаетъ.
Воздухъ свѣжъ и чистъ.
Съ тихимъ шелестомъ спадаетъ
Пожелтѣвшій листъ,

Словно бабочка рѣзвится,
Тѣшится игрой
И густымъ ковромъ ложится
На землѣ сырой.

Рядомъ озеро синѣетъ;
Надъ его волной
Легъ туманъ сѣдой и рѣетъ
Бѣлой пеленой.

Легкой сыростью пахнуло,
Запахомъ грибовъ.
Затрещала и спорхнула
Сойка изъ кустовъ.

Заяцъ выскочилъ пугливо
И за кочкой сѣлъ;
Бѣлка спряталась игриво,
Пѣвчій дроздъ запѣлъ.

Струйка вѣтра пронеслася,
Дрогнулъ спящій лѣсъ,
И огнемъ зари зажглася
Синева небесъ.

На осинахъ у опушки
Листья шелестятъ,
Отъ стола и до макушки
Золотомъ горятъ.

Какъ кораллы въ свѣтѣ утра
Гроздья у рябинъ,
Въ переливахъ перламутра
Нити паутинъ.

На брусникѣ спѣлой блещетъ,
Какъ гранатъ, роса,
И, прорвавшись въ лѣсъ, трепещетъ
Свѣта полоса.

Точно бронза зелень сосенъ
И елей хвоя...
Сколько яркихъ красокъ, осень,
Кисть даетъ твоя!

III.

Подъ покровомъ ночи
Люди и природа
Тихо отдыхаютъ
Послѣ утомленья.
Звѣзды, словно очи,
Съ голубого свода
Нѣжно охраняютъ
Сладость усыпленья.

Вѣтерокъ лѣниво
Стихъ въ дремотѣ сладкой;
Дубъ склонился къ ели,
Въ грезы погруженный;
Волны лишь игриво
Шепчутся украдкой,
Да разсыпалъ трели
Соловей влюбленный.

Этой ночи сладость
То отрадой вѣетъ,
То замретъ порою
Подъ туманной дымкой...
Приходи же, радость!
Ужъ заря алѣетъ,—
Я тебя прикрою
Шапкой невидимкой!

Владиміръ Марковъ.

ЗОЛОТАЯ СТРѢЛКА

Эскизъ изъ романа: „L'aiguille d'or", par J. H. Rosny.

I.

Заводъ эмалевыхъ издѣлій Шарля-Жозефа де-Телэна въ Вожирарѣ находился въ глубинѣ большого сада; посреди него возвышался скромный, но комфортабельный домъ-особнякъ. При садѣ имѣлся и огородъ. Самъ владѣлецъ, г. де-Телэнъ, происходилъ изъ старинной фамиліи, разоренной революціей 1793 г.; совершенно отказавшись отъ всякаго тщеславія, онъ обнаружилъ зато энергію, несвойственную другимъ отпрыскамъ его рода, и отдался изученію финифтянаго мастерства. Съ трудомъ согласились родители на его желаніе посвятить себя такому дѣлу, но уступили потомъ, когда онъ доказалъ имъ, что протестантскіе предки ихъ рода, де-Телэнъ д'Авинкуры, обогатились во время оно именно потому, что занимались эмалевымъ искусствомъ. Когда нантскій эдиктъ былъ отмѣненъ, предки-протестанты, не желая поселяться ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи, ни въ Англіи, присоединились къ голландско-французскимъ эмигрантамъ мыса Доброй-Надежды, родоначальникомъ нынѣшнихъ буровъ въ Трансваалѣ.

Основанный на небольшой капиталъ, заводъ г. де-Телэна, тѣмъ не менѣе, процвѣталъ, благодаря мастерству своего хозяина, который съ грустью подумывалъ о томъ, что послѣ его смерти дѣло его прекратится, потому что его сынъ, Марсіаль де-Телэнъ, ушелъ всецѣло въ науку и ничего не понималъ въ эмалевомъ искусствѣ. Тутъ же, рядомъ съ отцовскимъ заводомъ, Марсіаль

построилъ себѣ лабораторію и усердно предался сложнымъ химическимъ изслѣдованіямъ. Въ то же время молодой человѣкъ обнаруживалъ стремленіе къ перемѣнѣ мѣста, жаждалъ простора, приключеній,—характерное явленіе нашего времени. Къ промышленности народы пришли только пройдя черезъ три фазиса бродячей жизни,—охотничьей, пастушеской и земледѣльческой. Въ нашей душѣ, этомъ складочномъ пунктѣ сознательныхъ или безсознательныхъ воспоминаній, эти три періода вѣчно воскресаютъ вновь, воплощаясь въ той или другой формѣ. Въ Марсіалѣ де-Телэнѣ—такое тревожное стремленіе къ чему-то новому, неизвѣданному, облеклось въ форму пытливой умственной дѣятельности. Вся наружность его изобличала скрытую силу и невѣроятную выносливость, подъ внѣшнимъ видомъ безпечности и чуть ли не вялости. Подобно всѣмъ людямъ воображенія, склоннымъ къ мечтательности, онъ любилъ прислониться, облокотиться, какъ бы избавляя свой умъ отъ тяжести бреннаго тѣла. Лицо у него было тонкое, изящное, съ симпатично-дѣтскимъ ртомъ и прямымъ носомъ. Небольшая, удивительно - пропорціональная голова его отличалась густыми каштановыми волосами, обрамлявшими прекрасный вдумчивый лобъ. Черныя, рѣзко очерченныя брови, обличавшія твердую волю, доброту и умъ, отѣняли глаза, обыкновенно выражавшіе мягкость, но иногда отражавшіе внутренній гнѣвъ. Глаза эти, каріе, но принимавшіе порою зеленоватый оттѣнокъ, смотрѣли ясно и спокойно,—то былъ взоръ твердой, прозорливой души.

Любовь Марсіаля къ приключеніямъ отражалась и на самыхъ его научныхъ трудахъ: архипелаги Великаго океана, африканскія дебри, австралійскія пустыни—привлекали его сильнѣе, чѣмъ Европа. Любимѣйшей его наукой была физика, при чемъ онъ особенно пристрастился къ тѣмъ неразгаданнымъ еще явленіямъ, что̀ связаны съ магнетической и электрической индукціей. Онъ составилъ уже два реферата, замѣченные академіей наукъ.

У стариковъ де-Телэновъ была еще дочь, Августина, натура твердая, сосредоточенная, любившая ясно опредѣленное дѣло, ведущее къ цѣли. Такіе же каріе, какъ у брата, глаза ея были гораздо больше, чѣмъ у него, и немного круглые; быть можетъ, черезчуръ рѣзкаго рисунка брови сходились на переносицѣ,—признакъ силы воли. Но прелестное личико ея выражало доброту и справедливость; въ ней чувствовалась нѣжная, любящая натура. Подобно большинству практическихъ людей, она отличалась остроуміемъ и веселостью.

Въ одно прекрасное, теплое мартовское утро, отецъ де-Телэнъ направлялся съ дочерью къ лабораторіи Марсіаля. Отецъ и дочь застали его работающимъ надъ сложнымъ электрическимъ приборомъ; тутъ же находился другой молодой человѣкъ, лѣтъ 24-хъ, блондинъ со свѣжимъ цвѣтомъ лица и живыми голубыми глазами—Жанъ Шеврô, сотрудникъ и ученикъ Марсіаля. Его глаза остановились на вошедшей Августинѣ; подъ его взоромъ на лицѣ молодой дѣвушки вспыхнула легкая краска, и она точно преобразилась. Украдкой и улыбаясь, отецъ ея де-Телэнъ и братъ Марсіаль наблюдали за ними. На вопросъ отца, какъ идутъ дѣла, Марсіаль отвѣчалъ:

— Дѣла идутъ на ладъ, отецъ. Мнѣ все болѣе и болѣе „счастливится", хотя на дѣлѣ это не счастіе именно, а просто умѣнье обращаться съ веществами. По настоящему, это—самая трудная часть моего дѣла: если придавать ей слишкомъ много значенія, такъ легко спуститься до чина простого ремесленника, а если вдаваться въ противоположную крайность,—значитъ, превратиться въ отвлеченнаго ученаго. Какъ оно интересно—это вещество, несмотря на свою внѣшнюю неодушевленность! Какъ оно оригинально, измѣнчиво и богато сюрпризами!.. Всякое обстоятельство ежеминутно измѣняетъ его видъ, строеніе, физическія и даже химическія свойства, такъ что просто становишься втупикъ; приходится вести непрестанную борьбу, приводить разрозненное къ единству, возвращать утраченное свойство... Все это требуетъ столько же догадливости, сколько разсудительности, столько же предусмотрѣнія, сколько и знанія...

— Да, это та таинственная сила, что̀ зовется призваніемъ... И вотъ почему ты, наша гордость, не могъ никогда полюбить эмалевое искусство...

Но, видя опечалившіяся лица дѣтей, г. де-Телэнъ добавилъ, что говоритъ это не въ порицаніе, но изъ любви къ своему дѣлу, —изъ боязни, что послѣ его смерти основанный имъ заводъ перестанетъ существовать. Конечно, онъ надѣется дожить до той минуты, когда труды Марсіаля увѣнчаются успѣхомъ, но онъ не можетъ не думать, что умри онъ раньше,—и все благосостояніе его семьи рушится, а сыну придется, пожалуй, отказаться отъ излюбленныхъ имъ научныхъ работъ. Пока—онъ здоровъ; но гдѣ порука, что послѣ такой трудовой жизни, какъ его, и многократныхъ періодовъ величайшаго напряженія силъ,—организмъ его находится въ вождѣленномъ порядкѣ? Во всякомъ случаѣ, онъ намѣренъ впредь посвящать своихъ дѣтей во всѣ свои планы, а также взять себѣ въ сотрудницы Августину. Онъ знаетъ,

что она будетъ ему прекрасной помощницей, а главное, — она обладаетъ большимъ вкусомъ и способностью къ эмалевому искусству. Не далѣе, какъ вчера, онъ видѣлъ нѣсколько ея работъ и подивился сдѣланнымъ ею за послѣдній годъ успѣхамъ. Молодая дѣвушка пришла въ полный восторгъ и потребовала, чтобы теперь Марсіаль разсказалъ имъ подробно о своихъ опытахъ.

Отецъ де-Телэнъ присѣлъ, готовый слушать сына, а садясь, онъ вдругъ поднесъ руку къ груди, подавляя съ видимымъ усиліемъ какую-то внезапную боль. Но сейчасъ же онъ успокоилъ встревожившихся дѣтей: это пустяки, легкое колотье,—должно быть, ревматическая боль.

Марсіаль приступилъ къ разсказу. Когда онъ кончилъ изложеніе результатовъ своихъ послѣднихъ опытовъ, отецъ его замѣтилъ:

— Насколько я понялъ, ты предугадываешь возможность намагничивать тѣла, доселѣ не поддававшіяся намагничиванію! Знаешь ли ты, что подобное открытіе могло бы имѣть огромное практическое значеніе? Найди ты, напримѣръ, средство дѣлать мѣдныя, серебряныя, золотыя магнитныя стрѣлки,—развѣ это не могло бы служить къ обнаруженію металлическихъ залежей?

— Можетъ быть,—только я въ этомъ не увѣренъ. Замѣть, что стальная стрѣлка обнаруживала бы, дѣйствительно, присутствіе желѣзной массы, но не мѣдной...

— Вотъ именно: мѣдная стрѣлка обнаруживала бы мѣдь, серебряная—серебро, золотая—золото.

— Разсчитывать на это нельзя. Ты забываешь, что желѣзо обладаетъ по природѣ магнитными свойствами, тогда какъ другіе металлы не таковы. Серебряныя или золотыя магнитныя стрѣлки будутъ чисто искусственными... Впрочемъ, хотя à priori ты и неправъ,—возможно, что опытъ докажетъ противное: твое мнѣніе уже подтверждается многочисленными гипотезами.

— Я понимаю всю значительность твоего возраженія. Но какъ все это глубоко интересно!..

Наступило молчаніе. Юноша Жанъ Шевро держался все время въ глубинѣ лабораторіи, не сводя глазъ съ Августины, и каждый разъ, какъ ему удавалось поймать ея взглядъ, онъ блѣднѣлъ, и сердце его замирало. Когда наступила пауза, онъ понемногу приблизился, очевидно, желая что-то сказать.

Старикъ де-Телэнъ взглянулъ на него не безъ удивленія...

Жанъ Шевро, другъ дѣтства Марсіаля, былъ сынъ одного сосѣдняго разбогатѣвшаго садовода. Скупой и въ то же время

тщеславный,—что нерѣдко бываетъ,—старикъ Шевро не препятствовалъ сыну изучать науки подъ руководствомъ Марсіаля, но требовалъ, чтобы сынъ занимался также и садоводствомъ. Трудолюбивый и добросовѣстный, Жанъ охотно подчинился его требованію. Но его терпѣливому и осмотрительному уму недоставало силы воли, и его прямолинейный, рѣзкій отецъ внушалъ ему почти страхъ. Когда г. де-Телэнъ спросилъ его, не имѣетъ ли онъ чего сказать ему, Жанъ покраснѣлъ и, не глядя на Августину, но безъ тѣни мольбы въ голосѣ, заговорилъ совершенно такимъ же тономъ, какимъ излагалъ научныя теоремы:

— Вотъ въ чемъ дѣло... Я давно уже люблю Августину и мечтаю добиться ея руки. Но я находилъ неприличнымъ заговаривать объ этомъ, не переговоривъ предварительно съ моимъ отцомъ и матерью. Вчера я получилъ ихъ согласіе, и если вы не видите къ этому препятствій, я желалъ бы считаться впредь женихомъ Августины.

Несмотря на то, что Августина знала давно о намѣреніяхъ Жана, она, все-таки, растерялась и покраснѣла. Давно все угадавшій, старикъ де-Телэнъ нѣжно обнялъ дочь и Жана, и вопросъ былъ тотчасъ же рѣшенъ. Но въ эту минуту у воротъ послышался звонокъ, и, взглянувъ въ окно, заводчикъ замѣтилъ недовольнымъ тономъ, что это опять тотъ англичанинъ, коллекціонеръ эмалевыхъ издѣлій, который ему такъ антипатиченъ. Вотъ упорство! Онъ же знаетъ, что здѣсь, на заводѣ, ничего не продается. Нимало не суевѣрный, г. де-Телэнъ невольно не могъ забыть, что два единственныхъ постигшихъ его несчастія произошли именно непосредственно послѣ первыхъ двухъ посѣщеній этого англичанина, четыре года тому назадъ. Сначала его пытались ограбить, а потомъ случился пожаръ... И вотъ теперь ему вспомнились эти двѣ исторіи.

— Странные то были воры!—сказалъ Марсіаль.—Украсть они ничего не украли, а только пытались взломать старинный шкафъ, вдѣланный надъ твоей библіотекой.

— Они, должно быть, воображали, что тамъ у меня спрятаны сокровища.

— А увѣренъ ли ты,—спросила Августина,—что въ шкафу этомъ, дѣйствительно, не спрятаны сокровища? Вѣдь ты его никогда не открывалъ.

— Это правда,—подхватилъ Марсіаль.—Разрѣши мнѣ лучше найти секретъ его запора.

— Оставимъ это,—сказалъ недовольно его отецъ.—Потерпи до моей смерти. Я не люблю исторіи этого шкафа, дѣти. Я

видѣлъ когда-то, что̀ въ немъ лежитъ: это не болѣе, какъ старыя, ненужныя бумаги, надъ которыми сошелъ съ ума вашъ прадѣдъ. Мой отецъ ихъ ненавидѣлъ и не разъ говаривалъ мнѣ: „Въ бумагахъ этихъ однѣ химеры, обманчивыя надежды, несбыточное счастіе. Бѣги отъ нихъ, какъ отъ чумы!“ И ты не поддавайся любопытству азартнаго игрока, сынъ мой, оставайся серьезнымъ ученымъ, и если захочешь вскрыть этотъ шкафъ, пораздумай прежде хорошенько, и не гонись за химерой, какъ не гонялся за нею и я... Что̀ именно таится въ этомъ шкафу, такъ и осталось мнѣ неизвѣстнымъ.

Торжественно-грустный тонъ отца тяжело подѣйствовалъ на молодежь. Но г. де-Телэнъ добавилъ уже веселѣе:

— Впрочемъ, вы и сами видите, что шкафъ этотъ—источникъ разныхъ бѣдъ, притягивающій къ себѣ воровъ и поджигателей!

— Какъ, отецъ,—ты думаешь, что тотъ пожаръ?..

— Я замѣтилъ тогда, что тушить огонь сбѣжались весьма странные люди, стремившіеся только къ тому, чтобы забраться въ библіотеку.

Молодежь взглянула на него съ удивленіемъ. Марсіаль доказалъ, что тутъ таится какая-то загадка,—но какая? Отецъ возразилъ, что это будетъ написано въ его завѣщаніи. Такое троекратное упоминаніе отцомъ о его смерти повергло его дѣтей въ невольный и безмолвный страхъ.

II.

Весь этотъ годъ отецъ де-Телэнъ ревностно трудился. Дѣла его все расширялись, и уже въ августѣ къ заводу понадобилась новая пристройка. Августина помогала отцу, и будущее сулило великолѣпные матеріальные результаты. Поглощенному заботой о будущемъ дѣтей, отцу все казалось, что онъ недостаточно работаетъ, но силы его оказались надорванными. Природа раза два посылала ему предостереженія, болѣзненныя колотья въ груди повторялись все чаще и чаще, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія. Въ одно октябрьское утро съ нимъ случился ужасный припадокъ грудной жабы, и онъ упалъ, какъ подкошенный, на руки рабочихъ. Его принесли домой и окружили нѣжнѣйшими попеченіями, но было уже поздно. Съ трудомъ сказалъ онъ сыну и дочери:

— Мнѣ хотѣлось бы... еще нѣсколько лѣтъ... Ахъ, Мар-

сіаль, еслибы я могъ! Помогай Августинѣ,—вдвоемъ вамъ удастся выиграть время. Конкуррентовъ у насъ мало. И насъ хорошо знаютъ...

Задыхаясь, онъ ободрялъ жену, и черезъ часъ скончался.

Катастрофа застигла всѣхъ врасплохъ. Августина не была еще достаточно опытна и могла продолжать дѣло только въ небольшихъ размѣрахъ. Приходилось довольствоваться фабрикаціей однихъ предметовъ домашняго обихода и отказаться отъ широкаго художественнаго производства, налаженнаго покойнымъ. Тѣмъ не менѣе, Августина успѣла предотвратить немедленное разореніе и, превозмогая свое горе, трудилась съ непоколебимой энергіей. Братъ попробовалъ помогать ей, но изъ попытокъ его ничего не вышло, и ему скоро пришлось отъ этого отказаться.

Лишенный возможности продолжать свои научныя занятія, за недостаткомъ средствъ, Марсіаль не зналъ, что̀ дѣлать съ собою, къ чему примѣнить свои обширныя познанія. Поступить на какое-нибудь мѣсто онъ чувствовалъ себя неспособнымъ,—подобная перспектива претила ему. И потянулись для него томительные дни. Три мѣсяца провелъ онъ почти безвыходно въ библіотекѣ покойнаго отца, читая, роясь въ книгахъ и бумагахъ, точно онъ что-то отыскивалъ. И вотъ, незамѣтно, въ томительномъ уединеніи и мучительномъ раздумьи, припомнились ему слова его отца о „химерѣ“, и загадка, на которой помутился разумъ его прадѣда, стала манить его къ себѣ. Онъ еще противился соблазну, но призракъ возможнаго успѣха, неожиданной улыбки счастія, манилъ его все сильнѣе и сильнѣе. Неужели онъ, проникшій въ глубокія научныя тайны, не съумѣетъ разгадать того секрета, за которымъ пытались пробраться въ библіотеку путемъ поджога и взлома?

Теперь, когда катастрофа прервала такъ внезапно тѣ самыя его работы, которыми такъ гордился и интересовался покойный отецъ,—не пора ли взяться за это? И онъ взывалъ мысленно къ отцу... А вдругъ эта-то химера и спасетъ отъ разоренія всю семью?!..

Памятуя отвращеніе отца къ завѣтному шкафу, Марсіаль колебался; когда же, въ концѣ февраля, выяснилось, что заводъ можетъ давать лишь хлѣбъ насущный, Марсіаль рѣшился приступить къ розыскамъ, но внести въ нихъ—не одно рвеніе, а самую твердую методичность,—этотъ могучій рычагъ, вложенный въ руки ученыхъ за послѣдніе вѣка.

Зналъ онъ о томъ весьма мало: одни неясные намеки отца, без-

уміе прадѣда, посѣщенія англичанина, пожаръ, попытку взлома, будто бы съ цѣлью завладѣть какими-то документами. Очевидно, секретъ, хотя и древній, не утратилъ своего значенія, что было для Марсіаля важнымъ указаніемъ. Преступленія, совершенныя для того, чтобы завладѣть старыми бумагами, ясно доказывали, что дѣло шло не о безкорыстномъ любопытствѣ. За давностью лѣтъ предположить существованіе какого-либо компрометтирующаго документа было немыслимо. Единственнымъ побужденіемъ являлась, такимъ образомъ, корысть, т.-е. возможность завладѣть большими богатствами.

Марсіаль не питалъ заблужденій насчетъ неблагодарности выпадавшей на его долю задачи. И единственный способъ достигнуть цѣли—это дѣйствовать путемъ строжайшаго анализа. А потому онъ началъ съ тщательнаго осмотра всего дома, и хотя открылъ немногое, но и этого было достаточно, чтобы заключить, что въ родѣ де-Телэновъ былъ когда-то одинъ предокъ высокаго, рѣдкаго ума, и что нѣкоторые предметы, ему принадлежавшіе, отличались не только изяществомъ вкуса, но поразительно замысловатымъ устройствомъ. Напримѣръ, одно небольшое бюро изъ розоваго дерева съ инкрустаціями, несмотря на свою внѣшнюю хрупкость, скрывало въ себѣ настоящую денежную шкатулку съ оригинальнѣйшимъ, прочнѣйшимъ замкомъ. Отецъ Марсіаля хранилъ тамъ цѣнныя бумаги, семейныя драгоцѣнности и миніатюры, одну изъ которыхъ Марсіаль отобралъ. Обойдя весь домъ, онъ отмѣтилъ всѣ достойныя вниманія подробности, между прочимъ двѣ таблицы подъ стекломъ,—каталоги нѣсколькихъ сотенъ книгъ, распредѣленныхъ по именамъ авторовъ и снабженныхъ примѣчаніями о годѣ изданія и заглавіи. Обѣ таблицы были написаны одной и той же рукой, очень мелкимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поспѣшнымъ почеркомъ. Покончивъ съ осмотромъ дома, Марсіаль вошелъ въ библіотеку въ одинъ понедѣльникъ утромъ и осмотрѣлся. Библіотека была большая комната, съ широкимъ стекляннымъ пролетомъ, изъ котораго лился чистый свѣтъ. Меблировка ея состояла изъ двухъ столовъ, заваленныхъ бумагами и книгами, низкаго кресла и многочисленныхъ шкафовъ и полокъ съ книгами, занимавшихъ сплошь всѣ стѣны отъ пола до потолка. Библіотека эта такъ и тянула къ себѣ Марсіаля; къ постояннымъ думамъ о безполезныхъ поискахъ прадѣда, рывшагося всю жизнь въ этихъ шкафахъ, примѣшивалась мысль о невѣдомомъ, хитроумномъ предкѣ, оставившемъ послѣ себя такіе затѣйливые предметы. И Марсіаль началъ свой обзоръ съ полокъ.

На узкихъ полоскахъ пергамента, наклеенныхъ на корешкахъ томовъ, рукою прадѣда были написаны цифры и указанія алфавитныхъ серій, соотвѣтствовавшихъ распредѣленію книгъ на полкахъ. Къ серіи *А* принадлежали всѣ сочиненія XV и XVI вѣковъ, а арабскія цифры сбоку указывали хронологическій порядокъ, котораго слѣдовало держаться при распредѣленіи именъ авторовъ. Впрочемъ, тутъ же, на стѣнѣ, висѣла таблица подъ стекломъ, воспроизводившая эту классификацію въ обратномъ порядкѣ. Сравнивая съ этой таблицей обѣ прежде найденныя, онъ убѣдился, что почерки ихъ различны, но порядокъ классификаціи тождественъ. Марсіаль принялся перелистывать самыя книги, но не нашелъ ни замѣтокъ, ни листковъ бумаги; только на бѣлыхъ начальныхъ листкахъ нѣкоторыхъ книгъ попадались какія-то формулы,—вѣроятно, послужившія нѣкогда для самой классификаціи. Какъ ни пытался Марсіаль разобраться въ нихъ, къ какому способу ни прибѣгалъ,—ничего не выходило. Онъ пробился надъ этими формулами цѣлыхъ два дня, и къ вечеру третьяго дня, перебравъ всѣ книги, онъ могъ вывести изъ своего осмотра всего три пункта: 1) формулы попадались не на всѣхъ книгахъ; 2) на 203 книгахъ онѣ были сдѣланы красными чернилами, а на 191—черными, и 3) книги, изданныя послѣ 1793 г., не были снабжены никакими формулами.

Марсіаль остановился. Въ немъ поднималось сомнѣніе въ цѣлесообразности подобной его работы; не тратитъ ли онъ свои силы даромъ? Рѣшивъ не придавать значенія этимъ формуламъ, терпѣливо переписаннымъ имъ на отдѣльномъ листкѣ, онъ приступилъ къ осмотру шкафовъ. Шкафы были массивные, дубовые, окованные желѣзомъ и снабженные основательными замками; книгъ въ нихъ не оказалось,—оказались лишь коллекціи гравюръ, рисунки орнаментовъ, старинныя, драгоцѣнныя рукописи. Хотя многое было уже ему давно знакомо,—онъ все тщательно пересмотрѣлъ, но не нашелъ ничего особеннаго. Наконецъ, въ глубинѣ одного изъ шкафовъ, ему показалась связка писемъ и семейныхъ документовъ, сильно его заинтересовавшихъ.

Изъ нихъ онъ узналъ, почему его родъ раздѣлялся на католиковъ и протестантовъ: нѣкоторые изъ д'Авинкуровъ перешли въ протестантство послѣ убійства нѣсколькихъ родственниковъ во время ужасной Варѳоломеевской ночи 1572 г. Между католической и протестантской отраслями долго поддерживались добрыя отношенія, главнымъ образомъ благодаря терпимости двухъ родоначальниковъ, жившихъ въ серединѣ XVII вѣка. Марсіаль нашелъ письма, которыми они обмѣнивались между

1630—1650 гг., и переписку ихъ сыновей, Ришара д'Авинкуръ и Андрея де-Новилль, родоначальника рода де-Телэновъ—католиковъ. Но отмѣна нантскаго эдикта вызвала серьезныя разногласія, и переписка между родственниками прекратилась.

Къ субботѣ въ послѣднемъ шкафу оставались только рукописныя сочиненія, записки и переписка Гюга де-Телэна, брата прапрадѣда Марсіаля. Оригинальная личность этого Гюга вызвала въ молодомъ ученомъ страстный интересъ. Повидимому, онъ былъ калѣкой, ибо въ письмахъ своихъ онъ часто упоминалъ о своемъ бѣдномъ, искривленномъ тѣлѣ и слишкомъ длинныхъ рукахъ. Отобранная Марсіалемъ миніатюра изображала именно его: худощавое лицо съ выдающимся подбородкомъ носило характерный отпечатокъ, свойственный горбунамъ. Этотъ калѣка-домосѣдъ обладалъ, очевидно, огромнымъ умомъ; ему принадлежало любопытное сочиненіе по геологіи, на страницахъ котораго были наклеены различныя раковины. Революція прервала его ученые труды, и калѣка проявилъ себя внезапно героемъ, но, спасши изъ тюрьмы двухъ родственниковъ, онъ отказался бѣжать изъ Парижа и былъ арестованъ съ десятью другими лицами въ домѣ одной старой пріятельницы Робеспьера, опрометчиво довѣрившейся покровительству демагога. Гюгъ погибъ геройски на гильотинѣ; обыска у него не дѣлали, библіотека его уцѣлѣла; а такъ какъ террористы не нашли ничего компрометтирующаго въ его бумагахъ, то ихъ сдали какому-то старьевщику, у котораго ихъ выкупила потомъ одна родственница Гюга и переслала въ его квартиру, охранявшуюся вѣрнымъ слугой, прикидывавшимся ярымъ республиканцемъ.

Марсіаль жадно пробѣгалъ эти спасенныя бумаги. На письмахъ часто попадались копіи отвѣтовъ на нихъ, пришпиленныя булавками. За чтеніемъ этихъ бумагъ онъ провелъ субботу и воскресенье, и въ ночь на понедѣльникъ послѣдній шкафъ былъ совершенно пустъ.

Но прежде, чѣмъ взяться за таинственный верхній шкафъ, Марсіаль захотѣлъ открыть хоть что-нибудь въ добытыхъ документахъ. Загадка должна была идти отъ Гюга, потому что только онъ одинъ могъ придумать что-нибудь замысловатое, и только ему, жившему въ смутныя времена революціи, могла понадобиться тайна.

И до-нельзя возбужденному Марсіалю чудилось, что разгадка близка! Но—странное дѣло!—ему казалось, что она таится не только въ письмахъ Гюга, но и въ перепискѣ д'Авинкура. Гюгъ, навѣрное, обладалъ знаніемъ какой-то тайны и, конечно, прибѣгъ

къ самымъ тщательнымъ предосторожностямъ, чтобы оставить все-таки указанія для потомковъ, надѣясь, что кто-нибудь и доищется. При уединенной жизни горбуна, вполнѣ возможно, что онъ скрылъ ключъ въ загадкѣ въ книгахъ и бумагахъ; а такъ какъ ему приходилось торопиться, изъ опасенія обысковъ, то ключъ этотъ, навѣрное, простъ и скрытъ въ самыхъ неподозрительныхъ, не возбуждающихъ любопытства бумагахъ. Съ другой стороны, такъ какъ прежде всего необходимо обезпечить передачу секрета, то важные документы, конечно, имѣются въ двухъ или трехъ экземплярахъ. И Марсіаль отложилъ прежде всего въ сторону оба каталога библіотеки, написанные почеркомъ Гюга. Но въ трехъ экземплярахъ нашлось только одно сочиненіе объ артезіанскихъ колодцахъ, снабженное геологическими и минералогическими примѣчаніями. Какъ ни разсматривалъ Марсіаль два первые экземпляра, онъ ничего на нихъ не нашелъ, но третій его вполнѣ вознаградилъ. На первой страницѣ красовалось слѣдующее посвященіе:

„Гражданину Робеспьеру, въ надеждѣ, что онъ удостоитъ своимъ вниманіемъ труды безвѣстнаго геолога. Прошу его передать, послѣ его смерти, это сочиненіе моему наслѣднику, гражданину Наборй, или его потомкамъ. — Гюгъ Телэнъ".

Наборй былъ именно тотъ вѣрный слуга, который собралъ потомъ бумаги своего покойнаго господина. Подъ этой первой надписью имѣлись двѣ другія, доказывавшія, что это курьезное наслѣдство дошло по назначенію:

„*Передать послѣ моей смерти гражданину Наборй.—Робеспьеръ*".

„Посылаю гражданину Наборй эту книгу, ему принадлежащую. — Дюплé".

Лучъ свѣта озарилъ Марсіаля. Дюплé былъ тотъ самый столяръ, у котораго квартировалъ Робеспьеръ, и разсчетъ Гюга былъ понятенъ: невѣжественные люди, окружавшіе террориста, не могли придать значенія научной рукописи, и, слѣдовательно, было вполнѣ вѣроятно, что ее передадутъ Наборй.

Оставалось разобрать, чтò за ключъ могъ таиться въ этой рукописи, написанной удивительнымъ, чисто-научнымъ языкомъ. Но, какъ ни пересматривалъ ее Марсіаль, онъ ничего особеннаго не нашелъ. Одно предисловіе показалось ему страннымъ; авторъ объяснялъ и резюмировалъ въ немъ свою теорію классификаціи земныхъ слоевъ, но зачастую попадались обороты и замѣтки, обыкновенно несвойственныя Гюгу де-Телэну. Напримѣръ:

„Землю слѣдуетъ представлять себѣ какъ бы библіотекой съ рядомъ полокъ. Каждый слой заключаетъ въ себѣ книги, которыя мы можемъ истолковать, при нѣкоторомъ вниманіи. И вотъ загадка, чудный кладъ міровой исторіи, вдругъ всплываетъ передъ нами изъ совокупности этихъ книгъ, расположенныхъ въ опредѣленномъ, естественномъ порядкѣ, существовавшемъ во всѣ времена, прежде нашего появленія на свѣтъ"...

„Повторяемъ это,—надо научиться читать. Поспѣшность будетъ источникомъ крупныхъ ошибокъ. Осмотръ колодцевъ, прорытыхъ въ Турени и Нормандіи, доказываетъ, что слои могутъ быть перемѣщены какимъ-либо подземнымъ переворотомъ, взрывомъ центральнаго огня; но на нѣкоторомъ разстояніи мы встрѣчаемъ ихъ вновь, въ ихъ неизмѣнномъ порядкѣ. Для поясненія мысли автора приведемъ примѣръ. Представимъ себѣ, какъ сказано выше, библіотеку, гдѣ книги размѣщены въ естественномъ порядкѣ, т.-е., по хронологической послѣдовательности и по именамъ авторовъ; допустимъ, что случилось несчастіе, расколовшее библіотеку на двѣ части, такъ что одна изъ нихъ обвалилась вмѣстѣ съ поломъ, и полки ея очутились бы не противъ соотвѣтствующихъ полокъ второй части, а противъ рядовъ ея нижнихъ полокъ. Помѣшаетъ ли подобный обвалъ человѣку образованному возстановить естественный порядокъ? Нимало. Даже при двукратномъ обвалѣ, еслибы, напримѣръ, только средняя часть осталась на своемъ первоначальномъ уровнѣ, тогда какъ боковыя части провалились бы, — даже и тогда умѣлый человѣкъ не затруднился бы размѣстить все по прежнимъ мѣстамъ"...

„Не пугайтесь, вообще, внѣшняго безпорядка. Если только вы опираетесь на цѣлесообразную общую теорію, вы, при нѣкоторомъ стараніи, увидите, что факты классифицируются сами собой, сгруппируются согласно гармоніи, лежащей въ основѣ мірозданія,—и *кладъ* будетъ въ вашихъ рукахъ"...

„Если потребуется распредѣлить слои, то слѣдуетъ иногда вновь разсортировать элементы каждаго слоя, ибо и тутъ порядокъ можетъ оказаться нарушеннымъ; возьмемъ, напримѣръ, два черныхъ камня и одинъ красный, — вѣдь красный камень можетъ очутиться между двумя черными, передъ ними или послѣ нихъ"...

Внезапно Марсіаль понялъ все. Это настойчивое, хотя и весьма подходящее сравненіе земныхъ слоевъ съ полками библіотеки было слишкомъ многозначительно: существованіе двойного каталога наводило на мысль, что умный горбунъ избралъ именно библіотеку хранилищемъ загадки. Непонятныя формулы на бѣ-

лыхъ листкахъ книгъ могли также имѣть связь съ этой загадкой, и это представлялось тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что на книгахъ, изданныхъ послѣ 1793 г., т.-е. послѣ смерти Гюга, никакихъ помѣтокъ не было. Это совпаденіе обрадовало Марсіаля; теперь онъ зналъ, что библіотека могла открыть тайну, если взяться за это дѣло толкомъ. Но что-то она скажетъ? Во всякомъ случаѣ, должны существовать и объяснительные документы, ведущіе къ этому вѣнцу всего дѣла. И опять ему почудилось, что тутъ должны быть замѣшаны бумаги д'Авинкура и де-Новилля. Бумаги эти были, конечно, разобраны и спрятаны Гюгомъ въ старинномъ шкафу, а сумасшедшій прадѣдъ, конечно, перерылъ ихъ и привелъ въ безпорядокъ. Но искалъ онъ разгадку не тамъ, гдѣ слѣдовало; бумаги таинственнаго шкафа, навѣрное, только наводятъ на нужный для разгадки путь...

Въ ту минуту, какъ Марсіаль собирался влѣзть на лѣстницу, чтобы добраться до верхняго шкафа, блѣдный свѣтъ зари показался въ окнѣ. Внезапно онъ почувствовалъ себя сильно утомленнымъ, и рѣшилъ отложить дальнѣйшіе розыски до вечера.

III.

Вернуться въ библіотеку Марсіалю удалось только черезъ день, подъ вечеръ. Теперь, стоя наверху высокой, двойной лѣстницы, онъ разсматривалъ массивный шкафъ, прикрѣпленный болтами къ книжнымъ полкамъ и снабженный четырьмя ажурными, рѣзными дверцами и желѣзными скобами. Никогда покойный отецъ Марсіаля не могъ открыть, въ чемъ секретъ запора этого шкафа. Ни одного замка не было на этихъ четырехъ дверцахъ, и Марсіаль разсматривалъ ихъ, недоумѣвая, какъ онѣ могутъ открываться. Но его поразило то, что стоило надавить хорошенько одну изъ этихъ дверецъ, какъ сотрясеніе передавалось всѣмъ остальнымъ, изъ чего Марсіаль заключилъ, что закрываетъ ихъ всѣ одинъ и тотъ же механизмъ. Не найдя ни малѣйшей пружины на дверцахъ, онъ сталъ осматривать верхнюю доску и боковыя стѣнки шкафа, усѣянныя толстыми гвоздями съ крупными шляпками. Марсіаль перещупалъ ихъ по одиночкѣ толстыми клещами и стамеской, и одинъ изъ гвоздей лѣваго угла правой стѣнки оказался подвижнымъ. Марсіаль потянулъ его изо всѣхъ силъ и вытащилъ толстый, круглый желѣзный прутъ; но выдвинулся прутъ всего на десять сантиметровъ и больше не подавался, а въ предѣлахъ этихъ десяти

сантиметровъ онъ двигался легко и свободно вращался вокругъ самого себя.

Марсіаль призадумался. Прутъ, должно быть, усѣянъ зубцами, перпендикулярными оси и цѣпляющимися за потайныя препятствія. Вопросъ сводился къ тому, сколько разъ нужно повернуть прутъ, чтобы онъ выскочилъ весь. И Марсіаль принялся вдавливать прутъ обратно, заставляя его каждый разъ обернуться вокругъ себя. Послѣ тридцатой попытки, дверцы подались, но открылись лишь немного. Механизмъ былъ двойной. Марсіаль повторилъ свой опытъ, и когда онъ повернулъ прутъ девятнадцать разъ, всѣ дверцы распахнулись сами собой.

Невольный крикъ торжества вырвался у молодого человѣка; но только-что онъ сталъ рыться въ наполнявшей шкафъ грудѣ бумагъ, какъ за окномъ послышался легкій шорохъ, заставившій его поднять голову. Ему показалось, что за стекломъ мелькнуло чье-то лицо, но впечатлѣніе было такъ мимолетно, что онъ не обратилъ на это вниманія. Черезъ четверть часа шорохъ повторился, и на этотъ разъ онъ ясно различилъ чье-то лицо, которое сейчасъ же скрылось. Несмотря на всю свою храбрость, Марсіаль вздрогнулъ, но быстро оправился, бросился къ окну, распахнулъ его и увидалъ приставленную къ стѣнѣ лѣстницу и двѣ убѣгающія тѣни. Схвативъ револьверъ, онъ спустился въ садъ и бросился туда, откуда явственно доносился шорохъ кустовъ. До него долетѣли неясные голоса, торопливыя восклицанія, шумъ карабкающихся на стѣну людей, крикъ боли, паденіе на дорогу двухъ тѣлъ, звонъ бубенчика... И все смолкло. Марсіаль кинулся къ воротамъ, пріоткрылъ ихъ и всмотрѣлся въ темноту; до него долетѣло шуршанье резиновыхъ шинъ и металлическій лязгъ велосипедныхъ цѣпей. О погонѣ нечего было и думать.

И Марсіалю припомнилась попытка взлома и поджогъ. Очевидно, еще кто-то на свѣтѣ зналъ о загадкѣ, но главныхъ указаній ему недоставало.

Вернувшись въ библіотеку, Марсіаль провелъ всю ночь за разборомъ бумагъ, страшно перепутанныхъ прадѣдомъ-маніакомъ. Отобравъ все самое важное, онъ заинтересовался прежде всего пачкой писемъ въ пожелтѣвшихъ и полуистлѣвшихъ конвертахъ, съ адресами, написанными по-нѣмецки, по-голландски, по-португальски, по-англійски и, наконецъ, по-французски. Пакеты прошли, очевидно, черезъ множество рукъ. Письма были написаны на тончайшей желтоватой бумагѣ, двумя разными почерками.

Марсіаль сталъ читать:

„Дорогая кузина! Я отрекся отъ пышности, отъ тщеславной роскоши, и душа моя какъ бы обновилась среди здѣшнихъ простыхъ, религіозныхъ людей. Мои дѣти, Эсѳирь, Мартинъ, Ренэ и Жанъ, слѣдуютъ за мною по пути, указанному намъ самимъ Всевышнимъ... Мы живемъ здѣсь по патріархальному, пасемъ стада воловъ—наше единственное богатство. Такъ мы все ближе и ближе къ Господу; мы научаемся все больше презирать и грубыя свѣтскія утѣхи, и тотъ презрѣнный металлъ, которымъ онѣ оплачиваются. Братъ мой Моисей и я, мы рѣшили отдѣлаться отъ тѣхъ милліоновъ, что̀, въ своемъ ослѣпленіи и недовѣріи къ премудрости Всевышняго, мы вывезли изъ Европы... Всѣ наши согласны съ нами, за исключеніемъ дяди Ришара, не теряющаго надежды на возвращеніе въ гнусную Европу. Но какъ только Господь призоветъ его къ себѣ, „золотой телецъ“ будетъ низринутъ въ бездну...

„Не разъ приходилось намъ отбиваться отъ бушменовъ и готтентотовъ, но мы призывали священное имя Господа Бога, и Онъ даровалъ намъ побѣды. Наши товарищи-голландцы, принадлежащіе къ строго-пуританской сектѣ, давно уже пожертвовали всѣми своими богатствами, и они-то совѣтуютъ намъ отдѣлаться отъ всего нашего золота, не-Божьяго дара,—потому что только этимъ путемъ мы очистимся и станемъ истинными сынами Божьими. Мнѣ стыдно, что мы колеблемся только изъ-за дяди Ришара, тогда какъ эти удивительные люди давно уже принесли такую жертву. Въ своей скромности, они окрестили всѣхъ здѣшнихъ переселенцевъ именемъ „буровъ“, т.-е. крестьянъ (Bauer). Да, мы хотимъ быть именно „крестьянами“ и не ждать другихъ жизненныхъ благъ, кромѣ тѣхъ, что Всевышній ниспосылаетъ земледѣльцамъ и пастухамъ. И благословеніе Господне уже почіетъ на насъ; уже на нашихъ глазахъ выростаетъ новая, сильная и цвѣтущая раса изъ нашихъ дѣтей. Да и мы, старики, чувствуемъ себя обновленными.

„Когда внукъ Карла IV, по совѣту злой женщины, отмѣнилъ приказы беарнскаго героя, мы стонали и упрекали Провидѣніе. А между тѣмъ зло превратилось въ добро, и только приблизило насъ къ Тому, Кто есть свѣтъ и жизнь. Да будетъ тысячу разъ благословенно имя Его.

„Вашъ преданный кузенъ Тома̀ д'Авинкуръ“.

„Дорогой кузенъ! Должно быть, я былъ слишкомъ старъ для того, чтобы стать изгнанникомъ, ибо я никакъ не могу утѣшиться въ утратѣ всѣхъ прежнихъ утѣхъ. Хотя я и сражался

въ молодости за вѣру, я никогда не проявлялъ того фанатизма, которымъ, къ ихъ счастію, отличаются всѣ мои товарищи. Теперь это несомнѣнно счастье: пресловутая отмѣна нантскаго эдикта представляется имъ теперь не иначе, какъ доказательствомъ перста Господня. Но мнѣ слишкомъ знакома война и ея бѣдствія, почему душа моя легко поддается изнѣженности и наслажденіямъ. Мнѣ жаль своихъ коллекцій, картинъ, вазъ, драгоцѣнностей; я мечтаю вновь ихъ увидѣть, а главное, вернуться къ бесѣдамъ объ искусствѣ, красотѣ и философіи.

„Мой младшій братъ и племянники вовсе не раздѣляютъ моего образа мыслей. Они быстро привыкли къ кочевой, пастушеской жизни, тогда какъ я живу взаперти, окруженный немногими, вывезенными изъ Европы, книгами. Несмотря на мои семьдесятъ лѣтъ, здоровье мое не пошатнулось.

„Ты знаешь, что мы увезли съ собою въ крѣпкихъ сундукахъ всѣ семейныя богатства, которыя намъ удалось спасти, болѣе чѣмъ на три милліона франковъ. Меня радуетъ мысль, что, по возвращеніи во Францію, это обезпечитъ нашему роду подобающее ему положеніе. Впрочемъ, принадлежитъ это состояніе почти цѣликомъ мнѣ, потому что нажито—моимъ отцомъ и мною—благороднымъ эмалевымъ мастерствомъ. Но представь себѣ, что наши, подстрекаемые эмигрантами-голландцами, вбили себѣ въ голову уничтожить все это! Я этому противлюсь, а къ счастію годы мои таковы, что на меня смотрятъ какъ на патріарха, и воли моей никто не преступитъ. Но зато я знаю, что послѣ моей смерти богатства эти погибнутъ. Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы завѣщать ихъ де-Телэнамъ де-Новилль, твоему роду! Не все ли мнѣ равно, что вы католики! Чѣмъ я становлюсь старше, тѣмъ всѣ эти различія кажутся мнѣ мелочнѣе; я думаю, что всѣ мы одинаково—чады Всемогущаго Творца. Но не таково мнѣніе нашихъ, и они ни за что не отдали бы этихъ безполезныхъ денегъ де Телэнамъ де-Новилль.

„Пиши мнѣ, дорогой кузенъ, въ память прошлыхъ чудныхъ дней. Не знаю, удастся ли мнѣ еще разъ переслать тебѣ письмо, какъ удается на этотъ разъ. Мы уходимъ все больше вглубь пустыни, все дальше отъ моря. Должно быть, родные мои уводятъ меня подальше, въ надеждѣ, что и на меня снизойдетъ таже благодать, что̀ окрыляетъ ихъ души. Но я совершенно неспособенъ къ этой кочевой жизни и готовъ, рискуя всѣмъ, попытаться вернуться на родину. Я знаю, что ты съумѣешь тогда защитить меня,—вѣдь де-Новалли въ милости при дворѣ.

„Обнимаю и цѣлую тебя, дорогой кузенъ.—Ришаръ де-Телэнъ д'Авинкуръ".

„Не получивъ отъ тебя отвѣта, дорогой кузенъ, я не знаю, дошло ли до тебя мое письмо, которое я поручилъ одному голландцу, пробиравшемуся къ прибрежью. Онъ пропалъ безъ вѣсти, и родственники его думаютъ, что его убили туземцы. Но тогда ли, когда онъ уѣхалъ, или на обратномъ пути? Попало ли мое письмо на одно изъ здѣшнихъ торговыхъ португальскихъ судовъ, перевозящихъ почту? Не знаю.

„Если же ты его получилъ, то помнишь, конечно, что я писалъ тебѣ о намѣреніи моего брата и племянниковъ избавиться отъ нашихъ богатствъ. Пока я живъ, этого не будетъ, зато послѣ моей смерти они отдѣлаются отъ того, что̀ они прозвали „золотымъ тельцомъ". Я же непремѣнно хочу оставить все это тебѣ или твоимъ дѣтямъ, но не смѣю заикнуться имъ о своемъ намѣреніи, потому что они стали ярыми фанатиками новой жизни.

„Между тѣмъ, я до того тоскую по далекой родинѣ, что здоровье мое слабѣетъ со дня на день. Меня грызетъ мысль, что я не увижу болѣе всего, что̀ я оставилъ дома, и что̀ такъ дорого мнѣ. Я чувствую, какъ падаютъ мои силы и надвигается смерть. Но я не перестаю думать о томъ, чтобы оставить свои богатства твоему роду, и напрасно придумываю различныя къ тому средства. О, еслибы ты могъ получить мои письма и прислать ко мнѣ вѣрнаго человѣка, которому я передалъ бы свои сокровища! Умоляю тебя, отвѣть мнѣ, дорогой кузенъ, чтобы я зналъ, какъ устроиться, чтобы „золотой телецъ" попалъ въ твои руки.

„Я совсѣмъ превратился въ тѣнь и даже съ трудомъ держу перо въ рукахъ. Что̀ бы ни случилось, помни, что состояніе свое я завѣщаю тебѣ.

„Со слезами обнимаю тебя.—Ришаръ де-Телэнъ д'Авинкуръ".

„Дорогой кузенъ! Больной, умирающій отъ тоски по родинѣ, я рѣшился согласиться при жизни на закланіе *золотого тельца*, и послѣдовать за родными, предпринимающими для этого экспедицію на верхнія плоскогорья. Если мнѣ удастся по дорогѣ оставить тебѣ какія-либо указанія относительно той мѣстности, гдѣ мои родственники намѣрены покинуть сундуки съ моими благопріобрѣтенными богатствами,—я къ тому, конечно, прибѣгну. Въ противномъ же случаѣ мнѣ придется покориться неизбѣжному.

„Твой преданный кузенъ—Ришаръ де-Телэнъ д'Авинкуръ".

Завѣса раскрылась: Марсіаль понималъ, въ чемъ состояла загадка...

IV.

Между тѣмъ, г-жа де-Телэнъ и Августина переживали тяжелые дни. Какъ ни былъ занятъ и поглощенъ Марсіаль, все-же за обѣдомъ и за завтракомъ онъ не могъ не замѣчать удрученнаго вида сестры. Оказалось, что перемѣна матеріальнаго положенія семьи грозила разстроить свадьбу Августины. Отецъ Жана Шевро̀, человѣкъ упрямый и алчный, не хотѣлъ и слышать о женитьбѣ сына на безприданницѣ.

Наконецъ, въ тотъ самый день, какъ Марсіаль покончилъ съ письмами завѣтнаго шкафа, садоводъ явился лично для переговоровъ, въ сопровожденіи сына. Вся семья де-Телэнъ была въ сборѣ, и Шевро̀ приступилъ къ сбивчивымъ объясненіямъ. Онъ, разумѣется, не отрицаетъ, что mademoiselle Августина—дѣвушка вполнѣ достойная, но сынъ его—единственный наслѣдникъ и принесетъ въ приданое 100 тысячъ франковъ. Можетъ ли г-жа де-Телэнъ дать за дочерью 50 тысячъ франковъ? Выплатить это приданое можно въ разсрочку...

Жанъ и Августина, движимые лишь чувствомъ чистѣйшей любви, сгорали отъ стыда. Г-жа де-Телэнъ поблагодарила Шевро̀ за его уступчивость, но заявила, что будь его требованія еще скромнѣе, она все же не могла бы ихъ исполнить. Заводъ составляетъ нераздѣльное имущество ея дѣтей, а если продать его и окружающую его землю, то даже и 25 тысячъ франковъ не выручить, тогда какъ, благодаря управленію Августины, заводъ можетъ приносить скромный доходъ. Содержаніе Августины ничего не будетъ ему стоить, а если доходы увеличатся, то половина ихъ будетъ принадлежать ей. Марсіаль подтвердилъ слова матери.

Но Шевро̀ насупился. Нѣтъ, онъ не желаетъ невѣстки-заводчицы. Сынъ его долженъ продолжать его дѣло, а жена его должна ему помогать... И такой женихъ, какъ его сынъ, не можетъ стать мужемъ безприданницы...

На предложеніе Марсіаля продать все,—на что съ грустью согласилась г-жа де-Телэнъ,—Шевро̀ ничего не отвѣчалъ. Наконецъ, Августина вскричала съ негодованіемъ:

— Я на это не согласна. Ни Жанъ, ни я—мы не купимъ нашего брака подобной цѣной. Бросить все начатое отцомъ! облечь на нужду такихъ мать и брата, какъ мои!.. Нѣтъ, monsieur Шевро̀,

если счастіе необходимо купить низостью, мы обойдемся безъ счастія, но не запятнаемъ нашей душевной чистоты.

— Подумай, отецъ, чего я лишаюсь, теряя такую подругу!— заговорилъ Жанъ.—Неужели ты полагаешь, что подобную душу можно оплатить всѣми милліонами міра! Не отравитъ ли всей нашей жизни та жена, о которой ты мечтаешь для меня?.. Да, отецъ, въ эту минуту я практичнѣе тебя, потому что упорно гонюсь за приданымъ, за истиннымъ, единственнымъ приданымъ: за красотою, добродѣтелью и высокимъ умомъ!.. Я съумѣю, повѣрь, отплатить тебѣ благодарностью и трудолюбіемъ. Но если я лишусь Августины, я лишусь всего, и мнѣ придется бѣжать отсюда и искать по свѣту того душевнаго мира, котораго я не нахожу здѣсь.

— Это—фраза!

— Нѣтъ, отецъ, это — фактъ: безъ Августины я жить не могу, и если ты откажешь мнѣ—я уѣду.

— Уѣзжай! испытай нужду: я ничего тебѣ не дамъ. И ты же придешь умолять меня о прощеніи.

— Позвольте и мнѣ замѣтить вамъ,—заговорилъ въ свою очередь Марсіаль, — что они оба любятъ другъ друга. Разлучить ихъ было бы жестоко. Со своимъ здравымъ смысломъ, Жанъ доказалъ вамъ, что ваши разсчеты ошибочны. Берегитесь, вы готовите себѣ печальную старость. Спорить мы больше не хотимъ; скажите только: „да“, или „нѣтъ“. Не спѣшите. Если вы скажете „нѣтъ“, мы покончимъ съ вами совершенно, такъ какъ вы нанесете намъ огромное оскорбленіе. Никто изъ насъ при встрѣчѣ не станетъ васъ узнавать. Жизнь вѣдь соткана не изъ однѣхъ денегъ, а также изъ привязанностей и привычекъ, которыхъ лишаться не легко.

Но Шевро̀ упрямо стоялъ на томъ, что справедливость прежде всего, хотя слезы и отчаяніе Августины и Жана трогали его до того, что руки у него дрожали. Но онъ не сдался. Прощаясь съ Жаномъ, Марсіаль сказалъ, что они теперь свидятся не скоро, потому что на-дняхъ онъ уѣзжаетъ въ Трансвааль, откуда надѣется привезти приданое для Августины.—Что̀ такое! Онъ уѣзжаетъ? Въ Трансвааль! На край свѣта!.. Г-жа де-Телэнъ была поражена.—Ну, да, здѣсь онъ чувствуетъ себя безполезнымъ. Впрочемъ, объ этомъ потомъ...

Шевро̀ и Жанъ были уже у дверей, какъ вдругъ Жанъ обернулся и сказалъ съ твердой рѣшимостью:

— Я ѣду съ тобой, Марсіаль... Не отказывай мнѣ, во имя нашей дружбы... Я буду тебѣ полезенъ!

— Жанъ!—вскричалъ съ ужасомъ г. Шевро̀.

— Умоляю тебя, Марсіаль!.. Вѣдь здѣсь я изведусь отъ тоски. Но дѣлить съ тобою твои труды и опасности, заслужить любовь Августины преданностью тебѣ—какое счастіе! Мой другъ, мой братъ, возьми меня съ собой!

— Что̀ вы объ этомъ думаете?—спросилъ тронутый Марсіаль у Шевро̀.

— Я запрещаю ему такое безумство, и если онъ думаетъ запугать меня, то онъ ошибается!

— Я не хочу запугивать тебя, отецъ, но я несчастенъ изъ-за тебя,—а несчастные люди всегда ищутъ покоя по свѣту; имъ необходима перемѣна, движеніе, путешествія.

— Я не отступлю отъ своего слова!—сказалъ съ затаеннымъ бѣшенствомъ садоводъ.

— А Марсіаль возьметъ меня съ собою!

— Ты ослушаешься меня?

— Отецъ, мнѣ двадцать-четыре года; я никогда не выходилъ изъ твоей власти, но она не должна переходить въ тираннію. Или я уѣду, или я женюсь на Августинѣ.

— Такъ уѣзжай же!..

По уходѣ обоихъ Шевро̀, Марсіаль отправился въ садъ отыскивать слѣды потревожившихъ его ночныхъ посѣтителей. Коегдѣ были помяты кусты и трава, на дорожкахъ виднѣлись многочисленные слѣды шаговъ, а садовая стѣна была въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поцарапана. Утыкавшіе ея поверхность стеклянные черепки оказались мѣстами окровавленными, а внѣшняя ея сторона была обрызгана крупными каплями крови. Одинъ изъ ночныхъ бѣглецовъ, очевидно, порѣзался, чѣмъ и объяснялся слышанный Марсіалемъ крикъ боли...

Проработавъ еще два дня въ библіотекѣ, Марсіаль заперся въ своей лабораторіи и провелъ тамъ безвыходно цѣлую недѣлю, не обмолвившись никому ни словомъ о томъ, что̀ онъ дѣлаетъ. Наконецъ, разъ утромъ онъ позвалъ къ себѣ Августину и Жана, сообщилъ имъ, что открылъ таинственный завѣтный шкафъ, нашелъ документы, доказывающіе ихъ права на крупное состояніе, и изложилъ имъ вкратцѣ всю исторію.

— Во время религіозныхъ гоненій при Карлѣ IX, одинъ изъ нашихъ предковъ, Жюль-Луи-Марѝ д'Авинкуръ, погибъ отъ руки убійцъ. Онъ былъ католикомъ, но, вѣроятно, имѣлъ враговъ, воспользовавшихся смутнымъ временемъ для своей расправы. Пылая местью, сыновья его перешли въ протестантство, но въ началѣ между нашими протестантскими и католическими пред-

ками серьезныхъ раздоровъ не было. Только въ половинѣ XVII в. де-Телэны де-Новилль поступили на королевскую службу и поселились въ Парижѣ, тогда какъ де-Телэны д'Авинкуръ, отстраненные отъ всякихъ должностей, посвятили себя процвѣтавшему тогда эмалевому искусству и остались въ провинціи. Жившіе около 1650 г. де-Новилли и д'Авинкуры переписывались. Въ 1685 г. Людовикъ XIV отмѣнилъ знаменитый нантскій эдиктъ, и религіозныя гоненія возобновились въ ужасающихъ размѣрахъ. Несмотря на поддержку де-Новиллей, д'Авинкурамъ пришлось покинуть Францію, а чтобы имущество ихъ не было конфисковано, —Ришаръ д'Авинкуръ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ эмальировщиковъ Лиможа, реализировалъ понемногу свое огромное состояніе, превратилъ его въ золотые слитки и разныя драгоцѣнности и добрался до Голландіи. Тамъ онъ сѣлъ на судно съ уцѣлѣвшими членами своей семьи и уѣхалъ на мысъ Доброй-Надежды,—въ то время колоніи Батавской республики. Изъ этихъ далекихъ странъ Маргарита и Андрей де-Новилль получили отъ Ришара и брата его, Тома̀, нѣсколько писемъ.

Когда Августина и Жанъ познакомились потомъ съ этими письмами, Марсіаль объяснилъ имъ, что „золотой телецъ"—то самое богатство, о которомъ говорится въ письмахъ. Затѣмъ онъ показалъ имъ отвѣтъ одного своего голландскаго корреспондента, къ которому онъ обратился за нѣкоторыми справками. Тотъ писалъ: „Согласно выраженному вами желанію, въ письмѣ отъ 21 марта, я приступилъ къ розыскамъ семьи Ванъ-Рейтъ, и не нашелъ ни одного представителя ея въ Роттердамѣ. Но въ этомъ городѣ многіе еще помнятъ одного крупнаго банкира, носившаго эту фамилію и оставившаго многочисленное потомство. Къ несчастію, члены этой семьи разбрелись по свѣту и торговлей не занимаются, что̀ затрудняетъ поиски. Тогда я прибѣгнулъ къ довольно обычному у насъ средству, а именно,—напечаталъ въ газетахъ замѣтку, въ которой просилъ прямыхъ потомковъ трансваальскихъ Ванъ-Рейтовъ отозваться на публикацію. Я получилъ три отвѣта, извѣщающіе меня о существованіи Ванъ-Рейтовъ въ Антверпенѣ, Гаарнемѣ и Бреда̀. Предполагая, вѣроятно, что дѣло идетъ о наслѣдствѣ, всѣ ссылаются на своихъ трансваальскихъ или оранжевыхъ предковъ. Посылаю вамъ всѣ эти письма".

На вопросъ Августины, откуда онъ взялъ это имя—Ванъ-Рейтъ, Марсіаль далъ слѣдующее объясненіе. Письма д'Авинкура намѣчали существованіе загадки, но не давали къ ней ключа, а самаго послѣдняго письма, которое онъ обѣщалъ еще

прислать кузену, на лицо не оказывалось. Виновата въ этомъ революція. Одинъ изъ ихъ предковъ, человѣкъ благородный и высокаго ума, успѣлъ собрать всѣ документы, необходимые для открытія „золотого тельца“, но его казнили въ іюлѣ 1793 г., и за нѣсколько дней до своей смерти онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы тайна его дошла до оставшихся въ живыхъ членовъ его семьи или ихъ наслѣдниковъ. Но, должно быть, послѣ его смерти, пропали нѣкоторыя изъ его бумагъ, или что-либо разстроило тщательно принятыя имъ мѣры. Ихъ прадѣдъ многое угадалъ, но не съумѣлъ разрѣшить загадки, а между тѣмъ Гюгъ де-Телэнъ, съ геніальной простотой истаго ученаго, оставивъ подъ рукой документы, способные подзадорить любопытство нашедшаго ихъ, скрылъ главнѣйшій изъ нихъ въ самой библіотекѣ...

И Марсіаль протянулъ сестрѣ и Жану рукопись Гюга о геологическихъ раскопкахъ, говоря, что она-то именно и раскрыла ему глаза. Предложивъ имъ прочесть предисловіе, онъ обратилъ ихъ вниманіе на подчеркнутыя имъ фразы, и добавилъ, что найденныя имъ на бѣлыхъ листкахъ книгъ непонятныя формулы изъ буквъ и цифръ, оказывались въ прямомъ соотношеніи съ предисловіемъ Гюга. Предисловіе это давало ясныя указанія, какъ слѣдовало поступать, чтобы разрозненныя формулы дали связный текстъ. Но Гюгъ усложнилъ еще задачу тѣмъ, что началъ писать на среднихъ книгахъ, и притомъ сверху внизъ. Для Марсіаля, обладавшаго уже путеводной нитью, это было вовсе неважно, и онъ, послѣ тщательной, пристальной работы, воспроизвелъ цѣликомъ слѣдующій документъ:

„Дорогой кузенъ! Мы проникаемъ въ недосягаемыя ущелья Снѣговыхъ горъ. Я умираю отъ усталости. Насъ преслѣдуютъ бушмены, и ихъ отравленныя стрѣлы грозятъ намъ днемъ и ночью. Къ счастью, трескъ ружейныхъ выстрѣловъ вселяетъ въ нихъ суевѣрный ужасъ и держитъ ихъ на почтительномъ разстояніи. Сопровождающіе насъ голландцы начинаютъ роптать...

„Нахожу еще силы дать тебѣ послѣднія указанія. Мы добрались до очень возвышеннаго плоскогорья, которому дали прозвище „Lilienberg“, за его бѣлизну. Здѣсь страшная стужа. Наши голландскіе товарищи рѣшаются насъ покинуть. Одинъ изъ нихъ, Феликсъ Ванъ-Рейтъ, братъ моего перваго гонца, относится ко мнѣ съ большимъ довѣріемъ. Этотъ честный малый желаетъ вернуться въ Голландію, потому что наша послѣдняя экспедиція совершенно его разочаровала...

„Голландцы насъ покидаютъ. Братъ и племянники полны

непобѣдимой экзальтаціи. Возможно, что мы пойдемъ еще дальше. Однакоже, трудности пути заставляютъ ихъ отклоняться на сѣверъ, къ нагорной долинѣ. Поручаю свой документъ Феликсу Ванъ-Рейту. Прощай, Франція, мое дорогое отечество.—Ришаръ".

P. S.—„Дорогой кузенъ. Благодаря тому, что я всегда завожу свои часы по парижскому времени, я могу сообщить тебѣ точную долготу мѣстности. Попытаюсь, несмотря на крайнюю слабость, измѣрить своимъ секстантомъ высоту полюса...

„Я падаю отъ утомленія... 22° 35′ 6″—Прощай".

Эти два письма дополнялись краткой, ясной замѣткой Гюга де-Телэна:

„Есть полное основаніе предполагать, что существуетъ еще одно или два письма Ришара. Они были перехвачены или Ванъ-Рейтомъ, или англичанами, ибо въ бумагахъ морского архива упоминается о какомъ-то незаконномъ осмотрѣ англичанами одного голландскаго судна, шедшаго съ мыса Доброй-Надежды. Голландскій капитанъ жалуется на похищеніе разныхъ бумагъ, между которыми были,—говоритъ онъ, чтобы придать болѣе вѣса своему заявленію,—предсмертныя письма одного изгнанника къ его семьѣ; въ этихъ документахъ, навѣрное, нашлось бы указаніе на широту".

Наступило молчаніе. Августина и Жанъ никакъ не могли опомниться отъ всего услышаннаго. Но Марсіаль вернулъ ихъ къ дѣйствительности разсказомъ о ночныхъ посѣтителяхъ. Это доказывало, что англичанинъ, о которомъ говорилъ покойный Жозефъ де-Телэнъ, тоже производилъ свои розыски.

Затѣмъ онъ добавилъ, что завтра же уѣзжаетъ въ Бреда́, потому что получилъ оттуда письмо отъ нѣкоего Норбета Ванъ-Рейта, который проситъ его побывать прежде всего у него, ибо ему кажется, что онъ—тотъ именно, кого нужно Марсіалю.

V.

Въ сильнѣйшую грозу выѣхалъ Марсіаль на слѣдующее утро въ Голландію. До ст. Терньe онъ былъ одинъ въ своемъ купэ, и это одиночество было ему весьма пріятно. Но когда въ Терньe, послѣ небольшой остановки, поѣздъ тронулся дальше, дверца его купэ распахнулась, и въ вагонъ вскочили двое мужчинъ, поспѣшно швырнувшихъ свои ручные чемоданы на диванчикъ.

Въ первую минуту Марсіаль не обратилъ вниманія на это обстоятельство, обыкновенное на желѣзной дорогѣ; но когда онъ замѣтилъ, что новоприбывшіе — англичане, онъ призадумался. Поѣздъ въ Калé стоялъ на станціи уже болѣе пяти минутъ, и путешественники давно уже размѣстились. Оставалось предположить, что эти англичане стояли на платформѣ, но Марсіаль только-что высовывался въ окно и не безъ удовольствія убѣдился, что новыхъ путешественниковъ на станціи не было. Тогда оставалось лишь одно тревожное предположеніе, что эти англичане нарочно пересѣли къ нему изъ своего купэ, въ послѣднюю минуту, чтобы онъ очутился, такимъ образомъ, съ ними наединѣ.

Гроза прошла, и пріятная прохлада вливалась теперь въ открытое окно вагона. Но англичане нашли, что холодно, и подняли стекло. Въ купэ стало такъ душно, что Марсіаль понемногу задремалъ и впалъ въ какое-то полузабытье. Но, вотъ, сквозь этотъ полу-сонъ, онъ почувствовалъ запахъ гнилыхъ яблоковъ, чтò вызвало въ его еще не окончательно скованномъ сномъ мозгу воспоминаніе о корзинѣ фруктовъ, видѣнной имъ за послѣдніе дни въ столовой,—и вдругъ въ дремлющемъ человѣкѣ проснулся химикъ, и съ губъ его еле слышно сорвалось слово: „хлороформъ"!.. Энергично встряхнувшись, онъ поднялся на ноги. Въ купэ сильно пахло хлороформомъ отъ развернутаго платка въ рукахъ одного изъ англичанъ, стоявшаго у окна; другой англичанинъ какъ будто собирался засучить рукавъ. Но когда Марсіаль внезапно выпрямился, они обмѣнялись взглядомъ настоящихъ бандитовъ.

Марсіаль поспѣшно распахнулъ дверцу со своей стороны и вынулъ изъ кармана револьверъ. Съ минуту всѣ смотрѣли свирѣпо другъ на друга, послѣ чего, взявшись за кольцо сигнальнаго звонка, Марсіаль произнесъ по-англійски съ невозмутимымъ спокойствіемъ:

— Если вы сдѣлаете хоть одинъ шагъ ко мнѣ, я размозжу вамъ голову и дерну звонокъ.

— О! — сказалъ стоявшій англичанинъ, опускаясь немедленно на свое мѣсто.

— Отлично. А теперь поговоримъ; но, прежде всего, потрудитесь выбросить этотъ платокъ въ окно.

— Я собирался наложить повязку моему товарищу, — пробормоталъ англичанинъ,—но если это вамъ непріятно, я готовъ его выбросить.—И онъ швырнулъ платокъ прямо въ лицо Мар-

сіалю, который задержалъ дыханіе, поймалъ платокъ, вышвырнулъ его вонъ и сказалъ гнѣвно:

— Я пересяду въ другое купэ на первой же станціи, но если до тѣхъ поръ одинъ изъ васъ шевельнетъ хоть пальцемъ, я всажу ему пулю въ лобъ.

— Напрасно вы горячитесь, — заговорилъ серьезно другой, доселѣ молчавшій англичанинъ:—мы не хотимъ вамъ никакого зла. У меня, дѣйствительно, болитъ рука, смотрите...—И засучивъ рукавъ, онъ приподнялъ наложенную на руку повязку и показалъ рану, видъ которой напомнилъ Марсіалю окровавленные стеклянные черепки на его садовой стѣнѣ.

— Я готовъ поклясться, что вы порѣзались стекломъ,—замѣтилъ онъ съ ироніей.

Англичанинъ чуть не бросился на него, но Марсіаль навелъ на него револьверъ, и спутники притихли оба, забились въ уголъ и закрыли глаза, притворяясь спящими. Въ Сенъ-Кантэнѣ Марсіаль пересѣлъ въ другое купэ, уже занятое цѣлой семьей веселыхъ голландцевъ. Между новыми спутниками сейчасъ же завязалось знакомство, и добродушный, словоохотливый глава семьи посвятилъ быстро Марсіаля въ привычки своего дома. Они всѣ вообще много путешествуютъ, и старшій его сынъ Пьеръ уже побывалъ на Зондскихъ островахъ, на Суматрѣ, на Борнео, въ Трансваалѣ, гдѣ у нихъ есть родственники... При словѣ Трансвааль, Марсіаль особенно насторожился. Вотъ какъ: у нихъ есть родственники въ Трансваалѣ?—Да, потомки эмигрантовъ, однимъ словомъ—буры. Но когда оказалось, что его новые знакомые ѣдутъ теперь домой, въ Бреда́, у Марсіаля вырвался невольно вопросъ: не носятъ ли они фамилію Ванъ-Рѣйтъ? — Голландцы изумились, а отецъ отвѣчалъ отрицательно, причемъ добавилъ, что, по странному совпаденію, сынъ его Пьеръ имѣетъ порученіе къ семьѣ Ванъ-Рѣйтъ отъ ея трансваальскихъ родственниковъ. Марсіаль понялъ, что писавшій ему Ванъ-Рѣйтъ— именно тотъ, кого онъ искалъ, и, въ свою очередь, сообщилъ новымъ знакомымъ, что и у него имѣются родственники въ южной Африкѣ, и что онъ скоро ѣдетъ туда. Было рѣшено, что Пьеръ представитъ его брату и сестрѣ Ванъ-Рѣйтъ; это— молодые люди, круглые сироты и, кажется, находятся теперь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Въ Брюсселѣ, по примѣру другихъ путешественниковъ, Марсіаль вошелъ въ буфетъ и очутился случайно какъ-разъ позади тѣхъ двухъ англичанъ, которые собирались усыпить его хлороформомъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ другому:

— Что-то скажетъ мистеръ Скайль?

— Мы опростоволосились,—произнесъ другой.—Впрочемъ, по-моему, мистеру Скайлю лучше отказаться отъ своего предпріятія, потому что онъ имѣетъ дѣло съ весьма ловкимъ противникомъ.

— Вы можете передать ему, что онъ стоитъ совсѣмъ на ложномъ пути,—произнесъ громко Марсіаль.— Вещественныхъ доказательствъ той тайны, что̀ занимаетъ его, не существуетъ, а для разгадки ея требуется такая тонкость, на которую едва-ли способенъ мистеръ Скайль, судя по его пріемамъ.

И Марсіаль отошелъ отъ остолбенѣвшихъ англичанъ.

По прибытіи въ Бреда̀, Марсіаль отправился съ Пьеромъ къ мингеру Ванъ-Рёйту. Норбертъ Ванъ-Рёйтъ оказался настоящимъ джентльменомъ; это былъ высокій молодой человѣкъ съ симпатичнымъ аристократическимъ лицомъ. Бѣлокурые, слегка вьющіеся волосы, такіе же усы и эспаньолка „à la Louis XIII“, стройный станъ, изящныя бѣлыя руки и прекрасные голубые глаза, полные жизни, отваги и ума,—все это вмѣстѣ составляло по истинѣ чарующую наружность.

Марсіаль и Норбертъ почувствовали мгновенно живѣйшую симпатію другъ къ другу. На прекрасномъ французскомъ языкѣ Ванъ-Рёйтъ сказалъ Марсіалю, что какъ только онъ прочелъ его публикацію въ газетахъ, то сейчасъ же обратился къ корреспонденту, отъ котораго узналъ, что справка требуется французу, г. де-Телэну... „Де-Телэнъ де-Новиллъ, разумѣется?..“ Марсіаль удивился, откуда знаетъ Ванъ-Рёйтъ эту подробность? Вѣдь его родъ давно уже носитъ только фамилію де-Телэнъ.—Дѣло въ томъ, что родъ Ванъ-Рёйтъ имѣетъ французско-трансваальское происхожденіе, и одинъ изъ предковъ этого рода, эмигрантъ и гугенотъ, носилъ фамилію де-Телэнъ д'Авинкуръ. Такимъ образомъ, они—дальніе кузены. Молодые люди пришли въ восторгъ, и отнынѣ было рѣшено, что они станутъ называть одинъ другого: „кузенъ“.

— Мнѣ даже думается,—продолжалъ Ванъ-Рёйтъ,—что я знаю, чего вы ищете. Не идетъ ли дѣло о письмѣ одного д'Авинкура къ одному де-Новиллю, порученномъ Ришаромъ д'Авинкуромъ нѣкоему Ванъ-Рёйту, умершему на пути отъ какой-то эпидеміи? Багажъ умершаго былъ доставленъ въ Голландію, бумагамъ его не было придано никакого значенія, и мой отецъ былъ первымъ человѣкомъ, распечатавшимъ письмо Ришара д'Авинкура. Письмо сохранялось у насъ, въ качествѣ простой археологической рѣдкости, но недавно я убѣдился, что оно представляетъ большую

цѣнность, судя по проискамъ одного англичанина. Какъ онъ узналъ о его существованіи — мнѣ неизвѣстно, но уже не разъ онъ предлагалъ мнѣ продать ему это письмо. Я не согласился, но позволилъ ему прочесть его, хотя лицо этого англичанина внушало мнѣ сильнѣйшую антипатію. Онъ довольно невѣжливо настаивалъ, чтобы я поискалъ другой документъ съ такой же подписью, потому что это письмо несомнѣнно должно составлять одно цѣлое съ другими письмами.

Ванъ-Рейтъ позвонилъ, приказалъ вошедшей служанкѣ попросить къ нему сестру, и вскорѣ затѣмъ въ гостиную вошла молодая дѣвушка поразительной красоты, съ ослѣпительнымъ цвѣтомъ лица, черными волосами и голубыми глазами.

— Моя сестра, Тереза,—сказалъ Ванъ-Рейтъ.

Красота Терезы до того поразила Марсіаля, что онъ только безмолвно поклонился, а дѣвушка слегка заалѣла подъ его взглядомъ.

Узнавъ отъ брата, въ чемъ дѣло, она выбрала одинъ изъ ключей, связка которыхъ висѣла у нея на поясѣ, открыла небольшое старинное бюро, надавила пружину, и, доставъ изъ потайного ящика пожелтѣвшій конвертъ, протянула его граціозно Марсіалю. Письмо было кратко: „Дорогой кузенъ! Конецъ мой близится. Но, цѣною нечеловѣческихъ усилій, мнѣ удалось сдѣлать то, о чемъ я тебѣ писалъ. О! приложи всѣ старанія, чтобы найти „золотого тельца“. 31—30—43.—Твой Ришаръ“.

Обратно Ванъ-Рейтъ не принялъ письма. Онъ радъ подарить его Марсіалю, котораго сразу полюбилъ. Тереза поддержала брата. Растроганный Марсіаль принялъ подарокъ. Но только онъ долженъ былъ разсказать имъ свою исторію. — Хорошо; но прежде они выслушаютъ Пьера.

— О, моя рѣчь будетъ недолга, — сказалъ Пьеръ. — Вашъ кузенъ изъ Преторіи, Авраамъ Верхоордъ, поручилъ мнѣ передать вамъ, что вашъ покойный дядя, Корнелій, завѣщалъ все свое наслѣдство ему и вамъ. Вы можете выбрать иля трансваальское имѣніе, или оранжевое, близь Якобсдаля, по сосѣдству съ фермой вашего дяди Езекіиля... Аврааму хотѣлось, чтобы вы выбрали оранжевое имѣніе, потому что онъ живетъ съ семьей въ Преторіи, состоитъ членомъ фольксраада, а слѣдовательно не можетъ бросить насиженнаго мѣста. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ онъ честнѣйшій, религіознѣйшій человѣкъ, то онъ предоставляетъ вамъ свободу выбора.

— Да, это именно то извѣстіе, котораго мы ждали, — ска-

залъ Ванъ-Рёйтъ.—У насъ уже сдѣланы всѣ приготовленія къ отъѣзду...

— Вы ѣдете въ Трансвааль!—вскричалъ Марсіаль.

— Да, — отвѣчала Тереза, — и мы благословляемъ это неожиданное наслѣдство, спасающее насъ отъ разоренія. Если мы можемъ быть вамъ полезными,—располагайте нами.

Когда Пьеръ ушелъ, Марсіаль довѣрилъ всѣ свои планы брату и сестрѣ, и было рѣшено ѣхать вмѣстѣ въ Трансвааль.

VI.

Четырнадцатаго мая, утромъ, Марсіаль, Жанъ Шевро̀, Тереза и Норбертъ Ванъ-Рёйтъ высадились въ Портъ-Наталѣ. У самаго мыса Доброй-Надежды ихъ пароходъ выдержалъ страшную бурю. Всѣ пассажиры были больны, за исключеніемъ Марсіаля и его друзей, невозмутимо спокойныхъ посреди разъяренной стихіи, да какого-то англичанина, сѣвшаго на тотъ же пароходъ въ Лиссабонѣ и державшагося всегда въ сторонѣ. Но, помогая, вмѣстѣ съ Ванъ-Рёйтомъ, матросамъ, возившимся съ канатами, онъ сдѣлалъ неловкое движеніе и упалъ за бортъ, уцѣпившись, по счастью, за конецъ каната, который онъ собирался прикрѣпить. Упалъ онъ у кормы, гдѣ бушевали самыя яростныя волны; экипажъ былъ занятъ на другомъ концѣ судна, и паденіе его видѣла только Тереза Ванъ-Рёйтъ. Съ великимъ трудомъ, но со спокойной отвагой ея расы, она пробралась къ нему, схватилась за канатъ и дотащила англичанина до борта. Спрыгнувъ на палубу, англичанинъ, нимало не растерявшійся, вскричалъ съ грубымъ восхищеніемъ: „Ну, и красавица же вы!“ И только затѣмъ онъ кратко поблагодарилъ ее.

Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ держаться въ сторонѣ, лишь издали пожирая Терезу плотоядными взорами. Тереза нимало не смущалась, и никто не обращалъ на это вниманія, кромѣ Марсіаля, поймавшаго какъ-то случайно упорный взоръ англичанина и подмѣтившаго недовольное выраженіе на лицѣ Терезы. Марсель взволновался, и съ этой минуты почти не отходилъ отъ Терезы, явно къ нему благоволившей.

Въ Портъ-Наталѣ друзья были поражены количествомъ встрѣчавшихся имъ на улицахъ африканскихъ расъ. Тутъ были и красавцы-кафры, гордые своей благородной осанкой, умные базутосы, великаны-зулусы, грикуасы—помѣсь бѣлыхъ и готтентотокъ, негры и малайцы. Недоставало только бушменовъ, этихъ

человѣчковъ, ростомъ въ одинъ метръ, тридцать-три сантиметра, до того жестоко гонимыхъ бурами, что они почти перевелись.

Проведя въ Портъ-Наталѣ ночь, друзья уѣхали оттуда на слѣдующее же утро. Сдавая на станціи багажъ, Жанъ Шевро̀ обратилъ вниманіе Марсіаля на одинъ ящикъ съ надписью: „Мистеръ Скайль. Іоганнесбургъ". Марсіаль вздрогнулъ: надо держать ухо востро̀,—этотъ мистеръ Скайль и тотъ англичанинъ, о которомъ говорилъ его покойный отецъ,—одно и то же лицо. А когда Жанъ заявилъ, что, по его мнѣнію, это—тотъ самый англичанинъ, что̀ ѣхалъ съ ними на пароходѣ, Марсіаль прошепталъ: „Если такъ, то это—дуэль на жизнь и на смерть!.."

— Въ Іоганнесбургъ!—вскричалъ весело Ванъ-Рейтъ, вскакивая въ вагонъ. А въ сосѣднемъ купэ усаживавшійся мистеръ Скайль, до котораго долетѣло это восклицаніе, проворчалъ:

— Въ Іоганнесбургъ, такъ въ Іоганнесбургъ!

Въ 1884 году Іоганнесбургъ не существовалъ, и на его мѣстѣ разстилалась безводная и безплодная пустыня. Но въ 1885 г. въ ней были открыты золотыя залежи, и сюда наѣхали тысячи рудокоповъ изъ Америки и Австраліи. Вначалѣ они терпѣли всякія лишенія, всего болѣе въ водѣ, и первые колонисты умывались сельтерской водой, по пяти франковъ за бутылку. Цѣны на хлѣбъ, мясо и овощи были фантастическія. Многіе погибли, но многіе и обогатились, а городъ разростался изъ года въ годъ и принималъ грандіозные размѣры. Земля стала такъ же дорога, какъ въ Парижѣ; выстроились театры, биржа, почта, церкви, роскошные дома. Цѣною большихъ затратъ была проведена вода, насаженъ тѣнистый паркъ; ночью городъ сіялъ газовыми фонарями и электричествомъ; улицы бороздили конки, а изъ многочисленныхъ желѣзнодорожныхъ вокзаловъ отправлялись по разнымъ направленіямъ поѣзда; открылись блестящіе магазины, рестораны и кафе́.

Друзья пообѣдали въ приличномъ ресторанѣ, но, несмотря на скромность меню, цифра счета оказалась невѣроятной. Дороговизна зависѣла отъ того, что всѣ пищевые продукты привозились изъ Портъ-Наталя или изъ Капштадтской колоніи. Жанъ замѣтилъ, что хотя ему было извѣстно, что дюжина яицъ стоитъ здѣсь семь франковъ съ половиной, масло—шесть франковъ фунтъ, хлѣбъ—одинъ франкъ двадцать-пять сантимовъ, молоко—пять франковъ литръ, а кочанъ цвѣтной капусты—три франка, это все же не резонъ, чтобы брать по двѣнадцати франковъ за пару яицъ на сковородѣ. Тереза возразила, что придется съ этимъ помириться, ибо здѣсь все ненормально, и видно, что вне-

запное богатство вскружило всѣмъ головы. Женщины увѣшаны драгоцѣнностями, а на шеѣ подающей имъ обѣдъ служанки красуется брилліантовое ожерелье въ десять тысячъ франковъ.

— Сколько же вы получаете? — спросилъ ее по-англійски Жанъ.

— О, пустяки, всего двадцать-восемь фунтовъ стерлинговъ въ мѣсяцъ... То-есть, семьсотъ франковъ!..

И друзья рѣшили, что завтра же они выѣдутъ въ Преторію, а случившійся въ тотъ же вечеръ казусъ только укрѣпилъ ихъ рѣшеніе. У дверей какого-то увеселительнаго заведенія, куда имъ захотѣлось зайти, произошла настоящая давка. Сейчасъ же вспыхнули ссоры; нѣкоторые американцы взялись за оружіе и раздались выстрѣлы, вызвавшіе всеобщую суматоху. Въ толпѣ, Марсіаля оттерли отъ друзей, и вдругъ онъ почувствовалъ, что его держатъ за оба локтя, тогда какъ чья-то рука шаритъ въ его карманахъ.

— Держите вора!—крикнулъ онъ. Къ нему сейчасъ же поспѣшили на помощь,—и нападавшіе на него убѣжали. Но когда онъ догналъ Жана и Ванъ-Рейта, онъ узналъ, что Тереза исчезла.

— Вы ищете свою жену?—сказалъ кто-то изъ толпы Ванъ-Рейту.—Ей стало дурно, и ее увели вонъ туда!..

Молодые люди бросились по указанному направленію, и на углу безлюдной улицы увидали трехъ мужчинъ, усаживавшихъ насильно въ фіакръ отбивавшуюся отъ нихъ женщину. Это была Тереза. Опередивъ остальныхъ, Марсіаль однимъ ловкимъ ударомъ повалилъ одного изъ разбойниковъ, а другіе успѣли вскочить въ фіакръ и уѣхать, прежде чѣмъ Ванъ-Рейтъ и Жанъ добѣжали до нихъ. Тереза сказала, что вреда ей никакого не сдѣлали, а только оттерли ее отъ ея спутниковъ и увлекли подальше, подъ предлогомъ ея безопасности. Обшаривъ свои карманы, друзья убѣдились, что у нихъ ничего не украли. На вопросъ Марсіаля, не признала ли она одного изъ нападавшихъ на нее людей, Тереза отвѣчала отрицательно, но потомъ, улучивъ удобную минуту, шепнула ему, что, во время схватки, видѣла за спиной Марсіаля того самаго англичанина, что ѣхалъ на ихъ пароходѣ.

— И вы считаете его виновникомъ вашего неудавшагося похищенія?

— Считаю,—отвѣчала она просто.

— Я тоже... но меня удивляетъ, что на пароходѣ его звали

мистеромъ Кноуледжъ, а въ Трансваалѣ онъ зовется мистеромъ Скайль.

— Берегитесь!—сказала молодая дѣвушка съ необычной горячностью:—этотъ человѣкъ желаетъ вамъ зла.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ Марсіаль, трепеща отъ волненія. И всѣ молча вернулись въ гостинницу.

На слѣдующее утро они выѣхали въ Преторію и прибыли черезъ два часа въ этотъ огромный городъ, мѣстопребываніе правительства. Здѣсь также кишѣли кафры, базутосы, готтентоты, негры и грикуасы. Стоило Ванъ-Рейту показать первому встрѣтившемуся бѣлому письмо своего родственника, какъ его провели прямо къ Аврааму Верхоорду, ферма котораго находилась на окраинѣ города. Авраамъ принялъ друзей въ большой залѣ, посреди своей многочисленной семьи, и оказалъ имъ самый радушный пріемъ. Жена его пришла тотчасъ въ восхищеніе отъ гостей, кромѣ одного Жана Шевро̀, назвавшаго ее, по разсѣянности, „madame“, вмѣсто принятаго разъ навсегда „tante“. Всѣ усѣлись за столъ. Изложивъ Ванъ-Рейту исторію своей семьи и положеніе дѣлъ, Авраамъ закончилъ такъ:

— Земли дяди Корнелія состоятъ изъ двухъ участковъ. Первый, сосѣдній съ моимъ здѣшнимъ имѣніемъ, состоитъ изъ нѣскольких гектаровъ пастбищъ и огромнаго стада воловъ. Второй, близь Якобсдаля, въ Оранжевой республикѣ, состоитъ изъ фермы и пастбищъ. Вамъ легко убѣдиться, что обѣ доли совершенно равны.

— Дорогой дядя Авраамъ,—отвѣчалъ Ванъ-Рейтъ,—я слышалъ съ самаго дѣтства, что вы—справедливѣйшій изъ людей. Возьмите же въ руки святую Библію и раздѣлите земли между вами и мною: судьею между нами да будетъ одинъ Господь Богъ.

Услыша такія слова, тетушка Ревекка заплакала, а Авраамъ, дрожа отъ волненія, отвѣчалъ:

— Прекрасно, племянникъ. Въ наши смутныя времена проклятая жажда золота наводнила нашу дорогую республику авантюристами со всего свѣта. Я предпочелъ бы потерять свое наслѣдство, чѣмъ допустить одного изъ моихъ сыновей поселиться въ Оранжевой республикѣ, не потому, чтобы мы ея не любили, —нѣтъ, вѣдь всѣ буры—одна семья,—но потому, что нельзя лишать Трансвааль ни одного изъ его защитниковъ... Чего добраго, эти проклятые уинтлэндеры (иностранцы) побьютъ насъ и на выборахъ. Впрочемъ, это будетъ не такъ-то легко...

Всѣ слушали его съ трепетомъ, потому что во всѣхъ кипѣла ненависть къ англичанамъ и всѣмъ былъ памятенъ страшный при-

мѣръ Іоганнесбурга, открытіе тамъ золота, наплывъ негодяевъ, привлеченныхъ жаждой наживы. Они, буры, любили лишь одну землю, большія стада, трудные переходы (trek), патріархально-строгую жизнь, презирая золото и негодуя отъ мысли, что можно стать рудокопами, роющимися въ безплодныхъ нѣдрахъ земли. Они отстаивали добро и нравственность, свои простые обычаи, независимость, все то, что̀ дѣлало ихъ непобѣдимыми. Но они чувствовали, что ихъ осиливаютъ; хитрые горожане пробрались всюду, и въ ихъ рукахъ богатство становилось грознымъ оружіемъ. Оди подкупали и растлѣвали цѣлые города. Мечта старыхъ буровъ овладѣть всей Африкой, дойти до Египта и возстановить библейскую Палестину, гдѣ ихъ потомки основали бы вновь царство Господне, теперь рушилась.

Когда Авраамъ кончилъ свою рѣчь, было рѣшено, что онъ телеграфируетъ дядюшкѣ Езекіилю о скоромъ прибытіи Ванъ-Рейта, отнынѣ его сосѣда. А затѣмъ Ванъ-Рейтъ, потерявшій изъ вида экспедицію Марсіаля, въ краткихъ, но энергичныхъ словахъ сообщилъ о томъ, что молодой ученый пріѣхалъ въ южную Африку по очень важному дѣлу, которое пока должно остаться тайной. Но мѣшать достигнуть цѣли ему будутъ англичане, а потому ему нужны въ помощь настоящіе храбрецы. А Авраамъ добавилъ:

— Не забывайте, дѣти мои, что французы—наши братья. Генералъ Жуберъ—французъ родомъ, полковникъ Давинкуръ—тоже...

— Полковникъ Давинкуръ приходится мнѣ родственникомъ, —сказалъ Марсіаль, что̀ вызвало всеобщій восторгъ. Ему пришлось обойти всѣхъ, при чемъ ему чуть не отдавили рукъ, и всѣ молодые люди изъявили готовность слѣдовать за нимъ противъ англичанъ куда угодно. Марсіаль выбралъ пятерыхъ красавцевъ-молодцовъ, и съ этой минуты тѣ уже не отходили отъ него, точно дѣти, которымъ обѣщана веселая экскурсія и которыя боятся, какъ бы ихъ не забыли и не оставили дома.

На слѣдующее же утро европейцы выѣхали въ Блумфонтенъ.

VII.

Въ Блумфонтенѣ на станціи путниковъ встрѣтили престарѣлые дядюшка Езекіиль и тетушка Ноэми. Пріемъ былъ самый радушный; посыпались крѣпкія рукопожатія и хлопанья по плечу, родственные эпитеты; вѣжливость требовала, чтобы евро-

пейцы называли Езекіиля—„дядюшкой“, Ноэми—„тетушкой“, и возвращали рукопожатія и похлопыванія по плечу.

Затѣмъ всѣ отправились къ ожидавшему ихъ въ сторонѣ своеобразному бурскому каравану, состоявшему изъ пяти повозокъ, запряженныхъ волами. По бокамъ повозокъ находились всадники, вооруженные пиками, а къ первой парѣ воловъ прислонились небрежно высокіе гривуасы съ длиннѣйшими бичами въ рукахъ. Изъ-подъ парусинныхъ навѣсовъ повозокъ выглядывали любопытныя женскія и дѣтскія головы,—вся многочисленная семья Езекіиля была здѣсь въ сборѣ. Прежде чѣмъ тронуться въ путь, новоприбывшимъ надлежало перезнакомиться и поздороваться со всѣмъ караваномъ. Вся эта патріархальная обстановка производила самое отрадное впечатлѣніе не только на обоихъ Ванъ-Рейтъ, но и на Марсіаля и Жана. Новоприбывшихъ усадили въ передовую повозку Езекіиля, и караванъ тронулся въ путь, подъ звуки религіознаго гимна, по старинному обычаю этого набожнаго народа.

Путь предстоялъ немалый, и между новыми знакомыми, конечно, завязалась оживленная бесѣда, предметомъ которой, разумѣется, оказалась вѣковѣчная вражда буровъ съ англичанами. Но тутъ обнаружилось, что Езикіиль отличался оригинальными, необычными въ этомъ краѣ идеями. Заговоривъ о вѣроломныхъ пріемахъ, пускаемыхъ въ ходъ англичанами для искорененія туземныхъ расъ, тогда какъ они, буры, не мѣшаютъ жить ни кафрамъ, ни готтентотамъ, ни базутосамъ, онъ добавилъ, что пожалуй, съ помощью Божіею, всѣ южно-африканскія расы могли бы слиться во-едино... Немало уже развелось у нихъ грикуасовъ...

— Замолчите, Езекіиль,—сказала жалобно его жена:—вы же знаете, что грикуасы—великая мерзость!..

— Положимъ, старуха,—возразилъ ей кротко мужъ:—но вѣдь пути Господни неисповѣдимы, а грикуасы—наши красавцы, честное слово!

— Можно ли такъ говорить при молодежи!—вскричала Ноэми.—Этакъ они не научатся дѣлать разницу между людьми. Вѣдь вы сами, Езекіиль, не пустите нашихъ дѣтей въ одну школу съ грикуасами!..

Раскраснѣвшаяся и возбужденная, Ноэми кричала и размахивала руками, а Езекіиль понурилъ голову, не смѣя противорѣчить своей вѣрной подругѣ, строгой блюстительницѣ преданій. Но когда, желая замять этотъ разговоръ, Марсіаль сталъ разспрашивать о подробностяхъ переселенія капштадтскихъ буровъ

въ Оранжевую республику, повторилось то же самое. Дойдя до борьбы англичанъ и буровъ съ туземцами, Езекіиль назвалъ базутосовъ храбрыми воинами. Базутосы угоняли скотъ у буровъ и поджигали ихъ фермы; буры платили имъ тѣмъ же, и долго длилась эта опустошительная война, но къ коварству враги не прибѣгали. Впрочемъ, въ здѣшнихъ краяхъ образъ мысли его, стараго Езекіиля, хорошо извѣстенъ. Ему одинаково пріятно видѣть красавца кафра, умнаго базутоса, гордаго зулуса, пылкаго грикуаса и даже готтентота или бушмена, этихъ бѣдныхъ карликовъ, скрывающихся въ горахъ и пустыняхъ... Ноэми вступилась опять: — Фу, какъ противно, когда онъ такъ говоритъ!..

Послѣ небольшого дневного привала, Езекіиль предложилъ своимъ гостямъ-мужчинамъ продолжать путь верхомъ, и предложеніе это было принято съ энтузіазмомъ. По пути Марсіаль восхищалъ все общество, потому что оказалось, что онъ знаетъ о здѣшней мѣстности не менѣе самихъ ея постоянныхъ обитателей. Когда же стемнѣло, караванъ остановился и раскинулся лагеремъ; повозки распрягли и разставили кольцомъ; воловъ отпустили пастись и развели множество костровъ. Женщины принялись за стряпню, а Терева вызвала всеобщій восторгъ, когда она, засучивъ рукава, приступила къ приготовленію огромной яичницы съ вареньемъ, по-голландски.

Послѣ оживленнаго ужина всѣ стали готовиться къ ночлегу, и ночные караульщики уже облекались въ теплыя овчины, необходимыя при ночномъ рѣзкомъ холодѣ, какъ вдругъ случилось неожиданное обстоятельство. Одинъ изъ караульщиковъ разслышалъ топотъ приближающихся лошадей и окликнулъ неясно видимыхъ въ темнотѣ всадниковъ. Мужской голосъ отвѣчалъ, что ихъ двое, мужчина и женщина, и что имъ необходимо видѣть дядюшку Езекіиля. Но когда всадники подъѣхали, спустились съ коней и, ведя ихъ за повода, подошли къ кострамъ, ихъ встрѣтилъ внезапный вопль негодованія и гнѣвнаго презрѣнія:

— Грикуасы, грикуасы!

Высокій ростъ и прекрасное сложеніе, сильные, гибкіе члены, тонкія черты лица, неуловимая аристократичность манеръ, все обличало въ нихъ высшую расу. Одѣты они были по-европейски, но буры, очевидно, знали, кто они, и бѣшено кричали на нихъ: Пусть они просятъ убѣжища у готтентотовъ!

— Мы это и сдѣлали бы, находись они поблизости,—отвѣчали пренебрежительно всадники,—потому что они—больше христіане, чѣмъ вы. Они не забыли завѣта Господня, объявляющаго всѣхъ людей братьями.

И, не обращая вниманія на градъ насмѣшекъ и оскорбленій, надменный и презрительный всадникъ подошелъ еще ближе. А когда караульщикъ пригрозилъ пристрѣлить его, грикуасъ возразилъ:

— Васъ я всѣхъ презираю, и мнѣ нѣтъ до васъ дѣла; но если дядюшка Езекіиль тутъ, пусть онъ покажется,—онъ знаетъ, что ему я покорюсь.

— Езекіиль,—сказала Ноэми:—не выходи, не оскорбляй твоей жены, принуждая ее проводить ночь въ одномъ мѣстѣ съ незаконнымъ [1]) отродьемъ бѣлаго и африканки.

Но Езекіиль отвѣчалъ:

— Во всякомъ случаѣ, мы должны ихъ выслушать, а для меня лично это прямой долгъ, когда дѣло идетъ о Гаагѣ и его сестрѣ,—вы это знаете!

Но такъ какъ шумъ продолжался, то старикъ крикнулъ громовымъ голосомъ:—Молчать!—и, выдвинувшись впередъ, онъ добавилъ грустно, что хотя онъ и глава дома, все-же онъ не хочетъ рѣшать вопросъ лично, а предоставляетъ это своимъ высокочтимымъ гостямъ. Стоя за чертою костровъ, Гаагъ и его сестра ждали окончанія переговоровъ, и огонь ярко освѣщалъ чудную красоту молодой дѣвушки, къ которой европейское платье шло гораздо лучше, чѣмъ къ бурскимъ женщинамъ.

— Всѣ люди—братья,—произнесъ Ванъ-Рейтъ, выступая впередъ.—Подойдите же, Гаагъ, и дайте мнѣ вашу руку!

Это было до того необычно, что самъ Гаагъ не понялъ этихъ словъ, тогда какъ въ толпѣ раздался ропотъ на голландца. Но иные все-же молчали, вѣроятно, изъ уваженія къ подобному высоко-гуманному чувству. Марсіаль и Жанъ тоже протянули руки Гаагу, который, наконецъ, подошелъ и поблагодарилъ ихъ, пожимая имъ руки.

Глубоко потрясенная картиной униженія подобной красавицы, Тереза сама подошла къ сестрѣ Гаага и бросилась въ ея объятія. Это положило конецъ сопротивленію уже колебавшихся буровъ, и они разступились. Гаага и его сестру провели къ повозкѣ Езекіиля и пригласили поужинать. Европейцы съ любопытствомъ засматривались на нихъ. Гаагъ соединялъ въ себѣ богатырское сложеніе буровъ и гибкія, изящныя формы кафровъ. У него были великолѣпные черные европейскіе глаза, прямой носъ, черные, густые, волнистые волосы, высокій, повелительно-умный лобъ и нѣжнаго рисунка ротъ.

---

[1]) Съ начала XIX вѣка браки буровъ съ африканками запрещены религіей.

Сестра его, Эсѳирь, походила на него, съ тою лишь разницей, что волосы ея были бѣлокуро-пепельные, а глаза сѣро-голубые. Ея очаровательно-нѣжное личико, маленькія руки и ноги, гибкій станъ, свѣжій цвѣтъ лица, удивительно красивый лобъ и чудная улыбка, все обличало въ ней не только физическую, но и духовную красоту избранной натуры. Съ первыхъ же словъ обнаружилось, что умственная культура брата и сестры неизмѣримо выше, чѣмъ культура всей семьи Езекіиля. Повидимому, старый патріархъ этимъ гордился. Исключительность этихъ презрѣнныхъ существъ, явная къ нимъ симпатія Езекіиля, ихъ очевидное положеніе людей обезпеченныхъ,—все это, вмѣстѣ взятое, возбуждало, понятно, живѣйшій интересъ во всѣхъ европейцахъ, но Ванъ-Рейтъ, въ частности, не отрывалъ страстнаго взора отъ прекраснаго лица Эсѳири.

— Мы ѣздили сегодня съ сестрою по дѣлу въ Блумфонтенъ,—разсказывалъ Гаагъ,—и, желая вернуться сегодня же, приказали двумъ преданнымъ слугамъ бушменамъ и двумъ базутосамъ выѣхать намъ на встрѣчу къ двумъ пунктамъ со смѣнами лошадей. Къ несчастію, мы замѣшкались въ городѣ, насъ застигла ночь, и къ удивленію нашему на первомъ назначенномъ пунктѣ бушменовъ не оказалось...

— Невозможно!—вскричалъ Езекіиль:—вѣдь бушменъ не теряетъ даже слѣда страуса и бѣжитъ за нимъ, не отставая.

— Потому-то я и встревожился. Я побоялся, что на нихъ напала шайка грикуасовъ, выѣхавшая изъ Блумфонтена раньше насъ и заинтриговавшая меня тѣмъ, что это были не здѣшніе грикуасы, а изъ Іоганнесбурга. Въ Блумфонтенѣ мнѣ говорили, что они на службѣ у какого-то англичанина, ѣдущаго въ Кимберлей въ повозкѣ, по старинному. Говорятъ, что онъ надѣялся выѣхать вмѣстѣ съ вами, дядюшка, но это ему не удалось, и я думаю, что онъ просто ѣдетъ за вами слѣдомъ, что̀ вовсе не трудно. Пока я размышлялъ, во мракѣ ночи раздались два выстрѣла, лошадь сестры споткнулась о невидимое препятствіе и упала, а я успѣлъ остановить своего жеребца и осмотрѣлся. Вокругъ насъ копошилось четверо людей, изъ которыхъ я сейчасъ же сшибъ одного кулакомъ, а остальные разбѣжались. Сестра поднялась и вскочила снова на лошадь, а я зажегъ фонарь и въ убитомъ мною человѣкѣ призналъ одного изъ грикуасовъ, видѣнныхъ въ Блумфонтенѣ. Мы тронулись въ путь и скоро замѣтили на горизонтѣ огни; подъѣхавъ къ нимъ, мы увидали кучку грикуасовъ у костровъ и посреди нихъ—нашихъ связанныхъ попарно бушменовъ и базутосовъ. Хотя при нашемъ при-

ближеніи грикуасы вскочили съ ружьями въ рукахъ, мы рѣшили освободить нашихъ бѣдныхъ слугъ и, бросивъ выбившихся изъ силъ лошадей, подошли къ грикуасамъ. — „Не знаю, товарищи, —сказалъ я имъ,—понимаете ли вы, что дѣлаете, но я васъ приглашаю немедленно освободить этихъ людей, моихъ слугъ, подъ страхомъ законной кары и моего гнѣва“... При этомъ, сестра и я наводили на нихъ наши револьверы; грикуасы на секунду смѣшались, а я воспользовался этимъ, чтобы перерѣзать веревки, связывавшія моихъ слугъ, которые сейчасъ же окружили сестру и меня. Хотя грикуасовъ было десять человѣкъ,—они не рѣшались броситься на насъ, но скоро оправились и стали стрѣлять. Посреди суматохи, чей-то голосъ спросилъ по-англійски: „Да что у васъ тамъ такое?“—„А то, что вы разбойники,—отвѣчалъ я по-англійски же,—и съ вами такъ и поступаютъ, какъ съ разбойниками“.—„О! Какъ вы прытки на словахъ, господинъ французъ!“—отвѣчалъ англичанинъ. „Я также прытокъ и на дѣлѣ“... Тогда англичанинъ подошелъ, взглянулъ на насъ и недовольно проворчалъ: „Неужели вы такъ злитесь изъ-за какихъ-то проклятыхъ дикарей?“ — „Не знаю, — возразилъ я, — считается ли у васъ въ Англіи пустякомъ похищеніе чужихъ слугъ, но у насъ, въ Оранжевой республикѣ, вамъ придется за это отвѣтить“...—„Та-та-та! это просто дурацкая шутка! Эй, вы, освободите-ка этихъ скотовъ!“—обратился онъ къ грикуасамъ. Но я возразилъ, что обошелся безъ его позволенія и потребовалъ, чтобы онъ извинился передъ сестрой. Онъ извинился, ссылаясь на незнаніе здѣшнихъ нравовъ, и предложилъ выпить съ нимъ стаканчикъ брэнди и побесѣдовать. Но я сказалъ, что не желаю бесѣдовать съ людьми, подобными ему... Онъ помолчалъ, а потомъ спросилъ, не принадлежу ли я къ семейству дядюшки Езекіиля и не могу ли указать, гдѣ онъ теперь? Грикуасы его не знаютъ этой мѣстности, а ему, видите, было бы по пути съ вами, дядюшка. Я молчалъ, а онъ добавилъ: „Впрочемъ, принадлежи вы къ его каравану, вамъ не зачѣмъ было бы устроивать себѣ смѣны лошадей!“ —„А вы почему знаете, что я ихъ себѣ устроилъ? Это—мое дѣло. Ужъ не намѣрены ли вы меня ограбить?“ У него вырвался жестъ бѣшенства, но онъ сейчасъ же овладѣлъ собою и сказалъ миролюбивымъ тономъ: „Напрасно вы такъ дурно думаете обо мнѣ... Я не воръ... Я предпринимаю важную экспедицію; я, если хотите, „борецъ“, но не преступникъ... Такіе люди, какъ вы, мнѣ по душѣ... Согласитесь присоединиться ко мнѣ, и я уступлю вамъ крупную долю своихъ будущихъ барышей“... Но я отвѣчалъ презрительно, что толковать намъ больше нечего;

онъ произнесъ: „All right!"—и мы уѣхали. Но его подозрительныя манеры и слова смутили меня, а его разспросы о васъ, дядюшка Езекіиль, и тотъ странный фактъ, что онъ принялъ меня сначала за француза, — наконецъ, засада, въ которую мы съ сестрой попали,—все это внушало мнѣ мысль предупредить васъ о происходящемъ.

— И вотъ какъ васъ за это вознаградили!—пролепеталъ Езекіиль.—Завтра всѣ это узнаютъ...

Но приглашенія его переночевать съ ними Гаагъ и его сестра не приняли, несмотря ни на какія настоянія. Прощаясь съ нимъ, Ванъ-Рейтъ сказалъ, что они еще увидятся, потому что онъ становится его сосѣдомъ, и заранѣе радуется перспективѣ дружескихъ съ нимъ отношеній.

— Вы великодушны, но васъ будутъ за это преслѣдовать,—сказалъ Гаагъ.—Выдержите ли вы?

— Можете ли вы въ этомъ сомнѣваться?—возразилъ Ванъ-Рейтъ, кидая на Эсѳирь выразительный, полный любви взглядъ.

VIII.

По отъѣздѣ Гаага и его сестры, заинтересованные молодые люди попросили Езекіиля разсказать имъ ихъ исторію. Тереза ушла спать, а мужчины усѣлись у костра. Езекіиль заговорилъ:

— Прошло уже четыре года съ тѣхъ поръ какъ мы поселились въ Оранжевой республикѣ, а стычки съ дикими племенами не прекращались, особенно съ базутосами, къ которымъ вскорѣ присоединились кафры. 13 мая 1837 года произошла особенно кровопролитная стычка. Вождь кафровъ, настоящій, величавый богатырь, производилъ въ нашихъ рядахъ такія опустошенія, что противъ него вышелъ самъ дядя Даніилъ. Мнѣ было тогда всего тринадцать лѣтъ, но я помню всѣ подробности этого поединка. Кафръ отличался странно бѣлой кожей и глазами европейца, и выдавали его только его костюмъ дикаря, да короткіе, курчавые волосы. Дядя Даніилъ питалъ большія симпатіи къ туземцамъ и явно щадилъ своего противника. Всѣ сражающіеся остановились, не сводя глазъ съ борцовъ. Наконецъ, дядя Даніилъ, чисто львиная сила котораго наводила страхъ на всѣхъ враговъ, одолѣлъ кафра и подмялъ его подъ себя. Но вмѣсто того, чтобы убить, дядя сказалъ ему: „Во имя твоей отваги и красоты, вождь, а также для того, чтобы знали, что и буры бываютъ милосердны, я дарую тебѣ жизнь".—„Я не хочу быть

твоимъ рабомъ,—возразилъ кафръ,—убей меня". Но дядя отвѣчалъ, что даруетъ ему и свободу. Кафръ поднялся и вскричалъ: „Отнынѣ мы—братья!.." Черезъ нѣсколько дней миръ былъ заключенъ, вся наша семья вернулась домой на ферму, и въ одно прекрасное утро противникъ дяди явился къ нему въ гости съ горстью соплеменниковъ. Дядя принялъ его съ радостью и узналъ, что онъ родился отъ кафрской женщины и англичанина. Его сопровождала сестра, такая же метиска, дѣвушка ослѣпительной красоты. Братъ и сестра прогостили у дяди Даніила довольно долго, и дядя, давно уже вдовѣвшій, страстно полюбилъ красавицу-метиску, привязавшуюся къ нему всей душой. У нихъ родилась прелестная дочь. Хотя подобные союзы и были запрещены церковью, тѣмъ не менѣе они не были въ то время рѣдкостью, и на это не обратили бы никакого вниманія, еслибы дядя согласился обращаться съ матерью и съ дочерью какъ со своими рабынями. Но какъ его ни преслѣдовали, онъ настоялъ на своемъ и воспитывалъ свою дочь Мату одинаково съ остальными своими дѣтьми. Насъ выростили въ презрѣніи къ этимъ незаконнорожденнымъ, и быть можетъ это-то повлекло новую бѣду. Мой братъ Матіасъ безумно влюбился въ свою кузину Мату, и долгіе годы любовь эта оставалась тайной. Я былъ его повѣреннымъ и свидѣтелемъ его беззавѣтной страсти. Какъ онъ ни скрывался, онъ возбудилъ-таки подозрѣнія, потому что отказывался отъ самыхъ выгодныхъ партій,—а вѣдь буры не остаются холостяками,—это противно нашей патріархальной жизни. За братомъ стали слѣдить, правда обнаружилась, и отецъ съ матерью пригрозили ему своимъ проклятіемъ; но всегда тихій и покорный Матіасъ твердо заявилъ, что Мата будетъ его женою. Вы только-что видѣли Эсѳирь Гаагъ! Такъ вотъ Мата, ея мать, была въ восемнадцать лѣтъ точно такою же красавицей, но волосы у нея были курчавые, а глаза черные. Дядя вступился за Матіаса. Фанатикъ-пасторъ предалъ проклятію дядю и племянника, и ихъ изгнали. Даже законныя дѣти дяди ушли отъ него къ моему отцу. Дѣло дошло до поджога фермы дяди и до покушенія на жизнь кузины. Но ни дядя, ни Матіасъ, не поддались, и, собравъ свои богатства, откочевали къ границѣ Грикуалэнда, передъ чѣмъ братъ тайно свидѣлся со мною и взялъ клятву вступиться, въ случаѣ смерти его и дяди Даніила, за Мату и ея будущихъ дѣтей. Когда они уѣзжали, ихъ преслѣдовали градомъ оскорбленій; но когда нѣкоторые изъ нашихъ взялись за ружья, я вступился—и меня послушались, изъ уваженія къ моей силѣ и многочисленности моихъ сыновей. Матіасъ

съѣздилъ съ Матой въ Европу, обвѣнчался съ нею въ Англіи, а вернувшись, сталъ вскорѣ однимъ изъ богатѣйшихъ фермеровъ Оранжевой республики. У него родилось всего двое дѣтей, Павелъ и Эсѳирь Гаагъ, которыхъ вы сейчасъ видѣли. Злясь на то, что метиска носитъ его имя, мой отецъ сталъ называться фамиліей своей матери, Верхоордъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти дяди Даніила, умеръ и мой братъ, весьма загадочной смертью; Павелъ утверждаетъ, что отца отравили, и все еще разыскиваетъ его убійцу, а другіе увѣряютъ, что онъ погибъ отъ жала ядовитой змѣи. Мата не пережила смерти мужа. Павлу было въ это время шестнадцать, а Эсѳири десять лѣтъ. Мнѣ было доставлено посмертное письмо брата, напоминавшее о моей клятвѣ. Открыто принять сторону сиротъ, по своему семейному положенію, я не могъ,—но рѣшилъ издали слѣдить за ихъ судьбой. Я вошелъ въ соглашеніе съ моими племянниками; было рѣшено, что они не будутъ ссылаться открыто на родственныя права, чтобы не ссорить меня съ семьей, а я сталъ ихъ защитникомъ... Я люблю этихъ несчастныхъ дѣтей, а мои домочадцы объ этомъ догадываются и выслѣживаютъ меня, такъ что я помогаю имъ украдкой. Ихъ учили европейскіе учителя, состояніе ихъ обезпечено, но ничто не можетъ ихъ утѣшить, и всеобщее презрѣніе удручаетъ ихъ. Они окружили себя слугами изъ гриквасовъ, кафровъ, готтентотовъ и бушменовъ, но не могутъ слиться съ ними, чувствуя себя бурами по крови и духу и любя этихъ бѣлыхъ, пренебрегающихъ ими братьевъ...

Езекіиль умолкъ, а когда его спросили, какимъ образомъ ни одинъ изъ его сыновей не подумалъ жениться на этой прелестной Эсѳири, онъ отвѣчалъ, что, несмотря на всю свою любовь къ племянникамъ, онъ не можетъ пожелать сыновьямъ участи своего брата Матіаса. Къ тому же, мать и пасторъ внушили имъ ненависть къ самому поступку дяди Даніила и Матіаса...

— А я знаю человѣка, который отдалъ бы свою жизнь за вашу племянницу!—вскричалъ стремительно Ванъ-Рейтъ.

Езекіиль радостно встрепенулся, но замѣтилъ съ грустью, что подобныя мысли отравятъ Ванъ-Рейту жизнь въ здѣшнихъ краяхъ. Тотъ отвѣчалъ, что ему все равно, и что онъ полюбилъ Эсѳирь навсегда. Езекіиль пожалъ ему съ чувствомъ руку. Это было бы большимъ счастіемъ для Эсѳири и для ея брата, которому нечего дѣлать тутъ, и который нашелъ бы въ Европѣ лучшее примѣненіе своего недюжиннаго ума и образованія...

Теперь наступила очередь Марсіаля. Внимательно выслушавъ его краткое изложеніе своей исторіи и плановъ, Езекіиль при-

задумался. Да, онъ помнитъ, какъ въ эпоху его дѣтства ходили разсказы о находкѣ какихъ-то ящиковъ съ золотыми монетами въ верхней области Оранжевой республики, а также легенду о томъ, что его предки, подобно израильтянамъ при Моисеѣ, впали въ идолопоклонство и поклонялись золотому тельцу, въ натуральную величину. И будто бы цѣлый кладъ зарытъ гдѣ-то у подножія высокой горы въ долинѣ Снѣговыхъ горъ...

Возгласъ радостнаго удивленія вырвался у Марсіаля: легенда вполнѣ совпадала съ содержаніемъ завѣтнаго документа, и мѣсто, гдѣ находился золотой телецъ, было почти извѣстно. Но въ виду того, что это уже англійская территорія, и что за Марсіалемъ слѣдитъ этотъ Скайль,—очевидно способный на все,—Езекіиль посовѣтовалъ ему, не теряя времени, напасть сегодня же вечеромъ врасплохъ на англичанина и захватить его въ плѣнъ, чтобы онъ не могъ ему мѣшать. Но Марсіалю претила всякая мысль о насиліи. Онъ предпочиталъ попытаться перехитрить Скайля...

Вдругъ за чертою лагеря послышался сильный топотъ, а внутри тревожно заржали лошади. Езекіиль вскочилъ, схватилъ ружье и выбѣжалъ за черту повозокъ; молодые люди послѣдовали за нимъ. Всмотрѣвшись въ темноту, онъ выстрѣлилъ, и раздавшійся крикъ боли доказалъ, что, по своему обыкновенію, онъ не потратилъ даромъ заряда. По его приказанію, всѣ бросились на-земь, и надъ ними пронесся градъ пуль. Сбѣжавшіеся на шумъ и припавшіе теперь къ землѣ, буры стрѣляли лежа,—нападающіе бѣжали. Буры поднялись и стали потихоньку возвращаться въ лагерь, какъ вдругъ изъ темноты выскочила какая-то толпа и промчалась мимо нихъ. За первой послѣдовала сейчасъ же вторая, изъ которой доносились крики, ругательства и угрозы на голландскомъ языкѣ.

— Чтò за дьявольщина! — вскричалъ громовымъ голосомъ Езекіиль.—Эй, вы, куда вы несетесь?

Ему закричали, что какая-то шайка грикуасовъ сейчасъ похитила молодую голландку, и что они преслѣдуютъ похитителей.

— Терезу!—вскричали Ванъ-Рейтъ и Марсіаль, и потребовали лошадей, чтобы тоже пуститься въ погоню. Но Езекіиль посовѣтовалъ имъ предоставить это дѣло его молодцамъ, которые съумѣютъ настичь англичанина и его шайку, тогда какъ они, европейцы, только заплутаются въ незнакомой имъ степи. И они вернулись всѣ въ лагерь, гдѣ нашли на ногахъ женщинъ, негодовавшихъ на подобное преступленіе противъ мѣстныхъ нравовъ. Случалось, что молодыя дѣвушки бѣжали сами со своими избранниками, но наглость Скайля оскорбляла всѣ понятія о любви.

Негодованіе женщинъ возросло, когда онѣ узнали, что Тереза всегда относилась враждебно къ Скайлю, и что, какъ намекнула имъ тетушка Ноэми, Марсіаль и Тереза мечтали, повидимому, соединиться брачными узами. Отъ нея же узнали, какъ было дѣло: утомленная, Тереза легла, полуодѣтая, въ повозкѣ Ноэми. Вѣроятно, проснувшись при первой тревогѣ, она поспѣшно одѣлась, схватила небольшое ружье и бросилась въ сторону выстрѣловъ, но, видя лишь незнакомыя лица, повернула обратно къ повозкѣ. Въ эту минуту ее окружила кучка людей, въ которыхъ она, по своей неопытности, не могла признать грикуасовъ. Ее схватили, она крикнула, но когда Ноэми прибѣжала и стала звать на помощь,—было уже поздно! Терезу связали, бросили на лошадь, и похитители ея ускакали. За ними сейчасъ же бросились въ погоню десять молодцовъ на неосѣдланныхъ лошадяхъ. Въ ту минуту, какъ грикуасы пустились въ галопъ, Ноэми слышала какой-то голосъ, крикнувшій: „All right!" и что-то еще, чего она не разобрала.

Езекіиль успокоилъ молодыхъ людей: какъ ни смѣлъ и ни ловокъ этотъ Скайль, онъ не уйдетъ отъ его молодцовъ; тѣ не отстанутъ отъ него, пока ихъ не смѣнятъ другіе, и, конечно, съумѣютъ прислать гонцовъ, чтобы увѣдомить, гдѣ они. Если Скайлю и удастся добраться первымъ до Якобсдаля, то его скоро настигнутъ молодые буры, ибо они и привычнѣе, да и всегда подкрѣпятъ свои силы на дружественныхъ бурскихъ фермахъ, куда Скайль и показаться не посмѣетъ, ибо буры не преминутъ допросить Терезу и взять ее подъ свое покровительство. Опасность только та, что онъ доберется до Бечуаналэнда, гдѣ много авантюристовъ, грикуасовъ, которые охотно ему помогутъ. Вотъ съ этой стороны слѣдуетъ принять мѣры... Езекіиль призадумался, и затѣмъ вызвалъ сына, Флора, молодого человѣка атлетическаго сложенія. Дѣло идетъ о спасеніи ихъ чести, и онъ требуетъ отъ сына полнаго повиновенія... Пусть онъ осѣдлаетъ лучшую лошадь, а по пути почаще ее мѣняетъ, чтобы ѣхать все время въ галопъ. На первой же фермѣ дядюшки Жозефа онъ долженъ сообщить о случившемся и просить разослать гонцовъ по всѣмъ сосѣднимъ фермамъ, что̀ закроетъ Скайлю доступъ повсюду. То же онъ сдѣлаетъ и на второй фермѣ, и такъ дальше, пока не доберется до фермы Павла Гаага... И, не обращая вниманія на ропотъ молодыхъ буровъ и просьбы Флора избавить его отъ этого, Езекіиль властно настоялъ на своемъ. Только Гаагъ можетъ дать ему тѣхъ бушменовъ, которые ему теперь нужны. Нечего тутъ разсуждать: онъ, Езекіиль, безупре-

ченъ; дядя Даніилъ былъ герой, а Матіасъ—лучшій изъ людей; судить ихъ можетъ одинъ Господь Богъ; а если онъ, въ угоду семьѣ, отрекся отъ Гаага и Эсеири, онъ далекъ отъ ненависти къ нимъ, и сыновья его не должны ихъ ненавидѣть. И зачѣмъ только ни одинъ изъ его дѣтей не унаслѣдовалъ отцовской терпимости, и ни одинъ изъ нихъ не способенъ исполнить свой долгъ! Да будетъ имъ судьею самъ Всевышній Судія!—Флоръ покорно склонилъ голову...

Итакъ, онъ передастъ Гаагу поклонъ отъ отца и попроситъ у него одного бушмена, котораго онъ пуститъ по слѣдамъ Скайля, если тотъ вступитъ въ Бечуаналэндъ. Онъ отправится съ этимъ бушменомъ и будетъ присылать гонцовъ къ отцу, въ чемъ ему поможетъ Гаагъ.

Затѣмъ Марсіаль рѣшилъ отправиться на ферму Гаага, тогда какъ Езекіиль водворилъ Жана Шевро̀ и Ванъ-Рейта на фермѣ послѣдняго. Тамъ Жанъ Шевро̀ подготовитъ все нужное для экспедиціи за кладомъ, а Марсіаль дастъ ему всѣ нужныя указанія, чтобы, въ случаѣ еслибы онъ, Марсіаль, погибъ въ борьбѣ противъ Скайля, Жанъ могъ бы добыть сокровища и жениться на Августинѣ. Жанъ протестовалъ, но Марсіаль возражалъ, что это безполезно: онъ не можетъ уступить никому заботу о спасеніи Терезы. Что̀ подумала бы она о немъ, еслибы онъ отступилъ въ силу какихъ бы то ни было соображеній... Онъ предпочитаетъ смерть ея равнодушію! Развѣ Жанъ уступилъ бы кому-нибудь право вырвать Августину изъ рукъ похитителей?.. Въ чемоданахъ Жанъ найдетъ всѣ нужные для экспедиціи приборы и инструменты; людей онъ пусть беретъ съ собою немного и размѣститъ ихъ по разнымъ пунктамъ такъ, чтобы потомъ всегда можно было собрать ихъ въ одно мѣсто.

Между тѣмъ, разсвѣло, и караванъ тронулся дальше. Въ полдень сдѣланъ былъ привалъ, но шелъ проливной дождь, такъ что нельзя было ничего варить, и ограничились холоднымъ завтракомъ. Къ каравану прискакалъ на взмыленномъ конѣ всадникъ и сообщилъ Езекіилю, что Флоръ проѣхалъ первую ферму, слѣдъ Скайля найденъ,—онъ направляется къ Якобсдалю.

Когда они тронулись дальше, Марсіаль отъѣхалъ съ Жаномъ въ сторону, говоря, что имѣетъ сообщить ему тайну. Долго бесѣдовали они, и неразъ неизъяснимое изумленіе отражалось во взорѣ Шевро̀, изумленіе, дошедшее до апогея, когда Марсіаль подалъ ему маленькій желѣзный ящичекъ, герметически закрытый. Нажавъ, по указанію Марсіаля, потайную пружину, Жанъ увидѣлъ, должно быть, крайне миніатюрный, хрупкій предметъ, судя

по той осторожности, съ которой обращался съ нимъ Марсіаль. Доставъ изъ кармана золотую монету, Марсіаль поднесъ ее къ ящику, и Жанъ не могъ не вскрикнуть отъ удивленія. Послѣ нѣскольких минутъ нѣмого созерцанія, Жанъ закрылъ ящичекъ, положилъ его въ карманъ и обнялъ съ восторженнымъ рыданіемъ Марсіаля.

— Какое чудное, великое открытіе, дорогой Марсіаль!

— Мнѣ нечего объяснять тебѣ все его значеніе, Жанъ?

— Еще бы. Это поразительно... Прежде всего, я долженъ точно намѣтить самый пунктъ?

— Именно... Вотъ всѣ нужныя бумаги... Не бойся,—онѣ имѣются у меня въ двойныхъ экземплярахъ. Но чтобы онѣ, всетаки, не попали въ руки непріятеля, ты лучше выучи ихъ наизусть и уничтожь... Не забудь, что тебѣ я довѣряю Августину и мать,—будь ей добрымъ сыномъ.

— Ты знаешь, что я готовъ для нихъ на все, но береги свою жизнь, мой братъ,—вѣдь безъ тебя счастіе ихъ будетъ несовершенно...

IX.

Достигнувъ Якобсдаля, караванъ свернулъ налѣво, и, проѣхавъ километровъ двадцать, повозки остановились на высокомъ холмѣ; внизу разстилалась плодородная долина, гдѣ посреди чудной растительности виднѣлась ферма, а по склонамъ холма паслись безчисленныя стада барановъ и воловъ.

— Норбертъ Ванъ-Рейтъ,—сказалъ Езекіиль, дружески похлопывая голландца по плечу,—вотъ ваше наслѣдство.

Пока молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, одинъ изъ внуковъ Езекіиля, управлявшій фермой со смерти ея владѣльца, показывалъ все Ванъ-Рейту, Езекіиль выслушивалъ второго гонца отъ Флора. Скайль двигался къ границѣ Грикуалэнда, а Флоръ освѣдомлялся о дальнѣйшихъ планахъ отца и европейцевъ. Въ путь рѣшено было тронуться утромъ; пока же молодые люди отправились на сосѣднюю ферму Гаага.

Убранство обширной залы, куда провели европейцевъ, пока служанка отправилась предупредить хозяевъ, поразило ихъ. Все тутъ отличалось благородной простотой; у стѣны стоялъ рояль, на столѣ виднѣлись скрипка и мандолина, и на всемъ лежалъ отпечатокъ заботливой женской руки. Скоро вошла Эсѳирь, у которой, при видѣ гостей, вырвался возгласъ удивленія; Ванъ-Рейтъ поблѣднѣлъ. Эсѳирь знала о похищеніи Терезы, и была полна негодо-

ванія. Она сообщила, что съ тѣхъ поръ какъ у него побывалъ Флоръ, ея братъ очень озабоченъ; все утро онъ отдавалъ разныя приказанія, да разсылалъ слугъ по разнымъ направленіямъ. Молодые люди любовались прекрасной метиской, а Ванъ-Рейтъ былъ въ какомъ-то чаду, и подъ его пламенными взорами Эсѳирь то вспыхивала, то блѣднѣла.

Когда же вошелъ Гаагъ, и всѣ руки протянулись къ нему, онъ растерялся отъ новизны подобнаго сочувствія. Онъ, надменно сносившій презрѣніе буровъ, былъ подобенъ теперь малому ребенку. Отведя въ сторону Марсіаля, онъ сообщилъ ему, что тщательно изслѣдовалъ сегодня окрестности, и думаетъ, что напалъ на настоящій слѣдъ похитителя. Пусть Марсіаль возьметъ ночью конвой въ шесть человѣкъ и присоединится къ нему, но оставивъ конвой немного позади, ибо буры откажутся идти, если узнаютъ о присутствіи его, Гаага. А когда Марсіаль заикнулся о Ванъ-Рейтѣ, Гаагъ съ тревогой попросилъ его не брать съ собою голландца.—„Почему?"—Гаагъ смутился: ему тяжело это говорить, потому что онъ можетъ ошибаться въ своихъ предположеніяхъ... Ему хочется уберечь Ванъ-Рейта отъ всякой опасности, потому что ему кажется, что, въ случаѣ его гибели, сестра его найдетъ въ Ванъ-Рейтѣ надежную опору... Ему тоже думается, что сестра его увлечена этимъ благороднымъ молодымъ человѣкомъ, и что самъ онъ къ ней неравнодушенъ... Подобный бракъ былъ бы для нея неожиданнымъ счастьемъ; онъ съумѣетъ защитить ее отъ всѣхъ... Они жили до сихъ поръ душа въ душу, но бѣдняжка совсѣмъ преобразилась со дня встрѣчи съ Ванъ-Рейтомъ. Встрѣча эта произошла въ минуту полнаго отчаянія, когда они крѣпились, чтобы спасти одинъ другого... А теперь для нея все перемѣнилось, тогда какъ для него жизнь не болѣе какъ обуза, и онъ желаетъ лишь одного—умереть!

— Несчастный другъ!—отвѣчалъ ему Марсіаль.—Съ помощью Божіей, я докажу вамъ, что васъ ждетъ нѣчто лучшее, нежели смерть... А пока я готовъ слѣдовать за вами и уберечь Ванъ-Рейта...

— Заклинаю васъ, скажите мнѣ,—думаетъ ли Ванъ-Рейтъ жениться на сестрѣ?

— Прошлою ночью онъ сказалъ намъ: „Если я останусь живъ,—Эсѳирь Гаагъ будетъ моей женой!"

— Неужели? какое счастье!—вскричалъ бѣдный метисъ. — Вся жизнь моя принадлежитъ вамъ, дорогой другъ... Итакъ, пусть Ванъ-Рейтъ ѣдетъ въ арьергардѣ...

Около часу ночи, Марсіаль присоединился къ Гаагу на опушкѣ

лѣса, какъ было условлено. Гаагъ щелкнулъ какъ-то особенно языкомъ, и изъ лѣса вышелъ человѣчекъ; Марсіаль призналъ въ немъ одного изъ тѣхъ первобытныхъ бушменовъ, чутье и инстинктъ которыхъ служатъ предметомъ удивленія для ученыхъ и философовъ. Совершенно обнаженное тѣло его отличалось мужественными, безупречно-изящными и прекрасными формами. Волосы были курчавые, а курносое лицо не представляло ничего отталкивающаго; только отъ виска къ губѣ шелъ извилистый шрамъ, — эту мѣтку дѣлаетъ на лицѣ юноши-сына всякій отецъ остріемъ стрѣлы. Бушменъ былъ вооруженъ крошечнымъ лукомъ и стрѣлами; по-голландски онъ не говорилъ. Гаагъ пояснилъ, что онъ ему преданъ, такъ какъ знаетъ, что найдетъ у него помощь и защиту, а онъ, Гаагъ, его цѣнитъ. Онъ отыскалъ сегодня слѣды Скайля, и теперь они отправятся по этимъ слѣдамъ за нимъ; и хотя они будутъ верхомъ и поѣдутъ крупной рысью, бушменъ будетъ постоянно бѣжать впереди. И Гаагъ сказалъ внимательно разсматривавшему Марсіаля дикарю, чтобы онъ хорошенько запомнилъ лицо Марсіаля и всегда бы ему повиновался. И, желая подчеркнуть свою симпатію къ Марсіалю, Гаагъ прижалъ его къ своей груди, на что бушменъ отвѣчалъ выразительнымъ щелканьемъ языка.

Бушменъ побѣжалъ; за нимъ ѣхалъ Гаагъ, а позади, немного поодаль, слѣдовалъ Марсіаль. Спустя четверть часа, Гаагъ пріостановился и выстрѣлилъ, чтò было заранѣе условленнымъ сигналомъ для буровъ, чтобы они трогались въ путь. Вдали послышался отвѣтный выстрѣлъ. Послѣ двухъ часовъ пути, бушменъ остановился и сдѣлалъ знакъ; мужчины сошли съ лошадей и, ведя ихъ за поводъ, послѣдовали за дикаремъ къ сплошной стѣнѣ акацій, раздвинувъ вѣтви которыхъ, они увидѣли вдали группу людей вокругъ костра. Но какъ ни всматривались они въ подзорную трубу, Терезы между ними они не нашли. Дальше идти было немыслимо: слухъ у грикуасовъ до того развитъ, что далекая группа уже встревожилась, и одинъ изъ нихъ всталъ и направился въ сторону акацій. Стрѣлять на такомъ разстояніи было бы безполезно. Гаагъ сталъ подкрадываться къ костру для развѣдокъ, а Марсіаль сѣлъ на лошадь и, слѣдуя за бушменомъ, поѣхалъ на встрѣчу бурамъ, которымъ и объяснилъ, что можно попытаться окружить грикуасовъ врасплохъ. Сойдя съ лошадей, они стали подкрадываться къ костру; но какъ ни безшумно шли они, грикуасы вскочили и бросились къ лошадямъ, разметавъ предварительно костеръ, такъ что все погрузилось въ мракъ. Буры вновь вскочили на лошадей, но, послѣ часовой погони,

стало ясно, что имъ не настичь бѣглецовъ, потому что у тѣхъ были болѣе свѣжіе кони. Къ Марсіалю подъѣхалъ Гаагъ и сообщилъ, что группа у костра была именно шайкой Скайля.

Въ эту минуту къ бурамъ подъѣхала другая группа буровъ съ Флоромъ во главѣ; онъ потерялъ слѣдъ Скайля, а Терезы они не видали: очевидно, грикуасы ухитрились провести ихъ, разбившись на отдѣльныя шайки. Но они надѣются на бывшаго съ ними бушмена, который теперь пропалъ, открывъ гдѣ-нибудь вѣрный слѣдъ. Ясно одно—Скайль двигается къ Кимберлею.

И Флоръ продолжалъ свой путь. Гаагъ оставилъ своего бушмена Марсіалю, съ которымъ распростился и вернулся домой, тогда какъ Марсіаль съ Ванъ-Рёйтомъ и арьергардомъ тронулся къ Кимберлею. Ночная опасность миновала, ибо наступилъ разсвѣтъ.

Тѣмъ временемъ Жанъ Шеврò тщательно подготовлялъ свою экспедицію. Изучивъ по картѣ мѣстность, онъ намѣтилъ свой маршрутъ, и, наученный опытомъ послѣднихъ дней, рѣшилъ разбить свои силы, выслать часть своихъ спутниковъ впередъ, другихъ просить выѣхать послѣ него, а самому пуститься въ путь наединѣ, съ жестянкой ботаника черезъ плечо. Езекіиль долженъ былъ выслать за нимъ другихъ буровъ, причемъ каждая группа выѣдетъ подъ разными предлогами: одни ѣдутъ въ гости на отдаленныя фермы; другіе посланы сгонять стада, третьи—охотятся у Оранжевой рѣки; четвертые желаютъ навѣстить родственниковъ въ Капштадтской колоніи. Езекіиль не скрывалъ отъ Шеврò, что сомнѣвается въ успѣхѣ его предпріятія: вотъ ужъ два вѣка, какъ никто не нашелъ этого клада. Снѣговыя горы изборождены вдоль и поперекъ, тамъ имѣется даже желѣзная дорога, и „золотого тельца“ не разъ искали. Конечно, первые искатели не обладали тѣми точными свѣдѣніями, какія имѣются у Шеврò. Но какъ же найдетъ Шеврò тотъ кладъ, котораго не пронюхали даже бушмены, умѣющіе распознавать растительные корни подъ песками? Недовѣрчивость Езекіиля, однако, пошатнулась, когда Шеврò, дѣлая свои приготовленія на его глазахъ, объяснилъ ему примѣненіе нитроглицерина, динамита и электрическихъ аппаратовъ для взрыва неподатливыхъ скалъ. Все это показалось ему весьма цѣлесообразнымъ, и онъ отъ души пожелалъ Шеврò успѣха. Но всего этого было бы мало, еслибы не геній,—да, геній Марсіаля, нашедшаго средство обнаруживать присутствіе металла подъ землей. А то, чтò приведетъ ихъ къ от-

крытію клада, заключается вотъ тутъ, въ этомъ желѣзномъ ящичкѣ. Езекіиль выразилъ пренаивную надежду, что въ этомъ нѣтъ никакого колдовства!..

— Нѣтъ, дядя Езекіиль, здѣсь одна наука. И всего интереснѣе, что открыть этотъ ящичекъ можетъ всякій, но клада не найти тому, кому невѣдомъ принципъ, идея этой вещицы... Да, не спорю, это сильно смахиваетъ на какой-то талисманъ, но дѣло тутъ не въ таинственныхъ заклинаніяхъ, а въ идеѣ, доступной даже уму ребенка... Тѣмъ не менѣе, изобрѣсти это могъ только геній и геній смѣлый.

— Значитъ, мой племянникъ, Марсіаль, великій человѣкъ?— воскликнулъ Езекіиль. — Ну, тѣмъ лучше... Надѣюсь, что онъ объяснитъ мнѣ потомъ этотъ секретъ...

Жанъ предложилъ ему, пока, взглянуть на вещицу, надавилъ пружину, и Езекіиль увидалъ подъ стекломъ нѣчто весьма простое и вмѣстѣ съ тѣмъ престранное. На тонкой оси была прикрѣплена золотая стрѣлка, вращавшаяся вокругъ циферблата, состоявшаго изъ золотой проволоки, свернутой спиралью. Стрѣлка дрожала и трепетала подъ стекломъ, тихонько сіяя,—казалось, она отражала творческую мысль, создавшую ее.

Въ первые два дня послѣ отъѣзда Марсіаля, явилось еще двое гонцовъ съ извѣстіемъ, что Скайль и его шайка миновали Кимберлей и разсѣялись по Грикуалэнду. На третій и на четвертый день гонцовъ не было, но на пятый—къ Жану явился базутосъ съ письмомъ отъ Марсіаля, совѣтовавшаго ему спѣшить, пока Скайль занятъ въ другомъ мѣстѣ. Марсіаль писалъ: „Силы его увеличились новыми грикуасами, и намъ придется дать настоящее сраженіе, чтобы выручить мою возлюбленную Терезу. Но я все еще надѣюсь, что англичанинъ призадумается прежде, чѣмъ создавать „casus belli“ съ Оранжевой республикой... Сопровождающіе меня буры—настоящіе смѣльчаки; они хотятъ отомстить Скайлю за нанесенное имъ оскорбленіе, и ничто ихъ не удержитъ. Но если ростетъ шайка Скайля, то и къ намъ все прибываютъ свѣжія силы отъ дяди Езекіиля и его пограничныхъ друзей... Бушменъ Гаага творитъ чудеса. Не будь его, мы давно потеряли бы слѣды Скайля, который торопится скрыться въ непроходимыхъ дебряхъ, а дожди смываютъ его слѣды. Къ несчастью, мы совсѣмъ не имѣемъ извѣстій о Терезѣ. Первый бушменъ исчезъ одновременно съ нею, и наши предполагаютъ, что онъ слѣдуетъ по пятамъ за ея похитителями. Оставшійся при насъ—отъ времени до времени пропадаетъ, и я полагаю, что онъ попытается установить сношенія со своимъ сородичемъ.

„Спѣши же, дорогой братъ, и будь остороженъ. Вспомни объ Августинѣ“...

На шестой день, приготовленія Жана Шеврѐ были окончены, и онъ уѣхалъ верхомъ, съ жестянкой ботаника черезъ плечо.

X.

Дни проходили за днями. Погоня за Скайлемъ продолжалась. Онъ перешелъ границы Грикуалэнда, двигался къ сѣверу, и къ шайкѣ его присоединялись все новые и новые грикуасы. Исторія эта, сильно занимала мѣстное населеніе, и о ней ходили различныя версіи; партизаны Скайля выставляли Ванъ-Рёйта какимъ-то пиратомъ, желавшимъ выдать насильно сестру за француза, и, ссылаясь на исчезновеніе Терезы, утверждали, что она слѣдуетъ добровольно за Скайлемъ. Тому это было нà-руку, и онъ напрягалъ всѣ усилія къ тому, чтобы ея не нашли. Но всѣ, зато, единогласно утверждали, что дѣло кончится плохо. Не разъ уже случались стычки, при чемъ погибли двое грикуасовъ и одинъ буръ, къ великому отчаянію Марсіаля и Ванъ-Рёйта. Остановить теперь буровъ было уже невозможно,—они пылали местью. Бушменъ Гаага сталъ часто пропадать и проявлялъ явное безпокойство, а къ Марсіалю выказывалъ такую привязанность, что тотъ былъ тронутъ и самъ полюбилъ маленькаго дикаря.

Разъ, утромъ, передъ Ванъ-Рёйтомъ и Марсіалемъ, караулившими входъ одного ущелья, куда они не хотѣли пропускать Скайля, выросли внезапно оба бушмена. Бушменъ Марсіаля знàкомъ пригласилъ его слѣдовать за нимъ; схвативъ ружье и плащъ, Марсіаль поспѣшилъ рысью за легко бѣжавшимъ дикаремъ. Каждые триста метровъ бушменъ останавливался и поспѣшно устроивалъ какое-то логовище, вѣроятно предназначавшееся для второго бушмена. Долго длился, съ небольшими привалами, этотъ путь, и, наконецъ, конь Марсіаля выбился изъ силъ и упалъ. Бушменъ далъ понять Марсіалю, что лучше оставить животное отдыхать, и увлекъ его за собою, заставивъ предварительно захватить прикрѣпленную къ сѣдлу длинную веревку. Очевидное волненіе дикаря заставило Марсіаля заключить, что они близки къ цѣли своей экспедиціи.

Пройдя еще немного, они очутились какъ бы въ циркѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ отвѣсными скалистыми холмами, точно стѣнами. Бушменъ указалъ Марсіалю на серповидное отверстіе на вершинѣ одной изъ этихъ стѣнъ, откуда открывалась пер-

спектива долины, тогда какъ направо и налѣво тянулись безъ конца тѣ же скалистыя стѣны.

Марсіаль смотрѣлъ въ недоумѣніи на это недосягаемое отверстіе. Бушменъ выразительно щелкнулъ языкомъ, знакомъ указывая на веревку, захваченную Марсіалемъ. Тотъ подалъ ее ему; дикарь перебросилъ ее черезъ плечо, и, къ невыразимому изумленію Марсіаля, полѣзъ на отвѣсную стѣну, лишенную всякихъ выступовъ. Рискуя разъ двадцать сломать себѣ шею, но все-же цѣпляясь за скалу, онъ добрался до первой площадки и перебросилъ веревку Марсіалю, который, съ помощью ея, присоединился къ дикарю. Три раза продѣлалъ бушменъ этотъ головокружительный подъемъ, и когда, наконецъ, они очутились на верхушкѣ скалы, Марсіаль схватилъ руку дикаря, энергично потрясъ ее въ своей, и эти двое людей, такъ далеко отстоявшіе другъ отъ друга на лѣстницѣ мірозданія, обмѣнялись жаркимъ, любовнымъ взглядомъ. Оправившись, дикарь проскользнулъ между двухъ скалъ, перепрыгнулъ головокружительную расщелину, на днѣ которой протекалъ узкій ручей, и достигъ противоположной площадки. Тамъ онъ кинулся на земь и поползъ на животѣ къ крайнему выступу скалы, гдѣ росъ кустъ терновника; притаившись за нимъ, дикарь сталъ смотрѣть внизъ. Потомъ онъ вернулся къ Марсіалю, привелъ его сюда съ безконечными предосторожностями и притаился съ нимъ вновь за кустомъ.

Марсіаль увидалъ передъ собой долину, окаймленную скалами и огибавшую скалу, гдѣ они находились; она представляла такимъ образомъ какъ бы одинокую башню. У подножія этой башни расположились трое грикуасовъ, вооруженныхъ ружьями, а подлѣ нихъ, на камнѣ, сидѣла Тереза, съ отчаяніемъ на лицѣ, но все-же гордая.

Охваченный радостью и бѣшенствомъ, Марсіаль любовался этимъ изящнымъ обликомъ прелестной дѣвушки, въ помятой и изорванной одеждѣ, одинокой посреди подобныхъ, конечно, не щадившихъ ее авантюристовъ. Изъ глазъ его вырвались невольныя слезы. Бушменъ разсматривалъ его съ жалостью, но скоро въ глазахъ его зажглась ненависть, и прежде чѣмъ Марсіаль могъ догадаться о его намѣреніи, онъ выхватилъ изъ-за пояса крошечный лукъ, приладилъ къ нему игрушечную стрѣлу, прицѣлился въ одного изъ грикуасовъ и убилъ его наповалъ. А затѣмъ онъ уложилъ на мѣстѣ и двухъ остальныхъ стражей. Тереза, вскочила въ ужасѣ, ища—куда бы ей укрыться отъ этихъ смертоносныхъ стрѣлъ. Но въ ту же минуту Марсіаль и буш-

менъ выпрямились, и ея крикъ ужаса перешелъ въ радостный возгласъ:—Вы, Марсіаль!

— Тереза! -- Но бушменъ сейчасъ же остановилъ ихъ, давая понять, что слышитъ топотъ лошадей. На вопросъ Марсіаля, не было ли у нея другихъ сторожей, Тереза отвѣчала, что всѣ остальные уѣхали часа два тому назадъ, но скоро вернутся.

Скала, на которой находились теперь Марсіаль и бушменъ, обладала со стороны долины двумя доступными выступами. Марсіаль спустился на веревкѣ до перваго выступа, а потомъ и до второго, въ сопровожденіи бушмена, и, усадивъ Терезу въ петлю на веревкѣ, они доставили ее до верхней площадки, гдѣ укрылись подальше, за предѣлы головокружительной расщелины съ ручейкомъ. Марсіаль собирался пуститься сейчасъ же въ обратный путь съ вновь обрѣтеннымъ сокровищемъ,—но бушменъ остановилъ его и прислушался.

Скоро до Марсіаля долетѣлъ смутный говоръ, топотъ многочисленныхъ копытъ, и онъ понялъ, что покидать теперь свое убѣжище было бы опасно. Въ долинѣ показалось человѣкъ двѣсти грикуасовъ и съ ними трое европейцевъ; очевидно, долина эта служила сборнымъ пунктомъ Скайлю, не перестававшему вербовать себѣ сообщниковъ. Обладая превосходными силами, онъ разсчитывалъ одолѣть друзей Марсіаля и добраться безпрепятственно къ кладу, слѣдя, съ помощью сыщиковъ, за каждымъ шагомъ Марсіаля и Шеврѐ.

Скайль принялся разставлять многочисленныхъ часовыхъ у всѣхъ выходовъ долины, и Марсіаль понялъ, что теперь имъ отсюда не уйти. Конечно, ихъ присутствія на скалѣ могутъ не открыть, а если и откроютъ, то едва-ли доберутся до нихъ, ибо ловкостью бушменовъ грикуасы не обладаютъ, а наврядъ ли Скайль подумалъ запастись веревками. Оставалось ждать буровъ, и Марсіаль думалъ съ благодарностью о подготовленныхъ бушменомъ путеводныхъ указаніяхъ. Прибытія ихъ можно было ожидать часамъ къ десяти слѣдующаго утра.

Вдругъ въ долинѣ послышались яростные вопли столпившихся вокругъ убитыхъ стражей грикуасовъ. Сквозь ревѣвшую толпу пробрался европеецъ, а когда онъ подошелъ къ убитымъ и поднялъ голову,—Марсіаль узналъ Скайля.

XI.

Набѣсновавшись, грикуасы принялись производить дознаніе. Стрѣлъ бушмена въ тѣлахъ убитыхъ они не нашли, потому что дикарь предусмотрительно ихъ выдернулъ; но, осмотрѣвъ раны, они поняли, что имѣютъ дѣло со страшнымъ бушменскимъ ядомъ. Нашли они и слѣды шаговъ Марсіаля и Терезы, съ удивленіемъ убѣждаясь, что ведутъ эти слѣды къ скалистой стѣнѣ. Не понимая, какъ убійцы сторожей забрались на эту скалу, они, на всякій случай, выстрѣлили туда. Но пули ихъ не долетѣли до Марсіаля и Терезы. Марсіаль пояснилъ ей, что они могутъ только выжидать прибытія буровъ, а если на нихъ и нападутъ, то съ этой высоты защищаться будетъ не трудно, тѣмъ болѣе, что съ нимъ имѣется превосходное ружье и полтораста патроновъ.

— Я довѣряюсь вамъ, дорогой кузенъ,—сказала она, глядя на него съ выраженіемъ гордости и нѣжности.—Съ вами я чувствую себя въ большей безопасности, чѣмъ съ цѣлой арміей, потому что я сочту за честь умереть вмѣстѣ съ вами.

— Вы конфузите меня, дорогая кузина... Я желаю только быть вамъ полезнымъ и возвратить васъ въ цѣлости и сохранности вашему брату.

— Да? Вы такъ охотно возвратите меня брату?!..

Прелестно-лукавый тонъ ея заставилъ Марсіаля затрепетать отъ счастія, и онъ воскликнулъ:

— Значитъ ли это, Тереза, что вы позволяете мнѣ любить васъ?

— Не только позволяю, кузенъ, но буду еще весьма счастлива, потому что...

— Потому что?..

— Потому что то, что̀ я сама чувствую къ вамъ, слишкомъ похоже на то чувство, которое я читаю на вашемъ лицѣ, чтобы я могла принимать его долѣе за простую родственную привязанность.

— Вы любите меня, Тереза!..

И оба замолчали, глядя другъ другу въ глаза.

Но не перестававшій наблюдать за врагомъ бушменъ подбѣжалъ тревожно къ Марсіалю и увлекъ его ползкомъ до края скалы. На ближайшемъ доступномъ склонѣ высился одинокій уступъ, настоящая обсерваторія, гдѣ могъ помѣститься всего одинъ человѣкъ, и куда уже медленно взбирался грикуасъ. Съ

этой высоты разбойнику ничего не стоило ихъ перестрѣлять, и Марсіаль понялъ, что остается лишь предупредить нападеніе. Несмотря на все свое отвращеніе къ кровопролитію, Марсіаль прицѣлился и выстрѣлилъ,- грикуасъ вскрикнулъ и упалъ. Внизу грикуасы заревѣли отъ бѣшенства, но съ другой стороны на уступъ сталъ лѣзть другой, котораго Марсіаль тоже подстрѣлилъ, какъ только онъ добрался до обсерваторіи. Послѣ этого настала тишина.

Бушменъ подвелъ теперь Марсіаля къ расщелинѣ съ ручьемъ, прикрѣпилъ веревку къ двумъ тяжелымъ камнямъ, пояснилъ жестами, что спустится по ней и убѣжитъ по какому-то куда-то далеко ведущему подземному гроту. Марсіаль остолбенѣлъ, но бушменъ уже повисъ на веревкѣ и исчезъ въ расщелинѣ. Слѣдовать туда за нимъ, а тѣмъ болѣе съ женщиной, было немыслимо, и Марсіаль вернулся къ Терезѣ, которой объяснилъ, въ чемъ дѣло, и которую это ни мало не смутило.

Тѣмъ временемъ наступила ночь, и утомленная Тереза спокойно заснула, а Марсіаль прикрылъ ее своимъ плащомъ. Самъ онъ принялся ходить дозоромъ вокругъ скалы; пользуясь темнотой, грикуасы повторили попытку стрѣлять съ уступа, но Марсіаль притаился въ удобной выемкѣ, и ему удалось, стрѣляя по направленію огонька вражескихъ выстрѣловъ, убить добравшагося до обсерваторіи, выпустивъ десять зарядовъ. Остатокъ ночи прошелъ затѣмъ спокойно.

На этой высотѣ стоялъ рѣзкій холодъ. Марсіаль нарвалъ почти сухихъ листьевъ съ росшихъ въ разсѣлинахъ кустовъ и насыпалъ ихъ на Терезу, а сверху прикрылъ еще ее своей курткой. Зато самъ онъ совсѣмъ продрогъ и шагалъ теперь не останавливаясь.

Но вотъ занялась заря. Прекрасно выспавшись на своемъ гранитномъ ложѣ, Тереза проснулась и совсѣмъ сконфузилась, когда увидала, что̀ сдѣлалъ для нея Марсіаль. Она взяла его за руку и улыбнулась ему улыбкой беззавѣтно любящей и всецѣло отдающей себя женщины. Онъ привлекъ ее къ себѣ, и въ ту минуту, какъ первый лучъ свѣта озарилъ долину, они обмѣнялись первымъ, какъ бы обручальнымъ поцѣлуемъ.

Въ ту же самую минуту послышался выстрѣлъ, и сквозь плащъ Марсіаля, надѣтый на Терезѣ, пролетѣла пуля. Стрѣляли съ болѣе широкаго уступа по другую сторону обсерваторіи, и отнынѣ площадка переставала быть безопасной. А внизу, къ подножію башни, подходилъ десятокъ грикуасовъ, несшихъ длинный древесный стволъ, вѣтви котораго были обрублены такъ, что

оно могло замѣнить лѣстницу. Марсіалю вспомнилась расщелина, гдѣ висѣла еще веревка,—онъ увлекъ туда Терезу, сдѣлалъ на веревкѣ петлю, усадилъ въ нее Терезу и спустилъ, прося не двигаться отсюда, куда ни одна пуля не долетитъ. На той же веревкѣ онъ приготовилъ другую петлю, въ которую всегда могъ бы просунуть ногу, чтобы тоже повиснуть въ расщелинѣ.

Самъ же онъ поползъ къ краю скалы, чтобы убѣдиться, насколько опасенъ шестъ грикуасовъ; оказалось, что онъ достигалъ только до перваго выступа, отъ котораго его было не трудно передать до второго, а затѣмъ и до площадки. Одинъ такой шестъ не опасенъ, и стоитъ завладѣть этимъ шестомъ,—приготовленіе котораго отняло у грикуасовъ цѣлую ночь,—будетъ выиграно время: когда-то еще они изготовятъ второй!—Но пока они возились съ установкой этого шеста, Марсіаль рѣшилъ обратить вниманіе на засаду на выступѣ, гдѣ виднѣлся дымокъ отъ выстрѣла. Онъ выстрѣлилъ на этотъ дымокъ, понялъ по крику, что ранилъ противника, но отвѣтный выстрѣлъ оцарапалъ ему слегка плечо. Зато вторымъ выстрѣломъ Марсіаль убилъ врага, и выступъ былъ обезвреженъ.

Въ эту минуту надъ площадкой показался кончикъ шеста, и, подкравшись ползкомъ къ краю, Марсіаль увидалъ, что по шесту взбирается одинъ грикуасъ, тогда какъ на второмъ выступѣ другой грикуасъ держитъ этотъ шестъ. Выстрѣломъ изъ револьвера онъ сбилъ лѣзшаго грикуаса, вторымъ выстрѣломъ раздробилъ руку державшему шестъ; тотъ его выпустилъ, и въ одно мгновеніе Марсіаль притянулъ шестъ къ себѣ. Оставшіеся у подножія скалы грикуасы въ ужасѣ разбѣжались.

Черезъ нѣсколько минутъ къ скалѣ былъ высланъ парламентёръ съ бѣлымъ флагомъ: мистеръ Скайль желаетъ поговорить съ осажденнымъ, но проситъ его сложить оружіе. Марсіаль отвѣчалъ, что мистеръ Скайль можетъ положиться на его слово,—онъ стрѣлять не станетъ,—онъ не бандитъ и не похититель молодыхъ дѣвушекъ.

Но когда парламентёра смѣнилъ Скайль, Марсіаль увидалъ съ изумленіемъ въ его рукахъ дорожный чемоданчикъ Жана Шевро. Скайль призналъ Марсіаля побѣдителемъ,—но вѣдь ему отсюда не уйти, а уморить голодомъ такого смѣльчака онъ не хочетъ. Ему самому надоѣла война, и онъ предлагаетъ ему миръ. Но Марсіаль вскричалъ, что не вступитъ въ переговоры съ негодяемъ, убившимъ Жана Шевро, чтобы ограбить его, что доказываетъ этотъ чемоданъ.—Нѣтъ, Шевро не убитъ и не раненъ, а просто одинъ изъ сыщиковъ Скайля укралъ у него чемоданъ.

Сыщикъ — дуракъ, въ чемоданѣ никакихъ бумагъ нѣтъ, а самъ Шевро̀ теперь скрылся отъ наблюденій сыщиковъ... Эти олухи съумѣли только захватить этотъ чемоданъ съ какими-то безполезными инструментами, да золоченымъ компасомъ.

Марсіаль похолодѣлъ. Его драгоцѣннѣйшій секретъ, ящичекъ съ золотой стрѣлкой—въ рукахъ Скайля! Но съ притворной ироніей онъ согласился, что добыча не важная...—Конечно, потому онъ, Скайль, и предлагаетъ ему сдѣлку: онъ цѣнитъ кладъ д'Авинкура въ два милліона франковъ; пусть же Марсіаль уступитъ ему половину этой суммы, и онъ выпуститъ его отсюда, а миссъ Ванъ-Рейтъ передастъ лично брату, если только она не согласится стать его женой... Марсіаль подбѣжалъ къ Терезѣ и сказалъ:

— Мистеръ Скайль согласенъ возвратить мнѣ свободу за милліонъ франковъ, а вамъ предлагаетъ свою руку. Еслибы я былъ одинъ, я отказался бы отъ перваго предложенія, но дѣло идетъ о вашей жизни... Рѣшайте же сами!

— Вамъ я отдала свою жизнь,—громко отвѣчала Тереза,— и не отступлюсь отъ своего слова.

— Слышите, мистеръ Скайль?—крикнулъ Марсіаль.

Скайль пришелъ въ бѣшенство.—Если такъ, онъ беретъ свои слова назадъ и будетъ ждать, пока голодъ отдастъ ихъ ему въ руки. Но въ эту минуту раненный на второй площадкѣ грикуасъ, видя, что Скайль собирается удалиться, протянулъ къ нему съ мольбой руки, и Скайль попросилъ Марсіаля даровать ему жизнь бѣдняги. Марсіаль чуть, было, не согласился, но у него мелькнула новая мысль, и, наводя револьверъ на обезумѣвшаго отъ страха грикуаса, онъ объявилъ, что пощадитъ его, только если Скайль возвратитъ ему чемоданъ Шевро̀. Грикуасъ завопилъ, а Марсіаль объявилъ по-голландски его сородичамъ:

— Я дарую жизнь вашему брату съ условіемъ, что вашъ начальникъ вернетъ мнѣ чемоданъ, украденный имъ у моего друга.

Скайлю оставалось только согласиться. Но онъ проворчалъ, что всѣ ученые—на одинъ ладъ: готовы промѣнять человѣческую жизнь на какіе-то дрянные аппараты. Обмѣнъ совершился, и наступило перемиріе.

Прошло нѣсколько часовъ. Погода стояла теплая, солнечная. Проголодавшіеся осажденные начали уже отчаяваться, когда, наконецъ, въ долинѣ показалось человѣкъ двадцать буровъ, и грикуасы ринулись на нихъ. Въ пылу самой схватки, показался Павелъ Гаагъ въ сопровожденіи своихъ двухъ бушменовъ. Гордо

и смѣло подвигался онъ подъ градомъ пуль и заговорилъ своимъ звучнымъ голосомъ:

— Выслушайте меня, братья грикуасы и базутосы!

— Герой... Гаагъ!.. Сынъ Матіаса!—пронеслось по рядамъ грикуасовъ, и затѣмъ воцарилось глубокое молчаніе.

— Грикуасы и базутосы,—говорилъ Гаагъ,—въ моихъ жилахъ течетъ ваша кровь, и вы знаете, что я всегда и во всемъ вамъ помогалъ. Я не только не стыдился братства съ вами, но считалъ его для себя честью. Надменности и дерзости буровъ я противопоставляю гордость человѣка, признающаго только одного властелина, —Господа Бога... Я твердо вѣрю, братья мои по крови, что всѣ люди равны, если не всѣ одинаково способны къ усовершенствованію... Вотъ этихъ двухъ бушменовъ я уважаю, какъ истыхъ героевъ... Значитъ, вы не можете не повѣрить мнѣ, когда я скажу, что вы ведете жестокую, несправедливую войну, и что вы должны сложить оружіе... Вы нападаете не на буровъ, а на добрѣйшихъ и справедливѣйшихъ европейцевъ... Вашъ предводитель, англичанинъ Скайль, похитилъ сестру одного изъ нихъ, благороднаго голландца Норберта Ванъ-Рейтъ, для котораго разницы между людьми не существуетъ, и сердце котораго одинаково открыто для всѣхъ созданій Всемогущаго Бога... Женихъ подвергшейся опасности молодой дѣвушки, французъ, одинъ изъ сыновъ той великой націи, слава которой дошла до насъ, самаго великодушнаго и яркаго свѣточа цивилизаціи... Неужели вы не откажетесь отъ своего неправаго дѣла!.. Нѣтъ, братья, опомнитесь... Васъ обманули!

Когда онъ кончилъ, одинъ изъ грикуасовъ выступилъ впередъ и сказалъ:

— Мы слишкомъ любимъ тебя и довѣряемъ тебѣ, Гаагъ, чтобы не повѣрить твоимъ словамъ. Но мы не выдадимъ англичанина его врагамъ и просимъ полной амнистіи для всѣхъ насъ...

— Но пусть онъ вернетъ мнѣ прежде всего сестру и скажетъ, чтò сталось съ Марсіалемъ де-Телэнъ! — крикнулъ повелительно Ванъ-Рейтъ.

Но Марсіаль и Тереза показались уже на краю скалы, и буры привѣтствовали ихъ радостными кликами: „Да здравствуетъ французъ и его невѣста!“

Миръ былъ заключенъ. Но когда всѣ вернулись въ Оранжевую республику, Марсіаль, озабоченный судьбою Шеврò, отправился искать его въ сопровожденіи Ванъ-Рейта, Гаага и его бушменовъ.

XII.

Разставшись съ Езекіилемъ, Жанъ Шевро̀ отправился въ Гонтоунъ, гдѣ уже его ждали буры и багажъ. Переночевавъ здѣсь, онъ уѣхалъ съ утреннимъ поѣздомъ въ Ганноверъ, прибылъ туда вечеромъ и пошелъ пѣшкомъ на ферму одного родственника Езекіиля. При Жанѣ было оружіе, мѣшокъ съ разными вещами и припасами на спинѣ и небольшой чемоданъ въ рукахъ; въ чемоданѣ находились драгоцѣнный ящичекъ, секстантъ и прочіе необходимые аппараты. Но по дорогѣ онъ подвергся нападенію двухъ англичанъ, сыщиковъ Скайля, которые отняли у него только чемоданъ и бросились бѣжать, завидя спѣшившихъ на выстрѣлъ Жана буровъ съ той фермы, куда онъ шелъ. Удрученный потерею золотой стрѣлки, Жанъ не спалъ всю ночь, но на утро тронулся дальше и безпрепятственно добрался верхомъ до высотъ Снѣговыхъ горъ, слѣдуя по заранѣе отмѣченному направленію. По мѣрѣ того какъ онъ поднимался, мѣстность становилась пустыннѣе; ночь онъ провелъ въ пещерѣ. Подъемъ теперь сталъ до того крутымъ, что ему пришлось бросить лошадь и продолжать путь пѣшкомъ. Весь день карабкался онъ на кручу, а вечеромъ заснулъ подъ большимъ камнемъ; съ опасностью жизни продолжалъ онъ подъемъ и на другой день, питаясь лишь остатками сухарей и шоколадомъ. Къ вечеру онъ добрался къ противоположному склону, свалился какъ снопъ и заснулъ. На утро онъ проснулся въ нагорной долинѣ, окруженной снѣговыми вершинами и совершенно пустынной. Несмотря на всю точность указаній Ришара д'Авинкура, Жанъ сомнѣвался, чтобы кладъ былъ зарытъ въ этой долинѣ. А между тѣмъ только она соотвѣтствовала необходимой тайнѣ... И онъ пошелъ вверхъ по протекавшему тутъ ручью и дошелъ, черезъ часъ, до такого мѣста, гдѣ одинъ изъ склоновъ нагорной долины внезапно обрывался, образуя полукруглую расщелину. И вотъ передъ нимъ выросла высокая, округленная гора, сверкавшая въ солнечныхъ лучахъ яркой, снѣжной пеленой...

— Лиліенбергъ!—вскричалъ ослѣпленный Жанъ, у котораго отъ волненія подкосились ноги. Онъ присѣлъ на землю, припоминая всѣ указанія документа, открытаго Марсіалемъ въ библіотекѣ.—Да, все вѣрно, все совпадаетъ,—недостаетъ только драгоцѣнной золотой стрѣлки!..

Жанъ вернулся въ нагорную долину, подбирая по пути разные камешки на берегу ручья. Вдругъ одинъ изъ нихъ привлекъ

его вниманіе: въ немъ имѣлись двѣ дырочки, продѣланныя симметрично другъ противъ друга. Самъ камешекъ былъ не изъ гнейса, какъ остальные, а изъ очень жесткаго мрамора, совершенно не встрѣчавшагося въ геологическомъ составѣ здѣшнихъ горъ. Дырочки казались неглубокими, но когда Жанъ вставилъ въ одну изъ нихъ буравчикъ, онъ замѣтилъ, что она глубже, чѣмъ онъ предполагалъ, и закупорена внутри гипсомъ, легко крошившимся подъ буравчикомъ. Жанъ лихорадочно буравилъ и наткнулся вдругъ на твердое, какъ желѣзо, тѣло. Лучъ свѣта озарилъ его умъ,—онъ швырнулъ съ размаха камешекъ о скалу, камешекъ разбился, и въ осколкахъ оказался вполнѣ сохранившійся стальной футлярчикъ. Не безъ труда открывъ его, Жанъ досталъ изъ него кусочекъ пергамента, на которомъ было написано: „Золотой Телецъ. Ришаръ д'Авинкуръ".

Внѣ себя отъ радости, Жанъ отмѣтилъ мѣсто находки, а черезъ нѣсколько шаговъ—нашелъ еще такой же камешекъ съ пергаментомъ...

Но вдругъ онъ услыхалъ за собою какъ бы шаги босыхъ людей. Онъ обернулся—передъ нимъ стоялъ огромный левъ...

Въ одинъ ноябрьскій вечеръ, Августина читала г-жѣ де-Телэнъ слѣдующее письмо, съ маркою Мадеры:

„Дорогая матушка, дорогая сестра!

„На этотъ разъ письмо мое будетъ длиннѣе остальныхъ. Со времени моего послѣдняго письма изъ Ричмонда, съ нами случилось столько приключеній, что для описанія ихъ потребовалась бы цѣлая книга. Начнемъ по порядку.

„Сначала я отправился въ Ганноверъ, гдѣ думалъ найти слѣды Жана, и гдѣ я наткнулся на одного изъ тѣхъ сыщиковъ, что пытались устроить мнѣ западню, когда я ѣхалъ въ Голландію; но мы съумѣли скрыться отъ него и пробрались въ горы съ нашими удивительными бушменами. Не разъ мы останавливались, изнеможенные, спрашивая себя, удалось ли Жану пробраться одному на эти головокружительныя высоты... На утро третьяго дня бушмены напали на слѣды Жана,—онъ ухитрился-таки одинъ достичь этихъ снѣжныхъ вершинъ... Мы боялись, что онъ тамъ и погибъ. Одинъ изъ нашихъ бушменовъ спустился по доступной дорогѣ въ Ричмондъ, чтобы привести оттуда буровъ, ждавшихъ тамъ съ нужными намъ ящиками. Я далъ ему письмо къ нимъ, предписывая сохранять глубочайшую тайну, чтобы не привлекать вниманія шпіоновъ Скайля.

„Наконецъ, мы добрались съ трудомъ до той нагорной долины, о которой говорится въ письмѣ д'Авинкура. Только-что мы туда проникли, какъ нашъ бушменъ бросился бѣжать вдоль протекающаго тамъ ручья, доставая на ходу изъ-за пояса свой лукъ и стрѣлы. Онъ скоро насъ опередилъ, но мы все-же не очень отставали. Какъ описать вамъ наше волненіе, дорогія мои, когда мы услыхали львиное рычаніе и увидали Жана, распростертаго бездыханно посреди дороги!..

Августина вскрикнула и выпустила изъ рукъ письмо. Г-жа де-Телэнъ подобрала его и продолжала вслухъ:

„Храбрый маленькій бушменъ бѣжалъ прямо на льва, который отскочилъ назадъ, но сейчасъ же упалъ, сраженный отравленной стрѣлой, мѣтко вонзившейся ему прямо въ пасть. Мы подняли Жана, на плечѣ котораго оказалась болѣе страшная на видъ, чѣмъ, къ счастію, опасная рана. Онъ скоро самъ разскажетъ вамъ свои приключенія, а я продолжаю.

„Жанъ нашелъ и эту нагорную долину, и Лиліенбергъ, а главное,—два камешка, въ которые нашъ предокъ д'Авинкуръ имѣлъ искусство и терпѣніе ввинтить футляры съ бумажкой, указывающей мѣсто нахожденія золотого тельца.

„Когда подоспѣли буры, мы принялись за поиски клада, которые, конечно, отняли бы у насъ цѣлые мѣсяцы, еслибы я не захватилъ съ собою своей „золотой стрѣлки". Августина, разумѣется, помнитъ, какъ я разсказывалъ прошлой весной нашему незабвенному отцу, что ищу секретъ намагничивать золотыя стрѣлки, которыя притягивали бы золото, какъ стальной магнитъ притягиваетъ желѣзо. Достаточно сказать вамъ, что я разрѣшилъ эту задачу, не въ ея абсолютномъ смыслѣ, такъ какъ мое намагничиваніе скоропреходяще, но вполнѣ удовлетворительно для моей цѣли. Колебанія этой стрѣлки привели меня къ одной неглубокой пропасти, на что потребовалось два дня. Пропасть оказалась доступной, но засоренной обвалами, усѣянной каменными глыбами. Но, съ помощью взрывчатыхъ веществъ, мы добрались до двухъ желѣзныхъ, въ совершенствѣ сохранившихся сундуковъ.

„Всѣ сокровища оказались въ цѣлости; драгоцѣнные предметы отличаются удивительно изящнымъ вкусомъ, а состояніе наше доходитъ до пяти милліоновъ франковъ. Значитъ, твое приданое готово, дорогая сестра, и, право, твой Жанъ достоинъ твоего сердца. Я хочу также дать приданое Эсѳири Гаагъ, на которой женится Норбертъ Ванъ-Рейтъ. Наши друзья буры проявили трогательную радость, но ни за что не захотѣли принять

ничего, кромѣ кое-какихъ бездѣлушекъ для женъ и дочерей, да и то съ великимъ трудомъ. Распредѣливъ сокровища по тюкамъ, мы спустились до Гонтоуна, гдѣ оставили Жана, еще слабаго, а сами поѣхали на ферму Ванъ-Рёйта.

„Теперь приходится разсказать самый тяжелый случай изъ нашего путешествія. На границѣ Оранжевой республики насъ встрѣтила кучка солдатъ и таможенныхъ, и мы остановились, но одинъ изъ буровъ, вглядываясь въ таможенныхъ, замѣтилъ, что это—не настоящіе. Ванъ-Рёйтъ быстро сорвалъ каску съ одного изъ солдатъ, и мы узнали въ немъ Скайля. Видя, что обманъ ихъ разоблаченъ, шайка прицѣлилась въ насъ; буры схватились за оружіе, но я вступился и сказалъ: „Довольно крови, мистеръ Скайль! Вы проиграли. Не упрямьтесь“! Но Ванъ-Рёйтъ уже выступилъ впередъ и громко произнесъ: „Слушайте, друзья мои буры, и вы, незнакомцы, помогающіе этому англичанину! Онъ похитилъ мою сестру и долженъ дать мнѣ удовлетвореніе. Будьте нашими свидѣтелями“. Скайль не посмѣлъ отказаться, промахнулся, стрѣляя въ Ванъ-Рёйта,—а тотъ убилъ его наповалъ.

„Все остальное понятно, дорогія мои. На фермѣ Ванъ-Рёйта мы нашли всѣхъ въ сборѣ, а черезъ нѣсколько дней мы разстались. И всѣ мы плакали, оставляя за собою столько благородныхъ сердецъ. Ванъ-Рёйтъ продастъ, конечно, свою ферму, а Гаагъ обѣщалъ продать свою и присоединиться къ сестрѣ въ Европѣ, гдѣ мы и постараемся его женить на хорошей дѣвушкѣ.

„Вполнѣ возможно, что мы пріѣдемъ почти въ одно время съ этимъ письмомъ, такъ какъ почтовый пароходъ уходитъ не много раньше насъ.

„Обнимаю васъ отъ всего сердца. Вамъ преданный—Марсіаль де-Телэнъ“.

Только-что г-жа де-Телэнъ дочитала это письмо, какъ у воротъ остановилось нѣсколько экипажей. Мать и дочь поблѣднѣли.

А черезъ двѣ минуты онѣ были уже въ объятіяхъ Марсіаля и Жана. Марсіаль представилъ Терезу матери, и г-жа де-Телэнъ обняла прослезившуюся дѣвушку.

— Богъ да благословитъ тебя, моя дочь!

Ю. З—а.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1900.

Болѣзнь Государя Императора.—Предположенія коммиссіи, пересматривавшей узаконенія по судебной части, относительно увольненія, перемѣщенія и назначенія судей. — Предѣлы судейской несмѣняемости. — Проектируемое особое присутствіе консультаціи.—Отношеніе адвокатуры и профессуры къ магистратурѣ.—Еще о присяжныхъ особаго состава.

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ октября мѣсяца, по всей Россіи разнеслась весьма тревожная вѣсть о болѣзни Государя Императора,—тревожная не для одной Россіи. Въ настоящее время, къ счастью, здоровье Августѣйшаго больного не внушаетъ болѣе никакихъ опасеній, и въ послѣднихъ, для насъ, депешахъ, отъ 17-го ноября, мы читали: „Государь Императоръ провелъ вчерашній день и прошедшую ночь очень хорошо; самочувствіе весьма удовлетворительно"; 18-го ноября: „Государь Императоръ вчерашній день и прошедшую ночь провелъ вполнѣ хорошо; самочувствіе очень хорошо".

Заканчивая начатый нами [1]) разборъ проектовъ, составленныхъ коммиссіею по пересмотру законоположеній о судебной части, остановимся, прежде всего, на нѣкоторыхъ незатронутыхъ нами еще вопросахъ судоустройства. Важнѣйшій изъ нихъ касается несмѣняемости судей. Въ томъ отдѣлѣ дѣйствующаго учрежденія судебныхъ установленій, въ которомъ говорится о правахъ и преимуществахъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, существуетъ статья (243-я), по которой судьи не могутъ быть ни увольняемы безъ прошенія, кромѣ

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣнія въ №№ 6, 7 и 10 „Вѣстника Европы" за 1900 г.

случаевъ, указанныхъ въ законѣ, ни переводимы безъ ихъ согласія изъ одной мѣстности въ другую. Эту статью—кругъ дѣйствія которой значительно ограниченъ закономъ 20 мая 1885 года,—коммиссія переноситъ въ другой отдѣлъ учрежденія, озаглавленный: „объ увольненіи и перемѣщеніи должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства", и даетъ ей другую редакцію, въ которой на первый планъ выступаютъ, вмѣсто общаго правила, исключенія изъ него. „Сверхъ случаевъ, указанныхъ въ ст. 292, 293 и 297" [1])—читаемъ мы въ ст. 299 проекта,—„участковые, добавочные и почетные судьи, равно какъ предсѣдатели, товарищи предсѣдателей и члены общихъ судебныхъ мѣстъ, могутъ быть безъ прошенія увольняемы отъ службы и временно устраняемы отъ должностей, а также и переводимы безъ ихъ согласія въ другія мѣстности не иначе, какъ въ случаяхъ и порядкѣ предусмотрѣнныхъ ст. 300—306 сего учрежденія и ст. 1299 устава уголовнаго судопроизводства". Три члена коммиссіи (въ томъ числѣ А. Ѳ. Кони) высказались противъ такого измѣненія редакціи, находя, что слѣдуетъ удержать нынѣ дѣйствующее изложеніе правила о несмѣняемости. Мы идемъ еще дальше и полагаемъ, что нѣтъ основанія для *перемѣщенія* этого правила: оно вполнѣ подходитъ именно къ тому мѣсту, на которое оно поставлено составителями судебныхъ уставовъ. По мнѣнію коммиссіи, правило о несмѣняемости „отнюдь не устанавливаетъ какого-либо особаго, привилегированнаго положенія въ государствѣ для лицъ судейскаго званія относительно примѣненія къ нимъ общаго начала самодержавнаго полновластія"; нѣтъ надобности, поэтому, оставлять его въ отдѣлѣ, касающемся правъ и преимуществъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства. „По самой сущности самодержавнаго правленія въ россійской имперіи",—читаемъ мы нѣсколько выше,—„монархъ всероссійскій ограничивается только собственною волею. Въ законахъ основныхъ изображены тѣ коренныя начала государственнаго управленія, которыя признала за благо установить сама верховная власть; засимъ, всѣ постановленія ограничительнаго характера, содержащіяся въ другихъ частяхъ свода законовъ, имѣютъ въ виду исключительно органы правительства подчиненнаго". Съ этими соображеніями едва ли можно согласиться. Именно въ законахъ основныхъ существуетъ статья (47-ая), въ силу которой „имперія россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ". Въ

---

[1]) Ст. 292 имѣетъ въ виду неявку на службу въ узаконенный срокъ; ст. 293—тяжкую болѣзнь, продолжающуюся цѣлый годъ; ст. 297—переводъ участковыхъ судей изъ одного участка въ другой, того же округа—по опредѣленію общаго собранія окр. суда, а изъ одного округа въ другой, въ извѣстныхъ, закономъ предусмотрѣнныхъ случаяхъ—по распоряженію министра юстиціи.

силу этого правила законъ, изданный и обнародованный въ установленномъ порядкѣ, имѣетъ и долженъ имѣть безусловную, ничѣмъ не ограниченную силу. Онъ можетъ быть во всякое время измѣненъ или отмѣненъ по усмотрѣнію самодержавной власти; но это нисколько не умаляетъ его значенія, пока онъ сохраняетъ свое дѣйствіе, т.-е. остается неизмѣненнымъ и неотмѣненнымъ. Говоря словами писателя (проф. Романовича-Славатинскаго), авторитетъ котораго признавали даже „Московскія Вѣдомости" временъ Каткова [1]), Россія, именно благодаря правилу, выраженному въ вышеприведенной 47-й статьѣ, „примыкаетъ къ тѣмъ правильно организованнымъ европейскимъ государствамъ, въ которыхъ все совершается на основаніи твердаго, незыблемаго закона, а не по волѣ и прихоти правителя, какъ въ деспотіяхъ восточныхъ". Еще въ началѣ XIX-го вѣка императоръ Александръ I-ый, вступая на престолъ, выразилъ намѣреніе управлять народомъ *по законамъ* и по сердцу императрицы Екатерины II-ой. Управленіе по законамъ разумѣлось здѣсь, очевидно, исходящимъ не отъ подчиненныхъ органовъ, а отъ самого носителя верховной власти. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ столь же абсолютномъ смыслѣ понимали силу закона и творцы судебной реформы. Они имѣли въ виду Высочайшее повелѣніе, разрѣшившее имъ руководствоваться тѣми „главными началами, несомнѣнное достоинство коихъ признано наукою и опытомъ европейскихъ государствъ". Къ числу этихъ началъ принадлежитъ принципъ судейской несмѣняемости, которая и была провозглашена важнѣйшимъ *правомъ* судей. Характеръ *права* она сохраняетъ въ такомъ случаѣ, если принять ограничительное толкованіе коммиссіи. Увеличивая, въ 1885 г., число случаевъ увольненія судей, законодательная власть, какъ видно изъ журнала Государственнаго Совѣта, не хотѣла „отвратить отъ трудной, отвѣтственной и сравнительно скудно вознаграждаемой судебной службы многихъ полезныхъ дѣятелей, которые нынѣ *дорожатъ ею главнымъ образомъ въ виду прочности принадлежащаго ей положенія*". Само по себѣ помѣщеніе извѣстнаго правила въ томъ или другомъ отдѣлѣ законодательнаго акта представляется, конечно, безразличнымъ; но въ данномъ случаѣ новый распорядокъ статей вызванъ такими соображеніями, которыя существенно умаляютъ цѣнность одной изъ самыхъ главныхъ гарантій правосудія. Мы стоимъ за оставленіе статьи о несмѣняемости на прежнемъ ея мѣстѣ (и въ прежней ея редакціи), потому что видимъ въ этомъ внѣшній признакъ вѣрности началамъ, положеннымъ въ основаніе судебныхъ уставовъ.

Ограниченія судейской несмѣняемости, созданныя закономъ 20 мая

---

[1]) См. Литерат. Обозрѣніе въ № 6 „Вѣстника Европы" за 1886 г.

1885-го года, переносятся коммиссіею и въ новый проектъ учрежденія судебныхъ установленій. Поводами къ увольненію судьи, кромѣ уголовнаго преступленія, личнаго задержанія за долги и формально объявленной несостоятельности, по прежнему могутъ служить: 1) должностныя упущенія, по своему значенію или многократности свидѣтельствующія о несоотвѣтствіи судьи занимаемому имъ положенію, или о явномъ пренебреженіи его къ своимъ обязанностямъ, и 2) внѣслужебные предосудительные или безнравственные поступки, несовмѣстные съ достоинствомъ судейскаго званія. Поводомъ къ перемѣщенію судьи, вопреки его желанію, въ другую мѣстность (на равную должность) можетъ служить образъ дѣйствій, заставляющій сомнѣваться въ его спокойствіи и безпристрастіи. Нововведенія, проектируемыя коммиссіею, касаются *порядка* увольненія и перемѣщенія судей. Въ настоящее время и то, и другое зависитъ отъ высшаго дисциплинарнаго присутствія Сената, состоящаго изъ первоприсутствующихъ общихъ кассаціонныхъ департаментовъ, всѣхъ членовъ соединеннаго присутствія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ и четырехъ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ, назначаемыхъ ежегодно Высочайшею властью. Безъ соблюденія этой гарантіи, увольненію и перемѣщенію подлежатъ только городскіе судьи и мировые судьи, назначаемые правительствомъ. Проектъ коммиссіи предоставляетъ увольненіе и перемѣщеніе предсѣдателей, товарищей предсѣдателей и членовъ судебныхъ мѣстъ—соединенному присутствію перваго и судебныхъ [1]) департаментовъ Сената, а участковыхъ, добавочныхъ и почетныхъ судей—особому присутствію консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной. Первое образуется, подъ предсѣдательствомъ особаго первоприсутствующаго, изъ двухъ сенаторовъ отъ каждаго департамента, второе—подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи или его товарища, изъ директора второго департамента министерстваа юстиціи, оберъ-прокуроровъ судебныхъ департаментовъ и соединеннаго присутствія перваго и судебныхъ департаментовъ и четырехъ членовъ консультаціи, ежегодно назначаемыхъ для того министромъ юстиціи. Постановленія соединеннаго присутствія Сената повергаются, чрезъ министра юстиціи, на благовоззрѣніе Императорскаго Величества, а постановленія особаго присутствія консультаціи представляются на утвержденіе министра юстиціи. Эти правила вызвали возраженія въ средѣ самой коммиссіи. По мнѣнію пяти членовъ (въ томъ числѣ А. Ѳ. Кони), дѣла объ увольненіи и перемѣщеніи, безъ прошенія, участковыхъ, добавочныхъ и почетныхъ судей должны разрѣшаться не консульта-

---

[1]) Названіе *судебныхъ* коммиссія предполагаетъ присвоить нынѣшнимъ кассаціоннымъ департаментамъ сената.

ціей, а соединеннымъ присутствіемъ перваго и судебныхъ департаментовъ Сената, по мнѣнію одного члена—дисциплинарнымъ присутствіемъ судебной палаты. Три члена (А. Л. Боровиковскій, В. А. Желеховскій и А. Ѳ. Кони) нашли необходимымъ, чтобы при разсмотрѣніи дѣлъ объ увольненіи судей составъ соединеннаго присутствія Сената пополнялся обоими первоприсутствующими и четырьмя сенаторами судебныхъ департаментовъ (по два отъ каждаго). Пять членовъ (въ томъ числѣ А. Ѳ. Кони и Н. С. Таганцевъ) высказались противъ представленія опредѣленій соединеннаго присутствія на благовоззрѣніе Императорскаго Величества. Всѣ эти возраженія кажутся намъ вполнѣ правильными. Самое существенное изъ нихъ касается порядка увольненія участковыхъ, добавочныхъ и почетныхъ судей. Большинство коммиссіи мотивируетъ свое мнѣніе слѣдующимъ образомъ: при значительномъ числѣ участковыхъ и добавочныхъ судей и іерархическомъ ихъ положеніи, къ занятію этихъ должностей будутъ по необходимости призываться лица, только начинающія самостоятельную судебную дѣятельность. Нельзя не опасаться, поэтому, что, при всей заботливости министерства, въ нѣкоторыхъ случаяхъ участковыми или добавочными судьями будутъ назначены лица, не обладающія надлежащими нравственными и служебными качествами. Отсюда необходимость облегчить и ускорить устраненіе такихъ лицъ отъ занимаемыхъ ими судейскихъ должностей—а это можетъ быть достигнуто именно путемъ возложенія соотвѣтствующей функціи на особое присутствіе консультаціи (въ полномъ своемъ составѣ, многочисленномъ и потому случайномъ, консультація оказалась бы менѣе подходящей для этой цѣли). Совершенно иначе освѣщенъ вопросъ въ особомъ мнѣніи А. Ѳ. Кони, указывающаго на то, что обширная уголовная подсудность, обязанности по производству слѣдствій и отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, по охранительному производству и по нотаріальной части, а также широкій кругъ гражданскихъ дѣлъ (даже и о недвижимыхъ имуществахъ), подвѣдомыхъ, по проекту коммиссіи, единоличному суду, ставятъ участковаго судью въ непосредственное соприкосновеніе съ самыми живыми и насущными интересами населенія и могутъ дѣлать исполненіе имъ своихъ обязанностей предметомъ неудовольствія гораздо бо̀льшаго и болѣе обостреннаго, чѣмъ то, которое вызывается членомъ окружного суда, входящимъ въ составъ судебной коллегіи. Устойчивость положенія участковаго судьи должна быть, поэтому, обезпечена отнюдь не меньше, чѣмъ устойчивость положенія члена окружного суда. Такимъ обезпеченіемъ можетъ служить лишь непререкаемый и исторически утвердившійся авторитетъ Сената. Его отнюдь не можетъ замѣнить консультація, являющаяся лишь совѣщательнымъ установленіемъ, и еще менѣе — выдѣленное

изъ нея ad hoc особое присутствіе, въ самостоятельности котораго неизбѣжно возникнутъ сомнѣнія, быть можетъ, неосновательныя, но во всякомъ случаѣ несовмѣстныя съ правильной постановкой судейскаго званія. Перенесеніе обязанностей Сената на министра юстиціи усугубило бы труды, лежащіе на послѣднемъ, настойчивыми домогательствами всѣхъ недовольныхъ участковымъ судьею... Основательность этихъ соображеній не подлежитъ, въ нашихъ глазахъ, никакому спору. Кто присматривался вблизи къ нашей провинціальной жизни, тому знакомы условія, среди которыхъ приходится дѣйствовать единоличному слѣдователю или судьѣ (и тѣмъ болѣе— слѣдователю-судьѣ). Окруженный различными, часто враждующими между собою общественными группами, онъ является объектомъ постояннаго наблюденія, проникающаго въ его частную жизнь, порождающаго массу толковъ и пересудовъ. Почти неизбѣжно настаетъ минута, когда онъ,—иногда рѣшеніемъ или оффиціальнымъ распоряженіемъ, иногда поступкомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ службой,—возбуждаетъ противъ себя неудовольствіе тѣхъ или другихъ вліятельныхъ лицъ или цѣлыхъ кружковъ, прикрывающихъ свои эгоистическіе интересы или свое партійное пристрастіе ссылкою на охрану какого-нибудь общаго принципа. Съ этой минуты наблюденіе обращается въ выискиванье основаній—или предлоговъ—для жалобъ и извѣтовъ, легко находящихъ поддержку и въ столицѣ, въ особенности если къ числу недоброжелателей судьи принадлежатъ представители мѣстной администраціи. Совершенно свободной отъ давленія образующейся такимъ образомъ атмосферы можетъ остаться только *коллегія*, столь независимая и высоко поставленная, какъ Сенатъ. При системѣ, проводимой большинствомъ коммиссіи, судьба участковаго судьи зависѣла бы, въ концѣ концовъ, отъ усмотрѣнія одного лица. Что собственно хочетъ сказать проектъ, говоря объ *утвержденіи* постановленій консультаціи министромъ юстиціи—это не совсѣмъ ясно: но мы едва ли ошибемся, если предположимъ, что здѣсь имѣется въ виду не только необходимость согласія министра съ обвинительнымъ приговоромъ консультаціи, но и право министра уволить судью, консультаціею признаннаго невиновнымъ. И чѣмъ же мотивируется порядокъ, столь опасный для самостоятельности участковыхъ судей?—Единственно упрощеніемъ и ускореніемъ процедуры, ведущей къ удаленію неспособнаго или недостойнаго судьи. Но гдѣ же основаніе думать, что особое присутствіе консультаціи будетъ дѣйствовать быстрѣе, чѣмъ соединенное присутствіе Сената? И то, и другое—одно на всю Россію; и тамъ, и здѣсь, слѣдовательно, одинаково возможна медленность, обусловливаемая разстояніями. И тамъ, и тутъ необходимо истребованіе объясненія отъ обви-

няемаго, необходимо (за рѣдкими исключеніями) производство разслѣдованія на мѣстахъ, необходима строгая повѣрка данныхъ, подтверждающихъ и опровергающихъ обвиненіе. Ужъ если стремиться къ скорости во что бы то ни стало, то всего цѣлесообразнѣе было бы передать дѣла объ увольненіи участковыхъ судей, какъ предлагаетъ одинъ членъ коммиссіи, въ вѣдѣніе судебныхъ палатъ; но мы не можемъ высказаться и за этотъ способъ рѣшенія вопроса, какъ потому, что дисциплинарныя дѣла, подвѣдомственныя судебной палатѣ, проектъ подчиняетъ не общему ея собранію, а особому дисциплинарному присутствію, такъ и потому, что судебныя палаты не пользуются авторитетомъ Сената и не всегда стоятъ внѣ мѣстныхъ вліяній, вызывающихъ преслѣдованіе участковаго судьи. Намъ кажется, что ускорить движеніе всѣхъ вообще дѣлъ объ увольненіи и перемѣщеніи судей можно было бы инымъ путемъ, представляющимъ, кромѣ того, и другія преимущества. Воспроизводя, въ этомъ отношеніи, текстъ закона 20-го мая 1885 года, проектъ предоставляетъ министру юстиціи возбуждать производство объ увольненіи или перемѣщеніи судьи, если имъ будетъ *усмотрѣно*, что въ дѣйствіяхъ или упущеніяхъ судьи имѣется къ тому законный поводъ. Другими словами, министръ юстиціи долженъ сначала *убѣдиться* въ необходимости уволить или перемѣстить судью и потомъ уже предложить о томъ Сенату (или особому присутствію консультаціи). Отсюда, съ одной стороны, неизбѣжная подробность—а слѣдовательно и продолжительность—предварительнаго разслѣдованія, которое, тѣмъ не менѣе, можетъ потребовать дополненія или повѣрки; съ другой стороны—предвзятое мнѣніе, съ которымъ высшая судебная администрація передаетъ дѣло въ дисциплинарный судъ. Съ особенной ясностью неудобства такой предвзятости обнаружатся, конечно, въ случаѣ передачи значительной части дисциплинарныхъ дѣлъ, согласно проекту, на разсмотрѣніе особаго присутствія консультаціи. Гораздо правильнѣе, поэтому, было бы поставить министра юстиціи въ положеніе обвинительной камеры, предающей суду всѣхъ тѣхъ, противъ которыхъ имѣется достаточно сильное и основательное *подозрѣніе*. Еслибы министръ юстиціи, возбуждая дѣло, не высказывалъ, этимъ самымъ, убѣжденія своего въ виновности обвиняемаго, то оставленіе послѣдняго въ должности не могло бы считаться выраженіемъ разногласія между министромъ и дисциплинарнымъ судомъ. Начальныя слова ст. 303-ей проекта: „если министромъ юстиціи *будетъ усмотрѣно*"—лучше было бы, поэтому, замѣнить словами: *если до министра юстиціи дойдутъ свѣдѣнія, дающія основаніе предполагать* и т. д.

Чѣмъ шире власть, ввѣряемая Сенату по отношенію къ судьямъ, тѣмъ важнѣе обставить пользованіе этою властью такими условіями,

которыя возвышали бы авторитетъ рѣшенія и дѣлали бы его безповоротнымъ. Вполнѣ основательнымъ, поэтому, кажется намъ мнѣніе меньшинства коммиссіи какъ по вопросу о составѣ присутствія, облекаемаго правомъ увольненія и перемѣщенія судей, такъ и по вопросу о силѣ опредѣленій, постановляемыхъ присутствіемъ. Особенно существенное значеніе имѣетъ второй изъ этихъ вопросовъ. По справедливому замѣчанію меньшинства коммиссіи, представленіе опредѣленій соединеннаго присутствія на Высочайшее воззрѣніе—либо излишне, либо неудобно: излишне—если присутствіе постановило уволить или перемѣстить судью, или если съ оправдательнымъ рѣшеніемъ присутствія согласенъ министръ юстиціи; неудобно—если министръ не убѣдился основаніями, въ силу которыхъ Сенатъ нашелъ возможнымъ оставить за судьею занимаемую имъ должность. Представленіе такихъ опредѣленій Государю Императору самимъ министромъ юстиціи—читаемъ въ особомъ мнѣніи меньшинства—„было бы несогласно съ государственными узаконеніями о порядкѣ движенія дѣлъ при подобныхъ обстоятельствахъ. По закону, Правительствующій Сенатъ, въ коемъ единое Лицо Императорскаго Величества состоитъ предсѣдателемъ, есть верховное установленіе, указы котораго исполняются всѣми подчиненными оному мѣстами и лицами, какъ собственные Императорскаго Величества. Сообразно такому первенствующему значенію Сената, когда по дѣлу, которое подлежитъ просмотру министра юстиціи, не составится установленнаго большинства сенаторовъ, согласныхъ съ предложеніемъ министра, дѣло вносится министромъ юстиціи къ Императорскому Величеству не непосредственно, а чрезъ Государственный Совѣтъ, и самый всеподданнѣйшій докладъ по такому дѣлу принадлежитъ не министру юстиціи". Дальше меньшинство ссылается на два мнѣнія Государственнаго Совѣта, получившія недавно Высочайшее утвержденіе—мнѣнія, которыми признано, что для устраненія судей, недостойныхъ судейскаго званія, Прав. Сенатъ и министръ юстиціи вооружены уже достаточными средствами по закону 20-го мая 1885 года... Еслибы уклоненіе отъ нынѣ дѣйствующаго порядка, проектируемое большинствомъ коммиссіи, получило силу закона, отъ судейской несмѣняемости уцѣлѣло бы только одно имя: дѣйствительнымъ рѣшителемъ судебъ судьи явился бы, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, не Сенатъ, а министръ юстиціи.

Кромѣ увольненія или перемѣщенія судьи, вопреки его желанію, начало несмѣняемости судей можетъ быть нарушено, de facto, упраздненіемъ судейской должности и оставленіемъ лица, ее занимающаго, за штатомъ. По вопросу о томъ, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ, среди коммиссіи также произошло разногласіе. Иногда одновременно съ упраздненіемъ въ одномъ мѣстѣ судейской должности

учреждается въ другомъ мѣстѣ другая, ей равная; иногда параллельно съ упраздненіемъ должности не идетъ созданіе новой. По мнѣнію большинства коммиссіи, переводится (въ первомъ случаѣ) или оставляется за штатомъ (во второмъ) тотъ членъ сокращаемаго въ своемъ составѣ судебнаго мѣста, который изъявитъ на то согласіе; если же желающихъ не окажется, переводъ или оставленіе за штатомъ производится по представленію министра юстиціи. Меньшинство коммиссіи (три члена, въ томъ числѣ А. Ѳ. Кони и В. А. Желеховскій) полагаетъ, что переводу или оставленію за штатомъ подлежитъ, при отсутствіи желающихъ, *младшій* членъ судебнаго мѣста, при чемъ оставляемому за штатомъ предоставляется *равная* должность при первой же открывшейся вакансіи въ другомъ судебномъ мѣстѣ. Само собою разумѣется, что мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе меньшинства, такъ какъ только оно представляетъ гарантію противъ усмотрѣнія, фактически несовмѣстимаго съ несмѣняемостью... Въ коммиссіи возникала мысль о томъ, не слѣдовало ли бы предоставить выборъ члена, подлежащаго оставленію за штатомъ, самому судебному мѣсту, составъ котораго подвергается сокращенію. Эта мысль не встрѣтила поддержки, и совершенно основательно: слишкомъ тяжело было бы положеніе судей, вынужденныхъ поднять руку на одного изъ своей среды—и еще тяжелѣе положеніе судьи, какъ бы принесеннаго въ жертву своими товарищами.

Единогласно и, какъ намъ кажется, правильно коммиссія разрѣшила вопросъ о такъ называемомъ предѣльномъ возрастѣ, еще недавно возбуждавшій оживленныя пренія въ нашей юридической литературѣ и съ особенною яркостью освѣщенный А. Ѳ. Кони. Никакой возрастной грани, дальше которой нельзя было бы оставаться судьею, коммиссія не опредѣляетъ, справедливо находя, что старческая дряхлость наступаетъ у однихъ сравнительно рано, у другихъ—весьма поздно. Примѣняясь къ германскому законодательству, коммиссія предлагаетъ установить, что судьи, утратившіе, вслѣдствіе старческаго одряхленія или немощей, тяжкихъ и постоянныхъ, способность къ правильному исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, могутъ быть увольняемы въ томъ же порядкѣ, какъ и судьи, по другимъ причинамъ подлежащіе удаленію отъ должности. Само собою разумѣется, однако, что здѣсь, какъ и вообще при всякомъ изъятіи изъ общаго правила о судейской несмѣняемости, все зависитъ отъ того, кому предоставлено осуществленіе подобныхъ изъятій. Серьезной гарантіей судейской независимости и здѣсь можетъ служить только безповоротное рѣшеніе дѣла сенатомъ, однимъ лишь сенатомъ.

Менѣе важными и спорными представляются, сравнительно, тѣ вопросы, которыхъ касалась коммиссія при пересмотрѣ правилъ о

назначеніи на судебныя должности. Не лишено интереса разногласіе, возникшее въ средѣ коммиссіи относительно назначенія судьями (и прокурорами) присяжныхъ повѣренныхъ и профессоровъ юридическихъ наукъ. По мнѣнію большинства, участковыми судьями, членами окружного суда и товарищами прокурора суда могутъ быть назначаемы лица, которыя не менѣе шести лѣтъ занимались судебною практикою въ качествѣ присяжныхъ повѣренныхъ, или въ теченіе такого же времени состояли профессорами юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Восемь членовъ коммиссіи находили ненужнымъ признавать такое право за присяжными повѣренными, а пятеро изъ нихъ возражали и противъ предоставленія его профессорамъ юридическихъ наукъ. По мнѣнію меньшинства, подготовка для всѣхъ занимающихъ судейскія должности должно быть одна и та же: они всѣ должны пройти черезъ исполненіе обязанностей старшаго кандидата. Въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда министръ юстиціи признаетъ полезнымъ призвать адвоката или профессора въ ряды прокуроровъ или судей, это всегда можетъ быть достигнуто путемъ испрошенія на то Высочайшаго соизволенія... Взглядъ меньшинства несомнѣнно противорѣчитъ и практикѣ западно-европейскихъ государствъ, и нашему собственному опыту, и самому характеру судебной службы. Судейское сословіе вездѣ пополняется, отчасти, изъ рядовъ адвокатуры—и никакихъ неудобствъ такой способъ пополненія его не представляетъ. У насъ случаи перехода присяжныхъ повѣренныхъ на службу по судебному вѣдомству сравнительно рѣдки, но никто, сколько намъ извѣстно, не видѣлъ въ нихъ ущерба для значенія и достоинства суда. Функціи адвоката, правильно понятыя, совершенно однородны съ функціями судьи и прокурора: онѣ требуютъ тѣхъ же теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній, тѣхъ же навыковъ мысли, тѣхъ же пріемовъ работы. Наоборотъ, въ дѣятельности старшаго кандидата нѣтъ ничего специфическаго, ничего безусловно необходимаго для будущаго судьи: это—*одинъ* изъ способовъ подготовки къ судебной дѣятельности, но вовсе не *единственный* и не незамѣнимый. Менѣе близко, чѣмъ адвокатъ, стоитъ къ судьѣ профессоръ; но чрезвычайно важенъ, зато, тотъ запасъ познаній, который онъ приноситъ съ собою въ судебную область. Во многихъ случаяхъ, впрочемъ, трудъ профессора касается задачъ совершенно аналогичныхъ съ тѣми, которыя занимаютъ судью: въ особенности это можно сказать о профессорахъ уголовнаго, гражданскаго и торговаго права, какъ матеріальнаго, такъ и формальнаго [1]. Разсчитывать, вмѣстѣ съ меньшин-

[1] Припомнимъ, напримѣръ, многочисленныя изданія уложенія о наказаніяхъ, сдѣланныя Н. С. Таганцевымъ.

ствомъ коммиссіи, на путь изъятій не слѣдуетъ уже потому, что для судебной администраціи весьма важно имѣть, при выборѣ кандидатовъ, точки опоры въ самомъ законѣ. Чѣмъ меньше, вообще, изъятій, тѣмъ больше обезпечено правильное теченіе жизни. Отступленіе отъ общаго правила можетъ быть оправдано только такимъ обстоятельствомъ, котораго нельзя было заранѣе предвидѣть; между тѣмъ, возможность и даже неизбѣжность привлеченія присяжныхъ повѣренныхъ и профессоровъ въ ряды прокуроровъ и судей стоитъ уже теперь внѣ всякихъ сомнѣній. Слабую сторону проекта мы видимъ не въ томъ, что онъ предусматриваетъ это привлеченіе, а въ томъ, что онъ ставитъ его въ слишкомъ тѣсныя рамки. Допуская переходъ присяжныхъ повѣренныхъ и профессоровъ только на низшія судейскія и прокурорскія должности и только послѣ шестилѣтней дѣятельности, большинство коммиссіи исходило изъ того предположенія, что переходы съ одного поприща на другое совершаются обыкновенно въ началѣ карьеры, и что шестилѣтній срокъ необходимъ для полнаго изученія преподаваемой профессоромъ науки или для полнаго ознакомленія присяжнаго повѣреннаго съ судебною практикою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, большинство коммиссіи признаетъ, что въ нѣкоторыхъ, *рѣдкихъ* случаяхъ, профессора и присяжные повѣренные могутъ быть назначаемы, *примѣнительно* къ вышеупомянутому сроку, и на высшія должности. Нельзя не пожалѣть, что это послѣднее мнѣніе не нашло прямого выраженія въ текстѣ проекта.

Въ самомъ дѣлѣ, практика, иностранная и даже русская, удостовѣряетъ, что переходъ съ одного поприща на другое далеко не всегда совершается въ началѣ карьеры. Не говоря уже объ Англіи, гдѣ высшія судейскія должности замѣщаются обыкновенно заслуженными, немолодыми адвокатами, подобныя назначенія нерѣдки и въ другихъ государствахъ. Шэ-д'Эстъ-Анжъ, напримѣръ, былъ назначенъ генеральнымъ прокуроромъ парижской судебной палаты послѣ 25—30 лѣтъ блестящей адвокатской дѣятельности. У насъ скончавшійся недавно С. Ѳ. Морошкинъ былъ призванъ въ члены харьковской судебной палаты изъ предсѣдателей харьковскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, много лѣтъ спустя послѣ пріобрѣтенія имъ почетной извѣстности въ качествѣ адвоката. Н. С. Таганцевъ долго былъ только профессоромъ и до назначенія сенаторомъ занималъ лишь одну должность по министерству юстиціи—члена консультаціи. Иногда непродолжительная профессорская или адвокатская дѣятельность оказывается достаточной для призыва на сравнительно-высокій служебный постъ: И. Я. Фойницкій, напримѣръ, былъ еще совсѣмъ молодымъ профессоромъ, когда получилъ должность товарища оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената. Въ

виду такихъ краснорѣчивыхъ фактовъ, намъ казалось бы совершенно правильнымъ установить, что присяжные повѣренные и профессора юридическихъ наукъ могутъ быть назначаемы на всѣ вообще судейскія должности, съ соблюденіемъ лишь общихъ сроковъ, для того опредѣленныхъ. Удлиннять эти сроки для профессоровъ и для присяжныхъ повѣренныхъ мы не видимъ никакого основанія. Участковымъ или добавочнымъ судьею можетъ быть назначенъ, по смыслу проекта, всякій старшій кандидатъ на судебныя должности—а для того, чтобы получить это послѣднее званіе, достаточно пробыть два года младшимъ кандидатомъ и выдержать установленное испытаніе. Другими словами, молодому человѣку, получившему высшее юридическое образованіе и вступившему затѣмъ въ число кандидатовъ на судебныя должности, званіе участковаго или добавочнаго судьи доступно, de jure, на третій годъ по окончаніи курса. Между тѣмъ, молодой человѣкъ, посвятившій себя адвокатурѣ, можетъ достигнуть того же званія лишь черезъ *девять* лѣтъ: (три года „стажа“, т.-е. бытности помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, и шесть лѣтъ исполненія обязанностей присяжнаго повѣреннаго). Столько же времени, если не больше, понадобится и для профессора, такъ какъ профессорскій „стажъ“ (приготовленіе къ магистерскому экзамену, составленіе и защита магистерской диссертаціи и т. п.) не можетъ, фактически, продолжаться менѣе трехъ лѣтъ. Для назначенія присяжныхъ повѣренныхъ и профессоровъ прямо на высшія должности слѣдовало бы опредѣлить сроки путемъ сложенія минимальнаго промежутка времени, необходимаго для полученія первой судейской должности, съ послѣдующими сроками, установленными ст. 252-256 проекта — а за исходную точку для исчисленія срока можно было бы принять оставленіе при университетѣ для приготовленія къ каѳедрѣ или зачисленіе въ помощники присяжнаго повѣреннаго (если, притомъ, назначаемый достигъ званія профессора или присяжнаго повѣреннаго).

По дѣйствующему закону, въ случаѣ открытія въ окружномъ судѣ или судебной палатѣ должности члена (въ томъ числѣ и судебнаго слѣдователя), немедленно составляется общее собраніе суда или палаты, для совѣщанія, при участіи прокурора, о кандидатахъ на эту должность. Проектъ коммиссіи, сохраняя это правило и примѣняя его къ участковымъ и добавочнымъ судьямъ, дѣлаетъ къ нему слѣдующее дополненіе: „въ концѣ каждаго года окружные суды избираютъ въ общихъ своихъ собраніяхъ, при участіи въ совѣщаніяхъ прокурора, нѣсколько кандидатовъ на могущія открыться въ ихъ округахъ, въ теченіе предстоящаго года, должности участковаго и добавочнаго судьи и члена суда. Въ томъ же порядкѣ судебныя палаты избираютъ кандидатовъ на могущія открыться въ составѣ ихъ дол-

жности члена палаты. Списки избранныхъ такимъ образомъ кандидатовъ къ началу каждаго года представляются министру юстиціи чрезъ старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ". Если, по открытіи вакансіи, судебное мѣсто представитъ для ея занятія лицо, не внесенное въ вышеупомянутый кандидатскій списокъ, оно обязано объяснить причину предпочтенія новаго кандидата заранѣе указаннымъ. Мотивируется это нововведеніе тѣмъ, что выборы кандидатовъ на вакансію уже открывшуюся производятся, бо̀льшею ча̀стью, поспѣшно и потому не всегда обдуманно. Не отрицая полезныхъ сторонъ двойной рекомендаціи—общей и спеціальной,—мы думаемъ, что характеръ отношенія судебныхъ мѣстъ къ принадлежащему имъ праву выбора кандидатовъ зависитъ всего больше отъ реальныхъ послѣдствій такого выбора, т.-е. отъ степени вниманія къ нему высшей судебной администраціи. Статистическими данными о числѣ уваженныхъ и неуваженныхъ представленій мы не располагаемъ, да ихъ, кажется, и вовсе нѣтъ; но мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что назначеніе лицъ, указанныхъ судебными мѣстами, составляетъ скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило. Трудно, повидимому, ожидать чего-либо другого и при дѣйствіи порядка, проектируемаго коммиссіею. На основаніи ст. 215 учр. суд. уст., министръ юстиціи представляетъ Императорскому Величеству какъ объ указанныхъ судебными мѣстами кандидатахъ, такъ и о другихъ, имѣющихъ право на занятіе открывшихся должностей. Эту статью коммиссія предлагаетъ изложить такъ: „министръ юстиціи представляетъ Императорскому Величеству *или* указанныхъ окружными судами, судебными палатами и старшими ихъ предсѣдателями [1]) кандидатовъ, *или* другихъ, имѣющихъ право на занятіе открывающихся должностей". Министра юстиціи предполагается, такимъ образомъ, освободить отъ обязанности доводить до Высочайшаго свѣдѣнія о кандидатахъ, представленныхъ судебными мѣстами. Значеніе судебной рекомендаціи низводится этимъ до минимума—и вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемо долженъ ослабѣть интересъ къ праву, еще больше прежняго получающему чисто формальный характеръ. Намъ кажется, что министру юстиціи слѣдовало бы вмѣнить въ обязанность не только включать въ свои представленія имена лицъ, рекомендованныхъ су-

---

[1]) Старшимъ предсѣдателямъ судебныхъ палатъ проектъ даетъ право представлять министру юстиціи кандидатовъ на должности товарища предсѣдателя окружного суда, открывающіяся въ округѣ палаты. Мы думаемъ, что болѣе цѣлесообразно было бы предоста̀вить это право общимъ собраніямъ палатъ. Старшій предсѣдатель, если онъ криминалистъ, мало знаетъ товарищей предсѣдателя, стоящихъ во главѣ гражданскихъ отдѣленій—и наоборотъ.

дебными мѣстами, но и объяснять причины, побуждающія его, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, предпочесть имъ другихъ кандидатовъ.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" появился рядъ статей о присяжныхъ особаго состава, проектируемыхъ коммиссіею, пересматривавшею законоположенія по судебной части. Изъ безспорныхъ недостатковъ этого учрежденія московская газета подчеркиваетъ только два: незначительность численнаго состава, установляемаго для присяжныхъ на окраинахъ имперіи, и недопущеніе здѣсь отвода безъ указанія причинъ [1]). Во всемъ остальномъ критика нашихъ „охранителей" бьетъ мимо цѣли. Указывается, напримѣръ, на невысокій образовательный цензъ, требуемый отъ присяжныхъ особаго состава — но при этомъ упускается изъ виду, что не выше, говоря вообще, и цензъ сословныхъ представителей, на смѣну которыхъ идутъ, главнымъ образомъ, присяжные особаго состава. Не говоря уже о волостныхъ старшинахъ, велико ли образованіе, которымъ обладаютъ, въ большинствѣ случаевъ, городскіе головы, а иногда — и предводители дворянства?.. Еще менѣе основательны сѣтованія „Московскихъ Вѣдомостей" о томъ, что приговоры суда съ участіемъ присяжныхъ особаго состава не будутъ подлежать апелляціи. Распространеніе круга дѣйствій суда присяжныхъ, хотя бы съ существенными (но, конечно, не чрезмѣрными) отступленіями отъ нормы, цѣнно именно потому, что оно позволяетъ обойтись, въ важнѣйшихъ уголовныхъ процессахъ, безъ апелляціоннаго производства, крайне замедляющаго ходъ дѣла и представляющаго гораздо больше шансовъ уклоненія отъ справедливости, чѣмъ шансовъ возстановленія ея. Апелляціонный судъ имѣетъ передъ собою, за рѣдкими исключеніями, только бумаги; онъ не видитъ и не слышитъ ни подсудимаго, ни свидѣтелей, и лишенъ, слѣдовательно, главныхъ средствъ раскрытія истины. Съ другой стороны, съ участіемъ присяжныхъ несовмѣстно мотивированіе рѣшенія (поскольку оно касается самаго факта вины), и слѣдовательно невозможна повѣрка соображеній, которыми руководствовался судъ первой степени — повѣрка, составляющая весь смыслъ апелляціоннаго производства. Допуская апелляцію на рѣшеніе, постановленное съ участіемъ присяжныхъ, слѣдовало бы ввести присяжныхъ и въ составъ апелляціонной инстанціи—а это не соотвѣтствовало бы характеру учрежденія, способнаго дѣйствовать только при непосредственномъ соприкосновеніи съ жизнью.

Изъ другихъ нововведеній, предлагаемыхъ коммиссіею, „Москов-

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 10 „Вѣстн. Европы" за 1900 г.

скія Вѣдомости“ не одобряютъ включеніе въ списки присяжныхъ военныхъ и военно-морскихъ чиновъ, теперь свободныхъ отъ этой повинности. Странной является, прежде всего, исходная точка этого неодобренія. Московская газета предполагаетъ, что призывъ офицеровъ къ исполненію обязанностей присяжнаго вызывается желаніемъ усилить суровость приговоровъ, постановляемыхъ присяжными, и внушить русскимъ людямъ бòльшую строгость къ правонарушителямъ — и затѣмъ старается доказать, что первая цѣль достигнута не будетъ, такъ какъ къ *общимъ* проступкамъ военно-служащіе будутъ относиться съ *общей* (т.-е. не специфически-военной) точки зрѣнія, а вторая и теперь достигается вліяніемъ офицеровъ на массу отбывающихъ воинскую повинность. Всѣ эти возраженія не имѣютъ никакой raison d'être, потому что не существуетъ самаго предмета, противъ котораго они направлены. Ни изъ чего не видно, чтобы коммиссія преслѣдовала тѣ цѣли, которыя приписываетъ ей московская газета: въ объяснительной запискѣ включеніе офицеровъ въ составъ присяжныхъ выставляется просто какъ одно изъ средствъ къ улучшенію этого состава. И дѣйствительно, чѣмъ шире становится, и географически, и процессуально, кругъ вѣдомства суда присяжныхъ, тѣмъ важнѣе привлечь къ нему всѣ интеллигентныя силы, которыми располагаетъ страна— а къ числу этихъ силъ безспорно принадлежатъ и офицеры. На восточныхъ окраинахъ имперіи, въ особенности, они представляютъ собою элементъ трудно замѣнимый; отказаться отъ ихъ содѣйствія, значило бы затруднить введеніе здѣсь суда присяжныхъ. Остается, затѣмъ, еще одинъ аргументъ, приводимый „Московскими Вѣдомостями“: возложеніе на офицеровъ обязанности быть присяжными было бы несправедливо, такъ какъ они безъ того уже несутъ судебныя функціи какъ полковые судьи и временные члены военно-окружныхъ судовъ. Существеннаго значенія этотъ аргументъ, очевидно, не имѣетъ: засѣдать въ полковыхъ и военно-окружныхъ судахъ приходится лишь весьма немногимъ офицерамъ, и притомъ ничто не мѣшало бы установить, что члены полковыхъ судовъ, пока они числятся въ этомъ званіи, въ списки присяжныхъ не вносятся, а состоявшіе временными членами военно-окружного суда имѣютъ право отказаться, какъ въ томъ же, такъ и въ слѣдующемъ году, отъ исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1900.

Китайскія дѣла и европейская дипломатія.—Парламентскія пренія въ Германіи и во Франціи.—Закрытіе всемірной выставки въ Парижѣ и прибытіе во Францію президента Крюгера.

Европейская дипломатія играетъ очень печальную роль въ китайскомъ вопросѣ. Представители культурныхъ державъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца совѣщались о томъ, какъ поступить съ Китаемъ, и до сихъ поръ не могли придумать ничего лучшаго, какъ требовать суровыхъ каръ и даже смертной казни для ближайшихъ совѣтниковъ и исполнительныхъ органовъ правительства, съ которымъ ведутся переговоры. Сначала заявлено было, что существеннымъ условіемъ мира считается казнь *семи* высшихъ китайскихъ сановниковъ—князя Туана, генерала Тун-фу-Сіана, князя Чжуана, Ю-Сіена, герцога Лана, Чжаошу-Чжао и Канъ-Йи. Къ числу этихъ намѣченныхъ заранѣе жертвъ христіанскаго правосудія прибавилось затѣмъ еще *два* имени—князя Йи и Йинъ-Ніенъ. Въ окончательномъ протоколѣ, подписанномъ иностранными посланниками въ Пекинѣ 10 ноября (нов. ст.), говорилось уже объ *одиннадцати* сановникахъ и князьяхъ, подлежащихъ смерти!.. Вслѣдъ за обнародованіемъ списка этихъ лицъ стали получаться о нихъ разныя неожиданныя свѣдѣнія изъ китайскихъ источниковъ. Оказалось, что „великій секретарь" Канъ-Йи успѣлъ уже умереть по неизвѣстной причинѣ; князь Ии умеръ отъ болѣзни; Ю-Сіенъ, губернаторъ Шан-Си, приказавшій истребить миссіонеровъ, самъ покончилъ съ собою, по внушенію свыше. Относительно князя Туана, отца наслѣдника престола, сообщалось, что онъ исчезъ куда-то; что онъ странствуетъ въ Тибетѣ подъ видомъ паломника; что онъ набираетъ войска въ Монголіи, и что онъ подвергнутъ тюремному заключенію. Провѣрить эти разнорѣчивыя и сомнительныя сообщенія нѣтъ возможности для европейцевъ. Всѣ названные сановники могли получить новыя назначенія въ отдаленныхъ областяхъ Китая и считаться умершими для Европы, а дипломатія лишена была бы практическихъ способовъ удостовѣриться въ ихъ гибели, или привести въ исполненіе свои приговоры. Китайскіе уполномоченные, съ своей стороны, пытались объяснить, что казнь высокопоставленныхъ дѣятелей, тѣсно связанныхъ съ дворомъ богдыхана, совершенно немыслима для послѣд-

няго; напр., Тун-фу-Сіанъ командуетъ мусульманскими войсками, охраняющими безопасность двора, и, слѣдовательно, фактически держитъ власть въ своихъ рукахъ; какъ же теперь арестовать его и казнить, для удовлетворенія жажды крови христіанъ? Но европейскіе дипломаты неумолимы; они придали своимъ требованіямъ характеръ „безповоротнаго рѣшенія", при чемъ особенною категоричностью отличались заявленія представителей Франціи и Германіи. Правительство богдыхана, объявившее уже разъ о наказаніи виновныхъ мандариновъ, вновь назначило имъ соотвѣтственныя кары, по своимъ законамъ и обычаямъ, о чемъ и довело до свѣдѣнія иноземныхъ посланниковъ въ Пекинѣ. Императорскимъ декретомъ, подписаннымъ 13 ноября въ Си-Нган-фу, князь Туанъ опять лишается своего ранга и своихъ должностей и подвергается пожизненному заключенію въ Мукденѣ, гдѣ находится домъ его предковъ; герцогъ Ланъ и Йинъ-Ніенъ понижаются въ чинѣ; князь Йи, признанный ранѣе умершимъ, будетъ заключенъ въ тюрьму; Ю-Сіенъ, о самоубійствѣ котораго было сообщено оффиціально за двѣ недѣли передъ тѣмъ, удаляется въ изгнаніе; Чжао-фу-Чжао теряетъ почетное званіе, но сохраняетъ свою должность; князья Чжуанъ, Йинъ и Ліенъ отставлены отъ службы; только Канъ-Йи освобождается отъ отвѣтственности, по случаю смерти. Декретъ умалчиваетъ о Тун-фу-Сіанѣ, въ виду находящейся въ его распоряженіи военной силы.

Европейская дипломатія негодуетъ по поводу всѣхъ этихъ китайскихъ ухищреній, имѣющихъ цѣлью спасти Туана и его союзниковъ отъ мести великихъ державъ. Раздраженіе высказывается и въ газетахъ, передающихъ господствующее настроеніе отдѣльныхъ странъ. Либеральный „Berliner Tageblatt" и республиканскій „Temps",—не говоря уже о суровомъ лондонскомъ „Times",—обнаруживаютъ въ этомъ случаѣ замѣчательное единодушіе. Парижскій оффиціозный органъ замѣчаетъ между прочимъ, что китайское правительство очень ловко и смѣло пользуется разногласіями иностранныхъ кабинетовъ и, повидимому, считаетъ себя „хозяиномъ положенія". Западъ требовалъ—говоритъ газета—„примѣненія смертной казни къ весьма высокимъ особамъ, на которыхъ лежитъ отвѣтственность за событія послѣдняго лѣта, а дворъ „сына неба" предлагаетъ рядъ мнимыхъ наказаній, безъ всякихъ гарантій ихъ дѣйствительнаго осуществленія. Князь Туанъ долженъ былъ подвергнуться смерти, по волѣ державъ; а его хотятъ только сослать въ Мукденъ—родину манчжурской династіи, гдѣ покоится прахъ его предковъ. Герцогъ Ланъ, подлежащій справедливому законному возмездію, останется почти безнаказаннымъ, превратившись лишь въ маркиза Лана. Наконецъ, въ спискѣ, сообщенномъ Ли-Хун-Чангомъ, пропущенъ самый главный виновникъ, Тун-фу-Сіанъ, — и пропущенъ по понятной причинѣ. Этотъ военачальникъ,

съ своими мусульманскими полчищами, господствуетъ въ Си-Нган-фу и распоряжается дворомъ и самимъ богдыханомъ, по своему усмотрѣнію. Этого простого факта уже достаточно для того, чтобы судить о достоинствѣ принятой Китаемъ мѣры. Державы выставили бы себя на посмѣяніе и пошли бы на встрѣчу вполнѣ заслуженной неудачѣ, еслибы допускали малѣйшую зависимость своихъ рѣшеній отъ вліянія и доводовъ дипломатіи, еще подвластной участникамъ и пособникамъ недавнихъ преступленій"... „Temps" восхваляетъ, далѣе, твердость императора Вильгельма II и его фельдмаршала, графа Вальдерзе, и обращается съ упреками къ вашингтонскому кабинету, который относится, будто бы, слишкомъ снисходительно къ Китаю и своими возраженіями противъ кровавыхъ репрессалій нарушаетъ общее согласіе державъ. „Китай—по словамъ „Temps"—можетъ противиться предъявленнымъ требованіямъ только въ силу иллюзій, которыя не замедлятъ разсѣяться. Возбуждать въ немъ такія ложныя надежды—значитъ, оказывать очень плохую услугу самому Китаю, какъ и дѣлу мира. Вашингтонскій кабинетъ долженъ былъ бы серьезно подумать о послѣдствіяхъ, прежде чѣмъ идти впередъ по пути демонстративныхъ снисхожденій. Если президентъ Макъ-Кинлей и его совѣтники желаютъ избавиться отъ случайностей тревожнаго кризиса и способствовать скорѣйшему возстановленію нормальнаго порядка вещей на Дальнемъ Востокѣ, то они должны остерегаться давать поводъ къ предположенію о своей готовности выдѣлиться изъ состава „концерта". Общее мнѣніе человѣческаго рода не простило бы правительству Соединенныхъ-Штатовъ, еслибы оно, при согласіи съ другими по существу, подорвало результаты совмѣстныхъ усилій и приготовило Китаю жестокія разочарованія, настаивая на второстепенныхъ политическихъ несогласіяхъ и преувеличивая нѣкоторыя различія въ формѣ обсуждаемыхъ мѣръ".

Трудно согласиться съ приведенными разсужденіями газеты „Temps", и нельзя даже понять самую мысль, лежащую въ ихъ основѣ. Китайское правительство могло бы просто сказать иностраннымъ дипломатамъ: охотно предоставляемъ вамъ поймать и казнить перечисленныхъ вами сановниковъ, но мы сами исполнить эту задачу не можемъ уже потому, что они скрылись внутри страны, при первомъ извѣстіи о направленномъ противъ нихъ грозномъ рѣшеніи державъ. Подобный отвѣтъ сразу разоблачилъ бы неправильность и неосуществимость требованія, предъявленнаго Китаю. Какимъ способомъ привели бы державы въ исполненіе свой „безповоротный приговоръ" относительно лицъ, находящихся внѣ круга ихъ власти и недоступныхъ вовсе ихъ воздѣйствію? „Temps" ошибочно ссылается на „законное возмездіе" (la juste vindicte des lois) и на „общее мнѣніе человѣческаго рода".

О законномъ возмездіи не можетъ быть и рѣчи, когда дѣло идетъ о смерти заранѣе указанныхъ личностей, безъ предварительнаго разбора ихъ дѣйствій и безъ опредѣленія степени ихъ отвѣтственности за совершившіяся событія. Приговоръ, постановленный до суда и слѣдствія, есть актъ слѣпой мести и произвола, а не законнаго возмездія; это не кара, наложенная на виновныхъ, а сознательное, холодное убійство, не имѣющее даже отдаленной связи съ правосудіемъ. Князь Туанъ и другіе китайскіе сановники не подлежатъ иностранному суду за дѣйствія, совершённыя или допущенныя ими, какъ должностными лицами и патріотами Китая; и никакой человѣческій судъ не могъ бы признать ихъ отвѣтственными за то, что они повиновались указамъ своей императрицы-регентши, или давали ей совѣты по долгу службы, сообразно своему пониманію интересовъ престола и отечества. Вражда къ иностранцамъ не есть преступленіе, съ точки зрѣнія китайскаго государства; напротивъ, это патріотическій долгъ, коренящійся въ исконныхъ чувствахъ и традиціяхъ самого народа. Державы имѣли безспорное право употребить силу противъ Китая для защиты своихъ подданныхъ, и послѣ разгрома китайскихъ войскъ и занятія китайской столицы онѣ могли возложить на побѣжденныхъ какія угодно обязательства; но желаніе судить и наказывать отдѣльныхъ китайскихъ министровъ и администраторовъ представляется насмѣшкою надъ международнымъ правомъ и правосудіемъ, и даже надъ здравымъ смысломъ.

Очевидно, требованіе казни для непосредственныхъ виновниковъ и вдохновителей избіеній иностранцевъ въ Китаѣ вытекало изъ той идеи, что спасительный страхъ есть единственное надежное орудіе для водворенія прочнаго мира и для обезпеченія правъ иноземцевъ среди народовъ Востока. Предполагалось, что крутыя, устрашающія мѣры заставятъ китайцевъ на будущее время бояться иностранцевъ и относиться къ нимъ съ уваженіемъ, и что такимъ образомъ достигнется добровольное подчиненіе Китая интересамъ иноземныхъ державъ. Съ тою же цѣлью устрашенія предложено китайскому правительству объявить особымъ декретомъ, что смертная казнь назначается за принадлежность къ какой бы то ни было организаціи, враждебной иностранцамъ. При этомъ забывается только одно существенное обстоятельство: дипломатія можетъ дѣйствовать путемъ устрашенія, пока опирается на побѣдоносныя войска въ Пекинѣ; но, добившись примѣрныхъ казней и заключивъ окончательный миръ съ Китаемъ, державы должны будутъ отозвать свои военные отряды, и китайская имперія будетъ опять предоставлена самой себѣ. Казненные мандарины, съ княземъ Туаномъ во главѣ, превратятся въ національныхъ героевъ, сдѣлаются предметомъ поклоненія и подража-

нія; о нихъ образуются легенды, и китайскій патріотизмъ получитъ новый сильный толчокъ, станетъ сознательною, постепенно развивающеюся силою, съ которою рано или поздно придется считаться Европѣ. Озлобленіе противъ иностранцевъ, сдерживаемое еще присутствіемъ иноземныхъ войскъ, неизбѣжно проникнетъ во всѣ слои китайскаго населенія и оставитъ глубокій слѣдъ въ народныхъ массахъ. Правительство, каково бы оно ни было, вынуждено будетъ раздѣлять эти чувства и сообразоваться съ ними въ своихъ стремленіяхъ и усиліяхъ; оно будетъ вооружаться втихомолку, исподоволь создавая армію по европейскому образцу и подготовляясь къ новой борьбѣ съ христіанскими націями. Ненависть къ Европѣ не затихнетъ, конечно, подъ вліяніемъ нынѣшнихъ репрессалій; она только усилится, пуститъ крѣпкіе корни и при первомъ удобномъ случаѣ вырвется наружу въ ужасающихъ формахъ. Таковы будутъ естественные плоды той близорукой, рутинной политики, которую парижскій „Temps“ выдаетъ за высшую дипломатическую мудрость, совпадающую, будто бы, съ общимъ мнѣніемъ и интересами „человѣческаго рода“. Не надо забывать, что и населеніе Китая принадлежитъ къ человѣческому роду и что законы человѣческой психологіи — вездѣ одни и тѣ же. Мысль объ устрашеніи чужого четырехсотъ-милліоннаго народа какими-либо крутыми мѣрами была бы еще понятна, еслибы имѣлось въ виду отнять у этого народа независимость и подвергнуть его правительство контролю и опекѣ; но державы категорически отвергаютъ всякія подобныя намѣренія, и тѣмъ болѣе кажется странною столь настойчиво выражаемая увѣренность въ благотворномъ значеніи политики грубаго возмездія относительно Китая. Нарушая согласіе, установившееся между европейскими кабинетами на этой неподходящей почвѣ, Соединенные-Штаты заслуживаютъ не упрека, а благодарности отъ другихъ государствъ и народовъ, заинтересованныхъ въ мирномъ и успѣшномъ разрѣшеніи китайскаго кризиса.

Внѣшнее единство державъ, которое, по мнѣнію многихъ, составляетъ само по себѣ цѣль и важнѣйшую заботу дипломатіи, перестаетъ быть полезнымъ и желательнымъ, когда оно достигается въ ущербъ справедливости и человѣчности. Слишкомъ наивно было бы думать, что внутренній разладъ, прикрываемый наружнымъ и, въ сущности, безплоднымъ согласіемъ, остается тайной для публики, и что, напримѣръ, китайскіе уполномоченные вѣрили въ полное единодушіе кабинетовъ, пока оно не было нарушено правительствомъ сѣверо-американской республики. Всякій знаетъ въ наше время, что Англія находится въ постоянномъ антагонизмѣ съ Россіею въ области восточныхъ и въ частности китайскихъ дѣлъ; что Франція не всегда раздѣляетъ взгляды Германіи; что послѣдняя въ колоніальныхъ вопро-

сахъ далеко не солидарна съ Англіею, несмотря на временныя соглашенія по отдѣльнымъ поводамъ и случаямъ, и что, наконецъ, Соединенные-Штаты также преслѣдуютъ свои особые интересы, нерѣдко противоположные британскимъ. Кого же можетъ обмануть мнимое согласіе, за которымъ такъ гонятся дипломаты стараго типа, и которому придаютъ такую преувеличенную важность оффиціозные публицисты? И какую цѣну имѣетъ это согласіе, если оно подрывается первымъ независимымъ и откровеннымъ мнѣніемъ одного изъ участниковъ? Боязнь высказаться прямо и стараніе лавировать безрезультатно для поддержанія дружескаго „концерта",—это двѣ старыя черты европейскаго дипломатическаго искусства, обрекающія его на безжизненность и безплодіе. Привычка говорить не то, что̀ нужно, и избѣгать самостоятельныхъ, ясныхъ сужденій—вызывается прежде всего традиціоннымъ, твердо укоренившимся предразсудкомъ, въ силу котораго всякія разногласія и пререканія между державами признаются опасными для сохраненія мира. Этотъ суевѣрный, ложный страхъ передъ возможными спорами неоднократно приводилъ къ дѣйствительнымъ недоразумѣніямъ и причинялъ иногда непоправимый вредъ первостепеннымъ интересамъ отдѣльныхъ государствъ, разрушая въ то же время основы взаимнаго политическаго довѣрія и общенія культурныхъ націй. Эта особенность континентальной дипломатіи не свойственна англичанамъ, которые никогда не стѣснялись открыто выражать свои взгляды и рѣзко критиковать чужіе; оттого Англія съ наибольшею легкостью и полнотою обезпечивала свои національныя выгоды, тогда какъ другія державы ставили себя нерѣдко въ положеніе подсудимыхъ, нуждающихся въ защитѣ и оправданіи передъ тою же Англіею при всякой серьезной попыткѣ дѣйствовать въ ея духѣ, въ однородномъ съ нею самостоятельномъ направленіи. Соединенные-Штаты внесли отчасти свѣжую струю въ ходъ переговоровъ по китайскому вопросу; они, по крайней мѣрѣ, высказывали то, что̀ думали и замалчивали другіе, и, между прочимъ, протестовали противъ жестокихъ и неосуществимыхъ англо-германскихъ требованій, къ которымъ по рутинѣ присоединились и остальныя державы. Американскія возраженія противъ ненужныхъ казней разстроили состоявшееся уже согласіе, и этому можно только радоваться; къ вашингтонскому кабинету примкнула и Россія, которая воздерживалась раньше отъ формулированія своихъ особыхъ мнѣній вслѣдствіе всегдашней заботливости объ „европейскомъ концертѣ". За Россіею послѣдовала и Франція, и въ результатѣ всѣ державы отказались настаивать на томъ, что̀ прежде объявлено было „безповоротнымъ рѣшеніемъ". Этотъ краснорѣчивый примѣръ наглядно выясняетъ, какую силу имѣетъ откровенный, независимый голосъ въ дѣлахъ междуна-

родной политики, и насколько благотворно было бы для дипломатіи усвоеніе простого и разумнаго человѣческаго правила — говорить правду, не скрывая своихъ мыслей безъ надобности и не тревожась за прочность мира при возникновеніи разногласій, сопутствующихъ обсужденію всякаго живого и сложнаго дѣла.

Между тѣмъ, благодаря недомолвкамъ внѣшняго и отчасти фиктивнаго согласія кабинетовъ, въ Китаѣ продолжаютъ совершаться военныя экзекуціи, которымъ едва-ли сочувствуетъ общественное мнѣніе культурныхъ народовъ. Графъ Вальдерзе, дѣйствующій отъ имени всѣхъ державъ—тоже въ силу какой-то дипломатической недомолвки,—посылаетъ въ разныя стороны значительные экспедиціонные отряды для наказанія и опустошенія мѣстностей, гдѣ находили поддержку китайскіе боксеры. Британскія войска исполняютъ эту разрушительную миссію съ особеннымъ усердіемъ, о чемъ даются подробныя свѣдѣнія въ англійскихъ газетахъ. Въ Бао-Дин-фу захвачены и разстрѣляны три мандарина—провинціальный казначей и временный чжилійскій губернаторъ Тин-Юнъ, татарскій генералъ Куэй-Іенъ и полковникъ Ванъ-Чжау-ме. Множество крупныхъ селеній или мѣстечекъ, жители которыхъ заподозрѣны въ сношеніяхъ съ боксерами, уничтожено, чтобы—какъ сказано въ одной депешѣ—„произвести возможно болѣе глубокое впечатлѣніе на туземцевъ". Селенія между Тянь-Цзинемъ и Пекиномъ разрушены, и „жители подверглись наказанію" (не сказано только, какому наказанію и за что̀). Смѣшанныя европейскія колонны вступили въ концѣ октября въ Си-Линъ и заняли императорскія могилы, считавшіяся до сихъ поръ священными и неприкосновенными,—также въ видѣ возмездія или угрозы китайскому двору, съ которымъ ведутся, однако, мирные переговоры. Императорскія китайскія войска давно уже не оказываютъ никакого сопротивленія и обыкновенно при встрѣчѣ съ европейскими отрядами высылаютъ парламентера; тѣмъ не менѣе, недавно англичане „по ошибкѣ" застрѣлили китайскаго генерала Фана, въ то время какъ отъ него направлялись къ британскому начальнику посланные съ парламентерскимъ флагомъ;—впрочемъ, объ этомъ „печальномъ недоразумѣніи" выражено было китайцамъ сожалѣніе со стороны англичанъ. Генералъ Ричардсонъ доноситъ, что по его распоряженію сожжены два селенія, прилегающія къ городу Янъ-Чжинъ, гдѣ въ іюнѣ убиты были два миссіонера; сверхъ того, онъ приказалъ разрушить два храма, которые служили, будто бы, главною квартирою боксеровъ. Генералъ Кемпбелль, возвращаясь отъ Бао-Дин-фу къ Тянь-Цзиню, разрушилъ по дорогѣ 26 селеній. Такими извѣстіями и донесеніями наполнены почти ежедневно цѣлые столбцы англійскихъ газетъ. Неужели все это дѣлается по волѣ и желанію культурныхъ націй и

ихъ правительствъ? Не слѣдуетъ ли въ этомъ случаѣ нарушить мнимое дипломатическое единодушіе и открыто поднять голосъ противъ безцѣльныхъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ жестокостей надъ безоружнымъ врагомъ? Можно подумать, что европейцы поставили себѣ задачею возбудить и укрѣпить въ Китаѣ неискоренимую злобу къ Европѣ, къ ея христіанской культурѣ и религіи,—подъ предлогомъ наказанія китайскаго народа и правительства за вражду къ иноземцамъ. Устроенный на такихъ началахъ миръ обѣщаетъ быть только предисловіемъ къ тяжелымъ осложненіямъ и замѣшательствамъ на Дальнемъ Востокѣ, если происходящія нынѣ событія не получатъ своевременно другого, болѣе разумнаго направленія и характера.

Открытіе засѣданій имперскаго сейма въ Германіи ожидалось на этотъ разъ съ особымъ интересомъ. Правительству предстояло оправдаться предъ общественнымъ мнѣніемъ по поводу слишкомъ продолжительной задержки въ созывѣ парламента, согласіе котораго было необходимо для чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ на китайскую экспедицію. Въ тронной рѣчи, прочитанной 14 ноября (нов. ст.) Вильгельмомъ II, этотъ щекотливый пунктъ затронутъ былъ только слегка и притомъ довольно слабо. „При извѣстіи о вспыхнувшихъ волненіяхъ въ Китаѣ — говоритъ императоръ,—я охотно тотчасъ же собралъ бы около себя народное представительство"; послѣднее, безъ сомнѣнія, „съ патріотическою готовностью одобрило бы принимаемыя мѣры и этимъ возвысило бы ихъ значеніе и важность"... Но тогда не было еще фактической основы для опредѣленныхъ рѣшеній, и связанныя съ ними задачи не допускали еще точной финансовой оцѣнки, почему и не признано было нужнымъ созвать имперскій сеймъ на чрезвычайную сессію; зато въ настоящее время союзныя германскія правительства надѣются, что „сеймъ не откажетъ въ утвержденіи сдѣланныхъ уже расходовъ", оправдываемыхъ необходимостью безотлагательной „защиты германскихъ интересовъ и чести германскаго имени". Не только оппозиціонныя, но и консервативныя партіи, въ лицѣ своихъ главныхъ представителей и ораторовъ, указывали на явную натянутость и нелогичность приведеннаго объясненія по волновавшему всѣхъ серьезному конституціонному вопросу. Отсутствіе свѣдѣній о размѣрахъ предстоявшихъ затратъ нисколько не исключало возможности обратиться къ имперскому сейму за разрѣшеніемъ временнаго кредита, напр. въ 50 милліоновъ марокъ, подобно тому какъ это сдѣлано было Бисмаркомъ относительно сѣверо-германскаго сейма передъ началомъ франко-прусской войны въ 1870 году; въ такомъ случаѣ парламентъ высказался бы и о желательномъ направленіи германской

политики въ Китаѣ, и успѣлъ бы, быть можетъ, предупредить нѣкоторыя излишества и увлеченія, выразившіяся въ неосторожныхъ публичныхъ рѣчахъ самого Вильгельма II.

Около этихъ фактовъ и доводовъ вращались всѣ пренія по китайскимъ дѣламъ, въ засѣданіяхъ 19—23 ноября. Новый канцлеръ, графъ Бюловъ, исполнилъ свою задачу съ большимъ искусствомъ и показалъ себя очень ловкимъ и находчивымъ парламентскимъ бойцомъ. Длинная объяснительная рѣчь его, извѣстная уже читателямъ изъ газетныхъ телеграммъ, не отличалась, однако, ни новизною фактическаго содержанія, ни особенною оригинальностью мыслей; многимъ не нравилось также то обстоятельство, что отвѣтственность за нарушеніе правъ имперскаго сейма онъ просто возложилъ на своего предмѣстника, князя Гогенлоэ, отъ котораго формально зависѣло возбудить своевременно вопросъ о созывѣ парламента. Такое отношеніе къ бывшему канцлеру, давно уже, въ сущности, не игравшему замѣтной роли въ правительственной политикѣ, представлялось „мало рыцарскимъ", въ чемъ и упрекнулъ графа Бюлова одинъ изъ ораторовъ оппозиціи. Полную побѣду одержалъ Бюловъ только въ засѣданіи 20-го ноября, когда ему пришлось отвѣчать знаменитому вождю „свободомыслящихъ", Евгенію Рихтеру. Послѣ обстоятельныхъ и вѣскихъ соображеній Рихтера о томъ, что всѣ министры одинаково виновны въ упущеніи относительно имперскаго сейма,—что „всѣ они—грѣшники", канцлеръ произнесъ замѣчательно остроумную рѣчь, которою сразу завоевалъ расположеніе палаты. Въ оправданіе правительства графъ Бюловъ сослался на общественное мнѣніе, которымъ онъ всегда руководствуется; въ данномъ случаѣ, бывшій канцлеръ считалъ долгомъ послѣдовать совѣту газеты, которая пользуется извѣстностью по своимъ близкимъ отношеніямъ къ „одному весьма выдающемуся парламентскому дѣятелю",—именно, къ Евгенію Рихтеру. Въ редактируемой имъ „Freisinnige Zeitung", въ нумерѣ отъ 4-го іюля, въ тотъ именно психологическій моментъ, когда возникалъ вопросъ о созывѣ парламента, появилась статья, рѣшительно возражающая противъ подобной мѣры, какъ излишней и неудобной. Графъ Бюловъ прочелъ затѣмъ эту замѣтку, которая по содержанію почти совпадаетъ съ позднѣйшими оффиціозными объясненіями. Получился неожиданный эффектъ, которымъ споръ по существу былъ оконченъ. Палата пришла въ веселое настроеніе; Бюловъ продолжалъ разсказывать въ ироническомъ тонѣ, какъ онъ лично былъ за созваніе сейма, но не могъ не подчиниться авторитету опытнаго и краснорѣчиваго защитника конституціи, Рихтера.

Проектъ объ утвержденіи расходовъ на китайскую экспедицію, въ суммѣ около 152 милліоновъ марокъ по бюджету 1900 года, принятъ палатою въ первомъ чтеніи, послѣ оживленныхъ четырехдневныхъ

преній. Результатъ можно было предвидѣть заранѣе; правительство само признало свое упущеніе, и новый канцлеръ торжественно принялъ на себя обязательство въ точности соблюдать въ будущемъ законныя права народнаго представительства. Нѣкоторые ораторы рѣзко осуждали воинственныя заявленія Вильгельма II, отразившіяся на характерѣ дѣйствій германскихъ войскъ въ Китаѣ; особенно много говорилъ объ этомъ извѣстный предводитель соціаль-демократіи Бебель, которому возражалъ военный министръ фонъ-Госслеръ. Публичныя разсужденія на эту щекотливую тему никому не кажутся опасными въ Германіи, и ими нисколько не умаляется высокій личный авторитетъ германскаго императора.

Начало осенней парламентской сессіи во Франціи было далеко не столь интересно, какъ въ Германіи. Съ перваго же засѣданія, 6 ноября, палата занялась безсодержательнымъ и вялымъ обсужденіемъ запроса Вазейля объ „общей политикѣ кабинета". Такіе запросы предъявляются обыкновенно съ цѣлью „зондировать" почву, нѣтъ ли матеріала для министерскаго кризиса. Оппортунисты и консерваторы полагаютъ, что матеріала накопилось довольно за время вакацій; затрудненіе— лишь въ томъ, кого поставить на мѣсто нынѣшнихъ министровъ. Плодъ еще не созрѣлъ для оппозиціонныхъ партій, крайне разрозненныхъ и колеблющихся въ своемъ составѣ. Радикалы и соціалисты, вмѣстѣ съ значительною группою передовыхъ республиканцевъ, упорно поддерживаютъ кабинетъ Вальдека-Руссо; они могли бы остаться въ меньшинствѣ только при случайномъ или временномъ союзѣ оппортунистовъ съ клерикалами и націоналистами. Глава министерства объяснилъ свои намѣренія относительно разныхъ второстепенныхъ законодательныхъ проектовъ, стоящихъ на очереди,—и послѣ многихъ сбивчивыхъ рѣчей за и противъ правительства состоялось 8 ноября голосованіе, которымъ выражено кабинету довѣріе большинствомъ 301 противъ 223 голосовъ. Передъ тѣмъ, приняты были двѣ поправки, порицающія правительство, но въ заключеніе онѣ были опять отвергнуты.

Главныя нападенія относились къ министру торговли Мильерану, принадлежащему номинально къ партіи соціалистовъ; присутствіе его въ составѣ кабинета считается важнѣйшимъ недостаткомъ послѣдняго и великою опасностью для республики, съ точки зрѣнія оппортунистовъ. Такъ какъ французское общество убѣдилось, что Мильеранъ не совершилъ до сихъ поръ никакого соціалистическаго переворота въ предѣлахъ своего вѣдомства, и что вообще онъ дѣйствуетъ не хуже и не лучше своихъ буржуазныхъ предмѣстниковъ, то возгласы оппортунистовъ не производятъ уже прежняго впечатлѣнія на публику,

и необходимость замѣнить Мильерана болѣе надежнымъ человѣкомъ не является столь очевидно настоятельною, чтобы изъ-за этого возбуждать министерскій кризисъ.

Попытки подойти къ дѣлу съ другого конца, при помощи личныхъ позорящихъ обвиненій противъ отдѣльныхъ министровъ, также потерпѣли неудачу. Извѣстный Дрюмонъ и его сотрудники по газетѣ „Libre Parole" утверждали, что сынъ министра колоній Декрэ, служащій въ его канцеляріи, устроиваетъ за деньги назначеніе орденовъ сомнительнымъ аферистамъ, въ числѣ которыхъ упоминалось имя нѣкоего Гонзалеса Майера. Министръ Декрэ подробно объяснилъ палатѣ, при какихъ обстоятельствахъ и по какимъ мотивамъ назначены были ордена по его вѣдомству; его указанія были поддержаны нѣкоторыми депутатами, и изъ послѣдовавшихъ преній выяснилось, что газета „Libre Parole" передавала лишь неопредѣленные слухи, дошедшіе до нея изъ неизвѣстнаго источника, т.-е., просто сочиненные въ редакціи. Дрюмонъ, вызванный на трибуну, долженъ былъ признаться, что фактовъ никакихъ не было, и что во всѣхъ газетахъ печатаются мнѣнія и предположенія, не поддающіяся точной провѣркѣ. Вальдекъ-Руссо заявилъ, что Гонзалеса Майера, о которомъ писали обличители, въ дѣйствительности вовсе не существуетъ. Палата, въ засѣданіи 19 ноября, опять одобрила заявленія правительства, и, слѣдовательно, кризисъ вновь отсроченъ...

Всемірная выставка въ Парижѣ закрылась 12 ноября среди общаго равнодушія или, вѣрнѣе, утомленія. Въ ближайшей книгѣ журнала мы помѣстимъ общій отчетъ о ея результатахъ, ожидаемый нами отъ нашего корреспондента.

Прибытіе президента Крюгера во Францію и необыкновенныя оваціи, выпавшія на его долю въ Парижѣ, превратили частный и мѣстный фактъ какъ бы въ общее политическое, международное событіе, но о значеніи и послѣдствіяхъ этого событія судить еще весьма трудно. Въ Германіи, какъ сообщаютъ газеты, Крюгеръ не получилъ оффиціальнаго пріема, а потому изъ Кельна направился не въ Берлинъ, а прямо въ Голландію.

СПОРЪ О ЯЗЫКАХЪ ВЪ АВСТРІИ.

Письмо въ Редакцію.

Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ сряду, политическая жизнь въ Австріи поглощена національною борьбою между славянами и нѣмцами о правахъ ихъ языковъ. Борьба эта переходитъ нынѣ изъ области политики въ область повседневнаго быта, волнуетъ всѣ классы общества, доходитъ иногда до крупныхъ размѣровъ и усложняется въ такой степени, что тутъ трудно разсчитывать на безпристрастіе, а о спокойномъ отношеніи сторонъ къ вопросу—не можетъ быть и рѣчи. Какъ на пергамскихъ изваяніяхъ переплетаются тѣла борющихся и почти смѣшиваются, такъ и тутъ лозунги партій сталкиваются взаимно и измѣняютъ свой смыслъ, а потому часто затрудняешься въ оцѣнкѣ ихъ, искренности и даже не знаешь иногда, какъ рѣшить: кто тутъ нападаетъ, и кто защищается?

По распущеніи бывшаго парламента и почти наканунѣ выборовъ въ новый, наступилъ у насъ, въ Австріи, моментъ раздумья, располагающій къ тому, чтобы во время передышки вникнуть въ настоящія причины этой борьбы и въ ея характеръ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что, по словамъ маститаго австрійскаго монарха, будущій парламентъ будетъ имѣть значеніе „послѣдняго конституціоннаго опыта",—иными словами, борьба національностей доведетъ Австрію до измѣненія формы правленія, такъ какъ нѣтъ надежды на то, чтобы послѣдующіе затѣмъ новые выборы въ ближайшемъ будущемъ привели къ болѣе удовлетворительному результату. Австрія, такимъ образомъ, стоитъ на какомъ-то перепутьи, и возникаетъ вопросъ, кого въ данномъ случаѣ слѣдуетъ винить. Затѣмъ остается еще одинъ вопросъ—въ чемъ собственно состоитъ предметъ самаго спора.

Публика вообще, а въ особенности заграничная, привыкла судить о справедливости или несправедливости всякой войны по тому чисто внѣшнему признаку: кто ее вызвалъ, кто первый бросилъ противнику перчатку. Со стороны нѣмцевъ указываемо было многократно на то, что починъ войны принадлежитъ славянамъ, а нѣмцы только защищаются. Что касается до предмета спора, то нѣмцы утверждаютъ, что они отстаиваютъ только свое „право владѣнія", между тѣмъ какъ славяне нарушаютъ это право своими притязаніями.

Нѣмецкія притязанія могли бы казаться основательными, если судить

по одной внѣшности; но дѣло представится совсѣмъ въ иномъ видѣ, если вникнуть въ настоящіе поводы нападеній и уяснить себѣ, въ чемъ состоитъ фактъ и, будто-бы, вытекающее изъ него „право владѣнія". Фактомъ владѣнія австрійскіе нѣмцы считаютъ все то, что̀ они себѣ исторически присвоили въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій и что̀ за ними было, по ихъ мнѣнію, закрѣплено конституціею 24 декабря 1867 г. — Эта конституція была дана послѣ мировой сдѣлки правительства съ венгерцами, въ силу которой венгерцамъ было возвращено ихъ политическое отдѣльное существованіе, потерянное ими въ 1848 г. Въ самый моментъ пожалованія конституціи 1867 г., другіе народы, и въ особенности чехи, могли не безъ основанія считать себя обиженными, потому что, вслѣдствіе мировой сдѣлки съ венгерцами, нѣмцы моментально получили такой же перевѣсъ въ не-венгерскихъ земляхъ, какимъ пользовались мадьяры въ областяхъ венгерской короны. Произошелъ дѣлежъ власти между нѣмцами и мадьярами, съ предоставленіемъ нѣмцамъ преобладанія въ предѣлахъ Австріи по одну сторону Лейты, въ замѣнъ за преобладаніе мадьяръ по другую сторону Лейты. Подобный компромиссъ съ явнымъ преимуществомъ для нѣмцевъ не могъ нравиться народамъ славянскимъ вообще, и въ особенности онъ былъ несправедливъ по отношенію къ чехамъ.

Въ 1526 г., послѣ того, какъ въ сраженіи съ турками подъ Могачемъ, въ которомъ палъ чешскій и венгерскій король Людовикъ Ягеллонъ,—и Богемія, и Венгрія, добровольно подчинились Габсбургамъ, съ сохраненіемъ своей особности. Вопросы національные еще тогда не существовали. Нѣмецкая колонизація, прокладывавшая себѣ дорогу въ Богемію, Моравію и Силезію еще при династіи Премысла, не возбуждала никакихъ затрудненій правовыхъ и политическихъ. Нѣмецкіе горожане (бюргеры) въ Богеміи не представляли себѣ, что они піонеры германизма въ современномъ націоналистическомъ смыслѣ. Въ политическомъ отношеніи связь пріобрѣтенныхъ въ 1526 г. Богеміи и Венгріи съ областями австрійскими, которыми съ того времени владѣли Габсбурги, основана была на союзѣ чисто личномъ каждаго изъ нихъ съ династіей. — Габсбургскія владѣнія состояли изъ трехъ группъ: 1) наслѣдственныя австрійскія земли (Oesterreichische Erbländer); 2) земли короны св. Вячеслава: Чехія, Моравія, Силезія и Лужицы, и 3) земли короны св. Стефана. Всѣ группы имѣли одного общаго монарха, который, для осуществленія правъ монархической власти, учреждалъ въ каждой изъ группъ о̀рганы управленія и предоставлялъ исполненіе своимъ полномочнымъ представителямъ. Весь интересъ монарха въ управленіи сосредоточивался главнымъ образомъ на доходахъ, которые онъ извлекалъ изъ отдѣльныхъ земель ему под-

властныхъ, на дѣлахъ внѣшней политики и на нераздѣльныхъ съ ними военныхъ вопросахъ. Во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ и вопросахъ власть монарха была болѣе или менѣе ограничена, смотря по тому, насколько принимали въ нихъ участіе сословія каждой страны. Сословія (Landstände) австрійской группы земель имѣли меньшее участіе въ правленіи, нежели сословія двухъ другихъ группъ, богемской и венгерской. Даже австрійскіе города пользовались меньшею автономіею, нежели города чешскіе и нѣкоторые венгерскіе. Продолжительность господства дома Габсбурговъ укрѣпила его власть по отношенію къ сословіямъ въ австрійскихъ земляхъ, между тѣмъ какъ частыя перемѣны династій въ Богеміи и Венгріи ослабили авторитетъ монаршей власти. Въ австрійскихъ земляхъ власть эта сдѣлалась наслѣдственною съ 1156 г., то-есть въ моментъ пожалованія ихъ императоромъ Фридрихомъ I Бабенбергамъ въ ленное владѣніе, между тѣмъ какъ въ Богеміи и Венгріи выработалось народное право выбора короля, которое и получило примѣненіе въ 1526 г. по отношешенію къ Фердинанду Габсбургу.—Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что въ самой группѣ богемскихъ земель существовало между этими землями нѣкоторое различіе. Моравія, Силезія и Лужицы подчинились Фердинанду безъ избранія его, какъ мужу Анны Ягеллоновны, между тѣмъ какъ сословія и Богеміи, и Венгріи, не признавали правъ Анны, такъ что Фердинандъ долженъ былъ подвергнуть себя избранію.

Вопросъ о государственномъ объединеніи земель не могъ въ австрійской монархіи возникнуть еще и потому, что исконныя австрійскія земли были ленныя владѣнія римской имперіи, венгерскія земли не входили никогда въ составъ римской имперіи; а богемскія были связаны съ этой имперіей внѣшнимъ только образомъ и крайне слабо, такъ что существо этой связи составляетъ донынѣ открытый спорный вопросъ. Хотя король чешскій былъ вассаломъ римскаго императора и даже электоромъ, но даже крайній сторонникъ германизма не рѣшится утверждать, чтобы королевство Богемія составляло часть этой германской федераціи, которая именовалась „священною римскою имперіею“.

Тридцатилѣтняя война измѣнила существенно положеніе Богеміи. За этою войною послѣдовали мятежъ Богеміи, лишеніе Габсбурговъ престола, правленіе такъ-назызаемаго „зимняго короля“,—наконецъ, открытая борьба, въ которой разбитые въ сраженіи подъ Бѣлою-Горою чехи потеряли политическую самостоятельность. Въ силу такъ-называемаго возобновленнаго земскаго порядка (Landesordnung) 1627 года, водворено самодержавіе побѣдоноснаго монарха, съ отмѣною всѣхъ прерогативъ мѣстныхъ сословій. Съ тѣхъ поръ въ Богеміи, а равно почти въ одинаковой степени и въ Моравіи (хотя „Landesordnung“

моравскаго маркграфства 1628 г. нѣсколько отличался отъ „Landesordnung“ для Богеміи 1627 г.), власть монархическая была безусловно неограниченная, и этотъ абсолютизмъ сопровождался поддерживаніемъ пришлыхъ извнѣ колонизаціонныхъ элементовъ населенія и соотвѣтствующею убылью чешскихъ національныхъ силъ. Монархъ-побѣдитель искалъ опоры въ населеніи нѣмецкомъ, котораго было довольно много въ городахъ чешскихъ и моравскихъ; раздавалъ нѣмецкому дворянству конфискованныя, по случаю мятежа, имѣнія, распредѣлялъ мѣстныя должности сановникамъ нѣмцамъ, жаловалъ чешскій индигенатъ иноземцамъ и всячески содѣйствовалъ росту чуждыхъ чешской національности стихій. Хотя, несмотря на то, австрійскій монархъ вѣнчался чешской короной и издавалъ особые указы для Богеміи, фактически Богемія осталась завоеванной страной. Перенесеніе такъ называемой богемской *придворной канцеляріи* (центральнаго установленія для королевства Богеміи) въ Вѣну при Маріи-Терезіи и сліяніе ея съ придворною австрійскою канцеляріею было только послѣднимъ внѣшнимъ выраженіемъ той политики. Нынѣшніе чешскіе публицисты не вполнѣ правильно, по нашему убѣжденію, считаютъ это чисто-бюрократическое преобразованіе какимъ-то событіемъ принципіально существеннымъ: рѣшающимъ дѣйствіемъ было совершившееся въ 1627 году изданіе обновленной ординаціи; все послѣдующее затѣмъ было послѣдствіемъ той неограниченной власти, въ которую австрійскій монархъ облекъ себя по вышеупомянутой „Landesordnung“.

Ни событія 1848 г., ни конституціи 1860 и 1861 годовъ, не измѣнили установившагося положенія вещей. Духъ централистическаго объединенія, достигшій полнаго преобладанія при Іосифѣ II, и затѣмъ—во времена Меттерниха, Баха и Шмерлинга,—ставилъ ни во что̀ чешскія жалобы, считалъ вопросъ рѣшеннымъ и не допускалъ малѣйшей возможности хотя бы частнаго возстановленія чешскаго государства въ отношенія и условія, предшествовавшія тридцатилѣтней войнѣ.

Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что отъ чешскаго погрома до изданія конституціи прошло почти два съ половиною вѣка, и что за этотъ періодъ нѣмецкій элементъ въ Богеміи значительно возросъ, такъ что возстановленіе прежнихъ отношеній оказалось весьма труднымъ. Сверхъ того, въ теченіе этого періода и въ особенности въ концѣ его, то-есть въ XIX столѣтіи, національные вопросы, имѣвшіе прежде гораздо меньшее значеніе, стали на первый планъ. Признаніе отдѣльнаго существованія Богеміи въ предѣлахъ до 1627 г., то-есть до изданія обновленной ординаціи страны, представлялось нѣмцамъ на дѣлѣ равносильнымъ выдачѣ, такъ сказать, головою нѣсколькихъ милліоновъ нѣмцевъ—славянамъ. Итакъ, чешскіе политики нѣсколько увлекались, требуя немедленнаго возврата къ отношеніямъ, упраздненнымъ за нѣ-

сколько предшествующихъ вѣковъ. Но ошибались также и нѣмецкіе политики, которые „фактъ владѣнія", желали превратить въ нѣчто твердое какъ камень, возвести его въ неизмѣнную догму. О полномъ возстановленіи отношеній XVI-го вѣка трудно было говорить, такъ какъ связать опять нити, которыя были разсѣчены назадъ тому $2^1/_2$ вѣка,— и съ теоретической, и съ практической стороны, представлялось утопіею. Но этотъ же вопросъ могъ получить иную постановку, когда задача была бы поставлена не какъ попытка совершенно опровергнуть фактъ владѣнія нѣмцевъ, который самъ по себѣ тяжелъ и обиденъ для чешской народности, но какъ попытка создать новыя условія жизни посредствомъ удовлетворенія весьма справедливыхъ въ сущности требованій чешскаго народа.

Нѣмцы могутъ возражать противъ чешскихъ требованій, когда они доходятъ до крайностей, до домогательства возстановить отдѣльное чешское государство (вмѣщающее и Моравію, и Силезію, какъ составныя части короны св. Вячеслава, и почти не связанное съ остальною монархіею). Можно считать, что эти требованія и преувеличены, и непрактичны, и даже юридически неосновательны, при предполагаемомъ возвратѣ за грань тридцатилѣтней войны,—такъ какъ только Богемія была пріобрѣтена въ 1526 г. Габсбургами по праву избранія, а Моравія, Силезія и Лужицы были вотчинами, доставшимися Габсбургамъ по наслѣдству. Но чешскія притязанія становятся, однако, удобопонятными, какъ только мы ихъ сопоставимъ съ событіями венгерской исторіи.

Венгрія объединилась съ Габсбургскою монархіею одновременно съ Богеміею въ 1526 году и на одинаковыхъ условіяхъ. Чехи потеряли, правда, свою самобытность вслѣдствіе тридцатилѣтней войны, но и Венгрія не отличалась постоянною вѣрностью династіи и преданностью; довольно вспомнить тотъ непрерывный рядъ войнъ турецкихъ, въ продолженіе которыхъ мадьяры стояли на турецкой сторонѣ, такъ что народамъ Австріи приходилось брать съ боя, цѣною крови, каждую пядь венгерской земли. Въ 1687 г., венгерская оппозиція заключила компромиссъ съ Леопольдомъ I, но этотъ государь,—хотя и побѣдитель,— предложилъ ей далеко не такія тяжкія условія, какъ тѣ, которымъ подчинилъ чеховъ Фердинандъ II, послѣ сраженія подъ Бѣлою-Горою. Въ 1848 г., сеймъ венгерскій объявилъ Габсбурговъ лишенными престола, и только соединенными силами русскихъ и австрійскихъ войскъ Венгрія была усмирена, но 18-ть лѣтъ спустя состоялось мирное соглашеніе на неожиданно блестящихъ и выгодныхъ условіяхъ для Венгріи.

Съ юридической точки зрѣнія, Богемія и Венгрія стоятъ наравнѣ. Въ началѣ счетовъ и той, и другой, съ Австріею имѣется доброволь-

ное подчиненіе Габсбургамъ въ 1526.; затѣмъ, слѣдуютъ мятежи, но по отношенію Богеміи проявляется безпощадная суровость побѣдителя, а по отношенію Венгріи, несмотря на частые ея мятежи, послѣ короткаго перерыва—помилованіе и возстановленіе ея въ правахъ. Очевидно, рѣшителями судебъ этихъ странъ были не законъ и не проведеніе послѣдовательно одного и того же начала, но сила сопротивленія и иныя историческія условія. Въ виду такого обстоятельства, дѣлается болѣе понятною даже преувеличенность требованій чеховъ: въ одномъ случаѣ прошло двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ, а въ другомъ—только 18-ть. Зато, гораздо болѣе поразительною является слѣпота творцовъ конституціи 1867 г.. которые мечтали, что такая неравномѣрность будетъ вѣковѣчна; лицемѣрно дѣйствуя, они отстаивали, однако, свои права завоевателей.

Таково было начало. Когда венгерцамъ, какъ бы за ихъ стойкое сопротивленіе, предложена была награда,—слѣдовало и другимъ народностямъ предоставить хотя бы часть того же. Но повторилось то, что̀ зачастую происходитъ между частными людьми. Настойчивый кредиторъ, располагающій силою и вліяніемъ, получаетъ удовлетвореніе сполна по своей претензіи, въ то время, когда болѣе скромные кредиторы довольствуются полученіемъ частицы ихъ долга безъ процентовъ, притомъ даже и не въ наличныхъ деньгахъ, а векселями на дальніе сроки, или даже и бланковыми векселями безъ опредѣленныхъ сроковъ. Нѣтъ надобности входить въ разбирательство того, была ли принуждена Австрія дѣлать своему кредитору, Венгріи, столь значительныя уплаты; во всякомъ случаѣ, Австрія уплатила венгерцамъ больше того, что̀ имъ слѣдовало, какъ кредиторамъ. Венгерцы получили полную самобытность; расположенные къ централизаціи нѣмцы отреклись отъ всякихъ притязаній на Венгрію ради только того, чтобы, освободившись отъ этого больного мѣста, отъ этой ахиллесовой пяты, имѣть зато въ Австріи полный перевѣсъ и гегемонію. Другимъ, менѣе опаснымъ кредиторамъ выданы были Австріею только векселя. Значеніе такого векселя имѣетъ 19-я статья конституціи, предоставляющая каждой народности возможность свободнаго развитія и пользованія ея *языкомъ* въ *школѣ*, въ *публичныхъ установленіяхъ* и въ жизни *общественной* (Art. XIX: Alle Volksstämme des Staats sind gleich berechtigt und jeder Volksstamm hat ein unversetzliches Recht auf Wahrung und Pflege seiner Nationalität und Sprache. — Die Gleichberechtigung aller landesüblichen Sprachen in Schule, Amt und öffentlichem Leben wird vom Staate anerkannt).

Продолжимъ наше сравненіе статей этой конституціи съ векселями. Простая логика учитъ, что лицо, расплачивающееся векселями, уменьшаетъ свое состояніе на всѣ тѣ денежныя суммы, которыя оно

признаетъ подлежащими уплатѣ, хотя бы и по прошествіи многаго числа лѣтъ. Кто выпустилъ въ обращеніе весьма большое количество крупныхъ векселей,— едва ли можетъ считать себя даже полнымъ собственникомъ имѣнія, служащаго обезпеченіемъ всѣхъ его кредиторовъ сообща. Иначе разсуждать можетъ только или человѣкъ легкомысленный, не дающій себѣ отчета въ своемъ положеніи, либо должникъ, не имѣющій намѣренія платить и разсчитывающій на то, что ему удастся получать все новыя и новыя отсрочки. Такой образъ дѣйствія явно несостоятеленъ, если отнестись къ нему критически. Состоятельность задолжавшаго лица опредѣляется посредствомъ вычета изъ его актива его же долговъ, хотя бы и такихъ, по которымъ еще не наступили сроки платежа. Спрашивается, можно ли считать состоятельнымъ лицо, надававшее множество бланковыхъ векселей за своими подписями, безъ обозначенія суммъ долга, съ тѣмъ, чтобы эта сумма была въ зависимости отъ обстоятельствъ, которыя были еще неизвѣстны векселедателю въ моментъ выдачи этихъ бланковыхъ векселей. Въ устахъ такого кредитора право его владѣнія становится пустою фразою. Ссылаясь на фактъ владѣнія, онъ не даетъ себѣ отчета въ томъ, до какой высоты могутъ дойти выданныя имъ обязательства, потому что онъ ошибочно надѣется на то, что никогда не осуществятся тѣ обстоятельства, въ зависимости отъ которыхъ состоитъ высота долга, а слѣдовательно и его оплатность.

Высказанныя нами соображенія оправдались какъ разъ въ настоящемъ случаѣ. — Привыкнувъ къ пренебрежительному обхожденію съ другими народами и въ особенности со славянами, нѣмцы не справлялись съ ихъ развитіемъ и успѣхами, и избѣгая смотрѣть на нихъ, закрывали глаза,—что̀ продолжаютъ, по возможности, дѣлать и въ настоящее время. Ихъ поддерживало въ такомъ мнѣніи апатическое настроеніе славянъ въ теченіе періода конституціоннаго, а равно и то, что славяне сжились по необходимости съ нѣмецкимъ языкомъ, привыкли къ нѣмецкой гегемоніи, да и ссорятся постоянно другъ съ другомъ. Пришлось, однако, нѣмцамъ считаться съ поляками въ Галиціи, что̀ и послужило причиною тому, что еще до конституціи полякамъ оказаны были нѣкоторыя уступки, которыя давались нѣмцами тѣмъ охотнѣе, что въ Галиціи нѣтъ нигдѣ сплошного народонаселенія нѣмецкаго, а нѣмецкія колоніи, которыя пытался разводить тамъ Іосифъ II, не удались. Въ областяхъ со смѣшанною народностью, нѣмецко-славянскою, весьма искусная такъ называемая *избирательная тригонометрія*, т.-е., дѣленіе страны на избирательные округи, обезпечивала за нѣмцами прочный на долгое время перевѣсъ. — Всего искуснѣе проведенъ былъ этотъ фокусъ въ Силезіи и въ Моравіи. Общины славянскія пріурочивались такимъ образомъ къ превос-

ходящему ихъ числу нѣмецкихъ, что онѣ утопали въ послѣднихъ; естественныя группы были раздробляемы, а затѣмъ были сочиняемы и совсѣмъ новые округи. Меньшинство славянъ по такимъ округамъ лишаемо было возможности заявлять о своихъ нуждахъ. Ловкая школьная политика и натискъ сверху внизъ, со стороны властей, поддерживали нѣмецкія стремленія. Такимъ образомъ и обѣщанная въ ст. 19-й конституціи свобода народнаго развитія въ школѣ и въ жизни общественной не могла никоимъ образомъ осуществиться. Когда, помимо препятствій, отдѣльныя народности стали заявлять о себѣ и домогаться реализаціи закономъ гарантированной свободы, и когда нѣмцы сообразили, какъ велика грозящая имъ опасность, тогда они и выдвинули впередъ ту знаменитую „теорію владѣнія“ которая, если перевести ее на обыденный практическій языкъ/ равнозначаща разрѣшенію развиваться, не выходя, однако, изъ существующихъ отношеній; но это—уже прямое извращеніе конституціи, потому что „свобода развитія“ ставится въ тѣсныя границы. Всякое развитіе имѣетъ послѣдствіемъ какія-либо перемѣны въ пользу или во вредъ извѣстныхъ лицъ или группъ. Когда въ какой-нибудь общинѣ усиливался народный духъ, община эта начинала требовать, вмѣсто нѣмецкихъ, своихъ собственныхъ школъ и общественныхъ установленій, а вслѣдствіе этого число нѣмецкихъ школъ и должностей должно было уменьшаться, — а потому всякое осуществленіе свободы, гарантированной конституціею, приходилось брать съ бою. Нѣмцы, съ своей стороны, сопротивлялись всякимъ уступкамъ той или другой народности и сокращенію факта нѣмецкаго владѣнія.

Итакъ, судя поверхностно, можно было бы сказать, что нѣмцы какъ будто бы только отстаиваютъ свои права, а славяне на нихъ нападаютъ; но въ сущности выходило, что нападки со стороны славянъ походили на требованія уплаты по векселю на предъявителя, выданному mala fide, безъ намѣренія оплаты его должникомъ, что̀ не отнимаетъ, однако, у векселя его силы. Такъ какъ конституція предоставляетъ всѣмъ народностямъ „die Pflege ihrer Nationalität und Sprache in Schule, Amt und öffentlichem Leben“, то коль скоро развитіе усиливалось,—увеличивалась также и потребность въ употребленіи языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ происходило сокращеніе нѣмецкой гегемоніи. Этого-то никогда не хотѣла признать нѣмецко-либеральная или „вѣрно-конституціонная“ партія (verfassungstreu), чѣмъ она и обнаруживала свою недобросовѣстность, свое нежеланіе исполнить ст. 19-ую конституціи. Пока эта партія оспаривала только требованіе о возстановленіи чешскаго королевства, она, можно сказать, дѣйствовала еще въ духѣ конституціи, признающей, что въ объединенной австрійской монархіи имѣются только области, но нѣтъ политическаго сепаратизма между

отдѣльными частями монархіи. Но отрицаніе права развитія въ національномъ духѣ у чеховъ, или у иныхъ народностей, было уже противозаконіемъ и нарушеніемъ конституціи. Въ пылу разгорѣвшейся борьбы вопросъ о чешскомъ королевствѣ и вопросъ о конституціонномъ развитіи отдѣльныхъ національностей до того перепутались, что это смѣшеніе и до сихъ поръ служитъ главнымъ препятствіемъ къ уразумѣнію настоящаго положенія сторонъ. Такой сумбуръ выгоденъ для нѣмцевъ, потому что, опровергая всякое чешское требованіе, не соотвѣтствующее конституціи, нѣмцы не перестаютъ утверждать, что они только одни стоятъ на юридической почвѣ. Что касается до чеховъ, то даже и тѣ изъ нихъ, которые сознаютъ всю силу препятствій, не допускающихъ признанія особой чешской государственности, то-есть, выдѣленія земель чешской короны изъ общаго состава монархіи,—и тѣ не отступаются отъ этого требованія, имѣя въ виду, что лучше домогаться бо̀льшаго, съ тѣмъ, чтобы получить хотя что-нибудь. Среди же нѣмцевъ, даже и тѣ, которые понимаютъ реальное положеніе вещей, не перестаютъ отрицать неоспоримѣйшія и законнѣйшія по конституціи требованія національностей, противопоставляя имъ пугало сепаратистическаго чешскаго государства и призракъ федераціи.

Разборъ теоріи „факта владѣнія“ нѣмцевъ приводитъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что она лишена всякаго юридическаго основанія. Возникаетъ вопросъ, почему нѣмцы, однако, такъ ожесточенно отстаиваютъ этотъ фактъ, подвергающій австрійскую монархію большимъ опасностямъ отъ междоусобій, которымъ не предвидится никакого конца, ни предѣла. При ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, нельзя не придти къ убѣжденію, что такъ-называемый „фактъ владѣнія“, сверхъ своей идейной стороны, имѣетъ еще весьма существенную матеріальную подкладку.

Господство нѣмецкаго языка въ размѣрахъ, не соотвѣтствующихъ духу конституціи и противныхъ требованіямъ славянскихъ національностей, всегда сопровождалось *комплектованіемъ общественныхъ должностей* исключительно одними *нѣмцами.* До изданія конституціи, такое комплектованіе оправдывалось для видимости тѣмъ, что бюрократія нѣмецкая и въ связи съ нею дружины онѣмечившихся и деморализованныхъ чеховъ служатъ крѣпчайшими устоями, поддерживающими абсолютизмъ и централизацію, то-есть, двѣ формы, соотвѣтствовавшія вполнѣ тогдашнему правовому и политическому быту. Вполнѣ понятно, что, поставивъ себѣ извѣстныя хорошія или дурныя цѣли, абсолютизмъ осуществлялъ ихъ посредствомъ о̀рганов, съ этой точки зрѣнія, подходящихъ къ этой цѣли и надежныхъ. Правительство, которое пользовалось весьма сомнительными по качеству

услугами дѣйствующихъ такимъ образомъ нѣмцевъ, довело Австрію до уничиженій, которыя она испытала во время наполеоновскихъ войнъ, до финансоваго банкротства, до страшнаго застоя въ культурѣ въ эпоху Меттерниха, до событій 1848 г. и до погромовъ 1859 и 1866 г. г.

Тѣ времена миновали безвозвратно, но это не препятствуетъ нѣмцамъ ссылаться на „фактъ владѣнія", хотя съ теченіемъ лѣтъ по-неволѣ они должны были примириться со многими перемѣнами. Введеніе польскаго оффиціальнаго языка, а затѣмъ и русинскаго въ Галиціи, лишило нѣмцевъ возможности соискательства должностей въ Галиціи, такъ какъ извѣстно, что знаніе языковъ славянскихъ достается нѣмцамъ съ большимъ трудомъ. Затѣмъ, въ другихъ областяхъ, со смѣшаннымъ славяно-нѣмецкимъ населеніемъ—оффиціальнымъ должностнымъ языкомъ остался нѣмецкій не только тамъ, гдѣ нѣмцы въ большинствѣ, но даже и тамъ, гдѣ они въ меньшинствѣ. Гдѣ они имѣютъ рѣшительный перевѣсъ, тамъ о равноправности славянскаго меньшинства по конституціи не можетъ быть и рѣчи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, требовалось получить разрѣшеніе нижне-австрійскаго сейма на открытіе чешскаго народнаго училища въ Вѣнѣ, въ которой среди милліона нѣмцевъ имѣется 100.000 чеховъ. Ректоръ вѣнскаго университета, извѣстный канонистъ Маасенъ, отличился своимъ гражданскимъ мужествомъ, поддерживая справедливое требованіе чеховъ; до конца его жизни вѣнскіе студенты и населеніе не прощали ему этого поступка. Та же исторія повторилась съ гимназіею въ Цилли (Cilli), въ Штиріи. Въ странахъ, гдѣ нѣмцы въ меньшинствѣ, напримѣръ въ Силезіи или Буковинѣ, они тѣмъ не менѣе сохраняютъ властвующее положеніе, ссылаясь на превосходство своей культуры, на то, что городская интеллигенція по большей части нѣмецкая и заслуживаетъ большей поддержки, нежели сельское населеніе. Оказаніе справедливости, хотя бы въ весьма скромныхъ размѣрахъ, славянскимъ народностямъ въ такихъ странахъ представляется нѣмцамъ нарушеніемъ факта ихъ владѣнія, потому что введеніе славянскаго языка влечетъ за собою необходимость замѣщенія извѣстныхъ должностей славянами, хотя бы только по той причинѣ, что нѣмцы не хотятъ учиться славянскому языку, или не могутъ съ нимъ совладать.

Отсюда получается заключительный выводъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такъ-называемымъ *шкурнымъ* вопросомъ, съ вопросомъ о хлѣбѣ насущномъ, или съ монополіею замѣщенія государственныхъ должностей. Къ монополіи этой нѣмцы столь пристрастились въ до-конституціонную эпоху, что и теперь считаютъ назначеніе на должность всякаго славянина уступкою съ своей стороны. Этотъ взглядъ про-

является въ особенности при замѣщеніи должностей въ центральныхъ установленіяхъ, въ министерствахъ, въ которыхъ господствуетъ и останется вѣроятно на будущее время господствующимъ языкъ нѣмецкій. Неимовѣрными трудностями обставлено назначеніе на малѣйшую должность въ министерствѣ поляка, чеха или словенца и т. п., хотя существуетъ множество славянъ, владѣющихъ превосходно нѣмецкимъ языкомъ. Составъ министерскихъ чиновниковъ пополняется почти исключительно нѣмцами, и только отъ времени до времени совокупными усиліями парламентскихъ клубовъ удается ввести въ министерство того или другого поляка или чеха, котораго потомъ нѣмцы стараются выпроводить вонъ, перемѣщая его съ повышеніемъ въ провинцію. Кормило правленія остается всегда такимъ образомъ въ рукахъ нѣмецкихъ. Такой способъ дѣйствія столь укорененъ и такъ силенъ, что его не въ состояніи преодолѣть даже иной министръ-полякъ или министръ-чехъ, потому что онъ наталкивается на страшную оппозицію нѣмецкихъ сеймовыхъ депутатовъ, отстаивающихъ съ ожесточеніемъ неприкосновенность нѣмецкаго характера министерствъ, и на молчаливую, но весьма вліятельную оппозицію нѣмецкихъ чиновниковъ въ министерствѣ. Министръ-полякъ или министръ-чехъ имѣетъ и безъ того много препятствій, съ которыми долженъ бороться; онъ не хочетъ и не можетъ вызывать новыхъ затрудненій, чтобы не накликать на себя ненависти своихъ докладчиковъ-нѣмцевъ, въ которыхъ онъ нуждается для отправленія своихъ обязанностей; онъ и оставляетъ все in statu quo — по былому. Эту игру открылъ курьёзнѣйшимъ образомъ депутатъ Пергельтъ, когда, послѣ паденія министерства графа Туна, онъ сталъ допрашивать его преемника, графа Клари, какимъ образомъ намѣренъ Клари противодѣйствовать *ославяненію центральныхъ установленій.* Графъ Клари не далъ никакого отвѣта, но интерпелляція была сама по себѣ драгоцѣнна. Вопрошающій бралъ за исходную точку запроса свое убѣжденіе въ томъ, что всѣ должности въ министерствахъ составляютъ монополію однихъ только нѣмцевъ, между тѣмъ какъ конституція допускаетъ на всѣ должности въ государствѣ всѣхъ гражданъ государства, если только они имѣютъ соотвѣтственныя этимъ должностямъ качества.

Итакъ, начало признанія нѣмецкаго языка исключительнымъ языкомъ оффиціальнымъ дѣловымъ было равносильно на практикѣ замѣщенію всѣхъ должностей исключительно нѣмцами и устраненіе отъ этихъ должностей кандидатовъ изъ всякихъ другихъ національностей. Эту тождественность понимаютъ какъ нельзя лучше славянскіе народы, и потому они такъ сильно оспариваютъ господство нѣмецкаго языка въ администраціи и судѣ. Ежедневный опытъ показываетъ шагъ за шагомъ, какъ трудно кандидату не-нѣмцу поступить на долж-

ность, назначеніе на которую зависитъ отъ власти, дѣйствующей на нѣмецкомъ языкѣ. При экономическихъ условіяхъ австрійскихъ, отличающихся неразвитостью торговли, перепроизводствомъ такъ-называемой интеллигенціи и переходящею по преданію изъ поколѣнія въ поколѣніе особенною наклонностью къ искательству государственныхъ должностей, несмотря на то, что онѣ весьма дурно оплачиваются,— вопросъ этотъ имѣетъ не только нравственное, но и матеріальное значеніе, такъ что сильное раздраженіе, вызываемое имъ среди славянъ, не только понятно, но и весьма естественно. Этому раздраженію на почвѣ матеріальной содѣйствуетъ еще то обстоятельство, что должности, отправляемыя на нѣмецкомъ языкѣ и замѣщаемыя чиновниками нѣмецкой національности, не умѣютъ и не желаютъ относиться внимательно къ культурнымъ потребностямъ и даже къ хозяйственнымъ интересамъ другихъ національностей. Такая власть всегда будетъ отдавать преимущество нѣмецкому, а не иному подрядчику. Военное министерство заключаетъ договоры о поставкахъ почти исключительно съ нѣмцами, хотя бы они и исполнялись не въ нѣмецкихъ земляхъ. Безчисленное множество запросовъ этого рода въ парламентѣ относилось къ подрядамъ на поставку хлѣба, сѣна, обуви для войскъ, квартирующихъ въ Галиціи, или къ покупкамъ лошадей въ Галиціи. Военному интендантству галиційскій помѣщикъ не можетъ продать хлѣба, скота, лошадей, если онъ не прибѣгнетъ къ посредству нѣмца.

До сихъ поръ мы старались вникнуть въ то существенное, что представляетъ собою *фактъ владѣнія* нѣмцевъ, и въ причины, почему такъ неотступно нападаютъ на него славяне. Намъ слѣдуетъ теперь остановиться на одномъ еще доводѣ, къ которому прибѣгаютъ нѣмцы, утверждая, что ихъ интересъ въ спорномъ вопросѣ совпадаетъ съ интересомъ государства и династіи, а слѣдовательно,—когда они защищаютъ свой собственный, то они отстаиваютъ и государственный интересъ. Они ставятъ на видъ славянамъ, что послѣдніе дѣйствуютъ въ ущербъ государству и династіи. Доводъ этотъ былъ бы весьма силенъ и вѣсокъ, еслибы онъ былъ справедливъ. Онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что общественное мнѣніе Европы, а отчасти даже и самихъ славянскихъ національностей, считается часто съ нимъ, платя дань той теоріи, что единство государства требуетъ, будто бы, преобладанія въ государствѣ одного національнаго элемента, какъ, напримѣръ, нѣмецкаго, надъ всѣми другими.

Предположимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ могла бы быть оправдана защита даже и несправедливой гегемоніи, какъ неизбѣжное зло, еслибы она была единственнымъ средствомъ спасенія, то-есть, еслибы она представляла, въ замѣнъ за эту несправедливость, какія-либо выгоды.

Предположимъ, что, скрѣпя сердце, мы мимо воли нашей ступили на эту опасную для нравственнаго чувства наклонную плоскость, и ввели въ пренія дурной факторъ политической необходимости. Затѣмъ, слѣдующій шагъ заведетъ насъ въ область утилитаризма и цѣлесообразности, очутившись въ которой имущій власть невольно расположенъ судить о своихъ дѣйствіяхъ субъективно и эгоистически, послѣ чего неизбѣженъ переходъ къ произволу и нарушенію чужихъ правъ. Несмотря на всю неблаговидность этого нѣмецкаго довода, нельзя оставить его безъ отвѣта.

Намъ уже извѣстно, что̀ собственно защищаютъ нѣмцы. Но защита собственнаго интереса подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ и государственный, всегда подозрительна; она становится еще болѣе подозрительною, когда она касается интереса не только нравственнаго, но и матеріальнаго. Ставя свою выгоду въ этомъ освѣщеніи, нѣмцы могли бы, въ концѣ концовъ, дойти до положенія, что они собою жертвуютъ, посвящая свои умственныя силы на алтарь единства и могущества монархіи.

Партія „вѣрноконституціонная",—какъ она себя называетъ,—никогда не должна бы прибѣгать къ такому доводу. Если она посягаетъ на нарушеніе конституціонной равноправности народностей во имя такъ-называемой государственной пользы, то она должна считаться и съ тѣмъ, что попираемые нѣмцами другіе народы перестанутъ вѣрить въ конституцію, и что, сопротивляясь такому образу дѣйствій, они пойдутъ въ своихъ притязаніяхъ гораздо дальше того, что̀ допустимо по конституціи. Даже и консервативные элементы будутъ тогда поставлены въ трудное положеніе. Можно ли отъ обиженныхъ требовать умѣренности въ ихъ претензіяхъ и ограниченія ихъ предѣлами законности, когда та партія, которая создала конституцію и какъ будто бы ее защищаетъ, сама признаетъ ее не вполнѣ, а лишь настолько, насколько это для нея выгодно,—другими словами, когда она сама измѣняетъ духу конституціи.

Абсолютная гегемонія одного племени въ государствѣ никогда ему не приносила пользы. Особенно не слѣдуетъ говорить о пользѣ гегемоніи тамъ, гдѣ, какъ въ Австріи, она причиняла государству столько бѣдствій, привела его къ внутреннему застою; но въ Австріи ничего не забыли, но и ничему не научились. Государственный интересъ требуетъ гармоніи, а она возможна лишь при справедливомъ распредѣленіи правъ и обязанностей, при равноправности всѣхъ народностей, хотя бы и въ ущербъ одной нѣмецкой.

Нѣмцы ссылаются на то, что они создали монархію, и что династія въ Австріи—нѣмецкая. И то, и другое не вполнѣ согласно съ истиной. Монархія Габсбурговъ—это вовсе не первоначальная вотчина, не

„Oesterreichische Erbländer" послужили ей ядромъ. Объ эрцгерцогствѣ Австріи можно еще сказать, что оно имѣло основаніе нѣмецкое. Но настоящею державою Австрія Габсбурговъ сдѣлалась только тогда, когда къ ней, въ 1526 г., присоединились Богемія и Венгрія. Само это присоединеніе не было дѣломъ нѣмцевъ; оно было только дѣломъ династіи, которая своею личною политикою достигла этого результата [1]). Только господство надъ непринадлежавшими къ священной римской имперіи Богеміею и Венгріею создало монархію. До того времени, габсбургскія владѣнія были только однимъ изъ многихъ леновъ имперскихъ. Съ тѣхъ поръ, Австрія преобразилась и перестала быть владѣніемъ сплошь нѣмецкимъ. Нѣмцы столь мало могутъ себѣ приписывать созданіе монархіи, сколь мало они участвовали въ присоединеніи Галиціи, Буковины, Далмаціи, и въ другихъ приращеніяхъ. Наибольшая заслуга, которая можетъ быть за ними признана, это та, что они участвовали въ образованіи западной части государства, а эта часть, послѣ погрома 1866 г., то-есть послѣ выхода Австріи изъ германскаго союза, потеряла свой исключительно нѣмецкій характеръ и сдѣлалась одною изъ областей державы, имѣющей всѣ признаки космополитизма. Въ такой пестрой монархіи историческій и національный характеръ одной области не можетъ рѣшать вопроса о томъ, какія свойства должна имѣть цѣлая монархія.

И династія Габсбурговъ едва ли можетъ считаться въ тѣсномъ смыслѣ слова нѣмецкою. Она, конечно, нѣмецкая въ смыслѣ своего происхожденія; нѣтъ человѣка, который не происходилъ бы отъ какой-нибудь народности и не говорилъ бы извѣстнымъ языкомъ свободнѣе, нежели другими языками. Но эта династія не есть нѣмецкая въ политическомъ смыслѣ. Она не являлась нѣмецкою въ 1526 г. по отношенію къ чехамъ и венгерцамъ; въ Венгріи она не заявляла себя никогда нѣмецкою, а въ Богеміи она дѣйствовала въ характерѣ нѣмецкой только съ 1627 г., то-есть, до изданія возобновленной „Landesordnung". Австрійскія монархъ, коронуясь въ Богеміи, возлагалъ на себя однѣ чешскія регаліи, и коронуясь въ Венгріи—однѣ венгерскія; послѣ 1866 г., онъ совсѣмъ пересталъ появляться какъ государь нѣмецкій. Габсбурги точно также господствовали долгое время и въ Испаніи; но они тамъ никогда не были нѣмецкою династіею. Такихъ примѣровъ масса въ исторіи, но они никакъ не приводятъ къ заключенію, чтобы случайное національное происхожденіе династіи сообщало государству тотъ же національный характеръ. Ссылки на необходимость, будто бы, однообразія въ государственномъ управленіи, для

[1]) Въ средніе вѣка сложился, по этому поводу, извѣстный стихъ:
„Bella gerunt alii, tu, felix Austria, nube"!
т.-е.: „Другіе войны ведутъ, а ты, счастливая Австрія, вступай въ бракъ"!

осуществленія котораго слѣдуетъ давать всюду предпочтеніе нѣмецкому языку,—не выдерживаютъ критики. Достаточно того, чтобы это однообразіе было свойственно одному центральному управленію, то-есть, министерствамъ и другимъ главнымъ органамъ, а также арміи, и никто въ Австріи не оспариваетъ сохраненія одного языка общаго, какъ *посредническаго*, какимъ является языкъ нѣмецкій, но внѣ центральнаго управленія нѣтъ причинъ не допускать употребленія мѣстныхъ языковъ.

Нельзя, однако, умолчать о существующихъ въ Австріи опасеніяхъ, что, при дальнѣйшемъ развитіи въ Австріи національныхъ притязаній, наступитъ порядокъ вещей, напоминающій вавилонское столнотвореніе. Есть и теперь такія области, въ которыхъ чиновникъ долженъ владѣть тремя языками, получать бумаги и давать отвѣты на трехъ языкахъ (въ Силезіи—на чешскомъ и польскомъ; въ Буковинѣ—на русинскомъ и румынскомъ; въ Галиціи—на польскомъ и русинскомъ, не принимая въ счетъ нѣмецкаго). Постоянное движеніе населенія, приливъ славянъ въ города донынѣ нѣмецкіе, измѣненія въ составѣ національностей—могутъ со временемъ довести до тяжелыхъ и даже вредныхъ осложненій, о которыхъ и не помышляли совсѣмъ творцы конституціи 1867 г. Въ пылу обострившейся нынѣ національной борьбы трудно придумать выходъ,—можно только совѣтовать спорящимъ сторонамъ взаимную умѣренность и добросовѣстность. Соглашеніе было бы возможно, еслибы славяне убѣдились въ добросовѣстности (bona fide) нѣмецкой политики, въ томъ, что оффиціальный нѣмецкій языкъ не будетъ плащомъ, прикрывающимъ, подъ видомъ государственнаго интереса, спеціальныя нѣмецкія цѣли, притомъ цѣли въ полномъ смыслѣ слова матеріальныя (выгодныя мѣста). Осуществленіе въ полномъ составѣ чешской программы, то-есть, полнаго правового и политическаго сепаратизма Богеміи, Моравіи и Силезіи, также представляется пока неосуществимымъ. Оно подвергло бы большой опасности самое существованіе монархіи и вынудило бы три милліона нѣмцевъ, осѣдлыхъ въ чешскихъ земляхъ, къ отчаянному сопротивленію. Къ судьбѣ нѣмцевъ въ земляхъ короны св. Вячеслава не могли бы остаться безучастны и нѣмцы другихъ областей. Отдѣлившись отъ другихъ частей Австріи въ правовомъ политическомъ отношеніи, земли чешскія не могли бы вполнѣ воспользоваться побѣдою потому, что славяне не справились бы легко съ тремя милліонами нѣмцевъ, высоко стоящихъ и по культурѣ, и по богатству. Чехамъ, можетъ быть, было бы выгоднѣе отказаться пока отъ ихъ абсолютныхъ требованій, которыя только доставляютъ нѣмцамъ удобный предлогъ для оспариванія другихъ требованій чеховъ, вполнѣ основательныхъ. Этотъ предлогъ слѣдуетъ устранить и привести борьбу къ размѣрамъ, соотвѣтствующимъ

настоящему моменту, то-есть, понудить нѣмцевъ къ исполненію 19-й статьи конституціи. Сокращеніе чешскихъ требованій и заключеніе ихъ въ рамки конституціи послужило бы основаніемъ для установленія того начала, по которому въ Австріи нѣмецкій языкъ долженъ имѣть такое же значеніе, какой имѣлъ латинскій въ прежней наукѣ и практикѣ, но онъ не долженъ претендовать на права привилегированной національности или послужить базисомъ для національной, политической и экономической гегемоніи одного какого-нибудь племени. Во всякой борьбѣ, которая имѣетъ цѣлью обезпеченіе условій существованія въ будущемъ, необходима ясная и искренняя программа; нужно также избѣгать всякихъ излишнихъ осложненій, въ особенности когда борцу присуще сознаніе своей полной правоты. Довольствуясь требованіемъ осуществленія 19-й статьи австрійской конституціи, славянскія населенія даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они въ меньшинствѣ, получили бы возможность развитія и надежную защиту отъ угнетенія.

А. Г.

Краковъ, октябрь 1900.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1900.

—И. С. Тургеневъ. Неизданныя письма къ г-жѣ Віардо и его французскимъ друзьямъ (1846—1882). М. 1900.

Во второмъ подробномъ заглавіи пересчитанъ длинный рядъ французскихъ друзей: Флоберъ, Жоржъ-Зандъ, Эмиль Зола, Гюи де-Мопассанъ, Сентъ-Бёвъ, Теофиль Готье, Тэнъ, Ренанъ и другія знаменитыя имена. Эти письма были собраны и изданы г. Гальпериномъ-Каминскимъ, во французскихъ подлинникахъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ Литературномъ Обозрѣніи указана была небольшая книжка, заключавшая только переводъ писемъ Тургенева къ г-жѣ Віардо; настоящее изданіе гораздо богаче и, разумѣется, любопытнѣе и важнѣе.

Въ предисловіи издатель, г. Ефимовъ, говоритъ:

„Изъ помѣщенныхъ въ настоящемъ сборникѣ писемъ наибольшій интересъ представляютъ конечно письма къ г-жѣ Полинѣ Віардо и къ Густаву Флоберу. Письма эти и помѣщаются нами впереди всѣхъ остальныхъ. Въ предисловіи г. Гальперина-Каминскаго къ письмамъ къ г-жѣ Віардо читатель найдетъ подробныя указанія, при какихъ условіяхъ появились въ печати эти письма покойнаго Ивана Сергѣевича къ извѣстной испано-французской пѣвицѣ, т.-е. съ сокращеніями, которыя вѣроятно во многихъ случаяхъ становились и искаженіями самаго текста. Однако и то, что̀ осталось, представляетъ несомнѣнный интересъ для характеристики того, какъ слагались общія воззрѣнія покойнаго писателя и его художественные и литературные взгляды.

„Что-жъ касается до истиннаго значенія въ жизни нашего писателя его отношеній къ супругамъ Віардо, то съ полной достовѣрностью судить объ этомъ на основаніи нынѣ опубликовываемыхъ отрывковъ переписки между ними и Тургеневымъ весьма трудно, да и врядъ ли окажется вообще возможно до тѣхъ поръ, пока не увидятъ свѣтъ въ

полномъ объемѣ его письма къ четѣ Віардо, и пока не будутъ опубликованы и отвѣтныя письма супруговъ Віардо къ Тургеневу, если только эти послѣднія письма сохранились.

„Письма къ Густаву Флоберу сохранились повидимому всѣ. Читатель очень скоро убѣдится, что Флоберъ является центральною фигурою во всѣхъ отношеніяхъ Тургенева къ иностраннымъ писателямъ, и занимаетъ въ этихъ отношеніяхъ совершенно исключительное мѣсто. Врядъ ли это не было единственное лицо, изъ писателей иностранныхъ, къ которому покойный русскій писатель въ дѣйствительности относился какъ равный къ равному,—за исключеніемъ развѣ Ренана, къ которому только одному изъ всѣхъ Тургеневъ пишетъ съ обращеніемъ „учитель“ (cher maître) — и котораго надгробное напутствіе праху Тургенева, при перевозкѣ онаго на родину, необыкновенно по своему глубокому проникновенію, и духа самого почившаго писателя, и „славянской души“ вообще.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти письма свидѣтельствуютъ неопровержимо, что Тургеневъ,—чистокровный западникъ,—былъ вмѣстѣ съ тѣмъ искреннимъ патріотомъ, всѣмъ сердцемъ любившимъ Россію. Трогательны и необыкновенно характеристичны эти признанія (въ письмахъ къ Флоберу), что покойный Иванъ Сергѣевичъ,—годами проживавшій за границею,—нигдѣ не могъ работать такъ, какъ въ „своемъ Патмосѣ“, т.-е. въ селѣ Спасскомъ, въ своей орловской глуши...

„Затѣмъ, мы должны оставить на полной отвѣтственности г. Гальперина - Каминскаго его сужденія о вліяніи на „развитіе таланта“ Тургенева его друзей изъ иностранныхъ литераторовъ, которымъ онъ будто-бы обязанъ своимъ „яснымъ, сдержаннымъ слогомъ“ и „формою, достигающей совершенства“. Читатель очень скоро убѣдится самъ, что это личное мнѣніе собирателя Тургеневскихъ писемъ стоитъ не только въ противорѣчіи съ дѣйствительностью, но даже съ приводимыми самимъ же г. Гальперином-Каминскимъ отзывами Мериме и Жоржъ-Зандъ о сравнительномъ достоинствѣ русскихъ и иностранныхъ литературныхъ произведеній. То же самое мы должны сказать и объ отзывѣ г. Каминскаго относительно вліянія Жоржъ-Зандъ на „талантъ“ Тургенева и о параллели между „Рудинымъ“ и „Горасомъ“ французской писательницы.

„Далѣе,—мы не можемъ не обратить вниманіе читателей на вопль, вырвавшійся у Тургенева изъ очевидно потрясенной до самой глубины души, по поводу смерти Гоголя (письмо къ г-жѣ Віардо 21 февр. 1852 г.). Этотъ вопль, на-ряду съ почти пророческими словами покойнаго Ивана Сергѣевича относительно графа Л. Н. Толстого, показываетъ, какъ глубоко и вѣрно понималъ Тургеневъ, кто суть истинные родоначальники всей нашей литературы, и гдѣ лежатъ дѣйстви-

тельные корни русскаго художественнаго слова и умственной жизни русскаго народа.

„Наконецъ, обращаясь къ самому переводу французскаго текста писемъ, мы должны сказать, что хорошо сознавали всю отвѣтственность переводить Тургенева на русскій языкъ,—и что было бы не только непростительной дерзостью, но прямо *безуміемъ*,—даже пытаться передать этотъ текстъ такъ, какъ *написалъ бы его по-русски* самъ Тургеневъ. Ибо врядъ ли бы даже онъ самъ—этотъ несравненный мастеръ слова и художникъ-стилистъ, — былъ бы въ состояніи сдѣлать вполнѣ однородный съ подлинникомъ переводъ собственнаго французскаго текста, и содержаніе этихъ писемъ, еслибъ они писались Тургеневымъ по-русски, вылилось бы у него несомнѣнно въ иную, и далеко не схожую съ иноязычнымъ текстомъ, форму. Поэтому, при обработкѣ перевода, старались держаться лишь того, чтобы онъ *точно выражалъ мысль* покойнаго писателя, и былъ бы, въ русской передачѣ, по возможности близокъ къ тому, какъ *выразился Тургеневъ по-французски*, хотя бы даже это покупалось цѣною нѣкоторой шероховатости въ русскомъ текстѣ. Первоначальный переводъ былъ сдѣланъ А. В. Перелыгиной, а затѣмъ просмотръ корректурныхъ листовъ, свѣрку перевода съ подлинникомъ и его окончательную редакцію принялъ на себя одинъ изъ нашихъ публицистовъ, хорошо знающій французскій языкъ и французскую литературу. Ему же принадлежатъ и весьма многія изъ подстрочныхъ примѣчаній внизу текста“.

Замѣчанія о переводѣ справедливы. Очень вѣроятно, что самъ Тургеневъ не перевелъ бы буквально того, что̀ было въ *этой* формѣ сказано имъ по-французски,—вопросъ даже не въ тонкомъ знаніи того и другого языка, а въ органическомъ различіи двухъ языковъ, прошедшихъ совершенно различную исторію и вслѣдствіе того въ очень многомъ не совпадающихъ и несоизмѣримыхъ. Но если издатель хотѣлъ удостовѣрить читателя въ своихъ стараніяхъ дать сколько возможно обстоятельный переводъ, ему лучше было бы назвать не первоначальную переводчицу, а того „публициста“, которому принадлежала „окончательная редакція“.

Къ переводу писемъ Тургенева присоединены и введенія г. Гальперина-Каминскаго, гдѣ идетъ дѣло объ опредѣленіи отношеній Тургенева къ его французскимъ друзьямъ и вообще о томъ, какую причину и значеніе имѣло долголѣтнее пребываніе его за границей. Такой вопросъ поднимался издавна, и русскіе біографы не однажды рѣшали его въ отрицательномъ смыслѣ, — что Тургеневъ за границей терялъ возможность ближе изучать различныя явленія русской жизни, а въ его личныхъ дѣлахъ пребываніе за границей и отношенія къ французскимъ друзьямъ имѣли неблагопріятное, даже тягостное дѣй-

ствіе. Г. Гальперинъ-Каминскій ревностно оспариваетъ это утвержденіе, ссылаясь между прочимъ на самого Тургенева, который жаловался на условія, окружавшіи его въ Россіи, — и доказывалъ даже, что сближеніе съ французскимъ литературно-артистическимъ міромъ имѣло только благотворное вліяніе на его писательскую дѣятельность, на развитіе его тонкаго художественнаго таланта... Было бы долго разбирать этотъ сложный вопросъ, но намъ кажется, что аргументы г. Гальперина-Каминскаго не совсѣмъ убѣдительны. Что самъ Тургеневъ имѣлъ основанія предпочитать „прекрасное далеко" Петербургу и Москвѣ, это не подлежитъ спору—довольно вспомнить хотя бы то, что изъ-за своихъ мнѣній о великомъ значеніи Гоголя онъ попалъ, въ 1852 г., на съѣзжую, а потомъ выслань въ деревню; но несомнѣнно, что издали все-таки трудно было судить о томъ, что̀ происходило въ русскомъ обществѣ, при всей силѣ его наблюдательности и при всемъ желаніи быть безпристрастнымъ и свободнымъ изобразителемъ русской жизни. Ему пришлось встрѣтить не мало укоровъ въ этомъ направленіи, и они бывали не лишены основанія. Что касается благотворнаго воздѣйствія французскаго литературнаго міра на талантъ Тургенева, здѣсь опять можно усомниться въ размѣрахъ этого вліянія, предполагаемыхъ г. Гальперинымъ-Каминскимъ. Какъ человѣкъ широкаго образованія, съ изысканными художественными вкусами, Тургеневъ могъ, живя долго за границей, дорожить своими отношеніями къ кружку лучшихъ представителей французской литературы; но нужно ли было непремѣнно быть знакому лично, напр., съ Жоржъ-Зандъ, чтобы испытать вліяніе ея романовъ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ; и въ числѣ сверстниковъ Тургенева былъ писатель, очень далекій отъ возможности бывать во французскихъ салонахъ и, однако, великій поклонникъ Жоржа-Занда,—Писемскій... Художественные вкусы Тургенева, конечно, принадлежали его природѣ, и ихъ можно услѣдить въ самыхъ первыхъ его литературныхъ интересахъ, до знакомства съ французскими писателями, и даже до знакомства съ г-жей Віардо.

Издатель настоящей книги, въ первыхъ словахъ предисловія, говоритъ, что изъ перевода писемъ Тургенева имъ исключены всѣ письма къ князю А. Голицыну, переводчику на французскій языкъ повѣсти „Дымъ", и одно письмо къ Шевыреву. „Исключеніе это сдѣлано нами какъ на основаніи правъ литературной собственности на эти письма, всецѣло принадлежащихъ кн. Голицыну и г. Шевыреву, такъ и потому, что опубликованіе на русскомъ языкѣ первыхъ изъ этихъ писемъ—къ князю Голицыну—имѣющихъ интересъ единственно въ виду возстановленія покойнымъ Иваномъ Сергѣевичемъ, во французскомъ переводѣ тѣхъ мѣстъ повѣсти „Дымъ", которыя оказались исключенными изъ нея, какъ при первоначальномъ появленіи ея

въ русскомъ журналѣ, такъ и впослѣдствіи, въ полномъ собраніи сочиненій Тургенева,—представляется еще неудобнымъ и несвоевременнымъ, и имѣетъ значеніе только (?) какъ фактъ литературной исторіи, который несомнѣнно найдетъ себѣ мѣсто и надлежащую оцѣнку при послѣдующихъ изданіяхъ сочиненій Тургенева владѣльцами авторскаго на нихъ права". (Князь А. Голицынъ издавалъ въ Парижѣ журналъ „Le Correspondant", гдѣ въ 1867 являлся переводъ „Дыма"). Письмо къ Шевыреву опущено и по незначительности его содержанія.

Эти сообщенія не совсѣмъ ясны. „Право литературной собственности", какъ надо полагать, уже уступлено кн. Голицынымъ г. Гальперину-Каминскому при французскомъ изданіи писемъ Тургенева (если г. Г.-К. ихъ напечаталъ), и, повидимому, рѣчь должна идти только о переводѣ съ французскаго языка, что̀ не представляло бы затрудненія при отсутствіи литературной конвенціи. Это—какой-то особенный случай въ вопросѣ литературной собственности. Другое дѣло—затрудненія цензурныя; относительно ихъ, издатель не сообщаетъ, принималъ ли онъ заботу объ ихъ устраненіи, но говорить ему отъ себя о „несвоевременности" для русскихъ читателей познакомиться съ „фактомъ литературной исторіи" одного изъ величайшихъ русскихъ писателей,—когда съ этимъ фактомъ могутъ быть знакомы читатели французскіе,—довольно странно.

Выше, въ разсужденіяхъ издателя очень странно и то, что по его мнѣнію нужны были „неопровержимыя свидѣтельства" о томъ, что Тургеневъ („чистокровный западникъ") былъ „искреннимъ патріотомъ". Неужели г. Ефимовъ полагаетъ, что „западнику" нужно имѣть еще „неопровержимыя свидѣтельства", а иначе его патріотизмъ будетъ подлежать сомнѣнію?

Большой интересъ изданныхъ писемъ Тургенева очевиденъ: онѣ послужатъ важнымъ матеріаломъ для будущаго біографа и историка литературной дѣятельности Тургенева.

— А. Н. Островскій. Его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ И. И. Иванова. Спб. 1900.

Біографія Островскаго составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ настоятельныхъ необходимостей для исторіи нашей новѣйшей литературы: до сихъ поръ ея въ сущности не было, и первыя страницы своей книжки г. Ивановъ наполняетъ жалобами на отсутствіе біографическихъ свѣдѣній даже о замѣчательнѣйшихъ дѣятеляхъ нашей литературы. „У насъ почти не прививается обычай, столь распространенный на Западѣ. Тамъ въ распоряженіи литературныхъ и

общественныхъ историковъ имѣется неисчерпаемый запасъ всевозможныхъ воспоминаній, записокъ, сообщеній, касающихся всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ явленій прошлаго. Почитатели и близкіе люди даже второстепенныхъ талантовъ непремѣнно стремятся повѣдать публикѣ исторію своего знакомства съ замѣчательнымъ человѣкомъ, передать современникамъ и потомству его характеристику, часто мельчайшія подробности его жизни. И сами знаменитости не страдаютъ излишней скромностью... И западная публика располагаетъ громаднымъ запасомъ автобіографій и поэтическихъ исповѣдей, составляющихъ наслѣдство геніальныхъ художниковъ и просто талантливыхъ писателей. — Совершенно другое положеніе русской литературы"...

Наши писатели—авторъ приводитъ въ примѣръ Тургенева и Писемскаго—бывали обыкновенно чрезвычайно скупы на сообщеніе автобіографическихъ свѣдѣній, а затѣмъ и ихъ современники, близко ихъ знавшіе, также обыкновенно мало заботились о сохраненіи данныхъ для біографіи ихъ друзей. „И біографу русскаго писателя, какъ бы ни была свѣжа въ памяти живущаго поколѣнія его личность и дѣятельность, приходится на каждомъ шагу мириться съ обширными фактическими пробѣлами и крайней отрывочностью самихъ фактовъ". То же встрѣчаетъ и біографъ Островскаго.

Но дѣло здѣсь не только въ „обычаѣ" литературномъ, а въ цѣломъ складѣ нашей общественной жизни и жизни литературной. Самый видный и вопіющій примѣръ въ этомъ случаѣ представляетъ біографія Пушкина: никто изъ его друзей,—между прочимъ такъ гордившихся потомъ своей близостью къ нему,—не подумалъ разсказать его біографію, хотя бы для будущаго времени, сберечь факты его личной жизни, которые помогли бы понять эту высокую личность и ея творческій трудъ. Послѣднее они могли бы сдѣлать,—и не сдѣлали; а предпринять біографію Пушкина въ *то* время было совершенно немыслимо: для дѣйствительной біографіи пришлось бы затрогивать такіе предметы, которымъ не находилось никакого мѣста въ тогдашней литературѣ. Быть можетъ, друзья Пушкина полагали, что даже собирать матеріалы для его біографіи было бы тогда небезопасно. Мы видѣли въ предыдущей замѣткѣ, что самъ издатель перевода писемъ Тургенева находитъ „несвоевременнымъ" сообщать русскимъ читателямъ подробности о „Дымѣ", одномъ изъ характерныхъ произведеній нашего знаменитаго по всей Европѣ писателя.

„Жизнь Островскаго,—продолжаетъ авторъ,—извнѣ прошла въ высшей степени ровно и спокойно. Она не знала никакихъ исключительныхъ происшествій и потрясеній, на ней не лежитъ яркихъ драматическихъ красокъ, въ ней не имѣется какихъ-либо сложныхъ

психологическихъ или загадочныхъ романическихъ эпизодовъ. Жизнь драматурга соотвѣтствовала характеру его произведеній—въ высшей степени уравновѣшенному, почти эпическому".

И однако, въ этой уравновѣшенной жизни были жестокія столкновенія съ господствовавшими нравами и обычаями (самъ г. Ивановъ разсказываетъ объ этихъ столкновеніяхъ — лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ того, какъ онѣ происходили), и немудрено, что не только въ тѣ времена, но и позднѣе „запросъ насчетъ біографическихъ данныхъ", къ нему обращенный, не вызвалъ бы въ Островскомъ „пріятныхъ чувствъ",—какъ это замѣчаетъ г. Ивановъ о Тургеневѣ: онъ могъ бы опасаться неточностей или нескромностей, а послѣднія иной разъ могли бы привлечь непріятную исторію.

Принявъ въ соображеніе подобныя обстоятельства,—а безъ нихъ не обошлась, кажется, біографія ни одного изъ крупныхъ русскихъ писателей,—авторъ не сталъ бы удивляться, что у насъ не образовался „обычай", и не сталъ бы упрекать писателей за ихъ скупость,—точнѣе, осторожность и опасливость, въ сообщеніи о себѣ біографическихъ свѣдѣній.

Самая книжка, несмотря на упомянутые авторомъ пробѣлы, составлена вообще обстоятельно. Авторъ, какъ и естественно, относится съ великими сочувствіями къ своему герою, разсказываетъ, какъ внѣшнія условія жизни,—семья, первая служба (въ совѣстномъ, коммерческомъ судѣ)—сблизили его съ тѣмъ московскимъ купеческимъ и мѣщанскимъ міромъ, который сталъ послѣ предметомъ его изображеній; разсказываетъ дальше, какъ эти первые интересы поддержаны были молодымъ кружкомъ, полу-славянофильскимъ и народническимъ, гдѣ было инстинктивное или идеалистическое стремленіе къ изученію народа; какъ, нѣсколько позднѣе, въ средѣ того же кружка явился Аполлонъ Григорьевъ съ проповѣдью о „новомъ словѣ", которое долженъ былъ сказать или уже сказалъ Островскій. Авторъ относится къ Аполлону Григорьеву критически, какъ и слѣдовало; но не совсѣмъ досказалъ о великомъ самомнѣніи самаго кружка (Островскій, Т. Филипповъ, актеръ Садовскій), который собирался „повернуть дѣло Петрово". Любопытныя подробности объ этомъ, со словъ самого Т. Филиппова, сообщены въ книгѣ Барсукова о Погодинѣ...

По словамъ автора, „взоръ Островскаго отличался поразительной остротой и проницательностью всюду, гдѣ вопросъ шелъ о современномъ или историческомъ народномъ бытѣ" (стр. 13). Но самъ авторъ приводитъ „крайности" молодыхъ взглядовъ Островскаго (изреченія о „пагодахъ", стр. 23): это не указываетъ особенной проницательности, какъ и упомянутое отношеніе къ Петру Великому. Авторъ говоритъ далѣе: „но при всѣхъ крайностяхъ Островскаго въ новомъ (народни-

ческомъ) направленіи не слѣдуетъ думать, будто онъ сталъ рѣшительнымъ непримиримымъ врагомъ западниковъ. Такая рѣзкость и прямолинейность не соотвѣтствовали бы основному художественному *строю природы* нашего писателя. Онъ одинаково былъ далекъ отъ славянофильской сектантской исключительности и отъ *слѣпыхъ восторговъ* противоположнаго лагеря предъ западно-европейской цивилизацей" (стр. 23—24), Но за нѣсколько строкъ выше авторъ разсказывалъ о „пагодахъ"; а затѣмъ, гдѣ были эти „слѣпые восторги",—когда, напр., Бѣлинскій бранилъ „французовъ", потомъ смѣялся надъ „ученымъ колпакомъ" Гегеля, когда Герценъ сомнѣвался въ судьбахъ европейской цивилизаціи и готовъ былъ рекомендовать Европѣ, для ея спасенія, русскую крестьянскую общину, и т. д.? Пора бы, особливо историку „русской критики", бросить эти шаблоны, ничего не значащіе или совсѣмъ фальшивые. Что касается Островскаго, то примѣры, приведенные авторомъ на той же страницѣ, указываютъ достаточную „рѣзкость и прямолинейность", будто бы противорѣчившіе его „строю природы". Едва ли не вѣрнѣе было бы сказать, что Островскій, и въ молодые годы, и впослѣдствіи, не совсѣмъ разобрался въ теоретическихъ столкновеніяхъ спорившихъ лагерей.

Еще два слова о стилѣ г. Иванова. Онъ любитъ, между прочимъ, предсказательные обороты: Островскій, Григорьевъ и т. д. „будетъ" дѣлать или говорить то-то, вмѣсто того, чтобы сказать проще: впослѣдствіи онъ дѣлалъ или говорилъ то-то. Эти предвѣщанія post factum—претензія или излишество. Онъ пишетъ: „*со*благоразсудить" (стр. 11), вмѣсто: „*за*благоразсудить", и т. п.

— Н. Ѳ. Дубровинъ. Исторія Крымской войны и обороны Севастополя. Три тома (съ картами и планами). Спб. 1900.

Авторъ такъ разсказываетъ исторію своего труда. Въ 1871 году, наслѣднику цесаревичу (впослѣдствіи императору Александру III),—которому доставлялись тогда рукописи по Севастопольской оборонѣ,—угодно было составить сборникъ статей, заслуживавшихъ особеннаго вниманія по своему содержанію, и исторію Севастопольской обороны. Съ согласія военнаго министра, этотъ трудъ порученъ былъ наслѣдникомъ цесаревичемъ г. Дубровину, который состоялъ тогда полковникомъ при главномъ штабѣ и редактировалъ „Севастопольскій Сборникъ". Въ февралѣ 1872, г. Дубровинъ, принявъ это порученіе, получилъ разрѣшеніе пользоваться архивными документами, относящимися къ войнѣ 1853—56 г.

„Но,—расказываетъ дальше авторъ,—послѣдовавшее разрѣшеніе

сопровождалось весьма значительными ограниченіями. Канцлеръ кн. Горчаковъ разрѣшилъ мнѣ пользоваться дѣлами архива министерства иностранныхъ дѣлъ, *„за исключеніемъ дипломатической и секретной переписки“* (а другой никакой и не могло быть въ архивѣ), такъ какъ она не имѣетъ прямого отношенія (?) къ военнымъ дѣйствіямъ той эпохи и не подлежитъ еще оглашенію“.

„Такое ограниченіе ставило меня въ положеніе автора, принужденнаго начать свое изслѣдованіе не съ начала, а съ средины, но, несмотря на мое заявленіе объ этомъ, его высочеству угодно было повелѣть продолжать собираніе матеріаловъ и заняться описаніемъ исключительно военныхъ дѣйствій. Въ исполненіи такого порученія я также встрѣтилъ нѣкоторыя затрудненія. Для полной и основательной оцѣнки хода военныхъ дѣйствій необходимо было близко ознакомиться съ перепискою императора Николая съ главнокомандующими и начальниками отдѣльныхъ отрядовъ, и въ отвѣтъ на мою просьбу я получилъ разрѣшеніе, съ соблюденіемъ двухъ условій:

1) „Чтобы вы обязались не снимать копій съ означенной переписки и не помѣщать отрывковъ изъ оной въ частныхъ изданіяхъ, и

2) „Чтобы мѣста изъ переписки и ссылки на оную, которыя вы сочтете нужнымъ включить въ свой трудъ, были предварительно печатанія подвергнуты разсмотрѣнію въ военно-ученомъ комитетѣ“.

„Такое ограниченіе ставило меня почти въ полную невозможность продолжать разработку матеріаловъ, и хотя впослѣдствіи мнѣ было разрѣшено воспользоваться частью переписки Императора Николая I, но большая часть ея осталась для меня недоступною.

„Я разсказалъ весь ходъ своей работы для того, чтобы уяснить читателю, какъ я самъ смотрю на предлагаемую его вниманію „Исторію Крымской войны и обороны Севастополя“. Несмотря на всѣ ограниченія, рукопись признана была неудобною для обнародованія, и только спустя 25 лѣтъ она появляется въ печати съ соизволенія Государя Императора и въ томъ видѣ, въ какомъ была представлена въ Бозѣ почившему Императору Александру III.

„Ни мои годы, ни мои служебныя обязанности не дозволяютъ мнѣ приступить къ собиранію новыхъ матеріаловъ для дополненія и переработки текста, и я льщу себя только надеждой, что трудъ мой все-таки имѣетъ нѣкоторое значеніе и можетъ быть полезенъ для будущаго историка Восточной войны 1853—1856 г. Въ немъ онъ и читатель найдутъ такія данныя, которыя собраны мною изъ показаній очевидцевъ и рукописныхъ записокъ лицъ нынѣ умершихъ, свидѣтельство которыхъ остается единственнымъ объясненіемъ совершившихся фактовъ и дополненіемъ къ оффиціальнымъ источникамъ, изъ коихъ нѣкоторые уже уничтожены“.

Однажды, въ 1878, авторъ могъ воспользоваться частью своихъ матеріаловъ, когда писалъ, по порученію Академіи Наукъ, разборъ книги о Восточной войнѣ, М. И. Богдановича. Рецензія составила обширный томъ; тѣмъ не менѣе, г. Дубровинъ только теперь получилъ возможность издать свою книгу въ цѣломъ составѣ такъ, какъ она была написана въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Цѣлое сочиненіе, теперь изданное, составляетъ три большихъ тома. Можно пожалѣть, что авторъ, въ нынѣшнемъ ходѣ своихъ трудовъ, не имѣлъ возможности вновь дополнить свое изложеніе (было бы важно, напримѣръ, дать хотя чисто библіографическое обозрѣніе того, что̀ писано было съ тѣхъ поръ о Крымской войнѣ); но и то, что̀ даетъ авторъ теперь, исполнено величайшаго интереса.

Въ самомъ началѣ книги поставлено письмо автора къ наслѣднику цесаревичу, когда г. Дубровинъ представлялъ ему начало своего труда въ 1874 году. Авторъ такъ говорилъ о своемъ стараніи сохранить все, подобающее историку, безпристрастіе: „Въ то тяжкое для Россіи время, въ рядахъ славной русской арміи, не было у меня ни друга, ни недруга, не было ни брата, ни свойственника: предо мною были только соотечественники, одинаково мнѣ близкіе, одинаково жертвовавшіе своею жизнію и достояніемъ... Каждому изъ насъ памятны тѣ дни, когда на долю нашихъ отцовъ, матерей, женъ, братьевъ и сестеръ выпала трудная обязанность защиты родины и обновленія ея новою жизнью. Богатырскіе подвиги однихъ, посильный трудъ другихъ и родная намъ слеза матерей и женъ должны быть священны и не опозорены неправдою ни въ осужденіи, ни въ защитѣ дѣятелей. Слава послѣднихъ составляетъ гордость настоящаго поколѣнія, ошибки ихъ—урокъ для него. Какъ то, такъ и другое могутъ вытекать только изъ полнаго безпристрастія и спокойнаго обсужденія событій“... Эти достойныя слова подобаютъ историку.

Говоря дальше о неудачахъ Крымской войны, авторъ замѣчаетъ: „Напрасно историкъ Крымской войны сталъ бы искать причинъ неудачи Крымской войны только въ злоупотребленіяхъ, проявившихся въ администраціи—онъ погрѣшилъ бы противъ истины и не уяснилъ бы себѣ многаго. Несомнѣнно, злоупотребленія существовали въ нашей арміи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ... Но несправедливо было бы то мнѣніе, что расхищеніе казны имѣло исключительное вліяніе на исходъ военныхъ дѣйствій... Содержаніе войскъ стоило въ нѣсколько разъ дороже, чѣмъ могло бы стоить, но нашъ солдатъ, въ теченіе всей войны, не ощущалъ особыхъ недостатковъ ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ.

„Наши неудачи происходили не отъ недостатка пищи или одежды, а заключались въ совокупности другихъ причинъ, и прежде всего въ

ошибочномъ опредѣленіи пунктовъ обороны нашей обширной границы. Мы не шли на встрѣчу опасности, а слѣдовали за нею и оттого всегда опаздывали.

„Ни одно государство, — продолжаетъ авторъ, — не въ состояніи оберегать границу съ одинаковою силою на всемъ ея протяженіи; оно не имѣетъ даже въ этомъ и нужды; но опредѣленіе наиболѣе важныхъ пунктовъ обороны, умѣнье сосредоточить на нихъ наибольшее число войскъ, дабы имѣть перевѣсъ надъ непріятелемъ, составляетъ всю мудрость военнаго дѣла. То же число войскъ, но разбросанное на значительномъ разстояніи, или вводимое въ дѣло въ порядкѣ постепенности, не въ состояніи оказать должнаго сопротивленія и не принесетъ той существенной пользы, которую принесло бы, еслибы войска были сосредоточены на одномъ важномъ пунктѣ“, и пр.

Такимъ образомъ выходило бы, что главная ошибка—и главная причина неудачи—заключалась въ ошибкѣ стратегической. Съ этимъ едва ли можно согласиться. Не говоримъ о свойствахъ самой арміи съ самаго начала Крымской войны и до ея заключенія,—можно видѣть по всѣмъ воспоминаніямъ современниковъ, что не было ни малѣйшей неувѣренности въ ея доблестныхъ качествахъ; когда произошли первыя неудачныя сраженія, общее мнѣніе не колебалось относительно того, что армія исполнитъ свое боевое дѣло какъ всегда, и въ этомъ оно не ошиблось: впослѣдствіи, когда неудачный ходъ войны сталъ очевиденъ, военные подвиги Крымской арміи оставались однимъ отраднымъ удовлетвореніемъ патріотическаго чувства. Но, съ другой стороны, чѣмъ дальше, тѣмъ больше разростались сомнѣнія въ управленіи этой арміей: не только расхищалась казна, но было неудовлетворительное и отсталое вооруженіе арміи, которое при первой встрѣчѣ оказалось слабѣе непріятельскаго (позднѣйшія собранныя цифры, напр., у г. Маслова, указывали, что наши потери своей численностью, вообще, вдвое превышали потерю непріятеля,—что̀ безъ сомнѣнія должно, въ большой мѣрѣ, приписать неудовлетворительности вооруженія); а затѣмъ укрѣплялось убѣжденіе въ общихъ недостаткахъ административнаго порядка,—откуда и созрѣло, очень быстро, убѣжденіе въ необходимости общихъ реформъ. Съ этими напряженными ожиданіями встрѣчено было новое царствованіе, и оно вызвало всеобщее ликованіе своими первыми шагами на этомъ пути.

Впрочемъ, эта сторона того времени не входила въ предметъ изслѣдованій почтеннаго историка. Его прямой задачей была исторія войны и обороны Севастополя, и эту задачу авторъ прекрасно исполнилъ не только для того времени, когда книга была писана, но и для настоящаго времени. Чисто военная исторія есть спеціальность, какъ и другая,—для обыкновеннаго читателя утомительная, даже не

всегда доступная. Авторъ умѣлъ избѣжать этой трудности и, сохраняя всю точность данныхъ, далъ разсказу такую простоту, такъ умѣлъ въ изложеніи частныхъ событій поддерживать интересъ той исторической минуты, что книга завлекаетъ, — чего только и могъ желать авторъ. Несмотря на тѣ ограниченія въ пользованіи архивнымъ матеріаломъ, какія авторъ упоминаетъ въ предисловіи, въ книгѣ все-таки находится множество любопытнѣйшихъ данныхъ изъ этого источника. Г. Дубровинъ могъ воспользоваться письмами главныхъ дѣйствующихъ лицъ той эпохи,—прежде всего, императора Николая Павловича, затѣмъ кн. Меншикова и т. д., такъ что изложеніе событія окружено его обстановкой, отъ мѣръ и предположеній высшей власти до исполненія на мѣстѣ, въ мѣстныхъ условіяхъ. Императору Николаю, по словамъ автора, „принадлежитъ слава защиты Севастополя, все новое, небывалое въ лѣтописяхъ обороны и исторіи инженернаго искусства“; „предначертанія императора составляютъ блестящую страницу изъ дѣятельности нашей въ Севастополѣ“, — и дѣйствительно, письма, находящіяся въ книгѣ, нерѣдко замѣчательны. Тѣмъ удивительнѣе видѣть, что эти предначертанія оставались иногда недѣйствительны—въ рукахъ перваго исполнителя, какимъ былъ главнокомандующій крымской арміи, кн. Меншиковъ. Изображеніе дѣятельности этого главнокомандующаго,—въ своемъ родѣ едва ли не первое въ нашихъ исторіяхъ Крымской войны, — есть одинъ изъ примѣровъ безпристрастія, какимъ хотѣлъ руководиться авторъ: когда писалъ г. Дубровинъ, еще не были извѣстны недавно изданныя письма Пирогова изъ Севастополя, и отзывы умнаго и правдиваго свидѣтеля совпадаютъ съ замѣчаніями историка.

Исторія „Восточной войны“ была въ особенности исторіей „Крымской войны“, а послѣдняя почти сполна исчерпывается обороной Севастополя: на ней и сосредоточены главное содержаніе и интересъ книги г. Дубровина, которая займетъ свое почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ.

— Андреевичъ. Книга о Максимѣ Горькомъ и А. П. Чеховѣ. Съ приложеніемъ автобіографіи Горькаго и портретовъ Горькаго и Чехова. Спб. 1900.

— В. Ѳ. Боцяновскій. Максимъ Горькій. Критико-біографическій этюдъ. Съ портретомъ и факсимиле Горькаго. Спб. 1900.

Максимъ Горькій и А. П. Чеховъ—послѣ гр. Л. Н. Толстого, вѣроятно самые популярные изъ современныхъ русскихъ писателей: ихъ сочиненія являются все въ новыхъ изданіяхъ, о нихъ говорятъ, наконецъ пишутъ особыя „книги“. Въ прежнее время такая популярность бывала обыкновенно очень опредѣленная: съ именемъ Турге-

нева, Достоевскаго, Гончарова, Островскаго соединялось болѣе или менѣе ясное и *общее* представленіе о писателѣ — объ особенностяхъ его дарованія, о свойствахъ изображаемой имъ жизни, о міровоззрѣніи писателя и его общественныхъ взглядахъ, объ его достоинствахъ и недостаткахъ. Теперь этого нѣтъ: при всей популярности Горькаго и Чехова, о нихъ нѣтъ общаго мнѣнія—кромѣ только всѣми заявляемаго признанія ихъ таланта; но затѣмъ начинается или недоумѣніе, или весьма несходныя впечатлѣнія, однѣ — сочувственныя, другія — нѣсколько холодныя, чуть не враждебныя. Послѣднее отчасти высказывалось въ литературѣ.

Заглавіе, которое г. Андреевичъ далъ своему труду, производитъ вѣроятно не то впечатлѣніе, какого онъ ожидалъ. Это — впечатлѣніе высокопарной претензіи; оно поддерживается и самымъ изложеніемъ, которое, притомъ, съ высокопарностью соединяетъ иногда тонъ самодовольно грубый, даже вульгарный („литературная эпоха 80-хъ годовъ была во многихъ отношеніяхъ пренаипаскуднѣйшая"; „г. Михайловскій увлекся правилами суздальской критики"; „я говорю", „я скажу", „я вижу", и т. п.). Но высокопарность и грубость, къ сожалѣнію, не соединяются съ простотой и послѣдовательностью изложенія; г. Андреевичъ сыплетъ громкими словами, но имъ не всегда сопутствуетъ ясность (напр., на стр. 208, авторъ замѣчаетъ, что уже говорилъ о „паскудности" 80-хъ годовъ и „повторять не будетъ"; на дѣлѣ онъ тутъ же опять говоритъ о нихъ: „повторяю", — но что̀ именно онъ разумѣетъ „въ той эпохѣ", опять неясно).

Авторъ — великій поклонникъ М. Горькаго.

„Въ изображеніи Горькаго жизнь босяковъ слагается въ своеобразную поэму, и эта поэма — несомнѣнно романтическая, вдохновляющаяся идеей полной и безусловной свободы человѣческой личности. Босякъ Горькаго, я беру при этомъ самое общее опредѣленіе, не что̀ иное какъ гипертрофированная человѣческая личность. Это воистину врагъ всякихъ цѣпей—и желѣзныхъ, и золотыхъ, и узъ семейныхъ, и узъ общественныхъ, узъ любви и узъ привязанности. Босяки очень и очень настойчиво высказываютъ, что до общества, до другихъ людей имъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Всякая привязанность стѣсняетъ ихъ, потому что всякая привязанность есть сначала одно обязательство, потомъ другое, наконецъ — цѣлая система обязательствъ"... (стр. 48—49).

„Я не сомнѣваюсь,—говоритъ авторъ тамъ же,—что подобная мораль ничуть не по вкусу Горькому",—но раньше авторъ замѣчаетъ, что „Горькій имѣетъ дерзость сказать вамъ (?), что онъ любитъ большую часть своихъ героевъ и часто ими любуется" и т. д. (стр. 20), а затѣмъ идетъ длинный трактатъ о родствѣ ихъ съ Ницше. Въ дру-

гомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что произведенія Горькаго—„это лирическія поэмы, гдѣ главный герой—духъ человѣка въ его вѣчныхъ и скорбныхъ, *повторяю*, поискахъ за смысломъ жизни и правдой своего такъ приниженнаго, такъ забитаго существованія. И если это исканіе воплотилось въ образѣ босяка, то развѣ это босякъ дѣйствительности—грязный, вонючій, скверный и никакъ не герой, обезсиленный непробуднымъ пьянствомъ, а не тотъ, другой, босякъ, въ дивномъ образѣ котораго первые отцы и учители христіанства воплощали все страждущее человѣчество, говоря: „наги и нищи приходимъ мы на землю; наги и нищи уходимъ мы съ нея"?... И, конечно, всякій, даже современный, гордый своей жестокой и братоубійственной культурой, человѣкъ признаетъ себя нищимъ, нагимъ и босякомъ, разъ онъ спроситъ себя о смыслѣ жизни и дѣятельности этого идущаго къ какой-то невѣдомой цѣли, а можетъ быть и никуда не идущаго человѣчества...

„Мнѣ думается, что своими босяками Горькій возвышается до символизма, но символизма настоящаго, какъ вдохновенной и утонченной аллегоріи" (стр. 123—124)...

Ницше, „первые отцы христіанства", „человѣческій духъ"—ни много, ни мало, въ такія области авторъ переноситъ героевъ Горькаго, не чувствуя противорѣчія,—между прочимъ, въ томъ, что „человѣческій духъ" искони стремился искать возможности общежитія, т.-е. общественныхъ узъ, безъ которыхъ не могло бы и народиться человѣчество, а герои Горькаго „имѣютъ дерзость сказать вамъ", что они не желаютъ признавать никакихъ общественныхъ узъ, или желаютъ пребывать въ первобытномъ состояніи, имѣя только слабость къ чужой собственности (какъ замѣчаютъ критики), пріобрѣтенной не въ первобытномъ состояніи.

Авторъ, возбуждаясь противъ критики, не увлекавшейся Горькимъ, говоритъ, будто бы критика была недовольна тѣмъ, что Горькій—„не этнографъ". Авторъ заблуждается. Критика только недоумѣвала, что можетъ означать это преувеличенное изображеніе босяковъ. Отрицательное отношеніе къ существующему складу жизни есть очень давняя тема всемірной литературы, но рядомъ всегда была потребность въ извѣстной ясности отрицанія—для самаго идеала, или для здраваго смысла. Герои Горькаго понятны въ ту мѣру, когда это люди, несправедливо униженные и оскорбленные,—и глубоко прискорбно, что среди человѣчества еще такъ много зла и несправедливости: оно и стремится искать средствъ противъ злыхъ сторонъ существующаго общежитія. Достигнуть совершенства оно, быть можетъ, никогда не будетъ въ состояніи, въ силу того, что половина его существа—зоологическая, и въ силу условій внѣшней природы; но человѣчество давно ушло отъ людоѣдства, освобождается отъ первобытнаго рабства, меч-

таетъ освободиться отъ войнъ, успѣло овладѣть многими силами природы, старается возвышать умственную и нравственную сторону своего существа, теперь усиленно работаетъ надъ улучшеніемъ положенія массъ... Отрицать въ принципѣ формы общежитія возможно, для обыкновеннаго человѣческаго чувства и смысла, только ради чего-либо высшаго. Чего желаютъ герои Горькаго или самъ писатель, который ихъ „любитъ",—это очень неясно, и эта неясность не удовлетворяла, а иногда и возмущала читателя: поэтическая, мечтательная сторона этихъ изображеній можетъ быть привлекательна; теоретическая—которой нельзя не искать--остается запутанной.

Несмотря на восторженный панегирикъ г. Андреевича, настоящее значеніе произведеній М. Горькаго остается необъясненнымъ. Впрочемъ, въ книгѣ есть свои достоинства: нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія (о новѣйшихъ защитникахъ Гегеля, объ экзотическихъ караибахъ и т. п.) мѣтки и справедливы.

Въ книжкѣ г. Андреевича приведено нѣсколько біографическихъ данныхъ изъ сообщеній М. Горькаго въ „Семьѣ" 1899; г. Боцяновскій далъ больше біографическихъ свѣдѣній, источникомъ которыхъ была „не напечатанная до сихъ поръ и хранящаяся въ архивѣ извѣстнаго критика С. А. Венгерова біографія М. Горькаго". Въ началѣ изложенія авторъ останавливается на вопросѣ, должна ли критика, для опредѣленія писателя, основываться только на его произведеніяхъ, не касаясь совсѣмъ его личности и біографіи, или наоборотъ, должна исходить изъ его біографіи. Авторъ держится правильной середины: біографія можетъ впадать въ злоупотребленія, входя въ интимныя подробности, не имѣющія отношенія къ самому дѣлу писателя, и это злоупотребленіе непростительно; съ другой стороны, біографія является необходимымъ объясненіемъ писателя. Біографія Полевого „не только не пособила его славѣ, но наоборотъ, всегда служила орудіемъ, которымъ пользовались для его дискредитированія"; но, съ другой стороны, безъ біографіи оставалось бы много непонятнаго въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго; біографія помогла ослабить репутацію ходульности, долго остававшуюся за Марлинскимъ. Подобнымъ образомъ авторъ считаетъ біографію М. Горькаго очень важнымъ пособіемъ для объясненія его сочиненій.

Въ самомъ дѣлѣ первыя страницы книжки г. Боцяновскаго, посвященныя жизнеописанію, чрезвычайно интересны,—какъ объясненіе того жизненнаго опыта, который далъ писателю массу его наблюденій, а также отразился въ его міровоззрѣніи: г. Боцяновскій дѣлаетъ сопоставленія, гдѣ разсказы М. Горькаго являются какъ бы чертами автобіографіи.

Въ самомъ опредѣленіи значенія писателя, г. Боцяновскій не

вдается въ такія чрезвычайности, какъ г. Андреевичъ, и это составляетъ немалое достоинство перваго. Литературныя объясненія г. Боцяновскаго умѣреннѣе, но сближеніе „безпокойныхъ людей“ Горькаго съ „безпокойными людьми“ Пушкина, Лермонтова, Тургенева, едва ли можетъ быть названо точнымъ (стр. 66—69): разница между ними состоитъ не только въ томъ, что герои Горькаго принадлежатъ „другой средѣ“, т.-е. другому сословію, а въ томъ, что они принадлежатъ другому состоянію умственнаго развитія и общественныхъ понятій. Мы не находимъ возможнымъ видѣть здѣсь какую-нибудь преемственность,—хотя авторъ пытается какъ будто ее установить (герои Горькаго—„прямые потомки безпокойныхъ дворянъ и разночинцевъ“ прежняго періода).

„Пусть это будетъ романтизмъ,—говоритъ авторъ въ заключеніе,—пусть написанные Горькимъ безпокойные люди, съ ихъ безконечнымъ стремленіемъ къ совершенству (?), нѣсколько прикрашены и не такъ хороши въ дѣйствительности, какъ въ повѣстяхъ и разсказахъ. Это не важно. Сѣренькое безвременье, переживаемое нами въ настоящую минуту, требуетъ героевъ, требуетъ хотя-бы маленькаго, возвышающаго душу обмана, который оторвалъ бы насъ хоть на время отъ тьмы низкихъ истинъ, слишкомъ намъ уже извѣстныхъ и почти засосавшихъ насъ. Нельзя ограничиваться указаніемъ на то, какъ мы дурны, и не показать, что мы можемъ быть лучше. Необходимо поднять упавшій духъ хотя бы сказкой, возбудить дѣятельность нервовъ мускусомъ. Правъ Горькій, когда говоритъ, что мы снова хотимъ грёзъ, красивыхъ вымысловъ, мечты и странностей... Именно снова. Мы переживаемъ теперь одинъ изъ тѣхъ тусклыхъ и сѣренькихъ періодовъ общественной дремоты, которую когда-то развѣвали Марлинскій, Полевой, когда будили общество Рудины и другіе романтики. Задача очень не легкая. Не легко въ самомъ дѣлѣ одушевить бездушныхъ, возбудить жажду жизни, жажду свѣта въ людяхъ, смятыхъ этой самой жизнью и потерявшихъ вкусъ къ ней. Нужно обладать самому большимъ энтузіазмомъ, огромнымъ запасомъ силъ, энергіи и любви для того, чтобы передать часть всего этого милліонамъ людей. Эту нелегкую задачу взялъ на себя Горькій и, какъ мы видѣли выше, выполнилъ ее какъ нельзя лучше. Своими разсказами, своими героями съ романтической окраской онъ вызвалъ вновь горячіе споры, заставилъ людей заволноваться, закопошиться, заговорить. А это уже большая заслуга сама по себѣ, и я, думаю, нисколько не ошибусь, если скажу, что всѣ мы, закрывая сѣренькіе томики разсказовъ Горькаго, не разъ повторяли себѣ слова Лежнева о Рудинѣ: „Въ нёмъ есть энтузіазмъ, а это—самое драгоцѣнное качество въ наше время. Мы всѣ стали невыносимо разсудительны, равнодушны и вялы. Мы заснули,

мы застыли, и спасибо тому, кто хоть на мигъ насъ расшевелитъ и согрѣетъ". И еслибы кто-нибудь возразилъ, какъ это сдѣлалъ Рудинъ, что все это хотя и красивыя, но все-таки не болѣе какъ слова, то на это можно отвѣтить такъ же, какъ отвѣтилъ Рудину тотъ же Лежневъ: „Да, слова, но доброе слово—тоже дѣло".

Да, но не лишено значенія то разнорѣчіе, которое возбуждаютъ слова. „Сѣренькія времена" обыкновенно предполагаютъ не одну простую лѣнь, застой общественной мысли, но съ другой стороны также, или главное, извѣстное неровное возбужденіе, даже болѣзненность. Дарованіе М. Горькаго не подлежитъ сомнѣнію и, въ извѣстныхъ эпизодахъ, увлекаетъ и подкупаетъ читателя; но, судя по тому, какое литературное теченіе по преимуществу имъ увлекается, что съ нимъ сопоставляется (какъ „ницшеанство"), невольно приходитъ мысль, не отражается ли на произведеніяхъ популярнаго писателя та же болѣзненность времени?- -Т.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Ахшарумовъ, Д. Д.—Чума послѣднихъ годовъ XIX-го столѣтія. 1894—1900. Полтава, 900. Стр. 159.

Ардашевъ, Павелъ.—Провинціальная администрація Франціи въ послѣднюю пору „стараго порядка". Провинціальные интенданты. Т. I. Спб. 900. Стр. 658. Ц. 2 р. Удостоено полной преміи С. М. Соловьева.

Баденъ-Пауеллъ.—Происхожденіе и развитіе деревенскихъ общинъ въ Индіи. Съ англ. Н. Кончевской. М. 900. Стр. 169. Ц. 70 к.

Бердяевъ, Ник.—Субъективизмъ и Индивидуализмъ въ общественной философіи. Критич. этюдъ о Н. К. Михайловскомъ, съ предисл. П. Струве. Спб. 901. Стр 267. Ц. 2 р. 25 к.

Бернштейнъ, Э.—Историческій матеріализмъ. Перев. Л. Канцель. Спб. 901. Стр. 332. Ц. 80 к.

Бецельдъ, Фр., фонъ.—Исторія реформаціи въ Германіи. Съ нѣм. Т. II. Спб. 900. Стр. 390. Ц. 2 р. 50 к.

Богдановскій, А. Е.—Основныя положенія христіанской морали. Наука и жизнь. Тобольскъ, 98. Стр. 20.

——— О значеніи Притавдинскаго края въ колонизаціонномъ отношеніи. Тоб. 900. Стр. 32.

Братиковъ, И.—Холощеніе (кастрація) жеребцовъ, быковъ, барановъ и вепрей. Съ 11 рис. Вятка, 900. Стр. 20. Ц. 6 к.

Брюсовъ, Валерій.—Tertia vigilia.—Книга новыхъ стиховъ. 1897—1900 г. М. 900. Стр. 173. Ц. 1 р.

Будищевъ, Ал. Н.—Разныя понятія. 20 разсказовъ. Спб. 901. Ц. 1 р.

Буржуа, Л.—Воспитаніе французской демократіи. Съ прилож. статьи Дюкло: „Недостатки общественнаго образованія". Съ франц. А. Зарайская. М. 900. Стр. 210. Ц. 1 р.

Вартаньянцъ, В.—Петровская Академія, какъ выразительница традицій 70-хъ годовъ. Тифл. 900. Стр. 32. Ц. 20 к.

Васильевъ, В. П.—Открытіе Китая. Спб. 900. Стр. 164. Ц. 1 р.

Вельяминовъ, проф. Н. А.—Максимиліановская Лечебница 1850—1900 г. Составлено по матеріаламъ, собраннымъ В. Хорватомъ. Спб. 900. Стр. 175 in 4°.

Вернеръ, Э.—Судъ Божій. Съ нѣм. Е. Б. М. 900. Стр. 215. Ц. 1 р.

——— Эгоистъ. Высшая точка зрѣнія. Съ нѣм. А. Заблоцкой. М. 900. Стр. 241. Ц. 1 р.

——— Въ добрый часъ. Съ нѣм. Е. Б. М. 900. Стр· 346. Ц. 1 р.

——— Заколдованное золото. Съ нѣм. А. Перелыгиной. М. 900. Стр. 290. Ц. 1 р.

——— Освобожденный отъ проклятія. Съ нѣм. Перелыгиной. М. 900. Стр. 405. Ц. 1 р. 50 к.

——— Вольной дорогой. Съ нѣм. М. Б. М. 900. Стр. 340. Ц. 1 р. 25 к.

——— Смѣлымъ Богъ владѣетъ. Повѣсти и разсказы. Съ нѣм. Е. и А. Заблоцкой. М. 900. Стр. 259. Ц. 1 р.

——— Фата-Моргана. Ром. Съ нѣм. М. Б. М. 900. Стр. 436. Ц. 1 р. 50 к.

Веселовскій, Александръ.—П. Д. Боборыкинъ: „Европейскій романъ на Западѣ за двѣ трети вѣка. Спб. 900. Рецензія. Спб. 900. Стр. 15.

Веснинъ, А.—Британская имперская федерація и англійскіе торговые интересы. Спб. 900. Стр. 99.

Вильсонъ, Эдм.—Роль клѣтки въ развитіи и наслѣдственности. Съ англ. Влад. Линдеманъ. М. 900. Стр. 460. Ц. 2 р. 50 к.

Випперъ, Р. проф.,—Учебникъ древней исторіи. Съ рис. и историч. карт. М. 900. Стр. 195. Ц. 1 р.

Герхартъ ф. Шульце-Геверницъ.—Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи. Съ нѣм., п. р. Б. Авилова и П. Румянцева, съ предисловіемъ П. Струве. Спб. 901. Стр. 506. Ц. 2 р. 50 к.

Гіацинтовъ, Н.—Темы и планы для письменныхъ работъ по русскому языку. Зарайскъ, 900. Стр. 48.

Гиббинсъ и *Сатуранъ*.—Исторія современной Англіи. Съ портретами политич. дѣятелей. Спб. 901 г. Стр. 225. Ц. 1 р. 20 к.

Глаголевъ, А. Н.—Курсъ теоретической ариѳметики и сборникъ теоретическихъ упражненій. М. 900. Стр. 211. Ц. 1 р.

Гливенко, К.—Задачи и методы изученія новыхъ языковъ въ средней школѣ. Кіевъ, 900. Стр. 17.

Голицынъ, кн. Д. М. (Муравлинъ).—Вавилоняне, ром. Спб. 901. Стр. 343. Ц. 1 р.

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Т. VI. Спб. 901. Стр. 635. Ц. 3 р.

Гринченко, Б. Д.—Каталогъ музея украинскихъ древностей. В. В. Тарновскаго. Т. II. Черниг. 900. Стр. 367.

Гриммъ, братья.—Сказки и легенды. Перев. Ѳедорова-Давыдова. Т. I-IV. М. 900. Ц. за 4 т.—3 р.

Гротъ, Я. К.—Труды. III. Очерки изъ исторіи русской литературы. 1848—1893 гг. Біографія, характеристики и критико-библіографическія замѣтки. Изд. п. р. К. Я. Грота. Спб. 901. Стр. 509 и 329.

Гурляндъ, И. Я.—Ямская гоньба въ московскомъ государствѣ до конца XVII вѣка. Яросл. 900. Стр. 339. Ц. 2 р. 50 коп.

——— Новгородскія ямскія книги. 1586—1631 г. Яросл. 900. Стр. 339. Ц. 2 р. 50 к.

Гюнтеръ, Р.—Исторія культуры. Съ нѣм. Спб. 901. Стр. 352. Ц. 1 р.

Д., П.—Наша деревня. Вып. 1: Крестьянская деревня. М. 900. Стр. 336. Ц. 1 р. 80 к.

Іеске-Хоинскій Т.—Заходящее свѣтило. Романъ изъ временъ М. Аврелія. Съ польск. М. Н. Коссовскаго. М. 900. Стр. 603. Ц. 1 р. 50 к.

Іоаннисіани, Р.—Дома трудолюбія. Тифл. 900. Стр. 114. Ц. 60 к.

Караваевъ, В. А.—Поѣздка на островъ Яву. Впечатлѣнія натуралиста. Кіевъ, 900. Стр. 166. Ц. 2 р.

Карпелесъ, Г.—Всеобщая исторія литературы отъ начала ея до настоящаго времени. Съ нѣм. С. Гринбергъ. Вып. 2. Од. 900. Стр. 71—113. Ц. 30 к.

Кедровъ, П. К.—Современная организація московскаго работнаго дома. Ворон., 900. Стр. 8.

Коломійцевъ, Н. П.—Труды сельско-хозяйственной метеорологической сѣти Императорскаго Москов. Общества Сельскаго хозяйства. Владимірская губернія, за 1898—1899 г. М. 900. Стр. 52.

——— Тоже: Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Орловской, Костромской губерній.

Краинскій, Н. В., д-ръ.—Порча, кликуши и бѣсноватые, какъ явленіе русской народной жизни, съ предисл. акад. В. М. Бехтерева. Новг., 900. Стр. 243. Ц. 1 р. 50 к.

Кюльпе, О.—Введеніе въ философію. Съ нѣм. п. р. П. Струве, и съ библіографич. дополн. Э. Колубовскаго. Спб. 901. Стр. 343. Ц. 1 р. 25 к.

Ле-Дантекъ, Ф.—Ламаркизмъ и Дарвинизмъ. Съ франц., п. р. Н. Яковлева. Спб., 900. Стр. 207. Ц. 75 к.

Лейкинъ, Н. А.—Христова невѣста. Романъ изд. 4-е. Спб. 901. Стр. 288. Ц. 1 р.

Лихачевой, Е.—Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. 1856—1880 гг. Спб. 901. Стр. 647. Ц. 4 р.

Лопухинъ, А. П.—Исторія христіанской церкви въ XIX-мъ вѣкѣ. Съ иллюстраціями, представляющими портреты знаменитѣйшихъ дѣятелей и изображенія важнѣйшихъ событій XIX в. Т. I. Спб. 900. Стр. 588. Приложеніе къ „Страннику" за 1900 г.

Лотоцкій, Игнатій, свящ.—Винницe-Браиловскій женскій монастырь и его святыни. Немировъ, 900. Стр. 62. Ц. 75 к.

Любарскій, І.—Палестина, ея настоящее и будущее. Очеркъ положенія современной Палестины и существующихъ въ ней европейскихъ колоній. Варшава, 901. Стр. 177. Ц. 75 к.

Любомудровъ, Н. Н.—Конспектъ лечебныхъ формулъ для ветеринарныхъ врачей. Екатеринб. 900. Стр. 50 к. Ц. 40 коп.

Майръ, Георгъ.—Статистика. Обществовѣдѣніе. Т. II, вып. II. Статистика населенія. Спб. 901. Стр. 321—631.

Мейенъ, В.—Обзоръ Россіи въ дорожномъ отношеніи. М. 900. Стр. 402, съ табл. Ц. 2 р.

Мордтманъ, А.—Сказочный островъ Ципангу. Съ нѣм. Э. Гранстремъ. Спб. 900. Стр. 208. Ц. 2 р. 50 к.

Мюнстербергъ, Э. д-ръ.—Объединеніе дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. Съ нѣм. М. 900. Стр. 101.

Папковъ, А. А.—Начало возрожденія церковно-приходской жизни въ Россіи. М. 900. Стр. 49.

П—скій, И. И.—Трагедія чувства. Критическій этюдъ по поводу произведеній Чехова. Спб. 900. Стр. 25. Ц. 25 к.

Петражицкій, Л. І.—Очерки философія права. Вып. 1: Основы психологической теоріи права; обзоръ и критика современныхъ воззрѣній па существо права. Спб. 900. Стр. 138.

Петровъ, В. В.—Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи. Вып. III: 1. Объ отношеніи народа къ грамотности. 2. Народныя чтенія. М. 900. Стр. 134. Ц. 50 к.

Поселянинъ, Е.—Русскіе подвижники XIX-го вѣка. Историко-біографическіе очерки. Въ 2 ч. Спб. 900. Стр. 224. Ц. 75 к.

Потапенко, И.—Безъ промаха и святочные разсказы. М. 900. Стр. 402. Ц. 1 р. 50 к.

Ремсенъ.—Введеніе въ изученіе химіи (неорганическая химія). „Библіотека для самообразованія“, т. VIII. Перев. М. И. Коновалова. М. 901. Стр. 531.

Савельевъ, А. А.—Очеркъ развитія народнаго образованія въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ связи съ характеристикой его положенія до введенія земскихъ учрежденій. Н.-Новг. 900. Стр. 111. Ц. 60 к.

Садовниковъ, Д.—Загадки русскаго народа. Сборникъ загадокъ, вопросовъ, притчъ и задачъ. Спб. 901. Стр. 294. Ц. 1 р. 25 к.

Саловъ, И.—Несобравшіяся дрожжи. Разск. М. 900. Стр. 191. Ц. 60 к.

Семеновъ, С. Т.—„У пропасти“ и другіе разсказы. М. 900. Стр. 195. Ц. 80 к.

Сигма, С. Н.—Петербургскіе негативы. Съ предисловіемъ И. И. Плакси-Плакунчикова. Спб. 901. Стр. 272. Ц. 1 р.

Соболевъ, М. Н., проф.—Экономическое значеніе сибирской желѣзной дороги. Актовая рѣчь. Томскъ, 900. Стр. 34.

Соколовъ, И. С.—Дома. Очерки современной деревни. Спб. 900. Стр. 168. Ц. 75 к.

Станюковичъ, К. М.—Отчаянный. Разск. изъ морской жизни. Харьк. 900. Стр. 32. Ц. 5 к.

Тезяковъ, Н., зем. санит. врачъ.—Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. 2-е изд., съ рис. Ворон. 900. Стр. 137. Ц. 50 к.

Токмаковъ, И. Ѳ.—Городъ Богучаръ, Воронежской губерніи, и его уѣздъ. Съ планомъ и 32 рис. М. 900. Стр. 111. Ц. 2 р.

Тулуповъ, Н. В.—Наглядный Букварь. Съ 137 рис. М. 900. Ц. 15 к.

Унтербергеръ, П. Ѳ.—Приморская область. 1856—1898 гг. Очеркъ съ 2 карт., 12 табл. и 15 рис. Спб., 900. Стр. 324. Изд. Имп. Русск. Географ. Общества.

Фламмаріонъ, Камиллъ.—Невѣдомое. Съ франц. Л. Г. Спб. 901. Стр. 333. Ц. 1 р.

Франкъ, С.—Теорія цѣнности Маркса и его значеніе Спб. 900. Стр. 370. Ц. 1 р. 50 к.

Хвостовъ, Н. Б.—Собраніе стихотвореній (И. Борисовича). Кн. 1 и 2. Спб. 901. Стр. 174 и 164. Ц. по 1 р.

Чудиновъ, А. К.—Справочный Словарь, орѳографическій, этимологическій и толковый, русскаго литературнаго языка. Вып. I-VI. Спб. 900. Стр. 2208. Ц. 6 р.

Шелепинъ, П. В.—Отечествовѣдѣніе. Пособіе при повтореніи русской исторіи. Спб. 900. Стр. 106. Ц. 40 к.

Шепердъ, Е.—Молодымъ людямъ и отцамъ для сыновей. Бесѣды о половой жизни человѣка, начиная съ отрочества, въ связи съ укрѣпленіемъ и охраненіемъ тѣлесной и душевной силы и чистоты. Съ рис. Съ англ., Е. Дунаевой. М. 900. Стр. 175. Ц. 50 к.

Шнитцлеръ, Арт.—Зеленый попугай. Трилогія: Парацельсъ. Подруга. Зеленый попугай. Перев. М. О. И. М. 900. Стр. 150. Ц. 60 к.

Шницлеръ, Арт.—Трилогія: I. Подруга жизни. II. Зеленый попугай. III. Парацельзій. Спб. 901. Ц. 1 р.

Юстусъ, А. Ф.—Словарь техническихъ выраженій, терминовъ, знаковъ и сокращеній, иностранныхъ и русскихъ, употребляемыхъ въ коммерческой корреспонденціи. Рига, 900. Стр. 38. Ц. 25 к.

Ярошъ, К. К.—Сказки для взрослыхъ. Харьк., 900. Стр. 317.

Эльпе.—Калейдоскопъ изъ области теоретическаго и прикладного знаній. 3-ья серія. Спб. 901. Стр. 316. Ц. 1 р. 20 к.

Эстонье, Эд.—Жюльенъ Дарто. „Le Ferment" ром., съ франц. Спб. 900. Стр. 190.

Lea, Henri-Charles.—Histoire de l'inquisition au moyen age. Trad. de l'anglais par S. Reinach, membre de l'Institut, avec l' Introduction historique par P. Frederici, prof. à l'Université de Gand. Par. 900. Стр. 631. Ц. 3 фр. 50 сант.

Tavergnie, Eugène.—Vladimir Solovieff.—Par. 900. Стр. 16.

— Библіотека „Дѣтскаго Чтенія" 1) Нашествіе монголовъ на Русь. М. Ремезова, съ рис. М. 901. Стр. 37. Ц. 10 к. 2) Среди природы, стих. П. Тулуба. М. 900. Стр. 54. Ц. 30 к. 3) Маленькая королева, пов. Амаліи Гутчинсонъ-Стирлингъ. Съ англ., съ рис. М. 901. Стр. 106. Ц. 30 к. 4) Родныя картинки, разск. Е. Муратовой 5) Сборникъ избранныхъ стихотвореній изъ книгъ, разрѣш. въ школахъ и народныхъ аудиторіяхъ. М. 901. Стр. 86. Ц. 20 к.

— Движеніе частнаго землевладѣнія въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи въ 1865—1900 гг. Александрія, 900. Стр. 194.

— Дешевая Библіотека: № 321. Е. П. Гребенка. Разсказы Пирятинца. Куликъ. № 322. Его же: Записки студента. Путевыя записки зайца. Спб. 900. Ц. по 15 к.

— Извѣстія Спб. Біологической Лабораторіи. Изд. Совѣта Лабораторіи п. р. П. Лесгафта. Т. IV, вып. 3. Спб. 900. Стр. 182. Подп. цѣна 3 р.

— Начальное народное образованіе въ Россіи. Изд. Имп. Вольно-Эконом. Общ., п. р. І. Фальборка и В. Чарнолусскаго. Т. II: Стат. табл. по губерн. и районамъ Россіи. Спб. 900. Стр. 418 in 4°. Ц. 6 р.

— „Новая Библіотека": I. Бытовые очерки. М. 901. Стр. 216. Ц. 40 к. II. Исполинъ нѣмецкой промышленности. Заводъ Круппа. М. 901. Стр. 65. Ц. 15 коп.

— Отчеть о дѣятельности Петропавловскаго Санитарнаго Попечительства въ г. Одессѣ за 1898—99 г. Од. 900. Стр. 480.

— Отчетъ о спеціальныхъ вечернихъ курсахъ для служащихъ на ю.-з. желѣзныхъ дорогахъ за 1899—900 учебный годъ. Кіевъ, 900. Стр. 35.

— Русская исторія въ разсказахъ—для школъ и народа. Кн. 1—6. Дешевое изданіе т-ва И. Сытина. М. 900. Ц. за 6 книж. 36 к.

— Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губерніи. Движеніе земельной собственности за 28-лѣтній періодъ (1869—1896). Уфа, 900. Стр. 97. Ц. 50 к.

— Сельскохозяйственный обзоръ Вятской губерніи за 1888—89 гг. Вятка, 900. Стр. 309.

— Справочная книга по вопросамъ образованія евреевъ. Пособіе для учителей и учительницъ еврейскихъ школъ и дѣятелей по народному образованію. Спб. 901. Стр. 681. Ц. 1 р. 75 к.

— Статистико-экономическій обзоръ по Елисаветградскому уѣзду Харьковской губерніи за 1879 г. Елисаветгр. 900. Стр. 153, съ картою уѣзда.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Guy de Maupassant, Les Dimanches d'un Bourgeois de Paris. Стр. 188. Парижъ 1901.

Мопассанъ, какъ извѣстно, съ большимъ выборомъ печаталъ написанные имъ повѣсти и романы. Эту строгость къ себѣ привилъ ему родственникъ и учитель его Гюставъ Флоберъ. Если Мопассанъ выступилъ сразу съ разсказомъ, который составляетъ одинъ изъ перловъ въ его творчествѣ, то это не значитъ, конечно, что въ самомъ дѣлѣ „Boule de Suif"—его первая вещь. Онъ писалъ много этюдовъ, но ни одинъ изъ нихъ не удовлетворялъ его и его строгаго судью. Той же системы онъ придерживался и впослѣдствіи, и потому послѣ его ранней смерти осталось множество и набросковъ, и готовыхъ произведеній. Все это постепенно издается теперь—уже безъ того строгаго разбора, какой дѣлалъ при жизни самъ авторъ. Въ первыхъ двухъ томахъ посмертнаго изданія далеко не все могло удовлетворить цѣнителей и почитателей Мопассана. Въ настоящее время вышелъ третій томъ: „Les Dimanches d'un Bourgeois de Paris", состоящій изъ отдѣльныхъ эпизодовъ, объединенныхъ личностью главнаго дѣйствующаго лица. Эта книга вполнѣ заслуживаетъ быть включенной въ число характерныхъ и выдержанныхъ произведеній Мопассана.

„Воскресныя прогулки парижскаго буржуа"—типичный образецъ пессимизма Мопассана. Тонъ книги полу-юмористическій, но за нимъ чувствуется вся горечь, которую онъ испытывалъ отъ соприкосновенія съ пошлостью и узкостью понятій буржуазнаго круга. Разсказъ ведется не совсѣмъ объективно. Самъ авторъ иногда высказываетъ свое глубокое разочарованіе, а также свои интимныя надежды—при чемъ для большей свободы онъ прикрывается маской то чудака, который всѣхъ возмущаетъ на торжественномъ обѣдѣ, то поэта-романтика, который возбуждаетъ смѣхъ присутствующихъ неразумностью своихъ желаній.

Основная тема всей повѣсти, т.-е. отдѣльныхъ эпизодовъ изъ жизни безупречнаго чиновника Патиссо — безнадежная, безъисходная пошлость, сильная своимъ самодовольствомъ, отсутствіемъ сложныхъ дви-

женій души, отсутствіемъ тоски и неосуществимыхъ идеаловъ. Но и въ этой жизни съ ея узкимъ кругозоромъ Мопассанъ открываетъ свой трагизмъ, который сказывается въ смѣшномъ и мелкомъ: какъ ни скромны и ограниченны желанія человѣка съ узкой душой, но и онъ тоже роковымъ образомъ оказывается мечтателемъ, жертвой своихъ иллюзій, потому что всѣ его ожиданія вообще неосуществимы. Приключенія Патиссò очень смѣшны, но все-же и онъ—носитель общечеловѣческой судьбы, въ которой всякое неосуществленное желаніе непремѣнно означаетъ разбитую мечту.

Патиссò, изображенный съ грустнымъ юморомъ,—одинъ изъ самыхъ удачныхъ типовъ въ Мопассановской коллекціи „буржуазныхъ уродцевъ“. Патиссò—чиновникъ, служащій въ министерствѣ. Основа его натуры заключается въ инстинктивномъ стремленіи быть „какъ всѣ“—при чемъ, однако, онъ остается вполнѣ индивидуальнымъ. Онъ, „какъ и многіе другіе“, кое-какъ прошелъ курсъ наукъ въ лицеѣ (гимназіи) и поступилъ въ министерство по протекціи тетушки. Патиссò не затерялся среди мелкихъ чиновниковъ, благодаря нѣкоторымъ своимъ индивидуальнымъ дарованіямъ. Но опять-таки эти индивидуальныя дарованія свидѣтельствовали о томъ, что онъ—воплощеніе духа толпы. Патиссò дѣлаетъ карьеру только потому, что обладаетъ инстинктомъ подражанія. При имперіи онъ старается какъ можно чаще видѣть Наполеона III-го и постепенно начинаетъ подражать ему во всемъ: въ манерѣ носить волосы и бороду, въ покроѣ платья, походкѣ и пр. —онъ даже краситъ себѣ волосы и становится чуть не похожимъ на свой оригиналъ; чиновники въ министерствѣ сначала возмущаются, находя такое сходство неприличнымъ; потомъ, когда министръ заинтересовался этимъ сходствомъ, всѣ начинаютъ уважать Патиссò за его практическій умъ. Онъ получаетъ прибавку жалованья, повышеніе по службѣ и начинаетъ быстро идти въ гору. Но вдругъ наступаетъ республика, и Патиссò въ отчаяніи: онъ не находитъ образца, подражаніе которому было бы полезнымъ. Онъ перестаетъ красить волосы, рѣшается сбрить бороду и пріобрѣтаетъ добродушный, не компрометтирующій видъ. Но все-таки онъ теряетъ престижъ въ министерствѣ, гдѣ всѣ чиновники „стали республиканцами изъ консерватизма“. Онъ, конечно, тоже измѣнилъ свои убѣжденія, но республика—не осязательное живое лицо, которому можно было бы подражать; президенты смѣнялись очень быстро, и Патиссò очень страдалъ отъ невозможности слѣдовать инстинкту подражанія; особенно непріятна была ему неудачная попытка уподобиться своему послѣднему идеалу—Тьеру. Но все-же, будучи почти геніальнымъ въ своемъ воплощеніи духа толпы, онъ нашелъ средство отличиться; въ знакъ своей приверженности республикѣ и своего патріотизма онъ сталъ носить трехцвѣт-

ную кокарду на шляпѣ. Это заставило призадуматься его начальниковъ; они увѣрились въ его близости къ республиканскимъ властямъ, и республиканецъ Патиссо пошелъ по службѣ столь же блестяще, какъ въ то время, когда былъ живой копіей Наполеона III-го.

Таковъ герой Мопассана. Всѣ его приключенія—художественное отраженіе его безцвѣтной личности, его узкихъ интересовъ и мелкихъ разочарованій, соотвѣтствующихъ его мелкой натурѣ. Патиссо боленъ, и докторъ, для спасенія его отъ печальныхъ послѣдствій сидячей жизни, предписываетъ ему много ходить пѣшкомъ. Страхъ за свое здоровье заставляетъ Патиссо вспомнить о томъ, о чемъ онъ никогда не думалъ—о красотахъ природы, о прелести долгихъ одинокихъ прогулокъ. Ему кажется, что въ немъ заговорило поэтическое чувство, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ дѣйствуетъ только подъ впечатлѣніемъ животнаго страха смерти. Словомъ, онъ рѣшается посвятить „воскресные дни“ экспедиціямъ по окрестностямъ Парижа, при чемъ испытываетъ цѣлый рядъ печальныхъ неожиданностей и разочарованій. Полная отчужденность Патиссо отъ природы сказывается въ томъ, что онъ дѣлаетъ такія приготовленія, какъ будто ему предстоитъ путешествіе въ невѣдомыя страны. Съ большимъ комизмомъ описаны выборъ одежды, медлительность и осмотрительность Патиссо, заказъ башмаковъ, подбитыхъ гвоздями, для восхожденія на предполагаемыя горы, и т. д. Всѣ эти мелочи не только комичны, но и характерны; въ нихъ рисуется заглохшая въ канцелярскомъ воздухѣ душа, для которой живая природа—невѣдомый міръ. Только грозное предписаніе доктора можетъ заставить чиновника Патиссо вступить въ этотъ міръ, и то онъ вооружается такъ, какъ будто бы дѣло шло о борьбѣ съ природой, а не о единеніи съ нею.

Приключенія Патиссо—слѣдствія той же отчужденности отъ всего, что не есть канцелярія и акты. Онъ, конечно, довѣряетъ только книгамъ и путеводителямъ, совершенно не понимая, что можно блуждать по лѣсамъ безъ опредѣленной цѣли. Вмѣсто того, чтобы созерцать открывшійся ему новый міръ, онъ занятъ изученіемъ карты—и мыслью о своемъ молодечествѣ, о томъ, что онъ безъ посторонней помощи найдетъ нужный ему путь. Но, конечно, вмѣсто Версаля, куда онъ направляется, онъ очутился въ Буживалѣ. Первая прогулка оказывается, такимъ образомъ, неудачной и стоитъ ему гораздо больше, чѣмъ онъ предполагалъ, потому что онъ вынужденъ быть галантнымъ къ случайной спутницѣ и снабдить ее деньгами для поѣздки въ Версаль, куда онъ обѣщалъ провести ее пѣшкомъ, если она довѣрится его знанію дорогъ. Всѣ дальнѣйшія приключенія—такой же рядъ мелкихъ злополучій. Каждое воскресенье съ утра Патиссо предвкушаетъ радости деревенской жизни, и каждый разъ возвращается съ

новымъ разочарованіемъ. Конечно, его не минуютъ обычныя несчастья рыбной ловли, когда послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ лодкѣ, его единственной добычей оказывается упавшая въ воду дамская шляпка. Среди его злоключеній есть и другія, болѣе чувствительныя для самолюбія и для сердца стараго холостяка, который вдругъ открылъ въ себѣ влеченіе къ поэзіи женскаго общества. На одно изъ воскресеній онъ запасается спутницей—при чемъ для выбора ея посѣщаетъ наканунѣ средней руки кафе-шантанъ. И эта черта характерна для душевнаго склада ограниченнаго буржуа. Онъ бы вполнѣ удовлетворился такой, пріобрѣтенной на одинъ день, порціей поэзіи, но и въ этомъ ограниченномъ желаніи его ждетъ неудача и разочарованіе. Его случайная спутница оскорбляетъ его благовоспитанность своими грубыми манерами, а потомъ самымъ безцеремоннымъ образомъ покидаетъ его, встрѣтивъ болѣе веселую компанію.

Патиссо всюду ждутъ такія же неудачи. Когда одинъ изъ его сослуживцевъ приглашаетъ его провести съ нимъ воскресный день въ его деревенскомъ домѣ, то оказывается, что вмѣсто сада Патиссо попадаетъ въ грязный, узенькій дворъ, гдѣ его заставляютъ цѣлый день поливать чахлые цвѣты въ горшкахъ; жена сослуживца осыпаетъ мужа и его гостя ругательствами, кормитъ ихъ какою-то бурдой; спасаясь отъ нея въ деревенскій трактиръ, Патиссо долженъ на свой счетъ кормить и поить своего злополучнаго пріятеля, и потомъ отводить его, пьянаго, домой. Другого рода разочарованіе ожидаетъ его при посѣщеніи, вмѣстѣ съ его другомъ, журналистомъ, двухъ знаменитостей, живущихъ въ окрестностяхъ Парижа,—художника Мейсонье и романиста Зола̀. Въ передачѣ этого эпизода иронія Мопассана направлена уже не противъ героя, а противъ самихъ знаменитостей. Мопассанъ показываетъ, что въ каждомъ человѣкѣ, хотя бы онъ жилъ высокими духовными интересами, есть непремѣнно свое мелкое тщеславіе. И Мейсонье, и Зола̀, совершенно равнодушны къ лести Патиссо, когда онъ хвалитъ ихъ произведенія. Они принимаютъ его сухо и оффиціально. Но сто̀итъ Патиссо затронуть ихъ общую слабую струнку, какъ обращеніе ихъ совершенно мѣняется. Оба они—не только художники, но и собственники воздвигнутыхъ ими, на подобіе за̀мковъ, домовъ. Когда Патиссо выражаетъ свое изумленіе передъ красотой зданій,—художникъ, а во второмъ случаѣ—романистъ, оживляются и съ гордостью водятъ гостя по всѣмъ закоулкамъ. Они находятъ, къ тому же, въ Патиссо благодарную публику, потому что ничто такъ не поражаетъ закоренѣлаго въ традиціяхъ бережливости буржуа, какъ явная расточительность. Литературное и живописное творчество не кажется ему особеннымъ чудомъ, а только однимъ изъ вѣрныхъ путей къ обогащенію. Но трата денегъ въ угоду фантазіи

превосходитъ его пониманіе и возбуждаетъ въ немъ сложное чувство изумленія и порицанія. Мопассанъ не ограничивается въ своей книгѣ разсказомъ о печальныхъ испытаніяхъ буржуа, который, изъ гигіеническихъ цѣлей, захотѣлъ отвѣдать наслажденія на лонѣ природы. Онъ пользуется случаемъ, чтобы въ болѣе субъективной формѣ выразить свой взглядъ на буржуазные идеалы своего героя и его единомышленниковъ. Такъ, въ главѣ: „Обѣдъ и нѣсколько идей", изображенъ оффиціальный обѣдъ, данный однимъ изъ начальниковъ Патиссò, по случаю пожалованія ему ордена почетнаго легіона. На обѣдѣ сходятся люди, довольные тѣмъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ свои убѣжденія: одинъ—легитимистъ, другой—орлеанистъ, нѣкоторые изъ присутствующихъ—республиканцы; но, какъ говоритъ хозяинъ дома, „несмотря на различіе принциповъ, мы все же можемъ отлично столковаться, именно потому, что у каждаго есть свои принципы". Въ эту компанію попадаетъ, однако, непріятный всѣмъ ворчливый господинъ, выражающій совершенно противоположные взгляды; онъ говоритъ, очевидно, отъ имени автора. Прежде всего онъ объявляетъ, что у него нѣтъ принциповъ, и что мораль для него—понятіе условное. Когда его просятъ высказаться о томъ, каково должно быть политическое устройство Франціи, которое бы его удовлетворило,—онъ обнаруживаетъ крайній пессимизмъ. Онъ отрицаетъ принципъ самодержавія, доказываетъ, что ограниченная подача голосовъ несправедлива, а что общая подача голосовъ—идіотство. Единственное правило общественной морали для него, это—„не причинять другому того, чего не хочешь, чтобы причинили тебѣ". Тотъ же ненавистникъ всего существующаго очень рѣзко ополчается на женщинъ, приводя въ подтвержденіе своихъ мнѣній выдержки изъ Руссò, Байрона, конечно Шопенгауэра и т. д. Умъ и геніальность въ женщинѣ онъ считаетъ такимъ же исключеніемъ, какъ тѣ чрезвычайно рѣдкіе и отмѣченные въ исторіи медицины случаи, когда отецъ кормитъ своей грудью ребенка, лишившагося матери.

Одна изъ самыхъ интересныхъ главъ—послѣдняя, подъ заглавіемъ: „Публичное засѣданіе". Патиссò попадаетъ на засѣданіе „Общества защиты женскихъ правъ", и передъ его изумленнымъ взоромъ проходитъ нѣсколько ораторовъ, очерченныхъ съ большимъ юморомъ и живостью. Въ числѣ ораторовъ выступаетъ знаменитый радикалъ, недавно вернувшійся изъ ссылки и повторяющій съ необычайнымъ паѳосомъ общія мѣста о свободѣ и равенствѣ, затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ истерическихъ женщинъ. Есть между ними и „nihiliste russe", и англичанка, коверкающая французскія слова, и пикантная француженка, которая, главнымъ образомъ, хочетъ возбудить интересъ въ мужской аудиторіи. Но всѣхъ ихъ побѣждаетъ молодой поэтъ; онъ съ жаромъ

искренняго убѣжденія совѣтуетъ женщинамъ продолжать быть вдохновительницами мужчинъ, и не стремиться къ равноправности, которая убьетъ поэзію жизни. Въ этой рѣчи слышится голосъ автора, отстаивающаго права красоты и поэзіи.

II.

Edouard Schuré, Le Théâtre de l'Ame. Paris, 1900. Стр. 323.

Эдуардъ Шюре́, извѣстный авторъ книгъ о развитіи драматическаго искусства отъ глубокой древности до нашего времени, изучилъ этотъ вопросъ сначала въ связи съ исторіей религіи въ „Grands Initiés"; въ „Histoire du drame musical" онъ разсматриваетъ театръ въ связи съ музыкой на примѣрѣ греческой трагедіи. Онъ же—одинъ изъ лучшихъ знатоковъ и толкователей Рихарда Вагнера со стороны не столько его музыки, сколько философскаго значенія его драмъ, идей, вложенныхъ музыкантомъ-мыслителемъ въ національный эпосъ о Нибелунгахъ. Въ другихъ своихъ книгахъ, какъ, напр., въ „Sanctuaires d'Orient", онъ пытается разъяснить темный смыслъ элевзинскихъ мистерій, въ которыхъ видитъ религіозный источникъ греческой трагедіи. Кромѣ того, Шюре́—большой знатокъ французской народной поэзіи, и въ „Grandes légendes de France" знакомитъ съ народнымъ творчествомъ кельтической расы.

Это обширное знаніе драмы прошлыхъ вѣковъ и настоящаго времени даетъ ему право судить съ несомнѣннымъ авторитетомъ о значеніи и цѣляхъ современнаго театра и даже предугадывать тѣ пути, по которымъ драматическое искусство направится въ будущемъ. Картину судебъ театра Шюре́ намѣчаетъ въ предисловіи къ своей новой книгѣ: „Théâtre de l'Ame". Театру онъ придаетъ огромное значеніе. „Это—зеркало жизни,—говоритъ онъ,—мощный воспитатель души какъ для людей толпы, такъ и для избранныхъ. Театръ захватываетъ всего человѣка, его чувства, душу, умъ, дѣйствуя примѣромъ, краснорѣчивымъ фактомъ, столь же дѣйствительнымъ и болѣе сосредоточеннымъ и сильнымъ, чѣмъ жизнь. Вліяніе его чрезвычайно велико какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ. Когда онъ перестаетъ быть школой красоты, правды и возрожденія, онъ становится роковымъ образомъ школой уродства, лжи и смерти". Для того, чтобы театръ исполнялъ свое высокое назначеніе, въ центрѣ его, по твердому убѣжденію Шюре́, должно стоять удовлетвореніе потребностямъ души человѣка. „Пусть въ центрѣ драмы,—говоритъ Шюре́ на своемъ образномъ языкѣ,—стоитъ душа въ полномъ сознаніи своей силы, пусть божественная Психея развернетъ свои крылья—и театръ станетъ зерка-

ломъ лучшей жизни, воспитателемъ народа, вожакомъ, ведущимъ человѣка черезъ лѣсъ жизни и миражи грёзъ къ вершинамъ высочайшихъ истинъ. Современный театръ—пассивное и рабское воспроизведеніе исторіи и текущей жизни. Театръ будущаго перевоплотитъ человѣка и общество по своему образу. Онъ будетъ храмомъ идеи, пламеннымъ очагомъ души, сознавшей себя свободной и творческой".

Таковъ идеалъ современной драмы въ ея развитіи. Входя въ частности того, какъ должна сложиться драма будущаго, Шюре́ говоритъ, что театръ будетъ становиться все болѣе многообразнымъ и сложнымъ, но что въ немъ сохранятся три главныя формы, представляющія какъ бы три ступени душевнаго самосознанія. Будетъ, говоритъ онъ, театръ народный, т.-е. сельскій и провинціальный. Спускаясь къ народной массѣ, онъ разбудитъ ея спящую душу, воздѣйствуя на лучшіе его инстинкты и поэтическія традиціи. Уже Мишлѐ мечталъ о такомъ театрѣ, а въ настоящее время нѣкоторые молодые писатели (какъ, напр., Ле-Бразъ и Ле-Гофикъ) пытаются создать его въ разныхъ мѣстностяхъ Франціи, напр. въ Бретани, представленіемъ старыхъ бретонскихъ мистерій на мѣстномъ бретонскомъ нарѣчіи. Второй родъ театра будущаго—городская драма, которую Шюре́ называетъ боевой. Цѣль ея—изученіе современности при помощи проницательнаго психологическаго анализа и глубокаго сочувствія страданіямъ людей. Ибсенъ, Толстой, Гауптманъ, Франсуа де-Кюрель — начинатели этого пути.

Въ эти двѣ категоріи Шюре́ укладываетъ всю современную реалистическую драму. Но, кромѣ нея, онъ отмѣчаетъ назрѣваніе третьяго рода драматическихъ произведеній, то, что̀ онъ называетъ „театромъ грёзъ" (Théâtre du Rêve) или „театромъ души"—воплощеніе высшаго человѣчества или, вѣрнѣе, высшихъ идеаловъ человѣка въ зеркалѣ исторіи, легенды и поэтическихъ символовъ. Это человѣчество, будучи идеальнымъ, останется все-же полнымъ жизни и правды. Шекспиръ выразилъ очень глубокую мысль, сказавъ, что мы „созданы изъ ткани нашихъ сновъ". Но сны наши созданы изъ крови нашей жизни; они—дыханіе и порывы нашихъ душъ. Основа этого театра, который долженъ обнажить душу человѣчества, будетъ высоко и глубоко религіозной. Цѣль его—показать въ ограниченномъ существованіи человѣка отраженіе безконечныхъ чувствъ и вѣчныхъ идей. Идеалистическій театръ свойственъ всѣмъ великимъ творческимъ временамъ, но каждая эпоха должна пересоздать его по-своему, вложить въ него свое содержаніе. Наше время Шюре́ считаетъ слишкомъ смутнымъ для того, чтобы оно могло подняться въ этой области выше разрозненныхъ попытокъ. Онъ видитъ только сѣмена будущаго въ лучшихъ драмахъ Вилье-де-Лиль, Адана, Метерлинга и друг.

Такова теорія Шюре́, и нельзя не признать, что она даетъ очень ясную формулу для всѣхъ современныхъ начинаній въ области драмы. Мысли эти онъ излагаетъ въ предисловіи къ двумъ драмамъ, помѣщеннымъ въ его книгѣ:—„Дѣти Люцифера" (Les Enfants de Lucifer) и „Сестра-хранительница" (La Soeur Gardienne). Обѣ драмы относятся къ третьей категоріи, къ „театру души", изображая въ историческихъ рамкахъ идеалъ обновленія человѣчества волей, направленной на исполненіе высокаго долга. Обѣ драмы задуманы отвлеченно. Каждое изъ дѣйствующихъ лицъ является носителемъ опредѣленныхъ идей, такъ что отъ разрѣшенія психологическихъ столкновеній зависитъ торжество того или другого изъ основныхъ началъ бытія. Люди въ драмахъ Шюре́ чувствуютъ на себѣ огромную отвѣтственность. Они какъ бы дѣйствуютъ не за себя, а за все человѣчество, и даже умираютъ за него: смерть ихъ означаетъ необходимость похоронить идеалъ, для котораго жизнь еще не созрѣла. Въ намѣренной символичности, въ томъ, что герои драмъ Шюре́ лишены непосредственности, а всегда помнятъ, что ихъ судьба, ихъ поступки—отраженіе философской мысли автора, — главный недостатокъ этихъ слишкомъ книжныхъ драмъ. Не даромъ Шюре́ говоритъ о театрѣ души какъ о созданіи будущихъ поколѣній, а все, что̀ пишется въ этомъ родѣ въ настоящее время,—считаетъ только попытками. Въ самомъ дѣлѣ, быть можетъ, въ будущемъ идеалистическая драма станетъ болѣе непосредственной, идеи будутъ свободно вытекать изъ ὸбразовъ, и незамѣтны будутъ нитки, сшивающія намѣренія писателя съ ὸбразами его фантазіи. Въ драмахъ Шюре́, во всякомъ случаѣ, такого единенія не произошло; отвлеченные замыслы подавляютъ непосредственное художественное содержаніе. Но, тѣмъ не менѣе, замыслы сами по себѣ интересны, а фабула драматична; историческіе контрасты обрисованы очень сильно, психологія углублена, такъ что все-таки, несмотря на ослабляющее впечатлѣніе теоретичности, драму Шюре́, въ особенности первую, „Дѣти Люцифера", нужно причислить къ самымъ благороднымъ произведеніямъ новѣйшаго французскаго идеалистическаго творчества.

Основная мысль „Дѣтей Люцифера" — освобожденіе человѣчества любовью, ставшей активной силой. Дѣйствіе перенесено въ бурную и сложную историческую эпоху, въ IV-й вѣкъ христіанской эры, когда, въ царствованіе Константина Великаго, происходила великая борьба эллинизма и христіанства. Мѣсто дѣйствія—городъ Діонизія въ Малой Азіи. Городъ порабощенъ римскими легіонами. Античный духъ Діонизіи выражался въ безграничномъ свободолюбіи жителей. Главный алтарь въ народномъ храмѣ посвященъ „послѣднему изъ боговъ" (au Dernier-né des dieux). Народъ не хочетъ связывать себя ника-

кимъ опредѣленнымъ и установившимся культомъ, а оставляетъ себѣ свободу, любитъ неосуществленное, безграничное будущее, „послѣдняго“ бога, послѣднюю правду. Въ этой мистической вѣрѣ народъ живетъ свободнымъ, готовъ отдать могуществу завоевателей всѣ богатства своей родины,—все, кромѣ этой святыни, дающей свободу надеждъ. Но власть Рима уничтожаетъ эту основу ихъ жизни. Подчинивъ себѣ Діонизію, римляне воздвигаютъ статую цезаря въ храмѣ, посвященномъ послѣднему изъ боговъ; для того, чтобы поработить себѣ страну, побѣдители соединяются съ духовенствомъ, епископы на сторонѣ цезаря, и двойное иго, кесарь и церковь, порабощаетъ народъ, убиваетъ въ немъ чувство свободы, убиваетъ живую душу. Напрасно Ликофрастъ, вѣщій язычникъ-прорицатель, ходитъ съ фонаремъ, подобно Діогену, отыскивая живую душу у гражданъ Діонизіи. Онъ обладаетъ таинственнымъ даромъ сразу заглянуть въ душу человѣка, поднося фонарь неожиданно къ его лицу. Но въ мертвомъ городѣ онъ не можетъ отыскать живой души. Божественная златокрылая Психея стала незримой, и по глазамъ всѣхъ людей, которыхъ онъ видѣлъ передъ собой, онъ узнаетъ въ нихъ сатировъ, а не Вакховъ. Какъ возродить падшее человѣчество, чѣмъ вернуть въ души людей любовь къ свободѣ—вотъ основной вопросъ, поставленный въ драмѣ. Отвѣтъ автора гласитъ: одною любовью полной и абсолютной, человѣческой и вмѣстѣ съ тѣмъ божественной, страстной и духовной. Въ ней одной—спасеніе и творческая сила. Въ Діонизію возвращается юноша Теоклъ, который, странствуя по міру, напрасно искалъ исхода своей жаждѣ правды. Онъ—представитель эллинизма, духа свободы, индивидуализма, и потому безпощадный противникъ церковнаго ига. Вернувшись на порабощенную родину, онъ жаждетъ освободить ее отъ позорнаго ига цезаря, уничтожившаго алтарь свободы, и столь же ненавистна ему церковь, требующая подчиненія цезарю. Онъ собираетъ вокругъ себя своихъ прежнихъ друзей, такихъ же страстныхъ борцовъ за свободу, какъ и онъ. Но Теоклъ знаетъ, что ихъ жажда освобожденія будетъ безплодна до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не пойметъ, что̀ его побуждаетъ бороться, во имя какой правды онъ можетъ вести другихъ за собой. Правда эта ему раскрывается,—тутъ въ драму вплетенъ элементъ внѣшнихъ чудесъ, являющихся какъ бы символомъ того, что̀ скрыто въ душѣ человѣка. Теоклъ узнаетъ, что онъ—одинъ изъ сыновей Люцифера, и въ храмѣ „невѣдомаго бога“, куда онъ является, жрецъ Люцифера вызываетъ падшаго ангела, который благословляетъ Теокла на подвигъ освобожденія. Въ этой сценѣ разъясняется идея автора: Люциферъ—противникъ не божества, а церкви, Люциферъ — геній знанія, свободы, индивидуальности, въ его рукѣ—факелъ, зажженный у не-

беснаго очага. Онъ тоже ведетъ къ Божеству, и требуетъ подвиговъ любви. Вся судьба Теокла, который послѣ видѣнія Люцифера носитъ имя Фосфороса, заключается въ осуществленіи завѣта Люцифера. Онъ подготовляетъ революцію, опрокидываетъ статую цезаря, за что его предаютъ суду. Но залогъ его успѣха—не эти дѣйствія сами по себѣ, а то, что онъ вызываетъ любовь къ себѣ молодой христіанки Клеониссы, которая ради него уходитъ изъ монастыря и отказывается отъ подчиненія церкви. Ихъ единеніе — сліяніе разума и любви, и потому вмѣстѣ они обладаютъ великой силой, освобождающей и ихъ самихъ, и другихъ. Революція противъ римлянъ удается. Проконсулъ убитъ въ тотъ моментъ, когда онъ произноситъ смертный приговоръ Теоклу, народъ на сторонѣ мятежника, избираетъ его архонтомъ, городъ свободенъ. Любовь, давшая побѣду сыну Люцифера, свершила свое дѣло и дала восторжествовать свободѣ. Но—такова идея драмы—„любовь, ставшая дѣйствіемъ", не можетъ долго торжествовать въ мірѣ, гдѣ она возникаетъ. Не даромъ падшій ангелъ явился Теоклу омраченнымъ тѣнью печали и смерти. На вопросъ Теокла о причинахъ мрака, окружающаго его, Люциферъ разсказываетъ, что когда онъ возсталъ противъ вѣчнаго Властителя міра и сказалъ: „я не хочу повиноваться, хочу самъ быть, знать и покорять"—ему было сказано: „ищи же этого, Люциферъ, въ страданіяхъ и смерти". Побѣда духа, идущаго путемъ свободы, требуетъ величайшихъ жертвъ, и потому Теоклъ и Клеонисса не могутъ восторжествовать въ жизни. Они погибаютъ въ борьбѣ противъ цезаря и церкви; измѣна союзниковъ, коварство монаховъ, которые обманнымъ образомъ разлучаютъ архонта Теокла съ его женой,—все это ведетъ къ пораженію „дѣтей Люцифера" послѣ короткаго торжества—и только ихъ смерть завершаетъ ихъ духовный подвигъ. Они понимаютъ, что та очистительная жертва, которую требуетъ божество устами оракула,—они сами, и добровольно принимаютъ ядъ. Этимъ достигается побѣда духа свободы, соединившагося съ любовью въ страданіи и смерти. Символически все это представлено въ чудѣ, которое на глазахъ у всѣхъ совершается надъ тѣлами мертвыхъ Теокла и Клеониссы. Всѣ видятъ засіявшую надъ трупами звѣзду Люцифера, и надъ ней поднимается огненный крестъ. Божество, нисходящее къ людямъ путемъ любви, отождествляется съ духомъ свободы—Люциферомъ, который ведетъ своихъ избранниковъ вверхъ къ божественному началу,—тоже путемъ совершенной, великой, самоотверженной любви. У освященныхъ таинственнымъ видѣніемъ тѣлъ происходитъ примиреніе враждующихъ сторонъ. Жрецъ „невѣдомаго бога", въ храмѣ котораго происходитъ искупительная жертва дѣтей Люцифера, говоритъ епископу, пришедшему сначала съ враждебными цѣлями, но смущенному видѣніемъ: „Те-

перь, епископъ, во имя Всемогущаго, который здѣсь проявилъ себя, подними свой посохъ; пойди и разскажи твоему народу про то, что ты увидѣлъ въ храмѣ истины. Всѣ истинные герои будутъ приходить сюда зажигать свой свѣточъ, потому что неистребимое пламя изошло изъ дѣтей Люцифера".

Таково содержаніе драмы, написанной очень страстно и колоритно, несмотря на отвлеченность замысла. Любовь Клеониссы полна глубокаго лиризма. Теоклъ напоминаетъ вначалѣ своими поисками правды—Гамлета, но послѣ откровенія Люцифера—проникается вѣрой въ себя, и она даетъ ему любовь Клеониссы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и побѣду надъ окружавшимъ его рабствомъ. Историческія рамки очерчены съ большимъ знаніемъ и очень колоритны. Въ драмѣ представлены всѣ элементы переходной эпохи, люди самыхъ противоположныхъ міровоззрѣній, эпикурейцы съ ихъ ревнивой жаждой наслажденій, мистики, только мечтающіе о высокихъ цѣляхъ, но неспособные дѣйствовать и потому безполезные честолюбцы, преслѣдующіе свои личныя ограниченныя цѣли, и, наконецъ, толпа, которая жаждетъ повелителей и становится на сторону торжествующихъ и сильныхъ.

Вторая драма Шюре, „La Soeur Gardienne", воплощаетъ въ поэтическихъ образахъ народную, въ данномъ случаѣ кельтическую душу съ ея спящими силами, которыя любовь превращаетъ въ активное начало жизни. Поэтическое содержаніе почерпнуто изъ бретонскихъ легендъ. Фея Моргана, пророческіе сны ясновидящей и т. д. переплетаются съ чисто реалистическимъ содержаніемъ, съ событіями великой французской революціи. Идея драмы сводится опять къ любви, т.-е. къ воскрешенію души отъ сна къ дѣйствію. Своей любовью ясновидящая Люцилія пробуждаетъ въ лицѣ брата пониманіе божественнаго назначенія жизни; своимъ примѣромъ она воскрешаетъ въ страстной, но слѣпой душѣ жены брата сознательную трагическую любовь къ ея мужу. Своей жертвой и добровольной смертью она завершаетъ подвигъ любви и ведетъ другихъ къ свободѣ и къ борьбѣ за свободу. Обѣ драмы сводятся такимъ образомъ къ той основной мысли, что источникъ грядущихъ побѣдъ души—въ твердой и высоко настроенной волѣ, и что если не дано намъ пользоваться жатвой, то нужно, по крайней мѣрѣ, быть сѣятелями, полными вѣры и мужества.—З. В.

III.

Richard Maria Werner, Vollendete und Ringende. 1900. Стр. 320.

Подъ заглавіемъ: „Завершенные и борющіеся"—нѣмецкій писатель Рихардъ Вернеръ собралъ рядъ критическихъ этюдовъ о нѣмецкихъ

поэтахъ и романистахъ текущаго вѣка. Для иностранныхъ читателей книга его интересна тѣмъ, что знакомитъ съ писателями, мало извѣстными за предѣлами своего отечества. Вернеръ спеціально говоритъ о нѣсколькихъ австрійскихъ поэтахъ, стоящихъ, вслѣдствіе своего исключительнаго тяготѣнія къ интересахъ австрійской жизни, внѣ обще-европейской литературы. Это относится въ особенности къ тѣмъ поэтамъ, которыхъ Вернеръ объединяетъ подъ общимъ названіемъ „завершенныхъ". По странной случайности, всѣ эти поэты, уже отошедшіе въ прошлое—люди, достигшіе глубокой старости. Карлъ Лейтнеръ умеръ десять лѣтъ тому назадъ въ 90-лѣтнемъ возрастѣ; Людвигъ Августъ Франклъ умеръ шесть лѣтъ тому назадъ въ столь же глубокой старости, а тирольскому поэту Пихлеру въ настоящее время болѣе 80-ти лѣтъ. Долгая жизнь этихъ поэтовъ характерна для представителей Австріи минувшихъ поколѣній. Все это пѣвцы активныхъ жизненныхъ идеаловъ; всѣ они въ 1848 г. увлечены были политическимъ движеніемъ, а до того и послѣ того воспѣвали простыя и опредѣленныя чувства и страсти. Ихъ творчество проникнуто простотой настроеній, бодростью духа; они полны жизненныхъ силъ, чужды рефлексіи, и потому способны и долго жить, и учить людей долгой жизни.

Карлъ Готфридъ фонъ-Лейтнеръ—характерный представитель этого рода поэзіи, лирикъ, напоминающій своими балладами отчасти Людвига Уланда. Онъ мастерски владѣлъ формой баллады: въ нѣсколькихъ строфахъ изображена цѣлая сцена, намѣчено ея развитіе, и затѣмъ разсказъ обрывается, при чемъ сжатость усиливаетъ драматическій эффектъ. Въ этомъ и заключается сущность баллады. Она должна будить въ слушателѣ извѣстное представленіе, скорѣе намѣчая, чѣмъ развивая положеніе, и возбуждать ожиданіе. Психологическаго развитія баллада не даетъ; въ ней говорятъ только факты. Эта краткость и сосредоточенность драматическаго содержанія особенно удается Лейтнеру въ знаменитой поэмѣ „Властелинъ моря": король Кнутъ запрещаетъ морю замочить ему кончикъ башмака, — но волны надменно шлютъ брызги ему въ лицо, такъ что вода касается его бороды. „Тогда онъ снимаетъ съ головы корону и, бросая ее въ море, говоритъ:—Суетна власть человѣка, и только Господу подобаетъ почетъ.— И съ шумомъ вздымаются волны". Въ этихъ нѣсколькихъ стихахъ передана величественность стихіи, разбивающей силу земной власти. Въ другой балладѣ: „Пономарь", поэтъ будитъ въ читателѣ чувство ужаса сжатой передачей фактовъ и недосказанностью въ изображеніи чувствъ дѣйствующихъ лицъ. Священника зовутъ ночью къ больному. Старый пономарь освѣщаетъ ему путь. Онъ странно молчаливъ. Онъ не хочетъ войти вмѣстѣ со священникомъ въ комнату, и только послѣ того какъ больной причастился, пономарь показывается въ дверяхъ

и говоритъ: „Теперь я здѣсь“. Больной умираетъ: на обратномъ пути священнику хочется говорить, но его спутникъ въ черной мантіи продолжаетъ молчать. Только когда они подходятъ къ большому дубу, онъ произноситъ слова: „Теперь мы скоро дома“. Когда же они подходятъ къ дому священника, онъ спрашиваетъ: „Знаете ли вы, кто былъ сегодня пономаремъ?“ Священнику становится жутко. Его поражаютъ походка и голосъ спутника. Тогда пономарь распахиваетъ черную одежду—изъ-подъ нея виднѣется блѣдный обликъ смерти. Священникъ въ ужасѣ вбѣгаетъ къ себѣ въ домъ—но уже скоро его оттуда выносятъ на рукахъ. — Эффектъ баллады достигается оборванностью послѣдняго аккорда, тѣмъ, что о самой катастрофѣ, о томъ, что вышло изъ встрѣчи священника со смертью, говорится въ прошломъ: „священника вскорѣ вынесли изъ дому на рукахъ“. Всѣ чувства, связанныя катастрофой, не описываются, а непосредственно вызываются въ душѣ читателя. Лирика Лейтнера—скорѣе грустная. Онъ жилъ подъ гнетомъ тяжелыхъ общественныхъ условій, сочувствуя страданіямъ угнетеннаго народа; печаль звучала поэтому и въ чисто лирическихъ мотивахъ его творчества. Онъ никогда не воспѣваетъ счастья текущей минуты, а всегда предпочитаетъ всему другому грустную прелесть воспоминаній. Лучшій сборникъ его стихотвореній посвященъ памяти его жены, умершей послѣ короткаго семейнаго счастья. Въ его душѣ много другихъ печальныхъ воспоминаній о дѣтствѣ и юношествѣ, проведенныхъ среди народныхъ бѣдствій, среди ужасовъ осады, войны и вторженія иноземцевъ. Въ описаніяхъ природы звучатъ меланхолическіе мотивы—ему милѣе всего пустынность зимнихъ вечеровъ и блѣдныя лунныя ночи. Если онъ описываетъ счастье, то переноситъ его всегда въ сновидѣнія. Такъ, напр., есть у него граціозное стихотвореніе—„Ея вѣстникъ“: прелестное дитя приноситъ ему поклонъ отъ возлюбленной и нѣчто „еще болѣе сладостное“—письмо. Онъ страстно прижимаетъ къ губамъ и груди тонкій листокъ, но едва онъ развертываетъ его, какъ коварный вѣстникъ вырываетъ письмо изъ рукъ и исчезаетъ съ нимъ: „О, возлюбленная, будь отнынѣ осмотрительна и строга въ выборѣ тѣхъ, кому ты довѣряешь! Смотри, вѣдь на этотъ разъ твоимъ посланнымъ былъ—сонъ“.

Несмотря на грусть, проникающую поэзію Лейтнера, она, какъ всякое переживаніе романтизма, кажется, въ сравненіи съ поэзіей нашихъ дней, очень ясной и свѣтлой. Ея мотивы опредѣленны. Грусть связана не съ общимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ явленіямъ жизни, а лишь съ опредѣленными обстоятельствами, и потому самая печаль озарена надеждой на возможное счастье, которое должно наступить съ удаленіемъ временныхъ причинъ зла. Лейтнеръ—патріотъ, воспѣвавшій свою родину въ пѣсняхъ, полныхъ любви—и въ груст-

ныхъ звукахъ его пѣсенъ слышится надежда на лучшее будущее. Въ его идеалахъ есть опредѣленность оптимистическаго міровозрѣнія—это дѣлаетъ его поэзію ясной и привлекательной, хотя, конечно, по своей несложности, она относится къ „завершеннымъ" явленіямъ литературы, уже не имѣющимъ связи съ исканіями и тревогами поэзіи нашихъ дней.

Другой изъ „отжившихъ" поэтовъ, о которомъ говоритъ Вернеръ—Адольфъ Пихлеръ, тирольскій поэтъ, родившійся въ 1819-мъ году. Вслѣдствіе мѣстнаго характера его творчества, онъ сравнительно мало извѣстенъ даже въ Австріи. Онъ глубоко привязанъ къ своей горной родинѣ, которую не только любитъ какъ поэтъ, но и изучилъ какъ ученый: Пихлеръ—докторъ естественныхъ наукъ, геологъ и авторъ ученыхъ сочиненій; привычка къ изученію точныхъ наукъ отражается въ его художественномъ умѣньѣ сочетать богатство подробностей съ философскими обобщеніями. Въ сборникѣ его тирольскихъ набросковъ подъ заглавіемъ: „Kreuz und Quer", видно, до чего въ немъ естествоиспытатель и поэтъ дополняютъ одинъ другого. Любовь къ обобщеніямъ и къ грандіознымъ зрѣлищамъ соединяется съ углубленіемъ въ подробности, съ пониманіемъ всего характернаго, съ умѣньемъ усматривать за пестротой явленій, за многообразіемъ внѣшнихъ проявленій вѣчные законы и внутренній смыслъ. Въ этомъ сказывается духовное родство Пихлера съ Гёте, который имѣлъ на тирольскаго поэта непосредственное вліяніе. Въ своихъ разсказахъ и поэмахъ Пихлеръ большею частію изображаетъ людей, жизнь и внѣшній обликъ которыхъ кажется загадочнымъ; то, что̀ составляетъ единство ихъ натуры и объясняетъ ее, представлено въ самыхъ фактахъ, въ отдѣльныхъ характерныхъ чертахъ, въ діалогѣ. Таковъ, напр., сильно и драматично изображенный герой разсказа „Колдунъ". Авторъ разсказываетъ, какъ во время одной изъ своихъ геологическихъ экскурсій онъ попалъ въ хижину „Колдуна", отъ котораго сторонится все мѣстное населеніе. Оказывается, что это—бывшій учитель и отважный браконьеръ; за стаканомъ вина онъ разсказываетъ своему случайному гостю исторію своей печальной и трагичной жизни. Ему вскружила когда-то голову тщеславная дѣвушка. Она потребовала отъ него, въ доказательство любви, серебряное кольцо лѣсничаго, котораго всѣ боялись за его строгость и жестокость. Онъ достаетъ кольцо и добивается этимъ руки дѣвушки. Но она вскорѣ измѣняетъ ему; онъ изъ ревности убиваетъ соблазнившаго ее офицера, за что приговоренъ на десять лѣтъ заключенія въ смирительномъ домѣ. Въ теченіе этого времени жена его умираетъ и завѣщаетъ свое состояніе церкви. Его собственное имущество, домикъ и земля, расхищены въ его отсутствіе сосѣдями и родственниками, такъ что, выпущенный на свободу, онъ принужденъ

вести процессы со всей общиной, и всѣ начинаютъ его ненавидѣть. Онъ продаетъ все, что имѣетъ, и поселяется въ горахъ, чтобы спастись отъ враждебно настроенныхъ противъ него односельчанъ. Облегчивъ свое сердце исповѣдью, онъ передаетъ своему гостю кольцо, похищенное имъ у лѣсничаго, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того погибаетъ въ пламени, охватившемъ его хижину. Пихлеръ съ большимъ художественнымъ проникновеніемъ очертилъ образъ одинокаго человѣка съ нѣжной и любящей душой; жизнь постепенно озлобляетъ его и дѣлаетъ человѣконенавистникомъ; но, при всей своей отчужденности отъ людей, онъ готовъ раскрыть свою душу при первомъ проявленіи человѣческаго участія. Сложная душевная жизнь отшельника изображена такъ просто, какъ будто стоитъ только подняться въ тирольскія горы, чтобы встрѣтить такія исключительныя натуры. Въ разсказѣ живо переданы мелкія черты, рисующія идиллическую сторону жизни „колдуна", и дѣйствующія лица кажутся прямо выхваченными изъ жизни. Контрастъ между внѣшней простотой и внутреннимъ душевнымъ богатствомъ героя, между простой жизнью въ горной хижинѣ и глубокой борьбой въ человѣческой душѣ, придаютъ разсказу большое художественное обаяніе. Къ лучшимъ произведеніямъ Пихлера принадлежатъ, кромѣ „Колдуна", еще „Fra Serafico", гдѣ авторъ разсказываетъ эпизодъ изъ своего путешествія по Италіи, и „Zaggler Franz", гдѣ онъ снова возвращается на тирольскую почву. Цѣлый рядъ другихъ разсказовъ относится то къ исторіи возстанія Тироля, то къ эпохѣ франко-прусской войны, причемъ Пихлеръ всегда изображаетъ борьбу самобытныхъ и сильныхъ людей противъ общественныхъ предразсудковъ и условности, о которую разбиваются стихійныя, простыя и здоровыя чувства неиспорченныхъ натуръ. Въ очень интересныхъ мемуарахъ Пихлера („Zu meiner Zeit") чувствуется сила, съ которой онъ любилъ природу своей родины, а также его ненависть ко всему, что нарушаетъ право человѣка на свободу. Онъ очень рѣзко осуждаетъ клерикальный духъ австрійскихъ школъ, разсказываетъ о своемъ личномъ участіи въ революціонныхъ движеніяхъ, о своихъ впечатлѣніяхъ во время шлезвигъ-гольштинской войны. Послѣ того какъ кончилась его дѣятельная и бурная юность, онъ всецѣло погрузился въ науку и поэзію, при чемъ ревностное изученіе древностей содѣйствовало развитію его таланта. Пихлеръ сталъ однимъ изъ выдающихся австрійскихъ лириковъ, соединяя наивность тирольца, любящаго свою горную родину и ея сильныхъ стихійныхъ людей, съ пониманіемъ и знаніемъ античныхъ формъ поэзіи. Научная карьера шла у него рука объ руку съ поэтической дѣятельностью. Въ 1867 г., онъ занялъ каѳедру геологіи и минералогіи, продолжая очень дѣятельно работать въ области художественнаго творчества. Чуждый кле-

рикализма, онъ проникнутъ, однако, глубокимъ религіознымъ чувствомъ и любитъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Въ послѣдніе годы Пихлеръ, уже завершившій свою профессорскую дѣятельность, живетъ простой и мудрой жизнью въ созерцаніи природы, въ чтеніи классиковъ и въ неустанномъ писательскомъ трудѣ. Въ этомъ старцѣ еще живетъ юношеская душа, способная восторгаться красотой всего существующаго и облекать свой восторгъ въ художественныя формы.

Говоря о представителяхъ современной литературы, о „борющихся", Вернеръ называетъ цѣлый рядъ молодыхъ писателей и поэтовъ; онъ говоритъ, между прочимъ, о талантливомъ лирикѣ Демелѣ; его философская поэзія основана на синтезѣ мгновенныхъ ощущеній, на анархическомъ чувствѣ свободы, на углубленіи въ міръ видѣній и сновъ. Вернеръ видитъ новизну и современность Демеля въ тревожности его настроеній, въ отсутствіи единства, въ стремленіи къ освобожденію; главной же заслугой его онъ считаетъ исканіе новыхъ художественныхъ формъ. Ничего законченнаго, завершеннаго онъ въ поэзіи Демеля не находитъ. По его мнѣнію, Демель, какъ нѣкогда Клопштокъ—искатель новаго художественнаго языка для отраженія назрѣвающаго новаго міросозерцанія. „Правда,—говоритъ онъ,—не Клопштокъ, а только Гёте сорвалъ зрѣлый плодъ",—а поэтому Демель только одинъ изъ многихъ предвозвѣстниковъ еще не народившагося генія грядущаго времени. Вернеръ говоритъ въ своей книгѣ не только объ отдѣльныхъ новыхъ писателяхъ, но и о разныхъ новыхъ мотивахъ въ современной нѣмецкой литературѣ. Такъ, въ главѣ „о современномъ мессіанствѣ" указывается на то, что многіе изъ представителей „новѣйшей Германіи" пользуются старинными евангельскими мотивами для отраженія своихъ эстетическихъ и этическихъ идеаловъ. Зудерманъ въ „Johannes"'ѣ изображаетъ Іоанна Крестителя мятежникомъ противъ закона и противъ фарисеевъ, блюстителей буквы закона. Точно также другой молодой эпическій поэтъ, Максъ Брунсъ, изображаетъ Іоанна отшельникомъ, который, не зная силы существующихъ основъ, умѣетъ только нанести смертельный ударъ отживающимъ условіямъ жизни, но не можетъ создать новаго идеала для человѣчества, полнаго надеждъ и ожиданій. Для творчества ему недостаетъ любви, той любви, которая создаетъ истиннаго Мессію; онъ строгъ и безпощаденъ и къ своимъ слабостямъ, и къ слабостямъ другихъ людей, но однимъ только отрицаніемъ ничто не можетъ быть сотворено. Такова сущность новыхъ поэтовъ въ вопросѣ о мессіанствѣ. Они еще сами принадлежатъ къ переходной порѣ отрицанія. Имъ доступна лишь красота этой переходной ступени. Они понимаютъ прелесть расслабляющей грѣховности, ихъ чаруетъ образъ Саломеи, соблазнительницы Іоанна—но создать образъ Мессіи, проповѣдую-

щаго новый активный идеалъ они не въ силахъ, будучи эстетами и отрицателями, а не глашатаями вполнѣ сознанной истины.

Вернеръ отмѣчаетъ еще одинъ мотивъ, сказывающійся въ современной литературѣ. Онъ говоритъ о томъ, съ какимъ болѣзненнымъ любопытствомъ современные молодые писатели въ Германіи относятся къ тайнѣ смерти. Любовь и смерть представлены всегда въ неразрывной связи въ разсказахъ одного изъ талантливѣйшихъ австрійскихъ молодыхъ художниковъ, Артура Шнитцлера. Его новеллы, хорошо извѣстныя русскимъ читателямъ по переводамъ, заканчиваются большей частью какой-то загадкой. Въ нихъ звучитъ вопросъ о смерти, вѣчно обаятельный и вѣчно неразрѣшимый. И Шнитцлеръ—тоже писатель переходнаго времени. Онъ не ищетъ разрѣшеній, а останавливается на красотѣ вопросовъ и загадокъ. Эстетъ въ немъ сильнѣе искателя правды. Таковы „борющіеся и незавершенные" (Вернеръ приводитъ довольно большое количество писателей этого типа). Въ нихъ есть своя большая прелесть, но для исторіи литературы они только предвозвѣстники болѣе опредѣленныхъ будущихъ идеаловъ, а не самобытные творцы.—З. В.

ЖЕНСКІЕ КЛУБЫ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Прошлымъ лѣтомъ, во время поѣздки въ Лондонъ, намъ удалось познакомиться тамъ съ двумя обществами попеченія о молодыхъ работницахъ: одно именуется—„Союзъ клубовъ для молодыхъ дѣвушекъ", другое—„Христіанскій союзъ для молодыхъ женщинъ". Оба имѣютъ цѣлью поддержать молодыхъ работницъ на пути честнаго труда, оба заботятся о нравственной ихъ поддержкѣ и умственномъ и профессіональномъ развитіи, оба учреждаютъ общежитія, занятія и собранія или клубы,—только второе, т.-е. „Христіанскій союзъ для молодыхъ женщинъ", все зданіе своей работы зиждетъ на строго-христіанскихъ и религіозныхъ началахъ—въ первомъ же такого направленія нѣтъ.

Общество „Союза клубовъ" возникло въ 1880 г., по мысли дочери лорда Станлея—Maude—теперь уже почтенныхъ лѣтъ, но весьма еще бодрой старушки. Она же—иниціаторша ресторановъ и чайныхъ исключительно для женщинъ.

Въ настоящее время клубовъ этого „Союза" насчитывается 35—въ разныхъ частяхъ города. Самый старый, наиболѣе извѣстный и наиболѣе многолюдный—это такъ называемый „Soho-Club", въ которомъ намъ удалось побывать нѣсколько разъ. Остальные, какъ намъ передавали, съ нѣкоторыми незначительными прибавками или исключеніями, приблизительно одинаковы. „Soho-Club" соединенъ съ общежитіемъ и помѣщается въ собственномъ домѣ въ одномъ изъ рабочихъ и торговыхъ кварталовъ Лондона. Завѣдуетъ имъ сама г-жа Maude Stanley, при помощи нѣкоторыхъ членовъ Общества, приписанныхъ къ этому клубу. На каждаго члена, въ продолженіе мѣсяца, возлагается вся работа по веденію клуба, т.-е. устройство вечеровъ, занятій, посѣщеніе дѣвушекъ и т. п. По истеченіи мѣсяца, дежурный членъ представляетъ отчетъ въ совѣтъ Общества. Кромѣ того, въ „Soho-Club", какъ и во всѣхъ остальныхъ, есть платныя надзирательницы: одна для клуба, другая для общежитія. Клубъ открытъ круглый годъ, ежедневно отъ $6^1/_2$ до 10 ч. вечера.

Къ „Soho-Club" приписаны въ настоящее время 145 дѣвушекъ, и всѣ онѣ считаются дѣйствительными его членами, т.-е. вносятъ членскую плату.

Въ члены принимаются дѣвушки не моложе 16-тилѣтняго возраста, хотя есть посѣтительницы, начиная съ 13-ти лѣтъ. Членская плата—2 шилл. за каждую четверть впередъ, т.-е. 8 шилл. (приблизительно 4 руб.) въ годъ, исключая членовъ изъ прислуги, которые платятъ половину. Членскій билетъ выдается только послѣ трехмѣсячнаго посѣщенія дѣвушкой клуба и послѣ того, какъ кто-либо изъ членовъ совѣта побывалъ у нея на дому и познакомился съ образомъ ея жизни. По истеченіи года послѣ поступленія дѣвушки въ клубъ, выданный ей билетъ замѣняется значкомъ. Замужнія женщины и состоящія членами 10 лѣтъ платятъ всего $2^1/_2$ шилл. въ годъ. Члены ежегодно выбираютъ изъ своей среды комитетъ, на обязанности котораго возлагается хозяйственная часть клуба и библіотека. Члены комитета избираютъ предсѣдательницу на одинъ мѣсяцъ, обязаны собираться разъ въ недѣлю и представлять ежемѣсячный отчетъ въ совѣтъ Общества. Члены комитета платятъ не 8, а 4 шилл. въ годъ. Книгами дѣвушки пользуются безвозмездно, но выдаются онѣ на извѣстный срокъ, и за каждую просроченную книгу взимается 1 пенни, или 4 коп. штрафа. Посѣтительницы клуба могутъ, по желанію, получать въ столовой общежитія обѣдъ за $6^1/_2$ пенсовъ и утренній завтракъ—за $2^1/_2$. Одинъ разъ въ недѣлю для посѣтительницъ устроивается музыкальный и литературный вечеръ, одинъ разъ—танцы; остальные же вечера посвящаются занятіямъ по англійскому языку, ариѳметикѣ, разнымъ рукодѣліямъ, рисованію, пѣнію, музыкѣ и гимнастикѣ. Нечего и говорить, что выборъ предметовъ занятій вполнѣ зависитъ отъ самихъ дѣвушекъ. Для поощренія же занятій и привлеченія къ нимъ бо̀льшаго количества дѣвушекъ устроиваются ежегодно публичныя соревновательныя собранія различныхъ клубовъ „Союза“ по музыкѣ, пѣнію и гимнастикѣ, а также и выставки работъ. Лучшія по исполненію награждаются призами или преміями. Собранія эти происходятъ въ какомъ-нибудь публичномъ зданіи и составляютъ, конечно, радостное событіе въ жизни дѣвушекъ. Разъ въ годъ, и тоже въ публичномъ зданіи, устроивается балъ, на который дѣвушки имѣютъ право приглашать мужчинъ. Вообще, члены Общества стараются всячески развлекать и увеселять молодыхъ работницъ: доставляютъ имъ билеты на концерты и выставки, водятъ ихъ въ парки, академіи, знакомятъ съ историческими достопримѣчательностями и т. п.

Не мало вниманія обращено тоже на физическое развитіе и на поддержаніе физическихъ силъ работницъ. Зимою очень поощряются занятія по гимнастикѣ; съ наступленіемъ же тепла, члены клубовъ пользуются удешевленными билетами въ купальняхъ, гдѣ ихъ обучаютъ плавать, и очень многія начинаютъ свой день съ купанья, и потомъ уже идутъ въ мастерскія и фабрики. Члены общества сильно

заботятся и о лѣтнемъ отдыхѣ молодыхъ работницъ. При „Soho-Club“ учреждена даже особая сберегательная касса исключительно съ цѣлью облегченія этого отдыха. Дѣвушки ежемѣсячно вносятъ въ кассу извѣстное количество денегъ; затѣмъ, весною, miss Stanley опрашиваетъ всѣхъ, и если оказываются такія, которымъ ѣхать некуда, устроиваетъ ихъ гдѣ-нибудь за городомъ, за небольшую плату.

„Soho-Club“ издаетъ ежемѣсячный журналъ, въ которомъ нерѣдко можно встрѣтить статью дѣвушки-работницы.

Насколько мы могли замѣтить, посѣщая собранія „Soho-Club“, дѣвушки держатъ себя весьма свободно и непринужденно; очевидно, всѣ хорошо знакомы между собою и весело болтаютъ какъ другъ съ другомъ, такъ и съ присутствующими членами Общества. Послѣдніе подаютъ дѣвушкамъ руку, милы и просты въ обращеніи съ ними, знаютъ всѣхъ, ихъ образъ жизни дома и въ мастерскихъ—всѣ семейныя ихъ обстоятельства. Одно непріятно поразило насъ—это костюмы самихъ членовъ общества! Всѣмъ извѣстна страсть англичанокъ къ нарядамъ, и вотъ эти лэди зачастую являются въ клубъ рабочихъ дѣвушекъ въ бальныхъ платьяхъ, декольтé, увѣшанныя брилліантами и разными украшеніями. Мы не могли удержаться, чтобы не выразить имъ своего удивленія по этому поводу, но онѣ никакъ не могли стать на нашу точку зрѣнія, не допускали даже возможности вреднаго вліянія, зарожденія зависти или желанія всякими способами подражать имъ. „Отчего же не показывать имъ красивыя вещи,—отвѣчали онѣ; —все красивое пріятно для глазъ; ходятъ же онѣ въ Гайдъ-паркъ любоваться нарядными экипажами и костюмами; мы только облегчаемъ имъ дѣло, пріѣзжая къ нимъ нарядными... Дурного тутъ ничего нѣтъ!“

Клубъ помѣщается въ первомъ этажѣ; второй и третій—отведены подъ общежитіе. Всѣхъ кроватей—32; плата за каждую, включая и стирку постельнаго бѣлья и полотенецъ,—отъ 3-хъ до 7½ шилл. въ недѣлю, и непремѣнно впередъ.

Нѣкоторыя комнаты раздѣлены деревянными перегородочками на клѣтушки; кровать, маленькій комодикъ, маленькій умывальникъ, стѣнная вѣшалка для платьевъ и стулъ—вотъ все, что̀ въ немъ помѣщается. На стѣнахъ и комодѣ—книги, работа, портреты, разныя бездѣлушки, и, благодаря этимъ придаткамъ, каждая каморочка носитъ до извѣстной степени свой индивидуальный характеръ. Любопытно, что, несмотря на крайнюю ограниченность пространства, кровать въ этихъ полутемныхъ клѣтушкахъ цѣнится дороже, чѣмъ, напр., кровать въ свѣтлой и просторной комнатѣ всего для двухъ жилицъ,—такъ сильно развита у англичанъ любовь къ собственному уголку, къ личному „home“. Кровати за 7½ шилл. въ недѣлю, т.-е. за 15 руб. въ

мѣсяцъ, всѣ въ отдѣльныхъ, но весьма небольшихъ комнатахъ. Жилицы могутъ пользоваться столомъ. Въ общежитіи имѣется, конечно, общая комната—большая, съ мягкой мебелью и піанино. Тутъ же стоятъ шкафъ съ книгами и швейныя машины. Вечера жилицы проводятъ обыкновенно вмѣстѣ—занимаются, болтаютъ, играютъ, поютъ. Въ этой же комнатѣ онѣ принимаютъ своихъ гостей. Жилицы, по преимуществу, постоянныя; въ случаѣ свободнаго мѣста, принимаются и временныя, за $2^1/_2$ шилл. въ день на полномъ пансіонѣ. Хозяйственной частью и всѣмъ внутреннимъ строемъ завѣдуетъ надзирательница, подъ руководствомъ и надзоромъ членовъ Общества, работающихъ въ клубѣ.

Такова, въ общихъ чертахъ, дѣятельность Общества „Союза клубовъ". Нѣсколько иначе ведется дѣло въ „Обществѣ христіанскаго союза для молодыхъ женщинъ". Какъ было уже сказано, вся работа основана на строго-христіанскихъ и религіозныхъ началахъ. Девизы Общества: „Не воинствомъ и не силой, но духомъ Моимъ", и еще: „Любовью да служите другъ другу". Цѣль Общества заключается въ слѣдующемъ: соединять для молитвы, обученія, участія и помощи другъ другу молодыхъ женщинъ всѣхъ классовъ и состояній; всячески способствовать нравственному, соціальному и умственному ихъ благосостоянію; находить для нихъ вѣрующихъ друзей, особенно для пріѣзжающихъ изъ деревни; оказывать покровительство и помощь нуждающимся въ томъ, чтобы предохранить ихъ отъ опасностей и искушеній, и стараться объ увеличеніи числа вѣрующихъ и о распространеніи евангельскаго ученія о любви къ Христу и къ ближнему... Каждый членъ Общества, входя въ совѣтъ, или вообще дѣлаясь дѣятельнымъ его членомъ, обязанъ подписать девизы и уставъ. Общество учреждено въ 1855 г., и въ настоящее время въ его вѣдѣніи находятся 65.000 молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ. Правда, что дѣйствія его распространяются не только на Соединенное-королевство, но и на другія страны свѣта; такъ, есть небольшія отдѣленія въ Индіи и Китаѣ, Америкѣ, Австраліи и Африкѣ. Въ одномъ Лондонѣ насчитывается 49 крупныхъ учрежденій Общества, съ клубами, образовательными классами для взрослыхъ и малолѣтнихъ, временными и постоянными общежитіями, институтами, библіотеками, читальнями, ресторанами, бюро для пріисканія мѣстъ, и т. д., и т. д. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ этихъ учрежденій развѣтвляются на маленькія филіальныя отдѣленія во всѣхъ, даже самыхъ отдаленныхъ частяхъ города. Въ центрѣ города помѣщается правленіе Общества, гдѣ постоянно дежурятъ нѣсколько секретарей, для отвѣта и надлежащаго направленія всѣхъ поступающихъ заявленій. Въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ „Христіанскимъ Союзомъ" и учрежденныя даже по его

иниціативѣ состоятъ другія общества, какъ, напр., „Общество помощи путешествующимъ“ и „Интернаціональный союзъ друзей молодыхъ женщинъ“.

„Общество христіанскаго союза для молодыхъ женщинъ“ управляется совѣтомъ и разными комитетами и коммиссіями, вѣдающими отдѣльныя отрасли работъ. Такъ, есть комитеты, завѣдующіе клубами, образовательными классами, больными и слабосильными, слѣпыми, глухими, союзами для сестеръ милосердія и сидѣлокъ, учительницами, мастерицами, фабричными, завѣдующіе издательскимъ дѣломъ, библіотеками и т. п. Перечислять все было бы слишкомъ долго. Во всѣхъ учрежденіяхъ работаютъ какъ члены, входящіе въ составъ комитетовъ, такъ и другіе члены общества. Кромѣ того, повсюду платныя завѣдующія. Намъ случилось познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ—всѣ онѣ преданы дѣлу, отдаютъ ему все свое время, всю свою душу...

Молодыя женщины, поступающія въ „Союзъ“, дѣлаютъ взносъ въ размѣрѣ 1, $2^1/_2$ или 5 шилл. въ годъ, смотря по тому, въ качествѣ какого члена онѣ хотятъ состоять. На обязанности завѣдующихъ учрежденіями и отдѣленіями лежитъ, между прочимъ, посѣщеніе дѣвушекъ. Ходятъ онѣ къ нимъ, особенно къ вновь поступившимъ, часто и на домъ, и на мѣста работы; по просьбѣ самихъ дѣвушекъ для посѣщенія мастерскихъ и фабрикъ, онѣ избираютъ обѣденное время, когда можно улучить минуту для общей молитвы.

Для усиленія нравственнаго воздѣйствія, каждой дѣвушкѣ назначаютъ корреспондента изъ членовъ Общества, большей частью незнакомаго ей, живущаго внѣ Лондона; они состоятъ въ перепискѣ, и такъ какъ корреспондентъ по письмамъ знаетъ и образъ ея жизни, и настроеніе ея, и наклонности, то и старается направлять ее, поддерживать, совѣтовать. Говорятъ, что дѣвушки не только не тяготятся перепиской, но любятъ ее и признаютъ пользу этого обычая. Вообще каждая союзница—не одна изъ многихъ, а представляетъ изъ себя отдѣльную особь—судьба и нравственный обликъ которой извѣстенъ. Она чувствуетъ личное къ ней участіе, личную о ней заботу, цѣнитъ это—и „въ минуту жизни трудную“ смѣло идетъ за совѣтомъ и помощью.

Членовъ „Союза“ заинтересовываютъ дѣлами Общества, знакомятъ ихъ со всѣми проявленіями и событіями его жизни и всячески стараются привлекать ихъ къ посильному участію въ общей работѣ.

Онѣ шьютъ одежду для совсѣмъ неимущихъ или пострадавшихъ отъ какого-нибудь бѣдствія, часто даютъ свою лепту для оказанія помощи находящимся въ горькой нуждѣ, а члены одного изъ учрежденій Общества содержатъ исключительно на свои средства моло-

дую миссіонершу, вышедшую изъ ихъ среды и работающую въ Австраліи.

Взрослыхъ и опытныхъ привлекаютъ къ занятіямъ съ малолѣтними, такъ какъ Общество старается распространять свое вліяніе и на дѣтей (начиная съ 10-лѣтняго возраста), собирая ихъ для обученія работамъ, для объясненія Евангелія и пѣнія гимновъ. И даже дѣти—подъ вліяніемъ общаго настроенія любви и заботы о другихъ —пишутъ къ праздникамъ поздравительныя письма совсѣмъ бѣднымъ и больнымъ дѣтямъ...

Клубы „Союза“ открыты ежедневно: по воскресеньямъ и праздникамъ—часа на два среди дня, исключительно для молитвы, религіозной бесѣды и пѣнія гимновъ; въ будничные же дни—отъ 6 или 7 и до 9 или 10½ час. вечера. Время открытія и закрытія клубовъ—въ зависимости отъ того, когда прекращаются работы въ ближайшихъ магазинахъ и мастерскихъ. (Въ Лондонѣ зачастую 12-часовой рабочій день).

Въ клубахъ дѣвушки или слушаютъ какіе-нибудь курсы, или просто читаютъ, работаютъ, играютъ въ разныя игры, оставаясь сидѣть, болтаютъ, поютъ. Вечеръ, обыкновенно, заканчивается пѣніемъ гимновъ и коротенькой религіозной бесѣдой. Бесѣды эти ведутся слѣдующимъ образомъ: завѣдующая или присутствующій членъ Общества прочитываетъ нѣсколько стиховъ изъ Евангелія или Библіи, затѣмъ бесѣдуетъ и молится по поводу прочитаннаго. Иногда приглашается какой-нибудь извѣстный проповѣдникъ—лондонскій или пріѣзжій, и тогда бо̀льшая часть вечера посвящается бесѣдѣ и пѣнію гимновъ.

Подобныя сборища всегда очень многолюдны. Для поддержанія извѣстнаго подъема и настроенія изрѣдка ведутся чтенія съ волшебнымъ фонаремъ о дѣяніяхъ и жизни миссіонеровъ среди полудикихъ народовъ Африки и Австраліи.

Танцы въ клубахъ этого Общества не допускаются, но занятія гимнастикой—простой и подъ музыку весьма поощряются. Въ нѣкоторыхъ клубахъ введена извѣстная градація, такъ сказать, повышеніе членовъ. По истеченіи нѣкотораго времени, когда въ дѣвушкѣ замѣчается перемѣна къ лучшему, когда она проявила себя по прилежанію въ занятіяхъ, когда духовный ея миръ не представляетъ уже никакихъ опасеній—ее повышаютъ: она получаетъ особый значокъ и право участвовать на особыхъ собраніяхъ, на которыя дѣвушки, не заслужившія еще значковъ, не допускаются. Собранія эти бываютъ разъ въ недѣлю, и на нихъ сами дѣвушки могутъ вести бесѣду и молиться. Остальные дни онѣ, конечно, посѣщаютъ клубъ въ обыкновенное время. Дѣвушки очень цѣнятъ это повышеніе, право вести бесѣду и носить значокъ.

Намъ удалось побывать на собраніяхъ всѣхъ категорій, т.-е. обыкновенныхъ, повышенныхъ и проповѣдническихъ. Дѣвушки *всегда* привѣтливы и общительны, просты, довольны и веселы; ни тѣни скуки либо принужденія.

Образовательныхъ классовъ много и поставлены они довольно серьезно, такъ какъ ведутся по выработанной программѣ. Въ настоящее время идетъ рѣчь о правительственномъ надъ ними инспекторатѣ. Занятія учреждены по англійскому и французскому языкамъ, по ариѳметикѣ, счетоводству, бухгалтеріи, скорописи, рисованію, ботаникѣ, поданію первой помощи, уходу за больными и дѣтьми, по музыкѣ, пѣнію, кройкѣ и разнымъ рукодѣліямъ, гимнастикѣ и кулинарному дѣлу. Записываться на отдѣльные курсы могутъ и посторонніе лица, т.-е. не члены „Союза"; плата очень умѣренная, а для членовъ и весьма ничтожная, но она взимается—иначе не всегда можно было бы достигнуть вполнѣ серьезнаго отношенія къ дѣлу. Не знаемъ, по всѣмъ ли предметамъ, но за успѣшно исполненныя работы по рукодѣлію—члены „Союза" получаютъ значки.

Въ общежитіяхъ Общества обязательна, конечно, общая молитва по утрамъ и вечерамъ и соблюденіе установленныхъ правилъ внутренняго распорядка; въ томъ же учрежденіи или институтѣ, въ которомъ подготовляются будущія работницы по Обществу, т.-е. завѣдующія его учрежденіями, введена строжайшая дисциплина, особенно относительно соблюденія установленныхъ часовъ.

Недалеко отъ Лондона, на берегу моря, Общество располагаетъ домомъ для слабосильныхъ и оправляющихся послѣ болѣзни. По субботамъ и воскресеньямъ этотъ „home" переполненъ. Такъ какъ въ Лондонѣ магазины, мастерскія и фабрики по субботамъ закрываются рано, то этимъ пользуются, чтобы доставить дѣвушкамъ, у которыхъ замѣчается переутомленіе работой, $1^1/_2$-дневный отдыхъ на чистомъ воздухѣ. Субботнимъ досугомъ пользуются также для экскурсій за городомъ. Вошло въ обычай, что богатыя лэди—члены Общества—приглашаютъ къ себѣ въ подгородныя помѣстья извѣстное количество дѣвушекъ. Онѣ отправляются туда вмѣстѣ съ завѣдующей того учрежденія, въ которое прислано приглашеніе, гуляютъ по парку, катаются въ лодкѣ, рвутъ цвѣты; ихъ тамъ кормятъ, а вечеромъ онѣ возвращаются довольныя и освѣженныя днемъ, проведеннымъ на свободѣ и среди зелени. Очень часто дѣвушки получаютъ также приглашенія провести одну или двѣ недѣли въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ въ имѣніяхъ кого-либо изъ членовъ Общества.

„Христіанскій Союзъ" издаетъ ежегодно 1 календарь и 7 журналовъ, изъ нихъ два для членовъ и, главнымъ образомъ, для секретарей, остальные же—исключительно для дѣвушекъ.

Вотъ то немногое, что̀ намъ удалось узнать, въ теченіе краткаго времени, о женскихъ Обществахъ въ Лондонѣ, но и это немногое говоритъ о ихъ жизненности и благотворномъ вліяніи на сотни и тысячи молодыхъ дѣвушекъ, которыя иначе оставались бы предоставленными себѣ и своей—иногда весьма несчастной—судьбѣ...

Ан. Ар—вичъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1900.

Задачи провинціальной печати и препятствія къ ихъ осуществленію.—Инциденты въ харьковскомъ дворянскомъ собраніи и въ харьковскомъ окружномъ судѣ.—Письмо г. Демчинскаго.—Пріемы полицейскаго розыска.—Изъ жизни „обществъ".—Письмо изъ Полтавы.—Г. Л. Вербловскій †.—А. К. Шеллеръ (Михайловъ) †.

Все больше и больше сознается у насъ необходимость широкаго развитія провинціальной прессы—и все тяжелѣе чувствуются препятствія, имъ встрѣчаемыя. Краснорѣчивымъ выразителемъ этого чувства выступилъ недавно предсѣдатель рязанской губернской земской управы кн. Н. С. Волконскій, въ заявленіи, присланномъ имъ въ Союзъ писателей. Констатируя громадный ростъ читающей публики, громадный запросъ на чтеніе, кн. Волконскій показалъ, что удовлетворить этотъ запросъ могутъ только соединенныя силы столичной и мѣстной печати; между тѣмъ, послѣдняя во многихъ губерніяхъ Россіи представлена только оффиціальными изданіями—т.-е., въ сущности, не представлена вовсе. Ту же мысль проводили и доклады, прочитанные въ Союзѣ писателей, и рѣчи, произнесенныя по поводу этихъ докладовъ; ей же посвящена статья, помѣщенная недавно г. Н. Быковымъ въ „С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 316). Чѣмъ меньше простора и свободы находитъ въ провинціи печать, серьезно относящаяся къ своимъ задачамъ, тѣмъ легче достигаютъ успѣха чисто спекулятивныя газеты, служащія органомъ рекламы и способомъ наживы. „Хозяева" такихъ изданій, по выраженію г. Быкова, видятъ въ редакторѣ —„главнаго приказчика", въ сотрудникахъ — „молодцовъ", и не меньше цензуры чуждаются публицистическаго элемента, ненужнаго или опаснаго для ихъ коммерческихъ цѣлей. Интересы мѣстнаго населенія для нихъ не существуютъ, тогда какъ именно этимъ интересамъ могла бы служить съ особенною пользой провинціальная печать. Спѣшимъ оговориться: при нормальныхъ условіяхъ провинціальнымъ газетамъ не было бы ни надобности, ни основанія замыкаться исключительно въ сферу мѣстной жизни. Мы не думаемъ, чтобы къ обсужденію общегосударственныхъ вопросовъ была призвана (какъ это было высказано въ одномъ изъ докладовъ, прочитанныхъ въ Союзѣ писателей) только столичная печать. Нельзя, во-первыхъ, провести опредѣленную границу между вопросами общегосударственными и мѣстными — нельзя уже потому, что въ разсмотрѣніе послѣднихъ не можетъ не быть внесена иногда общегосударственная точка зрѣнія. Лучшимъ доказательствомъ

этому служитъ земство, которое, ходатайствуя, въ силу предоставленнаго ему закономъ права, о *мѣстныхъ* пользахъ и нуждахъ, часто затрогиваетъ этимъ самымъ, и затрогиваетъ неизбѣжно, вопросы важные для всей имперіи. Ошибочно, во-вторыхъ, было бы думать, что только въ столицахъ можно найти достаточное число людей, подготовленныхъ къ широкой публицистической работѣ. Мы очень хорошо знаемъ, какъ велико различіе между провинціей русской и нѣмецкой, и не станемъ утверждать, чтобы въ первой могли возникнуть, въ настоящее время, такія періодическія изданія, какія существовали и существуютъ въ послѣдней. По своей исторіи, по своей роли въ настоящемъ, Кёльнъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Аугсбургъ, Гамбургъ, Бреславль, Кёнигсбергъ, конечно не чета самымъ большимъ изъ нашихъ провинціальныхъ городовъ; но вѣдь и тамъ газеты, соперничающія съ берлинскими или мюнхенскими, сложились и окрѣпли не вдругъ, и тамъ онѣ должны были считаться, и отчасти считаются до сихъ поръ съ неблагопріятной стороной своего географическаго положенія. У насъ есть, помимо столицъ, умственные центры, соединяющіе всѣ данныя для дальнѣйшаго развитія. Сюда относятся, въ бо̀льшей или меньшей степени, всѣ университетскіе города, всѣ пункты, служащіе средоточіемъ обширнаго края. Были періоды, когда обращала на себя вниманіе тифлисская, иркутская, екатеринбургская, саратовская печать. Мы вполнѣ убѣждены, что только внѣшнія причины мѣшаютъ Кіеву, Одессѣ, Харькову, конкуррировать съ Москвой и Петербургомъ если не на пространствѣ всей имперіи, то по крайней мѣрѣ въ цѣлыхъ областяхъ ея. И все-таки, служа не одной только небольшой мѣстности, провинціальныя газеты могли бы много сдѣлать именно для нея, освѣщая все происходящее въ ея предѣлахъ, раскрывая нарушенія закона, оглашая поводъ къ неудовольствіямъ, изучая вновь народившіяся потребности, пролагая пути для новыхъ начинаній. Когда, при изданіи закона 6-го апрѣля 1865-го года, дѣйствіе его было ограничено обѣими столицами, это было мотивировано отсутствіемъ правильно организованнаго суда, которому могли бы быть ввѣрены процессы о печати. Теперь новые суды введены во всей Россіи; нѣтъ больше препятствій къ довершенію реформы, для которой часть нашей печати признавалась созрѣвшей уже треть столѣтія тому назадъ. Не малымъ благомъ провинціальной прессы было бы, впрочемъ, примѣненіе къ ней даже того административнаго режима, которому подчинена столичная печать. Всего больше провинціальныя изданія (за немногими изъятіями) терпятъ отъ того, что ихъ судьба предоставлена всецѣло усмотрѣнію мѣстной администраціи, являющейся судьею въ собственномъ своемъ дѣлѣ. „Нападеніемъ“ на власть у насъ признается слишкомъ часто не только прямое указаніе на ея злоупотребленія или

ошибки, но и всякое сообщеніе о чемъ-нибудь нежелательномъ, совершившемся въ районѣ ея дѣйствій. Считая себя надъ всѣмъ поставленною и за все отвѣтственною, мѣстная власть сплошь и рядомъ относится враждебно не только къ критикѣ, но и къ простой гласности. Понятно, какъ это отражается на мѣстной печати, испрашивающей иногда, въ качествѣ особой милости, назначенія спеціальнаго цензора, не подчиненнаго губернской администраціи... Недавнее освобожденіе отъ предварительной цензуры двухъ провинціальныхъ газетъ („Кіевлянина" и харьковскаго „Южнаго Края") свидѣтельствуетъ о томъ, что въ принципѣ измѣненіе нынѣ дѣйствующаго порядка признается возможнымъ. Путь частичныхъ изъятій сопряженъ, однако, съ весьма существенными неудобствами: онъ создаетъ для однихъ изданій привилегированное положеніе сравнительно съ другими и заставляетъ тѣхъ, на комъ остается прежде бремя, сильнѣе чувствовать его тяжесть. Печать несетъ извѣстную общественную службу; та свобода, которая ей при этомъ необходима, должна быть предоставляема ей какъ право, а не какъ награда за благонравное поведеніе.

Изъ числа университетскихъ городовъ въ особенно неблагопріятномъ положеніи, съ занимающей насъ точки зрѣнія, находится Харьковъ, гдѣ, кромѣ не идущихъ въ счетъ „Губернскихъ Вѣдомостей", издается только „Южный Край"—подголосокъ столичной реакціонной печати, не удовлетворяющій даже самымъ скромнымъ изъ числа требованій, какія можно предъявлять къ провинціальной печати. Отсутствіе сколько-нибудь независимой газеты особенно замѣтно въ важнѣйшія минуты мѣстной жизни, напр. во время дворянскаго собранія. „5-го октября"—пишутъ намъ изъ Харькова—„закрылось очередное харьковское губернское дворянское собраніе. Странное впечатлѣніе производятъ дворянскія собранія: съѣдутся гг. дворяне, выслушаютъ денежный отчетъ и смѣту на новое трехлѣтіе, выберутъ предводителей и секретаря, устроятъ обѣды—и разъѣдутся по своимъ захолустьямъ, чтобы черезъ три года повторить то же самое. Такъ по крайней мѣрѣ завершался въ харьковской губерніи, за послѣднія трехлѣтія, періодическій съѣздъ гг. дворянъ, такъ онъ и закончился и въ нынѣшнемъ году; не было поднято ни одного серьезнаго вопроса, хотя законъ уполномочиваетъ дворянство ходатайствовать передъ правительствомъ не только о своихъ собственныхъ пользахъ и нуждахъ. Кто незнакомъ съ современною жизнью деревни, тотъ можетъ подумать, что все обстоитъ тамъ благополучно. Въ дѣйствительности такого благополучія нѣтъ и быть не можетъ. Прежде всего мы, жители деревни, лишены мѣстной печати, такъ какъ „Губернскія Вѣдомости" и „Южный Край" не могутъ же считаться за органы печати. Увѣренность.

что какія бы формы ни принялъ произволъ, все будетъ похоронено въ медвѣжьемъ углу, дѣлаетъ жизнь въ деревнѣ тяжелою и грустною"... Остались, повидимому, безъ обсужденія въ мѣстной печати и нѣкоторые эпизоды изъ сессіи дворянскаго собранія. При выборахъ по волчанскому уѣзду возникъ вопросъ, можетъ ли баллотироваться во вторые кандидаты на должность предводителя братъ только-что выбраннаго первымъ кандидатомъ. Было заявлено мнѣніе, что этого не допускаетъ ст. 233-я т. IX зак. о сост., по которой дворянство не можетъ избирать членами въ одно и то же присутственное мѣсто близкихъ между собою родственниковъ: отца съ сыномъ, родныхъ братьевъ, или дядю съ роднымъ племянникомъ, а по свойству — тестя съ зятемъ. Большинство не согласилось съ этимъ мнѣніемъ, и оба брата были выбраны кандидатами въ предводители. Намъ кажется, что прямого нарушенія ст. 233-ей здѣсь нѣтъ, потому что лицамъ, избраннымъ кандидатами на должность уѣзднаго предводителя, не приходится засѣдать въ одномъ и томъ же присутственномъ мѣстѣ. Едва ли, однако, удобно и здѣсь избраніе двухъ родныхъ братьевъ, въ особенности когда оно вызываетъ противорѣчіе среди избирателей. Оно налагаетъ слишкомъ однообразную окраску на руководство дворянскими дѣлами—и, что еще гораздо важнѣе, всѣми остальными, лежащими въ настоящее время на обязанности предводителя; оно уменьшаетъ шансы контроля, которому, не по закону, но по самой силѣ вещей, подлежатъ дѣйствія предводителя со стороны его кандидата, когда онъ вступаетъ въ исправленіе должности предводителя; оно даетъ уѣздному управленію какой-то семейный, домашній характеръ, мало благопріятный для его правильности. Что оппозиція меньшинства волчанскаго дворянства исходила не изъ узко-формальныхъ соображеній—это доказывается тѣмъ, что когда споръ о дѣйствительности волчанскихъ выборовъ былъ перенесенъ на рѣшеніе всего губернскаго собранія, выборы были утверждены только большинствомъ 83 голосовъ противъ 58. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что при существованіи въ харьковской губерніи мѣстной печати, способной и готовой выполнить свое призваніе, положеніе волчанскаго уѣзда было бы выяснено вполнѣ еще до открытія дворянскаго собранія, и всѣ вопросы, съ нимъ связанные, сдѣлались бы заблаговременно предметомъ всесторонняго обсужденія.

При другомъ юридическомъ положеніи провинціальной печати не оставались бы въ глубокой тѣни цѣлыя области мѣстной жизни, имѣющія громадное значеніе для населенія. Такова, напримѣръ, судебная дѣятельность земскихъ начальниковъ, о которой такъ рѣдко появляются какія-либо сообщенія въ провинціальныхъ, а слѣдовательно и въ столичныхъ газетахъ. Мы говоримъ: *слѣдовательно*, потому что

столичной прессѣ чрезвычайно трудно получать свѣдѣнія прямо съ мѣстъ и еще труднѣе убѣждаться въ ихъ достовѣрности; провинціальныя газеты, еслибы онѣ пользовались достаточной свободой, могли бы сдѣлать въ этомъ отношеніи гораздо больше. Едва ли возможны были бы тогда панегирики новой формѣ суда, основанные исключительно на нѣсколькихъ оффиціальныхъ отзывахъ — и на молчаніи печати. Теперь факты, идущіе въ разрѣзъ съ панегириками, выходятъ на свѣтъ только случайно—благодаря, напримѣръ, прикосновенности къ нимъ постояннаго сотрудника столичной газеты или лица, близко стоящаго къ редакціи. Въ „Новомъ Времени" (№ 8875) напечатано недавно очень характерное въ этомъ отношеніи письмо г. Демчинскаго, извѣстнаго „метеоролога". Излагая обстоятельства своего дѣла съ артелью рабочихъ, рѣшеннаго противъ него земскимъ начальникомъ, г. Демчинскій приводитъ мотивы рѣшенія, гласящіе такъ: „признавая возраженія отвѣтчика не заслуживающими уваженія, и въ виду указанія г. губернатора на этотъ предметъ, изложеннаго въ его разъясненіи отъ сего 9-го октября за № 3365"... „Слыхалъ ли кто-нибудь въ Россіи"—восклицаетъ г. Демчинскій,—„чтобы судья дѣлалъ свои постановленія по указанію начальства"? Восклицаніе это нѣсколько наивно; г. Демчинскій вѣроятно забылъ о существованіи ст. 66 и 102 Положенія 12-го іюля 1889 года, предоставляющихъ губернатору давать не только земскимъ начальникамъ, но и уѣзднымъ съѣздамъ указанія къ единообразному примѣненію законовъ. Конечно, такія указанія, напоминающія дѣятельность кассаціоннаго Сената—не совсѣмъ то, что инструкціи, прямо относящіяся къ способу рѣшенія даннаго дѣла; но отъ первыхъ недалеко и до вторыхъ, и разница между ними сводится больше къ формѣ, чѣмъ къ существу дѣла. Негодованіе г. Демчинскаго, тѣмъ не менѣе, совершенно понятно; къ такому факту, какъ постановленіе *судебнаго* рѣшенія по указанію *администраціи*, привыкнуть нельзя. Возможность подобныхъ указаній коренится не столько въ той или другой отдѣльной статьѣ закона, сколько въ общемъ характерѣ отношеній, существующихъ между земскими начальниками и губернскою властью—отношеній, переносящихъ въ сферу судебныхъ дѣлъ прямо противоположные судебнымъ обычаи и нравы.

Какъ намъ это ни горько, мы должны сознаться, что въ болѣе яркомъ освѣщеніи нуждается не только дѣятельность земскихъ начальниковъ, но и дѣятельность провинціальныхъ судовъ, и притомъ не только гдѣ-нибудь въ захолустьѣ, но и въ крупныхъ центрахъ. Вотъ что̀ сообщаетъ „Право" (№ 46) — не со словъ харьковской газеты, а со словъ своего корреспондента — о происходившемъ недавно въ

харьковскомъ окружномъ судѣ. Разсматривалось дѣло о Павлѣ Манчинѣ и Лидіи Кондратовой, изъ которыхъ послѣдняя обвинялась въ подговорѣ перваго къ убійству ея мужа. Резюмé предсѣдательствовавшаго, товарища предсѣдателя Кривцова, было, въ сущности, обвинительною рѣчью противъ Кондратовой. Защитникъ ея проситъ занести въ протоколъ слова предсѣдателя. Послѣдній (повидимому—не совѣщаясь съ судомъ) отказываетъ въ этой просьбѣ. Защитникъ повторяетъ ее и приводитъ выраженія, въ которыхъ всего яснѣе сказалось личное мнѣніе предсѣдателя. Когда онъ ссылается на слова послѣдняго: „*краснорѣчивыя* доказательства", предсѣдатель отрицаетъ ихъ произнесеніе, но ему что-то говоритъ одинъ изъ членовъ суда, и онъ признаетъ, что слово: *краснорѣчивыя* было имъ сказано. По провозглашеніи присяжными оправдательнаго вердикта Кондратовой, у брата ея вырывается восклицаніе: „Слава Богу"! *Предсѣдатель* (громко): „Кто это смѣетъ выражать одобреніе или неодобреніе приговору суда? (громче и громче). Вонъ!! всю публику вонъ! Я всѣхъ выгоню вонъ"! При установившейся вдругъ тишинѣ довольно явственно раздается слово: *уйдемъ*! Это присяжный повѣренный Гонтаревъ, считая неприличнымъ послѣ такихъ криковъ оставаться въ залѣ засѣданія, обращается къ своимъ товарищамъ съ приглашеніемъ уйти, и дѣйствительно уходитъ. *Предсѣдатель*: „Кто тамъ сказалъ: уйдемъ? Г. приставъ! верните его въ залъ. Властью предсѣдателя я арестую его на четыре часа". Присяжный повѣренный Гонтаревъ входитъ въ залу и говоритъ: „Суду угодно меня видѣть?" *Предсѣдатель*: „Вы сказали слово: уйдемъ"? *Гонтаревъ*. „Я". *Предсѣдатель*. „Довольно. Г. секретарь! Я отмѣняю опредѣленіе объ арестѣ. Я не ожидалъ видѣть передъ собой присяжнаго повѣреннаго". *Гонтаревъ*. „Имѣю честь объяснить"... *Предсѣдатель*. „Ни слова!" Когда, послѣ закрытія засѣданія, Кондратова поклонилась присяжнымъ и что-то хотѣла сказать имъ, предсѣдатель воскликнулъ: „вонъ эту бабу! Немедленно уберите эту бабу вонъ!.." Безспорно, совершенно предупредить подобныя сцены могъ бы только новый расцвѣтъ традицій, завѣщанныхъ первыми годами судебной реформы; но онѣ встрѣчались бы рѣже, если бы тотчасъ же были переносимы на страницы мѣстныхъ изданій. Въ Харьковѣ, при монополіи „Губернскихъ Вѣдомостей" и „Южнаго Края", ни о чемъ подобномъ, вѣроятно, не могло быть и рѣчи.

Какъ бы велики ни были уклоненія отъ духа и смысла судебныхъ уставовъ, допускаемыя судьями и судами, они все-таки не представляютъ ничего похожаго на то, что̀ дѣлается иногда полиціею, преданія которой прямо противоположны только-что упомянутымъ нами

судебнымъ традиціямъ. По истинѣ удручающее впечатлѣніе производитъ слѣдующій фактъ, оглашенный недавно во всеобщее свѣдѣніе. „Въ петербургскомъ окружномъ судѣ“—читаемъ мы въ газетѣ „Право“ (№ 45)—„слушалось дѣло по обвиненію крестьянки Жарковой въ кражѣ денегъ у сіамскаго посланника. Когда кража была обнаружена, въ совершеніи ея былъ заподозрѣнъ дворецкій посланника Лавтизаръ, который былъ арестованъ и вскорѣ въ сыскномъ отдѣленіи сознался въ кражѣ. И однако онъ не привлеченъ къ отвѣтственности (хотя и просидѣлъ 5 мѣсяцевъ подъ предварительнымъ арестомъ), такъ какъ оказалось, что, несмотря на сознаніе, онъ никакого касательства къ кражѣ не имѣлъ. Почему же онъ сознался, почему направлялъ слѣдствіе на ложный путь? Очень просто: замогильнымъ голосомъ, на ломаномъ русскомъ языкѣ, Лавтизаръ, показывавшій не какъ обвиняемый, къ словамъ котораго мы относимся съ недовѣріемъ, а какъ свидѣтель, подъ присягой,—разсказывалъ на судѣ, что въ сыскномъ отдѣленіи его пять дней морили голодомъ, били кулаками по виску; онъ оглохъ, посѣдѣлъ, жизнь его разбита. Онъ думалъ, что не останется въ живыхъ и жаждалъ только одного—вырваться изъ этого ада, какой бы то ни было цѣной. Онъ взвелъ на себя вину, разсчитывая, что его переведутъ въ тюрьму, а тамъ ему удастся спастись. Лавтизаръ ошибся: исторгнувъ отъ него сознаніе, полиція стала добиваться, куда онъ дѣвалъ деньги, и что̀ съ нимъ тутъ дѣлали—онъ и разсказать не можетъ. И только послѣ того какъ случайно обнаружившіеся факты указали, что виновата во всемъ одна Жаркова, Лавтизара продержали въ тюрьмѣ еще три мѣсяца и затѣмъ уже выпустили“. И это происходило въ Петербургѣ! Чего же, затѣмъ, можно ожидать отъ полицейскихъ чиновъ въ провинціальной глуши?.. Припомнимъ, какія указанія по этому предмету даетъ намъ объяснительная записка къ проекту устава уголовнаго судопроизводства, составленному коммиссіею подъ предсѣдательствомъ Н. В. Муравьева: „въ округѣ тамбовскаго окружного суда очень часты случаи вымогательства сознанія путемъ угрозъ, лишенія свободы и даже причиненія насилій (побоевъ, а иногда истязаній). Такіе пріемы при производствѣ дознанія употребляются преимущественно полицейскими урядниками, а иногда и чиновниками полиціи. Бывали примѣры употребленія такихъ же пріемовъ и въ отношеніи свидѣтелей, уклонявшихся, якобы, отъ дачи правильнаго показанія. Въ тифлисскомъ судебномъ округѣ при производствѣ дознанія побои (безъ свидѣтелей) и *выколачиваніе* сознанія у заподозрѣнныхъ—явленіе заурядное“. Для полноты картины недоставало только указанія на то, что подобные „пріемы“ пускаются въ ходъ и въ столицахъ—и вотъ, этотъ пробѣлъ пополненъ свидѣтельствомъ Лавтизара, удостовѣряющимъ, что въ Петербургѣ, на рубежѣ

XX-го вѣка, практикуется пытка! Для насъ совершенно непонятно, какимъ образомъ, въ виду подобныхъ фактовъ, можетъ идти рѣчь о распространеніи области полицейскаго дознанія, въ ущербъ предварительному слѣдствію [1])...

Годъ тому назадъ [2]) мы ознакомили читателей съ новымъ уставомъ тамбовскаго общества по устройству народныхъ чтеній, создавшимъ условія и порядки, небывалые до тѣхъ поръ въ исторіи русскихъ обществъ. Въ журналѣ „Жизнь" (№ 9) напечатано любопытное письмо („Исторія одного неудавшагося просвѣтительнаго начинанія"), проливающее нѣкоторый свѣтъ на послѣдствія этой мѣры. Новый уставъ оставилъ въ средѣ общества только почетныхъ членовъ и членовъ-учредителей; дѣйствительные члены могли сохранить свое званіе не иначе какъ съ согласія правленія (вновь сформированнаго и состоящаго на половину изъ членовъ, назначенныхъ или выбранныхъ помимо общества) и наблюдателя со стороны судебнаго вѣдомства. Новое правленіе пригласило къ вступленію въ общество далеко не всѣхъ прежнихъ членовъ. Исключенныхъ оказалось сорокъ семь, и между ними всѣ главные работники общества. Изъ числа лицъ, получившихъ приглашеніе „продолжать свою полезную дѣятельность", многіе ровно ничего до тѣхъ поръ не дѣлали въ обществѣ и для общества—и недоумѣвали, какъ понять приглашеніе: какъ насмѣшку или какъ недоразумѣніе. Въ засѣданія общества не допускается не только публика, но и редакторъ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей", благонадежность которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія. Дѣятельность общества пошла на ущербъ; ликвидированъ, напримѣръ, книжный складъ общества, имѣвшій двадцать отдѣленій въ губерніи и успѣшно конкуррировавшій съ частными магазинами, заставляя ихъ понижать цѣны на книги и письменныя принадлежности (сумма оборотовъ склада съ 7.495 руб. въ 1894-95 г. поднялась до 37.580 р. въ 1898-99 г.). Новый уставъ оказался настолько мало подходящимъ для общества, что оно, по слухамъ, намѣрено хлопотать о его измѣненіи. Что же подало поводъ къ ломкѣ, парализовавшей одно изъ лучшихъ провинціальныхъ обществъ? Повидимому—преобладаніе такъ называемой „лѣвой", вызванное исключительно тѣмъ, что ея представители аккуратно посѣщали общія собранія и усердно трудились въ коммиссіяхъ, тогда какъ представители „правой" (по числу—вдвое сильнѣйшей) относились къ дѣламъ общества равнодушно. Не совсѣмъ корректно вела себя иногда публика, которой еще до изданія новаго

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 7 „Вѣстн. Европы" за 1900 г.

[2]) См. Обществ. Хронику въ № 10 „Вѣстн. Европы" за 1899 г.

устава былъ преграждeнъ доступъ въ собранія общества. У насъ еще такъ мало распространена привычка къ общественной жизни, что каждое болѣе яркое проявленіе ея кажется опаснымъ безпорядкомъ, требующимъ предупрежденія и пресѣченія. Изъ-за оборотной стороны медали упускается изъ виду лицевая: не принимается въ разсчетъ, что именно отъ „безпокойныхъ“ людей можно иногда ожидать наибольшей пользы, и что „безпокойство“ растетъ прямо пропорціонально внѣшнимъ стѣсненіямъ, встрѣчаемымъ работою для общаго дѣла. Да и какой вредъ можетъ принести такая работа, совершающаяся открыто, подъ постояннымъ контролемъ, въ предѣлахъ, установленныхъ спеціальными и общими законами? Чѣмъ занималось, напримѣръ, тамбовское общество при дѣйствіи прежняго устава? Оно устраивало народныя чтенія, число которыхъ въ Тамбовѣ возросло съ 22 въ 1890-91 г. (10 тыс. посѣтителей) до 92 въ 1898-99 г. ($47^1/_2$ тыс. посѣтителей); въ губерніи народныя чтенія велись въ 1893-94 г. въ одномъ пунктѣ, въ 1898-99 г.—въ *ста сорока двухъ*, и общее число чтеній достигло 2.538. Обществомъ основано, далѣе, 592 библіотеки-читальни, на сумму до 42 тыс. рублей. Само собою разумѣется, что и при устройствѣ народныхъ чтеній, и при снабженіи книгами библіотекъ, общество не могло не руководствоваться существующими по этому предмету правилами, отличительная черта которыхъ—ужъ конечно не недостатокъ, а избытокъ регламентаціи. Въ какомъ отношеніи дѣятельность общества могла оказаться, затѣмъ, не соотвѣтствующею видамъ администраціи—этого мы понять не въ силахъ. Между тѣмъ, потеря, сопряженная съ остановкой или ослабленіемъ подобной дѣятелвности, по истинѣ громадна. Какъ легко разрушеніе и какъ трудно созиданіе—объ этомъ свидѣтельствуетъ примѣръ обществъ, замѣнившихъ собою, въ Петербургѣ и Москвѣ, комитеты грамотности. Съ тѣхъ поръ прошло почти пять лѣтъ—а о трудахъ петербургскаго общества грамотности все еще ничего не слышно; только недавно мы прочитали въ газетахъ, что предсѣдателемъ его назначенъ, на мѣсто гр. А. А. Голенищева-Кутузова, В. А. Тройницкій и что членамъ общества разсылаются повѣстки съ напоминаніемъ объ уплатѣ членскихъ взносовъ. „Такъ какъ никакихъ засѣданій въ обществѣ грамотности не происходитъ“—замѣчаетъ по этому поводу „Сѣверный Курьеръ“—„и дѣятельность его, помимо разсылки вышеупомянутыхъ повѣстокъ, ни въ чемъ конкретно не проявляется, то многія лица, числящіяся членами этого общества, находятся теперь въ крайнемъ затрудненіи—съ какою именно цѣлью они могли бы уплачивать правленію причитающіеся съ нихъ членскіе взносы“... Не предвидится, пока, и учрежденіе въ Москвѣ новаго юридическаго

общества, въ замѣнъ закрытаго въ прошломъ году по распоряженію министра народнаго просвѣщенія...

Мы получили изъ Полтавы слѣдующее письмо, кажущееся намъ вполнѣ заслуживающимъ вниманія:

„Земскія учрежденія въ послѣднее время озабочены мѣрами, которыя могли бы улучшить агрикультурные пріемы населенія. Много въ этомъ помогаютъ земской работѣ популярныя книги, касающіяся пріемовъ воздѣлыванія земли, травосѣянія и другихъ способовъ увеличенія доходности сельско-хозяйственныхъ угодій. Особенное вниманіе обратили на себя книжки помѣщика херсонской и полтавской губерній, г. Чикаленка, издававшіяся имъ подъ заглавіемъ: „Розмовы про сільске хазяйство“ (кн. 1—3). Первыя двѣ книжки его (о черномъ парѣ, скотоводствѣ и коневодствѣ) были одобрены ученымъ комитетомъ министерства земледѣлія и министерствомъ народнаго просвѣщенія; послѣднее рекомендовало ихъ для пріобрѣтенія въ сельскія читальни и библіотеки при народныхъ школахъ. Харьковское общество сельскаго хозяйства присудило за эти книги г. Чикаленку большую серебряную медаль, какъ за очень полезное пособіе при распространеніи среди массы малорусскаго земледѣльческаго населенія полезныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ знаній. Третья книжка г. Чикаленка, вышедшая въ текущемъ 1900 году: „Сіяни травы, кукуруза та буряки“, разрѣшенная къ печати одесскою цензурою въ декабрѣ 1899 года, встрѣчена была сельско-хозяйственною прессою такъ же одобрительно, какъ и первыя двѣ. Цѣна книжекъ въ нѣсколько копѣекъ давала возможность земствамъ южныхъ губерній реализовать рекомендаціи двухъ министерствъ, и первая книжка въ первомъ изданіи разошлась. Авторъ, побуждаемый просьбами со всѣхъ сторонъ, пожелалъ издать эту книжку во второй разъ, но теперь встрѣтилъ препятствіе къ осуществленію своего желанія въ распоряженіи цензурнаго главнаго вѣдомства: одесскій цензоръ, къ которому поступило ходатайство автора, запретилъ выпускъ второго изданія разъ уже разрѣшенной книги, въ силу полученнаго имъ распоряженія главнаго управленія по дѣламъ печати. Очевидно, поводомъ къ такому распоряженію могло послужить не содержаніе книги, а то обстоятельство, что она написана на мѣстномъ малорусскомъ языкѣ. Но въ языкѣ самомъ по себѣ не можетъ быть ничего нецензурнаго“.

Скончавшійся недавно Григорій Леонтьевичъ Вербловскій, занимавшій, въ послѣднее время, должность члена московской судебной палаты, пользовался почетною извѣстностью въ юридическомъ мірѣ,

не только какъ образцовый судья, но и какъ авторъ трудовъ, соединяющихъ въ себѣ солидную научную подготовку съ обширными практическими свѣдѣніями. Въ его судьбѣ, какъ видно изъ воспоминаній близкаго къ нему лица [1]), было нѣчто трагическое. Онъ родился въ еврейской семьѣ, уже немолодымъ человѣкомъ поступилъ въ университетъ, блестяще окончилъ курсъ юридическихъ наукъ и, прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ канцеляріи петербургскаго окружного суда, получилъ мѣсто члена воронежскаго окружного суда, которое занималъ *двадцать* лѣтъ сряду. „Что-то роковое, стихійное"—читаемъ мы въ „Правѣ"—„лежало на его пути, преграждая ему дальнѣйшее движеніе". А между тѣмъ, лишившись жены и находя утѣшеніе только въ работѣ, онъ тяготился пребываніемъ въ Воронежѣ, чувствовалъ непреодолимую потребность въ живомъ общеніи съ болѣе широкимъ кругомъ образованныхъ юристовъ. Онъ неоднократно высказывалъ автору воспоминаній волновавшія его сомнѣнія, и „въ его бесѣдахъ, прежде спокойныхъ, окрашенныхъ оптимизмомъ, стала просвѣчивать извѣстная горечь. Наконецъ—и это стоило ему большого нравственнаго усилія,—онъ уступилъ и былъ назначенъ членомъ московской судебной палаты... Несмотря на благопріятныя внѣшнія условія, окружавшія его въ Москвѣ, его жизнь была уже нѣсколько надломана; въ немъ замѣчался какъ бы нравственный разладъ, точно какая-то тяжесть у него на душѣ, что-то тамъ наболѣло. Оттѣнокъ грусти, прежде совершенно чуждый ему, слышался въ его интимной бесѣдѣ и не покидалъ его уже до самой могилы". И сколько такихъ житейскихъ драмъ, незримыхъ, негромкихъ, но невыразимо тяжкихъ, совершается вокругъ насъ, увеличивая сумму жертвъ, вызываемыхъ религіозною и національною нетерпимостью!

P. S.—Наша хроника была уже въ печати, когда до насъ дошла печальная вѣсть о кончинѣ Александра Константиновича Шеллера (Михайлова). Это—большая потеря для нашей литературы, въ которой покойный около сорока лѣтъ игралъ видную и почетную роль.

---

[1]) См. статью г. Я. Г—на въ № 45 „Права".

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.

Съ соизволенія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны, Августѣйшей Покровительницы Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ на изданіе, въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ 1900 года, Календаря „Синяго Креста", нынѣ приступлено къ изданію Календаря на 1901 годъ.

Доходъ съ этого изданія поступитъ, по примѣру 1900 г., въ условленной процентной долѣ, на усиленіе средствъ частію всего помянутаго Общества, а частію состоящей въ вѣдѣніи Коломенско-Адмиралтейскаго Отдѣла Дѣтской Столовой, учрежденной въ память чудеснаго событія 17-го октября 1888 года и въ семъ году (22-го апрѣля) заканчивающей первое десятилѣтіе своего существованія.

Самый Календарь „Синяго Креста" на 1901 годъ, съ картами, планами, портретами и рисунками, выйдетъ 1-го ноября 1900 года и явится подробнымъ справочнымъ изданіемъ, необходимымъ для каждаго; въ настоящее же время открыта подписка на означенный Календарь по цѣнѣ 1 руб. 50 коп. за экземпляръ въ картонномъ переплетѣ (съ пересылкою по 2 р.), а равно пріемъ объявленій отъ правительственныхъ и частныхъ учрежденій.

Адрессъ Редакціи Календаря „Синяго Креста": С.-Петербургъ, Сергіевская ул., д. № 41.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

въ 1900 году.

Въ 1900-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

		экз.			экз.			экз.
1.	Харьковск..	226	23.	Примор. об.	59	45.	Терская об.	49
2.	Кіевская. .	210	24.	Иркутская .	59	46.	Минская. .	48
3.	Херсонск. .	198	25.	С.-Петерб. .	59	47.	Казанская .	47
4.	Екатериносл.	157	26.	Нижегород.	59	48.	Астраханск.	44
5.	Таврическ .	133	27.	Московская.	59	49.	Псковская .	44
6.	Саратовск. .	132	28.	Гродненская	59	50.	Симбирская.	44
7.	Варшавск. .	114	29.	Владимірск.	58	51.	Уфимская .	43
8.	Тифлисская.	101	30.	Рязанская .	58	52.	Сыръ-Д. об.	42
9.	Черниговск.	99	31.	Вятская. .	57	53.	Закасп. об.	42
10.	Полтавская.	91	32.	Ярославская	57	54.	Амурск. об.	41
11.	Тамбовская.	80	33.	Обл. В. Дон.	56	55.	Виленская .	41
12.	Бессарабск.	80	34.	Лифляндск.	54	56.	Ковенская .	38
13.	Курская. .	80	35.	Кубанск. об.	54	57.	Оренбургск.	36
14.	Подольская.	74	36.	Костромская	54	58.	Енисейская.	35
15.	Орловская .	70	37.	Могилевск..	54	59.	Тобольская.	35
16.	Пермская. .	63	38.	Калужская .	54	60.	Ломжинская.	32
17.	Смоленская.	63	39.	Самарская .	53	61.	Пензенская.	31
18.	Волынская .	63	40.	Бакинская .	53	62.	Акмол. об.	29
19.	Тульская. .	62	41.	Томская . .	53	63.	Люблинская	28
20.	Новгородск.	60	42.	Забайк. об.	52	64.	Эстляндская.	26
21.	Тверская. .	60	43.	Кутаисская.	50	65.	Плоцкая .	26
22.	Воронежск..	59	44.	Витебская .	49	66.	Вологодская.	26

67. Архангельск.	24	78. Семирѣч. об.	19	89. Кѣлецкая.	11
68. Самарк. об.	24	79. Дагест. обл.	19	90. Вазаская .	9
69. Курляндск.	24	80. Семипал. об.	18	91. С.-Михельск.	8
70. Сувалкская.	23	81. Сѣдлецкая .	17	92. Пред. Китая.	8
71. Эриванская.	23	82. Выборгская.	17	93. Тавастгусск.	7
72. Карсская об.	22	83. Черном. окр.	17	94. Тургайск. об.	6
73. Радомская .	22	84. Ферган. об.	15	95. Або-Бьернеб.	5
74. Олонецкая .	21	85. Нюландская.	14		
75. Ставропольск.	21	86. Уральск. об.	14		4.797
76. Елисаветпол.	21	87. Якутск. об.	13		
77. Петроковск.	20	88. Калишская.	13		

II. Въ С.-Петербургѣ 1.308

III. Въ Москвѣ. 568

IV. За границей 200

Всего: экз. 6.873

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА

Ноябрь.—Декабрь. 1900.

Книга одиннадцатая.—Ноябрь.

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

ПРИЛОЖЕНІЕ

ВТОРОЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ

КАТАЛОГЪ

ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЗА ИСТЕКШЕЕ ПЯТИЛѢТІЕ

1896—1900 гг.

СЪ АЛФАВИТНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ ИМЕНЪ АВТОРОВЪ.

I. Каталогъ журнала за первое двадцатипятилѣтіе (1866—1890 гг.)—помѣщенъ въ Приложеніи къ декабрьской книгѣ журнала 1890 года.

II. Первый дополнительный каталогъ за послѣдующее пятилѣтіе (1891—1895 гг.)—см. въ Приложеніи къ декабрьской книгѣ журнала 1895 года.

1896 г.

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Итоги истекшаго года и предстоящіе труды.—«Забытыя слова».—О «гибельныхъ послѣдствіяхъ» законности и закономѣрности.—Законность—«лакомое» слово—для Петербурга, или для провинціи? — «Московскія Вѣдомости» и г-нъ N.—Нѣсколько опасныхъ софизмовъ.—«Новости» въ роли апологета.—Когда нарушители закона защищаютъ законность? (Январь, 375).—Манифестъ о короновании Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Новый уставъ крестьянскаго поземельнаго банка.—Переходъ тюремъ въ вѣдѣніе министерства юстиціи.—Разъясненіе положенія объ усиленной охранѣ.—Еще о законности и закономѣрности.—Несправедливое обвиненіе противъ земства (Февраль, 830).— Новая критика суда присяжныхъ и связанные съ нею проекты.—Недостатки, приписываемые присяжнымъ: безпомощность, неустойчивость репрессіи, стремленіе стать выше закона.—Значеніе опыта, сдѣланнаго съ судомъ сословныхъ представителей. — Смѣшанное присутствіе изъ судей и присяжныхъ, какъ мнимая панацея противъ всѣхъ судебныхъ золъ (Мартъ, 390).—Совѣщаніе губернскихъ предводителей дворянства.—Оффиціальныя и неоффиціальныя заявленія о нуждахъ дворянъ - землевладѣльцевъ. — Мѣстныя судебно-административныя учрежденія и коммиссія для пересмотра постановленій по судебной части.—Инциденты въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ (Апрѣль, 837).—Московское губернское земство и всеобщее обученіе.—Движеніе къ той же цѣли въ вятскомъ губернскомъ земствѣ.—Еще о судѣ присяжныхъ: примѣръ западной Европы, «кассаціонныя придирки», связь вердикта съ предшествовавшимъ производствомъ, статистическія данныя, необходимость широкаго изслѣдованія.—Одна изъ тѣневыхъ сторонъ нашей дѣйствительности (Май, 351). —Высокоторжественный день 14-го мая и Всемилостивѣйшій Манифестъ того же дня.—Судебная реформа въ архангельской губерніи и въ Сибири. —Возможенъ ли на окраинахъ Россіи судъ присяжныхъ?—Частныя поправки къ существующему устройству суда присяжныхъ, представляющіяся, съ нашей точки зрѣнія, нежелательными или безразличными.—Нѣчто о равенствѣ — передъ судомъ. — Post-Scriptum (Іюнь, 773).—Желательныя поправки въ функціонированіи и устройствѣ суда присяжныхъ: сообщеніе присяжныхъ о наказаніи, могущемъ постигнуть подсудимаго; сообщеніе имъ актовъ производства; предоставленіе имъ права ходатайства передъ Высочайшею властью; увеличеніе числа лицъ, могущихъ быть присяжными; болѣе правильное составленіе списковъ.—Мнимое «заключеніе» преній о судѣ присяжныхъ.—Судебная реформа въ Сибири (Іюль, 400). Порядокъ взиманія податей. — В. В. (Августъ, 810). — Именные указы 15-го іюля—Правительственное сообщеніе о забастовкахъ на с.-петербургскихъ бумаго-прядильняхъ. — Не-земскія губерніи и земскія учрежденія.— Меліоративный кредитъ.—Спеціальные присяжные.—Отвѣтъ г. Закревскому (Сентябрь, 327).—Новая губернія.— Проектъ уголовнаго уложенія и брачное законодательство. — «Заблужденіе» землевладѣльцевъ и его виновники.—Винокуреніе, какъ привилегія.—Сельскіе рабочіе и сельскіе хозяева. — Нижегородскій торгово-промышленный съѣздъ и съѣзды вообще. —Воинская повинность и льготы по образованію.—Н. А. Неклюдовъ † (Октябрь, 792).—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1892 и 1893 гг. —Настроеніе раскольниковъ; отношеніе ихъ къ закону 3 мая 1883 г.— Участіе свѣтской власти въ борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ.—Смѣшанные браки въ литовской епархіи.— Придорожные кресты въ западномъ краѣ. — Церковно-приходскія школы;

Пріостановка изданія газеты «Гражданинъ» (Ноябрь, 391).—Отголоски франко-русской дружбы.—Восточный вопросъ во французской палатѣ депутатовъ.—Нѣкоторыя странности и ошибки въ рѣчи министра Ганотò.—Разоблаченіе князя Бисмарка.—Мирный договоръ Италіи съ Абиссиніею и итальянскія дѣла.—Президентскіе выборы въ Соединенныхъ-Штатахъ (Декабрь, 806).

III. Литературное Обозрѣніе.—М. И. Драгомировъ, Разборъ романа «Война и миръ».—А. П.—Сборникъ для содѣйствія самообразованію.—Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра.—М. А. Протопоповъ, Литературныя критическія характеристики.—Т.—Новыя книги и брошюры (Январь, 421).—Декабристы въ Западной Сибири, А. Дмитріева-Мамонова.—В. Т. Нарѣжный, очеркъ Н. Бѣлозерской.—Автобіографія Тамерлана, перев. съ тюркскаго Н. Лыкошина.—Т.—Ruska knjizevnost, napissao U. Jagić.—А. П.—Новыя книги и брошюры (Февраль, 872).—Исторія полувѣковой дѣятельности Имп. Русскаго Географ. Общества, П. П. Семенова.—А. П.—Очерки по исторіи новой русской литературы, А. Кирпичникова.—Т.—Новыя книги и брошюры (Мартъ, 422).—Иліада Гомера, перев. Н. Минскаго.—Подробный Словарь русскихъ граверовъ, Д. А. Ровинскаго.—Повѣсти и разсказы А. Н. Плещеева, т. I.—«Починъ». Сборникъ Общества любит. росс. словесности.—Т.—Новыя книги и брошюры (Апрѣль, 871).—Обычное право, вып. 2, Е. И. Якушкина.—Русскіе врачебники, А. Ѳ. Змѣева.—Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядства при Петрѣ В., свящ. А. Синайскаго.—Т.—Краткая историческая музыкальная хрестоматія, Л. Саккетти.—С. Б.—Разсказы Ек. Бекетовой.—L.—Новыя книги и брошюры (Май, 396).—Русскій Біографическій Словарь, т. I: Аронъ—имп. Александръ II, изд. подъ наблюд. А. А. Половцова.—Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ.—Дафнисъ и Хлоя, ром. Лонгуса, перев. Д. Мережковскаго.—Сочиненія В. Д. Спасовича, т. VIII.—Исторія русскихъ земель и городовъ.—А. П.—Новыя книги и брошюры (Іюнь, 821).—Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое, подъ ред. Н. Тихонравова и В. Шенрока.—Поступки и забавы императора Петра Великаго. Сообщ. В. В. Майкова.—Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса.—Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка. Изд. второе, исправл. и дополн., подъ ред. Д. А. Коропчевскаго.—По великой русской рѣкѣ А. П. Валуевой (Мунтъ).—Т.—Новыя книги и брошюры (Іюль, 436).—Вл. Черeванскій. Подъ боевымъ огнемъ. Историческая хроника.—П. Милюковъ. Очерки изъ исторіи русской культуры. Часть первая.—Волга, отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани. Очеркъ А. Размадзе, изданіе Кульженко.—Т.—Новыя книги и брошюры (Августъ, 868).—Сборникъ Импер. Р. Историческаго Общества, томъ девяносто восьмой.—Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго т. XII.—Отчетъ Импер. Публичной Библіотеки за 1893 г.—Опытъ исторіи Харьковскаго университета, вып. II, проф. Д. И. Багалѣя.—Т.—Новыя книги и брошюры (Сентябрь, 365).—Внѣшкольное образованіе народа, В. П. Вахтерова.—Экономическая оцѣнка народнаго образованія, И. И. Янжула, А. Чупрова и Е. Н. Янжулъ.—Лабиринтъ міра и рай сердца, А. Коменскаго, съ чешскаго яз. перев. Ѳ. Ржича.—Якуты, В. Л. Сѣрошевскаго.—Т.—Новыя книги и брошюры (Октябрь, 845).—Церковно-приходская школа. Всероссійская выставка.—Р.—Народный театръ, сборникъ Е. Лавровой и Н. Попова.—Русскія книги, вып. I-VII, С. А. Венгерова.—Сбор-

никъ истор.-фил. Общества при инст. кн. Безбородко, т. I.—Т.—Новыя книги и брошюры (Ноябрь, 400).—Іодль, Исторія этики въ новой философіи.—Э. Радлова.—Сочиненія А. Лугового, 3 т.—W.—Архивъ кн. Куракина, кн. 6. Ежегодникъ императорскихъ театровъ.—Полное собраніе сочиненій Марка Вовчка, т. I. — Т. Новыя книги и брошюры (Декабрь, 824).

IV. — Новости Иностранной Литературы.—I. H. Becque. Souvenirs d'un auteur dramatique.—II. R. Doumic. Les Jeunes. Études et portraits.—3. В.—(Январь, 439).—I. F. Brunétière, Les époques du Théâtre Français. — II. Léon A. Daudet, Les idées en marche.—III. Gedichte v. Graf. Al. Tolstoy, v. Fr. Fiedler, — 3. В. (*Февраль, 889*).—L. Marholm. Karla Bühring. Ein Frauendrama in 4. Akten.—3. В. (Мартъ, 400). — J. Barbey D'Aurevilly. Journalistes et polémistes, chroniqueurs et pamphlétaires. — 3. В. (*Апрѣль, 890*).—I. Eug. Gilbert, Le roman en France pendant le XIX siècle. — II. E. Mensch. Der neue Kurs. — 3. В. (*Май, 415*).—I. Emile Zola, Rome. II. Walter Pater, Miscellaneous Studies.—III. Baron de Baye. L'oeuvre de V. Vasnetzoff,—3. В. (Іюнь, 839).—I. Gaston Paris, Penseurs et poètes.—Ѳ. Д. Батюшкова.—II. Amédée Roux, La littérature contemporaine en Italie. 3. В. (*Іюль, 447*). — I. Edmond de Goncourt, Houkasaï. — II. Paul Marguerite. L'eau qui dort.—III. Gustave Larroumet. Etudes de littérature et d'art. — 3. В. (Августъ, 885).—Henri Rochefort, Les aventures de ma vie, t. I.—II. Aug. Filon. Le Théâtre anglais.—3. В. (Сентябрь, 393). — André Maurel, Les trois Dumas. Par, 1896.—3. В. (Октябрь, 864).—I. A. Ricardon. La critique littéraire. — II. Adolphe Brisson. Portraits intimes. Deuxième série. —III. William Morris († 3 октября). Earthly Paradise.—News from Nowhere.—3. В. (Ноябрь, 419).—I. Jules Claretie. La Vie à Paris.—II. Ada Negri. „Fatalita", „Tempeste". —III. Marcel Schwob. Spicilège.—3. В. (Декабрь, 850).

V. Изъ Общественной Хроники. — Газетная агитація противъ реформы крестьянскаго поземельнаго банка. — Похвальная откровенность: «обѣленіе» дворянскихъ имѣній; второстепенное значеніе грамотности, судъ Линча надъ «несогласно-мыслящими». —Нѣсколько любопытныхъ фактовъ.—Юбилей проф. А И. Чупрова, и шестое изданіе книги Г. А. Джаншіева (Январь, 448). — Оригинальная судьба одной газеты. —Новая редакція «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». — Возможенъ ли узкій національзмъ въ средѣ «либераловъ»? — Чествованіе В. Г. Короленко въ Нижнемъ-Новгородѣ.—В. Г. Короленко и проф. Сумцовъ о провинціи.—Преждевременное ликованіе.—Замѣчательное рѣшеніе сената (Февраль, 904). — Пятидесятилѣтіе первой реформы городского самоуправленія.—Еще о законности и законникахъ.—«Отсталый» законъ и передовая административная практика.—Междоусобіе въ средѣ консервативной прессы.—Опальная историческая тэма. —Юбилей А. М. Жемчужникова.—Н. Н. Страховъ † (Мартъ, 444).—Продолженіе полемики о «русско-польскихъ» отношеніяхъ. — Статья двухъ газетъ о вѣротерпимости.—Драгоцѣнное признаніе «Московскихъ Вѣдомостей».—Самарскіе и калужскіе еретики.—Два старинные указа.—В. С. Пругавинъ † (Апрѣль, 895).—Призывъ къ организаціи боевой анти-либеральной партіи, на началахъ строгой «партійной дисциплины».—Положеніе провинціальной печати.—Новыя общества грамотности и ихъ уставъ.—

Еще нѣсколько словъ о вѣротерпимости.—Нападеніе г. Жеденева на М. О. Меньшикова (Май, 426).—Новая варіація на тэму: «Молодежь прежде и теперь».—«Семидесятники» и «девятидесятники». — Поспѣшныя обобщенія и преувеличенные страхи.—Еще объ обществахъ грамотности.—Катастрофа на Ходынскомъ полѣ (Іюнь, 854).—Столѣтіе со дня рожденія императора Николая I-го.—Дѣло г. Жеденева и общій вопросъ, имъ возбуждаемый.—Оправданіе подсудимыхъ по мультанскому дѣлу.—Литературная жалоба на бездѣйствіе и слабость цензуры.—Н. В. Водовозовъ † (Іюль, 459).—По поводу вопроса о пересмотрѣ земскаго (1890 г.) и городового (1892 г.) Положеній.—Что послужило поводомъ къ пересмотру городового Положенія 1870 года?—Зависимость успѣховъ городского управленія отъ свойствъ выборнаго начала.—Сравненіе строя городскихъ учрежденій по Положенію 1870 и 1892 гг.—Общій отчетъ о дѣйствіяхъ попечительствъ о бѣдныхъ въ г. Москвѣ за 1895 г.—М. И. Кази † (Августъ, 906).—Панегирикъ всероссійскому купечеству.—Еще о литературномъ судѣ чести.—Публичное обвиненіе по дѣламъ объ оскорбленіяхъ въ печати.—«Московскій Сборникъ» о печати.—Нужны ли «полномочія» для дѣятелей печатнаго слова?—Ю. П. Говоруха-Отрокъ † (Сентябрь, 408).—Общество врачей восточной Сибири въ Иркутскѣ и «Сибирскій Вѣстникъ».—Однородные случаи въ подольской губерніи и на Кавказѣ. — Судебныя ошибки и смертная казнь.—Впечатлѣнія присяжнаго засѣдателя.—«Калужскій Вѣстникъ».—Письмо въ редакцію изъ Фридрихсгама (Октябрь, 873).—Новый походъ въ печати противъ печати.—Обезличеніе и обезцвѣченіе печати, предлагаемое во имя «твердости, безспорности и общеизвѣстности основныхъ истинъ личной нравственности и общественнаго блага.—Еще о литературномъ судѣ чести.—Инцидентъ въ тверскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи (Ноябрь, 438).—Столѣтіе со дня кончины императрицы Екатерины II-й.—Различные способы оцѣнки ея дѣятельности. — Неожиданный отзывъ «Гражданина» объ «эпохѣ великихъ реформъ».—Зарайскіе штундисты и калужскіе раскольники.—А. П. Батуевъ, В. О. Португаловъ и А. Г. Брикнеръ † (Декабрь, 888).

VI. Библіографическій Листокъ. — Эпоха великихъ реформъ. 6-е изд. Г. Джаншіева.—Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 г., съ предисл. Л. А. Камаровскаго. — Стихотворенія М. П. Розенгейма, изд. 5-е.—Исторія культуры Ю. Липперта.—Рабочій вопросъ, Фр. Ланге.—Къ ученію о цѣнности, Вл. Дена (Январь).—Ѳ. Тернеръ, Государство и землевладѣніе, ч. I.—Часы досуга, И. и Е. Янжулъ.—М. И. Семевскій, біограф. очеркъ В. В. Тимощукъ, съ предисл. Н. К. Шильдера. — О геодезическихъ работахъ и сооруженіи великаго сибирскаго пути, Э. А. Коверскій.—Библіотека для самообразованія, т. II: Исторія Греціи, вып. 1. — Настольный Энциклопедическій Словарь, вып. 115 и 116 (Февраль). — Опытъ исторіи Харьковскаго Университета, вып. 2. Д. И. Гамалѣя.—Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ, Н. И. Карѣева.—Русское уголовное право, Н. Д. Сергѣевскаго.—Судъ надъ судомъ присяжныхъ, Гр. Джаншіева, изд. 2-е.—Государственный Совѣтъ въ царствованіе имп. Александра I, вып. 1. В. Г. Щеглова (Мартъ). — Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, т. X.—Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго, т. I-IV.—Обоснованіе народничества въ трудахъ г-на Воронцова (В. В.), А. Волгина.—Очеркъ развитія и современнаго состоянія народнаго образованія въ

Англіи, П. Мижуева (Апрѣль).—Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, Н. Бантышъ-Каменскаго, ч. I и II.—Мужикъ безъ прогресса, или прогрессъ безъ мужика, К. Головина.—Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани. Е. Балобановой. — М. Вотье, Мѣстное управленіе Англіи. — Дж. Морлей, О компромиссѣ, пер. М. Ц—ой.—О. К. Нотовичъ, Любовь (Май). — За послѣдніе годы, А. Ѳ. Кони. —Императоръ Николай I, зиждитель русской школы, М. С. Лалаева.—Энциклопедическій Словарь т. XVII, А.—Судебныя учрежденія во Франціи, перев. А. Маркоиета.—Словарь русскихъ художниковъ, ваятелей, живописцевъ, зодчихъ и пр. Составл. Н. Н. Собко (Іюнь).—Мининъ и Пожарскій, Ив. Забѣлина.—Русскія книги, подъ ред. С. А. Венгерова. Вып. IV.— Основанія теоріи и техники статистики, Л. В. Ходскагѡ. Правовое государство и административные суды Германіи, Руд. Гнейста. Изд. 2-е, испр. и дополн.— Афоризмы изъ сочиненій Герберта Спенсера, подъ ред. Вл. Соловьева.— К. Вагнеръ, Простая жизнь, перев. съ франц. С. Леонтьевой (Іюль).— А. А. Исаевъ. Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства.— Н. Невзоровъ, Изъ путевыхъ педагогическихъ замѣтокъ. О школахъ въ Германіи, Франціи, Италіи и Австріи.— Наша публистическая печать и экономическіе вопросы. Ярослава А. Сербиновича.—Разводъ и положеніе женщины, М. И. Кулишера.—В. Святловскій 2-й. Л. Брентано, его жизнь, воззрѣнія и школа. Съ портр. Л. Брентано (Августъ).—Производительныя силы Россіи.—Составлено подъ общею редакціею В. И. Ковалевскаго.—Реформа денежнаго обращенія въ Россіи. Доклады и пренія въ III Отдѣленіи Импер. Вольнаго Экономическаго Общества. — Политическая экономія П. И. Георгіевскаго, ординарн. проф. Имп. С.-Петерб. университета.—Выпускъ I и II.—Землевладѣніе и сельское хозяйство. Изд. М. и Н. Водовозовыхъ (Сентябрь). — Изъ жизни народныхъ училищъ, В. Раевскаго.— Внѣшкольное образованіе народа, В. П. Вахтерова.—Больной цѣлитель, С. С. Глаголева.—Магометъ, его жизнь и религіозное ученіе, Вл. Соловьева.— Энциклопедическій Словарь, Ф. Брокгауза и И. Ефрона (Октябрь). — Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. III.—«Кобзарь» Т. Шевченка, иллюстрированный М. Микѣшинымъ.—Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II, Н. Д. Чечулина.—Коммерческое образованіе, ч. I, Александра Острогорскаго.—Учебникъ русскаго гражданскаго права, проф. Г. Ф. Шершевича (Ноябрь). —Statesman's Handbook for Russia.—Сельское хозяйство Финляндіи. — А. Ѳ. Кони. За послѣдніе годы.—Полное собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова.—Основные элементы политической экономіи, Л. Буха. — Цари морей. Открытіе Америки норманнами въ 1000 году. Сост. Э. Гранстремъ (Декабрь).

VII. Извѣщенія.—Отъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Январь, 461). —I. Объ открытіи дѣятельности Высочайше утвержденнаго 21-го ноября 1895 года Главнаго Центральнаго Комитета для сбора пожертвованій въ пользу дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.—II. Отъ Имп. Общества исторіи и древностейроссійскихъ (Февраль, 918).— Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія (Мартъ, 455).—Отъ Московскаго Комитета Грамотности (Май, 443).—О подпискѣ на памятникъ Луи Пастёру въ Парижѣ (авг., 919; сент., 423; нояб., 451; дек., 903).

1897 г.

и вмѣшательство броненосцевъ.—Патріотическія увлеченія въ Греціи и ихъ результаты (Мартъ, 370).—Военныя дѣйствія на о. Критѣ и участіе въ нихъ европейскихъ броненосцевъ.—Характеръ и значеніе нынѣшняго вмѣшательства Европы въ критскія дѣла.—Отношенія великихъ державъ къ Греціи и Турціи.—Новыя «армянскія звѣрства» и турецкія реформы.—Перемѣны въ программѣ дипломатіи.—Сближеніе между Сербіею и Болгаріею.—Письмо изъ Бѣлграда (Апрѣль, 824).—Греко-русская война и ея возможныя послѣдствія.—Побѣдоносная Турція и великія державы.—Дипломатическія недоразумѣнія.—Недовольство европейскою дипломатіею во Франціи и Англіи.—Туркофильство въ нашей печати.—Сближеніе между Австро-Венгріею и Россіею (Май, 357).—Греко-турецкая война и европейская дипломатія.—Странные взгляды нѣкоторыхъ газетъ на Турцію и на ея побѣды.—Замѣчанія о «курьезномъ» характерѣ военныхъ дѣйствій.—Греки и турки.—Бѣдствія войны и случайныя катастрофы.—Пожаръ въ Парижѣ.—Вильгельмъ II и его восточная политика (Іюнь, 843).—Юбилей королевы Викторіи и его политическое значеніе.—Постепенный ростъ демократіи и усиленіе монархическихъ чувствъ въ Англіи въ истекшее шестидесятилѣтіе.—Главные итоги царствованія.—Министерскія перемѣны въ Германіи.—Сѣверо-американская политика (Іюль, 379).—Мирные переговоры въ Константинополѣ.—Восточная политика державъ и турецкія дѣла.—Политическій кризисъ въ Австріи и роль графа Бадени.—Парламентскія рѣшенія въ Пруссіи и дипломатія фонъ-Микеля.—Пріѣздъ президента Фора въ Россію и современное положеніе Франціи (Августъ, 802).—Новое международное положеніе и франко-русскій союзъ.—Упадокъ германской гегемоніи и возможныя французскія иллюзіи.—Политическія дѣла въ Англіи.—Смерть испанскаго министра-президента Кановаса дель-Кастильо (Сентябрь, 350).—Военныя празднества и политическія манифестаціи въ Венгріи.—Предварительный мирный договоръ между Турціей и Греціей.—Внутреннія дѣла въ Австріи и министерство графа Бадени.—Политическія дуэли.—Рабочее движеніе въ Англіи.—Волненія въ Индіи и судебные процессы противъ индійскихъ газетъ (Октябрь, 782).—Французскія политическія партіи.—Рѣчи Поэнкаре и Мелина.—Особенности парламентаризма во Франціи.—Административная рутина и ея послѣдствія.—Парламентскіе подвиги въ Австріи.—Министерскіе кризисы въ Греціи и Сербіи (Ноябрь, 399).—Парламентскій кризисъ въ Австріи и отставка министерства Бадени.—Австрійскіе политическіе вопросы и конфликты.—Рѣчь графа Голуховскаго.—Внутреннія дѣла Франціи: дѣло Дрейфуса-Эстергази.—Странныя увлеченія французской печати (Декабрь, 806).

III. Литературное Обозрѣніе.—Т. Н. Грановскій и его переписка, т. I.—Т. Н. Грановскій и его время, Ч. Вѣтринскаго.—Этнографическіе матеріалы черниговской и сосѣднихъ съ нею губерній, вып. 1 и 2, Гринченко.—Какашъ и Тектандеръ, перев. А. Станкевича.—Сборникъ историческихъ матеріаловъ изъ Архива Е. И. В. Канцеляріи, вып. 8, Н. Дубровина.—Т.—Регесты и надписи, сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи.—W.—Новыя книги и брошюры (Январь, 409).—Князь С. Волконскій, Очерки русской исторіи и литературы.—Вл. С.—Литературныя характеристики, Зин. Венгеровой.—Пѣснь о Роландѣ, перев. гр. де ла-Бартъ, съ предисл. акад. А. Н. Веселовскаго.—Сборникъ старинныхъ бумагъ въ музеѣ П. И. Щукина.—Т.—Новыя книги и брошюры (Февраль, 861).—Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ.—В. П. Авенаріусъ. Гоголь-гимназистъ.—А. М. Лобода. Русскій

богатырскій эпосъ.—Ц.—Новыя книги и брошюры (Мартъ, 384).—Кн. Евгеній Трубецкой, Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI в.—Вл. С.—Н. Кондаковъ, Русскіе клады, т. I.—В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй, т. XII, ч. 1 и 2.—П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры, ч. II.—Н. Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В. — А. П. — Новыя книги и брошюры (Апрѣль, 836).—Собраніе сочиненій Н. И. Наумова.—Г. Могра, Послѣдніе дни одного общества.—Т.—Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузе, соч. Де-Фо. Лазарильо изъ Тормесъ, и его удачи и неудачи.—А. П. Г. Сенкевичъ, Quo vadis, ром. изъ временъ Нерона.—Д.—Новыя книги и брошюры (Май, 370).—Сборникъ Т. И. Филиппова.—Вл. С.—Новыя книги и брошюры (Іюнь, 856).—Минскій, При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни. Изданіе второе.—Л. С.—Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. — Главныя теченія русской исторической мысли, П. Милюкова.—Очерки русской исторіи и русской литературы, кн. Сергѣя Волконскаго. Второе изданіе. — В. Ѳ. Миллеръ, Очерки русской народной словесности.—А. П.—Новыя книги и брошюры (Іюль, 390).—А. С. Хомяковъ, его жизнь и сочиненія, Валерія Лясковскаго. — «Призывъ», сборникъ, изд. Гарина-Виндинга.—Русскія народныя сказки А. Н. Аѳанасьева, съ біографическимъ очеркомъ и прим., А. Грузинскаго. — Н. Никифоровскій, Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи; Простонародныя примѣты и повѣрья и пр. въ Витебской Бѣлоруссіи.—А. П.—Новыя книги и брошюры (Августъ, 815).—Имп. Александръ I, его жизнь и царствованіе, Н. К. Шильдера. Т. II.—Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Т. I.—Русскій сѣверъ, А. П. Энгельгардта.—Изданіе Историч. Общества при Имп. Москов. Университетѣ. Годъ I.—Т.—Новыя книги и брошюры (Сентябрь, 371).—Отч. Имп. Публичной Библіотеки за 1894 г.—Каталогъ собранія рукописей Ѳ. И. Буслаева, состав. И. А. Бычковъ.—А. П.—Юго-западный край, ститистич. обозрѣніе, состав. И. Н. Толмачевъ. — Т. — Отпускная торговля и нѣкоторыя мѣры для ея развитія, И. И. Янжула.—Денежное обращеніе и его общественное значеніе, М. Шиппеля, перев. П. Струве.—Л. С.—Новыя книги и брошюры (Октябрь, 794).—Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока, т. IV.—Н. А. Бѣлоголовый, Воспоминанія и другія статьи. — К. К. Случевскій, По сѣверо-западу Россіи. Т. I: По сѣверу Россіи. Т. II: По западу Россіи. — Т. — С. А. Венгеровъ, Крит.-біографич. словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. V.—А. П.—Курсъ физики, О. Д. Хвольсона, т. I. —М. Ш-нъ.—Новыя книги и брошюры (Ноябрь, 411).—А. Осиповичъ, Собраніе сочиненій. —Т.—Русская поэзія, п. р. С. А. Венгерова.—Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ, П. Ровинскаго.—А. П.—Новыя книги и брошюры (Декабрь, 847).

IV. Новости Иностранной Литературы.—I. Philippe Gille, Causeries du Mercredi. Paris, 1897.—II. Kuno Fischer, Shakespeare's Hamlet. Heidelberg, 1896 (Январь, 436).—I. Gerhardt Hauptmann. Die Versunkene Glocke. Ein deutsches Märchendrama. Berlin, 1897.—II. H. Taine. Carnets de voyage. Notes sur la province. 1863-1865. Paris. 1897.—III. Jules Lemaitre. Impressions de théatre. Neuvième série. Paris, 1896.—IV. Nikitin, Gedichte. Uebersetz. von Friedr. Fiedler. Lpzg. 1897 (Февраль, 888).—I. Alphonse Daudet. Le trésor d'Arlatan. — II. M. Salomon. Etudes et Portraits littéraires.—III. Remy de Gourmont. Le livre des masques.—З. В. (Мартъ, 400).—I. H. Suder-

mann. «Morituri».—II. A. Bartels, Die deutsche Dichtung der Gegenwart.—З. В. (Апрѣль, 856).—I. J. Legras, Henri Heine. Poète.—З. В. —II. Les événements politiques en Bulgarie depuis 1876 jusqu' à nos jours, par A. Drandar.—Л. С. (Май, 397).—I. Fernand Vandérem. Les deux Rives, roman.—II. E. Vigié-Lecocq, La Poésie Contemporaine. —З. В. (Іюнь, 864).—I. Charbonnel, Congrès universel des religions en 1900.—II. Les Mystiques dans la littérature présente.—III. Rostand, La Samaritaine.—З. В. (Іюль, 411).—I. Des Granges. Geoffroy et la critique dramatique sous le Consulat et l'Empire.—II. Fleury, Introduction à la médecine de l'esprit. —III. Jules Bois, L'Eve Nouvelle. —З. В.—IV. Brochkaus, Conversations-Lexicon. 14-te Auflage.—S.W. (Августъ, 831).—I. G. Deschamps, La Vie et les Livres, sér. 4.—II. H. Bérenger. La Proie.—III. Ad. Brisson, Portraits intimes, sér. 3.—З. В. (Сентябрь, 388).—I. Ed. Byré. Nouvelles causeries historiques et littéraires. — II. C. Mendés, L'art au théatre. — III. G. Larroumet, Petits portraits et notes d'art.—З. В. (Октябрь, 821). — I. G. Meredith, The amazing Marriage.—II. W. Kawerau, Hermann Sudermann, eine kritische Studie.—III. Flaccs-Fokschaneanu, Anton Tschechow, Russische Liebelei. Sonja Kowalewska, Jugenderinnerungen. — З. В. (Ноябрь, 432). — A. Symons, Studies in two literatures.—M. Barrès. Les Déracinés.—З. В. (Декабрь, 868).

V. Изъ Общественной Хроники.—Мнимая «тройственность» нашей начальной школы. — Начальныя школы и школьныя библіотеки въ тульскомъ уѣздѣ. — Народныя чтенія въ Уржумѣ.—Духоборцы на Кавказѣ.— Характерный судебный процессъ. — Бесѣда губернатора съ корреспондентомъ.—Чествованіе кн. А. И. Урусова и К. М. Станюковича. — Post-scriptum (Январь, 447). — Б. Н. Чичеринъ и кн. С. Г. Трубецкой объ университетскихъ дѣлахъ.—Новая редакція «Московскихъ Вѣдомостей».—Литературный сыскъ и отпоръ ему со стороны самой консервативной печати.— Нѣчто о «великихъ реформахъ». — Юбилей В. Я. Аврамова.—Н. Ѳ. Здекауеръ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ † (Февраль, 903).—«Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей». — Судъ чести, какъ самая характерная черта новаго учрежденія. — Несостоятельность аргументовъ, приведенныхъ въ печати противъ суда чести. — Инцидентъ въ обществѣ литературнаго фонда (Мартъ, 412).—Народное образованіе и газетный обскурантизмъ.—«Умныя вечеринки» и «программа народнаго развращенія». — Приватъ-доцентура богословія.—Предводители дворянства и дворянство.—Еще о союзѣ писателей. — А. Н. Егуновъ, Н. А. Кейслеръ и А. Н. Майковъ † (Апрѣль, 865). — Ростущая литература по университетскому вопросу. — Статьи «Одного изъ многихъ», кн. С. Н. Трубецкого и А. Ф. Филиппова; брошюра Н. Карѣева.—Пріостановка «Луча». —По поводу 50-лѣтія со дня смерти Бѣлинскаго.—Юбилей А. А. Потѣхина. —Письмо въ Редакцію А. А. Поджіо, по поводу воспоминаній Н. А. Бѣлоголоваго (Май, 417). — Новыя общества грамотности. — Распоряженія въ области начальной школы. — Вопросъ о народной читальнѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Московскій городской голова. — «Пріемъ ироніи», употребленный проф. Исаевымъ.—Юбилей А. Г. Неболсина.—М. В. Трубникова и Н. А. Любимовъ †.—P.-S. Еще статьи «Моск. Вѣд.» о дворянскомъ вопросѣ (Іюнь, 875).—Двадцатилѣтіе городскихъ училищъ въ Петербургѣ.—Общество взаимопомощи учащихъ и учившихъ.—Памятникъ Мицкевичу въ Варшавѣ.— Пушкинъ и Катковъ. — Письма К. Н.

Леонтьева и И. С. Аксакова. — «Московскія Вѣдомости» о пріостановкѣ «Руси».—Еще нѣсколько словъ о передачѣ періодическихъ изданій.—Адвокатура въ не-судебныхъ учрежденіяхъ. —Письмо въ Редакцію (по поводу воспоминаній Н. А. Бѣлоголоваго о А. В. Поджіо) (Іюль, 426).—Еще о новомъ законѣ 2-го іюня относительно продолжительности и распредѣленія рабочаго времени, и о дальнѣйшемъ развитіи этого закона.—Рѣчь г. товарища оберъ-прокурора св. синода 26-го іюня. —Лѣтніе курсы для учащихъ въ ц.-приходскихъ школахъ. — Двухклассныя училища духовнаго вѣдомства и приготовленіе въ нихъ учителей для школъ того же вѣдомства. — Школьные огороды, поля и т. под. при этихъ школахъ и ихъ дѣйствительное значеніе. —Вопросъ о распредѣленіи школьныхъ вакацій у насъ и за границей (Августъ, 853).—Неудобство неумѣренныхъ восторговъ. — Катковъ, изображаемый какъ «Прометей», «Титанъ» и «Пророкъ», какъ спаситель и просвѣтитель Россіи. — Полное собраніе передовыхъ статей Каткова. — Одинъ изъ эпигоновъ славянофильства.—Раздвоящійся писатель. — Невѣроятная программа.—Первыя извѣстія о торжественномъ въѣздѣ Ихъ Величествъ въ г. Варшаву (Сентябрь, 411).—Нежелательные отголоски радостныхъ событій.—«Единеніе» или «сліяніе»? —Полемическіе пріемы особаго сорта и «допросъ съ пристрастіемъ».—Еще о памятникѣ Мицкевичу и о виленскомъ генералъ-губернаторствѣ. — Богословскій факультетъ въ Юрьевѣ (Дерптѣ). —Общество грамотности и начало его дѣятельности (Октябрь, 838).—Вопросъ о гонорарѣ за слушаніе университетскихъ лекцій.—Гонораръ и уставъ 1884 года.—Справедливо ли неравномѣрное распредѣленіе гонорара между учащими?—Значеніе гонорара дла студентовъ. — Возможность совершенной отмѣны гонорара. — Два слова о нашихъ историко-филологическихъ факультетахъ.—Закладка памятника гр. М. Н. Муравьеву (Ноябрь, 445). — Вопросъ о вѣротерпимости и «С.-Петербургскія Вѣдомости».—Ст. 39 устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій.—Газета «Свѣтъ» и иновѣрческія церкви. — Нѣсколько словъ о духоборахъ. — Новыя открытія «Московскихъ Вѣдомостей».—Крестьяне и земская школа. — Инцидентъ въ уржумскомъ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ.—К. К. Гротъ † (Декабрь, 884).

VI. Библіографическій Листокъ.—Г. И. Сазоновъ. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (1865-95). — Ходячія и мѣткія слова. Сборникъ М. И. Михельсона.— К. И. Маслянниковъ. За десять лѣтъ (1886-1895). Изъ дневника неунывающаго хозяина.—Кн. Н. Шаховской. Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы. — С. М. Барацъ. Задачи вексельной реформы въ Россіи (По поводу проекта устава вексельнаго 1893 г). (Январь). — Давидъ Штраусъ. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, съ нѣм. п. р. Э. Радлова. — Оправданіе добра. Нравственная философія, Влад. Соловьева. —Сборникъ законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ, ч. 1, изд. 2-е, В. И. Вешнякова.—Торговые музеи, И. И. Янжула. —Элизе Реклю. Земля и люди. Всеобщая географія, т. XVII, XVIII и XIX (Февраль).—Происхожденіе современной демократіи, т. III и IV. Макс. Ковалевскаго. — Тюремный міръ. Эм. Лорана. — Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ, п. р. А. Чупрова и А. Посникова. — Энциклопедическій словарь, т. XIX и XX.—Адресная книга г. С.-Петербурга на 1897 г., п. р. П. О. Яблонскаго (Мартъ).—Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, изъ архива мин. нар. просвѣщенія, т. II.—Въ странѣ вулкановъ. Путевыя замѣтки на о. Явѣ, кн. С. А. Щербатовой. — Философскій Ежегодникъ, годъ второй, Я. Колубовскаго.—

Право и нравственность, Влад. Соловьева (Апрѣль).—Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ, К. Скальковскаго. — Духовныя основы жизни. Владиміра Соловьева. Изд. 3-е.—Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса. Н. Карѣева. — Курсъ физики, О. Д. Хвольсона. Т. I.—Самуилъ Ганеманъ. Очерки его жизни и дѣятельности. Д-ра мед. Л. Е. Бразоля. — Поэмы, Думы и Пѣсни. В. К. Булгакова (Май).—Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Съ 450 иллюстраціями. — Чайные округа субтропическихъ областей Азіи. Культуръ-географическіе очерки дальняго Востока. Проф. А. Н. Краснова. Съ 101 рис. и 2 карт.—Власть и право. Философія объективнаго права. В. Ф. Залѣсскій.—Фритьофъ Нансенъ. В. Г. Брегґера и Н. Рольфсена, съ стихотворнымъ введеніемъ Бьернстьерне-Бьернсона. Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ (Іюнь).—А. Ѳ. Кони. Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ. Спб., 1897.—Н. Водовозовъ. Экономическіе этюды. Съ портретомъ автора. Изданіе М. И. Водовозовой. Москва, 1897.—К. Ѳ. Одарченко. Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства. Москва, 1897.—Суевѣріе и уголовное право. А. Левенстима. (Юридическая библіотека, № 15). Изд. Я. Канторовича. Спб., 1897.—Правители и мыслители. Біографическіе очерки Ѳ. Литвиновой. Съ 16 портретами. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1897 (Іюль). — Ник. Карышевъ. Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ (Образовательная библіотека, изданіе О. Н. Поповой, № 4 и 5). — В. Короленко. Въ голодный годъ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. Изданіе третье. — Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ учрежденій. 1814—1896. Написалъ Ш. Сеньобосъ, лекторъ парижскаго университета. Ч. I. Переводъ съ французскаго (Августъ).—Письмо Иннокентія, митрополита московскаго и коломенскаго, кн. 1, собр. Ив. Барсуковымъ.—Что нужно для поднятія сельскаго хозяйства въ Россіи? Д. П. Малютина.—Султанъ и державы, Малькольма Макъ-Колля (Сентябрь).—Натанъ Мудрый, Лессинга, въ перев. В. Крылова.—Народныя чтенія. В. Вахтерова. — Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ, Н. Бржескаго.—Процессы противъ животныхъ въ средніе вѣка, Я. Канторовича.—Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. V. С. А. Венгерова (Октябрь).—Исторія русской литературы, А. Н. Пыпина, т. I.—«Историческое Обозрѣніе», т. IX, п. р. Н. И. Карѣева.—Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ.—Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. А. Тимофеева. Очеркъ коммерч. географіи, Д. Д. Морева (Ноябрь).—Сборникъ Имп. Р. Ист. Общ., т. 99 и 100.—Экон. ист. Англіи, Д. Эшли.—Исторія Греціи, т. I, Ю. Белоха. — Общественное законовѣдѣніе. Н. П. Дружинина (Декабрь).

VII. Извѣщенія.—О пожертвованіяхъ на памятникъ Луи Пастеру въ Парижѣ (Январь, 460; Февраль, 917).—Отъ Имп. Военно-Медицинской Академіи (Мартъ, 424). — Отъ Россійскаго Общества Краснаго Креста (Апрѣль, 878).—I. Отъ Совѣта Юридическаго Общества при Имп. Спб. Университетѣ.—II. Отъ Общества борьбы съ заразными болѣзнями. — III. Отъ Спб. Общества: «Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ» (Май, 433; авг., 865; сент., 428; окт., 849). — Отъ «Союза взаимопомощи русскихъ писателей» (Іюнь, 886). — Отъ Попечительства о домахъ трудолюбія и т. д.; о подпискѣ на журналъ «Трудовая Помощь» (Ноябрь, 462).—Отъ спб. Общ. «Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ» (Декабрь).

1898 г.

ныхъ избирательныхъ собраніяхъ и на волостныхъ судахъ; назначеніе предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ; подчиненіе уѣздныхъ управъ губернскимъ. — Положеніе дѣлъ въ неурожайныхъ губерніяхъ (Декабрь, 760).

II. Иностранное Обозрѣніе.— Особенности новѣйшей международной политики.—Система союзовъ и соглашеній. — Колоніальная предпріимчивость и военныя традиціи.—Милитаризмъ и миролюбіе.—Главныя событія истекшаго года.—Восточныя дѣла и турецкое общественное мнѣніе. — Парламентскія войны и стычки.—Министерскія перемѣны. — Рабочее движеніе (Январь, 398).—Одностороннія свѣдѣнія о французскихъ дѣлахъ.— Ошибки и иллюзіи читателей газетъ. — Рошфоръ и Дрюмонъ. — Странная судьба дѣла Дрейфуса. — Два военныхъ процесса и ихъ результаты (Февраль, 817). — Окончаніе процесса Эмиля Зола и его политическое значеніе.—Ошибочные выводы иностранной печати.—Вопросъ о дѣлѣ Дрейфуса и общественное мнѣніе во Франціи.—Правительственное сообщеніе о критскомъ вопросѣ (Мартъ, 391).— Европейская политика на дальнемъ Востокѣ. — Соперничество великихъ державъ относительно Китая. — Два правительственныя сообщенія.—Мирныя пріобрѣтенія и ихъ значеніе. — Заботы объ усиленіи флотовъ въ Англіи и Германіи. — Европейскій концертъ въ критскомъ вопросѣ. — Соединенные-Штаты и Испанія.—Перемѣна министерства въ Австріи (Апрѣль, 839).—Война между сѣвероамериканскими Соединенными-Штатами и Испаніею.—Политика президента Макъ-Кинлэя и поведеніе партій въ обѣихъ палатахъ конгресса.—Возможныя послѣдствія войны.—Событія на дальнемъ Востокѣ: занятіе гавани Вейха-вей англичанами.—Опять процессъ Зола (Май, 379).—Смерть Гладстона. — Его жизнь и дѣятельность. — Главнѣйшія черты его политической карьеры.—Рѣчь Чамберлэна.—Событія на дальнемъ Востокѣ.—Испанско-американская война. — Французскіе выборы (Іюнь, 810). — Неудовольствіе американцевъ по поводу отзывовъ европейской печати о войнѣ.— Письмо П. А. Тверского.—Возраженіе противъ нашихъ замѣчаній объ американской политикѣ относительно Кубы. — Прискорбныя увлеченія и погрѣшности американцевъ.—Перемѣна министерства во Франціи.—Парламентскіе выборы въ Германіи (Іюль, 379). —Побѣды и пораженія въ испанско-американской войнѣ. — Важнѣйшіе итоги событій.—Французскія дѣла.— Торжество патріотовъ надъ «дрейфусарами» и популярность Кавеньяка.— Князь Бисмаркъ † (Августъ, 800). Дипломатическая нота 12-го августа. —Вопросъ о тягостяхъ вооруженнаго мира и проектъ международной конференціи.—Кончина «желѣзнаго канцлера».—Князь Бисмаркъ, какъ государственный дѣятель и германскій патріотъ.—Испанія и Соединенные Штаты.—Новое возраженіе П. А. Тверского (Сентябрь, 380).—Новыя избіенія на Критѣ.—Европейская дипломатія въ турецкихъ дѣлахъ.—Равнодушіе нашихъ патріотовъ къ судьбѣ Кандіи и крайнее увлеченіе дѣломъ Дрейфуса.—Политическій кризисъ во Франціи.—Пересмотръ дѣла Дрейфуса. —Убійство австрійской императрицы и мѣры противъ анархистовъ.—Дворцовый переворотъ въ Китаѣ и его значеніе (Октябрь, 814). — Открытіе парламентской сессіи во Франціи. — Засѣданіе палаты депутатовъ 25 (13) октября и паденіе министерства Бриссона.—Дѣло Дрейфуса и антисемиты. — Рѣшеніе кассаціоннаго суда. — Англо-французскій споръ о Фашодѣ (Ноябрь, 353). — Воинственное настроеніе въ Англіи.—Рѣчи лорда Сольсбери и Чамберлэна.—Внутреннія противорѣчія въ теоріи «миролюбивыхъ вооруженій».—Новѣйшіе факты: очи-

щеніе Крита отъ турецкихъ войскъ, мирный раздѣлъ Африки и части Китая. — Вильгельмъ II на Востокѣ. — (Декабрь, 778).

III. Литературное Обозрѣніе. —Бенжаменъ Киддъ, Соціальная эволюція, съ предисл. Н. К. Михайловскаго и проф. Вейсмана. Перев. съ англ., изд. О. Н. Поповой.—Веніаминъ Киддъ, Соціальное развитіе. Съ предисл. проф. Вейсмана. Перев. съ англ. М. Чепинской, изд. Ф. Павленкова.— Л. З. — З. Н. Гиппіусъ (Мережковская). Зеркала.—Н.—Новыя книги и брошюры (Январь, 411).—Императоръ Александръ Первый, Н. К. Шильдера, т. III.—Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. III, ч. 1.—Мои воспоминанія, Ѳ. И. Буслаева.—Т.—Новыя книги и брошюры (Февраль, 842).— Бумаги 1812 г., собр. П. И. Щукинымъ, 2 ч.—Человѣчество въ доисторическія времена, Л. Нидерле, перев. съ чешск. Д. Анучина. — Южно-русскіе очерки и портреты, В. Горленко. —Воспоминанія о Костомаровѣ и Ап. Майковѣ.—Т.—Новыя книги и брошюры (Мартъ, 405). — Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. II. — Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ и обрядахъ и т. д., собр. П. В. Шейномъ, т. I, вып. I.—Минусинскіе и ачинскіе инородцы.—На Востокѣ, Влад. Шуфа.— Т.—Всемірная торговля въ XIX в. и участіе въ ней Россіи.—Л. С.—Новыя книги и брошюры (Апрѣль, 853). —Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени. — А. Пыпина. — Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703 — 1802 гг. и Историческому разысканію о нихъ. А. Н. Неустроева.—А. П. —Эпоха великихъ реформъ, 7-е изд. Гр. Джаншіева. — Т. — Психологическая параллель: Іоаннъ Грозный и Петръ В., К. Ярошa.—Петръ Великій, ген.-шт. капитана Марченко. — Д.—Новыя книги и брошюры (Май, 391). — Протопопъ Аввакумъ, А. К. Бороздина. — Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. I.—А. Н. Пыпина.—Русскій біографическій Словарь: Ибакъ-Ключаревъ. — Архивъ кн. Куракина, кн. VII.—Турецкія легенды о св. Софіи, В. Д. Смирнова. — Т. — Новыя книги и брошюры (Іюнь, 821).—Пятидесятилѣтняя память Бѣлинскаго. —Т.—Новыя книги и брошюры (Іюль, 394).—Сборникъ учено-литературнаго Общества при импер. юрьевскомъ университетѣ, т. I.—Журналы дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Царствованіе импер. Елисаветы Петровны. Выпускъ 1-й.—Хива, И. Захарьина (Якунина). —Д.—Новыя книги и брошюры (Августъ, 813.—Полное собраніе сочиненій М. Н. Загоскина. Т. I.—Народный театръ въ очеркахъ и картинкахъ, Ив. Щеглова. — Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени, И. А. Шляпкина. — В. Г. Бѣлинскій и чествованія его памяти. Б. Глинскаго.—Д.—Новыя книги и брошюры (Сентябрь, 395). — Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе, Н. К. Шильдера. Т. IV. — Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древнерусскихъ книгахъ XI-XIV вв. Сообщеніе Н. В. Волкова.—Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи, П. Ганзена.—Главныя теченія русской исторической мысли, П. Милюкова. — Собраніе сочиненій С. Шашкова.—Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, А. В. Смирнова.—Очерки изъ исторіи населенія въ московскомъ государствѣ, М. Дьяконова.—Т.—Новыя книги и брошюры (Октябрь, 826). — В. В. Сусловъ, Памятники древняго русскаго зодчества, 4 выпуска. — А. П. — Собраніе сочиненій Каронина.—А. А. Кауфманъ, Къ вопросу о причинахъ и вѣроятной будущности русскихъ переселеній.—Т.— Н. М. Коркуновъ, Исторія философіи права.—Э. Радлова.—Новыя книги и брошюры (Ноябрь, 380). — М. О. Меньшиковъ, О писательствѣ.—Герои

и историческое въ исторіи, Т. Карлейля, перев. В. Яковенко. — Вильгельмъ ф. Гумбольдтъ, Р. Гайма.— Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи, В. В. Иванова. — Т. — Новыя книги и брошюры (Декабрь, 788).

IV. Новости Иностранной Литературы.—I. M. Mulhall, Industries and Wealth of Nations. — С. Ра-тъ.—II. The Pamirs and the source of the Oxus, by G. Curzon, M. P.—Л. А. Б-чъ.—III. Réné Doumic, Etudes sur la littérature française.—З. В. (Январь, 426).— I. P. Schlentner, Gerhart Hauptmann, sein Lebensgang und seine Dichtung.—II. W. Stead, Satan's invisible world displayed. — III. Edm. Rostand. Cyrano de Bergerac, comédie en vers.—З. В. (Февраль, 857).—I.—Manuel de l'histoire de la littérature française, par F. Brunetière.—II. Notes d'art et de littérature. Jos. Capperon. —III.—La Cathédrale, par J. Huysmans. — З. В. (Мартъ, 423). — I. Emile Zola, „Paris".—II. H. Sudermann, Johannes.—З. В. (Апрѣль, 876). — I. Max. Nordau, Drohnenschlacht.—II. G. D'Annunzio, La Ville morte. — З. В. (Май, 419). —I. G. Clemenceau, Les plus forts. — II. Fr. Funck-Brentano, Légendes et Archives de la Bastille.—III. P. et V. Margueritte, Le Désastre.—З. В. (Іюнь, 851).—I. Arvède Barine. Névrosés.—II. Ferd. Carez. Auteurs contemporains.—III. Georges Pellissier. Etudes de littérature contemporaine.—З. В. (Іюль, 415).—I. Henry Berenger, La Conscience Nationale.—II. Jean Richepin. La Martyre.—III. Emile Faguet, Drame Ancien. Drame Moderne.— З. В. (Августъ, 832).—I. Alphonse Daudet, par Léon Daudet. — II. Gedichte von Alex. Puschkin, von Fr. Fiedler. — III. Die Frau des Weisen, v. Art. Schnitzler.—З. В. IV. Fables choisies de Kryloff, par I. Schnitzler.—Т. (Сентябрь, 412). —I. Catulle Mendès, Le chercheur des tares. — II. L. Bazalguette, L'Esprit Nouveau.—III. Remy de Gourmont, Le II Livre des Masques. — З. В. (Октябрь, 846). — I. Points sèches, par Ad. Brisson. —II. Bucoliques, par J. Renard.— III. The Journalist, by G. F. Keary.—З. В. (Ноябрь, 404).—J. Lemaitre, Impressions de Théatre.— II. Ed. Rod. Le Menage du pasteur Naudié. — III. Nadson, Gedichte.—З. В. (Декабрь, 832).

V. Изъ Общественной Хроники.—Московскій комитетъ для содѣйствія устройству студенческихъ общежитій.—Рѣчи проф. Виноградова и Чупрова, статьи проф. Филиппова.— Русскія общежитія и англійскіе «колледжи».—«Вѣчные» помощники присяжныхъ повѣренныхъ. — Всеобщее обученіе и школа грамоты.—Рѣчь полтавскаго губернатора. — Post-scriptum (Январь, 452).—Тульское общество вспомоществованія учащимъ и учившимъ.—Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей и его тенденціозные противники. — Литературный третейскій судъ и судъ чести. — Еще нѣсколько словъ о гонорарѣ. — А. Д. Шумахеръ †. — Post-scriptum (Февраль, 873). — Курское губернское земство и земская статистика. — Можайское уѣздное земство и уѣздный агрономъ. — Вопросъ о губернскомъ агрономѣ въ с.-петербургскомъ губернскомъ земствѣ.—Выборы и партіи. — Ходатайство о возобновленіи учительскихъ съѣздовъ.—Оригинальная полемика.—Отвѣтъ на возраженіе. — Рѣчь управляющаго мин. нар. пр. 19 февраля (Мартъ, 439). — Взрывъ въ курскомъ Знаменскомъ монастырѣ. — Неосторожность «сенсаціонной» прессы. — Попытка связать «пропаганду невѣрія» съ заботой о

народномъ благѣ.—Организація «народныхъ развлеченій», предпринятая московской городской думой. — Несогласованность закона о печати съ жизнью.—Еще о книгѣ Г. А. Евреинова. — Духоборцы на Кавказѣ и въ Сибири.—Продовольственный вопросъ въ В. Э. Обществѣ (Апрѣль, 890). —Пятидесятилѣтіе со времени смерти Бѣлинскаго.—Союзъ писателей и его право ходатайствовать о нуждахъ русской печати.—Возобновленіе «литературнаго сыска».—Противорѣчіе между закономъ и жизнью. — Поправка. — Правительственное сообщеніе, 22 апрѣля, о положеніи продовольственнаго дѣла въ губерніяхъ, нуждающихся въ помощи (Май, 434).—Минскій процессъ.—Существенная разница между «обвинительнымъ актомъ» и «окончательнымъ приговоромъ». — Что такое «чрезвычайные способы разслѣдованія»?—«Гнетъ» или «распущенность». — Какъ иногда понимаютъ «улучшеніе» положенія печати.—Нѣчто о «рыцарскихъ» чувствахъ. — Всесословная школа и орловское дворянство (Іюнь, 865).— Нѣмецкая книга о политикѣ и значеніе ея для русскаго общества. — Какъ понимаютъ свободу печати нѣмецкіе и русскіе публицисты.—Отголоски чествованія Бѣлинскаго. — Попытка вытѣснить Бѣлинскаго изъ «литературы» въ «публицистику» и провозгласить его «родоначальникомъ легкомысленной интеллигенціи» (Іюль, 431).—Характерныя черты трехъ Городовыхъ Положеній, изданныхъ въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія (1846—1892).—Видоизмѣненія главныхъ началъ, лежащихъ въ ихъ основаніи и опредѣляющихъ: 1) отношеніе городской администраціи къ городскому общественному управленію, и 2) предѣлы избирательнаго права обывателей столицы.—Можетъ ли государственный квартирный налогъ возмѣстить городу ущербъ отъ закрытія, по закону, нѣкоторыхъ источниковъ городскихъ доходовъ? Необходимость, при этомъ, распространенія избирательныхъ правъ на плательщиковъ налога (Августъ, 852).—Открытіе памятника императору Александру II-му въ Москвѣ и отголоски этого событія въ печати.—Лицевая и оборотная сторона сужденій о великихъ реформахъ. —Сотрудники императора; «подготовители» и «исполнители» реформъ.— Записки бывшаго земскаго начальника.—Нѣчто о лѣности крестьянъ.— Письмо старообрядца. — Катковъ по отзывамъ его эпигоновъ и—Б. Н. Чичерина. — М. Г. Черняевъ † (Сентябрь, 431). — Продовольственный вопросъ.—Рѣчь и. д. симбирскаго губернатора.—Общественныя запашки и работы, какъ условіе выдачи ссудъ. Страдаетъ ли продовольственное дѣло отъ обилія «нянекъ» или отъ чего-нибудь другого?—Новый финляндскій генералъ-губернаторъ. — Продолженіе «Записокъ земскаго начальника».— Съѣздъ городскихъ головъ. — М. А. Кавосъ † (Октябрь, 861). — Дѣло ксендза Бѣлякевича и комментаріи къ нему въ печати.—Оффиціальное опроверженіе по дѣлу сектантовъ села Екатериновки. — Двѣ рѣчи финляндскаго генералъ-губернатора. — Особое совѣщаніе по вопросу о воинской повинности въ Финляндіи.—Письмо лифляндскаго генералъ - суперинтендента въ редакцію «Спб. Вѣдомостей» (Ноябрь, 421). — Проектъ положенія о личномъ наймѣ и контролѣ частной прислуги въ Петербургѣ.—Различное отношеніе къ договаривающимся сторонамъ. — Возстановленіе аттестацій прислуги.—Лучшій способъ разрѣшенія вопроса о прислугѣ. — Открытіе памятниковъ гр. М. Н. Муравьеву и П. С. Нахимову.—Сорокалѣтіе ученой дѣятельности В. И. Герье.—«Русскій Начальный Учитель» о числѣ школъ и учащихся въ спб. губерніи (Декабрь, 845).

VI. Библіографическій Листокъ. — Н. Карѣевъ, Введеніе въ изученіе соціологіи. — Ф. Гиддингсъ, Основанія соціологіи.—Общественная жизнь Англіи, Г. Трайля, т. III. — А. Риль, Фридрихъ Нитцше, какъ художникъ и мыслитель, пер. съ нѣм. З. Венгеровой.—О. Петерсонъ и Е. Балобанова, Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ, т. II.—К. Покровскій, Путеводитель по небу. — «Мои воспоминанія», акад. Ѳ. И. Буслаева (Январь).—На досугѣ, сборникъ юрид. статей съ 1870 г., И. Я. Фойницкаго.—О географическомъ распредѣленіи государств. расходовъ Россіи, Н. П. Яснопольскаго. — Канада, Н. А. Крюкова.—Давидъ Рикардо и К. Марксъ, Н. И. Зибера.—Музыкальные фельетоны и замѣтки П. И. Чайковскаго (Февраль).—Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова.—Финансово-Статистическій Атласъ. 1885—1895 г.—Чайные округи субтропическихъ областей Азіи, А. Н. Краснова. Архивъ села Михайловскаго. —Локкъ, Джонъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Перев. съ англ. А. Н. Савина (Мартъ). — Шекспиръ въ переводѣ А. Л. Соколовскаго, въ 8 том.—Экономическое ученіе Маркса, Л. З. Слонимскаго. — Стихотворенія А. М. Жемчужникова, въ 2 том. — Теорія я практика желѣзнодорожнаго права, И. М. Рабиновича. — С. Булгаковъ, О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Изд. М. И. Водовозовой. — Иллюстрированный Словарь общеполезныхъ свѣдѣній. Подъ редакціей Эльпе (Апрѣль). — Кони, А. Ѳ., За послѣдніе годы, изд. 2-е, доп.—Кавелинъ, К. Д., Собраніе сочиненій, т. II. — Письма Иннокентія, митр. москов. и колом., собраны Ив. Барсуковымъ, кн. 2-я.—Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе, А. Трачевскаго.—Подоходный налогъ въ Англіи, И. Озерова (Май). — Народное образованіе на Всероссійской выставкѣ въ Н.-Новгородѣ, Е. П. Ковалевскаго.—Начальное народное образованіе въ тульской губерніи въ 1896—97 г. — Народные учителя и учительницы въ тульской губерніи, гр. П. С. Шереметева. — Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи, Швеціи, П. Ганзена.—Стихотворенія, П. Я. (Іюнь).—Н. А. Бѣлоголовый. Воспоминанія и другія статьи. 3-е изданіе.—К. Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ ред. Д. Протопопова.—И. С. Бліохъ. Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Т. I-V.—А. Богдановъ. Краткій курсъ экономической науки.—Финляндія. Подъ редакціей Д. Д. Протопопова. Съ 51 иллюстр. Изд. О. Н. Поповой. — Эли Бертэ. Маленькія школьницы пяти частей свѣта. Сочиненіе, одобренное французской академіей. Съ франц. М. Гранстремъ. Съ 104 рисунками (Іюль). — Иностранные капиталы, ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. Часть первая. Теоретическія основанія. Опытъ иностранныхъ государствъ. В. Ф. Брандта.—Поль де-Рузье. Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Струве. Изд. О. Н. Поповой.—С. С. Арнольди. Задача пониманіи исторіи. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли. Изд. М. Ковалевскаго.—Аскоттъ Р. Гоопъ. Семь мудрыхъ школяровъ. Съ англійскаго. М. Гранстремъ. Съ 96 рисунками (Августъ).—Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Съ 450 иллюстр. Н. К. Шильдера. — Сборникъ статей проф. Н. М. Коркунова.—Антропологія, Эд. Тэйлора.— Силы и законы природы, А. Лампа.— Дарвинизмъ, Ал. Уоллеса.—Иллюстрированная классификація луговыхъ травъ, А. Ю. Лашкарева. — Генрихъ Гейне, Собраніе сочиненій. Подъ ред. Петра Вейнберга (Сентябрь).—Исто-

---

1899 г.

зисъ въ Венгріи (Мартъ, 375).—Идея разоруженія въ Европѣ и международная практика государствъ.—Внѣшняя политика Англіи и другихъ державъ.—Подвиги американцевъ на Филиппинскихъ островахъ.—Печальныя противорѣчія и недоразумѣнія.—Внутреннія дѣла въ Германіи и Франціи (Апрѣль, 817).—Нескромность „Figaro“ и ея дѣйствительное значеніе. — Новые матеріалы по дѣлу Дрейфуса (Май, 368).—Гаагская конференція мира.—Особенности ея состава и способа совѣщаній.—Три коммиссіи и ихъ программы.—Идея третейскаго суда въ международныхъ спорахъ.—Возможные результаты конференціи.— Общее политическое настроеніе въ Европѣ.—Внутреннія дѣла во Франціи.—Смерть Кастеляра (Іюнь, 798).—Французскія дѣла и отношеніе къ нимъ постороннихъ наблюдателей.—Новѣйшія события и перемѣны во Франціи.—Кассаціонный судъ по дѣлу Дрейфуса.—Отголоски во Франціи и въ Европѣ.—Министерскій кризисъ и кабинетъ Вальдека Руссо.—Странныя разсужденія «Новаго Времени».—Германскія дѣла (Іюль, 393).—Событія въ Сербіи.—Дѣло о заговорѣ противъ династіи Обреновичей въ лицѣ эксъ-короля Милана.—Приготовленія къ расправѣ съ противниками по поводу покушенія Княжевича.—Грубая мѣра относительно генерала Саввы Груича. — Сообщеніе канцеляріи сербскаго посольства въ Петербургѣ.—Итоги Гаагской конференціи (Августъ, 834).—Еще о Гаагской конференціи мира.—Правительственное сообщеніе. — Внутренняя борьба во Франціи.—«Патріоты» и ихъ волненія.—Дѣятели французской арміи въ Реннѣ.— Процессъ Дрейфуса.—Политическія дѣла въ Германіи (Сентябрь, 368).—Бѣлградскій процессъ и сербскія дѣла.—Роль дипломатіи и вопросъ о вмѣшательствѣ.—Отношеніе нашей печати къ сербскимъ событіямъ.—Параллель между дѣломъ Дрейфуса и процессомъ Пашича съ товарищами.—Дрейфусъ и «наша печать».—Французскія дѣла (Октябрь, 820).—Трансваальская война.—Исторія «южно-африканской республики» и ея отношеній съ англичанами.—Переговоры о правахъ иностранныхъ поселенцевъ въ Трансваалѣ.—Уступки президента Крюгера и требованія Чемберлэна.—Печальная развязка.—Третейскій судъ по венецуэльскому вопросу.—Политическій кризисъ въ Австріи (Ноябрь, 375).—Трансваальская война и неожиданный британскій шовинизмъ.—Образчики воинственной поэзіи.—Рѣчи лорда Сольсбери, Бальфура и Чемберлэна.—Фактическія недоразумѣнія и недомолвки.—Особенности англійскаго настроенія.—Заявленіе проф. Ѳ. Ѳ. Мартенса въ защиту Гаагской конференціи.—Англо-германская сдѣлка (Декабрь, 839).

III. Литературное Обозрѣніе. —I. Живописная Россія, т. VI.—II. Какъ живетъ и работаетъ Л. Н. Толстой, П. Сергѣенко. — А. П. — III. Такъ говорилъ Заратустра, Фр. Нитцше. —IV. Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и за границей, В. Д. Смирнова.—Т.—Новыя книги и брошюры (Январь, 399).—«Дѣло», лит.-научн. сборникъ.—Внутренніе вопросы въ расколѣ, въ XVII в., П. С. Смирнова.— Библіографическіе матеріалы, Н. П. Смирнова. Н. А. Некрасовъ, Г. Александровскаго. — I. S. Tourguéneff à Spasskoë, par J. Mourier.—Т.—Новыя книги и брошюры (Февраль, 817).—Памяти Ѳ. И. Буслаева: рѣчи и обзоры его трудовъ. —А. Н. Пыпина.—Собраніе сочиненій И. А. Голышева.—Въ сороковыхъ годахъ, Ч. Вѣтринскій.—Сборникъ старинныхъ бумагъ въ музеѣ П. И. Щукина.—Т.—Новыя книги и брошюры (Мартъ, 387).—Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, т. I: Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ.—Извѣстія Русскаго Архео-

логическаго Института въ Константинополѣ.—А. П.—Внѣшкольное народное образованіе въ Зап. Европѣ и С.-Америкѣ; Народные университеты въ Англіи, М. Леклерка; Программы чтенія для самообразованія; Народный домъ и его обществ.-воспит. значеніе, В. Я. Данилевскаго.—Въ тихой пристани, И. А. Данилова.—Т.—Графъ А. И. Остерманъ и раздѣлъ Турціи, Ал. Кочубинскаго.—А. П.—Новыя книги и брошюры (Апрѣль, 830). Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Литературный сборникъ. Изд. Пензенской Общественной Библіотеки, имени М. Ю. Лермонтова. —А. П.—В. П. Сиповскій, Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника». — В. П. Горленко, Украинскія были.—Г. Н. Потанинъ, Восточные мотивы въ средневѣковомъ эпосѣ.—Т.—Новыя книги и брошюры (Май, 376).—Севастопольскія письма Н. И. Пирогова.—А. П.—Сборникъ сочиненій Н. П. Гилярова-Платонова. —Воспоминанія о студенческой жизни. —Т.—Новыя книги и брошюры((Іюнь, 811).—Пушкинская литература. —А. П.—Новыя книги и брошюры (Іюль, 408).—Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи, т. VIII.—Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, кн. VIII. — Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1895 годъ.—Исторія русской педагогіи, М. Демкова, ч. I, 2-е изд.—Валерій Лясковскій, Братья Кирѣевскіе, жизнь и труды ихъ.—Помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Литер.-художественный сборникъ. Изданіе газеты «Курьеръ». —Т.—Новыя книги и брошюры (Августъ, 845).—Ѳ. В. Благовидовъ. Оберъ-прокуроры св. Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. —Творенія Платона. Переводъ съ греческаго Владиміра Соловьева. Томъ первый.—Пѣсни русскаго народа. Собраны въ губерніяхъ Вологодской, Вятской и Костромской въ 1893 году. Ѳ. М. Истомина и С. М. Ляпунова.—Иностранные университеты. Выпускъ II-й. Университеты Германіи. Подъ редакціей Л. А. Богдановича.—Т.—Новыя книги и брошюры (Сентябрь, 381).—Э. Гроссе, Происхожденіе искусства.—М. Столяровъ, Этюды о декадентствѣ.—Т. Новыя книги и брошюры (Октябрь, 838).—С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи Смуты въ Москов. государствѣ XVI—XVII вв. —Извѣстія XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ.—К. Михальчукъ, Что̀ такое мало-русская рѣчь?—Т.—Новыя книги и брошюры (Ноябрь, 388).—Очерки русскаго прогресса, Б. Б. Глинскаго.—Надежда Васильевна Стасова, Влад. Стасова.—Сборникъ Москов. Главн. Архива м. ин. дѣлъ.—О библіотекѣ москов. государей въ XVI стол., С. Бѣлокурова.—Критическіе очерки, М. О. Меньшикова.—Т.—Новыя книги и брошюры (Декабрь, 853).

IV. Новости Иностранной Литературы. — I. G. Hauptmann, Fuhrmann Henschel. — II. Ch. Recolin, L'Anarchie littéraire. — З. В. (Январь, 418).—I. H. Ibsens Sämmtliche Werke in deutscher Sprache, B. 2 и 3. П. Кож.—II. J. Texte, Etudes de littérature européenne.—III. Aug Filon, Merimée. —IV. G. Rodenbach, Carillonneur, Bruges la Morte. Règne du Silence. —З. В. (Февраль, 830).—I. Aug. Strindberg, Margit, la femme du chevalier Bengst.—II. L. Rouanet, Drames religieux de Caldéron.—III. R. Kiepling, The Day's Work. —З. В. (Мартъ, 403).—I, Valerie Matthes, Italienische Dichter der Gegenwart.— П. К—овъ, — II. H. Sudermann, Die Drei Reiherfedern. —III. Anatole France, L'anneau d'améthyste.—З. В. (Апрѣль, 851). —I. Léon A. Daudet. Sébastien. Roman Contemporain.—II. G. d'Annunzio, La Gioconda.—III. Robert de Souza, La Poésie populaire et

le Lyrisme Sentimental.— З. В. (Май, 393).—I. Becque, La Parisienne, etc.—II. A. Schnitzler, Der grüne Kakadu, etc.—III. Christomanos, Tagebuch-Blätter.—З. В. (Іюнь, 834).—I. N. Hoffmann, Th. M. Dostojewsky.—II. Hugo von Hofmannsthal, Die Frau am Fenster, и пр.—З. В. (Іюль, 441).—I. E. M. de Vogüé, Les morts qui parlent.—З. В. (Августъ, 868).—I. Emile Faguet: Flaubert.—Guy de Maupassant, Le père Milon.—August Strindberg, Legenden.—З.В. (Сентябрь, 399). I. A. Moeller-Bruck: Die moderne Litteratur in Gruppen und Einzeldarstellungen.—II. Edm. Barthélemy, Thomas Carlyle, essai biographique et critique.—З. В. (Октябрь, 853).—I. An. France, Pierre Noziére.— II. Em. Zola, Les quatres évangiles. Fécondité.—З. В.—III. Homenaje a Menendez y Pelayo, т. I-II.—Л. Ш. (Ноябрь, 411).—L. Jacobovsky, Loki, Roman eines Gottes. II. G. Rodenbach, L'Elite.—III. F. Servaes, Praeludien (Декабрь, 873).

V. Изъ Общественной Хроники.—Положеніе неурожайныхъ губерній и дѣятельность Краснаго-Креста.—Необходимость болѣе широкой частной помощи и причины, задерживающія ея развитіе.—Рѣчи губернаторовъ саратовскаго, курскаго и с.-петербургскаго.—Орловскій дворянинъ и орловское дворянство. — Открытіе памятника Мицкевичу.—П. Н. Третьяковъ †. — Письмо Евг. Льв. Маркова въ Редакцію (Январь, 429). Извѣстія изъ неурожайныхъ губерній. —Недостаточность продовольственной помощи.—Воспоминанія о 1891-мъ г. Чрезвычайный финляндскій сеймъ и русская печать.—М. С. Корелинъ и Н. А. Дингельштедтъ † (Февраль, 856).—Новыя вѣсти изъ неурожайныхъ губерній.—Ходъ продовольственнаго дѣла въ вятской губерніи.—Некрологъ: Е. А. Перетцъ (Мартъ, 423) —Статья А. Л. Боровиковскаго о «Печатномъ листѣ».—Мнѣніе уѣзднаго предводителя дворянства о земской школѣ.—Земскія и церковно-приходскія школы.—Дворянскій надзоръ за школой.—Газетные нравы.—Распоряженія гг. министровъ народнаго просвѣщенія и земледѣлія и государственныхъ имуществъ объ увольненіи всѣхъ учащихся въ спб. университетѣ, технологическомъ и горномъ институтахъ. —Сообщеніе Комитета самар. частн. кружка помощи дѣт. крестьянъ, пострадавш. отъ неурожая прошл. года. В. И. Жуковскій, П. В. Макалинскій и В. О. Михневичъ † (Апрѣль, 867). —Новый типъ начальныхъ народныхъ училищъ въ г. Петербургѣ.—Результаты такого преобразованія въ училищномъ дѣлѣ на практикѣ.—Посѣщеніе перваго Василеостровскаго народнаго училища, съ 12-ью классами, высокопреосвященнымъ Антоніемъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ.—Объ антагонизмѣ между общественными и церковно - приходскими школами. — Мнѣніе Б. Н. Чичерина по этому поводу (Май, 415).—Пушкинскія празднества въ 1880 г. и почти двадцать лѣтъ спустя.—Два противоположныхъ теченія.—Еврейскій погромъ въ Николаевѣ и безпорядки въ Ригѣ.—Праздники «древонасажденія».— Нѣчто о взяткахъ.—Полемика кн. Трубецкого съ кн. Цертелевымъ.—Кн. Н. Д. Долгоруковъ † (Іюнь, 849).—Майскіе пушкинскіе дни, сравнительно съ пушкинскимъ празднествомъ 1880 г.— Шумъ, поднятый по поводу мнимой «клеветы» на Пушкина. — Рѣчь и книга В. Е. Якушкина.—«Ни самоуправленія, ни бюрократіи». — Нѣсколько словъ о правѣ ходатайствъ. —Значеніе частной помощи голодающимъ.—Отрадныя вѣсти (Іюль, 458. —Какъ иногда пишется исторія.— Газета, рекомендующая удаленіе «корифеевъ профессорскаго хора».—Радикальное средство уменьшить число

студентовъ.—Практическія занятія въ университетахъ.—Два циркуляра министра народнаго просвѣщенія.—«Недоросли изъ крестьянъ».—Нѣсколько словъ о церковно-приходскихъ школахъ.—Закрытіе московскаго юридическаго общества (Августъ, 875).—Можно ли назвать Россію «страною личнаго почина по преимуществу»? Значеніе свободной иниціативы въ основаніи и дѣятельности обществъ.—Московскія юридическія общества, прежнее и вновь проектируемое.—Общедоступные систематическіе курсы.—Практическія занятія студентовъ и студенческіе научные и литературные кружки.—Дискреціонная власть и печать.—Отвѣтъ на возраженія (Сентябрь, 420).—Преобразованіе средней школы: циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, записка бар. А. П. Николаи и рѣчь Н. П. Петрова.—Новый уставъ общества по устройству народныхъ чтеній въ тамбовской губерніи.—Еще о личномъ починѣ.—Два вида цензуры.—Особый сортъ корреспонденцій (Октябрь, 865).—Отзывы воронежскихъ крестьянъ о различныхъ видахъ начальной школы.—Церковно-приходскія школы въ юго-западномъ краѣ.—Второклассныя церковно-приходскія школы.—Евреи и дворянство.—Брошюра: «Гдѣ выходъ»? (Ноябрь, 425).—Неурожай на югѣ Россіи.—Частная помощь въ бессарабской губерніи.—Тридцатипятилѣтіе судебныхъ уставовъ.—«Воскресеніе», гр. Л. Н. Толстого, предъ судомъ «Стараго судьи». — «Безконтрольное хозяйство».—М. Н. Капустинъ † (Декабрь, 891).

VI. Библіографическій Листокъ.—Карѣевъ, Н., Исторія западной Европы въ новое время, т. V.—Котляревскій, Н., Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка.—Хартулари, К. Ф., Право суда и помилованія, какъ прерогатива россійской державности. — Клингенъ, И., Среди патріарховъ земледѣлія, ч. I: Египетъ.—Кульженко, С. В., Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ (Январь).—Карѣевъ, Н., Историко-философскіе и соціологическіе этюды.—Янжулъ, И. И., Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. — Оправданіе добра. Нравственная философія. Вл. Соловьева.—Владиміръ Ильинъ, Экономическіе этюды и статьи.—К. Тимирязевъ, Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Съ приложен.: «Наши антидарвинисты». — Эдуардъ Берендтсъ. Опытъ системы административнаго права.—Н. Котляревскій. — Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка (Февраль).—Уставъ уголовнаго судопроизводства, съ позднѣйшими узаконеніями, и т. д. Составл. М. Шрамченко и В. Ширковымъ. Вліяніе морской силы на французскую революцію и исторію (1793—1812). Изслѣдованіе кап. А. Т. Мэхена (A. (Mahan). Въ 2-хъ т. Т. II.—Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Ред. П. Вейнберга. IV.—Исторія права русскаго народа, Н. П. Загоскина.—«Отрокъ-мученикъ», углицкое преданіе, В. М. Михѣева (Мартъ).—М. П. Погодинъ, т. XIII, Ник. Барсукова.—Сумерки просвѣщенія, В. В. Розанова.—Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ, П. Ганзена.—Данія. Сельское хозяйство въ связи съ общимъ развитіемъ въ странѣ. Н. А. Крюкова (Апрѣль). — «М. Е. Салтыковъ«, А. Н. Пыпина. — Жоржъ Сандъ, ея жизнь и произведенія, В. Каренина.—Наша финансовая политика и задачи будущаго, К. Я. Головина, — Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, Собраніе сочиненій, т. I.—Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи, Т. Фауля.—М. М. Ковалевскій, Развитіе народнаго хозяйства въ з. Европѣ (Май).—Пушкинъ, Л. Майкова.—А. С. Пушкинъ, избранныя мѣста изъ его стихотвореній, для начальныхъ народныхъ училищъ, изданіе Спб. Городской Думы,

—Къ біографіи Пушкина, Н. Невзорова.—Иностранные капиталы, Б. Ф. Брандта (Іюнь).—Сочиненія Пушкина, т. I; изд. Имп. Академіи наукъ, подъ ред. Л. Майкова.—А. С. Пушкинъ, біограф. очеркъ, А. А. Венкстерна.—«Бахчисарайскій фонтанъ», А. С. Пушкина, подъ ред. П. А. Ефремова, съ иллюстраціями.—Сборникъ статей о Пушкинѣ, кіевское изданіе.—Собраніе сочиненій А. Г. Градовскаго.—Объ условіяхъ развитія сельскаго хозяйства въ Россіи, Н. Каблукова (Іюль). Сборникъ общихъ юридическихъ знаній. Подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова. Вып. I. Изд. О. Н. Поповой.—А. Гобсонъ, Джонъ Рёскинъ, какъ соціальный реформаторъ. Перев. съ англ. П. Николаева.—Царскія дѣти и ихъ наставники. Историческіе очерки Б. Б. Глинскаго. Съ портретами и иллюстраціями.—Законы объ узаконеніи и усыновленіи дѣтей, съ объясненіями, извлеченными изъ мотивовъ закона 1891 г., и съ разъясненіями по опредѣленіямъ Прав. Сената. Составилъ Я. А. Канторовичъ (Августъ).—Е. Варбъ, Наемные сельско-хозяйственные рабочіе въ жизни и въ законодательствѣ. Общественно-юридическіе очерки.—Т. Роджерсъ, Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Переводъ съ англійскаго В. Д. Каткова.—Записки земскаго начальника. А. Новикова.—Земская статистика. Справочная книга по земской статистикѣ въ двухъ частяхъ. Ч. I. Исторія и методологія. Ч. II. Программы изслѣдованіи. Составилъ С. Н. Велецкій. Съ предисловіемъ проф. А. И, Чупрова (Сентябрь).—Исторія русской литературы, Т. IV. А. Н. Пыпина.—Очерки русскаго прогресса. Статьи историческія, по общественнымъ вопросамъ, и критико-біографическія. Б. Б. Глинскаго.—Сборникъ журнала «Русское Богатство». Подъ редакц. Н. К. Михайловскаго и В. Г. Короленко.—Торсое, А. Исторія нашего столѣтія. Т. I. 1815—1863. Т. II. 1863—1899. Переводъ съ датскаго М. В. Лучицкой.—Энциклопедическій Словарь. Изд. Ф. Павленкова (Октябрь),—Грумъ-Гржимайло, Г. Е., Описаніе путешествія въ западный Китай, т. II.—Карѣевъ, Н., Исторія Западной Европы въ новое время, т. III, и Курсъ Новой исторіи, ч. I.—Гейне, Собраніе сочиненій, п. р. П. Вейнберга, т. VI.—Малый Энциклопедическій Словарь, Брокгауза, т. I.—Мутеръ, Р., Исторія живописи въ XIX в.—Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. III (Ноябрь).—Историческое развитіе современной Европы. М. Эндрьюса, перев. М. Лучицкой, тт. I и II. — Основы физической географіи, Ал. Зупана, перев. Д. Н. Анучина. — Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества, т. 105.—Энциклопедическій Словарь, Брокгауза, т. XXVII.—Любочкины «Отчего?» и «Оттого!», Э. Гранстрема (Декабрь).

VII. Извѣщенія.—Празднованіе столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина. Оффиціальное сообщеніе (Январь, 442). — Отъ Императорскаго Казанскаго Университета (Мартъ, 428; Апрѣль, 882; Сент., 436).—Положеніе о преміи Л. Ф. Пантелѣева за лучшее сочиненіе о Бѣлинскомъ, учрежденной при Литературномъ Фондѣ (Май, 423).—Отчетъ Комитета Кружка для помощи дѣтямъ крестьянъ Самарской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая (Іюнь, 865; Іюль, 475).—I. Объ изданій Календаря «Синяго Креста», на 1900-й годъ, Обществомъ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ.—II. Отъ Императорскаго Казанскаго Университета (Ноябрь, 439).—I. Положеніе о всероссійскомъ Съѣздѣ по ремесленной промышленности 1900 г. въ С.-Петербургѣ.—II. Отъ Имп. Казанскаго Университета (Декабрь, 904).

1900 г.

вительственное сообщеніе отъ 19 августа. — Война въ южной Африкѣ (346 стр.).—Октябрь.—Дипломатическія разногласія по китайскому вопросу.—Депеша графа Бюлова.—Неправильныя ссылки на международное право.—Особенности китайскихъ дѣлъ. —Конецъ южно-африканской войны.—Министерство и оппозиція въ Англіи (820 стр.).—Ноябрь.—Дипломатическіе переговоры въ Пекинѣ.—Важные пробѣлы въ ихъ предварительной программѣ.—Англо-германское соглашеніе и его особенности.—Перемѣна канцлера въ Германіи.—Политическія дѣла въ Англіи и Франціи. — По поводу письма изъ Бѣлграда (387 стр.).—Декабрь.—Китайскія дѣла и европейская дипломатія.—Парламентскія пренія въ Германіи и во Франціи.—Закрытіе всемірной выставки въ Парижѣ и прибытіе во Францію президента Крюгера. (800 стр.).

III. Литературное Обозрѣніе. Январь.—Записки Д. Н. Свербеева, I-II т.—Экономическая оцѣнка народнаго образованія, очерки Ив. Янжула и др.—Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ, Э. Левассера, т. II.—Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 г., и Русскіе портреты собранія П. Щукина, вып. 1.—Татевскій Сборникъ С. А. Рачинскаго. —Д.—Новыя книги и брошюры. (390 стр.).—Февраль. — Исторія кавалергардовъ, т. I, С. Панчулидзева.—Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ, т. I-III, Н. П. Лихачева.—Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ, т. II-IV.—А. П.—П. А. Кулишъ, біогр. очеркъ, Б. Гринченко.—Т.—Новыя книги и брошюры. (834 стр.). — Мартъ. — Юбилейный Сборникъ въ честь Вс. Ѳ. Миллера, п. р. П. Янжула.—Обычное право русскихъ инородцевъ, Е. Якушкина. —А. П.—Русскія народныя примѣты о погодѣ, К. Агринскаго.—Сочиненія С. В. Ешевскаго по русской исторіи. —Т.—Оборона Севастополя, полковн. Заіончковскаго.—А. П.—Новыя книги и брошюры. (373 стр.).—Апрѣль.—Краткое пособіе по русской исторіи, проф. В. Ключевскаго.—Лекціи по русской исторіи, проф. С. Платонова.—Братства, А. Папкова.—А. П. — Общественное самосознаніе въ русской литературѣ, Арс. Введенскаго.—Д.—Новыя книги и брошюры. (824 стр.). —Май. — Д. Михайловъ, Аполлонъ Григорьевъ. — Л. Шахъ-Пароніанцъ, Критикъ самобытникъ, Ап. А. Григорьевъ.—Д.—Л. Василевскій, Современная Галиція.—Т.—Новыя книги и брошюры. (361 стр.).—Іюнь.—Исторія русской церкви, Е. Голубинскаго, т. II.—А. Пыпина.—Т. Осадчій, Сила деревни. —Д.—Littérature russe, par Waliszewski.— A. Hystory of Russian Literature. By K. Waliszewski.—А. П. — Новыя книги и брошюры. (800 стр.).—Іюль.—Энеида Котляревскаго, П. Житецкаго.—Викъ, 1798—1898. —Къ вопросу о галицко-русской литературѣ. (По поводу статьи Т. Д. Флоринскаго). В. Антоновича.—Старая Сербія и Македонія, Спиридона Гопчевича; пер. Петровича.—«Македонскій вопросъ», Іована Рогановича. —Т.—Голодный годъ. Е. Шмурло.—Д.—Новыя книги и брошюры. (834 стр.).—Августъ.—И. П. Бѣлоконскій, Деревенскія впечатлѣнія.—П. Руссофилъ. Народное образованіе въ Россіи.—Д.—Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, Сочиненія, т. II.—Т.—Новыя книги и брошюры. (378 стр.).—Сентябрь.—Жизнь и труды М. П. Погодина; Н. Барсукова.—Записки гр. В. Н. Головиной; пер. подъ ред. Е. С. Шумигорскаго. —Объ упадкѣ вліянія духовенства на народъ, Н. Осипова.—Д.—Письма И. С. Тургенева къ П. Віардо.—А. П.—Новыя книги и брошюры. (360 стр.). —Октябрь.—Сто лѣтъ литературнаго развитія. Характеристика русской литературы XIX столѣтія. А. К. Бороздина.—Д.—Проф. Т. Флоринскій. Малорусскій языкъ и «українсько-русь-

кій» литературный сепаратизмъ. — Его-же, «Зарубежная Русь» и ея горькая доля.—Т.—Новыя книги и брошюры. (831 стр.).—Ноябрь.—Іосифъ Голечекъ, Россія и Западъ.—Т.—В. Я. Смирновъ, Жизнь и поэзія Н. М. Языкова.—Д.—А. А. Русовъ, Описаніе Черниговской губерніи.—В. П.—Новыя книги и брошюры. (403 стр.).—Декабрь.— И. С. Тургеневъ. Неизданныя письма къ г-жѣ Віардо и его французскимъ друзьямъ.—А. Н. Островскій, его жизнь и литературная дѣятельность, И. И. Иванова.—Н. Ѳ. Дубровинъ, Исторія крымской войны и оборона Севастополя, 3 т. — Андреевичъ, Книга о М. Горькомъ и А. Чеховѣ.—Максимъ Горькій, В. Ѳ. Боцяновскаго.—Т.—Новыя книги и брошюры (827 стр.).

IV. Новости Иностранной Литературы. — Январь.—I. Vogüé, Le Rappel des Ombres. — II. Ad. Brisson, Paris Intime. — III. Ar. Dix, Der Egoismus. — З. В. (417 стр.). — Февраль. — Новѣйшая біографія Жоржъ-Сандъ. — W. Karénine, George Sand, sa vie et ses oeuvres, т. I-II.—З. В. (855 стр.).—Мартъ.—I. P. Fischer, Italien und die Italiener am Schlusse d. XIX Jahrh.—А. З—скій.—«The man with the hoe», by Markham. — «David Harum», by Ed. Westcott — «The growth of Cities in the XIX century», by A. Weber.—П. Тверского. (392 стр.).—Апрѣль. — G. Hauptmann, «Schluck und Jau, Spiel zu Scherz und Schimpf».—З. В. (861 стр.).—Май.—Guy de Maupassant, Le Colporteur.—II. Th. de Wyzewa, Ecrivains étrangers, 3-ème série.—III. Jean Dornis. La Poésie Italienne Contemporaine.—З. В. ((387 стр.).—Іюнь. —I. Dr. R. M. Mayer, Die deutsche Litteratur des XIX Jahrhunderts. —II. Joh. Schlaf, Das dritte Reich. Ein Berliner Roman.—З. В. (821 стр.). —Іюль.—I. Maurice Talmeyr. Souvenirs de Journalisme.—II. Francisque Sarcey. Quarante ans du Théâtre.—III. Otto Reuter. Jacobowski, Werk, Entwickelung und Verhältniss zur Moderne.—З. В. (854 стр.).—Августъ.—I. Rosny, «La Charpente, roman de moeurs».—II. Emile Faguet, Politiques et moralistes du XIX siècle. Troisième série.—З. В.—III. Souchon, La propriété paysanne.—Rocquigny. Syndicats agricoles et leur oeuvre.—И. К. (400 стр.).—Сентябрь.—I. Steiger, Das Werden des neuen Dramas. —II. Paul et Victor Margueritte, Femmes nouvelles.—З. В. (380 стр.). — Октябрь.—I. Y. Blaze de Bury. Les romanciers anglais contemporains.—II. Max Kretzer, Der Holzhändler. T. I-II.—З. В. (849 стр.).—Ноябрь.—I. Théâtre de Meilhac et Halevy, t. I—II. H. Sudermann, „Johannisfeuer". Schausp. in 4 Akt.—З. В. (431 стр.).—Декабрь. —I. Guy de Maupassant, Les Dimanches d'un Bourgeois de Paris.—II. E. Schuré, Le Théâtre de l'Ame. — III. Werner, Vollendete und Ringende.—З. В. (848 стр.).

V. Изъ Общественной Хроники. Январь.—Нѣсколько характерныхъ процессовъ.—Значеніе Сената въ нашемъ судебномъ мірѣ.—Десятилѣтіе новаго суда въ остзейскомъ краѣ. — Выборные судьи. — Тульское общество взаимопомощи учащихъ и учившихъ. — Новыя правила объ учительскихъ съѣздахъ.—Нѣсколько газетныхъ извѣстій. — Т. И. Филипповъ (433 стр.). — Февраль.—Вопросъ объ отношеніяхъ губернскаго земства къ уѣзднымъ въ московскомъ губ. земскомъ собраніи.—Походъ въ печати противъ земства, окраинъ и всѣхъ «несогласно - мыслящихъ». — Инцидентъ съ г. Величко. — Сорокалѣтіе литературнаго фонда.—Разрядъ изящной словесности и почетные академики.—Смерть Д. В. Григоровича и

Г. Л. Верблоовскій †.—А. К. Шеллеръ (Михайловъ) †. (873 стр.).

VI. Библіографическій Листокъ. Январь.—Ссылка въ Сибирь, очеркъ ея исторіи и современнаго положенія.—В. В. Ивановскій, Вопросы государствовѣдѣнія, соціологіи и политики.—Я. Оровичъ, Женщина въ правѣ.—Н. Зинченко, Первое собраніе писемъ Бѣлинскаго.—П. Бартъ, Философія исторіи, какъ соціологіи.—Февраль.—Экономическій ростъ Европы, до возникновенія вліянія капиталистическаго хозяйства, М. М. Ковалевскаго.—Къ вопросу о реформѣ системы средняго образованія, въ особенности же классическихъ гимназій. Я. Г. Гуревича.—Всеобщая исторія съ IV стол. до нашего времени, Лависса и Рамбо, т. VI.—Сочиненія А. Луговаго, т. IV.—Генералиссимусъ князь Суворовъ, А. Петрушевскаго.—Адресная книга г. С.-Петербурга на 1900 г., П. О. Яблонскаго.—Мартъ.—Ученіе о Логосѣ въ его исторіи, кн. Н. Трубецкого.—Книга взрослыхъ. Составл. при участіи Х. Д. Алчевской, второй годъ.—Новые разсказы А. В. Верещагина.—Изслѣдованіе по исторіи развитія римской императорской власти, Э. Гримма.—Исторія матеріализма, Ф. А. Ланге, т. II.—Апрѣль.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова, кн. 14-ая.—Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ II, А. Н. Пыпина.—Литературные очерки, Ю. Веселовскаго.—Дома трудолюбія, М. Н. Дмитріева.—Родъ Шереметевыхъ, Александра Барсукова.—Май.—Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Томъ четвертый (и послѣдній). Съ примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова.—Романъ на Западѣ, за двѣ трети вѣка. Европейскій романъ въ XIX-мъ столѣтіи. П. Д. Боборыкина.—Всеобщій географическій и статистическій Карманный Атласъ. Проф. А. Л. Гикманъ и А. Ф. Марксъ.—Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга.—М. Г. Сыркинъ. Пластическія искусства. Опытъ эстетическаго изслѣдованія.—Іюнь.—Изъ прошлой дѣятельности. Н. В. Муравьева, т. I.—Три разговора, Влад. Соловьева.—Война и трудъ, М. В. Аничкова.—Народъ-богатырь, С. И. Рапопорта.—Іюль.—Кн. Эсперъ Ухтомскій. Къ событіямъ въ Китаѣ. Объ отношеніяхъ Запада и Россіи къ Востоку.—Качаровскій, Русская община. Томъ первый.—Сочиненія В. Д. Спасовича. Т. IX.—А. К. Булатовичъ. Съ войсками Менелика II. Дневникъ похода изъ Эѳіопіи къ озеру Рудольфа.—Августъ.—Стихотворенія. Владиміра Соловьева.—Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ. Проф. Г. Ѳ. Симоненко.—Проф. Р. Випперъ. Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв. въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ.—Б. Львовъ. Соціальный законъ. Опытъ введенія въ соціологію.—Питеръ Марицъ, молодой буръ изъ Трансвааля. А. Нимана. Пер. А. и П. Ганзенъ.—Сентябрь.—М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы.—А. Н. Мандельштамъ. Гаагскія конференціи о кодификаціи международнаго права. Т. I.—А. Кеппенъ, горный инженеръ. Соціальное законодательство Франціи и Бельгіи.—Н. Кабардинъ. О русскихъ нуждахъ.—Октябрь.—А. Д. Градовскій. Собраніе сочиненій. Томъ четвертый. Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Т. I-II.—Жоржъ Блондель. Торгово-промышленный подъемъ Германіи.—Инсаровъ. Современная Франція. Исторія третьей республики.—Гильомъ Ферреро. Милитаризмъ.—Ноябрь.—«Платформа», ея возникновеніе и развитіе. Перев. Н. Мордвиновой, п. р. проф. В. Дерюжинскаго.—Тэнъ, Ипп., Титъ Ливій. Перев. Е. И. Герье, п. р. проф. В. И. Герье.—Сборникъ законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. 2-е изд. В. И.

Вешняковъ, ч. II.—Заболотный, В. Опытъ къ раціональному разрѣшенію вопроса: «Что такое война?».—Мертваго, А. П. Не по торному пути.—Фофановъ, К. М. Иллюзіи. Стихотворенія.—Декабрь.—Д. Ровинскій, Русскія народныя картинки.—Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. 1856—1880 гг. Е. Лихачевой.—Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Томъ шестой.—А. И. Красносельскій, Міровоззрѣніе гуманиста нашего времени. Основы ученія Н. К. Михайловскаго.—Ник. Бердяевъ, Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи. Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ. Съ предисловіемъ Петра Струве.

VII. Извѣщенія.—Отъ Совѣта Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ (апр., 423). —Отъ Общества вспомоществованія литераторамъ и ученымъ въ Одессѣ (іюнь 419). Отъ Комитета литературнаго фонда (іюль, 882).—Отъ Казанскаго университета (авг., 432; сент., 436).— Отъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны (декабрь, 884).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ АВТОРОВЪ *).

*) Цифры при именахъ авторовъ обозначаютъ годы, въ отдѣльномъ каталогѣ которыхъ, выше, указаны статьи авторовъ и страницы тѣхъ книгъ, гдѣ онѣ помѣщены: каталогъ 96 года—на стр. 5; 97 года—на стр. 14; 98 года—на стр. 23; 99 года—на стр. 32; 900 года—на стр. 42.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Ровинскій, Д. — Русскія народныя картинки. Посмертный трудъ, печат. подъ наблюденіемъ Н. Собко. Т. I. Спб. 900. Стр. 286. Ц. за 2 тома 8 руб.

Въ Россіи начало искусства гравированія на деревѣ народныхъ картинокъ, своего рода иллюстрацій первоначально къ церковному тексту, явилось впервые во второй половинѣ XVI-го вѣка, одновременно съ искусствомъ книгопечатанія. Въ это время, въ западной Европѣ, гравированіе на деревѣ находилось уже на высокой степени совершенства, и рисунки на деревянныхъ доскахъ дѣлались такими знаменитыми художниками, какъ Дюреръ, Гольбейнъ и др. Распространеніе народныхъ картинокъ у насъ на сюжеты изъ древнихъ легендъ, сказокъ и на историческія событія, сдѣлало ихъ легкимъ средствомъ къ распространенію свѣдѣній, особенно въ эпоху почти всеобщей безграмотности. Д. Ровинскій, еще при жизни, успѣлъ приготовить богатое собраніе такихъ народныхъ картинокъ, издаваемыхъ нынѣ, послѣ его смерти, и расположилъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Вышедшій нынѣ первый томъ содержитъ въ себѣ обширное собраніе всякаго рода подобныхъ народныхъ картинокъ и иллюстрацій за три послѣдніе вѣка. Самое изданіе сдѣлано вполнѣ удовлетворительно и даже, можно сказать, роскошно.

Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи, 1856—1880 гг. Е. Лихачевой. Спб. 1901 г. Стр. 647. Ц. 4 р.

Настоящее изданіе составляетъ продолженіе труда того же автора, посвященнаго тому же предмету — въ предъидущую эпоху, а именно, начиная съ 1086 по 1856-й годъ. Это новое двадцатипятилѣтіе въ исторіи женскаго образованія въ Россіи открылось полнымъ осуществленіемъ мысли в. к. Елены Павловны призвать женщинъ къ практической общественной дѣятельности—учрежденіемъ крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія, руководителемъ которой сталъ извѣстный хирургъ Н. И. Пироговъ. Самое же женское образованіе дѣлало съ того времени постоянные успѣхи: съ одной стороны, было положено начало женскимъ гимназіямъ, а съ другой, прежніе институты подверглись нѣкоторымъ преобразованіямъ; одновременно съ тѣмъ, въ этотъ же періодъ времени, женщинамъ сдѣлалось доступно и высшее образованіе. Но все это совершалось не безъ колебаній и отступленій, что весьма подробно и обстоятельно изложено въ настоящемъ, новомъ выпускѣ матеріаловъ.

Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Томъ шестой. Спб. 1901. Стр. VII+635. Ц. 3 р.

Значительную часть этого тома составили статьи о „національномъ вопросѣ въ исторіи и въ литературѣ“, напечатанныя отдѣльною книгою въ 1873 году; къ нимъ присоединены позднѣйшія публичныя лекціи о томъ же предметѣ, нѣкоторыя журнальныя и многочисленныя газетныя статьи (изъ „Голоса“), относящіяся къ семидесятымъ и къ началу восьмидесятыхъ годовъ, по разнымъ принципіальнымъ вопросамъ нашей внутренней и внѣшней политики. Особенно интересна живая и остроумная полемика А. Д. Градовскаго противъ нашихъ мнимыхъ охранителей, проповѣдниковъ застоя и безправія.

А. И. Красносельскій. Міровоззрѣніе гуманиста нашего времени. Основы ученія Н. К. Михайловскаго. Спб. 1900 г. Стр. 96.

По мнѣнію г. Красносельскаго, сущность ученія г. Н. Михайловскаго заключается въ указаніи на полноту и цѣлостность развитія человѣческой личности какъ на идеалъ, къ которому слѣдуетъ стремиться: неуклонная, систематическая борьба за индивидуальность обезпечиваетъ человѣку „свободное, самостоятельное отношеніе къ дѣйствительности“, не позволяетъ ему обезличиться, „раздробить и съузить содержаніе личной жизни“ ради внѣшнихъ цѣлей и интересовъ. „Съ удивительною настойчивостью —замѣчаетъ авторъ—въ теченіе десятковъ лѣтъ г. Михайловскій держится основной своей идеи, съ неослабѣвающей силой самъ интересуется ея примѣненіемъ и привлекаетъ къ ней интересъ читателей, — безъ сомнѣнія, именно благодаря умѣнью находить въ этой идеѣ все новыя стороны, новыя иллюстраціи и подтвержденія ея плодотворности, новые выводы и примѣненія“. Г. Красносельскій неоднократно говоритъ о „чрезвычайной ясности“, прозрачности и убѣдительности мыслей г. Михайловскаго, и въ то же время онъ въ самомъ началѣ своего этюда отмѣчаетъ то обстоятельство, что многіе изъ постоянныхъ читателей и почитателей г. Михайловскаго „остаются при непониманіи общаго смысла его міровоззрѣнія—того, что связываетъ его многочисленныя работы въ одно цѣлое, т.-е., въ концѣ концовъ, безъ пониманія самаго цѣннаго въ его дѣятельности“. Это противорѣчіе между „чрезвычайной ясностью“ съ одной стороны и „непониманіемъ“ съ другой—не находитъ себѣ достаточнаго объясненія въ книжкѣ г. Красносельскаго.

Ник. Бердяевъ. Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи. Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ. Съ предисловіемъ Петра Струве. Спб., 1901.

Разборъ идей г. Михайловскаго даетъ гг. Бердяеву и Струве поводъ заявить о торжествѣ новаго, единственно-вѣрнаго и глубоко-философскаго направленія („нашего направленія“), противъ котораго напрасно, будто бы, возражалъ г. Михайловскій. Истина заключается только въ „марксизмѣ“, исправленномъ и дополненномъ его многочисленными русскими истолкователями, съ г. Струве во главѣ. Великія научныя достоинства и заслуги этой доктрины превозносятся съ необыкновенною развязностью въ книгѣ г. Бердяева и въ длинной вступительной статьѣ г. Струве, при чемъ оба автора говорятъ такимъ тономъ, какъ будто они сами придумали или изобрѣли ученіе Маркса, существующее, однако, уже больше тридцати лѣтъ. Оба они весьма рѣзко отвергаютъ взгляды г. Михайловскаго и относятся къ нимъ вообще отрицательно. Книга кончается словами: „направленіе, которому онъ служилъ, умерло, и новая мысль воздвигаетъ на его развалинахъ свой храмъ“. „Новая мысль“ гг. Бердяева и Струве можетъ казаться новою только малосвѣдущимъ и наивнымъ людямъ, а воздвигаемый ими храмъ есть только плодъ самообольщенія, граничащаго съ рекламою.

3 2044 010 638 385

DUE FEB 24 1916
CANCELLED
WIDENER
BOOK DUE
JUL 3 0 1990

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.
A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.
Please return promptly.
DUE FEB 24 1916
CANCELLED
WIDENER
BOOK DUE
JUL 3 0 1990